И. Ѳ. Бабковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

МОЕЙ СЛУЖБѢ

въ Западной Сибири.

1859—1875 г.

Разграниченіе съ Западнымъ Китаемъ 1869 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1912.

И. Θ. Бабковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

МОЕЙ СЛУЖБѢ

въ Западной Сибири.

1859—1875 г.

Разграниченіе съ Западнымъ Китаемъ 1869 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Θ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1912.

Поправки.

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
10	16 снизу	Аблайхакова	Аблайханова
10	5 »	Аячузъ	Аягузъ
16	14 сверху	Копалы	Копала
16	16 снизу	попрочности	по прочности
41	6 »	этя	эти
41	17 сверху	Кокчетова	Кокчетава
47	21 »	А потому и приводятся полностью въ приложеніи вмѣстѣ съ замѣчаніями на нихъ, сдѣланными Г. Х. Гасфордомъ.	А потому и приводятся полностью въ приложеніи.
48	6 »	Тамарское	Талгарское
63	15 снизу	Іейхъ	Ѣ-линъ-чень (по англійскому правописанію—Yeh)
64	13 сверху	Парперомъ	Ридомъ (Reed)
65	20 »	22 мая	17 мая
65	22 »	4 іюня	22 мая
65	25 »	6 іюня	27 мая
65	15 снизу	17 іюня	1-го іюня
65	10 »	Брюсомъ	лордомъ Эльгиномъ
65	7 »	Брюсъ и Бурбулонъ	вновь назначенные посланники Брюсъ и Бурбулонъ
66	12 сверху	Бейтонъ	Бейтанъ
68	20 »	Лордъ Эльгинъ	Снова возвратившійся въ Китай лордъ Эльгинъ
73	17 снизу	1-го іюля	1-го іюня
84	1 »	Алатовскимъ	Алатавскимъ
86	6 »	по консула Скачкова	по мнѣнію консула Скачкова
110	16 »	(1841—1842)	1853
141	17 »	«ce sera Ie mieux je crois»	«ce sera le mieux je crois»

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
156	8 »	Минъ	Дай-цинъ
157	3 »	въ земляхъ Средней Азіи	(уничтожить эти слова)
192	16 »	Музорта	Музарта
210	19 сверху	но зато не требуетъ болѣе средствъ для его охраны	но зато потребуетъ болѣе средствъ для ея охраны
213	1 »	или	ими
229	5 снизу	трактата	тракта
240	13 сверху	Кеченъ	Кегенъ
262	15 »	сославшись	согласившись
291	21 снизу	инсургенціи	инсуррекціи
295	4 сверху	суприматію	суприматію
300	12 »	Боркуль	Баркюль (Чжень-си-тинъ)
304	22 снизу	или	ими
332	20 сверху	были прямо порицательны	было прямо поразительно
333	10 снизу	и	у
334	24 сверху	и	о
399	14 »	о чемъ будетъ подробно объяснено въ своемъ мѣстѣ	(уничтожить эти слова)
414	16 »	Саркандыкъ	Саркалдыкъ
414	16 »	Аталой Атмечоковъ	Алатай Матмечоковъ
492	1 »	управляютъ»	управляются».
492	8 снизу	селонцахъ	солонцахъ
506	9 »	4-го сентября	5-го сентября
511	13 »	Гарди	Гердъ (Heard)
528	19 »	Холдѣеву	Халдѣеву
530	21 сверху	отдѣлитъ	отдѣлить
536	17 »	испѣхомъ	успѣхомъ
536	14 снизу	Суйдунѣ	Суйдуномъ
550	6 »	веселъ: Его присутствіе	веселъ. Его присутствіе

Оглавленіе.

стр.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

Часть IV.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

стр.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ЗАПИСКИ
О МОЕЙ СЛУЖБѢ
ВЪ СИБИРИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1912.

И. Ѳ. Бабковъ.

Генералъ-отъ-Инфантеріи Иванъ Ѳеодоровичъ Бабковъ родился въ Петербургѣ въ 1827 г. Окончивъ курсъ наукъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ и Главномъ Инженерномъ училищѣ (нынѣ Николаевская Инженерная и Генеральнаго Штаба Академіи), И. Ѳ. Бабковъ былъ причисленъ къ Генеральному Штабу съ назначеніемъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ. На службу въ Сибирь И. Ѳ. Бабковъ прибылъ въ 1857 г. въ званіи начальника штаба 24-й пѣхотной дивизіи (въ Тобольскѣ). Въ 1859 г. И. Ѳ. былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ корпуснаго штаба въ Омскѣ; въ 1865 г., по образованіи Сибирскаго военнаго округа, былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба, а въ 1869 г. и начальникомъ штаба того-же округа. Эту должность И. Ѳ. несъ до выхода своего въ отставку (1890 г.). Въ 80-хъ годахъ И. Ѳ. Бабковъ неоднократно исправлялъ должность Степного Генералъ-Губернатора.

Прослуживъ въ Сибири болѣе 30 лѣтъ и исполняя нѣсколько важныхъ государственныхъ порученій, И. Ѳ. Бабковъ имѣлъ возможность изучить Западную Сибирь и Киргизскую степь. Результатами этого изслѣдованія являются статьи И. Ѳ. Бабкова, напечатанныя въ отчетахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о геодезическихъ и астрономическихъ работахъ Западной Сибири и Киргизской степи. По географіи Киргизской степи И. Ѳ. Бабковымъ были напечатаны статьи: «Общій взглядъ на устройство русскихъ поселеній сѣверо-восточ-

ной части Киргизской степи», «Вѣсти изъ Чугучака» и «О ходѣ топографическихъ изслѣдованій озера Балхашъ и его прибережій». Въ 1866 г. послѣдняя работа была удостоена Центральнымъ Географическимъ обществомъ награжденія серебряной медалью.

Въ 1862 г. И. Ѳ. Бабковъ былъ назначенъ полномочнымъ комиссаромъ по разграниченію съ Западнымъ Китаемъ и съ успѣхомъ выполнилъ свою отвѣтственную задачу. За организацію топографическихъ работъ въ районѣ бывшаго Сибирскаго корпуса и за успѣшность производства ихъ И. Ѳ. Бабковъ получилъ въ 1863 г. благодарность отъ Военнаго Министра Д. А. Милютина. За составленную подъ руководствомъ И. Ѳ. Бабкова рельефную карту Семирѣченской области онъ былъ Высочайше награжденъ золотымъ перстнемъ.

Съ 1867—1868 г. И. Ѳ. Бабковъ исправлялъ должность военнаго губернатора Семипалатинской области. Въ то время пограничные киргизы были взволнованы первыми попытками подчинить вольную ихъ страну русской власти. Предполагалось основать въ нынѣшнемъ Зайсанскомъ уѣздѣ крѣпость. И. Ѳ. Бабковъ вмѣсто крѣпости основалъ городъ Зайсанъ и замирилъ край, не прибѣгая ни къ какимъ экстраординарнымъ предпріятіямъ. Послѣдующее оправдало политику И. Ѳ. Бабкова, обнаружившаго глубокое пониманіе мирнаго характера киргизскаго народа, нуждавшагося въ водвореніи законности и права.

Въ 1863 г., по проекту И. Ѳ. Бабкова, была организована такъ называемая *Зайсанская экспедиція*, и пароходъ этой экспедиціи *„Ура“* впервые появился на водахъ Чернаго Иртыша, на этомъ далекомъ рубежѣ Киргизской степи, сопредѣльномъ съ Западной Монголіей. Пароходъ, перейдя озеро Зайсанъ, зашелъ въ Черный Иртышъ и дошелъ до урочища Акъ-Тюбе. Такимъ образомъ, еще въ 1863 г., экспедиціею была установлена возможность прямого сообщенія Зайсанскаго края съ г. Омскомъ и пароходства по Черному Иртышу для торговли съ Китаемъ.

Въ 1869 г. И. Ѳ. Бабковъ произвелъ постановку государственной границы съ Китаемъ отъ Шабина-Дабага до Хабаръ-асу, а въ 1883 г.—отъ Большого Алтайскаго хребта до горы Мусъ-тау, въ хребтѣ Саурѣ (во исполненіе VIII и IX статей Петербургскаго договора 1881 г., опредѣлявшихъ измѣненіе границы, установленной въ 1864 г. Чугучакскимъ протоколомъ). Во время разграничительныхъ работъ 1869 г. И. Ѳ-чемъ произведены были географическія изслѣдованія границы съ Китаемъ. Отчеты объ этихъ изслѣдованіяхъ помѣщены въ «Извѣстіяхъ» Географическаго Общества въ V и VI томахъ; во 2 выпускѣ VII тома тѣхъ же «Извѣстій» И. Ѳ. Бабковъ напечаталъ «Свѣдѣнія о горныхъ проходахъ въ Южномъ или Пограничномъ Алтаѣ».

И. Ѳ. Бабковъ съ 1860 г. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Географическаго Общества, а съ 1877 г. былъ первымъ предсѣдателемъ Западно-Сибирскаго Географическаго Отдѣла.

Предсѣдательствуя въ Западно-Сибирскомъ Географическомъ Отдѣлѣ съ самаго основанія его и до окончательнаго отъѣзда изъ Омска, въ теченіе болѣе 12 лѣтъ, И. Ѳ. Бабковъ принималъ самое близкое участіе въ дѣятельности Отдѣла. При немъ было выработано «Положеніе» объ Отдѣлѣ, при немъ учрежденъ и Распорядительный Комитетъ (въ 1882 г.), при немъ Отдѣлъ осуществилъ большинство своихъ экспедицій. Заботы И. Ѳ. о привлеченіи къ Отдѣлу сотрудниковъ обратятъ на себя вниманіе каждаго, кто познакомится съ архивомъ Отдѣла. Покинувъ Омскъ и живя отъ него весьма далеко, И. Ѳ. не только не порвалъ связи съ Отдѣломъ, но, наоборотъ, старался закрѣпить ее, о чемъ свидѣтельствуютъ отчеты Отдѣла за 1902—1904 г. г.

Выйдя въ отставку и поселившись въ Крыму, въ г. Ѳеодосіи, И. Ѳ. Бабковъ сталъ писать воспоминанія о своей службѣ въ Сибири. Смерть помѣшала ему окончить свой трудъ, которому онъ посвятилъ 15 лѣтъ. До

послѣднихъ дней своей жизни И. Ѳ. живо интересовался литературой, политикой и особенно сибирской жизнью. Воспоминанія И. Ѳ. доведены имъ лишь до 1875 г. Дѣятельность же Генералъ-Губернаторовъ Н. Г. Казнакова, Г. В. Мещеринова и Г. А. Колпаковскаго онъ не успѣлъ написать. Красная нить этихъ воспоминаній это—Чугучакскій протоколъ, въ заключеніи котораго И. Ѳ. принималъ дѣятельное участіе на-ряду съ И. И. Захаровымъ и друг.

Предлагаемыя воспоминанія изданы, благодаря благосклонному содѣйствію барона Ѳеодора Романовича Остенъ-Сакена, въ томъ видѣ, какъ они были написаны покойнымъ. И. Ѳ. скончался въ Ѳеодосіи 21-го Октября 1905 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я прослужилъ въ Сибири болѣе 30-ти лѣтъ при шести генералъ-губернаторахъ. При четырехъ, въ томъ числѣ: генералъ-адъютантахъ Хрущовѣ, Казнаковѣ и Мещериновѣ, состоялъ въ должности начальника штаба.

Всѣ эти лица, по своему образованію, характеру, административнымъ способностямъ и взглядамъ, усвоеннымъ ими на разныя отрасли управленія такимъ обширнымъ краемъ, какъ Сибирь, весьма рѣзко отличались другъ отъ друга. Служить при начальникахъ съ такими разнообразными характерами и взглядами на одно и то же дѣло, было для меня не легко. На этомъ скользкомъ поприщѣ мнѣ нерѣдко приходилось находиться между Сциллою и Харибдою. Я чувствовалъ, что утомился жизнью и рѣшилъ выйти въ отставку и даже отклонить лестное предложеніе Военнаго Министра занять мѣсто коменданта Варшавской крѣпости, обѣщавшее и въ будущемъ дальнѣйшее повышеніе по службѣ. Оставляя службу, я оставлялъ позади себя или, лучше сказать, окончательно избавлялся отъ разныхъ служебныхъ интригъ, зависти, зломыслія и злоязычія, а также и отъ надменныхъ выходокъ противъ меня людей, подъ поддѣльнымъ служебнымъ величіемъ которыхъ иногда скрывалось полнѣйшее ничтожество.

Да! Освободившись отъ всего этого зла, я могъ сказать словами нашего извѣстнаго поэта:

О, наконецъ! Изъ вражескаго стана
Я убѣжалъ израненный боецъ.......
Изъ міра лжи, измѣны и обмана
Полуживой я спасся наконецъ!

Съ выходомъ въ отставку я могъ свободно располагать своимъ временемъ и тогда зародилась у меня мысль писать записки о моей службѣ въ Сибири. Мысль эта была одобрена многими уважаемыми мною лицами, съ которыми я познакомился, проживая въ Крыму и Одессѣ. Исполняя нѣсколько важныхъ государственныхъ порученій и находясь по службѣ въ близкихъ отношеніяхъ къ лицамъ, управлявшимъ войсками и обширнымъ Сибирскимъ краемъ, я былъ свидѣтелемъ и участникомъ многихъ событій политическаго характера, совершившихся въ Западной Сибири въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ съ 1860 по 1890 г., а также былъ хорошо знакомъ съ ходомъ административныхъ преобразованій въ этомъ краѣ и условіями его экономической жизни. Замѣтки мои объ этихъ событіяхъ и лицахъ, управлявшихъ краемъ, быть можетъ, покажутся небезъинтересными для тѣхъ, кто будетъ читать мои записки. И если, читая ихъ, они вспомнятъ обо мнѣ съ участіемъ и помянутъ меня добрымъ словомъ, то это будетъ для меня величайшей наградой.

Мои воспоминанія о службѣ въ Западной Сибири.

Часть первая.

Глава I.

Отъѣздъ изъ Тобольска.—Впечатлѣніе, произведенное на меня Омскомъ.—Преобладаніе нѣмецко-польскаго элемента въ составѣ начальствующихъ лицъ.—Причины, вызвавшія недружелюбное отношеніе ко мнѣ корпуснаго командира генерала Гасфорда.

6-го іюня 1858 года состоялось мое назначеніе оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго сибирскаго корпуса. Отправляясь въ Омскъ, я безъ особаго сожалѣнія оставилъ скучный, холодный и болотистый Тобольскъ, въ которомъ пробылъ два года на должности начальника штаба 24-й пѣхотной дивизіи.

Въ то время, т. е. въ 1858 году Омскъ показался мнѣ незначительнымъ уѣзднымъ городомъ средней руки. Большая часть домовъ въ немъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, были деревянные. Тогда Омскъ далеко не имѣлъ того вида, который онъ пріобрѣлъ въ послѣдствіи, когда стараніями генералъ-губернатора Западной Сибири, генералъ-адъютанта Казнакова, онъ украсился многими хорошими каменными зданіями, какъ казенными, такъ и частными, скверами, театромъ и проч. Омскъ основанъ въ царствованіе Петра Великаго въ 1716 году, а Омская крѣпость въ 1759 году. Въ 1838 году, при генералъ-губернаторѣ князѣ Горчаковѣ, было переведено въ Омскъ изъ Тобольска военное и гражданское управленіе Западной Сибирью. Такимъ образомъ, Омскъ, почти съ самаго своего основанія, пріобрѣлъ значеніе административнаго центра, которое и удержалъ за собою и по

настоящее время. Омская крѣпость была расположена на правомъ берегу р. Иртыша, въ углу, образуемомъ этою рѣкою и правымъ же берегомъ рѣчки Оми при устьѣ ея, и въ мое время утратила всякое военное значенiе и въ скоромъ времени была совершенно упразднена.

Первое, что меня нѣсколько озадачило по прiѣздѣ въ Омскъ,—это иноплеменный составъ высшихъ начальствующихъ лицъ: всѣ они, по происхожденiю, принадлежали къ иностраннымъ народностямъ и большинство были иновѣрцы. Корпусный командиръ—генералъ Гасфордъ, военный губернаторъ области Сибирскихъ киргизовъ, имѣвшiй свое мѣстопребыванiе въ Омскѣ, генералъ фонъ-Фридрихсъ—оба нѣмцы-лютеране; комендантъ крѣпости генералъ де-Граве и мой предмѣстникъ генералъ баронъ Сильвергельмъ—оба шведы-лютеране. Помощникъ военнаго губернатора—полковникъ Гутковскiй—полякъ, наказной атаманъ Сибирскихъ казаковъ генералъ Кринскiй—полякъ, дежурный штабъ-офицеръ корпуснаго штаба маiоръ Круликевичъ—тоже полякъ, начальникъ артиллерiи генералъ фонъ-Вилькенъ—нѣмецъ, начальникъ штаба, генералъ Гинтовтъ, кажется,—литвинъ. Впрочемъ, его скоро смѣнилъ шведъ—Кроiерусъ. Такимъ образомъ, на омскомъ горизонтѣ появился еще третiй шведъ, который, по усвоенному русскими шведами и нѣмцами правилу, тотчасъ же, по вступленiи въ должность, почелъ долгомъ позаботиться о своихъ финляндскихъ сособратьяхъ и вскорѣ успѣлъ пристроить двухъ на хлѣбныя, по тогдашнему времени, должности: маiора Амондта на должность командира линейнаго батальона въ Омскѣ, несмотря на то, что этотъ шведъ никогда не служилъ въ пѣхотѣ и не имѣлъ никакого понятiя о строевой пѣхотной службѣ, въ особенности по введенному, незадолго передъ тѣмъ, новому уставу. Покровительство начальника штаба Кроiеруса помогло Амондту удержаться на должности во все время командованiя корпусомъ Дюгамеля. Но вскорѣ по прiѣздѣ въ Омскъ новаго корпуснаго командира Хрущева,—онъ тотчасъ же былъ уволенъ. Другому финляндцу—Гартлингу—была предоставлена должность смотрителя омскаго госпиталя. По поводу этого ходатайства Кроiеруса о Гартлингѣ въ Главномъ Штабѣ были крайне изумлены, какъ передавалъ мнѣ впослѣдствiи мой хорошiй товарищъ: сибирякъ, Лавръ Никаноровичъ Клугенъ, бывшiй въ то время помощникомъ начальника Главнаго Штаба. Неужели, говорилъ онъ мнѣ, мѣстное начальство Западной Сибири не могло найти въ Омскѣ ни одного подходящаго офицера, способнаго быть смотрителемъ госпиталя, и заставило насъ выписывать непремѣнно шведа Гартлинга съ самаго

сѣвера Финляндiи, чуть-ли не изъ Улеаборга! Самъ Гасфордъ въ то время имѣлъ чисто нѣмецкiй антуражъ. Такъ, адъютантами у него были: два брата Блюменталь, Экебладъ, котораго смѣнилъ Фридериксъ, а потомъ Врангель. Затѣмъ, при Гасфордѣ, состояли еще прикомандированные офицеры вродѣ ординарцевъ: Гинце и киргизъ Валихановъ.

Словомъ сказать, не было ни одного человѣка съ русской фамилiей. Такимъ образомъ, по прiѣздѣ въ Омскъ, я сразу попалъ въ какую-то нѣмецкую колонiю. Для меня, какъ вновь прiѣхавшаго, такъ сказать, свѣжаго человѣка, болѣе всего казалось страннымъ, что здѣсь на этой далекой окраинѣ Русскаго Государства носителями Русскаго знамени и представителями русскихъ государственныхъ началъ и русской народности—были нѣмцы и поляки.

Невольно припоминается при этомъ слѣдующая извѣстная пѣсня: «Чѣмъ я западъ огорчила (пѣть приходится Руси). Али тѣмъ, что такъ любила, что и Боже упаси! Родилась я съ добрымъ сердцемъ, вотъ въ чемъ горе все мое; у меня-ли всякимъ шмерцамъ нераздольное житье? О германцахъ ужъ ни слова: имъ всѣ льготы и почетъ; имъ рожна еще какого на Руси не достаетъ, денегъ имъ я сыплю груду, на награды не скуплюсь, и куда не глянь, повсюду или нѣмецъ иль кракусъ».

По прiѣздѣ въ Омскъ, кромѣ предстоявшей мнѣ трудности орiентироваться въ средѣ нѣмецкаго начальства, я, сверхъ того, неблагопрiятно сложившимися обстоятельствами и совершенно случайно былъ поставленъ въ непрiязненныя отношенiя къ моему начальнику генералу Гасфорду. Чтобы объяснить причину, вызвавшую эти отношенiя, необходимо возвратиться ко времени моего отъѣзда изъ Петербурга въ Сибирь.

Назначенiе меня начальникомъ штаба 24-й пѣхотной дивизiи, расположенной въ районѣ западно-сибирскаго генералъ-губернаторства, т. е. въ губернiяхъ: Тобольской и Томской и въ областяхъ: Сибирскихъ киргизовъ и Семипалатинской, совпало со временемъ учрежденiя въ нашемъ Генеральномъ Штабѣ новой должности начальниковъ дивизiонныхъ штабовъ взамѣнъ прежнихъ дивизiонныхъ квартирмейстеровъ. Тогдашнее высшее начальство Генеральнаго Штаба: генералъ-квартирмейстеръ Главнаго Штаба баронъ Вильгельмъ Карловичъ Ливенъ и вице-директоръ департамента Генеральнаго Штаба, генералъ Антонъ Антоновичъ Скалонъ, принимали въ дѣлѣ учрежденiя этой новой должности, повидимому, самое дѣятельное участiе. А потому, какъ баронъ Вильгельмъ Карловичъ, такъ и въ особенности Антонъ Антоновичъ Скалонъ, убѣдительно просили меня подробно писать о моей слу-

жебной дѣятельности въ Сибири. Понятно, что они, какъ стоящіе во главѣ корпуса офицеровъ Генеральнаго Штаба, интересовались знать, какъ вновь учрежденная должность будетъ принята въ войскахъ нашей арміи и въ какой степени окажется на практикѣ вполнѣ цѣлесообразною военно-административною мѣрою. Антонъ Антоновичъ Скалонъ, къ которому я, передъ отъѣздомъ въ Сибирь, ѣздилъ откланиваться, принялъ меня чрезвычайно любезно, обѣщалъ всевозможное содѣйствіе и при прощаніи вновь высказалъ, что онъ съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать моего письма изъ Сибири—его родины. Оказалось, что Антонъ Антоновичъ родился въ деревнѣ Андронкиной въ 138½ верстахъ отъ Омска. Отецъ Ант. Ант. былъ заслуженный генералъ и георгіевскій кавалеръ. Ввѣренные ему драгунскіе полки, расположенные въ Сибири, въ 1811 году, когда уже надвигалась на Россію гроза Наполеонова нашествія, были выведены изъ Сибири и въ 1812 году поступили въ составъ одной изъ западныхъ армій, дѣйствовавшихъ противъ французовъ. Въ одномъ изъ первыхъ сраженій, въ которыхъ участвовали эти сибирскіе полки, а именно подъ г. Смоленскомъ, отецъ Антона Антоновича былъ убитъ.

Исполнить порученіе Ант. Ант. Скалона, т. е. писать ему въ Петербургъ о всемъ мною видѣнномъ по военной части и, главнымъ образомъ, по предметамъ, входящимъ въ кругъ моихъ обязанностей по званію начальника дивизіоннаго штаба, я не могъ въ скоромъ времени по пріѣздѣ въ Сибирь. Необходимо было осмотрѣться на мѣстѣ и затѣмъ ознакомиться съ краемъ и войсками дивизіи, расположенной на громадномъ пространствѣ Западной Сибири и Киргизской степи, занимающей площадь въ 3.104.000 кв. верстъ и равною почти всему материку Западной Европы.

Получивъ разрѣшеніе корпуснаго командира Гасфорда на осмотръ войскъ дивизіи я, зимою 1858—1859 года, выѣхалъ изъ Тобольска въ Омскъ, Каинскъ, Колывань, Томскъ, Маріинскъ, Барнаулъ, Бійскъ, Кузнецкъ, Усть-Каменогорскъ, Семипалатинскъ, Сергіополь и Копалъ и оттуда обратно черезъ Семипалатинскъ и Омскъ въ Тобольскъ. О результатахъ произведеннаго мною осмотра войскъ, ихъ управленій и заведеній я представилъ донесеніе по начальству и, кромѣ того, и о дѣятельности моей собственно по управленію дивизіоннымъ штабомъ, подробно и съ полною откровенностью увѣдомилъ конфиденціальнымъ письмомъ А. А. Скалона, упомянувъ въ самомъ началѣ письма, что я пишу, исполняя его желаніе, высказанное мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Сибирь. Понятно, что такое желаніе, высказанное моимъ на-

чальникомъ и притомъ лицомъ высоко стоящимъ въ корпусѣ офицеровъ Генеральнаго Штаба,—было для меня равносильно приказанію. Но, исполняя это приказаніе, я полагалъ однако же, что все высказанное мною въ упомянутомъ выше письмѣ, собственно для свѣдѣнія Ант. Ант. Скалона, будетъ имѣть конфиденціальный характеръ и, слѣдовательно, останется между нами. Каково же было мое удивленіе, когда черезъ довольно короткое время послѣ отправленія моего письма получилъ я оффиціальную бумагу отъ генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба, генералъ-адъютанта барона Вильгельма Карловича Ливена, въ которой онъ увѣдомлялъ меня, что письмо мое было доложено имъ Военному Министру, который, по прочтеніи его, приказалъ объявить мнѣ благодарность за полезную дѣятельность по званію начальника дивизіоннаго штаба. То же самое сообщилъ мнѣ письмомъ и Ант. Ант. Скалонъ, присовокупивъ при этомъ, что онъ искренно благодаритъ меня за усердіе на пользу службы и добрую славу нашего Генеральнаго Штаба. Въ довершеніе всѣхъ этихъ неожиданностей, письмо мое, съ весьма лестными для меня отмѣтками на поляхъ Военнаго Министра генералъ-адъютанта Сухозанета (копія съ моего письма къ А. А. Скалону находится въ числѣ приложеній къ этимъ воспоминаніямъ),—было препровождено къ корпусному командиру генералу Гасфорду, съ приказаніемъ объявить мнѣ благодарность въ приказѣ по корпусу. Конечно, все это было исполнено Гасфордомъ, но приказъ былъ отданъ имъ въ самыхъ сдержанныхъ выраженіяхъ, только для соблюденія одной формальности, и самъ Гасфордъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, старался мстить мнѣ за то, что письмо мое было получено имъ, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ. Къ счастью, это продолжалось недолго и въ слѣдующемъ 1860 году состоялось назначеніе новаго корпуснаго командира генерала Александра Іосифовича Дюгамеля.

Глава II.

Послѣдніе годы управленія Западной Сибирью генерала Гасфорда. Краткій очеркъ положенія дѣлъ на юго-востокѣ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства въ періодъ времени съ 1840—1860-й годъ. Занятіе Семирѣченскаго и Заилійскаго края и возведеніе укрѣпленій: Копальскаго и Вѣрнаго. Приготовленія къ Зачуйской экспедиціи для овладѣнія Кокандскими укрѣпленіями: Токмакомъ и Пишпекомъ. Назначеніе полковника Циммермана начальникомъ Зачуйскаго отряда. Взятіе Токмака и Пишпека и возвращеніе Циммермана въ Омскъ. Ссора его съ наказнымъ атаманомъ генераломъ Кринскимъ. Нѣсколько словъ о сибирскихъ казакахъ.

Въ послѣдніе два года своего управленія Западной Сибирью Густавъ Христіановичъ Гасфордъ былъ озабоченъ подготовле-

ніемъ средствъ и способовъ къ снаряженію военной экспедиціи для овладѣнія Кокандскими укрѣпленіями: Токмакомъ и Пишпекомъ. Эта мѣра признавалась необходимою для упроченія нашей власти надъ киргизами въ Заилійскомъ краѣ, гдѣ, въ 1854-мъ году, у подножія горъ Алату на р. Алматѣ, было возведено укрѣпленіе Вѣрное, нынѣ городъ того же имени.

Переходя къ описанію экспедиціи за р. Чу, для взятія упомянутыхъ выше Кокандскихъ укрѣпленій, считаю необходимымъ предварительно сдѣлать краткій очеркъ тогдашняго положенія дѣлъ на юго-востокѣ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства.

Извѣстно, что въ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ условной границей, отдѣляющей наши владѣнія въ южной части Киргизской степи отъ независимыхъ, въ то время, киргизскихъ племенъ Большой и Дикокаменной орды, служила р. Лепса. 1847 годъ долженъ считаться началомъ постепеннаго перехода киргизъ Большой орды въ подданство Россіи. 17 февраля этого года былъ Высочайше утвержденъ докладъ Государственнаго Канцлера Иностранныхъ Дѣлъ, въ которомъ были изложены основанія для управленія Большою ордою. По многимъ соображеніямъ признано неудобнымъ ввести въ Большой ордѣ ту систему управленія киргизами, которая была установлена въ Средней ордѣ. А потому, для сохраненія порядка и удержанія въ повиновеніи новыхъ подданныхъ, рѣшено было всемѣрно поддерживать власть и вліяніе главнѣйшихъ родоначальниковъ, султановъ: Сюки Аблайхакова, Али Адилева и Гакима Куланова, котораго въ 1850 году смѣнилъ усыновленный имъ Тезекъ Нураліевъ.

Для упроченія же нашего вліянія на орду черезъ сихъ султановъ, былъ назначенъ къ нимъ приставъ изъ военныхъ штабъ-офицеровъ.

Бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ Западной Сибири генералъ князь Горчаковъ находилъ необходимымъ, для твердой постановки русскихъ дѣлъ на юго-востокѣ Киргизской степи, взамѣнъ содержанія постояннаго военнаго отряда въ Большой ордѣ, какъ въ началѣ предполагалось,—переселить въ степь съ Бійской линіи весь 9-ый казачій полкъ и тѣмъ положить начало русской осѣдлости на этой окраинѣ Имперіи. Переселеніе казаковъ, начатое въ 1848 году, было окончено въ 1850-мъ. Новыя казачьи поселенія основаны были при укрѣпленіяхъ Аягузскомъ, Кокпектинскомъ и Копальскомъ (нынѣ города того же имени).

Съ занятіемъ Копала, возведеннаго въ такъ называемой долинѣ Джонке, условная граница нашихъ владѣній въ Киргизской

степи отодвинулась сначала къ р. Караталу, а затѣмъ и къ р. Или, хотя въ дѣйствительности эта рѣка не могла считаться пограничной чертой, на томъ основаніи, что многіе роды киргизъ Большой орды, считавшіеся въ нашемъ подданствѣ, кочевали за рѣкой Или. Въ сущности же и самое подданство этихъ киргизъ, въ то время, было скорѣе номинальнымъ: не имѣя опорныхъ пунктовъ за р. Или, удерживать въ безусловной покорности нашихъ Заилійскихъ подданныхъ войсками, содержимыми на Копалѣ, было невозможно. Такимъ образомъ и на этотъ разъ, при принятіи Большой орды въ наше подданство, повторилась старая и общеизвѣстная истина, что принять въ подданство кочевниковъ гораздо легче, чѣмъ въ послѣдствіи удержать ихъ въ повиновеніи. Точно также и китайцы, вслѣдствіе миролюбивой политики, а отчасти и слабости мѣстныхъ илійскихъ (кульджинскихъ) властей, не могли воздерживать пограничныхъ киргизъ въ предѣлахъ совершенной покорности своей власти. Вообще вліяніе ихъ на киргизъ, которое они успѣли пріобрѣсти послѣ покоренія Чжунгаріи въ царствованіе императора правленія Цзянь-Лунь въ 1757 году, въ послѣдствіи значительно утратило прежнее свое значеніе.

Такой перемѣной въ политическомъ бытѣ киргизовъ Большой орды не замедлили воспользоваться кокандцы. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, при ханѣ Мухамедѣ-Али, они уже построили небольшія укрѣпленія (курганы) въ кочевьяхъ Дикокаменныхъ киргизовъ, а въ Большую орду, для удержанія ея въ своемъ повиновеніи и сбора съ киргизомъ зякета или подати, начали высылать отряды, доходившіе до р. Каратала. Кончина сего хана въ 1842 году и возникшія послѣ его смерти междоусобія въ Кокандѣ хотя и ослабили власть и вліяніе кокандцевъ въ Большой ордѣ, но они вновь усилились при правителѣ Ташкента, Норъ-Мухамедѣ.

Въ 1847 году прибылъ посланникъ отъ кокандскаго хана-Абдулла-Амуровъ по дѣлу о постройкѣ нами Раимскаго укрѣпленія на р. Сыръ-Дарьѣ. Съ этимъ посланцемъ князь Горчаковъ отправилъ письмо къ самовластному въ то время въ Кокандѣ лицу: Минъ-бангъ-Мусульманъ-Кулу. Въ этомъ письмѣ было сообщено, между прочимъ, что дѣйствія кокандцевъ относительно киргизъ Большой орды, поступившихъ въ подданство Россіи, и Дикокаменныхъ, находящихся подъ нашимъ покровительствомъ, могутъ возбудить сомнѣнія нашего правительства, и что ханъ, дорожа дружбою Россіи, вѣроятно не допуститъ продолженія такихъ поступковъ, которые само правительство наше не иначе можетъ почесть, какъ намѣреніемъ нарушить дружескія связи. Кромѣ того, къ кокандскому хану была отправлена Высочайшая грамота, въ

которой было ему объявлено, что до тѣхъ поръ, пока правительство Коканда будетъ поступать соотвѣтственно правиламъ дружбы и добраго сосѣдства, до тѣхъ поръ миръ и взаимное согласіе между Россійской Имперіей и Кокандскимъ владѣніемъ будутъ оставаться ненарушимыми. Но всѣ эти внушенія съ нашей стороны Кокандскому правительству не оказали на него желаемаго дѣйствія.

Правитель Ташкента Норъ-Мухамедъ продолжалъ по-прежнему высылать въ кочевья киргизъ Большой орды своихъ эмиссаровъ съ возмутительными воззваніями къ народу, который кокандцы постепенно успѣли склонить на свою сторону. Вліяніе кокандцевъ въ средѣ киргизъ Большой орды въ особенности рѣзко выказалось тѣмъ, что въ прежнее время, по сборѣ съ кочевниковъ зякета, отряды ихъ обыкновенно удалялись въ свои предѣлы. Но съ конца сороковыхъ годовъ, кокандцы начали оставлять на зиму гарнизоны въ возведенныхъ ими укрѣпленіяхъ въ Заилійскомъ краѣ. Такъ, въ 1849 году одинъ кокандскій отрядъ оставилъ гарнизонъ изъ 79 человѣкъ въ укрѣпленіи близъ Тоучубека, на р. Каскеленѣ, и 10 хокандцевъ заняли другое укрѣпленіе, построенное въ верховьяхъ р. Чилика и принадлежащее султану Большой орды Рустему.

Но, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ кокандцами, султаны Рустемъ и Али-Адилевъ, въ то же время, неоднократно ходатайствовали о присылкѣ русскаго отряда за р. Или, для удаленія изъ ихъ кочевьевъ кокандцевъ, будто бы облагавшихъ киргизъ тяжелыми податями, и для прекращенія внутреннихъ раздоровъ между ордынцами.

Въ дѣйствительности же, оба султана, а въ особенности хитрый Рустемъ, имѣли совершенно иные виды—они надѣялись, что присутствіе русскаго отряда въ ихъ кочевьяхъ будетъ содѣйствовать возстановленію утраченнаго ими вліянія въ народѣ.

Такое двухстороннее подчиненіе киргизъ, порождавшее неопредѣленное положеніе дѣлъ въ Большой ордѣ требовало заблаговременнаго принятія надлежащихъ мѣръ къ удаленію Кокандцевъ изъ Илійской долины, а также и къ водворенію порядка въ Большой ордѣ и содержанію киргизъ въ должномъ повиновеніи нашей власти. Въ этихъ видахъ, немедленное занятіе Заилійскаго края нашими войсками оказывалось необходимымъ. Но князь Горчаковъ находилъ эту мѣру преждевременною. По его мнѣнію, намъ прежде всего, предлежало озаботиться стать твердою ногою на Копалѣ и упрочить устройство собственно въ Семирѣченскомъ краѣ, т. е. къ сѣверу отъ р. Или

казачьихъ водвореній, чтобы имѣть всегда въ боевой готовности вооруженное народонаселеніе. А потому князь Горчаковъ, даже воспретилъ, на первое время, Приставу при киргизахъ Большой орды маіору Врангелю всякое движеніе за р. Или и предложилъ ему: уклоняться отъ дѣятельнаго посредничества во внутреннихъ раздорахъ киргизъ, тѣмъ болѣе, пояснялъ Генералъ-Губернаторъ, что мы еще не имѣемъ способовъ существенно поддерживать наши повелѣнія.

Но ходъ событій въ скоромъ времени заставилъ князя Горчакова отказаться отъ своей выжидательной политики и вынудилъ его предпринять рѣшительныя дѣйствія.

Воспрещеніе нашимъ отрядамъ переходить за р. Или, безъ сомнѣнія сдѣлалось извѣстнымъ киргизамъ. Пользуясь этимъ, а также и слабостью китайской мѣстной стражи, занимавшей пограничные караулы, и не опасаясь противодѣйствія кокандцевъ, съ которыми они не переставали поддерживать постоянныя сношенія, киргизы предались необузданному своеволію и безнаказанно грабили купеческіе караваны, слѣдовавшіе изъ китайскаго города Кульджи въ Кокандъ. Предположеніе нашего Правительства, что султаны будутъ воздерживать своихъ родовичей отъ буйныхъ порывовъ ихъ своеволія невполнѣ оправдались на практикѣ: султаны сами, какъ напримѣръ, Рустемъ, участвовали въ грабежахъ и разбояхъ.

Такое тревожное положеніе дѣлъ на юго-востокѣ Киргизской степи, еше болѣе усложнилось полученнымъ въ Январѣ 1850 года, свѣдѣніемъ, о намѣреніи кокандцевъ занять укрѣпленіе Тоучубека, болѣе сильнымъ гарнизономъ. Обстоятельство это вполнѣ убѣдило князя Горчакова въ необходимости безотлагательно приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ для изгнанія Кокандцевъ изъ Илійской долины и для этого онъ полагалъ, прежде всего: взять и разрушить Тоучубеково укрѣпленіе.

Изгнаніе Кокандцевъ изъ Илійской долины, при тогдашнемъ положеніи нашемъ на этомъ рубежѣ Мусульманскаго міра, неоспоримо имѣло важное значеніе въ политическомъ отношеніи. Возведеніе кокандскихъ укрѣпленій за р. Или, на земляхъ, занимаемыхъ киргизами Большой орды, могло ходатайствовать усиленію вліянія кокандцевъ на сихъ киргизъ и тѣмъ поколебать власть и вліяніе Россіи въ Большой ордѣ. При такомъ неблагопріятномъ для насъ оборотѣ дѣлъ, мы были бы отрѣзаны отъ Дикокаменныхъ киргизъ и караванный путь въ Кашгаръ остался бы въ рукахъ кокандцевъ. Такимъ образомъ, несмотря на все желаніе князя Горчакова воздержаться, хотя на время, отъ рѣши-

тельныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Заилійскаго края, сила обстоятельствъ безотлагательно направляла насъ роковымъ образомъ въ глубь Средней Азіи.

Экспедиціонный отрядъ, который рѣшено было отправить въ Заилійскій край, подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба Капитана Гутковскаго, состоялъ изъ 50 человѣкъ пѣхоты, одной сотни казаковъ и 2-хъ легкихъ орудій. Цѣль экспедиции заключалась въ томъ, чтобы изгнать кокандцевъ изъ Илійской долины и разрушить укрѣпленіе Тоучубека. Дальнѣйшихъ же дѣйствій рѣшено было однакоже не предпринимать, и отряду по исполненіи возложеннаго на него порученія, приказано было возвратиться въ Копалъ. Къ сожалѣнію, со стороны мѣстнаго пограничнаго начальства, по видимому не было обращено должнаго вниманія на надлежащее снаряженіе отряда и возможно полное снабженіе его всѣми средствами и приспособленіями, необходимыми для столь отдаленной степной экспедиціи. Прежде всего самый составъ отряда былъ очень слабъ, а два легкихъ орудія, не могли принести никакой пользы при дѣйствіи противъ стѣнъ укрѣпленія, отличавшихся прочностью своей постройки.

Вообще движеніе нашего отряда въ столь слабомъ составѣ, за р. Или въ глубь страны на довольно значительное разстояніе отъ укрѣпленія Копальскаго, служившаго единственнымъ опорнымъ пунктомъ и основаніемъ дѣйствій, при извѣстномъ легкомысліи киргизъ, видимо склонявшихся на сторону кокандцевъ и наконецъ при двусмысленномъ поведеніи султана Али, управлявшаго многочисленнымъ Дулатовскимъ родомъ и неоднократно обнаруженномъ предательствѣ султана Рустема,—было весьма рискованнымъ. Но всѣмъ этимъ проявленіямъ вѣроломства киргизъ, какъ кажется не придавалось должнаго значенія, тѣмъ болѣе, что судя, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, и въ главной квартирѣ въ Омскѣ, не имѣлось точныхъ свѣдѣній не только о кокандцахъ, но даже и о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ Большой ордѣ. Изъ донесеній Пристава, большею частью отрывочныхъ, поверхностныхъ, неполныхъ, основанныхъ на голословныхъ показаніяхъ киргизъ, безъ тщательной провѣрки на мѣстѣ и нерѣдко противорѣчивыхъ, невозможно было уяснить себѣ современное направленіе умовъ среди киргизъ Большой орды и въ особенно въ классѣ людей наиболѣе вліятельныхъ между сими ордынцами. Такъ передъ началомъ экспедиціи Баронъ Врангель доносилъ, что кокандцы занятые внутренними междоусобіями и враждебными столкновеніями съ бухарцами не будутъ въ состояніи вторгнуться въ Заилійскій край. Киргизы же Большой орды, будто бы вступили въ союзъ съ Дикокаменными киргизами и заключили съ манапами ихъ договоръ объ отраженіи кокандцевъ общими силами.

Достовѣрность этого сообщенія Приставомъ, очевидно подлежала большому сомнѣнію, потому что киргизы Большой и Дикокаменной орды, находились въ постоянныхъ враждебныхъ отношеніяхъ между собою.

4-го апрѣля 1850 года экспедиціонный отрядъ выступилъ изъ Копала. По прибытии на устье р. Бижи, гдѣ находился аулъ султана Али-Адилева, капитанъ Гутковскій послалъ начальнику кокандскаго гарнизона въ Тоучубековомъ укрѣпленіи,—Акъ-Кулѣ, письмо, въ которомъ убѣждалъ его вывести кокандцевъ изъ Илійской долины и не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Большой орды. Отвѣтъ Акъ-Кулы хотя и былъ написанъ въ миролюбивомъ тонѣ, но въ то же время, по обычнымъ пріемамъ азіатской политики, оказался въ высшей степени неопредѣленнымъ и уклончивымъ и, очевидно, имѣлъ цѣлью: затянуть дѣло и выиграть время.

По переходѣ нашего отряда, на главный берегъ р. Или тотчасъ же обнаружилось, что безпокойное состояніе умовъ въ Большой ордѣ уже приняло острый характеръ.

При такихъ обстоятельствахъ трудно было разсчитывать на обѣщанную доставку перевозочныхъ средствъ и разныхъ воспособленій для нашего отряда. Такъ Аблай, сынъ султана Рустема, прибывшій въ отрядъ еще въ то время, когда онъ находился на правомъ берегу р. Или, повелъ его не прямымъ путемъ на урочище, Чингильды, на Огузъ-уткуль къ устью р. Тургеня, завѣряя, что тутъ собрано до 11-ти паромовъ и что вьючные верблюды и лошади собираются въ 15-ти верстахъ отъ переправы. Чингильды-же, по словамъ Аблая, было неудобно для переправы по причинѣ болотистой мѣстности. По прибытіи же отряда въ аулъ султана Рустема, Аблай объявилъ, что не можетъ собрать верблюдовъ безъ помощи казаковъ. Съ своей стороны Рустемъ отговаривался тѣмъ, что онъ заблаговременно не сдѣлалъ объ этомъ никакого распоряженія изъ опасенія обнаружить передъ кокандцами намѣренія русскаго правительства. Въ тоже время въ отрядъ начали приходить съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія о происходящихъ во многихъ аулахъ волненіяхъ и безпорядкахъ причемъ киргизы начали вооружаться. Тогда капитанъ Гутковскій послалъ нѣкоторымъ біямъ и старшинамъ Большой орды успокоительныя письма въ которыхъ было разъяснено имъ, что нашъ отрядъ двинутъ за р. Или, собственно для изгнанія кокандцевъ изъ Илійской

долины и что противъ киргизъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій предпринимаемо не будетъ.

19-го апрѣля, капитанъ Гутковскій получилъ, черезъ бія Ачикея, другое письмо хокандскаго коменданта Акъ-Кулы. Письмо это было написано уже въ болѣе приподнятомъ тонѣ, нежели первое, чему не мало содѣйствовалъ и сочувственный откликъ, который встрѣтили, со стороны киргизъ, кокандцы, составлявшіе гарнизонъ Тоучубекова укрѣпленія. Въ своемъ письмѣ Акъ-Кула, беззастѣнчиво заявилъ капитану Гутковскому, что прежнія условія о границѣ Россіи съ Кокандомъ, недѣйствительны, потому что въ Кокандѣ царствуетъ уже другая династія—Кипчакская, которая соединитъ подъ свое вліяніе весь мусульманскій міръ и имѣетъ въ виду распространить свои владѣнія въ одну сторону до долины Джонке, т. е. до Копалы, а въ другую до Баянъ-Аула. На будущій годъ, будетъ посланъ отрядъ для разрушенія Копальскаго укрѣпленія, а оттуда, ханскія войска намѣрены проникнуть до Кокчетова.

«Если русскому отрядному начальнику угодно вступить въ переговоры съ ханомъ, то пусть пришлетъ человѣка, котораго онъ съ провожатымъ отправитъ въ Кокандъ.

Если же русскій начальникъ имѣетъ повелѣніе начать военныя дѣйствія, то и гарнизонъ намѣренъ сопротивляться».

Письмо это, было оставлено безъ отвѣта и въ тотъ же день 19-го Апрѣля, вечеромъ, отрядъ подошелъ къ Тоучубекову укрѣпленію и остановился въ разстояніи полуверсты отъ него. Нѣсколько пробныхъ выстрѣловъ изъ нашихъ орудій показали, что стѣны укрѣпленія какъ попрочности матеріала изъ котораго были построены, такъ и соотвѣтственному мѣстнымъ условіямъ, способу постройки могутъ противостоять огнестрѣльному дѣйствію изъ легкихъ орудій. На другой день, отрядъ снялся съ позиціи и подошелъ ближе къ укрѣпленію. Во время этого движенія нашего отряда кокандскій гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, которая была отбита нашими войсками, причемъ кокандцы, при поспѣшномъ отступленіи затопили въ болотѣ одно изъ своихъ орудій.

Артиллерійскій огонь, открытый съ дистанціи 40 саженей отъ укрѣпленія, вновь подтвердилъ невозможность не только разрушить какую либо изъ башенъ, но даже сдѣлать брешь въ стѣнѣ, защищавшей входъ въ укрѣпленіе. Стѣна упорно сопротивлялась дѣйствію нашихъ снарядовъ, которые дѣлали въ ней только сквозныя отверстія, но земли не осыпали. Тогда капитанъ Гутковскій рѣшился овладѣть укрѣпленіемъ открытою силою. Но къ сожалѣнію и эта попытка также не удалась: 75 человѣкъ, посланныхъ съ лопатами и топорами для разрушенія стѣнки передъ входомъ въ укрѣпленіе, были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ, а также камнями и даже горячими угольями, которые бросали на нихъ кокандцы, засѣвшіе въ укрѣпленіи. Наши завязали перестрѣлку съ осажденными въ самыхъ бойницахъ, причемъ у одного казачьяго ружья, встрѣтившагося въ бойницѣ съ кокандскимъ,—оторвало дуло.

Какъ, повидимому, ни казалось ничтожнымъ укрѣпленіе Тоучубека, но прочность стѣнъ, сложенныхъ изъ крѣпкихъ булыжныхъ камней, скрѣпленныхъ вязкой глиной съ шерстью, противостояла всѣмъ усиліямъ нашего отряда разрушить ихъ и наши штурмовавшія войска должны были отступить. Перевѣсъ оказался на сторонѣ кокандцевъ, которые за стѣнами своего укрѣпленія, были совершенно скрыты отъ нашихъ выстрѣловъ, имѣя въ то же время полную возможность, наносить намъ пораженіе ружейнымъ огнемъ изъ бойницъ, продѣланныхъ въ стѣнахъ и башняхъ укрѣпленія.

Между тѣмъ, враждебныя намъ киргизскія скопища, силою до 4 тыс. всадниковъ, издали слѣдившіе за дѣйствіями нашего отряда и замѣтивъ, что кокандцы успѣли отбить нашъ приступъ и стойко держатся въ укрѣпленіи, тотчасъ-же надвинулись на отрядъ съ тыла и затѣмъ окружили его со всѣхъ сторонъ. При такомъ положеніи дѣла и въ виду полученныхъ свѣдѣній объ ожидаемомъ кокандскомъ гарнизонномъ прибытіи подкрѣпленій изъ Пишпека, продолжать какія либо дальнѣйшія дѣйствія длл овладѣнія Тоучубековымъ укрѣпленіемъ оказалось невозможнымъ и капитанъ Гутковскій рѣшился предпринять отступленіе къ р. Или. Потеря наша состояла изъ одного убитаго и семи раненыхъ.

По отступленіи отряда съ занимаемой имъ позиціи подъ Тоучубековымъ укрѣпленіемъ, киргизы неотступно слѣдовали за нимъ, охватывая его съ обоихъ фланговъ. Передъ закатомъ солнца, киргизскія скопища, пользуясь своею многочисленностью, отважились даже сдѣлать дружный натискъ, налетѣвъ на нашъ отступавшій отрядъ со всѣхъ сторонъ, но были отброшены тремя пушечными выстрѣлами. Съ наступленіемъ ночи, отрядъ былъ остановленъ и расположенъ въ видѣ каре, которое было составлено изъ верблюдовъ, чомовъ, мѣшковъ съ сухарями и коновязнаго артиллерійскаго каната, протянутаго отъ передковъ къ зариднымъ ящикамъ.

Орудія были расположены на углахъ каре, а казаки и пѣхота по фасамъ его. Внутри каре были помѣщены лошади, связанныя

вмѣстѣ. Огней не раскладывали и наступившая темная ночь послужила также нѣкоторымъ обезпеченіемъ безопасности отряда. Киргизы же, разложивъ огни, расположились на ночлегъ въ 3-хъ верстахъ отъ бивака нашихъ войскъ.

На слѣдующій день, 21-го апрѣля, отрядъ, имѣя обозъ въ серединѣ и по одному орудію въ головѣ и хвостѣ колонны и подъ прикрытіемъ боковыхъ казачьихъ цѣпей, слѣдовалъ до р. Алматы.

Подъ Алматами, подъ знаменемъ Рустема, собрались новыя скопища киргизъ, усилившія прежнія толпы до 7-ми, а по другимъ свѣдѣніямъ—до 13 тыс. всадниковъ. Хотя Рустемъ и послалъ капитану Гутковскому двѣ пули въ знакъ ручательства о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій, но киргизы всячески старались затруднить дальнѣйшее движеніе нашего отряда, устраивая на пути его слѣдованія завалы, а на подъемахъ и спускахъ рыли канавы. Тогда капитанъ Гутковскій рѣшился принять направленіе на сѣверъ, гдѣ находились киргизскіе аулы.

Предположенное движеніе отряда по новому направленію заставило большую часть скопищъ броситься спасать свои аулы и скотъ, опасаясь нашего нападенія, а киргизы, находившіеся въ отрядѣ, вызывались провести его прямо къ р. Или на переправу Чингильды. Послѣ того нашъ отрядъ продолжалъ дальнѣйшее отступленіе въ полномъ порядкѣ, лишь изрѣдка тревожимый киргизами.

25-го апрѣля отрядъ достигъ р. Или и переправился на правый берегъ на восьми плотахъ, сдѣланныхъ казаками изъ камыша. Во все время этого отступленія, съ нашей стороны было ранено два казака. Уронъ киргизъ былъ болѣе значительный и простирался до 150 человѣкъ убитыми.

Экспедиція капитана Гутковскаго показала, что волненія въ Большой ордѣ, произведенныя мятежнымъ султаномъ Кенисарой Касимовымъ, еще не улеглись, а въ послѣднее время даже усилились вслѣдствіе происковъ кокандцевъ. Можно сказать, что съ самаго появленія нашего отряда за р. Или, какъ упомянуто выше, открылось явное противодѣйствіе отряду со стороны киргизъ Большой орды и притомъ не случайное, но видимо подготовленное заранѣе. Оказалось, что киргизы рѣшились дѣйствовать противъ насъ въ союзѣ съ кокандцами. Кокандцы, черезъ посредство киргизъ, находившихся въ нашемъ отрядѣ въ качествѣ вожаковъ, могли имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія о составѣ нашего отряда, числѣ войскъ каждаго рода оружія, средствахъ, которыми располагалъ отрядъ для овладѣнія укрѣпленіемъ, и намѣченномъ пути, по которому долженъ былъ слѣдовать. Подтвержденіемъ этому можетъ служить бѣгство изъ отряда бія Ачикея къ кокандцамъ и предательство Аблая, сына Рустемова, который, находясь при нашемъ отрядѣ всемѣрно старался усыпить нашу бдительность и замедлить движеніе отряда внутрь страны и тѣмъ дать время кокандскому гарнизону, занимавшему укрѣпленіе Тоучубека, приготовиться къ оборонѣ и усилиться подкрѣпленіями, ожидаемыми изъ Пишпека. Явная же измѣна и предательство султановъ и біевъ Большой орды, которые увлекли за собою цѣлые роды киргизовъ, могло служить для нашего пограничнаго начальства поучительнымъ примѣромъ, что мѣры кротости и вообще дѣйствія въ примирительномъ духѣ не въ состояніи удержать азіатцевъ отъ измѣны при первомъ удобномъ случаѣ и что, при грубости и дикости этого народа, его можно держать въ полномъ повиновеніи только однимъ страхомъ. Экспедиція капитана Гутковскаго послужила также подтвержденіемъ извѣстнаго правила, что никакимъ непріятелемъ, какъ бы онъ ни казался ничтожнымъ, пренебрегать нельзя. Несоблюденіе этого правила неоднократно приводило насъ ко многимъ прискорбнымъ случайностямъ при вооруженныхъ столкновеніяхъ съ китайцами и подвластными Китаю приграничными инородцами, о чемъ будетъ мною подробно изложено въ своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ, наше пограничное начальство относилось, повидимому, къ нашимъ средне-азіатскимъ непріятелямъ съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ. Такъ, капитанъ Гутковскій, какъ должно полагать, не обратилъ должнаго вниманія на предостереженія одного только оставшагося вѣрнымъ нашему правительству престарѣлаго султана Большой орды Сюка-Аблайханова, совѣтовавшаго не довѣрять киргизамъ и имѣть при отрядѣ только самыхъ испытанныхъ и вполнѣ надежныхъ и преданныхъ намъ людей. Наконецъ, если допустить, что начальникъ нашего отряда зналъ о существующей издавна враждѣ между киргизами Большой орды и Дикокаменной, и что со стороны послѣднихъ онъ скорѣе встрѣтитъ поддержку нежели противодѣйствіе, то остается непонятнымъ: почему, прежде чѣмъ отступить отъ Тоучубекова укрѣпленія, онъ не рѣшился съ летучимъ казачьимъ отрядомъ ударить на ближайшіе киргизскіе аулы. Этотъ смѣлый ударъ неминуемо отвлекъ бы киргизскія скопища отъ нашего отряда и тѣмъ далъ бы ему возможность безпрепятственно отойти за р. Или. Можно было ручаться, что этотъ набѣгъ послужилъ бы сигналомъ къ полному разгрому киргизскихъ ауловъ въ Илійской долинѣ Дикокаменными киргизами, которые поспѣшили бы воспользоваться для этого настоящимъ благо-

пріятнымъ случаемъ, когда Большая орда, выйдя изъ повиновенія Русскому Правительству, тѣмъ самымъ и потеряла право на его защиту и покровительство. Подтвержденіемъ этому можетъ служить произведенный, около этого времени, набѣгъ ихъ на ближайшіе аулы киргизъ Илійской долины, причемъ Дикокаменные угнали у нихъ до 900 лошадей. Кромѣ того, Дикокаменные произвели въ то же время смѣлый натискъ на кокандское укрѣпленіе Пишпекъ, которое оставалось безъ защиты по случаю выступленія оттуда кокандскихъ войскъ на помощь гарнизону Тоучубекова укрѣпленія. Узнавъ о движеніи дикокаменныхъ къ Пишпеку, кокандцы вынуждены были возвратиться, съ пути слѣдованія обратно въ Пишпекъ.

Неблагопріятный исходъ нашей экспедиціи за р. Или ободрилъ кокандцевъ, которые приступили къ приведенію Тоучубекова укрѣпленія въ болѣе лучшее оборонительное положеніе. Съ своей стороны киргизскія волости старались держаться не разбросанно, но болѣе въ совокупности подъ охраною выставленныхъ ими передовыхъ карауловъ. Повидимому, киргизы рѣшились при новомъ движеніи нашемъ за р. Или или ополчиться противъ русскихъ въ случаѣ малочисленности нашего отряда, или, удалиться въ Кокандскіе предѣлы.

Въ слѣдующемъ 1851 году, когда въ управленіе войсками и краемъ вступилъ вновь назначенный генералъ-губернаторъ Западной Сибири Г. Х. Гасфордъ, были предприняты рѣшительныя дѣйствія противъ Тоучубекова укрѣпленія.

Экспедиціонный отрядъ въ болѣе сильномъ составѣ, двинутый за р. Или, подъ начальствомъ казачьяго полковника Карбынчева, взялъ и разрушилъ Тоучубеково укрѣпленіе.

Для окончательнаго же утвержденія нашей власти надъ киргизами Большой и Дикокаменной орды, признано было необходимымъ имѣть въ Заилійскомъ краѣ прочный опорный пунктъ и водворить при немъ вооруженное народонаселеніе. Съ этою цѣлью, въ 1854 году, у подножія горы Алатау, на р. Алматы, было возведено укрѣпленіе Вѣрное, нынѣ городъ того же имени, и водворены близъ него двѣ сотни казаковъ въ станицахъ Большой и Малой Алматинской, заложенныхъ въ 1855—56 г.г.

Послѣдующія событія показали однако же, что спокойствіе въ Заилійскомъ краѣ, въ средѣ населяющихъ этотъ край киргизъ, не можетъ быть прочнымъ до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать кокандскія укрѣпленія на р. Чу. Изъ этихъ укрѣпленій кокандцы имѣли полную возможность, отъ времени до времени, посылать своихъ эмиссаровъ для возмущенія нашихъ киргизъ Большой и Дикокаменной орды и въ случаѣ успѣха этой пропаганды, раздуваемой религіознымъ фанатизмомъ, дѣйствовать совокупно съ ними, тревожа наши новыя водворенія въ Заилійскомъ краѣ. При этомъ подвергались опасности и сообщенія этого края съ Семирѣчьемъ, которыя производились по единственной дорогѣ, занятой казачьими пикетами слабаго состава. Поэтому послѣ срытія укрѣпленія Тоучубека и постройки укрѣпленія Вѣрнаго съ водвореніемъ близъ него двухъ сотенъ казаковъ, Г. Х. Гасфордъ находилъ необходимымъ исподволь подготовить средства къ снаряженію экспедиціи для овладѣнія Зачуйскими кокандсками укрѣпленіями: Токмакомъ и Пишпекомъ, что и предполагалось исполнить въ 1860 году.

Находясь въ теченіе зимы 1860 года, по дѣламъ службы, въ Петербургѣ, я, передъ отъѣздомъ въ Омскъ, получилъ бумаги отъ Военнаго Министра Н. О. Сухозанета и, въ томъ числѣ, его конфиденціальное письмо для передачи Г. Хр. Гасфорду.

Въ этомъ письмѣ сообщалось, между прочимъ, что Государь, удостоивъ Высочайшаго утвержденія предположенія корпуснаго командира объ экспедиціи за р. Чу, для разоренія кокандскихъ укрѣпленій Токмака и Пишпека, соизволилъ приказать: сдѣлать всѣ приготовленія къ эспедиціи, но не начинать ее пока вражда къ намъ кокандцевъ не обнаружится новыми болѣе рѣшительными дѣйствіями съ ихъ сторонъ. Начальникомъ Зачуйской экспедиціи и командующимъ войсками Зачуйскаго отряда назначенъ былъ Генеральнаго Штаба полковникъ Аполлонъ Эрнестовичъ Циммерманъ.

Будучи со мною знакомъ, по совмѣстной службѣ на Кавказѣ, Аполлонъ Эрнестовичъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Сибирь, былъ у меня, и я, предполагая остаться еще нѣкоторое время въ Петербургѣ, предложилъ ему по пріѣздѣ въ Омскъ, гдѣ въ тогдашнее время вовсе не было хорошихъ гостинницъ, остановиться у меня на квартирѣ и пользоваться для разъѣздовъ по городу моимъ экипажемъ.

А. Э. Циммерманъ съ благодарностью принялъ мое предложеніе и ранней весною выѣхалъ изъ Петербурга, черезъ Омскъ, въ укрѣпленіе Вѣрное.

Циммерманъ, одаренный блестящими способностями и получивъ прекрасное образованіе и воспитаніе, былъ въ то же время человѣкъ вполнѣ свѣтскій. Обладая большою начитанностію и отличной памятью, онъ былъ весьма интересный собесѣдникъ и превосходный разсказчикъ въ небольшомъ пріятельскомъ кружкѣ. Изъ его литературныхъ трудовъ, должно упомянуть о сдѣланномъ

имъ прекрасномъ переводѣ записокъ маршала Мормона герцога Рагузскаго. Сверхъ того, А. Э. Циммерманъ написалъ нѣсколько мелкихъ статей, помѣщенныхъ въ газетѣ «Кавказъ», а также и въ «Сѣверной Пчелѣ», въ которой онъ былъ одно время сотрудникомъ. Изъ этихъ статей обратило на себя вниманіе: описаніе геройской смерти извѣстнаго на Кавказѣ своей блестящей храбростью начальника передовой Сунженской линіи, генерала Н. П. Слѣпцова въ дѣлѣ съ горцами на правомъ берегу р. Гехи. Статья А. Э. Циммермана, какъ очевидца и участника въ этомъ блестящемъ дѣлѣ, помѣщена во 2-мъ номерѣ газеты «Кавказъ» за 1852 годъ. Въ слѣдующемъ 1853 году съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на нашей Кавказско-Турецкой границѣ, Циммерманъ былъ назначенъ въ Ахалцыхскій отрядъ, ввѣренный Тифлисскому военному губернатору генералъ-лейтенанту князю Андроникову. 14 ноября 1853 года въ сраженіи съ Турками подъ Суплисомъ, Циммерманъ выказалъ особое отличіе, овладѣвъ съ боя укрѣпленною непріятельскою позиціей. За этотъ подвигъ, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-ой степени. Перейдя затѣмъ въ Крымскую армію, онъ служилъ съ отличіемъ при оборонѣ Севастополя, гдѣ одно время занималъ должность оберъ-квартирмейстера войскъ Севастопольскаго гарнизона. По странной случайности, за отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, при оборонѣ Севастополя, Циммерманъ получилъ двѣ одинаковыя награды: двѣ золотыя сабли за храбрость. Выборъ Циммермана, какъ одного изъ боевыхъ офицеровъ Генеральнаго штаба начальникомъ Зачуйскаго отряда, предназначеннаго для дѣйствій противъ Кокандцевъ, былъ вполнѣ соотвѣтственнымъ, что блистательно и оправдалось впослѣдствіи.

Въ послѣднюю Турецкую войну (1877 — 1878 г.г.), уже въ званіи корпуснаго командира, Циммерманъ принималъ также дѣятельное участіе, охраняя съ ввѣренными ему войсками Добруджу противъ наступательныхъ дѣйствій Турецкой арміи, чѣмъ и значительно содѣйствовалъ успѣшному ходу военныхъ операцій на другихъ театрахъ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи. Циммерманъ скончался въ 1881 году въ званіи члена Военнаго Совѣта. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Циммерманъ отличался вспыльчивымъ и вообще неровнымъ характеромъ. Неуступчивость въ спорѣ, рѣзкіе отзывы и саркастическія замѣчанія отъ которыхъ онъ, вслѣдствіе пылкости своего характера, не всегда могъ воздержаться, влекли за собою дерзкія выходки и прискорбныя столкновенія, чѣмъ онъ и нажилъ себѣ не мало враговъ и недоброжелателей.—Пребываніе его въ Омскѣ также не обошлось безъ столкновеній, о чемъ будетъ подробно изложено ниже.

По пріѣздѣ моемъ въ Омскъ я представилъ привезенныя мною депеши генералу Гасфорду, который вскорѣ послѣ того выѣхалъ изъ Омска въ укрѣпленіе Вѣрное, чтобы на мѣстѣ руководить дѣйствіями нашихъ отрядовъ. Изъ нихъ два отряда были еще раннею весною высланы на южный берегъ озера Иссыкъ-куль противъ кокандцевъ, успѣвшихъ въ началѣ марта, проникнуть въ кочевья подданныхъ намъ Дикокаменныхъ киргизъ, рода Богу для постройки укрѣпленія и сбора зякета (подати). Но замѣтивъ движеніе нашихъ отрядовъ по западную и восточную сторону озера Иссыкъ-куль, кокандцы быстро удалились изъ нашихъ предѣловъ за Тянъ-Шаньскій хребетъ къ верховьямъ рѣки Нарына. По возвращеніи нашихъ отрядовъ съ южнаго берега Иссыкъ-куль въ укрѣпленіе Вѣрное, они были осмотрѣны корпуснымъ командиромъ, которымъ и были тогда же сдѣланы всѣ распоряженія по снаряженію экспедиціи за р. Чу подъ начальствомъ полковника Циммермана. По смыслу данной ему инструкціи, онъ долженъ былъ предпринять движеніе съ отрядомъ за р. Чу для взятія и разрушенія Кокандскихъ укрѣпленій Токмака и Пишпека, только въ такомъ случаѣ, если кокандцы подадутъ къ этому поводъ, т. е. сами вторгнутся въ наши предѣлы. Скоро обнаружилось, что движеніе нашихъ отрядовъ къ озеру Иссыкъ-куль не прекратило враждебныхъ замысловъ Кокандцевъ. Въ концѣ іюля, скопища ихъ, въ числѣ 5 тыс., появились въ окрестностяхъ укрѣпленія Кастекъ (въ 80 верст. къ западу отъ Вѣрнаго), но были настигнуты на р. Джирень-Айгыръ и разбиты отрядомъ полковника Циммермана. Послѣ этого Циммерманъ, въ виду приведенныхъ выше инструкцій, рѣшился безотлагательно двинуться за р. Чу для овладѣнія Кокандскими укрѣпленіями Токмакомъ и Пишпекомъ. Собранный для этой цѣли, подъ Кастекомъ, отрядъ нашъ въ составѣ: 6 ротъ пѣхоты, 5-ти сотенъ Сибирскихъ казаковъ и 6 орудій полевой артиллеріи и 2-хъ горныхъ, а также съ артиллерійскимъ и инженернымъ парками, перейдя вбродъ р. Чу, неожиданно появился у Токмака, который, послѣ непродолжительнаго бомбардированія, сдался полковнику Циммерману. При этомъ были взяты: знамя, двѣ небольшихъ чугунныхъ пушки безъ лафетовъ и небольшое количество крѣпостныхъ ружей и холоднаго оружія. По просьбѣ гарнизона, взявшаго укрѣпленіе, Циммерманъ послалъ кокандцамъ, по восточному обычаю, пулю изо рта, въ знакъ того, что жизнь гарнизона будетъ въ безопасности.

Разрушивъ стѣны Токмака, отрядъ двинулся къ Пишпеку, куда и прибылъ 30-го августа. 4-го сентября, послѣ пятидневной осады, Пишпекъ сдался.

Во время этой кратковременной осады, былъ сдѣланъ замѣчательный выстрѣлъ изъ одного изъ нашихъ орудій, дѣйствовавшихъ съ брешь-баттареи подъ начальствомъ храбраго и распорядительнаго офицера штабсъ-капитана Обуха. Непріятельскія орудія, расположенныя на одной изъ Пишпекскихъ башенъ, были сбиты, при чемъ одно наше ядро попало въ самый каналъ 5-ти фунтоваго кокандскаго орудія и плотно засѣло въ немъ. Трофеи сдавшагося укрѣпленія состояли изъ: сѣкиры коменданта Атабека-Датхи (сѣкира лютаго Атабека, какъ называлъ ее Г. Хр. Гасфордъ), 3-хъ знаменъ, 5-ти мѣдныхъ орудій и 11 небольшихъ чугунныхъ пушекъ и, наконецъ, ключа укрѣпленія, оказавшагося вовсе не туземной, азіатской выдѣлки, но самымъ обыкновеннымъ, далеко незамысловатымъ нашимъ же ключемъ, купленнымъ, повидимому, на Ирбитской ярмаркѣ. Впослѣдствіи, по пріѣздѣ въ Омскъ, Циммерманъ выходилъ изъ себя, узнавъ что этотъ ключъ, въ числѣ прочихъ перечисленныхъ выше трофеевъ, по доставленіи ихъ въ Омскъ, былъ носимъ по улицамъ города.

Кратковременное пребываніе Циммермана въ Омскѣ, по возвращеніи изъ Зачуйскаго края, ознаменовалось рядомъ обѣдовъ и вечеровъ, которыми Омское военное общество старалось чествовать покорителя Пишпека. Къ сожалѣнію, на одномъ изъ обѣдовъ, а именно у полковника князя Шаховского, на который былъ приглашенъ Циммерманъ, произошелъ прискорбный случай, едва не кончившійся дуэлью. Въ числѣ лицъ, приглашенныхъ на этотъ обѣдъ, были: начальникъ штаба генералъ Гинтовтъ, наказный атаманъ Сибирскаго казачьяго войска генералъ Кринскій, я и нѣсколько другихъ лицъ и дамъ изъ Омскаго высшаго общества.

Въ средѣ гостей, съ самаго начала, завязался оживленный разговоръ о недавней военной экспедиціи за р. Чу и о томъ участіи, которое принимали въ ней войска Сибирскаго корпуса, а въ томъ числѣ и Сибирскіе казаки. Циммерманъ, похваливъ пѣхоту и артиллерію, очень дурно отозвался о боевыхъ качествахъ Сибирскихъ казаковъ. Какъ Кавказецъ, участвовавшій во многихъ экспедиціяхъ противу горцевъ и хорошо знакомый съ беззавѣтною отвагою и храбростію Кавказскихъ линейныхъ казаковъ, Циммерманъ высказалъ свое сужденіе о Сибирскихъ казакахъ, относительно: т. е. по сравненію съ ихъ Кавказскими собратьями, которые, пройдя кровавую, боевую школу въ горахъ Кавказа, подъ руководствомъ такихъ вождей какъ: Круковской, Слѣпцовъ, Камковъ и другіе, неоспоримо, далеко превосходили Сибирскихъ казаковъ въ боевомъ отношеніи.

Услышавъ столь нелестный отзывъ о своихъ казакахъ, генералъ Кринскій, съ запальчивостью стараго гусара, набросился на Циммермана съ упреками: завязался крупный споръ, въ пылу котораго Кринскій закричалъ на Циммермана: какъ Вы смѣете такъ дерзко отвѣчать мнѣ! Руки по швамъ!

Эти слова произвели ошеломляющее дѣйствіе на Циммермана, который со дня на день ждалъ приказа о своемъ производствѣ въ генералы. Не помня себя, Циммерманъ бросился съ поднятыми кулаками на Кринскаго и Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта сумятица, если бы генералъ Гинтовтъ и я не поспѣшили разнять обѣ враждующія стороны. Кринскій, извинившись передъ хозяиномъ дома княземъ Шаховскимъ, что не можетъ остаться обѣдать, тотчасъ же уѣхалъ домой. Сцена эта произвела на всѣхъ присутствующихъ тяжелое впечатлѣніе. Обѣдъ прошелъ въ молчаливомъ, грустномъ настроеніи и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали конца, чтобы скорѣе разъѣхаться. На другой день, въ мою квартиру, гдѣ жилъ Циммерманъ, явились къ нему секунданты отъ генерала Кринскаго. Но дѣло до дуэли не дошло, вслѣдствіе вмѣшательства самого Г. Хр. Гасфорда, у котораго и состоялось примиреніе враждующихъ сторонъ, хотя, можетъ быть и неискреннее, но по крайней мѣрѣ съ соблюденіемъ наружнаго декорума. Гинтовтъ, впрочемъ, говорилъ, что во время этихъ объясненій у Гасфорда, Циммерманъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что едва не повторилась та же сцена, которая произошла на квартирѣ у князя Шаховского. Вскорѣ послѣ этого Циммерманъ, произведенный въ генералы, уѣхалъ изъ Омска.

Мнѣніе Циммермана о Сибирскихъ казакахъ, выраженное публично и въ довольно рѣзкой формѣ, произвело на всѣхъ насъ крайне непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что и было несправедливо. Впослѣдствіи, мнѣ неоднократно приходилось слышать подобныя же неосновательныя сужденія отъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ Сибирь изъ Петербурга для ревизій и осмотровъ войскъ, мѣстныхъ управленій и заведеній, а также отъ посѣщавшихъ Сибирь ученыхъ путешественниковъ и туристовъ.

Всѣ эти сужденія, схваченныя вдобавокъ на лету, большею частью, сводились къ тому, что Сибирскіе казаки не имѣютъ военнаго закала и далеко отстали, въ этомъ отношеніи, не только отъ Кавказскихъ линейныхъ казаковъ, но и отъ Уральскихъ. Затѣмъ указывалось, что они лѣнивы, безпечны и ведутъ, большею частію, праздную жизнь.

Во время моей продолжительной службы въ Сибири, я имѣлъ полную возможность ознакомиться съ сибирскими казаками. А потому, считаю необходимымъ коснуться этого вопроса, конечно,

въ самомъ сжатомъ очеркѣ и высказать мой взглядъ на это дѣло.

Прежде всего я долженъ сказать, что Сибирское казачье войско возникло и получило дальнѣйшее военное и общественное устройство и заняло своими поселеніями земельные районы въ Сибири и Киргизской степи — исключительно по распоряженію Правительства.

Въ этомъ отношении оно рѣзко различается отъ Донского и Уральскаго войскъ, которыя образовались самобытно, движеніемъ вольныхъ и охочихъ людей на окраины государства. Ядро Сибирскаго казачьяго войска образовывалось постепенно изъ *мѣстныхъ* казаковъ: городскихъ и крѣпостныхъ, а также *выписныхъ*, которыми называли сибирскихъ крестьянъ, выписываемыхъ, т. е. посылаемыхъ на временную службу для работъ по возведенію крѣпостей и редутовъ на существовавшихъ прежде сибирскихъ передовыхъ военныхъ линіяхъ.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія всѣ эти категоріи казаковъ отбывали самыя разнообразныя повинности и наряды. Такъ, крѣпостные казаки, кромѣ работъ въ крѣпостяхъ, занимались и казеннымъ хлѣбопашествомъ, отъ котораго казна ничего не выигрывала, а казаки пришли въ совершенное раззореніе. Мысль о заведеніи казеннаго хлѣбопашества принадлежитъ начальнику сибирскихъ линій генералу Киндерману, который предложилъ еще другой проектъ: о продовольствіи войскъ сѣверо-восточной Сибири, вмѣсто хлѣба,—*березовою истолченною корою*, во избѣжаніе казнѣ Ея Императорскаго Величества ущерба. Между тѣмъ потребность усилить вооруженное народонаселеніе для охраны нашихъ сибирскихъ линій постепенно возрастала. Вслѣдствіе сего, въ періодъ времени съ 1770—1799 г.г., были зачислены въ казаки: 138 запорожцевъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Польшѣ, плѣнные польскіе конфедераты, маловажные преступники и около 2 тыс. мѣстныхъ солдатскихъ дѣтей. Въ послѣдующіе годы приростъ казачьяго населенія, главнымъ образомъ, происходитъ отъ зачисленія въ него крестьянъ. Въ двадцатилѣтній періодъ (1847—1866 г.г.) было переселено въ войско болѣе 40 тыс. душъ обоего пола, въ томъ числѣ 42 крестьянскихъ деревни, лежащія смежно и черезполосно съ казачьими станицами по Иртышской и по такъ называемой Горькой линіямъ (сѣверная полоса Акмолинской области).

Въ пятидесятыхъ годахъ Сибирское казачье войско состояло уже изъ 10-ти конныхъ полковъ и 2-хъ конно-артиллерійскихъ баттарей. Полки эти, имѣвшие много общаго съ тогдашними нашими драгунскими полками, дѣйствительно представляли грозную силу для азіатскихъ непріятелей. Къ сожалѣнію, такой прекрасный боевой матеріалъ наполовину терялъ свое достоинство отъ господствовавшихъ, въ то время, въ нашей арміи понятіяхъ о боевой подготовкѣ солдата и цѣли строевыхъ ученій, причемъ за малѣйшія ошибки налагались самыя строгія, можно сказать, жестокія наказанія. Точно также и въ Сибири били казаковъ: палками, шашками, ногайками, сѣкли розгами, иногда до тѣхъ поръ, пока начальникъ не выкуритъ нѣсколькихъ трубокъ табаку. Отъ подобныхъ экзекуцій не избавлялись и казачки, а въ прежнія времена даже и офицеры. Такъ, Золотовъ въ матеріалахъ для исторіи Сибирскаго казачьяго войска, упоминаетъ, что одинъ командиръ (изъ нѣмцевъ) ходатайствовалъ у начальника сибирскихъ линій—Киндермана: *бить нещадно плетьми передъ командой* какого-то казачьяго офицера въ чинѣ хорунжаго за то, что тотъ въ спорѣ съ армейскимъ офицеромъ сказалъ: я—хорунжій, ты—поручикъ; все равно свой братъ офицеръ. Должно замѣтить, что въ тѣ времена офицеры регулярныхъ войскъ считались почему-то выше казачьихъ.

Казачьи полковые командиры сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, наводившіе ужасъ на все мужское и женское населеніе станицъ, занимались не столько боевой подготовкой казаковъ, сколько, въ сущности, только одной фронтовой муштровкой, хозяйствомъ и всевозможнымъ сбереженіемъ фуражной экономіи, принадлежащей, по понятіямъ того времени, къ числу такъ называемыхъ безгрѣшныхъ доходовъ.

Изъ этихъ доходовъ полковые командиры наживали себѣ цѣлыя состоянія, какъ, напр., Гулькевичъ, составившій себѣ кругленькій капиталъ въ 80 тыс. рублей.

Понятно, что всякое увеличеніе экономіи отъ фуражнаго довольствія, неблагопріятно отражалось на годности казачьихъ лошадей для полевой службы, дѣлая ихъ слабосильными и малоспособными къ продолжительнымъ и быстрымъ движеніямъ. Самъ Гасфордъ разсказывалъ мнѣ, что на произведенномъ имъ конномъ ученьи 10-му казачьему полку въ Копалѣ, онъ сдѣлалъ замѣчаніе полковому командиру полковнику Абакумову относительно слабосилія и вообще дурного содержанія лошадей, поставивъ ему на видъ: медленность въ движеніяхъ и уставныхъ построеніяхъ полка, а при аттакѣ съ мѣста замѣтилъ недостатокъ быстроты и стремительности, составляющихъ одно изъ основныхъ боевыхъ качествъ конницы. На это Абакумовъ съ дѣтски наивною самонадѣянностью отвѣчалъ, что это происходитъ отъ чрезмѣрной сытости лошадей, которыя, получая ежедневно обильную дачу овса

даже съ излишкомъ противъ положенія, дѣйствительно отяжелѣли и черезъ это нѣсколько утратили присущую имъ способность къ быстрымъ движеніямъ съ мѣста.

Таковы были въ тѣ времена командиры казачьихъ частей. О желаніи начальниковъ или даже о попыткѣ ихъ ввести разумныя начала въ военномъ бытѣ казаковъ и въ то же время сохранить особенности, присущія народному русскому характеру, не было и рѣчи.

Съ другой стороны, самый приливъ въ составъ войска посторонняго элемента, вовсе неподготовленнаго къ казачьей службѣ, т. е. крестьянъ, преобладалъ, какъ было сказано выше, въ Сибирскомъ войскѣ и оказывалъ неблагопріятное вліяніе на боевыя качества казачьяго населенія. Кавказскіе же линейные казаки имѣли болѣе однородный составъ, и съ самаго своего основанія значительные казачьи кадры, впослѣдствіи усиленные малороссійскими и донскими казаками.

Понятно, что при такихъ условіяхъ службы и внутренняго быта, у сибирскихъ казаковъ того времени не могли развиться боевыя качества, которыя пріобрѣтаются болѣе всего боевой практикой. Но случаи вооруженныхъ столкновеній съ азіатскими непріятелями въ тѣ времена были вообще рѣдки и поэтому сибирскіе казаки не могли пріобрѣсти боевого закала въ такой мѣрѣ, какъ Кавказское линейное казачье войско, которое создалось и выросло посреди грозной военной обстановки и прошло суровую боевую школу въ непрерывной борьбѣ съ такимъ фанатическимъ непріятелемъ, какъ кавказскіе горцы.

Впослѣдствіи, когда Средняя Азія, подобно Кавказу, сдѣлалась хорошею боевою школою для нашихъ войскъ, сибирскіе казаки, принимая дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ предѣлахъ средне-азіатскихъ ханствъ: Хивы, Бухары и Кокана, подъ руководствомъ опытныхъ и способныхъ начальниковъ, скоро освоились съ боевой обстановкой и постепенно пріобрѣли тотъ духъ кавалерійской отваги, который составляетъ важное условіе успѣха на войнѣ.

Но и ранѣе этаго времени, военныя лѣтописи сибирскаго казачьяго войска заключаютъ въ себѣ нѣсколько случаевъ, гдѣ сибирскіе казаки въ столкновеніяхъ съ азіатскими непріятелями выказали подвиги геройской храбрости, причемъ при этихъ столкновеніяхъ, почти всегда, горсть нашихъ казаковъ, должна была бороться съ тысячными скопищами киргизъ и другихъ азіатскихъ хищниковъ. Въ ряду этихъ подвиговъ наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе подвигъ хорунжаго Алексѣя Рытова въ 1837 году во время Кенисаринскаго бунта.

Султанъ Кенисара Касимовъ былъ внукъ знаменитаго киргизскаго султана Аблая. Онъ возмечталъ возстановить ханское званіе въ Средней ордѣ и для осуществленія этой цѣли, выступилъ открытымъ врагомъ Россіи и вновь введеннаго въ Киргизской степи русскаго управленія.

Отличаясь рѣшительностью, энергіею, мстительностью и жестокостью къ побѣжденнымъ, Кенисара успѣлъ въ короткое время собрать около себя значительныя скопища. Всегда щегольски одѣтый въ бархатный бешметъ съ эполетами, съ знаменщикомъ позади, окруженный джигитами и наѣздниками съ длинными копьями, Кенисара гарцовалъ всегда впереди своей многисленной свиты.

По словамъ очевидцевъ, Кенисара былъ невысокъ ростомъ, черты лица напоминали калмыцкій типъ, узкіе глаза сверкали умомъ, энергіей и лукавствомъ. Въ своихъ набѣгахъ Кенисара былъ подобенъ всесокрушающему урагану: онъ не останавливался ни передъ какими-бы то ни было препятствіями и пользовался безграничною, до самоотверженія, преданностію своихъ сторонниковъ. Скитальческая жизнь Кенисары, полная столькихъ тревогъ и опасностей, кончилась печально. Въ 1847 году онъ предпринялъ набѣгъ на Дикокаменныхъ киргизъ, имѣвшихъ свои стойбища въ горной котловинѣ озера Иссыкъ-куль и въ верховьяхъ р. Чу. Но здѣсь счастье измѣнило Кенисарѣ: передовой пятитысячный его отрядъ, подъ предводительствомъ Худайменды Газина, былъ разбитъ Дикокаменными киргизами веденія бія Армана. Послѣ того и самъ Кенисара былъ завлеченъ Дикокаменными киргизами въ ущелье Майтау, близъ нынѣшняго Токмака гдѣ будучи захваченъ въ плѣнъ, подвергся истязаніямъ и насмѣшкамъ и затѣмъ убитъ вмѣстѣ съ двумя его братьями, двумя племянниками и пятнадцатью султанами.

Столкновеніе хорунжаго Рытова съ тысячнымъ скопищемъ мятежныхъ киргизъ, подъ начальствомъ самого Кенисары, произошло 5-го декабря 1837 года, при слѣдующихъ обстоятельствахъ назначенный для сопровожденія торговаго каравана отрядъ казаковъ подъ начальствомъ хорунжаго Рытова въ составѣ: 6 урядниковъ, 1-го фельдшера и 48 казаковъ въ 250 верстахъ за Актовскимъ укрѣпленіемъ, оставилъ для прикрытія провіанта, фуража и тяжестей—19 казаковъ при 2-хъ урядникахъ и фельдшерѣ, а съ остальными Рытовъ проводилъ караванъ еще за 50 верстъ, по направленію къ р. Чу. Въ это время скопище киргизъ, подъ личнымъ начальствомъ султана Кенисары, внезапно напали на оставленныхъ съ обозомъ казаковъ. Послѣ упорной обороны всѣ казаки были убиты киргизами.

Между тѣмъ хорунжій Рытовъ, проводивъ караванъ за предѣлы Голодной степи и ничего не зная объ участи, постигшей оставленныхъ съ обозомъ казаковъ, возвращался обратно по прежнему пути къ Актовскому укрѣпленію. 5-го декабря, въ 20-ти верстахъ, не доходя до того мѣста, гдѣ были оставлены имъ казаки, совершенно неожиданно подвергся нападенію тѣхъ же самыхъ скопищъ въ числѣ 1 т. человѣкъ, подъ начальствомъ Кенисары. Киргизы, увлеченные только что одержаннымъ успѣхомъ и воспламененные присутствіемъ самого Кенисары, для котораго они были готовы на всякія кровавыя жертвы, съ яростію ударили на нашъ малочисленный отрядъ со всѣхъ сторонъ. Въ теченіе трехъ дней, горсть нашихъ казаковъ, мужественно выдерживала натискъ многочисленнаго непріятеля, пылавшаго дикою и фанатическою ненавистью и злобою къ русскимъ. Несмотря на явную несоразмѣрность силъ, наши казаки, съ хорунжимъ Рытовымъ во главѣ, сами ударили на киргизъ и выбили ихъ изъ заваловъ. Во время этой отчаянной схватки, хорунжій Рытовъ, а также три урядника и одинъ казакъ были убиты, а изъ остальныхъ были ранены: 1 урядникъ и 21 казакъ. Этотъ смѣлый ударъ горсти нашихъ казаковъ, сразу осадилъ киргизъ. Озадаченные стойкостью и беззавѣтной отвагой нашихъ храбрыхъ казаковъ и замѣтивъ приближеніе отряда войскового старшины Симонова, спѣшившаго на помощь изъ Актовскаго укрѣпленія, киргизы послѣ того уже не возобновляли болѣе нападеній и вскорѣ ушли въ глубь степи.

Въ награду отличной храбрости и мужества, оказанныхъ казаками отряда хорунжаго Рытова, Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ 7 знаковъ отличія военнаго ордена, которые и были возложены на наиболѣе отличившихся. Этотъ геройскій подвигъ хорунжаго Рытова можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ, что сибирскіе казаки, когда обстоятельства того требовали, могли проявить такіе же подвиги храбрости и самоотверженія, какъ и ихъ достойные собратья на Кавказѣ.

Переходя къ дальнѣйшему разсмотрѣнію возбужденнаго вопроса относительно предосудительныхъ наклонностей и празднаго образа жизни сибирскихъ казаковъ, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о складѣ ихъ внутренняго и хозяйственнаго быта. При этомъ я долженъ оговориться, что все изложенное ниже относится къ прошлому времени и, слѣдовательно, имѣетъ только историческое значеніе. Служба казаковъ въ прежнее время т. е. въ пятидесятыхъ годахъ, кромѣ командировокъ въ составъ отрядовъ, формируемыхъ для степныхъ экспедицій, прикрытія купеческихъ каравановъ, службы на пикетахъ, расположенныхъ на почтовыхъ станціяхъ въ Киргизской степи и наконецъ строевыхъ занятій въ станицахъ, заключались также и въ отбываніи другихъ повинностей и нарядовъ по хозяйственной части полковъ.

Такъ, казаки обязаны были поставлять казенное сѣно, сплавлять лѣсъ для казенныхъ надобностей и перевозить овесъ на карбазахъ по р. Иртышу, хотя цѣна на казенную поставку овса назначалась съ перевозкой. На внутренно служащихъ, т. е. уже пожилыхъ казаковъ, лежали работы на войсковыхъ фабрикахъ и заводахъ, въ послѣдствіи упраздненныхъ, и несеніе обязанностей ямщиковъ на почтовыхъ станціяхъ, содержимыхъ полковыми командирами. Затѣмъ, на малолѣткахъ и отставныхъ казакахъ лежали земскія повинности: исправленіе мостовъ и дорогъ, сопровожденіе арестантовъ, отбываніе подводъ и пр. Такимъ образомъ, въ тѣ тяжелыя времена, все казачье населеніе, почти поголовно, было занято службою въ отрядахъ, строевыми занятіями въ станицахъ и работами по полковому хозяйству и для войсковыхъ надобностей. При такихъ условіяхъ полевой и внутренней службы казакамъ было весьма затруднительно заниматься хлѣбопашествомъ для поддержанія своего домашняго хозяйства. Въ сущности, оно только и могло поддерживаться тѣмъ, что тогда, т. е. до 1861 года, на все мужское населеніе войска отпускался казенный провіантъ. Но когда на основаніи закона 1861 года, положено было содержать вмѣсто десяти полковъ только три, остальнымъ казакамъ, не находящимся на службѣ, отпускъ казеннаго провіанта былъ прекращенъ.

Понятно, что такой крутой поворотъ къ новымъ порядкамъ безъ соблюденія необходимой, въ подобныхъ случаяхъ, постепенности, нарушая самые существенные интересы казаковъ, не могъ не отразиться, въ особенности на первыхъ порахъ, крайне неблагопріятно на ихъ хозяйственномъ бытѣ. Казакамъ приходилось, волей неволей, сдѣлаться прилежными работниками какъ въ полѣ, такъ и въ домашнемъ хозяйствѣ. Но осуществить этотъ на практикѣ оказалось не такъ легко, потому что, находясь, какъ было упомянуто выше, постоянно и почти поголовно на службѣ, казаки потеряли навыкъ къ земледѣльческому труду, а ремесламъ ихъ не обучали. Вслѣдствіи чего, въ этотъ періодъ времени, казаки постепенно пріучились къ беззаботности въ удовлетвореніи своихъ жизненныхъ потребностей и, какъ сознаются передовыя лица казачьяго сословія, начали мало по малу избѣгать даже домашнихъ работъ, требующихъ физической силы, возлагая ихъ на киргизъ-джахпаковъ (бѣдняковъ), соглашавшихся исполнять эти работы за самую ничтожную плату. Но можно ли обвинять во всемъ

этомъ только однихъ казаковъ? Позволяю себѣ полагать, что равнодушіе казаковъ къ домашнему и вообще къ хозяйственному труду и возникшая затѣмъ ихъ экономическая обезсиленность не могли произойти случайно отъ одной какой либо причины, но были слѣдствіемъ совокупности многихъ неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, нарождавшихся въ теченіе десятилѣтій.

Въ ряду этихъ обстоятельствъ, кромѣ упомянутаго выше, почти поголовнаго наряда на службу, немаловажное значеніе имѣютъ и мѣстныя условія почвы и климата. Нельзя забывать, что въ Сибири, а въ особенности въ Киргизской степи, не встрѣчается сплошныхъ земель, удобныхъ для земледѣльческой культуры. Только отдѣльные участки, расположенные спорадически нерѣдко смежно съ безплодными песками и солонцами, поддаются земледѣльческому труду.

Но и въ болѣе плодородныхъ мѣстахъ стали повторяться въ послѣднее время неурожаи, напримѣръ въ Кокчетовскомъ уѣздѣ, составляющемъ въ сущности продолженіе извѣстнаго по плодородію своей почвы Курганскаго округа, Тобольской губерніи. Вслѣдствіе чего были примѣры, что даже свободные поселенцы, водворенные въ Киргизской степи, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы съ безплодностью почвы, бросали эти земли и возвращались на родину или переходили въ другія мѣста. Въ районѣ же казачьихъ земель на такъ называемой Иртышской линіи: недостатокъ воды, сильные жары и кобылка губятъ посѣвы и парализуютъ трудъ земледѣльца. Это вынуждаетъ казаковъ докупать хлѣбъ у крестьянъ Томской губерніи и арендовать у нихъ земли подъ пашни въ лѣсныхъ борахъ на правомъ берегу р. Иртыша въ разстояніи отъ 80 до 100 верстъ отъ станицъ. Столь неблагопріятно обставленный трудъ казаковъ, при дальности рынковъ и дороговизнѣ доставки, естественнымъ образомъ можетъ убить всякую энергію и охоту къ занятію хлѣбопашествомъ. Послѣ этого неудивительно, что казаки болѣе предпочитаютъ заниматься мѣновой торговлей съ киргизами и только частію скотоводствомъ.

Но и въ правильномъ веденіи этой отрасли хозяйства встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, на Горькой линіи немаловажныя затрудненія. По совершенному почти отсутствію на этой линіи проточной, прѣсной воды, водопоемъ для домашняго скота служатъ горько-соленыя, мѣстами загнившія озера, что, при недостаткѣ ветеринарнаго надзора, порождаетъ почти вѣчные падежи скота.

Къ сожалѣнію, въ прежнія времена войсковое начальство болѣе обращало вниманія на внѣшнюю, показную сторону службы,

т. е. строевое образованіе и обмундированіе казаковъ и вообще мало присматривалось къ нуждамъ и интересамъ населенія. Отъ этого явленія внутренней, бытовой жизни и хозяйства казаковъ ускользали отъ ихъ вниманія. Затѣмъ, нельзя не остановиться и на томъ обстоятельствѣ, что большинство реформъ въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ было направлено не на улучшеніе и поощреніе разныхъ отраслей казачьяго хозяйства: хлѣбопашества, скотоводства, рыболовства, пчеловодства, заводской, ремесленной и кустарной промышленности, но на улучшеніе быта офицеровъ и чиновниковъ и на усиленіе ихъ состава. Между тѣмъ, по изслѣдованіямъ Г. Краснова, процентъ чиновниковъ въ Сибирскомъ войскѣ, превышая такой же процентъ въ другихъ казачьихъ войскахъ: Оренбургскомъ, Кубанскомъ, Забайкальскомъ и Амурскомъ, требуетъ на содержаніе ихъ и бо́льшихъ денежныхъ затратъ въ ущербъ другимъ неотложнымъ войсковымъ потребностямъ, напримѣръ: улучшенію и развитію станичныхъ и поселковыхъ школъ для казачьихъ дѣтей. Вслѣдствіе сего, по изслѣдованіямъ Ѳ. Н. Усова, процентъ грамотныхъ казаковъ въ войскѣ въ восьмидесятыхъ годахъ былъ менѣе, нежели въ 1823 году, а въ 1895 году многіе учителя и учительницы поселковыхъ школъ начали отказываться отъ своихъ должностей по крайней ничтожности получаемаго ими содержанія.

Едва ли можно оспаривать, что при болѣе энергичномъ и заботливомъ отношеніи войскового начальства къ нуждамъ казачьяго населенія и поощреніи болѣе трудолюбивыхъ хозяевъ, промышленно-экономическій бытъ казаковъ могъ бы получить другое болѣе благопріятное теченіе, при которомъ неминуемо послѣдовалъ бы подъемъ этого быта и приростъ въ сферѣ домашняго хозяйства казаковъ. Съ постепеннымъ же развитіемъ матеріальнаго благосостоянія было бы вполнѣ обезпечено и исправное снаряженіе казаковъ на внѣшнюю службу внѣ предѣловъ войска.

Отсюда видно, какъ неосновательны упомянутыя выше сужденія нѣкоторыхъ лицъ о чуть-ли не поголовной лѣности казаковъ. Если дѣйствительно и встрѣчается между ними равнодушіе къ домашнему и сельскохозяйственному труду, то это проявляется лишь въ единичныхъ случаяхъ и коренится, повидимому, не столько въ нихъ самихъ, сколько составляетъ скорѣе результатъ многихъ неблагопріятно сложившихся мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, какъ это было подробно объяснено выше. Обвиняя казаковъ въ лѣности, нѣкоторые идутъ еще дальше въ этомъ направленіи и упрекаютъ ихъ въ томъ, что они иногда, даже между собою, говорятъ на киргизскомъ языкѣ, находя это почему-то неблаговид-

нымъ. На первый взглядъ, казалось бы, что это обвиненіе и имѣетъ нѣкоторое основаніе, но если вникнуть въ дѣло и припомнить, что казаки прежде всего вооруженное народонаселеніе, которое должно быть готово, по первому призыву, идти въ бой съ непріятелемъ и притомъ быть всегда впереди для собранія свѣдѣній о мѣстности, а также и о силахъ и расположеніи противника, то разсматриваемый вопросъ приметъ совершенно иную окраску.

Занимая своими поселеніями окраину Киргизской степи, а частію и самую степь, сибирскіе казаки, естественнымъ образомъ, должны были издавна войти въ сношеніе съ киргизами и, ознакомившись съ ихъ домашнимъ бытомъ, кочевымъ образомъ жизни и языкомъ, постепенно пріобрѣли нравственное вліяніе на кочевниковъ. Но обладая общею со всѣми сибиряками способностью скоро понимать народы востока и раздѣлять ихъ міросозерцаніе и идеи, какъ это замѣтили даже иностранцы, напримѣръ, извѣстный ученый Реклю, — казаки, въ свою очередь, содѣйствовали проведенію въ среду кочевыхъ обитателей степи русскихъ идей и воззрѣній. Съ другой стороны, командированіе въ китайскіе города: Чугучакъ и Кульджу въ составъ конвоя при тамошнихъ нашихъ консульствахъ, доставила казакамъ случай пріобрѣсти практическимъ путемъ познанія въ китайскомъ разговорномъ языкѣ, на которомъ нѣкоторые изъ нихъ объясняются весьма удовлетворительно. Киргизскій же языкъ они знаютъ въ совершенствѣ. Вслѣдствіе чего, при объясненіяхъ не только съ киргизами, но даже и съ китайцами, можно обходиться безъ переводчика. Наконецъ, продолжительная служба въ отрядахъ и участіе въ степныхъ походахъ и экспедиціяхъ дало сибирскимъ казакамъ возможность ознакомиться съ особенностями степныхъ мѣстностей, развить въ себѣ топографическую мѣткость глаза и вполнѣ освоиться со степнымъ климатомъ. Благодаря этимъ прирожденнымъ, такъ сказать, качествамъ казаковъ, у нихъ выработалось умѣнье оріентироваться на всякой мѣстности и во всѣхъ случайныхъ положеніяхъ, а при знаніи туземныхъ нарѣчій и способность всюду приспособляться и уживаться со всякими азіатскими инородцами, что неоспоримо имѣетъ важное значеніе въ военное время. Все это приводитъ къ заключенію, что съ военной точки зрѣнія и въ виду особыхъ исключительныхъ условій казачьей службы на нашихъ азіатскихъ окраинахъ, прилегающихъ къ степямъ Средней Азіи и къ западнымъ предѣламъ Китая, когда войскамъ приходится быть посреди непривычныхъ условій и мало, или вовсе незнакомаго населенія, приведенный упрекъ оказывается

одностороннимъ и не только теряетъ свое значеніе, но скорѣе долженъ быть поставленъ въ заслугу казакамъ.

Изъ ученыхъ путешественниковъ, посѣтившихъ Сибирь и высказавшихъ свои замѣчанія объ отношеніяхъ сибирскихъ казаковъ къ мѣстному киргизскому населенію, должно остановиться на замѣчаніяхъ Петра Петровича Семенова, изложенныхъ имъ въ особой запискѣ, доведенной до свѣдѣнія генералъ-губернатора Г. Х. Гасфорда. О важномъ значеніи этой записки, относящейся къ 1857 году, какъ любопытнаго матеріала для характеристики того времени, мною будетъ изложено ниже. Теперь же я остановлюсь только на той части ея, въ которой уважаемый авторъ коснулся сибирскихъ казаковъ, а именно вопроса объ упроченіи возможно лучшихъ отношеній между ними и киргизами. По его мнѣнію, «для этой цѣли до сихъ поръ еще сдѣлано немного и это очень естественно, потому что трудно контролировать и направлять издалека подобныя отношенія, которыя болѣе всего находятся въ рукахъ самыхъ мелкихъ мѣстныхъ начальниковъ, начиная отъ пикетныхъ урядниковъ и дистанціонныхъ офицеровъ. Истребить разомъ всѣ частныя и мелкія злоупотребленія въ этомъ родѣ, конечно, не можетъ никакое благонамѣренное высшее начальство, но оно можетъ легко рѣшить вопросъ: нѣтъ ли корней зла болѣе общихъ и нѣтъ ли средствъ къ ихъ устраненію. Что неуваженіе казаковъ къ правамъ и собственности киргизовъ достигаетъ до высокой степени, что мелкое ихъ грабительство и насиліе прикрывается мѣстными казачьими начальствами—это слишкомъ извѣстно. Пикетные казаки обыкновенно отправляются на охоту за киргизскимъ скотомъ; при этомъ иногда происходятъ стычки и случается, что безоружный киргизъ остается падшею жертвою обороны своихъ правъ и въ такомъ случаѣ мѣстное казачье начальство покрываетъ преступленіе и не доводитъ его до свѣдѣнія генералъ-губернатора. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ событій, естественно, что можетъ случиться и наоборотъ, т. е. падетъ русскій жертвою и вмѣсто тщательнаго розыска и примѣрнаго наказанія виновныхъ, не въ интересахъ ли казачьяго начальства какъ можно болѣе затемнить и запутать все происшествіе, такъ что виновные остаются безнаказанными, и вѣра въ русское правосудіе и страхъ преслѣдованія русскими законами подорвется между киргизами окончательно. Не распространяясь о послѣдствіяхъ, которыя подобныя событія имѣть могутъ, я постараюсь показать, гдѣ нужно искать корень зла. Что содержаніе казачьяго офицера вполнѣ недостаточно для поддержанія самой умѣренной жизни во время пребыванія въ отрядахъ въ степи и что земли, даваемыя имъ на

линіи, обращаются въ миѳъ, потому что они не могутъ ими пользоваться,—это давно извѣстно. Стало быть, послѣ болѣе или менѣе долгой борьбы съ своею совѣстью или нравственными началами, если онѣ внушены ему воспитаніемъ, офицеръ находитъ вынужденнымъ добывать себѣ то,—чего ему не доплачиваетъ правительство,—изъ постороннихъ источниковъ, т. е. у киргизовъ. Въ такомъ самоуправномъ способѣ снисканія себѣ необходимаго, конечно, очень мало здравой экономіи. При обращеніи киргизскихъ натуральныхъ предметовъ въ деньги половина цѣнностей остается въ рукахъ покупателей этихъ предметовъ, да и для подобныхъ стяжаній офицеръ долженъ смотрѣть сквозь пальцы на стяжаніе исполнителей своей воли, т. е. казаковъ. Итакъ, каждый рубль цѣнности, пріобрѣтаемой офицеромъ, можетъ обойтись ордѣ въ десять. Поселенные казаки находятся съ киргизами несравненно въ лучшихъ отношеніяхъ, чѣмъ отрядные, потому что начальство ихъ обезпечено земледѣліемъ и они сами нуждаются въ своихъ сосѣдяхъ-киргизахъ и стараются сохранить съ ними дружественныя отношенія».

На приведенныя замѣтки Г. Х. Гасфордъ, съ своей стороны, сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія, въ которыхъ ярко образовался его взглядъ на этотъ вопросъ съ государственной точки зрѣнія. Гасфордъ находилъ, что къ уничтоженію притѣсненій и обидъ, испытываемыхъ киргизами отъ казаковъ, принимаются должныя мѣры строгими внушеніями ближайшему начальству. Притѣсненія эти ограничиваются большею частью отгономъ барана или вола, тайкомъ отъ начальниковъ. Но страхъ, питаемый киргизами къ казакамъ, едва ли въ нашей пользѣ уничтожить, особенно если взять въ соображеніе, что въ степи для содержанія въ порядкѣ и повиновеніи полумилліона киргизъ, находится отъ полуторы до двухъ тысячъ казаковъ. Добавьте къ тому, что киргизъ, свыкшійся съ своей лошадью и вмѣстѣ съ нею удобно переносящій всѣ лишенія, гораздо лучшій всадникъ, чѣмъ казакъ и чтобы онъ былъ столько же хорошій воинъ—ему недостаетъ оружія и уничтоженія питаемаго имъ паническаго страха къ одному имени казака. Если бы этого не было, то не мы имъ, а они намъ предписывали бы законы.

Такой же взглядъ на отношенія казаковъ, какъ вооруженнаго народонаселенія, къ киргизамъ имѣлъ и пріемникъ Гасфорда—Дюгамель. По его мнѣнію: «Пока мы будемъ сильны, киргизы будутъ покорны. Но если наше могущество потерпѣло малѣйшую неудачу, они обратятся противъ насъ».

Приведенныя замѣчанія генераловъ Гасфорда и Дюгамеля,

отличающіяся болѣе широкимъ государственнымъ взглядомъ на дѣло, должно признать вполнѣ основательными и заслуживающими особаго вниманія. Съ своей стороны позволяю себѣ добавить, что въ дѣлѣ о столкновеніяхъ казаковъ съ киргизами, нельзя безусловно обвинять только одну сторону, т.-е. казаковъ, оставляя безъ внимательнаго разсмотрѣнія и дѣйствія другой стороны. Не подлежитъ сомнѣнію, что казаки эксплоатируютъ киргизовъ, у которыхъ они къ тому же и заняли лучшія мѣста въ степи для своихъ поселеній и тѣмъ, до нѣкоторой степени, стѣснили кочевниковъ, которымъ по образу жизни дѣйствительно необходимы для ихъ стадъ обширныя пастбища. Но, съ своей стороны, и киргизы, несмотря на то, что этихъ пастбищъ, по сравненію ихъ съ количествомъ имѣемаго у киргизъ скота, оказывалось весьма достаточно, распространяли свои кочевья за предѣлы собственно киргизской степи, переходя со своими стадами въ пригpаничныя мѣстности Томской губ. и даже за черту государственной границы,—въ Китайскія владѣнія. Вообще при всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ казаками, киргизы вовсе не разыгрывали роль какихъ-то жертвъ казачьяго насилія, какъ многіе полагаютъ, а при каждомъ удобномъ случаѣ старались мстить казакамъ и вообще платили имъ тою же монетою. Не говоря про отдаленныя времена, когда киргизы грабили и жгли пограничныя со степью казачьи поселенія и увлекали въ неволю казачьихъ женщинъ и дѣтей, но и въ болѣе близкое къ намъ время Кениссаринскаго бунта, киргизы продѣлывали почти то же самое и сверхъ того облагали купеческіе торговые караваны тяжелыми поборами или подвергали ихъ полному разграбленію, такъ что мы были вынуждены отправлять эти караваны подъ прикрытіемъ военнаго конвоя. Даже въ восьмидесятыхъ годахъ киргизскіе конокрады, для которыхъ угонъ лошадей считается своего рода удальствомъ, наводили ужасъ на пограничныя съ Киргизской степью селенія Курганскаго округа, Тобольской губ. Дѣло доходило до того, что крестьяне рѣшились выплачивать одному изъ самыхъ дерзкихъ и отчаянныхъ киргизскихъ конокрадовъ особую сумму, лишь бы избавиться отъ его воровскихъ покушеній.

Обобщая приведенные факты и дополняя ихъ другими соображеніями, должно сказать, что при соприкосновеніи осѣдлыхъ, культурныхъ народовъ съ кочевыми племенами, вопросъ объ эксплоатированіи представляетъ собою мечъ обоюдоострый.

При болѣе всестороннемъ разсмотрѣніи вопроса въ связи съ историческими фактами и изслѣдованіями лицъ, основательно изучившихъ исторію востока, оказывается, что кочевники, поддав-

шись осѣдлому государству и не будучи съ самаго начала обложены податями, т.-е. ничего ему не давая сами, получали съ него въ то же время дань въ видѣ жалованья, подарковъ и угощеній и, слѣдовательно, въ сущности его эксплоатировали. Эта эксплоатація была доведена нѣкоторыми изъ киргизскихъ султановъ до совершенства. Такъ султанъ Валій, жившій въ нынѣшнемъ Кокчетовскомъ уѣздѣ, сумѣлъ въ одно и то же время получать денежныя субсидіи отъ Русскаго и Китайскаго правительствъ. Между тѣмъ при слабости, неудачѣ и вообще при затруднительномъ положеніи, въ которомъ могло оказаться осѣдлое государство, кочевые подданные, пользуясь этимъ, дѣйствовали такъ, какъ бы никогда не были связаны присягою и другими обязательствами. При возстановленіи же порядка въ господствующемъ государствѣ, кочевники снова обращались въ покорныхъ подданныхъ и эксплоатировали осѣдлыя государства по-прежнему. Такъ поступали кочевники подвластные Китаю и Россіи.

Эксплоатація осѣдлыхъ, по словамъ извѣстнаго знатока востока профессора Григорьева, признавалась кочевыми племенами до того удобною, что даже сильные кочевые народы прибѣгали къ ней, когда не находили возможнымъ открыто грабить осѣдлыя государства. Такъ уйгуры, сосѣдніе съ Китаемъ, признавали себя его подданными даже въ самый блестящій періодъ своего могущества. Такъ и киргизы приняли подданство Россіи, когда Россія не имѣла никакой возможности покорить ихъ и удержать въ полномъ повиновеніи своей власти. Отсюда видно, что въ дѣлѣ нанесенія киргизамъ обидъ и притѣсненій—казаками, едва ли было бы справедливо обвинять только послѣднихъ, оставляя безъ параллельнаго разсмотрѣнія и оцѣнки дѣйствія другой стороны т.-е. киргизъ, тѣмъ болѣе, что и самыя жалобы ихъ на казаковъ, по обычной киргизамъ склонности все преувеличивать, во многихъ случаяхъ оказываются не вполнѣ согласными съ дѣйствительностью. Точно также нельзя обвинять и казачье начальство въ попустительствѣ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, потому что никакими законами и распоряженіями начальства невозможно добиться устранить вообще эксплоатацію инородцевъ сибиряками. Только одно истинное просвѣщеніе, т.-е. нравственное и умственное развитіе народныхъ массъ въ Сибири, по мнѣнію опытныхъ лицъ, хорошо изучившихъ путемъ многостороннихъ изысканій бытъ сибирскихъ инородцевъ, можетъ устранить это зло. Вообще инородческій вопросъ въ Сибири, въ болѣе обширномъ его значеніи, хотя и зарождается, но по справедливому мнѣнію тѣхъ же изслѣдователей, есть вопросъ будущаго Сибири.

Въ заключеніе всего сказаннаго мною выше о Сибирскихъ казакахъ, считаю необходимымъ добавить, что въ настоящее время, когда Киргизская степь сдѣлалась уже внутреннею областью имперіи и въ ней водворено полное спокойствіе, нельзя забывать, что оно во многомъ обязано казакамъ, которые при всѣхъ вооруженныхъ столкновеніяхъ съ киргизами и другими средне-азіатскими инородцами всегда были впереди и принимали на себя первые ихъ удары. Можно сказать, что съ того времени и по нынѣ Сибирское казачье войско служитъ твердымъ и полнѣ надежнымъ оплотомъ Россіи на ея далекихъ окраинахъ, прилегающихъ къ Китаю.

Глава III.

Очеркъ административной дѣятельности Г. Х. Гасфорда по управленію Западной Сибирью. Оцѣнка этой дѣятельности и наиболѣе распространенныя о ней мнѣнія и отзывы разныхъ лицъ. Отъѣздъ Гасфорда изъ Омска и чествованіе его по этому случаю Омскимъ обществомъ.

Г. Хр. Гасфордъ окончилъ курсъ въ Институтѣ Путей Сообщенія въ 1811-мъ году. Передъ отечественной войной, по недостатку офицеровъ квартирмейстерской части, нѣсколько инженерныхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и Гасфордъ, были переведены на службу при войскахъ по части Генеральнаго Штаба. Гасфордъ участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 г. и во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ, бывшихъ въ царствованіе Императора Николая I. Въ 1844—1846 годахъ, командуя 13-ой Пѣхотной дивизіей 5-го Пѣхотнаго корпуса, двинутаго, какъ извѣстно, въ полномъ составѣ въ предѣлы сѣвернаго Кавказа, онъ принималъ участіе во многихъ дѣлахъ при усмиреніи горныхъ племенъ на Кавказской и Черноморской береговыхъ линіяхъ. Въ 1850 году онъ командовалъ войсками, оставшимися въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи.

Гасфордъ былъ человѣкъ умный и хорошій администраторъ, хотя въ очень преклонныхъ лѣтахъ, когда я его зналъ, онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ причудъ и странностей. Съ самаго вступленія въ должность, онъ старался ознакомиться съ краемъ, въ особенности съ киргизской степью, которую зналъ хорошо. Онъ имѣлъ также правильный взглядъ на наше положеніе въ киргизской степи и на наши отношенія политическія и торговыя къ Китаю и Средне-Азіатскимъ ханствамъ. Для разсмотрѣнія дальнѣйшей дѣятельности Г. Х. Гасфорда, собственно по устройству Заилійскаго края, необходимо припомнить: въ какомъ положеніи

находился этотъ край въ послѣднее время управленія Западной Сибирью князя П. Д. Горчакова.

Въ предыдущей главѣ было подробно изложено, что по занятіи Семирѣченскаго края и водвореніи въ немъ вооруженнаго населенія, рѣшено было приступить къ таковому же занятію Заилійскаго края. Князь Горчаковъ вполнѣ сознавалъ, что соображенія политическія и торговыя и вообще польза дѣлъ нашихъ неуклонно требовала, чтобы мы стали твердою ногою на юго-востокѣ киргизской степи до предѣловъ западнаго Китая, Кашгаріи или Восточнаго Туркестана и независимыхъ въ то время отъ насъ средне-азіатскихъ владѣній. Съ водвореніемъ же въ занятомъ краѣ русской селитьбы и надлежащаго порядка и спокойствія между киргизами, когда караванная торговля была бы въ полной мѣрѣ обезпечена отъ грабежей и насилій со стороны кочевыхъ обитателей степи, можно было приступить къ осуществленію и другой цѣли: устройству правильныхъ торговыхъ сношеній съ Западнымъ Китаемъ, Кашгаріей и Средне-Азіатскими ханствами, составлявшей предметъ стольких усилій и заботъ правительства. Но чтобы привести въ исполненіе на практикѣ предположенный планъ дѣйствій, неиспоримо составленный весьма предусмотрительно, должно было предварительно предпринять цѣлый рядъ сложныхъ подготовительныхъ мѣръ. Эта послѣдняя задача была ведена княземъ Горчаковымъ систематически и со свойственными ему твердостью и настойчивостью, несмотря на немаловажныя препятствія и затрудненія, встрѣчавшіяся почти на каждомъ шагу. Нельзя упускать изъ виду, что въ тѣ времена, т. е.: въ сороковыхъ годахъ, на огромномъ пространствѣ киргизской степи происходили частыя волненія и безпокойства, вслѣдствіе дерзкихъ, хищническихъ набѣговъ на наши степныя укрѣпленія и станицы, скопищъ мятежнаго султана Кенисары Касимова. Когда же въ 1846—1847 годахъ, нашими отрядами, дѣйствовавшими въ Средней ордѣ (нынѣ Акмолинская область) Кенисара былъ загнанъ въ Семирѣченскій край, возникли волненія и въ Большой ордѣ, съ вліятельными султанами которой, напр. Али-Адилевымъ, какъ потомкомъ Аблай-Хана, Кенисара находился въ родственныхъ отношеніяхъ. Киргизы Большой орды, несмотря на принятіе нашего подданства, обязывались служить Кенисарѣ и возбуждали къ содѣйствію имъ киргизъ Средней орды. Главнымъ условіемъ было постановлено: укротить и подчинить себѣ Дикокаменныхъ киргизъ. Попытка эта, какъ извѣстно, не удалась, но волненія въ средѣ киргизъ Большой, а частью и Дикокаменной орды, все еще продолжались и даже, до нѣкоторой степени, усилились вслѣд-

ствіе подстрекательства кокандцевъ. Неудача экспедиціи капитана Гутковскаго за рѣкою Или и послѣдовавшее вскорѣ отозваніе князя Горчакова отъ занимаемой имъ должности главнаго начальника края не дозволили ему довести до конца начатое имъ дѣло занятія всей страны къ югу отъ рѣки Или.

Дальнѣйшее развитіе всѣхъ мѣръ, уже намѣченныхъ, а частію и предпринятыхъ княземъ Горчаковымъ, было весьма дѣятельно и успѣшно продолжаемо Гасфордомъ. Такъ, при немъ были весьма удачно выбраны мѣста для казачьихъ и крестьянскихъ поселеній въ Семирѣченскомъ и Заилійскомъ краѣ, гдѣ, благодаря прекрасному климату и замѣчательному плодородію почвы, образовались цвѣтущія колоніи (Семирѣченскимъ краемъ называлась въ то время вся страна, орошаемая рѣками: Аягузъ, Лепса, Аксу, Біенъ, Караталъ, Коксу и Или, а Заилійскимъ краемъ—все пространство къ югу отъ рѣки Или до китайскихъ предѣловъ). Къ числу ихъ относятся: укрѣпленіе Вѣрное основанное въ 1854 году и двѣ при немъ станицы: Большая и Малая Алматинскія, заложенныя въ 1855 и 1856 годахъ, станица Лепсинская въ 1855 году, ст. Софійская на р. Талгарѣ и Надеждинская на р. Иссыкъ, выселокъ на рѣкѣ Каскеленъ, ст. Коксуйская и поселеніе на р. Караталѣ. Всѣ эти мѣстности и вообще вся Причуйская страна и горная котловина озера Иссыкъ-Куль были сняты на планѣ офицерами корпуса Сибирскихъ топографовъ съ большимъ стараніемъ и отличнымъ знаніемъ дѣла. Производство же въ этой горной странѣ, а также и на юго-востокѣ Заилійскаго края въ 1859 году Генеральнаго Штаба штабсъ-капитаномъ Голубевымъ астрономическихъ наблюденій доставили возможность произведенныя съемки внести въ географическую сѣть и такимъ образомъ составить первую и довольно удовлетворительную, для того времени, карту Заилійскаго края.

Всѣ мѣры, предпринятыя Гасфордомъ, въ первое время его управленія, по устройству колонизаціи вновь занятаго края, а также по преобразованію административнаго управленія киргизской степи, были сопряжены съ немаловажными расходами для казны. Но въ то время, т. е. въ пятидесятыхъ годахъ, когда Крымская война требовала отъ государства громадныхъ денежныхъ затратъ, покрывать этя расходы изъ суммъ государственнаго казначейства было весьма затруднительно.

Обстоятельство это, очень озабочивавшее Гасфорда, заставило его обратиться къ изысканію денежныхъ средствъ изъ такъ называемыхъ, мѣстныхъ источниковъ. Впослѣдствіи Гасфордъ умѣлъ искусно ими пользоваться и старался, при всякомъ удоб-

номъ случаѣ, выставлять это себѣ въ заслугу, говоря, что онъ по возможности избѣгалъ обременять министерства ходатайствами объ ассигнованіи денежныхъ суммъ на потребности ввѣреннаго ему края, несмотря на то, что въ этомъ встрѣчалась, по его выраженію, повелительная необходимость.

Но если вникнуть въ это дѣло, то окажется, что оно ограничивалось только возможнымъ сокращеніемъ расходовъ казны. Отнесеніе же этихъ расходовъ на мѣстные источники едва ли можно считать за особую заслугу. Если обстоятельста требовали денежныхъ затратъ и эти затраты дѣйствительно производились, хотя бы и безъ обремененія надлежащихъ министерствъ ходатайствами, то источникъ изъ котораго были взяты денежныя суммы, т. е. въ данномъ случаѣ—мѣстные источники, не могли служить оправданіемъ въ сбереженіи расходовъ или необремененіи собственно государственной казны. Всѣ такъ называемые въ прежнее время мѣстные денежные источники составляли въ сущности сбереженія тѣхъ же казенныхъ суммъ, съ которыми они должны быть объединены и составлять одно цѣлое, что впослѣдствіи и было сдѣлано. Но въ тѣ времена на этотъ важный государственный вопросъ существовали другіе взгляды.

Извѣстно, что до введенія въ 1861 году правилъ единства кассы у насъ существовалъ совершенный произволъ въ распоряженіи казенными суммами. Цѣлыя отрасли государственныхъ доходовъ сосредоточивались въ рукахъ нашихъ многочисленныхъ управленій. Отсутствіе въ тогдашнее дореформенное время единства кассы имѣло слѣдствіемъ праздное и безцѣльное храненіе казенныхъ капиталовъ—иногда по нѣскольку лѣтъ сряду не въ кассахъ Министерства Финансовъ, какъ бы это слѣдовало, но въ сундукахъ разныхъ хозяйственныхъ управленій. Такъ, къ 1-му Января 1855 года, въ кассахъ Министерства Финансовъ состояло всего 75 милліоновъ, а въ кассахъ прочихъ Министерствъ хранилось болѣе 200 милліоновъ. Специальная комиссія, учрежденная для приведенія въ извѣстность всѣхъ денежныхъ средствъ, открыла 293 капитала различныхъ наименованій на сумму 57 милліоновъ руб., состоявшихъ въ вѣдѣніи различныхъ учрежденій. Были даже случаи пользованія этими капиталами для извлеченія изъ нихъ доходовъ неблаговидными путями. Казенныя суммы, иногда вытребованныя изъ государственнаго казначейства преждевременно, или безъ всякой надобности, вкладывались на проценты въ Приказъ общественнаго призрѣнія и разныя кредитныя учрежденія. Я слышалъ, хотя и не могу вполнѣ поручиться за полную довѣрность, что и Гасфордъ для покрытія расходовъ по казен-

нымъ надобностямъ иногда также прибѣгалъ къ этимъ средствамъ.

Поводомъ къ подобной денежной спекуляціи послужило однажды слѣдующее обстоятельство. Для постройки зданія Омской полевой провіантской комиссіи (нынѣ Окружное интендантское управленіе) была ассигнована, установленнымъ порядкомъ, сумма, исчисленная по предварительно составленной смѣтѣ. Сумма эта, при производствѣ строительныхъ работъ, какъ это почти всегда бываетъ, оказалась недостаточной. Потребовалось испросить у Военнаго Министра новое, дополнительное сверхсмѣтное ассигнованіе особаго кредита. Но при тѣхъ непріязненныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находился Гасфордъ съ тогдашнимъ Военнымъ Министромъ генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ, возбуждать подобное ходатайство оказалось неудобнымъ, хотя испрашиваемый дополнительный кредитъ едва ли и превышалъ сумму отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ рублей. Тогда Гасфордъ потребовалъ къ себѣ корпусного оберъ-провіантмейстера полковника Стойкова и, узнавъ отъ него, что сверхъ суммы на текущее довольствіе войскъ корпуса, т.-е. жалованье, провіантъ, фуражъ и проч., имѣется по Полевому Провіантскому управленію значительная кассовая наличность, составлявшая остатки отъ прежнихъ казенныхъ отпусковъ, которая вплоть до новаго ассигнованія, т.-е. въ теченіе около года, могла считаться совершенно свободнымъ рессурсомъ казны, приказалъ положить эту свободную сумму въ Тобольскій Приказъ общественнаго призрѣнія на проценты. Этими-то процентами и оказалось впослѣдствіи возможнымъ покрыть всѣ расходы по достройкѣ зданія Полевой Провіантской комиссіи и тѣмъ избѣгнуть ходатайства объ ассигнованіи сверхсмѣтнаго кредита.

Неудовольствія между Гасфордомъ и Военнымъ Министромъ Сухозанетомъ несомнѣнно существовали. Но причину этихъ неудовольствій я не зналъ. Вслѣдствіе этихъ обострившихся отношеній, Гасфордъ былъ очень осторожен въ сношеніяхъ съ нимъ и, какъ упомянуто выше, особенно избѣгалъ ходатайствъ объ ассигнованіи невошедшихъ въ смѣту суммъ на потребности войскъ и проч., стараясь покрывать расходы на эти потребности при малѣйшей къ тому возможности изъ мѣстныхъ источниковъ. Но за то, при всякомъ случайномъ промахѣ со стороны Гасфорда, Сухозанетъ уже не церемонился съ нимъ. Такъ, одна бумага по Инженерному вѣдомству, по поводу самаго незначительнаго отступленія, сдѣланнаго по приказанію Гасфорда въ Высочайше утвержденномъ планѣ Омскаго военнаго госпиталя, заключала въ себѣ возраженіе противъ сдѣланныхъ имъ самопроизвольно не-

правильныхъ распоряженій, изложенное въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, которыми наносился жестокій ударъ самолюбію Гасфорда, считавшаго себя спеціалистомъ по строительному искусству. Все это такъ озадачило Начальника Штаба Гинтовта, что онъ долгое время не рѣшался докладывать полученное предписаніе Военнаго Министра Гасфорду тѣмъ болѣе, что при его весьма преклонныхъ лѣтахъ, всякія нравственныя потрясенія вслѣдствіе задѣтаго самолюбія, дѣйствуя угнетающимъ образомъ на организмъ, могли повлечь за собою опасный кризисъ.

Вѣроятно эта бумага такъ и осталась недоложенною.

Несмотря однако же на свой преклонный возрастъ, Гасфордъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался блеснуть своей памятью и порисоваться универсальностью своихъ познаній.

Къ тому же лесть подчиненныхъ, доходившая иногда до цинизма, развивала въ немъ тщеславіе и онъ, самъ, можетъ быть, того не замѣчая, поддавался увлеченіямъ, нерѣдко переходившимъ въ область фантазіи. Слѣдствіемъ этого были: административныя погрѣшности и ложные взгляды.

Этимъ, мнѣ кажется, и можно объяснить предложеніе его о распространеніи между киргизами въ нѣсколько измѣненномъ видѣ магометанства, какъ переходной религіи къ христіанству, и которую Гасфордъ называлъ *средней религіей*.

Должно замѣтить, что если киргизы сдѣлались магометанами, то этимъ они всецѣло обязаны русскимъ властямъ. По словамъ извѣстнаго оріенталиста профессора Григорьева, въ прошломъ столѣтіи почти всѣ киргизы были шаманистами и оставались значительною частью таковыми и до пятидесятыхъ годовъ, т.-е. во время управленія Гасфордомъ Западною Сибирью. Въ эпоху номинальнаго присоединенія этого народа къ Россіи, только немногіе изъ ханствъ и султановъ его имѣли смутное понятіе о догматахъ ислама. Ни одной мечети не существовало въ киргизскихъ степяхъ и ни одинъ мулла не отправлялъ тамъ общественнаго мусульманскаго богослуженія. И если киргизы съ тѣхъ поръ дѣйствительно въ значительной степени омусульманились, то благодаря тому единственно, что мы приняли ихъ за мусульманъ и отпускали значительныя суммы для постройки на линіи мечетей. Неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что мусульманская пропаганда шла въ киргизскія степи со стороны Россіи, служитъ то обстоятельство, что омусульманились въ особенности киргизы, кочующіе по сосѣдству съ нашими военными линіями, тогда какъ шаманизмъ сохраняется между тѣми изъ нихъ, которые имѣютъ свои кочевки по близости къ

Хивинскимъ, Бухарскимъ и бывшимъ Кокандскимъ предѣламъ, т.-е. къ настоящимъ мусульманскимъ странамъ.

Но кромѣ возбужденнаго Гасфордомъ вопроса о распространеніи между киргизами *средней религіи*, о чемъ, повидимому, было извѣстно и въ Петербургскихъ высшихъ административныхъ сферахъ, что должно заключить изъ того, что объ этомъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ и графъ Д. Н. Толстой, про Гасфорда вообще ходило въ обществѣ много разсказовъ, тѣмъ болѣе, что и всѣ его поѣздки по краю изобиловали разными случайностями и встрѣчами. Укажу на то немногое, что сохранилось въ моей памяти.

Извѣстно, что Большая, Средняя и Малая киргизская орда, подраздѣлялись, въ прежнее время, каждая на нѣсколько поколѣній, называвшихся именами своихъ начальниковъ или предковъ. Отъ поколѣній произошли роды, отъ родовъ—отдѣленія, отрасли отдѣленій и проч. Такъ, Средняя орда (по Левшину) раздѣляется на четыре поколѣнія: Аргынъ, Найманъ, Кыпчакъ и Уванъ-Гирей. Аргынское поколѣніе раздѣляется на слѣдующіе роды: Кара-кисякъ, Каравулъ-кисякъ, Чаръ-Джитымъ Джанъ-Джуръ, Чакчанъ, Дюртеулъ и т. д. Очевидно, что удержать въ памяти всѣ эти названія родовъ, а также ихъ джайляу и кыстау, т.-е. лѣтнія кочевки и зимнія стойбища, едва ли возможно: для этого, какъ справедливо замѣчаетъ Левшинъ, должно имѣть большое терпѣніе или усвоить это путемъ долговременнаго пребыванія между киргизами. Но Гасфордъ, повидимому, не затруднялся этимъ. Скажите, пожалуйста, — говорилъ онъ при пріемѣ представляющихся лицъ, обращаясь къ находящимся въ числѣ ихъ киргизскимъ султанамъ, — Джусь-мамбетъ-Тобуклинская волость попрежнему кочуетъ на урочищахъ: Кучукъ-арчалы, Карачанды, Игинъ-Булакъ и Кызылъ-ташъ? Не перешла ли она на рѣки: Токрау, Сары-су и Моинту, гдѣ, кажется, стояли прежде: Алтынъ-Сарымовская и Кара-Киреевская волости? Этими и подобными вопросами онъ не только удивлялъ присутствовавшихъ при представленіи начальствующихъ лицъ, но и озадачивалъ самихъ киргизскихъ султановъ, которымъ послѣ такого экзамена невольно приходило въ голову, что начальникъ края до всего доходитъ. Точно также и въ бесѣдахъ съ пріѣзжавшими въ Омскъ нашими консулами въ городахъ Западнаго Китая, Чугучакѣ, Кульджѣ, а равно и съ врачами и другими спеціалистами, Гасфордъ задавалъ, какъ нарочно, самые мудреные спеціальные вопросы. Бесѣдуя съ Кульджинскимъ генеральнымъ консуломъ, извѣстнымъ синологомъ

И. И. Захаровымъ, Гасфордъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался выказать и свое знакомство съ наиболѣе выдающимися событіями изъ государственной и общественной жизни Китая временъ императоровъ правленія: Кан-си, Юнь-чжень, Цзянь-Луня, Кіа-кинга и Дао-гуана.

Съ врачами онъ также вступалъ въ медицинскіе диспуты и озадачивалъ памятью и универсальностью своихъ познаній. У многихъ изъ насъ сложилась даже убѣжденіе, что Гасфордъ подготовляется къ этимъ вопросамъ заранѣе.

Былъ, напр., такой случай. По пріѣздѣ Гасфорда въ одно изъ степныхъ укрѣпленій, кажется въ Вѣрное, происходилъ по принятому порядку пріемъ начальствующихъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и мѣстный священникъ. По окончаніи представленія, Гасфордъ пригласилъ его къ себѣ въ кабинетъ и сдѣлалъ ему вопросъ: какихъ святыхъ празднуетъ въ этотъ день Православная церковь? Священникъ, хотя и не былъ подготовленъ этому вопросу, однако же нашелся и назвалъ двухъ или трехъ святыхъ. Но Гасфордъ, повидимому, успѣвшій заранѣе справиться объ этомъ въ святцахъ, замѣтилъ священнику, что онъ назвалъ не всѣхъ, такъ какъ въ этотъ день празднуется еще одинъ святой, кромѣ поименованныхъ батюшкой и назвалъ его съ приличными къ этому случаю комментаріями. Нужно себѣ представить положеніе православнаго священника, который долженъ былъ выслушать поученіе отъ лютеранина по дѣлу, спеціально касающемуся уставовъ Православной церкви. Но этимъ дѣло не кончилось; оказалось, что подобные спеціальные вопросы и вдобавокъ сдѣланные совершенно неожиданно, могутъ иногда оказаться мечомъ обоюдоострымъ. Въ тотъ же день за обѣдомъ у генералъ-губернатора, къ которому были приглашены начальствующія лица, а также и провинившійся утромъ батюшка, зашла рѣчь о бывшихъ передъ Гасфордомъ генералъ-губернаторахъ. Говоря о нихъ, Гасфордъ поименовалъ трехъ: П. М. Капцевича (1822—1828), И. А. Вельяминова (1828—1834) и князя П. Д. Горчакова (1836—1850). Тогда священникъ позволилъ себѣ замѣтить Гасфорду, что Его Превосходительство изволилъ пропустить одного генералъ-губернатора и именно генералъ-лейтенанта Николая Семеновича Сулиму, который былъ назначенъ на эту должность послѣ генерала Вельяминова въ 1834 году и пробылъ на ней хотя и короткое время, но однако же около двухъ лѣтъ до 1836 года. Такимъ образомъ, въ свою очередь, попался и Гасфордъ, и когда онъ сознался, что священникъ былъ правъ, послѣдній не утерпѣлъ, чтобы не прибавить: вотъ, Ваше Высокопревосходительство, изъ *четырехъ* Вашихъ предмѣстниковъ, Вы изволили пропустить одного, а меня сегодня упрекнули за то, что я забылъ тоже одного, но только изъ тысячи, а это составляетъ нѣкоторую разницу.—Каюсь Вамъ, батюшка, каюсь,—сказалъ Гасфордъ,—считайте грошъ за мной.

Эти личныя мои воспоминанія о Г. Хр. Гасфордѣ, для болѣе полной его характеристики, полагаю необходимымъ дополнить рукописными и бывшими уже въ печати замѣтками о немъ П. П. Семенова и извѣстнаго кавказскаго генерала Г. Ив. Филипсона.

Замѣтки П. П. Семенова, въ особенности, имѣютъ интересъ и значеніе, потому что онѣ, по собственному его заявленію, происходятъ отъ совершенно посторонняго и безпристрастнаго наблюдателя, руководимаго только желаніемъ добра и пользы и не могущаго лучше выразить свою признательность за покровительство и содѣйствіе, оказанное ему начальствомъ Западной Сибири, какъ неоткровеннымъ изложеніемъ того, какимъ образомъ приводятся въ исполненіе идеи высшаго начальства, развивается край и какія новыя рождаются въ немъ потребности.

Замѣтки П. П. Семенова, въ свое время, имѣли большой интересъ, хотя и были извѣстны небольшому кружку начальствующихъ лицъ въ г. Омскѣ. Какъ историческій матеріалъ, онѣ не утратили своего значенія и въ настоящее время. А потому и приводятся полностію въ приложеніи, вмѣстѣ съ замѣчаніями на нихъ, сдѣланными Г. Х. Гасфордомъ. Здѣсь полагаю ограничиться только извлеченіемъ изъ этой записки, въ которой изложена оцѣнка дѣятельности Г. Х. Гасфорда, какъ главнаго начальника края.

Г. Х. Гасфордъ, говоритъ П. П. Семеновъ, уже съ начала своего управленія Западною Сибирью вполнѣ сознамъ все значеніе лѣваго фланга степи (Семирѣченскій и Заилійскій край). Онъ разгадалъ, что путь нашего вліянія на внутреннюю Азію можетъ именно лежать только здѣсь, гдѣ правильное наше движеніе впередъ не встрѣчаетъ трудно-преодолимыхъ преградъ въ голодныхъ степяхъ или безплодныхъ пустыняхъ (какъ то случилось на правомъ флангѣ, т. е. въ Акмолинской области и въ Оренбургскомъ краѣ) и гдѣ вѣрное и осѣдлое движеніе наше впередъ можетъ идти безпрепятственно шагъ за шагомъ, опираясь на непрерывный рядъ цвѣтущихъ колоній вдоль горной окраины нагорной Азіи. Сознаніе это выразилось въ двухъ важныхъ для исторіи развитія края дѣйствіяхъ, которыми Г. Х. Гасфордъ уже занялъ почетное мѣсто въ исторіи Сибири, именно: 1) въ смѣломъ и удачно выполненномъ занятіи Заилійскаго края и 2) въ связаніи всего лѣваго фланга непрерывнымъ рядомъ поселеній, какъ, напримѣръ: Урджарскаго, Лепсинскаго, Коксуйскаго и другихъ пред-

полагаемыхъ. Для успѣха нашей колонизаціи на лѣвомъ флангѣ степи, во время управленія Г. Х. Гасфорда, было сдѣлано очень много. Основано прекрасное Вѣрное, которое будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ его управленія Западной Сибирью; Урджарское, Верхъ-Лепсинское поселенія. Основываются: Коксуйское, Тамарское, Иссыкское и друг. Всѣ мѣста для поселеній выбраны необыкновенно удачно, обстройка и хозяйство ихъ идетъ очень удовлетворительно, большею частію выше всякой критики. Земли отведены переселенцамъ превосходныя, урожаи необыкновенно хороши, земледѣліе, къ чести казаковъ и ихъ начальства, развилось удовлетворительно.

Мнѣніе генерала Г. И. Филипсона о Гасфордѣ отзывается нѣсколько пессимизмомъ. Въ его воспоминаніяхъ (Русскій Архивъ, 1883 г.) помѣщена слѣдующая характеристика Гасфорда: «Я помню Гасфорда, пишетъ Г. И. Филипсонъ, полковникомъ Генеральнаго Штаба въ 1826 году въ Главной квартирѣ 1-й арміи. Онъ имѣлъ славу одного изъ лучшихъ офицеровъ этого вѣдомства. Въ концѣ 30-хъ годовъ онъ былъ начальникомъ штаба 5-го пѣхотнаго корпуса. Въ 1839 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты и помѣнялся мѣстами съ начальникомъ 15-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантомъ Данненбергомъ. Онъ былъ почти вдвое старше меня лѣтами. Въ молодости я его лично не зналъ и, встрѣчая въ сороковомъ году, ломалъ себѣ голову, чтобы объяснить себѣ его прежнюю славу. Это былъ остзейскій нѣмецъ въ полномъ смыслѣ слова: по наружности, манерамъ, складу ума и характеру. Все это было не крупно, но прилично и какъ будто заставляло чего-то ожидать, хотя позади этой декораціи не оказывалось ничего, кромѣ умѣнья жить съ людьми и пользоваться своими связями, чтобы эксплоатировать свое служебное положеніе. Онъ былъ вдовъ, но въ глубокой старости и почти слѣпой женился во второй разъ на 17-ти лѣтней дѣвицѣ. Когда Западная Сибирь избавилась, наконецъ, отъ своего полудержавнаго проконсула, князя П. Д. Горчакова, всѣ пустились въ догадки: кто будетъ назначенъ генералъ-губернаторомъ и всѣ удивились, узнавъ, что на это важное мѣсто, требовавшее большой энергіи и мѣстныхъ свѣдѣній, назначенъ генералъ Гасфордъ»...

Въ такомъ же духѣ высказываетъ свое мнѣніе о Гасфордѣ и Г. Ивановъ, который, описывая въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» № 12, 1893 г. свою встрѣчу съ Ѳ. М. Достоевскимъ въ Семипалатинскѣ, говоритъ, что Гасфордъ былъ немножко ретроградъ и вмѣстѣ энциклопедистъ, только не въ смыслѣ послѣдователя Гольдбаха, а просто въ смыслѣ архивнаго склада отрывочныхъ научныхъ знаній. Считая себя ученымъ, онъ смотрѣлъ на все своими глазами и стихи Достоевскаго, написанные имъ на смерть Императора Николая Павловича и посвященные Его Августѣйшей Супругѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, не находилъ заслуживающими представленія Императрицѣ. Онъ говорилъ ходатайствовавшему объ этомъ начальнику расположенной въ Сибири 24-й пѣхотной дивизіи генералу А. К. Дометти, какъ бы въ укоръ ему, что стихотворство—не солдатское дѣло, что не слѣдуетъ поощрять этого пустомельства и, увлекаясь полетомъ своей мысли, договорился до того, что назвалъ литературу зломъ, а литераторовъ—злодѣями.

По поводу упоминаемой Г. И. Филипсономъ женитьбы Гасфорда на очень молодой особѣ, я слышалъ одинъ анекдотъ, который передаю, конечно, sans toute reserve. Гасфордъ, будучи женихомъ уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ, писалъ своей невѣстѣ письма, для которыхъ въ тѣ времена было въ обычаѣ употреблять особо изысканную почтовую бумагу, украшенную разнообразными виньетками. Но такъ какъ такой готовой бумаги въ Омскѣ не оказалось, то Гасфордъ обратился съ просьбою нарисовать виньетки акварелью, къ служившему тогда въ корпусномъ штабѣ Генеральнаго Штаба полковнику Померанцеву, обладавшему дѣйствительно большимъ рисовальнымъ талантомъ. Сюжетомъ для этихъ рисунковъ Померанцевъ предложилъ выбрать нѣкоторые изъ наиболѣе живописныхъ пейзажей и виды особенно замѣчательныхъ мѣстностей Западной Сибири и Киргизской степи. Но Гасфордъ не согласился съ этимъ и замѣтилъ Померанцеву, что въ настоящемъ случаѣ, для подобной виньетки, самой подходящей эмблемой былъ бы рисунокъ, изображающій: «Льва въ сѣтяхъ».

Злоупотребленія по службѣ, самовластіе чиновниковъ и взяточничество было всегда сильно развито въ Сибири. Еще Ѳ. М. Достоевскій сказалъ, что хотя въ Сибири холодно, но чиновникамъ живется тепло.

По свидѣтельству бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири, сенатора Н. П. Синельникова, Восточно-Сибирскій край въ его время, т. е. въ семидесятыхъ годахъ, все еще продолжалъ стонать въ рукахъ взяточниковъ и темные поборы, платимые въ годъ сибиряками администраціи въ губерніяхъ: Иркутской и Енисейской и въ областяхъ: Забайкальской и Якутской, простирались до 677 т. рублей. Точно также и въ Западной Сибири, во времена Гасфорда, подобные темные поборы практиковались повсемѣстно. Конечно, въ тѣ времена, при огромной массѣ чиновниковъ, административной централизаціи, господствѣ сухого и мерт-

вящаго формализма, отсутствіи руководящихъ началъ къ укрѣпленію въ обществѣ чувства законности и вообще при совокупности многихъ другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, укоренившихся въ существовавшемъ строѣ нашей государственной и общественной жизни, — было затруднительно искоренить это зло. Но умалить его—было возможно. Для этого должно было отрѣшиться отъ установившагося обычая назначать на должности только по одной протекціи, но стараться выбирать людей съ твердымъ характеромъ, способныхъ и добросовѣстныхъ. Виновныхъ же, привлекая къ самой строгой отвѣтственности, оглашать, въ то же время, о сдѣланныхъ ими злоупотребленіяхъ въ циркулярахъ главнаго начальника края, помѣщаемыхъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, какъ это дѣлалъ впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Н. П. Синельниковъ. Между тѣмъ, въ подобныхъ случаяхъ при Гасфордѣ все дѣло ограничивалось смѣною провинившагося чиновника, на мѣсто котораго попадался другой, который нерѣдко, на первыхъ же порахъ, стремительно бросался въ погоню за наживой. Изъ многочисленныхъ ходившихъ въ мое время разсказовъ по этимъ темнымъ дѣламъ укажу на слѣдующіе два случая. Одинъ изъ вліятельныхъ бюрократовъ получилъ въ видѣ полновѣсной бутыли съ наливкой замаскированную взятку, о которой онъ, впрочемъ, на первыхъ порахъ, повидимому, и не подозрѣвалъ.

Случилось такъ, что въ день полученія этого подношенія у него обѣдали гости, передъ которыми онъ вздумалъ похвалиться полученной наливкой и велѣлъ принести ее къ столу. Открывъ бутыль, онъ бережно положилъ на столъ довольно объемистую пробку, сдѣланную на первый взглядъ какъ будто изъ разноцвѣтныхъ бумажекъ. Нѣкоторые изъ гостей, сидѣвшихъ ближе къ хозяину, успѣли внимательно разглядѣть эту массивную пробку. И что же оказалось? Пробка была составлена изъ весьма искусно свернутыхъ радужныхъ кредитныхъ билетовъ.

Погоня за наживой въ областяхъ Киргизской степи была также въ большомъ ходу. Въ этомъ отношеніи, беззастѣнчивость степныхъ чиновниковъ доходила до того, что одинъ изъ нихъ подалъ прошеніе Семипалатинскому Военному Губернатору о взысканіи денегъ съ нѣкоторыхъ лицъ, поименованныхъ въ прошеніи за проданныхъ имъ, этимъ чиновникомъ, барановъ.

Само собою разумѣется, что барановъ онъ никогда и не думалъ покупать, но разновременно получилъ ихъ отъ киргизъ въ видѣ даровыхъ подношеній.

На этомъ прошеніи, тогдашній Семипалатинскій Военный Губернаторъ генералъ Пановъ сдѣлалъ слѣдующую отмѣтку: «продать-то барановъ, положимъ онъ и продалъ. Но вопросъ: купилъ-ли онъ ихъ?»—Гасфорду можно сдѣлать упрекъ, что онъ совершенно безучастно и съ непонятнымъ равнодушіемъ относился къ крайне неблаговиднымъ дѣйствіямъ близкаго къ нему лица—статскаго совѣтника Почекунина.

Чиновникъ этотъ служилъ прежде въ Восточной Сибири. Перейдя затѣмъ на службу въ Западную Сибирь, онъ въ скоромъ времени успѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе Гасфорда и сдѣлался важнымъ человѣкомъ. Онъ такъ ловко повелъ дѣло, что всѣ назначенія на разныя должности, напримѣръ: исправниковъ, окружныхъ начальниковъ въ киргизской степи и друг., зависящія отъ власти генералъ-губернатора, находились въ его рукахъ. Ходили слухи, что будто бы эти должности были даже обложены таксой. При этомъ Почекунинъ нисколько не стѣснялся отдавать предпочтеніе лицу предложившему сумму болѣе установленной нормы, устраняя прежняго кандидата, обѣщавшагося уплатить по таксѣ. Зло это существовало до того времени, пока на мѣсто Гасфорда не былъ назначенъ новый генералъ-губернаторъ А. О. Дюгамель, который, тотчасъ-же по вступленіи въ должность, немедленно уволилъ Почекунина какъ человѣка, имѣвшаго дурное вліяніе на его предмѣстника и много повредившаго ему въ общественномъ мнѣніи. Объ этомъ обстоятельствѣ, А. О. Дюгамель упоминаетъ въ своихъ запискахъ, помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1885 года.

Нельзя оправдать также и нераспорядительности Гасфорда и его равнодушнаго отношенія къ дѣлу снабженія провіантомъ и фуражемъ войскъ, расположенныхъ въ Семирѣченскомъ и Заилійскомъ краѣ Семипалатинской области, т. е. въ округахъ: Копальскомъ и Алатовскомъ. По мнѣнію П. П. Семенова, изложеннаго въ его упомянутой выше запискѣ: «дальнѣйшее развитіе земледѣлія и, слѣдовательно, вся будущность прекрасной осѣдлой и земледѣльческой колонизаціи на лѣвомъ флангѣ степи (въ Семирѣченскомъ и Заилійскомъ краѣ) зависитъ единственно отъ доставленія развивающемуся земледѣлія вѣрнаго сбыта его произведеній. Безъ этого земледѣльческая будущность этихъ колоній заглохнетъ въ самомъ началѣ. Излишне говорить, что единственнымъ сбытомъ, производимаго поселенцами хлѣба, въ настоящее время, можетъ быть только непосредственная поставка казеннаго провіанта. Цифра требуемаго провіанта, въ настоящее время,

еще значительно превосходитъ цифру, производимаго населеніями хлѣба, но стоитъ только поощрить земледѣліе сбытомъ его произведеній и обѣ цифры быстро сравниваются.

«Извѣстно, что при всѣхъ возможныхъ способахъ заготовки провіанта и во всѣхъ странахъ, казна платитъ выше его стоимости. Неужели невыгоднѣе для Правительства, чтобы этотъ излишекъ былъ бы брошенъ на успѣхъ государственнаго дѣла, т. е. развивающейся колонизаціи, чѣмъ на обогащеніе частныхъ лицъ т. е. поставщиковъ. Да и по правиламъ здравой экономіи выгодно-ли имѣть казнѣ между собою и производителями (вызванными обязательно на производство самимъ Правительствомъ и, слѣдовательно, вполнѣ заслуживающими его покровительства) посредниковъ, которые покупаютъ произведенія у тѣхъ-же производителей, доводя до нихъ только 1/8 своей подрядной цѣны. И какому ропоту и жалобамъ подвергаетъ это переселенцевъ!»

Приведенное мнѣніе П. П. Семенова, какъ безпристрастнаго наблюдателя, имѣетъ важное значеніе въ настоящемъ случаѣ. Оно наглядно выяснило вопіющую неосновательность распоряженій корпуснаго начальства. Съ прискорбіемъ должно сознаться, что этотъ ненормальный способъ поставки провіанта существовалъ во все время командованія войсками Гасфордомъ и только былъ устраненъ при его пріемникѣ генералѣ Дюгамелѣ въ первый же годъ его управленія войсками и краемъ. «Въ силу какой-то странной аномаліи», говоритъ А. О. Дюгамель въ своей автобіографіи, «торги по снабженію войска провіантомъ, производились въ Омскѣ и поставщикамъ провіанта обыкновенно прибавляли къ существовавшимъ въ Тобольской губерніи цѣнамъ на зерновые хлѣба,—расходы на перевозку этого хлѣба въ Копалъ и Вѣрное, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, они покупали хлѣбъ на мѣстѣ его потребленія. Это была чрезвычайно выгодная торговая операція, изъ которой извлекали для себя пользу всѣ, кромѣ казны, на счетъ которой она производилась».

По распоряженію, сдѣланному А. О. Дюгамелемъ, былъ посланъ на мѣсто довѣренный штабъ-офицеръ полковникъ Зряховъ съ порученіемъ закупить изъ первыхъ рукъ необходимое количество хлѣба безъ заключенія контрактовъ и не стѣсняя продавцевъ никакими формальностями: они должны были доставить въ магазинъ муку по установленной цѣнѣ и немедленно получить деньги.

Этимъ способомъ А. О. Дюгамель сберегъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, болѣе 150 тыс. рублей по сравненію съ первоначальными смѣтами.

Осенью 1860 года, Гасфордъ, повидимому, рѣшившійся просить увольненія отъ занимаемыхъ имъ должностей, началъ готовиться къ отъѣзду въ Петербургъ. По случаю полученія имъ, въ это время, награды: знаковъ ордена Св. Владиміра 1-ой степени, Омскимъ обществомъ былъ данъ въ честь Гасфорда большой обѣдъ въ залѣ только что отстроеннаго зданія Благороднаго Собранія.

Во время этого обѣда, было сказано нѣсколько привѣтственныхъ рѣчей. Привожу только двѣ рѣчи, сказанныя представителями военной и учебной частей. Хотя по этимъ рѣчамъ и нельзя сдѣлать безпристрастную оцѣнку служебной дѣятельности Гасфорда въ Сибири, потому что современники и притомъ подчиненные всегда склонны къ нѣкоторымъ преувеличеніямъ, но я позволю себѣ привести эти рѣчи въ виду того, что въ нихъ все-таки обрисовывается до извѣстной степени характеръ государственной дѣятельности Гасфорда, какъ по военной, такъ и по гражданской части и тогдашній взглядъ на эту дѣятельность мѣстнаго общества въ лицѣ передовыхъ его представителей. Начальникъ штаба генералъ Гинтовтъ сказалъ слѣдующую рѣчь: «Позвольте повторить Вашему Высокопревосходительству поздравленіе со Всемилостивѣйше пожалованною Вамъ наградою,—Владиміра I степени. Скрещенные мечи, которые мы видимъ на этой звѣздѣ, свидѣтельствуютъ, что тѣмъ же орденомъ низшихъ степеней награждались прежде сего военные подвиги Ваши. Такъ въ 1813 году, когда Наполеонъ, собравъ у Дрездена свои силы, угрожалъ возможностію обратить ихъ на любого изъ наступавшихъ на него союзниковъ, уничтоженіе моста на Эльбѣ у Кенигштейна признавалось одною изъ необходимыхъ мѣръ для прегражденія,—хотя бы по этому пути,—свободы дѣйствій знаменитаго полководца. Тогда, еще молодымъ человѣкомъ, въ полномъ блескѣ жизни и надеждъ, Вы вызвались взорвать мостъ этотъ и, снарядивъ сами брандеръ, привели его и зажгли. Отважный подвигъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ и орденъ Св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ былъ наградою Вашего мужественнаго самоотверженія.

«Впослѣдствіи, въ 1831 году, преслѣдуя отрядъ Ромарино, Вы отличились въ сраженіяхъ при Опольѣ, Вржеловцѣ и начальствуя центромъ въ дѣлѣ при Юзефовѣ, взяли его приступомъ съ 700 плѣнными. Этотъ же орденъ 2-ой степени служилъ наградою за оказанныя въ сихъ дѣлахъ распорядительность и мужественную рѣшительность Вашу.

«Припоминая эти два подвига, какъ награжденные знаками ордена, первая степень коего нынѣ Всемилостивѣйше вамъ пожа-

лована. Для исчисленія же многихъ другихъ, украшающихъ служебное поприще Ваше, мнѣ пришлось бы прослѣдить военную исторію отчества нашего съ 1812 года и подробно говорить о 60-ти сраженіяхъ, въ коихъ Вы принимали дѣятельное участіе, начиная съ достопамятной битвы при Смоленскѣ и заключивъ блистательнымъ отступленіемъ отъ Германштадта. Городъ этотъ, въ короткое время, троекратно прославилъ имя Ваше въ 1849 году 9 іюля Вы взяли его съ бою; 20-го, защищая тотъ же городъ и оставленные въ немъ боевые и продовольственные запасы наши, нанесли у Рейсмаркта и Мюленбаха совершенное пораженіе венгерцамъ, отбивъ 3 орудія, 4 ракетныхъ станка, обозъ и взявъ 1.170 плѣнныхъ. Орденъ Георгія 3-го класса служитъ наградою блистательной побѣды этой. По прошествіи четырехъ дней, въ Германштадтѣ же, отрядъ Вашъ, оттакованный втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ, подъ начальствомъ даровитаго генерала Бема, выдерживалъ и отражалъ въ теченіе 11 часового сраженія самые сильные напоры непріятеля и, прикрывая въ тоже время собою артиллерійскій паркъ, подвижной магазинъ и другой казенный обозъ, простиравшійся до 2 тыс. повозокъ и около 1.500 плѣнныхъ, отступилъ съ честью къ сел. Вестли, сохранивъ въ цѣлости обозы, плѣнныхъ и запасы.

«Образцовое отступленіе это, военная исторія внесла въ свои лѣтописи и, если на Эльбѣ мы восхищаемся отважнымъ юношей, плывущимъ въ лодкѣ съ брандеромъ, чтобы взорвать мостъ, то въ Трансильваніи мы преклоняемся передъ доблестнымъ полководцемъ отдѣльно дѣйствующимъ въ странѣ, взволнованной возстаніемъ всего мѣстнаго воинственнаго населенія и озабоченнымъ не только участію начальствуемыхъ войскъ, но еще обязанностію напособлять то австрійцамъ, то отряду генерала Лидерса, въ той же странѣ дѣйствовавшимъ.

«Замѣчательно, что съ пожалованіемъ нынѣ полученнаго ордена, коимъ Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ наградить Ваши гражданскія доблести десятилѣтняго управленія Западною Сибирью и войсками отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, совпадаютъ успѣхи нашего храбраго Заилійскаго отряда. Войска Сибирскаго корпуса издавна приготовлены Вами къ бою. Часть ихъ, составлявшая Заилійскій отрядъ, имѣла возможность доказать признательность за Вашу о нихъ заботливость.

«Присутствующій здѣсь достойный начальникъ храбрыхъ товарищей нашихъ, слѣдуя Вашимъ указаніямъ, разбилъ вторгнувшихся въ предѣлы наше кокандцевъ при Кастекѣ и въ наказаніе за дерзкій набѣгъ, взялъ и разрушилъ укрѣпленія ихъ Токмакъ и Пишпекъ. Съ разрушеніемъ ихъ уничтожается вліяніе кокандцевъ на племена Дикокаменныхъ киргизъ и окончательно утверждено владычество наше въ Заилійскомъ краѣ.

«Назвавъ Заилійскій край, я обязанъ договорить, что такъ именуемъ мы 100 т. квадратныхъ верстъ, присоединенныхъ Вами къ Россійской державѣ, 100 т. квадратныхъ верстъ территоріи, отличающейся превосходнымъ климатомъ и производительностью почвы. Только шесть лѣтъ прошло послѣ этого присоединенія и тамъ будто по магическому велѣнію Вашему выросли: 2 укрѣпленія, 6 станицъ и 20 пикетовъ, въ числѣ коихъ 4 – съ поселеніями. Нигдѣ Россія не проникла такъ далеко въ глубь Средней Азіи. Ни печатно, ни изустно не оглашали Вы всѣмъ и каждому Вашей истинно государственной заслуги, но, не теряя времени, упрочили за Россіей этотъ край водвореніемъ тамъ казачьихъ поселеній. Водвореніями этими положено прочное начало будущаго процвѣтанія этого края. Уже теперь укрѣпленіе Вѣрное такъ быстро развилось въ короткое время, что обѣщаетъ впослѣдствіи сдѣлаться главнымъ торговымъ центромъ Средней Азіи. Здѣсь же указанъ Вами путь, по которому Россія внесетъ общечеловѣческіе интересы, цивилизацію и науку къ первобытнымъ племенамъ Зачуйской страны къ подножію Небеснаго хребта.

«Сибирское линейное казачье войско, составляющее главный оплотъ преобладанія нашего въ киргизской степи, преобразовывается Вами на твердыхъ началахъ общественнаго благоустройства, упрочивающихъ за этимъ сословіемъ его гражданское развитіе и довольство. Въ исторіи Западной Сибири, время управленія оною Вами, утвердившее благоденствіе этой обширной страны и войскъ, здѣсь расположенныхъ, составитъ блестящій періодъ, назидательный для правителей, отрадный для соотечественниковъ, добросовѣстно отдающихъ должную дань признательности могучимъ дѣятелямъ, трудящимся на пользу и славу любезнаго отечества нашего. Поздравляемъ Ваше Высокопревосходительство съ наградою и побѣдами заилійцевъ».

Представителемъ учебной части, главнымъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Поповымъ, бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета по каѳедрѣ монгольской словесности, была произнесена слѣдующая рѣчь: «Жизнь человѣка измѣряется не столько годами, имъ прожитыми, сколько разумной дѣятельностью, направленною имъ на благо общественное или на пользу государственную. Счастливъ тотъ, кому выпало на долю принести въ жертву всѣ свои нравственныя и физическія силы на алтарь отечества и заявить свою

дѣятельность какими-либо важными заслугами. Счастливо и то общество или государство, въ которомъ являются такія избранныя личности.

«Вы, Ваше Высокопревосходительство, всей своей жизнію, посвященной служенію Россіи, пріобрѣли право занять мѣсто въ первыхъ рядахъ государственныхъ дѣятелей. Не мнѣ, мирному труженику науки, исчислять Ваши военные подвиги; они достойно оцѣнены нашими Благословенными Монархами, ихъ знаютъ Ваши храбрые соратники; они внесутся на страницы правдивой исторіи. Не смѣю также касаться и гражданскихъ Вашихъ доблестей; о нихъ краснорѣчиво говорятъ административныя Ваши мѣры, на нихъ явственно указываетъ благоустройство обширнаго края, ввѣреннаго Вашему управленію.

«Позвольте мнѣ, Ваше Высокопревосходительство, сказать нѣсколько словъ о болѣе близкомъ, болѣе задушевномъ для меня предметѣ—объ умственномъ и нравственномъ образованіи, которымъ обязана Вамъ Западная Сибирь,—объ этомъ краеугольномъ камнѣ, на которомъ зиждется народное благоденствіе.

«Мы живемъ въ эпоху быстраго развитія физическихъ и моральныхъ силъ нашего отечества. Самъ благодушный Государь нашъ ведетъ свой народъ по пути гражданскаго преуспѣянія. Намъ нуженъ былъ просторъ для честной мысли, для благороднаго чувства, для добраго дѣла, и державная рука Александра II открыла намъ этотъ просторъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Великая задача нашей родной земли—пробуждать массы народа отъ невѣжественнаго усыпленія—нашла полное сочувствіе въ душѣ Вашего Высокопревосходительства. Вы всегда высоко цѣнили значеніе науки, Вы посвятили ей лучшіе годы своей жизни и для Васъ ни одна отрасль человѣческихъ знаній не осталась чуждой. Могла ли Западная Сибирь, при такихъ драгоцѣнныхъ залогахъ, долго находиться въ застоѣ?

«Могло ли народное образованіе не сдѣлаться предметомъ первой Вашей заботливости? По Вашимъ глубокимъ предначертаніямъ учебная часть въ Высочайше ввѣренномъ Вамъ краѣ получила новое устройство; среднія и низшія учебныя заведенія значительно увеличились въ числѣ и улучшились во внутреннемъ своемъ составѣ. Вы сняли съ нихъ тяжелыя оковы формализма, открыли свободный путь живому, осмысленному слову и теперь уже нѣтъ мѣста старой обветшалой рутинѣ преподаванія, она отжила свое время. Вы вывели училища изъ состоянія жалкой замкнутости и сдѣлали ихъ связующимъ звеномъ между наукой и обществомъ. Вы вдохнули въ нихъ сознаніе великаго призванія и

тѣмъ самымъ увеличили нравственное ихъ значеніе. Довѣріе родителей начало возрастать чрезвычайно быстро, и въ настоящее время число учащихся мальчиковъ дошло до 3 тыс. Это такая цифра, которая десять лѣтъ тому назадъ показалась бы несбыточной мечтою. Но Вашему Высокопревосходительству предлежала новая и не менѣе важная забота—водворить образованіе между женскимъ поломъ. Вы глубоко были убѣждены, что дѣти нравственно развитой матери могутъ вынести изъ своего семейства лучшія правила для жизни и быть полезными членами общества. Вамъ грустно было видѣть то небреженіе, въ которомъ находилось женское воспитаніе въ Западной Сибири,—и Вы рѣшились устранить этотъ недостатокъ устройствомъ женскихъ школъ. На Вашъ сочувственный призывъ радостно откликнулись всѣ народныя сословія и каждое изъ нихъ приносило посильныя жертвы для такого общественнаго дѣла. Теперь въ восьми городахъ открыты подобныя школы, въ которыхъ до 600 дѣвочекъ получаютъ первоначальное образованіе, и на содержаніе которыхъ казна не дѣлаетъ никакихъ издержекъ.

«Ваши неусыпныя заботы объ умственномъ и нравственномъ развитіи въ Западной Сибири на этомъ не остановились: Вы не забыли также и заиртышскихъ кочевниковъ, которые уже нѣсколько вѣковъ коснѣютъ въ невѣжествѣ. Вы хотите путемъ благотворнаго просвѣщенія смягчить ихъ грубые нравы, посѣять семейныя и гражданскія добродѣтели и создать изъ нихъ цивилизованное общество. Для достиженія этой цѣли Вы начертали планъ киргизскаго училища, который долженъ осуществиться къ 1-му января 1861 года.

«Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ далеко не высказано всего совершеннаго Вами на пользу народнаго образованія. Но и этого достаточно, чтобы имя Ваше сдѣлалось незабвеннымъ для Западной Сибири. Позвольте мнѣ, Ваше Высокопревосходительство, отъ лица всѣхъ сословій выразить Вамъ искреннюю глубокую благодарность и выпить тостъ за Ваше здоровье».

Въ отвѣтѣ своемъ на высказанныя рѣчи, Г. Х. Гасфордъ выразилъ, на сколько онъ благодаренъ усердію подчиненныхъ, безъ содѣйствія которыхъ не могли бы быть достигнуты тѣ результаты, о которыхъ они упомянули въ своихъ рѣчахъ и которые, какъ общее достояніе всѣхъ служащихъ въ Западной Сибири, столько же относится къ каждому изъ нихъ, сколько и къ нему, и затѣмъ прибавилъ слѣдующее: «Когда, блаженной памяти Государь Императоръ Николай Павловичъ, послѣ Венгерской кампаніи и командованія моего войсками въ Придунайскихъ княже-

ствахъ, соблаговолилъ призвать меня къ управленію Западной Сибирью, въ которой я не служилъ и никогда не былъ, мнѣ, по обширности этого края, разнообразію его племенъ и многосложности администраціи его, казалось труднымъ и едва-ли возможнымъ вполнѣ оправдать высокое довѣріе Государя, но при твердой волѣ моей служить Престолу и Отечеству и при постоянно усердномъ содѣйствіи Вашемъ, господа, затрудненія исчезали одни за другими, какъ бы сами собою,—какъ это и всегда бываетъ,—то, что по началу казалось несбыточнымъ,—сдѣлалось возможнымъ. Результаты въ это десятилѣтіе дѣйствительно пріобрѣтены большіе, столько же по благоустройству и просвѣщенію края, сколько и по возвышенію образованія и достоинства войска».

Здѣсь Г. Х. Гасфордъ сказалъ нѣсколько словъ объ успѣхѣ, пріобрѣтенномъ нашимъ оружіемъ въ Зачуйской экспедиціи, похвалилъ мужество заилійскаго отряда и командовавшаго онымъ полковника Циммермана, сказавъ въ заключеніе, что для «просвѣщенія края, равно и по другимъ отраслямъ управленія, при всѣхъ общихъ стараніяхъ моихъ и Вашихъ, не могли быть достигнуты тѣ результаты, о которыхъ Вы, господа, упомянули, если бы всякое добро и свѣтъ не истекали прямо отъ Августѣйшаго Монарха, просвѣтителя Россіи.

«Его Императорское Величество, осчастлививъ меня Монаршею наградою, конечно, оказалъ милостивое вниманіе и всему краю въ лицѣ моемъ, выражая тѣмъ, что доволенъ нами. Его милостями мы всѣмъ обязаны, а потому, прося Васъ, господа, и впередъ служить Престолу и Отечеству съ тою же любовію и преданностью, какъ и нынѣ, я прежде всего провозглашаю тостъ за здоровье Государя Императора».

Часть II.

Глава I.

О вооруженныхъ столкновеніяхъ китайцевъ съ Западно-Европейскими государствами. Очеркъ событій въ Китаѣ въ періодъ заключенія Тянь-цзинскаго и Пекинскаго договоровъ.

Овладѣнія коканскими укрѣпленіями Токмакомъ и Пишпекомъ, послужившее началомъ дальнѣйшаго поступательнаго движенія нашего въ глубь Средней Азіи, совпало съ эпохою великихъ событій, совершившихся въ это же время на крайнемъ востокѣ Азіатской части Россіи. Благодаря уму, энергіи и блестящимъ дарованіямъ своихъ государственныхъ людей, каковы были: графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ и Николай Павловичъ Игнатьевъ, Россія мощно стала на берегахъ Великаго океана, которому отнынѣ предлежало, повидимому, сдѣлаться центромъ міровыхъ событій. Передъ соединенными усиліями первостепенныхъ Европейскихъ державъ, пала тысячелѣтняя замкнутость китайцевъ. Громадная имперія, заключавшая въ своихъ предѣлахъ почти треть народонаселенія всего земного шара и бывшая для всѣхъ насъ какимъ-то невѣдомымъ міромъ, должна была начать болѣе тѣсное сближеніе съ просвѣщенными народами Запада и сдѣлаться вполнѣ доступною для Европейской торговли и цивилизаціи. Чтобы уяснить себѣ современныя событія, совершившіяся въ Китаѣ съ 1857 по 1860-ый г., т. е. военныя дѣйствія противъ китайцевъ Англіи и Франціи,—необходимо сказать нѣсколько словъ о событіяхъ, предшествовавшихъ этой войнѣ и вызвавшихъ вооруженное столкновеніе съ Китаемъ двухъ могущественныхъ морскихъ государствъ Европы.

Первое вооруженное столкновеніе китайцевъ съ Англіей относится къ 1839-му году, когда возникли обоюдныя недоразумѣнія по торговымъ дѣламъ и, главнымъ образомъ, по контрабандной торговлѣ опіумомъ. Въ самомъ началѣ этихъ столкновеній, англи-

чане въ лицѣ своихъ представителей, лорда Непира, а еще болѣе его пріемниковъ: Робинсона и Эліота, при каждомъ удобномъ случаѣ, старались выказать готовность покончить дѣло путемъ мирныхъ соглашеній. Но китайцы эту уступчивость англичанъ приняли за слабость и, по обычнымъ пріемамъ своей политики, дѣйствовали уклончиво, всячески затягивая переговоры, чтобы выиграть время и черезъ то имѣть возможность заблаговременно стянуть свои войска къ угрожаемымъ англичанами пунктамъ. Замѣчательно, что для наблюденія за движеніями англійскаго флота, по всему берегу китайцы разставили своихъ лазутчиковъ, которымъ была дана слѣдующая инструкція: «Слушайте! Когда вдали покажется корабль варваровъ, смотрите пристальнѣе. Если надъ нимъ вьется черный дымъ, вы можете быть покойны, корабль не пристанетъ къ берегу, а пройдетъ мимо; если же, напротивъ, увидите бѣлый дымъ, будьте осторожны: варвары приближаются».

Наконецъ англичане, послѣ долгихъ и неуспѣшныхъ переговоровъ и проволочекъ со стороны китайцевъ, вознамѣрились дѣйствовать рѣшительно. Китайцы, потерпѣвъ нѣсколько послѣдовательныхъ, жестокихъ пораженій какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, вынуждены были приступить къ мирнымъ переговорамъ, которые увѣнчались заключеніемъ въ 1844-мъ году, 29-го августа, знаменитаго Нанкинскаго трактата. По этому трактату китайцы, между прочимъ, уплатили англичанамъ 21 милліонъ долларовъ (26 милл. рублей) и уступили на вѣчныя времена островъ Хонъ-Конгъ. Гавани городовъ: Кантона, Амоя, Фучжоу, Нингпо и Шанхая открывались для торговли всѣхъ націй.

Для полноты очерка этого перваго вооруженнаго столкновенія китайцевъ съ Европейскими государствами, было бы небезинтересно уяснить себѣ ту до крайности своеобразную обстановку, при которой производилась эта война. По общепринятому въ Европѣ мнѣнію, китайскіе солдаты показали себя въ этой войнѣ настоящими трусами, лишенными всякой энергіи и неспособными сражаться. Послѣ первыхъ выстрѣловъ, они, побросавъ оружіе, обращались въ стремительное бѣгство, подобно стаду барановъ, въ серединѣ котораго разорвалась бомба. Извѣстный французскій путешественникъ по Китаю католическій миссіонеръ Гюкъ, не оспаривая этого, находитъ однако же, что дѣйствія китайцевъ не подлежатъ безусловному осужденію. Китайцы, говоритъ Гюкъ, (L'empire Chinois, v. I, Chap. X, p. 452) если глубже вникнуть въ тѣ обстоятельства и ту обстановку, при которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, то должно притти къ заключенію, что они по-

ступали вполнѣ разумно. Для этого слѣдуетъ сопоставить и сравнить между собою огнестрѣльное оружіе, которымъ дѣйствовали войска обоихъ воюющихъ государствъ. Съ одной стороны стрѣлы и допотопныя фитильныя ружья, а съ другой,—изготовленныя со всѣми усовершенствованіями современной техники превосходныя ружья и пушки, разрушительное дѣйствіе которыхъ съ дальняго разстоянія было громадно. Разрушить до основанія любой китайскій городъ—было для англичанъ дѣломъ, не представляющимъ никакихъ особенныхъ затрудненій. Обыкновенно въ такомъ случаѣ, англійскій флотъ, остановясь въ виду города, открывалъ методическое бомбардированіе, находясь въ то же время внѣ сферы дѣйствія не только ружейнаго, но и артиллерійскаго огня китайцевъ, которыхъ жалкія пушки на ихъ приморскихъ укрѣпленіяхъ и батареяхъ выпускали снаряды, не долетавшіе и до половины разстоянія между берегомъ и грозно стоявшимъ въ виду его англійскимъ флотомъ. Дѣйствіе англійской артиллеріи было для этихъ несчастныхъ китайцевъ чѣмъ-то до такой степени ужаснымъ, сверхчеловѣческимъ, что они, наконецъ, вообразили, что имѣютъ дѣло съ сверхъ-естественными существами.—Спрашивается, къ чему могла послужить въ такой неравной борьбѣ даже самая отчаянная храбрость китайцевъ? Наконецъ, превосходство огнестрѣльнаго оружія англичанъ не давало никакой возможности китайскимъ солдатамъ сойтись грудь съ грудью съ англійскими войсками, которыя, пользуясь превосходствомъ своего огнестрѣльнаго дѣйствія съ дальнихъ разстояній, безпощадно разстрѣливали китайцевъ, осыпая ихъ цѣлымъ градомъ—бомбъ, гранатъ, картечи и конгревовыхъ ракетъ.

При такихъ обстоятельствахъ, гдѣ одна сторона безпощадно истребляла другую, китайцамъ, говоритъ Гюкъ, ничего не оставалось, какъ только всемѣрно искать спасенія отъ такого адскаго огня, что, впрочемъ, они и дѣлали съ большимъ умѣньемъ, ловкостью и быстротою. Очевидно, что вся вина въ этомъ отношеніи должна падать полностію на китайское правительство, которое, посылая тысячи людей сражаться почти безъ оружія и безъ надежныхъ средствъ защиты при оборонѣ, тѣмъ самымъ уже заранѣе обрекало ихъ на вѣрную и въ то же время безполезную смерть. Съ того времени и вплоть до послѣдней войны Китая съ Японіей въ 1894—95 годахъ, т. е. въ продолженіе 50 лѣтъ, китайскія войска оставались въ томъ же жалкомъ положеніи и ни на шагъ не подвинулись впередъ, что, между прочимъ, и можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ неподвижности и замкнутости китайцевъ и полнаго отвращенія ихъ ко

всѣмъ нововведеніямъ. Такъ другой католическій миссіонеръ Патеръ Фавье въ Ліонскихъ Missions Catholiques 1894 г., разсказываетъ слѣдующее о военныхъ приготовленіяхъ китайцевъ.

«Никому въ Европѣ и въ голову притти не можетъ то, что здѣсь творится: никто тамъ этому не повѣритъ! Въ Пекинѣ и окрестностяхъ его сосредоточено 100 тыс. солдатъ, которыхъ оставляютъ безъ жалованія и безъ пищи, которые, при десятиградусныхъ морозахъ, ходятъ въ лѣтнемъ платьѣ и снабжены самымъ фантастическимъ оружіемъ, начиная со стрѣлъ, дубинъ съ желѣзными наконечниками и пикъ XIII столѣтія и кончая ружьями новаго образца. Послѣднія, несмотря на то, что только поступили изъ складовъ, совсѣмъ красныя отъ ржавчины и патроновъ для нихъ не имѣется. Прибавьте ко всему этому пистонныя ружья, ружья съ маркою: «Потсдамъ» 1801 года, фитильное ружье временъ Тамерлана и средневѣковыя сабли. Все это печально и возбуждаетъ не мало тревогъ».

Несмотря на заключенный въ 1844-мъ году въ Нанкинѣ мирный трактатъ съ англичанами, китайцы по обычнымъ пріемамъ своей политики и не думали исполнять въ точности всѣ условія этого трактата. Такъ приморскій городъ Кантонъ, въ силу этого трактата, какъ упомянуто выше, долженъ быть открытъ для торговли. Между тѣмъ, онъ по прежнему остался недоступнымъ для европейцевъ. Возникшія вслѣдствіе этого обстоятельства столкновенія между англичанами и китайцами до такой степени обострились, что вооруженное столкновеніе снова дѣлалось неизбѣжнымъ. 15-го января 1846 года, граждане Кантона издали прокламацію, расклеенную на городскихъ стѣнахъ, въ которой ехидно высказали слѣдующую рѣзкую характеристику англичанъ:

«Кантонъ наша родина, здѣсь живутъ наши семейства, здѣсь гробы нашихъ предковъ. Если мятежные варвары вступятъ въ нашъ городъ, мы не признаемъ болѣе императорскихъ чиновниковъ: мы поднимемся, какъ одинъ человѣкъ, схватимъ варваровъ и перерубимъ имъ головы. Мы хорошо знаемъ англійскихъ варваровъ; знаемъ, что они замышляютъ только ложь и обманъ. Они неукротимы, какъ дикія лошади, жадные, какъ коршуны и шелковичные черви; ихъ преступленія труднѣе исчислить, чѣмъ счесть волосы на головѣ. И это очень естественно! Развѣ они не родились внѣ мѣстъ образованности и далеко отъ нихъ въ странѣ проклятой и ядовитой? Чѣмъ далѣе отъ Срединнаго царства, тѣмъ грубѣе варварство. Это видно уже въ ихъ волчьей природѣ, въ ихъ скотскихъ лицахъ. Если они войдутъ когда нибудь въ

нашъ городъ, они все разведаютъ. Они скоро будутъ господствовать надъ нами».

Взаимный обмѣнъ депешъ, переговоровъ и даже пререканія между англичанами и китайцами продолжались нѣсколько лѣтъ и не привели ни къ какому соглашенію. Затѣмъ Крымская война, а вслѣдъ за нею и мятежъ, вспыхнувшій въ Индіи, въ свою очередь воспрепятствовали англичанамъ дѣйствовать рѣшительно. Только весной 1857 г., англійскій флотъ въ китайскихъ водахъ былъ значительно усиленъ, но сухопутныя войска, по случаю еще не усмиреннаго мятежа въ Индіи, не могли прибыть на театръ военныхъ дѣйствій. А потому англійскій адмиралъ Майкель Сеймуръ рѣшилъ: отложивъ сухопутныя операціи до прибытія войскъ изъ Индіи, нанести рѣшительный ударъ китайской флотиліи и учредить строгую блокаду южныхъ водяныхъ путей и г. Кантона. Въ теченіе времени съ 25-го мая по 1-ое іюня 1857 г., три хорошо вооруженныя и съ большимъ экипажемъ флотиліи джонокъ были частію истреблены, а частью взяты въ плѣнъ англичанами.

Въ виду этихъ событій и состоявшагося въ то же время окончательнаго усмиренія возстанія Бенгальской арміи, англичане начали дѣятельно подготовлять въ Индіи военную экспедицію противъ Китая. Съ своей стороны и Франція не захотѣла далѣе слѣдовать политикѣ невмѣшательства. Послѣ открывшихся вскорѣ переговоровъ о совокупныхъ дѣйствіяхъ противъ китайцевъ, значительная французская эскадра съ дессантными войсками, подъ начальствомъ адмирала Риго-де-Женульи въ томъ же 1857 году появилась въ китайскихъ водахъ.

Находившійся въ Кантонѣ Гененалъ-Губернаторъ провинцій Гуанъ-Дунъ и Гуанъ-си-Іейхъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности, несмотря на то, что ему угрожала опасность со всѣхъ сторонъ: съ моря его блокировала Англо-Французская эскадра, а съ сухого пути надвигались орды тайпингскихъ инсургентовъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на замѣчательный фактъ, доказывающій до какой степени своеобразенъ способъ веденія войны китайцами, сравнительно съ принятымъ въ Европѣ. Въ то время, когда Кантонъ содержался въ строгой блокадѣ и ему угрожало жестокое бомбардированіе, а затѣмъ и штурмъ, мѣстные начальники другихъ открытыхъ для иностранной торговли портовыхъ городовъ, расположенныхъ сѣвернѣе Кантона,—нисколько не стѣсняли живущихъ тамъ европейскихъ купцовъ, а также и нисколько не препятствовали веденію ими торговыхъ сношеній съ китайцами. Такимъ образомъ на югѣ Китая, англичане и китайцы, съ вѣдома своихъ правительствъ, вели открытую войну, а въ тоже

время въ сѣверныхъ гаваняхъ Китая, представители этихъ державъ оставались въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, а подданные тѣхъ же государствъ вели мирную торговлю. Къ концу 1857 года, когда возстаніе Бенгальской арміи было окончательно усмирено, англичане могли, наконецъ, предпринять и сухопутныя операціи въ открывшейся войнѣ съ Китаемъ. 29 декабря того же года, послѣ суточнаго бомбардированія, а затѣмъ приступа, Кантонъ находился въ рукахъ союзниковъ.

По взятіи Кантона, уполномоченные Англіи и Франціи лордъ Эльгинъ и баронъ Гро, рѣшились отправиться въ Шанхай, гдѣ предполагалось войти въ соглашеніе съ представителями Россіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, адмираломъ Путятинымъ и Парперомъ, и затѣмъ отправить коллективную ноту пекинскому правительству, что вскорѣ и было исполнено.

Но китайцы, по обычнымъ уловкамъ своей дипломатіи, всегда готовой затянуть всякое дѣло на неопредѣленное время, дали на эту ноту отвѣтъ уклончивый, ссылаясь на то, что правительство Богдыхана сдѣлано распоряженіе объ отправленіи уполномоченнаго для переговоровъ въ Кантонъ. Но союзные уполномоченные на этотъ разъ не поддались хитрости китайцевъ и по взаимному соглашенію рѣшились отправиться на сѣверъ, къ устью р. Пейхо, гдѣ, въ концѣ апрѣля 1858-го года, должны были находиться и представители Россіи и Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Слѣдованіе союзныхъ уполномоченныхъ на *сѣверъ*, къ устью р. Пейхо, протекающей черезъ Пекинъ, въ то время, когда китайскій уполномоченный, назначенный для веденія переговоровъ, направился, какъ упомянуто выше, *на югъ*, въ г. Кантонъ, представляло собою забавный эпизодъ въ чисто китайскомъ вкусѣ: уполномоченные обѣихъ сторонъ собирались вести переговоры, обратившись другъ къ другу спинами. Должно замѣтить, что переѣздъ союзныхъ уполномоченныхъ изъ Шанхая на сѣверъ, къ устью р. Пейхо, былъ соображенъ весьма основательно. Только подобный настойчивый образъ дѣйствій могъ побудить правительство Богдыхана къ бо́льшей уступчивости и готовности исполнить требованія европейскихъ державъ и заключить прочный и выгодный миръ. Наконецъ, появленіе вблизи Пекина представителей первостепенныхъ европейскихъ державъ и Новаго Свѣта въ сопровожденіи грознаго военнаго флота и дессантныхъ войскъ должно было произвести сильное впечатлѣніе на пекинское правительство и уяснить ему, что никакія ухищренія китайской ди-

пломатіи, повидимому, не могутъ отвратить надвигавшуюся грозу.

Но китайцы и на этотъ разъ все-таки сдѣлали попытку примѣнить и въ настоящемъ случаѣ свою традиціонную систему выжидательной политики.

По прибытіи союзныхъ уполномоченныхъ къ устью р. Пейхо, къ нимъ явились два китайскіе комиссара. Хотя требованія союзныхъ державъ, заявленныя еще ранѣе въ Шанхаѣ и переданныя Генералъ-Губернатору провинцій: Чже-Цзянь и Цзянь-Су, для отправленія въ Пекинъ, были выражены ясно, точно и опредѣленно, но китайскіе комиссары съ наивнымъ недоумѣніемъ обратились съ вопросомъ: что именно желаютъ европейцы? Возникшія пререканія и обмѣнъ депешъ кончились тѣмъ, что союзники объявили Чжилійскому Генералъ-Губернатору, что они немедленно отправятся въ Пекинъ и тамъ будутъ трактовать съ китайскимъ правительствомъ.

Такъ какъ входъ въ р. Пейхо, при ея устьѣ, былъ защищенъ укрѣпленіями, то рѣшено было предварительно овладѣть ими, что и было исполнено черезъ два часа послѣ открытія огня. 22 мая 1858 года, союзники двинулись къ Тянь-Цзину, находящемуся всего въ 50 верстахъ отъ Пекина. Вскорѣ по занятіи Тянь-Цзина, а именно 4-го іюня, прибыли туда китайскіе комиссары изъ высшихъ сановниковъ государства, снабженные обширными полномочіями.

6-го іюня состоялось первое свиданіе уполномоченныхъ Англіи и Франціи съ китайскими комиссарами, а вслѣдъ затѣмъ приступлено и къ переговорамъ. Первый, подписавшій трактатъ съ китайцами 17 іюня, былъ нашъ уполномоченный генералъ-адъютантъ Путятинъ. Вслѣдъ за нимъ былъ подписанъ особый трактатъ съ китайцами и представителемъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Нѣсколько дней позднѣе, подписанъ былъ трактатъ англійскимъ и французскимъ уполномоченными: Брюсомъ и Бурбулономъ.

Ратификація трактатовъ, подписанныхъ уполномоченными Западныхъ державъ, должна была состояться въ слѣдующемъ 1858-мъ году. Съ этою цѣлью Брюсъ и Бурбулонъ прибыли въ іюнѣ 1859 г. къ устью р. Пейхо (Хай-Хѐ), чтобы слѣдовать далѣе по этой рѣкѣ въ Пекинъ.

Но устье р. Пейхо, защищенное укрѣпленіями, оказалось недоступнымъ для прохода. Такъ какъ отвѣтъ на посланный по этому случаю начальникомъ англійской эскадры запросъ не былъ доставленъ китайцами въ назначенный срокъ, то англійскій ад-

миралъ Гопъ, построивъ эскадру въ боевой порядокъ, подошелъ на близкое разстояніе къ фортамъ съ цѣлію уничтожить загражденія устья р. Пейхо. Тогда китайцы открыли съ укрѣпленій сильный огонь, которымъ было потоплено 5 англійскихъ канонерскихъ лодокъ. Попытка овладѣть укрѣпленіями съ сухого пути также не имѣла успѣха и союзники должны были отступить съ урономъ.

Впослѣдствіи оказалось, что китайцы устроили загражденія въ устьѣ р. Пейхо,—какъ они объясняли въ своемъ нѣсколько запоздавшемъ отвѣтѣ,—собственно для защиты входа въ рѣку инсургентовъ (тайпинговъ). Для союзныхъ же уполномоченныхъ, вмѣсто устья р. Пейхо, назначена была р. Бейтонъ, лежащая къ сѣверу отъ укрѣпленій.

По этому указанному пути успѣлъ тогда же пройти американскій уполномоченный.

По поводу происшедшихъ въ 1858 году непріязненныхъ дѣйствій въ устьѣ р. Пейхо, Богдыханъ изъявилъ готовность дать полное удовлетвореніе и просилъ посланниковъ Западныхъ державъ прибыть въ Пекинъ. Но англичане, а за ними и французы рѣшились и на этотъ разъ проложить себѣ путь къ Пекину силою оружія. Съ этою цѣлію, въ іюлѣ 1860-го года, въ Печилійскомъ заливѣ, было сосредоточено болѣе 200 судовъ и канонерскихъ лодокъ Англо-Французской эскадры. Послѣ рекогносцировки, произведенной французскимъ отрядомъ, оказалось, что форты на р. Бейтонъ совершенно пусты. Но адмиралы Гопъ и Шормеръ, все-таки подозрѣвая и въ этомъ случаѣ хитрость и предательство китайцевъ, открыли по совершенно пустымъ фортамъ огонь, сбившій только простыни, которыми были завѣшаны амбразуры.

Вслѣдъ за тѣмъ съ судовъ были высажены войска, которыя набросились на многолюдное и совершенно мирное мѣстечко Бейтонъ, гдѣ и предавались грабежамъ и всякаго рода насиліямъ въ теченіе своего одиннадцатидневнаго тамъ пребыванія. Въ особенности подверглись всевозможнымъ насиліямъ и мученіямъ женщины. 31-го іюля, по высадкѣ всѣхъ войскъ, союзники двинулись къ р. Пейхо. Расположенный на пути укрѣпленный лагерь, оказался оставленнымъ китайцами, но находившійся вблизи его 5-ти тысячный отрядъ монгольской конницы, завидя приближеніе союзной арміи, понесся на нее, проскакалъ черезъ англійскую пѣхоту, едва успѣвшую свернуться въ каре, прорвалъ англійскую кавалерію и наскочилъ на англійскую батарею.

Не имѣя никакого другого оружія, кромѣ тупыхъ желѣзныхъ мечей и луковъ со стрѣлами, и встрѣченная огнемъ англійской пѣхоты и артиллеріи, монгольская конница должна была разсѣяться, не нанеся особеннаго вреда союзнымъ войскамъ, хотя англичане и французы утверждали, что въ рядахъ монголовъ были русскіе офицеры. 9-го августа 1860 года были взяты форты на устьѣ р. Пейхо. Затѣмъ, разграбивъ, по своему обыкновенію, сел. Дагу (Таку), союзники снова заняли Тянь-Цзинь, куда вскорѣ прибылъ и нашъ посланникъ генералъ Николай Павловичъ Игнатьевъ.

Переговоры, начатые въ Тянь-Цзинѣ, съ явившимися туда уполномоченными, повидимому, не обѣщали привести къ желаемымъ результатамъ и союзники, не прекращая этихъ переговоровъ, рѣшились во всякомъ случаѣ двинуться къ Пекину.

На этомъ пути произошли два сраженія съ китайцами: одно при городѣ Чжанъ-Цзя-Ванъ, который былъ разграбленъ англійскими войсками, производившими въ немъ самыя страшныя опустошенія и самыя злодѣйскія безчинства, а другое у моста Пали-Цзяо въ 4-хъ верстахъ отъ Тунъ-Чжоу. Союзники овладѣли мостомъ, причемъ китайцы были обращены въ бѣгство, съ потерею болѣе 40 орудій.

Послѣ сраженія при Па-ли-Цзяо, Богдыханъ бѣжалъ изъ Пекина съ Верховнымъ Совѣтомъ въ Монголію. По приближеніи союзниковъ къ Пекину, китайскія войска, собранныя въ его окрестностяхъ, скрылись, и 24 сентября 1860 года французы и англійская иррегулярная кавалерія безпрепятственно заняли загородный дворецъ Богдыхана—Хай-дянь.

По словамъ полковника Д. И. Романова, состоявшаго при Генералъ-Губернаторѣ Восточной Сибири графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ и имѣвшимъ полную возможность собрать самыя достовѣрныя свѣдѣнія о тогдашнихъ событіяхъ въ Пекинѣ по занятіи его союзниками,—французы кинулись на грабежъ дворца и, послѣ 4-хъ часового опустошенія, послали сказать англичанамъ, что они нашли огромныя богатства и, какъ братья, приглашаютъ ихъ подѣлиться съ ними. Тогда англичане бросились доканчивать все, что не успѣли истребить и захватить французы. Здѣсь захваченъ былъ дипломатическій архивъ и расхищены несмѣтныя сокровища, заключавшіяся въ золотыхъ истуканахъ, блюдахъ, вазахъ и другихъ издѣліяхъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями, въ жемчужныхъ уборахъ, ожерельяхъ, драгоцѣнныхъ камняхъ, уоскошнаго убранства комнатъ, мебели, утвари, посуды, гардеробовъ Богдыхана и его двора,—складовъ суконъ, шелковыхъ ма-

терій и проч., которыми были загружены цѣлые сараи и магазины.

Однихъ столовыхъ часовъ насчитывали около 120-ти, многіе изъ которыхъ были украшены камнями и жемчугомъ, который солдаты выковыривали штыками. Начальства не только что не удерживали войска отъ грабежа, но, напротивъ, весьма усердно помогали имъ въ этомъ. Послѣ всѣ съ завистью указывали на одного французскаго офицера, который успѣлъ захватить разныхъ вещей на 600 тысячъ франковъ. Говорили, что и сынъ генерала Монтобана, имѣя возможность, какъ сынъ главнокомандующаго, приказать солдатамъ грабить для него,—успѣлъ нагрузить нѣсколько повозокъ, цѣнностью на 300 тысячъ франковъ. Одинъ французскій солдатъ объявилъ послѣ грабежа, что онъ служить не желаетъ и готовъ поставить за себя хотя бы и 40 человѣкъ, потому что у него въ карманѣ 120 тысячъ франковъ.

Весьма многіе успѣли захватить на 15—20 тысячъ франковъ. Многіе офицеры жаловались, что они не имѣли случая участвовать въ грабежѣ, потому что находились со своими отрядами на службѣ. Два англійскихъ полка, не участвовавшіе въ грабежѣ, взбунтовались. Лордъ Эльгинъ приказалъ оставить каждому у себя по одной вещи для воспоминанія (pour souveuir), а остальныя снести въ главную квартиру, продать тамъ съ аукціона и вырученную сумму раздѣлить между всѣми поровну. Разумѣется, что представлены были только тѣ вещи, которыхъ не было средствъ тащить съ собою. Но и ихъ набралось такъ много, что по продажѣ и офицерамъ и солдатамъ достались довольно значительныя суммы. Носился слухъ, что будто бы въ числѣ награбленныхъ вещей былъ драгоцѣнный кинжалъ въ золотой оправѣ съ весьма крупными бриллiантами, привезенный русскимъ посломъ Измайловымъ въ подарокъ Богдыхану, и что будто бы этотъ кинжалъ назначенъ въ подарокъ императору Наполеону. Цѣнность всѣхъ сокровищъ, расхищенныхъ, поломанныхъ и истребленныхъ во дворцѣ Хай-дянь, опредѣлялась въ 60 милліоновъ франковъ. Между тѣмъ, по прибытіи осадныхъ орудій, союзники начали готовиться къ бомбандированію Пекина. Предполагалось также пробить брешь въ городской стѣнѣ, подъ которую были подведены мины. Съ своей стороны китайцы поставили свою гвардію—албазинцевъ—для защиты городскихъ сѣверо-восточныхъ воротъ, а на остальной стѣнѣ,—находилось до 25-ти тысячъ совершенно безоружныхъ китайцевъ. Стоявшимъ въ первыхъ рядахъ розданы были бѣлые платки и приказано ими махать при приближеніи варваровъ къ стѣнѣ, такъ какъ бѣлый

цвѣтъ, какъ парламентерскій, можетъ помочь въ этомъ случаѣ. Но если варвары, несмотря на это полѣзутъ на стѣну, то было приказано сыпать на нихъ изъ мѣшковъ известь и лить горячую воду изъ заранѣе поставленныхъ чановъ.

Однако же китайцы не выждали нападенія союзныхъ войскъ и 1 октября рѣшились, наконецъ, открыть Ань-динь-Минскія ворота, которыя тотчасъ же были заняты англо-французскими войсками. Послѣ этого союзники, прежде какихъ-либо дальнѣйшихъ дѣйствій, настоятельно потребовали отъ китайцевъ выдачи плѣнныхъ европейцевъ изъ числа 37, захваченныхъ въ разное время, что и было исполнено. Возвращенные плѣнные были страшно изнурены перенесенными ими страданіями. По словамъ Д. И. Романова, китайцы связывали плѣннымъ руки вмѣстѣ съ ногами, продѣвали между нихъ палки, концы которыхъ клали себѣ на плечи, и въ подобномъ висячемъ положеніи несли ихъ 28 часовъ, слѣдуя окольными дорогами, потому что прямое разстояніе Тунъ-Чжоу (гдѣ было болѣе захвачено плѣнныхъ) до Пекина не превышаетъ 5 часовъ ходьбы. Въ Пекинѣ и въ загородномъ дворцѣ Хай-дянь, плѣнныхъ европейцевъ, крѣпко скованныхъ по рукамъ и ногамъ, томили голодомъ, днемъ выставляли на палящій зной, лицомъ къ солнцу, а на ночь отводили въ грязные и смрадные чуланы, переполненные гадами и насѣкомыми, и тамъ подвѣшивали къ потолку за скованныя назадъ руки. У многихъ на рукахъ и ногахъ отъ оковъ сдѣлались гнойныя раны, наполненныя червями. Нѣкоторые отъ такихъ истязаній лишились употребленія рукъ и ногъ.

Нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и англійскаго переводчика Паркса, шесть разъ взводили на эшафотъ и клали голову на плаху; Парксъ спасся тѣмъ, что, хорошо говоря по-китайски, объявилъ, что онъ русскій и что наши войска придутъ въ Пекинъ и жестоко отомстятъ за его смерть. Наконецъ, остальныхъ плѣнныхъ китайцы выдали мертвыми въ гробахъ. По вскрытіи труповъ европейскими врачами оказалось, что большая часть умерли отъ физическихъ изнуреній и лишеній. У нѣкоторыхъ труповъ внутренности были выѣдены крысами и даже свиньями; у нѣкоторыхъ кисти рукъ были отъѣдены крысами.

Несмотря на взятіе укрѣпленій при устьѣ р. Хай-хе, овладѣніе городами: Тянь-Цзиномъ и Тунъ-Чжоу и, наконецъ, прибытіе уполномоченныхъ Западныхъ державъ къ Пекину, положеніе союзныхъ войскъ нельзя было признать вполнѣ обезпеченнымъ. Окрестности Пекина были совершенно разорены и опустошены, а жители бѣжали. Французы не имѣли заготовленныхъ запасовъ и

добывали продовольствіе фуражировкой и грабежомъ. У англичанъ привезенные запасы истощились. Войска находились посреди громаднаго населенія, проникнутаго чувствомъ злобы и глубокой ненависти къ европейцамъ. Къ тому же въ самомъ Пекинѣ, по случаю бѣгства Богдыхана, не было никакого правительства.

Между тѣмъ, нашъ посланнихъ генералъ Н. П. Игнатьевъ, послѣ свиданія, которое онъ имѣлъ съ союзными уполномоченными: барономъ Гро и лордомъ Эльгиномъ, рѣшился 4 октября въѣхать въ Пекинъ, гдѣ и остановился въ нашемъ подворьѣ. Вскорѣ къ нему явились старшіе китайскіе чиновники и обратились за совѣтомъ: что имъ дѣлать въ такомъ крайне непріятномъ положеніи, въ которомъ они находились.

Вслѣдъ за тѣмъ нашъ посланникъ получилъ письмо отъ младшаго брата Богдыхана Гунъ-Цинь-Вана, оставшагося правителемъ государства, съ благодарностью за участіе и посредничество нашего посланника въ дѣлѣ предстоявшихъ сношеній съ представителями Западныхъ европейскихъ державъ. 7 октября нашъ посланникъ вновь видѣлся съ барономъ Гро и лордомъ Эльгиномъ и узналъ, въ чемъ именно заключаются ихъ требованія отъ китайцевъ. Оказалось, что они требовали уплаты контрибуціи по 8 милл. ланъ (по 15 милл. рублей) для Англіи и для Франціи, всего 30 милл. и, сверхъ того, 1 милл. вознагражденія лицамъ, пострадавшимъ въ плѣну у китацевъ и семействамъ умершихъ. Возвратившись въ тотъ же день въ Пекинъ, генералъ Игнатьевъ созвалъ къ себѣ важнѣйшихъ чиновниковъ и успѣлъ убѣдить ихъ дать представителямъ Западныхъ державъ скорый и удовлетворительный отвѣтъ. Китайцы поспѣшили исполнить это требованіе и составленный ими отвѣтъ принесли въ наше подворье на предварительный просмотръ нашего посланника.

Точно также и впослѣдствіи, когда уже начались переговоры съ посланниками Западныхъ державъ, китайскіе чиновники ничего не предпринимали, не спрося предварительно мнѣнія и указаній нашего посланника генерала Н. П. Игнатьева. 12 октября, союзные уполномоченные въѣхали въ Пекинъ.

Въ этотъ и въ слѣдующій день были подписаны въ палатѣ церемоній (Ли-бу) лордомъ Эльгиномъ, барономъ Гро и Гунъ-Цинъ-Ваномъ дополнительныя конвенціи, а затѣмъ послѣдовалъ и размѣнъ ратификацій Тянь-Цзинскаго трактата 1858 года. По этому трактату англичане получили 15 милл. военной контрибуціи, участокъ земли на материкѣ противъ Гонъ-Конга и открытіе Тянь-Цзина и другихъ городовъ для торговли. Расходы, сдѣланные Англіей для экспедиціи въ Китай, были такъ значительны

что полученная отъ китайцевъ контрибуція не могла покрыть ихъ полностію. Одни перевозочныя средства обходились Англіи до 1 милл. фунтовъ стерлинговъ ежемѣсячно.

Съ 19 октября началось выступленіе изъ Пекина французскихъ, а спустя нѣкоторое время и англійскихъ войскъ. Но еще до этого выступленія, около 12 октября, богдыханскій дворецъ Хай-дянь былъ совершенно уничтоженъ англійскими войсками: строенія сожжены и взорваны, сады и парки вырублены. Отъ великолѣпныхъ зданій не осталось камня на камнѣ, а на мѣстѣ тѣнистыхъ садовъ и парковъ образовалась голая равнина.

По удаленіи союзныхъ войскъ изъ Пекина самъ Гунъ-Цинъ-Ванъ, братъ Богдыхана, 29 октября прибылъ въ наше южное подворье къ нашему посланнику. Генералъ Игнатьевъ, поздравивъ Гунъ-Цинъ-Вана съ благополучнымъ окончаніемъ многотруднаго дѣла съ двумя Западными державами и при этомъ случаѣ напомнилъ объ обѣщаніи рѣшить неоконченныя дѣла между Россіей и Китаемъ. Должно сказать, что переговоры по этимъ дѣламъ были открыты въ нашемъ подворьѣ еще во второй половинѣ октября. Для веденія этихъ переговоровъ Гунъ-Цинъ-Ванъ назначилъ президента Жуй, совѣтниковъ палатъ: Линь, Бао и Чэнь. На происходившихъ въ нашемъ подворьѣ конференціяхъ, китайскіе сановники выказали много упорства по нѣкоторымъ статьямъ и въ особенности относительно разграниченія на востокѣ и о сухопутной торговлѣ. Наконецъ, 22 октября, послѣ продолжительныхъ преній, пришли къ окончательному соглашенію по всѣмъ пунктамъ.

31 октября прибыли въ наше подворье три китайскихъ чиновника, неся надъ головами желтый ящикъ, въ которомъ была вложена копія съ указа Богдыхана, утверждающаго проектъ договора, составленнаго по взаимному соглашенію между русскимъ и китайскимъ уполномоченными. Копія съ указа была вручена нашему посланнику при бумагѣ Гунъ-Цинъ-Вана. 2 ноября 1860 г., въ четвертомъ часу пополудни, прибылъ въ наше южное подворье Гунъ-Цинъ-Ванъ въ парадномъ костюмѣ, вышитомъ золотыми драконами, символомъ Императорской фамиліи, съ блестящей свитою, въ числѣ которой находились и сановники, участвовавшіе въ переговорахъ.—Въ четыре часа договоръ былъ подписанъ обѣими сторонами, а равно и протоколъ размѣна этого договора, что было необходимо для того, чтобы китайцы не могли отступить отъ указа Богдыхана и сказать, что князь Гунъ подписалъ договоръ по ошибкѣ и по принужденію. Новый договоръ былъ утвержденъ и скрѣпленъ печатями тѣмъ же порядкомъ и

въ той же степени, какъ и договоры, заключенные съ Англiей и Францiей. При отъѣздѣ нашего посланника въ предѣлы Россiи, Гунъ-Цинъ-Ванъ выказалъ ему такую же предупредительность, какою онъ пользовался во все время пребыванiя своего въ Пекинѣ. До г. Калгана его несли на плечахъ въ носилкахъ по особому церемонiалу. Для дальнѣйшаго проѣзда по Монголiи, было собрано до 6 тыс. лошадей и 4.500 конныхъ провожатыхъ.

Весь переѣздъ отъ Калгана до Урги (3.500 верстъ) былъ совершенъ въ восемь дней. По распоряженiю Гунъ-Цинъ-Вана, Пекинскiй договоръ былъ тогда же отправленъ въ г. Ургу съ приказанiемъ немедленно перевести его на монгольскiй языкъ къ прiѣзду нашего посланника. При этомъ было упомянуто о важныхъ заслугахъ, оказанныхъ генераломъ Игнатьевымъ Маньчжурскому правительству. Китайцы, повидимому, сознавали, что благодаря уму, энергiи и блестящимъ прирожденнымъ дипломатическимъ способностямъ нашего посланника, были устранены важныя осложненiя, могущiя грозить Пекину страшнымъ кровопролитiемъ. Все это было оцѣнено по достоинству также и уполномоченными Англiи и Францiи и другими иностранцами. Такъ французскiе архiепископы: Ануйль и Мули, благословляли его старанiе отвратить кровопролитiе въ Пекинѣ, ламы молились за него какъ за охранителя неприкосновенности ихъ храмовъ; даже Ургинскiй Кутухта, прислалъ генералу Игнатьеву благодарственную грамоту.

Глава II.

Пекинскiй договоръ и его важное государственное значенiе для Россiи. Приведенiе въ исполненiе постановленiй этого договора по отношенiю къ разграниченiю между Россiей и Китаемъ. Съѣздъ комиссаровъ по разграниченiю на крайнемъ востокѣ и постановка пограничныхъ знаковъ на восточной границѣ. Прибытiе въ Омскъ вновь назначеннаго Генералъ-Губернатора Западной Сибири генерала А. О. Дюгамеля. Назначенiе меня комиссаромъ по постановкѣ западной китайской границы.

Пекинскiй договоръ, заключенный генераломъ Н. П. Игнатьевымъ, по важности достигнутыхъ результатовъ и блестящему образу дѣйствiй нашего посланника, въ самое короткое время успѣвшему поставить на высокую степень могущества значенiе Россiи въ Китаѣ, представляетъ собою, можно сказать, небывалый примѣръ въ исторiи нашихъ дипломатическихъ сношенiй съ правительствомъ Богдыхана. По этому договору, впервые была установлена прочная государственная граница на западныхъ предѣлахъ

Китая, до тѣхъ поръ въ теченiе столѣтiя остававшаяся неопредѣленною никакими предшествовавшими трактатами съ Пекинскимъ правительствомъ. Понятно, что неопредѣленность границъ на такомъ огромномъ протяженiи отъ Шабина Дабага на юго-западной оконечности Восточной Сибири до бывшихъ кокандскихъ владѣнiй, неоднократно порождали волненiя и безпокойства на границѣ, а также грабежи и насилiя въ средѣ приграничныхъ кочевыхъ инородцевъ. Все это подавало поводъ къ непрiязненнымъ сношенiямъ какъ между пограничными властями обоихъ государствъ, такъ и между ихъ центральными правительственными учрежденiями. Съ постановкою же на этихъ окраинахъ Россiи и Китая государственной границы, упомянутыя неустройства прекратились сами собой и сверхъ того, въ силу государственнаго акта, переходили на вѣчныя времена во владѣнiе Россiи всѣ земли на юго-востокѣ Семирѣченскаго и Заилiйскаго края, занимаемыя киргизами Большой и Дикокаменной орды, власть надъ которыми неоднократно оспаривали у насъ китайцы, а также богатый Курчумскiй край съ озеромъ Зайсаномъ и нижнимъ теченiемъ р. Чернаго Иртыша.

Не менѣе важное значенiе имѣетъ Пекинскiй договоръ и въ отношенiи къ установленiю нашей восточной границы. Граница эта, какъ извѣстно, была опредѣлена Айгунскимъ трактатомъ 16-го мая 1858 года только по теченiю р. Амура до слiянiя его съ р. Уссури. Далѣе же, отъ р. Уссури до моря, граница не была опредѣлена точнымъ образомъ какъ по этому трактату, такъ и по заключенному въ Тянь-Цзинѣ 1-го iюля 1858 года. По Пекинскому договору, оба эти трактата, торжественно подтвержденные китайскимъ правительствомъ, были дополнены и распространены, причемъ была ясно и подробно обозначена и конечная часть восточной границы отъ устья р. Уссури до озера Ханка и далѣе до моря.

Вслѣдствiе чего Амурскiй и Уссурiйскiй край, вмѣстѣ съ побережьемъ Восточнаго океана, до самой Кореи на вѣчныя времена отошли къ владѣнiямъ Россiи.

Переходя къ разсмотрѣнiю другихъ постановленiй Пекинскаго договора, должно остановиться на тѣхъ статьяхъ его, которыя касаются порядка правительственныхъ сношенiй между начальниками сопредѣльныхъ областей и другихъ болѣе обширныхъ территорiальныхъ районовъ, а также Главнаго Начальника Восточно-Сибирскаго края съ высшими правительственными учрежденiями въ Пекинѣ. Чтобы оцѣнить всю важность этихъ постановленiй, должно замѣтить, что по Буринскому трактату 1727 г.,

всѣ дипломатическія сношенія между Россіей и Китаемъ должны были производиться черезъ посредство съ одной стороны: нашего Правительствующаго Сената, вѣдѣнію котораго подлежали въ то время всѣ дѣла въ порядкѣ высшаго государственнаго управленія, а съ другой—Пекинскимъ трибуналомъ внѣшнихъ сношеній, въ которомъ сосредоточивались всѣ дѣла, относящіяся до Монголіи, Маньчжуріи и другихъ вассальныхъ земель, признаваемыхъ по отношенію къ собственному Китаю—внѣшними провинціями. Съ образованіемъ же коллегій, а впослѣдствіи съ учрежденіемъ министерствъ, всѣ бумаги политическаго характера, или такъ называемые листы, посылаемые въ Пекинскій трибуналъ внѣшнихъ сношеній, хотя и составлялись въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ по Азіатскому департаменту, но въ нихъ дѣлалась оговорка, что они отправляются отъ Россійскаго Сената. Всякія отступленія отъ этой формы сношеній вызывали со стороны китайцевъ самые наглые и грубые протесты. Такъ въ 1732 году, при возвращеніи китайскихъ пословъ изъ Петербурга въ Пекинъ, въ отвѣтной грамотѣ, переданной посламъ нашимъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ, было написано вмѣсто: «изъ Россійскаго Сената»— «изъ Государственнаго трибунала иностранныхъ дѣлъ управляющаго». По полученіи этой грамоты, Пекинскій трибуналъ отослалъ ее обратно въ нашъ Сенатъ и увѣдомилъ его, что эту грамоту: «не прочитавъ, паки запечатавъ, посылаетъ оную обратно съ тѣмъ, что ежели и впредь не отъ Россійскаго Сената будутъ посылаемы грамоты, оныхъ не только въ Пекинъ ввозить, но и на границѣ принимать запрещено будетъ».

Первый, положившій начало перемѣнѣ правительственныхъ сношеній между двумя государствами, былъ Генералъ-Губернаторъ Восточной Сибири Графъ Муравьевъ-Амурскій. Онъ сталъ сноситься съ Пекинскимъ трибуналомъ внѣшнихъ сношеній прямо отъ своего имени. Затѣмъ прежній порядокъ сношеній былъ нѣсколько измѣненъ по Тяньцзинскому трактату 1858 года. Окончательное же утвержденіе новаго порядка правительственныхъ сношеній состоялось по Пекинскому договору. Такъ право пограничныхъ сношеній предоставлено по этому договору Военнымъ Губернаторамъ Амурской и Приморской областей съ Хай-луньцзянскимъ и Гиринскимъ Главнокомандующими, а также Кяхтинскому пограничному комиссару съ Цзарьгучеемъ. Впослѣдствіи по Чугучакскому договору—Томскому губернатору и Военному Губернатору Семипалатинской области было то же предоставлено право сношеній съ Улясутайскимъ Цзянь-цзюнемъ и Кобдоскимъ Хэбэй-Амбанемъ. Въ дѣлахъ особой важности, Генералъ-Губернатору Восточной Сибири предоставлено право имѣть письменныя сношенія съ Верховнымъ Совѣтомъ (Цзюнь-цзи-чу) или съ Палатою Внѣшнихъ Сношеній (Ли-фань-юань). Кромѣ права имѣть русскихъ консуловъ въ городахъ Западнаго Китая: Чугучакѣ и Кульджѣ, установленнаго Кульджинскимъ трактатомъ 1851 года по Пекинскому договору, предоставлено право также имѣть консульства и учредить факторію въ сѣверной Монголіи въ г. Ургѣ, а равно и въ Китайскомъ Туркестанѣ или Малой Бухаріи въ г. Кашгарѣ, находящемся въ 350 верстахъ отъ Кашмира. Учрежденіе всѣхъ этихъ консульствъ неоспоримо имѣетъ важное значеніе для болѣе широкаго распространенія нашихъ торговыхъ сношеній съ Монголіей и Средне-Азіатскими ханствами.

Въ ряду мѣръ, установленныхъ Пекинскимъ договоромъ для развитія нашей сухопутной торговли съ Китаемъ, должно упомянуть о предоставленіи русскимъ купцамъ права производства безпошлинной сухопутной торговли внутри Китая и мелочной торговли во всей Монголіи. Этимъ оказана сильная поддержка нашей китайской торговлѣ, расширенъ кругъ торговыхъ операцій и открытъ путь къ устройству внутри Китая чайныхъ рынковъ на самихъ чайныхъ плантаціяхъ.

Наконецъ, Пекинскій договоръ точно опредѣляетъ способы и порядокъ разбирательствъ всѣхъ несогласій и ссоръ, могущихъ возникнуть между торгующими или пограничными жителями, а также подтверждаетъ установленную Айгунскимъ трактатомъ безпошлинную торговлю на всемъ пространствѣ Амурскаго и Уссурійскаго края, равно плаваніе и торговлю по р. Сунгари.

Приведеніе въ исполненіе постановленій Пекинскаго договора, собственно по разграниченію двухъ имперій, заключалось во-первыхъ: въ точномъ и подробномъ опредѣленіи граничной черты на основаніи договора и соотвѣтственно топографическому характеру пограничной мѣстности, а также составленіе протокола, заключающаго въ себѣ подробное описаніе границы, обозначенной въ Пекинскомъ договорѣ лишь въ общихъ чертахъ, и во-вторыхъ: въ проведеніи пограничной черты въ натурѣ, т. е. въ постановкѣ на самой мѣстности пограничныхъ знаковъ.

Восточная граница наша съ Китаемъ, обозначенная на значительной части своего протяженія, рѣзкимъ рубежемъ естественнымъ: р.р. Амуромъ и Уссури, требовала болѣе подробнаго опредѣленія только въ южной ея части—отъ озера Ханка до моря. Для переговоровъ съ китайцами по постановкѣ этого крайняго участка границы, были назначены съ нашей стороны комиссарами: Военный Губернаторъ Приморской области Восточной Сибири

Контръ-Адмиралъ Козакевичъ и Оберъ-Квартирмейстеръ войскъ Восточной Сибири полковникъ Будогоскій. 30-го мая 1861 года они прибыли на нашъ постъ Турій-Рогъ на озерѣ Ханка. Нѣсколько ранѣе прибыли на р. Усачи и китайскіе комиссары. 1-го іюня пріѣхали на нашъ постъ китайскіе чиновники и заявили, что комиссары Срединнаго государства прибудутъ на Турій-Рогъ 3-го іюня. Изъ объясненій съ прибывшими чиновниками оказалось, между прочимъ, что рѣчку Туръ, на которой расположенъ нашъ постъ Турій-Рогъ, китайцы не признаютъ за Беленъ-Хэ, отъ которой должно начаться разграниченіе по трактату, но указывали на другую съ такимъ же названіемъ Бейчи-хэ, по южную сторону озера. Такое начало, повидимому, не предвѣщало успѣшнаго хода разграниченія, тѣмъ болѣе, что свиданіе нашихъ комиссаровъ съ китайскими, вмѣсто обѣщаннаго ими 3-го іюня, едва могло состояться 6-го числа и то послѣ отправленнаго китайцамъ письменнаго заявленія отъ нашихъ комиссаровъ, написаннаго въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ.

На первомъ свиданіи, 6-го іюня, между нашими и китайскими уполномоченными съ самаго начала возникли разногласія почти по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію.

Такъ китайцы утверждали, что граница русскихъ земель должна итти отъ устья р. Уссури вверхъ до истоковъ и что пространство между Уссури и моремъ должно считаться нейтральнымъ и не можетъ быть заселяемо. Въ подтвержденіе этого, они ссылались на то, что на общей картѣ, о которой упоминается въ 1-ой ст. Пекинскаго договора, эта часть границы не была обозначена красною чертою. Далѣе китайцы утверждали, что рѣка, на которой поставленъ нашъ постъ, называется Куйтунъ-бира и названіе это не имѣетъ никакого сходства съ Беленъ-хэ.

Всѣ эти неосновательныя домогательства китайцевъ были тотчасъ же опровергнуты нашими комиссарами. Тѣмъ не менѣе, только послѣ самыхъ продолжительныхъ споровъ и преній, китайцы начали мало, по-малу убѣждаться, что и на ихъ собственныхъ картахъ постъ Турій-Рогъ находится на р. Беленъ-хэ и что Куйтунъ-бира впадаетъ вблизи ея въ озеро Ханка, а р. Бейчи-хэ, которую они смѣшивали съ Беленъ-хэ (*хэ* по китайски, а *бира* по маньчжурски означаетъ рѣку), не впадаетъ въ озеро, а въ р. Мо, и въ весьма большомъ разстояніи отъ озера Ханка.

Затѣмъ на этомъ свиданіи рѣшено было: для разъясненія всѣхъ возникшихъ недоразумѣній и составленія краткаго описанія границы командировать въ китайскій лагерь помощника комиссаровъ Генеральнаго Штаба капитана Турбина, для совѣщанія съ которымъ по этому дѣлу будутъ назначены китайскими комиссарами особые чиновники.

7-го іюня состоялось свиданіе капитана Турбина съ китайскими чиновниками. Послѣ продолжительныхъ преній, китайцы согласились составить описаніе границы во всемъ согласно нашимъ требованіямъ, за исключеніемъ только проведенія ея по водораздѣлу между Сунгача и Муренью до верховьевъ Беленъ-хэ, какъ первоначально предлагали наши комиссары. 9-го іюня китайскіе чиновники привезли въ нашъ лагерь составленный ими проектъ описанія границы. По разсмотрѣніи его оказалось, что всѣ прежнія недоразумѣнія не только не устранялись, но возникали еще новыя осложненія. Такъ китайцы включили въ описаніе границы: дозволеніе китайскимъ чиновникамъ наблюдать за жителями китайскаго происхожденія, оставшимся на той части китайской территоріи, которая по новому разграниченію отошла къ владѣніямъ Россіи. Послѣ возникшихъ по этому случаю преній съ китайскими чиновниками, они взяли свое описаніе обратно.

10-го іюня состоялось свиданіе нашихъ и китайскихъ комиссаровъ въ ихъ лагерѣ. За двѣ версты до этого лагеря, были приготовлены особые шатры для пріема нашихъ комиссаровъ. Вдали виденъ былъ большой лагерь китайцевъ, имѣвшій до 200 палатокъ и цѣлые табуны лошадей. По слухамъ, у китайцевъ было одной прислуги до 1500 чел. На этомъ свиданіи всѣ прежнія разногласія о мѣстѣ теченія рѣки Беленъ-хэ снова возобновились. Китайцы съ тупымъ упорствомъ старались отстаивать свое прежнее мнѣніе и, въ тоже время, не соглашались на предложеніе нашихъ комиссаровъ — рѣшить спорные вопросы на самой мѣстности, говоря, что это совершенно излишній трудъ. Наконецъ дѣло дошло до того, что наши комиссары, не видя никакой возможности добиться отъ китайцевъ положительныхъ результатовъ по дѣлу о проведеніи граничной черты между озеромъ Ханка и моремъ, рѣшились прекратить переговоры и встали изъ-за стола, чтобы удалиться. Тогда китайцы стали уговаривать нашихъ комиссаровъ не уходить, обѣщая все исполнить по нашему желанію. Во время возобновившихся снова переговоровъ, возникъ вопросъ объ обозначеніи границы на картѣ. Когда же граничная черта была обозначена нашими комиссарами, причемъ южная оконечность ея была проведена отъ устья р. Беленъ-хэ къ устью р. Хубиту и далѣе до р. Тумынь-цзяна, то китайцы были видимо довольны этимъ и передъ отъѣздомъ нашихъ ко-

миссаровъ просили оставить имъ нашу карту, съ обозначенною на ней карандашомъ чертою границы, обѣщая выслать ее на другой день вмѣстѣ съ проектомъ описанія границы.

Послѣ такого обоюднаго миролюбиваго соглашенія между нашими и китайскими комиссарами, повидимому, можно было ожидать скораго и вполнѣ благопріятнаго окончанія дѣла разграниченія. Но оказалось, что окончательно сломить тупое упорство китайцевъ и ихъ природную недовѣрчивость и закоренѣлую подозрительность, что мы желаемъ отобрать отъ нихъ какъ можно болѣе земли,—было не такъ легко.

Дѣйствительно, на другой день, 11-го іюня, по данному обѣщанію, китайскіе чиновники привезли нашу карту и проектъ описанія границы. Этотъ проектъ, хотя и былъ составленъ, согласно съ трактатомъ, но китайцы включили въ него такія условія, на которыя наши комиссары никакъ не могли согласиться.

Такъ китайцы требовали, между прочимъ, чтобы русскимъ не дозволялось селиться на границѣ ближе 20-ти китайскихъ ли т. е. 10 верстъ. Вслѣдствіе этого, снова возникли споры съ китайскими чиновниками. Послѣ продолжительныхъ преній, съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, уговорить китайцевъ исключить изъ описанія границы введенныя ими упомянутыя выше условія.

Затѣмъ, на имѣющейся у китайцевъ картѣ была обозначена красною краскою граничная черта. Когда же имъ были показаны приготовленныя для обмѣна карты въ 5-верстномъ масштабѣ, то китайцы рѣшительно отказались взять ихъ, ссылаясь на то, что они могутъ принять отъ насъ только карты, сходныя съ общею картою, утвержденною Пекинскимъ договоромъ и которую видѣлъ и одобрилъ Богдыханъ. Во избѣжаніе новыхъ споровъ, которые неминуемо могли бы затянуть переговоры на неопредѣленное время и имѣя въ виду, что, по совершенному непониманію китайцами картографіи, не предвидѣлось никакой возможности уговорить ихъ держаться болѣе подробныхъ и вѣрныхъ картъ, пришлось изготовить для обмѣна съ ними четыре экземпляра картъ, сходныхъ съ имѣвшеюся у китайцевъ общею картою въ меньшемъ масштабѣ. Обозначеніе границы на этой картѣ было возложено на капитана Турбина. При этомъ также не обошлось безъ споровъ и только послѣ семичасового жаркаго пренія, капитанъ Турбинъ успѣлъ провести на китайской картѣ граничную черту, совершенно сходную съ нашею.

Послѣ этого было приступлено къ составленію и переводу текста протокола и описаній границы, а также къ копировкѣ и подписи картъ.

Размѣнъ протокола, картъ и описаній границы состоялся на нашемъ посту Турій-Рогъ — 16-го іюня. Въ этотъ же день поставленъ былъ и первый пограничный знакъ на устьѣ р. Беленъ-хэ,—противъ нашего поста. Постановка остальныхъ пограничныхъ знаковъ возложена была на капитана Турбина совмѣстно съ китайскими чиновниками, которыхъ, вмѣстѣ съ рабочими людьми, рѣшено было поручить нашему офицеру. Послѣ взаимнаго обмѣна подарковъ, китайскіе комиссары, уже успѣвшіе снять свой лагерь, видимо спѣшили уйти съ границы. Причина этого заключалась въ томъ, что они получили извѣстіе изъ Жехэ о тяжкой болѣзни Императора правленія Сянъ-фынъ.

19-го іюня, послѣ постановки второго пограничнаго знака на водораздѣлѣ между озеромъ Ханка и р. Муренью, рѣшено было: капитану Турбину слѣдовать вдоль границы для производства съемки приграничной полосы и постановки пограничныхъ знаковъ, причемъ въ его распоряженіе были назначены: 3 топографа, переводчикъ, 22 рабочихъ и 18 лошадей съ продовольствіемъ на 22 дня.

23-го іюня выѣхали изъ Турьяго-Рога и наши комиссары, которые предполагали также слѣдовать вдоль границы, имѣя частыя сношенія съ капитаномъ Турбинымъ. Вскорѣ Контръ-Адмиралъ Козакевичъ долженъ былъ выѣхать во Владивостокъ, куда онъ былъ призываемъ своими обязанностями по управленію краемъ и командованію флотиліей. Между тѣмъ, капитанъ Турбинъ, при слѣдованіи своемъ вдоль граничной черты, не нашелъ китайскихъ чиновниковъ въ условленномъ мѣстѣ.

Впослѣдствіи оказалось, что они, не имѣя съ собою запаса продовольствія, бродили отъ одной фанзы до другой, добывая себѣ пищу у жителей самыми непозволительными средствами. Только 2-го іюля наши комиссары узнали, что китайскіе чиновники прошли къ верховьямъ р. Мо въ фанзу Зоменъ-тайзу (пріятныхъ сновидѣній). Тогда полковникъ Будогоскій, уже достигшій р. Суйфуна при устьѣ р. Хубиту и, не получая въ теченіе трехъ недѣль никакихъ свѣдѣній о капитанѣ Турбинѣ,—рѣшился отправиться налегкѣ изъ лагеря при устьѣ р. Хубиту въ верховья р. Мо, чтобы лично поставить на водораздѣлѣ пограничный знакъ. Но по прибытіи въ фанзу «пріятныхъ сновидѣній», онъ не засталъ тамъ китайскихъ чиновниковъ и только на другой день, 24-го іюля, успѣлъ захватить 24 китайца, находившихся на отдыхѣ въ другой фанзѣ Па-дао-хэ, откуда они были приведены въ нашъ лагерь на р. Хубиту.

По показаніямъ этихъ китайцевъ оказалось, что они самовольно, безъ нашего соглашенія, поставили пограничный знакъ

въ верховьяхъ р. Няня въ сторонѣ отъ граничной черты. Замѣтивъ китайцамъ неосновательность ихъ поступка, полковникъ Будогоскій объявилъ, что поставленный ими пограничный знакъ долженъ быть уничтоженъ, что вслѣдъ затѣмъ и было исполнено китайцами, вмѣстѣ съ командированными съ ними нашими рабочими изъ нижнихъ чиновъ, подъ вѣдѣніемъ подпрапорщика Трапезникова.

27 іюля, послѣ продолжительнаго отсутствія, прибылъ въ нашъ лагерь капитанъ Турбинъ. Оказалось, что его задержали шедшіе въ теченіе цѣлаго мѣсяца дожди, которые останавливали съемку и растворили почву до такой степени, что движеніе вьюковъ сдѣлалось до крайности затруднительнымъ. Двѣ лошади пали отъ изнуренія, а третья была разорвана тигромъ въ виду бивака. Наши люди, сибиряки, были болѣе привычны къ преодолѣнію мѣстныхъ препятствій, но китайцамъ это казалось чѣмъ-то ужаснымъ. Такъ, при видѣ громадныхъ утесовъ, сдавившихъ р. Малый Суйфунъ въ узкую и мрачную щель, китайцы отказались идти далѣе и, когда одна изъ нашихъ передовыхъ лошадей сорвалась съ утеса и упала въ рѣку, они рѣшительно объявили, что не пойдутъ далѣе и предложили поставить пограничный знакъ на берегу р. Суйфуна. Кончилось тѣмъ, что лошади китайцевъ были проведены въ поводу нашими солдатами черезъ утесы. Вообще, подобные случаи почти ежедневныхъ столкновеній съ предразсудками, привычками и отсталыми понятіями китайцевъ весьма замедляли дѣло постановки границы. Къ тому же старшій китайскій чиновникъ Цзи пришелъ въ совершенное изнуреніе отъ неумѣреннаго употребленія опіума и просилъ отпустить его въ г. Нингуту, повидимому для того, чтобы снова запастись тамъ этимъ продуктомъ. Рѣшено было отпустить Цзи, взявъ предварительно отъ него росписку въ томъ, что всѣ пограничные знаки поставлены на мѣстахъ согласно описанію границы. Изъявивъ на это согласіе, Цзи обѣщался присоединиться къ нашей экспедиціи на р. Хунъ-Чунѣ. Отъ водораздѣла въ верховьяхъ рѣкъ: Хубиту и Хунъ-Чуна, полковникъ Будогоскій и капитанъ Турбинъ направились внизъ по р. Хунъ-Чуну, предполагая затѣмъ перейти прямо къ р. Тумени для постановки пограничнаго знака близъ ея устья. На пути слѣдованія чиновъ Пограничной комиссіи нагналъ ихъ чиновникъ, посланный начальникомъ торговаго мѣстечка Хунъ-Чунъ (по китайски—Хунъ-Чунъ-дифонъ). Этотъ чиновникъ держалъ себя надменно и дерзко, что имѣло неблагопріятное вліяніе на сопровождавшихъ нашу Пограничную комиссію китайцевъ, которые тоже стали обращаться съ нами въ нѣсколько при-

поднятомъ тонѣ. Этотъ чиновникъ объявилъ, что нашихъ судовъ уже давно нѣтъ въ заливѣ Посьета. Изъ дальнѣйшихъ частныхъ разговоровъ съ прибывшими китайцами оказалось, что Хунъ-Чунскій начальникъ, питавшій затаенную злобу къ русскимъ, былъ тотъ самый, который предлагалъ своему правительству вырѣзать нашъ постъ въ заливѣ Посьета и, кромѣ того, онъ же распорядился самовольно поставить пограничный знакъ на самомъ устьѣ р. Тумени въ противность Пекинскому договору, по которому граничная линія упирается въ р. Тумень на 20 китайскихъ ли (10 верстъ) выше впаденія ея въ море. Въ то-же время, пограничной комиссіи сдѣлалось извѣстнымъ о весьма распространенныхъ слухахъ, что китайцы, живущіе въ долинѣ р. Хунъ-Чуна и по сосѣднимъ рѣчкамъ, замышляютъ что-то враждебное противъ маньчжуровъ и что дѣло едва-ли обойдется безъ столкновеній. Понятно, что въ случаѣ подтвержденія этихъ слуховъ на дѣлѣ, могла произойти остановка въ дальнѣйшемъ ходѣ столь важнаго дѣла по разграниченію съ китайцами на востокѣ. А потому полковникъ Будогоскій рѣшился, не теряя времени, принять всѣ мѣры къ скорѣйшему окончанію постановки границы. Съ этою цѣлью капитанъ Турбинъ былъ тотчасъ-же отправленъ прямо къ устью р. Тумени для постановки послѣдняго пограничнаго знака, а самъ полковникъ Будогоскій отправился къ заливу Посьета, чтобы взять вооруженныя гребныя суда съ одного изъ нашихъ клиперовъ, который, по соглашенію съ Контръ-Адмираломъ Козакевичемъ, долженъ былъ ожидать нашихъ комиссаровъ въ Посьетѣ. Съ этими вооруженными судами предполагалось войти, подъ предлогомъ подвоза провіанта, въ р. Тумень и тѣмъ предупредить могущія возникнуть случайности и осложненія въ приграничной мѣстности. 21-го августа полковникъ Будогоскій прибылъ къ заливу Посьета, гдѣ уже стоялъ на якорѣ клиперъ «Разбойникъ», а вслѣдъ затѣмъ пришелъ и корветъ «Гридень». На другой день «Разбойникъ», на который переѣхалъ полковникъ Будогоскій, снялся съ якоря и вышелъ въ открытое море, но по причинѣ противныхъ вѣтровъ, разводившихъ сильное волненіе, клиперъ только на другой день утромъ былъ въ виду р. Тумени. Спущенный съ клипера катеръ не могъ войти въ рѣку, по причинѣ сильныхъ буруновъ на мелководномъ барѣ, и наша команда съ офицеромъ, принужденная высадиться на сосѣдній берегъ, ничего не могла узнать о русскихъ, находившихся близъ устья р. Тумени. Тѣмъ не менѣе, появленіе русскихъ военныхъ судовъ на близкомъ разстояніи въ виду берега не могло не быть замѣчено китайцами и произвело на нихъ должное впечатлѣніе. 26-го августа,

по возвращеніи клипера обратно въ заливъ Посьета, прибылъ туда и капитанъ Турбинъ. Послѣдній пограничный знакъ поставленъ имъ противъ корейскаго города Бянь-лянь-чжи-чень, находящагося въ 22 верстахъ отъ устья р. Тумени. Это сдѣлано потому, что у китайцевъ устьемъ рѣки называется то мѣсто ея теченія, гдѣ прѣсная вода смѣшивается съ соленою. Отъ этого мѣста далѣе до моря рѣка теряетъ свое названіе и обозначается общимъ именемъ Хай-хэ. По измѣреніи нашихъ топографовъ, оказалось, что Хай-хэ, отъ моря вверхъ по теченію рѣки, имѣетъ 12 верстъ протяженія. Далѣе идетъ уже собственно рѣка Тумень, по которой въ разстояніи 10 верстъ, т. е. 20 Китайскихъ ли отъ Хай-хэ, и былъ поставленъ пограничный знакъ, безъ всякихъ возраженій со стороны китайцевъ. Вскорѣ по прибытіи капитана Турбина на р. Тумень для постановки пограничнаго знака, явились къ нему корейскіе чиновники изъ города, находящагося на противоположномъ берегу рѣки. Корейцы выказали дружелюбное расположеніе къ русскимъ и пригласили капитана Турбина посѣтить ихъ городъ. Повидимому, корейцы, ненавидѣвшіе маньчжуровъ и китайцевъ, были очень довольны новымъ сосѣдствомъ съ нами и охотно завели торговлю скотомъ съ начальникомъ нашего поста въ заливѣ Посьета для снабженія имъ нашей флотиліи на Восточномъ океанѣ и постовъ въ заливѣ «Петръ Великій». Между тѣмъ, наши топографы, производившіе съемку долины р. Хунъ-Чуна, 20-го августа, совершенно неожиданно, были окружены въ горахъ партіею въ 200 человѣкъ хорошо вооруженныхъ конныхъ китайцевъ. Они объявили, что ничего не сдѣлаютъ нашимъ дурного, но и не позволятъ идти впередъ себя, чтобы не сообщать о слѣдованіи этой партіи жителямъ, а особенно маньчжурамъ. Послѣ трехсуточнаго совмѣстнаго слѣдованія, китайцы заперли нашихъ топографовъ въ пустой сарай на ночь, а сами съ разсвѣтомъ выступили далѣе. Обстоятельство это указывало, что упомянутые выше слухи о готовящемся вооруженномъ столкновеніи маньчжуровъ съ китайцами, имѣли основаніе. Дѣйствительно, въ скоромъ времени были получены болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ столкновеніи. Оказалось, что китайцы несмотря на свою численность, были побиты маньчжурами и, оставивъ на мѣстѣ побоища до 100 тѣлъ, разбѣжались по окрестнымъ горамъ. По мнѣнію полковника Будогоскаго, бывшее нападеніе на маньчжуровъ даетъ случай замѣтить, что неудавшаяся попытка истребить ихъ есть только начало будущихъ болѣе рѣшительныхъ и болѣе общихъ возстаній.

Это пока предположеніе, но оно весьма скоро перейдетъ въ

дѣйствительность, потому что въ Маньчжуріи, по переписи 1842 года, на 35 т. маньчжуровъ, считается 1.600.000 китайцевъ, которые глубоко ненавидятъ первыхъ. Почему можно утвердительно сказать, что настоящая династія, послѣ изгнанія изъ Китая, не найдетъ себѣ убѣжища и въ Маньчжурію.

Въ приведенномъ выше описаніи постановки нашей восточной границы съ Китаемъ, я позволилъ себѣ коснуться нѣкоторыхъ подробностей въ ходѣ этого дѣла, собственно для того, чтобы выяснить тѣ исключительныя и своеобразныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ приходилось дѣйствовать нашимъ комиссарамъ. Во время переговоровъ, они были вынуждены неотступно и терпѣливо вести непрерывную борьбу съ грубымъ невѣжествомъ и тупымъ упорствомъ китайцевъ. Постановка же пограничныхъ знаковъ была сопряжена съ громадными трудами и лишеніями въ особенности для капитана Турбина, который съ подчиненными ему топографами и рабочими людьми, долженъ былъ слѣдовать по совершенно безлюдной, дикой и суровой мѣстности, гдѣ лѣса, состоя изъ твердыхъ лиственныхъ породъ: дуба, клена, ясеня и орѣха, не допускаютъ никакой возможности дѣлать просѣки. Приходилось ограничиться расчисткою лѣсныхъ зарослей настолько, чтобы могла пройти лошадь. Всѣ эти затрудненія были мужественно и стойко преодолѣны нашими комиссарами. Опытность, пріобрѣтенная ими и ихъ помощникомъ капитаномъ Турбинымъ въ сношеніяхъ съ китайцами, отличное знаніе мѣстности и всѣхъ обстоятельствъ пограничнаго дѣла, а также ихъ неуклонно твердый и настойчивый образъ дѣйствій, неоспоримо содѣйствовали благопріятному окончанію переговоровъ, скорому составленію и размѣну протокола, картъ и описаній границы и, наконецъ, безотлагательной постановкѣ ея на мѣстности отъ озера Ханка до моря. Отдавая въ этомъ отношеніи должную дань уваженія заслугамъ нашихъ комиссаровъ, должно упомянуть также и объ удачномъ выборѣ ими мѣста для переговоровъ на самой границѣ, а именно на р. Беленъ-Хэ (Туръ). Обстоятельство это имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что ставъ на р. Беленъ-Хэ, наши комиссары сразу показали этимъ, что занятую мѣстность, какъ находящуюся на чертѣ государственной границы, мы считаемъ безспорно составляющую русское владѣніе. Китайцы, повидимому, поняли это и, на первыхъ же порахъ, неоднократно пытались удалить насъ съ р. Беленъ-Хэ, чтобы провести границу въ своихъ видахъ. Но всѣ эти попытки были стойко отклонены нашими комиссарами и заставили китайцевъ отказаться отъ своихъ домогательствъ. Несмотря на небольшое протяженіе южнаго

участка восточной границы, требовавшаго постановки только семи пограничныхъ знаковъ, а также и на то, что приграничная мѣстность, а частію и побережье Восточнаго океана, стараніями Генералъ-Губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурскаго и добросовѣстнымъ трудамъ достойнаго представителя нашего флота—рѣшительнаго и смѣлаго адмирала Невельскаго, была большею частію хорошо изслѣдована и снята на планъ,—дѣло постановки этой границы, какъ было изложено выше, не обошлось безъ самыхъ упорныхъ споровъ и пререканій съ Китайцами. Тѣмъ болѣе должно было ожидать подобныхъ же непріязненныхъ столкновеній съ уполномоченными Срединнаго государства при предстоящихъ переговорахъ о проведеніи западной границы. Здѣсь дѣло усложнялось громаднымъ протяженіемъ этой границы, которая въ Пекинскомъ договорѣ, какъ упомянуто выше, была намѣчена лишь въ общихъ чертахъ. Изъ этого видно, что для опредѣленія частностей западной границы, предстояло вести опять новые переговоры съ китайцами и опредѣлить: по какимъ именно горнымъ хребтамъ и рѣкамъ должна быть направлена граница. Нельзя было сомнѣваться, что при этихъ переговорахъ, китайцы заявятъ свои притязанія на приграничныя киргизскія земли и будутъ всѣми мѣрами оспаривать нашъ проектъ границы, какъ это дѣйствительно и оказалось впослѣдствіи. Дѣло это представлялось тѣмъ болѣе трудной задачей, что приграничныя киргизскія земли, которыя, по составленному мною проекту границы, должны были отойти къ владѣніямъ Россіи, въ особенности въ районѣ Зайсанскаго и Курчумскаго края, были, большею частію, весьма мало или даже вовсе не изслѣдованы и не сняты на планъ, такъ что топографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пограничнаго пространства, прилегающаго къ западнымъ предѣламъ Китая, были весьма ограничены и, большею частью, основывались на разспросныхъ свѣдѣніяхъ. Въ этомъ я убѣдился, занимаясь въ теченіе зимы 1860—1861 года, по отъѣздѣ въ Петербургъ Генерала Гасфорда, собираніемъ матеріаловъ, относящихся до пограничныхъ сношеній съ китайцами, которые можно было отыскать въ дѣлахъ Омскаго архива.

По этому предмету была составлена мною подробная записка, въ которой, на основаніи собранныхъ мною матеріаловъ, была проектирована граничная черта, начиная отъ пограничнаго знака Шабина-Дабага, поставленнаго по Буринскому договору 1727-го года на границѣ Томской и Енисейской губерній, по чертѣ водораздѣла, т. е. горнаго разлома хребтовъ: Малаго и Большаго Алтая на озеро Зайсанъ и далѣе по Алатовскимъ горамъ до верховьевъ р. Сыръ-

Дарьи (Нарына). Записка эта была представлена мною вновь назначенному Генералъ-Губернату Западной Сибири Генералу Дюгамелю, вскорѣ по пріѣздѣ его въ Омскъ весною 1861-го года.

Первыя распоряженія, сдѣланныя Генераломъ Дюгамелемъ по вступленіи имъ въ управленіе войсками и краемъ, о которыхъ было мною упомянуто выше (удаленіе Почекунина и упорядоченіе дѣла по поставкѣ провіанта для войскъ Заилійскаго края), произвели на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе и возбудили къ нему всеобщія симпатіи. Александръ Іосифовичъ Дюгамель принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, какъ по своему многостороннему образованію, такъ и по административнымъ способностямъ. Онъ прекрасно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ, турецкимъ и персидскимъ языками. Его французскія письма считались въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ—образцами изящнаго слога. Онъ участвовалъ съ отличіемъ въ Турецкой и Польско кампаніяхъ 1828—1831 годовъ, а также въ извѣстной экспедиціи въ Египетъ и Константинополь Н. Н. Муравьева (впослѣдствіи Главнокомандующій Кавказской арміей) въ 1833 году. Послѣ того онъ занималъ важные и отвѣтственные дипломатическіе посты: генеральнаго консула въ Александріи, посланника въ Тегеранѣ и главнаго комиссара отъ нашего Правительства въ Придунайскихъ княжествахъ въ 1848 и 1849 годахъ и затѣмъ сдѣланъ былъ сенаторомъ. Въ іюлѣ 1861-го года Генералъ Дюгамель получилъ увѣдомленіе отъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ о томъ, что къ проведенію государственной границы между нашими владѣніями и Западнымъ Китаемъ будетъ приступлено въ будущемъ году. Въ текущемъ же 1861-мъ году, предполагалось только условиться съ китайскими комиссарами о времени и мѣстѣ съѣзда въ 1862 г. Для исполненія этого порученія, избравъ меня комиссаромъ отъ иашего Правительства, Генералъ Дюгамель приказалъ мнѣ немедленно отправиться въ Чугучакъ, гдѣ по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ тамошнимъ консуломъ нашимъ Константиномъ Адріановичемъ Скачковымъ, китайскіе уполномоченные уже ожидали пріѣзда русскихъ комиссаровъ. Назначеніе меня комиссаромъ, кромѣ избранія на эту важную и отвѣтственную должность самимъ Генералъ-Губернаторомъ А. О. Дюгамелемъ, обезпечивалось также и тѣмъ, что за это назначеніе высказался и Военный Министръ Д. А. Милютинъ, которому я былъ лично извѣстенъ во время моей службы подъ его начальствомъ въ Кавказской арміи.

Глава III.

Отъѣздъ изъ Омска въ Чугучакъ. Подробное описаніе моихъ первыхъ переговоровъ съ китайскими комиссарами. Причины, вынудившія меня прекратить эти переговоры. Выѣздъ изъ г. Чугучака въ станицу Урджарскую, а затѣмъ далѣе черезъ г.г. Сергіополь и Семипалатинскъ въ Омскъ.

Въ концѣ іюля я, вмѣстѣ съ назначеннымъ мнѣ помощникомъ капитаномъ Андреевымъ выѣхали изъ Омска въ Чугучакъ. Путь нашъ пролегалъ до самаго Семипалатинска вдоль праваго берега р. Иртыша, по такъ называемой Иртышской линіи, занятой станицами и поселками Сибирскаго казачьяго войска. Въ то время еще не существовало пароходнаго сообщенія между Омскомъ и Семипалатинскомъ по р. Иртышу. А потому, мы совершили этотъ переѣздъ на почтовыхъ лошадяхъ, по совершенно ровной дорогѣ, гдѣ на протяженіи 700 верстъ до самаго Семипалатинска, мы не встрѣтили ни одной рѣчки, впадающей въ р. Иртышъ. Но зато вблизи Семипалатинска встрѣтился намъ чрезвычайно трудный подъемъ на песчаную гору, который едва могла одолѣть тройка хорошихъ, свѣжихъ лошадей, запряженныхъ въ нашъ легкій экипажъ. Впослѣдствіи, въ восьмидесятыхъ годахъ, стараніями Военнаго Губернатора Семипалатинской области Генерала А. П. Проценко, была проложена здѣсь хорошая дорога. Въ Семипалатинскѣ мы переправились черезъ рѣку Иртышъ и вступили въ предѣлы Киргизской степи. Отъ Семипалатинска до Сергіополя мы сдѣлали переѣздъ въ 270 верстъ въ однѣ сутки по превосходному естественному шоссе. Отъ Сергіополя мы свернули влѣво на Урджарскую станицу Сибирскаго казачьяго войска, лежащую въ 120 верстахъ отъ г. Сергіополя. Въ то время, на этой окраинѣ Киргизской степи, Урджарская станица, была послѣднимъ населеннымъ пунктомъ, отъ котораго на протяженіи ста верстъ, до самаго Чугучака, не встрѣчалось ни одного русскаго поселенія. Хотя, по своему характеру, я всегда былъ врагомъ всякихъ оффиціальныхъ встрѣчъ и церемоній, но здѣсь, по сосѣдству съ Китаемъ, пришлось пересилить себя и подчиниться необходимости соблюсти нѣкоторую парадность. Такъ въ Урджарѣ, мнѣ былъ выставленъ почетный караулъ, что по консула Скачкова было необходимо, потому что окрестные киргизы, по своему легкомыслію и свойственной имъ привычкѣ переносить вѣсти о начальствѣ съ одного конца степи на другой, доставятъ обо мнѣ вѣсть маньчжурскимъ властямъ въ Чугучакѣ, прежде нежели будетъ извѣстно о томъ самому консулу.

Послѣ непродолжительной остановки въ Урджарѣ, я выѣхалъ оттуда 9-го августа въ сопровожденіи конвоя изъ 25-ти казаковъ. Отъ р. Каргалы, въ 30-ти верстахъ отъ Урджары, гдѣ мы имѣли ночлегъ, я сдѣлалъ переѣздъ къ р. Кокъ-терекъ, откуда были посланы мною въ Чугучакъ четыре казака съ извѣщеніемъ нашего консула о днѣ моего прибытія въ городъ. Продолжая оттуда дальнѣйшее слѣдованіе, я въ тотъ же день 10-го августа прибылъ на ночлегъ близъ китайскаго пикета Бахты, въ 7-ми верстахъ отъ предполагаемой китайской границы. Здѣсь явился ко мнѣ китайскій чиновникъ штабъ-офицерскаго чина, въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ чиновниковъ, посланный Тарбагатайскимъ Хэбэй-Амбанемъ (Чугучакскимъ Губернаторомъ), съ привѣтствіемъ о благополучномъ прибытіи нашемъ и вопросами о здоровьи моемъ и моего помощника. Китайцы просили меня принять, по туземному обычаю, отъ имени Амбаня, съѣстные припасы, состоящіе изъ мѣшка муки и двухъ барановъ. Желая съ своей стороны показать уваженіе къ мѣстнымъ обычаямъ ихъ страны, я принялъ эти припасы и, пригласивъ китайцевъ въ свою юрту, просилъ ихъ передать Хэбэй-Амбаню мой дружескій поклонъ и благодарность за его предупредительную любезность. Вмѣстѣ съ тѣмъ я поручилъ посланнымъ извѣстить Амбаня, что, на другой день утромъ, выѣду въ Чугучакъ въ сопровожденіи конвоя изъ 21-го казака, что необходимо по моему званію уполномоченнаго отъ нашего Правительства. На разсвѣтѣ 11-го августа, прибылъ къ стоянкѣ нашей, близъ пикета Бахты, секретарь консульства нашего въ Чугучакѣ, Г. Вардугинъ, посланный намъ на встрѣчу по приказанію консула. Въ этотъ день предстояло сдѣлать небольшой переѣздъ, около 20-верстъ. А потому, мы снялись съ ночлега въ 8-мъ часу утра и въ 10 часовъ уже были въ виду Чугучака.

Вся мѣстность на пройденномъ нами пространствѣ представляла обширную волнообразную равнину, замыкаемую съ сѣвера горнымъ хребтомъ Тарбагатайскимъ, доходящимъ до высоты 9 тыс. футовъ надъ уровнемъ моря. Отъ продолжительной засухи, трава здѣсь, большею частью, выгорала, и мы имѣли подножный кормъ только въ мѣстахъ низкихъ, по близости арыковъ, т. е. оросительныхъ канавъ, проведенныхъ довольно искусно киргизами и китайцами для орошенія ихъ полей, засѣянныхъ просомъ и пшеницей. Вода большей части рѣчекъ, встрѣчавшихся намъ на пути и принадлежащихъ къ рѣчной системѣ Урджара, была отведена арыками для орошенія полей, такъ что мы переѣзжали черезъ ихъ сухія каменистыя русла, усѣянныя глыбами полевого

шпата. За р. Хатынъ-Су начинаются кочевья киргизъ Байджигитовскаго рода, считавшагося въ то время въ китайскомъ подданствѣ. Большая часть байджигитовъ, имѣя въ это время года свои стойбища въ горныхъ ущельяхъ Тарбагатая, спускается на долину только съ наступленіемъ глубокой осени. Перейдя р. Лай, увидѣли мы китайскія заимки, построенныя весьма тщательно изъ глины и окруженныя такими же стѣнами. Кругомъ растилались хорошо воздѣланныя поля, обильно поливаемыя водою изъ цѣлой сѣти превосходно устроенныхъ каналовъ. Вблизи заимокъ или хуторовъ, находились обширные огороды, засѣяные всевозможными овощами. На этихъ поляхъ, огородахъ и садахъ повсюду копошились трудолюбивые китайцы, которыхъ по справедливости должно признать знатоками по садоводству и огородничеству. Городъ Чугучакъ расположенъ на совершенно открытой мѣстности и, окруженный въ то время садами, имѣлъ привлекательный видъ.

Вступивъ въ городъ въ сопровожденіи конвоя изъ 25 казаковъ съ нѣкоторою торжественностью, мы были встрѣчены нашимъ консуломъ К. А. Скачковымъ. Дальнѣйшее слѣдованіе наше по городскимъ улицамъ происходило посреди многочисленной толпы китайцевъ, татаръ и ташкентцевъ, которые выражали намъ свое привѣтствіе поклонами, а нѣкоторые снимали шляпы. Огромная толпа народа не отставала отъ насъ во все время слѣдованія по городу въ факторію. Но китайцы держали себя весьма прилично: не перебивали дороги, не подбѣгали близко къ лошадямъ и вообще нисколько не нарушали стройности нашего движенія. Продолжая наше церемоніальное шествіе и миновавъ крѣпость, которой стѣны имѣли до 3-хъ саженей высоты, мы прибыли въ нашу факторію, красиво отстроенную при нынѣшнемъ консулѣ и составлявшую тогда украшеніе города. Въ факторіи намъ было отведено хорошее помѣщеніе въ самомъ консульскомъ домѣ. Здѣсь я имѣлъ возможность ближе познакомиться съ нашимъ консуломъ въ Чугучакѣ Константиномъ Адріановичемъ Скачковымъ и его женою, которая оказалась Англичанкой. Гостепріимные хозяева встрѣтили насъ весьма любезно и съ этихъ поръ начались и продолжались со самой кончины Константина Адріановича наши дружескія отношенія, основанныя на взаимной симпатіи и уваженіи.

Въ Китаѣ въ прежнія времена, какъ извѣстно, никогда не обходилось безъ предварительныхъ, иногда продолжительныхъ совѣщаній о церемоніяхъ свиданія съ ихъ властями.

А потому въ день моего пріѣзда въ Чугучакъ, явился ко мнѣ чугучакскій приставъ и объявилъ, что, по случаю усталости моей

съ дороги, онъ не смѣетъ безпокоить меня сегодня же, но явится на другой день, дабы знать мое мнѣніе: какимъ образомъ я предполагаю устроить свиданіе съ Улясутайскимъ Цзянь-Цзюнемъ Миномъ, Тарбагатайскимъ Хэбэй-Амбанемъ и комиссаромъ Хабцисянемъ, извѣстнымъ у насъ болѣе подъ именемъ Ха. На другой день, въ назначенное мною время, дѣйствительно явился ко мнѣ упомянутый приставъ, а вслѣдъ за нимъ и посланный по тому же порученію отъ Хэбэй-Амбаня.

Принявъ ихъ въ домѣ нашего консула, я объявилъ, что, какъ довѣренное лицо отъ нашего Правительства, я не считаю себя ниже Цзянь-Цзюня, но, уважая его преклонныя лѣта и какъ русскій гость, прибывшій въ Китай, готовъ сдѣлать ему первый визитъ. Приставъ отвѣчалъ, что Цзянь-Цзюнь ожидалъ получить именно такой отвѣтъ и будетъ весьма обрадованъ имъ, но къ сожалѣнію, не можетъ принять меня въ своей квартирѣ, отведенной въ одной изъ городскихъ кумирень, гдѣ по тѣснотѣ помѣщенія и низкимъ воротамъ въ стѣнѣ, нельзя устроить оффиціальнаго пріема, соотвѣтственно моему званію. По этимъ причинамъ Цзянь-Цзюнь полагалъ бы принять насъ въ Гунъ-Фанѣ (мѣсто для оффиціальныхъ собраній, Palais communal) и что туда же прибудутъ къ назначенному времени и остальные два комиссара. Я отвѣчалъ, что согласенъ на это предложеніе, но замѣтилъ имъ, что желалъ бы знать, когда именно Цзянь-Цзюнь съ прочими комиссарами сдѣлаетъ мнѣ отвѣтный визитъ и что я намѣренъ настоятельно требовать, чтобы этотъ визитъ послѣдовалъ вслѣдъ за моимъ визитомъ на другой же день, а не спустя нѣсколько дней.

Въ этомъ случаѣ, я имѣлъ въ виду, что, получивъ свѣдѣніе о днѣ отвѣтнаго визита, я назначу свой оффиціальный визитъ наканунѣ, что будетъ вполнѣ соотвѣтствовать достоинству обоюдныхъ уполномоченныхъ. Посланные объявили, что передадутъ мой отвѣтъ Цзянь-Цзюню и Хэбэй-Амбаню и просили принять отъ имени ихъ начальниковъ разные съѣстные припасы. Поручивъ имъ благодарить Цзянь-Цзюня и Амбаня за ихъ внимательность, я на другой же день отправилъ къ нимъ на красныхъ парадныхъ носилкахъ разное кушанье и дессертъ, состоящій изъ конфектъ, обсахаренныхъ плодовъ, цуката, а также и вино, сахаръ и свѣчи.

Все это угощеніе было принято какъ Цзянь-Цзюнемъ, такъ и Амбанемъ. Равномѣрно и предложеніе наше о свиданіи съ китайскими комиссарами было привѣтливо принято Цзянь-Цзюнемъ Миномъ и прочими комиссарами.

Время же съѣзда назначено 15-го августа, а по ихъ календарю VII луны 22-го числа. Въ этотъ день мы и съ нами консулъ выѣхали изъ нашей факторіи въ сопровожденіи конвоя изъ 25 казаковъ, размѣщенныхъ въ томъ же порядкѣ, который былъ принятъ нами при первоначальномъ въѣздѣ въ городъ.

По достиженіи крѣпости, мы вступили въ нее черезъ большія ворота, продѣланныя въ наружной стѣнѣ, увѣнчанной въ этомъ мѣстѣ высокою башней, красиво отстроенною въ чисто китайскомъ стилѣ. Дальнѣйшее слѣдованіе наше по крѣпости происходило между рядами солдатъ Чугучакскаго гарнизона, построенныхъ шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей къ помѣщеніямъ Амбаня.

Собранные для встрѣчи насъ солдаты, числомъ до 40 человѣкъ, состояли преимущественно изъ маньчжуровъ и по своему обмундированію не отличались отъ прочихъ гражданъ. Только часть ихъ, вооруженная копьями, имѣла сверхъ обыкновенной одежды желтые мачуаззи (короткія куртки) съ надписью на груди: «дэ» (воинская доблесть). Остальные же были вооружены саблями и ятаганами самой разнообразной формы. Наружный видъ этого пестраго войска, а также нестройные ряды его отличались совершеннымъ отсутствіемъ воинственности и составляли весьма рѣзкій контрастъ съ бодрымъ и здоровымъ видомъ нашихъ казаковъ, нашими блестящими мундирами и вообще со стройностью и нѣкоторою торжественностью нашего движенія. Чтобы достигнуть до дома Хэбей-Амбаня, надобно проѣхать два двора, отдѣленныхъ одинъ отъ другого тріумфальными воротами. Конвой нашъ остановился передъ первыми воротами, а мы проѣхали впередъ верхами, что считается въ глазахъ китайцевъ особеннымъ почетомъ. За нами шли секретарь консульства Г. Вардугинъ, офицеръ конвоя есаулъ Барановъ, корпуса военныхъ топографовъ подпоручикъ Стрѣльниковъ и четыре урядника Сибирскаго казачьяго войска, которые вели подъ уздцы нашихъ лошадей.

Пройдя черезъ вторыя ворота, украшенныя намалеванными картинами, изображающими китайскихъ министровъ Цзянь-Гуонь и Цзянь-Лу, извѣстныхъ своими заслугами Китаю во времена Минской династіи, мы приблизились къ послѣднимъ третьимъ воротамъ, откуда Гуанъ-фанъ (залъ для оффиціальныхъ собраній) отдѣленъ небольшимъ дворикомъ, входъ въ который идетъ черезъ калитку. Въ нее уже нѣтъ возможности въѣхать верхомъ, почему здѣсь всегда и останавливается поѣздъ.

Тутъ мы трое: я, мой помощникъ капитанъ Андреевъ и консулъ сошли съ лошадей и вошли въ калитку, откуда, сдѣлавъ

пять, шесть шаговъ между рядами всего штаба чиновниковъ Цзянь-Цзюня и Хэбэй-Амбаня, мы подошли къ порогу Гунъ-фана, гдѣ и были встрѣчены со всѣми внѣшними знаками учтивости и радушія Улясутайскимъ Цзянь-Цзюнемъ Миномъ, Хэбэй-Амбанемъ и третьимъ комиссаромъ Хабцисянемъ, которые привѣтствовали насъ дружескимъ пожатіемъ рукъ. Послѣ чего Цзянь-Цзюнь немедленно пригласилъ насъ къ столу, уставленному множествомъ блюдечекъ съ китайскою закускою, состоящею изъ свѣжихъ и сухихъ плодовъ, привозимыхъ сюда изъ отдаленныхъ провинцій Китая, а также изъ разнообразныхъ печеній, сдѣланныхъ изъ муки и риса.

Мѣста, занятыя нами на одномъ концѣ стола, противъ Цзянь-Цзюня и Амбаня, сидѣвшихъ на другомъ, по китайскимъ обычаямъ, были одинаково равны и почетны. Комиссаръ Ха (Хабцисянъ) сидѣлъ сбоку, соотвѣтственно мѣсту, занятому нашимъ консуломъ. Позади насъ стояли секретарь консульства Г. Вардугинъ, есаулъ Барановъ и подпоручикъ Стрѣльниковъ. Вся зала Гунъ-Фана наполнилась многочисленной свитой маньчжурскихъ офицеровъ, разныхъ чиновниковъ, толмачей и огромною толпою слугъ. Разговоръ происходилъ черезъ секретаря консульства и китайскаго переводчика, который передавалъ слова наши, стоя на колѣняхъ въ знакъ глубокаго уваженія къ высокому сану Цзянь-Цзюня и другихъ комиссаровъ. Эта гласная бесѣда въ открытомъ Гунъ-Фанѣ, посреди многочисленнаго собранія разныхъ должностныхъ маньчжуровъ и слугъ ихъ, неотступно слѣдившихъ за каждымъ нашимъ движеніемъ, напоминала времена классической древности и вообще по своей оригинальной обстановкѣ, была до крайности поразительна для европейца. Не прикасаясь еще къ поданому намъ чаю, мы, прежде всего, сочли нужнымъ обратиться къ Цзянь-Цзюню и Хэбэй-Амбаню съ привѣтствіемъ и благодарили за ихъ гостепріимство и присылку съѣстныхъ припасовъ при нашемъ въѣздѣ въ Чугучакъ, а также и въ факторію. Мы прибавили, что весьма цѣнимъ ихъ предупредительную любезность, ихъ дружелюбный и радушный пріемъ, вполнѣ соотвѣтствующій дружественнымъ отношеніямъ между двумя великими государствами. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе, маньчжурскіе уполномоченные сказали, что по обычаямъ ихъ страны, они были обязаны встрѣтить насъ такимъ образомъ какъ людей, прибывшихъ съ столь важнымъ порученіемъ изъ сосѣдняго съ ними государства, извѣстнаго своею старинною дружбою къ Китаю. Дальнѣйшій разговоръ нашъ состоялъ въ обмѣнѣ взаимныхъ вѣжливостей, въ предложеніи пить вино за обоюдное знакомство, въ угощеніи пло-

дами и явствами. О дѣлѣ же никто изъ китайскихъ комиссаровъ не говорилъ ни слова; повидимому, они избѣгали всякаго оффиціальнаго разговора.

Съ своей стороны и мы вовсе не касались разсужденій о границѣ. Подъ конецъ же нашей бесѣды, продолжавшейся полтора часа, я рѣшился слегка коснуться о дѣлѣ и спросилъ Цзянь-Цзюня: не имѣетъ ли онъ какихъ-либо новостей изъ Пекина? Поводомъ къ этому вопросу послужило извѣстіе, сообщенное мнѣ нашимъ консуломъ о прибытіи въ Чугучакъ китайскаго курьера.

Цзянь-Цзюнь отвѣчалъ, что къ нимъ прибылъ курьеръ съ указомъ Богдыхана по порученному имъ дѣлу о границѣ и что содержаніе этого указа будетъ сообщено намъ на другой же день.

Дѣйствительно, 18 августа получили мы изъ канцеляріи Хэбэй-Амбаня такъ называемый листъ, т. е. оффиціальную бумагу, въ которой маньчжурскіе упомномоченные увѣдомляли, что по соглашенію министерствъ Россійскаго и Китайскаго постановлено, что мѣстомъ съѣзда уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ въ будущемъ году для обзора границы назначается Тарбагатай, т. е. Чугучакъ, а время съѣзда 6-й луны 15-го числа (29 іюня 1862 г.).

Этимъ и кончилось первое наше свиданіе съ Цзянь-Цзюнемъ Миномъ и прочими комиссарами.

Въ день, назначенный для пріема нами маньчжурскихъ комиссаровъ, сдѣланы были заблаговременно всѣ необходимыя приготовленія для встрѣчи ихъ съ тою церемоніальностію, которая бы согласовалась съ правилами китайскаго гостепріимства и соотвѣтствовала пріему, сдѣланному намъ въ Гунъ-Фанѣ. Съ этою цѣлью, состоящій при насъ казачій конвой былъ раздѣленъ на три части: одна изъ нихъ стала у воротъ наружной стороны факторіи, четыре урядника у вторыхъ воротъ башни, на которой водруженъ русскій торговый флагъ, а остальные казаки у крыльца консульскаго дома. Зало, назначенное для пріема китайскихъ комиссаровъ, было выбрано въ домѣ консула и отличалось вполнѣ приличнымъ настоящему случаю убранствомъ и даже нѣкоторою роскошью. Сверхъ того была отведена другая комната для угощенія китайскихъ чиновниковъ, составлявшихъ свиту Цзянь-Цзюня, Амбаня и третьяго комиссара Хабцисяня, котораго, впрочемъ, всѣ называли сокращеннымъ именемъ Ха.

Желая блеснуть пышностью и показать великолѣпіе, Цзянь-Цзюнь не упустилъ случая сдѣлать свой пріѣздъ къ намъ сколь можно параднѣе. Въ назначенный день, еще за два часа до условленнаго срока, прибылъ въ нашу факторію здѣшній приставъ

въ сопровожденіи нѣсколькихъ чиновниковъ. Въ два часа услышали мы выстрѣлы, означавшіе прибытіе Цзянь-Цзюня въ крѣпость, откуда весь поѣздъ церемоніальнымъ шествіемъ двинулся въ нашу факторію.

Впереди ѣхали верхами шесть чиновниковъ съ желтыми значками, выражающіе его (т. е. Цзянь-Цзюня) уполномочіе, въ сопровожденіи небольшой Улясутайской стражи, вооруженной луками и стрѣлами.

За ними несли въ украшенныхъ паланкинахъ (парадные носилки) Цзянь-Цзюня и Хэбэй-Амбаня, позади коихъ ѣхалъ верхомъ комиссаръ Ха. Весь этотъ поѣздъ замыкался огромною свитою маньчжурскихъ офицеровъ, чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ Тарбагатайскаго управленія и пестрою толпою слугъ. По приближеніи ко вторымъ воротамъ башни, Цзянь и Амбань были высажены изъ паланкина и на носилкахъ, несомыхъ слугами, впереди коихъ пошли четыре урядника, продолжали дальнѣйшее движеніе къ консульскому дому.

На половинѣ дороги, они были встрѣчены секретаремъ консульства Г. Вардугинымъ и подпоручикомъ Стрѣльниковымъ, а по выходѣ изъ носилокъ на порогѣ дома, нами и консуломъ.

Мы привѣтствовали прибывшихъ гостей, уже какъ знакомые имъ люди, дружескимъ пожатіемъ рукъ и просили ихъ въ зало, гдѣ на столѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ, были поставлены на 24 блюдечкахъ конфекты, варенье, обсахаренные плоды, цукаты, пудинги и проч.

Послѣ угощенія чаемъ, кофе и шампанскимъ и обмѣна взаимныхъ вѣжливостей, разговоръ незамѣтно принялъ оффиціальный характеръ, вслѣдствіе вопроса, возбужденнаго Цзянь-Цзюнемъ о времени нашего пребыванія въ Чугучакѣ. Мы отвѣчали, что срокъ нашего пребыванія совершенно зависитъ отъ того, какъ скоро мы условимся съ ними о мѣстѣ съѣзда въ будущемъ году, потому что въ этомъ смыслѣ дана намъ инструкція отъ высшаго начальства. Они отвѣчали, что, не имѣя подобной же инструкціи изъ Пекина, весьма затрудняются войти въ соглашеніе съ нами по этому предмету. Какимъ образомъ, прибавили они, мы можемъ разсуждать о томъ, откуда слѣдуетъ начать разграниченіе, когда объ этомъ ничего не сказано въ полученномъ нами указѣ Хуандія (Богдыхана), да сверхъ того, еще не видѣли вашихъ полномочій? На это мы замѣтили имъ, что они по своему званію Цинъ-Чай, т. е. уполномоченныхъ, уже облечены такою властью, что могутъ сами разсматривать и рѣшать нѣкоторые вопросы о границѣ, не ожидая на всякій случай особаго предписанія изъ Пекина. Впро-

чемъ, объяснили мы, въ настоящемъ случаѣ пока еще вовсе не касаемся сущности вопроса о проведеніи границы, но желаемъ только условиться, гдѣ съѣхаться въ будущемъ году для того, чтобы соотвѣтственно этому можно было какъ намъ, такъ и имъ, заблаговременно сдѣлать нужныя распоряженія, что въ этомъ смыслѣ совѣщанія наши будутъ относиться только до приготовительныхъ работъ, о чемъ мы и уполномочены предписаніемъ нашего высшаго начальника Генералъ-Губернатора Западной Сибири, сообщеннымъ г. министромъ иностранныхъ дѣлъ и основанного на Высочайшемъ повелѣніи Августѣйшаго нашего Императора Великаго Россійскаго Государства. Обоюдная польза, продолжали мы, заставляетъ насъ воспользоваться настоящимъ благопріятнымъ случаемъ личнаго съ ними свиданія, чтобы условиться, откуда начать разграниченіе въ будущемъ году и тѣмъ исполнить данную намъ инструкцію, которую и готовы сообщить имъ по переводѣ на татарскій языкъ. Несмотря на всю уклончивость отвѣтовъ китайскихъ комиссаровъ, какъ бы старавшихся отыскать въ этомъ справедливомъ требованіи нашемъ какую-то затаенную мысль, они, наконецъ, склонились на наши доводы и рѣшили тѣмъ, что пришлютъ къ намъ для совѣщаній комиссара Ха, прибавивъ, что вполнѣ довѣряютъ ему и отнюдь не отступятся отъ высказанныхъ имъ мнѣній. Условившись начать переговоры черезъ день, т. е. 18-го Августа, мы весьма дружелюбно разстались съ китайскими комиссарами.

Цзянь-Цзюнь и Амбань уѣхали отъ насъ, повидимому, въ самомъ веселомъ расположеніи духа и при прощаніи наговорили намъ много любезностей. Съ своей стороны и мы старались не отставать отъ нихъ въ высказываніи самыхъ утонченныхъ вѣжливостей.

На первыхъ порахъ, не имѣя еще опытности, необходимой для переговоровъ съ китайцами, мнѣ было трудно вывести какое-либо положительное заключеніе о томъ, что именно скрывается подъ дружелюбнымъ видомъ и изысканной любезностью, съ которой встрѣтили насъ китайскіе комиссары. Тѣмъ не менѣе отъ меня не могло ускользнуть, что при всякомъ оффиціальномъ оборотѣ разговора, происходившаго во время описанныхъ свиданій, Цзянь-Цзюнь и въ особенности Амбань принимали какъ бы косвенное участіе въ дѣлѣ и, повидимому, уклонялись отъ высказыванія своихъ личныхъ мнѣній, обращаясь для этого къ Хабцисяню. Пользуясь этимъ случаемъ, послѣдній держалъ себя до крайности гордо и надменно. Въ разговорахъ же съ нами онъ обыкновенно выражался положительно, отрывисто и даже нѣсколько грубо. Его

угловатая наружность составляла весьма рѣзкую противоположность съ простымъ и добродушнымъ видомъ престарѣлаго Цзянь-Цзюня, пріятною наружностью и свѣтскими пріемами молодого изнѣженнаго Амбаня. Впослѣдствіи мы узнали, что комиссаръ Ха родился и началъ свою службу въ Кульджѣ, гдѣ былъ писаремъ въ канцеляріи Илійскаго Цзянь-Цзюня. Отличаясь способностями и знаніемъ дѣла, онъ постепенно повышался въ чинахъ и въ 1858-мъ году, имѣя уже чинъ Сэлина (полковника) былъ назначенъ въ Чугучакъ, гдѣ участвовалъ въ переговорахъ, веденныхъ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Кульджѣ статскимъ совѣтникомъ Захаровымъ по дѣлу о сожженіи нашей Чугучакской факторіи. Добиваясь всѣми мѣрами сдѣлать себѣ карьеру, онъ помощью денегъ рѣшился добиться почестей. Разсказываютъ, что будто-бы для этой цѣли онъ заплатилъ 2 т. ланъ серебра (около 6 тыс. рублей) и получилъ обѣщаніе на скорое повышеніе при первомъ благопріятномъ случаѣ. Случай этотъ представился вскорѣ по заключеніи Пекинскаго трактата, коимъ опредѣлялась граница наша съ Западнымъ Китаемъ, и Хабцисянь, назначенный третьимъ уполномоченнымъ, былъ командированъ въ Чугучакъ. Во время пребыванія въ Чугучакѣ, Хабцисянь разглашалъ повсюду о своемъ безкорыстіи и честности, говоря также, что онъ сумѣетъ взяться за дѣло о границѣ и окончить его съ успѣхомъ и съ значительною выгодою для Китая. Однажды онъ даже выразился передъ Цзянь-Цзюнемъ и Хэбэй-Амбанемъ, что приступитъ неиначе къ дѣлу, какъ начавъ разграниченіе за 12-ть дней пути къ западу отъ г. Чугучака, т. е. чуть-ли не съ Семипалатинска.

Стараясь подобными дѣйствіями пріобрѣсти вліяніе въ народѣ, дабы этимъ путемъ удовлетворить своему честолюбію, Хабцисянь не упускалъ случая порицать также Амбаня и самого Цзянь-Цзюня, представляя поступки ихъ несовсѣмъ въ благопріятномъ видѣ. На первыхъ порахъ моего пребыванія въ Чугучакѣ, я не могъ еще опредѣлить въ какой степени Хабцисянь пользуется популярностію въ народѣ, но съ достаточною вѣроятностью можно было предположить, что онъ имѣетъ болѣе приверженцевъ между маньчжурами; у китайцевъ же и у татаръ онъ вообще мало уважаемъ. При любезномъ содѣйствіи нашего консула К. А. Скачкова, я имѣлъ возможность собрать довольно подробныя свѣдѣнія и о прочихъ китайскихъ уполномоченныхъ и, главнымъ образомъ, о ихъ служебномъ положеніи, административныхъ способностяхъ и нравственныхъ качествахъ. При этомъ оказалось, что Улясутайскій Цзянь-Цзюнь-Минъ и Тарбагатайскій Хэбэй-Амбань начали свою службу въ Пекинѣ и первый изъ нихъ,

еще въ ранней молодости, получилъ по экзамену чинъ магистра. Затѣмъ онъ продолжалъ службу въ разныхъ мѣстахъ Китая и Монголіи, былъ въ Ургѣ и въ 1857 году, назначенъ Тарбагатайскимъ Хэбэй-Амбанемъ. Черезъ три года онъ получилъ новое назначеніе Цзянь-Цзюнемъ въ Улясутай. Едва успѣвъ пріѣхать туда, Минъ долженъ былъ спѣшить обратно въ Чугучакъ, по случаю избранія его Цинъ-Чаемъ т. е. уполномоченнымъ по проведенію западной Китайской границы. Въ то время Цзянь-Цзюнь имѣлъ уже 70 лѣтъ отъ роду, онъ обладалъ мягкимъ характеромъ и отличался особенною привязанностію къ своему семейству. Главная его слабость заключалась въ пристрастіи къ вину. Впрочемъ, это не мѣшало ему ежедневно по нѣсколько часовъ сряду заниматься дѣлами, съ которыми онъ хорошо знакомъ, вслѣдствіе опытности, пріобрѣтенной во время долговременной службы въ разныхъ провинціяхъ Китая.

Съ дѣломъ же о проведеніи границы, Цзянь-Цзюнь, повидимому, былъ вообще мало знакомъ, не только съ европейской, но даже и съ китайской точки зрѣнія. По ходившимъ въ то время слухамъ, онъ современемъ получитъ важный постъ Илійскаго Цзянь-Цзюня въ Кульджѣ, а можетъ быть, и министра въ Пекинѣ, на что онъ въ прошломъ году пожалованъ кандидатствомъ.

Тарбагатайскій Хэбэй-Амбань болѣе обязанъ своему возвышенію случайному обстоятельству, доставившему ему средство быть гувернеромъ у Гунъ-Цинъ-Вана, дяди нынѣшняго Богдыхана Сянъ-Фына. Пользуясь этимъ благопріятнымъ случаемъ, онъ безъ предварительнаго экзамена успѣлъ выхлопотать себѣ мѣсто Даотая (губернскаго судьи) въ Ланчжоу-фу, откуда былъ назначенъ Тарбагатайскимъ Хэбэй-Амбанемъ, т. е. губернаторомъ въ Чугучакѣ. Амбань имѣлъ 39 лѣтъ отъ роду и принадлежалъ къ категоріи не столько дѣловыхъ, сколько свѣтскихъ чиновниковъ-маньчжуровъ. Хэбэй-Амбань весьма учтивъ, любезенъ и отличался даже нѣкоторою пріятностію въ обхожденіи и пріемахъ.

Въ дѣлахъ же онъ не имѣлъ никакой опытности, и скорѣе тяготился ими и старался избѣгать всякихъ серьезныхъ занятій. По всей вѣроятности, это незнакомство съ дѣлами и было причиною, что въ бытность судьею въ Ланчжоу-фу, онъ неправильно приговорилъ одного подсудимаго къ смертной казни. Обстоятельство это обнаружилось впослѣдствіи, когда явился настоящій преступникъ и добровольно сознался въ своей винѣ. По Китайскимъ законамъ Амбань подлежалъ за это тому же наказанію, къ которому онъ приговорилъ невинно казненнаго. Въ бытность мою

въ Чугучакѣ, исходъ этого дѣла еще не выяснился и Амбань, повидимому надѣялся выпутаться изъ бѣды, пользуясь протекціей Гунь-Цинъ-Вана и способомъ задаривать Пекинское правосудіе. По пріѣздѣ въ Чугучакъ, въ Мартѣ 1859 года, Амбань поссорился съ своимъ предмѣстникомъ нынѣшнимъ Цзянь-Цзюнемъ Миномъ, назначеннымъ въ Улясутай. Вражда эта продолжалась и по пріѣздѣ Цзянь-Цзюня Мина въ Чугучакъ по случаю новаго назначенія уполномоченнымъ. Такія враждебныя отношенія между китайскими комиссарами неукрылись отъ нашего консула и К. А. Скачковъ, имѣя въ виду, что взаимная ненависть между ними можетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на ходъ предстоявшихъ переговоровъ о границѣ принялъ всѣ мѣры къ ихъ примиренію. Пользуясь своею дружбою къ Цзянь-Цзюню, онъ въ самое короткое время уладилъ всѣ несогласія и достигъ примиренія враждовавшихъ лицъ. Такимъ образомъ къ нашему пріѣзду Цзянь-Цзюнь и Амбань, если не были совершенными друзьями, то по крайней мѣрѣ забыли свою прежнюю вражду. Относительно же Хабцисяня, оба они держали себя довольно гордо, смотрѣли на него какъ на человѣка низшаго по чину и вдобавокъ находились съ нимъ не совсѣмъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Они имѣли право негодовать на Хабцисяня за его оскорбительныя выходки, направленныя съ честолюбивою цѣлью выказать свои заслуги и добиться чиновъ и отличій.

Еще съ самаго пріѣзда изъ Кульджи въ Чугучакъ, Хабцисянъ навлекъ неудовольствіе Цзянь-Цзюня, не согласившись принять званіе второго помощника Амбаня, и успѣлъ раздражить послѣдняго, отложивъ на восемь дней свой визитъ, который, по китайскимъ обычаямъ, онъ обязанъ былъ сдѣлать къ нему, какъ губернатору, въ самый часъ своего въѣзда въ городъ. Несмотря однако же на свое негодованіе къ Хабцисяню, какъ Цзянь-Цзюнь, такъ и Амбань, отдавали ему преимущество въ способностяхъ и знаніи дѣла: во время взаимныхъ посѣщеній, мы замѣтили, что при всѣхъ нашихъ вопросахъ по дѣлу о границѣ, они сначала посматривали на Хабцисяня, какъ бы желая предварительно знать, что онъ думаетъ.

Съ своей стороны, Хабцисянь выражалъ свое мнѣніе положительно и весьма рѣзко, а въ затруднительныхъ случаяхъ просто отдѣлывался фразой: мэй-ю-хуа (нѣтъ болѣе рѣчей).

Таковы были личности китайскихъ комиссаровъ, съ которыми предстояло намъ вести переговоры по такому трудному и сложному дѣлу о проведеніи границы на громадномъ протяженіи отъ бѣлковъ Алтая до предѣловъ Кашгаріи или Восточнаго Турке-

стана. Соображая закоренѣлые предразсудки китайцевъ, самую упорную ихъ скрытность и привязанность къ какой-то выжидательной системѣ дѣйствій, мы, конечно, не могли обольщаться надеждами на скорый исходъ переговоровъ.

Догадки эти вполнѣ оправдались 21-го августа, когда назначена была первая конференція. Въ этомъ день прибылъ въ нашу факторію комиссаръ Хабцисянъ, въ сопровожденіи Чугучакскаго и Улясутайскаго приставовъ: Са и Юй. Хабцисянъ былъ принятъ нами со всѣми знаками вниманія, подобно тому, какъ прежде мы принимали Цзянь-Цзюня и Хэбэй Амбаня и приглашенъ въ зало, назначенное для конференціи, посреди которой стоялъ столъ, уставленный различными сластями. Не приступая еще къ совѣщаніямъ, Хабцисянь началъ съ того, что высказалъ свое неудовольствіе на порядокъ нашего размѣщенія около стола для совѣщанія, будто бы несогласный съ его достоинствомъ. Требованія его удивили насъ: мы ясно увидѣли намѣреніе со стороны Хабцисяна воспользоваться преимуществами передъ нами въ веденіи переговоровъ, опираясь на то, что у насъ не было листа уполномочія. Это обстоятельство, видимо задуманное заранѣе, было выказано и тѣмъ, что сопровождавшіе Хабцисяня чиновники, вопреки китайскимъ обычаямъ, подъѣхали верхами къ самому крыльцу консульскаго дома, подобно тому какъ это дѣлали Цзянь-Цзюнь и Амбань и что могло быть допущено для одного только Хабцисяня. Впрочемъ, желая приступить скорѣе къ дѣлу, мы даже изъявили готовность измѣнить первоначальный порядокъ размѣщенія настолько, насколько то дозволяло наше оффиціальное положеніе.

Но недовольствуясь этимъ, генералъ Хабцисянь настаивалъ занять для себя первое высшее мѣсто, а рядомъ съ собой мѣста для двухъ чиновниковъ въ чинахъ 9-го класса. Намъ же обоимъ и консулу занять низшія мѣста. Такимъ образомъ, при упомянутомъ порядкѣ мало того, что мы занимали бы мѣста низшія, но даже были бы поставлены въ необходимость вступать въ совѣщаніе съ двумя чиновниками, на участіе которыхъ въ совѣщаніи не было предварительно сдѣлано никакого условія и соглашенія. Этимъ самымъ генералъ Хабцисянь явно выказалъ желаніе выдержать какое-то старшинство, какъ свое, такъ даже и двухъ приставовъ: Са и Юй. Не подлежало сомнѣнію, что если бы мы приняли предложеніе Хабцисяня, нисколько не согласное съ китайскими обычаями, то этимъ самымъ уронили бы свое достоинство, какъ довѣренныхъ лицъ отъ правительства, сильно повредили бы ходу переговоровъ и возбудили бы городской говоръ, обидный для русскаго имени. Понятно, что намъ было необходимо сразу же осадить генерала Хабцисяня, который въ противномъ случаѣ, пользуясь нашею уступчивостію, съ нахальствомъ, обычнымъ большинству китайскихъ чиновниковъ, неминуемо бы началъ переговариваться съ нами по дѣлу о границѣ въ приподнятомъ тонѣ, что, очевидно, не могло быть допущено.

А потому всѣ настоянія Хабцисяня были нами отвергнуты, несмотря на то, что онъ объявилъ свое намѣреніе уѣхать отъ насъ. Затѣмъ, послѣ непродолжительныхъ, но довольно крутыхъ объясненій Хабцисяня и его двухъ чиновниковъ Са и Юй съ нашимъ консуломъ К. А. Скачковымъ, они уѣхали изъ нашей факторіи. Это совершенно неожиданное столкновеніе наше съ китайцами убѣдило насъ, что дальнѣйшее веденіе переговоровъ съ генераломъ Хабцисянемъ рѣшительно невозможно. А потому, на слѣдующій день мы отнеслись къ Цзянь-Цзюню и Хэбэй Амбаню съ особымъ листомъ (оффиціальной бумагой), въ которомъ, объяснивъ описанный случай, предложили имъ войти съ нами въ соглашеніе о назначеніи дня для совѣщанія по порученному намъ дѣлу. Не ранѣе, какъ черезъ 8 дней, 29 августа, мы получили отъ Цзянь-Цзюня отвѣтный листъ на кашгарскомъ языкѣ. Изъ содержанія этого листа мы увидѣли, что китайскіе комиссары, опираясь на показанія Хабцисяня и людей его сопровождавшихъ къ намъ, непристойно выразили сомнѣніе въ справедливости нашего разъясненія этого обстоятельства. На предложеніе же наше о назначеніи дня для совѣщанія, они, ссылаясь на полученный изъ Пекина указъ, о которомъ было упомянуто выше, окончательно объявили, что приступить къ совѣщанію могутъ не иначе, какъ въ будущемъ году. Подобный отвѣтъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій обычнымъ пріемомъ китайской политики,—тянуть всякое дѣло, нисколько не могъ удовлетворить насъ. Притомъ чрезъ это не достигалась и цѣль нашей командировки, состоявшей въ томъ, чтобы условиться съ китайскими комиссарами о мѣстѣ и времени съѣзда въ будущемъ году. Стараясь во всякомъ случаѣ добиться отъ китайцевъ болѣе положительнаго отвѣта, мы просили консула, при первомъ его свиданіи съ Хэбэй-Амбанемъ, поставить ему на видъ неточность содержанія и неприличіе выраженій, употребленныхъ въ отвѣтномъ къ намъ листѣ, и высказать о необходимости совѣщанія для выбора мѣста, съ котораго начать разграниченіе въ будущемъ году. Когда о листѣ было объяснено Хэбэй-Амбаню, то этотъ послѣдній удивился, сконфузился даже, услышавъ, что въ этомъ листѣ употреблены были неприличныя выраженія и извинился передъ нашимъ консуломъ и объяснилъ ему, что такая

ошибка произошла единственно только оттого, что въ Тарбагатайскомъ правленіи толмачи исключительно одни кашгарцы, незнающіе порядочно ни китайскаго, ни татарскаго языковъ, а между чиновниками нѣтъ никого, кто бы могъ повѣрить ихъ татарскій переводъ. Послѣ такого объясненія, Хэбэй-Амбань предложилъ консулу сообщить имъ, чтобы мы приняли маньчжурскій текстъ того-же листа, за содержаніе котораго онъ вполнѣ ручается. Когда же консулъ началъ высказывать о желаніи нашемъ имѣть совѣщательное засѣданіе съ китайскими комиссарами, то онъ рѣшительно отказался выслушать консула, отговариваясь тѣмъ, что эти объясненія могутъ быть переданы не иначе, какъ въ присутствіи Цзянь-Цзюня. Тогда консулъ просилъ Хэбэй-Амбаня переговорить объ этомъ съ Цзянь-Цзюнемъ и во всякомъ случаѣ прислать къ намъ чиновниковъ.

Дѣйствительно, 2-го сентября, мы получили отъ Цзянь-Цзюня и Хэбэй-Амбаня отвѣтъ, въ которомъ они увѣдомляли насъ, что для совѣщанія съ нами пріѣдетъ Хабцисянь съ тѣми же двумя чиновниками. Посланнымъ было приказано условиться съ нами о церемоніи свиданія. Эти условія заключались въ томъ, чтобы совѣщанія происходили въ два засѣданія: одно въ домѣ консула, а другое въ домѣ Хабцисяня; чтобы въ первомъ засѣданіи Хабцисянь занялъ мѣсто выше насъ, а оба чиновника мѣста низшія, и въ послѣднемъ засѣданіи чтобы мы заняли мѣста выше Хабцисяня, а чиновники также низшія мѣста. На эти условія мы изъявили полное согласіе. Ожидаемое свиданіе, назначенное на 5-ое сентября, не могло состояться по случаю внезапной болѣзни Хабцисяня.

11 и 12 сентября, вмѣсто чиновниковъ, которыхъ обѣщался прислать къ намъ Цзянь-Цзюнь, мы получили отъ него три листа на маньчжурскомъ языкѣ, изъ коихъ въ одномъ заключался отвѣтъ на прежній листъ, посланный китайскимъ комиссаромъ отъ Генералъ Губернатора Западной Сибири генерала Дюгамеля, а другой былъ обѣщанный Амбанемъ маньчжурскій текстъ отвѣтнаго листа по дѣлу о столкновеніи нашемъ съ Хабцисянемъ, въ которомъ уже не было помѣщено всѣхъ непристойностей, заключавшихся въ кашгарскомъ переводѣ; наконецъ, третій листъ заключалъ въ себѣ текстъ указа Богдыхана объ обоюдномъ съѣздѣ уполномоченныхъ обоихъ государствъ въ Тарбагатаѣ, т. е. въ Чугучакѣ.

13-го сентября, поздно вечеромъ, прибыли въ нашу факторію два китайскихъ чиновника и объявили черезъ консула отъ имени Цзянь-Цзюня и Хэбэй-Амбаня о предложеніи ихъ съѣхаться съ нами 15 сентября, во второмъ часу дна. При этомъ также не

обошлось безъ условій: китайцы приглашали насъ съѣхаться не въ Гунъ-Фанѣ, а въ квартирѣ Цзянь-Цзюня, просили извинить, что свиданіе можетъ продолжаться не болѣе получаса и что угощеніе насъ будетъ нѣсколько проще обыкновеннаго. Эти странныя условія, нѣсколько удивившія насъ, разъяснились на другой же день, когда нашъ консулъ получилъ секретно изъ канцеляріи Хэбэй-Амбаня китайскую копію съ указа о кончинѣ Богдыхана правленія Сянь-Фынь.

Тогда намъ стало понятно, что Цзянь-Цзюнь и Хэбэй-Амбань, погруженные въ глубокій трауръ, согласились принять насъ единственно только по дружбѣ, не смѣя при такихъ обстоятельствахъ, по китайскимъ обычаямъ, устроить намъ, какъ иностранцамъ, оффиціальный пріемъ въ Гунъ-Фанѣ. Находя, съ своей стороны, это предложеніе китайцевъ вполнѣ основательнымъ, мы немедленно послали имъ отвѣтъ о согласіи нашемъ съѣхаться 15-го числа на предложенныхъ ими условіяхъ. На этомъ свиданіи, послѣ первыхъ привѣтствій, мы просили нашего консула передать китайскимъ комиссарамъ о выборѣ мѣста съѣзда въ будущемъ году и о назначеніи времени для этого съѣзда. Сначала мы настаивали на съѣздѣ у пограничнаго знака Шабина-Дабага, главнымъ образомъ потому, что начавъ разграниченіе съ той мѣстности, гдѣ граница опредѣлена точнымъ образомъ на основаніи Буринскаго трактата 1727-го года, и должна слѣдовать оттуда далѣе по чертѣ водораздѣла въ горахъ Малаго Алтая, гдѣ, повидимому, не могло возникнуть никакихъ споровъ и недоразумѣній о направленіи пограничной черты, сравнительно съ ровной и открытой мѣстностью подъ г. Чугучакомъ. Относительно мѣста для съѣзда, китайскіе комиссары заявили намъ, что по этому предмету они имѣютъ категорическія инструкціи изъ Пекина. На основаніи этихъ инструкцій, съѣздъ назначенъ не въ иномъ какомъ либо мѣстѣ, но въ г. Тарбагатаѣ (китайское названіе Чугучака) въ будущемъ году, VI луны, 15 числа, а по нашему стилю 29 іюня 1862 года. Китайцы прибавили, что это сдѣлано по взаимному соглашенію Пекинскаго правительства съ нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Послѣ этого, можемъ ли мы, говорили китайскіе комиссары, давать обѣщаніе съѣхаться на Шабина Дабага? Кромѣ того, продолжали они, намъ необходимо съѣхаться въ Тарбагатаѣ еще и потому, чтобы, руководствуясь данными нами инструкціями, согласиться по картѣ о томъ направленіи, которое должна принять граница и только послѣ этого соглашенія уже проводить ее въ натурѣ т. е. производить постановку границы на самой мѣстности. На это мы замѣтили, что условиться о направленіи

границы по картѣ на основаніи Пекинскаго трактата можно теперь-же, не откладывая до будущаго года, когда можно будетъ уже прямо приступить къ постановкѣ пограничныхъ знаковъ. Но китайскіе комиссары продолжали настаивать на своемъ, т. е. что дѣло разграниченія необходимо отложить до будущаго 1862 года, ссылаясь на то, что они не имѣютъ соотвѣтствующихъ инструкцій изъ Пекина, которыя могли-бы служить подробнымъ развитіемъ тѣхъ указаній, какія изложены въ Пекинскомъ трактатѣ.— Безъ этихъ инструкцій, утверждали китайскіе комиссары, мы никогда не придетъ къ желаемому соглашенію и притомъ можемъ подвергнуться отвѣтственности передъ своимъ правительствомъ.

Выслушавъ эти заявленія китайскихъ комиссаровъ, мы вполнѣ убѣдились, что дальнѣйшія пренія по дѣлу о выборѣ мѣста для съѣзда будутъ совершенно безполезны. Было ясно, что китайцы не могутъ этого сдѣлать собственною властью, безъ предварительнаго сношенія съ пекинскимъ правительствомъ.

При такихъ обстоятельствахъ намъ уже не было необходимости оставаться далѣе въ Чугучакѣ. Все, что можно было сдѣлать при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы находились, было нами, по крайнему нашему разумѣнію, сдѣлано. Не имѣя установленныхъ для международныхъ сношеній полномочій по веденію переговоровъ, мы однако же успѣли добиться до совѣщаній съ китайскими комиссарами о границѣ. При этомъ мы старались пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для ознакомленія на мѣстѣ со многими подробностями предстоящаго дѣла, какъ по проектированію детальнаго направленія граничной черты, установленной Пекинскимъ трактатомъ, такъ и по постановкѣ границы на мѣстности. Собранныя мною свѣдѣнія составили цѣнный матеріалъ для дополненія составленной мною записки о китайской границѣ, окончательную обработку которой я предполагалъ окончить по возвращеніи моемъ изъ Чугучака въ Омскъ.

На послѣднемъ совѣщаніи, происходившемъ, какъ было упомянуто выше, въ квартирѣ Цзянь-Цзюня, мы объявили ему и Тарбагатайскому Хэбэй-Амбаню, что предполагаемъ завтра выѣхать изъ Чугучака и благодаримъ ихъ за дружеское гостепріимство и надѣемся встрѣтиться такими же друзьями въ будущемъ году. Китайскіе комиссары выразили какъ бы удивленіе такому скорому выѣзду и высказали сожалѣніе, что нѣкоторыя дѣла ихъ не позволяютъ имъ проводить насъ лично и просили не отказаться отъ проводовъ ихъ чиновниками. Тарбагатайскій Хэбэй-Амбань, какъ хозяинъ города, просилъ насъ принять необходимые для дороги съѣстные припасы. Поблагодаривъ за ихъ заботливость о насъ,

мы приняли ихъ привѣтливое предложеніе и, чтобы не остаться невнимательными къ ихъ предупредительной любезности, нашли необходимымъ, по китайскимъ обычаямъ, прислать китайцамъ подарки, которые передъ нашимъ отъѣздомъ были переданы нашему консулу для отсылки китайскимъ комиссарамъ.

Глава IV.

Результаты кратковременнаго пребыванія моего въ Чугучакѣ у нашего консула К. А. Скачкова. — Первое мое знакомство съ Китаемъ по личнымъ наблюденіямъ во время пребыванія въ Чугучакѣ и по сочиненіямъ, найденнымъ мною въ библіотекѣ К. А. Скачкова, а также по его указаніямъ и разъясненіямъ. — Впечатлѣніе, произведенное на меня чтеніемъ этихъ сочиненій.—Господствовавшее въ то время разногласіе во взглядахъ на Китай въ ученыхъ сферахъ и въ публикѣ. — О нашихъ посольствахъ въ Китай въ XVII столѣтіи. — Подробный разборъ посольства Головина и обстоятельствъ, вынудившихъ его уступить китайцамъ Даурію съ г. Албазиномъ, никогда не принадлежавшимъ Китаю.

Библіотека К. А. Скачкова въ Чугучакѣ послужила мнѣ важнымъ пособіемъ для ознакомленія съ Китаемъ. Возложенное на меня дипломатическое порученіе неоспоримо требовало не только отличнаго знанія мѣстности всего пограничнаго пространства Томской губерніи и областей Киргизской степи: Семипалатинской и Семирѣченской, прилегающихъ къ западнымъ предѣламъ Китая, но, по возможности, и полнаго знакомства съ ходомъ международныхъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Приступая къ этой работѣ, я на первыхъ же порахъ вполнѣ убѣдился, что познанія мои о Китаѣ и Средней Азіи были крайне ограничены. Должно сознаться, что въ мое время, т. е. въ пятидесятыхъ годахъ, не только въ среднихъ, но и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ очень мало обращалось вниманія на основательное изученіе нашихъ азіатскихъ окраинъ, а также сопредѣльныхъ странъ: Китая и Средне-Азіатскихъ ханствъ Хивы, Бухары и Кокана. Только въ послѣдній годъ моего пребыванія въ военной академіи, т. е. въ 1853 г., начали сознавать необходимость этого изученія и по инициативѣ тогдашняго нашего профессора военной статистики Д. А. Милютина (впослѣдствіи графъ и военный министръ), было возложено на полковника Генеральнаго Штаба Гедеонова чтеніе лекцій объ Оренбургскомъ краѣ и о ходѣ предпринимавшихся со стороны Оренбургской линіи степныхъ экспедицій для возведенія опорныхъ пунктовъ на р. Сыръ-Дарьѣ и Аральскомъ морѣ. По этимъ лекціямъ составлены были записки объ Оренбургскомъ краѣ, въ которыхъ излагалось сначала географическое положеніе края, адми-

нистративное раздѣленіе его, топографическій обзоръ и вліяніе топографическихъ условій на составъ и бытъ населенія. Затѣмъ слѣдовало описаніе Оренбургской военно-пограничной линіи и киргизъ Оренбургскаго вѣдомства или Малой орды. Далѣе кратко излагались общія правила о выкомандированіи отрядовъ въ степь, какъ для обузданія своеволія киргизъ, такъ и вслѣдствіе непріязненныхъ дѣйствій значительныхъ массъ ихъ, взволнованныхъ оскорбленными и изгнанными султанами, какъ напр. Кениссарою Касимовымъ (1838—1841 гг.) или возмутителями, подосланными изъ сосѣднихъ Средне-Азіатскихъ ханствъ. При этомъ указывались правила, выведенныя изъ опыта прежнихъ степныхъ экспедицій о составѣ и силѣ отрядовъ, снабженіи ихъ, о сборныхъ пунктахъ, времени выступленія, слѣдованія, расположенія и дѣйствій отрядовъ въ степи.

Въ заключеніе разсматривалось, также кратко и въ общихъ чертахъ, военное значеніе сосѣднихъ Средне-Азіатскихъ ханствъ относительно Россіи. При этомъ, между прочимъ, категорически указывалось, что при открытіи военныхъ дѣйствій противъ Хивы, Кокана или Бухары главное дѣло не въ томъ, чтобы собрать значительное число войскъ, а въ томъ, чтобы довести хоть сколько-нибудь. Отрядъ, достигшій непріятельскихъ владѣній, можетъ разсчитывать на полный успѣхъ.

Недостаточность и вообще неполнота познаній нашихъ, въ тогдашнее время, о политическомъ и военномъ значеніи сопредѣльныхъ съ Россіею азіатскихъ государствъ, въ особенности относилось къ Китаю. Даже въ сочиненіяхъ по Всемірной исторіи ему отводили вообще весьма мало мѣста. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи мы недалеко подвинулись впередъ и въ настоящее время. По словамъ С. М. Георгіевскаго, въ краткой учебной энциклопедіи изданія 1882 года, исторія Китая изложена въ *четырехъ строкахъ*. Въ Руководствѣ по Всеобщей исторіи Иловайскаго, изд. 12-е, исторія Китая обойдена молчаніемъ. Точно также ничего не говорится о Китаѣ и въ Histoire de la civilisation par Seignobos.

Такимъ образомъ, если и въ настоящее время, когда нѣкоторые вопросы китайской государственной и общественной жизни остаются открытыми или едва затронутыми и когда одни писатели изображаютъ Китай страною полуварварскою, въ которой жизнь застыла и окаменѣла въ своихъ формахъ, а другіе выражаютъ совершенно противоположные взгляды, утверждая, что Китай есть государство высокоцивилизованное, то нельзя не согласиться, что въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ существовала еще бóльшая путаница понятій о Китаѣ. Съ другой стороны

и сама тогдашняя журналистика наша, повидимому, не избѣгла колебаній и вообще неустойчивости воззрѣній на состояніе въ то время государственной и бытовой жизни китайцевъ. Такъ О. И. Сенковскій, помѣщая въ «Библіотекѣ для Чтенія» подробный разборъ одного изъ замѣчательныхъ сочиненій Іакинфа Бичурина: «Китай, его жители, нравы и проч.» и, отдавая полную справедливость многостороннимъ познаніямъ автора въ синологіи, въ то же время даетъ такой оборотъ своему учено-критическому разбору, что подъ его оболочкой, почти на каждомъ шагу просвѣчиваетъ тонкая, а мѣстами и ѣдкая иронія. Позволяю себѣ привести небольшое извлеченіе изъ этого разбора, тѣмъ болѣе, что въ свое время Сенковскій былъ однимъ изъ первыхъ оріенталистовъ и знатоковъ Востока не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

По выходѣ въ свѣтъ упомянутаго сочиненія І. Бичурина, Сенковскій посвятилъ разбору его обширную статью, въ которой говоритъ, между прочимъ, что «государство, устоявшее 3500 лѣтъ противъ всѣхъ бурь, покорившее своей власти всѣ сосѣдніе воинственные народы, не находитъ у себя другого оружія противъ англійской арміи въ три батальона, кромѣ комическихъ прокламацій, когда 1.393 человѣка европейскихъ солдатъ берутъ приступомъ колоссальный городъ (Кантонъ), равный народонаселеніемъ и богатствомъ Парижу, окруженный высокими стѣнами и снабженный страшной артиллеріей, обороняемой 50 тыс. гарнизона; когда одинъ пароходъ сожигаетъ всѣ флоты этого народа въ 362 милл. душъ; одинъ капитанъ заставляетъ городъ въ 800 т. жителей заплатить себѣ контрибуцію въ 32 милл. рублей; одинъ полковникъ въ красномъ мундирѣ беретъ въ плѣнъ 50 т. воиновъ и эта плѣнная армія дефилируетъ со свернутыми знаменами, но съ оружіемъ въ рукахъ среди 840 человѣкъ своихъ побѣдителей, которыхъ она могла бы буквально закидать шапками; когда всѣ эти неслыханныя, невѣроятныя и невозможныя событія происходятъ передъ нашими глазами—теперь-то или никогда и должно спросить у почтеннѣйшаго отца Іакинфа, что это за люди, эти любимые имъ китайцы».

Сопоставляя затѣмъ эти свѣдѣнія, очевидно заимствованныя изъ иностранныхъ газетъ съ упомянутою книгою Іакинфа о Китаѣ, О. И. Сенковскій говоритъ, что «эта прославленная имперія какое-нибудь бумажное, росписанное и полакированное государство, которое можно сжечь одною стеариновою свѣчою. Иначе нельзя объяснить себѣ того, что происходитъ въ Кантонѣ. И напрасно искать объясненія столь непостижимыхъ фактовъ въ книгѣ ученаго нашего синолога: чѣмъ больше ее читаешь, тѣмъ сильнѣе старается

она убѣдить, что Китай—самое благоустроенное государство на земномъ шарѣ, самое мудрое, умное, образцовое, распорядительное, дальновидное, дѣятельное, непобѣдимое. Если судить по ней, то китаецъ—идеалъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей; я не вижу даже,—продолжаетъ ехидно О. И. Сенковскій,—чтобы онъ былъ трусъ или взяточникъ: все въ этомъ государствѣ обстоитъ такъ благополучно, все съ такою точностью слѣдуетъ установленному порядку, законы такъ хорошо исполняются, правители ихъ такъ усердны, чиновники ихъ такъ исправны, нравственность такъ чиста, даже и философія такъ возвышена, что, читая книгу отца Іакинфа, нельзя не удивляться и не завидовать Китаю».

«Отецъ Іакинфъ,—продолжаетъ далѣе О. И. Сенковскій,—хочетъ показать намъ въ Китаѣ настоящую Европу, а мы по его же книгѣ видимъ въ этомъ благословенномъ Китаѣ еще болѣе, чѣмъ настоящую Азію — Азію преувеличенную, самую азіатскую Азію, какую только можно себѣ представить европейскимъ воображеніемъ».

«Этимъ,—по словамъ Сенковскаго,—доказывается, что книга должна быть чрезвычайно любопытна и по способу изложенія, и по содержащимся въ ней фактамъ, когда она неизбѣжно приводитъ къ заключенію, діаметрально противоположному основной мысли писателя».

Таковы были неблагопріятныя условія по ознакомленію съ Китаемъ, существовавшія въ тогдашнее время и порождавшія въ публикѣ полнѣйшее равнодушіе къ изученію его. Эти неблагопріятныя условія еще болѣе усиливались тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что въ историческихъ трудахъ даже такихъ первостепенныхъ европейскихъ ученыхъ, какъ Шлоссеръ и Веберъ, по замѣчанію С. М. Георгіевскаго, Китай выставляется царствомъ совершенной неподвижности и застоя, представляющимъ собою какую-то историческую окаменѣлость. «Китай,—по словамъ Шлоссера, — въ сущности не что иное, какъ обширное полицейское учрежденіе. Имперія поддерживается и управляется нравственными изреченіями, заучиваемыми въ дѣтствѣ, приманкою чиновничьихъ отличій и, наконецъ, палочными ударами.

«Въ Китаѣ все дѣлается по заведенному однажды порядку, основанному на завѣщанныхъ предками законахъ и учрежденіяхъ и поддерживаемому полицейскимъ насиліемъ». При этомъ должно замѣтить, что Шлоссеръ оставлялъ, однако же, безъ разсмотрѣнія вопросъ о причинахъ этой неподвижности и застоя китайской государственной и народной жизни. Между тѣмъ, если вникнуть въ дѣло глубже и подробно ознакомиться съ болѣе точными,

позднѣйшими изслѣдованіями о китайцахъ, то неминуемо должно придти къ другимъ выводамъ. Прежде всего оказывается, что въ этомъ царствѣ застоя многія отрасли промышленности, какъ напр. краски, окрашиваніе тканей, фарфоръ, шелковыя матеріи, лаковыя издѣлія находятся, по словамъ Н. Я. Данилевскаго, на недосягаемой для европейскихъ мануфактуръ степени совершенства. Китайское земледѣліе занимаетъ, безспорно, первое мѣсто на земномъ шарѣ. По свидѣтельству извѣстнаго ученаго Либиха, это есть единственное раціональное земледѣліе. Тоже должно сказать и о китайскомъ садоводствѣ. Ландшафтные сады ихъ, по описаніямъ путешественниковъ, составляютъ верхъ прелести и разнообразія. По словамъ Гумбольдта, когда на древнихъ грековъ, кометы наводили суевѣрный страхъ, китайскіе астрономы наблюдали ихъ научнымъ образомъ.

По свидѣтельству профессора Краснова, китайцы, помощію особаго первобытнаго инструмента гномона, опредѣляли высоту солнца еще въ 1100 году до Р. Х. Вообще, можно сказать, что высокая степень гражданскаго, промышленнаго, а отчасти и научнаго развитія китайцевъ во многомъ оставляетъ за собою цивилизацію древнихъ грековъ и римлянъ. Науки и знанія нигдѣ не пользуются такимъ высокимъ уваженіемъ, какъ въ Китаѣ.

Нѣкоторые писатели, наблюдавшіе бытъ и нравы Китая, идутъ еще далѣе. Такъ Сер. Мих. Георгіевскій, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Принципы жизни Китая", упоминаетъ, между прочимъ, что въ этой странѣ существуетъ полная свобода слова, печати и вѣроисповѣданія, дающія возможность каждому гражданину быть открытымъ цѣнителемъ мѣропріятій и видовъ правительства и по своему произволу принимать ту или другую религію. Ассоціаціи и артели достигли въ Китаѣ полнаго разнообразія, о которомъ въ Европѣ не имѣютъ еще и понятія. Банковыя операціи развиты настолько, что правительство отказалось отъ своей монополіи выпускать бумажныя деньги и монету изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Наконецъ, въ этой странѣ монархическая власть, деспотическая по внѣшнему виду, ограничена въ своемъ проявленіи гораздо болѣе, нежели въ конституціонныхъ государствахъ Запада. „Недолжны-ли мы въ виду всего этого, говоритъ С. М. Георгіевскій, придти къ убѣжденію, что Китай самое либеральное, самое передовое государство".

По словамъ корреспондента „Новаго Времени" Дима, самая древняя газета міра есть китайская газета „Дзень-бао" („Столичный Вѣстникъ"), считающая за собою болѣе 1 т. лѣтъ существованія. „Литература въ Китаѣ пользуется полною свободою печати.

Цензуры не существуетъ. Всякій можетъ печатать, что ему угодно и проводить взгляды самые революціонные, лишь бы они отвѣчали общепринятымъ требованіямъ. Въ противномъ случаѣ, книга его не найдетъ читателей—самое вѣрное наказаніе автору". Переходя затѣмъ, попутно, къ разсмотрѣнію мнѣній о Китаѣ и китайцахъ, высказанныхъ другими нашими путешественниками послѣдняго времени, нельзя не остановиться на вполнѣ раціональномъ мнѣніи князя Э. Э. Ухтомскаго. „Врядъ-ли о какой странѣ возникали,—говоритъ онъ,—болѣе двойственныя мнѣнія, чѣмъ о Китаѣ. Весь его національный складъ представляетъ для Европы живѣйшій интересъ, особенно, если принять въ расчетъ, что на громадномъ пространствѣ Небесной Имперіи гнѣздится почти треть рода человѣческаго съ отпечаткомъ крайней оригинальности: ни одинъ историкъ и моралистъ не долженъ бы игнорировать судьбу столь безчисленнаго населенія, давнымъ давно уже выработавшаго себѣ многія условія культурной жизни, населенія, въ характерѣ коего вдобавокъ уживаются самыя разительныя противорѣчія: блестящія достоинства, наряду съ самыми отвратительными недостатками. Нѣмецкіе философы, съ легкой руки Гегеля, вообще презираютъ Небесную Имперію, считая ее прототипомъ неподвижности. Въ лицѣ Китая, по ихъ взгляду, монгольская роса достигла высшаго, возможнаго для нея уровня развитія и дальше, по самой природѣ своей, шагнуть будто бы не можетъ, пребывая изсохшею вѣтвью на зеленѣющемъ деревѣ исторіи. Подобно эллинамъ, для которыхъ почти все чужеземное долго было варварскимъ, китайцы, какъ масса, относятся къ Западу съ полнымъ пренебреженіемъ и считаютъ строй своего быта, результаты своей многовѣковой цивилизаціи за образецъ для всего міра.

«Гердеръ смотрѣлъ на Небесную Имперію какъ на бальзамированную мумію, изукрашенную письменами и укутанную въ шелкъ. Другіе мыслители видѣли въ этомъ громадномъ государствѣ лишь сонъ и оцѣпенѣніе, сравнивали его съ болотомъ, предсказывали Китаю скорое разложеніе и гибель.

«Поспѣшный выводъ, будто-бы родина Конфуція населена (по опредѣленію Токвиля) слабоумно-варварскимъ народомъ, совершенно несправедливъ, также какъ и самодовольное убѣжденіе въ нашемъ несомнѣнномъ, всестороннемъ превосходствѣ надъ нимъ. Китайцы и жили и живутъ весьма нормально, руководствуясь твердыми, стародавними принципами, которые одухотворяютъ весь ихъ государственный организмъ: никакихъ признаковъ упадка, дряхлости не замѣчается".

Повидимому, упомянутые выше европейскіе историческіе писатели, не зная языка и вообще не обладая спеціальными свѣдѣніями по синологіи, не посвященные, такъ сказать въ ея таинства, не могли глубоко проникнуть въ кругъ явленій исторической жизни Китая на пространствѣ столь многихъ вѣковъ и дѣлали оцѣнку этихъ явленій съ европейской точки зрѣнія. При этомъ или упускалось изъ виду, что все міросозерцаніе, всѣ идеи, понятіе, потребности и вообще весь духовный складъ китайцевъ и европейцевъ такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, что подводить ихъ подъ одинъ уровень невозможно.

При такомъ взглядѣ на китайцевъ, европейскіе писатели неминуемо приходили къ ложнымъ выводамъ и даже нерѣдко впадали въ противорѣчія, что, порождая путаницу понятій, окончательно сбивало съ толку читателей.

Подобное разногласіе въ приговорахъ и во мнѣніяхъ о Китаѣ, по замѣчанію С. М. Георгіевскаго, возможно потому именно, что синологіи, какъ установившейся науки, еще не существуетъ, и въ настоящее время, даже въ средѣ самихъ синологовъ, на нѣкоторыя явленія китайской жизни, какъ напр. на сущность конфуціанства, можно встрѣтить не только несходство мнѣній, но и діаметрально противоположные взгляды.

Хотя во время пребыванія моего въ Чугучакѣ, находясь, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ китайцами, я могъ бы на практикѣ нѣсколько ознакомиться съ этимъ народомъ и его бытомъ, но по недостатку свободнаго времени, которое я долженъ былъ посвятить исключительно однимъ служебнымъ занятіямъ, незнанію мною языка, новости дѣла и его своеобразному характеру, такое знакомство во всякомъ случаѣ могло быть крайне поверхностнымъ. Для полнаго и всесторонняго иузченія Китая, т. е. его общественности и всѣхъ тѣхъ явленій, которыя находятся въ тѣсной связи съ ней, т. е. быта, нравовъ, внутренняго состоянія и проч., въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ его исторической жизни, нужно посвятить многіе годы. Понятно, что при моемъ положеніи, какъ уполномоченнаго отъ нашего правительства по дѣлу о постановкѣ западной китайской границы на основаніи Пекинскаго трактата 1860-го года, меня болѣе всего интересовали описанія международныхъ, т. е. главнымъ образомъ, дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ, которые могли бы служить мнѣ путеводною нитью при разсмотрѣніи и обсужденіи многихъ важныхъ вопросовъ, неминуемо возникавшихъ при предстоящемъ разграниченіи. Я вполнѣ сознавалъ, что исторія есть хорошій учитель.

Исходя изъ этого основанія и припоминая, что по закону

преемственности идей, настоящее не можетъ быть совершенно разъединено съ прошедшимъ, съ которымъ оно сохраняетъ постоянную связь и, въ силу этой связи, современныя явленія политическаго міра и вообще событія политическаго характера, могутъ быть объяснены только предшествовавшими имъ эволюціями, которыя ихъ подготовили и привели къ осуществленію. А потому, указанія исторіи прошедшаго времени неоспоримо пріобрѣтаютъ важное значеніе. Все это заставило меня съ особымъ усердіемъ приняться за изученіе посольскихъ сношеній нашихъ съ Китаемъ по имѣвшимся при мнѣ частнымъ и оффиціальнымъ источникамъ. Это изученіе было для меня во многихъ отношеніяхъ полезно и поучительно. Оно доставило мнѣ возможность не только ознакомиться со своеобразными пріемами китайской политики, но въ то же время, при каждомъ возникавшемъ новомъ вопросѣ, я могъ припомнить или подыскать соотвѣтствующую историческую справку. Вслѣдствіе чего, въ большинствѣ случаевъ я не былъ застигнутъ врасплохъ, не встрѣчалъ недоразумѣній, не становился втупикъ, но могъ сразу оріентироваться въ совершенно незнакомомъ мнѣ дотолѣ дѣлѣ и дѣйствовать смѣло, увѣренно и безъ малѣйшихъ колебаній.

Въ библіотекѣ К. А. Скачкова, бывшей для меня настоящимъ кладомъ, я нашелъ весьма много сочиненій на русскомъ и французскомъ языкахъ, въ которыхъ описывались какъ наши, такъ и иностранныя посольства въ Китай и веденныя представителями этихъ посольствъ переговоры съ китайцами. Такъ, прочитавъ путешествія въ Китай черезъ Монголію Е. Ѳ. Тимковскаго (1820 и 1821) и Е. П. Ковалевскаго (1841—1842), я могъ ознакомиться, хотя и не во всей подробности, но въ общихъ чертахъ съ нашими посольствами въ Китай: Байкова 1653 года, Спафарія въ 1675 году, Головина въ 1689 году, Измайлова въ 1720 году, Графа Саввы Владиславовича Рагузинскаго въ 1727 г., Кропотова (1762—1768) и Графа Головкина въ 1806 году. Послѣднія же посольства: Графа Путятина и Генерала Н. П. Игнатьева, было мнѣ хорошо извѣстны изъ оффиціальныхъ источниковъ, а также изъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ того времени. Изъ имѣвшихся у К. А. Скачкова сочиненій о Китаѣ на французскомъ языкѣ, я ознакомился также и съ иностранными посольствами въ Китай и ихъ результатами, а именно: англійскимъ—лорда Макартиса въ 1793 и 1794 годахъ, голландскимъ, Браона въ 1795 году и вторымъ англійскимъ лорда Эмгерста. Болѣе всего меня поразило при чтеніи и описаніи этихъ посольствъ, что всѣ онѣ, въ сущности, ничего не могли добиться отъ китайцевъ. Китайцы, съ самымъ высокомѣрнымъ, грубымъ и тупымъ упорствомъ, всемѣрно отстаивали замкнутость Срединнаго государства и при всякомъ удобномъ случаѣ выказывали явное нежеланіе войти въ сношенія съ европейцами. Такъ въ теченіе 87 лѣтъ (съ 1755 по 1842 годъ) г. Кантонъ оставался единственнымъ портомъ, куда допускались европейскія суда. И только послѣ Англо-Китайской войны (1840—1842 г.), открыты были для европейской торговли новые четыре порта: Амой, Фучжоу, Нингпо и Шанхай. Точно также и у насъ торговыя сношенія съ китайцами производились только на Кяхтѣ, хотя по Нерчинскому трактату, подтвержденному Кяхтинскимъ, намъ предоставлено было право посылать торговые караваны въ Пекинъ. Кромѣ сочиненій о Китаѣ, упомянутыхъ выше, я нашелъ въ библіотекѣ К. А. Скачкова также сочиненія извѣстнаго синолога Іакинфа Бичурина, увѣдомленіе о бывшей войнѣ китайцевъ съ зенгорцами Леонтьева 1779 года, описаніе Зюнгаріи Липовцева 1821 года, труды Архимандритовъ: Софронія и Палладія, интересныя статьи о Китаѣ Горскаго и И. И. Захарова, помѣщенныя въ трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, различныя статьи академика и профессора В. П. Васильева, Du-Halde: Description de l'empire de la Chine, D'Hosson: Histoire des Mongols, Klaproth: Memoires rélatifs à l'Asie, Huc: L'empire chinois и др. Чтеніе этихъ сочиненій, изъ которыхъ дѣлались мною, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выписки, доставило мнѣ возможность ознакомиться, на первый разъ, конечно, поверхностно, такъ сказать—теоретически, съ особенностями государственной и общественной жизни китайцевъ и съ наиболѣе выдающимися событіями политической исторіи Китая, преимущественно по отношенію къ Россіи, начиная со второй половины XVII столѣтія, т. е. со времени паденія коренной Китайской династіи Минъ въ 1644-го году и воцареніи новой Маньчжурской династіи Цинъ или Дайцинъ въ лицѣ Императора правленія Шунь-чжи (въ Китаѣ Государи называются не по своимъ собственнымъ именамъ, но по именамъ своихъ правленій), царствовавшаго съ 1644-го по 1661-ый г. и его преемниковъ: Канъ-Си (1662—1723), Юнь-Жень (1723—1736), Цзянь-Лунь (1736—1799), Цзя-Цинъ или Кіа-Кингъ (1799—1820) Дао-Гуанъ (1820—1850), Сянъ-Фынъ (1850—1861) Тунъ-Чжи (1861—1875).

Изъ всѣхъ прочитанныхъ мною статей о Китаѣ, болѣе другихъ произвели на меня впечатлѣніе статьи молодого ученаго синолога Горскаго, такъ рано похищеннаго смертью: „Начала и первыя дѣла Маньчжурскаго дома“ и „О происхожденіи родоначальника нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи Цинь и имени

народа Маньчжу;“ И. И. Захарова: „Историческое обозрѣніе народонаселенія Китая“ и Архимандрита Палладія: „Жизнеописаніе Будды“ и „Историческій очеркъ древняго Буддизма“. Впослѣдствіи, по пріѣздѣ въ Омскъ, я поспѣшилъ ознакомиться съ учеными трудами, относящимися до посольскихъ сношеній съ Китаемъ академика и историка Сибири Миллера, помѣщенными въ учено-литературномъ журналѣ, издаваемомъ Академіею Наукъ, подъ названіемъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“. Въ этомъ изданіи было помѣщено нѣсколько капитальныхъ трудовъ самого Миллера, а именно:

1) О первыхъ Россійскихъ путешествіяхъ и посольствахъ въ Китай. 1755 г. Іюнь.

2) Изъясненіе сумнительствъ, находящихся при постановленіи границы между Россійскимъ и Китайскимъ государствами въ 1689 году.

и 3) Исторія о странахъ при р. Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ Россійскимъ владѣніемъ.—Чтеніе какъ этихъ сочиненій, такъ и другихъ статей по международнымъ сношеніямъ Россіи съ Китаемъ и старыхъ дѣлъ Омскаго Архива доставили мнѣ возможность вполнѣ ознакомиться со многими историческими подробностями въ громадномъ подвигѣ такого быстраго овладѣнія нами Сибирью на необъятномъ пространствѣ отъ Урала до Великаго океана. При этомъ и нѣкоторыя историческія событія получили въ моихъ глазахъ совершенно другое освѣщеніе, сравнительно съ пріобрѣтенными мною въ молодости познаніями объ этихъ событіяхъ изъ тогдашнихъ сочиненій на русскомъ языкѣ по Всемірной исторіи. Такъ, ознакомившись съ ходомъ переговоровъ, веденнымъ нашимъ посломъ Головинымъ съ китайцами подъ Нерчинскомъ, я не могъ не обратить вниманія на нѣкоторыя выдающіяся обстоятельства этого важнаго дѣла, заслуживающаго подробнаго разбора и на которомъ позволю себѣ нѣсколько остановиться.

По Нерчинскому трактату 1689 года, какъ извѣстно, была уступлена нами китайцамъ такъ называемая Даурія т. е. Амурская страна. Ознакомившись съ литературою этого предмета по имѣвшимся у меня въ то время источникамъ: Миллеръ, Фишеръ, Словцовъ, С. М. Соловьевъ и друг.) я долженъ былъ притти къ заключенію, что по вопросу о потерѣ нами Дауріи существуетъ разнообразіе во взглядахъ. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился нашъ посолъ Головинъ, при веденіи имъ переговоровъ съ китайцами, онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее и не могъ поступить иначе. Судя

же по архивнымъ документамъ, приводимымъ Миллеромъ и Бантышъ-Каменскимъ, а также мнѣнію профессоровъ Григорьева и Мартенса, съ трудами которыхъ по исторіи Востока я имѣлъ возможность ознакомиться впослѣдствіи, Головинъ выказалъ по отношенію къ китайцамъ чрезмѣрное миролюбіе и излишнюю уступчивость и тѣмъ далъ имъ поводъ одержать надъ нами дипломатическую побѣду.

Если для уясненія этого обстоятельства разсмотрѣть въ возможной подробности и сопоставить между собою дѣйствія обѣихъ сторонъ, предшествовавшія заключенію Нерчинскаго договора, то нельзя не отдать преимущества искусно соображенному и превосходно исполненному плану дѣйствій китайцевъ.

Задавшись цѣлью во что бы то ни стало вытѣснить русскихъ съ р. Амура, гдѣ тамошніе инородцы были обложены нашими казаками и промышленными людьми—ясакомъ, черезъ что китайцы лишались значительныхъ доходныхъ статей, не говоря уже о грабежахъ и разбояхъ, чинимыхъ нашими въ Амурской странѣ,—китайцы, однакоже, не сразу приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. При появленіи русскихъ на р. Амурѣ, китайцы, на первыхъ порахъ, и не имѣли возможности остановить дальнѣйшее овладѣніе нами Дауріей, по причинѣ происшедшаго въ Китаѣ около того времени государственнаго переворота. Маньчжуры, овладѣвъ Китаемъ въ 1644-мъ году и возведя династію своихъ государей на Китайскій престолъ, были въ то время сильно озабочены подчиненіемъ всѣхъ частей громадной имперіи своему владычеству и вообще удержаніемъ побѣжденнаго ими народа въ своей власти. Они, повидимому, хорошо понимали, что это дѣло оказывается на практикѣ иногда труднѣе самого завоеванія непріятельской страны. Но, кромѣ необходимости установить порядокъ въ системѣ внутренняго управленія государствомъ, Маньчжурскому правительству предстояло въ то время не мало заботъ и въ дѣлахъ внѣшней политики. Слѣдовало остановить возрастающее могущество чжунгарскаго владѣльца Галдана (по нашимъ лѣтописямъ Бутухту-ханъ), стремившагося распространить свою власть и на сосѣднія съ чжунгарами племена монголовъ и воспрепятствовать имъ вступить въ союзъ съ маньчжурами.

Вслѣдствіе этого, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей Маньчжурской (Цинской) династіи, правленія Канъ-Си, велъ продолжительныя и кровопролитныя войны съ Галданомъ. Отсюда дѣлается понятнымъ, почему Маньчжуское правительство при первомъ императорѣ Дайцинской династіи, правленія Шунъ-Чжи

(1644—1662), не выказало никакого сопротивленія усиленію ихъ могущественнаго сосѣда на сѣверѣ. Даже въ первые годы царствованія преемника Шунъ-Чжи, императора правленія Канъ-Си, по свидѣтельству нашего посланника Спафарія, бывшаго въ Китаѣ въ 1675 году и основанному на показаніяхъ находившихся въ Пекинѣ нашихъ перебѣжчиковъ, Богдыханъ былъ въ то время въ великомъ безпокойствѣ: отъ нашихъ казаковъ онъ имѣлъ великій страхъ и сверхъ того сильно озабоченъ возстаніемъ южныхъ провинцій Китая. Только по усмиреніи этого возстанія, руководимаго Усанъ-Кеемъ, Канъ-Си вознамѣрился предпринять, наконецъ, рѣшительныя дѣйствія для удаленія насъ съ р. Амура. Съ этою цѣлью, по распоряженію китайскаго правительства, въ 1685 году была двинута на р. Амуръ цѣлая армія. Послѣ продолжительной осады, построенный нами на р. Амурѣ укрѣпленный городъ Албазинъ, защищаемый слабымъ гарнизономъ, долженъ былъ сдаться китайцамъ. Когда же китайцы, раззоривъ Албазинъ, отошли къ Айгуну, наши казаки вновь заняли Албазинъ. Въ слѣдующемъ 1686 году, китайцы вновь обложили Албазинъ, а въ 1687 году блокада была снята и китайцы отступили отъ Албазина. Это неожиданное отступленіе произошло вслѣдствіе указа Богдыхана правленія Канъ-Си, получившаго извѣстіе о скоромъ прибытіи на границу нашего посольства подъ начальствомъ окольничаго Головина, причемъ китайцы надѣялись достигнуть той же цѣли, т. е. сдачи имъ Албазина дипломатическимъ путемъ. Для того же, чтобы заставить насъ быть болѣе уступчивыми при предстоящихъ переговорахъ и заручившись, какъ будетъ подробно изложено ниже, точными свѣдѣніями, что нашъ посолъ не вступилъ въ соглашеніе съ ихъ сильнымъ въ то время противникомъ владѣтелемъ Чжунгаріи—Галданомъ, чего до крайности опасались китайцы, они направили къ нашей границѣ войска по тремъ направленіямъ: по р. Амуру на 76 судахъ, сухопутно къ р. Аргуни и подъ видомъ почетной стражи съ послами, слѣдовавшими изъ Пекина черезъ Монголію къ р. Керулену и оттуда къ гор. Нерчинску.

Всего подъ Нерчинскомъ было сосредоточено китайцами, по совѣту іезуитовъ Перейры и Жербильона, до 15 тыс. войска съ сильной артиллеріей, а для быстраго сформированія конницы, китайцы озаботились пригнать до 800 лошадей.

Въ то время, когда китайскія войска, пользуясь своимъ превосходствомъ надъ нашими и, обложивъ Нерчинскъ со всѣхъ сторонъ, держали его въ блокадѣ, видимо желая, выражаясь языкомъ нашихъ лѣтописей, „учинить подъ Нерчинскомъ воинскій

промыселъ“,—скопища монголовъ и другихъ инородцевъ, дѣйствуя по проискамъ и наущенію китайцевъ, держали въ осадѣ Селенгинскъ и угрожали Удинску. При этомъ китайцы всячески склоняли къ измѣнѣ перешедшихъ на нашу сторону Сибирскихъ инородцевъ: бурятъ, ононовъ, тунгузовъ и монголовъ. Вслѣдствіе этихъ подстрекательствъ, подвластные намъ монголы, занимавшіе своими стойбищами приграничную мѣстность въ предѣлахъ русскихъ владѣній, стали переходить на сторону китайцевъ и неминуемо могли бы увлечь къ тому же тунгузовъ и другихъ ясашныхъ инородцевъ Нерчинскаго округа. Все это, придавая китайцамъ болѣе самоувѣренности въ превосходствѣ надъ русскими, весьма неблагопріятно для насъ отражалось на ходѣ происходившихъ переговоровъ. Наглость китайцевъ на этихъ переговорахъ доходила до того, что они стали утверждать, будто-бы Амуръ принадлежитъ имъ со временъ Александра Македонскаго.

Между тѣмъ, Головинъ могъ располагать только 3 тыс. стрѣльцовъ, драгунъ и казаковъ, взятыхъ въ Москвѣ, Тобольскѣ и другихъ городахъ Сибири. Малочисленность нашихъ войскъ и отдаленность мѣстъ, откуда можно бы было получать подкрѣпленія,—все это дѣлало положеніе Головина весьма затруднительнымъ. Тогда Головинъ, усматривая совершенную склонность китайскихъ пословъ къ войнѣ и убѣдившись, что и самая жизнь его подвержена серьезной опасности, рѣшился уступить китайцамъ всю Амурскую страну и срыть гор. Албазинъ, чтобы этой уступкой открыть путь къ скорѣйшему заключенію мирнаго договора.

Разсматривая дѣйствія съ нашей стороны, предшествовавшія переговорамъ, веденнымъ подъ Нерчинскомъ, должно сознаться, что они не отличались предусмотрительностію и умѣніемъ вѣрно оцѣнить и воспользоваться благопріятными для насъ обстоятельствами какъ въ приграничной части Сибири, такъ и въ сосѣдней съ нею Монголіи. Прежде всего является непонятнымъ причины, потребовавшія такого продолжительнаго времени, а именно трехъ лѣтъ, на переѣздъ Головина изъ Москвы на Китайскую границу и на подготовительныя распоряженія къ предстоявшимъ переговорамъ съ китайцами. Головинъ выѣхалъ изъ Москвы 26-го января 1686 года, на Ярославль, Вологду, Верхотуры, Туринскъ и Тюмень въ Тобольскъ, куда прибылъ 24-го марта, а 29 мая выѣхалъ оттуда на Сургутъ, Нарымъ, Кетскій и Маковскій остроги въ Енисейскъ. 28 сентября онъ прибылъ въ Рыбенскій острогъ, гдѣ зимовалъ, а 15 мая слѣдующаго 1687 года выѣхалъ въ Братскій острогъ, Иркутскъ и Удинскъ, а затѣмъ въ Селенгинскъ, куда прибылъ 25-го октября.

Послѣ того прошло еще полтора года безъ всякой особенно выдающейся пользы для дѣла и только во второй половинѣ 1689 года, на четвертомъ году по выѣздѣ Головина изъ Москвы, состоялся съѣздъ обоюдныхъ уполномоченныхъ въ Нерчинскѣ.

Эта непонятная медленность Головина бросилась въ глаза даже китайцамъ, которые, будучи специалистами въ умѣніи затягивать каждое дѣло, не могли однакоже воздержаться, и въ одномъ изъ своихъ листовъ (оффиціальныхъ бумагъ) ехидно выразили Головину удивленіе въ его долговременномъ въ Селенгинскѣ пребываніи безъ всякаго дѣла. Мѣжду тѣмъ, этимъ временемъ, повидимому, можно было воспользоваться, чтобы предупредить китайцевъ въ Албазинѣ и избрать именно этотъ городъ, а не Нерчинскъ мѣстомъ съѣзда нашихъ и китайскихъ уполномоченныхъ для переговоровъ о проведеніи границы. Въ инструкціи Головину было даже сказано: *домогаться всячески, чтобы быть границею Албазину на р. Амурѣ и итти съ великимъ поспѣшеніемъ.* Затѣмъ въ указѣ, подписанномъ 29 Ноября 1687 года, вновь было подтверждено: итти имъ посламъ въ Албазинъ съ великимъ поспѣшеніемъ, *не останавливаясь нигдѣ, ни для чего, ни на малое время*".

Наконецъ, въ грамотѣ, отправленной отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей Богдыхану было категорически сказано, что преcолъ Головинъ съ товарищами отправленъ на съѣздъ въ *Албазинъ.* Оказывается, что въ Москвѣ хорошо понимали важное стратегическое значеніе г. Албазина, какъ пограничнаго опорнаго пункта на р. Амурѣ, бывшаго въ тогдашнее время ключемъ всей Амурской страны и притомъ принадлежащемъ Россіи и занятомъ русскимъ войскомъ. Албазинъ уже имѣлъ тогда свой гербъ, жалованный городу царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1684 году, изображавшій орла съ распростертыми крыльями и держащаго въ правой ногѣ лукъ, а въ лѣвой стрѣлу. Все это ясно указываетъ, что самымъ подходящимъ мѣстомъ для съѣзда былъ именно гор. Албазинъ, гдѣ и должна проходить государственная граница и откуда должно начаться самое разграниченіе, т. е. постановка граничныхъ знаковъ. Другой нашъ посолъ, графъ Савва Владиславичъ Рагузинскій, какъ будетъ подробно изложено ниже, дѣйствовалъ иначе. Расположившись со своимъ станомъ на р. Бурѣ, въ 10 верстахъ отъ Кяхты, Савва Владиславичъ съ твердостію заявилъ китайцамъ, что именно въ этомъ мѣстѣ должна проходить граница и начаться самая постановка граничныхъ знаковъ, что и было приведено въ исполненіе нашими и китайскими коммисарами.

Замѣчательно, что самъ Головинъ, по словамъ Миллера, сознавалъ важное значеніе Албазина при предстоящихъ переговорахъ съ китайцами и желалъ учредить съѣздъ въ Албазинѣ, *яко Русскомъ пограничномъ мѣстѣ*, но почему-то медлилъ и не успѣлъ заблаговременно занять Албазинъ нашими войсками и тѣмъ предупредить китайцевъ. Повидимому, онъ имѣлъ полную возможность это сдѣлать еще осенью 1687 или весною 1688 года. Если припомнить, что китайцы 30 августа 1687 года совершенно очистили Албазинъ и Головинъ уже 1-го августа того же года былъ въ Иркутскѣ, проведя цѣлую осень, зиму и весну съ 29-го сентября 1686 по 15 мая 1687 года въ Рыбенскомъ острогѣ на р. Тунгузкѣ, то, слѣдуя безостановочно изъ Иркутска въ Албазинъ, Головинъ могъ бы быть тамъ осенью 1687 г. Затѣмъ, только по прибытіи въ Албазинъ съ войскомъ, Головину слѣдовало послать въ Пекинъ извѣщеніе о своемъ прибытіи на границу и о выборѣ неотступно Албазина мѣстомъ съѣзда уполномоченныхъ обоихъ государствъ. Но Головинъ, выѣхавъ изъ Удинска въ Нерчинскъ и получивъ на пути извѣстіе, что китайцы отступили отъ Албазина разсудилъ вернуться обратно въ Удинскъ, а оттуда въ Селенгинскъ. Затѣмъ изъ Селенгинска, только 19 ноября 1687 года, Головинъ послалъ въ Пекинъ дворянина посольства Коровина съ объявленіемъ о своемъ пріѣздѣ, при чемъ увѣдомилъ, что предоставляетъ на добрую волю китайцевъ самимъ имъ выбрать мѣсто для съѣзда, что, повидимому, было прямымъ нарушеніемъ приведеннаго выше категорическаго приказанія изъ Москвы: стать въ Албазинѣ. Китайцы тотчасъ же поняли съ кѣмъ имѣютъ дѣло и ловко воспользовались нашею оплошностью, выбравъ мѣстомъ съѣзда г. Нерчинскъ, какъ нельзя болѣе подходящій къ ихъ видамъ.

Въ слѣдующемъ же 1689 году, когда китайцы двинули на Амуръ значительное войско, занять Албазинъ оказалось невозможнымъ. Время было потеряно, и хотя Головинъ, узнавъ о движеніи китайцевъ на судахъ вверхъ по р. Амуру, послалъ коменданту Албазина Бейтону приказаніе остановить ихъ, но всѣ настоянія Бейтона не имѣли успѣха. Китайцы, пользуясь своимъ превосходствомъ въ силахъ, не обратили на нашъ протестъ никакого вниманія и съ неуязвимой наглостью и самоувѣренностью продолжали свое движеніе водою по р. Амуру на 76-ти судахъ и сухопутно черезъ Аргунскій острогъ прямо къ Нерчинску.

Этими дѣйствіями китайцы подготовили успѣхъ предстоящихъ переговоровъ въ Нерчинскѣ, вынудивъ нашего посла начать ихъ при самыхъ неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ.

Кромѣ приведенныхъ замѣчаній, является также непонятнымъ, почему именно Головинъ, въ виду явно враждебныхъ противъ насъ дѣйствій китайцевъ подъ Нерчинскомъ, не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки вступить въ соглашеніе съ Галданомъ, тѣмъ болѣе, что, судя по архивнымъ документамъ, этого соглашенія до крайности опасались китайцы. Повидимому, нашъ посолъ и мѣстное пограничное начальство въ Сибири не уяснило себѣ въ полной мѣрѣ важное значеніе для Россіи событій, происходившихъ въ то время въ пограничной части Монголіи и Чжунгаріи и ту пользу, которую намъ можно было бы извлечь изъ нихъ въ настоящемъ случаѣ. Необходимо припомнить, что въ то время, когда Головинъ находился подъ Нерчинскомъ, могущественный владѣлецъ Чжунгаріи Галданъ, разгромивъ Западную Монголію, подходилъ къ р. Толѣ, впадающей въ р. Орхонь, притокъ р. Селенги. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, пограничные монголы, отложившіеся отъ насъ по проискамъ китайцевъ, поспѣшили очистить наши предѣлы. Изъ этого видно, что дѣйствія Галдана въ Западной Монголіи оказали благопріятное для насъ вліяніе на пограничныхъ инородцевъ. Этимъ то намъ и слѣдовало воспользоваться и, не теряя времени, немедленно склонить Галдана, при поддержкѣ съ нашей стороны, къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ противъ подвластныхъ Китаю монголовъ и даже самихъ китайцевъ, и тѣмъ отвлечь ихъ войска отъ Нерчинска. Въ политикѣ честность не можетъ быть обязательна, а въ особенности при дѣйствіи противъ китайцевъ, которые на каждомъ шагу доказывали справедливость этого правила. Всѣ ихъ дѣйствія подъ Нерчинскомъ представляютъ собою смѣсь лжи, обмана, коварства, самаго іезуитскаго лицемѣрія и наглаго издѣвательства надъ нами. Такъ на требованіе Головина не переманивать къ себѣ нашихъ ясашныхъ инородцевъ, китайцы со смѣхомъ отвѣчали, что они ихъ не переманиваютъ и пусть Головинъ самъ съ ними управится: велитъ своимъ ратнымъ людямъ смирить ихъ. Китайцы ехидно смѣялись, зная что у Головина мало ратныхъ людей, а измѣнниковъ гораздо больше.

Наконецъ, самъ императоръ правленія Канъ-Си могъ служить для насъ поучительнымъ примѣромъ: всѣ его сношенія съ Галданомъ, по Леонтьеву и Іакинфу, представляютъ собою рядъ всевозможныхъ хитростей и самыхъ подлыхъ обмановъ. При такомъ положеніи дѣлъ и въ виду явной склонности, какъ было упомянуто выше, китайскихъ пословъ къ войнѣ, Головинъ имѣлъ полное основаніе войти въ соглашеніе съ Галданомъ для совокупныхъ дѣйствій противъ китайцевъ. Этому благопріятствовало

то важное обстоятельство, что какъ разъ въ это время Галданъ подходилъ къ р. Толѣ, т. е. занималъ пригpаничную съ Сибирью часть сѣверо-западной Монголіи и, по словамъ Миллера, самъ домогался войти въ соглашеніе съ русскими для совокупныхъ дѣйствій противъ китайцевъ. Въ успѣшномъ исходѣ этого соглашенія не могло быть никакого сомнѣнія. Изъ сочиненія Іакинфа: «Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ», видно, что чжунгарскіе владѣльцы, начиная съ Галдана, всячески добивались заключить союзъ съ Россіей для дѣйствій противъ китайцевъ и монголовъ. Галданъ даже высказалъ, при свиданіи съ нашимъ посланцемъ Юдинымъ въ 1693 году, свою полную готовность содѣйствовать русскимъ къ возвращенію Албазина, никогда не принадлежавшаго Китаю.

Съ другой стороны, китайцы, болѣе всего опасаясь такого союза, неотступно слѣдили за всякой попыткой чжунгаровъ къ сближенію съ нами и всемѣрно старались воспрепятствовать его осуществленію. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, китайцы, по свойственной имъ подозрительности, одновременно съ выѣздомъ ихъ уполномоченныхъ въ Нерчинскъ для переговоровъ и отправленія туда-же китайскихъ войскъ, послали своего эмиссара къ Галдану съ тѣмъ, чтобы подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ изъ подъ руки развѣдать о намѣреніяхъ Галдана и, главнымъ образомъ, о томъ: не заключенъ ли имъ тайный договоръ съ русскими. Посланный эмиссаръ, имѣвшій званіе мандарина, былъ захваченъ чжунгарами и приведенъ къ Галдану. Галданъ сдѣлалъ ему обстоятельный допросъ и, узнавъ, между прочимъ, что по распоряженію Китайскаго правительства отправлено посольство въ Россію для веденія мирныхъ переговоровъ о границѣ, отпустилъ этого мандарина. Китайцы были весьма обрадованы, узнавъ отъ него, что русскіе не вступили въ союзъ съ чжунгарами.

Точно также и во все послѣдующее время, до самаго паденія Чжунгаріи, китайцы всегда въ высшей степени чутко и подозрительно относились ко всякимъ слухамъ о союзѣ чжунгарскихъ владѣльцевъ съ Россіею. Такъ въ 1690-мъ году, когда въ Пекинѣ было получено извѣстіе, что Галданъ выступилъ въ сѣверо-западную Монголію съ 40 тыс. конницы и, сверхъ того, намѣренъ просить у Россіи вспомогательныхъ войскъ, императоръ правленія Канъ-Си приказалъ объявить бывшему тогда въ Пекинѣ для переговоровъ по пограничнымъ дѣламъ боярскому сыну Лощанинову, что если слухи объ отправленіи изъ Россіи вспомогательныхъ войскъ къ Галдану справедливы, то этимъ поступкомъ Россія нарушаетъ мирный договоръ, заключенный въ 1689 г. подъ Нер-

чинскомъ. Затѣмъ въ 1696 году, когда въ Пекинѣ были получены свѣдѣнія съ монгольской границы, что Галданъ, имѣя 20 тыс. собственной конницы, еще ожидаетъ 60 тыс. вспомогательныхъ войскъ, идущихъ изъ Россіи, то это извѣстіе навело такой страхъ на китайскихъ министровъ, что они просили Богдыхана, уже выступившаго съ войскомъ въ Монголію, возвратиться въ Пекинъ. Когда преемникъ Галдана Цэванъ-Раптанъ, приготовляясь къ войнѣ съ Китаемъ, отъ котораго онъ требовалъ уступки провинціи Хами и признанія монголовъ независимыми, въ то же время, чрезъ особое посольство, просилъ императора Петра I о содѣйствіи и успѣлъ снискать его благоволеніе и защиту, о чемъ вскорѣ узнали китайцы, имѣвшіе всюду своихъ лазутчиковъ, то китайскіе министры съ огорченіемъ дали знать объ этомъ нашему резиденту Лангу, бывшему въ Пекинѣ въ 1722-мъ году. Китайцы сообщили ему: сколь несправедливо есть дѣло принимать посольство отъ непріятныхъ друзей своихъ и заключать съ ними оборонительный и наступательный союзъ.

Переходя къ разсмотрѣнію дѣйствій китайцевъ противъ чжунгаровъ, должно замѣтить, что при первыхъ даровитыхъ императорахъ маньчжурской династіи правленія Канъ-Си, Юнь-Чжень и Цянь-Лунь, китайцы, соблюдая постепенность въ своихъ дѣйствіяхъ, успѣли путемъ тонкой и дальновидной политики подчинить своей власти всю восточную Монголію и отторгнуть Тибетъ изъ власти чжунгаровъ. Достигнувъ этой цѣли, они рѣшились всѣми силами обрушиться на чжунгаровъ и сокрушить ихъ, что и было исполнено въ царствованіе императора правленія Цянь-Лунь. Рѣшившись предпринять эту войну, китайцы предварительно приступили къ принятію всевозможныхъ подготовительныхъ мѣръ, могущихъ обезпечить успѣхъ военныхъ операцій въ Чжунгаріи. Въ ряду этихъ мѣръ, наиболѣе важное значеніе въ разсматриваемомъ вопросѣ, имѣютъ посольства, отправленныя китайцами къ нашему правительству, а также къ подвластному намъ калмыцкому хану Аюкѣ. При извѣстномъ высокомѣріи и надменности китайскаго правительства, не отправлявшаго своихъ посольствъ въ тѣ времена ни къ одному изъ европейскихъ и азіатскихъ государей, посольство къ Аюкѣ хану, который не былъ самостоятельнымъ владѣтелемъ, но находился въ подданствѣ Россіи, составляющее, такъ сказать, нарушеніе исконныхъ китайскихъ обычаевъ, представляетъ собою фактъ высокознаменательный. Понятно, что при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, китайцы придавали большое значеніе тому участію, которое могли бы принять въ разгромѣ Чжунгаріи не только Россія, но и калмыцкій ханъ Аюка,

прадѣдъ котораго Хоурлюкъ въ 1636 году перешелъ со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ въ Россію и былъ принятъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ подданство, получивъ для кочеванія земли по обѣимъ сторонамъ низовьевъ р. Волги. Хотя въ инструкціи, данной китайскому посланнику, отправленному къ хану Аюкѣ въ 1712-мъ году, вовсе не упоминалось о приглашеніи его содѣйствовать Китаю въ войнѣ съ Чжунгаріей, но спеціальная цѣль этого посольства, сохранявшаяся въ тайнѣ, неоспоримо заключалась въ томъ, чтобы склонить Аюку напасть на джунгаровъ, которые тогда находились въ войнѣ съ китайцами. Достовѣрность этого обстоятельства подтверждаетъ нашъ комиссаръ Худяковъ, бывшій въ то время въ Пекинѣ, а также и нашъ посолъ графъ Рагузинскій. По его заявленію, китайскіе послы требовали отъ Аюки, чтобы онъ объявилъ войну Контайшѣ (Цэванъ-Раптану) за то, что онъ не хочетъ воздержать себя отъ нанесенія обидъ и раззоренія монголамъ, подвластнымъ Китаю. Но хитрый Аюка отклонилъ это предложеніе, ссылаясь на то, что онъ состоитъ въ подданствѣ русскаго государя.

Другія два посольства были отправлены въ Россію Императоромъ правленія Юнь-Чжень въ 1731 и 1732-мъ году, для принесенія поздравленій съ воцареніемъ императора Петра II и затѣмъ императрицы Анны Іоанновны. Но главная спеціальная цѣль этихъ посольствъ заключалась въ томъ, чтобы заручиться союзомъ или, по крайней мѣрѣ, нейтралитетомъ нашего правительства въ предстоящей войнѣ съ Чжунгаріей. Вслѣдствіе подозрительности и изворотливости, обычныхъ у китайцевъ, послы ихъ получили приказаніе на словахъ заявить нашему правительству, что если китайскія войска, по открытіи военныхъ дѣйствій противъ чжунгаровъ, будутъ оперировать и вблизи нашихъ границъ, то китайцы считаютъ необходимымъ заблаговременно предувѣдомить наше правительство, чтобы оно по этому случаю не имѣло ни малѣйшаго подозрѣнія въ какихъ либо враждебныхъ противъ насъ намѣреніяхъ со стороны Китая. По покореніи же Чжунгаріи китайцами, если наше правительство пожелаетъ пріобрѣсти сопредѣльныя съ Россіей чжунгарскія земли, то объ этомъ объявить посламъ, и эти земли будутъ уступлены въ россійскую сторону. На это посламъ было сказано, что соглашеніе по этому предмету съ китайскимъ правительствомъ послѣдуетъ по окончательномъ завладѣніи китайцами Чжунгаріей.

Такимъ образомъ, медленность, нерѣшительность и шаткость нашихъ дѣйствій въ тѣ времена на азіатскихъ окраинахъ, неумѣніе оцѣнить и воспользоваться выгодными сторонами нашего тог-

дашняго положенія въ отношеніи къ Китаю, вслѣдствіе смутъ и безпокойствъ въ Монголіи, и, наконецъ, принятая, повидимому, нами система невмѣшательства,—все это совершенно развязывало руки китайцамъ въ войнѣ ихъ съ чжунгарами.

Возвращаясь ко времени посольства Головина, оказывается, что и тогда наша нерѣшительность и система невмѣшательства значительно облегчили китайцамъ ихъ задачу, въ особенности когда они уже получили вѣрныя свѣдѣнія, что между Головинымъ и Галданомъ не существуетъ никакого тайнаго соглащенія о совокупныхъ дѣйствіихъ противъ ихъ общаго врага. Между тѣмъ, существуй такое соглашеніе и умѣй Головинъ искусно и ловко маневрировать и пользоваться благопріятными для насъ обстоятельствами, положеніе китайцевъ на границѣ оказалось бы затруднительнымъ. Галданъ, стоявшій на р. Толѣ, быстрымъ движеніемъ къ р. Керулену, могъ бы зайти въ тылъ китайцамъ и угрожать ихъ сообщеніямъ. Это обстоятельство могло бы заставить китайцевъ отойти отъ Нерчинска. Если же китайцы, не взирая на обходное движеніе Галдана, продолжали бы по прежнему стоять подъ Нерчинскомъ, то Головинъ, собравъ всѣ бывшія у него подъ рукою войска, на усиленіе которыхъ какъ разъ въ это время прибылъ изъ Россіи Даурскій драгунскій полкъ, могъ бы угрожать китайцамъ готовностью двинуться во всякое время на соединеніе съ Галданомъ. Подобнымъ образомъ дѣйствовалъ и самъ Галданъ, когда, находясь на р. Толѣ, угрожалъ монголамъ союзомъ съ Россіей и соединеніемъ съ нашими войсками. Нравственное вліяніе, произведенное этой угрозой Галдана, было такъ велико, что китайскіе послы не отважились идти черезъ Монголію въ Нерчинскъ безъ большого конвоя, который слѣдовалъ съ ними подъ видомъ почетной стражи. Наконецъ, демонстрація, предпринятая съ нашей стороны, послужила бы отвѣтомъ на явно враждебныя дѣйствія противъ насъ китайцевъ подъ Нерчинскомъ. Опасаться неудачи отъ подобныхъ демонстрацій даже въ случаѣ, если бы они повели къ вооруженнымъ столкновеніямъ съ китайцами, повидимому, не было основаній, въ особенности, если принять во вниманіе, какихъ громадныхъ усилій, по замѣчанію профессора В. В. Григорьева, стоило китайцамъ покореніе ничтожнаго Албазинскаго острога. Народъ китайскій, по справедливому замѣчанію нашего посла Саввы Владиславича «къ воинскому дѣлу неспособный, ибо люди подлинно невоисты». Академикъ и профессоръ Миллеръ, въ своемъ разсужденіи о предпріятіи войны съ китайцами, говоритъ: «одного воина россійскаго съ огнестрѣльнымъ оружіемъ противъ 10-ти китайцевъ вооруженныхъ можно почесть за героя». Должно замѣ-

тить также, что если бы дѣло дѣйствительно дошло до вооруженнаго столкновенія съ китайцами, то Головинъ въ этомъ случаѣ нисколько бы не превысилъ своихъ полномочій. Въ данной ему инструкціи было сказано, между прочимъ: «буде же и на семъ (т. е. быть границею Албазину и промыслы имѣть по р. Амуру, Быстрой и Зеи), китайцы не захотятъ учинить мира, то поступать имъ, посламъ, по наказу о полномочныхъ дѣлахъ, т. е. военною всего сего домогаться рукою». Въ такомъ случаѣ Головинъ всегда могъ расчитывать на содѣйствіе чжунгарскихъ войскъ, предводимыхъ самимъ Галданомъ. Такой рѣшительный и смѣлый образъ дѣйствій съ нашей стороны неминуемо повелъ бы къ тому, что преимущества, которыя успѣли пріобрѣсти надъ нами китайцы подъ Нерчинскомъ, перешли бы на нашу сторону и роли уполномоченныхъ обоихъ государствъ совершенно бы измѣнились. Тогда Головинъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, могъ бы настойчиво требовать немедленнаго удаленія съ границы китайскихъ войскъ, присутствіе которыхъ ничѣмъ не могло быть оправдано, а тѣмъ болѣе признано соотвѣтственнымъ, въ виду съѣзда уполномоченныхъ для мирныхъ переговоровъ и установленія дружественныхъ отношеній между двумя государствами. Въ случаѣ несогласія на это китайцевъ, Головинъ имѣлъ полное основаніе объявить имъ, согласно данной ему инструкціи, что переговоры будутъ прекращены и могутъ состояться вновь только при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы съѣздъ состоялся въ Албазинѣ, который, какъ и вся Даурія, неотступно должны остаться въ предѣлахъ русскихъ владѣній. Въ такой постановкѣ Албазинскаго вопроса, какъ уже совершившагося факта, не требующаго дальнѣйшаго обсужденія, Головинъ неминуемо встрѣтилъ бы полное сочувствіе и поддержку всего русскаго населенія тогдашней Сибири, бѣгство котораго на Амуръ въ предѣлахъ Даурія, начиная съ 1653 года, приняло громадные размѣры. По словамъ Оглоблина, причину этого движенія должно отнести къ тяжести пограничной службы въ Сибири и злоупотребленіямъ воеводъ. Чтобы избавиться отъ этой службы и всяческихъ притѣсненій мѣстнаго пограничнаго начальства, жители формировали такъ называемые *воровскіе* полки, чтобы не быть на государственной службѣ. Не только въ періодъ русскаго владѣнія Амуромъ, но и послѣ заключенія Нерчинскаго трактата 1689 г., Амуръ продолжалъ неудержимо привлекать къ себѣ русскихъ людей разсказами о богатствѣ и привольной жизни въ Дауріи. Казалось, была какая-то роковая, стихійная сила, которая влекла нашихъ въ тѣ отдаленныя времена на Амуръ, и удержать которую китайскія пограничныя войска, по недостатку ихъ, были

не въ состоянiи, и ограничивались жалобами нашему правительству. Доказательствомъ тому, что Амуръ былъ, послѣ 40 лѣтъ (въ 1650—1689 г.) его владѣнiя нами, популяренъ въ народѣ, служатъ тѣ попытки занять Албазинъ спустя 10 и болѣе лѣтъ послѣ его срытiя и уступки китайцамъ. Къ этому должно добавить, что завладѣнiе Амуромъ и кратковременное удержанiе въ своей власти стоило Россiи много жертвъ деньгами и людьми. Я вполнѣ сознаю, что въ настоящихъ моихъ воспоминанiяхъ, по вполнѣ понятнымъ соображенiямъ, было бы неумѣстно входить въ болѣе подробное разсмотрѣнiе вопроса о потерѣ нами Дауріи и непремѣнно обвинять въ этомъ Головина. Но я считалъ долгомъ коснуться обстоятельствъ, сопровождавшихъ заключенiе Нерчинскаго трактата, такъ сказать, мимиходомъ, чтобы высказать мое личное мнѣнiе по этому дѣлу, составляющему, повидимому, пробѣлъ въ исторiи дипломатическихъ сношенiй Россiи съ государствами Восточной Азiи и могущей служить темой для позднѣйшихъ, болѣе всестороннихъ изслѣдованiй. На значенiе этого вопроса въ политическомъ отношенiи указывалъ также и профессоръ В. В. Григорьевъ, который относитъ уступку нами китайцамъ безъ всякой особой надобности р. Амура, чѣмъ былъ закрытъ на полтора вѣка удобнѣйшiй путь къ Восточному океану,—къ тому, что мы не умѣли оцѣнить тѣхъ выгодныхъ обстоятельствъ, въ какихъ не разъ находились по отношенiю къ Китаю, вслѣдствiе положенiя его дѣлъ въ Монголiи и Чжунгарiи. А потому и не въ состоянiи были воспользоваться этими обстоятельствами. Смышленые китайцы видѣли съ кѣмъ имѣли дѣло, ломались и настаивали на своемъ. «Умѣй мы,—говоритъ профессоръ В. В. Григорьевъ,—маневрировать искусно въ продолженiе борьбы, завязавшейся у маньчжуровъ съ чжунгарами, мы могли бы вынудить Пекинское правительство на уступки». Вообще, при обозрѣнiи событiй въ восточной Азiи въ концѣ XVII-го началѣ и XVIII-го столѣтiй, нельзя не обратить вниманiе на какое-то непонятное, роковое уклоненiе съ нашей стороны отъ союза съ чжунгарами, которые неоспоримо составляли сильный противовѣсъ развитiю политическаго могущества и влiянiя китайцевъ на западныхъ предѣлахъ Монголiи. Важное значенiе въ тѣ времена чжунгарскихъ дѣлъ для нашихъ интересовъ на крайнемъ востокѣ было, повидимому, упущено изъ виду. Все это повело къ тому, что миллiонное населенiе чжунгаровъ было поголовно истреблено китайцами. И этотъ политическiй переворотъ совершился въ странѣ сопредѣльной съ азiатской частью Россiи и долгое время послѣ того оставался неизвѣстнымъ въ западной Европѣ, какъ о томъ упоминаетъ Шаппъ д'Отрошъ въ описанiи

своего путешествiя въ Сибирь. Изъ описанiй послѣдующихъ посольствъ нашихъ въ Китай, которыя оказались въ библiотекѣ К. А. Скачкова, я съ особеннымъ интересомъ остановился на посольствѣ Саввы Владиславича Рагузинскаго. Нашъ посолъ оказался на высотѣ своего положенiя. Дѣйствуя съ самаго начала съ особенною осторожностью и осмотрительностью и обладая тонкимъ дипломатическимъ тактомъ, онъ несмотря на всевозможныя затрудненiя, которыя ставили ему китайцы на каждомъ шагу, всетаки, наконецъ, успѣлъ поладить съ ними. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда обстоятельства требовали, Савва Владиславичъ дѣйствовалъ твердо и рѣшительно. Такъ онъ вполнѣ сознавалъ всю важность стать съ самаго начала переговоровъ на той именно мѣстности пограничной полосы, чрезъ которую, по нашимъ видамъ, должна проходить черта государственной границы.

Съ этою цѣлью было выбрано мѣсто съѣзда на р. Бурѣ, въ 100 верстахъ отъ г. Селенгинска и 10-ти верстахъ отъ Кяхты, гдѣ и поставленъ лагерь, въ который, ко времени прибытiя на границу нашего посла, т. е. къ 14-го iюня 1727 года, были собраны войска подъ видомъ почетной стражи. Этимъ, въ высшей степени основательнымъ личнымъ выборомъ мѣста для съѣзда и для переговоровъ, Савва Владиславичъ какъ бы указалъ, что именно въ этомъ мѣстѣ должна быть поставлена граница и начаться самое разграниченiе. Находившiеся также на границѣ китайскiе министры, которымъ это распоряженiе нашего посла было видимо непрiятно, оспаривали его и выражали желанiе имѣть съѣздъ на урочищѣ Субухтуѣ, въ 40 верстахъ отъ границы. Несмотря однако же на это, съѣздъ состоялся на р. Бурѣ, по имени которой и названъ заключенный въ этомъ мѣстѣ договоръ послѣ 8-ми конференцiй въ iюнѣ, iюлѣ и августѣ 1727 года. Китайскiе министры истощили всѣ свои хитрости и угрозы, стараясь обмануть нашего посла. Запрашивали многiя земли, находящiяся внутри нашихъ владѣнiй отъ г. Красноярска до р. Аргуни. Всѣ эти споры и настоянiя китайцевъ продолжались два мѣсяца и встрѣтили твердый и непоколебимый отпоръ со стороны нашего посла, который, наконецъ, вынужденъ былъ пригрозить китайцамъ войною. Китайцы, видя нашу границу поспѣшно укрѣпляемую построенiемъ полковникомъ Бухгольцемъ крѣпостей и форпостовъ, возведенiемъ палисадъ и другихъ загражденiй въ пограничныхъ опорныхъ пунктахъ, прибытiемъ на границу Тобольскаго гарнизоннаго полка, вѣрность нашихъ ясашныхъ инородцевъ, стоявшихъ въ добромъ ополченiи на границѣ, и неустанная бдительность обо всемъ самого посла, все это заставило китайцевъ, видимо не желавшихъ войны, опасаться раз-

рыва съ нами. Эти опасенія вынудили, наконецъ, китайцевъ принять предложенный нами проектъ границы, начиная отъ Шабина-Дабага, гдѣ сходились границы Россіи, Китая и Чжунгаріи, на востокъ до р. Аргуни. Вообще, нельзя не отдать должной дани уваженія дипломатическимъ способностямъ, терпѣнію и такту графа Рагузинскаго, неоднократно подвергавшагося, во время трехлѣтняго пребыванія въ Китаѣ, всевозможнымъ оскорбленіямъ со стороны китайскихъ чиновниковъ, морившихъ его даже голодомъ, и только послѣ 58 самыхъ утомительныхъ конференцій, въ томъ числѣ 8-ми на р. Бурѣ, Савва Владиславичъ всетаки успѣлъ заключить къ Пекинѣ генеральный трактатъ съ китайцами, размѣнянный на Кяхтѣ 14-го іюня 1728 года и извѣстный подъ именемъ Кяхтинскаго. Въ этотъ трактатъ вошелъ полностью и договоръ, подписанный на р. Бурѣ уполномоченными Россіи и Китая 20-го августа 1727 года и извѣстный подъ именемъ Буринскаго. На основаніи этого договора и состоялась постановка границы отъ Кяхты, съ одной стороны—къ западу до Шабина-Дабага, а съ другой—къ востоку до р. Аргуни.

Во все время пребыванія въ приграничномъ краѣ и самомъ Пекинѣ, Савва Владиславичъ, въ противоположность Головину, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы всестороннимъ образомъ ознакомиться съ положеніемъ пограничныхъ дѣлъ. Читая его донесенія, посылаемыя съ китайской границы, нужно удивляться неутомимой дѣятельности нашего посла, успѣвшаго въ сравнительно короткое время уяснить себѣ тогдашнее положеніе дѣлъ на границѣ и сдѣлать вѣрную оцѣнку событій политическаго характера, происходившихъ въ Китаѣ и сосѣдней съ нею Монголіи. Такъ онъ отыскалъ въ Красноярскомъ архивѣ копію съ трактата о подданствѣ Россіи въ 1634 году монгольскаго владѣльца Алтынъ-Хана и сына его Лозана. Этотъ важный документъ далъ возможность нашему послу, при переговорахъ съ китайцами о границѣ, опровергнуть всѣ ихъ непомѣрныя притязанія на принадлежащія Россіи пограничныя земли, занятыя подвластными Россіи племенами монгольскаго народа. Наконецъ, Савва Владиславичъ имѣлъ вѣрный взглядъ на политическое значеніе Чжунгаріи по отношенію къ Россіи. Въ одномъ изъ своихъ донесеній съ китайской границы (реляція отъ 10 мая 1727 года) Савва Владиславовичъ говоритъ: «Контайша (Цэванъ-Раптанъ) частыми набѣгами большое число китайцевъ раззорилъ и какъ сей сосѣдъ можетъ со временемъ *быть Россіи отъ китайцевъ обороною и полезнѣйшимъ союзникомъ, то не худо съ нимъ имѣть доброе обхожденіе*».

Такой же взглядъ на наши отношенія къ Чжунгаріи имѣлъ, по-

видимому, и императоръ Петръ Великій, какъ это должно заключить, по словамъ профессора Григорьева, изъ посылки въ 1722 году отъ себя посломъ къ Цэванъ-Раптану капитана Унковскаго, съ цѣлью разузнать точнымъ образомъ о положеніи дѣлъ въ Чжунгаріи. Два другія наши посольства въ Китай, бывшія послѣ Саввы Владиславича въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, а именно: Кропотова 1763 и 1768 годовъ и графа Головкина 1805 года, не представляютъ собой особой поучительности. Оба наши посла подвергались самымъ унизительнымъ требованіямъ отъ китайцевъ, причемъ Кропотовъ даже умеръ на китайской границѣ, а графъ Головкинъ, отъѣхавъ 260 верстъ отъ Троицкосавска, на самой границѣ, до г. Урги, вернулся обратно въ Россію и цѣль, съ которою было отправлено посольство, не была достигнута. Однако же, по замѣчанію профессора Мартенса, отъѣздъ графа Головкина произвелъ сильное впечатлѣніе на Пекинское правительство и оно тотчасъ же отозвало губернатора и другихъ чиновниковъ, замѣшанныхъ въ унизительныхъ требованіяхъ отъ нашего посла, причемъ и самый тонъ оффиціальныхъ актовъ сдѣлался болѣе предупредительнымъ.

Въ теченіе почти мѣсячнаго пребыванія моего въ нашей факторіи въ Чугучакѣ, кромѣ упомянутаго выше прекраснаго выбора книгъ о Китаѣ въ библіотекѣ К. А. Скачкова, мнѣ принесли большую пользу и частыя бесѣды съ уважаемымъ Константиномъ Адріановичемъ въ долгіе осенніе вечера. К. А. Скачковъ не только прекрасно владѣлъ литературнымъ языкомъ, что можно видѣть изъ его сочиненій о Китаѣ, но обладалъ также дарованіемъ толково и убѣдительно объяснять и разсказывать. Я испытывалъ большое удовольствіе, слушая его занимательные и интересные разсказы о Китаѣ. К. А. Скачковъ провелъ около 10 лѣтъ въ Пекинѣ въ составѣ тамошней нашей духовной миссіи. Учрежденіе этой миссіи было одною изъ важныхъ мѣръ въ дѣлахъ нашей внѣшней политики по отношенію къ Китаю. Наша духовная миссія служила разсадникомъ людей, получившихъ впослѣдствіи извѣстность на ученомъ поприщѣ или ознаменовавшихъ себя заслугами, занимая важныя и отвѣтственныя должности нашихъ представителей въ Китаѣ. Въ то же время, наша пекинская миссія, по справедливому замѣчанію профессора Мартенса, служила постоянной связью между русскимъ и китайскимъ правительствами даже во времена осложненій, возникавшихъ между двумя государствами. Она напоминала китайцамъ объ ихъ могущественномъ сосѣдѣ и служила какъ бы образовательнымъ учрежденіемъ для всесторонняго изученія Китая, о которомъ изъ этого источника наше пра-

вительство могло почерпать самыя достовѣрныя и новѣйшія свѣдѣнія.

Наконецъ, насталъ день моего отъѣзда изъ Чугучака, гдѣ я провелъ время съ такою пользою для себя въ обществѣ уважаемаго Константина Адріановича, въ домѣ котораго я встрѣтилъ какъ съ его стороны, такъ и его жены, самое радушное гостепріимство. На прощаньи мы дали обѣщаніе другъ другу дѣятельно поддерживать обоюдную переписку, что доставляло мнѣ возможность имѣть самыя новѣйшія свѣдѣнія о китайскихъ комиссарахъ, имѣвшія для меня важное значеніе, въ виду предстоявшей мнѣ въ слѣдующемъ 1862 году новой поѣздки въ Чугучакъ для переговоровъ съ китайцами о границѣ.

Глава V.

Прибытіе въ Омскъ и обработка матеріаловъ, собранныхъ мною о китайской границѣ. Отъѣздъ въ Петербургъ. Пребываніе въ Петербургѣ. Возвращеніе въ Сибирь.

По пріѣздѣ въ Омскъ, при представленіи моемъ Генералъ-Губернатору А. О. Дюгамелю, онъ высказалъ мнѣ, что я напрасно придалъ слишкомъ большое значеніе этикету при переговорахъ съ китайцами въ Чугучакѣ, намекая этимъ на мое столкновеніе съ Хабцисянемъ. Вслѣдствіе чего въ Петербургѣ находятъ, что исходъ переговоровъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Я отвѣчалъ, что дѣйствовалъ по крайнему моему разумѣнію и, повидимому, при томъ положеніи, въ которомъ находился, не могъ дѣйствовать иначе. При извѣстномъ высокомѣріи китайцевъ, необходимо было сразу воздержать Хабцисяня отъ его наглыхъ притязаній и, главнымъ образомъ, потому, что всякій уступчивый и вообще миролюбивый образъ дѣйствія могъ повредить ходу предстоящихъ переговоровъ о границѣ: китайцы, видя нашу уступчивость, приняли бы ее за слабость и неминуемо поспѣшили бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы заявить непомѣрныя притязанія на земли, отошедшія къ владѣніямъ Россіи по Пекинскому трактату.

Что же касается до неудовлетворительнаго исхода переговоровъ, то нельзя упускать изъ виду, что, отправляясь въ Чугучакъ для того, чтобы условиться съ китайскими комиссарами о времени и мѣстѣ съѣзда въ будущемъ году, мы не были снабжены установленными для подобныхъ порученій полномочіями

кромѣ одного предписанія Генералъ-Губернатора и должны были дѣйствовать въ отношеніи китайцевъ, такъ сказать, приступомъ и все-таки успѣли добиться, при содѣйствіи нашего консула, свиданія съ китайскими комиссарами. Притомъ, одновременно съ нашей поѣздкой въ Чугучакъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, состоялось соглашеніе нашего министра-резидента въ Пекинѣ съ китайскими министрами о назначеніи времени и мѣста съѣзда въ будущемъ году, о чемъ мы узнали впервые отъ китайскихъ комиссаровъ, что было для насъ совершенной неожиданностью. А потому поѣздка наша въ Чугучакъ, была въ сущности визитомъ вѣжливости по отношенію къ китайскимъ уполномоченнымъ. Отсюда видно, что исходъ переговоровъ вовсе не зависѣлъ отъ насъ, но былъ естественнымъ слѣдствіемъ неизвѣстности, въ которой мы находились относительно уже состоявшагося въ Пекинѣ соглашенія по тому же дѣлу, по которому мы были командированы. А. О. Дюгамель, выслушавъ мое объясненіе, повидимому вполнѣ удовлетворился имъ и обѣщался обо всемъ написать въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ мнѣ приготовиться къ отъѣзду въ Петербургъ для личныхъ объясненій по дѣлу о разграниченіи съ Китаемъ. Вслѣдствіе этого, я поспѣшилъ воспользоваться свободнымъ временемъ, которое оставалось до открытія зимняго пути, чтобы дополнить мою записку о китайской границѣ новыми свѣдѣніями, собранными мною во время послѣдней поѣздки въ Чугучакъ. Необходимо было также ознакомиться и съ другими матеріалами о нашихъ прежнихъ дипломатическихъ и посольскихъ сношеніяхъ съ Китаемъ, которое я нашелъ въ упомянутыхъ выше статьяхъ академика Миллера, а также въ дѣлахъ Омскаго архива, начиная съ 1765 года. Составленная мною вновь записка о западной китайской границѣ, въ которой я проектировалъ и самую черту государственной границы, была подробна доложена мною Генералъ-Губернатору А. О. Дюгамелю, который, вполнѣ одобривъ ее, призналъ необходимымъ отправить эту записку въ Министерства Военное и Иностранныхъ Дѣлъ на окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе граничной черты. Но предварительно, въ видахъ большей гарантіи въ правильности избраннаго направленія границы, проектъ ея, по моему ходатайству, генералъ Дюгамель препроводилъ на заключеніе нашего генеральнаго консула въ Кульджѣ И. И. Захарова, какъ лица, вполнѣ знакомаго съ мѣстными условіями Западнаго Китая т. е. Чугучакской и Кульджинской провинціями (по-китайски: Тарбагатай и Или). И. И. Захаровъ вполнѣ одобрилъ общее направленіе границы и указалъ только, что было бы желательно

измѣнить, если согласятся китайцы, нѣкоторыя частности ея со стороны Кульджинской провинціи и у озера Норъ-Зайсана. Кромѣ записки о китайской границѣ, была представлена мною А. О. Дюгамелю, въ это же время, другая записка о преобразованіи 24 пѣхотной дивизіи, въ которой я занималъ прежде должность начальника дивизіоннаго штаба. Сущность этой записки заключалась въ указаніи важныхъ неудобствъ въ расположеніи дивизіоннаго штаба въ Тобольскѣ въ углу громаднаго района, занятаго квартирнымъ расположеніемъ войскъ дивизіи и превышающемъ площадь въ 2 милл. квадратныхъ верстъ. Понятно, что управлять войсками, расположенными на столь громадномъ пространствѣ Западной Сибири и Киргизской степи, было весьма затруднительно. Неудобство это усложнялось еще и тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что линейные баталіоны, входившіе въ составъ дивизіи и расположенные въ степныхъ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской, были подчинены въ строевомъ отношеніи военнымъ губернаторамъ сихъ областей, а въ хозяйственномъ—начальнику 24 дивизіи, т. е. въ сущности, имѣли какъ бы двухъ начальниковъ дивизіи. Такое раздѣленіе власти подавало поводъ къ многимъ неудобствамъ и даже злоупотребленіямъ по службѣ. Были такіе случаи, что баталіонный командиръ, не получивъ разрѣшенія на свое ходатайство въ желаемомъ смыслѣ отъ начальника дивизіи, входилъ съ представленіемъ по тому же самому дѣлу къ Военному Губернатору области и получалъ разрѣшеніе въ утвердительномъ смыслѣ. Въ результатѣ выходило, что одинъ и тотъ же возбужденный вопросъ имѣлъ какъ бы два рѣшенія.

Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ, я проектировалъ: совершенно упразднить штабъ 24 пѣхотной дивизіи и подчинить степные линейные баталіоны какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи Военнымъ Губернаторамъ Акмолинской и Семипалатинской областей на правахъ начальниковъ дивизій, а мѣстныя войска, расположенныя въ губерніяхъ Западной Сибири, вновь учрежденному начальнику Сибирскаго округа внутренней стражи. Одобривъ все изложенное въ этой запискѣ, А. О. Дюгамель приказалъ сдѣлать соотвѣтствующее представленіе въ установленномъ порядкѣ. Отправляясь въ Петербургъ изъ Омска съ цѣлымъ арсеналомъ собранныхъ мною на мѣстѣ свѣдѣній о китайской границѣ, я взялъ съ собою также для представленія Военному Министру и рельефную карту Заилійскаго края, которая была мною сдѣлана при содѣйствіи сибирскаго топографа Ѳедорова по образцу такой же карты Кавказа; о способахъ и подробностяхъ изготовленія послѣдней я хорошо ознакомился во время

моей службы въ Тифлисѣ, въ Главномъ Штабѣ Кавказской арміи.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я долженъ былъ представляться начальству двухъ Министерствъ: Военнаго и Иностранныхъ Дѣлъ. Прежде всего мнѣ слѣдовало явиться въ Азіатскую часть Главнаго Штаба. Къ моему счастью, я встрѣтилъ во главѣ этой части моего добраго и искренно расположеннаго ко мнѣ товарища по Кавказу Дмитрія Ильича Романовскаго, съ которымъ я былъ знакомъ еще со времени нашей совмѣстной службы въ Штабѣ дѣйствующаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ, подъ начальствомъ извѣстнаго Кавказскаго генерала князя В. О. Бебутова въ 1853—1854 годахъ Д. И. Романовскій окончилъ курсъ въ Военной Академіи годомъ раньше меня и, за дуэль съ штабъ-ротмистромъ гвардейскаго Уланскаго полка—Нейдгартомъ, окончившимъ одновременно съ Романовскимъ курсъ въ Военной Академіи, былъ разжалованъ въ солдаты и отправленъ на службу въ Кавказскую армію. Вскорѣ по прибытіи въ Тифлисъ, онъ былъ назначенъ въ корпусъ князя Бебутова, выступившій осенью 1853 г. въ предѣлы Азіатской Турціи. За отличіе въ сраженіи при Башъ Кадыклярѣ, Романовскій былъ произведенъ въ прапорщики. За отличіе въ сраженіи подъ Кюрукъ-Дара 24 іюля 1854 года, а также въ дѣлахъ и сраженіяхъ во время кампаніи 1855 года въ составѣ дѣйствующаго корпуса подъ начальствомъ главнокомандующаго Н. Н. Муравьева-Карсскаго, Романовскій послѣдовательно получалъ всѣ утраченные имъ чины чины и, по окончаніи компаніи, былъ уже подполковникомъ Генеральнаго Штаба. По назначеніи князя Барятинскаго главнокомандующимъ Кавказской арміей, Романовскій отправился въ Петербургъ и, какъ лично извѣстный князю Александу Ивановичу, былъ назначенъ начальникомъ походной канцеляріи князя по военной части. Романовскому, повидимому, предстояла блестящая карьера на Кавказѣ. Но фортуна на этотъ разъ измѣнила ему и онъ, вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній съ княземъ Барятинскимъ долженъ былъ оставить Кавказъ. По прибытіи въ Петербургъ, онъ вскорѣ получилъ назначеніе начальникомъ Азіатской части Главнаго Штаба, въ которой я и засталъ его по пріѣздѣ. Благодаря содѣйствію Д. И. Романовскаго, а въ особенности А. А. Скалона, всѣ представленія Генералъ-Губернатора А. О. Дюгамеля по дѣлу о предстоящемъ разграниченіи съ Западнымъ Китаемъ и о производствѣ астрономическихъ и топографическихъ работъ въ приграничномъ краѣ, получили быстрый ходъ въ установленномъ порядкѣ. А. А. Скалонъ и Генералъ-Квартирмейстеръ Главнаго Штаба А. И. Веригинъ, при моемъ

*

представленіи къ нимъ, весьма лестно отозвались о моей запискѣ о Китайской границѣ и о составленной мною рельефной картѣ Заилійскаго края.

Такой же теплый и сочувственный пріемъ встрѣтилъ я и со стороны Военнаго Министра графа Д. А. Милютина и директора Азіатскаго Департамента графа Н. П. Игнатьева. Первому изъ нихъ я былъ лично извѣстенъ какъ по Военной Академіи, такъ и по службѣ подъ его начальствомъ на Кавказѣ.

При этихъ представленіяхъ, былъ сдѣланъ мною подробный докладъ о Китайской границѣ по особой спеціально составленной для сего картѣ. Послѣ того, была представлена мною Д. А. Милютину и Н. П. Игнатьеву рельефная карта Заилійскаго края. Военный Министръ приказалъ мнѣ въ день, назначенный для представленія моего Государю Императору, взять съ собой и рельефную карту для представленія ея на Высочайшее воззрѣніе. Въ назначенный день, въ 9 час. утра, я прибылъ въ Зимній дворецъ, куда одновременно была принесена топографомъ Ѳедоровымъ и рельефная карта. Вскорѣ прибылъ и Военный Министръ графъ Милютинъ. Получивъ отъ него приказаніе ожидать въ пріемномъ залѣ, я вскорѣ былъ позванъ въ кабинетъ Государя, гдѣ и удостоенъ личнаго, милостиваго пріема. Вслѣдъ затѣмъ въ кабинетъ была внесена мною рельефная карта и сдѣланъ по оной краткій докладъ въ присутствіи Государя и бывшаго также въ кабинетѣ Великаго князя Константина Николаевича и Военнаго Министра. Разсматривая рельефную карту, Государь изволилъ обратить вниманіе на горную котловину озера Иссыкъ-куль и на всю окрестную горную страну. «А вотъ Токмакъ и Пишпекъ»!— сказалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Эти два незначительныхъ кокандскихъ укрѣпленія получили тогда извѣстность, вслѣдствіе недавняго Зачуйскаго похода генерала Циммермана. Затѣмъ, сдѣлавъ еще нѣсколько вопросовъ относительно движенія нашего отряда изъ укрѣпленія Вѣрнаго къ Пишпеку и относительно высоты горныхъ хребтовъ, замыкающихъ Чуйскую долину, Его Величество милостиво отпустилъ меня, изъявивъ при этомъ Высочайшую благодарность за составленіе рельефной карты. Военный Министръ, по окончаніи его доклада, выйдя изъ кабинета Государя, приказалъ мнѣ снова явиться въ Зимній дворецъ въ день, который будетъ назначенъ для особаго совѣщанія подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, по дѣлу о разграниченіи съ Западнымъ Китаемъ и объ ассигнованіи потребныхъ для этого суммъ. По порученію Генералъ-Губернатора А. О. Дюгамеля, по нѣкоторымъ дѣламъ, относящимся до Западной Сибири, я долженъ былъ представляться и Государственному Секретарю, управляющему дѣлами существовавшаго въ то время Сибирскаго комитета тайному совѣтнику И. И. Буткову. Пріемъ былъ весьма любезный; И. И. Бутковъ просилъ меня передать А. О. Дюгамелю, что всѣмъ возбужденнымъ имъ ходатайствамъ, поступившимъ въ Сибирскій комитетъ, будетъ данъ надлежащій ходъ. Затѣмъ разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, перешелъ къ дѣлу о разграниченіи съ Западнымъ Китаемъ. И. И. Бутковъ, между прочимъ, высказалъ мысль, что для командировокъ на окраины государства по особо важнымъ дѣламъ, требующимъ энергіи и находчивости, долженъ быть назначаемъ человѣкъ по возможности молодой и непремѣнно холостой. Послѣ И. И. Буткова, я считалъ долгомъ представиться также и бывшему директору Азіатскаго Департамента сенатору Е. П. Ковалевскому, съ которымъ имѣлъ случай познакомиться въ одну изъ прежнихъ моихъ поѣздокъ изъ Сибири въ Петербургъ. Е. П. Ковалевскій принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, ознаменовавшихъ себя важными заслугами какъ на ученомъ, такъ и на административномъ поприщахъ. Изданіемъ описаній предпринятыхъ имъ путешествій во внутреннюю Африку, Черногорію и Китай, онъ пріобрѣлъ почетную извѣстность талантливаго писателя и знатока Востока. Въ 1847 г., по приглашенію Египетскаго Вице-Короля Мехмеда-Али, Е. П. Ковалевскій, для изслѣдованія золотыхъ розсыпей, совершилъ экспедицію въ Нубію, гдѣ доходилъ до мѣстности Фатцогло на Голубомъ Нилѣ. Въ 1849 году, сопровождая членовъ нашей духовной миссіи въ Пекинъ, Е. П. Ковалевскій содѣйствовалъ своимъ вліяніемъ, чтобы миссія слѣдовала въ Пекинъ въ предѣлахъ Монголіи по купеческому тракту, несравненно болѣе удобному для переѣзда, сравнительно съ прежней дорогой черезъ Аргалинскіе пески, по которымъ умышленно водили нашу миссію китайскіе чиновники и притомъ каждый разъ по разнымъ направленіямъ, съ цѣлью ввести насъ въ заблужденіе о прямомъ и кратчайшемъ пути, ведущемъ въ Пекинъ черезъ Монголію. Въ 1851 г., Е. П. Ковалевскій заключилъ въ Кульджѣ съ упомноченными китайскаго правительства извѣстный Кульджинскій трактатъ, по которому были открыты для русской торговли города Западнаго Китая: Чугучакъ и Кульджа и учреждались въ этихъ городахъ русскія консульства. Удачнымъ заключеніемъ этого трактата Е. П. Ковалевскій какъ бы указалъ на неотложную необходимость прочнаго занятія нами Заилійскаго края и водворенія въ средѣ киргизъ Большой и Дикокаменной орды надлежащаго порядка и спокойствія, которые могли бы обезпечить безпрепятственное слѣ-

дованіе торговыхъ каравановъ въ предѣлы Западнаго Китая черезъ земли, занятыя сими киргизами. Съ этой точки зрѣнія, Кульджинскій трактатъ имѣетъ важное значеніе не только въ торговомъ, но и въ политическомъ отношеніи, послуживъ энергическимъ побужденіемъ къ продолженію наступательнаго движенія въ глубь Средней Азіи, начатаго генераломъ княземъ Горчаковымъ, который былъ первымъ изъ Генералъ-Губернаторовъ Западной Сибири, положившимъ начало къ занятію нами Заилійскаго края и сообщившій правительству и ученому міру первыя свѣдѣнія объ этой отдѣльной окраинѣ нашего отечества. Въ 1853 г. Е. П. Ковалевскій былъ командированъ въ Молдавію и Валахію, а въ 1856 году получилъ назначеніе на важный и отвѣтственный постъ директора Азіатскаго департамента. Мысль о посылкѣ нашего агента въ Кашгаръ и о необходимости образовать именно въ Ташкентѣ военно-административный центръ для управленія Туркестанскимъ краемъ принадлежитъ также Е. П. Ковалевскому. Егоръ Петровичъ принялъ меня, какъ уже знакомаго ему, весьма радушно и очень много и подробно разспрашивалъ о китайской границѣ и о происходившихъ переговорахъ съ китайцами въ Чугучакѣ. Всѣ его замѣчанія и указанія по китайскимъ дѣламъ отличались вѣрностью взгляда и были приняты мною съ чувствомъ глубокой признательности. Затѣмъ наша бесѣда оживилась воспоминаніями прошедшаго и коснулась, между прочимъ, посылки нашего агента въ Кашгаръ, для чего былъ избранъ Г. Х. Гасфордомъ молодой офицеръ изъ киргизъ Чоканъ Валихановъ. Здѣсь я долженъ сдѣлать небольшой перерывъ и сказать нѣсколько словъ о командированіи Валиханова въ Кашгаръ.

Чоканъ Чингизовичъ Валихановъ происходилъ изъ султанскаго, т.-е. аристократическаго рода киргизъ Средней орды и былъ правнукомъ извѣстнаго Аблай-хана.

Выпущенный изъ Сибирскаго кадетскаго корпуса корнетомъ въ 1853-мъ году, онъ вскорѣ былъ назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при Генералъ-Губернаторѣ Гасфордѣ, который видимо благоволилъ къ молодому и ловкому киргизу. Такое же покровительство оказывалъ Валиханову и помощникъ военнаго губернатора области Сибирскихъ киргизовъ полковникъ К. К. Гутковскій. Когда въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ возбужденъ былъ вопросъ, по мысли Е. П. Ковалевскаго, о пользѣ и необходимости послать нашего агента въ Кашгаръ, выборъ Г. Х. Гасфорда остановился на Валихановѣ. Цѣль этой командировки заключалась въ собраніи свѣдѣній политическаго характера, а также

о географіи страны и состояніи торговыхъ путей, ведущихъ изъ нашихъ предѣловъ въ Кашгаръ.

Строго говоря, Валихановъ не былъ подготовленъ къ такому важному порученію, которое на него возлагалось, и, съ современной точки зрѣнія, не вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ предъявляемымъ къ подобнаго рода командировкамъ. Такъ, по мнѣнію Н. М. Пржевальскаго, который, по своей громадной опытности и превосходному знанію дѣла, можетъ считаться самымъ авторитетнымъ лицомъ въ дѣлѣ организаціи путешествій въ далекія азіатскія страны, личность путешественника въ Центральную Азію должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: цвѣтущее здоровье, крѣпкіе мускулы, энергія и рѣшимость. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходима научная подготовка, спеціальная хотя бы въ немногомъ. Далѣе—прирожденная страсть къ путешествіямъ и беззавѣтное увлеченіе своимъ дѣломъ. Путешественникъ долженъ быть отличнымъ стрѣлкомъ и не долженъ гнушаться никакой черной работы, какъ, напр., вьюченья верблюдовъ, сѣдланія лошадей и проч.

Валихановъ не удовлетворялъ почти ни одному изъ этихъ условій. Здоровье онъ имѣлъ весьма слабое; не говоря про спеціальное, но и общее образованіе, полученное имъ въ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ окончилъ только половинный курсъ перваго класса, было, можно сказать, поверхностное. Къ тому же, какъ природный киргизъ, Валихановъ не былъ чуждъ азіатскихъ воззрѣній и, естественнымъ образомъ, смотрѣлъ на все окружающее съ азіатской точки зрѣнія. Все это впослѣдствіи отразилось и на составленіи отчета о его путешествіи, который, по ходившимъ въ то время въ Омскѣ слухамъ, составлялся по случаю болѣзни Валиханова по его показаніямъ К. К. Гутковскимъ, подъ редакціей самаго Гасфорда. Въ этой запискѣ географическо-статистическій отдѣлъ, который, повидимому, долженъ бы составлять существенную часть ея, значительно ослаблялся изложеніемъ излишнихъ подробностей политическаго характера, частью уже извѣстныхъ изъ другихъ сочиненій. Кромѣ того, ни карты пройденнаго пути, ни плана Кашгара и его окрестностей, что въ то время представляло живой интересъ, не было приложено къ этому отчету, потому что, при отправленіи въ Кашгаръ, Валихановъ не взялъ съ собой для производства глазомѣрной съемки не только какого-либо простого топографическаго инструмента, но даже бусоли. Затѣмъ, во все время пребыванія своего въ Кашгарѣ, Валихановъ оставался въ городѣ, не предпринимая экскурсій даже въ ближайшія его окрестности.

Къ сожалѣнію, въ тогдашнее и даже въ болѣе позднѣйшее время, какъ это справедливо замѣтилъ нашъ извѣстный писатель и публицистъ Р. А. Фадѣевъ, вовсе не было при нашихъ штабахъ офицеровъ изъ коренныхъ русскихъ, хорошо подготовленныхъ къ оріентальной части. Вслѣдствіе чего, какъ въ Средней Азіи, такъ и на Кавказѣ приходилось обращаться къ туземцамъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что Валихановъ, хотя и киргизъ по происхожденію, но оказывался наиболѣе подходящимъ лицомъ для подобной командировки по практическому знанію имъ татарскаго языка, полученному имъ образованію въ Кадетскомъ корпусѣ и отличавшемуся способностями и наблюдательнымъ умомъ. По случаю отправленія Валиханова въ Кашгаръ былъ снаряженъ, по распоряженію Г. Х. Гасфорда, особый караванъ подъ вѣдѣніемъ караванъ-баши ташкентца Букаша, проживавшаго въ Семипалатинскѣ, а впослѣдствіи на Аркатскомъ пикетѣ, между городами Семипалатинскомъ и Сергіополемъ. Валихановъ же находился при караванѣ въ качествѣ родственника Букаша. Выступивъ изъ Семипалатинска въ іюнѣ 1858 г., караванъ слѣдовалъ на г. Сергіополь, Копалъ и укрѣпленіе Вѣрное, а оттуда на р. Чиликъ къ р. Мерке и затѣмъ чрезъ Санъ-Ташскій проходъ къ р. Тупу, впадающей въ восточную оконечность озера Иссыкъ-куль. Далѣе караванъ слѣдовалъ чрезъ Заукинскій проходъ въ Тянь-Шаньскомъ хребтѣ въ долину р. Нарына къ укр. Куртка́ и затѣмъ мимо озера Чатыръ-куль и черезъ Теректинскій горный проходъ къ Кашгару. Весь пройденный путь отъ укр. Вѣрнаго до Кашгара простирался до 700 верстъ.

Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ и живымъ любопытствомъ ожидали сообщенія подробностей о поѣздкѣ Валиханова въ невѣдомый дотолѣ Кашгаръ, находящійся въ сосѣдствѣ съ Индіей и въ 350 верстахъ отъ Кашмира. Болѣе всѣхъ интересовался этимъ Е. П. Ковалевскій, какъ иниціаторъ этого дѣла и оріенталистъ по призванію. Слухъ о пребываніи нашего агента въ Кашгарѣ и о собранныхъ имъ любопытныхъ свѣдѣніяхъ Восточномъ Туркестанѣ или Малой Бухаріи, по близкому знакомству Е. П. Ковалевскаго съ графомъ Блудовымъ, проникъ и въ высшія петербургскія сферы. Произведенное впечатлѣніе усилилось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ было извѣстно объ отправленіи также въ Кашгаръ изъ Индіи англійскаго агента извѣстнаго Адольфа Шлагинтвейта, который впослѣдствіи былъ убитъ въ Кашгарѣ.

Между тѣмъ оказалось, что редакція Валихановскаго отчета потребовала много времени. Вслѣдствіе чего представленіе его замедлилось и отчетъ былъ полученъ тогда, когда о Кашгарѣ и Валихановѣ уже достаточно поговорили и потомъ, какъ это всегда бываетъ,—забыли.

На Е. П. Ковалевскаго, по весьма понятной причинѣ, все это произвело непріятное впечатлѣніе и онъ, при моемъ представленіи ему въ одну изъ моихъ прежнихъ поѣздокъ въ С.-Петербургъ изъ Сибири, высказалъ свое неудовольствіе на Гасфорда за представленіе отчета въ то время, когда впечатлѣніе, произведенное удачной поѣздкой нашего агента въ Кашгаръ, въ противоположность той трагической развязкѣ, которою завершилась поѣздка туда же англійскаго агента,—уже успѣло остыть и мало-по-малу совершенно изгладиться.

Вообще, сколько я могъ замѣтить, между Ковалевскимъ и Гасфордомъ существовали натянутыя отношенія и послѣднему иногда приходилось получать изъ Азіатскаго Департамента депеши, въ которыхъ сквозь наружную оболочку вѣжливаго тона прозрачно проглядывали ѣдкія замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ распоряженій Гасфорда по пограничнымъ дѣламъ. По всей вѣроятности, къ этимъ неудовольствіямъ были особыя причины, но отчасти въ этомъ виноватъ, повидимому, и самъ Гасфордъ. И. И. Захаровъ разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ такого случая. Въ 1851 году, по окончаніи переговоровъ съ китайцами въ г. Кульджѣ по дѣлу объ открытіи правильныхъ торговыхъ сношеній съ Западнымъ Китаемъ, кончившихся заключеніемъ, какъ упомянуто выше, Кульджинскаго трактата, Е. П. Ковалевскій, который въ то время былъ полковникомъ корпуса горныхъ инженеровъ и не занималъ еще поста директора Азіатскаго Департамента, выѣхалъ изъ Кульджи въ Петербургъ чрезъ Копалъ, Семипалатинскъ и Омскъ. Прибытіе Е. П. Ковалевскаго въ Копалъ въ сопровожденіи лицъ, принимавшихъ участіе въ переговорахъ съ китайцами и, между прочимъ, И. И. Захарова и П. П. Татаринова, которые вскорѣ послѣ того были назначены консулами въ Кульджу и Чугучакъ,—совпало съ пріѣздомъ туда же и Г. Х. Гасфорда, въ то время только что назначеннаго Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири.

Е. П. Ковалевскій, со всѣми сопровождавшими его лицами Кульджинской дипломатической комиссіи, почелъ долгомъ представиться Гасфорду и отправился вмѣстѣ съ ними въ отведенное Генералъ-Губернатору помѣщеніе, во время заранѣе назначеннаго общаго пріема всѣхъ военныхъ и гражданскихъ началь-

ствующихъ лицъ въ Копалѣ, а также султановъ, біевъ и почетныхъ людей киргизъ Большой орды. Прибывъ къ Гасфорду, когда всѣ представлявшiяся лица уже собрались, члены комиссіи скромно помѣстились въ концѣ ихъ, надѣясь, что Гасфордъ, увидѣвъ Е. П. Ковалевскаго, окажетъ ему предпочтеніе и приметъ его ранѣе прочихъ представляющихся лицъ. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Гасфордъ, начавъ пріемъ, невозмутимо продолжалъ его, хотя едва ли можно допустить, чтобы онъ не замѣтилъ или не зналъ, что въ числѣ представлявшихся лицъ были и члены дипломатической комиссіи. По окончаніи пріема, Гасфордъ вдругъ обратился къ Е. П. Ковалевскому съ восклицаніемъ: «Ахъ! это вы, Егоръ Петровичъ»! Понятно, что это привѣтствіе озадачило и нѣсколько смутило послѣдняго, тѣмъ болѣе, что было совершенно неожиданнымъ и произвело непріятное впечатлѣніе на всѣхъ членовъ комиссіи. Ковалевскій на этотъ разъ долженъ былъ сдержать себя и, по всей вѣроятности, сожалѣлъ, что не послушался совѣтовъ И. И. Захарова и друг. лицъ, предлагавшихъ ему представиться Гасфорду не во время общаго пріема, но отдѣльно, въ особой аудіенціи. Такое особое представленіе казалось бы наиболѣе соотвѣтственнымъ положенію, занимаемому Е. П. Ковалевскимъ, какъ уполномоченнаго отъ нашего правительства, столь блистательно окончившаго возложенное на него порученіе, по которому онъ могъ детально сообщить Гасфорду не мало свѣдѣній, имѣвшихъ важное значеніе въ торговомъ и политическомъ отношеніи и могущихъ, прежде всего, принести пользу Западной Сибири, т.-е. краю, ввѣренному его управленію.

Чтобы закончить о Валихановѣ, я долженъ добавить, что по окончательномъ изготовленіи отчета о его поѣздкѣ въ Кашгаръ и представленіи Гасфордомъ этого отчета въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, Валихановъ былъ отправленъ въ Петербургъ. Е. П. Ковалевскій очень заинтересовался молодымъ киргизомъ, совершившимъ удачное путешествіе въ глубь Средней Азіи и, между прочимъ, представилъ его графу Блудову, какъ личность выдающуюся въ средѣ своихъ собратій, а главное, какъ побывавшаго въ Кашкарѣ, о которомъ имѣлись въ то время самыя смутныя свѣдѣнія. Словомъ сказать, Валиханову вначалѣ очень повезло въ Петербургѣ. Но вскорѣ тамошній климатъ подѣйствовалъ разрушительно на его здоровье и онъ рѣшился возвратиться въ Омскъ. Оттуда Валихановъ отправился въ свою родную степь, гдѣ женился на дочери султана Тезека Нураліева и въ 1864 году умеръ отъ чахотки, имѣя 31 годъ отъ роду. Статьи Валиханова: «Очерки Чжунгаріи и о состояніи шести восточныхъ городовъ китайской провинціи Нань-лу» были напечатаны въ «Запискахъ Географическаго Общества» 1861 г., а статья о поѣздкѣ его отъ Заукинскаго прохода до Кашгара помѣщена въ «Извѣстіяхъ Общества» за 1868 годъ.

Въ январѣ 1862 г. состоялось особое совѣщаніе по китайскимъ дѣламъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора, изъ Министровъ: Военнаго, Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ, графа Н. П. Игнатьева и Е. П. Ковалевскаго. Согласно приказанію Военнаго Министра, я въ этотъ день также прибылъ въ Зимній Дворецъ для представленія Государю.

По окончаніи совѣщанія, происходившаго въ кабинетѣ Государя, Его Величество удостоилъ меня милостиваго пріема. При этомъ Государь изволилъ спросить о моей прежней службѣ на Кавказѣ и затѣмъ изволилъ сказать, что утвердилъ меня въ званіи полномочнаго комиссара по разграниченію съ Китаемъ и приказалъ Министру Финансовъ отпустить сумму, необходимую для предстоящихъ расходовъ по разграниченію. По окончаніи представленія, котораго я былъ благосклонно удостоенъ нашимъ Августѣйшимъ Монархомъ, бывшій въ пріемной залѣ Военный Министръ объявилъ мнѣ, что за составленіе рельефной карты Заилійскаго края Государь пожаловалъ мнѣ брилліантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Имени. Помощникомъ моимъ по разграниченію, т. е. вторымъ комиссаромъ, былъ назначенъ Генеральнаго Штаба капитанъ А. Ф. Голубевъ. При назначеніи его имѣлось, главнымъ образомъ, въ виду то обстоятельство, что А. Ф. Голубевъ, какъ геодезистъ, уже успѣвшій зарекомендовать себя съ отличной стороны, въ качествѣ начальника астрономической экспедиціи, отправленной въ 1858 году въ Заилійскій край,—могъ и при предстоящей постановкѣ границы производитъ опредѣленія географическаго положенія пунктовъ вдоль пограничной полосы одновременно со съемкою пограничнаго пространства, прилегающаго къ Западному Китаю. Это обстоятельство, давая возможность вносить произведенныя съемки въ географическую сѣть, значительно облегчало, въ свою очередь, и составленіе карты приграничнаго края.

Въ виду важности имѣть въ составѣ пограничной комиссіи интеллигентное лицо, вполнѣ владѣющее китайскимъ, а въ особенности маньчжурскимъ языкомъ, на которомъ намъ предстояло вести переписку съ китайскими комиссарами, я ходатайствовалъ о назначеніи 3-мъ комиссаромъ нашего генеральнаго консула въ въ Кульджѣ И. И. Захарова, какъ извѣстнаго синолога и притомъ хорошо знакомаго съ Западнымъ Китаемъ. На это ходатайство

послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Правителемъ дѣлъ комиссіи былъ назначенъ К. В. Струве, сынъ извѣстнаго астронома и директора Пулковской Обсерваторіи В. Я. Струве. К. В. Струве, сверхъ занятій въ комиссіи по письменной части, обязался также заниматься производствомъ астрономическихъ опредѣленій на границѣ.

Покончивъ служебныя дѣла, мнѣ было необходимо торопиться выѣздомъ изъ Петербурга въ Сибирь, чтобы не быть застигнутымъ въ пути распутицей. Передъ отъѣздомъ, я почелъ долгомъ представиться ко всѣмъ моимъ уважаемымъ начальникамъ: Д. А. Милютину, Н. П. Игнатьеву и А. А. Скалону. Видимые знаки вниманія добраго расположенія и готовности оказать возможное содѣйствіе по возложенному на меня порученію со стороны этихъ высокопоставленныхъ лицъ, глубоко меня тронули и въ то же время ободрили, возбудивъ во мнѣ энергію къ напряженной дѣятельности, которая мнѣ предстояла какъ въ Чугучакѣ при переговорахъ съ китайцами, такъ и вообще на западной китайской границѣ. При представленіи моемъ передъ отъѣздомъ графу Н. П. Игнатьеву, онъ передалъ мнѣ инструкцію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ относительно порядка веденія переговоровъ съ китайцами по дѣлу объ опредѣленіи, по обоюдному съ ними соглашенію, граничной черты между Россіей и Западнымъ Китаемъ.

При этомъ онъ высказалъ мысль, что эта инструкція опредѣляетъ собою только въ общихъ чертахъ то направленіе и планъ дѣйствій, которыхъ я долженъ, главнымъ образомъ, держаться при предстоящихъ переговорахъ съ китайцами. «Но она,— прибавилъ Николай Павловичъ,—какъ само собою разумѣется, не можетъ обнять и коснуться всѣхъ подробностей дѣла, а тѣмъ болѣе предусмотрѣть всѣ случайности, которыя нерѣдко возникаютъ совершенно неожиданно. Словомъ сказать, Вамъ предоставляется полная свобода дѣйствій, самая широкая иниціатива, но подъ условіемъ и самой строгой отвѣтственности при неудачѣ. Поэтому и данную Вамъ инструкцію Вы даже можете не брать съ собою въ Чугучакъ, а оставить ее въ Омскѣ. Во всякомъ случаѣ, сказалъ Н. П. Игнатьевъ,—Вы всегда встрѣтите во мнѣ полное содѣйствіе и поддержку».

Почти то же самое сказалъ мнѣ и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Государственный Канцлеръ князь А. М. Горчаковъ, которому, вскорѣ послѣ того, я былъ представленъ графомъ Игнатьевымъ. Князя А. М. Горчакова мнѣ приходилось видѣть въ первый разъ. Это былъ уже пожилой человѣкъ, чрезвычайно симпатичный по своей внѣшности, обладавшій изысканною вѣжливостью въ обращеніи и производившій впечатлѣніе чистокровнаго сановника-аристократа.

Онъ находился тогда, т. е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ апогеѣ своего величія. Все преклонялось предъ могущественнымъ Канцлеромъ, котораго окружали умные и талантливые люди, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ графъ Н. П. Игнатьевъ.

Князь Горчаковъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и, между прочимъ, сказалъ, что для такихъ порученій, которыя возложены на меня, избираются лица, спеціально знакомыя съ дѣломъ, такъ что для нихъ всякія подробныя указанія, повидимому, были бы излишними. «Притомъ необходимыя разъясненія Вы уже получили отъ графа Николая Павловича, который ознакомилъ Васъ, конечно, и со взглядами нашего министерства на дѣло предстоящаго разграниченія. Вамъ предстоитъ самому подробно развить эти указанія, а также и тѣ, которыя означены въ данной Вамъ инструкціи, и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, которыя встрѣтятся, и тою обстановкою, въ которой будете находиться. Все это дѣлается для того, чтобы нисколько не стѣснить свободы Вашихъ дѣйствій въ такомъ важномъ дѣлѣ и притомъ на такой отдаленной окраинѣ государства». Затѣмъ, pour mot de la fin, князь Горчаковъ прибавилъ: «ce sera le mieux je crois». Я отвѣчалъ, что считаю долгомъ благодарить его сіятельство за лестные для меня знаки его довѣрія и употреблю всѣ свои силы и способности, чтобы оправдать это довѣріе и достигнуть благопріятныхъ результатовъ при предстоящемъ разграниченіи съ Китаемъ.

Откланявшись всѣмъ начальствующимъ лицамъ Министерствъ Военнаго и Иностранныхъ Дѣлъ и простившись со своими товарищами по Павловскому корпусу, которыхъ я встрѣтилъ въ Петербургѣ, я, напутствуемый ихъ искренними пожеланіями благополучнаго пути и успѣшнаго окончанія дѣла по разграниченію, въ февралѣ 1862 года выѣхалъ изъ Петербурга. До г. Владиміра я доѣхалъ по желѣзной дорогѣ, а далѣе до самаго Омска долженъ былъ ѣхать въ дорожномъ возкѣ. Между тѣмъ, начиналась распутица и я съ трудомъ совершилъ переѣздъ отъ Нижняго до Казани по р. Волгѣ, на которой ледъ иногда проламывался подъ моимъ тяжелымъ возкомъ, но все обошлось благополучно и въ началѣ марта я уже былъ въ Омскѣ.

Часть III.

Глава I.

Историческій обзоръ постепеннаго передвиженія Сибирской границы отъ р. Иртыша къ южной окраинѣ Киргизской степи. Краткій топографическій очеркъ государственной границы съ Западнымъ Китаемъ, установленной Пекинскимъ трактатомъ.

Въ трактатахъ, заключенныхъ между Россіею и Китаемъ по дѣламъ пограничнымъ: Нерчинскимъ 1689 года, Буринскимъ 1727 года, Кяхтинскимъ 1728 года и Тяньцзинскимъ 1858 года не было никакихъ положительныхъ постановленій о границѣ между двумя государствами со стороны западныхъ провинцій Китая и сопредѣльныхъ владѣній Россіи. Восточная же граница наша съ Китаемъ, опредѣленная Буринскимъ договоромъ, оканчивалась на западѣ пограничнымъ знакомъ Шабина-Дабага. Далѣе, владѣнія Россіи въ эпоху заключенія Буринскаго договора граничили съ Чжунгаріей, которая въ то время, т. е. въ началѣ XVIII-го столѣтія, составляла отдѣльное самостоятельное владѣніе. Границы ея можно приблизительно опредѣлить: на востокѣ меридіаномъ городовъ Комула и Хами; на западѣ р. Чаръ-Гурбаномъ до ея истоковъ, восточною оконечностію горъ Чингизъ-тау, нижними частями р. Баканаса и сѣвернымъ берегомъ озера Балхаша. Слѣды этой западной Чжунгарской границы съ землями киргизъ средней орды по р. Чаръ-Гурбану сохранились и до настоящаго времени въ названіяхъ слѣдующихъ урочищъ: Башъ-караулъ (верхній караулъ), который находится въ верхнихъ частяхъ рѣки Чаръ-Гурбана противъ озера Карасоръ-куль; Урта-караулъ и Аякъ-караулъ, расположенные одинъ подлѣ другого противъ пикета Ащи-кульскаго на Семипалатинско-Сергіопольскомъ трактѣ. На югѣ владѣнія

чжунгаровъ, переходя р. Или, захватывали собою Восточный Туркестанъ или Малую Бухарію, завоеванную чжунгарами еще въ 1683 году (Chappe D'Auteroche. Voyage en Siberie, page 291).

Что-же касается до сопредѣльной съ Сибирью сѣверной границы, то чжунгарскіе владѣльцы постоянно заявляли намъ свои претензіи на земли между рѣками Иртышомъ и Обью, считая въ этомъ мѣстѣ границею р. Омь, отъ устья до ея верховьевъ и далѣе на востокъ до р. Оби.

Такимъ образомъ, въ то время, когда граница наша съ Китаемъ на востокѣ была опредѣлена еще въ 1689 г. Нерчинскимъ трактатомъ, а потомъ въ 1727 году Буринскимъ, на западѣ между р. Иртышемъ и Алтаемъ существовала совершенная неопредѣленность границъ съ Чжунгаріей. Эта неопредѣленность, представлявшая важныя неудобства въ пограничныхъ сношеніяхъ, была хотя и невполнѣ, но отчасти устранена въ царствованіе Императора Петра Великаго, благодаря совершенно случайному обстоятельству. Слухи о значительныхъ мѣсторожденіяхъ золота въ Малой Бухаріи, въ окрестностяхъ города Яркенда, заставили Петра Великаго, для розысканія этихъ мѣсторожденій, снарядить двѣ экспедиціи подъ начальствомъ полковника Бухгольца и генерала Лихарева. Послѣдній, пройдя на судахъ озеро Зайсанъ, успѣлъ подняться на 80 верстъ вверхъ по р. Черному Иртышу, впадающему, какъ извѣстно, въ восточную оконечность озера Зайсана. Несмотря на протесты и даже вооруженное сопротивленіе чжунгаровъ, результаты дѣйствій этихъ двухъ экспедицій заключались въ занятіи нами съ 1716—1719-й г. линіи по р. Иртышу и въ построеніи крѣпостей и форпостовъ отъ г. Омска до г. Усть-Каменогорска. Такимъ образомъ, съ этого времени р. Иртышъ сдѣлалась, въ сущности, нашею фактическою границею съ Чжунгаріей, и Россія пріобрѣла прочную пограничную линію на югѣ своихъ владѣній въ Сибири. Легкость, съ которою было сдѣлано это занятіе значительной части чжунгарскихъ земель, подобно быстрому овладѣнію нами Амурской страной въ началѣ XVII-го столѣтія, объясняется кровопролитными войнами, веденными въ это время китайцами съ чжунгарами, отвлекавшими первыхъ отъ р. Амура, а чжунгаровъ отъ р. Иртыша. Пользуясь этимъ, правительство наше, повидимому, рѣшилось тогда же твердо стать на р. Иртышѣ, представлявшей собою на значительномъ протяженіи вполнѣ удобную естественную границу.

По своему географическому положенію р. Иртышъ имѣла всѣ свойства превосходной оборонительной линіи, могущей служить охраной нашихъ южно-сибирскихъ границъ отъ набѣговъ

киргизъ и отъ враждебныхъ покушеній самихъ чжунгаровъ. Въ то же время, р. Иртышъ, съ расположенными на ней крѣпостями и укрѣпленіями, представляла собою надежный базисъ для наступательныхъ дѣйствій во внутрь Чжунгаро-Киргизской степи.

Желаніе нашего правительства удержать въ своей власти р. Иртышъ, какъ твердую основу на случай дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій, видно изъ инструкціи, данной въ 1725 г. нашему посланнику въ Китаѣ графу Рагузинскому, въ которой, между прочимъ, было сказано: «еще же китайцы посланнику Измайлову объявили, что намѣрены они еще строить крѣпость на Иртышѣ рѣкѣ и насадить войсками. Ежели о томъ нынѣ представлять будутъ, то имъ объявить, что Иртышъ рѣка во владѣніи Россійской Имперіи изстари, на которой стоитъ сибирскій городъ Тобольскъ и другія многія крѣпости и слободы состоятъ И для того Ея Императорское Величество на то никоимъ образомъ позволить не можетъ, чтобы во владѣніи Россійской Имперіи отъ нихъ китайцевъ, крѣпости построены были».

Отъ р. Иртыша при устьѣ р. Бухтармы граница сначала съ Чжунгаріей, а затѣмъ съ Китаемъ тянулась въ сѣверо-восточномъ направленіи къ пограничному знаку Шабина-Дабага и обозначалась условно чертою горнаго разлома или водораздѣла горныхъ хребтовъ Малаго Алтая, отдѣляющихъ рѣчную область верховьевъ р. Оби отъ системы водъ р. Верхняго Енисея.

Занятіе нами линіи по р. Иртышу и возведеніе на ней крѣпостей и укрѣпленій, а также устройство на этой военной линіи русскихъ поселеній, не могло не озабочивать чжунгарскихъ владѣльцевъ. Оно тѣмъ болѣе имъ казалось опаснымъ, что они видѣли, съ какою быстротой наши поселенія подвигались впередъ по направленію на югъ и, такъ сказать, врѣзывались въ ихъ владѣнія. Возникшіе по этому поводу переговоры не привели ни къ какому соглашенію о границахъ.

Сущность претензій, предъявляемыхъ намъ въ то время чжунгарами, состояла въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, въ прежнія времена граница между Россіею и Чжунгаріей установлена была по рѣкѣ Иртышу до устья р. Оми и затѣмъ вверхъ по р. Оми до р. Оби. Въ этомъ мѣстѣ будто бы были устроены засѣки. Отъ р. Оби подъ Кузнецкимъ уѣздомъ граница шла къ востоку по правому притоку ея Уѣпи (Иння) или Черной Оми. И притомъ постановлено было, чтобы обѣимъ сторонамъ далѣе того не переходить и будто на тѣхъ мѣстахъ жили ихъ (чжунгаровъ) люди. Но съ Россійской стороны, преступивъ оныя границы, построены

потомъ города: Томскъ, Кузнецкъ и Красноярскъ и крѣпости по р. Иртышу и заводы.

На это съ нашей стороны было поставлено на видъ чжунгарамъ, что въ этихъ мѣстахъ границъ, засѣкъ и вообще какихъ-либо пограничныхъ знаковъ никогда не существовало. Въ противномъ случаѣ сохранился бы актъ или документъ по разграниченію. Но документа этого не существовало, да и надобности въ немъ никакой не было, потому что, по завладѣніи южной Сибирью сначала казаками и охочими людьми, а потомъ и самимъ правительствомъ, тотчасъ же были построены города, называвшіеся въ старину острогами, а всѣ окрестные инородцы обложены ясакомъ, что по обычаю того времени служило признакомъ совершенной покорности. Такимъ образомъ, постепенно распространялись владѣнія Россіи до верховьевъ р. Оби. Слѣдовательно, не было никакой надобности ставить искусственную границу на земляхъ, гдѣ эта граница, имѣя естественный характеръ, обозначалась, такъ сказать, сама собою р. Иртышемъ, а въ горахъ Алтая—линіею водораздѣла. Что же касается до живущихъ на этихъ земляхъ кочевыхъ инородцевъ, на право владѣнія которыми чжунгары объявляли свои претензіи, то родоначальники сихъ инородцевъ, находясь лишь въ вассальной зависимости отъ чжунгарскихъ владѣльцевъ и пользуясь слабостью послѣднихъ, при каждомъ удобномъ случаѣ отдѣлялись отъ нихъ и присягали на подданство Россіи, присылая въ то же время въ знакъ своей покорности аманатовъ въ наши тогдашніе пограничные города: Кузнецкъ, Томскъ и Красноярскъ. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи претензіи чжунгаровъ были неосновательны. Напротивъ, съ нашей стороны было поставляемо всякій разъ на видъ чжунгарамъ, что, принявъ въ свои предѣлы бѣжавшихъ съ рѣки Волги 15 тыс. кибитокъ калмыковъ, подданныхъ Россіи, они тѣмъ самымъ подавали поводъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ.

Чжунгарскіе владѣльцы однакоже не удовольствовались этими объясненіями и продолжали по прежнему черезъ своихъ посланцевъ требовать уступки спорныхъ земель.

Съ нашей стороны также были отправляемы въ Чжунгарію послы для объясненій по этимъ дѣламъ съ правителями Чжунгаріи. Такъ, въ 1722 году, былъ отправленъ къ чжунгарскому владѣльцу Цэванъ-Раптану, называемому въ нашей тогдашней офиціальной перепискѣ Контайшею, артиллеріи капитанъ Унковскій. Въ инструкціи, данной Унковскому, между прочимъ, было сказано, что если Контайша, подобно Аюкѣ-хану, пожелаетъ со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ принять подданство Русскаго Импера-

тора, или состоять подъ его покровительствомъ, то въ такомъ случаѣ обнадежить Контайшу содѣйствіемъ ему противъ какихъ-либо враждебныхъ посягательствъ со стороны китайцевъ и, притомъ, не только дипломатическимъ путемъ, но, если обстоятельства потребуютъ, то и вооруженною рукою.

Кончина въ 1722 году непримиримаго врага чжунгаровъ Китайскаго Императора правленія Канъ-Си разстроила этотъ планъ.

Хотя политика его преемника Императора правленія Юнь-Чжень еще не выяснилась окончательно, но онъ, повидимому, рѣшился, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, поддерживать миролюбивыя отношенія съ чжунгарами. Съ этою цѣлью былъ отправленъ къ Цэванъ-Раптану китайскій посланникъ съ мирными предложеніями.

Съ другой стороны, въ средѣ лицъ, приближенныхъ къ Цэванъ-Раптану, образовались двѣ партіи: одна желала тѣснаго союза съ Россіей, а другая, во главѣ которой стоялъ старшій сынъ и наслѣдникъ Контайши Галданъ-Цэренъ, противилась сближенію съ Россіей. Вслѣдствіе сего посольство капитана Унковскаго, не смотря на то, что было хорошо обставлено и продолжалось довольно долго (1722—1724 г.г.), не имѣло въ сущности никакого практическаго результата въ политическомъ отношеніи.

Вообще должно замѣтить, что неудовлетворительность нашихъ посольскихъ сношеній съ чжунгарами по дѣламъ пограничнымъ заключалась въ недовѣріи, подозрительности, скрытности и даже нагломъ обманѣ, къ которымъ прибѣгали чжунгары при сношеніяхъ съ нами. Все это дѣлало положеніе нашихъ посланниковъ весьма затруднительнымъ.

Добиться какихъ либо положительныхъ результатовъ, а тѣмъ болѣе заключить письменный договоръ при такихъ своеобразныхъ пріемахъ двуличной азіатской дипломатіи, въ большинствѣ случаевъ, оказывалось невозможнымъ [1]).

Посольство Унковскаго нельзя однако же признать совершенно безслѣднымъ для дальнѣйшихъ сношеній нашихъ съ чжунгарами и китайцами. Труды самого Унковскаго и прочихъ членовъ посольства оказались весьма плодотворными во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего Унковскій выяснилъ число нашихъ плѣнныхъ въ Чжунгаріи и положеніе, въ которомъ они находились. Въ веденномъ имъ журналѣ помѣщены любопытныя свѣдѣнія о чжунгарахъ, ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, характерѣ и

[1]) Веселовскій. Посольство Унковскаго къ Контайшѣ. Стр. XLVI.

внутреннемъ бытѣ этого народа. Къ журналу приложена карта, весьма удовлетворительная для тогдашняго времени [1]).

Кончина Петра Великаго, послѣдовавшая въ 1725 г., а черезъ два года въ 1727 г. и Цэванъ-Раптана, пріостановили наши сношенія съ чжунгарами до 1732 г., когда было признано необходимымъ снова отправить нашего посланника къ тогдашнему чжунгарскому владѣльцу Галданъ-Цэрену. Выборъ палъ на майора Угрюмова.

Ему приказано было требовать возвращенія въ Россію уже не 15 тыс., но 20 тыс. кибитокъ калмыковъ, бѣжавшихъ съ Волги. Переговоры, веденные Угрюмовымъ, повидимому, не остановили споровъ и не прекратили прежнихъ притязаній чжунгарскихъ владѣльцевъ на крайнія земли Сибири. Въ сороковыхъ годахъ XVIII стол. эти споры и недоразумѣнія обострились до такой степени, что Галданъ-Цэренъ, одинъ изъ замѣчательныхъ по уму и дарованіямъ чжунгарскихъ владѣльцевъ, прославившій себя нѣсколькими побѣдами, одержанными имъ въ войнѣ съ монголами и китайцами, сталъ требовать отъ насъ срытія Усть-Каменогорской крѣпости. Затѣмъ видя, что всѣ его домогательства остаются безъ всякаго результата, началъ вооружаться съ цѣлью вторженія въ наши предѣлы. Для противодѣйствія чжунгарамъ на случай этого вторженія, расположенныя въ Сибири войска были усилены и назначенъ начальникомъ всѣхъ Сибирскихъ линій генералъ-майоръ Киндерманъ.

Такое тревожное положеніе дѣлъ на нашихъ границахъ съ Чжунгаріей продолжалось недолго: оно прекратилось со смертью Галданъ-Цэрена въ 1745-мъ году. Но домогательства чжунгаровъ о срытіи крѣпостей и укрѣпленій, построенныхъ нами на р. Иртышѣ и образовавшихъ собою такъ называемую Иртышскую укрѣпленную линію, продолжались и при преемникахъ Галданъ-Цэрена. Аббатъ Шаппъ д'Отрошъ, отправленный въ Сибирь въ 1760 г. по распоряженію Парижской Академіи Наукъ для наблюденія прохожденія Венеры черезъ солнце, упоминаетъ въ своемъ сочиненіи о путешествіи въ Сибирь, что онъ видѣлъ въ Тобольскѣ въ 1761 г., т. е. по окончательномъ разгромѣ Чжунгаріи китайцами, двухъ посланцевъ, отправленныхъ еще при одномъ изъ предмѣстниковъ послѣдняго чжунгарскаго владѣльца Амурсаны въ Петербургъ, съ порученіемъ требовать срытія всѣхъ нашихъ укрѣпленій на Иртышской линіи.

[1]) Изданіемъ журнала Унковскаго со всѣми интересными къ нему приложеніями мы обязаны профессору Веселовскому.

Вообще всѣ споры и недоразумѣнія съ нашей стороны съ чжунгарами по дѣламъ пограничнымъ не имѣли никакого практическаго результата, главнымъ образомъ, потому, что, какъ ни пытались неоднократно чжунгары поддержать свои требованія силою оружія, они были постоянно отвлекаемы отъ этого намѣренія частыми войнами съ ихъ непримиримыми врагами—китайцами. Вслѣдствіе чего всѣ возникавшія усложненія между нами и чжунгарами не только не привели насъ къ полному разрыву съ ними, но послѣдніе были даже поставлены въ необходимость просить насъ войти съ ними въ соглашеніе о совокупныхъ дѣйствіяхъ противъ китайцевъ, какъ о томъ было подробно изложено во 2-й части.

Послѣдняя война китайцевъ съ чжунгарами въ 1757—1758 г. окончилась, какъ извѣстно, почти поголовнымъ истребленіемъ чжунгаровъ. Только нѣсколько тысячъ успѣли избѣгнуть кровожадной мести китайцевъ, войдя въ наши границы. Часть ихъ была переведена на Волгу на соединеніе съ ихъ соплеменниками волжскими калмыками. Другая же часть, пожелавшая принять православную вѣру, водворена близъ г. Ставрополя (нынѣ Самарской губерніи), совмѣстно съ поселенными тамъ крещенными калмыками. Обращенная же почти въ совершенную пустыню прежняя цвѣтущая Чжунгарія была присоединена къ Китайской Имперіи подъ именемъ Западнаго края (Си-Юй).

Этотъ громадный политическій переворотъ, окончившійся совершеннымъ уничтоженіемъ одного изъ нѣкогда сильныхъ Средне-Азіатскихъ владѣній и происшедшій вблизи нашихъ сибирскихъ окраинъ, т. е. въ странѣ, сопредѣльной съ владѣніями Россіи, и, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, прошелъ у насъ, повидимому, совершенно незамѣченнымъ.

Несомнѣнно, что въ Сибири скоро сдѣлалось извѣстнымъ объ этомъ переворотѣ отъ бѣжавшихъ къ намъ чжунгаровъ. Но въ Петербургѣ взглянули на это событіе довольно равнодушно, и мы не успѣли извлечь для себя отъ этого переворота какихъ-либо существенныхъ выгодъ въ политическомъ отношеніи. Въ Западной же Европѣ объ участи, постигшей чжунгаровъ, узнали гораздо позже.

Вотъ что писалъ Шаппъ Д'Отрошъ объ этомъ событіи: «тамъ (въ странѣ сопредѣльной съ Россіей) происходятъ великія событія, о которыхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Политическій переворотъ въ Чжунгаріи служитъ тому поразительнымъ примѣромъ. Этотъ народъ, занимавшій обширную страну, пространство которой превосходитъ Францію, былъ уничтоженъ китайцами въ 1757 году, послѣ продолжительной 10-ти лѣтней, почти непрерывной войны. Это событіе сдѣлалось извѣстнымъ въ 1761 году и было опубликовано въ Петербургѣ только 14 декабря 1762-го года».

Также мало освѣдомленный объ этомъ политическомъ переворотѣ, какъ и остальная Европа, я узналъ о немъ во время моего путешествія по Сибири отъ калмыковъ, которымъ удалось избѣжать звѣрскаго озлобленія китайцевъ, а также и отъ русскихъ, живущихъ въ Сибири.

(Chappe D'Auteroche. Revolution des Calmouk—Zongares. T. I, p. 290—314).

Не подлежитъ сомнѣнію, что, готовясь къ войнѣ съ чжунгарами, Китайскій Императоръ правленія Цянь-Лунь не жалѣлъ никакихъ средствъ для приведенія къ благопріятному окончанію этого важнаго предпріятія. Но съ другой стороны, предлежавшая китайцамъ трудная задача значительно облегчалась тѣмъ, что предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Чжунгаріи возникли внутреннія междоусобія, которыми успѣли ловкимъ образомъ воспользоваться китайцы.

Судя по показаніямъ современниковъ и нѣкоторымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ тогдашняго времени, едва-ли можно отвергать, что не будь этихъ междоусобій, китайцы, повидимому, не были бы въ состояніи одолѣть чжунгаровъ.

По покореніи Чжунгаріи китайцы, избавившись отъ безпокойныхъ сосѣдей, съ которыми вели столь продолжительныя и кровопролитныя войны, тотчасъ же обратили вниманіе на устройство вновь присоединеннаго края и на обезпеченіе его западнаго пограничнаго пространства. Въ этихъ видахъ, Императоръ правленія Цянь-Лунь сдѣлалъ распоряженіе о колонизаціи Западнаго края и о вооруженной охранѣ его границы. Вся страна по сѣверную сторону Тянь-Шаньскаго горнаго хребта названа была Сѣверною линіею (Тянь-Шань-бей-лу), а по другую сторону—Южною линіею (Тянь-Шань-нань-лу). На р. Или въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился курень чжунгарскихъ хановъ, заложенъ былъ городъ Хой-Юань или Или (нынѣшній городъ Кульджа) и, вслѣдъ затѣмъ, въ мѣстности Уръ-Яръ, близъ нынѣшней Урджарской станицы, возникъ и городъ Тарбагатай, перенесенный впослѣдствіи на 120 верстъ къ востоку на нынѣшнее его мѣсто. Образованы два округа: Илійскій и Тарбагатайскій съ административными центрами: Или (Кульджа) и Тарбагатай (Чугучакъ). На западной окраинѣ этихъ округовъ, по чертѣ предположенной границы съ землями киргизовъ, устроена линія постоянныхъ пикетовъ (Чàнъ-чжу-кàрунь), вдоль которой въ Илійскомъ округѣ возникли военныя поселенія

изъ чахаровъ, сибо, солоновъ, а впослѣдствіи и калмыковъ. Казалось бы, что съ покореніемъ Чжунгаріи и съ переходомъ ея подъ власть китайцевъ должны были прекратиться и всѣ споры, недоразумѣнія и безпокойства, неоднократно возникавшіе между нами и чжунгарами по дѣламъ пограничнымъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, оказалось совершенно противное. Эти споры и недоразумѣнія, когда нашими сосѣдями сдѣлались китайцы, не только не прекратились, но еще болѣе усилились и превзошли всѣ тѣ столкновенія, которыя мы имѣли съ чжунгарскими владѣльцами: Цэванъ-Раптаномъ, а въ особенности съ Галданъ-Цэреномъ. Въ упоеніи отъ одержанныхъ успѣховъ и торжествующаго чувства побѣды надъ страшными нѣкогда силами чжунгаровъ, китайцы, сдѣлавшись нашими сосѣдями и на западѣ ихъ владѣній, тотчасъ же заявили свои требованія по нѣкоторымъ пограничнымъ дѣламъ съ крайнимъ высокомѣріемъ и заносчивостью. Этимъ положено было начало новымъ пограничнымъ спорамъ и несогласіямъ, подобно тому, какъ это было при чжунгарскихъ владѣльцахъ.

Прежде всего листомъ (оффиціальною бумагою), адресованнымъ прямо въ Правительствующій Сенатъ, китайцы потребовали отъ насъ выдачи послѣдняго чжунгарскаго хана Амурсаны и всѣхъ зайсанговъ, вышедшихъ въ Россію, ссылаясь на статью Буринскаго трактата о перебѣжчикахъ. На это съ нашей стороны имъ было поставлено на видъ, что упомянутая статья Буринскаго трактата относится къ перебѣжчикамъ изъ китайскихъ подданныхъ. Но такъ какъ чжунгары перешли въ наши границы до окончательнаго покоренія ихъ китайцами, а слѣдовательно, тогда, когда они еще не были китайскими подданными, то на нихъ и не могутъ распространяться постановленія этой статьи. А во время бытности китайскихъ пословъ въ 1731 г. въ Петербургѣ, не было заключено по этому дѣлу никакихъ условій. Несмотря однакоже на это справедливое возраженіе, а также и на то, что кости хана Амурсаны, умершаго въ Тобольскѣ отъ оспы, были отправлены въ Кяхту для показанія ихъ китайцамъ, они не прекращали своихъ несправедливыхъ и крайне оскорбительныхъ для насъ требованій. Такъ въ перепискѣ по пограничнымъ дѣламъ, при каждомъ удобномъ случаѣ они старались заявить свои претензіи на земли, занятыя киргизами Средней и Большой орды и на право владѣнія симъ народомъ, выставляя на видъ, что киргизскій ханъ Аблай съ подвластными ему киргизами Средней орды добровольно перешелъ въ китайское подданство. Въ дѣйствительности же дѣло это происходило совершенно иначе. Принявъ подъ свою защиту

измѣнившаго китайцамъ послѣдняго чжунгарскаго хана Амурсану, киргизы этимъ поступкомъ естественнымъ образомъ возбудили противъ себя ненависть китайцевъ. Вслѣдствіе чего для наказанія киргизъ вѣдѣнія хана Аблая были направлены въ степь китайскія войска. Потерпѣвъ отъ этихъ войскъ нѣсколько послѣдовательныхъ пораженій, ханъ Аблай, чтобы избавиться отъ окончательнаго погрома, несмотря на свою присягу на подданство Россіи, рѣшился перейти въ китайское подданство, которое, вслѣдствіе этого, было скорѣе насильственнымъ, нежели добровольнымъ, какъ объ этотъ заявляли намъ китайцы. Вообще должно замѣтить, что, вскорѣ по покореніи Чжунгаріи, китайцы всемѣрно старались распространить и упрочить свою власть надъ киргизами. Для скорѣйшаго же достиженія намѣченной цѣли, китайцы старались всячески привлекать къ себѣ главныхъ киргизскихъ родоначальниковъ, щедро надѣляя ихъ подарками и почетными титулами. Такъ султанъ Большой орды Эрали, прославившійся своею храбростью въ Китаѣ, получилъ около 1770 г. отъ Богдыхана правленія Цянь-Лунь достоинство «Придворнаго Рыцаря». Султанъ Сартъ-Южинъ, кочевавшій со своими аулами на р. Аягузѣ, получилъ званіе Гуна, т. е. князя Китайской Имперіи.

Между тѣмъ, въ то же самое время султаны и почетные люди киргизъ Средней орды, считавшейся съ 1734 года въ нашемъ подданствѣ, получали жалованье и подарки и отъ нашего правительства, по избранію котораго назначались и самые ханы, съ выдачею имъ грамотъ на ханское достоинство. Съ своей стороны и китайцы, считая киргизъ также своими подданными, возводили въ ханы избранныхъ ими султановъ, которые, несмотря на это, почти въ то же время, посылали въ Петербургъ депутаціи съ изъявленіемъ покорности Россіи. Былъ случай, что китайцы возводили въ ханское достоинство такихъ киргизскихъ султановъ, которые изъявляли на это согласіе, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что они, въ то же время, занимали оффиціальныя должности по назначенію нашего правительства.

Такъ Габайдулла Валихановъ, назначенный въ 1824 году старшимъ султаномъ Кокчетовскаго округа, отправился въ Баянъ-аулъ, куда прибылъ китайскій отрядъ для провозглашенія его ханомъ Средней орды. Вслѣдствіе чего понадобилось послать въ Баянъ-аулъ казачій отрядъ для удаленія китайцевъ и захвата Габайдуллы, что и было исполнено.

Изъ вышеизложеннаго видно, что хотя киргизы и считались въ русскомъ подданствѣ съ 1734 года, но до введенія между ними надлежащаго устройства и управленія и обложенія ихъ податями,

они въ дѣйствительности были лишь номинально нашими подданными.

Пользуясь такимъ неопредѣленнымъ положенiемъ дѣлъ, киргизскiе султаны, изъявляя наружную покорность Россiи, въ то же время были явными сторонниками Китая. Вслѣдствiе чего и самое подданство киргизъ, не имѣя никакого практическаго значенiя, въ сущности было обманомъ. Этого мало: двуличные правители киргизскаго народа, служа китайскому и, въ то же время, получая жалованье отъ русскаго правительства, весьма часто грабили наши торговые караваны, отправляемые въ Ташкентъ, какъ напр. ханъ Валiй, жившiй въ Кокчетовскомъ округѣ.

При тогдашнихъ обстоятельствамъ намъ было необходимо до времени воздержаться отъ принятiя слишкомъ крутыхъ мѣръ противъ подобнаго вѣроломства киргизъ, въ кочевьяхъ которыхъ на огромномъ пространствѣ степи мы не имѣли въ то время никакихъ опорныхъ пунктовъ. Между тѣмъ, подобными рѣшительными мѣрами мы могли возбудить ненависть въ средѣ почти миллiоннаго сплошного населенiя киргизъ. Съ другой стороны, намъ было необходимо въ то же время избѣгать столкновенiй и съ китайцами, хотя они и продолжали по прежнему заявлять свои претензiи на киргизскiя земли. Намъ нельзя было упускать изъ виду, что въ случаѣ, если бы эти столкновенiя приняли большiе размѣры, то происшедшiя осложненiя могли бы, какъ показалъ опытъ, неминуемо повредить нашей Кяхтинской торговлѣ, приносившей казнѣ миллiонные таможенные доходы. Кромѣ того, поддержанiе въ то время миролюбивыхъ отношенiй къ Китаю могло бы значительно облегчить осуществленiе въ ближайшемъ будущемъ и видовъ нашего правительства относительно устройства правильныхъ торговыхъ сношенiй съ городами Западнаго Китая Чугучакомъ и Кульджой, что также могло обѣщать значительные таможенные доходы казнѣ, какъ это и подтвердилось впослѣдствiи. А потому и рѣшено было соблюдать нѣкоторую постепенность въ дѣйствiяхъ и осторожность, чтобы не встревожить китайцевъ, но въ то же время послѣдовательно, такъ сказать, исподволь прiучить ихъ къ мысли, что всѣ земли за р. Иртышомъ по направленiю къ р.р. Аягузу, Лепсѣ, Кокпектинкѣ и далѣе къ озеру Зайсану до самой линiи китайскихъ пикетовъ принадлежатъ Россiи. Въ этихъ видахъ, на основанiи журнальныхъ постановленiй Сибирскаго и Азiатскаго комитетовъ, состоявшихся въ декабрѣ 1831 и январѣ 1832 года, опредѣлено было, между прочимъ, предписать Генералъ-Губернатору Западной Сибири: 1) «содержать по прежнему наши отряды на урочищѣ Кокпектахъ и Аягузскомъ округѣ на прежнихъ мѣстахъ, не передвигая ихъ къ цѣпи китайскихъ карауловъ, безъ особаго на то разрѣшенiя, и 2) если бы китайцы вздумали силою заставить насъ оставить эти мѣста, то, принимая сей поступокъ не дѣйствiемъ правительства, но самоуправствомъ мѣстнаго начальства, съ твердостiю изъяснить ему, что бывъ въ мирѣ и дружбѣ съ китайскимъ государствомъ, наша мѣстная стража имѣетъ строгое повелѣнiе съ одной стороны: ничѣмъ не нарушать сего мира, а съ другой—и не отступать отъ занятыхъ мѣстъ, безъ взаимныхъ формальныхъ между обоими правительствами сношенiй. Если же эта мѣра останется безъ всякаго дѣйствiя, то неиначе отступить, какъ въ случаѣ превосходства силъ».

Понятно, что всѣ эти мѣры, имѣвшiя временный характеръ, были въ сущности переходными. Для того же, чтобы окончательно упрочить нашу власть и влiянiе надъ киргизами, намъ было необходимо твердо стать въ самой степи, для чего и возвести въ ней рядъ опорныхъ пунктовъ, поселивъ при нихъ вооруженное населенiе, т. е. казаковъ. Начало этому положено было образованiемъ въ Киргизской степи такъ называемыхъ внѣшнихъ округовъ, на основанiи изданнаго въ 1822 году Устава о сибирскихъ киргизахъ, составленнаго по мысли и непосредственнымъ указанiямъ Сибирскаго Генералъ-Губернатора графа Сперанскаго. Открытiе округовъ производилось постепенно, и въ перiодъ съ 1824 по 1839 годъ были открыты округа въ Кокчетовѣ, Каркаралинскѣ, Баянъ-Аулѣ, а также въ Аягузѣ и Кокпектахъ. Съ открытiемъ этихъ округовъ условная граница съ р. Иртыша сразу подвинулась по направленiю на югъ съ одной стороны къ р. Чу, а съ другой стороны къ р. Кокпектинкѣ, впадающей въ озеро Зайсанъ, а съ р. Аягуза перешла на р. Лепсу и постепенно подвигалась далѣе на югъ къ р. Караталу. Такое передвиженiе границы отъ тогдашнихъ сибирскихъ линiй Горькой и Иртышской на югъ обусловливалось § 316 Устава о сибирскихъ киргизахъ, въ которомъ сказано, что «сибирскiя линiи въ значенiи стражи не составляютъ учрежденiя на всегдашнiя времена; но, по мѣрѣ распространенiя порядка въ занимаемыхъ киргизами земляхъ, стража сiя подвигается впередъ и, наконецъ, должна кончить постояннымъ утвержденiемъ себя на дѣйствительной государственной границѣ».

Съ возведенiемъ укрѣпленiя на Копалѣ и водворенiемъ въ этой мѣстности двухъ сотенъ казаковъ, переведенныхъ съ Бiйской линiи, условная граница передвинулась еще далѣе, а именно на р. Или. Такимъ образомъ, въ теченiе 1846 и 1847 г.г., былъ окончательно занятъ нами такъ называемый Семирѣченскiй край, по-

лучившій это названіе по семи рѣкамъ, его орошающимъ: Аягузу, Лепсѣ, Аксу, Баскану, Коксу, Караталу и Или. Оставалось затѣмъ, перейдя рѣку Или, проникнуть далѣе на югъ къ озеру Иссыкъ-куль и утвердиться въ богатомъ Заилійскомъ краѣ. Между тѣмъ, китайцы продолжали попрежнему внимательно слѣдить за каждымъ шагомъ нашего поступательнаго движенія во внутрь степи и всячески старались воспрепятствовать этому движенію. Такъ китайцы протестовали противъ занятія нами укрѣпленныхъ линій по р. Бухтармѣ и Нарыму и съ своей стороны старались выдвинуть свои пикеты во внутрь киргизскихъ земель, т. е. по направленію къ западу отъ линіи ихъ постоянныхъ пикетовъ. Такимъ образомъ образовалась линія передовыхъ пикетовъ, по которой китайцы впослѣдствіи настаивали вести государственную границу, вопреки указаніямъ Пекинскаго трактата. Въ 1825 г. былъ построенъ на р. Караталѣ домъ для преданнаго Россіи киргизскаго султана Сюка-Аблайханова, для чего и былъ посланъ туда отрядъ подъ начальствомъ полковника Шубина. Вслѣдствіе же протеста китайцевъ, эти постройки были снесены нами въ слѣдующемъ году. Занятіе въ 1846 г. мѣстности на Копалѣ также не обошлось безъ протеста со стороны китайцевъ. Мѣстныя власти въ Илійскомъ (Кульджинскомъ краѣ), по своей всегдашней подозрительности, столь обычной китайцамъ, а также вслѣдствіе подстрекательствъ англійскихъ агентовъ, вознамѣрились было воспрепятствовать нашему дальнѣйшему движенію къ р. Или и занятію Илійской долины. Англійскій политическій агентъ Аткинсонъ, подъ видомъ ученаго путешественника, которымъ онъ въ дѣйствительности никогда не былъ, посѣтилъ въ сороковыхъ годахъ и устраиваемыя тогда нами поселенія на Копалѣ. Аткинсонъ побывалъ также и въ Кульджѣ, гдѣ, по всему вѣроятію, старался посѣять раздоръ между мѣстными китайскими и нашими властями. Подтвержденіемъ этому можетъ служить то обстоятельство, что китайцы около этого времени вздумали совершенно неожиданно протестовать по поводу занятія нами мѣстности на Копалѣ и постройкѣ укрѣпленія и станицы на непринадлежащихъ будто-бы намъ земляхъ. По этому дѣлу былъ полученъ въ Петербургѣ адресованный въ Сенатъ запросъ изъ Пекинскаго трибунала внѣшнихъ сношеній (Ли-фань-юань).

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ находило, что притязанія китайцевъ на Семирѣченскій нашъ край, гдѣ кочуютъ киргизы, подданные Государя Императора, конечно, не слѣдуетъ признавать съ нашей стороны основательными: никакими трактатами не постановлено въ означенныхъ мѣстахъ границъ съ Китаемъ. Цѣпь

китайскихъ карауловъ, по неимѣнію другой яснѣйшей границы, одна только въ строгомъ смыслѣ можетъ считаться за пограничную черту. А построенное нами укрѣпленіе въ Семирѣченскомъ краѣ на Копалѣ далеко отстоитъ отъ черты ихъ карауловъ. По этому уваженію правительство наше, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться на предъявленное китайцами требованіе могло бы тогда-же объяснить имъ всю неосновательность ихъ домогательства и послать рѣшительный отвѣтъ. Но, по разнымъ соображеніямъ, Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ найдено за лучшее на первый разъ ограничиться неопредѣленнымъ еще отвѣтомъ, и это съ цѣлью выиграть время и имѣть возможность приготовиться къ разнымъ случайностямъ.

На основаніи этихъ соображеній, Генералъ-Губернатору Западной Сибири генералу князю Горчакову было сообщено Высочайшее повелѣніе обратить особенное вниманіе на положеніе нашей степи, прилегающей къ китайскимъ владѣніямъ, и принять нужныя мѣры къ ея обезпеченію на случай какихъ - либо со временемъ враждебныхъ покушеній со стороны китайцевъ. Хотя Министерство Иностранныхъ Дѣлъ находило, что въ тогдашнее время сихъ покушеній и нельзя было ожидать, и по всей вѣроятности, все должно кончиться миролюбивымъ образомъ, но тѣмъ не менѣе признавалось благоразумнымъ принять необходимыя мѣры осторожности и, разумѣется, безъ всякаго шума и огласки, давая имъ какой-либо благовидный предлогъ. Дѣла наши съ кокандцами, повидимому, могли служить таковымъ благовиднымъ предлогомъ для необходимыхъ распоряженій и отклонить всякое подозрѣніе на счетъ истинной ихъ цѣли.

Князь Горчаковъ поспѣшилъ принять предписанныя мѣры осторожности, соотвѣтственно мѣстнымъ способамъ степного края: Копальское укрѣпленіе приведено въ оборонительное положеніе въ теченіе 1850 года и на ближайшихъ къ китайской границѣ пунктахъ пополнены запасы продовольствія и усилены войска.

Послѣдующія событія вполнѣ подтвердили правильность этого взгляда, какъ вполнѣ соотвѣтственнаго тогдашнимъ обстоятельствамъ, тѣмъ болѣе, что въ то время въ Министерствѣ имѣлось въ виду отправить въ г. Кульджу нашего уполномоченнаго для переговоровъ съ китайцами объ устройствѣ правильныхъ торговыхъ сношеній съ городами Западнаго Китая.

Осуществленіе этихъ важныхъ видовъ правительства, обѣщавшихъ несомнѣнную пользу степному краю и всей Западной Сибири, задерживалось только тѣмъ, что тогда еще не была окончательно занята Илійская долина и водворенъ въ средѣ кочую-

щихъ въ ней киргизъ Большой орды надлежащій порядокъ и спокойствіе, безъ которыхъ правильный ходъ торговыхъ сношеній въ степи оказывался невозможнымъ.

Такимъ образомъ вмѣшательство китайцевъ въ дѣло поступательнаго движенія нашего въ земли Средней Азіи и занятія Семирѣченскаго, а впослѣдствіи и Заилійскаго края было устранено дипломатическимъ путемъ. Повсемѣстное же открытіе въ Киргизской степи внѣшнихъ округовъ, на основаніи Устава о сибирскихъ киргизахъ, обошлось даже безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ китайцами. Этому содѣйствовало и то обстоятельство, что въ сороковыхъ годахъ прежнее обаяніе китайской власти надъ киргизами не только въ Средней но и въ Большой ордѣ стало замѣтно ослабѣвать и постепенно перешло къ кокандцамъ. Пользуясь ихъ содѣйствіемъ и покровительствомъ, ходжи, считавшіеся потомками Магомета, проникли въ подвластный Китаю Восточный Туркестанъ и успѣли возбудить недовольство противъ китайцевъ въ средѣ мусульманскаго населенія тамошняго края. Эти событія сильно пошатнули авторитетъ китайской власти въ Восточномъ Туркестанѣ и отвлекли вниманіе Илійскаго начальства въ Кульджѣ отъ событій, совершившихся почти въ то же время на юго-востокѣ Киргизской степи.

Притомъ не только на окраинахъ Китая, но и въ самомъ Пекинѣ явно выказалась въ это время слабость Центральнаго китайскаго правительства. Первые признаки этой слабости начали обнаруживаться уже въ царствованіе Императора правленія Дао-Гуанъ (1820—1850 г.). Въ разныхъ мѣстахъ имперіи возникли мятежи и возстанія, порождаемыя тайными обществами, сильно распространившимися въ странѣ. Однимъ изъ наиболѣе значительныхъ обществъ было, по словамъ члена Лондонскаго Миссіонерскаго общества Макгована [1]), общество Тріада, вызвавшее въ Китаѣ извѣстное возстаніе Тайпинговъ, при преемникѣ Дао-Гуана молодомъ Императорѣ правленія Сянь-Фынъ. Цѣлью возстанія было низверженіе царствующей династіи Минъ, которою были недовольны въ странѣ. Возстаніе сопровождалось изумительнымъ успѣхомъ. Въ 1853 г. мятежники заняли Нанкинъ, сдѣлавшійся главнымъ центромъ и столицею возставшихъ.

Не встрѣтивъ сильнаго противодѣйствія со стороны правительственныхъ войскъ, мятежники двинулись къ сѣверу, перешли Желтую рѣку, достигли Тянь-Цзиня и угрожали самому Пекину. Но, предавшись грабежамъ и насиліямъ, тайпинги ослабили себя,

[1]) Русскій Вѣстникъ 1898 г. Кн. 5.

чѣмъ и воспользовались правительственныя войска, успѣвшія одолѣть тайпинговъ и взять обратно Нанкинъ. Тѣмъ не менѣе, тревожное положеніе дѣлъ во внутреннемъ Китаѣ еще не скоро улеглось. Наконецъ война съ Англіей, а затѣмъ съ Франціей и уплата многочисленныхъ контрибуцій значительно ослабили Китай, потрясенный еще гораздо ранѣе этихъ событій кровопролитной войной съ Чжунгаріей. Разгромъ Чжунгаріи въ царствованіе Императора правленія Цянь-Лунь, требовавшій значительнаго напряженія силъ и громадныхъ денежныхъ затратъ, по словамъ самихъ китайцевъ, былъ началомъ послѣдовавшаго послѣ того постепеннаго упадка ихъ прежняго высокомѣрнаго величія. Преемники Цянь-Луня (1736—1796 г.г.) Императоры правленія: Цзя-Цинъ или Кіа-Кингъ (1796—1820), Дао-Гуанъ (1820—1850), Сянъ-Фынъ (1850—1861) и Тунъ-Чжи (1861—1875), не обладавшіе умомъ и дарованіемъ первыхъ Императоровъ Маньчжурской династіи, не могли уже возвратить Китаю утраченное имъ значеніе въ средѣ прочихъ азіатскихъ государствъ. Все это отчасти облегчило ходъ нашего поступательнаго движенія за р. Или въ глубь Средней Азіи. Хотя здѣсь намъ и пришлось встрѣтить нѣкоторое сопротивленіе со стороны кокандцевъ, но послѣ взятія занятыхъ ими укрѣпленій и рѣшительныхъ ударовъ, нанесенныхъ имъ въ открытомъ полѣ, кокандскія войска были совершенно уничтожены. Все это повлекло за собою занятіе нами Зачуйскаго края, а затѣмъ и покореніе всего Туркестана.

Таковъ былъ послѣдовательный ходъ событій политическаго характера, отодвинувшій нашу сибирскую границу отъ рѣки Иртыша во внутрь Средней Азіи. Я почелъ долгомъ сдѣлать предварительно краткій историческій очеркъ этихъ событій для того, чтобы уяснить послѣдующія эволюціи въ пограничныхъ дѣлахъ съ китайцами, въ которыхъ мнѣ пришлось принять дѣятельное участіе.

Съ занятіемъ Заилійскаго края и горной котловины озера Иссыкъ-куль, когда мы придвинулись къ сѣверной окраинѣ нагорной части Центральной Азіи, естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: гдѣ же мы должны остановиться?

На трудность рѣшенія этого вопроса указывалъ еще въ 1864 году бывшій въ то время Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, Государственный Канцлеръ князь А. М. Горчаковъ. Въ его извѣстномъ циркулярѣ отъ 21-го ноября того года говорится, между прочимъ, что движеніе цивилизованныхъ государствъ въ земляхъ Средней Азіи, когда они, подобно Россіи, приходятъ въ соприкосновеніе съ народами полудикими, бродячими, безъ всякой обще-

ственной организаціи, величайшая трудность состоитъ въ умѣньи остановиться.

Если разсматривать этотъ вопросъ собственно по отношенію къ Западному Китаю, то изъ изложеннаго выше историческаго очерка постепеннаго передвиженія Сибирской границы отъ р. Иртыша къ югу нельзя не притти къ заключенію, что съ занятіемъ Семирѣченскаго и Заилійскаго края, когда владѣнія Россіи на юго-востокѣ Киргизской степи примкнули къ горамъ Алатау, а на югѣ къ одному изъ колоссальныхъ горныхъ хребтовъ Центральной Азіи—Тянь-Шаню, вопросъ о томъ, гдѣ мы должны остановиться, разрѣшался, такъ сказать, самъ собою. Время и обстоятельства, придвинувшія владѣнія Россіи къ этимъ могучимъ естественнымъ рубежамъ, ясно указали, что они, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуютъ условіямъ прочной государственной границы съ Западнымъ Китаемъ. Оставалось занятыя нами фактически земли Семирѣчья и Заилійскаго края присоединить на вѣчныя времена къ владѣніямъ Россіи торжественнымъ международнымъ государственнымъ актомъ. Цѣль эта была блистательнымъ образомъ достигнута удачнымъ заключеніемъ графомъ Н. П. Игнатьевымъ въ 1860-мъ году Пекинскаго договора, на основаніи котораго впервые была опредѣлена государственная граница между Россіей и Западнымъ Китаемъ.

Заключеніе этого договора въ 1860-мъ г. состоялось какъ нельзя болѣе кстати потому, что совпало со временемъ прочнаго утвержденія русской власти въ Заилійскомъ краѣ и окончательнымъ изгнаніемъ, какъ было подробно изложено выше, кокандцевъ изъ нашихъ предѣловъ.

Столь блестящій результатъ, достигнутый нами на этой окраинѣ имперіи, должно отнести какъ къ основательности данныхъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ руководящихъ указаній, такъ и точному и неуклонному выполненію ихъ на мѣстѣ главнымъ начальствомъ Западной Сибири.

Благодаря уму, твердости, энергіи и широкому государственному взгляду на дѣло первыхъ Генералъ-Губернаторовъ Западной Сибири генераловъ: Капцевича, Вельяминова, князя Горчакова, а впослѣдствіи и Гасфорда, постепенность въ дѣйствіяхъ и осторожность въ дѣлѣ поступательнаго движенія нашего въ глубь Средней Азіи, на которыя постоянно указывало Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, были соблюдаемы въ точности и съ замѣчательною предусмотрительностію. Такая политика какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала тѣмъ обстоятельствамъ и той обстановкѣ, при которыхъ намъ приходилось дѣйствовать. Передвигая границу

отъ р. Иртыша къ югу, необходимо было итти шагъ за шагомъ постепенно занимая опорные пункты, водворяя при нихъ вооруженное населеніе и устраивая оборонительныя линіи, на которыхъ исподволь приготовлялись средства и способы для дальнѣйшаго движенія впередъ. Переселенные на Копалъ съ Бійской линіи казаки, на первыхъ порахъ своего водворенія въ степи, чуждались мѣстнаго кочевого населенія киргизъ и неохотно входили съ ними въ сношенія. Отъ этого нѣкоторые предметы скотоводства, которые всегда можно было получить отъ киргизъ, т. е. на мѣстѣ, доставлялись за сотни верстъ съ р. Иртыша. Такія же затрудненія встрѣчались на первое время и при постройкѣ частныхъ и казенныхъ зданій.

Большая часть строительныхъ матеріаловъ была съ большимъ трудомъ доставляема изъ внутреннихъ губерній. Известь доставлялась изъ Семипалатинска, пакля изъ Тюмени, даже лѣсъ доставлялся съ р. Иртыша. Въ Копалѣ матеріалы эти обходились весьма дорого. При громадномъ разстояніи отъ р. Иртыша до озера Иссыкъ-куль, простирающагося до 1.500 верстъ, степномъ, почти пустынномъ характерѣ страны въ тогдашнее время, недостаточномъ знакомствѣ водвореннаго въ степи русскаго населенія съ мѣстными условіями края и кочевымъ бытомъ киргизъ, на преданность которыхъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ нельзя было вполнѣ положиться,—всякое стремительное движеніе впередъ и болѣе быстрое занятіе мѣстностей оказывалось весьма затруднительнымъ и въ сущности было даже безполезно. Оно потребовало бы значительныхъ денежныхъ затратъ, неминуемо встревожило бы китайцевъ и при подстрекательствахъ какъ съ ихъ стороны, такъ и со стороны кокандцевъ, могло взволновать киргизъ Большой и Дикокаменной орды.

Все это вовлекло бы насъ въ рядъ второстепенныхъ дѣйствій и тѣмъ отклонило отъ главной цѣли. Между тѣмъ, придерживаясь по возможности примирительной политики съ китайцами, мы успѣли въ то же время, мало-по-малу, устранить ловкимъ образомъ всякое ихъ вмѣшательство въ киргизскія дѣла.

Изложивъ въ краткомъ очеркѣ послѣдовательный ходъ событій, предшествовавшій заключенію Пекинскаго трактата, перехожу къ описанію государственной границы съ Западнымъ Китаемъ, установленной этимъ трактатомъ.

Направленіе граничной линіи между Россіей и Западнымъ Китаемъ, на основаніи Пекинскаго трактата, на большей части своего протяженія обозначается рѣзкимъ естественнымъ рубежемъ. На сѣверѣ отъ пограничнаго знака Шабина-Дабага, поставленнаго

по Буринскому трактату 1727 года въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ сходятся границы Томской и Енисейской губерній съ Китаемъ до верховьевъ р. Бухтармы, граница слѣдуетъ по чертѣ горнаго разлома или водораздѣла въ горахъ Малаго Алтая, извѣстныхъ подъ частными названіями горныхъ хребтовъ: Таскылъ, Кантегиринскаго, Сайлюгемскаго, Самджюрскаго, Саянскаго и другихъ. Отъ верховьевъ р. Бухтармы, почти до самаго Тянь-Шаньскаго хребта, граница только въ одномъ мѣстѣ образуетъ естественный рубежъ и именно тамъ, гдѣ она направляется по гребню массивнаго горнаго хребта Алатау. На остальномъ же протяженіи границы и преимущественно на тѣхъ ея участкахъ, на которыхъ она обозначается линіею постоянныхъ китайскихъ пикетовъ,—преобладаетъ искусственный характеръ.

Отъ этого господствующаго характера встрѣчаются лишь незначительныя уклоненія на тѣхъ участкахъ границы, гдѣ она проходитъ по вершинамъ второстепенныхъ горныхъ хребтовъ: Тарбагатайскаго (отъ проходовъ Бургусутай до Хабаръ-асу) и Темерликскаго въ верховьяхъ рѣки Кегена, а также вдоль горныхъ рѣкъ: Тургеня, Дарату и Нарынъ-гола. Наконецъ, на послѣднемъ, южномъ участкѣ границы, она обозначается однимъ изъ величайшихъ горныхъ хребтовъ Средней-Азіи—Тянь-Шаньскимъ или Небесными горами, мѣстами значительно превышающими предѣльную линію вѣчнаго снѣга.

Граничная линія, обозначенная этимъ хребтомъ, оканчивалась на западѣ у бывшей въ то время кокандской границы, составляющей нынѣ восточную окраину Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства, сопредѣльнаго съ юго-западною частью китайскихъ владѣній на южной Тянь-Шаньской линіи (Тянь-шань-нанъ-лу), извѣстныхъ подъ именемъ Восточнаго Туркестана или Малой Бухаріи.

Изъ приведеннаго выше краткаго топографическаго описанія Западной Китайской границы видно, что на нѣкоторыхъ участкахъ ея, въ особенности на крайнемъ сѣверномъ и на южномъ, граничная линія обозначается гребнемъ громадныхъ горныхъ хребтовъ, представляющихъ собою какъ бы исполинскую стѣну, воздвигнутую самою природою между двумя величайшими государствами міра. Съ другой стороны, рѣки, берущія свое начало на этихъ пограничныхъ горныхъ хребтахъ и текущія по двумъ противоположнымъ направленіямъ, этимъ самымъ ясно и отчетливо обозначаютъ принадлежность орошаемыхъ ими земель тому или другому государству. Такимъ образомъ, эта естественная граница составляетъ

въ одно и то же время орографическій и гидрографическій рубежъ, отдѣляющій владѣнія двухъ государствъ.

Но кромѣ благопріятныхъ условій топографическаго характера, приведенныхъ выше, сѣверный отдѣлъ границы отъ Шабина-Дабага до верховьевъ р. Бухтармы имѣетъ и важныя преимущества по отношенію ея охраны, которая въ этихъ мѣстахъ, въ эпоху заключенія Пекинскаго трактата, вовсе и не существовали. Быть можетъ, ни одна граница въ цѣломъ мірѣ не пользуется такимъ относительнымъ спокойствіемъ, какое существуетъ на этой далекой окраинѣ Россіи и Китая, не требуя въ то же время и никакой вооруженной охраны. Вотъ что говоритъ нашъ извѣстный путешественникъ П. Чихачевъ, посѣтившій Алтайскій край въ 1843 г. и составившій превосходное его описаніе подъ заглавіемъ: «Voyage scientifique dans L'Altai oriental»: «il est probable que jamais sentinelle n'est venue troubler le silence de ces lieux, qui ne pourront certes, en aucun temps, devenir un objet de litige diplomatique ou le théâtre d'exploits militaires. Dans ces solitudes désertes toutes les mesquines distinctions humaines disparaissent; il n'y a plus ni tribunal ni nationalité; on relève directement du grand potentat de l'univers, et l'on ne reconnaît d'autre titre que celui qui est imprimé aux oeuvres de sa création» [1]).

Столь же основательнымъ оказывается и мнѣніе Чихачева о значеніи восточной китайской границы, которое въ полной мѣрѣ можетъ быть примѣнено и къ той части западной китайской границы, которая обозначается рѣзкими естественными рубежами.

«Если разсматривать, говоритъ Чихачевъ, сибирско-китайскую границу въ двоякомъ отношеніи: со стороны ея физической прочности и устойчивости и въ отношеніи природныхъ качествъ инородцевъ, обитающихъ вдоль границы, то нельзя не притти къ убѣжденію, что, быть можетъ, нѣтъ ни одной границы въ цѣломъ мірѣ, котораа при своемъ громадномъ протяженіи представляла бы соединеніе столь благопріятныхъ условій въ отношеніи ея безопасности и устойчивости».

---

[1]) «По всей вѣроятности никогда еще стража не приходила нарушать тишины этихъ мѣстъ, которыя никогда не могутъ стать предметомъ дипломатическихъ преній или театромъ военныхъ дѣйствій. Въ этихъ необитаемыхъ пустыняхъ исчезаютъ всѣ мелкія человѣческія различія; здѣсь нѣтъ ни судилищъ, ни національности; здѣсь восхваляютъ непосредственно самого великаго властелина вселенной и не знаютъ другого титула, кромѣ того, который запечатлѣнъ на вещахъ Его творенія».

Глава II.

О линіяхъ китайскихъ пикетовъ, расположенныхъ на западной границѣ. Осмотръ китайцами границы и необходимость выставленія на ней нашихъ отрядовъ. Выѣздъ мой изъ Омска на китайскую границу. Мѣры, принятыя для удаленія китайскихъ отрядовъ за линію ихъ постоянныхъ пикетовъ въ предѣлы Тарбагатайскаго и Илійскаго округовъ. Хабцисянь, пытавшійся проникнуть въ наши предѣлы на юго-востокѣ Заилійскаго края, остановленъ отрядомъ Генеральнаго Штаба капитана Проценко и вынужденъ удалиться за линію постоянныхъ китайскихъ пикетовъ.

Изъ приведеннаго выше описанія западной китайской границы, установленной Пекинскимъ трактатомъ, видно, что та часть ея, которая направляется къ югу отъ верховьевъ р. Бухтармы до хребта Алатау, и отъ южной его оконечности до истоковъ р. Темурлика, не образуетъ непрерывнаго естественнаго рубежа, но слѣдуетъ только мѣстами вдоль второстепенныхъ горныхъ отроговъ и по направленію теченія рѣкъ. На бо̀льшей же части своего протяженія эта часть границы обозначается линіей китайскихъ пикетовъ. Возведеніе китайцами пикетныхъ линій на западныхъ предѣлахъ ихъ имперіи относится ко второй половинѣ XVIII столѣтія, когда уже была покорена ими Чжунгарія. Западная окраина чжунгарскихъ владѣній, за которыми уже находились земли киргизъ Средней орды, какъ упомянуто выше, обозначалась, приблизительно, теченіемъ р. Чаръ-Гурбана, западными отрогами Калбинскаго хребта, восточной окраиной горъ Чингизъ-тау и сѣвернымъ берегомъ озера Балхаша. Пользуясь позволеніемъ Императора правленія Цянь-Лунь кочевать на востокѣ отъ озера Балхаша, киргизы начали постепенно распространять свои стойбища и далѣе въ восточномъ направленіи. Чтобы остановить поступательное движеніе киргизскихъ племенъ на востокъ, удержать ихъ отъ перехода во внутрь Западнаго края, т. е. Тарбагатайскаго и Илійскаго округовъ, и, въ то же время, оградить безопасность и спокойствіе въ краѣ, китайское правительство находило необходимымъ расположить на западныхъ предѣлахъ своихъ владѣній пикеты или караулы, занявъ ихъ мѣстными войсками. Всѣ караулы раздѣлены были на два отдѣла:

1) *пограничные*, по направленію которыхъ дѣлались объѣзды или осмотры границы. Эти пикеты имѣли для насъ особенную важность въ томъ отношеніи, что ими какъ бы опредѣлялась западная граница, назначенная самимъ китайскимъ правительствомъ для своей имперіи. А потому эти пикеты называются постоянными (Чанъ-чжу-карунь) и никогда не переносятся съ одного мѣста на другое.

2) *Переносные* или отводные пикеты, поставленные, большей частью, въ началѣ XIX столѣтія для надзора на время въ какомъ либо глухомъ мѣстѣ или для захвата нѣкоторыхъ мѣстностей степной территоріи, принадлежащихъ киргизамъ, для чего эти пикеты и были выдвинуты за линію постоянныхъ пикетовъ. Понятно, что переносные караулы, какъ показываетъ и самое ихъ названіе, переносились съ одного мѣста на другое или выставлялись только на извѣстный періодъ времени, напримѣръ, на лѣтніе мѣсяцы, а потомъ снимались. Вслѣдствіе чего образовалась впереди постоянныхъ пикетовъ новая цѣпь передовыхъ карауловъ. Эта двойная линія пикетовъ въ особенности рѣзко выдѣлялись на той части пограничнаго пространства, прилегающаго къ западнымъ предѣламъ Китая, которая образуетъ собою Зайсанскій участокъ границы, т. е. мѣстность, лежащую по сѣверную и южную стороны озера Зайсана. Такъ, отъ г. Чугучака къ сѣверу шли двѣ линіи пикетовъ: одна отъ Шиботу и Больциръ шла черезъ Бургусутайскій проходъ въ Тарбагатайскихъ горахъ прямо на сѣверъ черезъ пикеты: Уланъ-Булакъ (Чиликты), Чаганъ-Обо, Одонъ-голъ (Уйдене), Куламанъ (Улясуту), Ганъ-чиганъ-модо (Косъ-Агачь) и Оланъ-булакъ (Кизыль-каинъ) къ р. Черному Иртышу, который пересѣкала при пикетѣ Маниту-Гатулъ-Ханъ (Акъ-Тюбе), и затѣмъ слѣдовала въ сѣверо-восточномъ направленіи въ слѣдующемъ порядкѣ: Галчжоръ-баши, Табэнъ-Больциръ, Чингистай, Урлу, Циндагату, Укэкъ, Гаруту, Ойхоръ, Соіокъ и Кокъ-Норъ. Передовые же или переносные пикеты, расположенные отъ Чингистая на западъ, были слѣдующіе: Нарынь, Куланъ-ацзирха, Хони-Майлаху (на правомъ берегу р. Иртыша) и Хой-Майлаху (противъ него, на лѣвомъ берегу Иртыша).

Повидимому, мѣстное китайское начальство въ Чугучакѣ еще съ давняго времени, съ цѣлью распространенія своихъ владѣній, рѣшило возвести цѣпь передовыхъ пикетовъ, которая отъ Тарбагатайскаго хребта направлялась на сѣверо-западъ и, огибая съ западной стороны озеро Зайсанъ и Бѣлый или Нижній Иртышъ, пересѣкала послѣдній при пикетахъ: Хой-Майлаху (Тарбагатайскаго вѣдомства) и Хони-Майлаху (Кобдинскаго вѣдомства). Переходя затѣмъ въ долину рѣки Нарыма и верхней Бухтармы, цѣпь передовыхъ карауловъ соединялась съ линіей постоянныхъ пикетовъ при пикетѣ Чингистай. Съ возведеніемъ передовыхъ карауловъ въ описанномъ направленіи прирѣзывалась къ китайской территоріи восточная окраина нынѣшняго Кокпектинскаго округа, находившаяся во время заключенія Пекинскаго трактата въ сферѣ русскаго вліянія.

*

Еще съ начала XIX столѣтія, китайцы, чтобы установить свои права на эти земли и упрочить свое вліяніе на мѣстныхъ киргизъ, начали ежегодно производить осмотръ границы по направленію линіи не постоянныхъ, а передовыхъ пикетовъ. Съ этою цѣлью, съ наступленіемъ весны, отряды ихъ подъ начальствомъ помощниковъ мѣстныхъ губернаторовъ выступали изъ городовъ: Кобдо, Чугучака и Кульджи и, слѣдуя вдоль линіи передовыхъ пикетовъ и даже далѣе къ западу, причемъ путь слѣдованія этихъ отрядовъ образовалъ особую линію, захватывавшую собою восточную окраину Семирѣченскаго и Заилійскаго края. Встрѣтившись на межѣ своихъ округовъ, означенные отряды, по принятому обычаю, мѣнялись таблицами. Впослѣдствіи, по мѣрѣ распространенія русскаго владычества и вліянія въ Киргизской степи, когда уже были построены укрѣпленія: Копальское (1847 г.) и Вѣрное (1855 г.), китайцы, хотя и продолжали по прежнему высылать отряды для осмотра границъ, но уже не могли проникнуть къ западу отъ пикетныхъ линій въ предѣлы нашихъ владѣній. Это происходило отъ того, что при всякой попыткѣ ихъ пройти за пикетную линію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, передвинуть свои передовые пикеты во внутрь киргизскихъ земель, тотчасъ же высылались навстрѣчу китайскимъ пограничнымъ командамъ, составлявшимъ конвой Амбаней или другихъ высшихъ чиновниковъ, осматривавшихъ границу, наши казачьи отряды, которые останавливали шествіе китайцевъ и не пропускали ихъ далѣе. Въ такихъ случаяхъ китайцы, послѣ продолжительныхъ возраженій, споровъ и пререканій всякаго рода, возвращались въ свои предѣлы.

Такимъ образомъ, подобный осмотръ границъ постепенно, съ теченіемъ времени, сдѣлался одною лишь формальностью и иногда даже совсѣмъ не производился.

Но съ 1862-го года, когда должны были открыться переговоры въ Чугучакѣ между нашими и китайскими комиссарами, китайцы снова возобновили съ небывалою дотолѣ настойчивостью и энергіей осмотръ границы на всемъ пространствѣ приграничной полосы отъ озера Зайсана до озера Иссыкъ-куль. По полученнымъ свѣдѣніямъ, съ началомъ весны 1862 года, довольно значительные отряды китайцевъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Кульджинскій, простирались до 800 китайцевъ, къ которымъ на пути ихъ слѣдованія примкнули нѣсколько сотъ киргизскихъ джигитовъ, выступили изъ городовъ: Чугучака и Кульджи и направились къ нашимъ предѣламъ. Повидимому, китайцы имѣли въ виду, подъ предлогомъ осмотра границъ, выказать свои права на бо̀льшую часть киргизскихъ земель и отодвинуть границу по воз-

можности на самое дальнее разстояніе къ западу отъ главныхъ двухъ административныхъ центровъ Западнаго Китая: Чугучака и Кульджи. Движеніемъ же по киргизскимъ землямъ они надѣялись выказать свою власть и вліяніе надъ симъ народомъ и склонить его на свою сторону. Въ видахъ скорѣйшаго достиженія этой цѣли, китайцы, въ то же время, высылали своихъ тайныхъ агентовъ въ киргизскія кочевья и въ значительномъ числѣ распространяли прокламаціи между султанами Большой и манапами Дикокаменной орды. Съ тою же цѣлью, еще зимою 1862 года, Илійское (Кульджинское) начальство дозволило киргизамъ Большой орды, рода Атбанъ, кочевать на сѣверъ отъ р. Или, даже за городомъ Хоргосъ по направленію на востокъ къ г. Кульджѣ и на югъ отъ р. Или за р. Чарынъ, чего прежде никогда не допускалось. Кромѣ того, Илійское начальство старалось водворить своихъ калмыковъ въ странѣ верховьевъ р. Текеса и выслало туда тѣхъ, которые уже давно поселились въ окрестностяхъ г. Кульджи, тогда какъ прежде верховья р. Текеса всегда занимались кочевьями дикокаменныхъ киргизъ рода Бугу́, а калмыки кочевали далѣе на востокъ. Свѣдѣнія объ этихъ дѣйствіяхъ китайцевъ, доставленныя нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Кульджѣ И. И. Захаровымъ, согласовались и съ донесеніями о томъ же начальника Алатовскаго округа и киргизъ Большой орды полковника Колпаковскаго. По его распоряженію, для наблюденія за китайцами былъ выставленъ казачій отрядъ, близъ границы, на р. Каркарѣ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Блюменталя.

Въ виду этихъ тревожныхъ извѣстій, полученныхъ съ китайской границы, я поспѣшилъ выѣхать ранней весной 1862 года изъ Омска на китайскую границу, чтобы на мѣстѣ руководить производствомъ съемочныхъ работъ и наивыгоднѣйшимъ размѣщеніемъ отрядовъ на границѣ. Путь мой пролегалъ на этотъ разъ черезъ Семипалатинскъ и Сергіополь на Копалъ. Отсюда я предполагалъ направиться прямымъ путемъ на китайскую границу, вблизи которой, въ Коксуйскомъ пограничномъ казачьемъ поселеніи (въ 1400 верстахъ отъ Омска), должно было состояться, по предварительному обоюдному соглашенію, свиданіе мое съ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Кульджѣ И. И. Захаровымъ. По пути моего слѣдованія, я замѣтилъ со стороны встрѣчавшихъ меня киргизскихъ султановъ и почетныхъ людей нѣкоторую сдержанность въ разговорахъ со мною, что и служило подтвержденіемъ приведенныхъ выше свѣдѣній о проискахъ китайцевъ въ средѣ приграничныхъ киргизъ. При такомъ положеніи дѣлъ, вооруженное занятіе границы оказывалось вполнѣ необходимымъ. Намъ неотступно слѣдо-

вало заблаговременно занять войсками важнѣйшія мѣстности пограничной полосы, которыя намъ необходимо было удержать за собою, какъ долженствующія отойти къ владѣніямъ Россіи на основаніи Пекинскаго трактата.

Кромѣ того, въ виду появленія значительныхъ китайскихъ отрядовъ въ нашихъ предѣлахъ подъ предлогомъ осмотра границъ, необходимо было не допустить китайцевъ переходить за линію ихъ постоянныхъ пикетовъ на томъ основаніи, что по Пекинскому трактату этою линіею собственно и обозначается государственная граница. Слѣдовательно, переходъ за линію постоянныхъ пикетовъ мы имѣли нѣкоторое основаніе признавать какъ бы за нарушеніе русской территоріи. Но прежде чѣмъ распоряженія о расположеніи нашихъ военныхъ отрядовъ по всему протяженію границы съ Западнымъ Китаемъ со стороны Семипалатинской области [1]), т. е. отъ озера Зайсана до Иссыкъ-Куль, были приведены въ исполненіе, китайскіе отряды, высланные по распоряженію Илійскаго Цзянь-Цзюня изъ Кульджи успѣли проникнуть съ одной стороны къ озеру Иссыкъ-Куль, а съ другой къ р. Каратагу, съ намѣреніемъ двинуться къ укрѣпленію Вѣрному и г. Копалу. Дѣйствія китайскихъ отрядовъ, изъ коихъ къ первому присоединилось до 300 вооруженныхъ калмыковъ, были явно враждебны. Попытка проникнуть въ наши предѣлы одного изъ этихъ отрядовъ подъ начальствомъ генерала Хабцисяня, извѣстнаго по описанному выше столкновенію со мною во время Чугучакскихъ переговоровъ 1861 г., была остановлена благоразумными и рѣшительными дѣйствіями нашего отряда подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба капитана Проценко. Означенный офицеръ обуздалъ дерзость и наглую настойчивость китайскаго начальника и безъ выстрѣла заставилъ значительный китайскій отрядъ удалиться изъ нашихъ предѣловъ. Чтобы объяснить болѣе подробно дѣйствія отряда капитана Проценко на юго-востокѣ Заилійскаго края близъ озера Иссыкъ-куль, должно сказать, что ранней весной 1862 г. Хабцисянь съ отрядомъ силою до 800 человѣкъ, перейдя линію постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, направился къ р. Каркарѣ, которая, какъ извѣстно, по соединеніи съ р. Кегеномъ образуетъ р. Чарынъ. Незначительный отрядъ нашъ, стоявшій на р. Каркарѣ подъ начальствомъ штабсъ-капитана Блюменталя, былъ окруженъ значительнымъ китайскимъ отрядомъ. Успѣвъ привлечь на свою сторону Адбановскаго бія Саурука, китайцы заставили его вооружить до 200 киргизъ, которыми и были заняты всѣ подступы къ позиціи, занимаемой нашимъ отрядомъ. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы перехватывать почту и отбивать продовольствіе, доставляемое въ нашъ отрядъ для находящихся при немъ нашихъ мирныхъ киргизовъ. Наконецъ, зная, что при нашемъ отрядѣ находятся султаны и почетные люди изъ киргизъ Большой и Дикокаменной орды, китайцы неоднократно пытались, обложивъ отрядъ со всѣхъ сторонъ, захватить султана Тезека и манапа Сарпека. Но попытки эти не удались и китайцы, получивъ свѣдѣніе о движеніи нашихъ войскъ къ р. Каркарѣ на подкрѣпленіе стоявшаго тамъ отряда штабсъ-капитана Блюменталя, снялись съ занимаемой ими позиціи и поднялись вверхъ по р. Каркарѣ къ горамъ и затѣмъ круто повернули на Кумурчи и Текесъ. Войска, двинутыя на подкрѣпленіе отряда штабсъ-капитана Блюменталя, составляли отрядъ капитана Проценко.

[1]) Въ то время въ районъ Семипалатинской области входила и вся нынѣшняя Семирѣченская область.

Слѣдуя съ ввѣреннымъ ему отрядомъ по сѣверному берегу озера Иссыкъ-куль, капитанъ Проценко получилъ свѣдѣніе о затруднительномъ положеніи отряда штабсъ-капитана Блюменталя на р. Каркарѣ и о движеніи этого отряда,—по уходѣ китайцевъ, съ р. Каркары къ озеру Иссыкъ-куль. 18 мая оба отряда соединились на р. Карабатпакѣ. Здѣсь капитанъ Проценко получилъ черезъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что всѣ китайскія войска, двинутыя къ границѣ, направились также къ озеру Иссыкъ-куль черезъ Санъ-Ташскій горный проходъ и уже стоятъ на р. Тупъ, впадающей въ восточную оконечность озера Иссыкъ-куль, сѣвернѣе мыса Куке-Кулусунъ. По полученіи этихъ извѣстій, отрядъ нашъ снялся съ лагеря на р. Карабатпакѣ и выступилъ къ Санъ-Ташу. Когда отрядъ подошелъ къ р. Чинъ-Талъ, гдѣ предположено было остановиться на ночлегъ, показалась выходящая изъ ближайшаго ущелья на флангѣ отряда толпа вооруженныхъ китайцевъ. Хорунжій Грязновъ, посланный съ сотней казаковъ для захвата китайцевъ, немедленно это исполнилъ и привелъ ихъ въ нашъ лагерь, гдѣ у нихъ тотчасъ же было отобрано оружіе. По показаніямъ этихъ плѣнныхъ, они, въ числѣ 20-ти человѣкъ при 3-хъ офицерахъ, были высланы для собранія свѣдѣній о томъ: гдѣ именно находится русскій отрядъ. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что китайскій отрядъ, силою до 1 тыс. человѣкъ, изъ коихъ 800 собственно китайцевъ, а 200 киргизъ, былъ направленъ въ наши предѣлы изъ Кульджи, подъ начальствомъ извѣстнаго генерала Хабцисяня.

20 мая, еще до разсвѣта, отрядъ нашъ въ составѣ 2 сотенъ казаковъ, 2-хъ горныхъ орудій, ракетной и конной команды, вмѣ-

стѣ съ отрядомъ штабсъ-капитана Блюменталя, выступилъ противъ китайцевъ. Въ скоромъ времени, въ виду нашего отряда, показались два китайскихъ лагеря: большой и малый. Табуны лошадей и верблюдовъ спокойно паслись по сторонамъ. По всему было видно, что китайцы не ожидали насъ. Въ то время, когда нашъ отрядъ стройно и въ сомкнутомъ порядкѣ двигался прямо на ближайшій китайскій лагерь, китайцы бросились собирать табуны лошадей и выслали впередъ небольшой разъѣздъ, который при нашемъ приближеніи тотчасъ же повернулъ назадъ.

Вообще внезапное появленіе нашего отряда произвело суету въ китайскихъ лагеряхъ. Пользуясь этимъ, капитанъ Проценко призналъ необходимымъ безотлагательно дѣйствовать противъ китайцевъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы не дать имъ опомниться и, въ то же время, наказать ихъ за наглыя и дерзкія дѣйствія противъ отряда штабсъ-капитана Блюменталя. Съ этою цѣлью предположено было, пройдя линію китайскихъ лагерей, зайти имъ въ тылъ и затѣмъ, быстро развернувъ боевой порядокъ, ударить на китайцевъ и тѣмъ покончить дѣло.

Такой планъ дѣйствій представлялъ еще и ту важную выгоду, что, зайдя въ тылъ китайцамъ и ставъ на единственномъ удобномъ пути сообщенія съ Кульджой, проходящимъ черезъ Санъ-Ташскій горный проходъ, нашъ отрядъ тѣмъ самымъ совершенно отрѣзывалъ имъ отступленіе по этому пути. Между тѣмъ, какъ самъ черезъ это движеніе становился на удобнѣйшемъ сообщеніи съ укр. Вѣрнымъ.

Это фланговое движеніе нашего отряда, въ сильной степени озадачившее китайцевъ, было совершенно въ стройномъ порядкѣ: впереди шли въ походныхъ колоннахъ двѣ сотни казаковъ, за ними горныя орудія и ракетная команда, далѣе обозъ, пѣхота, посаженная на лошадей, и казаки отряда штабсъ-капитана Блюменталя. Значительное протяженіе, которое занималъ нашъ отрядъ при слѣдованіи къ походномъ порядкѣ, отрядный обозъ и довольно большое число киргизъ веденія султана Тезека и манапа Сарпека, бывшихъ при нашихъ войскахъ,— все это, въ совокупности, придавало русскому отряду грозную силу. Произведенное впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда вся походная колонна круто повернула вправо и быстро развернулась на рысяхъ фронтомъ къ китайскимъ лагерямъ. Въ первой линіи расположились двѣ сотни сибирскихъ казаковъ въ развернутомъ строѣ, имѣя въ интервалѣ между сотнями горныя орудія и ракетные станки. Во-второй линіи стали: конная пѣхота, казаки отряда штабсъ-капитана Блюменталя и киргизы. Затѣмъ, по звуку трубъ, боевой порядокъ стройно двинулся впередъ противъ китайцевъ. Занимавшіе ближайшій малый лагерь киргизы веденія Адбановскаго бія Саурука и другихъ, собравшись безпорядочными толпами впереди его, вскорѣ отступили передъ нашимъ отрядомъ. Русскій боевой строй, при звукахъ трубъ, прошелъ лѣвымъ флангомъ черезъ оставленный лагерь и по сигналу былъ остановленъ передъ большимъ, собственно китайскимъ лагеремъ въ разстояніи около 60-ти саженей, причемъ снявшіяся съ передковъ орудія и установленные ракетные станки были изготовлены къ немедленному открытію огня. Вслѣдъ затѣмъ съ китайской стороны выѣхалъ переводчикъ, изъ объясненій котораго съ нашимъ переводчикомъ сотникомъ Бородинымъ, оказалось, что китайцы не имѣютъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ русскихъ. Тогда капитанъ Проценко немедленно потребовалъ выдачи передавшихся китайцамъ Адбановскаго бія Саурука и другихъ киргизъ. Китайцы отвѣчали, что они готовы исполнить это требованіе, но къ сожалѣнію Саурукъ и его киргизы бѣжали изъ лагеря.

Затѣмъ, передъ открытіемъ переговоровъ между начальниками русскаго и китайскаго отрядовъ, было условлено, чтобы всѣмъ китайцамъ, по звуку русской трубы, слѣзть съ лошадей, что и было ими неукоснительно исполнено. Наши же казаки сошли съ лошадей уже по второму сигналу. Въ то же время, капитанъ Проценко, штабсъ-капитанъ Блюменталь, всѣ офицеры отряда и приглашенные почетные киргизы Тезекъ Нураліевъ, Сарпекъ и другіе, а также начальники китайскихъ войскъ Хабцисянь съ Амбанемъ Ходоромъ и ихъ свитой съѣхались на серединѣ пространства между китайскимъ лагеремъ и позиціей, занятой нашимъ отрядомъ. Капитанъ Проценко объявилъ Хабцисяню, что войдя самовольно въ русскіе предѣлы, китайцы этимъ поступкомъ нарушили дружественныя отношенія съ Россіей и, хотя слѣдовало бы, чтобы китайскій отрядъ положилъ оружіе, но на этотъ разъ онъ признаетъ возможнымъ ограничиться только требованіемъ, немедля ни минуты въ виду нашего отряда снять свой лагерь и возвратиться черезъ Санъ-Ташскій горный проходъ въ свои предѣлы. Тогда Хабцисянь просилъ выдать ему свидѣтельство, что капитанъ Проценко дѣйствительно дѣйствуетъ согласно волѣ русскаго правительства и что дѣйствительно земли эти считаются владѣніями Россіи. Изъявивъ на это немедленно свое согласіе, капитанъ Проценко съ твердостію заявилъ китайцамъ, чтобы они немедленно же удалились изъ нашихъ предѣловъ. Всѣ просьбы Хабцисяня послать за приказаніями въ Кульджу и отсрочить

выступленіе хотя на сутки или только на нѣсколько часовъ, были рѣшительно отвергнуты. Тогда китайцы, убѣдившись, что изъ ихъ затруднительнаго положенія, кромѣ немедленнаго отступленія, не можетъ быть никакого другого выхода, начали снимать свой лагерь и затѣмъ двинулись мимо фронта нашихъ войскъ по направленію къ Санъ-Ташу. Съ пѣснями и при звукахъ трубъ, наши войска слѣдовали почти въ упоръ за китайцами.

Такимъ образомъ отрядъ нашъ преслѣдовалъ китайцевъ до самаго входа въ горное ущелье Санъ-Ташъ, гдѣ и былъ остановленъ, когда уже обнаружилось, что китайцы безостановочно пройдутъ его. По остановкѣ нашего отряда у Санъ-Ташскаго ущелья, всѣ киргизы, какъ находившіеся при нашемъ отрядѣ, такъ и прибывшіе изъ сосѣднихъ ауловъ, а также изъ волостей Сарпека, приготовлявшихся, по проискамъ китайцевъ, дѣйствовать враждебно противъ русскихъ, явились къ начальнику нашего отряда съ привѣтствіями и выраженіями преданности русскому правительству.

Таковы были результаты военно-политической побѣды, одержанной нами надъ китайцами въ нѣдрахъ Средней Азіи. Такой образъ дѣйствій начальника нашего отряда, заставившій китайцевъ безъ выстрѣла отступить изъ нашихъ предѣловъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ тогдашнему положенію дѣлъ въ виду предстоявшихъ мирныхъ переговоровъ въ Чугучакѣ объ установленіи государственной границы на западныхъ предѣлахъ Китая и заслужилъ полное одобреніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Дѣйствіе другихъ китайскихъ отрядовъ, высланныхъ изъ Чугучака и Кульджи для осмотра границы далеко за линію постоянныхъ пикетовъ, также не имѣли успѣха. Такъ отрядъ, выступившій изъ Чугучака 4-го Апрѣля, силою до 70 человѣкъ, надъ начальствомъ помощника Тарбагатайскаго Хэбэй-Амбаня Болгосу, къ которому на пути примкнули до 250 Байджигитовскихъ и Кызаевскихъ киргизъ, слѣдовалъ на югъ къ озеру Алакуль. Чтобы остановить движеніе этого китайскаго отряда и не допустить его въ наши предѣлы, былъ высланъ изъ Урджарской станицы небольшой казачій отрядъ подъ начальствомъ есаула Баранова. Поворотивъ на сѣверъ, китайскій отрядъ, въ сопровожденіи нашихъ казаковъ, слѣдовалъ на р. Хатынъ-Су, гдѣ Амбань Болгосу выразилъ желаніе перейти за эту рѣку и побывать въ станицѣ Урджарской. Но нашъ отрядный начальникъ есаулъ Барановъ рѣшительно объявилъ, что безъ разрѣшенія своего начальства онъ пропустить ихъ далѣе не можетъ. Хотя такое категорическое возраженіе и не понравилось Амбаню Болгосу, но онъ не долго настаивалъ на этомъ и отправился со своимъ отрядомъ, въ сопровожденіи нашего, къ пикету Бахты, близъ Чугучака. Простоявъ такъ нѣсколько дней, китайцы перешли черезъ Тарбагатайскія горы и слѣдовали къ озеру Зайсану, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, они были недружелюбно приняты окрестными киргизами. 25-го Мая отрядъ возвратился съ озера Зайсана въ Чугучакъ.

Спустя мѣсяцъ послѣ экспедиціи изъ Чугучака, другой китайскій отрядъ, силою до 55-ти человѣкъ, подъ начальствомъ состоящаго въ чинѣ генерала Чибъ-чжинъ-чи, выступилъ изъ Кульджи по направленію къ р. Коксу. Къ этому отряду, для указанія мѣстности, присоединились на пути девять подвластнымъ намъ киргизъ Адбановскаго и Сувановскаго рода Большой орды. Переправляясь черезъ р. Коксу, въ 16 верст. ниже нашего пикета того же имени, китайцы подошли къ рѣкѣ Караталу. Но здѣсь были остановлены нашими казаками, высланными изъ г. Копала и собранными съ ближайщихъ пикетовъ и удалены обратно за рѣку Коксу, а потомъ и въ свои предѣлы за Югенташскій горный проходъ и рѣку Борохуцзиръ.

Глава III.

Положеніе дѣлъ на границѣ весною 1862 г., передъ началомъ переговоровъ съ китайцами въ Чугучакѣ. Необходимость усилить наши отряды, выставленные на границѣ, съ цѣлью предупредить новыя попытки китайцевъ проникнуть въ наши предѣлы за линію ихъ постоянныхъ пикетовъ. Замѣчанія Генералъ-Губернатора Дюгамеля на мой проектъ вооруженнаго занятія границы. Объясненіе, представленное мною генералу Дюгамелю на его замѣчанія. Свиданіе мое съ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Кульджѣ И. И. Захаровымъ въ Коксуйскомъ казачьемъ пограничномъ поселеніи. Выѣздъ мой оттуда въ Урджарскую пограничную станицу и дальнѣйшее слѣдованіе въ Чугучакъ.

Описанное въ предыдущей главѣ вторженіе китайскихъ отрядовъ въ наши предѣлы, подъ предлогомъ осмотра границъ, усложнило пограничное дѣло и убѣдило меня, что достигнуть цѣли одними дипломатическими переговорами съ китайцами въ Чугучакѣ оказывается невозможнымъ. Необходимо было безотлагательно принять рѣшительныя мѣры, чтобы воздержать китайцевъ отъ всякихъ попытокъ снова проникнуть, подъ предлогомъ осмотра границъ, въ наши предѣлы за линію ихъ постоянныхъ пикетовъ.

Важное значеніе этой мѣры заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что, не допуская китайцевъ переходить за эту линію, мы тѣмъ самымъ какъ бы указывали имъ, что считаемъ ее, согласно 2-ой ст. Пекинскаго трактата, за черту государственной границы. Другое обстоятельство, неоспоримо требовавшее занятія пограничной мѣстности нашими отрядами, заключалось въ необходимости особенно зорко слѣдить за киргизами, чтобы, въ случаѣ надобности, всегда имѣть возможность своевременно обуздать ихъ своеволіе и постоянно держать въ строгой покорности русской власти. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что китайцы, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались возстановить противъ насъ киргизъ и привлечь ихъ на свою сторону.

Въ началѣ іюня 1862-го г., я получилъ свѣдѣнія о новыхъ сборахъ китайцевъ къ движенію въ наши предѣлы со стороны Кульджинскаго района. Чтобы остановить китайцевъ въ случаѣ движенія ихъ черезъ Югенташскій или Алтынъ-Имельскій горные проходы къ Коксуйскому пикету, какъ ближайшему къ границѣ, гдѣ находилось только 14 казаковъ, я, чтобы выиграть время, обратился прямо къ командующему войсками, расположенными въ г. Копалѣ, и просилъ его отправить къ Коксуйскому пикету роту пѣхоты и взводъ конной казачьей артиллеріи изъ г. Копала. Для собранія же свѣдѣній о китайцахъ, мною былъ посланъ казачій разъѣздъ къ Югенташскому проходу. Съ упомянутымъ выше отрядомъ, я полагалъ выступить изъ Коксуйскаго пикета къ Югенташу, какъ только подтвердятся свѣдѣнія о движеніи китайцевъ въ наши предѣлы. Расположеніе нашего отряда на Югенташѣ, въ 30 верстахъ отъ Коксуйскаго поселенія, на весьма удобной позиціи, изобилующей лѣсомъ, здоровой водой и хорошимъ подножнымъ кормомъ, я находилъ необходимымъ. Оно давало возможность остановить всякія попытки китайцевъ проникнуть въ этомъ мѣстѣ за линію ихъ постоянныхъ пикетовъ, т. е. въ наши предѣлы, по кратчайшему и удобнѣйшему пути черезъ Югенташскій проходъ, и наблюдать за пограничныти киргизами, на безусловную покорность которыхъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нельзя было положиться. Наконецъ, присутствіе нащей военной силы на Югенташѣ, откуда мы могли угрожать самой Кульджѣ, было полезно и для предстоящихъ переговоровъ о границѣ. Это послѣднее обстоятельство подтверждается тѣмъ, что успѣшныя дѣйствія отряда капитана Проценко на р. Тупъ, близъ озера Иссыкъ-куль, встревожило, какъ передавалъ мнѣ консулъ И. И. Захаровъ, Кульджинскія власти, которыя сначала начали было собирать милицію, но потомъ успокоились и рѣшили отстаивать земли,

занятыя военными поселеніями солоновъ, расположенными за Борохуцзирскимъ пикетомъ по направленію къ Кульджѣ. Въ виду успѣшныхъ дѣйствій отряда капитана Проценко на восточной сторонѣ озера Иссыкъ-куль, убѣдившихъ китайцевъ, что мы занимаемъ эту пограничную мѣстность не мнимымъ, а дѣйствительнымъ образомъ, я находилъ необходимымъ, чтобы еще болѣе укоренить эту мысль между китайцами,—передвинуть отрядъ капитана Проценко за р. Чарынъ и стать на р. Кегенѣ, отнюдь не допуская китайцевъ въ страну верховьевъ рѣкъ Кегена и Текеса, подъ предлогомъ, что она издавна была занята кочевьями подвластныхъ намъ Дикокаменныхъ киргизъ рода Богу. Въ дѣйствительности же, это было необходимо намъ для того, чтобы округлить въ этомъ районѣ государственную границу и затѣмъ, фактически занявъ эту мѣстность, тѣмъ самымъ показать китайцамъ что мы считаемъ ее отошедшею къ владѣніямъ Россіи, на основаніи Пекинскаго трактата. Но, принявъ такое положеніе на юговостокѣ Заилійскаго края, необходимо было неукоснительно придерживаться соотвѣтствующаго образа дѣйствій и въ Зайсанскомъ краѣ, а въ особенности къ востоку отъ озера Зайсана въ долинѣ Чернаго Иртыша до черты предполагаемой границы, идущей въ этомъ мѣстѣ отъ китайскаго пикета Маниту-Гатулъ-ханъ на югъ къ Тарбагатайскому хребту. Съ этою цѣлью, я полагалъ необходимымъ заблаговременно занять нашими войсками мѣстность къ востоку отъ озера Зайсана въ долинѣ нижней части р. Чернаго Иртыша, чтобы заранѣе дать понять китайцамъ, что эти земли, какъ лежащія къ западу отъ линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, мы считаемъ принадлежащими Россіи, на основаніи Пекинскаго трактата.

Въ этихъ видахъ я находилъ полезнымъ: для подкрѣпленія казачьяго отряда, уже направленнаго мною на р. Черный Иртышъ, двинуть къ озеру Зайсану и полуроту пѣхоты изъ Кокпектовъ. Наконецъ, я признавалъ также необходимымъ: одновременно съ прибытіемъ комиссаровъ въ Чугучакъ, передвинуть на р. Учь-Катты, въ 7-ми верстахъ отъ Чугучака, роту пѣхоты, полсотни казаковъ и взводъ конной казачьей артиллеріи. Расположеніе этого отряда вблизи линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ сдѣлано было мною съ тою цѣлью, чтобы показать китайцамъ, что всѣ земли въ тылу нашего отряда, т. е. къ западу отъ ихъ пикетной линіи, мы признаемъ отошедшими къ владѣніямъ Россіи по Пекинскому трактату. Поучительнымъ для меня примѣромъ такого образа дѣйствій съ нашей стороны были распоряженія, сдѣланныя въ 1727 г. нашимъ посломъ графомъ Саввою Владиславичемъ

Рагузинскимъ на р. Бурѣ, о чемъ было подробно изложено выше. Въ случаѣ же протеста китайцевъ на расположеніе нашего отряда почти подъ стѣнами самого Чугучака, я просилъ нашего консула К. А. Скачкова объяснить китайцамъ, что нашъ отрядъ прибылъ къ городу вмѣстѣ съ нашими комиссарами и составляетъ ихъ почетный конвой. К. А. Скачковъ, въ противоположность И. И. Захарову, бывшій всегда убѣжденнымъ противникомъ вооруженнаго занятія границы, отвѣчалъ мнѣ, чтобы я приказалъ нашему отрядному начальнику ни на одинъ аршинъ не переходить далѣе р. Учь-Катты, чтобы не встревожить китайцевъ, которые придаютъ нашему отряду съ артиллеріей угрожающее значеніе.

Обо всѣхъ описанныхъ выше распоряженіяхъ моихъ, собственно по военной части, я подробно сообщилъ начальнику Корпуснаго Штаба и вскорѣ получилъ отъ него увѣдомленіе, что упомянутые выше отряды, по первому моему требованію, будутъ выдвинуты на указанныя мною мѣстности. Послѣ такого категорическаго отвѣта, казалось бы, можно было полагать, что охрана китайской границы отъ враждебныхъ покушеній китайцевъ на предположенныхъ мною основаніяхъ вполнѣ одобряется мѣстнымъ начальствомъ. Между тѣмъ, почти въ тоже время, совершенно неожиданно получилъ я письмо отъ главнаго начальника края А. О. Дюгамеля, написанное въ совершенно противоположномъ духѣ, гдѣ всѣ мои распоряженія были выставлены въ ложномъ свѣтѣ и почти безусловно порицаемы. Въ результатѣ оказывалось, что когда Корпусный Штабъ въ Омскѣ одобрялъ мои распоряженія, главный начальникъ края, бывшій въ то время въ Семипалатинскѣ,—находилъ ихъ неправильными. Такое противорѣчіе во взглядахъ на одно и тоже дѣло привело меня къ заключенію, что Дюгамель написалъ мнѣ письмо, повидимому, не по собственному побужденію, но подъ вліяніемъ доклада, сдѣланнаго ему въ Семипалатинскѣ тамошнимъ Военнымъ Губернаторомъ генераломъ Пановымъ. О Пановѣ я долженъ сказать, что онъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ: опытности, правдивости и благонамѣренности, былъ, въ тоже время, убѣжденнымъ сторонникомъ стараго отжившаго уже канцеляризма. Бюрократическая складка, преобладавшая въ большей части его распоряженій, тормозила всякое живое дѣло, требовавшее быстрыхъ и энергичныхъ распоряженій. Такъ, передвигая войска на китайской границѣ, при громадности разстояній въ степномъ краѣ и настоятельной потребности дѣйствовать безотлагательно, я былъ поставленъ въ необходимость обращаться непосредственно къ самимъ начальникамъ войскъ, сообщая, въ то же время, Панову только для его свѣдѣнія о сдѣланныхъ

мною распоряженіяхъ, полагая, что эти распоряженія, во всякомъ случаѣ, будутъ одобрены главнымъ мѣстнымъ начальствомъ Западной Сибири. Повидимому, Панову не понравилась самостоятельность моихъ распоряженій, которыя онъ къ тому же не одобрялъ въ принципѣ, находя вооруженное занятіе границы совершенно излишнимъ и сопряженнымъ съ большими затрудненіями и расходами.

По всему вѣроятію, когда Дюгамель прибылъ въ Семипалатинскъ, Пановъ представилъ ему всѣ мои распоряженія по занятію китайской границы нашими отрядами въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Съ своей стороны Дюгамель, по недавнему вступленію своему въ управленіе войсками и краемъ, еще не успѣлъ ознакомиться въ полной мѣрѣ съ мѣстными особенностями нашей степной окраины, прилегающей къ западнымъ предѣламъ Китая и своеобразнымъ бытомъ ея кочевого населенія и былъ вынужденъ на первыхъ порахъ отнестись съ довѣріемъ къ генералу Панову, котораго считалъ благонамѣреннымъ и опытнымъ администраторомъ. Повидимому, оба они приписывали настоянія мои о вооруженномъ занятіи границы—увлеченію политикой захватовъ китайскихъ земель. Такой образъ дѣйствій съ моей стороны, по ихъ мнѣнію, неминуемо могъ вызвать враждебныя столкновенія съ китайцами. Дюгамель находилъ, что намъ слѣдовало, въ тогдашнее время, не только избѣгать всякихъ осложненій на западной китайской границѣ но и воздерживаться отъ завоевательныхъ замысловъ даже и по отношенію къ Коканду. Вслѣдствіе чего, по его мнѣнію, намъ не было никакой необходимости двигать войска за р. Чу съ цѣлью овладѣть кокандскими укрѣпленіями: Меркэ, Ауліэта и друг. Изъ этого видно, что по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, по своему, такъ сказать, profession de foi, Дюгамель былъ убѣжденнымъ противникомъ какъ военныхъ дѣйствій при поступательномъ движеніи нашемъ въ глубь Средней Азіи, такъ и вообще всякихъ земельныхъ пріобрѣтеній, находя ихъ несогласными съ истинными интересами Россіи. Эту мысль, какъ писалъ мнѣ изъ Петербурга генералъ А. Э. Циммерманъ, Дюгамель не затруднился высказать еще до отъѣзда въ Сибирь на одномъ изъ засѣданій комитета по Средне-Азіатскимъ дѣламъ въ Высочайшемъ присутствіи Императора Александра Николаевича. При этомъ дѣло дошло до того, что Государь долженъ былъ остановить Дюгамеля, замѣтивъ ему, что еще не бывши въ томъ краѣ и не ознакомившись съ нимъ на мѣстѣ, онъ уже рѣшается высказать такое сужденіе. Затѣмъ, при представленіи Государю по случаю отъѣзда въ Сибирь, Дюгамель повторилъ

тоже самое, высказавъ между прочимъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если въ теченіе всего времени управленія имъ Западной Сибирью не присоединитъ ни одного шага земли къ нашимъ владѣніямъ. При такихъ воззрѣніяхъ на высшія задачи въ сферѣ нашей Средне-Азіатской политики, Дюгамель скоро сошелся во взглядахъ съ Пановымъ и пришелъ къ убѣжденію, что было бы совершенно неумѣстно занимать китайскую границу нашими отрядами въ то время, когда ведутъ мирные дипломатическіе переговоры въ Чугучакѣ между уполномоченными обоихъ государствъ.

Но, довѣряя генералу Панову, А. О. Дюгамель не могъ однакоже совершенно отрѣшиться отъ мысли, что было бы несправедливо предварительно отмѣны всѣхъ сдѣланныхъ мною распоряженій о расположеніи отрядовъ на границѣ, не дать и мнѣ, какъ первому комиссару по разграниченію съ Китаемъ, права высказать мое личное мнѣніе по этому дѣлу. Вслѣдствіе этого, я получилъ приказаніе не въ формѣ категорическаго предписанія, но въ видѣ письменнаго совѣта, какъ я долженъ былъ бы дѣйствовать на границѣ. Письмо это было слѣдующаго содержанія:

„Семипалатинскъ 20-го іюля 1862 г. 30-го мая я выѣхалъ изъ Омска для обозрѣнія Томской губерніи и Горнозаводскаго округа и нынѣ, черезъ Семипалатинскъ, возвращаюсь въ Омскъ, куда прибуду 25-го числа сего мѣсяца.

Въ продолженіе всего этого промежутка времени, я не получилъ никакого извѣстія о томъ, въ какомъ положеніи находится вопросъ о разграниченіи и даже не знаю прибылъ-ли Улясутайскій Цзянь-Цзюнь Минъ въ Чугучакъ къ опредѣленному сроку.

Дѣло разграниченія, вытекающее изъ Пекинскаго трактата, есть чисто дипломатическое, которое должно быть приведено къ удовлетворительному результату миролюбиво и посредствомъ взаимной уступчивости. Прибѣгать же, для достиженія этой цѣли къ военнымъ демонстраціямъ, я считаю неумѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что демонстраціи, произведенныя одною или двумя ротами, едва-ли могутъ устрашить кого-либо, и на китайцевъ останутся безъ ощутительнаго вліянія. По этой причинѣ, я полагалъ и писалъ Вамъ еще изъ Омска, что безъ крайней необходимости не слѣдуетъ Урджарскаго отряда подвинуть къ Бахтамъ на самой границѣ, гдѣ продовольствіе онаго чрезвычайно затруднительно. Теперь же, изъ переписки Вашей съ генералъ-маіоромъ Пановымъ, я усматриваю, что Вы распоряжаетесь, какъ будто намъ предстояло воевать съ китайцами, требуя, чтобы взводъ

пѣхоты двинулся за съемочной партіей вверхъ по южному берегу Норъ-Зайсана до Чернаго Иртыша и чтобы вспомогательный отрядъ, резервъ, былъ бы сосредоточенъ въ г. Сергіополѣ. Это послѣднее ходатайство совершенно неисполнимо, потому что Вамъ, милостивый государь, слишкомъ хорошо извѣстно, какъ мало у насъ войскъ, какъ въ Сергіополѣ, такъ и въ Кокпектахъ. Движеніе же пѣхотнаго взвода къ Черному Иртышу также сопряжено съ немаловажными неудобствами.

«Вообще я отнюдь не желаю, чтобы мы впали въ ту самую ошибку, въ которую вдались китайцы въ началѣ весны, проникая вооруженною рукою въ наши предѣлы. Послѣдствіемъ этого наглаго вторженія было то, что мы имъ навстрѣчу выдвинули наши отряды и прогнали ихъ во-свояси. Но это не можетъ и не должно служить поводомъ къ дѣйствіямъ подобнаго рода съ нашей стороны. Однимъ словомъ, милостивый государь, я убѣдительно Васъ прошу вести возложенное на Васъ порученіе такъ, чтобы изъ мирныхъ переговоровъ не возникло какого-либо неприятнаго столкновенія между обоими государствами, а въ случаѣ невозможности склонить китайскихъ комиссаровъ къ справедливымъ нашимъ требованіямъ, гораздо лучше вопросъ о разграниченіи въ нѣкоторыхъ его частяхъ оставить въ statu-quo, но дѣйствуя такъ, чтобы исполненіе Пекинскаго трактата въ отношеніи разграниченія западной границы, осталось исключительно на отвѣтственности китайскихъ комиссаровъ“.

По прочтеніи этого письма, я нашелъ, что всѣ высказанныя мнѣ Дюгамелемъ замѣчанія должно отнести къ простому недоразумѣнію. Для меня было ясно, что Дюгамель имѣлъ неправильный взглядъ на дѣло разграниченія съ китайцами на западѣ. По его мнѣнію, это было дѣло исключительно дипломатическое, которое должно быть приведено къ благопріятному окончанію путемъ миролюбивыхъ соглашеній и взаимной уступчивости. Такой образъ дѣйствій съ нашей стороны могъ быть еще допущенъ въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли дѣло съ уполномоченными какой-либо изъ европейскихъ державъ. Но такая политика въ отношеніи китайцевъ ничѣмъ не можетъ быть оправдана. Китайцы, какъ и всѣ вообще азіаты, всякую малѣйшую уступку съ нашей стороны неминуемо приняли бы за слабость и всячески старались поставить себя, такъ сказать, въ привилегированное положеніе относительно насъ. Намъ слѣдовало съ самаго начала дѣйствовать въ совершенно противоположномъ духѣ и заявить китайцамъ, что ведя переговоры о границѣ на основаніи Пекинскаго трактата, мы не можемъ сдѣлать имъ ни малѣйшей

уступки и съ твердостію неотступно держаться этого правила до самаго конца, что и было нами исполнено.

Что же касается до Панова, то онъ былъ вообще мало знакомъ съ тогдашнимъ состояніемъ сопредѣльныхъ съ Семипалатинскою областью китайскихъ провинцій: Тарбагатайской и Илійской въ политическомъ отношеніи, а также съ особенностями быта и своеобразнымъ характеромъ китайцевъ. На этотъ предметъ, въ тѣ времена, мѣстныя сибирскія власти мало обращали вниманія и, судя по нѣкоторымъ фактамъ, были знакомы лишь поверхностно даже съ бытовыми условіями подвластнаго Россіи кочевого населенія киргизскихъ степей.

Такъ профессоръ Григорьевъ, въ одной изъ своихъ статей о Средней Азіи, указываетъ на слѣдующій, вполнѣ достовѣрный случай: «въ 1850-хъ годахъ Сибирское вѣдомство обращалось еще въ къ Оренбургскому съ просьбою разъяснить ему, что такое «баранта», тогда какъ терминъ этотъ употреблялся въ оффиціальномъ дѣлопроизводствѣ чуть не ежедневно со времени подданства киргизовъ: значитъ 120 лѣтъ толковали о томъ, чего не понимали ясно».

При недостаточномъ знакомствѣ какъ Дюгамеля, такъ и Панова съ дѣломъ разграниченія съ Китаемъ во всей его подробности, у нихъ установился какой-то особый взглядъ, который совершенно расходился съ моимъ. Такъ приведенное въ письмѣ Дюгамеля указаніе въ безполезности выставлять отряды на границѣ и производить демонстраціи одною ротою, по моему мнѣнію, нельзя признать правильными, потому что подобныя демонстраціи на европейской границѣ дѣйствительно были бы неумѣстны. Но на азіатской границѣ, въ особенности при дѣйствіяхъ противъ китайцевъ, которые всегда уступаютъ силѣ и бываютъ храбры лишь противъ слабаго противника, рота пѣхоты съ сотней казаковъ и 2-мя или 4-мя орудіями артиллеріи составляютъ внушительную силу, что впослѣдствіи вполнѣ и подтвердилось, когда произошли въ слѣдующемъ году на той же границѣ кровавыя столкновенія съ китайцами.

Въ такой же степени неправильнымъ оказывается и замѣчаніе о безполезности двинуть отрядъ на Черный Иртышъ.

Занятіе нашимъ отрядомъ этой мѣстности, я считалъ всегда чрезвычайно важнымъ. Мнѣніе это раздѣлялъ и консулъ Захаровъ, который даже настаивалъ, чтобы усилить этотъ отрядъ противъ той нормы, которая была мною назначена. Озеро Зайсанъ составляло, такъ сказать, центръ тяжести всего дѣла по разграниченію съ Западнымъ Китаемъ, какъ объ этомъ будетъ

подробно изложено ниже, при описаніи переговоровъ, происходившихъ въ Чугучакѣ. Намъ было необходимо во что бы то ни стало удержать въ своей власти не только озеро Зайсанъ, но и весь край по сѣверную и южную сторону этого водоема. Расположеніе нашего отряда на восточной сторонѣ озера Зайсана, въ долинѣ нижней части теченія рѣки Чернаго Иртыша, имѣло цѣлью показать китайцамъ, еще до открытія переговоровъ, что мы считаемъ эту мѣстность отошедшею къ владѣніямъ Россіи по Пекинскому трактату, и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрыть наши съемочныя партіи, производившія топографическія работы въ Зайсанскомъ краѣ, существовавшія карты котораго не могли внушать полнаго довѣрія, будучи составлены по отрывочнымъ разспроснымъ свѣдѣніямъ.

Вообще вооруженное занятіе нами границы, кромѣ всего изложеннаго выше, вызывалось еще и другими соображеніями политическаго характера. На предстоящихъ переговорахъ въ Чугучакѣ, намъ прежде всего было необходимо намѣтить устойчивую географическую границу съ Китаемъ на западѣ. И разъ намѣтивши эту границу, дать, въ то же время, понять китайцамъ, что мы намѣрены твердо отстаивать ее не только при переговорахъ съ ними въ Чугучакѣ, но и фактически, на самомъ дѣлѣ.

Для осуществленія этой цѣли намъ слѣдовало занять стратегическіе пункты по всему протяженію границы нашими отрядами, которые, не переходя сами за черту постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, имѣли полное основаніе требовать того же и отъ китайцевъ. Все это клонилось къ тому, чтобы постепенно, мало по малу, пріучить ихъ къ мысли, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся постоянные пикеты, линія ихъ и должна, въ сущности, служить государственною границею. Наконецъ, расположеніе нашихъ отрядовъ на границѣ ясно показывало китайцамъ, что мы имѣемъ полную возможность во всякое время поддержать наши требованія вооруженною рукою.

Въ этомъ случаѣ войска являлись на помощь дипломатіи, а это обстоятельство въ свою очередь неоспоримо могло оказать благопріятное для насъ вліяніе на ходъ предстоящихъ переговоровъ и, въ то же время, воздержать пограничныхъ киргизъ отъ всякихъ враждебныхъ покушеній. На этомъ основаніи, мнѣніе уважаемаго А. О. Дюгамеля о томъ, что переговоры наши съ китайцами въ Чугучакѣ и вообще вопросъ и проведеніи западной китайской границы есть дѣло чисто дипломатическое, едва-ли можетъ быть вполнѣ оправдано.

О киргизахъ же генералъ Дюгамель вовсе не упомянулъ въ

*

своемъ письмѣ. Повидимому, въ то время онъ не придавалъ имъ особеннаго значенія.

Между тѣмъ, по моему мнѣнію, вооруженное занятіе нами границы едва-ли не болѣе имѣло значенія по отношенію къ пограничнымъ киргизамъ, нежели даже къ китайцамъ. Впослѣдствіи, когда Дюгамель хорошо ознакомился съ краемъ, онъ, въ своихъ посмертныхъ запискахъ, высказалъ слѣдующій взглядъ на значеніе киргизскаго народа въ политическомъ отношеніи.

„Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что по мѣрѣ увеличенія осѣдлаго населенія, все болѣе и болѣе стѣсняются въ своихъ средствахъ существованія кочевники, которымъ нужны для стадъ обширныя пастбища. Это обстоятельство служитъ постоянною причиною вражды между двумя племенами (русскими и киргизами), которыхъ было бы также необходимо соединить въ одно цѣлое. Если къ проистекающему отсюда различію интересовъ присовокупить вѣроисповѣдное различие, то становится ясно, что нечего полагаться на преданность киргизовъ, несмотря на то, что они очень любятъ вѣрноподданническія заявленія.

„*Пока мы будетъ сильны киргизы будутъ покорны.* Но если бы наше могущество потерпѣло малѣйшую неудачу, они обратятся противъ насъ“.

Изъ этого видно, что если, по словамъ Дюгамеля, на преданность киргизъ нельзя было положиться при вообще спокойномъ состояніи степи, то тѣмъ болѣе нельзя было на это разсчитывать при тревожномъ положеніи дѣлъ на границѣ весною 1862 года, когда среди киргизъ уже явно обнаружились признаки броженія умовъ вслѣдствіе происковъ китайцевъ. При такомъ положеніи дѣлъ выставленіе нашихъ отрядовъ на границѣ было наилучшимъ средствомъ какъ для поддержанія въ краѣ надлежащаго порядка и спокойствія, такъ и для противодѣйствія китайцамъ въ ихъ высокомѣрныхъ и дерзкихъ замыслахъ. Для разъясненія возникшаго вопроса о вооруженномъ занятіи границы, я рѣшился высказать Дюгамелю мой личный взглядъ на этотъ вопросъ въ слѣдующемъ письмѣ:

„Получивъ письмо Вашего Высокопревосходительства отъ 20-го іюля, пріемлю честь почтительнѣйше доложить, что по прибытіи моемъ на Коксуйское поселеніе, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на границѣ, я, по совѣщаніи съ генеральнымъ консуломъ въ Кульджѣ Захаровымъ и начальникомъ Алатовскаго округа полковникомъ Колпаковскимъ, поспѣшилъ донести начальнику Корпуснаго Штаба о пользѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, усилить нѣкоторые отряды на границѣ. Представленіе это

было утверждено и тогда были придвинуты отряды на р. Кегенъ, къ Югенташскому горному проходу и къ озеру Зайсану. При этомъ принимаю смѣлость изложить Вашему Высокопревосходительству сущность тѣхъ обстоятельствъ, изъ соображенія которыхъ вытекаетъ необходимость присутствія войскъ нашихъ на границѣ.

„Вторженіе китайцевъ въ наши предѣлы, подъ предлогомъ осмотра границъ, сдѣлано было, какъ должно полагать, по распоряженію начальства Западнаго края. Но китайцы тщательно скрывали дѣйствительную цѣль сихъ экспедицій, что можно заключить изъ уклончивыхъ и сбивчивыхъ отвѣтовъ ихъ отрядныхъ начальниковъ.

Соображая какъ эти, такъ и другія предшествовавшія дѣйствія китайцевъ, можно съ нѣкоторою вѣроятностью заключить, что они намѣревались заблаговременно въ своихъ видахъ опредѣлить граничную линію: для нихъ было весьма важно знать, какъ мы будемъ смотрѣть на подобныя предпріятія и какія мѣстности предполагаемъ удержать за собою. Можно предположить также и то, что китайцы, опасаясь значительныхъ требованій съ нашей стороны, рѣшили выказать свои права на большую часть пограничныхъ земель, дабы имѣть возможность отстоять ближайшія къ Кульджѣ и Чугучаку мѣстности и отодвинуть границу по возможности далѣе отъ этихъ двухъ центровъ западнаго края. Движеніемъ же по киргизскимъ землямъ они надѣялись выказать свою власть и вліяніе надъ симъ народомъ и склонить его въ свою сторону. Для послѣдней цѣли, они, какъ Ваше Высокопревосходительство изволите быть извѣстны, посылали своихъ эмиссаровъ въ киргизскія кочевья и распространяли прокламаціи между султанами Большой и манапами Дикокаменной орды. Въ Богинскія кочевья послано было, сверхъ того, объявленіе, чтобы они оставили ихъ.

„Всѣ эти замыслы китайцевъ были во время остановлены расположеніемъ отрядовъ на границѣ, согласно указаній Вашего Высокопревосходительства. Соображая настоящее положеніе пограничныхъ киргизскихъ племенъ, изъ коихъ не всѣ еще признали формальное подданство Россіи, нельзя отвергать, что при болѣе искусномъ и обдуманномъ планѣ дѣйствій со стороны китайцевъ, предпріятіе ихъ могло имѣть успѣхъ. Извѣстное легковѣріе киргизъ и отсутствіе солидарныхъ понятій о долгѣ, открывая широкій просторъ проискамъ китайцевъ, могли бы произвести волненіе между всѣмъ пограничнымъ кочевымъ населеніемъ на пространствѣ отъ озера Зайсана до озера Иссыкъ-куль. Къ тому же

киргизы всегда сознавали, что, считаясь подъ властью Китая, они въ сущности будутъ совершенно независимы и, слѣдовательно, скорѣе найдутъ средства передаваться степному разгулу и барантѣ, къ которымъ такъ склонны эти полудикiе номады, еще не забывшiе старинныхъ преданiй о дикой свободѣ и независимости. Отсюда легко объяснить причину нахожденiя при всѣхъ китайскихъ отрядахъ значительнаго числа киргизъ. Переходъ же сихъ киргизъ на нашу сторону и гласное порицанiе ими китайцевъ, происходившее во время столкновенiя на р. Тупъ, показываетъ, что киргизы, какъ и всѣ азiаты, принимаютъ всегда сторону сильнѣйшаго. При такихъ понятiяхъ и въ виду новыхъ происковъ китайцевъ, присутствiе нашей военной силы на границѣ оказывается весьма необходимымъ. Оно доставитъ возможность держать киргизъ въ предѣлахъ покорности русской власти и удобнѣе наблюдать за направленiемъ умовъ въ классѣ людей наиболѣе влiятельныхъ, которыхъ стараются привлечь къ себѣ китайцы. Тогда можно надѣяться, что и киргизы сами будутъ опасаться какихъ либо измѣническихъ дѣйствiй противъ насъ, зная, что мы во всякое время имѣемъ возможность остановить предательскiе порывы ихъ своеволiя.

„Изложивъ главныя обстоятельства, объясняющiя необходимость расположенiя нашихъ отрядовъ на границѣ и дополняя эту мысль другими соображенiями, считаю долгомъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что хотя китайцы, не имѣя въ степи никакихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, и не могутъ быть для насъ слишкомъ опасными сосѣдями, хотя они уже имѣли случай убѣдиться, что не могутъ вполнѣ полагаться на преданность киргизъ но, съ другой стороны, присутствiе нашихъ отрядовъ покажетъ имъ, что мы занимаемъ степь болѣе дѣйствительнымъ образомъ и вполнѣ готовы удержать ихъ въ случаѣ новыхъ попытокъ перейти границу. При такой вооруженной готовности, китайцы скорѣе поймутъ всю безполезность затѣвать новыя демонстрацiи между киргизами, съ цѣлью поколебать ихъ преданность Россiи. Наконецъ, присутствiе нашихъ отрядовъ, какъ бы они незначительны ни были, составляя для китайцевъ огромную силу, полезно также и потому, что обнаружитъ нашу рѣшительность въ отстаиванiи правъ на пограничныя земли, принадлежащiя Россiи на основанiи Пекинскаго трактата, и произведетъ благопрiятное влiянiе на ходъ предстоящихъ переговоровъ.

„Расположенiе нашихъ отрядовъ вдоль границы, по сю сторону китайскихъ пикетовъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться нарушенiемъ международнаго права или дружественныхъ

отношенiй: всѣ эти отряды расположены на земляхъ киргизъ, подданныхъ Россiи, и, согласно указанiй Вашего Высокопревосходительства, имѣютъ строгое приказанiе отнюдь не переходить за черту постоянныхъ китайскихъ пикетовъ. Въ семъ случаѣ, наши дѣйствiя, имѣютъ характеръ пассивной обороны и вполнѣ оправдываются необходимостью охранять земли киргизъ, подданныхъ Россiи, противъ насильственнаго вторженiя китайцевъ, могущаго снова повториться. На основанiи изложенныхъ соображенiй, принимаю смѣлость всепокорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство разрѣшить оставить отряды на границѣ до окончанiя переговоровъ. Отряды эти расположены въ настоящее время въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) На р. Кегенѣ, съ цѣлью показать китайцамъ, что все пространство къ востоку отъ р. Чарына до самыхъ верховiй Кегена и Текеса суть земли русскаго владѣнiя, такъ какъ на нихъ кочуютъ киргизы, подданные Государя Императора.

2) На р. Кескенъ-Терекѣ, по сю-сторону Югенташскаго горнаго прохода, чтобы слѣдить за дѣйствiями китайцевъ и влiять на пограничныхъ киргизъ.

3) Впереди р. Бахты, противъ Чугучака, предполагается расположить отрядъ, который будетъ сопровождать комиссаровъ изъ Урджарской станицы въ числѣ роты пѣхоты, полсотни казаковъ и 2-хъ орудiй.

4) Кромѣ сихъ отрядовъ, выступилъ изъ Кокпектовъ къ озеру Зайсану отряды изъ взвода пѣхоты и 20 казаковъ. Отряду сему приказано мною пройти по южному берегу Зайсана къ устью рѣки Чернаго Иртыша, а если можно, то и далѣе вверхъ по означенной рѣкѣ, остановясь въ виду китайскаго пикета Маниту Гатулъ-Ханъ (Акъ-Тюбе).“

На это письмо Дюгамель отвѣчалъ мнѣ, что онъ разрѣшаетъ расположить отряды на границѣ, согласно моему ходатайству, изложенному въ означенномъ выше письмѣ, за исключенiемъ отряда, который я полагалъ двинуть на Черный Иртышъ. Такимъ образомъ, главная часть моего ходатайства, на которую я болѣе всего настаивалъ, была отклонена Дюгамелемъ. Повидимому, онъ не допускалъ, чтобы мы были въ состоянiи добиться у китайцевъ уступки намъ озера Зайсана и части р. Чернаго Иртыша. А потому, считая совершенно неосновательно эту мѣстность китайскимъ владѣнiемъ, Дюгамель находилъ, что нѣтъ основанiй посылать въ предѣлы иностраннаго государства наши отряды, когда мы сами протестовали противъ подобныхъ дѣйствiй китайцевъ. При этомъ Дюгамель упустилъ изъ виду, что генералъ Хабци-

сянь, появившись съ своимъ отрядомъ на р. Тупъ, близъ озера Иссыкъ-куль, проникъ въ край, считавшійся безусловно русскимъ владѣніемъ. Между тѣмъ, вся Зайсанская мѣстность и нижняя часть р. Чернаго Иртыша, какъ находящаяся къ западу отъ линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, должна была, во всякомъ случаѣ, отойти къ владѣніямъ Россіи, на основаніи Пекинскаго трактата. Такой неправильный взглядъ на дѣло, требовавшій возвращенія нашего отряда съ Чернаго Иртыша, парализировалъ всѣ мои распоряженія о правильномъ и безотлагательномъ производствѣ съемочныхъ работъ въ этой мѣстности, какъ о томъ будетъ подробно изложено ниже. Мѣстомъ свиданія моего съ генеральнымъ консуломъ въ Кульджѣ И. И. Захаровымъ, какъ упомянуто выше, было избрано Коксуйское казачье поселеніе. Здѣсь, на этой далекой окраинѣ Россіи, у самаго предверья китайской границы, я въ первый разъ встрѣтился съ И. И. Захаровымъ, который, въ то время уже пользовался вполнѣ заслуженною извѣстностью нашего ученаго синолога. Предо мной былъ человѣкъ средняго роста, плотнаго, коренастаго сложенія, бывшій, повидимому, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и здоровья. Его загорѣлое лицо, съ умными и проницательными глазами, внушало довѣріе, хотя, присмотрѣвшись къ этимъ глазамъ, нельзя было не замѣтить въ нихъ тонкаго, такъ сказать, дипломатическаго оттѣнка. Двадцатилѣтнее пребываніе въ Китаѣ, повидимому, сильно повліяло на И. И. Захарова и наложило на него какой-то особый отпечатокъ. Его осанка, манера держать себя, пріемы и походка— все изобличало чистокровнаго китайца, одѣтаго въ европейскій костюмъ.

И. И. Захаровъ превосходно зналъ китайскій, а въ особенности маньчжурскій языкъ и владѣлъ ими въ совершенствѣ. Знаніе языка, составляющее, какъ извѣстно, могущественное средство для изученія страны и ея обитателей, доставило И. И. Захарову возможность вполнѣ ознакомиться съ Китаемъ, а въ особенности съ западными провинціями Срединнаго государства. Занимая трудную и отвѣтственную должность генеральнаго консула въ Кульджѣ, И. И. Захаровъ, во все время своей службы тамъ, съ достоинствомъ поддерживалъ русское знамя.

При переговорахъ же съ китайцами въ 1858-мъ году, по поводу сожженія ими нашей Чугучакской факторіи, И. И. Захаровъ выказалъ себя свѣдующимъ и способнымъ дипломатомъ по китайскимъ дѣламъ. По заключенному имъ договору съ китайцами, они обязались уплатить намъ за сожженіе нашей факторіи 300 т. рублей. Сумма эта была уплачена чаемъ, который былъ доставленъ

полностью въ нашу Чугучакскую факторію, вновь отстроенную при консулѣ К. А. Скачковѣ.

Съ перваго дня моего знакомства съ И. И. Захаровымъ между нами установились дружескія отношенія, которыя не прерывались почти до самой его кончины въ 1885-мъ году. По окончаніи Чугучакскихъ переговоровъ, когда И. И. Захаровъ уѣхалъ въ Петербургъ, мы часто переписывались. Во все время пребыванія моего въ Коксуйскомъ поселеніи, я ежедневно совѣщался съ И. И. Захаровымъ по дѣлу предстоящаго разграниченія съ Западнымъ Китаемъ. Этотъ обмѣнъ мнѣній и продолжительныя бесѣды наши о Китаѣ и китайцахъ были для меня въ высшей степени полезны и поучительны. Въ этомъ отношеніи, я встрѣтилъ со стороны И. И. Захарова такое-же участье и вниманіе, какое было оказано мнѣ въ прошломъ году К. А. Скачковымъ. Разница была только та, что указанія Захарова были болѣе практичны, нежели Скачкова, имѣвшія, такъ сказать, теоретическій оттѣнокъ. Какъ дипломата, я ставлю Захарова выше К. А. Скачкова. Захаровъ былъ активный дипломатъ, который шелъ прямо и рѣшительно къ намѣченной цѣли. Дипломатія Скачкова была болѣе пассивная. Онъ дѣйствовалъ осторожно и осмотрительно, взвѣшивая и обдумывая каждый шагъ и стараясь достигнуть цѣлей путемъ миролюбивыхъ соглашеній.

Выборъ, сдѣланный Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ этихъ способныхъ лицъ, вполнѣ знакомыхъ съ китайцами и ихъ языкомъ, на столь трудныя и отвѣтственныя должности консуловъ въ Китаѣ, должно признать въ высшей степени удачнымъ. Оба они были достойными представителями Россіи въ Западномъ Китаѣ, честно оберегали ея интересы и пользовались общимъ уваженіемъ мѣстныхъ китайскихъ властей. Пассивная и миролюбивая дипломатія К. А. Скачкова въ особенности ярко высказалась въ его перепискѣ со мною по дѣлу разграниченія съ Западнымъ Китаемъ. Еще въ бытность мою въ Петербургѣ, я сообщилъ К. А. Скачкову мои соображенія по этому дѣлу, а также планъ, котораго я предполагалъ держаться при предстоящихъ переговорахъ съ китайцами въ Чугучакѣ. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы настаивать въ принятіи китайцами нашего предложенія какъ слѣдуетъ вести границу. На это письмо я получилъ отъ К. А. Скачкова отвѣтъ, въ которомъ онъ, между прочимъ, сообщалъ мнѣ, что высказанная мною прямая программа предстоящихъ дѣйствій, повидимому, не можетъ представить особыхъ затрудненій. „При такомъ краснорѣчивомъ пособіи, какимъ является Пекинскій трактатъ, наши настоянія будутъ,—писалъ К. А. Скачковъ,—не вымогательствомъ, а только доказательствомъ нашихъ законныхъ правъ.

Но я опять вспоминаю прежнее: маньчжуры, глядя на нашу карту, будутъ хлопать своими ушами и глазами, а если даже, и по довѣрію къ нашей картѣ, услышатъ отъ насъ, на сей разъ уже вымогательство, что мы настаиваемъ прирѣзать къ себѣ такія мѣстности, которыя за чертой противъ того, какъ высказано и пересчитано въ Пекинскомъ трактатѣ, то потребуется много ловкости для краснорѣчиваго къ тому убѣжденія китайцевъ. Глядя на современное положеніе Пекинскаго правительства, сомнительно, чтобы оно приняло пограничную черту, несогласную съ Пекинскимъ трактатомъ, но я убѣжденъ, что оно не дастъ своимъ комисарамъ простора измѣнить эту черту въ нашу пользу. Не дастъ уже по одному самолюбію къ себѣ, чтобы въ своемъ правомъ дѣлѣ не выказаться уступчивымъ послѣ многочисленныхъ уступокъ въ 1860—1861 годахъ, которыми и безъ того оно видитъ себя стѣсненнымъ, какъ промотавшійся юноша своими непрошенными опекунами. Можно бы еще вспомнить и о другихъ могущихъ быть препятствіяхъ при переговорахъ объ опредѣленіи пограничной черты и прочаго, но ихъ оставимъ безъ вниманія, надѣясь, что болѣе и болѣе усиливающееся въ Пекинѣ вліяніе англичанъ намъ въ Чугугакѣ нисколько не помѣшаетъ, подобно тому, какъ они не вмѣшивались въ дѣло разграниченія въ Амурской области. Вы полагаете, что китайскіе комиссары будутъ стараться изъ всѣхъ силъ скорѣе окончить дѣло, чтобы не получить нагоняя изъ Пекина, гдѣ неудачу въ переговорахъ могутъ отнести къ ихъ неспособности. Но я полагаю, что будетъ иначе. Я полагаю, что китайскіе комиссары будутъ стараться только окончить дѣло такъ, чтобы не погрѣшить противъ своихъ инструкцій, зная, что въ противномъ случаѣ они обнаружатъ свои неспособности, за которыя и получатъ Пекинскую нахлобучку. Я не вижу изъ-за какой необходимости имъ будетъ нужно торопиться окончаніемъ дѣла разграниченія? Я полагаю, что при первой же запятой, которую они увидятъ съ нашей стороны въ переговорахъ, т. е. при первомъ ихъ недоумѣніи, которое не объяснитъ имъ ихъ инструкція, они пошлютъ донесенія въ Пекинъ и, ожидая оттуда отвѣта, который можетъ притти въ Чугугакъ не ранѣе 50-ти дней, китайскіе комисары или объявятъ намъ, что они ждутъ новыхъ инструкцій или же, быть можетъ, найдутъ полезнымъ умолчать о томъ, и такъ поведутъ дѣло откладываньемъ бараньихъ часовъ [1]) для конференціи или сказавшись кто нибудь изъ нихъ больнымъ, что всѣ усилія наши будутъ напрасны добиться свиданія ранѣе, какъ то имъ будетъ необходимо. Мы за это можемъ претендовать. Такъ мы запретендуемъ, но это ограничится только напрасной перепиской съ ними или свиданіями съ ихъ чиновниками. Да и какъ въ самомъ дѣлѣ заставить ихъ поторопиться: вѣдь мы имъ не указчики! Представьте только себѣ, что если бы мы сами были поставлены въ ихъ положеніе, тогда и мы стали-бы давать отвѣты или отъ генерала Дюгамеля, или отъ Азіатскаго Департамента и, конечно, ранѣе полученія ожидаемаго, насъ не склонило бы никакое китайское краснорѣчіе согласится съ китайскими комиссарами въ томъ, въ чемъ мы неуполномочены соглашаться. Мей-ю-хуа (нѣтъ болѣе рѣчей) да и баста! Я понимаю, что на эти строки, Вы отвѣтите мнѣ: а войско-то наше съ двумя орудіями! Такъ, Иванъ Федоровичъ, Бахтинскій лагерь будетъ имѣть свою важность, но не болѣе какъ только важность. Бахтинскій лагерь будетъ отлично свидѣтельствовать, что мы, сановники, довѣренныя лица Государя, не болѣе. Согласитесь, возможно-ли будетъ заикнуться намъ передъ китайскими комиссарами о нашемъ лагерѣ въ смыслѣ угрожающемъ? Это было очень кстати въ то время, когда здѣсь велъ переговоры консулъ Захаровъ по такому дѣлу, по которому китайцы были кругомъ виноваты. Пожалуй, допустимъ и то, что какія-либо непредвидимыя обстоятельства побудятъ русскихъ уполномоченныхъ напомнить китайскимъ комиссарамъ объ угрожающемъ свойствѣ Бахтинскаго лагеря и положимъ даже, что такая угроза заставитъ ихъ засучить свои рукава, да и подписать приготовленный нами протоколъ. Что же изъ этого выйдетъ? Выйдетъ, что мирно составленный Пекинскій трактатъ они доканчиваютъ своими подписями при запахѣ русскаго пороха! Будь мы дѣйствительными опекунами Китая, то такое дѣло еще сошло-бы съ рукъ, но вспомните, что у китайцевъ есть теперь очень сильные опекуны—англичане, которые очень зорки на все, что дѣлаютъ русскіе въ Средней Азіи, а мы въ Пекинѣ едва-ли главные опекуны! Вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ нынѣшнихъ, далеко не похожихъ на времена 1858-го года, когда велъ здѣсь переговоры консулъ Захаровъ, я полагаю было-бы всего лучше повести все дѣло дружелюбно, сидя на конференціяхъ за чашками чая!!“

Таковы были взгляды консула Скачкова на дѣло разграниченія съ Китаемъ и на вооруженное занятіе нами границы. Щепетильность его, въ послѣднемъ отношеніи, доходила до того, что передъ прибытіемъ моимъ въ Чугугакъ въ 1862-мъ году, онъ писалъ мнѣ между прочимъ:

[1]) Для счета часовъ китайцы употребляютъ особые знаки. Такъ: 12—1 пополудни означаютъ лошадью, 2—3—барaномъ, 4—5 обезьяной, 6—7—курицей, 8—9—собакой, 10—11—свиньей. Наши конференціи съ китайцами назначались въ 2 ч. т. е. въ бараній часъ.

«Вы даже къ пикету Бахты хотите привести свою артиллерію. Сдѣлайте одолженіе, дайте очень строгій наказъ отряднымъ офицерамъ, чтобы даже на аршинъ далѣе пограничной черты наши солдаты и пушки не переступали. Всякая въ этомъ случаѣ ошибка можетъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ. На этой недѣлѣ въ городѣ и у Амбаня была суматоха за одно только извѣстіе, что русскіе зашли за пикетъ Модо-барлукъ и будто ставятъ пограничный столбъ. Сегодня я объяснилъ приставу, что тамъ были очень мирные наши топографы. Также, пожалуйста, остерегите офицеровъ, чтобы солдаты и казаки на границѣ вели себя отлично, ни подъ какимъ видомъ не обижая китайцевъ».

Быть можетъ уважаемый К. А. Скачковъ и былъ правъ съ своей точки зрѣнія. Но я тогда находилъ, что со стороны нашихъ топографовъ и казаковъ едва-ли былъ когда либо поданъ поводъ къ столкновенію съ китайцами. Напротивъ, они всегда относились къ намъ надменно, презрительно и нахально. По моему убѣжденію, намъ слѣдовало положить конецъ принятой политикѣ уступокъ и установившимся почему-то съ давняго времени предупредительности и заискиванію передъ китайцами. Такой образъ дѣйствій съ нашей стороны не приносилъ намъ никакой пользы. А, между тѣмъ, развивалъ только со стороны китайцевъ высокомѣріе и надменность въ сношеніяхъ съ нами. Не имѣя возможности одновременно со мною отправиться въ Чугучакъ, для участія въ переговорахъ съ китайцами, по неполученію полномочія изъ Петербурга, И. И. Захаровъ совѣтовалъ мнѣ одному открыть переговоры, начавъ съ повѣрки полномочій. По его словамъ, у китайцевъ могли быть двойныя полномочія: малыя, ни къ чему не обязывающія, и большія. Въ случаѣ успѣшнаго хода дѣла, Захаровъ находилъ необходимымъ держаться прибирательной программы, т. е. требовать, какъ можно больше. Пребываніе мое въ Коксуйскомъ поселеніи не могло быть продолжительно, въ виду приближенія срока съѣзда въ Чугугакѣ комиссаровъ обоихъ государствъ, назначеннаго 1 іюля. А потому изъ Коксуйскаго поселенія я отправился по прямому тракту на г.г. Копалъ и Сергіополь въ станицу Урджарскую, куда и прибылъ 20-го іюня. Здѣсь, получилъ я свѣдѣніе, что отрядъ, назначенный для сопровожденія комиссаровъ, уже выступилъ на рѣку Хатынъ-су въ составѣ роты пѣхоты, полсотни казаковъ и двухъ орудій конной казачьей артиллеріи. 28-го Іюня я вмѣстѣ съ остальными членами пограничной комиссіи: А. Ф. Голубевымъ и К. В. Струве, прибылъ на рѣку Хатынъ-су, находящуюся въ 65-ти верстахъ отъ Чугучака. Здѣсь комиссія была встрѣчена нѣкоторыми изъ султановъ, біевъ и почетныхъ людей киргизъ: Байджигитовскаго, Кызаевскаго и Кара-Киреевскаго родовъ, кочующихъ частью за гор. Чугучакомъ и близъ р. Чернаго Иртыша. Обратясь къ представителямъ киргизскаго народа, я совѣтовалъ имъ жить мирно со своими родовичами, избѣгая всякой письменной вражды между собою, оказывать содѣйствіе купеческимъ караванамъ, прибавивъ, что только при этихъ условіяхъ можетъ водвориться въ степи общее спокойствіе. Въ заключеніе я сказалъ, что они, какъ состоящіе подъ покровительствомъ Россіи, тѣмъ самымъ могутъ пріобрѣсти право на высокое вниманіе Государя Императора. Все это было принято киргизами, повидимому, съ полнымъ довѣріемъ и они выразили готовность служить вѣрно русскому правительству и повиноваться нашимъ мѣстнымъ властямъ. Затѣмъ были розданы мною вліятельнымъ лицамъ подарки и они были приглашены на устроенное для нихъ, по туземному обычаю, угощеніе. Вечеромъ того-же дня, было произведено мною ученье и маневры отряду, на которыхъ присутствовала вся киргизская депутація. На другой день я выступилъ съ отрядомъ по направленію къ Чугучаку и 30 іюня остановился въ 6-ти верстахъ за рѣчкою Бахты и въ 17-ти верстахъ отъ Чугучака, вблизи китайской пикетной линіи. Хотя между этой линіей и р. Бахты находились китайскія фермы, но я призналъ необходимымъ перейти за означенныя фермы со всѣми отрядами и стать какъ можно ближе къ пикетной линіи, дабы съ перваго-же шага заявить китайцамъ, что мы считаемъ границею ихъ пикетную линію. Выдвинуться же отряду еще далѣе не было возможности за неотысканіемъ впереди хорошаго подножнаго корма и воды. Но я приказалъ отрядному начальнику есаулу Баранову высмотрѣть удобное мѣсто для стоянки отряда и немедленно передвинуться къ самой пикетной линіи. Съ означенной позиціи за р. Бахты было послано мною увѣдомленіе Тарбагатайскому Хэбэй-Амбаню о днѣ прибытія пограничной комиссіи въ Чугучакѣ и о числѣ сопровождающихъ ее людей. Вслѣдствіе сего, на другой день, явились посланные Хэбэй-Амбанемъ чиновники съ привѣтствіемъ о благополучномъ прибытіи комиссаровъ и просили принять отъ имени Амбаня подарки, состоявшіе изъ съѣстныхъ припасовъ. Принявъ старшихъ изъ присланныхъ чиновниковъ, я объявилъ имъ, что въ 10 часовъ утра 1-го Іюля, комиссары прибудутъ въ Чугучакъ и просилъ увѣрить Хэбэй-Амбаня въ дружественномъ къ нему расположеніи и благодарить его за вниманіе. Отпустивъ китайскихъ чиновниковъ, я съ членами комиссіи въ сопровожденіи секретаря консульства М. Ф. Вардугина и конвоя изъ 30 казаковъ, отправи-

лись въ Чугучакъ, куда и въѣхали церемоніально верхами утромъ 1-го Іюля. При въѣздѣ въ городъ, мы были встрѣчены нашимъ консуломъ К. А. Скачковымъ и затѣмъ благополучно вступили въ нашу факторію.

Глава IV.

Открытіе переговоровъ съ китайцами въ Чугучакѣ въ іюлѣ 1862 г. Соображенія, которыя были приняты въ основаніе для составленія проекта черты государственной границы съ Западнымъ Китаемъ, предъявленнаго нашими комиссарами китайскимъ уполномоченнымъ. Непомѣрныя требованія китайцевъ. Обстоятельства, заставившія насъ прекратить переговоры и выѣхать изъ Чугучака. Результаты, достигнутые переговорами, происходившими въ 1862 году.

Вскорѣ послѣ пріѣзда нашего въ Чугучакъ, прибылъ туда и первый китайскій комиссаръ Цзянъ-Цзюнь Минъ-И. Къ сожалѣнію, болѣзнь Мина воспрепятствовала немедленно открыть переговоры. Вслѣдствіе чего первая конференція могла состояться лишь 17-го іюля. На этомъ засѣданіи, которое происходило въ залѣ оффиціальныхъ собраній (Гунъ-Фанъ), мы предъявили китайскимъ комиссарамъ наши полномочія, а они—указъ Пекинскаго Государственнаго Совѣта, за его печатью, о назначеніи Улясутайскаго Цзянь-Цзюня и Тарбагатайскаго Хэбэй-Амбаня комиссарами по разграниченію между Россіей и Западнымъ Китаемъ. Тогда же было условлено вести дальнѣйшіе переговоры также въ Гунъ-Фанѣ. Послѣ этого, китайцы изъявили желаніе посѣтить насъ 19 іюля. Но ненастная погода заставила ихъ отложить это посѣщеніе до 21-го числа. Свиданіе 21-го іюля имѣло исключительно характеръ визита и только подъ конецъ его, по обоюдному согласію, было рѣшено съѣхаться на другой же день для открытія дѣйствительныхъ переговоровъ о проведеніи границы.

Предварительно описанія хода Чугучакскихъ переговоровъ, считаю необходимымъ изложить сущность тѣхъ соображеній, которымъ наши комиссары полагали слѣдовать какъ при составленіи проекта государственной границы съ Западнымъ Китаемъ, такъ и при обсужденіи съ китайскими уполномоченными вопроса о проведеніи границы. Руководящими указаніями для нашихъ комиссаровъ при составленіи проекта государственной границы съ Западнымъ Китаемъ служили: Пекинскій трактатъ и инструкція, выданная изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ за подписью Государственнаго Канцлера князя А. М. Горчакова. Въ этой

инструкціи было, между прочимъ, сказано, что въ виду важности предварительныхъ переговоровъ въ Чугучакѣ, отъ успѣха которыхъ зависитъ благопріятный исходъ всего дѣла, комиссарамъ необходимо прежде всего заявить китайскимъ уполномоченнымъ, что правительство наше въ рѣшеніи пограничнаго вопроса желаетъ *единственно буквальнаго исполненія Пекинскаго трактата*. При этомъ китайскіе комиссары должны притти къ убѣжденію, что гдѣ бы сношенія наши по сему вопросу ни производились: въ самой ли столицѣ Китая, или въ пограничныхъ мѣстахъ, основаніемъ сихъ сношеній будутъ служить единственно трактаты.

Затѣмъ должно быть приступлено къ истолкованію 2 статьи Пекинскаго трактата въ томъ смыслѣ, чтобы новая граница шла по линіи нынѣ существующихъ *постоянныхъ* китайскихъ карауловъ, составляющихъ по сіе время не положительно опредѣленную, но какъ бы условную границу между обоими государствами. Далѣе въ инструкціи указывалось, что независимо отъ линіи постоянныхъ карауловъ китайцы, какъ извѣстно, неоднократно выдвигали впереди ея временные пикеты. По большей части мы не обращали на это особаго вниманія, во избѣжаніе непріятныхъ объясненій между пограничными властями нашими и китайскими, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительности мы видѣли, что эти распоряженія дѣлались только мѣстными китайскими властями, безъ вѣдома высшаго Пекинскаго правительства. Если окажется возможнымъ убѣдить китайскихъ комиссаровъ принять въ основаніе при проведеніи новой границы линію постоянныхъ карауловъ, то чрезъ это главное препятствіе къ благопріятному исходу всего пограничнаго вопроса безъ сомнѣнія будетъ устранено. А потому Министерство Иностранныхъ Дѣлъ поручало это обстоятельство особому вниманію и настойчивости нашихъ комиссаровъ.

Изъ приведенныхъ указаній инструкціи видно, что вопросъ о постоянныхъ пикетахъ служитъ центромъ тяжести всего дѣла по разграниченію. Словомъ сказать, этотъ вопросъ былъ непремѣннымъ условіемъ conditio sine qua non, безъ котораго не только оказывалось невозможнымъ войти въ соглашеніе съ китайцами, но даже не могли состояться и самые переговоры.

Относительно озера Зайсана въ инструкціи указывалось, что вопросъ этотъ имѣетъ для насъ особенную важность, потому что было бы желательно удержать за собою исключительное обладаніе этимъ озеромъ. Если даже китайскіе комиссары согласятся принять за общее правило при проведеніи пограничной черты: руководствоваться линіею постоянныхъ карауловъ, то нѣтъ сомнѣнія, что при проведеніи границы около озера Зайсана, они будутъ

стараться уклониться отъ этого правила. Въ этомъ случаѣ Министерство представляло нашимъ комиссарамъ провести границу по р. Бухтармѣ и Нарыму, а затѣмъ по этой послѣдней рѣкѣ до впаденія ея въ р. Иртышъ. Далѣе же по р. Иртышу такъ, чтобы правый берегъ этой рѣки до выхода ея изъ озера Зайсана оставался во владѣніи Китая, а лѣвый во владѣніи Россіи. Отсюда, направляясь вдоль сѣвернаго берега озера и огибая его съ восточной стороны до устья р. Чернаго Иртыша, граница вышла бы потомъ на линію постоянныхъ китайскихъ карауловъ къ пикету Одонъ-гола. Если китайцы отвергнутъ это предложеніе, то необходимо оговорить, по крайней мѣрѣ, что озеро Зайсанъ остается въ общемъ владѣніи обоихъ государствъ, съ предоставленіемъ русскимъ права пользованія рыболовствомъ и судоходствомъ по озеру.

По вопросу о наиболѣе выгодномъ для насъ проведеніи границы на юго-востокѣ Заилійскаго края, въ странѣ верховьевъ рѣкъ Кегена и Текеса, въ инструкціи было сказано, что, по имѣющимся въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ свѣдѣніямъ, въ этой мѣстности когда-то существовали временные китайскіе пикеты, но въ тридцатыхъ годахъ XIX ст. китайцы, тѣснимые Дикокаменными киргизами, отнести назадъ свою границу, такъ что нынѣ нѣтъ и слѣдовъ упомянутыхъ пикетовъ.

Китайцы удержали въ своей власти только «ледяной проходъ» (Музортъ) чрезъ снѣжный Тянь-Шаньскій хребетъ или Небесныя горы, къ которому ведетъ ихъ пикетная линія вдоль меридіана г. Кульджи. Два же ближайшіе горные проходы, лежащіе къ западу отъ Музорта, оставались незанятыми. Они представляютъ вмѣстѣ съ системою р. Чарына самое удобное сообщеніе между гор. Вѣрнымъ и цвѣтущими городами Малой Бухаріи: Кашгаромъ, Хотаномъ и другими. А потому необходимо, чтобы *вся эта мѣстность* была признана принадлежащею Россіи и чтобы проходы и плато, находящіеся между двумя параллельными хребтами, остались въ нашихъ рукахъ.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири А. О. Дюгамель, основываясь на свѣдѣніяхъ, представленныхъ ему генеральнымъ консуломъ въ Кульджѣ Захаровымъ, находилъ, что проведеніе границы на юго-востокѣ Заилійскаго края въ означеннемъ выше направленіи можетъ встрѣтить немаловажныя затрудненія въ томъ отношеніи, что подвластные Россіи Дикокаменные киргизы рода Богу, вслѣдствіе настоянія китайскихъ властей, еще съ 1861 г. оставили занимаемыя ими съ давнихъ временъ кочевья въ странѣ верховьевъ рѣкъ Кегена и Текеса. А потому, при предстоящихъ

переговорахъ наши комиссары не будутъ имѣть достаточныхъ основаній оспаривать у китайцевъ означенный участокъ границы, какъ незанятый въ то время подвластными Россіи киргизами. Но кромѣ этого обстоятельства, должно было неминуемо ожидать упорнаго сопротивленія со стороны китайцевъ дать свое согласіе на проектированную нами упомянутую выше граничную черту по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) эти земли еще съ половины XVIII ст. были завоеваны китайцами у чжунгаровъ и на нихъ поселенъ Элютскій калмыцкій полкъ;

2) на южной сторонѣ горъ Чокаръ находится свинцовый рудникъ, хорошо извѣстный Кульджинскому начальству;

3) гора Кара-тау, къ югу отъ р. Кегенъ, имѣетъ историческое значеніе для маньчжуровъ по воспоминанію побѣды, одержанной ими въ этихъ мѣстахъ надъ чжунгарскимъ ханомъ Даваци;

4) проектированная пограничная черта будетъ отстоять отъ г. Кульджи на полтора дня коннаго пути, что во всякомъ случаѣ возбудитъ сильное сомнѣніе въ китайцахъ на счетъ нашихъ видовъ и на Илійскій край. На этомъ основаніи генералъ Дюгамель полагалъ: въ случаѣ рѣшительной невозможности склонить китайцевъ къ сговорчивости, разрѣшить нашимъ комиссарамъ установить граничную линію по р. Чарыну и затѣмъ вверхъ по р. Каркарѣ къ горѣ Ханъ-Тенгри, а отсюда далѣе по южнымъ отрогамъ Тянь-Шаньскаго хребта до существовавшихъ въ то время кокандскихъ владѣній.

По сдѣланному по этому вопросу представленію, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ сообщило генералу Дюгамелю, что при назначеніи граничной линіи, указанной въ инструкціи нашимъ комиссарамъ, оно, главнымъ образомъ, руководствовалось тою мыслью, чтобы важный въ коммерческомъ, а въ особенности въ военномъ отношеніи, проходъ Санташъ остался въ нашемъ владѣніи. При проведеніи границы по р. Чарыну и Каркарѣ, хотя проходъ Санташъ и отойдетъ въ наши предѣлы, но въ такомъ случаѣ дорога къ нему должна будетъ пролегать по лѣвому берегу р. Чарына и проходить глубокими ущельями трехъ рѣкъ Мерке, которыя представляютъ почти непреодолимыя трудности для перевозки тяжестей, въ особенности же артиллеріи. А потому Министерство Иностранныхъ Дѣлъ полагало: въ случаѣ совершенной невозможности убѣдить китайцевъ провести границу по первоначальному предположенію, слѣдуетъ неукоснительно настаивать на томъ, чтобы граница шла сначала по р. Темерлику—притоку р. Чарына, потомъ направлялась бы къ р. Текесъ и далѣе

къ горѣ Ханъ-Тенгри. Тогда свинцовый рудникъ и горная группа Кара-тау останутся въ китайскихъ владѣніяхъ. Съ своей стороны, наши комиссары, по всестороннемъ обсужденіи этого важнаго вопроса, находили, что наши существенные государственные интересы неотступно требовали присоединенія всей страны верховьевъ рѣкъ Кегена и Текеса къ нашимъ владѣніямъ, по многимъ соображеніямъ и, главнымъ образомъ, потому, чтобы удержать въ нашей власти всѣ доступы въ Восточный Туркестанъ, ведущіе изъ нашихъ предѣловъ черезъ перевалы въ горной системѣ Тянь-Шаня, лежащія къ западу отъ Музорта и по которымъ проходятъ кратчайшіе пути въ города Малой Бухаріи: Аксу, Кашгаръ и друг. А потому и предположено было: на предстоящихъ переговорахъ неотступно требовать у китайцевъ, чтобы граница на юго-востокѣ Заилійскаго края была направлена отъ р. Или прямо на югъ, не по р. Чарыну, а къ востоку отъ нея, на китайскій пикетъ Чунъ-чжи и далѣе по водораздѣлу, охватывающему собою съ востока всю рѣчную область р. Чарына, которая и должна полностью отойти къ владѣніямъ Россіи. Спустившись съ горъ, замыкающихъ съ юга долину р. Кегена, граница, по составленному проекту, направлялась къ р. Текесъ и, пересѣкая ее при устьѣ Нарынъ-гола, слѣдовала далѣе вверхъ по этой рѣкѣ, и упиралась въ снѣжныя вершины Тянь-Шаня, вблизи того мѣста, гдѣ высится исполинская горная группа Ханъ-Тенгри (24 т. фут. надъ уровнемъ моря). При этомъ вся долина верховьевъ Текеса, изобилующая превосходными пастбищами, отходила также къ владѣніямъ Россіи. Отъ Ханъ-Тенгри граница направлялась, согласно Пекинскому трактату, по южному отрогу Тянь-Шаня до существовавшихъ въ то время кокандскихъ владѣній.

На этомъ послѣднемъ участкѣ границы—отъ горной группы Ханъ-Тенгри по направленію къ западу до перевала Суёкъ, гдѣ граница круто поворачиваетъ на югъ, находится до 14 горныхъ проходовъ черезъ Тянь-Шаньскій хребетъ, по которымъ открываются доступы изъ этой окраины нашихъ владѣній въ предѣлы Восточнаго Туркестана или Малой Бухаріи. Изъ числа этихъ 14 горныхъ проходовъ для обоюдныхъ торговыхъ сношеній подданныхъ обоихъ государствъ, впослѣдствіи, на основаніи Петербургскаго трактата 1881 г., было установлено пользоваться слѣдуюшими проходами: Бедель, Терекиы, Туругартъ и Суёкъ. Дорога къ переваламъ Терекы и Туругартъ идетъ изъ г. Токмака черезъ Нарынское укрѣпленіе, причемъ она на всемъ своемъ протяженіи до этого укрѣпленія—колесная.

Отсюда при дальнѣйшемъ слѣдованіи въ Кашгаръ, идутъ

два пути черезъ перевалы Теректы и Туругартъ, причемъ послѣдній путь почти на всемъ протяженіи—колесный [1]).

Перевалъ Бедель ведетъ изъ г. Каракола въ г. Учь-Турфанъ, Аксу, Хотанъ и Кашгаръ. По словамъ нашего знаменитаго путешественника по Центральной Азіи Н. М. Пржевальскаго, движеніе черезъ перевалъ Бедель довольно бойкое и производится на лошадяхъ и верблюдахъ круглый годъ изъ г. Каракола, Токмака и Кульджи. Дорога изъ Каракола до русской деревни Сливкиной (Кызылъ-Су) идетъ по совершенно ровной мѣстности, удобной для колесной ѣзды. Далѣе путь пролегаетъ по ущельямъ р. Зауки и Кашка—су. [2]).

Изъ вышеизложеннаго видно, что пограничная черта, проектированная нашими комиссарами на югѣ-востокѣ Заилійскаго края и подробно описанная выше, слѣдуя на большей части своего протяженія по горному разлому или водораздѣлу, имѣла всѣ свойства прочной и устойчивой государственной границы. При этомъ отходили къ владѣніямъ Россіи вся рѣчная область р. Чарына, верховья р. Текеса и всѣ наиболѣе удобные доступы изъ нашихъ предѣловъ въ Восточный Туркестанъ, черезъ горный перевалы въ магистральномъ Тянь-Шаньскомъ хребтѣ, лежащіе къ западу отъ прохода Музортъ. Во власти же китайцевъ, для сообщенія Кульджинской провинціи съ Кашгаромъ, остался только одинъ горный проходъ Музортъ, называемый «Ледянымъ» и принадлежащій, какъ показываетъ и самое его названіе, къ числу неудобнѣйшихъ горныхъ переваловъ въ Тянь-Шанѣ. Онъ ведетъ изъ Илійской долины черезъ ледяное море, находящееся на южной сторонѣ перевала. Длина этого ледяного моря 12 верстъ, а ширина около 8-ми. Море оканчивается уступомъ, въ которомъ вырублены ступеньки. Лошади и вьюки спускаются съ этого уступа на веревкахъ. Въ виду же трудностей поднятія животныхъ этимъ способомъ, караваны изъ Илійской долины ходятъ только въ одинъ прямой путь, а обратный избираютъ черезъ перевалъ Бедель [3]), сѣверный выходъ изъ котораго находится въ русскихъ предѣлахъ и, слѣдовательно, въ нашей власти.

Описанное выше очертаніе границы представляетъ для насъ весьма важную выгоду и въ томъ отношеніи, что эта граница, замыкая собою съ южной стороны всѣ кочевья Дикокаменныхъ киргизъ рода Богу и Сарыбашшей, задерживаетъ ихъ, за самыми

[1]) Костенко. Туркестанскій край I., 46.
[2]) Пржевальскій. Пут. въ Центр. Азію. 84—88, 491.
[3]) Костенко. Туркестанскій край. Т. I, ст. 47.

ничтожными исключеніями, почти полностью въ русскихъ владѣніяхъ. Вслѣдствіе сего, эти кочевыя племена, большая часть которыхъ, а особенно Сарыбашшей, отличавшихся въ то время хищническими наклонностями, окончательно разобщились съ китайцами и навсегда выходили изъ сферы ихъ вліянія, что, въ свою очередь, значительно облегчало намъ наблюденіе за ними.

Относительно системы дѣйствій съ нашей стороны, которой должно было держаться при обсужденіи съ китайцами во время переговоровъ вопроса о проведеніи границы, предположено было, согласно указаній упомянутой выше инструкціи, заявить китайскимъ уполномоченнымъ, что переговоры могутъ состояться только при условіи опредѣленія границы на точномъ основаніи Пекинскаго трактата и затѣмъ настаивать на проведеніи границы по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ. Если же китайцы, по обычнымъ пріемамъ своей политики, будутъ затягивать переговоры, то, составивъ проектъ граничной черты на точномъ основаніи Пекинскаго трактата и упомянутой инструкціи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, предъявить его китайскимъ комиссарамъ и просить категорическаго отвѣта: согласны-ли они принять предъявляемый нами проектъ границы.

Такая постановка вопроса представляла для насъ весьма важную выгоду въ томъ отношеніи, что не давала возможности китайцамъ уклониться отъ прямого, категорическаго отвѣта на наши требованія и отъ безполезнаго затягиванія переговоровъ, причемъ и самая отвѣтственность, въ случаѣ прекращенія ихъ, падала полностью на однихъ китайцевъ. Съ другой стороны, если бы китайцы согласились продолжать переговоры, то они могли состояться не иначе, какъ только при согласіи ихъ принять предъявленный имъ нашъ проектъ границы. Составленный нашими комиссарами проектъ граничной черты представлялъ собою подробное развитіе того направленія границы, которое было намѣчено въ Пекинскомъ трактатѣ лишь въ общихъ чертахъ. Понятно, что въ такомъ важномъ государственномъ актѣ, какъ Пекинскій трактатъ, невозможно было обозначить границу во всей подробности съ точнымъ поименованіемъ всѣхъ мѣстныхъ урочищъ, по которымъ она должна быть направлена. Эта обязанность подробнаго обозначенія границы на картѣ и затѣмъ постановка ея на самой мѣстности по общепринятому правилу, установившемуся съ давнихъ временъ, всегда возлагалась на комиссаровъ обоихъ государствъ, какъ лицъ вполнѣ знакомыхъ съ мѣстными условіями и особенностями топографическаго характера пограничнаго края. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, и наши комиссары, послѣ самаго

подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія и внимательнаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ, относящихся до опредѣленія граничной линіи съ Западнымъ Китаемъ, избрали такое направленіе границы, которое, согласуясь вполнѣ съ указаніями Пекинскаго трактата, въ то же время, по ихъ глубокому убѣжденію, содѣйствовало бы развитію и упроченію государственныхъ интересовъ Россіи на этой окраинѣ Имперіи.

При разработкѣ упомянутаго выше проекта границы, нашимъ комиссарамъ предлежало прежде всего разъяснить вопросъ: что должно разумѣть подъ линіею нынѣ существующихъ китайскихъ пикетовъ, о которой упоминается въ трактатѣ. Если бы эти пикеты образовали собою только одну сплошную линію, замыкающую китайскія владѣнія на западѣ, то вопросъ какъ обозначить границу въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она должна проходить по линіи китайскихъ карауловъ, разрѣшался бы, такъ сказать, самъ собою. Но, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности оказалось, что китайскіе караулы на западѣ, какъ уже было подробно изложено въ предыдущей главѣ, расположены не въ одну, а въ нѣсколько линій. А потому естественно возникалъ новый вопросъ: какая же изъ этихъ линій должна быть принята за границу?

По всестороннемъ обсужденіи комиссарами этого важнаго вопроса и соображеніи его со свѣдѣніями, имѣющимися о пограничныхъ караулахъ по китайскимъ источникамъ, оказалось, что за пикетную линію, о которой упоминается въ трактатѣ, правильнѣе слѣдовало бы принять ту линію карауловъ, которые постоянно заняты китайскими войсками (Чанъ-чжу-карунь). Расположенные же къ западу отъ этой линіи, такъ называемые, передовые или внѣшніе пикеты (Цзянь-Цзэ), какъ выставляемые не по распоряженію Пекинскаго правительства, а мѣстныхъ властей, и притомъ на извѣстное время, и нерѣдко переносимые съ мѣста на мѣсто, очевидно, ни въ какомъ случаѣ не могли обозначать собою границу. Сохраняя свойственный имъ подвижной характеръ и не имѣя поэтому никакой твердости и устойчивости, они и не могли служить опорными пунктами для установленія по нимъ прочной государственной границы. Отсюда видно, что только линія постоянныхъ карауловъ (Чанъ-чжу-карунь), какъ находящихся съ давняго времени на одномъ и томъ же мѣстѣ, должна, въ сущности, служить настоящею государственною границею, тѣмъ болѣе, что, предпринявъ устройство линіи постоянныхъ карауловъ еще во времена Императора правленія Цзянь-Лунь (1736—1796), само китайское правительство какъ бы заранѣе обозначило этими караулами черту государственной границы на западныхъ предѣлахъ

Срединной Имперіи. Но самымъ неоспоримымъ доказательствомъ, что западная китайская граница должна быть неукоснительно проведена по линіи постоянныхъ китайскихъ карауловъ, служилъ китайскій текстъ Пекинскаго трактата. По заявленію консула И. И. Захарова, сличавшаго русскій и китайскій текстъ этого трактата, въ нихъ оказалось нѣкоторое несходство въ изложеніи, что должно отнести къ недосмотру при сличеніи обоихъ текстовъ трактата при самомъ его составленіи.

Въ этомъ отношеніи для дипломатической переписки, по словамъ И. И. Захарова, наиболѣе подходящимъ оказывается не китайскій, а маньчжурскій, языкъ, который и употреблялся нашими комиссарами при всѣхъ нашихъ сношеніяхъ съ китайцами во время Чугучакскихъ переговоровъ. По переводу И. И. Захарова съ китайскаго подлинника, текстъ 2-й ст. Пекинскаго трактата былъ слѣдующій: «западная линія доселѣ еще не опредѣлена. Послѣ сего она должна быть проведена по хребтамъ горъ, большимъ рѣкамъ и линіи существующихъ уже Срединнаго государства *постоянныхъ* карауловъ (Чанъ-чжу-карунь), т. е. карауловъ, на которыхъ постоянно живутъ. Начинаться же она должна отъ послѣдняго пограничнаго знака, поставленнаго на Шабинъ-Дабага въ 1728 г. или правленія Юнь-Чжень въ 6-мъ году, и итти на западъ прямо къ озеру Зайсанъ-норъ.

«Отселѣ же на юго-западъ, слѣдуя по Тянь-Шаньскому хребту, который на югѣ отъ озера Тэмурту—норъ (Иссыкъ-куль), и доведя до кокандскихъ предѣловъ, образовать границу».

Сопоставляя этотъ текстъ со 2-й ст. русскаго текста, оказывается, что въ послѣднемъ не было слова: «*постоянныхъ*», которое слѣдовало бы включить послѣ слова: «*существующихъ*». Но для насъ это обстоятельство при предстоящихъ переговорахъ, по совершенному незнанію китайскими комиссарами русскаго языка, не представляло особенныхъ неудобствъ. Сославшись на китайскій текстъ 2-й ст. Пекинскаго трактата, гдѣ сказано, что граница должна быть проведена по линіи *постоянныхъ* пикетовъ, мы всегда имѣли полную возможность настаивать именно на этомъ направленіи граничной черты передъ китайскими комиссарами. Словомъ сказать, приведенное въ китайскомъ текстѣ 2-й ст. трактата выраженіе: «*постоянныхъ пикетовъ*» (Чанъ-чжу-карунь), не возбуждая никакихъ недоразумѣній,—совершенно развязывало намъ руки при предстоящихъ переговорахъ. На основаніи приведенныхъ выше соображеній, нами рѣшено было на предстоящихъ конференціяхъ всячески настаивать на проведеніи границы по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, поставивъ на видъ китайскимъ

комиссарамъ, что собственно подъ этимъ названіемъ должно разумѣть линію пикетовъ, о которой упоминается во 2-й ст. Пекинскаго трактата.

Такое обозначеніе границы по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ имѣло для насъ особенно важное значеніе еще и въ томъ отношеніи, что при соблюденіи этого условія въ мѣстности, сопредѣльной съ озеромъ Зайсаномъ, гдѣ постоянные пикеты отъ Тарбагатайскаго хребта слѣдовали по прямой линіи на сѣверъ къ пикету Маниту-гатулъ-ханъ и далѣе къ Чингистаю, къ владѣніямъ Россіи должны были отойти богатый Курчумскій и Зайсанскій край съ озеромъ Зайсаномъ и низовьями рѣки Чернаго Иртыша. Должно замѣтить, что хотя озеро Зайсанъ до заключенія Пекинскаго трактата всегда находилось въ чертѣ китайскихъ владѣній, но наши сибирскіе казаки, пользуясь миролюбіемъ китайцевъ, свободно производили рыбную ловлю на озерѣ Зайсанъ и р. Черномъ Иртышѣ. Для уясненія этого любопытнаго обстоятельства позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о началѣ и постоянномъ развитіи рыболовства на озерѣ Зайсанъ [1]).

Начало рыболовства на р. Бѣломъ Иртышѣ, вытекающемъ изъ западной оконечности озера Зайсана, и на самомъ озерѣ относится къ 1798 году, когда состоялся Высочайшій указъ объ отнесеніи расходовъ по исправленію дороги между крѣпостями Усть-Каменогорской и Бухтарминской на счетъ суммъ, выручаемыхъ за право пользованія рыбнымъ промысломъ по р. Иртышу выше крѣпости Бухтарминской. Для этого былъ сдѣланъ по Тобольской губ. и по сибирской линіи вызовъ желающихъ взять на откупъ рыбный промыселъ на р. Иртышѣ. По неявкѣ же на этотъ вызовъ желающихъ, право рыбной ловли на упомянутой рѣкѣ было предоставлено сибирскому линейному казачьему войску, съ обязательствомъ исправлять за это дорогу между крѣпостями Усть-Каменогорской и Бухтарминской. Ловъ рыбы началъ производиться съ 1803 г. сначала только казаками, а впослѣдствіи были допущены и разночинцы. Въ этотъ начальный періодъ времени рыбный ловъ производился по р. Иртышу выше крѣпости Бухтарминской до устья р. Нарыма. Затѣмъ наши рыболовы постепенно передвигались вверхъ по р. Иртышу къ Батовскимъ пикетамъ (по-китайски: Хой-Майлаху, Хони-Майлаху) и, наконецъ, тайкомъ добрались и до озера Зайсана, находившагося

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ замѣтокъ бывшаго смотрителя Бухтарминской рыбалки сотника Недорѣзова.

въ то время въ китайскомъ владѣніи. По словамъ сибирскихъ старожиловъ, въ тѣ времена, т. е. вначалѣ XIX ст., въ р. Иртышѣ и въ озерѣ Зайсанѣ было такое обиліе рыбы, что промышленники пятью стами рыболовныхъ удъ добывали въ однѣ сутки до 1 тыс. осетровъ и стерлядей. Въ періодъ времени съ 1803 по 1845 годъ отъ рыбнаго промысла на р. Иртышѣ и озерѣ Зайсанѣ поступило въ войсковой капиталъ Сибирскаго казачьяго войска 504.888 руб. ассигн.

Здѣсь вполнѣ выказалось умѣніе сибирскихъ казаковъ примѣняться къ мѣстности и обстоятельствамъ и скоро сходиться на дружеской ногѣ съ мѣстнымъ туземнымъ населеніемъ. Этому много содѣйствовало и знаніе почти всѣми казаками киргизскаго языка, а нѣкоторыми и монгольскаго, а также и китайскаго разговорнаго языка. Знаніе же языка, какъ извѣстно, составляетъ самое надежное средство къ полному ознакомленію съ внутреннимъ бытомъ народа, его нравами и обычаями.

По своей природной ловкости и смѣтливости, свойственными нашимъ сибирскимъ казакамъ, они вскорѣ сумѣли воспользоваться благопріятными обстоятельствами, и ватаги ихъ рыболововъ, добравшись до озера Зайсана и подвигаясь далѣе по озеру, вошли въ устье р. Чернаго Иртыша.

Здѣсь оказался самый обильный уловъ рыбы, которая въ этихъ мѣстахъ находитъ скрытое пристанище въ изгибахъ рѣки. По свидѣтельству бывшаго смотрителя войсковой Бухтарминской рыбалки сотника Недорѣзова, ловъ рыбы въ устьѣ р. Чернаго Иртыша производился уже въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія при Ген.-губ. Западной Сибири генералѣ Капцевичѣ. Въ тридцатыхъ годахъ наши рыболовы поднимались вверхъ по Черному Иртышу до устья рѣки Кальджира, а въ сороковыхъ годахъ доходили уже до р. Кабы, а иногда и далѣе, до р. Бурчума и Крана.

При этомъ наши казаки производили и мѣновую торговлю мелочными товарами съ мѣстными инородцами, подвластными Китаю: киргизами, калмыками-торгоутами и урянхайцами. Пребываніе нашихъ казаковъ въ такихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ рѣчной области Чернаго Иртыша, повидимому, ихъ нисколько не смущало. Присущее русскому человѣку чувство добродушія и симпатіи къ иноземцамъ, а также упомянутое мною умѣніе сибирскихъ казаковъ оріентироваться въ каждой новой мѣстности и скоро сходиться съ туземнымъ населеніемъ внутренней Азіи и, наконецъ, необходимость соблюдать, находясь въ предѣлахъ иностраннаго государства должную осторожность и осмотрительность въ дѣйствіяхъ,—все это благопріятствовало установленію миролюбивыхъ отношеній какъ съ китайцами, такъ и съ подвластными имъ инородцами. Между этимъ туземнымъ населеніемъ и нашими казаками не происходило никакихъ взаимныхъ неудовольствій, ссоръ, а тѣмъ болѣе враждебныхъ столкновеній, и въ тѣ времена на этой отдаленной окраинѣ Китая царствовало полное спокойствіе.

Повидимому, этими природными качествами, свойственными сибирскимъ казакамъ, а также и миролюбивыми отношеніями китайцевъ и можно объяснить, что мѣстное китайское начальство допускало насъ свободно пользоваться рыбными промыслами не только въ принадлежащемъ въ то время Китаю озерѣ Зайсанѣ, но и почти на триста верстъ вверхъ по р. Черному Иртышу. Такому благопріятному для насъ положенію дѣлъ содѣйствовало и то обстоятельство, что смотрителями войсковой Бухтарминской рыбалки назначались, въ большинствѣ случаевъ, способные казачьи офицеры, успѣвшіе скоро ознакомиться съ нравами и обычаями китайцевъ, пріобрѣсти навыкъ и опытность въ обращеніи съ ними и внушить къ себѣ ихъ довѣріе.

Все это имѣло для насъ особенную важность при частомъ общеніи съ китайскими чиновниками, во время пребыванія нашихъ рыболововъ въ китайскихъ владѣніяхъ, а также и при свиданіи смотрителей рыбалки съ начальствующими лицами Тарбагатайской и Кобдинской провинцій Западнаго Китая. Эти свиданія происходили ежегодно въ Сентябрѣ на Кальджирскомъ пикетѣ (на р. Кальджирѣ) и въ началѣ Іюня на Батовскомъ пикетѣ (Хой-Майлаху) на р. Бѣломъ или Нижнемъ Иртышѣ. Передъ пріѣздомъ Амбаней пикетная стража въ числѣ отъ 10 - 40 человѣкъ, вооруженныхъ луками, стрѣлами въ колчанахъ и саблями, выстраивалась въ пѣшемъ строю въ одну шеренгу, имѣя впереди офицера, начальника пикетныхъ солдатъ. Амбань, подъѣзжая къ строю, сходилъ съ лошади и, по приближеніи его къ фронту, весь выстроенный караулъ безъ командъ моментательно опускался на одно колѣно и затѣмъ вставалъ, сохраняя прежнее расположеніе въ одну шеренгу. Тогда Амбань осматривалъ оружіе и опрашивалъ у солдатъ претензіи, чѣмъ и оканчивалась вся церемоніи смотра. Къ пріѣзду Амбаня, киргизскіе старшины приготовляли ему богатую султанскую юрту, впереди которой на небольшомъ возвышеніи ставилось знамя съ изображеніемъ дракона. Между тѣмъ, смотритель рыбалки, получивъ свѣдѣніе о пріѣздѣ изъ Чугучака на пик. Баты (Хой-Майлаху) полномочнаго Тарбагатайскаго Хэбэй-Амбаня посылалъ урядника къ зоргану (адъютанту Амбаня)

съ просьбой сообщить о днѣ, въ который Амбань можетъ принять нашего офицера.

Въ назначенный день, смотритель рыбалки, въ полной парадной формѣ и въ сопровожденіи толмача, урядника и казаковъ, особо назначенныхъ для несенія подарковъ, на покупку которыхъ ежегодно ассигновалось изъ войсковыхъ казачьихъ суммъ 200 руб., отправляются сначала къ пикетному начальнику, а затѣмъ вся наша депутація, въ сопровожденіи китайскаго пикетнаго начальника или галдая, шла въ юрту къ зоргану, который, осмотрѣвъ предварительно подарки, вмѣстѣ съ смотрителемъ и въ сопровожденіи всей упомянутой ею свиты, отправлялись къ Амбаню въ занимаемую имъ юрту, передъ которой къ этому времени выстраивались шпалерами около 30 человѣкъ служащихъ при Амбанѣ. При входѣ нашего смотрителя рыбалки въ юрту, Амбань вставалъ со стула, привѣтствовалъ его дружескимъ пожатіемъ руки и, пригласивъ сѣсть, спрашивалъ о здоровьѣ нашего Государя, главныхъ начальниковъ Западной Сибири, и, наконецъ, о благополучіи Россійскаго государства, а также и о томъ не встрѣчаютъ-ли наши рыбопромышленники какихъ-либо обидъ и притѣсненій со стороны китайскихъ инородцевъ. Получивъ на всѣ эти вопросы благопріятный отвѣтъ, Амбань выражалъ по этому случаю свое удовольствіе нашему офицеру и искреннія пожеланія, чтобы подобныя миролюбивыя отношенія продолжались и на будущее время, тѣмъ болѣе, что дружественныя отношенія между двумя могущественными Имперіями существуютъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ.

Послѣ того, наши казаки подносили Амбаню подарки, отъ которыхъ онъ по китайскому этикету сначала отказывался, но только для виду, а затѣмъ принималъ ихъ и, поблагодаривъ смотрителя, приглашалъ его къ столу, который къ этому времени уже былъ установленъ разными китайскими закусками. Послѣ угощенія, при прощаніи, смотрителю передавали подарки отъ Амбаня, состоящіе изъ кусковъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій китайскаго производства, чая и мелкихъ китайскихъ вещей. Сверхъ подарковъ Амбаню передавалось его зоргану рыба въ количествѣ 800 стерлядей.

Бухтарминская рыбалка, начало которой относится къ 1808 году, принадлежитъ къ числу первыхъ и наиболѣе значительныхъ войсковыхъ доходовъ. Въ теченіе 68 лѣтъ, съ 1808 по 1876 г., она доставила войску болѣе полумилліона рублей.

Изъ приведеннаго краткаго очерка войсковой Бухтарминской рыбалки видно, что владѣніе озеромъ Зайсаномъ и низовьями

р. Чернаго Иртыша, составляетъ для насъ насущную потребность. Въ настоящее время, развитіе рыболовнаго промысла на озерѣ Зайсанѣ и Черномъ Иртышѣ имѣетъ важное значеніе въ хозяйственномъ отношеніи какъ вообще для Сибирскаго казачьяго войска, такъ и для всего окрестнаго населенія Зайсанскаго края и Усть-Каменогорскаго уѣзда.

Все это и побудило нашихъ комиссаровъ, при предстоящихъ переговорахъ съ китайцами, всемѣрно домогаться и неукоснительно отстаивать озеро Зайсанъ, включивъ его и все низовье р. Чернаго Иртыша въ районъ земель русскаго владѣнія. Но осуществленіе этой цѣли на практикѣ оказалось весьма затруднительнымъ. Прежде всего нашимъ комиссарамъ предстояло въ этомъ случаѣ согласовать два противоположныхъ требованія: удержать по возможности все озеро Зайсанъ въ нашей власти и, въ то же время, пріурочить это озеро къ самой границѣ, какъ это настоятельно требовала 2-ая ст. Пекинскаго трактата, въ которой сказано, что граница должна идти прямо къ озеру Зайсану. По внимательномъ и всестороннемъ обсужденіи этого важнаго вопроса, наши комиссары рѣшили дать такое направленіе границѣ, чтобы она упиралась одною точкою въ восточную оконечность озера Зайсана, а затѣмъ, обогнувъ дельту р. Чернаго Иртыша, слѣдовала бы къ востоку, по правому берегу этой рѣки до пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ (по киргизски Акъ-Тюбе). Отсюда, дѣлая крутой поворотъ на югъ, направлялась-бы къ горамъ Тарбагатая. Такимъ образомъ, граница въ этомъ мѣстѣ образовала собою ломаную линію, исходящій уголъ которой упирался въ восточную оконечность озера Зайсана.

Изъ этого видно, что направленіе границы на восточный край озера Зайсана было логическою необходимостью при точномъ слѣдованіи 2-ой ст. Пекинскаго трактата.

Какъ ни желательно бы было избѣжать этого излома границы у озера Зайсана и дать ей болѣе прямое направленіе, спустивъ границу съ горъ Большого Алтая прямо въ долину низовьевъ р. Чернаго Иртыша къ пикету Маниту-Гатулъ-Ханъ,—это оказывалось почти невозможнымъ. Отодвигая границу къ востоку отъ оз. Зайсана, не упирая ее въ озеро, было бы равносильно превышенію полномочій, данныхъ нашимъ комиссарамъ и являлось бы прямымъ нарушеніемъ Пекинскаго трактата. Предпринять подобное отступленіе отъ трактата, какъ бы оно ни казалось намъ выгоднымъ, значило бы поколебать самый трактатъ и тѣмъ дать поводъ китайцамъ нарушать его въ тѣхъ случаяхъ, когда они находили бы это выгоднымъ для себя. Между тѣмъ, значеніе

Пекинскаго трактата во всемъ его объемѣ, обнимая собою важные государственные и торговые интересы Россіи по отношенію къ Китаю, были настолько значительны, что всякое малѣйшее отступленіе отъ него могло бы неблаговидно отразиться на нашихъ насущныхъ интересахъ и выгодахъ, полученныхъ отъ Китая удачнымъ заключеніемъ Пекинскаго трактата. Помимо всего вышеизложеннаго, вопросъ объ обладаніи нами озеромъ Зайсаномъ и о соотвѣтственномъ проведеніи границы вблизи этого водоема осложнялся еще тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что китайскій текстъ Пекинскаго трактата, гдѣ говорилось объ этомъ направленіи границы, не согласовался съ русскимъ текстомъ. Въ русскомъ текстѣ было сказано, что «граничная черта на западѣ, доселѣ неопредѣленная, отнынѣ должна проходить отъ послѣдняго знака Шабина-Дабага на юго-западъ до озера Зайсана». По буквальному же смыслу 2-ой ст. трактата по его китайскому тексту, граница отъ Шабина-Дабага должна идти *на западъ, прямо* къ озеру Зайсану. Несмотря на то, что при первомъ взглядѣ на карту оказывается явная несообразность такого обозначенія границы, должно было неминуемо ожидать, что китайскіе комиссары неотступно будутъ держаться буквальнаго смысла Пекинскаго трактата по китайскому его тексту и всячески оспаривать проектированное нами направленіе граничной черты на восточную оконечность озера Зайсана.

При такомъ положеніи дѣла и въ виду описаннаго выше важнаго для насъ значенія озера Зайсана въ экономическомъ отношеніи и проистекающей вслѣдствіе сего необходимости удержать за собою исключительное обладаніе этимъ водоемомъ, наши комиссары рѣшили съ твердостью объявить китайцамъ на предстоявшихъ переговорахъ, что противъ проектированной нами въ Зайсанской мѣстности граничной черты, какъ основанной на Пекинскомъ трактатѣ, не можетъ быть сдѣлано ни малѣйшей уступки. Самую же границу этой мѣстности мы полагали вести отъ горъ Большого Алтая на юго-западъ, между двумя рѣками Хамоту на на сѣверо-восточную оконечность Зайсана. При такомъ обозначеніи границы, она, согласно требованій 2-ой ст. Пекинскаго трактата, хотя и была подведена къ Зайсану, но за всѣмъ тѣмъ самое озеро переходило полностію во владѣніе Россіи.

Отсюда дѣлается понятнымъ, что измѣнить это направленіе границы и дать ей другое начертаніе, отодвинувъ ее на востокъ отъ озера Зайсана, можно было только въ такомъ случаѣ, если будетъ сдѣлано соотвѣтственное измѣненіе и во 2-ой ст. Пекинскаго трактата.

Впослѣдствіи, при заключеніи съ китайцами въ 1881 г. новаго, Петербургскаго трактата, эта статья, въ виду представленныхъ неудобствъ, дѣйствительно была измѣнена, и тогда граница, будучи отодвинута на востокъ отъ озера Зайсана, получила новое, болѣе прямолинейное очертаніе, о чемъ будетъ подробно изложено въ своемъ мѣстѣ.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса о народахъ, обитающихъ въ районѣ пограничнаго пространства, прилегающаго къ западнымъ предѣламъ Китая, наши комиссары остановились на слѣдующихъ соображеніяхъ: всѣ инородцы, живущіе въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ границѣ, по своему образу жизни, умственному развитію и внутреннему быту стоятъ на низкой степени культурнаго развитія и принадлежатъ къ кочевымъ пастушескимъ племенамъ, а частью и къ кочевымъ звѣроловамъ, у которыхъ охота и звѣриный промыселъ преобладаютъ надъ скотоводствомъ. Къ первымъ, т. е. къ кочующимъ инородцамъ, должно отнести киргизъ, а ко вторымъ, алтайскихъ урянхайцевъ, называвшихся «двоеданцами», принадлежащихъ къ монгольской народности. Эти урянхайцы имѣютъ свои стойбища въ окрестностяхъ Телецкаго озера и извѣстны у китайцевъ подъ именемъ Алтынъ-Норскихъ урянхайцевъ. Районы лѣтнихъ киргизскихъ стойбищъ (джайляу), по самымъ условіямъ кочевого быта номадовъ, какъ извѣстно, не имѣютъ никакой устойчивости и часто мѣняются, въ особенности при неурожаѣ травъ. Зимнія же стойбища (кыстау) выбираются преимущественно въ мѣстахъ, удобныхъ для зимнихъ пастбищъ, т. е. закрытыхъ отъ вѣтровъ и бурановъ, какъ напр. въ глубокихъ лощинахъ, у подножія горныхъ скатовъ, вблизи лѣса и т. п. Но такъ какъ такихъ мѣстъ въ степи немного, то киргизы дорожатъ своими зимовками и мѣняютъ ихъ рѣдко, сравнительно съ джайляу. Но кромѣ этихъ частныхъ измѣненій очертанія районовъ киргизскихъ кочевьевъ, наблюдается какое-то общее, такъ сказать, стихійное передвиженіе приграничныхъ киргизъ съ запада къ востоку, въ своемъ родѣ: «drang nach Osten».

Передвиженіе это началось еще съ половины XVIII ст., вскорѣ по покореніи Чжунгаріи китайцами, когда, пользуясь позволеніемъ Императора правленія Цзянь-Лунь кочевать за озеромъ Балхашемъ, киргизы самовольно перешли за передовую или внѣшнюю линію пикетовъ (Цзянь-Цзэ) и постепенно стали подвигаться своими кочевками къ линіи постоянныхъ пикетовъ (Чанъ-чжукарунь). Съ начала же нынѣшняго столѣтія, пользуясь слабостью китайскихъ властей въ Западномъ краѣ, приграничные киргизы стали смѣло распространять свои кочевки и даже перешли за

линію постоянныхъ карауловъ, оттѣсняя къ востоку калмыковъ и другихъ инородцевъ, поселенныхъ въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ линіи китайскихъ пограничныхъ карауловъ. Во главѣ этого поступательнаго движенія киргизовъ находились: байджигиты, кызаевцы и кара-киреевцы. Послѣдніе, кочевавшіе въ половинѣ XVIII ст. въ западной части нынѣшняго Кокпектинскаго округа, перенесли свои стойбища почти на 500 верстъ за линію постоянныхъ китайскихъ пикетовъ. Также и кызаевцы, кочевавшіе въ Барлыкскихъ горахъ, перешли не только за эти горы, но даже за массивный горный хребетъ Алатау и спустились въ долину р. Бороталы. Съ своей стороны, и адбановскіе киргизы Большой орды, перейдя за Алтынъ-Имельскія горы, заняли Илійскую долину до самой р. Куйтунъ, а киргизы Сувановскаго рода распространили свои кочевья до селенія Чэдзи.

Хотя появленіемъ киргизъ за китайскими пограничными караулами и нарушался коренной законъ Срединной имперіи, по которому ни одинъ иностранецъ не могъ проникнуть во внутрь страны, но мѣстное начальство, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточныхъ средствъ, ограничивалось только одними предписаніями ближайшему начальнику пограничныхъ карауловъ о недопущеніи киргизъ переходить за пикетную линію. Но исполнять эти предписанія, при слабомъ численномъ составѣ пикетной стражи, было рѣшительно невозможно. Изъ этого видно, что очертанія киргизскихъ кочевыхъ районовъ, помимо частныхъ измѣненій, подвергаются въ приграничной части степного края и болѣе рѣзкимъ кореннымъ перемѣнамъ при вліяніи описаннаго выше поступательнаго движенія племенъ къ востоку въ предѣлы Западнаго Китая. Такимъ же кореннымъ измѣненіямъ подвергаются кочевые районы и во время волненій въ степи или въ сопредѣльныхъ провинціяхъ Западнаго Китая. Такъ было во время упомянутаго выше Кенисаринскаго бунта (1837—1839), а въ особенности во время Дунганскаго возстанія (1864—1867 г.). Въ концѣ Чугучакскихъ переговоровъ, когда вспыхнуло это возстаніе, существовала полная свобода перекочевокъ и наши приграничные киргизы, пользуясь полнымъ безначаліемъ и отсутствіемъ всякой власти въ Западномъ Китаѣ, устремились туда въ значительномъ числѣ кибитокъ. Понятно, что очертанія кочевыхъ районовъ киргизскихъ родовъ при такихъ массовыхъ передвиженіяхъ не только радикально измѣнялись, но и до крайности перепутались.

При такомъ положеніи дѣла вести границу по землямъ, занимаемымъ кочевыми инородцами, руководствуясь при этомъ экономическими соображеніями, т. е. поземельными пользованіями и владѣніями ихъ родовъ, т. е. желаніемъ отдѣлить чертою государственной границы кочевья одного рода отъ другого въ силу приведенныхъ исключительныхъ мѣстныхъ условій кочевого и звѣроловнаго быта этихъ инородцевъ, оказывалось совершенно непримѣнимымъ на практикѣ. Требовать, подобно нѣкоторымъ степнымъ администраторамъ, совершенно незнакомымъ съ дѣломъ, чтобы государственная граница по Чугучакскому протоколу отдѣляла одинъ родъ или одно инородческое поколѣніе отъ другого,—значило бы требовать невозможнаго. Если даже допустить, что наши комиссары какимъ-нибудь путемъ и могли бы добиться проведенія такой государственной границы, которая въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ совпадала бы съ чертой этнографическо-хозяйственной, т. е. отдѣляющей роды и поколѣнія приграничныхъ номадовъ и звѣролововъ, то въ какомъ бы ложномъ положеніи оказались наши комиссары, спустя годъ по подписаніи ими Чугучакскаго протокола, когда всѣ кочевые районы приграничныхъ киргизскихъ родовъ, вслѣдствіе возстанія дунгановъ, до такой степени были исковерканы и перепутаны, что разобраться въ этомъ хаосѣ было до крайности затруднительно. Вѣрную картину тогдашняго хаотическаго положенія поземельнаго вопроса у кочевыхъ степныхъ инородцевъ на западной китайской гриницѣ, изобразилъ Л. Ѳ. Костенко въ его „Военно-Статистическомъ очеркѣ Чжунгаріи“. По его словамъ (стр. 97), «постоянныя междоусобныя распри, борьба разныхъ народностей, перемѣна господства одного племени надъ другимъ, служили причинами постепеннаго уменьшенія населенія Чжунгаріи. Побѣжденныя народности въ какіе-нибудь два—три года вырѣзывались и истреблялись не только десятками, но даже сотнями тысячъ. Теперь, послѣ недавняго новаго возстановленія китайскаго владычества въ Чжунгаріи, не только трудно опредѣлить количество всего населенія въ описываемой странѣ, но *даже невозможно точно уловить мѣста обитанія разнообразныхъ племенъ, ее населяющихъ*“. Къ этому нужно добавить также и массовыя переселенія въ наши передѣлы китайскихъ инородцевъ, вскорѣ послѣ возстанія дунгановъ. Такъ, послѣ передачи Кульджинскаго края китайцамъ, значительная часть населенія этого края, въ числѣ 56.720 человѣкъ, таранчи и дунгановъ перешли въ наши предѣлы. Затѣмъ въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1867—1877 г., по оффиціальнымъ даннымъ, прибыло въ одинъ Туркестанскій край изъ независимыхъ владѣній на восточной и южной границахъ его т. е. въ Семирѣченскую область, а также переселено изъ смежныхъ степныхъ областей до 40 тыс. киргизъ обоего пола.

При такихъ массовыхъ переселеніяхъ за-граничныхъ инородцевъ въ степной край, а также водвореніи въ немъ вооруженнаго населенія и русскихъ крестьянъ, колонизации и эмиграции въ Китай нашихъ киргизъ по разнымъ причинамъ и, главнымъ образомъ, по случаю неурожая травъ, и, наконецъ, переходы киргизъ изъ одной области въ другую, вопросъ о поземельномъ пользованіи и владѣніи въ киргизской степи, повергаясь безпрерывнымъ колебаніямъ, очевидно не можетъ имѣть никакой устойчивости. Ставъ на точку зрѣнія вышеизложенныхъ соображеній, должно притти къ заключенію, что проведеніе государственной границы на земляхъ, занимаемыхъ кочевыми племенами или звѣроловами, по своимъ исключительнымъ мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ, требуютъ предварительнаго спеціальнаго изученія этихъ условій, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и соблюденія нѣкоторой осторожности и осмотрительности.

Все это, по возможности, и дѣлалось нашими комиссарами. Но нельзя упускать изъ виду, что они въ силу данныхъ имъ инструкцій, прежде всего были обязаны, при проектированіи черты государственной границы, неукоснительно слѣдовать указаніямъ Пекинскаго трактата, т. е. руководствоваться исключительно топографическимъ характеромъ мѣстности и ея природными условіями. Принимать же въ этомъ случаѣ въ соображеніе поземельныя владѣнія приграничныхъ кочевыхъ инородцевъ — не было основаній.

Нельзя связывать главный и существенный вопросъ объ опредѣленіи черты государственной границы на громадномъ ея протяженіи отъ горъ Алтая до одного изъ высочайшимъ горныхъ хребтовъ Центральной Азіи—Тянъ-Шаня съ второстепеннымъ, повидимому, совершенно постороннимъ и, можно сказать, почти случайнымъ вопросомъ о поземельномъ пользованіи и владѣніи приграничныхъ киргизскихъ родовъ. Въ этомъ отношеніи наши комиссары, обязанные руководствоваться государственными соображеніями, имѣли, главнымъ образомъ, въ виду, что частные интересы, при столкновеніи ихъ съ государственными, должны уступать послѣднимъ еще и потому, что самыя земли, занимаемыя киргизами, по закону считаются государственными. А потому, строго говоря, и нарушеніе правъ частной поземельной собственности не могло имѣть въ данномъ случаѣ никакого юридическаго значенія.

Отсюда видно, что проложеніе на земляхъ, занимаемыхъ кочевыми племенами, такой пограничной черты, которая, по своимъ топографическимъ свойствамъ, удовлетворяя условіямъ прочнаго естественнаго рубежа и имѣя всѣ удобства въ топографическомъ

смыслѣ, въ то же время, соотвѣтствовало бы и экономическимъ потребностямъ кочевого населенія, было не только затруднительно, но и совершенно невозможно на практикѣ.

Извѣстно, что наиболѣе удобною государственною границей, въ особенности въ азіатскихъ странахъ, при громадности обнимаемыхъ ею пространствъ, считается та, которая проходитъ по рѣзкимъ естественнымъ рубежамъ: первостепеннымъ горнымъ хребтамъ или широкимъ и глубокимъ рѣкамъ. Но, въ средѣ кочевыхъ племенъ, подобная граница не всегда можетъ совпадать съ границей этнографической, рѣзко отдѣляющей племена приграничныхъ инородцовъ и соотвѣтствующей условіямъ ихъ экономическаго быта и образа жизни.

Веденіе же границы по первостепеннымъ горнымъ хребтамъ по линіи горнаго разлома или водораздѣла, выгодное въ топографическомъ отношеніи, будетъ стѣснительно для экономическаго быта номадовъ, которые, для прокормленія своихъ стадъ, вынуждены переходить съ одной мѣстности на другую и самые предѣлы кочевокъ при такихъ переходахъ, находясь въ зависимости отъ урожая травъ, естественно должны измѣнять и, слѣдовательно, образуютъ подвижныя линіи. Подобно пастушескимъ племенамъ, и звѣроловы, преслѣдуя звѣря, добыча котораго составляетъ единственное средство ихъ существованія, въ случаѣ удачной охоты, незамѣтно для себя переходятъ съ одного ската горнаго хребта на противоположный, пересѣкая линіи водораздѣла и, слѣдовательно, нарушая границу, которая въ горныхъ странахъ совпадаетъ съ линіею водораздѣла. Такая естественння граница, собственно для звѣролова, при его образѣ жизни и существующей обстановкѣ его хозяйственнаго быта, будетъ очевидно невыгодна, хотя, въ то же время, она удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ прочной государственной границы.

Приведенныя соображенія находятъ себѣ наглядное подтвержденіе и въ сравненіи быта народа кочевыхъ и земледѣльческихъ. По весьма основательному замѣчанію А. С. Хомякова: „пастухъ и звѣроловъ не дорожатъ своей родиной. Почва не улучшена ихъ трудами, лѣсныя трущобы не созданы ихъ неутомимой борьбой съ природой. *Нѣтъ у нихъ цѣпей, связующихъ человѣка съ землею*, на которой онъ родился и жилъ. Когда наступаютъ враждебныя племена, пастухъ и звѣроловъ сражаются и, въ случаѣ пораженія, охотно бѣгутъ въ другіе края. Имъ вездѣ хорошо, гдѣ есть просторъ, луга для пастбища, да лѣсъ для добычи. Участь народа земледѣльческаго совсѣмъ иная. Приходитъ время, когда общественное просвѣщеніе соединяетъ его въ массу крѣпкую и нена-

рушимую. О него разбивается завоевательный натискъ дикаря кочевого и удачный отпоръ мало-по-малу расширяетъ вѣчно угрожаемыя границы. Такова судьба Россіи и Китая, которые мирной сохой побѣдили мечи сосѣднихъ племенъ“ [1]).

Соотвѣтственно кочевому образу жизни киргизъ и потребностямъ ихъ экономическаго быта, наиболѣе удобною границею могли бы служить голыя и сухія возвышенности, которыя, не привлекая къ себѣ кочевниковъ, остаются незанятыми.

Но подобная граница, не образуя сплошной гряды, тянется участками и, невсегда совпадая съ линіей водораздѣла, оказывается неудобною въ топографическомъ отношеніи. Наконецъ, если допустить возможность на нашей восточной азіатской окраинѣ дать такое направленіе границѣ, чтобы она совершенно отдѣляла крайнія киргизскія кочевья отъ поземельныхъ владѣній монгольскихъ племенъ, подвластныхъ Китаю, то, при такомъ сосѣдствѣ и при извѣстной многовѣковой ненависти обоихъ народовъ, трудно ожидать, чтобы спокойствіе на границѣ могло окончательно и твердо упрочиться. А потому такая граница, хотя и будетъ удовлетворять условіямъ этнографическимъ, но зато не требуетъ болѣе средствъ для его охраны и постояннаго поддержанія на ней надлежащаго порядка и спокойствія.

Вникая въ это дѣло глубже, нельзя не придти къ окончательному заключенію, что, при проведеніи границы въ средѣ кочевыхъ племенъ, весьма трудно соблюсти, чтобы эта граница, вполнѣ обезпечивая экономическіе интересы кочевыхъ обитателей степи, въ то же время, удовлетворяла бы въ полной мѣрѣ и видамъ государственнымъ. Направленіе государственной границы зависитъ отъ политическихъ соображеній и, въ виду важности интересовъ государственныхъ, приходится по необходимости жертвовать мѣстными интересами, въ сущности, самой ничтожной части пригpаничныхъ жителей. Въ этомъ отношеніи разъединеніе границею киргизскихъ родовъ, какъ, повидимому, оно ни казалось бы неудобнымъ въ хозяйственномъ отношеніи, является неизбѣжнымъ въ силу политической необходимости. Къ такому же выводу пришла и Степная комиссія, составлявшая положеніе объ управленіи областями киргизскихъ племенъ. По ея заключенію, заселеніе казаками границы нашей съ Западнымъ Китаемъ, разъединяя подвластныхъ намъ киргизъ отъ ихъ соплеменниковъ, находящихся въ иностранныхъ владѣніяхъ, важно въ политическомъ отношеніи. Изъ приведенныхъ соображеній видно, что наши комиссары, въ силу данной имъ полномочной инструкціи, обязаны были опредѣлить прочную и устойчивую границу, соображаясь съ характеромъ мѣстности и ея природными условіями, были поставлены въ совершенную невозможность соблюсти, въ то же время, въ полной мѣрѣ и требованія этнографическія и экономическія по отношенію къ пограничнымъ инородцамъ.

[1]) А. С. Хомяковъ. Т. 5. стр. 94—95.

По всестороннемъ обсужденіи этого вопроса о народахъ, обитающихъ вдоль границы, комиссары пришли къ заключенію, что при предстоящихъ переговорахъ было бы съ нашей стороны болѣе соотвѣтственно не возбуждать съ ними этого вопроса, тѣмъ болѣе, что такой образъ дѣйствія вполнѣ согласовался съ указаніями упомянутой выше инструкціи, данной нашимъ комиссарамъ. Если же о подданствѣ пограничныхъ инородцевъ послѣдуетъ заявленіе со стороны китайцевъ, то объявить имъ, что съ нашей стороны полагалось бы постановить правиломъ, что къ какому государству отойдутъ по разграниченіи земли, тому же государству должны принадлежать и народы, обитающіе на этихъ земляхъ. Этимъ рѣшеніемъ признавалось возможнымъ дать окончательную постановку вопроса о пограничныхъ инородцахъ.

Таковы были руководящія начала, принятыя нашими комиссарами въ основаніе при предстоящихъ переговорахъ съ китайцами, а также и при составленіи проекта государственной границы, который предположено было предъявить китайскимъ уполномоченнымъ. По этому проекту, граница наша съ Западнымъ Китаемъ, начинаясь отъ пограничнаго знака Шабина-Дабага, слѣдовала по гребнямъ горныхъ вершинъ Малаго Алтая до верховьевъ рѣки Бухтармы и Нарыма. Оттуда, спустившись съ горъ на равнину, граница направлялась на юго-западъ и упиралась въ сѣверо-восточную оконечность озера Зайсана, затѣмъ она слѣдовала на востокъ, направляясь вверхъ по р. Черному Иртышу, до китайскаго пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ (Акъ-Тюбе). Отсюда, дѣлая крутой поворотъ на югъ, граница направлялась къ горамъ Тарбагатая.

По достиженіи Тарбагатайскаго хребта, при проходѣ Бургусутай, граница поворачивала на западъ и направлялась по альпамъ Тарбагатая до прохода Хабаръ-асу. Здѣсь граница снова дѣлала крутой поворотъ на югъ и слѣдовала на пикетъ Бахты и далѣе, вдоль линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ до сѣверной оконечности массивнаго горнаго хребта Алатау и далѣе, по гребню этого хребта до его юго-западной оконечности. Спустившись съ горъ Алатау на равнину, государственная граница направлялась по р. Тургеню и далѣе на югъ по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ къ р. Или, которую пересѣкала у пикета Или-бирай-ци-

кинъ и слѣдовала, затѣмъ, прямо на югъ къ пикету Чунъ-Чжи и отъ него къ истокамъ рѣки Темерлика. Отсюда граница проходила по хребту Темерлика до истоковъ р. Кегена, а затѣмъ, сдѣлавъ поворотъ на юго-западъ, направлялась по хребту Кара-Тау и по р. Дарату, до р. Текеса. За р. Текесъ граница слѣдовала вверхъ по р. Нарынъ-гола (по китайски: Нарынъ-халга), гдѣ и упиралась въ Тянь-Шаньскій горный хребетъ. Далѣе она слѣдовала до хребта Цунъ-Линь (по-китайски), на бывшей кокандской (нынѣ Туркестанской) границѣ.

Сопоставляя этотъ проектъ границы съ тѣми, которые были составлены Генералъ-Губернаторами Западной Сибири Гасфордомъ и Дюгамелемъ, оказывается, что существенное различіе этихъ двухъ проектовъ отъ нашего заключалось, главнымъ образомъ, въ обозначеніи границы въ районѣ тѣхъ мѣстностей степного края. которыя оказываются сопредѣльными съ озеромъ Зайсаномъ. По по проекту Г. Х. Гасфорда, граница отъ устья р. Нарыма, направляясь вверхъ по теченію р. Иртыша, до выхода ея изъ озера Зайсана, огибала это озеро съ западной и южной стороны до впаденія рѣчки Джимыарала. Вслѣдствіе чего, весь юго-западный берегъ озера, до впаденія означенной рѣчки, долженъ остаться въ русскомъ владѣніи, чтобы имѣть полную свободу ловить рыбу не только въ самомъ озерѣ, но и въ Черномъ Иртышѣ, какъ предполагалъ Г. Х. Гасфордъ, хотя проектированная имъ граница не доходитъ не только до Чернаго Иртыша, но и до восточнаго берега Зайсана. Отъ устья р. Джимыарала генералъ Гасфордъ предполагалъ направить границу на проходъ Хабаръ-асу и далѣе, по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ по главному гребню хребта Алатау къ проходу Уанъ-Ташъ, откуда граница должна выйти къ р. Или, противъ устья р. Чарына, и слѣдовать далѣе по Чарыну до устья р. Кегена, затѣмъ къ верховьямъ р. Текеса и отсюда на югъ, къ Тянь-Шаньскому хребту.

По проекту генерала Дюгамеля, озеро Зайсанъ предполагалось раздѣлить на двѣ части или сдѣлать его нейтральнымъ съ тѣмъ, чтобы какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ рыбный промыселъ остался свободнымъ для подданныхъ обоихъ государствъ.

Кромѣ того, противъ упомянутаго выше проекта границы составленнаго нашими комиссарами, генералъ Дюгамель предлагалъ сдѣлать нѣкоторыя уступки китайцемъ земель на юго-востокъ Заилійскаго края. По мнѣнію Дюгамеля, китайцы никогда не согласятся уступить намъ долину р. Кегена, гдѣ у нихъ есть озеро, доставляющее соль всѣмъ окрестнымъ жителямъ и сребро-свин-

цовые рудники, или разрабатываемые, и что, для присоединенія къ Имперіи этой части китайскихъ владѣній, намъ пришлось бы прибѣгнуть, по его мнѣнію, къ силѣ оружія, что вовсе не входитъ въ виды нашей политики. По этому генералъ Дюгамель полагалъ, что къ югу отъ р. Или граница наша должна слѣдовать не по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, какъ полагали наши комиссары, но къ западъ отъ этой линіи по р. Чарыну и Большой Каркарѣ, т. е. по тому направленію, которое и обозначалось на всѣхъ нашихъ картахъ въ видѣ условной границы. Такимъ образомъ, Санъ-Ташскій проходъ и путь, ведущій къ озеру Иссыкъ-куль, остаются въ нашихъ рукахъ, что, по мнѣнію Дюгамеля, совершенно достаточно. Кромѣ того, генералъ Дюгамель находилъ, что проведеніе пограничной черты въ 15 верстахъ отъ Чугучака непремѣнно дастъ поводъ къ столкновеніямъ на будущее время и что надобно имѣть въ виду, по возможности, удалить эту границу болѣе на западъ.

Изъ приведеннаго описанія границы, предложенной Ген.-Губ. Гасфордомъ и Дюгамелемъ, видно, что эта граница оставляла въ китайскомъ владѣніи не только озеро Зайсанъ, но и сопредѣльныя съ ними мѣстности Зайсанскаго и Курчумскаго края. По проекту же нашихъ комиссаровъ, граница была направлена такимъ образомъ, что мы оставляли за собой неукоснительное обладаніе какъ этимъ озеромъ такъ и всѣмъ Зайсанскимъ и Курчумскимъ краемъ. Точно также эта граница, проектированная нашими комиссарами, на юго-востокѣ Заилійскаго края отмежевывала къ владѣніямъ Россіи не только верховья р. Кегена, но и всю рѣчную область р. Чарына.

Предъявленіе китайскимъ комиссарамъ нашего проекта границы оказывалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что на первой же конференціи, которая состоялась 22 іюля, китайцы, узнавъ, что обозначенныя на нашинъ картахъ государственная граница проведена по линіи ихъ постоянныхъ пикетовъ, заявили намъ свои обширныя и въ то же время, неосновательныя притязанія на земли, занятыя киргизами не только Большой, но и Средней орды. При этомъ китайскіе уполномоченные отвергнули дѣйствительность 2-ой и 3-й ст. Пекинскаго договора, сославшись на указъ, полученный изъ Пекина, вслѣдствіе донесенія Илійскаго Цзянь-Цзюня объ удаленіи китайскаго отряда генерала Хабцисяня изъ окрестностей озера Иссыкъ-куль. Въ заключеніе, китайцы предложили намъ просить новыхъ инструкцій изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, на что мы поставили на видъ китайцамъ всю неосновательность ихъ требованія, а въ особенности, о недѣйствительности 2 и 3 ст.

Пекинскаго трактата. Мы разъяснили китайцамъ что Пекинскій трактатъ долженъ служить главнымъ основаніемъ, въ переговорахъ о границѣ для обоихъ государствъ, тѣмъ болѣе, что о ненарушимомъ его соблюденіи указано въ самомъ трактатѣ. Сначала китайцы удовлетворились этимъ объясненіемъ и перешли къ обсужденію значенія словъ: «постоянный пикетъ». Мы выставили, какъ примѣры этихъ пикетовъ, Чингистай и Бахты. Согласившись съ нами относительно перваго, китайцы назвали Бахты внутреннимъ пикетомъ, прибавивъ, что внѣшними пикетами должны считаться наши города: Сергіополь, Лепсинскъ и друг. На мы это подробно и точно по китайскому тексту разъяснили китайскимъ уполномоченнымъ точное значеніе выраженій: «постоянныхъ пикетовъ, нынѣ существующихъ».

Послѣ краткаго перерыва, въ теченіе котораго китайскіе комиссары вели между собою оживленный разговоръ, они коснулись вопроса о народахъ и утверждали, что всѣ киргизы принадлежатъ Китаю. Послѣ такого заявленія, мы не знали чему болѣе удивляться: тупому ли невѣжеству китайцевъ или ихъ беззастѣнчивой наглости.

Понятно, что это заявленіе было нами опровергнуто безъ труда. Но китайцы не унимались; они снова предложили намъ вопросъ: чьими подданными мы считаемъ алтайскихъ урянхайцевъ?

На это мы отвѣчали имъ, что не имѣемъ притязанія на тѣ племена урянхайцевъ, которыя кочуютъ по хребту Танну-Олла. Но когда они назвали урянхайцами племена, живущія около Телецкаго озора и извѣстныхъ у насъ подъ именемъ телеутовъ, то ихъ же кобдинскій чиновникъ, находившійся въ свитѣ улясутайскаго цзянь-цзюня—Мина-И, вполнѣ подтвердилъ наши слова, добавивъ при этомъ, что два знамени телеутовъ, иначе называемые двоеданцами, принадлежатъ имъ, а третье знамя—намъ. Заявленіе это вполнѣ согласуется съ 3-ей статьей Кяхтинскаго договора, заключеннаго 21 октября 1727 г., въ которой сказано: «А урянхи въ которую сторону платили по пяти соболей, впредь оставлены по прежнему у своихъ владѣтелей, а которые по одному соболю давали, впредь не возмется съ нихъ вѣчно съ котораго дня пограничный договоръ установился, и что такъ рѣшено о томъ подтвержцено письменнымъ свидѣтельствомъ и каждой сторонѣ вручено». Изъ этого видно, что вопросъ о подданствѣ урянхайцевъ былъ рѣшенъ еще въ 1727 г. на основаніи Кяхтинскаго трактата, а Пекинскій трактатъ подтвердилъ лишь обязательную силу ранѣе установленнаго порядка.

Послѣ того, старшій китайскій комиссаръ Цзянь-Цзюнь Минъ снова возбудилъ вопросъ о земляхъ, сказавъ, что Чжунгарія принадлежитъ Китаю по праву завоеванія, а потому, если въ ней проживаютъ подвластные России инородцы, то мы вправѣ ихъ выселить въ свои земли. На это мы замѣтили, что по покореніи Чжунгаріи, для огражденія западныхъ предѣловъ ихъ имперіи отъ враждебныхъ покушеній со стороны кочевыхъ обитателей степи, была устроена оборонительная линія, состоящая изъ ряда, такъ называемыхъ, постоянныхъ карауловъ, которые были тогда же заняты китайскими войсками. Эта-то линія, говорили мы, и образовала собою государственную границу на западныхъ предѣлахъ Срединнаго государства. Но такъ какъ граница, по Пекинскому трактату, должна быть проведена по линіи постоянныхъ пикетовъ, то всѣ земли съ мѣстнымъ ихъ населеніемъ къ западу отъ этой линіи должны быть признаны принадлежащими России. Но китайцы съ тупымъ упорствомъ и заносчивою самонадѣянностью продолжали оспаривать наше мнѣніе, утверждая, что нынѣшніе постоянные пикеты есть внутренніе, а подъ внѣшними нужно разумѣть Аягузъ (Сергіополь), Лепсинскъ и друг. На такое непомѣрное требованіе китайцевъ мы были вынуждены поставить имъ на видъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ, по ихъ словамъ, находятся внѣшніе пикеты, уже давно построены наши города и селенія, слѣдовательно объ этихъ мѣстностяхъ не можетъ быть и рѣчи.

Въ заключеніе этого засѣданія, Цзянь-Цзюнь Минъ-И предложилъ при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса о направленіи граничной черты разсматривать ее по тремъ главнымъ отдѣламъ: 1) отъ знака Шабина-Дабага до озера Зайсана, 2) отъ него до Илійскаго округа и 3) на остальномъ протяженіи границы до кокандскихъ предѣловъ.

Изъ приведеннаго выше описанія переговоровъ съ китайцами, происходившими на первомъ засѣданіи, видно, что китайскіе комиссары, обсуждая вопросъ о направленіи граничной черты, коснулись также и нѣкоторыхъ частностей границы, какъ напр. объ обитающихъ въ приграничной мѣстности кочевыхъ инородцахъ. Между тѣмъ, на послѣдующихъ конференціяхъ китайскіе комиссары совершенно неожиданно заявили, что указомъ Пекинскаго Государственнаго Совѣта они назначены только *вести* переговоры о границѣ, но не могутъ *постановить* что-либо о границѣ, не имѣя на это установленнаго полномочія. Другое, еще болѣе неожиданное заявленіе, сдѣланное намъ китайцами, заключалось въ томъ, что они не могутъ вести переговоры на основаніи Пекинскаго трактата на томъ основаніи, что онъ заключенъ пекинскими са-

новниками, не знавшими мѣстныхъ обстоятельствъ. Вслѣдствіе сдѣланнаго объ этомъ мѣстнымъ пограничнымъ начальствомъ представленія въ Пекинъ, китайское правительство дало имъ предписаніе вести переговоры по соображенію мѣстности. Китайцы высказали также, что они должны представлять своему правительству на утвержденіе все то, что будетъ говорено на взаимныхъ совѣщаніяхъ.

Изъ этого видно, что руководящія начала, положенныя въ основаніе для веденія нами переговоровъ о границѣ, совершенно расходились съ воззрѣніями китайцевъ на дѣло установленія государственной границы на западныхъ предѣлахъ ихъ имперіи. Въ то время, когда Высочайше дарованными полномочіями намъ предоставлялось право не только вести переговоры о границѣ, но и выражалось согласіе утвердить граничную черту въ томъ объемѣ, въ какомъ она будетъ опредѣлена на мѣстѣ въ Чугучакѣ, по взаимнымъ совѣщаніямъ полномочными обѣихъ сторонъ,—китайцамъ предоставлено было только право разсуждать о ней. Это обстоятельство, а равно и явное отрицаніе китайцами обязательной силы для нихъ Пекинскаго трактата возбудило въ нашихъ комиссарахъ сомнѣніе въ правильности этихъ заявленій китайскихъ уполномоченныхъ и въ желаніи ихъ: всѣ проектированныя на переговорахъ статьи предполагаемаго договора о границѣ представлять на редакцію Пекинскаго правительства, а, быть можетъ, также и европейскихъ посланниковъ.

При такомъ положеніи дѣла, наши комиссары пришли къ убѣжденію въ безполезности вести переговоры на такихъ основаніяхъ, которыя противоположны нашимъ. Но, чтобы китайцы не могли впослѣдствіи отказаться отъ того, что они намъ говорили, а именно: что они не имѣютъ полномочія опредѣлять границу, но должны предварительно представлять въ Пекинъ, а также, что они при переговорахъ не могутъ руководиться Пекинскимъ трактатомъ, мы на взаимномъ совѣщаніи между собой рѣшили оффиціально запросить китайцевъ о значеніи данныхъ имъ Пекинскимъ правительствомъ полномочій, указавъ при этомъ китайцамъ на силу нашихъ полномочій, чтобы, по удостовѣреніи въ обоюдныхъ равносильныхъ полномочіяхъ, могли немедленно приступить къ взаимному совѣщанію объ опредѣленіи и проведеніи границы, согласно точному смыслу 2-й и 3-й статей Пекинскаго трактата.

Въ случаѣ, если бы китайцы дали отрицательный отвѣтъ, т. е. что они не могутъ слѣдовать при переговорахъ указаніямъ Пекинскаго трактата, то намъ ничего бы не оставалось дѣлать, какъ trancher le mot, т. е. объявить китайцамъ также оффиціальнымъ отношеніемъ, что на этихъ основаніяхъ дальнѣйшіе переговоры состояться не могутъ, и наши комиссары будутъ вынуждены прекратить ихъ и выѣхать изъ Чугучака. Въ полученномъ нами отвѣтѣ на это наше заявленіе, китайскіе комиссары, хотя и снова утверждали, что они не имѣютъ званія полномочныхъ, однако же не могли сказать того, что говорили прежде, т. е. будто бы они уполномочены только трактовать о границѣ, а всѣ постановленія на общемъ совѣщаніи напередъ обязаны представлять на утвержденіе въ Пекинъ. Напротивъ, изъ сего отвѣта оказалось, что они уполномочены не только вести переговоры о границѣ и постановить опредѣленіе оной, но и еще болѣе: китайское правительство теперь же предписало имъ: о всѣхъ послѣдующихъ распоряженіяхъ, какіе должны быть сдѣланы, рѣшить также на взаимномъ совѣщаніи въ Тарбагатаѣ.

Изъ того же отвѣта оказалось, что китайское правительство сначала предполагало вести дѣло разграниченія на основаніи Пекинскаго трактата, но что вслѣдствіе представленія Илійскаго Цзянь-Цзюня, оно, приславъ карту съ обозначеніемъ на ней желтою краскою граничной черты, предписало улясутайскому Цзянь-Цзюню при переговорахъ о границѣ держаться этой карты. Отсюда видно, что возбужденный нами вопросъ о значеніи полномочій, данныхъ китайскимъ комиссарамъ, разрѣшался въ положительномъ смыслѣ. Изъ отвѣта китайскихъ комиссаровъ мы удостовѣрились, что Пекинское правительство вполнѣ уполномочило своихъ представителей въ Тарбагатаѣ на опредѣленіи границы и при томъ на основаніи Пекинскаго трактата. Упомянутое же выше распоряженіе его, чтобы держаться присланной изъ Пекина карты, было нами отклонено и оставлено безъ вниманія, какъ не заявленное предварительно нашему правительству. Въ день, назначенный нами для слѣдующей конференціи, а именно 12-го августа, мы, по взаимному совѣщанію, условились принять за правило: при первомъ удобномъ случаѣ дать понять китайцамъ, что правительство наше не очень интересуется проведеніемъ границы съ Западнымъ Китаемъ. А потому, прибывъ 12-го августа на конференцію въ Гунъ-Фанъ, мы почли за лучшее, послѣ взаимныхъ привѣтствій, не начинать первыми разговора о границѣ и выждать, пока начнутъ говорить китайскіе комиссары, и тогда уже отвѣчать имъ. Между тѣмъ, китайцы тоже съ своей стороны хотѣли выдержать и, ожидая первой рѣчи отъ насъ, молчали. Такое молчаніе длилось болѣе получаса. Наконецъ, улясутайскій Цзянь-Цзюнь Минъ-И первый началъ разговоръ о границѣ, заявивъ намъ, что переговоры о проведеніи граничной черты могутъ быть ведены ими только

на основанiи указа, полученнаго изъ Пекина и присланной при немъ карты. Трактовать же о границѣ, на основанiи Пекинскаго договора, они не могутъ, потому что постоянные пикеты (Чанъ-чжу-кàрунь) образуютъ собою линiю внутреннихъ пикетовъ и слишкомъ близки къ ихъ внутреннимъ землямъ. Между тѣмъ, за этой линiей, по направленiю къ западу, есть еще другая линiя внѣшнихъ пикетовъ (Цзянь-Цзэ). Въ прежнiя времеиа, по словамъ китайцевъ, эта линiя образовала собою западную окраину чжунгарскихъ владѣнiй, за которой уже начинались земли, занятыя киргизскими ордами.

Впослѣдствiи, киргизамъ дозволено было китайскимъ правительствомъ, при Императорѣ правленiя Цянь-Лунь, переходить за эту линiю и кочевать на пространствѣ между Цзянь-Цзэ и Чанъ-чжу-кàрунь. За право свободнаго кочеванiя китайцы получали съ киргизъ въ оброкъ—лошадей. Въ заключенiе всего этого китайцы утверждали, что во 2-й ст. Пекинскаго трактата сказано: что „западная граница еще не опредѣлена“, значитъ нельзя сказать, что ее нужно вести по линiи постоянныхъ пикетовъ. Слѣдовательно должно посовѣтоваться: гдѣ и какъ ее вести. На это мы были вынуждены снова повторить китайцамъ все то, что нами было высказано на прежнихъ конференцiяхъ и сообщено имъ въ оффицiальной перепискѣ. Сущность нашего заявленiя заключалась въ томъ, что переговоры о границѣ могутъ быть ведены нами не иначе, какъ на основанiи Пекинскаго трактата. Полученный же ими изъ Пекина указъ мы не считаемъ для себя обязательнымъ на томъ основанiи, что онъ предварительно не былъ сообщенъ нашему правительству и не одобренъ имъ. Упоминаемая же ими карта также не можетъ быть принята нами во вниманiе, потому что она уже утратила свое значенiе, будучи составлена, по ихъ же словамъ, сто лѣтъ тому назадъ, и вслѣдствiе указанiй 3-й ст. Пекинскаго трактата, который опредѣляется совокупно на общемъ совѣщанiи составить намъ карты окончательно опредѣленной границы. Точно также не можетъ быть принято нами въ уваженiе и выставляемое ими неудобство вести границу по постояннымъ пикетамъ въ виду того, что они близки къ ихъ внутреннимъ землямъ. Правительство Срединнаго государства, говорили мы, лучше понимало дѣло, когда постановило въ трактатѣ вести границу по постояннымъ пикетамъ. Если бы оно желало направить граничную черту по внѣшнимъ пикетамъ, въ такомъ случаѣ въ трактатѣ было бы написано: вести границу по Цзянь-Цзэ, а не по Чанъ-чжу-кàрунь. Передѣлать же трактатъ никто изъ насъ не имѣетъ права, такъ какъ онъ утвержденъ правительствами обоихъ государствъ.

Что же касается до чжунгарской границы и киргизъ, кочующихъ нынѣ на прилегающей къ ней полосѣ земли бывшей Чжунгарiи, то это не имѣетъ для насъ никакого значенiя и не можетъ быть принято нами во вниманiе, потому что въ данномъ случаѣ весь вопросъ заключается въ начертанiи границы по мѣстнымъ урочищамъ, т. е. горамъ, рѣкамъ и линiи постоянныхъ пикетовъ. Принимать же при этомъ въ соображенiе киргизъ и мѣсто ихъ кочеванiя нѣтъ основанiй: нельзя связывать существеннаго вопроса о проведенiи границы съ постороннимъ, такъ сказать, случайнымъ вопросомъ о киргизахъ и только потому, что они имѣютъ свои кочевки въ приграничной мѣстности. Всѣ земли, находящiяся внѣ линiи постоянныхъ пикетовъ, занятыя киргизами, имъ и принадлежатъ. При настоящихъ переговорахъ, когда идетъ дѣло о разграниченiи земель двухъ великихъ государствъ, о киргизахъ не можетъ быть и рѣчи. Когда же, по взаимному соглашенiю комиссаровъ, будетъ окончательно опредѣлена граница, тогда киргизы, такъ сказать, сами собою со своими землями отойдутъ къ тому государству, къ которому, по указанiю пограничной черты, отошли и земли, на которыхъ они теперь кочуютъ.

Приведенные выше нами доводы произвели, повидимому, благопрiятное для насъ впечатлѣнiе на китайцевъ. Подъ конецъ засѣданiя, они сдѣлались уступчивѣе и начали часто повторять, что они не смѣютъ сказать, будто они отвергаютъ Пекинскiй трактатъ. Вслѣдствiе чего, мы предложили китайцамъ: предварительно посовѣтовавшись между собою, въ послѣдующихъ засѣданiяхъ вести переговоры по опредѣленiю границы не иначе, какъ на основанiи Пекинскаго трактата. Слѣдующее засѣданiе назначено было нами 18-го или 19-го августа. Но китайцы просили отложить его до 21-го. Причина этой отсрочки, по всему вѣроятiю, заключалась въ томъ, что китайскiе комиссары послали въ Кульджу сообщенiе о несогласiи нашемъ вести переговоры на основанiи присланной карты въ виду того, что проектъ о подобномъ проведенiи границы, возникъ по мысли Илiйскаго Цзянь-Цзюня и, по мнѣнiю нишихъ комиссаровъ, находится въ прямомъ противорѣчiи съ Пекинскимъ трактатомъ.

Обѣщанiе, данное намъ китайскими комиссарами, вести переговоры на началахъ, изложенныхъ въ Пекинскомъ трактатѣ, подавали надежду, что на слѣдующемъ засѣданiи, назначенномъ на 21-е августа, будутъ достигнуты вполнѣ благопрiятные результаты. Предположенiе это не оправдалось. Въ самомъ началѣ засѣданiя, Цзянь-Цзюнь Минъ-И предложилъ, не упоминая о картѣ,

послужившей къ разногласію между нами, вести переговоры на основаніи Пекинскаго трактата.

Но при послѣдующихъ разсужденіяхъ, китайскіе комиссары, а въ особенности Таргабатайскій Хэбэй-Амбань уклонились отъ своего заявленія, упомянутаго выше, и снова начали доказывать, что только карта, присланная изъ Пекина, можетъ служить руководствомъ при опредѣленіи границы, хотя, въ то же время, они не утверждаютъ, что не слѣдуютъ Пекинскому трактату. По мнѣнію китайцевъ, опредѣленіе границы должно начать съ пограничнаго знака Шабина-Дабага, какъ составляющаго конечный пунктъ, до котораго была доведена въ 1728 г. кяхтинская граница. Отсюда, говорили китайцы, согласно трактату, должно вести границу прямо на западъ къ Телецкому озеру (по-китайски: Алтынъ-норъ), гдѣ живутъ подвластные Китаю урянхайцы, и далѣе, на р. Катунь, по которой китайскіе пограничные начальники ежегодно совершаютъ объѣзды для осмотра границы. Въ этихъ мѣстахъ живутъ монголы, которые никогда не были русскими подданными, но находились подъ властью китайскихъ чиновниковъ и получали жалованье и подарки отъ китайскаго правительства. Поэтому, говорили китайцы, при разсужденіи о проведеніи границы нельзя не принять во вниманіе народовъ, обитающихъ въ приграничной мѣстности. По мнѣнію китайскихъ комиссаровъ, все это ясно указывало на необходимость вести переговоры, на основаніи присланной изъ Пекина карты.

Въ виду же замѣченнаго ими несходства и разногласія ихъ карты съ нашею, было бы необходимо командировать чиновниковъ съ каждой стороны для повѣрки картъ на мѣстности; и затѣмъ уже по картѣ опредѣлить границу. Обозначать же ее, согласно трактату, по горамъ, рѣкамъ и пикетамъ, не зная, какія именно горы, рѣки и пикеты,—невозможно.

На это мы объяснили китайцамъ, что вести границу *на западъ прямо* къ озеру Зайсану невозможно, потому что оно находится, по отношенію къ пограничному знаку Шабина-Дабага, *не на западъ*, а на *юго-западъ*. При томъ, направляя границу на западъ, не только нельзя притти къ озеру Зайсану, но при такомъ очертаніи границы должны отойти къ Китаю наши города Томской губ.: Бійскъ и друг. Затѣмъ въ трактатѣ слово «*прямо*» поставлено послѣ слова: «*на западъ*», а это означаетъ, что граница, поведенная на западъ, должна упереться прямо въ озеро Зайсанъ. Поэтому мы, держась буквально Пекинскаго трактата, полагаемъ, что граница отъ Шабина-Дабага должна быть ведена—на югъ по линіи воораздѣла къ хребту Танна-Олла, а отъ него на западъ

прямо къ озеру Зайсану. Что же касается до урянхайцевъ, или такъ называемыхъ «двоеданцевъ», платящихъ подати обоимъ государствамъ, то земли, ими обитаемыя не были окончательно размежеваны. А потому, эти инородцы вмѣстѣ съ землями должны отойти къ намъ. Если же урянхайцы и другіе инородцы захотятъ признавать по прежнему вашу власть, то переселите ихъ къ себѣ. При этомъ мы замѣтили китайцамъ, что за преданность урянхайцевъ и киргизъ ручаться нельзя, т. е. что эти инородцы, по своему легкомыслію, признаютъ власть то одного государства то другого.

Затѣмъ мы поставили на видъ китайцамъ, что такъ какъ въ силу Буринскаго трактата двоеданцы находятся въ подданствѣ обоихъ государствъ, то они не имѣли права назначать своихъ чиновниковъ безъ преварительнаго соглашенія съ нашимъ правительствомъ. Предложеніе китайцевъ вести границу по ихъ картѣ мы положительно отклонили, потому что это противорѣчило бы Пекинскому трактату. При томъ китайская карта, составленная лицами, неимѣющими даже элементарныхъ познаній въ картографіи, не могла служить руководствомъ при настоящемъ дѣлѣ. Въ подтвержденіе неумѣнія китайцевъ составлять карты, мы указали китайскимъ комиссарамъ на то обстоятельство, что при Императорахъ правленія Канъ-Си и Цянь-Лунь, китайское правительство дѣло составленія картъ въ Имперіи поручило европейцамъ.

Относительно командированія въ настоящее время чиновниковъ для провѣрки картъ, мы заявили китайцамъ, что находимъ это совершенно излишнимъ.

Неоспоримо, что на обширномъ пространствѣ границы могутъ быть участки малоизвѣстныхъ мѣстностей, которые было бы полезно и необходимо провѣрить, но все это можетъ быть сдѣлано чиновниками, на которыхъ будетъ возложена постановка границы на самой мѣстности по окончательномъ опредѣленіи ея на съѣздѣ въ Чугучакѣ и по подписаніи протокола. Слѣдовательно, провѣрять карты во время переговоровъ, при обширномъ протяженіи границы не представляетъ никакой необходимости. Это можетъ быть допущено только въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ г. Чугучаку.

Въ заключеніе, мы поставили на видъ китайскимъ комиссарамъ, что, судя по заявленіямъ, сдѣланнымъ намъ ихъ чиновниками отъ имени комиссаровъ, мы пришли къ заключенію, что на конференціи 21-го августа не будетъ говориться о картѣ, присланной изъ Пекина и самое совѣщаніе объ опредѣленіи границъ бу-

детъ происходить на началахъ изложенныхъ въ Пекинскомъ трактатѣ. То же самое повторилъ и Цзянь-Цзюнь Минъ-И при открытіи засѣданія.

Между тѣмъ, при дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ, они, сославшись на необходимость опредѣлить границу по картѣ, этимъ самымъ по прежнему уклонились отъ установленія ея на основаніи трактата, другими словами, отказываясь отъ Пекинскаго трактата, говорили мы китайцамъ—вы отвергаете его. Послѣ этого, мы должны вамъ сказать, что продолжать дальнѣйшіе переговоры будетъ безполезно и намъ слѣдуетъ разъѣхаться. Да и самая карта ваша не такъ несходна съ нашими, чтобы не имѣла съ ними ничего общаго. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, мы предложили китайскимъ уполномоченнымъ прислать въ нашу факторію ихъ чиновниковъ, которымъ для примѣра мы дадимъ списокъ горъ и рѣкъ отъ Шабина-Дабага до озера Зайсана и они увидятъ, что тѣ же самыя названія обозначены и на ихъ картѣ. Слѣдовательно, руководствуясь Пекинскимъ трактатомъ и справляясь со своей картою, они могутъ вести переговоры о границѣ и опредѣлить ее.

Изъ вышеизложеннаго описанія переговоровъ нашихъ съ китайцами, происходившихъ на конференціи 21-го августа, видно, что они также кончились ничѣмъ: китайскіе комиссары не только уклонялись отъ проведенія въ исполненіе Пекинскаго трактата, но даже во все время веденія переговоровъ старались показать намъ, что они вовсе не интересуются дѣломъ разграниченія и какъ будто очень рады, если имъ придется разъѣхаться съ нами.

На другой день, несмотря на данное ими обѣщаніе, они не прислали своихъ чиновниковъ въ нашу факторію, для сличенія нашихъ названій горъ и рѣкъ въ Алтайскомъ краѣ съ китайскими. Только на слѣдующій день пріѣхали въ нашу факторію китайскіе чиновники, которымъ были предъявлены наши карты съ маньчжурскими надписями мѣстныхъ урочищъ, для сличенія этихъ надписей съ означенными на китайской картѣ. Но китайскіе чиновники объявили, что они не могутъ взять нашей карты безъ предварительнаго позволенія на то своихъ Амбаней. Послѣ того, въ теченіе послѣдующихъ двухъ дней китайскіе чиновники не являлись къ намъ съ отвѣтомъ. Такимъ образомъ, съ самаго открытія переговоровъ въ Чугучакѣ о границѣ, китайцы всемѣрно старались затягивать эти переговоры, откладывая, подъ разными предлогами, а иногда и безъ всякаго повода, дни, назначенные для конференцій,—на болѣе продолжительное время. Когда же мы посылали за ихъ чиновниками, то они являлись на другой или на третій день

Въ то же время и, повидимому, самими китайскими комиссарами распространялись въ городѣ, между народомъ самые нелѣпые слухи: что, съ цѣлью принудить насъ къ соглашенію на ихъ предложенія, вызываются въ Чугучакъ войска изъ Ланъ-Чжоу (за 3 тыс. верстъ) и что мѣстное начальство въ Кульджѣ распорядилось выставить противъ насъ войско, силою болѣе 5 тыс. солдатъ и что, наконецъ, въ Кульджѣ уже сожгли нашу факторію. Всѣ эти слухи не произвели на насъ никакого дѣйствія, тѣмъ болѣе, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Пекина, намъ было извѣстно о возстаніи въ Ланъ-Чжоу китайскихъ магометанъ, въ числѣ около 100 тыс. Послѣ того, китайцы, видя, что мы не придаемъ никакого значенія этимъ слухамъ и относимся къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ, стали распространять другіе слухи: будто переговоры потому замедляются, что на дняхъ они ожидаютъ почты изъ Пекина, которая разрѣшитъ: отдать ли намъ все, согласно нашему требованію на основаніи трактата, или вовсе отказать. Послѣдній слухъ имѣлъ нѣкоторое основаніе, потому что по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, китайскіе комиссары 10-го іюля, послѣ удаленія съ озера Иссыкъ-куль китайскаго отряда подъ начальствомъ Хабцисяня, о чемъ было подробно изложено выше, послали докладъ въ Пекинъ и на этотъ докладъ ожидали отвѣта.

При такомъ положеніи дѣла, наши комиссары на общемъ совѣщаніи рѣшили: не подавая вида китайцамъ, что мы заинтересованы дѣломъ разграниченія, ожидать, когда они первые пригласятъ насъ на совѣщаніе. Но если и затѣмъ до 15-го сентября китайцы не согласятся вести разсужденія о границѣ и опредѣлить граничную черту на основаніи Пекинскаго трактата, то прекратить переговоры и разъѣхаться. Передъ отъѣздомъ же, въ оффиціальномъ отношеніи, отнести причину несостоявшихся переговоровъ на отвѣтственность китайскихъ комиссаровъ.

Слѣдующіе переговоры наши съ китайцами, по обоюдному соглашенію, состоялись 5-го сентября. Отправляясь въ Гунъ-Фанъ на эти переговоры, мы приняли, по взаимному соглашенію, намѣреніе сдѣлать это засѣданіе окончательнымъ, въ томъ случаѣ, если китайцы будутъ по-прежнему всячески уклоняться отъ разсужденія о границѣ на основаніи Пекинскаго трактата. Вскорѣ по открытіи засѣданія оказалось, что мы не ошиблись въ своемъ ожиданіи. Сославшись на 200-лѣтнюю дружбу между правительствами обоихъ государствъ, китайцы заявили, что при переговорахъ не должно возникать никакихъ затрудненій. Но, во всякомъ случаѣ, говорили они, необходимо имѣть въ виду прежнюю внѣшнюю линію (Цзянь-цзэ), но не линію постоянныхъ карауловъ

(Чанъ-чжу-кàрунь), за которыми живутъ киргизы и буруты, платящіе намъ ясакъ лошадьми. Если вы, заявляли китайцы, считаете этихъ киргизъ принадлежащими вашему Высокому Государству, то кокандцы, такіе же инородцы, тоже не ваши-ли подданные? Если вы станете утверждать, что земли, лежащія къ западу за нашими постоянными пикетами, должны быть отмежеваны къ Высокому Государству, то мы не можемъ продолжать переговоровъ, и можно ли вести съ вами переговоры, когда вы считаете въ вашихъ границахъ озеро Алтынъ-норъ (Телецкое), гдѣ живутъ два знамени подвластныхъ намъ урянхайцевъ, а урочище Лебсу (Лепсинскъ) и озеро Иссыкъ-куль не считаете ли тоже принадлежащими Высокому Государству? Вы осуждаете насъ, что мы не соглашаемся съ вашими мнѣніями вести границу по постояннымъ пикетамъ, и что этимъ мы нарушаемъ Пекинскій трактатъ. Но мы дѣйствуемъ такъ на основаніи даннаго намъ указа,—значитъ не мы, а нашъ Императоръ нарушаетъ договоръ? Если же мы не нарушаемъ Пекинскій договоръ, а только расходимся съ вашимъ мнѣніемъ и снова повторяемъ, что если вы будете настаивать провести граничную черту по постояннымъ пикетамъ, то намъ необходимо предварительно донести объ этомъ нашему Императору. Сами же мы не имѣемъ такого полномочія, коимъ облечены вы. На это мы отвѣчали китайцамъ: нѣтъ сомнѣнія, что при нашей двухсотлѣтней дружбѣ было бы легко провести границу, но для этого должно дѣйствовать согласно съ Пекинскимъ договоромъ.

На основаніи этого договора, за постоянными пикетами (Чанъ-чжу-кàрунь) нѣтъ уже болѣе вашихъ земель, нѣтъ и прежней пограничной, т. е. внѣшней (Цзянъ-цэ). Правда, лѣтъ 50 тому назадъ, жившіе за постоянными пикетами киргизы и буруты признавали вашу власть и мы тогда не входили въ ваши отношенія къ нимъ. Но теперь, когда вы утратили свою власть надъ ними и уже не въ силахъ усмирить киргизъ, мы, чтобы водворить порядокъ и спокойствіе въ степи, равно необходимыя для того и другого государства, должны были, по необходимости, сами взяться за это дѣло. Такимъ образомъ, эти инородцы признаютъ надъ собой нашу власть и считаются нашими подданными. Дѣла же наши съ кокандцами до васъ не касаются и мы справимся съ ними безъ васъ.

Озеро Алтынъ-норъ всегда было не ваше, а нейтральное, и теперь, по Пекинскому трактату, должно отойти къ владѣніямъ Россіи. Лепсинскія урочища, какъ находящіяся къ западу отъ линіи постоянныхъ пикетовъ, очевидно должны отойти къ намъ,

тѣмъ, болѣе, что на нихъ кочуютъ подданные намъ киргизы. А утвержденіе, что вамъ принадлежитъ озеро Иссыкъ-куль,—совершенно не основательно.

Затѣмъ, относительно заявленія китайцевъ, что договоръ нарушаютъ не они, но будто бы ихъ правительство, мы замѣтили, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ договоръ въ конечномъ результатѣ будетъ все-таки нарушенъ, но мы будемъ всегда строго держаться его и согласитесь ли вы на разграниченіе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, мы считаемъ, что земли за вашими постоянными пикетами, на основаніи трактата, принадлежатъ нашему государству. А потому, коль скоро встрѣтится надобность поставить на этихъ земляхъ пикеты или устроить наши поселенія, наше правительство не будетъ спрашивать на это согласія вашего правительства. Во избѣжаніе же дальнѣйшихъ взаимныхъ недоразумѣній и потери времени въ продолжительныхъ и безполезнымъ разсужденіяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ, и чтобы не оставлять китайцевъ въ неизвѣстности относительно нашего мнѣнія, какъ должна быть проведена граница, согласно точному смыслу Пекинскаго трактата, мы заявили китайцамъ, что составимъ къ ихъ свѣдѣнію записку, въ которой, согласно съ Пекинскимъ договоромъ, будетъ изложенъ проектъ направленія границы. Если по разсмотрѣніи этого проекта, который будетъ посланъ китайскимъ комиссарамъ, они согласятся съ нимъ, то мы просимъ ихъ прислать намъ отвѣтъ не позже 10 дней. Въ заявленіи мы поставили на видъ китайцамъ всю неосновательность ихъ отвѣта, что будто бы они обязаны спрашивать особымъ докладомъ у своего правительства разрѣшить провести границу по постояннымъ пикетамъ. Имѣя полномочія отъ своего правительства и занимая важныя и отвѣтственныя должности правителей края, они, уже въ силу этого, должны пользоваться особымъ довѣріемъ правительства и вовсе не обязаны при каждомъ встрѣчномъ и самомъ незначительномъ недоразумѣніи обращаться въ Пекинъ. Хотя, для передачи китайцамъ нашего проекта границы, мы просили ихъ прислать къ намъ чиновниковъ на другой день, т. е. 6-го сентября, и они обѣщали исполнить наше предложеніе, но, между тѣмъ, снова затянули дѣло, такъ что уже на третій день, по вторичному призыву нашему, присланы были чиновники за полученіемъ упомянутаго проекта. Въ этомъ же проектѣ было обозначено, согласно подробно описанному выше въ этой главѣ, направленіе границы. На полученный китайцами нашъ проектъ границы, хотя и посланный безъ формальнаго отношенія, китайскіе комиссары признали за нужное отвѣтить намъ формальнымъ

отношеніемъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и при всѣхъ предыдущихъ переговорахъ, китайскіе уполномоченные старались обойти Пекинскій трактатъ, въ отношеніи обозначенія по оному черты государственной границы. При этомъ китайцы выказали совершенное безсиліе въ оправданіи своихъ дѣйствій противъ нарушенія постановленій Пекинскаго трактата. По всему было видно, что такой образъ дѣйствій китайскихъ комиссаровъ обусловливался предписаніемъ ихъ правительства. Пекинское же правительство, по всему вѣроятію, имѣло въ виду: или дѣйствительно устраниться отъ исполненія 2-й ст. трактата, главнымъ образомъ, въ той ея части, гдѣ говорится о проведеніи границы по постояннымъ пикетамъ, что было сопряжено съ уступкою Россіи земель, прежде принадлежавшихъ Китаю, или же, прежде подписанія протоколовъ о проведеніи западной границы, представить бывшіе переговоры на свое обсужденіе. Этимъ китайцы, повидимому, надѣялись замедлить окончательное рѣшеніе пограничнаго вопроса и тѣмъ скрыть свою слабость передъ приграничными инородцами, которые до сихъ поръ, хотя въ сущности и номинально признавали надъ собою власть Китая, но, въ силу Пекинскаго трактата, должны были на вѣчныя времена отойти подъ власть Россіи.

Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ дѣло шло о сохраненіи наружнаго достоинства Срединнаго государства и объ отсрочкѣ времени къ уступкамъ.

На это отношеніе китайскихъ комиссаровъ мы, по общему совѣщанію, нашли необходимымъ съ своей стороны отвѣтить такимъ же отношеніемъ, и на этотъ разъ мы снова повторили все то, о чемъ производились неоднократныя сужденія на прежнихъ нашихъ конференціяхъ, т. е. настаивая на томъ, что, по смыслу Пекинскаго трактата, граница должна быть опредѣлена такъ, какъ мы предложили въ своемъ проектѣ, а не иначе; что отъ такого проведенія границы не только не предвидится какихъ-либо затрудненій для Срединнаго государства, но, напротивъ, послѣдуетъ выгода и, наконецъ, что несогласіемъ своимъ на нашъ проектъ границы китайскіе комиссары и само ихъ правительство выказали только одно желаніе уклониться отъ исполненія Пекинскаго договора. Въ заключеніе было высказано въ означенномъ оффиціальномъ отношеніи, что мы уполномочены вести переговоры только на основаніи сего договора. А такъ какъ они,—китайскіе комиссары,—хотятъ обойти этотъ договоръ, давая ему ложное толкованіе, то мы не можемъ продолжать съ ними дальнѣйшія сужденія о границѣ. Вслѣдствіе сего, прервавъ переговоры, уѣзжаемъ 29-го Сентября и къ этому же сроку просимъ ихъ краткаго отвѣта: согласны или не согласны они на нашъ проектъ границы. Убѣдившись, такимъ образомъ, въ безполезности дальнѣйшихъ переговоровъ съ китайцами и въ виду невозможности держать нашъ отрядъ у Чугучака, по случаю наступившихъ холодовъ, мы, начиная съ 30-го Сентября, начали постепенно выѣзжать изъ Чугучака, не выждавъ отвѣта отъ китайскихъ комиссаровъ, хотя они и обѣщали прислать его ко дню нашего выѣзда. При этомъ нами сдѣлано было распоряженіе, чтобы отвѣтъ китайцевъ былъ переданъ въ наше консульство, для пересылки его намъ въ г. Омскъ.

Изъ приведеннаго подробнаго описанія хода нашихъ первыхъ переговоровъ съ китайцами, происходившихъ въ Чугучакѣ въ 1862 г., видно, что дѣло о проведеніи границы не было окончательно рѣшено на этихъ переговорахъ. Съ другой же стороны, происходившія совѣщанія, выяснивъ притязанія китайцевъ, указали на то, какой системы дѣйствій должно держаться на будущее время для успѣшнаго достиженія цѣли. Главный же результатъ, достигнутый этими переговорами, состоялъ въ томъ, что самый пограничный вопросъ былъ поставленъ нашими комиссарами благопріятнымъ для насъ образомъ въ томъ отношеніи, что дальнѣйшія совѣщанія о проведеніи границы могли состояться не иначе, какъ только по принятіи китайцами предложеннаго имъ нами проекта границы, вслѣдствіе чего мы сразу дѣлались хозяевами положенія, хорошо понимая, что китайцы будутъ всячески стараться возобновить временно прерванные переговоры.

Такая постановка пограничнаго вопроса нашими комиссарами была одобрена Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, какъ объ этомъ будетъ подробно изложено ниже.

Глава V.

Краткій обзоръ хода топографическихъ работъ на китайской границѣ. Необходимость снаряженія особой экспедиціи къ озеру Зайсану и въ долину Чернаго Иртыша. Распоряженія о вооруженномъ занятіи границы ранней весной 1863 г. Рекогносцировка, произведенная капитаномъ Голубевымъ въ долинѣ р. Борохуцзира. Предательское нападеніе китайцевъ на нашихъ офицеровъ и на сопровождавшій ихъ конвой при Борохуцзирскомъ пикетѣ. Смерть начальника Кишъ-Мурунскаго отряда поручика Антонова. Вооруженныя столкновенія съ китайскими войсками нашихъ отрядовъ, выставленныхъ на южномъ пограничномъ районѣ со стороны Кульджинской провинціи. Результаты этихъ столкновеній.

Одновременно съ ходомъ описанныхъ выше переговоровъ съ китайцами въ Чугучакѣ, было признано необходимымъ произвести

инструментальную съемку приграничной полосы, прилегающей къ западнымъ предѣламъ Китая и прежде всего тѣхъ мѣстностей въ ея районѣ, которыя оказывались наименѣе изслѣдованными въ топографическомъ отношеніи. Должно сказать, что въ то время, когда были открыты переговоры съ китайцами въ Чугучакѣ, т. е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, топографическія съемки въ губерніяхъ Западной Сибири и въ областяхъ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства получили уже достаточное развитіе и обнимали собою значительную площадь этой отдаленной страны. Такъ, въ предѣлахъ Томской губерніи была произведена еще въ 1838, а также въ періодъ съ 1842—1847 года, топографическая полуинструментально - глазомѣрная съемка въ масштабѣ 2 версты въ дюймѣ. Восточный районъ этой съемки обнималъ собою Кузнецкій и Бійскій округа Томской губерніи, прилегающіе къ западнымъ предѣламъ Китая на пространствѣ отъ пограничнаго знака Шабина-Дабага до р. Бухтармы и Нарыма. Что же касается до съемокъ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства, то начало ихъ относится къ 1832 г. Въ то время, а именно въ сороковыхъ годахъ, когда возникъ мятежъ киргизскаго султана Кенисары Касимова, встрѣтились немаловажныя затрудненія въ правильности и безостановочномъ производствѣ топографическихъ работъ въ степи. При тогдашнемъ тревожномъ положеніи дѣлъ наши съемщики должны были постоянно опасаться нападенія киргизскихъ хищниковъ и, вслѣдствіе сего, соблюдать особую бдительность. Все это до крайности стѣсняло топографовъ въ ихъ занятіяхъ и самыя съемки не могли быть исполнены въ томъ объемѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было предположено по первоначально составленному плану.

Тѣмъ не менѣе, рекогносцировки Киргизской степи, начатыя подполковникомъ Бутовскимъ еще въ 1832 г. и продолженныя полковникомъ барономъ Сильвергельмомъ въ 1837—39, 1842—43 г., доставили возможность обозрѣть и снять на планъ все пространство Киргизской степи отъ р. Иртыша до р. Чу и озера Балхаша. Послѣ того, въ 1851 г. было произведено обозрѣніе путей, ведущихъ отъ нашихъ крайнихъ опорныхъ пунктовъ въ сѣверо-восточной части Киргизской степи отъ укрѣпленій Аягузскаго и Кокпектинскаго къ Чугучаку. Обозрѣніе это было предпринято съ цѣлью водворить вооруженное населеніе въ сосѣдствѣ отъ путей и тѣмъ содѣйствовать къ поддержанію въ степи надлежащаго порядка и спокойствія, столь необходимаго для осуществленія видовъ правительства относительно устройства правильныхъ торговыхъ сношеній съ городами Западнаго Китая. Обозрѣніе путей отъ Аягуза

и Кокпектовъ къ Чугучаку возложено было на капитана Генеральнаго Штаба Гутовскаго, подъ руководствомъ котораго былъ снятъ въ 1851 г. маршрутъ отъ Аягуза къ Чугучаку до р. Бахты. Въ слѣдующемъ году было избрано на этомъ пути при ур. Урджаръ (по-китайски Юрь-яль) мѣсто для казачьей станицы, въ которой вскорѣ и были поселены сибирскіе казаки.

Такимъ образомъ, къ 1854 г. южные предѣлы съемокъ, произведенныхъ въ восточной части Киргизской степи, обозначались озеромъ Балхашемъ и низовьями р. Или. Далѣе же къ югу, въ предѣлахъ Семирѣченскаго края, оставались неснятыми на планъ: часть Копальскаго округа и пространство между р. Или и Караталомъ. Между тѣмъ, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ на юго-востокѣ Киргизской степи намъ было необходимо, по соображеніямъ политическаго характера, окончательно упрочить наше владычество и вліяніе въ Большой ордѣ, принять участіе въ дѣлахъ Коканда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сблизиться съ Дикокаменными киргизами, черезъ кочевья которыхъ пролегали пути въ Кашгарію.

Занятіе Заилійской долины вооруженнымъ населеніемъ признавалось мѣрою наиболѣе соотвѣтственною видамъ правительства. Понятно, что для осуществленія всѣхъ этихъ предположеній необходимо было энергично продолжать начатыя рекогносцировки въ предѣлахъ юго-восточнаго района Киргизской степи. А потому, генералъ Гасфордъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе войсками и краемъ, когда было рѣшено окончательно утвердиться въ Заилійской долинѣ, находилъ необходимымъ, отложивъ на время топографическую съемку въ Семирѣченскомъ краѣ, произвести безотлагательно военно-топографическую рекогносцировку Заилійскаго края, распространивъ ее до сѣверныхъ отроговъ Тянь-Шаньскаго хребта и верховій р. Чу. Съемка эта была начата въ 1855 году корпуса военныхъ топографовъ штабъ-капитаномъ Воронинымъ.

Послѣ того, съемка въ районахъ Заилійскаго края постепенно продолжалась въ теченіе семи послѣдующихъ лѣтъ, сначала въ восточной, а потомъ въ западной его части, гдѣ и примкнула къ прежнимъ съемкамъ, произведеннымъ въ пятидесятыхъ годахъ. Для связи же этой съемки съ тою, которая была начата еще ранѣе въ Семирѣченскомъ краѣ, была произведена въ 1858 г. съемка къ сѣверу отъ р. Или по направленію главнаго трактата отъ укрѣпленія Илійскаго до г. Копала и далѣе до р. Аксу. Въ слѣдующемъ 1859 г. корпуса военныхъ топографовъ штабсъ-капитаномъ Нифантьевымъ были сняты: сѣверная часть Семирѣченскаго края на пространствѣ между озеромъ Балхашемъ и рѣкою Кара-

таломъ до пограничнаго хребта Алатау и на сѣверѣ до песчаной полосы, которая тянется отъ озера Ала-куль къ сѣверной оконечности озера Балхаша.

Описанная выше топографическая съемка, произведенная въ предѣлахъ Семирѣченскаго и Заилійскаго края, дала превосходный матеріалъ для составленія карты всего юго-восточнаго пограничнаго района степи. Но для этого прежде всего необходимо было имѣть прочную математическую основу, т. е. достаточное число астрономическихъ опредѣленій географическихъ координатъ, посредствомъ которыхъ можно было бы ввести произведенныя съемки въ географическую сѣть. Для этой цѣли въ 1859 г. была снаряжена экспедиція въ Заилійскій край подъ начальствомъ капитана Генеральнаго Штаба Голубева. Въ теченіе весны и лѣта 1859 г., А. Ѳ. Голубевъ опредѣлилъ географическое положеніе 17-ти пунктовъ въ Семирѣчьѣ и Заилійскомъ краѣ и въ томъ числѣ двухъ главныхъ городовъ Западнаго Китая: Чугучака и Кульджи. На основаніи этихъ опредѣленій была составлена въ 1860 г. карта Семирѣченскаго и Заилійскаго края, въ масштабѣ 50 в. въ дюймѣ.

Произведенная до 1847 г. съемки въ губерніяхъ Западной Сибири и Киргизской степи, а также астрономическія опредѣленія около различныхъ пунктовъ, сдѣланныя въ этомъ краѣ въ 1843 г. астрономомъ Федоровымъ, доставили солидный матеріалъ для составленія карты Западной Сибири и Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства. Карта эта была составлена въ 1847 г. въ масштабѣ 50 в. въ дюймѣ, при Генеральномъ Штабѣ Отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, а въ слѣдующемъ году отгравирована при военно-топографическомъ депо.

Впослѣдствіи, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ изъ съемокъ, произведенныхъ послѣ 1847 г. и изъ астрономическихъ опредѣленій географическаго координата, сдѣланныхъ капитаномъ Голубевымъ, оказалось возможнымъ исправить означенную карту. Это исправленіе было сдѣлано два раза: въ 1851 и 1861 г.г. Въ томъ же 1861 г. была окончена гравированіемъ на камнѣ и специальная карта Западной Сибири и Киргизской степи въ масштабѣ 10 в. въ дюймѣ, на 130 листахъ. Гористыя мѣстности на этой картѣ были изображены по швейцарской системѣ Дюфура. Кромѣ всѣхъ этихъ картъ оффиціальнаго изданія, весьма полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ топографическимъ характеромъ мѣстности въ сосѣднихъ китайскихъ провинціяхъ: Тарбагатай и Или, т. е. Чугучакской и Кульджинской, а также сопредѣльной съ ними полосы Киргизской степи, могла служить карта, составленная кон-

суломъ И. И. Захаровымъ, главнымъ образомъ, по китайскимъ источникамъ, а именно по матеріаламъ, собраннымъ миссіонерами-іезуитами въ царствованіе Императора правленія Канъ-Си.

На этой картѣ въ первый разъ были правильно обозначены по-русски китайскія названія городовъ, селеній, горъ, рѣкъ и озеръ. Правильная передача по-китайски географическихъ названій имѣла для нашихъ комиссаровъ весьма важное значеніе при производившихся переговорахъ съ китайцами въ Чугучакѣ, когда почти на каждомъ шагу встрѣчалась необходимость знать: подъ какимъ названіемъ разумѣютъ китайскіе комиссары тотъ или другой мѣстный предметъ, находящійся въ районѣ пограничной мѣстности на западныхъ предѣлахъ Китая.

Карта эта имѣла важное значеніе для нашихъ комиссаровъ еще и въ томъ отношеніи, что на ней довольно правильно была показана линія постоянныхъ китайскихъ карауловъ (Чанъ-чжу-ка̀рунь), по направленію которыхъ обозначалась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ государственная граница, о чемъ мы упорно настаивали во все время описанныхъ выше переговоровъ съ китайцами.

Единственный недостатокъ этой карты заключался въ томъ, что она не имѣла математической основы. Вслѣдствіи чего нѣкоторые мѣстные предметы были неправильно поставлены въ географической сѣти. Сверхъ того, мѣстность къ югу отъ озера Иссыкъ-куль была обозначена неточно, какъ это оказалось по сравненію съ послѣдними съемками.

Такимъ же полезнымъ матеріаломъ, которымъ могли воспользоваться наши комиссары для ознакомленія съ самымъ сѣвернымъ участкомъ границы, т. е. съ восточной окраиной Алтайскаго горнаго округа Томской губерніи, была карта юго-восточнаго Алтая, составленная при участіи способнаго офицера корпуса военныхъ топографовъ — Боярскаго, приложенная къ сочиненію объ Алтаѣ нашего извѣстнаго путешественника Чихачева, посѣтившаго Алтай въ 1846 г.

Упомянутыя выше съемки и карты служили нашимъ комиссарамъ при открытіи переговоровъ въ Чугучакѣ въ 1862 г. превосходными пособіями для довольно точнаго и подробнаго обозначенія черты государственной границы отъ самаго сѣвера ея, оканчиваясь у пограничнаго знака Шабина-Дабага по направленію на юго-западъ, вдоль восточной окраины Томской губерніи до р. Верхней Бухтармы и Нарыма, а на южномъ участкѣ границы по горамъ Алатау, оттуда къ р. Или, далѣе по прямому направленію на югъ къ пикету Чунъ-Чжи, затѣмъ къ верховьямъ рѣкъ Кегена и Текеса до Тянь-Шаньскаго хребта и далѣе по горнымъ

вершинамъ Тянь-Шаня до бывшихъ кокандскихъ владѣній. Находящійся же между этими двумя участками пограничнаго пространства (сѣвернымъ и южнымъ), средній его районъ, обнимающій собою площадь отъ рѣкъ Бухтармы и Нарыма до Тарбагатайскаго хребта, оказывался наименѣе изслѣдованнымъ въ топографическомъ отношеніи. Районъ этотъ можно раздѣлить на два отдѣла: *Зайсанскій* — къ югу отъ озера Зайсана до Тарбагатая, и *Курчумскій*—къ сѣверу отъ означеннаго озера до р. Нарыма. До заключенія Пекинскаго трактата всѣ земли этого района, считаясь китайскимъ владѣніемъ, были вовсе недоступны для производства топографическихъ съемокъ. Такъ, по плану военно-топографической рекогносцировки внѣшнихъ округовъ Омской области предполагалось въ 1837 г. ограничить съемку восточной части Киргизской степи чертою отъ кр. Бухтарминской къ озеру Зайсану съ оговоркою: «если не встрѣтится препятствій со стороны китайцевъ», и далѣе на рѣку Аягузъ къ сѣверному берегу озера Балхаша. Вслѣдствіе сего, производившіяся съемки въ Киргизской степи вовсе не коснулись Зайсанскаго и Курчумскаго края.

Недостатокъ точныхъ топографическихъ свѣдѣній о мѣстности Зайсанскаго и Курчумскаго края естественнымъ образомъ отразился и на ея картографіи.

На лучшихъ картахъ Азіи прежняго времени, изданныхъ извѣстными европейскими картографами, какъ, напр., Д'Анвиллемъ и др., Зайсанскій край обозначался, главнымъ образомъ, по свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ китайскихъ источниковъ. Такимъ образомъ, Д'Анвилль составилъ двѣ генеральныя карты китайской татаріи по матеріаламъ, собраннымъ миссіонерами-іезуитами: Жербильономъ, Жерту, Фределли, Фабра и др. Эти матеріалы, изданные по повелѣнію китайскаго Императора правленія Канъ-Си въ 1722 г., т. е. въ концѣ его царствованія, изображаютъ всю часть внутренней Азіи къ западу отъ г. Хами по разспроснымъ свѣдѣніямъ, добытымъ отъ монголовъ и калмыковъ, и по нѣсколькимъ маршрутамъ, мало заслуживаютъ вѣроятія. Отъ этого на картахъ Д'Анвилля встрѣчаются коллосальныя ошибки въ географическомъ опредѣленіи мѣстности, что было замѣчено еще и Гумбольдтомъ. Такъ озеро Зайсанъ помѣщено у Д'Анвилля на одинъ градусъ къ востоку отъ меридіана г. Хами, между тѣмъ какъ оно находится въ дѣйствительности на 11° къ западу отъ этого города. На картѣ Арроусмита, изданной въ 1822 г., разница въ географическомъ положеніи нѣкоторыхъ мѣстъ сравнительно съ опредѣленіями сдѣланными въ Чжунгаріи и Восточномъ Туркестанѣ миссіонерами-іезуитами Галлерштейномъ и Феликсомъ Д'Ароша по повелѣнію

Императора правленія Цянь-Лунь, по замѣчанію Клапрота, простирается отъ $1/2$—6°.

Наконецъ, большая карта Клапрота (carte de l'Asie Centrale), составленная по китайскимъ источникамъ и изданная въ 1833 г., по отношенію къ Зайсану и Курчумскому краю, послѣ произведенныхъ сибирскими топографами въ 1862 и 1863 г.г. съемокъ, уже утратила свое прежнее значеніе. Неправильности этой карты заключаются: 1) въ невѣрномъ очертаніи береговъ озера Зайсана и неточномъ изображеніи направленія Тарбагатайскаго горнаго хребта и горъ: Манрака, Сауръ-тау и др.; 2) въ ошибочномъ обозначеніи истока р. Нижняго и Бѣлаго Иртыша изъ средины озера Зайсана, вмѣсто западной его оконечности, какъ это оказалось по послѣднимъ съемкамъ, и 3) въ значительномъ преувеличеніи притоковъ озера Зайсана, большая часть которыхъ не доходитъ до самаго озера, но образуетъ сухія русла, въ чемъ я лично удостовѣрился во время движенія моего съ отрядомъ по южному берегу Зайсана на р. Черный Иртышъ въ 1863 г., о чемъ будетъ подробно изложено ниже.

Главныя ошибки многихъ картъ Азіи, изданныхъ у насъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, заключаются въ отсутствіи правильной классификаціи и оцѣнки источниковъ, принятыхъ за основаніе при составленіи картъ. Мысль о необходимости прилагать къ картамъ критическій обзоръ матеріаловъ сознавалась европейскими картографами еще въ XVIII ст. и этому правилу, по словамъ Шаппъ Д'Отроша (Ch. D'Otroche Voyage en Sibérie. I, p. 349), слѣдовали: Делиль, Бюашъ Д'Анвилль и др. Русская картографія послѣдняго времени имѣетъ также замѣчательные образцы въ этомъ отношеніи. Изъ нихъ въ особенности ярко выдѣляется пояснительная записка къ картѣ Аральскаго озера и Хивинскаго ханства съ ихъ окрестностями, составленная Я. В. Ханыковымъ. Приложеніе къ картамъ объяснительныхъ записокъ особенно необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда для составленія картъ приняты самые разнообразные источники, напр.: инструментальныя съемки, военно-топографическія рекогносцировки, отдѣльные маршруты и разспросныя свѣдѣнія. Подобные разнообразные матеріалы были приняты за основаніе при составленіи генеральной карты Западной Сибири и Киргизской степи въ масштабѣ 50 в. въ дюймѣ, изданной въ 1848 году. На этой картѣ все пространство степи въ предѣлахъ Зайсанскаго и Курчумскаго края было нанесено на карту исключительно по разспроснымъ свѣдѣніямъ, добытымъ поручикомъ корпуса топографовъ—Воронинымъ. Воронинъ заимствовалъ ихъ отъ бывшаго смотрителя Войсковой Бухтарминской

рыбалки—Недорѣзова, составившаго рукописную карту озера Зайсана, а также отъ мѣстныхъ калмыковъ, нашихъ рыбопромышленниковъ и бѣглыхъ крестьянъ Бухтарминскаго края. Какъ ни усердно собиралъ Воронинъ всѣ эти свѣдѣнія,—во всякомъ случаѣ, они не могли выходить изъ круга разспросовъ, соображенiй и догадокъ. Чтобы пополнить описанный выше пробѣлъ на нашихъ картахъ, обнимающiй собою все пространство Зайсанскаго и Курчумскаго края, необходимо было безотлагательно приступить къ снятiю на планъ всей этой мѣстности въ предѣлахъ сѣверо-восточнаго пограничнаго района Киргизской степи. Вслѣдствiе сего, предположенныя съ Высочайшаго соизволенiя топографическiя работы вдоль черты западной китайской границы, были начаты весною 1862 г. у озера Зайсана и охватили собою все пространство, лежащее къ югу отъ этого водоема до Тарбагатайскаго хребта и далѣе до сѣверныхъ отроговъ горъ Алатау.

Корпуса военныхъ топографовъ подпоручикъ Стрѣльниковъ, на котораго была возложена съемка Зайсанскаго участка границы, по прибытiи къ озеру Зайсану встрѣтилъ большiя затрудненiя въ производствѣ полевыхъ топографическихъ работъ, по случаю множества мошекъ и комаровъ, до крайности изнурявшихъ лошадей и вьючный скотъ. Несморя на это, онъ достигъ до р. Куянды, откуда повернулъ на югъ и продолжалъ начатую съемку по долинѣ рѣкъ Базарки и Бугаса. Перейдя затѣмъ Тарбагатайскiя горы черезъ проходъ Тандыасу, означенный офицеръ прибылъ въ нашъ отрядъ, стоявшiй тогда лагеремъ на р. Учь-хамты противу Чугучѣка. Между тѣмъ, другая съемочная партiя подъ вѣдѣнiемъ корпуса топографовъ штабсъ-капитана Нифантьева, открывшая работы у сѣверныхъ отроговъ горъ Алатау, также подходила въ это время къ Чугучаку. Вслѣдствiе сего, оба означенные офицеры были вызваны мною въ Чугучакъ, гдѣ, по разсмотрѣнiи произведенныхъ ими работъ, я нашелъ необходимымъ безотлагательно продолжать начатыя съемки. А потому, подпоручику Стрѣльникову было поручено произвести съемку южнаго побережья озера Зайсана отъ р. Куянды къ востоку до устья р. Чернаго Иртыша, а по возможности и далѣе вверхъ по этой рѣкѣ до пикета Маниту-Гатулъ-ханъ. Затѣмъ повернуть на югъ и, слѣдуя вдоль линiи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ къ проходу Бургусутай въ Тарбагатайскихъ горахъ, открыть сообщенiе со съемочной партiей штабсъ-капитана Нифантьева. Послѣднему было поручено продолжать съемку къ сѣверу отъ г. Чугучака, слѣдуя вдоль линiи китайскихъ пикетовъ по направленiю къ горамъ Тарбагатая навстрѣчу партiи

Стрѣльникова, стараясь открыть съ нимъ сообщенiе при первой къ тому возможности.

По случаю производства партiей Стрѣльникова топографическихъ работъ вдоль южнаго берега озера Зайсана и въ долинѣ Чернаго Иртыша на значительномъ разстоянiи отъ крайняго нашего опорнаго пункта г. Кокпектовъ, служившаго базисомъ для всѣхъ нашихъ отрядовъ, высылаемыхъ въ сѣверо-восточную часть Киргизской степи, признано было необходимымъ усилить небольшой казачiй отрядъ, выставленный съ этого времени (1862 г.) на рѣкѣ Куяндѣ, близъ озера Зайсана, по крайней мѣрѣ полуротою пѣхоты. 1-го августа эта полурота подъ начальствомъ штабсъ-капитана Ковтунова прибыла изъ Кокпектовъ на р. Куянды. Съ прибывшимъ ея казачiй куяндинскiй отрядъ былъ распредѣленъ мелкими частями въ непосредственное прикрытiе съемочныхъ партiй, производившихъ работы къ востоку отъ р. Куянды, постепенно подвигавшихся въ долину лѣваго берега нижней части р. Чернаго Иртыша. Для болѣе же удобнаго прикрытiя съемочныхъ работъ, производившихся въ этой мѣстности, я приказалъ штабсъ-капитану Ковтунову слѣдовать также на Черный Иртышъ и оставаться вблизи китайскаго пикета Маниту-Гатулъ-ханъ, отнюдь не переходя за линiю китайскихъ пикетовъ. Вскорѣ послѣ прибытiя нашего отряда на Черный Иртышъ, къ отрядному начальнику явился стражникъ съ китайскаго пикета и объявилъ, что онъ посланъ своимъ офицеромъ спросить о цѣли прибытiя нашего отряда и имѣетъ ли отрядный начальникъ нашъ письменное дозволенiе китайскаго начальства, прибавивъ: что сдѣлаетъ штабсъ-капитанъ Ковтуновъ, если его попросятъ удалиться съ занятаго мѣста? На это китайскому чиновнику было объявлено, что отрядъ не имѣетъ дозволенiя китайскихъ властей, потому что находится на своей землѣ и прибылъ по распоряженiю своего начальства, безъ разрѣшенiя котораго не можетъ оставить занимаемыхъ мѣстъ. Тогда китаецъ съ видомъ сожалѣнiя отвѣчалъ: дѣлать нечего, надо посылать въ Чугучакъ донесенiе о прибытiи русскихъ. Между тѣмъ, китайское начальство въ Чугучакѣ, хотя несомнѣнно и получало такое донесенiе, но комиссары ихъ показали себя тонкими дипломатами и ни разу не заявляли намъ объ этомъ обстоятельствѣ. Только Чугучакскiй приставъ торговли Са, присланный во время Чугучакскихъ переговоровъ отъ Цзянь-Цзюня и Амбаня, чтобы условиться съ нами о времени для конференцiи, между прочимъ разговоромъ, какъ бы случайно замѣтилъ, что имъ извѣстно о появленiи русскихъ на Черномъ Иртышѣ. На это мы отвѣчали, что наши люди находятся въ тѣхъ мѣстахъ собственно

для исправленія картъ, необходимыхъ при настоящемъ разграниченіи земель, какъ для нихъ такъ и для насъ, и что во всякомъ случаѣ нѣтъ необходимости выводить изъ этого какихъ-либо заключеній, противныхъ дружественнымъ отношеніямъ между двумя государствами. Китайскій чиновникъ, повидимому, удовольствовался этимъ отвѣтомъ и болѣе не возобновлялъ разговора объ озерѣ Зайсанѣ и Черномъ Иртышѣ.

Но при всемъ равнодушіи, съ которымъ, повидимому, относились китайцы къ появленію нашихъ съемочныхъ партій на Черномъ Иртышѣ въ мѣстности, сопредѣльной съ озеромъ Зайсаномъ и линіей постоянныхъ китайскихъ карауловъ, замыкающихъ собою съ востока Зайсанскую долину, въ дѣйствительности же они старались черезъ посредство пограничныхъ киргизъ всячески противодѣйствовать нашимъ съемщикамъ въ успѣшномъ и безостановочномъ производствѣ ими топографическихъ работъ на Черномъ Иртышѣ и къ югу отъ него, вдоль китайской пикетной линіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ случаѣ и были даны соотвѣтствующія указанія всѣмъ подвластнымъ Китаю старшинамъ Зайсанскаго края. Подтвержденіемъ этому можетъ служить попытка киргизскихъ хищниковъ произвести внезапное напатеніе на пѣхотный отрядъ штабсъ-капитана Ковтунова во время движенія его къ Черному Иртышу. Попытка эта, однако-же, не имѣла никакого успѣха, въ виду полной боевой готовности нашего отряда отразить это нападеніе.

Къ сожалѣнію, пѣхотный отрядъ штабсъ-капитана Ковтунова не могъ долго оставаться на занятой имъ позиціи въ долинѣ низовьевъ р. Чернаго Иртыша. Вслѣдствіе категорическаго приказанія генерала Дюгамеля, отрядъ нашъ былъ возвращенъ въ Кокпекты. Дюгамель, какъ уже было упомянуто въ III главѣ, находилъ, что китайцы никогда не рѣшатся уступить намъ не только низовья Чернаго Иртыша, но даже и все озеро Зайсанъ. А потому, присутствіе нашихъ отрядовъ и нашихъ съемщиковъ въ Зайсанскомъ краѣ, считалъ какъ бы нарушеніемъ китайской территоріи и тѣмъ болѣе неосновательнымъ, что, занимая своими войсками этотъ край, мы, такимъ образомъ дѣйствій, впадали въ ту же ошибку, въ которую вдались китайцы, когда отрядъ ихъ подъ начальствомъ генерала Хабцисяня появился у озера Иссыкъ-куль, гдѣ и былъ остановленъ отрядомъ штабсъ-капитана Проценко и вынужденъ удалиться въ свои предѣлы.

Считая необходимымъ остановиться на этомъ мнѣніи Дюгамеля, я прежде всего долженъ разъяснить, что его преждевременныя опасенія происходили отъ односторонняго взгляда на дѣло

вооруженнаго занятія нами границы. Повидимому, онъ упустилъ изъ виду, что наши отряды и съемщики, находясь въ районѣ Зайсанскаго края на основаніи даннаго имъ мною приказанія, не переходили за линію постоянныхъ китайскихъ карауловъ и, слѣдовательно, были въ предѣлахъ той мѣстности, которая по Пекинскому трактату должна была отойти къ владѣніямъ Россіи. Хабцисянь же не только перешелъ съ китайскимъ войскомъ линію постоянныхъ пикетовъ, но, подойдя съ отрядомъ къ озеру Иссыкъ-куль, находился въ предѣлахъ Заилійскаго края, уже фактически принадлежащаго Россіи.

Удаленіе пѣхотнаго отряда съ Чернаго Иртыша парализовало всѣ мои распоряженія и до крайности неблагопріятно отразилось на дальнѣйшемъ производствѣ съемочныхъ работъ въ этой мѣстности. Приграничные киргизы, узнавъ объ уходѣ пѣхотнаго отряда, сдѣлались смѣлѣе и нахальнѣе въ обращеніи съ нашими съемщиками и, пользуясь своею многочисленностью, они даже отважились вступить въ драку съ казачьимъ конвоемъ при нашихъ съемочныхъ партіяхъ и, наконецъ, съ беззастѣнчивой наглостью заявили, что они не допустятъ дальнѣйшаго производства съемки въ ихъ кочевьяхъ.

При такомъ враждебномъ настроеніи киргизъ, когда можно было неминуемо ожидать повсемѣстнаго возстанія приграничныхъ киргизскихъ волостей, подстрекаемыхъ китайскими властями, положеніе подпоручика Стрѣльникова и нашихъ съемщиковъ, удаленныхъ болѣе чѣмъ на 300 в. отъ нашего крайняго опорнаго пункта г. Кокпектовъ и, можно сказать, совершенно отрѣзанныхъ отъ цивилизованнаго міра, было до крайности затруднительно. Все это заставило Стрѣльникова прекратить дальнѣйшее производство топографическихъ работъ и возвратиться въ Кокпекты.

Такимъ образомъ, оказалось невозможнымъ закончить въ полной мѣрѣ предположенныя въ 1862 г. съемочныя работы на всемъ пространствѣ Зайсанскаго края отъ озера Зайсана и Чернаго Иртыша до Тарбагатая и примкнуть ихъ на востокѣ къ линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ. Вслѣдствіе сего, для окончательной съемки всего Зайсанскаго, а также и Курчумскаго края оказалось необходимымъ снарядить въ слѣдующемъ 1863 г. особую экспедицію къ озеру Зайсану и Черному Иртышу, подъ прикрытіемъ болѣе сильнаго и вполнѣ самостоятельнаго отряда. Необходимость выдвинуть такой отрядъ на Черный Иртышъ обусловливалась не только потребностью обезпечить безпрепятственное производство топографическихъ работъ въ означенномъ выше пограничномъ районѣ, но вызывалась также соображеніями поли-

тическаго характера. Намъ необходимо было заранѣе показать китайцамъ, что мы рѣшительно и неотступно считаемъ Зайсанскій край принадлежащимъ Россіи на основаніи Пекинскаго трактата. Приведенныя соображенія побудили меня энергично взяться за дѣло организаціи Зайсанской экспедиціи и принять въ ней личное участіе. Въ теченіе зимы 1862—1863 г. мною были сдѣланы всѣ подготовительныя распоряженія, чтобы имѣть возможность раннею весною 1863 г. открыть топографическія работы на всемъ пространствѣ пограничнаго района къ сѣверу и югу отъ озера Зайсана и, въ то же время, предпринять движеніе съ болѣе самостоятельнымъ отрядомъ въ долину Чернаго Иртыша къ китайскому пикету Маниту-Гатулъ-ханъ. Въ ряду этихъ мѣръ особенно важное значеніе имѣло устройство пароходнаго плаванія по озеру Зайсану и Черному Иртышу. Удачный сплавъ 2½ ротъ 6-го Западно-Сибирскаго линейнаго батальона вверхъ по р. Иртышу отъ г. Омска до г. Павлодара на пароходѣ купца Беренсъ подалъ мнѣ мысль изслѣдовать озеро Зайсанъ и р. Черный Иртышъ относительно возможности устроить по этимъ воднымъ путямъ пароходное сообщеніе. Еще въ Чугучакѣ, во время моихъ бесѣдъ съ тамошнимъ нашимъ консуломъ К. А. Скачковымъ, нами неоднократно обсуждался вопросъ объ изысканіи и устройствѣ лучшихъ и удобнѣйшихъ коммерческихъ путей изъ Россіи въ Чугучакъ для развитія нашей торговли съ западнымъ Китаемъ. Въ виду возникшаго въ то время предположенія о проложеніи желѣзной дороги отъ г. Перми до Тюмени, оказывалось возможнымъ отправлять товары отъ Нижняго Новгорода почти до самаго Чугучака по искусственнымъ путямъ, а именно: по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ до г. Перми, оттуда по желѣзной дорогѣ до Тюмени и затѣмъ по рѣкамъ западной Сибири: Турѣ, Тоболу и Иртышу и, наконецъ, по озеру Зайсану и Черному Иртышу до пикета Маниту-Гатулъ-ханъ. Отсюда оставалось только 80 верстъ караваннаго пути до г. Чугучака. Вспоминая мои продолжительные диспуты на эту тему съ уважаемымъ К. А. Скачковымъ, я рѣшился безотлагательно воспользоваться благопріятными обстоятельствами для осуществленія этой мысли. Прежде всего я предложилъ купцу Беренсъ сдѣлать на принадлежащемъ ему пароходѣ «Ура» пробный рейсъ по озеру Зайсану и Черному Иртышу. Послѣ продолжительныхъ объясненіи моихъ съ Беренсомъ, онъ согласился на мое предложеніе. Оставалось испросить разрѣшеніе у Генералъ-Губернатора Западной Сибири А. О. Дюгамеля. На этотъ разъ Дюгамель, съ особымъ вниманіемъ выслушавъ мой докладъ, склонился на представленные мною доводы. Такъ какъ изъ лицъ, со-

стоявшихъ его распоряженіи по особымъ порученіямъ былъ, между прочимъ, полковникъ Зряховъ, служившій прежде въ Балтійскомъ флотѣ, то Дюгамель приказалъ мнѣ возложить на него наблюденіе и руководство при предстоящемъ плаваніи, которое, представляя собою первый опытъ парового плаванія по озеру Зайсану и Черному Иртышу, требовало особой осторожности и осмотрительности. Соблюденіе этихъ указаній болѣе всего было необходимо на пространствѣ между гор. Усть-Каменогорскомъ и ст. Бухтарминской, гдѣ рѣка Иртышъ, стѣсняясь высокими горами, имѣетъ значительную быстроту теченія, могущую воспрепятствовать пароходному плаванію. Одновременно съ появленіемъ парохода на озерѣ Зайсанѣ и Черномъ Иртышѣ, мною было предположено двинуться съ отрядомъ по южному берегу Зайсана также къ Черному Иртышу. Начатыя въ 1862 г. топографическія съемки было предположено распространить къ сѣверу отъ озера Зайсана и Чернаго Ирыша до Средней Бухтармы и Нарыма. Предѣлъ съемки этого пространства съ запада было предположено ограничить теченіемъ Бѣлаго или Нижняго Иртыша, а съ востока— линіей постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, расположенныхъ отъ Бухтарминской долины на югъ до Маниту-Гатулъ-ханъ. Въ этомъ съемочномъ районѣ предполагалось особенно изслѣдовать теченіе р. Хамоту, впадающую въ озеро Зайсанъ съ сѣвера, такъ какъ границу предполагалось направить по этой рѣкѣ до ея истоковь и далѣе по хребту, отдѣляющему бассейнъ южныхъ притоковъ Бухтармы отъ рѣчной системы правыхъ притоковъ Чернаго Иртыша. Все пространство, предназначенное къ снятію, было раздѣлено мною на три участка: 1) долина сѣвернаго берега Зайсана, 2) долина р. Курчума и 3) долина лѣваго берега Средней Бухтармы и Нарыма. Съемка каждаго изъ этихъ участковъ была поручена мною опытному офицеру корпуса топографовъ. Одновременно съ топографическими работами предполагалось произвести и астрономическія опредѣленія пунктовъ на озерѣ Зайсанѣ. Производство этихъ наблюденій обязательно принялъ на себя правитель дѣлъ Пограничной комиссіи К. В. Струве. Комиссаръ и астрономъ экспедиціи капитанъ Голубевъ обязался, съ своей стороны, производить астрономическія опредѣленія на южномъ участкѣ границы отъ китайскаго пикета Борохуцзиръ до р. Или, отъ р. Или до р. Кегена и далѣе на югъ.

Покончивъ всѣ распоряженія по организаціи и снаряженію, главнымъ образомъ, Зайсанской экспедиціи, должно было озаботиться о вооруженномъ занятіи границы съ цѣлью показать китайцамъ, что фактически занятыя нами мѣстности должны при-

надлежать Россіи на основаніи Пекинскаго трактата. Опытъ минувшаго 1862 г. показалъ необходимость выставить отряды на приграничныхъ пунктахъ ранней весной, чтобы имѣть возможность заблаговременно предупредить китайцевъ въ случаѣ, если бы они, по примѣру 1862 г., рѣшились предпринять движеніе изъ Чугучака и Кульджи для осмотра границъ. Въ этихъ видахъ еще въ половинѣ марта были сдѣланы окончательныя распоряженія о передвиженіи отрядовъ къ границѣ. Въ началѣ апрѣля отряды были двинуты на назначенныя имъ мѣста и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Чугучакскій и Зайсанскій, заняли указанныя позиціи въ первыхъ числахъ апрѣля. Расположеніе отрядовъ на границѣ было слѣдующее:

1) на р. Кеченѣ: рота пѣхоты, сотня казаковъ и взводъ горной артиллеріи;

2) на ур. Айдарлы-кумъ, близъ р. Или: полсотни казаковъ съ ракетнымъ станкомъ;

3) на ур. Бель-булакъ, по восточной сторонѣ Югенташскаго горнаго прохода: рота пѣхоты, 25 казаковъ и взводъ конной казачьей артиллеріи;

4) близъ горы Караулъ-тюбе, у китайскаго пикета Ару-Цхиданянь: постъ изъ 40 казаковъ;

5) на р. Бахты, противъ Чугучака: рота пѣхоты, полсотни казаковъ и взводъ конной казачьей артиллеріи. Отъ этого отряда выставленъ казачій постъ при проходѣ Хабаръ-асу;

6) на лѣвомъ берегу рѣки Кокпектинки, у западной оконечности озера Зайсана: рота пѣхоты, полторы сотни казаковъ и взводъ конной казачьей артиллеріи. Отъ этого отряда одну сотню полагалось командировать въ Курчумскій край для прикрытія съемочныхъ партій;

7) при истокѣ Иртыша и озера Зайсана: постъ изъ 20 казаковъ. Въ этомъ мѣстѣ мною было предположено устроить временный складочный пунктъ для храненія провіанта и постояннаго подвоза его къ съемочнымъ партіямъ, двинутымъ въ Курчумскій край, а также для поддержанія сообщенія съ г. Кокпектами, въ случаѣ движенія Зайсанскаго отряда на Черный Иртышъ;

8) на правомъ берегу р. Бухтармы, противъ китайскаго пикета Чингистай: постъ изъ 40 казаковъ;

9) на р. Калмачихѣ (правый притокъ р. Бухтармы): постъ изъ 40 казаковъ.

Изъ всѣхъ означенныхъ отрядовъ наибольшія опасенія китайцевъ возбудили наши отряды, расположенные на р. Бахты, противъ г. Чугучака и на озерѣ Зайсанѣ. Въ Бахтинскій отрядъ

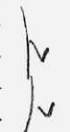

нѣсколько разъ ѣздилъ китайскій приставъ торговли Са съ просьбою отступить, хотя до первой рѣки, объясняя, что въ противномъ случаѣ Чугучакское начальство не можетъ удержать киргизъ и калмыковъ въ случаѣ, если они предпримутъ непріязненныя дѣйствія противъ насъ.

Въ сущности же китайцы старались поколебать твердость и настойчивость нашего отряднаго начальника и, въ случаѣ малѣйшей уступки, выставили бы ее, какъ фактъ своего превосходства надъ нами. Всѣ требованія Чугучакскаго пристава были отвергнуты нашимъ отряднымъ начальникомъ есауломъ Барановымъ, которому я заблаговременно далъ надлежащія инструкціи. И хотя послѣ того небольшой китайскій отрядъ показался въ виду нашего, стоящаго на р. Бахты, но по требованію есаула Баранова отошелъ назадъ и былъ распущенъ по своимъ пикетамъ. О всѣхъ вышеизложенныхъ распоряженіяхъ по снаряженію Зайсанской экспедиціи и по занятію границы нашими отрядами мною было сообщено генералъ-адъютанту Н. П. Игнатьеву, бывшему въ то время директоромъ Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Спустя нѣкоторое время по занятіи нашими отрядами означенныхъ выше позицій на южномъ участкѣ границы, сопредѣльной съ Илійской областью, произошло вооруженное столкновеніе нашихъ войскъ съ китайцами. Поводомъ къ столкновенію послужило слѣдующее обстоятельство. 31-го мая 1863 г. нашъ комисаръ, капитанъ А. Ѳ. Голубевъ, предполагая произвести астрономическія наблюденія на китайскомъ пикетѣ Борохуцзиръ, передвинулъ туда казачій отрядъ съ позиціи на ур. Айдарлы-кумъ и затѣмъ прибылъ самъ къ означенному пикету съ отрядомъ въ числѣ роты пѣхоты, взвода конной казачьей артиллеріи и 25 казаковъ. Въ тотъ же день, по приглашенію китайскихъ чиновниковъ, капитанъ Голубевъ выслалъ для объясненія съ ними поручика Антонова и хорунжаго Елгина съ 9 артиллеристами. Означенные офицеры были дружелюбно встрѣчены китайцами и приглашены на пикетъ. Но едва наши офицеры, въ сопровожденіи конвоя, въѣхали на пикетъ, какъ совершенно неожиданно подверглись нападенію китайцевъ. При этомъ трое нижнихъ чиновъ остались на мѣстѣ, а остальные, осыпаемые стрѣлами, успѣли пробиться. Изъ нихъ начальникъ отряда поручикъ Антоновъ, молодой способный офицеръ, подававшій большія надежды, получивъ восемь ранъ стрѣлами, вскорѣ умеръ. Хорунжій Елгинъ былъ тяжело раненъ, а изъ нижнихъ чиновъ пять были тяжело ранены и одинъ легко. Китайцы, преслѣдуя нашъ отрядъ, открыли огонь, что заставило капитана

Голубева отвѣтить тѣмъ же. Тогда китайцы прекратили преслѣдованіе и нашъ отрядъ въ полномъ порядкѣ достигъ Кишъ-Муруна. Спустя двѣ недѣли, китайцы снова предприняли наступленіе къ Кишъ-Муруну, но были разбиты нашими войсками и потеряли до 50 человѣкъ убитыми и до 15 малыхъ орудій. Вслѣдъ за тѣмъ, 22-го іюня произошло новое столкновеніе съ китайцами, поводомъ къ которому послужило открытіе китайцами огня противъ нашего отряда, во время производства рекогносцировки начальникомъ отряда подполковникомъ Лерхе. При этомъ китайцы были выбиты изъ Борохуцзирскаго пикета и толпы ихъ, пытавшіяся охватить наши фланги, были разсѣяны. На этотъ разъ потеря китайцевъ простиралась до 400 человѣкъ убитыми и ранеными. Съ нашей стороны былъ убитъ одинъ и ранено двое.

Непріязненныя столкновенія на границѣ прекратили наше сообщеніе съ Кульджой и сдѣлали небезопаснымъ положеніе нашего консульства. Претерпѣвая притѣсненія отъ мѣстныхъ жителей и получивъ свѣдѣніе о намѣреніи ссыльныхъ напасть на нашу факторію, управляющій консульствомъ хорунжій Сибирскаго казачьяго войска Колотовкинъ неоднократно обращался къ Кульджинскимъ властямъ съ просьбою о содѣйствіи. Просьбы эти не были даже приняты Кульджинскимъ правительствомъ, что заставило хорунжаго Колотовкина выѣхать изъ Кульджи съ казачьимъ конвоемъ, состоявшемъ при консульствѣ. Китайскій отрядъ преслѣдовалъ нашихъ, но наступившая темная ночь и сильная буря заставили китайцевъ прекратить преслѣдованіе и наши казаки, благодаря врожденной имъ смѣтливости и умѣнію оріентироваться, успѣли пробраться за линію китайскихъ пикетовъ и благополучно возвратились въ Копалъ.

29 іюня китайцамъ было нанесено еще другое пораженіе отрядомъ майора Еленскаго на р. Каркарѣ. Вслѣдствіи сего, китайцы, пытавшіеся пройти изъ долины р. Кегена къ озеру Иссыкъ-куль и успѣвшіе снять нашъ пикетъ изъ трехъ казаковъ, были обращены въ свои предѣлы и отступили за пикетную линію. Но, получивъ подкрѣпленіе, этотъ отрядъ въ числѣ 7 тыс. китайцевъ, калмыковъ и киргизъ снова двинулся въ долину р. Кегена и подошелъ къ рѣкѣ Чалкоды-су, гдѣ стоялъ отрядъ майора Еленскаго. Нашъ отрядъ небольшой 24-го іюня былъ окруженъ китайскими войсками со всѣхъ сторонъ, но, благодаря удачнымъ дѣйствіямъ артиллеріи и стрѣлковъ, былъ отброшенъ въ горныя ущелья близъ озера Бородабсунъ. Вторженіе китайцевъ въ сѣверо-восточной части киргизской степи изъ-за линіи ихъ постоянныхъ пикетовъ со стороны Тарбагатайской области также не имѣло успѣха.

Начальникъ Бахтинскаго отряда есаулъ Барановъ остановилъ китайскія войска силою до 1800 человѣкъ, намѣревавшихся пройти черезъ горный проходъ Тарбагатайскаго хребта Хабаръ-асу къ западной оконечности озера Зайсана и далѣе на Нижній Иртышъ. Въ то же время, хорунжій Андреевскій съ небольшимъ отрядомъ казаковъ вытѣснилъ китайцевъ съ пикета Хони-Майлаху (Баты) на Нижнемъ Иртышѣ. Наконецъ, на самой сѣверной части китайской границы, въ предѣлахъ Алтайскаго горнаго округа, на земляхъ, занимаемыхъ калмыками-двоеданцами, появились небольшія китайскія команды. Китайцы заявили калмыкамъ, что они отойдутъ по трактату въ китайское подданство и даже поставили на ихъ земляхъ межевые столбы. Всѣ эти замыслы и происки китайцевъ на этой далекой сѣверной окраинѣ пограничнаго района не имѣли никакого успѣха, вслѣдствіе благоразумныхъ мѣръ, принятыхъ на мѣстѣ Томскимъ губернаторомъ д. с. с. Лерхе и Генеральнаго Штаба штабсъ-капитаномъ Принтцемъ.

Глава VI.

Рекогносцировка долины р. Чернаго Иртыша отъ озера Зайсана до китайскаго пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ (Акъ-Тюбе). Положеніе дѣлъ по разграниченію съ Западнымъ Китаемъ по окончаніи переговоровъ въ Чугучакѣ въ 1862 г. Мнѣніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ о постановкѣ вопроса о разграниченіи съ Западнымъ Китаемъ нашими комиссарами на бывшихъ переговорахъ.

Вооруженное столкновеніе нашихъ отрядовъ съ китайскими войсками на юго-востокѣ Заилійскаго края, требовавшее быстрыхъ и, въ то же время, осмотрительныхъ распоряженій для воздержанія китайцевъ на будущее время отъ самовольнаго вторженія въ наши предѣлы, не дозволило мнѣ предпринять движеніе на Черный Иртышъ раннею весною, а потому Зайсанскую экспедицію пришлось отложить до конца лѣта, когда, получивъ разрѣшеніе генерала Дюгамеля отправиться на китайскую границу, я поспѣшно выѣхалъ изъ Омска въ Кокпекты, куда и прибылъ 1-го августа.

Здѣсь мнѣ было необходимо пробыть нѣсколько дней, чтобы сдѣлать окончательныя распоряженія о снаряженіи Зайсанской экспедиціи, собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на самой границѣ у Чернаго Иртыша и заручиться содѣйствіемъ нѣкоторыхъ почетныхъ и вліятельныхъ лицъ туземнаго населенія. Изъ нихъ особенно пользовался большимъ вліяніемъ въ средѣ приграничныхъ киргизъ Кокпектинскаго округа султанъ Тани-Тлемисовъ, который и былъ вызванъ мною въ г. Кокпекты. Тани ознакомилъ меня съ положеніемъ дѣлъ въ сосѣднихъ китайскихъ владѣніяхъ и въ

пограничной мѣстности къ югу отъ Чернаго Иртыша. Онъ выразилъ полную готовность всячески содѣйствовать экспедиціи и обѣщалъ склонить къ тому же и прочіе роды киргизъ съ ручательствомъ, что я буду встрѣченъ въ ихъ кочевьяхъ съ полнымъ довѣріемъ и почетомъ соотвѣтствующими моему званію полномочнаго комиссара. Съ своей стороны я тогда же высказалъ Тани полную увѣренность въ его содѣйствіи и обѣщалъ, что его заслуги и преданность нашему правительству будутъ оцѣнены по достоинству главнымъ начальникомъ края.

Затѣмъ я поручилъ Тани немедленно отправиться въ кочевья неподданныхъ намъ киргизъ, кочующихъ къ востоку отъ озера Зайсана и у низовьяхъ Чернаго Иртыша, гдѣ и ожидать моего прибытія.

Выше было упомянуто, что сильный китайскій отрядъ, выступившій изъ г. Чугучака для осмотра границы, вознамѣрился перейти Тарбагатайскія горы черезъ проходъ Хабаръ-асу для дальнѣйшаго слѣдованія по обычному пути, по которому, въ прежнее время ежегодно ходили китайскіе Амбани изъ Чугучака, пролегавшему помимо западной оконечности озера Зайсана на сѣверъ къ пикету Хой-Майлаху (Бахты). Впослѣдствіи, по полученнымъ мною свѣдѣніямъ, оказалось что этотъ отрядъ, подъ начальствомъ китайскаго комиссара Болгосу, послѣ неудачной попытки перейти горы по проходу Хабаръ-асу, повернулъ вправо, т. е. на востокъ и рѣшился перейти Тарбагатайскій хребетъ черезъ проходъ Бургусутай (Кубсунъ-асу), находящійся на линіи постоянныхъ китайскихъ карауловъ. Отсюда Амбаню Болгосу предстояло два пути къ пикету Хой-Майлаху, на Нижнемъ Иртышѣ: 1) помимо западной оконечности озера Зайсана, т. е. по пути, по которому ежегодно производился осмотръ границы и 2) черезъ Черный Иртышъ въ долину р. Курчума. Желая удостовѣриться въ возможности пройти по первому пути, китайцы послали своихъ лазутчиковъ, успѣвшихъ проникнуть подъ видомъ купцовъ до р. Базарки, находящейся къ югу отъ озера Зайсана. Убѣдившись на мѣстѣ, что Карауткульскій бродъ на р. Кокпектинкѣ, черезъ который проходитъ ближайшій путь мимо западной оконечности озера Зайсана къ пикету Хой-Майлаху, занятъ нашимъ отрядомъ съ артиллеріей и всѣ паромы на Нижнемъ Иртышѣ отведены внизъ по этой рѣкѣ и находятся въ нашей власти, комиссаръ Болгосу принужденъ былъ отказаться отъ своей попытки пройти на Нижній Иртышъ по западную сторону озера Зайсана. А потому, онъ потянулся со своимъ отрядомъ отъ Тарбагатайскаго хребта къ сѣверу на Черный Иртышъ къ пикету Маниту-Гатулъ-Ханъ (Акъ-Тюбе). Дальнѣйшее же слѣдованіе по сѣверному берегу озера Зайсана онъ также не рѣшился предпринять по трудности движенія черезъ Курчумскія горы и изъ опасенія столкновеній съ другимъ отрядомъ изъ сотни казаковъ, находившихся въ Курчумскомъ краѣ для прикрытія нашихъ съемочныхъ партій подъ руководствомъ корпуса военныхъ топографовъ штабсъ-капитана Нифантьева. Вслѣдствіе сего, простоявъ нѣкоторое время на Акъ-Тюбе, Болгосу возвратился тою же дорогою въ Чугучакъ. Такимъ образомъ, заблаговременно и вполнѣ согласно съ обстоятельствами и современному положенію дѣлъ на границѣ, занятіе нашими отрядами наиболѣе важныхъ пунктовъ, находящихся на пересѣченіи путей, ведущихъ къ озеру Зайсану, воспрепятствовали китайцамъ предпринять практиковавшійся ими въ прежніе годы осмотръ границы къ западу отъ озера Зайсана. Хотя, такимъ образомъ, цѣль, съ которою были выставлены всѣ эти отряды и была достигнута, т. е. китайцы не были допущены къ переходу за черту ихъ постоянныхъ пикетовъ въ нашу сторону, но при тогдашнемъ тревожномъ положеніи дѣлъ на границѣ, въ виду недавнихъ кровавыхъ столкновеній нашихъ отрядовъ съ китайскими войсками, необходимо было озаботиться объ обезпеченіи пароходнаго плаванія по озеру Зайсану и Черному Иртышу отъ всякихъ случайностей и враждебныхъ дѣйствій мѣстнаго полудикаго населенія и затѣмъ дать болѣе прочную и вполнѣ надежную охрану какъ нашимъ съемщикамъ, такъ и нашимъ рыбопромышленникамъ, противъ которыхъ китайцы также начали выказывать враждебныя отношенія.

Для осуществленія всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній я находилъ необходимымъ: одновременно съ движеніемъ Зайсанскаго отряда по южному берегу озера Зайсана, направить по сѣверному берегу озера сотню казаковъ подъ начальствомъ штабсъ-капитана Нифантьева. Нифантьеву мною было приказано: достигнувъ сѣверо-восточной оконечности озера Зайсана, перейти въ долину Чернаго Иртыша и, переправясь на лѣвый берегъ рѣки при ур. Чингильды, примкнуть къ моему отряду и затѣмъ слѣдовать далѣе по этому берегу до пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ (Акъ-Тюбе), гдѣ и остановиться въ виду линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ. По слухамъ на этой линіи находился значительный отрядъ калмыковъ. Чтобы остановить ихъ попытки къ переходу этой линіи на нашу сторону, я, по прибытіи къ Карауткульскому броду на р. Кокпектинкѣ, гдѣ былъ сосредоточенъ Зайсанскій отрядъ, немедленно направилъ первый эшелонъ отряда въ числѣ одной роты къ озеру Зайсану, а самъ со вторымъ эшелономъ, составленнымъ

изъ сотни казаковъ и 2-хъ орудій конной казачьей артиллеріи, выступилъ по тому же пути 13-го августа.

По соединеніи обоихъ эшелоновъ, я слѣдовалъ далѣе по южному берегу Зайсана, а казачьему отряду, передвинутому мною ранѣе съ ур. Чингистай на устье р. Курчума, поручилъ прикрывать партію прапорщика Вязовскаго, производившаго топографическую съемку Курчумской долины. Такимъ образомъ, всѣ отряды, двинутые въ предѣлы Зайсанскаго и Курчумскаго края, получили болѣе сосредоточенное расположеніе. Это обстоятельство доставило возможность не только быть въ полной готовности ко всякимъ неожиданностямъ, столь обычнымъ въ степныхъ экспедиціяхъ, но и дѣйствовать рѣшительно, въ случаѣ какихъ-либо враждебныхъ покушеній со стороны приграничныхъ китайскихъ инородцевъ: калмыковъ и киргизъ. Между тѣмъ, движеніе нашихъ отрядовъ по обоимъ берегамъ озера Зайсана и затѣмъ въ долинѣ Чернаго Иртыша, а также первое совершенно неожиданное появленіе нашего парохода на водахъ озера Зайсана на этой далекой окраинѣ сѣверо-восточной части Средней Азіи, бывшее для полудикаго кочевого прибрежнаго населенія невѣдомымъ дотолѣ зрѣлищемъ огненной лодки, произвело сильное, можно сказать ошеломляющее впечатлѣніе на киргизъ и, въ то же время, озадачило самихъ китайцевъ. Повидимому, они рѣшились отказаться отъ намѣренія воспрепятствовать нашему движенію въ долину р. Чернаго Иртыша къ линіи ихъ постоянныхъ пикетовъ, что и подтвердилось впослѣдствіи, по прибытіи моемъ на р. Джерму и Кендерликъ, впадающія въ юговосточную оконечность озера Зайсана. Въ этой мѣстности, еще на далекомъ разстояніи отъ предположенной остановки отряда, я былъ торжественно встрѣченъ султанами, біями и почетными людьми киргизъ Байджигитовскаго рода, поколѣнія Джумукъ и его отдѣленій: Тауке, Сайбулатъ, Ситы, Коджанъ, Караша и друг., а также рода Торъ-Тоулъ и Кожембетъ.

По показаніямъ киргизскихъ старшинъ, весною 1863 г. дѣйствительно носились слухи о сборахъ на границѣ калмыковъ, но о переходѣ ихъ, а также и другихъ, собственно китайскихъ войскъ за линію постоянныхъ пикетовъ въ нашу сторону не имѣлось никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Точно также и при дальнѣйшемъ движеніи Зайсанскаго отряда отъ р. Джермы и Кендерлика въ долину Чернаго Иртыша, я былъ неоднократно встрѣчаемъ киргизскими султанами и почетными людьми, такъ что движеніе моего отряда въ этой мѣстности походило болѣе на какое то торжественное шествіе. Киргизы радушно предлагали нашему отряду юрты, кумысъ и барановъ. Съ нашей стороны киргизскіе старшины были угощаемы чаемъ, пилавомъ и разными сластями. Эти пріемы и угощенія, послѣ утомительныхъ переходовъ по страшной, почти тропической жарѣ до крайности меня утомляли, такъ что подъ конецъ я не зналъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Понятно, что при моемъ положеніи отказаться отъ этихъ торжественныхъ пріемовъ и собесѣдованій съ киргизскими султанами и почетными людьми было невозможно по многимъ соображеніямъ и я былъ вынужденъ подчиниться этой тяжелой обязанности.

Продолжая такимъ образомъ дальнѣйшее движеніе, отрядъ 16 Августа прибылъ къ пикету Маниту-Гатулъ-Ханъ. Во время движенія отряда по южному берегу озера Зайсана, я имѣлъ случай удостовѣриться въ неправильности нашихъ тогдашнихъ картъ, на которыхъ было обозначено нѣсколько рѣкъ, впадающихъ въ озеро Зайсанъ. Въ дѣйствительности же ихъ оказалось только двѣ: Джерма и Кендерликъ, прочія же не доходили до озера Зайсана и образовали сухія русла, черезъ которыя мой отрядъ съ артиллеріей перешелъ безпрепятственно. Потребовались самыя незначительныя исправленія, которыя и были сдѣланы, нисколько не задерживая движенія отряда, небольшой командой пѣхотныхъ солдатъ, посаженныхъ на лошадей и снабженныхъ шанцевыми инструментами и слѣдовавшихъ всегда впереди отряда. Вскорѣ по прибытіи нашемъ на Черный Иртышъ, въ нашъ отрядъ явился китайскій чиновникъ съ пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ и объявилъ, что онъ пріѣхалъ поздравить начальника русскаго отряда съ благополучнымъ прибытіемъ на Черный Иртышъ. Китаецъ былъ дружелюбно принятъ въ нашемъ отрядѣ, хотя и нетрудно было догадаться, что онъ посланъ съ спеціальной цѣлью освѣдомиться о силѣ и составѣ русскаго отряда.

Еще на маршѣ къ р. Джермѣ, я получилъ отъ генерала Дюгамеля предписаніе остановить дальнѣйшее слѣдованіе моего отряда къ Черному Иртышу. Дюгамель находилъ совершенно излишнимъ и безполезнымъ движеніе Зайсанскаго отряда, которое могло бы повести къ новымъ столкновеніямъ съ китайцами въ особенности въ виду того, что сообщенныя мною свѣдѣнія о сборахъ калмыковъ на границѣ подтвердились и донесеніемъ Военнаго Губернатора Семипалатинской области Панова. Въ заключеніе Дюгамель присовокупилъ, что на дняхъ онъ получилъ депешу отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ которой князь Горчаковъ проситъ всячески уклоняться отъ непріязненныхъ столкновеній съ китайцами.

Повидимому, Дюгамелю подъ вліяніемъ описанныхъ выше недавнихъ кровопролитныхъ столкновеній нашихъ войскъ съ ки-

тайцами, въ предѣлахъ южнаго пограничнаго района все еще казались какія-то черныя точки на горизонтѣ китайской границы. Соображая предшествовавшія обстоятельства въ связи со взглядами Дюгамеля вообще на положеніе дѣлъ на границѣ, я пришелъ къ убѣжденію, что его опасенія были основаны на излишней преувеличенной осторожности и на предположеніи о возможности неминуемаго вооруженнаго столковенія моего отряда съ китайскими войсками. Съ другой стороны, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я тогда находился, и вообще при тогдашнемъ положеніи дѣлъ на границѣ, исполнить предписаніе Дюгамеля оказалось рѣшительно невозможнымъ. Остановить отрядъ и предпринять обратное движеніе въ то время, когда я уже подходилъ къ Черному Иртышу, значило бы пожертовать существенными интересами экспедиціи, выказать свою слабость и уронить собственное достоинство въ глазахъ китайцевъ, а въ особенности киргизъ, султаны и почетные люди которыхъ уже ожидали моего прибытія на Черный Иртышъ. Въ виду приведенныхъ соображеній я рѣшился безостановочно продолжать дальнѣйшее слѣдованіе и дать Дюгамелю уклончивый отвѣтъ, сославшись на невозможность исполнить данное мнѣ предписаніе, по случаю полученія его въ то время, когда отрядъ уже находился на Черномъ Иртышѣ, въ виду китайской пикетной линіи. Вскорѣ по моемъ прибытіи на Черный Иртышъ къ пикету Маниту-Гатулъ-Ханъ, я произвелъ рекогносцировку этого пикета и прилегающей къ нему мѣстности до горы Акъ-Тюбе. Пикетъ Маниту-Гатулъ-Ханъ былъ тогда расположенъ на притокѣ Чернаго Иртыша, въ 68 верстахъ отъ впаденія этой рѣки въ озеро Зайсанъ, въ низменной мѣстности, надъ которою довольно крутымъ уступомъ возвышались ближайшія береговыя высоты. Съ этого уступа открывался видъ какъ на самый пикетъ и находящійся противъ него лѣсистый островъ, такъ и на долину праваго берега р. Чернаго Иртыша, замыкаемой Букомбайскими горами. Долина же лѣваго берега, окаймляемая уремой (полосой) изъ сибирскаго тополя, замыкалась на юго-востокѣ снѣжнымъ хребтомъ Сауръ-Тау, прилегающимъ къ горамъ Сары-Чеко и Манракъ. Зданія пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ состояли изъ двухъ отдѣльныхъ построекъ, пространство между которыми образовывало дворъ, огороженный плетневымъ заборомъ. Для поддержанія постояннаго сообщенія съ правымъ берегомъ Чернаго Иртыша на пикетѣ имѣлись двѣ лодки. Во время пребыванія Зайсанскаго отряда на Черномъ Иртышѣ, были закончены всѣ топографическія работы, произведенныя въ сѣверо-восточномъ пограничномъ районѣ степи съ весны 1863 г. Штабсъ-капи-

танъ Нифантьевъ, снявъ сѣверный берегъ Зайсана отъ ур. Клы до устья р. Чернаго Иртыша, распространилъ работы по долинѣ праваго берега этой рѣки до устья р. Такыра и къ сѣверу до южнаго склона Курчумскаго хребта. Въ то же время, остальные топографы снимали долину р. Курчума и, достигнувъ истоковъ этой рѣки, перенесли съемку къ озеру Марка-куль, отсюда они перешли черезъ среднюю часть р. Курчума въ долину р. Нарыма. Дальнѣйшія съемки отъ истоковъ р. Нарыма производились съ одной стороны по направленію къ китайскому пикету Чингистай, а съ другой—внизъ по р. Нарыму и затѣмъ вверхъ по р. Иртышу до пикета Хони-Майлаху (Баты). Всего было снято 16.830 кв. в. Независимо отъ топографической съемки по обоимъ берегамъ оз. Зайсана и р. Чернаго Иртыша предпринято было изслѣдованіе фарватера Верхняго и Нижняго Иртыша въ отношеніи устройства по этимъ рѣкамъ и соединяющему ихъ водоему Зайсану пароходнаго сообщенія. Съ этою цѣлью, какъ упомянуто выше, состоялась особая рѣчная экспедиція подъ руководствомъ полковника Зряхова. 30-го мая экспедиція отплыла изъ Омска на пароходѣ „Ура“ и, послѣ довольно благополучнаго плаванія, полковникъ Зряховъ достигъ пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ на Черномъ Иртышѣ. Отъ этого мѣста, въ августѣ 1863 г., Зряховъ предпринялъ обратное плаваніе и, пройдя озеро Зайсанъ, спустился внизъ по р. Иртышу, осмотрѣвъ попутно низовья рѣкъ Курчума и Букони. Результатами этого плаванія было: изслѣдованіе фарватера Нижняго и Верхняго Иртыша, выборъ мѣста для пристаней и составленіе карты всего плаванія.

Вмѣстѣ со съемкою мѣстности къ сѣверу отъ озера Зайсана, участвовавшій въ экспедиціи правитель дѣлъ комиссіи К. В. Струве опредѣлилъ географическое положеніе пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ, независимо отъ 18 другихъ опредѣленій въ этой мѣстности и сосѣднемъ краѣ. Кромѣ того, была произведена съемка въ масштабѣ 200 саж. въ дюймѣ долины лѣваго берега Чернаго Иртыша до горы Акъ-Тюбе къ западу на 10 верстъ, и составлена разспросная карта мѣстности верховьевъ Чернаго Иртыша и прилегающей къ нему страны. Произведенныя съемки дали точное очертаніе береговъ озера Зайсана, опредѣлили его видъ и величину, а астрономическія опредѣленія впервые доставили возможность прочно установить это озеро въ географическую сѣть. Все это въ совокупности образовало собою солидный матеріалъ для составленія болѣе вѣрной карты Зайсанскаго края. Таковы были результаты Зайсанской экспедиціи. Они доставили возможность ознакомиться съ мѣстностью Зайсанскаго и Курчумскаго края,

что неоспоримо имѣло важное значенiе для предстоящихъ переговоровъ съ китайцами въ Чугучакѣ, а также для правительственныхъ видовъ и научныхъ цѣлей. Такъ свѣдѣнiя, собранныя о краѣ и его кочевомъ населенiи дали возможность исподволь подготовить достаточное число данныхъ для будущаго административнаго устройства этой отдаленной окраины сѣверо- восточной части киргизской степи, находившейся до того времени въ китайскомъ владѣнiи. Наконецъ, Зайсанская экспедицiя имѣла также и немаловажное значенiе въ политическомъ отношенiи. Объявивъ китайцамъ на переговорахъ, происходившихъ въ Чугучакѣ, что мы считаемъ границею между двумя государствами линiю ихъ постоянныхъ пикетовъ, намъ необходимо было не ограничиваться только однимъ этимъ, такъ сказать, голословнымъ заявленiемъ, но и въ дѣйствительности занять пограничную мѣстность Зайсанскаго края нашими отрядами. Такое вооруженное занятiе сѣверо-восточнаго пограничнаго района киргизской степи въ связи съ движенiемъ Зайсанскаго отряда, при внушительной военной обстановкѣ на Черный Иртышъ и расположенiе у Маниту-Гатулъ-Ханъ въ виду китайской пикетной линiи, неоспоримо произвело сильное впечатлѣнiе на китайцевъ и ясно показало имъ, что озеро Зайсанъ и вся мѣстность къ востоку отъ него до линiи постоянныхъ китайскихъ карауловъ, какъ *фактически* занятая нами, отнынѣ окончательно перешли въ сферу исключительно русскаго преобладающаго влiянiя и затѣмъ будутъ присоединены къ владѣнiямъ Россiи на основанiи Пекинскаго трактата. Но, кромѣ того, такой образъ дѣйствiй съ нашей стороны въ данномъ случаѣ, т. е. вооруженное занятiе Зайсанскаго края, оправдывался въ высшей степени поучительнымъ для насъ примѣромъ той системы, которой держался въ совершенно однородномъ дѣлѣ на нашей восточной китайской границѣ, на рѣкахъ Амурѣ и Уссури графъ Муравьевъ-Амурскiй. Онъ находилъ необходимымъ поддерживать дипломатическiя требованiя наши фактическимъ занятiемъ страны. Такъ Амуръ, прежде нежели сдѣлаться русскою рѣкою на основанiи Айгунскаго трактата 1858 г., уже фактически принадлежалъ Россiи, будучи занятъ еще ранѣе почти по всему своему протяженiю нашими войсками.

Во все время пребыванiя Зайсанскаго отряда на Черномъ Иртышѣ, я не встрѣтилъ сверхъ ожиданiя никакихъ враждебныхъ дѣйствiй не только со стороны китайцевъ, но и калмыковъ, о сборахъ которыхъ на границѣ Зайсанскаго края ходили упорные слухи въ теченiе лѣта 1863 г.

Причина эта, повидимому, заключалась въ томъ, что разгромъ китайскихъ войскъ нашими отрядами въ пограничной мѣстности Заилiйскаго края, сопредѣльной съ Кульджинскимъ райономъ, отразился и на сѣверо-восточной окраинѣ степи и неоспоримо произвелъ сильное впечатлѣнiе на китайцевъ и калмыковъ, въ особенности при тогдашнемъ тревожномъ положенiи дѣлъ въ самомъ Западномъ Китаѣ. Должно сказать, что въ то время, когда на его западныхъ предѣлахъ по всему протяженiю границы стояла грозная сила русскихъ отрядовъ, а съ востока надвигалась другая гроза—возстанiе дунгановъ, положенiе китайцевъ сдѣлалось до крайности затруднительнымъ, и они не могли уже помышлять о какихъ либо враждебныхъ противъ насъ дѣйствiяхъ. Что же касается до пограничныхъ киргизъ, то, почувствовавъ надъ собой русскую силу, они, по обычнымъ прiемамъ азiатской политики, стали выказывать вниманiе и предупредительность и вообще относились ко мнѣ съ полнымъ довѣрiемъ.

При такомъ положенiи дѣлъ въ Зайсанскомъ краѣ я имѣлъ возможность окончить всѣ предположенныя топографическiя работы и затѣмъ, въ виду упомянутаго выше предписанiя Дюгамеля, рѣшился предпринять обратное движенiе въ Кокпекты по тому же пути, который съ тѣхъ поръ киргизы стали называть Урусъ-джоль (русская дорога). По прибытiи моемъ къ Карауткульскому броду на р. Кокпектинкѣ, я получилъ новое предписанiе генерала Дюгамеля немедленно отправиться въ Чугучакъ, откуда было получено заявленiе китайскихъ комиссаровъ о желанiи ихъ возобновить переговоры, прерванныя въ прошломъ 1862 г. А потому, на Карауткулѣ я простился съ войсками отряда, выразивъ имъ, а въ особенности казакамъ мою признательность, благодарилъ за отличную службу и примѣрный порядокъ, который соблюдался во все время движенiя къ Черному Иртышу и обратно, а также во время стоянки у пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ. Затѣмъ я простился съ султаномъ Тани-Тлемисовымъ и другими киргизскими старшинами и почетными людьми, которые провожали меня съ Чернаго Иртыша. Я совѣтовалъ имъ жить мирно между собою и стараться упрочить свое благосостоянiе путемъ развитiя скотоводства,—этой главнѣйшей отрасли степного хозяйства. Киргизы, повидимому, сочувственно отнеслись къ моимъ словамъ и выразили мнѣ пожеланiя благополучнаго путешествiя, высказавъ надежду когда нибудь увидѣть меня въ этихъ же мѣстахъ какимъ нибудь болѣе важнымъ начальникомъ. Вслѣдъ затѣмъ я выѣхалъ по прямому направленiю на югъ, въ сопровожденiи небольшого казачьяго конвоя. Передъ нами виднѣлись въ отдаленiи Тарбагатайскiя горы, покрытыя легкой дымкой тумана. Подходя ближе, мы замѣтили,

что альпы Тарбагатая были уже покрыты снѣгомъ. Необходимо было торопиться переходомъ черезъ горы, пользуясь ясной погодой. А потому я избралъ ближайшій горный проходъ Сай-асу. Сѣверный свѣсъ Тарбагатая, образуя пологіе скаты, не представлялъ особенныхъ затрудненій для подъема. Но при дальнѣйшемъ движеніи, когда пришлось переходить черезъ альпы Тарбагатая мѣстами по глубокому снѣгу, намъ пришлось преодолѣть немаловажныя затрудненія, которыя еше болѣе усилились при спускѣ по крутымъ обрывамъ и уступамъ южнаго свѣса Тарбагатая. Спустившись на Чугучакскую равнину, мы почувствовали себя какъ бы въ другомъ климатѣ. Послѣ перенесеннаго нами холода во время перехода въ горахъ Тарбагатая, подъ Чугучакомъ наступила почти тропическая жара, хотя уже была половина Сентября Мѣстность отъ Тарбагатайскихъ горъ до самаго Чугучака образуетъ обширную равнину, замыкаемую на востокъ горами Уркачары и Барлыкъ. Слѣдованіе по этой равнинѣ не представляло никакихъ затрудненій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, изрѣзанныхъ арыками. По прибытіи въ Чугучакъ, я занялся составленіемъ отчета о Зайсанской экспедиціи, который вмѣстѣ съ картою представилъ генералъ-адъютанту Н. П. Игнатьеву. По возвращеніи изъ Чучучака въ Омскъ, я получилъ отъ него отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

„Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я письмо Ваше, написанное еще во время Чугучакскихъ переговоровъ и полученное мною въ прошедшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ. Свѣдѣнія, сообщаемыя Вами объ успѣшной рекогносцировкѣ, произведенной на восточной сторонѣ Зайсана и по берегамъ Чернаго Иртыша, весьма любопытны. Они сообщены въ извлеченіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества для напечатанія въ годичномъ отчетѣ и служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ полезной дѣятельности Вашей въ теченіе минувшаго лѣта“.

Результаты переговоровъ, происходившихъ въ Чугучакѣ въ 1862 г., были повергнуты Государственнымъ Канцлеромъ на Высочайшее воззрѣніе, генераломъ Игнатьевымъ и княземъ Горчаковымъ, сообщившимъ по Высочайшему повелѣнію Генералу-Губернатору Западной Сибири Дюгамелю, что по отъѣздѣ нашихъ комиссаровъ изъ Чугучака, пограничный вопросъ, по мнѣнію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, былъ поставленъ надлежащимъ образомъ. Китайскіе полномочные не были въ состояніи совершенно отвергнуть ясно высказанное въ Пекинскомъ трактатѣ начало, что граница должна проходить по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ. Хотя китайскіе комиссары и уклонились отъ

принятаго ихъ правительствомъ обязательства, но окончательное и для насъ удовлетворительное разрѣшеніе пограничнаго вопроса можетъ быть только дѣломъ времени. Намъ необходимо при настоящихъ обстоятельствахъ оградить нашу границу отъ новыхъ произвольныхъ вторженій китайскихъ отрядовъ. По возможности занявъ фактически всю граничную линію, согласную съ нашими видами, мы можемъ спокойно выждать удобное время для возобновленія переговоровъ. Между тѣмъ, расположеніе нашихъ отрядовъ на границѣ съ одной стороны можетъ содѣйствовать къ поддержанію нашихъ требованій въ пограничномъ вопросѣ, а съ другой — доставитъ возможность наблюдать за киргизами и спокойствіемъ въ степи.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ находило также, что способъ веденія переговоровъ въ Чугучакѣ китайскими комиссарами достаточно ясно опредѣляетъ тѣ мѣры, на которыя намъ должно обратить особое вниманіе, для приданія пограничному дѣлу надлежащаго направленія въ будущемъ.

Въ этихъ видахъ Государственный Канцлеръ полагалъ воздержаться на нѣкоторое время высказывать передъ китайцами готовность съ нашей стороны возобновить переговоры о разграниченіи и съ этой цѣлью избѣгать всякаго рода объясненій пограничнаго вопроса съ мѣстными китайскими властями. Если же китайское начальство само вызовется и письменно отнесется къ намъ о возобновленіи переговоровъ, то на это предложеніе слѣдуетъ дать согласіе, но только въ такомъ случаѣ, когда со стороны китайцевъ будетъ представлено удостовѣреніе, что возобновляемые переговоры будутъ ведены на основаніяхъ, ясно выраженныхъ въ договорномъ постановленіи, т. е., что граница пойдетъ по линіи постоянныхъ карауловъ и что, слѣдовательно, обоюднымъ комиссарамъ не предстоитъ надобности въ предварительныхъ соглашеніяхъ относительно общаго направленія границы, и весь пограничный вопросъ рѣшится согласно предъявленному нашими уполномоченными плану.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію переговоровъ, происходившихъ въ Чугучакѣ въ 1863 г., необходимо предварительно упомянуть о томъ, какъ отразился въ Пекинѣ неудовлетворительный исходъ Чугучакскихъ переговоровъ предыдущаго года, а также и послѣднихъ событій на границѣ, ознаменованныхъ рядомъ кровопролитныхъ столкновеній нашихъ отрядовъ съ китайскими войсками и взглядъ на эти событія Пекинскаго правительства. Все это будетъ изложено въ слѣдующей главѣ.

Глава VII.

Впечатлѣніе, произведенное въ Пекинѣ медленнымъ ходомъ переговоровъ въ Чугучакѣ и вооруженными столкновеніями на границѣ нашихъ отрядовъ съ китайскими войсками. Сношенія, возникшія по этому поводу между нашимъ Министромъ-Резидентомъ и членами китайскаго Верховнаго Совѣта (Цунъ-Линъ-Ямынъ). Возраженія китайскихъ министровъ на нашъ проектъ границы. Блистательное опровержение этихъ возраженій нашимъ повѣреннымъ о дѣлахъ въ Пекинѣ Глинкою. Нашъ молодой дипломатъ убѣждаетъ регента Гунъ-Цинъ-Вана и китайскихъ министровъ принять нашъ проектъ границы, какъ вполнѣ согласный съ Пекинскимъ трактатомъ. Китайскіе комиссары, выражая желаніе открыть переговоры, приглашаютъ нашихъ комиссаровъ прибыть въ Чугучакъ. Пріѣздъ нашихъ комиссаровъ и неудовлетворительный исходъ переговоровъ.

Медленный ходъ переговоровъ о границѣ, производившихся въ Чугучакѣ, а въ особенности кровопролитныя столкновенія нашихъ отрядовъ съ китайскими войсками на юго-востокѣ Заилійскаго края отразились и въ Пекинѣ. Китайскіе комиссары, посылая донесеніе Пекинскому правительству, постоянно жаловались на чрезмѣрныя требованія русскихъ комиссаровъ.

Съ своей стороны и Илійскій главнокомандующій (Кульджинскій Цзянь-Цзюнь), въ своихъ донесеніяхъ въ Пекинъ, представилъ въ совершенно превратномъ видѣ предательское нападеніе китайцевъ на нашихъ офицеровъ и казаковъ при Борохуцзирскомъ пикетѣ, которое, какъ сдѣланное безъ всякаго повода съ нашей стороны, не могло быть ничѣмъ оправдано.

Въ такомъ же ложномъ свѣтѣ были представлены мѣстнымъ китайскимъ начальствомъ и всѣ послѣдующія кровопролитныя столкновенія на границѣ нашихъ отрядовъ съ китайскими войсками. Одновременно съ упомянутыми донесеніями китайскихъ комиссаровъ и мѣстнаго Илійскаго начальства, и съ нашей стороны посылались по дѣлу о проведеніи западной китайской границы подробныя и обстоятельныя сообщенія нашему Министру-Резиденту въ Пекинѣ, полковнику Баллюзеку.

Такъ генералъ Дюгамель, по ходатайству нашихъ комиссаровъ, просилъ полковника Баллюзека оказать съ его стороны возможное содѣйствіе дѣлу проведенія государственной границы съ Западнымъ Китаемъ и при этомъ упомянулъ, что намъ, повидимому, было бы необходимо въ Пекинѣ слѣдить и принять соотвѣтствующія мѣры на случай могущаго быть вмѣшательства французовъ и англичанъ въ дѣло разграниченія съ Западнымъ Китаемъ. На это нашъ Министръ-Резидентъ сообщилъ генералу Дюгамелю, что тотчасъ по полученіи увѣдомленія изъ Министерства, чтобы

при проведеніи западной границы въ основаніе была принимаема линія постоянныхъ китайскихъ карауловъ, онъ имѣлъ по сему случаю свиданіе съ членами китайскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и объявилъ имъ, что по смыслу 2-й ст. Пекинскаго договора подъ линіею нынѣ существующихъ китайскихъ пикетовъ слѣдуетъ подразумѣвать линію постоянныхъ китайскихъ карауловъ, а не временныхъ, выдвинутыхъ въ наши предѣлы по распоряженію мѣстнаго пограничнаго начальства даже безъ вѣдома китайскаго правительства, чему доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что по нашему требованію подобные временные пикеты были всегда удаляемы.

Китайскіе сановники, соглашаясь съ мнѣніемъ нашего Министра-Резидента, вмѣстѣ съ тѣмъ чистосердечно признались полковнику Баллюзеку, что они не имѣютъ никакого понятія о западной границѣ, но обѣщали предписать своимъ комиссарамъ имѣть въ виду вышеизложенное обстоятельство и вообще строго держаться смысла 2-й ст. Пекинскаго трактата.

Нѣтъ сомнѣнія, что они также предписали комиссарамъ не упускать изъ виду и собственныхъ интересовъ. По мнѣнію полковника Баллюзека, удачный ходъ дѣла о разграниченіи будетъ зависѣть отъ умѣнія нашихъ комиссаровъ расположить въ нашу пользу китайскихъ сановниковъ, назначенныхъ для разграниченія, такъ какъ, что бы ни говорилось въ Пекинѣ на счетъ этого, китайцы никакъ не возьмутъ на себя отвѣтственности рѣшить что-либо тамъ и давно предоставили все на усмотрѣніе своихъ знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами комиссаровъ, дѣйствія которыхъ они непремѣнно будутъ отстаивать и поддерживать.

Что же касается до принятія мѣръ для наблюденія за дѣйствіями французовъ и англичанъ, могущихъ помогать китайцамъ совѣтами въ дѣлѣ проведенія границы нашей на западѣ, то полковникъ Баллюзекъ находилъ во-первыхъ: что онъ лишенъ возможности помѣшать китайцамъ принять совѣтъ отъ кого бы то ни было, а во-вторыхъ, что дѣло это, по его мнѣнію, еще мало знакомо представителямъ иностранныхъ державъ, чѣмъ китайскимъ сановникамъ, и что первые дѣломъ этимъ никогда не интересовались и неинтересуются, и врядъ ли подозрѣваютъ о томъ, что граница эта еще не проведена. Затрудненія, если они происходятъ или произойдутъ, не будутъ слѣдствіемъ какой-либо европейской интриги, а произойдутъ отъ настойчивости китайскаго характера.

Находя справедливымъ замѣчаніе А. О. Дюгамеля, что Китайская Имперія находится нынѣ въ разслабленномъ состояніи и

хотя внутри страны ведется междоусобная война, финансы разстроены и ей невозможно разсчитывать на силу, но все это нисколько не исключаетъ желанія и законности опираться на право и всякій китайскій сановникъ, подобно европейцу, ежели онъ увѣренъ въ своемъ правѣ на что бы то ни было и не желаетъ отъ него отказаться, можетъ отстаивать свое дѣло безъ необходимости для этого какой-либо посторонней поддержки. При этомъ надо замѣтить, что какъ бы высоко ни стоялъ чиновникъ Дайцинской Имперіи, но за упущеніе государственнаго интереса онъ отвѣчаетъ своею головою передъ правительствомъ.

Въ заключеніе, полковникъ Баллюзекъ выразилъ свое мнѣніе, что китайцы будутъ менѣе уступчивы, чѣмъ когда-либо, при разграниченіи въ настоящемъ случаѣ. Не надо упускать изъ виду, что Китаемъ управляетъ регентъ, который современемъ долженъ будетъ отдать отчетъ Богдыхану. А потому и правительство Гунъ-Цинъ-Вана не можетъ дѣйствовать такъ самостоятельно, какъ прежнее, ибо трудно предвидѣть, какъ будетъ смотрѣть Богдыханъ, на всѣ настоящія дѣйствія регента, въ особенности же касающіяся вопросовъ цѣлости земель, коимъ китайцы придаютъ большое значеніе и гдѣ всякая уступка можетъ быть представлена друзьями стараго порядка незаконнымъ отчужденіемъ китайской территоріи.

Приведя этотъ взглядъ на дѣло разграниченія нашего Министра-Резидента въ Пекинѣ полковника Баллюзека, я долженъ оговориться, что высказанное имъ мнѣніе по нѣкоторымъ приведеннымъ выше соображеніямъ политическаго характера не нашло себѣ подтвержденія въ послѣдующихъ событіяхъ, какъ это и будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Хотя переговоры въ Чугучакѣ между нашими и китайскими комиссарами были прерваны, но дипломатическія сношенія между ними и Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири, а также между нашимъ Министромъ-Резидентомъ въ Пекинѣ и китайскими министрами продолжались весьма дѣятельно. Такъ въ первыхъ числахъ іюня 1863 г. нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Пекинѣ Н. А. Глинка при оффиціальномъ визитѣ китайскому министру, по случаю вступленія его въ новую должность, узналъ, что онъ имѣетъ намѣреніе обратиться къ нему въ скоромъ времени съ просьбою. Дѣйствительно, 10 іюня Н. А. Глинка получилъ отъ китайскихъ министровъ сообщеніе, въ которомъ они жаловались на занятіе русскими войсками всей приграничной мѣстности отъ горъ Алтая до Тянь-Шаньскаго хребта и на удаленіе нами изъ этихъ мѣстъ китайскихъ отрядовъ, а также на медленность на-

шихъ комиссаровъ, не пріѣзжающихъ въ Чугучакъ для переговоровъ. Вслѣдъ за тѣмъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ имѣлъ свиданіе съ китайскими сановниками, которые съ первыхъ же словъ начали наводить разговоръ на толкованіе Пекинскаго трактата. Но нашъ повѣренный въ дѣлахъ рѣшительно отклонилъ это, сказавъ, что комиссары наши болѣе чѣмъ достаточно разобрали уже дѣйствительный смыслъ статьи, служащей основаніемъ разграниченія, что наше правительство вполнѣ вникло въ сущность дѣла и пришло къ тому убѣжденію, что проектъ нашихъ комиссаровъ составленъ согласно съ Пекинскимъ трактатомъ и что поэтому переговоры могутъ быть возобновлены только въ томъ случаѣ, ежели китайское правительство выкажетъ готовность при опредѣленіи государственной границы на западѣ ихъ владѣній взять за основаніе буквальный смыслъ трактата или, что тому равносильно, проектъ нашихъ комиссаровъ. Но, китайцы, повидимому, желали поставить вопросъ такъ: что еще подлежитъ сомнѣнію, гдѣ именно должна пройти граница и что требованія нашихъ комиссаровъ крайне преувеличецы. На это нашъ повѣренный въ дѣлахъ замѣтилъ китайскимъ сановникамъ, что переговоры въ 1862 г. были прерваны, вслѣдствіе несогласія китайцевъ придерживаться буквальнаго смысла трактата. Съ другой стороны, китайскіе комиссары, не будучи въ состояніи опровергнуть полное соотвѣтствіе нашего проекта границы съ тѣмъ, что постановлено въ трактатѣ,—основывали всѣ свои доводы, главнымъ образомъ, на томъ, что строгое соблюденіе трактата будетъ не выгодно для Срединнаго государства. При этомъ Н. А. Глинка поставилъ на видъ китайскимъ сановникамъ, что, заключивъ однажды по добровольному соглашенію обоихъ правительствъ трактатъ, было бы неумѣстно разсуждать: выгодно ли для той или другой стороны приведеніе его въ исполненіе. Наши комиссары требовали только буквальнаго исполненія трактата и уѣхали, видя, что комиссары Срединнаго государства упорно уклоняются отъ этого.

Такимъ образомъ, прибавилъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ, отъ министровъ Срединнаго государства зависитъ рѣшеніе вопроса: должно ли разграниченіе на западѣ быть произведено въ скоромъ времени или отложено на неопредѣленный срокъ. А потому и прибытіе нашихъ комиссаровъ въ Чугучакъ для подробнаго опредѣленія границы можетъ состояться только въ томъ случаѣ, если со стороны китайскаго министерства послѣдуетъ заявленіе нашему правительству о принятіи проекта границы, предложеннаго нашими комиссарами. Послѣ того, нашъ повѣренный

въ дѣлахъ снова имѣлъ свиданіе съ китайскими сановниками сначала въ зданіи китайскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а потомъ въ нашемъ южномъ Пекинскомъ подворьѣ. Во время этихъ переговоровъ, китайцы при первомъ удобномъ случаѣ опять навели разговоръ на свою любимую тему: толкованіе словъ: «прямо на западъ до озера Зайсана». Вмѣсто отвѣта нашъ повѣренный въ дѣлахъ попросилъ ихъ сказать: какимъ образомъ комиссары Срединнаго государства объясняютъ эти слова? Сановникъ Даусель немного замялся и сказалъ, что переписка комиссаровъ ничто иное, какъ перебранка, а потому лучше оставить ее въ сторонѣ. Тогда Н. А. Глинка прямо попросилъ его приказать принести эту переписку, такъ какъ она ему извѣстна и въ ней особыхъ неприличныхъ выраженій онъ не встрѣтилъ и затѣмъ прибавилъ, что можетъ только указать намъ на проектъ нашихъ комиссаровъ, какъ на основаніе, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при проведеніи границы и на сознаніи самихъ китайскихъ комиссаровъ, что отъ Шабина-Дабага до озера Зайсана общее направленіе границы можетъ быть только *юго-западное*.

Тѣмъ не менѣе китайскіе сановники не согласились показать нашему повѣренному въ дѣлахъ донесеній своихъ комиссаровъ. Судя же по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, во время этихъ переговоровъ, можно было по нѣкоторымъ вопросамъ притти къ заключенію, что китайцы не настаиваютъ на рѣшеніи вопроса въ Пекинѣ, а скорѣе уклоняются отъ этого. Расчетъ ихъ въ этомъ отношеніи понятенъ. Въ Пекинѣ они не могутъ долго тянуть дѣло и должны отвѣтить положительно. Комиссарамъ же они могутъ предписать не уступать и подъ предлогомъ, что переговоры еще ведутся и не окончены, протестовать противъ вооруженнаго занятія границы нашими войсками, которыя для этой цѣли будутъ придвинуты къ линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ.

Въ противномъ случаѣ, если китайскіе министры пожелаютъ уступить намъ, то предоставятъ своимъ комиссарамъ полную свободу дѣйствій, а впослѣдствіи, когда придется отдавать отчетъ въ регентствѣ, то эту уступку всегда могутъ отнести къ винѣ своихъ комиссаровъ, проводившихъ границу. Китайскій сановникъ Вэнь-Сянь передалъ нашему повѣренному въ дѣлахъ, подъ видомъ частнаго замѣчанія, что если бы китайцы заранѣе знали, какъ договоръ для нихъ невыгоденъ, то они никогда бы его не заключали. Это показываетъ, что постановленіе трактата касательно западной границы они сами не считаютъ удобнымъ для себя и, повидимому, сознаются, что слишкомъ поспѣшили заключеніемъ Пекинскаго трактата къ явной своей невыгодѣ.

16-го іюля 1863 г. члены китайскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ пріѣхали въ наше южное подворье и на этотъ разъ нашему повѣренному въ дѣлахъ удалось изложить имъ вкратцѣ, на чемъ остановился вопросъ о проведеніи западной границы. Нашъ представитель въ Пекинѣ объявилъ китайцамъ, что возраженія китайскаго правительства касаются двухъ мѣстъ трактата: во-первыхъ: словъ прямо на западъ и во-вторыхъ: значенія постоянныхъ пикетовъ.

Относительно этихъ выраженій не можетъ быть никакого сомнѣнія. Озеро Зайсанъ лежитъ на юго-западъ отъ Шабина-Дабага и чтобы дойти до него, нужно принять это направленіе. Оно такъ ясно, что сами ихъ комиссары признали необходимость юго-западнаго направленія. Такъ оно и обозначено въ проектѣ нашихъ комиссаровъ. Но если бы даже китайскіе комиссары и не согласились на то, что направленіе это должно быть не какое либо другое, но именно юго-западное, то въ русскомъ текстѣ договора сказано очень ясно, что «граничная черта на западѣ, доселѣ неопредѣленная, отнынѣ должна проходить, слѣдуя направленію горъ, теченія большихъ рѣкъ и линіи нынѣ существующихъ китайскихъ пикетовъ отъ послѣдняго знака Шабина-Дабага на *юго-западъ*... и т. д.». Китайцы, говорилъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ, могутъ отговариваться незнаніемъ русскаго языка и утверждать, что китайскій текстъ служитъ для нихъ рукодствомъ, хотя въ трактатѣ сказано, что онъ переводъ съ русскаго текста. Но, во всякомъ случаѣ, русскій текстъ Пекинскаго договора есть подлинный, которымъ и руководствуются русскіе комиссары. При переводѣ же русскаго текста договора на китайскій языкъ произошла явная ошибка при перепискѣ. Возраженіе комиссара Минъ-И, что граничная линія отъ Шабина-Дабага до озера Зайсана не совершенно прямая, а идетъ съ кривизнами, весьма слабое и только показываетъ желанія тянуть безполезныя пренія. Собразуясь съ трактатомъ, наши комиссары предлагаютъ вести границу по направленію горъ и теченію большихъ рѣкъ, причемъ весьма естественно, что нѣкоторые повороты и изгибы граничной черты, соотвѣтственно излому самой мѣстности, оказываются неизбѣжными. Общее же направленіе границы въ означенныхъ выше предѣлахъ—юго-западное, какъ это и обозначено въ проектѣ русскихъ комиссаровъ.

Слова: «постоянные пикеты» равнымъ образомъ весьма ясны. Китайское правительство можетъ подраздѣлять теперь свои пикеты на сколько угодно разрядовъ и объяснять, что у него всѣ безъ исключенія пикеты постоянные. Тѣмъ не менѣе въ трактатѣ остаются слова «постоянные пикеты». Понятно, что они названы

такъ въ различіе отъ непостоянныхъ, которые выставляются временно. Если, по ихъ мнѣнію, всѣ пикеты постоянные, то пусть они укажутъ, гдѣ у нихъ непостоянные?!! Дѣло идетъ не о томъ, какъ бы слѣдовало лучше назвать различнаго рода пикеты, а какіе именно пикеты постоянные въ отношеніи къ временнымъ. При рѣшеніи этого вопроса не должно быть никакого разногласія, такъ какъ существуетъ *только одна* линія постоянныхъ пикетовъ, которая и упомянута въ трактатѣ. Китайское правительство жалуется теперь, что русское правительство не отвѣтило ему на прошлогоднее его сообщеніе и какъ бы преднамѣренно затягиваетъ проведеніе границы. На это замѣчаніе нашъ повѣренный въ дѣлахъ заявилъ китайскимъ сановникамъ, что если русскимъ посольствомъ не было передано Пекинскому кабинету все то, что ему было извѣстно о ходѣ переговоровъ въ Чугучакѣ, то во-первыхъ потому, что оно само не было ознакомлено со всѣми подробностями дѣла, а во вторыхъ оттого, что пограничный вопросъ разсматривается и рѣшается на границѣ, а не въ Пекинѣ и, слѣдовательно, комиссары Срединнаго государства были обязаны доносить своему правительству обо всемъ происходящемъ въ Чугучакѣ. Китайскому Министерству, по словамъ самихъ сановниковъ, извѣстны къ тому же и проекты граничной черты, представленные обѣими сторонами и доводы какъ тѣхъ, такъ и другихъ комиссаровъ. Ему же равномѣрно должно быть извѣстно, при какихъ условіяхъ наши комиссары вынуждены были прервать переговоры и выѣхать изъ Чугучака въ прошломъ году, а также, что Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири писалъ комиссару Цзянь-Цзюнь Минъ-И, что переговоры могутъ быть возобновлены только тогда, когда китайскіе комиссары изъявятъ согласіе на принятіе проекта русскихъ комиссаровъ. Русское правительство, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія всего дѣла, не исключая и объясненій китайскаго Министерства, посланнаго въ Петербургъ въ ноябрѣ 1862 года, пришло къ заключенію, что проектъ нашихъ комиссаровъ вполнѣ соотвѣтствуетъ буквальному смыслу Пекинскаго трактата.

Нашъ повѣренный въ дѣлахъ заявилъ при этомъ китайскимъ сановникамъ, что, говоря это, онъ передаетъ не свое личное мнѣніе, а окончательный взглядъ русскаго правительства. Если же они сомнѣваются въ истинѣ этихъ словъ или питаютъ надежду, что русское правительство перемѣнитъ свое мнѣніе, то пусть напишутъ министру Иностранныхъ Дѣлъ и повторятъ то, что уже разъ ему говорили. Противъ этого, заявилъ китайцамъ нашъ представитель въ Пекинѣ, онъ ничего не имѣетъ, но предупреждаетъ ихъ, что они другого отвѣта получить не могутъ. Русское правительство не отказывалось и теперь не отказывается отъ проведенія западной границы, но оно желаетъ исполнить это по однажды принятому обязательству и не намѣрено измѣнять трактатъ или допускать превратное его толкованіе.

Изъ двукратныхъ разговоровъ съ членами китайскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Н. А. Глинка не могъ вывести окончательнаго заключенія, чтобы китайское правительство желало возобновить переговоры на принятыхъ нами основаніяхъ, подробно изложенныхъ выше. Оно настаивало на возобновленіи переговоровъ на границѣ, но, повидимому, не выказывало желанія давать трактату правильное толкованіе. Имѣя въ виду, что при подобныхъ условіяхъ съѣздъ комиссаровъ будетъ совершенно безполезенъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ заявилъ китайскимъ сановникамъ, что этотъ съѣздъ можетъ состояться только тогда, когда мы получимъ какое нибудь ручательство, что разграниченіе можетъ состояться въ дѣйствительности. Независимо отъ личныхъ объясненій, нашъ повѣренный въ дѣлахъ велъ постоянную и весьма сложную переписку съ китайскимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Такимъ образомъ, безконечные споры и недоразумѣнія, возникшіе между нашими и китайскими комиссарами во время переговоровъ въ Чугучакѣ, отразившись въ Пекинѣ, повторились и тамъ почти съ буквальною точностью, во время происходившихъ конференцій между представителемъ Россіи и китайскими министрами. При этомъ министры Богдыхана видимо старались поддерживать своихъ комиссаровъ и, подобно имъ, объясняли значеніе 2 ст. Пекинскаго трактата въ совершенно превратномъ видѣ, а также прибѣгали и къ другимъ своеобразнымъ пріемамъ и ухищреніямъ китайской дипломатіи. При внимательномъ разсмотрѣніи этихъ разнообразныхъ мнѣній о проведеніи западной границы, высказанныхъ какъ на конференціяхъ, такъ и въ письменныхъ соображеніяхъ китайскихъ сановниковъ нельзя не остановиться на слѣдующихъ обстоятельствахъ, которые наиболѣе выпукло выдѣляются изъ прочихъ.

Говоря о встрѣченныхъ недоразумѣніяхъ при сличеніи русскаго и китайскаго текстовъ 2-й ст. Пекинскаго договора, китайскіе сановники замѣтили, что переводъ первоначальнаго русскаго текста заключеннаго трактата сдѣланъ русскимъ правительствомъ, а не китайскимъ. Въ то время, т. е. при самомъ заключеніи трактата, послѣдовало и соглашеніе, вслѣдствіи котораго въ трактатѣ и было ясно написано: «*на западъ прямо до*»... Если бы въ китайскомъ текстѣ трактата было сказано: «на юго-западъ», то китайское правительство никогда не заключило бы договора. Китайское

правительство должно руководствоваться китайскимъ текстомъ, тѣмъ болѣе, что самый переводъ былъ сдѣланъ людьми Россійскаго государства и обѣ стороны могли его подписать и утвердить печатью только тогда, когда каждое слово, каждое предложеніе его были согласны съ русскимъ текстомъ. Въ международныхъ отношеніяхъ договоръ ставится важнѣе всего. А теперь совершенно неожиданно произнесено слово: «ошибки». Если это дойдетъ до свѣдѣнія другихъ государствъ, то они могутъ это отнести къ намѣренію русскихъ не соблюдать трактата. Наше желаніе, писали китайскіе сановники, чтобы съ вашей стороны не употребляли бы слово «ошибки», дабы не возбудить со стороны постороннихъ лицъ разныхъ превратныхъ толковъ. Переходя, затѣмъ, къ разсмотрѣнію вопроса о значеніи словъ: «постоянные китайскіе пикеты», китайскіе сановники, чтобы вывернуться изъ неловкаго положенія, въ которое они были поставлены, сославшись вести границу по постояннымъ пикетамъ (чанъ-чжу карунь), какъ это было обозначено въ китайскомъ текстѣ трактата, вздумали прибѣгнуть къ своеобразному пріему, обычному китайской дипломатіи, для объясненія значенія по-китайски слова «*Чанъ*». Китайцы утверждали, что чловo «Чанъ» не всегда нмѣетъ значеніе понятія «постоянный». Наконецъ, слова трактата: «*и по постояннымъ пикетамъ*», указываютъ, что граница должна быть проведена не вообще по постояннымъ пикетамъ, но главнымъ образомъ по направленію горъ, теченію большихъ рѣкъ, а также не возбраняется вести границу и по постояннымъ пикетамъ. При этомъ китайцы ехидно прибавили: напр. по пикетамъ Хой-Майлаху и друг. Должно замѣтить, что, направляя границу на этотъ пикетъ, она пройдетъ къ западу отъ озера Зайсана, которое въ такомъ случаѣ должно полностью отойти къ китайскимъ владѣніямъ.

Далѣе китайскіе сановники заявили, что отвѣтъ нашего министра Иностранныхъ Дѣлъ, содержаніе котораго было передано имъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, будто бы не заключаетъ въ себѣ подробнаго, справедливаго и точнаго объясненія трактата. Но этотъ отвѣтъ ограничивается только словами, что проектъ комиссаровъ русскаго государства составленъ вполнѣ согласно со 2 ст. трактата. По поводу вооруженнаго занятія нами западной китайской границы, китайскіе сановники отозвались, что съ ихъ стороны былъ предпринятъ только обычный осмотръ границы на основаніи издревле существующихъ на этотъ предметъ постановленій. Между тѣмъ, прибытіе и захватъ земли русскими войсками совершенно противозаконны. Если говорить, что всѣ эти земли подлежатъ разграниченію, то слѣдуетъ выждать, чтобы разграниченіе было произведено, и затѣмъ взаимно охранять границу. Притомъ трактатъ измѣнить невозможно, а, руководствуясь имъ, опредѣлить границу и тѣмъ устранить неправильные толки со стороны другихъ державъ. Ваши же мѣстныя власти, писали китайскіе сановники нашему повѣренному въ дѣлахъ, —придвинувъ къ границѣ войска и занявъ приграничную мѣстность, принимаютъ такое положеніе, которое вынуждаетъ и китайскія власти выслать на границу свои отряды. Всѣ такія дѣйствія могутъ нарушить существующія дружественныя отношенія между двумя государствами. На всѣ вышеизложенные протесты китайскихъ сановниковъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ заявилъ китайскому Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, что такъ какъ въ 1862 г. въ Чугучакѣ уже происходили совѣщанія между уполномоченными обоихъ государствъ и послѣдствіемъ этихъ совѣщаній было представленіе нашими комиссарами проекта какъ вести границу, то самое естественное, что въ подобномъ случаѣ предлежало русскому правительству, такъ это разсмотрѣть: составленъ-ли этотъ проектъ согласно съ буквальнымъ смысломъ Пекинскаго договора или въ чемъ-либо съ нимъ рознится. Русское правительство это и сдѣлало. Оно нашло, что русскіе комиссары, при составленіи своего проекта, руководствовались въ точности трактатомъ. Затѣмъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ заявилъ китайскимъ сановникамъ, что сдѣланныя имъ объясненія словъ: «на юго-западъ до озера Зайсана» и «постоянные пикеты», противъ которыхъ, главнымъ образомъ, были направлены ихъ возраженія, и составляютъ сущность отвѣта русскаго правительства.

Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ китайскихъ сановниковъ, что если трактатъ не можетъ быть объясненъ, то и граница не можетъ быть проведена, нашъ повѣренный въ дѣлахъ поставилъ на видъ китайцамъ, что въ объясненіи трактата не встрѣчается ни малѣйшаго затрудненія, если только не стараться давать ему такое толкованіе, которое въ немъ не заключается, а понимать его такъ, какъ онъ написанъ. Для достиженія этого слѣдуетъ взять первоначальный текстъ и по немъ судить: какое значеніе имѣютъ слова перевода. Русское правительство, сообщалъ въ своемъ отвѣтѣ китайскимъ министрамъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ, поступило такимъ образомъ и нашъ министръ Иностранныхъ Дѣлъ отозвался, что 2-ая ст. Пекинскаго трактата можетъ быть понимаема только слѣдующимъ образомъ: прежде всего поставлены слова: «граничная черта на западъ, доселѣ неопредѣленная, отнынѣ должна проходить, слѣдуя направленію горныхъ хребтовъ, теченію большихъ рѣкъ и линіи нынѣ су-

ществующихъ китайскихъ пикетовъ. Это показываетъ, что при постановленіи о западной границѣ вообще приняты за основаніе естественные рубежи, т. е. хребты горъ и рѣкъ, какъ самые удобные и лучше всего опредѣляющіе безспорность границы. Слова: «*нынѣ существующіе китайскіе пикеты*», поставленныя послѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, что горы и рѣки не слѣдуетъ искать гдѣ нибудь въ сторонѣ, а должны быть приняты тѣ изъ нихъ, которые не удалены отъ постоянныхъ пикетовъ и что въ тѣхъ случаяхъ, когда не встрѣчается горъ или большихъ рѣкъ, то вести границу по самимъ постояннымъ пикетамъ.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, первоначально, чѣмъ слѣдуетъ руководствоваться при проведеніи западной границы, трактатъ потомъ уже постановляетъ съ большею точностью, между какими пунктами слѣдуетъ ее вести.

Во-первыхъ, отъ Шабина-Дабага на юго-западъ до озера Зайсана, а оттуда до горъ, проходящихъ южнѣе озера Иссыкъ-куль и называемыхъ Тенгри-Шань или Тянь-Шань-Нанъ-Лу (южные отроги Небесныхъ горъ) и по симъ горамъ до кокандскихъ владѣній. Далѣе нашъ повѣренный въ дѣлахъ заявилъ китайскимъ сановникамъ, что онъ не можетъ согласиться съ ихъ мнѣніемъ по поводу оказавшейся ошибки при переводѣ русскаго текста трактата на китайскій языкъ. Въ трактатахъ дѣйствительно не допускается ошибокъ, но это въ тѣхъ случаяхъ, когда обмѣнные экземпляры трактата написаны на одномъ и томъ же языкѣ. Когда же какой-нибудь трактатъ написанъ на языкѣ одной стороны, а переводъ его составленъ на языкѣ другой стороны, то въ такомъ случаѣ въ подлинномъ текстѣ ошибокъ, конечно, не можетъ быть. Въ переводѣ же могутъ оказаться мѣста, невполнѣ соотвѣтствующія первоначальному тексту, и это несмотря на все стараніе переводчика передать весь трактатъ со всевозможною точностью. Въ особенности же это затрудненіе увеличивается еще при такомъ языкѣ, какъ китайскій.

При заключеніи трактата китайскимъ сановникамъ былъ словесно объясненъ точный смыслъ первоначальнаго текста и, подписывая переводъ, они, конечно, хорошо знали его настоящій смыслъ. Если же теперь китайскіе сановники находятъ возможнымъ дать другое толкованіе этому смыслу, то русское правительство со своей стороны на такое измѣненіе никакъ не можетъ согласиться. «Спрашивается только,—писалъ далѣе нашъ повѣренный въ дѣлахъ какая сторона права: та-ли, которая, взявъ первоначальный текстъ, можетъ прямо опредѣлить буквальный смыслъ трактата, или та сторона, которая, взявъ одинъ переводъ и давая ему другое значеніе, чѣмъ то, которое имѣлось въ виду первоначально, думаетъ соблюдать трактатъ, совершенно измѣняя его значеніе?».

Въ заключеніе своего сообщенія, нашъ повѣренный въ дѣлахъ заявилъ китайцамъ, что «русское правительство, не желая нарушить дружественныхъ отношеній, не настаивало до сихъ поръ на немедленномъ проведеніи границы, желая дать время китайскимъ министрамъ вникнуть какъ слѣдуетъ во всѣ подробности дѣла и рѣшиться опредѣлить границу согласно съ трактатомъ. Между тѣмъ, мы никакъ не можемъ допустить, чтобы ваши пограничныя власти, пользуясь случаемъ, что вопросъ не рѣшенъ, высылало впередъ отряды въ наши предѣлы, несмотря на то, что шли переговоры. И если наши власти приняли теперь мѣры, чтобы остановить дальнѣйшее наступленіе вашихъ отрядовъ, то этому удивляться нельзя. Если же при этомъ произойдутъ столкновенія, то это повлечетъ за собою такія непріятности, которыя могутъ повредить нашей долголѣтней дружбѣ».

Описанный выше ходъ переговоровъ съ китайцами объ опредѣленіи западной границы, производившійся въ Пекинѣ и состоявшій изъ личныхъ объясненій нашего повѣреннаго въ дѣлахъ съ китайскими министрами, а также изъ веденной имъ съ ними обширной и сложной переписки, наконецъ и предшествовавшіе этому переговоры и такая же переписка между нашими и китайскими комиссарами въ Чугучакѣ въ 1862 г. въ достаточной степени выяснили пограничное дѣло до самыхъ мельчайшихъ подробностей, вслѣдствіе чего и самый вопросъ объ опредѣленіи государственной границы на западныхъ предѣлахъ Китая казался, повидимому, совершенно исчерпаннымъ.

Послѣ всего этого, китайцы должны были бы, такъ сказать, на самомъ дѣлѣ притти къ убѣжденію, что Пекинскій трактатъ былъ торжествомъ русской дипломатіи и что во всякомъ случаѣ они вынуждены въ силу этого трактата сдѣлать намъ важныя территоріальныя и другія уступки. Однако же, несмотря на то, они все еще медлили дать свое окончательное согласіе на нашъ проектъ границы. Только послѣ самыхъ настойчивыхъ, смѣлыхъ и рѣшительныхъ усилій, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Пекинѣ успѣлъ ловкимъ образомъ дать дѣлу такое направленіе, что вопросъ о проведеніи западной границы Китая съ Россіей получилъ желаемый нами оборотъ. Китайскіе министры, наконецъ, убѣдились, что всякія дальнѣйшія настоянія съ ихъ стороны, направленныя съ цѣлью ослабить или умалить сдѣланныя намъ по трактату уступки, оказываются рѣшительно невозможными. Тогда они рѣ-

шились уступить требованіямъ Россіи и признать, что проектъ нашихъ комиссаровъ составленъ на основаніи Пекинскаго трактата. Увѣдомляя объ этомъ генерала Дюгамеля, нашъ повѣренный о дѣлахъ въ Пекинѣ весьма предусмотрительно приложилъ къ своей оффиціальной депешѣ по этому важному дѣлу и полученное имъ подлинное сообщеніе китайскихъ министровъ для предъявленія этого документа китайскимъ комиссарамъ въ случаѣ какихъ-либо новыхъ притязаній съ ихъ стороны. Изъ полученнаго изъ Пекина упомянутаго выше оффиціальнаго сообщенія оказалось, что китайское правительство приняло проектъ нашихъ комиссаровъ безъ всякихъ оговорокъ. Но такъ какъ въ пунктѣ 2-го нашего проекта было предложено отъ пикета Маниту-Гатулъ-ханъ два направленія граничной черты: одно по постояннымъ пикетамъ, а другое по Тарбагатайскому хребту до прохода Хабаръ-асу, то выборъ одного изъ этихъ направленій предоставлялся усмотрѣнію китайскихъ комиссаровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ китайское правительство предписало старшему комиссару Улясутайскому Цзянь-Цзюню Минъ-И условиться съ Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири о времени и мѣстѣ съѣзда комиссаровъ, который, по взаимному соглашенію въ Пекинѣ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ съ китайскими министрами, долженъ состояться при первой возможности. Въ сообщеніи своемъ о принятіи нашего проекта границы, китайскіе министры коснулись еще двухъ вопросовъ: 1) объ оставленіи приграничныхъ инородцевъ на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства и 2) по поводу продолжающагося занятія границы нашими отрядами.

По первому вопросу нашъ повѣренный въ дѣлахъ объяснилъ китайскимъ министрамъ, что русское правительство, раздѣляя ихъ мысль объ инородцахъ, не встрѣчаетъ со своей стороны никакихъ препятствій къ оставленію сихъ инородцевъ на прежнихъ мѣстахъ жительства. Это заявленіе китайцы, повидимому, сдѣлали изъ опасенія, чтобы приграничные инородцы не перешли потомъ въ китайскіе владѣнія, а также изъ желанія не имѣть съ ними никакого дѣла. По второму вопросу, относительно вооруженнаго занятія нами границы, нашъ повѣренный въ дѣлахъ объяснилъ китайскимъ министрамъ, что занятіе границы нашими войсками было сдѣлано съ миролюбивою цѣлью и вовсе не имѣло характера угрожающей мѣры. Но китайцы домогались совершеннаго снятія нашихъ отрядовъ съ занимаемыхъ ими позицій на границѣ и удаленія ихъ во внутрь края, къ мѣстамъ постояннаго квартирнаго расположенія. По всему вѣроятію, эти настоянія китайцевъ у нашего повѣреннаго въ дѣлахъ дѣлались потому, что

при продолжающемся вооруженномъ занятіи нами границы согласі: китайцевъ на предложенный нами проектъ разграниченія на западныхъ предѣлахъ ихъ Имперіи имѣло бы видъ вынужденной съ ихъ стороны уступки. Сначала китайскіе министры хотѣли было поставить условіемъ для принятія ими нашего проекта границы, чтобы отряды наши были отодвинуты отъ границы во внутрь края. Но нашъ повѣренный въ дѣлахъ энергично отвергнулъ домогательства китайцевъ дать на это письменное согласіе. Получивъ рѣшительный отказъ, китайцы удовольствовались словеснымъ обѣщаніемъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ просить свое правительство: отодвинуть отряды отъ самой границы, если она уже занята ими. Но давая китайцамъ это обѣщаніе, нашъ повѣренный въ дѣлахъ имѣлъ въ виду, что во всякомъ случаѣ оно не могло имѣть для насъ обязательной силы на томъ основаніи, что онъ не поручился китайцамъ въ приведеніи его въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе Н. А. Глинка находилъ полезнымъ отодвинуть наши отряды хотя на нѣкоторое разстояніе отъ границы, чтобы не давать китайцамъ повода упрекать насъ въ насильственномъ завладѣніи мѣстностями, хотя и принадлежащими намъ по трактату, но не вполнѣ еще опредѣленныхъ формальнымъ разграниченіемъ.

Увѣдомленіе о согласіи китайцевъ на нашъ проектъ границы было получено мною во время обратнаго слѣдованія съ отрядомъ съ р. Чернаго Иртыша къ Карауткульскому броду на р. Кокпектинкѣ. Трудно описать то чувство удовлетворенія, которое я испыталъ, получивъ это радостное извѣстіе, послѣ столькихъ пережитыхъ томительныхъ и тревожныхъ ожиданій. Одновременно съ этимъ увѣдомленіемъ я получилъ предписаніе Генералъ-Губернатора Дюгамеля, которое, подобно всѣмъ предыдущимъ предписаніямъ, полученнымъ отъ него, оказалось рѣшительно невозможно исполнить. Такова была судьба всѣхъ предписаній, полученныхъ мною отъ уважаемаго Александра Осиповича во все время разграниченія. По странной случайности ни одного изъ нихъ я не могъ фактически исполнить во всемъ ихъ объемѣ. Въ этомъ предписаніи Дюгамель требовалъ, чтобы на происходящихъ переговорахъ съ китайцами были бы имъ сдѣланы уступки почти по всему протяженію границы. Въ особенности ярко выдѣлялась уступка Зайсанскаго края, для удержанія котораго въ нашей

власти были направлены всѣ усилія нашихъ комиссаровъ на происходившихъ въ Чугучакѣ переговорахъ. Кромѣ того, было предпринято особое пароходное плаваніе по р. Верхнему и Нижнему Иртышу и озеру Зайсану и снаряжена особая эспедиція на Чер-

ный Иртышъ подъ личнымъ моимъ начальствомъ со специальною цѣлью, занявъ мѣстность, сопредѣльную съ озеромъ Зайсаномъ, разъ навсегда дать понять китайцамъ, что какъ это озеро, такъ и вся окрестная страна отнынѣ находятся исключительно въ сферѣ русскаго преобладающаго влiянiя. Наконецъ, въ проектѣ нашихъ комиссаровъ, предъявленномъ китайскому правительству и всесторонне разсмотрѣнномъ китайскими министрами, граница упиралась въ сѣверо-восточный уголъ озера Зайсана, затѣмъ круто поворачивала на востокъ и слѣдовала въ этомъ направленiи до пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ, такъ что не только озеро Зайсанъ, но и нижняя часть р. Чернаго Иртыша должны быть присоединены къ русскимъ владѣнiямъ. Понятно, что если китайское правительство дало свое согласie на принятie нашего проекта границы, то послѣ уже о какихъ-либо территорiальныхъ уступкахъ съ нашей стороны не могло быть и рѣчи. А потому, получивъ означенное предписанie Дюгамеля, я ограничился только тѣмъ, что, говоря языкомъ нашихъ канцелярiй, «принялъ его къ свѣдѣнiю».

Выше мною было подробны изложено причины, заставившiя насъ прервать переговоры въ 1862 г. и выѣхать изъ Чугучака. При этомъ я упомянулъ, что не выждавъ отвѣта отъ китайскихъ комиссаровъ, нами было сдѣлано распоряженie, чтобы по полученiи этого отвѣта онъ былъ отправленъ къ Генералъ-Губернатору Западной Сибири. Отвѣтъ этотъ, посланный китайцами вскорѣ послѣ нашего выѣзда изъ Чугучака, былъ полученъ въ Омскѣ въ октябрѣ 1862 г. Въ своемъ отвѣтномъ листѣ (т. е. въ оффицiальной бумагѣ) китайцы, по своему обыкновенiю, подробно излагая все то, что было обсуждаемо на личныхъ совѣщанiяхъ съ нами въ Чугучакѣ, въ особенности указывали, что наши комиссары упорно настаивали на проведенiи границы по постояннымъ пикетамъ. Несмотря на всѣ возраженiя китайцевъ, русскiе комиссары будто бы не только не слушали ихъ, но даже сказали, что если граница не будетъ проведена по постояннымъ пикетамъ, то придутъ русскiя войска и займутъ всѣ пограничныя земли, находящiяся внѣ пикетной линiи. «Опасаясь, писали китайцы, чтобы при дальнѣйшихъ спорахъ не вышло чего нибудь несообразнаго, могущаго повредить дружественнымъ отношенiямъ, существующимъ между двумя государствами, мы подробно изложили всѣ обстоятельства, сопровождавшiя многократные переговоры со русскими комиссарами въ особомъ докладѣ, представленномъ Богдыхану, и просили указанiй: что предпринять при переговорахъ о границѣ. Вскорѣ послѣ отправленiя этого доклада, мы получили

отъ комиссаровъ Высокаго Государства проектъ граничной линiи. При разсмотрѣнiи этого проекта, мы нашли его несогласнымъ съ трактатомъ». Далѣе китайцы, между прочими своими объясненiями, выставили на видъ, что русскiе комиссары въ своемъ проектѣ, доведя границу до озера Зайсана, не идутъ на юго-западъ, а напротивъ, пишутъ, что нужно повернуть границу на востокъ, по р. Черный Иртышъ. «Очевидно со стороны высокихъ комиссаровъ, писали китайцы,—это былъ только предлогъ, а на самомъ дѣлѣ они имѣли намѣренie завладѣть нашими пограничными землями (Курчумскимъ краемъ), а, между тѣмъ,—ехидно прибавили китайцы, насъ же упрекаютъ въ томъ, что мы отвергаемъ трактатъ».

Въ заключенie, китайскiе комиссары просили Генералъ-Губернатора Западной Сибири обсудить обоюдные переговоры, происходившiе въ Чугучакѣ, и увѣдомить ихъ, въ какой день и какого мѣсяца слѣдующаго года будутъ посланы русскiе комиссары въ Чугучакъ для продолженiя совѣщанiй о границѣ. На это сообщенie генералъ Дюгамель отвѣчалъ китайцамъ отъ 20-го ноября 1862 г., что при внимательномъ разсмотрѣнiи происходившихъ въ Чугучакѣ переговоровъ по разграниченiю, онъ вполнѣ убѣдился, что какъ всѣ дѣйствiя русскихъ комиссаровъ, такъ и предложенный ими проектъ границы во всемъ согласны съ постановленiями Пекинскаго трактата. Между тѣмъ, несмотря на то, что по просьбѣ самихъ же китайскихъ комиссаровъ были два раза посылаемы русскiе комиссары въ Чугучакъ для переговоровъ, китайскiе уполномоченные упорно отстаивали свои требованiя, противныя смыслу трактата и не соглашались на предложенiя русскихъ комиссаровъ, основанныхъ на трактатѣ. Находя, что при такомъ ходѣ переговоровъ дальнѣйшiя совѣщанiя будутъ напрасною тратою времени, генералъ Дюгамель не признавалъ возможнымъ войти въ соглашенiя съ китайскими уполномоченными о мѣстѣ съѣзда въ будущемъ 1863 году, а равно и отправить въ Чугучакъ комиссаровъ прежде, нежели со стороны китайскихъ комиссаровъ послѣдуетъ полное согласie на проведенie границы, согласно сообщенному имъ проекту, въ основанie котораго положены указанiя Пекинскаго трактата. Если китайцы согласятся принять нашъ проектъ границы, по которому съ нашей стороны, какъ объявили уже наши комиссары, не можетъ быть сдѣлано никакой уступки, то въ такомъ случаѣ генералъ Дюгамель обѣщалъ ходатайствовать о присылкѣ русскихъ комиссаровъ для подписанiя протокола и карты, а также и для постановки пограничныхъ знаковъ. Въ слѣдующемъ 1863 г. китайскiе комиссары снова просили Генералъ-Губернатора Западной Сибири передать

намъ ихъ новое приглашеніе пріѣхать въ Чугучакъ для взаимнаго совѣщанія о разграниченіи и дружелюбнаго рѣшенія этого дѣла. Но такъ какъ въ прежнихъ своихъ сообщеніяхъ китайцы вовсе не упоминали о своемъ согласіи на принятіе нашего проекта границы, то съ нашей стороны было признано болѣе соотвѣтственнымъ обстоятельствамъ дѣла отложить свою поѣздку до полученія отъ нихъ согласія на принятіе означеннаго выше проекта.

Въ Іюлѣ 1863 г. китайцы снова повторили свое приглашеніе какъ можно скорѣе назначить день съѣзда по прежнему въ Чугучакѣ для рѣшенія дѣла о границѣ. Мы рѣшились воспользоваться этимъ приглашеніемъ въ томъ предположеніи, что китайцы желаютъ, наконецъ, принять нашъ проектъ границы и поспѣшили направиться въ Чугучакъ. Въ это время я находился съ отрядомъ на Черномъ Иртышѣ у китайскаго пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ, а потому, приведя отрядъ къ Карауткульскому броду на р. Кокпектинкѣ, я двинулся оттуда, какъ было упомянуто выше, прямымъ путемъ черезъ Тарбагатайскій хребетъ въ Урджаръ, куда и прибылъ въ концѣ Сентября. Въ Урджарѣ уже ожидалъ моего прибытія консулъ И. И. Захаровъ и нами было рѣшено, предварительно въѣзда нашего въ Чугучакъ, заявить китайскимъ комиссарамъ письменно, что, по причинѣ наступленія холоднаго осенняго времени, мы со всѣми находящимися при насъ людьми должны вскорѣ воротиться назадъ и можемъ прожить на границѣ не болѣе 15-ти дней. Но что и этого времени, по нашему мнѣнію, вполнѣ достаточно для рѣшенія дѣла, потому что послѣ переговоровъ между нами въ прошломъ году, послѣ совѣщаній, происходившихъ въ Пекинѣ между нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и китайскими министрами и, наконецъ, переписки ихъ съ Генералъ-Губернаторомъ Западной сибири,—на предстоящемъ съѣздѣ уже не можетъ быть много разсужденій о томъ, какъ должно вести границу. А потому намъ должно будетъ только заняться составленіемъ договора о границѣ взаимнымъ засвидѣтельствованіемъ его и размѣномъ между собою. Въ заключеніе, мы заявили китайцамъ, что, совершивъ размѣнъ договора въ настоящемъ году, мы черезъ то сбережемъ время будущаго года, столь необходимое для проведенія границы въ натурѣ, т. е. постановку пограничныхъ знаковъ и тѣмъ облегчимъ приведеніе самаго дѣла по разграниченію между двумя государствами къ благопріятному окончанію. Послѣ того, получивъ извѣстія, что старшій китайскій комиссаръ Улясутайскій Цзянь-Цзюнь Минъ-И прибылъ въ Чугучакъ, мы рѣшили выѣхать изъ Урджары въ расположенный на границѣ нашъ отрядъ, въ полной надеждѣ получить еще въ дорогѣ отвѣтъ отъ китайскихъ комиссаровъ на наше сообщеніе. Но пріѣхавъ въ отрядъ, мы встрѣтили тамъ только однихъ китайскихъ чиновниковъ, присланныхъ Улясутайскимъ Цзянь-Цзюнемъ Минъ-И съ обычными вопросами вѣжливости. Мы объявили китайскимъ чиновникамъ, что до полученія отъ китайскихъ комиссаровъ отвѣта на наше сообщеніе, посланнныя имъ изъ Урджара, мы не въѣдемъ въ Чугучакъ.

Вскорѣ послѣ того, а именно 26-го сентября, этотъ отвѣтъ былъ нами полученъ. Китайцы, послѣ обычныхъ повтореній въ немъ исторіи переговоровъ и переписки по дѣлу разграниченія и заявленія съ ихъ стороны претензій на появленіе на границѣ нашихъ отрядовъ, въ заключеніе писали намъ: «теперь вы, высокіе комиссары, прибыли въ здѣшнія мѣста и внѣ нашихъ пикетовъ ожидаете извѣстія о пріѣздѣ моемъ (Цзянь-Цзюня Мина) въ Тарбагатай и о днѣ для совѣщанія: по-истинѣ вы, высокіе комиссары, этимъ явили и съ своей стороны намѣреніе рѣшить дѣло размежеванія дружелюбнымъ образомъ. Почему мы покорнѣйше просимъ васъ, высокіе комиссары, по примѣру прошлаго года ѣхать въ Тарбагатай со всею вашею свитою и назначить день для личнаго совѣщанія согласно трактату и скорѣйшаго рѣшенія дѣла, дабы, избѣгнувъ ошибокъ и нарушеній, можно было укрѣпить доброе согласіе».

27-го Сентября мы въѣхали въ Чугучакъ; 28 и 29 было употреблены на взаимные визиты. Во время этихъ обоюдныхъ визитовъ китайскіе комиссары выказали намъ особенную вѣжливость и самую утонченную, по китайскимъ понятіямъ, любезность, которую мы не встрѣчали съ ихъ стороны въ предшествовавшемъ 1862 году.

Что же касаются до самаго дѣла, то при свиданіяхъ было говорено о немъ весьма мало. Впрочемъ, мы положительно и твердо не разъ замѣтили имъ, что послѣ переговоровъ въ прошломъ году между нами, послѣ обоюдныхъ объясненій и переписки въ Пекинѣ и съ Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири, съ нашей стороны тѣмъ менѣе можетъ быть уступокъ, чѣмъ въ прошломъ году и что, по причинѣ осенняго холоднаго времени, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ оставаться здѣсь дольше 10 октября и въ этотъ день выѣдемъ изъ Чугучака, не взирая на то: кончено-ли будетъ дѣло или нѣтъ. На это Цзянь-Цзюнь Минъ-И поспѣшно отвѣтилъ что дѣло непремѣнно дѣло будетъ окончено въ теченіе этихъ 10-ти дней.

Затѣмъ Цзянь-Цзюнь прислалъ намъ своихъ чиновниковъ просить нашего согласія прислать намъ на разсмотрѣніе свой про-

ектъ границы и тѣмъ избѣжать взаимныхъ личныхъ споровъ и объясненій, которые, не приводя ни къ какимъ результатамъ, только ставятъ ихъ въ неловкое положеніе передъ народомъ. Мы согласились на это, но опять твердо заявили имъ, чтобы они не предъявляли неумѣренныхъ и противныхъ трактату требованій, потому что съ нашей стороны уступокъ быть не можетъ. При дальнѣйшихъ сношеніяхъ нашихъ съ китайскими комиссарами, а также и при происходившихъ переговорахъ, китайцы выказали столь же мало уступчивости, какъ и въ прошломъ году, и вообще были сдержаны въ своихъ объясненіяхъ съ нами. Въ пресловутомъ же своемъ проектѣ они сдѣлали только общій краткій очеркъ граничной черты, не коснувшись вовсе ея частностей. При этомъ китайцы повторили то, что сказано въ трактатѣ, а именно: 1) отъ знака Шабина-Дабага вести границу на озеро Зайсанъ, направляя ее на пикетъ Хой-Майлаху (на Нижнемъ Иртышѣ по запад. стор. озера Зайсана); 2) оттуда на Урджаръ, не оставляя въ нашемъ владѣніи и частицы озера Зайсана; 3) отъ Урджара на юго-западъ прямо на Темурту-норъ (Иссыкъ-куль) и кончено.

При такомъ проектѣ границы китайцы приложили карту, присланную имъ изъ Пекина отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При одномъ взглядѣ на эту карту трудно было вообразить что-нибудь нелѣпѣе и безсмысленнѣе даже по-китайски, а потому мы считали ее за поддѣланную въ Чугучакѣ. Словомъ сказать, происходившіе переговоры не привели китайцевъ къ соглашенію на предложенный нами проектъ границы. Но въ то же время, расточая передъ нами небывалую до того времени вѣжливость и предупредительность, китайцы, повидимому, стремились къ тому, чтобы въ настоящемъ году не состоялось окончательное рѣшеніе дѣла о границѣ.

Когда же мы предъявили имъ имѣвшееся у насъ и упомянутое выше подлинное отношеніе китайскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ къ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ, въ которомъ китайское правительство вполнѣ изъявляло согласіе на нашъ проектъ границы, китайскіе комиссары были застигнуты врасплохъ, во все не ожидая, чтобы упомянутое отношеніе могло быть такъ скоро сообщено намъ. Тогда они согласились съ нашимъ мнѣніемъ, что теперь уже нечего болѣе дѣлать, какъ только составить и подписать протоколъ о границѣ. Тѣмъ не менѣе китайцы не рѣшались тотчасъ же приступить къ составленію протокола о границѣ, ссылаясь на то, что они еще не получили бумаги изъ Пекина о согласіи китайскаго правительства на нашъ проектъ границы. Такую задержку они объясняли тѣмъ, что

почта въ Китаѣ въ послѣднее время стала ходить изъ Пекина въ Чугучакъ въ 60 дней въ одинъ путь. Это заявленіе китайцевъ едва-ли можно было признать правильнымъ на томъ основаніи, что въ прежнее время, по заявленію консула И. И. Захарова, бывали случаи, что на донесеніе, отправленное изъ Чугучака или Кульджи въ Пекинъ, приходилъ отвѣтъ на 58-ой день. Съ другой стороны очень можетъ быть, что возстаніе магометанскихъ инсургентовъ въ провинціяхъ, смежныхъ съ Западнымъ Китаемъ, имѣло вліяніе на происшедшее замедленіе почтовыхъ сообщеній въ этихъ мѣстностяхъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ всего вышеизложеннаго, мы находили несовмѣстнымъ съ достоинствомъ нашего правительства оставаться долѣе въ Чугучакѣ, когда китайское правидельство однажды особымъ, заключеннымъ имъ трактатомъ обязалось вести границу на западѣ по обоюдному соглашенію обѣихъ договаривающихся сторонъ и затѣмъ въ другой разъ подтвердило этотъ трактатъ своимъ соглашеніемъ на нашъ проектъ границы, а между тѣмъ, китайскіе комиссары подъ разными предлогами уклоняются отъ приведенія въ испоненіе предписанія своего правительства. Оставаться же зимовать въ Чугучакѣ, вмѣстѣ съ сопровождавшими насъ топографами и казаками, по ветхости и неудобству зданій, оказалось невозможнымъ,—а потому, пославъ отвѣтъ китайскимъ комиссарамъ, мы 13-го октября выѣхали изъ Чугучака въ Россію.

Таковы были результаты переговоровъ, веденныхъ нами съ китайскими уполномоченными въ продолженіе 1863 г. Они оказались въ такой же степени неудовлетворительными, какъ и въ предшествовавшемъ 1862 г., но правильная постановка дѣла съ самаго начала переговоровъ доставила возможность уже въ слѣдующемъ году нашему представителю въ Пекинѣ, молодому и талантливому дипломату Н. А. Глинкѣ, энергично взявшемуся за дѣло, привести его въ самое короткое время къ благопріятному окончанію. Эта заслуга нашего повѣреннаго въ дѣлахъ пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что пограничное дѣло значительно усложнилось въ то время кровопролитными столкновеніями нашихъ войскъ съ китайцами на юго-востокѣ Заилійскаго края. При такомъ благопріятномъ для насъ оборотѣ дѣла по разграниченію, окончательное рѣшеніе его на мѣстѣ, въ г. Чугучакѣ, т. е. въ сущности составленіе и подписаніе протокола и картъ, сдѣлалось только вопросомъ времени.

Обозрѣвая мысленно описанный выше ходъ событій, происходившихъ на западной китайской границѣ въ теченіе 1862—1863 г., нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что преобла-

дающій характеръ этихъ событій заключался въ разнаго рода превратностяхъ и случайностяхъ, возникавшихъ, большею частью, совершенно неожиданно. Таково было предательское нападеніе китайцевъ на нашихъ офицеровъ и солдатъ при Борохуцзирскомъ пикетѣ, повлекшее за собою рядъ дальнѣйшихъ кровопролитныхъ столкновеній на границѣ. Какъ эти столкновенія, такъ и тѣ, которыя происходили въ 1862 г., были вызваны непріязненными дѣйствіями противъ насъ самихъ китайцевъ. Еще до открытія переговоровъ, ранней весною 1862 г., китайцы двинули въ наши предѣлы довольно сильные отряды подъ предлогомъ осмотра границъ. Повидимому, планъ дѣйствія китайцевъ заключался въ томъ, чтобы отодвинуть границу за линію ихъ постоянныхъ пикетовъ въ наши предѣлы по возможности далѣе отъ двухъ главныхъ центровъ Западнаго Китая—Чугучака и Кульджи. Съ этой цѣлью, перейдя линію постоянныхъ пикетовъ, китайскіе отряды направились къ линіи передовыхъ или временныхъ карауловъ, еще существовавшихъ въ то время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Зайсанскомъ краѣ, и вознамѣрились произвести осмотръ границы по направленію передовой линіи (Цзянь-Цзэ). Этимъ китайцы надѣялись выказать свои права на приграничный районъ степного края и мѣстное кочевое населеніе. Въ то же время, въ средѣ этого населенія китайцы распространяли возмутительныя прокламаціи. При такомъ положеніи дѣла, занятіе границы нашими отрядами оказалось безусловно необходимымъ. Съ появленіемъ нашихъ отрядовъ на границѣ китайцы безъ выстрѣла были удалены за линію ихъ постоянныхъ пикетовъ. Но и съ удаленіемъ китайцевъ изъ нашихъ предѣловъ вооруженное занятіе границы признавалось нашими комиссарами необходимымъ по многимъ соображеніямъ. Фактически занявъ мѣстности вдоль линіи постоянныхъ пикетовъ, мы этимъ самымъ ставили на видъ китайскимъ уполномоченнымъ, что неотступно признаемъ эту линію за черту государственной границы. Затѣмъ вооруженное занятіе ея могло въ извѣстной степени содѣйствовать успѣшному ходу Чугучакскихъ переговоровъ и въ то же время поддержать спокойствіе въ средѣ пограничнаго кочевого населенія. Точно такой же системы дѣйствій держался и Генералъ-Губернаторъ Восточной Сибири графъ Муравьевъ-Амурскій въ 1860 г. Онъ не только фактически занялъ правый берегъ р. Уссури, но даже приказалъ снести маньчжурскій караулъ, находившійся при ея устьѣ. Подобнымъ же образомъ была занята нами въ томъ же году южная часть восточнаго маньчжурскаго побережья до самой Кореи.

Такимъ образомъ, когда Дюгамель находилъ сдѣланныя

мною распоряженія о вооруженномъ занятіи западной китайской границы—демонстраціями, недостигающими цѣли, другой Генералъ-Губернаторъ, за 2 года передъ этимъ, признавалъ подобныя же демонстраціи на нашей восточной китайской границѣ въ высшей степени полезными для переговоровъ, веденныхъ въ Пекинѣ генераломъ Игнатьевымъ. Вслѣдствіе сего, на занятыхъ имъ вооруженною рукою Амурской и Уссурійской военныхъ линіяхъ, по особо отданному имъ приказанію, дѣлались приготовленія къ открытію военныхъ дѣйствій совершенно открыто, въ виду китайцевъ и маньчжуровъ. Въ Забайкальѣ же и Иркутскѣ былъ умышленно распространенъ слухъ о вѣроятномъ движеніи нашихъ войскъ весною за границу,—съ тою цѣлью, чтобы свѣдѣнія объ этомъ съ разныхъ сторонъ достигли Пекина.—Всѣ эти распоряженія и *демонстраціи*, какъ ихъ называлъ самъ Муравьевъ въ письмѣ къ генералу Н. П. Игнатьеву въ 1860 г., онъ считалъ полезными для хода веденныхъ послѣднимъ переговоровъ въ Пекинѣ и въ виду нашихъ затрудненій съ китайскимъ правительствомъ и будущихъ случайностей. [1]).

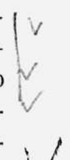
Переходя, затѣмъ, къ обзору переговоровъ, происходившихъ въ Чугучакѣ въ 1862 г., должно замѣтить, что главнымъ руководящимъ основаніемъ для насъ и китайцевъ на этихъ переговорахъ служилъ Пекинскій трактатъ. Вслѣдствіи чего всѣ желанія съ нашей стороны были неотступно направлены на проведеніе границы на точномъ основаніи этого трактата. Но китайскіе комиссары постоянно уклонялись отъ этого, сознавая, что точное соблюденіе Пекинскаго трактата для нихъ невыгодно, Такого же взгляда держались и китайскіе министры, какъ это видно изъ словъ, сказанныхъ при частномъ разговорѣ однимъ изъ высшихъ китайскихъ сановниковъ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ: «если бы китайское правительство знало заранѣе, какъ невыгоденъ для него Пекинскій трактатъ, то оно никогда не рѣшилось бы его заключить». Не имѣя возможности отвергнуть въ полной мѣрѣ существенныя постановленія Пекинскаго трактата и доводы нашихъ комиссаровъ, китайскіе уполномоченные всячески старались затягивать переговоры съ цѣлью уклониться отъ обязательствъ, установленныхъ договоромъ, и, повидимому, расчитывая, что какія либо случайныя обстоятельства помогутъ имъ вывернуться изъ этихъ затрудненій. Но сознавая въ то же время, что рано или поздно имъ во всякомъ случаѣ придется уступить Россіи по Пекинскому трактату довольно значительное пространство

[1]) Барсуковъ. Гр. Мур. Амур. кн. 2. ст. 289.

земель на западныхъ предѣлахъ Китая и живущихъ на этихъ земляхъ кочевыхъ инородцевъ, китайскіе комиссары и само Пекинское правительство ясно видѣли, что имъ предстояло навсегда утратить свою прежнюю власть и вліяніе на этой окраинѣ мусульманскаго міра. Вслѣдствіи сего китайцы всѣми мѣрами старались отдалить эту роковую необходимость и тѣмъ ослабить то неблагопріятное впечатлѣніе, которое неминуемо окажетъ свое вліяніе на этихъ инородцевъ, вслѣдствіе территоріальныхъ потерь, понесенныхъ китайцами. При такихъ обстоятельствахъ дѣло шло лишь о сохраненіи хотя наружнаго достоинства Имперіи и объ отсрочкѣ времени къ уступкамъ. Переговоры, веденные въ Чугугакѣ въ 1862 г., обнаруживъ явное намѣреніе китайцевъ уклониться отъ исполненія Пекинскаго трактата и съ этой цѣлью тянуть переговоры, заставляя нашихъ комиссаровъ поставить пограничный вопросъ такимъ образомъ, чтобы вся отвѣтственность въ медленномъ ходѣ переговоровъ лежала бы полностью на однихъ китайцахъ. Вслѣдствіе чего наши комиссары рѣшились прекратить переговоры, предъявивъ предварительно китайцамъ нашъ проектъ границы. Этимъ китайскіе комиссары были поставлены въ необходимость дать имъ рѣшительный отвѣтъ, причемъ и дальнѣйшіе переговоры могли состояться только въ томъ случаѣ, если китайцы изъявятъ согласіе на нашъ проектъ границы.

Такимъ образомъ, въ 1862 г. дѣло по разграниченію съ Западнымъ Китаемъ хотя и не было приведено къ благопріятному окончанію, но тѣмъ не менѣе пограничный вопросъ былъ поставленъ надлежащимъ образомъ. Такая постановка этого вопроса заслужила полное одобреніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Съ другой стороны, вторженіе китайскихъ отрядовъ въ наши предѣлы сопровождалось только неудачей, вслѣдствіе благоразумныхъ распоряженій нашихъ отрядныхъ начальниковъ, а въ особенности штабсъ-капитана Проценко. Въ слѣдующемъ 1863 г. состоялась Зайсанская экспедиція, причемъ отрядъ нашъ, слѣдуя по южному берегу озера Зайсана и рѣки Чернаго Иртыша, доходилъ до китайскаго пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ. Въ тоже время отплывшій изъ Омска пароходъ купца Беренса, совершивъ благополучное плаваніе по р. Иртышу, входилъ въ озеро Зайсанъ и подымался по р. Черному Иртышу на 80 верстъ отъ его устья. Собранныя на границѣ китайскія войска, состоящія большею частью изъ калмыковъ не рѣшились предпринять какихъ либо враждебныхъ дѣйствій противъ нашего Зайсанскаго отряда и, послѣ недолгаго пребыванія на границѣ, были распущены по своимъ стойбищамъ. Отсюда видно, что въ теченіе 1862—1863 г. всѣ попытки китай-

цевъ проникнуть въ наши предѣлы какъ на южной части границы, вблизи озера Иссыкъ-куль, такъ и на сѣверо-восточной окраинѣ степи, вблизи озера Зайсана, не имѣли успѣха. Не то было на средней части границы, сопредѣльной съ Кульджинскимъ райономъ. Здѣсь произошли крайне прискорбныя событія, которыя ознаменовались кровопролитными столкновеніями съ китайцами. Начало тому было положено извѣстными столкновеніями на Борохуцзирскомъ пикетѣ. По этому обстоятельству нашъ повѣренный въ дѣлахъ получилъ изъ Пекинскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сообщеніе, изъ котораго оказалось, что по донесеніи, представленному Илійскимъ (Кульджинскимъ) главнокомандующимъ, русскіе войска нѣсколько разъ подступали къ пикету Борохуцзиръ и, открывъ огонь изъ большихъ пушекъ, пускали бомбы и ракеты, чѣмъ и принесли уронъ китайцамъ. При этомъ говорили, что пограничная мѣстность пріобрѣтена отъ китайцевъ за деньги. Въ заключеніе, китайскіе сановники, управлявшіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, присовокупили, что въ подобномъ насиліи противъ Борохуцзирскаго караула и стрѣльбѣ изъ пушекъ видно намѣреніе возбудить кровопролитіе. Въ разъясненіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ китайцы просили дать имъ отвѣтъ.

Нашъ повѣренный въ дѣлахъ отвѣчалъ китайскимъ сановникамъ, что по полученіи имъ означеннаго сообщенія, оно, по причинѣ важности его содержанія, было разсмотрѣно съ особымъ вниманіемъ. Нельзя не пожалѣть, писалъ Н. А. Глинка китайскимъ министрамъ, что на границѣ произошло вооруженное столкновеніе въ то самое время, когда въ Пекинѣ дѣло разграниченія рѣшалось между двумя правительствами и по немъ уже состоялось соглашеніе, которое слѣдуетъ теперь же привести въ исполненіе. Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири, узнавъ о происшествіи на Борохуцзирскомъ пикетѣ, немедленно командировалъ туда довѣреннаго чиновника, который, по производствѣ слѣдствія на мѣстѣ, донесъ о немъ съ полною подробностью. Изъ содержанія этого донесенія видно, что китайскіе солдаты и ихъ начальники сами подали поводъ къ кровопролитнымъ столкновеніямъ на Борохуцзирскомъ пикетѣ. Они первые сдѣлали нападеніе на небольшое число нашихъ людей, которыхъ они сами же пригласили войти въ пикетъ. Когда же нашъ Борохуцзирскій отрядъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго непріязненнаго столкновенія, снялся съ прежней позиціи и сталъ отходить назадъ, чтобы присоединиться къ отряду. расположенному на Кишъ-Мурунѣ, китайцы открыли по немъ огонь, на что и съ нашей стороны было отвѣчено выстрѣлами Послѣ того китайскія войска, перейдя уже за линію ихъ постоян-

ныхъ пикетовъ, продолжали дальнѣйшее наступленіе къ Кишъ-Муруну. Тогда нашъ начальникъ Кишъ-Мурунскаго отряда двинулся навстрѣчу китайцамъ, и, когда они не захотѣли добровольно возвратиться въ свои предѣлы, онъ нынужденъ былъ силою заставить ихъ вернуться за линію ихъ постоянныхъ пикетовъ. Что же касается до словъ, сказанныхъ какими-то неизвѣстными людьми, что земля пріобрѣтена будто бы за деньги, то онъ не видитъ, почему можно обижаться этими словами и придавать имъ важность, когда обоимъ правительствамъ очень хорошо извѣстно, что въ этихъ словахъ не заключается ни малѣйшей правды.

Такимъ образомъ, прискорбныя событія, происходившія на юго-восточной части китайской границы, несмотря на все наше желаніе не придавать имъ особой важности въ политическомъ отношеніи, но признать имѣющими исключительно мѣстное значеніе, нашли откликъ и въ Пекинѣ. Это произошло оттого, что Илійскій главнокомандующій въ своихъ донесеніяхъ китайскому Министерству Иностранныхъ Дѣлъ представилъ всѣ событія, происходившія на границѣ въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Жестокое пораженіе, нанесенное нашими войсками китайцамъ въ районѣ приграничной мѣстности, сопредѣльной съ Кульджинскимъ краемъ, озлобило китайцевъ и возбудило опасеніе въ возможности скораго занятія русскими войсками самой Кульджи. Тревожное настроеніе въ средѣ мѣстнаго туземнаго китайскаго населенія побудило управлявшаго нашимъ генеральнымъ консульствомъ Колотовкина оставить Кульджу и поспѣшить выѣздомъ въ Россію. Озлобленіе китайцевъ противъ русскихъ въ Кульджѣ доходило до того, что казакъ консульскаго конвоя, посланный за покупкою съѣстныхъ припасовъ, былъ окруженъ чернью, бросавшею въ него каменьями и угрожавшею пустить стрѣлы. Сообщеніе секретаря нашего консульства Колотовкина Кульджинскому начальству о такомъ положеніи факторіи не имѣло никакого результата. Нашего посланнаго казака китайскій чиновникъ съ бранью выпроводилъ съ торговаго двора. Это обстоятельство, а также убійство нашего офицера Антонова на Борохуцзирскомъ пикетѣ, захватъ въ плѣнъ трехъ нашихъ нижнихъ чиновъ, подвергнутыхъ мучительной смерти и головы которыхъ были выставлены на всенародное поруганіе, запрещеніе пропускать въ факторію жизненные припасы, угрозы черни, въ особенности ссыльныхъ, произвести подъ факторію подкопъ, наконецъ, безсиліе мѣстныхъ Кульджинскихъ властей, которые не только не захватили виновныхъ въ убійствѣ нашего офицера и 3-хъ нижнихъ чиновъ, но какъ бы одобрили этотъ гнусный поступокъ дозволеніемъ предать народному поруганію головы,

трехъ нашихъ замученныхъ солдатъ,—все это заставило секретаря консульства оставить Кульджу и поспѣшить выѣздомъ въ Россію. Судя по этимъ враждебнымъ дѣйствіямъ Илійскаго начальства въ Кульджѣ противъ нашего консульства, надобно полагать вѣроятною причиною нападенія на нашихъ офицеровъ на Борохуцзирскомъ пикетѣ коварство и злое намѣреніе китайцевъ заманить ихъ къ себѣ въ гости и вымѣстить на нихъ свою злобу.

Вообще изъ трехлѣтняго періода, обнимающаго собою время веденія переговоровъ съ китайцами въ Чугучакѣ, 1863 г. оказывается наиболѣе обильнымъ событіями политическаго характера, имѣвшими непосредственную связь съ дѣломъ разграниченія съ Китаемъ на западѣ. Въ виду этихъ событій, въ предыдущей главѣ подробно изложенныхъ, выдающееся мѣсто занимаетъ окончательное согласіе китайскаго правительства принять проектъ нашихъ комиссаровъ безъ всякихъ оговорокъ и признать его составленнымъ согласно съ Пекинскимъ трактатомъ. Такимъ образомъ, къ концу 1863 г., когда безпокойство, вызванное въ это тревожное время кровавыми столкновеніями съ китайцами на западной окраинѣ Кульджинскаго района, начало постепенно ослабѣвать, а затѣмъ и совсѣмъ улеглось, и пограничный вопросъ дружными усиліями нашихъ комиссаровъ и нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Пекинѣ былъ приведенъ къ благопріятному окончанію. Благодаря дипломатическому искусству и смѣлому образу дѣйствій нашего представителя въ Пекинѣ, умѣвшему ловкимъ образомъ воспользоваться тогдашними обстоятельствами, русская дипломатія одержала полную побѣду надъ китайцами. Въ то же время внутреннее состояніе Китая представляло мало утѣшительнаго. Едва Китай успѣлъ нѣсколько оправиться и возстановить спокойствіе въ странѣ, послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ и кровопролитныхъ столкновеній съ первоклассными морскими державами Европы, какъ въ 1862 году вспыхнуло возстаніе китайскихъ магометанъ. Въ короткое время это возстаніе приняло тревожные размѣры и, подобно грозной тучѣ, придвигалось къ западнымъ предѣламъ Китая, т. е. къ провинціямъ Или и Тарбагатай. Лица, стоящія во главѣ китайскаго правительства, повидимому, поняли, что при тогдашнемъ положеніи Срединнаго государства будетъ затруднительно одолѣть инсургентовъ собственными силами и что рано или поздно имъ придется обратиться къ могущественному покровительству и содѣйствію Россіи. Этимъ отчасти и можно объяснить, что китайскіе министры не выказали противодѣйствія нашему предложенію, но согласились принять нашъ проектъ границы безъ малѣйшей перемѣны.

Глава VIII.

Китайскіе комиссары ходатайствуютъ черезъ Генералъ-Губернатора Западной Сибири о скорѣйшемъ отправленіи нашихъ комиссаровъ въ Чугучакъ. Китайскіе уполномоченные выказываютъ необычайную торопливость покончить дѣло о проведеніи западной границы и выражаютъ, наконецъ, свое согласіе принять нашъ проектъ границы. Составленіе по обоюдному соглашенію съ китайцами протокола о разграниченіи Россіи съ Западнымъ Китаемъ на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ. Послѣднее торжественное засѣданіе наше съ китайскими комиссарами 24 сентября 1864 года и состоявшееся на этомъ засѣданіи обоюдное подписаніе протокола, картъ и размѣнъ этими документами между нами и китайскими комиссарами. Значеніе Чугучакскаго протокола 1864 года, какъ дополненія къ Пекинскому трактату.

Вскорѣ послѣ нашего выѣзда изъ Чугучака, въ октябрѣ 1863 года, китайскіе комиссары увѣдомили Генералъ-Губернатора Западной Сибири, что они получили изъ Пекина предписаніе отъ управляющихъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы какъ можно скорѣе рѣшить дѣло согласно проекту, предложенному нашими полномочными комиссарами. Китайцы просили увѣдомить ихъ: гдѣ и въ какомъ мѣсяцѣ предполагается въ будущемъ 1864 г. назначить съѣздъ комиссаровъ обоихъ государствъ для скорѣйшаго и окончательнаго рѣшенія дѣла о границѣ.

На это генералъ Дюгамель отвѣчалъ китайскимъ комиссарамъ, что, имѣя со своей стороны въ соображеніи тѣ обстоятельства, что въ 1863 г. они три раза просили о скорѣйшей присылкѣ нашихъ уполномоченныхъ, и когда они пріѣхали, то китайцы по прежнему вели споры о проведеніи границы въ противность указаній Пекинскаго трактата. «Затѣмъ—писалъ Дюгамель—я не могъ не обратить вниманія на слѣдующія слова вашего сообщенія: «нужно рѣшить дѣло о границѣ на взаимномъ совѣщаніи, смотря по положенію граничной мѣстности», изъ которыхъ я долженъ заключить, что и послѣ полученія вами предписанія отъ своего правительства, изъявившаго полное согласіе на нашъ проектъ границы,—на предстоящемъ съѣздѣ обоюдныхъ уполномоченныхъ намѣреваетесь по прежнему продолжать еще споры, какъ вести границу. Съ нашей стороны, — продолжалъ А. О. Дюгамель,—уже не разъ было заявлено, что предложенный нашими комиссарами проектъ границы основанъ на точномъ смыслѣ Пекинскаго трактата. А потому въ немъ не можетъ быть сдѣлано никакой перемѣны. Слѣдовательно, и наши полномочные комиссары на предстоящемъ съѣздѣ, сколько-бы вы не оспаривали ихъ, не могутъ согласиться на какую-бы то ни было уступку».

Въ заключеніе генералъ Дюгамель заявилъ китайскимъ комиссарамъ, что если они намѣрены на предстоящемъ съѣздѣ снова заняться спорами о томъ, какъ должна быть ведена граница, то онъ находитъ напраснымъ и безполезнымъ высылать нашихъ комиссаровъ, какъ это было въ 1863 году. Если же на предстоящемъ съѣздѣ китайскіе уполномоченные намѣрены оставить безполезные споры и прямо заняться составленіемъ протокола граничной мѣстности, согласно трактата и картъ, и засвидѣтельствованіемъ ихъ, а затѣмъ приступить къ самой постановкѣ граничныхъ знаковъ, то въ такомъ случаѣ Дюгамель просилъ китайскихъ комиссаровъ заблаговременно и какъ можно скорѣе прислать ихъ отзывъ.

«Тогда,—присовокупилъ Дюгамель,—я приму на себя ходатайство объ отправленіи нашихъ комиссаровъ, какъ можно скорѣе, по-прежнему въ Чугучакъ для окончательнаго рѣшенія дѣла и вящему скрѣпленію дружественныхъ отношеній между нашими великими Имперіями».

Несмотря на то, что въ этомъ сообщеніи генераломъ Дюгамелемъ были категорически указаны китайскимъ комиссарамъ условія, при наличности которыхъ могъ только состояться съѣздъ обоюдныхъ уполномоченныхъ, но китайцы все еще не унимались. Въ своемъ отвѣтѣ они снова утверждали, что въ указѣ, полученномъ ими изъ Пекина, сказано, чтобы, принявъ проектъ русскихъ комиссаровъ, сообща съ ними обсудить дѣло. Недовольствуясь этимъ, китайцы вздумали предъявить намъ новыя, въ высшей степени наглыя притязанія, не основывая ихъ даже на ложномъ толкованіи Пекинскаго трактата. Такъ китайцы заявили, что они согласны утвердить границу, если мы: 1) отодвинемъ ее отъ линіи постоянныхъ пикетовъ на 100 и даже на 200 ли (отъ 50 до 100 верстъ); 2) примѣняясь къ 1-й ст. Айгунскаго трактата 1858 года, постановимъ, чтобы живущіе внѣ линіи постоянныхъ пикетовъ инородцы: звѣроловы и рыболовы, оставались китайскими подданными; 3) солоны и другіе инородцы 4-хъ аймяковъ, обитающіе вдоль границы, не нарушатъ миръ и не начнутъ споры съ живущими смежно съ ними приграничными инородцами, подвластными Россіи.

На это заявленіе китайскихъ комиссаровъ, генералъ Дюгамель, на основаніи соображеній, представленныхъ нашими комиссарами, поставилъ на видъ китайцамъ всю несправедливость ихъ притязаній отодвинуть границу на 100 верстъ къ западу отъ линіи постоянныхъ пикетовъ. — «На такое предложеніе, возбуждающее только смѣхъ, я отвѣчу вамъ, — писалъ Дюгамель, —

вопросомъ: чтобы вы сказали, если бы мы предложили вамъ отступить на 100 или 200 ли на востокъ отъ линіи постоянныхъ пикетовъ и тамъ поставить границу между нашими государствами»?

Въ такой же степени неосновательными оказались и домогательства китайцевъ оставить въ ихъ подданствѣ пограничныхъ инородцевъ: звѣролововъ и рыболововъ, живущихъ въ сопредѣльной съ Китаемъ пограничной части русскихъ владѣній. Это предложеніе находится въ прямомъ противорѣчіи съ Пекинскимъ трактатомъ, и, если подобная исключительная мѣра была допущена на восточной границѣ при заключеніи Айгунскаго трактата, то это было сдѣлано потому, что китайскіе подданные украдкою на лѣвомъ берегу р. Амура основали небольшое селеніе. При заключеніи же Айгунскаго трактата мы, не желая причинить бѣднымъ людямъ разореніе переселеніемъ ихъ обратно на правый берегъ р. Амура, т. е. въ китайскіе предѣлы, и не видя никакого вреда для себя, если они останутся на мѣстѣ прежняго жительства, по уваженію къ дружественнымъ отношеніямъ между нашими государствами, дозволили имъ оставаться на мѣстѣ своего жительства и заниматься своими промыслами. Здѣсь же, на западной границѣ, за линіей постоянныхъ пикетовъ по направленію къ западу, т. е. въ нашу сторону, живутъ народы и племена, неподданные Срединнаго государства. Одни изъ нихъ, живущіе по сѣверную сторону Алтайскаго хребта, въ сосѣдствѣ Телецкаго озера (Алтынъ-норъ), и называемые Алтынъ-норскими урянхайцами или двоеданцами, въ силу Пекинскаго трактата, должны перейти въ подданство Россіи. Другіе же, какъ киргизы и буруты (Дикокаменные киргизы), не находятся въ подданствѣ Китая, но признаютъ подданство русскому правительству. Затѣмъ было указано китайцамъ на всю несообразность предлагаемой ими мѣры, т. е. чтобы всѣ земли за линіей ихъ пикетовъ отмежевать къ Россіи, а всѣхъ кочевыхъ обитателей этихъ земель передать въ китайское подданство, что значило бы оставаться по-прежнему на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ безъ опредѣленной точнымъ образомъ границы.

Наконецъ, относительно солоновъ и другихъ инородцевъ 4-хъ аймяковъ было разъяснено китайцамъ, что всѣ эти инородцы по-прежнему должны оставаться въ районѣ китайскихъ владѣній и, слѣдовательно, не теряютъ земель, на которыхъ живутъ нынѣ. Смежныя же съ ними земли въ чертѣ русскихъ владѣній заняты и теперь киргизами и бурутами. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы теперь же или впослѣдствіи неминуемо бы возникли между этими народностями споры и несо-

гласія. А для того, чтобы добрыя отношенія сохранились бы между ними и на будущее время, необходимо, чтобы мѣстное пограничное начальство Срединнаго государства въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ живущимъ близъ границы инородцамъ соблюдало полную добросовѣстность, обуздывая безпокойныхъ людей и въ то же время стараясь сохранить дружественныя отношенія съ Россіей. Между тѣмъ, Илійскій главнокомандующій дѣйствовалъ въ прошломъ 1863 г. въ совершенно противоположномъ духѣ, разсѣивая ложные толки между солонами и другими китайскими инородцами и безъ всякой нужды возбуждая въ нихъ вражду противъ Россіи, а съ другой стороны посылая письма возмутительнаго содержанія къ нашимъ вѣрноподданнымъ киргизамъ и бурутамъ. Затѣмъ Дюгамель высказалъ китайцамъ, что, по его мнѣнію, которое было объяснено имъ и прежде, полномочнымъ комиссарамъ обѣихъ сторонъ остается только заняться составленіемъ протокола и картъ границы и, по взаимномъ засвидѣтельствованіи ихъ, приступить къ постановкѣ пограничныхъ знаковъ. Въ заключеніе, Дюгамель просилъ китайскихъ комиссаровъ какъ можно скорѣе увѣдомить его: согласны ли они во исполненіе предписанія своего правительства принять нашъ проектъ границы безъ измѣненій или нѣтъ. Тогда, смотря по содержанію этого отвѣта, можно уже будетъ сдѣлать и соотвѣтствующее ему рѣшеніе, т. е. или ходатайствовать о посылкѣ нашихъ полномочныхъ комиссаровъ на съѣздъ въ г. Чугучакъ или, напротивъ, сдѣлать представленіе о томъ, чтобы закрыть комиссію и остановить дѣло разграниченія.

Въ своемъ отвѣтѣ на это сообщеніе китайцы продолжали съ наглымъ упорствомъ выставлять свои притязанія на пограничныя земли, долженствующія отойти къ владѣніямъ Россіи по Пекинскому трактату. Приводя въ доказательство своихъ домогательствъ неосновательные и ложные доводы, китайцы впадали въ противорѣчіе самимъ себѣ. Дюгамель указалъ имъ всю неосновательность ихъ притязаній, прибавивъ, что китайскіе уполномоченные тѣмъ самымъ забыли свое мѣсто въ порядкѣ государственнаго управленія, принявъ на себя смѣлость считать согласіе своего правительства на проектированную нашими комиссарами границу,— распоряженіемъ неподлежащимъ и рѣшились поправлять дѣйствія своего правительства. Затѣмъ Дюгамель указалъ также китайскимъ комиссарамъ, что, по привычкѣ къ самовольнымъ дѣйствіямъ, они самопроизвольно прибавили слова, которыхъ вовсе не было въ отвѣтномъ отношеніи Дюгамеля. Въ этомъ отношеніи было только сказано: «приму ходатайство закрыть и самую комис-

сію и остановить дѣло разграниченія». Китайцы же прибавили: «и потомъ уже условиться объ утвержденіи границы».

Въ заключеніе Дюгамель писалъ китайскимъ комиссарамъ, что если они, уважая старые и добрые примѣры нашихъ отношеній, и, согласно предписанію своего правительства, желаютъ утвердить на общемъ съѣздѣ границу, проектированную русскими полномочными комиссарами, то должно прислать отвѣтъ, въ которомъ слѣдуетъ коротко и ясно обозначить, что они принимаютъ границу, согласно проекту безъ малѣйшей перемѣны, и на предстоящемъ съѣздѣ не имѣютъ намѣренія оспаривать ее, но полагаютъ только заняться составленіемъ протокола и картъ и, по взаимномъ размѣнѣ ихъ, приступить къ постановкѣ пограничныхъ знаковъ. Тогда только можетъ быть сдѣлано распоряженіе о немедленномъ отправленіи нашихъ комиссаровъ въ Тарбагатай (Чугучакъ). Въ противномъ же случаѣ, пограничная комиссія будетъ закрыта и переговоры о границѣ впослѣдствіи не могутъ быть возобновлены. Послѣ одобренія правительствомъ Срединнаго государства русскаго проекта границы, мы считаемъ, что пограничное дѣло кончено и граница окончательно утверждена обоими правительствами. Послѣ всего этого, было-бы безполезно и противно достоинству сановниковъ продолжать еще споры по дѣлу разграниченія, а потому Дюгамель просилъ китайскихъ комиссаровъ, чтобы они болѣе не посылали бумаги по дѣлу о границѣ, подобно послѣдне присланной.

Послѣ этого китайцы, въ своихъ послѣдующихъ сообщеніяхъ, по-прежнему продолжали упорствовать въ согласии на предложенную съ нашей стороны и одобренною Пекинскимъ правительствомъ границу. Китайскіе комиссары ссылались въ этомъ случаѣ на то обстоятельство, что они не отвергаютъ весь проектъ нашихъ комиссаровъ во всемъ его объемѣ, но предлагаемыя ими измѣненія коснулись только той его части, которая, по ихъ мнѣнію, будто-бы оказывается неточною съ трактатомъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, китайскіе уполномоченные выставляли тотъ фактъ, что въ трактатѣ нѣтъ статьи, на основаніи которой монголы, киргизы и буруты, состоявшіе издавна, еще со временъ завоеванія Чжунгаріи, въ китайскомъ подданствѣ, должны отнынѣ, согласно предъявленнаго нами проекта, перейти въ подданство Россіи. Послѣ этой дипломатической уловки, въ которой ярко высказалось все лицемѣріе китайскихъ комиссаровъ, они, какъ ни въ чемъ не бывало, оканчивали свой настоящій отвѣтъ, подобно всѣмъ предыдущимъ,—обычною просьбою увѣдомить ихъ: когда послѣдуетъ снова съѣздъ для рѣшенія дѣла.

На это сообщеніе Генералъ-Губернаторъ Дюгамель отвѣчалъ китайскимъ комиссарамъ, что въ виду продолжающагося упорнаго уклоненія съ ихъ стороны рѣшить дѣло на основаніи нашего проекта границы, онъ распорядился прекратить переговоры и закрыть комиссію.

Послѣ такого категорическаго отвѣта съ нашей стороны, китайскіе комиссары поняли, наконецъ, что продолжать дальнѣйшія домогательства съ цѣлью отстоять принадлежавшія имъ прежде пограничныя земли на западныхъ предѣлахъ Китая, въ особенности Зайсанскій и Курчумскій край и живущихъ въ этихъ мѣстностяхъ инородцевъ,—оказывается безполезнымъ. Тогда они вновь въ августѣ 1864 г. обратились къ Генералъ-Губернатору Западной Сибири Дюгамелю съ просьбою какъ можно скорѣе отправить въ Чугучакъ нашихъ полномочныхъ комиссаровъ для того, чтобы на общемъ съѣздѣ съ ними и на основаніи предложеннаго съ нашей стороны проекта границы составить описаніе и карту граничной мѣстности и, по взаимномъ размѣнѣ ввѣрительныхъ договоровъ, постановить граничные знаки, дабы чрезъ то укрѣпить доброе согласіе между двумя государствами. Сообщивъ китайскимъ комиссарамъ, что просьба ихъ будетъ исполнена и что наши комиссары рѣшились еще разъ ѣхать въ Чугучакъ для подписанія протокола о границѣ, генералъ Дюгамель, въ своемъ отвѣтѣ китайскимъ комиссарамъ, указалъ имъ обратить вниманіе на то мѣсто ихъ сообщенія, въ которомъ было сказано, что они, уважая добрые старые примѣры отношеній между нашими двумя сосѣдними державами и ради вящаго скрѣпленія взаимнаго добраго согласія, изъявили искреннее желаніе, чтобы состоявшееся рѣшеніе о границѣ, согласно проекту, одобренному обоими правительствами, внести въ особый ввѣрительный договоръ на съѣздѣ уполномоченныхъ и довѣренныхъ лицъ той и другой стороны и, по взаимномъ засвидѣтельствованіи и размѣнѣ сими документами, приступить къ постановкѣ пограничныхъ знаковъ. Такимъ образомъ, состоялось третье отправленіе наше въ Чугучакъ, которое, къ счастью, оказалось и послѣднимъ.

На этотъ разъ я отправился на предстоящій съѣздъ только съ однимъ И. И. Захаровымъ. Третій комиссаръ А. Ѳ. Голубевъ, вслѣдствіи разстроеннаго здоровья отъ болѣзни, которою онъ страдалъ и прежде, и которая значительно усилилась послѣ злополучнаго столкновенія съ китайцами на Борохуцзирскомъ пикетѣ, отправился въ Петербургъ. Тамъ болѣзнь А. Ѳ. Голубева еще болѣе усилилась и онъ рѣшился ѣхать въ Италію, гдѣ, спустя недолгое время, скончался въ Сорренто въ 1865 г. Въ концѣ августа мы

выѣхали изъ Омска и 2 сентября прибыли въ Чугучакъ. Въ теченіе первыхъ дней происходилъ взаимный обмѣнъ визитовъ между нашими и китайскими уполноченными: Улясутайскимъ Цзянь-Цзюнемъ Минъ-И, Тарбагатайскимъ Хэбэй-Амбанемъ Минъ-Сюй и помощникомъ Тарбагатайскаго Хэбэй-Амбаня Батырь Амбанемъ Болгосу. На происходившихъ затѣмъ конференціяхъ, китайцы снова сдѣлали попытку оспаривать у насъ земли, долженствующія отойти къ владѣніямъ Россіи на основаніи Пекинскаго трактата и проекта граничной линіи, предъявленной нами китайскимъ уполномоченнымъ въ 1862 г. Всѣ доводы китайскихъ комиссаровъ, состоявшіе большею частью изъ наглой лжи и изворотливыхъ уловокъ, обычныхъ китайской дипломатіи, были твердо отвергнуты нами. Тогда Улясутайскій Цзянь-Цзюнь, убѣдившись, наконецъ, въ совершенной невозможности добиться отъ насъ даже самыхъ малѣйшихъ уступокъ, рѣшился согласиться на всѣ наши требованія. Къ тому же полученный указъ китайскихъ министровъ объ уступкѣ намъ земель совершенно развязывалъ руки китайскимъ комиссарамъ. Сославшись на этотъ указъ, они всегда имѣли полную возможность объяснить впослѣдствіи, что безъ подобнаго указа они никогда не рѣшились бы согласиться на безусловное принятіе нашего проекта безъ всякихъ отступленій. Словомъ сказать, ссылка на указъ давала китайскимъ комиссарамъ средство оправдаться передъ своимъ правительствомъ въ уступкѣ земель. Для избѣжанія же неблаговидныхъ толковъ въ народѣ, обидныхъ для китайскаго высокомѣрія, былъ распущенъ въ Чугучакѣ слухъ, что земли уступлены только на время и что впослѣдствіи, года черезъ два, онѣ будутъ взяты отъ русскихъ. Какъ только китайцы выразили согласіе на нашъ проектъ границы, нами было безотлагательно приступлено къ составленію протокола и картъ. Съ этой цѣлью, по приказанію Улясутайскаго Цзянь-Цзюня, были командированы въ нашу факторію четыре чиновника изъ спеціалистовъ, по имени: Чжа, Аи, Но и Фу, хорошо знающихъ мѣстность пограничнаго края. Эти чиновники тотчасъ-же приступили къ подписыванію тушью названій горъ, рѣкъ, озеръ, городовъ, селеній и другихъ мѣстныхъ предметовъ на изготовленныхъ заранѣе 4-хъ экземплярахъ картъ пограничной мѣстности въ масштабѣ 25 верстъ въ дюймѣ. Къ 15 сентября были окончены всѣ надписи на картахъ на маньчжурскомъ языкѣ, сдѣланныя китайцами съ замѣчательною точностью. Затѣмъ было приступлено къ составленію протокола и къ перепискѣ его въ 4-хъ экземплярахъ на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ. По окончаніи этой работы, 25 сентября состоялась наша послѣдняя конференція съ китайскими комиссарами. Такъ

какъ на этой конференціи должно было состояться обоюдное подписаніе протокола и картъ и обмѣнъ этими документами между нашими и китайскими комиссарами, то съ нашей и китайской стороны были приняты мѣры, чтобы придать этой конференціи нѣкоторую торжественность. Мы явились на это засѣданіе въ полной формѣ. Съ своей стороны китайскіе уполномоченные, окруженные сонмомъ своихъ чиновниковъ, встрѣтили насъ въ высшей степени любезно и предупредительно. Послѣ первыхъ привѣтствій, мы размѣстились за отдѣльнымъ столомъ, противъ китайцевъ и затѣмъ, ставъ, передали имъ два экземпляра картъ и при каждомъ два экземпляра протокола на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ. Взамѣнъ ихъ мы получили отъ китайскихъ уполномоченныхъ такое-же число протокола и картъ. Послѣ небольшого перерыва и предложеннаго намъ китайцами, по ихъ обычаю, угощенія, мы, наконецъ, расстались съ китайскими комиссарами самымъ дружескимъ образомъ, напутствуемые съ ихъ стороны самыми сердечными пожеланіями счастливаго путешествія въ Россію. Такая необычайная любезность и предупредительность китайскихъ комиссаровъ, съ которою они провожали насъ до послѣднихъ воротъ Гунъ-Фана, гдѣ стояли наши верховыя лошади, была въ высшей степени трогательна и сначала нѣсколько поразила насъ. Причина этого изысканнаго вниманія, оказаннаго намъ китайцами, которые до того времени держали себя въ высшей степени сдержанно и даже высокомѣрно, разъяснилась впослѣдствіи, когда мы узнали, что возмутившіеся противъ китайскаго правительства китайскіе магометане уже заняли г. Урумчи и готовились двинуться въ предѣлы Западнаго Китая для овладѣнія городами Чугучакомъ и Кульджой. Мѣстныя власти западныхъ провинцій Китая: Тарбагатайской и Илійской (Чугучакской и Кульджинской) скоро увидѣли себя въ безпомощномъ состояніи, будучи не въ силахъ подавить возстаніе собственными средствами. Тогда китайцы поняли, что только одно могущественное покровительство Россіи можетъ спасти ихъ отъ совершеннаго погрома.

Значеніе Чугучакскаго протокола заключается въ той тѣсной непосредственной связи, которую онъ имѣетъ съ Пекинскимъ трактатомъ. На основаніи заключенныхъ съ китайцами условій, изложенныхъ въ 10 статьяхъ подписаннаго протокола, они уступили намъ, въ силу Пекинскаго трактата: все озеро Зайсанъ и р. Черный Иртышъ отъ ея устья до пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ (Акъ-Тюбе), служившаго конечнымъ пунктомъ движенія ввѣреннаго мнѣ отряда въ 1863 г. Отъ пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ граница слѣдовала по горамъ Сауръ-Тау, причемъ линія постоянныхъ китай-

скихъ пикетовъ, лежащая къ западу отъ этихъ горъ до Тарбагатайскаго хребта, присоединена къ русскимъ владѣніямъ. На основаніи 4 ст. Чугучакскаго протокола, китайцы обязались снять эти пикеты въ теченіе одного мѣсяца, считая со времени постановки пограничныхъ знаковъ въ той мѣстности, откуда должны быть перенесены пикеты. Кромѣ озера Зайсана и части р. Чернаго Иртыша, къ владѣніямъ Россіи были присоединены: Курчумскій и Зайсанскій край, долины рр. Кегена и Нарына (верховья р. Сыръ-Дарьи) до самыхъ предѣловъ Кашгаріи, т. е. Восточнаго Туркестана или Малой Бухаріи.

Часть IV.

Глава I.

Невозможность приступить къ постановкѣ западной китайской границы весною 1865 г. по случаю возстанія китайскихъ магометанъ или дунгановъ. Описаніе хода этого возстанія въ предѣлахъ Илійскаго и Тарбагатайскаго округовъ.

По заключеніи Чугучакскаго договора 25-го сентября 1864 г., раннею весною 1865 г. было предположено приступить къ проведенію государственной границы съ Западнымъ Китаемъ въ натурѣ, т. е. фактическому обозначенію ея на мѣстности посредствомъ постановки пограничныхъ знаковъ. Но возстаніе китайскихъ магометанъ, иначе называемыхъ дунганами, охватившее собою съ неимовѣрною быстрой весь Западный Китай, въ которомъ къ концу 1865 г. не оставалось уже и слѣдовъ китайской власти, воспрепятствовало осуществленію этого предположенія. Вслѣдствіе чего и постановку западной китайской границы пришлось отложить до болѣе благопріятнаго времени. Что бы разсмотрѣть ходъ дунганскаго возстанія въ Западномъ Китаѣ, необходимо предварительно объяснить: кто именно были дунганы, къ какой народности они принадлежали и при какихъ условіяхъ могъ совершиться въ Китаѣ переворотъ, который могъ бы неблагопріятно отразиться и на нашемъ пограничномъ, почти сплошномъ кочевомъ мусульманскомъ населеніи степного края, сопредѣльнаго съ Западнымъ Китаемъ.

Подъ именемъ дунгановъ должно разумѣть китайскихъ магометанъ, живущихъ во всѣхъ провинціяхъ Китая, но преимущественно въ сѣверныхъ и западныхъ. По мнѣнію нашихъ синологовъ В. П. Васильева и И. И. Захарова, дунганы принадлежатъ къ Уйгурской народности тюркскаго происхожденія, и сначала были послѣдователями религіознаго ученія Будды и только впослѣдствіи приняли магометанство. Уйгуры были покорены китайцами во времена Танской династіи (618—907). Овладѣвъ ихъ столицею Гао-Чанъ (нынѣ г. Карашаръ въ Восточномъ Туркестанѣ), китайцы,

чтобы положить предѣлъ дальнѣйшему сопротивленію Уйгуровъ рѣшились переселить ихъ въ предѣлы Китая. Съ этой цѣлью, во время Танской династіи состоялось переселеніе около 1 милл. Уйгуровъ въ сѣверо-западный Китай въ нынѣшнія провинціи Шенси и Ганъ-су. Эти-то уйгуры и послужили разсадникомъ магометанства въ Китаѣ. Впослѣдствіи произошло сліяніе переселенцевъ—уйгуровъ съ мѣстными аборигенами сѣв.-зап. Китая—тангутами, принадлежавшими къ тибетскому племени. Тангутская народность образовала собою отдѣльное самостоятельное владѣніе, въ которомъ главнымъ оплотомъ были уйгуры, а владѣтельная династія была тангутскаго происхожденія. Уйгуро-тангутское царство сохранило свою политическую устойчивость въ продолженіе трехъ столѣтій, до самаго утвержденія въ Китаѣ Юаньской или Минской династіи (1206—1368). Во времена этой династіи и даже нѣкоторое время послѣ ея паденія, уйгуро-тангуты были ревностными послѣдователями буддизма [1]). По словамъ профессора Васильева, въ XVI ст., около 1570 г., въ Хами еще существовали буддійскіе монастыри. Но къ западу отъ Хами, около Турфана соотечественники хамійцевъ были магометане. Съ этого времени, судя по китайскимъ источникамъ, религіозная пропаганда ислама стала надвигаться къ востоку, въ предѣлы китайскихъ провинцій: Шенси и Ганъ-су. Эту-то эпоху, т. е. вторую половину XVI ст., проф. Васильевъ и полагаетъ началомъ постепеннаго водворенія магометанъ въ Китаѣ.

Двойственное названіе уйгуро-тангутскаго народа, послужившаго разсадникомъ магометанъ въ Китаѣ, отразилось и на неодинаковомъ наименованіи послѣднихъ, существующемъ въ настоящее время. Такъ китайцы называютъ своихъ магометанъ Хой-Хой, что представляетъ извращенное китайскимъ произношеніемъ слова Уйгуры, а у турецкихъ магометанъ они извѣстны подъ именемъ тунгановъ или дунгановъ, что и составляетъ искаженное неправильнымъ произношеніемъ слово тангуты.

Изъ приведенной исторической справки видно, что происхожденіе дунгановъ, восходя къ отдаленнымъ временамъ и основанное на гипотезахъ, является нѣсколько загадочнымъ.

Дунганы сохранили въ полной мѣрѣ нравы, обычаи и образъ жизни китайцевъ. По наружному виду ихъ трудно отличить отъ коренныхъ китайцевъ. Только опытный глазъ можетъ замѣтить эту разницу. Должно сказать, что дунганы обладаютъ болѣе крѣпкимъ здоровьемъ и физической силой сравнительно съ коренными

[1]) Васильевъ. О движеніи магометанъ въ Китаѣ, стр. 15.

китайцами, что должно отнести къ тому, что они ведутъ умѣренный образъ жизни и избѣгаютъ всякихъ излишествъ. О числѣ магометанъ въ Китаѣ въ шестидесятыхъ годахъ не было точныхъ свѣдѣній. Даже въ средѣ синологовъ по этому вопросу существовали разногласія. Такъ К. А. Скачковъ опредѣляетъ это число въ 20 милл., бывшій начальникъ Пекинской духовной миссіи—архимандритъ Палладій считаетъ общее число магометанъ въ Китаѣ между тремя и четырьмя милл.; проф. Васильевъ полагаетъ, что число китайскихъ магометанъ весьма значительно, хотя не имѣется достаточныхъ основаній, чтобы опредѣлить цифру этого населенія въ 10, 20 или 30 милл.

Исходнымъ пунктомъ въ Западномъ Китаѣ, откуда возстаніе распространилось по всей странѣ, былъ г. Урумчи. Въ 1864 г. городъ этотъ, имѣвшій значеніе важнаго торговаго центра въ краѣ, былъ взятъ и частію сожженъ дунганами. Ободренные этимъ успѣхомъ дунганы двинулись на югъ въ предѣлы Восточнаго Туркестана и къ сѣверо-западу, по дорогѣ на Куръ-Караусу къ Кульджѣ. Отсюда, по распоряженію Илійскаго Цзянь-Цзюня Чанъ-Цина, были высланы войска противъ инсургентовъ, которые, потерпѣвъ пораженіе, отступили къ Талкинскому горному проходу, а г. Куръ-Караусу былъ занятъ дунганами. Съ его занятіемъ и съ развитіемъ инсургенціи въ округахъ Восточнаго Туркестана: Карашаръ, Куча и Аксу было прекращено удобное сообщеніе между Кульджой, Чугучакомъ, Кашгаромъ и Пекиномъ. Тогда Илійскій Цзянь-Цзюнь былъ принужденъ отправлять свои донесенія Богдыхану и министрамъ черезъ наши предѣлы и при посредствѣ нашего посланника въ Пекинѣ. Потерявъ свои сообщенія съ внутреннимъ Китаемъ, китайскія войска, расположенныя въ Кульджинскомъ округѣ, были предоставлены собственнымъ силамъ. Сигналомъ возстанія Кульджинскихъ дунгановъ было появленіе ихъ единовѣрцевъ въ значительныхъ силахъ въ окрестностяхъ озера Сайрама. Противъ нихъ былъ выставленъ сильный манчжурскій отрядъ изъ Кульджи, что значительно ослабило расположенныя тамъ войска. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались Кульджинскіе дунганы. 1-го ноября они овладѣли гостиннымъ дворомъ и, отразивъ двинутыя противъ нихъ манчжурскія войска, вогнали ихъ въ цитадель, въ которой заперся Илійскій Цзянь-Цзюнь Минъ-Сюй, бывшій еще въ недавнее время Тарбагатайскимъ Хэбей-Амбанемъ и въ качествѣ полномочнаго комиссара участвовавшій со мною въ переговорахъ о проведеніи западной китайской границы. На другой день манчжуры сдѣлали вылазку, но снова были разбиты дунганами. Въ этомъ бою палъ Ту Амбань, командовавшій въ 1863 г.

китайскими войсками, выставленными на нашей границѣ. 20 января 1866 г. Кульджинская цитадель была взята дунганами и большая часть манчжуровъ истреблены. По разсказамъ киргизъ, Илійскій Цзянь-Цзюнь Минъ-Сюй, съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ къ нему чиновниковъ, взорвалъ свой дворецъ и погибъ подъ его развалинами. Большая часть города, въ томъ числѣ и наша факторія, была опустошена и разграблена.

Въ Чугучакѣ открытый бунтъ вспыхнулъ въ январѣ 1865 г. Манчжуры и здѣсь поспѣшили укрыться въ цитадели. Несмотря на прибытіе въ городъ подкрѣпленій изъ ближашихъ калмыцкихъ улусовъ, цитадель была взята дунганами, а городъ и наша факторія разграблены дунганами и киргизами. Вскорѣ послѣ того Чугучакъ былъ оставленъ всѣми жителями и представлялъ собою только однѣ развалины.

Выше было упомянуто, что по взятіи Урумчи, дунганы двинулись съ одной стороны къ Кульджѣ, а съ другой—на югъ, въ предѣлы Восточнаго Туркестана. Чтобы объяснить ходъ возстанія въ Восточномъ Туркестанѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ о появленіи магометанства въ этой странѣ и объ утвержденіи въ ней политическаго и нравственнаго вліянія ходжей, соединившихъ въ своемъ лицѣ духовную и свѣтскую власть надъ всѣми шестью городами Малой Бухаріи.

Въ IX в. аравійскіе проповѣдники проникли въ Восточный Туркестанъ и распространили исламъ въ этой странѣ. Но ученіе Магомета сразу не могло вытѣснить буддизмъ и язычество. Возникли кровопролитныя войны, которыя кончились торжествомъ ислама. Конецъ XV и начало XVI ст. должно считать эпохою окончательнаго утвержденія мусульманства въ Восточномъ Туркестанѣ. Вся эта страна въ то время находилась подъ владычествомъ потомковъ Чингисъ-хана, при которомъ появилось въ Малой Бухаріи сословіе ходжей, т. е. лицъ духовнаго званія, которые, какъ потомки Могамета, пользовались большимъ уваженіемъ во всей Средней Азіи. Въ средѣ ходжей, вскорѣ послѣ появленія ихъ въ Малой Бухаріи, т. е. въ XVI ст., произошелъ раздоръ, образовавшій двѣ партіи, названія которыхъ—Бѣлогорцы и Черногорцы—существуютъ даже и въ настоящее время. Взаимныя несогласія ходжей, имѣвшія вначалѣ религіозный оттѣнокъ, повлекли за собою и политическое раздѣленіе всего народонаселенія Восточнаго Туркестана на двѣ враждебныя стороны. Этими раздорами ловко воспользовался чжунгарскій ханъ Галданъ. Вторгнувшись въ Восточный Туркестанъ, онъ принялъ сторону Бѣлогорской партіи и вскорѣ покорилъ всю страну. Чингисъ-ханы, управлявшіе Вост.

Туркестаномъ, были уведены въ плѣнъ, а вмѣсто нихъ назначенъ намѣстникомъ Галдана представитель Бѣлогорской партіи ходжа Аннакъ. Такимъ образомъ, Восточный Туркестанъ сдѣлался вассальнымъ владѣніемъ Чжунгаріи. Это было въ 1678 г. Съ этого времени и по 1757 г., т. е. до покоренія Чжунгаріи китайцами или правильнѣе до взятіи ими г. Яркенда въ 1758 г., династія ходжей, захватившая въ свои руки свѣтскую власть, управляла на вассальномъ правѣ всѣмъ Вост. Туркестаномъ въ теченіе почти 80 лѣтъ. Власть ходжей въ Вост. Туркестанѣ была уничтожена въ половинѣ XVIII ст., когда китайцы, покоривъ Чжунгарію, подчинили своей власти и Малую Бухарію. Въ это время большая часть ходжей погибла въ борьбѣ за свою независимость и только одинъ изъ нихъ успѣлъ спастись. Этотъ ходжа, съ сопровождавшими его Мало-Бухарскими эмигрантами, составилъ себѣ сильную партію въ Кокандѣ, Бухарѣ и другихъ мусульманскихъ владѣніяхъ Центральной Азіи. Поддерживая связь съ мусульманскимъ населеніемъ Вост. Туркестана, этотъ ходжа, по имени Сарымсакъ, былъ основателемъ союза, образовавшагося въ 1763 г., противъ китайцевъ изъ Средне-Азіатскихъ мусульманскихъ владѣній. Хотя этотъ союзъ и не возвратилъ династіи ходжей Вост. Туркестана, но зато остановилъ воинственныя стремленія китайскаго Императора правленія Цянь-Лунь, имѣвшаго намѣреніе покорить Кокандъ, Бухару и Хиву. Другимъ слѣдствіемъ мусульманскаго союза противъ китайцевъ было то, что съ этого времени начинаются домогательства ходжей проникнуть въ Вост. Туркестанъ и, возстановивъ туземное населеніе противъ китайцевъ, захватить въ свои руки власть надъ этой страной. Подобныя стремленія рѣзко выказались при сынѣ Сарымсака, извѣстномъ ходжѣ Джангарѣ, который въ 1827 г., съ помощью кокандцевъ и Дикокаменныхъ киргизъ, произвелъ возстаніе мусульманскаго населенія въ Вост. Туркестанѣ и овладѣлъ городами: Кашгаромъ, Хотаномъ, Яркендомъ и Аксу. Прибытіе 60 тыс. корпуса китайскихъ войскъ положило предѣлъ власти Джангара: онъ былъ измѣннически схваченъ и казненъ въ Пекинѣ. У ходжи Джангара остался сынъ Бузрюкъ-ханъ, который пользовался всегда огромнымъ уваженіемъ въ массѣ мусульманскаго населенія Вост. Туркестана. Это обстоятельство и способствовало ему принять дѣятельное участіе въ послѣднихъ событіяхъ въ Малой Бухаріи.

Послѣ 1827 г. кокандскія войска съ ходжей Могаметъ-Юсуфомъ, старшимъ братомъ Джангаръ-ходжи, нѣсколько разъ вторгались въ 1829, 1830 и 1847 г.г. въ Вост. Туркестанъ. Во всѣхъ этихъ вторженіяхъ Могаметъ-Али, ханъ кокандскій, принималъ

дѣятельное участіе. При этомъ ханѣ было выселено изъ Вост. Туркестана въ Кокандъ до 70 тыс. семействъ.

Китайцы очень хорошо понимали, что главною причиною всѣхъ смутъ въ Вост. Туркестанѣ были ходжи, которые, имѣя связи съ туземнымъ населеніемъ этой страны, старались производить тамъ волненія, съ цѣлью свергнуть манчжурское иго. А потому китайцы предложили кокандскому хану Могамету-Али уступить въ его пользу торговую пошлину, собираемую въ Туркестанскихъ городахъ съ тѣмъ, чтобы онъ не допускалъ ходжей вторгаться въ китайскіе предѣлы. Могаметъ-Али согласился на эти условія и съ тѣхъ поръ посылался въ Кашгаръ кокандскій Аксакилъ съ помощникомъ для сбора пошлины въ пользу кокандскаго хана. Несмотря на эти условія, китайцы, пользуясь почти постоянными смутами, возникавшими въ кокандскомъ ханствѣ при преемникахъ Могамета-Али, пріостановили было уплату торговой пошлины. Тогда кокандскій ханъ Худояръ допустилъ ходжей вновь вторгнуться въ Вост. Туркестанъ. Это было въ 1857 г., когда ходжи успѣли занять Кашгаръ и съ помощью кашгарцевъ перерѣзали тамъ китайцевъ и жителей города, бывшихъ ихъ сторонниками, и въ теченіе около полугода держали въ страхѣ почти всю страну. При первомъ же извѣстіи о движеніи сильнаго китайскаго войска, ходжи бѣжали обратно въ предѣлы кокандскаго ханства и увлекли съ собою до 30 тыс. жителей, помогавшихъ имъ противъ китайцевъ. Должно замѣтить, что въ дѣлѣ ходжей принимали наибольшее участіе только западные города Вост. Туркестана: Кашгаръ, Аксу, Учь-Турфанъ, Яркендъ, Хотанъ и Янгишаръ. Восточные же города: Куча, Карашаръ, Хами и Куну-Турфанъ, имѣющіе также мусульманское народонаселеніе, не содѣйствовали ходжамъ, вѣроятно потому, что, въ случаѣ неуспѣха, на нихъ должны были обратиться первые удары китайцевъ.

Изложенный историческій обзоръ естественно приводитъ къ заключенію, что и въ послѣднихъ событіяхъ въ Вост. Туркестанѣ ходжи должны были принять самое дѣятельное участіе. И дѣйствительно: какъ только было получено извѣстіе, что дунганы, перейдя Тянь-Шанскій хребетъ, овладѣли городами: Куча, Аксу и Яркендомъ, гдѣ, перерѣзавъ манчжуровъ, передали власть хану-ходжѣ, потомку черногорской партіи, а сами отошли къ Урумчи, то Бузрюкъ-ханъ, о которомъ было упомянуто выше, тотчасъ же пробрался въ Кашгаръ въ сопровожденіи смѣлаго и рѣшительнаго Якуба-Бека, бывшаго нѣкогда комендантомъ крѣпости Акъ-мечеть, взятой нами въ 1853 г. Пользуясь своей популярностью, Бузрюкъ-хану было нетрудно возбудить народъ противъ манчжуровъ, поспѣшившихъ укрыться въ цитадели. Тогда Бузрюкъ-ханъ осадилъ цитадель и осенью 1865 г. манчжурскій гарнизонъ положилъ оружіе. Такимъ образомъ, въ Вост. Туркестанѣ пріобрѣли суприматію двѣ власти: восточными городами подъ вліяніемъ дунгановъ управлялъ упомянутый выше ханъ-ходжа, автономію подъ Кашгаромъ присвоилъ себѣ Якубъ-Бекъ, который, принявъ титулъ Бадаулета, устранилъ отъ власти слабохарактернаго и изнѣженнаго Бузрюкъ-хана. Лишая его власти и значенія, Якубъ-Бекъ удалилъ Бузрюкъ-хана въ Кокандъ, подъ предлогомъ путешествія въ Мекку. Къ концу 1867 г. Якубъ-Бекъ успѣлъ утвердить свою власть надъ всѣми городами Восточнаго Туркестана. Не довольствуясь этимъ, онъ уже помышлялъ объ овладѣніи всей Чжунгаріи и даже занятіи г. Урумчи. Но взятіе нашими войсками Кульджи въ 1871 г. остановило завоевательные замыслы Якубъ-Бека. Онъ понялъ, что при дальнѣйшемъ наступленіи, ему пришлось бы встрѣтиться съ могущественнымъ сосѣдомъ, борьба съ которымъ, очевидно, была ему не по силамъ. Это обстоятельство, а также враждебное настроеніе противъ него дунгановъ, обитавшихъ по сѣверному склону Тянь-Шаньскаго хребта, заставили Якубъ-Бека смириться и озаботиться объ удержаніи въ своей власти одного Вост. Туркестана, а также вступить съ нами въ переговоры, результатомъ которыхъ было заключеніе въ 1872 г. торговаго договора, дозволившаго нашимъ купцамъ свободно торговать на всемъ пространствѣ его владѣній и содержать своихъ агентовъ въ Малой Бухаріи.

Изъ приведеннаго очерка хода возстанія дунгановъ въ Западномъ Китаѣ видно, что власть маньчжурскаго правительства была сокрушена въ самое короткое время массою фанатическаго населенія, не имѣвшаго даже достаточныхъ средствъ для столь опасной борьбы. А потому причину успѣха, одержаннаго дунганами, скорѣе должно искать не въ ихъ силѣ, а въ слабости мѣстнаго и центральнаго китайскаго правительства, недостаткѣ вооруженныхъ силъ и способовъ, необходимыхъ для удержанія въ своей власти столь обширной и отдаленной страны, и, наконецъ, въ самомъ разнообразномъ составѣ народонаселенія Западнаго Китая, сложившагося, большею частью, изъ элементовъ, враждебныхъ манчжурскому правительству. Это заключеніе легко выясняется изъ разсмотрѣнія бывшаго состава вооруженныхъ силъ, охранявшихъ Западный Китай, и нравственнаго состоянія всѣхъ частей народонаселенія этой страны.

Военныя силы Западнаго Китая въ шестидесятыхъ годахъ состояли изъ слѣдующихъ частей.

1) два манчжурскихъ корпуса, силою около 7 тыс.

2) Сибоскій состоялъ изъ кочевого манчжурскаго племени Сибо, силою до 1039 чел.

3) Солонскій 1271 чел., раздѣлялся на два отдѣла: собственно Солонскій, расположенный въ мѣстности, сопредѣльной съ пограничной частью Семирѣченской обл., по урочищу Куйтунъ и друг., и Дахурскій, занимавшій поселенія по р. Хоргосъ.

4) Чахарскій, состоялъ изъ: 1) чахаровъ, кочевавшихъ въ долинѣ р. Боратала и близъ озера Сайрама, и 2) калмыковъ, разсѣянно кочевавшихъ вмѣстѣ съ чахарами.

5) Элетскій—1905 чел., занимавшій своими кочевьями верховья р. Или, т. е. рѣки Текесъ и Кунгесъ.

6) Шабинорскій полкъ, 614 чел., состоялъ изъ волжскихъ калмыковъ, бѣжавшихъ изъ Россіи въ 1771 году.

7) Китайскій корпусъ зеленаго знамени въ 1805 чел. былъ расположенъ на пространствѣ между оз. Сайрамъ и р. Или. Такимъ образомъ, все число войскъ, охранявшее Китай, простиралось до 15 тыс. Всѣ эти разноплеменныя войска были разбросаны малыми частями на огромномъ пространствѣ отъ Алтая до южныхъ отроговъ Тянь-Шаня, занимая постоянные и переносные пикеты, расположенные вдоль границы. Жалкій видъ большей части китайскихъ войскъ, ихъ ничтожное вооруженіе и совершенное незнаніе военнаго искусства, дѣлали ихъ вовсе неспособными къ войнѣ. Нѣкоторые корпуса, какъ напр. китайскій зеленаго знамени, почти исключительно занимались земледѣліемъ а остальные, вслѣдствіе лѣности начальниковъ и безпечности мѣстныхъ властей, мало обучались строю и маневрированію. Даже само правительство допускало важные безпорядки по военной части, обязывая солдатъ заготовлять оружіе на свой собственный счетъ. Къ этому нужно присоединить поборы мандариновъ, походившіе на совершенные грабежи, ставившіе всю остальную массу населенія во враждебное отношеніе къ начальствующимъ лицамъ.

Между тѣмъ, войска весьма мало или даже вовсе не получали никакого содержанія, въ особенности люди, расположенные на нѣкоторыхъ пикетахъ, находились въ самомъ жалкомъ, можно сказать, въ нищенскомъ положеніи. Все это производило вредное вліяніе на войско, порождая упадокъ духа и демонстрацію.

Другая причина внутренняго безсилія западнаго края Китайской Имперіи заключалась въ нравственномъ состояніи разноплеменнаго народонаселенія этой страны. Господствующій народъ манчжуры, составляющіе отрасль тунгускаго племени, были въ то время расположены преимущественно въ городахъ, крѣпостяхъ и на пикетахъ. Къ манчжурскому племени принадлежатъ также сибо и солоны, которые составляли въ то время лучшую китайскую конницу, вооруженную, большею частью, луками и стрѣлами. Чахары и монголы, входившіе въ составъ тогдашнихъ 1-го и 2-го манчжурскаго корпусовъ, были менѣе воинственны. Элеты или калмыки принадлежали къ потомкамъ тѣхъ чжунгаровъ, которые во времена смутъ, происходившихъ въ Чжунгаріи въ половинѣ XVIII ст., перешли въ китайское подданство. Сначала они были поселены около Жехэ въ Манчжуріи, а впослѣдствіи переведены въ сторону верховьевъ р. Или, т. е. въ долины рѣкъ Текеса и Кунгеса. Торгоуты и дурботы принадлежатъ къ потомкамъ волжскихъ калмыковъ, бѣжавшихъ изъ Россіи въ 1771 г. и поселившихся въ округахъ: Тарбагатай, Куръ-Караусу и Карашаръ.

Собственно китайцы, принадлежавшіе къ корпусу зеленаго знамени, были въ то время поселены къ востоку отъ г. Кульджи и состояли, большею частью, изъ дунгановъ. Число ихъ въ одномъ кульджинскомъ округѣ простиралось до 60 тыс. семействъ. Кромѣ дунгановъ или хой-хой, все народонаселеніе Восточ. Туркестана состояло также изъ мусульманъ, потомковъ прежнихъ уйгуровъ. Въ Кульджинскомъ округѣ находятся также таранчи или землепашцы, обязанные за отведенныя имъ земли уплачивать хлѣбную подать на продовольствіе китайскихъ солдатъ. Таранчи (отъ слова таранъ, означающее просо) были переселены изъ Восточнаго Туркестана въ половинѣ XVIII ст. Поселенія ихъ были расположены въ долинѣ лѣваго берега р. Или къ востоку отъ р. Чарына, при подножіи сѣверныхъ отроговъ Тянь-Шаньскаго хребта. Тогда же, т. е. въ XVIII ст., было сдѣлано распоряженіе о поселеніи въ Илійской провинціи ссыльныхъ.

Наконецъ, къ числу племенъ населяющихъ Западный Китай, должно отнести также и часть киргизъ, произвольно переходившихъ изъ нашихъ предѣловъ въ Китай и обратно.

Почти всѣ эти разнообразныя племена находились во враждебныхъ отношеніяхъ между собою и, если сходились въ чемнибудь, то это въ ненависти, которую они питаютъ къ господствующему племени манчжурамъ. Между киргизами и калмыками искони существуетъ ненависть, порождающая взаимныя грабежи. Подобныя же враждебныя отношенія существовали между калмыками и таранчами. На калмыковъ, кочующихъ въ верховьяхъ р. Или, китайское правительство не только не могло вполнѣ положиться, но скорѣе само должно было заботиться о защитѣ ихъ отъ притѣсненій и грабежа со стороны киргизовъ. Такъ во время описаннаго выше дунганскаго возстанія, калмыки, на приказаніе

Илійскаго Цзянь-Цзюня итти на помощь къ Кульджѣ, отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ, выставляя на видъ равнодушіе, съ которымъ относились манчжуры на просьбы калмыковъ о помощи противъ набѣговъ Дикокаменныхъ киргизовъ. Съ своей стороны и калмыки въ отместку за эти набѣги, неоднократно грабили киргизскіе аулы, причемъ цѣлыя волости подвергались самому опустошительному раззоренію. Относительно же киргизъ должно сказать, что они могутъ оказать помощь только въ случаѣ успѣха, а при неудачѣ на нихъ вовсе нельзя разсчитывать. Элеты, дурботы и торгоуты, составляющіе различныя отрасли калмыцкаго или монгольскаго народа, еще не забыли преданій о своей прежней независимости и вообще тяготились своимъ тогдашнимъ положеніемъ. Торгоуты же, бѣжавшіе съ Волги нѣсколько разъ даже заявляли желаніе снова возратиться въ Россію. Столь же затруднительно было и положеніе таранчей, обремененныхъ налогами.

Еще въ 1864 г., многіе изъ нихъ, вслѣдствіе неурожая, перешли въ наши предѣлы и нанялись въ работники къ зажиточнымъ киргизамъ Большой и Дикокаменной орды. Частыя возмущенія, происходившія въ Восточ. Туркестанѣ, служатъ лучшимъ доказательствомъ, что мусульманское населеніе Малой Бухаріи скорѣе готово сражаться противъ самихъ китайцевъ, нежели подъ ихъ знаменами, При такомъ нравственномъ состояніи народонаселенія Западнаго Китая и войскъ, охраняющихъ эту страну, весьма естественно, что дунганы не встрѣтили нигдѣ упорнаго сопротивленія. Въ этомъ отношеніи скорѣе нужно удивляться счастью китайскаго правительства, которое могло съ самыми ничтожными средствами такъ долго удерживать свою власть на огромномъ пространствѣ отъ Южной Сибири почти до предѣловъ Индіи. Впрочемъ, мѣстное начальство Западнаго края вполнѣ сознавало свое внутреннее безсиліе. Несмотря на высокомѣріе и гордость, обычныя китайцамъ, они рѣшились обратиться къ Россіи съ просьбою о помощи противъ инсургентовъ. 29 Ноября 1864 г. въ укрѣпл. Вѣрное прибыла депутація изъ нѣсколькихъ манчжурскихъ чиновниковъ съ письмомъ отъ Илійскаго Цзянь-Цзюня и Хэбэй-Амбаня, въ которомъ они просили прислать тысячу человѣкъ русскаго войска на условіяхъ, которыя будутъ предложены имъ съ нашей стороны. Однако наше правительство не признало возможнымъ исполнить эту просьбу, находя, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, было бы болѣе соотвѣтственнымъ воздерживаться отъ прямого вмѣшательства въ борьбу между манчжурами и дунганами и употреблять наши войска только въ такомъ случаѣ,

если этого потребуетъ безопасность и спокойствіе нашихъ предѣловъ или враждебныя противъ насъ дѣйствія со стороны дунгановъ. На этомъ основаніи, китайскимъ посланцамъ было объявлено, что мы не считаемъ себя въ правѣ переходить съ войсками черезъ границу, не получивъ прямого, положительнаго приглашенія отъ Пекинскаго правительства. Послѣ того китайцы посылали въ укр. Вѣрное еще четыре депутаціи съ просьбою о помощи. Видя, что эта просьба оказывается для насъ неудобоисполнимою, Илійскій Цзянь-Цзюнь сообщилъ содержаніе даннаго ему отвѣта Пекинскому правительству. Тогда управляющіе китайскимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ обратились съ подобною же просьбою о помощи къ нашему посланнику въ Пекинѣ. Генералъ-майоръ Влангали отвѣчалъ, что ходатайство ихъ будетъ представлено нашему правительству, и они могутъ быть увѣрены, что, на основаніи многовѣковой дружбы, существующей между двумя государствами, возможная помощь имъ будетъ оказана. Но нашъ посланникъ замѣтилъ что у насъ самихъ есть внутреннія дѣла, отчасти довольно затруднительныя, требующія немалыхъ средствъ, и что удерживаніе въ покоѣ нашихъ кочевниковъ, сочувствующихъ инсургентамъ въ Западномъ Китаѣ, составляетъ уже большое подспорье для манчжурскаго правительства. Не менѣе того, прибавилъ посланникъ и положеніе, занятое нами въ Туркестанѣ, не дозволяетъ тамошнимъ магометанамъ оказывать какое-либо содѣйствіе своимъ единовѣрцамъ въ Илійскомъ краѣ.

Хотя все это было принято сознательно китайскими сановниками, но тѣмъ не менѣе они просили генералъ-майора Влангали вновь передать ихъ ходатайство въ Петербургъ. Между тѣмъ въ Пекинѣ было получено извѣстіе о паденіи Кульджи и Чугучака. Эта вѣсть произвела тягостное впечатлѣніе на китайскихъ сановниковъ и они, повидимому, были готовы укорять насъ, что имъ не подали никакой помощи.

Событія въ Западномъ Китаѣ вызвали Пекинское правительство къ напряженной дѣятельности. Генералъ-Губернаторомъ въ Улясутай, вмѣсто престарѣлаго Цзянь-Цзюня Минъ-И, былъ назначенъ Дэбэй-цзы, бывшій нѣкогда Ургинскимъ Амбанемъ. Въ Гуй-хуа-ченъ былъ назначенъ Фусонъ, командиръ регулярнаго корпуса въ Восточномъ Китаѣ, слывующій за человѣка знакомаго съ военнымъ дѣломъ. Командующимъ войсками въ провинціи Шенси назначенъ бывшій начальникъ Албазинской роты Му-лунъ-а, на мѣсто Де-санъ-а, переведеннаго съ тѣмъ же званіемъ въ Тарбагатайскій округъ. Въ тоже время, по распоряженію Пекинскаго правительства, были двинуты войска изъ внутренняго Китая въ

Западный край по двумъ направленіямъ: на Улясутай и Гученъ, Эти города были назначены сборными пунктами для войскъ Богдыхана, предназначенныхъ для подавленія инсуррекціи въ Западномъ Китаѣ. Въ Гученѣ было предположено сформировать два отряда, долженствующіе выступить въ Урумчи, а въ Улясутаѣ одинъ отрядъ, назначенный для движенія черезъ Кобдо въ Тарбагатайскій округъ и оттуда къ Кульджѣ. Къ этому отряду въ Кобдо и отправился Илійскій Цзянь-Цзюнь Жунъ-цзю-ань, проживавшій въ Копалѣ. Туда же было отправлено и все китайское серебро на сумму 500 тыс. руб., хранившееся въ Семипалатинскѣ и Копалѣ.

Въ 1867 г., по полученнымъ частнымъ свѣдѣніямъ, нападеніе дунгановъ на г. Боркуль, въ провинціи Ганъ-су, было отражено Богдыханскими войсками и милиціею. Вслѣдъ затѣмъ, эти войска овладѣли гор. Хами, занятомъ инсургентами. Въ обоихъ случаяхъ, вмѣстѣ съ китайскими войсками, дѣйствовала и милиція, состоявшая, большею частью, изъ магометанъ. Это обстоятельство показываютъ, что китайское правительство имѣло своихъ приверженцевъ между магометанами Западнаго края. Все это давало основаніе предполагать, что при терпѣніи и настойчивости, свойственныхъ китайцамъ, Пекинское правительство снова утвердить свою власть на Западныхъ предѣлахъ имперіи. Предположеніе это вполнѣ подвердилось впослѣдствіи, какъ о томъ будетъ мною подробно объяснено въ своемъ мѣстѣ.

Изложивъ постепенный ходъ мусульманскаго возстанія въ Западномъ Китаѣ, считаю необходимымъ коснуться также и вопроса о томъ, по какимъ именно причинамъ могла возникнуть въ Китаѣ дунганская смута, т. е. разъяснить, имѣло ли это возстаніе политическій характеръ, вслѣдствіе связи дунгановъ съ тайпингами, или религіозный, возбужденный мусульманскимъ фанатизмомъ, или, наконецъ, не крылось ли руководящее начало этого возстанія во всеобщемъ неудовольствіи къ манчжурамъ за привилегіи, которыми они пользовались. Если обратиться за разрѣшеніемъ этого вопроса къ нашимъ синологамъ, то оказывается, что мнѣнія ихъ не всегда совпадаютъ между собою. Такъ И. И. Захаровъ, писавшій о дунганахъ въ 1865 г., находилъ, что въ то время еще нельзя было рѣшить этотъ вопросъ точнымъ образомъ. Архимандритъ Палладій, не отвергая, что причинами возмущенія китайскихъ магометанъ являются притѣсненія и обиды, которыя терпятъ дунганы отъ китайскихъ чиновниковъ, находитъ однако же, что въ послѣднемъ движеніи магометанъ въ Китаѣ нельзя признавать проявленіе только чувства ненависти и мести. Несомнѣнно тайное поджигательство китайскихъ инсургентовъ, желавшихъ перенести поприще дѣйствій на западъ, дальше отъ

вмѣшательства европейцевъ и употребить въ дѣло магометанское населеніе, какъ орудіе для осуществленія своихъ замысловъ [1]).

Взглядъ этотъ, повидимому, раздѣляетъ и проф. В. П. Васильевъ. По его мнѣнію, при извѣстномъ стремленіи мусульманства къ прозелитизму и неоднократныхъ попыткахъ китайскихъ магометанъ осуществить эти стремленія, есть основаніе полагать, что когда-нибудь они добьются своей цѣли. Съ этой точки зрѣнія, движеніе магометанъ въ Китаѣ неоспоримо имѣетъ важное значеніе для Срединнаго государства, тѣмъ болѣе, что китайцы-магометане, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ китайско-мусульманская литература, сознаютъ свое призваніе быть наслѣдниками буддистовъ. Все это, по мнѣнію проф. Васильева, даетъ основаніе предположить, что Китай современемъ можетъ сдѣлаться мусульманскимъ государствомъ [2]).

Въ общемъ выводѣ относительно дунганской смуты въ Западномъ Китаѣ и въ смежныхъ съ нимъ провинціяхъ внутренняго Китая, должно сказать, что эта смута представляетъ собою грандіозное явленіе, какъ по громадному району охваченному инсуррекціей, такъ и по тѣмъ многочисленнымъ жертвамъ кровавой, ожесточенной борьбы магометанъ-инсургентовъ съ китайцами. Въ этой борьбѣ, когда поголовно истреблялись цѣлые города и области, болѣе всего поражаетъ громадная убыль народонаселенія. По словамъ проф. Позднѣева, за періодъ трехъ магометанскихъ войнъ: юнь-нанской въ 50-хъ годахъ, нянь-фейской въ 60-хъ годахъ и дунганской въ 70-хъ годахъ, убыль народонаселенія доходила до 30 милл. [3]). Передъ такимъ примѣромъ внутреннихъ междоусобій Срединнаго государства, великая французская революція представляется забавою.

Побудительной причиной такой ожесточенной борьбы двухъ народностей была непримиримая ненависть китайскихъ магометанъ къ манчжурамъ. По мнѣнію изъ нѣкоторыхъ нашихъ синологовъ, а также и по отзывамъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ по Китаю, эта ненависть объясняется тѣми притѣсненіями и обидами, которымъ подвергались китайскіе магометане со стороны манчжурскихъ чиновниковъ. Описаніе этихъ притѣсненій мусульманъ Восточнаго Туркестана мы находимъ у Н. М. Пржевальскаго, который былъ въ Китаѣ въ самый разгаръ магометанскаго возстанія и имѣлъ полную возможность собрать на мѣстѣ досто-

---

[1]) Палладій. О магометанахъ въ Китаѣ. Труды членовъ русской миссіи въ Пекинѣ, т. IV, стр. 446.

[2]) Васильевъ. О движеніи магометанъ въ Китаѣ, стр. 25.

[3]) Позднѣевъ. Основныя теченія государственной жизни Китая, стр. 20.

вѣрныя свѣдѣнія о дунганской смутѣ. По его словамъ: «невѣжественные китайскіе чиновники, совмѣстно съ переводчиками изъ оставшихся мусульманъ, даютъ полный разгулъ своему безчеловѣчію, жадности и скотскимъ страстямъ. Затѣмъ пребываніе китайскихъ войскъ въ краѣ служитъ не для успокоенія его, но является неизсякаемымъ источникомъ грабежей и всевозможныхъ притѣсненій мѣстнаго населенія. Мы сами, говоритъ Пржевальскій, бывали свидѣтелями возмутительныхъ сценъ произвола, какъ напр. отбиранія у туземцевъ не только китайскими чиновниками, но даже ихъ слугами послѣдняго скота или какого-либо другого имущества, насилованія женъ и дочерей чуть не на глазахъ ихъ родныхъ, тѣлеснаго наказанія женщинъ, открытаго грабежа солдатъ и проч. Въ то же время все земледѣльческое населеніе обложено непомѣрными податями, которыя взыскиваются безпощадно» [1]). Подобно жителямъ Вост. Туркестана и дунганы, обитающіе въ оазисахъ Средней Азіи и въ провинціяхъ собственно Китая, въ особенности же: Гань-су и Шенси одушевлены ненавистью къ манчжурамъ. Во время своихъ путешествій вь окрестностяхъ гор. Синана, гдѣ скучены магометане, Пржевальскій постоянно слышалъ отъ нихъ горькія жалобы на невыносимый гнетъ китайской власти. Подобное же описаніе притѣсненій манчжурями китайскихъ магометанъ мы находимъ и у извѣстнаго синолога архимандрита Палладія. По его словамъ: «мѣстные правители въ китайскихъ провинціяхъ придумываютъ разныя мѣры въ видахъ незаконныхъ поборовъ съ магометанъ и оскорбляющія ихъ религіозныя чувства: нѣкоторые изъ нихъ устраивали въ магометанскихъ селеніяхъ общественныя угощенія, въ которыхъ была употребляема свинина и предлагалось одно изъ двухъ: или вкусить запрещенной ихъ закономъ пищи, или откупиться отъ этого деньгами». Отсюда видно, что поводовъ къ враждѣ между магометанами и манчжурами было весьма много, и что отношенія между этими народностями были такъ натянуты, что малѣйшій случай могъ послужить сигналомъ къ поголовному возстанію магометанъ, отличающихся къ тому же неспокойнымъ характеромъ и принимающихъ къ сердцу всякія оскорбленія.

Такимъ образомъ, на дунганскую смуту должно смотрѣть какъ на самобытное проявленіе внутренней китайской жизни. «Подобныя движенія по справедливому замѣчанію проф. Позднѣева,— находя для себя благопріятный моментъ, вспыхиваютъ совершенно неожиданно, охватываютъ своимъ пламенемъ цѣлые округа и

[1]) Пржевальскій. 4-ое путешествіе, стр. 510.

провинціи, создаютъ огромныя арміи, съ полнымъ успѣхомъ противящіяся правительственнымъ войскамъ, и производятъ удивительные перевороты въ государствѣ. Такихъ движеній въ исторіи Китая является множество. Одни изъ нихъ вели даже къ образованію новыхъ династій, другія затихали для того, чтобы вновь вспыхнуть при первомъ удобномъ моментѣ». Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Мятежъ, вспыхнувшій въ провинціи Шенси, распространился съ поразительной быстротой по направленію къ западу и вскорѣ охватилъ всю Чжунгарію и Вост. Туркестанъ. Это объясняется, какъ уже было замѣчено выше, слабостью мѣстныхъ властей въ Западномъ краѣ, а также жалкимъ состояніемъ китайскихъ войскъ, оказавшихся не въ состояніи остановить массы дунгановъ, одушевленныхъ религіознымъ фанатизмомъ и порывами злобы противъ своихъ притѣснителей манчжуровъ.

Къ тому же дунганы встрѣтили своихъ единовѣрцевъ не только въ Вост. Туркестанѣ, но и въ городахъ Западнаго Китая, въ которыхъ большая часть гарнизона состояла изъ мусульманъ [1]). Обращаясь къ разсмотрѣнію политическаго значенія дунганской смуты, должно замѣтить, что въ мнѣніяхъ по этому предмету нашихъ синологовъ оказывается разногласіе. Проф. Васильевъ полагаетъ, что при извѣстномъ стремленіи мусульманъ къ прозелитизму, нѣтъ основаній отвергать, чтобы и китайскіе магометане не преслѣдовали той же цѣли. Притомъ достиженіе ея значительно облегчается тѣмъ, что магометане въ Китаѣ смѣшались съ туземнымъ населеніемъ, вступая въ браки съ китлянками, и имѣютъ китайскій типъ, а въ правительственной средѣ есть немало мусульманскихъ вельможъ. Во время же магометанскихъ возстаній, распространенію ислама могло способствовать то обстоятельство, что китайцы, видя силу магометанъ и безпощадное отношеніе къ побѣжденнымъ, переходили почти поголовно въ мусульманство.

Архимандритъ Палладій находитъ, что судя по безпощадности, съ которою дунганы въ 60-хъ годахъ совершали дѣло опустошенія и убійства, можно думать, что въ возстаніи ихъ нѣтъ другой цѣли, кромѣ изувѣрства. Сами по себѣ и для себя они не въ состояніи достигнуть важныхъ политическихъ результатовъ, потому что не могутъ надѣяться на сочувствіе и опору въ китайскомъ народонаселеніи.

Дѣйствительно, въ послѣднемъ возстаніи дунганы не достигли какихъ-либо особенно важныхъ результатовъ, но это произошло, главнымъ образомъ, потому, что во главѣ возстанія не было об-

[1]) Васильевъ, стр. 23.

щаго руководителя. Вслѣдствіе чего образовалось нѣсколько самостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга начальниковъ, дѣйствующихъ разрозненно, безъ всякой связи между собою. По мнѣнію Н. М. Пржевальскаго: «будь во главѣ возстанія общій руководитель, который рѣшился бы двинуть дунганскія массы дружною кучею за Желтую рѣку прямо къ Пекину, то подъ его стѣнами, повидимому, могъ бы окончательно рѣшиться вопросъ о самостоятельномъ существованіи мусульманскаго государства на востокѣ Азіи».

Неблагопріятный исходъ дунганскаго возстанія не охладилъ надеждъ китайскихъ магометанъ на будущее торжество религіи полумѣсяца въ Срединномъ государствѣ. Населеніе Срединнаго государства, столь упорно противящееся всѣмъ другимъ религіознымъ пропагандамъ, относительно легко переходитъ въ мусульманство. Въ то время, когда въ теченіе цѣлой сотни лѣтъ, число обращенныхъ въ христіанство измѣряется тысячами, число китайскихъ мусульманъ, по самымъ скромнымъ вычисленіямъ, равняется 25—30 милл. Отсюда видно, что успѣхъ магометанской пропаганды въ Китаѣ, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, а въ особенности на всѣ описанныя выше жестокости китайцевъ при усмиреніи или мятежа дунгановъ,—приняли широкія размѣры. Говоря о быстротѣ распространенія въ Китаѣ ислама, полагаю необходимымъ коснуться и вопроса о значеніи этого событія для Россіи въ политическомъ отношеніи. Изъ разныхъ мнѣній, высказанныхъ по этому вопросу, наиболѣе заслуживаетъ вниманія мнѣніе извѣстнаго путешественника Елисѣева. Онъ находитъ, что распространеніе мусульманства въ Небесной Имперіи, а также и въ Индіи можетъ быть только желательнымъ для Россіи на томъ основаніи, что большинство мусульманъ, а особенно дунганы, выказываютъ свое явное тяготѣніе къ Россіи, гдѣ живется такъ хорошо и привольно многимъ ихъ братьямъ по вѣрѣ.

Мнѣніе это находитъ себѣ подверждение въ томъ обстоятельствѣ, что тяготѣніе многихъ мусульманъ къ Россіи подмѣчено въ послѣднее время и другими нашими путешественниками. Такъ Пржевальскій, путешествуя неоднократно въ Средне-Азіатскихъ оазисахъ въ окрестностяхъ г. Синана, гдѣ скучены магометане, постоянно слышалъ жалобы на гнетъ китайской власти. Избавиться отъ нея дунганамъ, ослабленнымъ недавнею продолжительною борьбою и мѣстами поголовнымъ избіеніемъ, рѣшительно невозможно безъ посторонней помощи. Всякая попытка въ этомъ родѣ приведетъ еще къ большимъ бѣдствіямъ. Вотъ почему дунганы смотрятъ на сосѣднюю Россію, какъ на возможную свою избавительницу или, по крайней мѣрѣ, союзницу въ борьбѣ противъ китайцевъ. Можно ручаться, что, въ случаѣ войны нашей съ Китаемъ, мы найдемъ самыхъ надежныхъ сподвижниковъ въ дунганахъ. Уже и теперь они неоднократно насъ спрашивали: «скоро ли русскіе станутъ воевать съ Китаемъ?», а затѣмъ добавляли: «пусть къ намъ придетъ хотя одна сотня русскихъ, сію же минуту мы возстанемъ поголовно противъ китайцевъ».

Тѣ же самыя рѣчи слышалъ Пржевальскій и отъ солдатъ-магометанъ, составлявшихъ значительную часть китайскихъ войскъ въ Восточномъ Туркестанѣ. Весьма вѣроятно, что подобная симпатія къ намъ, можетъ быть только въ меньшей степени, существуетъ и въ сѣверныхъ провинціяхъ Китая среди тамошнихъ магометанъ.

Такое же мнѣніе о дунганахъ высказалъ и Костенко въ своемъ «Военно-статистическомъ очеркѣ Чжунгаріи». По его словамъ: «для русскихъ дунганы, переселившіеся въ наши предѣлы, составили поистинѣ пріобрѣтеніе. Они усилили колонизаціонный элементъ нашихъ пограничныхъ областей и, кромѣ того, въ случаѣ войны съ китайцами, составятъ надежную милицію, которая окажетъ значительную помощь нашимъ войскамъ».

Глава II.

Административныя преобразованія въ Западной Сибири и учрежденіе Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства. Новое положеніе объ управленіи киргизами. Значеніе этой реформы для кочевого населенія киргизскихъ степей.

Изъ приведеннаго въ III части подробнаго описанія хода поступательнаго движенія нашего въ глубь Средней Азіи видно, что со стороны Западной Сибири это движеніе неоспоримо имѣло важное значеніе въ политическомъ отношеніи. Оно привело насъ къ одному изъ исполинскихъ, вѣчно снѣговыхъ горныхъ хребтовъ—Тянь-Шаню, представляющему собою, въ соединеніи съ возвышенностью Памира и хребтами Гималаевъ, самое высокое поднятіе Центральной Азіи. Это обстоятельство въ свою очередь доставило намъ возможность установить прочную границу съ однимъ изъ первостепенныхъ государствъ азіатскаго востока—Китаемъ. Придвинувшись, такимъ образомъ, къ нѣкогда загадочной Кашгаріи или Восточному Туркестану и учредивъ русское консульство въ главномъ городѣ этой окраины Китая,—Кашгарѣ, отстоящемъ на 350 верстъ отъ Кашмира, мы сразу становились такъ сказать, фронтомъ къ Индіи.

Но принявъ такое положеніе, намъ было необходимо упрочить его и придать русской власти въ занятомъ краѣ надлежащую силу и самостоятельность.

Для осуществленія этой цѣли, прежде всего было необходимо имѣть на этой Средне-Азіатской окраинѣ прочную оборонительную линію на пространствѣ отъ укр. Вѣрнаго, до нашихъ фортовъ, возведенныхъ на Сыръ-Дарьѣ. Отсюда естественно выдвигался вопросъ о скорѣйшемъ соединеніи Сибирской и Оренбургской линій въ одну оборонительную линію, которая, въ случаѣ надобности, могла-бы служить и надежнымъ базисомъ для наступательныхъ дѣйствій. Должно замѣтить, что вопросъ о соединеніи означенныхъ линій сознавался нашимъ правительствомъ гораздо ранѣе. Еще въ 1854 г. особый комитетъ, обсуждавшій вопросъ о военно-административномъ устройствѣ нашихъ Средне-Азіатскихъ окраинъ, призналъ необходимымъ соединить Сибирскую и Оренбургскую линіи. Хотя предположеніе это и было утверждено, но по случаю Восточной войны не могло быть приведено въ исполненіе и было отложено до 1864 г., когда полковникъ Черняевъ, дѣйствовавшій со стороны Западной Сибири, занялъ кокандскія укрѣпленія Ауліэта, а генералъ Веревкинъ, двинувшійся съ отрядомъ со стороны Оренбургскаго края, овладѣлъ Туркестаномъ. Затѣмъ послѣдовало взятіе Чекмента и Ташкента и образованія такъ называемой кокандской линіи.

Рядъ дальнѣйшихъ военныхъ экспедицій, предпринятыхъ нами въ глубь Средней Азіи съ 1864—1867 г., сопровождавшихся блистательными успѣхами русскаго оружія, были ознаменованы присоединеніемъ къ Россіи части бывшаго кокандскаго ханства, которая вмѣстѣ съ райономъ передовой кокандской линіей образовала Туркестанскую область. Впослѣдствіи же, въ виду важнаго политическаго значенія Туркестанской области, какъ пограничной съ Китаемъ и независимыми мусульманскими владѣніями Центральной Азіи, а также для водворенія во вновь занятомъ краѣ надлежащаго благоустройства, упроченія русскаго владычества и вліянія въ Средней Азіи и, наконецъ, чтобы дать нашей военной основѣ во вновь занятомъ краѣ всю желаемую степень силы и твердости,—признано было необходимымъ образовать Туркестанское Генералъ-Губернаторство. Въ составъ его вошла упомянутая выше Туркестанская область Оренбургскаго вѣдомства и часть Семипалатинской области Сибирскаго вѣдомства, лежащая къ югу отъ Тарбагатайскаго хребта. Весь этотъ районъ вновь образованнаго края былъ первоначально раздѣленъ на двѣ области: Семирѣченскую и Сыръ-Дарьинскую.

Съ учрежденіемъ Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства вся Киргизская степь, какъ Оренбургскаго, такъ и Сибирскаго вѣдомства, сдѣлалась уже внутреннею областью Имперіи. А потому и возникалъ вопросъ: соотвѣтствуетъ-ли прежняя система управленія киргизами, болѣе согласованная съ пограничнымъ положеніемъ степи,—новымъ, болѣе современнымъ потребностямъ ея организаціи, могущимъ содѣйствовать окончательному слиянію этого края съ Россіей. Для всесторонняго разсмотрѣнія этого вопроса, требовавшаго изученія на мѣстѣ нашихъ Средне-Азіатскихъ окраинъ и составленія проекта новаго положенія объ управленіи киргизами Сибирскаго и Оренбургскаго вѣдомства была учреждена такъ называемая Степная комиссія. Высочайшее повелѣніе о командированіи членовъ этой комиссіи въ киргизскія степи состоялось въ 1865 г., и 31 октября 1868 г. было Высочайше одобрено составленное комиссіей Временное положеніе объ управленіяхъ въ областяхъ Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства, а также въ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. Такимъ образомъ, въ организаціи управленія сибирскими и оренбургскими киргизами произошелъ коренной переворотъ. Для того, чтобы разсмотрѣть въ какой степени онъ имѣлъ вліяніе на благосостояніе кочевого населенія киргизскихъ степей, необходимо сдѣлать краткій историческій обзоръ тѣхъ мѣръ, которыя были ранѣе приняты нашимъ правительствомъ относительно введенія въ киргизской степи надлежащаго устройства и управленія. Начало этому устройству собственно въ киргизской степи Сибирскаго вѣдомства было положено въ 1822 году графомъ Сперанскимъ изданіемъ устава о Сибирскихъ киргизахъ. Но при этомъ невольно рождается вопросъ, что было сдѣлано нами въ отношеніи управленія киргизами до Сперанскаго, т. е. до 1822 г.? Извѣстно изъ исторіи, что киргизы приняли русское подданство въ 1734 году, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Въ ознаменованіе этого подданства дана была грамота киргизскому хану о принятіи его со всѣмъ подвластнымъ ему киргизъ-кайсацкимъ народомъ въ подданство Россіи. Грамота эта была подписана Императрицею 10 іюля 1734 г. съ приложеніемъ государственной печати. Принятіе киргизами русскаго подданства въ теченіе почти ста лѣтъ не имѣло никакихъ практическихъ результатовъ.

Наши новые подданные по прежнему продолжали грабить наши купеческіе караваны, во время ихъ слѣдованія по киргизской степи. Вслѣдствіе чего, для защиты этихъ каравановъ, оказалось необходимымъ посылать съ ними казачьи отряды. Между тѣмъ, киргизы не ограничивались нападеніемъ на одиночныхъ

людей въ степи, но врывались въ наши ближайшія поселенія, грабили ихъ, а жителей увлекали въ плѣнъ. Для защиты отъ такого самоуправства нашихъ новыхъ подданныхъ, мы стали противъ нихъ въ оборонительное положеніе и оградили себя оборонительными линіями со стороны Оренбургской степи по р. Яику, а со стороны Сибирской степи—по р. Иртыщу, причемъ укрѣпленія на этихъ линіяхъ были заняты значительными гарнизонами.

Но опытъ показалъ, что и этого было мало: принявшіе наше подданство киргизы нисколько не стѣснялись этимъ обязательствомъ и не только продолжали грабить прилинейныя станицы и форпосты, но прорывались за р. Иртышъ и грабили горнозаводскія селенія. Чтобы избавиться отъ такого самоуправства киргизъ, командующій въ царствованіе Императрицы Екатерины II всѣми сибирскими линіями генералъ-поручикъ Шпрингеръ придумалъ такое средство: въ 1765 г. онъ далъ инструкцію комендантамъ всѣхъ Иртышскихъ крѣпостей, чтобы киргизы отнюдь не подходили къ р. Иртышу со своими табунами ближе 10-ти верстъ. Этимъ распоряженіемъ было положено начало такъ называемому нейтральному 10-ти верстному пространству, которымъ мы рѣшились отдѣлить отъ себя киргизъ.

Изъ этого видно, что, принявъ киргизскій народъ въ наше подданство, мы отъ этого ничего не выиграли. Напротивъ, по справедливому замѣчанію проф. В. В. Григорьева, послѣ принятія киргизами подданства Россіи, открылось такое зрѣлище, которое едва ли представляетъ исторія какого-либо европейскаго государства: отъ своихъ же подданныхъ мы, несмотря на всю нашу силу и мощь русскаго народа, начали ограждаться крѣпостями съ сильными гарнизонами и вмѣсто того, чтобы сблизиться съ нашими подданными, мы не допускали ихъ къ себѣ не только на ружейный выстрѣлъ, но даже на 10 верстъ [1]).

Впослѣдствіи, а именно въ 1815 г., это распоряженіе было значительно ослаблено дозволеніемъ киргизамъ переходить со своими табунами въ районъ земель этой полосы съ уплатою. такъ называемой ремонтной пошлины по весьма сложной таксѣ съ каждой головы рогатаго скота и лошадей отъ одного года до четырехъ и болѣе лѣтъ. Когда же киргизамъ дозволено было кочевать на правомъ берегу р. Иртыша съ уплатою ремонтной пошлины, казачье начальство стало собирать ремонтную пошлину и съ киргизъ, прикочевывавшихъ ближе 10 верстъ къ лѣвому берегу р. Иртыша. Съ 1880 г. ремонтная пошлина была отмѣнена.

[1]) Григорьевъ.

Управленіе киргизами на всемъ пространствѣ степи до начала XIX ст. было предоставлено наслѣдственнымъ ханомъ, утверждаемымъ въ этомъ достоинствѣ нашимъ правительствомъ.

Въ то время степь, обитаемая киргизами Сибирскаго вѣдомства, отдѣлялась отъ внутреннихъ сибирскихъ губерній Тобольской и Томской, такъ называемой Сибирской линіей, основанной въ началѣ XVIII вѣка. Эта линія простиралась отъ р. Тобола или отъ Звѣриноголовской крѣпости до верхняго Иртыша и раздѣлялась на два фланга: правый отъ Звѣриноголовской крѣпости до Омска, называемой Горькой линіей, и лѣвый—отъ Омска до южныхъ предѣловъ линіи, извѣстной подъ названіемъ Иртышской линіи. Всѣ киргизы, около 11 тыс., кочевавшіе въ районѣ Сибирской линіи, или въ смежной съ нею части округовъ (уѣздовъ) Сибирскихъ губерній, находились въ вѣденіи пограничной комиссіи, въ составѣ двухъ чиновниковъ, непосредственно подчиненныхъ командиру сибирскаго отдѣльнаго корпуса, имѣвшаго мѣстопребываніе въ Омскѣ [1]). Означенная комиссія завѣдывала дѣлами киргизовъ, жившихъ на линіи или внутри ея. Относительно же киргизъ внѣ линіи она не имѣла никакой власти и только входила съ ними въ сношенія для обезпеченія каравановъ отъ разграбленія и свободнаго ихъ слѣдованія по степямъ [2]).

При такомъ положеніи дѣлъ въ районѣ Сибирской линіи существовало два управленія: военному линейному начальству подчинялись по мѣстному положенію всѣ укрѣпленія и форпосты, расположенные по Сибирской линіи, въ томъ числѣ и города: Петропавловскъ и Семипалатинскъ. Тѣ же города по уѣзду, а равно и расположенныя въ томъ же районѣ деревни,—принадлежали къ гражданскому вѣдомству. Кочевавшіе же между селеніями и почти внутри уѣздовъ до 11 тыс. киргизъ судомъ и расправой вѣдались въ крѣпостяхъ и гражданское начальство о нихъ свѣдѣній не имѣло.

Можно себѣ представить какое управленіе существовало при подобныхъ порядкахъ въ пограничномъ районѣ. Смѣшеніе властей и затрудненія въ разборѣ ссоръ и обоюдныхъ притязаній,—когда каждый случай хищенія или обиды требовалъ съѣзда двухъ начальствъ, подавалъ поводъ къ обширной перепискѣ и притомъ не о существѣ дѣла, но о его подсудности и образѣ производства [3]).

[1]) Обозрѣніе главныхъ основаній мѣстнаго управленія Сибири, стр. 62—65.
[2]) Бѣлявскій. Матеріалы по Западной Сибири, стр. 32—33.
[3]) Обозрѣніе главныхъ основаній мѣстнаго управленія Сибири, стр. 12.

Таково было положеніе дѣлъ по управленію киргизами въ началѣ XIX стол., когда графъ Сперанскій долженъ былъ приступить къ разработкѣ Устава о Сибирскихъ киргизахъ. Понятно, что введеніе надлежащаго устройства и управленія въ средѣ необузданнаго, полудикаго кочевого населенія киргизскихъ степей представлялось не легкой задачей. Она тѣмъ болѣе усложнялась, что и самый вопросъ объ организаціи управленія киргизами оказался въ дѣйствительности не только хотя сколько-нибудь разработаннымъ, но онъ даже вовсе не былъ и затронутъ. Несмотря однакоже на всѣ встрѣченныя затрудненія, Сперанскій при его обширныхъ свѣдѣніяхъ и опытности, пріобрѣтенной имъ въ дѣлахъ высшаго государственнаго управленія, вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій. Составленный имъ Уставъ о Сибирскихъ киргизахъ представляетъ собою актъ громадной государственной важности не только потому, что онъ положилъ начало введенію между киргизами надлежащаго устройства и управленія, но и по его значенію въ политическомъ отношеніи. Онъ служитъ блестящимъ памятникомъ проницательнаго и дальновиднаго ума графа Сперанскаго, къ сожалѣнію, по словамъ графа М. А. Корфа, недостаточно оцѣненнаго современниками.

Прежде всего должно сказать, что съ введеніемъ русскаго управленія въ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства по проекту графа Сперанскаго и учрежденіемъ въ ней, такъ называемыхъ, внѣшнихъ округовъ ханская власть въ Средней ордѣ совершенно упразднялась и притомъ безъ всякихъ осложненій, чему благопріятствовало то обстоятельство, что по смерти послѣдняго хана Букея въ 1819 г. и хана Валія въ 1821 г., дальнѣйшаго избранія въ ханы не производилось. Упраздненіе ханскаго достоинства въ Средней ордѣ состоялось и безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ китайскимъ правительствомъ, которое въ теченіе всей первой половины XIX стол. постоянно оспаривало у насъ право на владѣніе киргизами Средней и Большой орды. Хотя киргизскіе ханы и присягали на подданство Россіи, но власть хановъ въ ордѣ была ничтожна. Вслѣдствіе чего и самое подданство намъ киргизъ сказывалось мнимымъ и они, въ сущности, были независимы. Съ введеніемъ же, по проекту Сперанскаго, русскаго управленія въ степяхъ подданство киргизъ сдѣлалось уже не мнимымъ, а дѣйствительнымъ, и киргизы въ то же время были обложены податями. Наконецъ, въ Уставѣ о Сибирскихъ киргизахъ Сперанскимъ была намѣчена и будущая государственная граница въ Средней Азіи. Въ § 316 этого Устава указывалось, что войска, занимающія Сибирскія линіи, постепенно подвигаясь впередъ, должны кончить постояннымъ

утвержденіемъ себя на дѣйствительной государственной границѣ. Это указаніе, при ближайшемъ руководствѣ и наблюденіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, было исполнено съ буквальною точностью. Поступательное движеніе наше въ глубь Средней Азіи привело насъ къ колоссальному горному хребту Тянь-Шаню, по направленію котораго и была окончательно установлена наша государственная граница съ Китаемъ, на основаніи Пекинскаго трактата.

Со времени изданія Устава о Сибирскихъ киргизахъ въ теченіе послѣдующихъ пятидесяти лѣтъ въ политическомъ положеніи киргизъ, какъ уже было подробно изложено выше, произошли значительныя перемѣны. Онѣ состояли въ томъ, что въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія китайцы совершенно утратили свою власть и вліяніе надъ киргизами на юго-востокѣ степного края. Власть эта перешла къ кокандцамъ. Со взятіемъ же въ шестидесятыхъ годахъ зачуйскихъ укрѣпленій, окончательно утвердилась власть и вліяніе Россіи надъ киргизами и на всемъ пространствѣ южной окраины степи. Но всѣ эти перемѣны въ политическомъ положеніи киргизъ не коснулись однакоже внутренняго состоянія мѣстнаго кочевого населенія киргизскихъ степей, т. е. народнаго быта, образа жизни, нравовъ и обычаевъ киргизскаго народа, которые оставались такими же, какими были и при Сперанскомъ. Составленный имъ Уставъ о Сибирскихъ киргизахъ былъ вполнѣ примѣненъ къ народному быту, основные устои котораго остались въ прежней неприкосновенности. Въ такомъ положеніи сохранилось и родовое начало, не утратившее при Сперанскомъ своего прежняго значенія. Обстоятельство это подтверждается содержаніемъ § 8-го Устава о Сибирскихъ киргизахъ, въ которомъ сказано, что округа преимущественно составляются изъ тѣхъ волостей, кои, считаясь въ *одномъ родѣ* или *поколѣніи*, обыкли уже быть совокупно и изъ волостей имъ сосѣдственныхъ, слѣдовательно родственныхъ между собою.

Реформа Сперанскаго по управленію киргизами коснулась только Сибирской степи. Управленіе же киргизской степью Оренбургскаго вѣдомства производилось на совершенно другихъ основаніяхъ не имѣющихъ ничего общаго съ Уставомъ о Сибирскихъ киргизахъ. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности оказывалось полное отсутствіе единства въ управленіи всѣмъ степнымъ краемъ, населеннымъ одною и тою же народностью. Несмотря однакоже на все неудобство управлять однимъ и тѣмъ же народомъ по двумъ административнымъ системамъ, рѣзко отличающимся одна отъ другой, нами до 1868 г. ничего не было сдѣлано въ этомъ

отношеніи. Неудобства, вызываемыя двойственностью управленія киргизами, усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нерѣдко по одному и тому же вопросу, относящемуся до киргизъ, существовало какъ у центральнаго правительства, такъ и у высшихъ мѣстныхъ властей самые разнообразные взгляды. Генералъ-Губернаторы, смѣняя другъ друга, не только не старались поддерживать и проводить реформы, начатыя ихъ предмѣстниками, но дѣйствовали въ совершенно противоположномъ духѣ, руководствуясь въ этихъ случаяхъ своими личными соображеніями и взглядами. Такъ Оренбургскій Ген.-Губ. Сухтеленъ находилъ, что киргизъ слѣдуетъ удерживать во что бы то ни стало въ кочевомъ состояніи. Того же взгляда держался и графъ Перовскій. Преемникъ его Обручевъ пришелъ къ противоположному убѣжденію и находилъ возможнымъ и полезнымъ сдѣлать киргизъ осѣдлыми, Когда же Перовскій вновь былъ назначенъ вмѣсто Обручева, то онъ всемѣрно старался укоренить свой прежній взглядъ, т. е. чтобы, въ противность мнѣнію Обручева, слѣдуетъ оставить киргизъ въ кочевомъ состояніи и въ этихъ видахъ строго запретилъ устройство въ степи землянокъ и мазанокъ и вообще всякаго рода постоянныхъ жилищъ [1]). Замѣнившій Перовскаго Катенинъ держался взгляда, діаметрально противоположнаго его предмѣстнику Перовскому, и склонялся къ идеямъ Обручева. По словамъ графа Д. Н. Толстого, пока киргизы Оренбургскаго вѣдомства были въ вѣдѣніи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, управленіе ими было разумное. Это министерство стремилось поселить въ нихъ убѣжденіе, что принадлежность Россіи для нихъ выгоднѣе, чѣмъ тянуть къ Бухарѣ и Хивѣ. Когда же этотъ народъ поступилъ въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, всякая мысль изсякла изъ управленія и дѣла киргизовъ подчинились той мертвящей рутинѣ, которою отличается дѣлопроизводство нашихъ департаментовъ вообще.

Чтобы дать понятіе, говоритъ графъ Толстой, о томъ логическомъ безпорядкѣ въ распоряженіяхъ мѣстныхъ Генералъ-Губернаторовъ, достаточно напр. сказать, что графъ Перовскій находилъ вреднымъ допускать киргизъ до осѣдлости, генералъ же Безакъ признавалъ удобнымъ ввести между ними положеніе о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года. Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири Казнаковъ (1875—1881), признавая крайне желательнымъ осторожно, безъ стѣсненій кочевниковъ, сближеніе русскаго населенія съ киргизами, указывалъ на необходимость при-

[1]) Веселовскій. В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ, стр. 209.

влеченія въ киргизскую степь русскихъ крестьянъ [1]). Акмолинскій же губернаторъ Ливенцовъ и Степной Генералъ-Губернаторъ Колпаковскій (1883—1890) имѣли на это дѣло совершенно противоположный взглядъ и утверждали, что Акмолинская область не можетъ быть заселена русскими, такъ какъ здѣсь совершенно нѣтъ годныхъ для культуры земель и что съ другой стороны только киргизы имѣютъ здѣсь право на землю и могутъ приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ. Генералъ-Губернаторъ Таубе, совершенно расходясь во мнѣніи по этому же самому вопросу со своимъ предмѣстникомъ Колпаковскимъ, дѣйствовалъ въ діаметрально противоположномъ направленіи, т. е. въ явное противорѣчіе съ распоряженіями Колпаковскаго. Такъ, вскорѣ по прибытіи своемъ въ край, Таубе, не обращая никакого вниманія на вышеприведенное мнѣніе Колпаковскаго, призналъ возможнымъ допустить крестьянскую колонизацію въ Акмолинской области и тотчасъ же распорядился поселить въ двухъ уѣздахъ этой области: Кокчетовскомъ и Петропавловскомъ около 8½ тыс. душъ мужского пола [2]).

Чтобы возстановить разумное направленіе въ дѣлѣ управленія киргизами, графъ Толстой полагалъ предоставить мѣстному начальству *полную свободу дѣйствій* въ разрѣшеніи мѣстныхъ интересовъ, оставляя за министерствомъ обязанность вести этотъ народъ къ цѣли, которую бы онъ сознательно избралъ. Придерживаясь этой вполнѣ основательной мысли графа Толстого, сколько я ее понимаю, казалось бы, что въ данномъ случаѣ было бы болѣе соотвѣтственнымъ предварительно выработать, по взаимному соглашенію подлежащихъ министерствъ, тѣ основы, которыя должны служить руководящими началами и указаніями для систематической разработки на мѣстѣ проекта положенія объ управленіи всѣми вообще киргизами, какъ Сибирскаго, такъ и Оренбургскаго вѣдомства. Вслѣдствіе чего всѣ противорѣчія во взглядахъ по одному и тому же вопросу, относящемуся до киргизскаго быта устранялись бы сами собой. Затѣмъ на основаніи этихъ руководящихъ началъ, согласованными съ общими государственными видами и соображеніями политическаго характера, приступить уже на мѣстѣ къ пересмотру существовавшихъ тогда узаконеній объ управленіи киргизами, объединить ихъ и ввести одну общую однообразную систему управленія для всѣхъ вообще киргизъ. Самую разработку проекта новаго положенія производить подъ руковод-

[1]) Колонизація Сибири, стр. 201.

[2]) Остафьевъ. Колонизація Степныхъ областей. Записки Зап. Сиб. Отдѣла Географич. Общества. Книга XVIII, выпускъ II, стр. 11.

ствомъ Генералъ-Губернаторовъ въ особыхъ мѣстныхъ комиссіяхъ, составленныхъ изъ лицъ по назначенію Генералъ-Губернаторовъ, съ приглашеніемъ свѣдущихъ людей, основательно и въ полной мѣрѣ знакомыхъ съ киргизской степью и всѣми условіями народнаго быта кочевого населенія. Такое мѣропріятіе, повидимому, вполнѣ согласуется и съ современными взглядами правительства на значеніе мѣстной власти, которой, на основаніи Высочайшаго манифеста 26-го февраля 1903 года, предоставлена широкая самостоятельность. Но къ сожалѣнію, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія на подобныя дѣла существовали другіе взгляды. Тогда находили, что разсмотрѣніе и рѣшеніе вопросовъ, относящихся до мѣстныхъ нуждъ и потребностей спеціальнаго характера, должны всецѣло зависѣть отъ центральныхъ учрежденій безъ прямого участія мѣстной власти въ краѣ. Должно однако же замѣтить, что въ то время и даже ранѣе слышались иногда одинокіе голоса, возстававшіе противъ этого порядка.

Такъ проф. В. В. Григорьевъ еще въ 1857 г. находилъ, что намъ нужно прежде всего, чтобы руки у насъ были развязаны, чтобы ослабленъ былъ гнетъ централизаціи, чтобы на окраинахъ могли люди подумать о своихъ нуждахъ своимъ умомъ и предпринять что-нибудь исключительно до нихъ касающіеся безъ цензуры и контроля хозяйственныхъ департаментовъ и попечительныхъ комиссій [1]).

Нѣкоторые оправдываютъ учрежденіе Степной комиссіи тѣмъ, что члены ея обязаны были производить объѣзды киргизскихъ степей; слѣдовательно, комиссія имѣла полную возможность ознакомиться на самомъ мѣстѣ съ нуждами и потребностями народа. Очень хорошо. Но при этомъ возникаетъ вопросъ, можно ли ознакомиться съ народомъ и изучить его своеобразный бытъ во время летучихъ объѣздовъ громадныхъ степныхъ пространствъ? По словамъ извѣстнаго знатока киргизскаго быта Левшина, чтобы только исчислить всѣ киргизскія поколѣнія, роды, отдѣленія родовъ и отрасли отдѣленій необходимо долговременное пребываніе съ киргизами не только въ каждомъ отдѣленіи рода, но и въ каждой части отдѣленія [2]) По словамъ одного изъ членовъ Степной же комиссіи Гейнса, до тѣхъ поръ не будутъ наши власти знать степей, покуда онѣ не будутъ жить въ степяхъ и покуда Генералъ-Губернаторы не станутъ дышать степнымъ воздухомъ

[1]) Веселовскій. В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ, стр. 156.

[2]) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. Часть III, стр. 6.

и поневолѣ изучать киргизъ, живя среди нихъ [1]). Словомъ сказать, дѣло это является результатомъ *долгаго и всесторонняго изученія* народныхъ обычаевъ, быта и характера кочевого населенія и вообще полнаго знакомства съ народною жизнью. Во всякомъ случаѣ, если мы рѣшились приступить къ реформамъ киргизской степи, то дѣлать это, повидимому, слѣдовало съ нѣкоторой осторожностью, столь необходимою во всякомъ новомъ дѣлѣ, еще не испытанномъ на практикѣ. По мнѣнію лицъ, хорошо знающихъ степь, киргизовъ никогда не слѣдуетъ запугивать многими нововведеніями, которыя нерѣдко могутъ привести къ отрицательнымъ результатамъ. Всякое улучшеніе, въ особенности въ области хозяйственнаго быта, тогда только можетъ быть успѣшнымъ, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, безъ правительственной опеки и сопряженныхъ съ нею принудительныхъ мѣръ. Вообще киргизамъ не слѣдуетъ навязывать того, что даже и въ Европейской части Россіи находится въ зачаточномъ состояніи и примѣнять къ нимъ тѣ административныя формы, которыя установлены для осѣдлаго населенія. Понятно, что примѣненіе этихъ формъ въ полной мѣрѣ къ кочевому населенію могло бы состояться только въ томъ случаѣ, когда киргизы по своему умственному и нравственному развитію хотя сколько-нибудь сравнялись бы съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. До этого же времени вводить у киргизъ учрежденія и порядки, установленные для осѣдлаго населенія, было бы преждевременно и равносильно тому, если бы мы, какъ выразился одинъ изъ членовъ киргизской комиссіи, не голову стали бы примѣнять къ шапкѣ, а шапку къ головѣ [2])

Противъ крутыхъ и насильственныхъ мѣръ по отношенію къ киргизамъ вооружался также и проф. В. В. Григорьевъ. [3])

По его мнѣнію: «ломать хозяйственный бытъ народа никто не имѣетъ права, какъ бы предполагаемыя преобразованія не казались благодѣтельны. Опытъ учитъ, что все насильственное непрочно, все несвоевременное—гнило. Судьею же въ вопросѣ о своевременности можетъ быть только самъ народъ. Когда почва для того или другого явленія выработается, оно возникнетъ само собою и возникнетъ несокрушимо. Возбуждать же это явленіе искусственно, значитъ насиловать организмъ».

Между тѣмъ, Степная комиссія, какъ будетъ болѣе подробно изложено ниже, признала необходимымъ безотлагательно произ-

[1]) Гейнсъ. Собраніе литературныхъ трудовъ. Часть II, стр. 68.

[2]) Котельниковъ. Инородческій вопросъ въ Россіи. Наблюдатель. Іюнь 1897.

[3]) Веселовскій. В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ. Стр. 212.

вести коренную реформу по управленію киргизскими степями, находя, что назначеніе комиссіи состояло въ томъ, чтобы видоизмѣнить всѣ условія степной жизни. Такой крутой поворотъ къ новымъ порядкамъ и радикальныя мѣры, измѣнявшія прежнія формы административнаго устройства въ степяхъ Оренбургскаго вѣдомства, на первыхъ же порахъ при введеніи новаго положенія не обошлись безъ волненій и безпокойствъ въ степи. Этому благопріятствовало также поспѣшное и неумѣлое введеніе новаго положенія объ управленіи киргизами, разработаннаго Степною комиссіею, которое, по словамъ К. А. Скальковскаго, называли въ шутку киргизской конституціей. Она даровала киргизамъ разныя отвлеченныя права въ духѣ esprit des lois, но лишила части покосовъ, отданныхъ казакамъ и ограничила свободу перекочевокъ, а для кочевниковъ сѣно важнѣе свободы печати и свободы ассоціацій [1]). Какъ бы то ни было, но торопливое введеніе этого положенія въ областяхъ Оренбургскаго края: Уральской и Тургайской возбудило, какъ сказано выше безпорядки и смуту между киргизами.

По словамъ Н. Г. Залѣсова, губернаторы не подумали заранѣе подготовить народъ къ новой системѣ управленія, а между тѣмъ, откладывать введеніе новаго положенія имъ не хотѣлось, потому что по вновь проектированнымъ штатамъ содержаніе губернаторовъ было значительно увеличено. Мѣры, предложенныя на первыхъ порахъ губернаторами, нисколько не соотвѣтствовали обстоятельствамъ дѣла и тому важному значенію вводимой реформы, измѣнявшей кореннымъ образомъ прежнюю систему управленія киргизами.

Н. Г. Залѣсовъ занималъ въ то время отвѣтственную должность начальника штаба Оренбургскаго округа и превосходно былъ освѣдомленъ со всѣмъ этимъ дѣломъ. Въ его воспоминаніяхъ встрѣчаются весьма важныя фактическія свѣдѣнія, полная достовѣрность и правдивость которыхъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Судя по сдѣланному имъ описанію безпокойствъ, возникшихъ въ киргизской степи при самомъ введеніи въ ней новаго положенія, составленнаго Степной комиссіей, оказывается, что когда киргизамъ нужно было объявлять это положеніе, оно не было еще переведено на киргизскій языкъ и не было распространено въ степи. Впопыхахъ, вмѣсто того, чтобы обратиться для печатанія положенія въ Окружный Штабъ, въ типографіи котораго имѣлся киргизскій шрифтъ, отправили положеніе для печатанія въ Казань и притомъ въ то время, когда чиновники, которые должны были объявлять киргизамъ новое положеніе, уже готовы были ѣхать въ степь. Понятно, что киргизскій переводъ этого положенія пришелъ въ Оренбургъ изъ Казани уже тогда, когда начался мятежъ въ степи. Броженіе умовъ въ классѣ людей, наиболѣе вліятельныхъ, какъ напр.—лицъ султанскаго происхожденія и муллъ, также значительно усилилось. При ихъ участіи явились толкователи, объяснявшіе киргизамъ новое положеніе въ совершенно превратномъ видѣ. При такомъ настроеніи умовъ въ средѣ степного кочевого населенія, оно начало выказывать уже явное неповиновеніе властямъ. Такъ киргизы прямо объявили чиновникамъ, что слушать ихъ не хотятъ и положеніе не принимаютъ. Самый выборъ чиновниковъ былъ крайне удаченъ.

[1]) К. А. Скальковскій. Наши государственные и общественные дѣятели, стр. 191.

Въ Петербургѣ, по словамъ Н. Г. Залѣсова, не придавали особеннаго значенія возникшимъ въ степи волненіямъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности киргизы уже взялись за оружіе, и мятежъ, постепенно усиливаясь, готовъ былъ принять обширные размѣры. Такое неблагопріятное положеніе дѣлъ усложнялось еще тѣмъ, что въ Оренбургской степи мы не имѣли въ то время твердыхъ опорныхъ пунктовъ и постояннаго при нихъ вооруженнаго населенія, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ киргизской степи Сибирскаго вѣдомства, гдѣ уже давно были возведены укрѣпленія и водворено казачье населеніе. Приходилось въ одно и то же время усмирять возмутившихся киргизъ и возводить новыя укрѣпленія въ степи. На первый разъ было рѣшено построить два новыхъ укрѣпленія на Акъ-Тюбе и на Уилѣ. Ко всѣмъ этимъ неудобствамъ присоединялся еще и крайній недостатокъ регулярныхъ войскъ, состоявшихъ лишь изъ трехъ баталіоновъ. При такихъ обстоятельствахъ, казаки оказали большую помощь. Двѣ сотни ихъ были немедленно направлены въ степь и, несмотря на суровую зиму, опрокинули киргизскія шайки и заняли Эмбенское укрѣпленіе, совершенно отрѣзанное отъ линіи. Затѣмъ было приступлено къ формированію четырехъ отрядовъ для высылки ихъ раннею весною въ степь; какъ для возведенія укрѣпленій, такъ и для подавленія безпорядковъ въ степи призванъ экстренно на службу одинъ баталіонъ пѣшихъ Оренбургскихъ казаковъ. Высланные въ степь отряды, подъ начальствомъ подполковника Штемпеля, флигель-адъютанта полковника графа Борха, полковника графа Комаровскаго и подполковника Веревкина дѣйствовали удачно: мятежниковъ погнали къ Усть-Урту, гдѣ и слѣдовало, по справедливому замѣчанію Н. Г. Залѣсова, нанести мятежу

рѣшительный ударъ. Но исполнить это было затруднительно по недостатку войскъ, а главное — рѣшимости двигать отрядъ въ далекій Усть-Уртъ, гдѣ возмутившихся киргизъ поддерживала Хива. Вообще водворить порядокъ и спокойствіе въ степи одною военной силой было недостаточно. Необходимо было и участіе въ этомъ дѣлѣ гражданскаго начальства. Къ сожалѣнію новая гражданская администрація не пользовалась довѣріемъ киргизъ. Вслѣдствіе чего, по удостовѣренію Н. Г. Залѣсова, степь была далеко не усмирена и мы были вынуждены даже въ теченіе четырехъ послѣдующихъ лѣтъ, до самой экспедиціи К. П. Кауфмана въ Хиву, постоянно высылать отряды изъ Оренбурга за р. Эмбу.

Всѣ приведенныя выше свѣдѣнія о безпокойствахъ и волненіяхъ, возникшихъ въ Оренбургской степи при введеніи въ ней новаго положенія, служатъ яркимъ показателемъ, что какъ при составленіи проекта степного положенія, такъ и при осуществленіи его на практикѣ, повидимому, не были соблюдены необходимыя при подобныхъ реформахъ въ средѣ кочевого населенія степей — постепенность въ дѣйствіяхъ и осторожность. На эти факторы постоянно указывалъ извѣстный знатокъ киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства проф. Григорьевъ, бывшій виднымъ дѣятелемъ и ближайшимъ сотрудникомъ Генералъ-Губернаторовъ: графа Перовскаго и Катенина и занимавшій отвѣтственный постъ по управленію Оренбургскими киргизами въ званіи предсѣдателя Оренбургской пограничной комиссіи. Онъ постоянно вооружался, какъ мы уже видѣли, противъ крутыхъ и насильственныхъ мѣръ и всегда былъ убѣжденнымъ сторонникомъ того мнѣнія, что прямое вмѣшательство администраціи въ хозяйственный бытъ народа никогда не ведетъ къ добру. Но если будетъ обезпечена людямъ личная безопасность и правый судъ, то промышленность, а за нею и матеріальное благостостояніе разовьются сами собою [1]).

По словамъ Н. И. Веселовскаго, В. В. Григорьевъ на томъ же киргизскомъ народѣ видѣлъ, чего можно достигнуть осторожностью и умѣренностью. Подтвержденіемъ этому можетъ служить обложеніе Оренбургскихъ киргизъ кибиточной податью, которая вводилась у нихъ постепенно, начиная съ 1863 г. Осуществленіе этой мѣры безъ всякихъ волненій и безпорядковъ, сопровождающихъ обыкновенно нововведенія, противныя тысячелѣтнимъ обычаямъ и личнымъ интересамъ каждаго, представляетъ собою фактъ весьма знаменательный. В. В. Григорьевъ былъ первый,

[1]) Веселовскій. В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ. Стр. 221.

которому принадлежитъ мысль объ освобожденіи прилинейныхъ киргизовъ изъ-подъ управленія султановъ-правителей. Но находя, что киргизовъ слѣдуетъ подчинить русской власти болѣе непосредственно, чѣмъ было прежде, онъ въ то же время видѣлъ, что далеко еще не вся степь можетъ быть сразу удобно и безъ потрясенія подчиниться управленію русскихъ чиновниковъ вмѣсто султановъ-правителей, а потому предлагалъ для успѣха дѣла осуществлять это преобразованіе постепенно. Послѣдующія событія показали, какъ мы уже видѣли, всю основательность этой мысли. По этому важному вопросу имъ была подана еще въ 1859 г. докладная записка. Но къ сожалѣнію, на всѣ эти въ полной мѣрѣ основательныя и поучительныя мнѣнія и указанія В. В. Григорьева, не было, повидимому, обращено должнаго вниманія позднѣйшими реформаторами, никогда не видѣвшими степи, но задумавшими ее демократизировать. По справедливому замѣчанію Н. И. Веселовскаго, «либеральное направленіе времени требовало и реформъ либеральныхъ. Началась ломка и переустройство степи, а вслѣдъ затѣмъ описанный выше бунтъ въ 1869 г. Въ Оренбургѣ при гражданскомъ управленіи не нашлось ни одного лица, понимавшаго край и знавшаго его особенности, которое своимъ авторитетомъ могло бы отвратить бѣду, что не отвергаетъ и Н. Г. Залѣсовъ. Результаты извѣстны: народъ раззоренъ, скотъ истребленъ, а усмиреніе степи стоило намъ нѣсколько милліоновъ» [1]).

Въ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства, а также въ Туркестанскомъ краѣ, введеніе новаго положенія не встрѣтило на первыхъ порахъ особыхъ затрудненій и не возбудило никакихъ безпокойствъ и волненій. Причина этому, повидимому, заключается въ томъ, что къ принятію новаго положенія Сибирскіе киргизы были подготовлены заблаговременно путемъ разъясненія имъ мѣстной администраціей сущности этого положенія. Притомъ и самая реформа вводилась исподволь и неторопливо. Наконецъ, въ Сибирской степи, у насъ были сборные пункты и водворено въ ней вооруженное населеніе. А потому, мы всегда имѣли полную возможность при всякой малѣйшей попыткѣ къ неповиновенію властямъ на первыхъ же порахъ воздержать киргизъ отъ этихъ враждебныхъ проявленій.

Отсюда видно, что водвореніе вооруженнаго населенія во внутренней части Сибирской степи и возведеніе въ ней укрѣпленій, служившихъ опорными пунктами неоспоримо имѣло въ

[1]) Веселовскій. В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ, стр. 224—225.

данномъ случаѣ вопреки мнѣнію Степной комиссіи, важное значеніе. Въ составленномъ Степной комиссіи положеніи объ управленіи киргизами было признано необходимымъ сдѣлать слѣдующія коренныя измѣненія въ прежде существовавшемъ порядкѣ этого управленія, установленнымъ Уставомъ о Сибирскихъ киргизахъ и позднѣйшими узаконеніями: 1) для постепеннаго слiянія Степного края съ Россiей признавалось необходимымъ ввести въ немъ русскую администрацію, примѣнительно къ общимъ учрежденіямъ Имперіи съ нѣкоторыми частными отступленіями, согласованными съ особенностями своеобразнаго быта кочевого населенія степей; 2) устранено раздвоеніе въ управленіи казачьимъ и туземнымъ населеніемъ въ степи. Это раздвоеніе всегда служило поводомъ къ постояннымъ столкновеніямъ между казачьимъ населеніемъ и Окружными приказами, и нѣсколько напоминало собою описанныя выше неудобства, порождавшія столкновенія гражданскаго начальства съ линейнымъ военнаго вѣдомства, на которое указывалъ Сперанскій. На этомъ основаніи казаки и киргизы были подчинены одному общему начальству; 3) по соображеніямъ, приведеннымъ въ первомъ пунктѣ, дѣленія на округа замѣнены дѣленіемъ на уѣзды; 4) упразднены установленные Уставомъ о Сибирскихъ киргизахъ—приказы, и существовавшее въ нихъ коллегіальное управленіе замѣнено одноличною властью уѣзднаго начальника; 5) по мнѣнію Степной комиссіи, самостоятельность народнаго суда была поколеблена Уставомъ о Сибирскихъ киргизахъ. А потому признано необходимымъ предоставить киргизамъ судиться по мѣстнымъ обычаямъ съ возможнымъ распространеніемъ правъ народнаго суда; 6) отмѣненъ установленный Уставомъ о Сибирскихъ киргизахъ ясачный сборъ и замѣненъ кибиточной податью. Комиссія нашла, что производящаяся на основаніи § 134 Устава о Сибирскихъ киргизахъ ясачная подать скотомъ со ста головъ—одну, за исключеніемъ верблюдовъ, совершенна вѣрна только въ теоріи. На практикѣ же богатые киргизы платятъ менѣе, а бѣдные нерѣдко болѣе того, что съ нихъ слѣдуетъ. Кибиточный сборъ легче контролировать, нежели ясачный, при которомъ встрѣчается положительная невозможность вѣрнаго исчисленія скота.

Изъ этого перечня измѣненій, сдѣланныхъ Степной комиссіей въ существовавшихъ прежде узаконеніяхъ относительно управленія киргизами, видно, что они коснулись нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ киргизскаго быта и произвели въ немъ радикальныя измѣненія. Такъ новымъ положеніемъ было значительно ослаблено родовое начало, имѣющее важное значеніе во внутреннемъ бытѣ киргизскаго народа.

Для объясненія этихъ обстоятельствъ должно сказать, что родовое начало возникло у киргизъ въ самыя отдаленныя времена, когда группировка ордынцевъ по родамъ и племенамъ и въ еще болѣе крупныя массы вызывалась необходимостью самозащиты. Въ тѣ времена, т. е. въ XVII и въ началѣ XVIII ст. киргизы были со всѣхъ сторонъ угрожаемы враждебными имъ народностями: на востокѣ чжунгарами, на западѣ башкирами, а на югѣ частью чжунгарами, а частью мусульманскимъ населеніемъ Средне-Азіатскихъ ханствъ. Эта необходимость самозащиты заставляла киргизскіе роды по призыву избранныхъ вождей съ неимовѣрной быстротой стекаться со всѣхъ сторонъ для совмѣстнаго отраженія своихъ враговъ.

Собравшись, такимъ образомъ, въ одномъ мѣстѣ, имѣющемъ центральное положеніе въ степи и помня, что въ единеніи сила, киргизы готовились встрѣтить набѣги сосѣднихъ кочевыхъ племенъ. Изъ числа этихъ сосѣдей самыми опасными врагами киргизъ—были полчища чжунгаровъ.

Отсюда видно, что объединеніе киргизскихъ родовъ и другихъ болѣе значительныхъ группъ въ прежнія времена поддерживалось и укрѣплялось сознаніемъ общности интересовъ и обусловливалось потребностью самозащиты. Впослѣдствіи же, когда Чжунгарія пала подъ ударами китайцевъ въ 1757 г., положеніе дѣлъ въ степи совершенно измѣнилось. Миролюбивое китайское правительство дѣйствовало совершенно иначе, нежели чжунгары и дозволило киргизамъ съ разрѣшенія Императора правленія Цянь-Лунь кочевать за озеромъ Балхашемъ.

Это время, т. е. вторая половина XVIII и первая половина прошлаго столѣтія, было періодомъ самаго широкаго развитія экономическаго быта киргизъ. Не сдерживаемые почти никакими препятствіями въ распространеніи своихъ кочевьевъ, киргизы, въ полномъ смыслѣ слова, были тогда пастушескимъ народомъ и, если встрѣчали нѣкоторыя стѣсненія, вслѣдствіе начавшагося водворенія въ степи русскаго вооруженнаго населенія, то въ первое время эти стѣсненія киргизъ въ землевладѣніи были вообще незначительны. Словомъ сказать вся необъятная степь находилась въ исключительномъ пользованіи киргизъ, которые занимали на ней для своихъ лѣтнихъ и зимнихъ стойбищъ мѣстности какія хотѣли и переносились со своими стадами на громадныя пространства, прогрессивно расширяя свои кочевые районы преимущественно въ восточномъ направленіи и, какъ было упомянуто выше, даже далеко за линію постоянныхъ китайскихъ пикетовъ. Понятно, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ киргизы, встрѣчая повсюду

обильныя богатыя пастбища, могли въ высокой степени развить свое скотоводство. По установившимся въ то время обычаямъ лѣтнія стойбища находились въ общемъ владѣніи. На зимнихъ же стойбищахъ они группировались по родамъ, изъ коихъ каждый занималъ извѣстный районъ. При этомъ богатые и вліятельные родоначальники занимали со своими родовичами болѣе обширные и богатые угодьями земельные участки.

Таково было положеніе дѣлъ въ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства до двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Съ введеніемъ же въ Средней ордѣ русскаго управленія, а главное съ водвореніемъ въ степи вооруженнаго населенія, киргизы, естественнымъ образомъ, должны были ограничить прежнюю свободу въ пользованіи пастбищами и другими земельными угодьями. Но съ другой стороны введеніе русскаго управленія и развитіе русской военной колонизаціи въ киргизскихъ степяхъ неоспоримо много содѣйствовало къ водворенію въ нихъ надлежащаго порядка и спокойствія. Съ этого времени грабежи купеческихъ каравановъ въ степи, взаимная вражда и набѣги сосѣднихъ племенъ и междоусобія между родами стали повторяться значительно рѣже и вообще волненія въ степи постепенно улеглись. Съ умиротвореніемъ же степного края, когда въ немъ установилось должное спокойствіе, киргизамъ уже не было необходимости соединяться въ крупныя общины для самозащиты, подобно тому, какъ это было во время чжунгаровъ. Это обстоятельство, а также и начавшаяся колонизація степи, поколебали родовые союзы. Дробленію ихъ не мало содѣйствовали и волненія въ степи во время Кенисаринскаго бунта и дунганской смуты, когда киргизы увлекались грабежомъ и покидали свои зимовки, а по возвращеніи находили ихъ занятыми другими родами. При дальнѣйшемъ же развитіи степной колонизаціи, сначала обязательной, а затѣмъ свободной, киргизскія стойбища, а въ особенности зимовки, не могли уже занимать прежнихъ обширныхъ районовъ, и уступая свои стойбища подъ русское осѣдлое водвореніе, киргизы по необходимости должны были искать ихъ въ другомъ мѣстѣ. Отъ этого роды дробились и неминуемо потеряли прежнюю устойчивость, связь и единство. Должно замѣтить, что при первоначальномъ введеніи въ Киргизской степи надлежащаго устройства и управленія по проекту графа Сперанскаго, правительство находило возможнымъ держаться родового начала. Это видно изъ § 8 Устава о Сибирскихъ киргизахъ на основаніи котораго, какъ сказано выше, рѣшено было держаться родового начала.

Но это дѣленіе на волости по родовому началу Степная комиссія нашла неудобнымъ въ административномъ и вредномъ въ политическомъ отношеніяхъ [1]). Причина этому заключалась въ томъ, что волости, образуя собою какъ бы отдѣльные роды, занимали иногда значительное пространство и оказывались неравномѣрными, а большіе роды могли обособляться подъ властью одного родоначальника, что признавалось вреднымъ въ политическомъ отношеніи. Вслѣдствіе сего волости, съ введеніемъ въ 1868 г. въ киргизскихъ степяхъ новаго административнаго устройства, были образованы, большею частью, не по родовому землевладѣнію, а на началахъ территоріальнаго размѣщенія, и именно по числу кибитокъ—отъ одной тысячи до двухъ тыс., т. е. въ сущности искусственнымъ образомъ. По словамъ Остафьева, въ такой искусственной волости нѣсколько родовъ или нѣсколько дробныхъ родовъ должны были, вопреки вѣкового обычая, отказаться отъ вѣковой обособленности, отречься отъ интересовъ родовой общины, отъ ея нравовъ и обычаевъ. Родовое землевладѣніе раздробилось на самые мельчайшіе клочки. Напр., въ полудикихъ волостяхъ Петропавловскаго уѣзда въ 5 аулахъ насчитывается 96 родовыхъ владѣній зимныхъ стойбищъ [2]).

Такимъ образомъ, эти вновь образованныя волости не представляли собою родовой общины, какъ это было прежде, но искусственное соединеніе нѣсколькихъ родовъ, которые до такой степени перемѣшались и перепутались, что возстановить ихъ въ прежнемъ видѣ оказывалось положительно невозможнымъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ волости не могли носить прежнихъ родовыхъ названій, взамѣнъ которыхъ наименованія были пріурочены къ занимаемымъ имъ мѣстностямъ. Съ другой стороны, образованіе Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства, когда киргизскія степи сдѣлались уже внутреннею областью Имперіи, онѣ были охвачены какъ бы кольцомъ, выходъ изъ котораго оказывался гораздо затруднительнѣе, чѣмъ это было прежде. Съ раздѣленіемъ же киргизскихъ степей на основаніи новаго положенія на области съ точно опредѣленными границами, нѣкоторые киргизскіе роды были разрѣзаны этими границами такъ, что часть одного рода находилась въ одной области, а другая часть въ сосѣдней съ нею.

Это разъединеніе родовъ усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ силу новаго положенія, киргизы должны были кочевать по возможности въ предѣлахъ своихъ уѣздовъ и не пе-

[1]) Остафьевъ. Колонизація Степныхъ областей въ связи съ вопросомъ о кочевомъ хозяйствѣ. Зап. Зап. Сиб. От. Г. Общ. XVIII в. II, стр. 32.

[2]) Тамъ же, стр. 34.

реходить въ сосѣднія области, а тѣмъ болѣе другія Генералъ-Губернаторства безъ особаго разрѣшенія главнаго начальника края. Исключеніе было сдѣлано только для Сыръ-Дарьинскихъ киргизъ, которымъ было разрѣшено переходить на лѣто въ область Оренбургскихъ киргизъ,

Все вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что съ подчиненіемъ киргизъ русскому владычеству значеніе родового начала значительно пошатнулось. Впослѣдствіи, какъ мы уже видѣли, оно еще болѣе ослабѣло, со времени введенія новой организаціи управленія киргизами по проекту Степной комиссіи, и грамаднаго наплыва въ степныя области переселенцевъ, когда киргизы, уступая свои стойбища подъ русское осѣдлое водвореніе, были вынуждены по необходимости сами искать ихъ въ другихъ мѣстахъ или арендовать земли у казаковъ [1]).

Изъ этого видно, что Степная комиссія въ цѣломъ рядѣ статей, относящихся до административнаго устройства Киргизскихъ степей, систематически стремилась къ упраздненію родового начала. Взглядъ этотъ, однакоже, раздѣлялся не всѣми главными начальниками степныхъ окраинъ. Такъ Степной Генералъ-Губернаторъ Колпаковскій высказалъ по вопросу о родахъ совершенно противоположное мнѣніе, находя, что хранителемъ коренныхъ началъ жизни каждаго первобытнаго народа служитъ его родовой бытъ, на которомъ и должно построить систему мѣстнаго управленія киргизъ, какъ наиболѣе согласную съ ихъ интересами. На этомъ основаніи онъ полагалъ необходимымъ составлять киргизскія волости изъ отдѣленій одного рода. Колпаковскій не раздѣлялъ также и мнѣній Степной комиссіи относительно политической опасности отъ образованія бывшихъ родовыхъ группъ, находя, что высказывать подобное опасеніе представителями русской власти значитъ не сознавать своей силы и не знать мирнаго характера киргизскаго народа и не вѣрить въ его благоразуміе, доказанное историческими фактами. Въ ряду мѣръ, проектированныхъ Степною комиссіей и установленныхъ положеніемъ 1868 г., Колпаковскій находилъ также неправильнымъ и введеніе выборнаго начала, совершенно чуждаго киргизамъ, а равно и примѣненіе этого начала ко вновь установленному суду біевъ. Этотъ судъ, установленный вмѣсто прежняго бія, хранителя правовыхъ воззрѣній народа, по его мнѣнію, разрушилъ собою патріархальную основу народнаго киргизскаго быта. Вообще, по мнѣнію Колпаковскаго,

---

[1]) Тамъ же, стр. 38.

новое административное устройство Киргизскихъ степей, проектированное Степною комиссіей: 1) подорвало значеніе родового начала, 2) вызвало искусственное административное дѣленіе волостей, 3) ввело чуждое киргизамъ выборное начало и 4) разрушило великій факторъ народной жизни киргизъ—ихъ обычный судъ.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго выше о родовомъ началѣ у киргизъ видно, что по этому вопросу установились два мнѣнія: Степная комиссія находила его неудобнымъ какъ въ административномъ отношеніи, такъ и по соображеніямъ политическаго характера вслѣдствіе чего и полагало болѣе соотвѣтственнымъ замѣнить родовое начало выборнымъ. Нѣкоторые же изъ главныхъ начальниковъ Степного края наоборотъ находили необходимымъ всемѣрно поддерживать родовое начало, какъ вполнѣ согласное съ условіями киргизскаго народнаго быта и особенностями кочевого населенія степей.

Въ общемъ выводѣ должно притти къ заключенію, что труды Степной комиссіи по многимъ вопросамъ, относящимся до киргизскихъ степей, не привели къ единомыслію. Напротивъ того, выработанныя этой комиссіей законоположенія по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ киргизской администраціи и суда, вновь возбудили разногласіе и оказались неудобными при ихъ практическомъ примѣненіи.

Словомъ сказать, проектированное Степной комиссіей новое административное устройство, обѣщавшее поднять благосостояніе кочевого населенія, на этотъ разъ принесло и нѣкоторые отрицательные результаты, какъ это видно изъ приведенныхъ выше замѣчаній, сдѣланныхъ Колпаковскимъ.

Но для того, чтобы можно было окончательно судить, какъ отнеслись Сибирскіе киргизы къ новому положенію и въ какой степени оно содѣйствовало подъему благосостоянія кочевого населенія киргизскихъ степей и обезпечивало въ полной мѣрѣ его дальнѣйшее внутреннее развитіе установленіемъ правильной системы управленія, вполнѣ соотвѣтственной внутреннему быту киргизскаго народа, слѣдовало бы, повидимому, прислушаться къ мнѣнію объ этомъ, высказанному самими киргизами, изъ класса людей султанскаго происхожденія, какъ болѣе вліятельныхъ въ народѣ и ближе понимающихъ дѣло. Въ этомъ отношеніи, не лишена интереса записка, поданная Ген.-Губ. Зап. Сибири Казнакову однимъ изъ вліятельныхъ киргизскихъ султановъ полковникомъ Муссою Чермановымъ, вскорѣ, послѣ введенія въ степи новаго положенія. Въ этой запискѣ Чермановъ весьма основательно и справедливо указалъ на весьма важные пробѣлы въ упомянутомъ по-

ложенiи по благоустройству кочевого населенiя киргизской степи [1]. По мнѣнiю Черманова, съ тѣхъ поръ, какъ киргизы добровольно перешли въ подданство Россiи, т. е. въ теченiе болѣе ста лѣтъ, они нисколько не подвинулись впередъ въ своемъ умственномъ и экономическомъ развитiи. Правда, съ основанiемъ въ Омскѣ Сибирскаго кадетскаго корпуса султанамъ и почетнымъ киргизамъ было предоставлено право помѣщать туда своихъ дѣтей, и нѣкоторые изъ нихъ кончили курсъ довольно хорошо и были выпущены офицерами. Но къ огорченiю родителей, большая часть изъ этихъ молодыхъ людей умирали въ молодости. Причина заключалась въ томъ, что киргизскимъ мальчикамъ, поступившимъ въ закрытое учебное заведенie, приходилось жить въ непривычной для нихъ обстановкѣ и при неблагопрiятныхъ для жителя степей гигiеническихъ условiяхъ.

Для отвращенiя приведенныхъ неудобствъ, Чермановъ находилъ, что слѣдовало-бы киргизскихъ дѣтей, по окончанiи ими полнаго курса наукъ въ кадетскомъ корпусѣ, отправлять на родину на одинъ годъ, въ среду своихъ соплеменниковъ. Затѣмъ, если кто изъ упомянутыхъ воспитанниковъ пожелалъ бы поступить въ военную службу, то таковымъ предоставить право черезъ годъ, когда силы ихъ окрѣпнутъ, поступать въ столичные корпуса безъ экзамена. Далѣе Чермановъ указываетъ на важный пробѣлъ въ новомъ административномъ устройствѣ степныхъ областей, заключающемся въ недостаткѣ опытныхъ и хорошо знающихъ свое дѣло письмоводителей при волостныхъ управленiяхъ. Для образованiя института письмоводителей Чермановъ рекомендуетъ: киргизскихъ мальчиковъ, обучавшихся въ существовавшей въ то время Азiатской школѣ, по окончанiи ими курса, не возвращая къ родителямъ,—прикомандировать къ уѣзднымъ управленiямъ для ознакомленiя съ письмоводствомъ. Впослѣдствiи, они могли бы быть хорошими письмоводителями, какъ въ уѣздныхъ управленiяхъ, такъ и въ волостяхъ. Въ своей запискѣ Чермановъ коснулся также и порядка производства выборовъ волостныхъ управителей на основанiи вновь установленныхъ правилъ, выработанныхъ Степною комиссiей. Выборы, какъ оказывается, на практикѣ производились въ явное нарушенiе этихъ правилъ. Сначала говоритъ Чермановъ, выбираются выборные десятники будто-

[1]) Впослѣдствiи я узналъ, что эта записка была составлена по мысли и указанiямъ Черманова учителемъ его дѣтей Путыцевымъ. Записка было написана хорошимъ литературнымъ языкомъ и по мысли и изложенiю заслуживаетъ полнаго вниманiя.

бы самими киргизами, но можно положительно сказать, что во многихъ волостяхъ, если только не во всѣхъ и не вездѣ, народъ почти не назначаетъ выборныхъ десятниковъ, а здѣсь аульные старшины стараются для своей пользы выбрать извѣстныхъ имъ доброхотовъ, такъ какъ выборы аульныхъ старшинъ производятся выборными десятниками въ присутствiи волостного управителя, который во всемъ соглашается съ аульнымъ старшиною, а не съ народомъ. Затѣмъ слѣдуетъ выборъ пятидесятниковъ. Здѣсь уже самъ волостной управитель выбираетъ таковыхъ, самыхъ преданнѣйшихъ ему душой и тѣломъ людей, и преимущественно, изъ разряда личностей крайне корыстолюбивыхъ и недобросовѣстныхъ. Конечно, такie выборы не обходятся безъ народнаго ропота и неудовольствiя, которые влiянiемъ волостныхъ управителей, если только они люди богатые, скоро заглушаются. Дѣло извѣстное, что эти выборные пятидесятники всегда избираютъ того волостного управителя, который имъ покровительствуетъ. Это зло глубоко внѣдрилось въ выборы всѣхъ должностныхъ лицъ.

Подкупы бываютъ въ слѣдующихъ случаяхъ: если на должность волостного управителя являются претенденты, тогда между ними возникаютъ различныя конкуренцiи, которыя дѣлятъ волость на самыя непрiязненныя партiи. Эти партiи стараются пустить въ ходъ всю азiатскую хитрость и въ этихъ случаяхъ претенденты не жалѣютъ никакихъ жертвъ ни для выборныхъ пятидесятниковъ, ни для присутствующаго при выборахъ. Здѣсь кстати разсказать о народной молвѣ про послѣднiе выборы волостного управленiя въ одномъ изъ уѣздовъ Акмолинской области. Говорятъ будто бы въ одной волости той области явились два конкурента на должность волостного управленiя, одинъ изъ нихъ человѣкъ довольно богатый и другой менѣе его состоятельный, имѣвшiй около 500 лошадей и тысячу барановъ. Превративъ ихъ въ наличныя деньги, послѣднiй сдѣлалъ подарокъ присутствующему и получилъ отъ него самое благородное обѣщанiе, что онъ будетъ управителемъ. Богатый же, провѣдавъ о продѣлкѣ своего противника, нисколько не задумавшись, отсчиталъ изъ своей шкатулки 10 тыс. наличными и сдѣлалъ сюрпризъ присутствующему. Въ скоромъ времени онъ былъ избранъ волостнымъ управителемъ, а первый лишился скота, сдѣлался бѣднякомъ и не получилъ обѣщанной и желаемой имъ должности.

Выше было сказано, что волостные управители подкупаютъ выборныхъ пятидесятниковъ, которые бы опускали шары въ ихъ пользу, что ими и исполнялось въ точности, чему служили достовѣрные факты, о которыхъ было напечатано въ «Семипалатин-

скихъ областныхъ вѣдомостяхъ». Но здѣсь утвердительно можно сказать, что волостные управители, если они и подкупаютъ выборныхъ, то они въ этихъ случаяхъ не остаются въ проигрышѣ. Допустимъ, если волостной управитель и дастъ нѣкоторымъ выборнымъ деньги, то онъ это твердо помнитъ, и, по утвержденіи его управителемъ, постарается взять съ нихъ въ нѣсколько разъ болѣе, къ чему представляются разные случаи, а у киргизъ ихъ весьма много,—тогда уже волостной управитель дѣйствуетъ какъ лицо самостоятельное, если только онъ человѣкъ богатый. Во всѣхъ этихъ случаяхъ настоящее зло выражается само собою въ грубомъ невѣжествѣ киргизъ, происходящаго отъ совершенной ихъ необразованности. Для устраненія приведенныхъ злоупотребленій, Чермановъ предлагаетъ замѣнить установленный положеніемъ выборный порядокъ жеребьевымъ, какъ болѣе соотвѣтственной тому низкому уровню умственнаго и нравственнаго развитія, въ которомъ находятся киргизы. На основаніи жеребьеваго порядка, предназначенные къ выбору лица вынимаютъ по дошедшей до нихъ очереди, изъ урны свой жребій, отъ выбора которыхъ и будетъ зависѣть: кому быть волостнымъ управителемъ. При такомъ порядкѣ подкупы оказываются невозможными; потому что находящіеся при выборахъ пятидесятники и присутствующій непремѣнный членъ Уѣзднаго управленія не принимаютъ въ нихъ активнаго участія.

Отсюда видно, что сами киргизы не признаютъ установленный Степной комиссіей выборный порядокъ подходящимъ къ характеру и понятіямъ киргизскаго народа. Вообще должно сказать, что измѣнять условія народнаго быта, установленныя вѣковымъ историческимъ путемъ, такъ какъ мѣнять театральныя декораціи, очевидно нельзя. Это значило бы примѣнять къ кочевому населенію, по справедливому замѣчанію Котельникова, тѣ формы административнаго порядка, которыя имъ не свойственны, а скорѣе установлены для осѣдлаго населенія, т. е. другими словами, примѣнять людей къ извѣстнымъ учрежденіямъ, а не учрежденія къ людямъ.

Приведенное выше мнѣніе Черманова находитъ себѣ весьма яркое подтвержденіе въ циркулярѣ военнаго губернатора Семирѣченской области, изъ котораго видно, что на выборахъ лицъ туземной администраціей на трехлѣтіе 1895—1897 г.г., нѣкоторые уѣздные начальники были недостаточно внимательны къ производству выборовъ.

Благодаря такому отношенію къ выборамъ въ выборные попадали такія лица, которыхъ народъ совсѣмъ не избиралъ.

Уѣздные же начальники, полагаясь на волостныхъ управителей, которые въ своихъ интересахъ нерѣдко замѣняли настоящихъ выборныхъ лицами своей партіи,—нисколько не входили въ повѣрку правильности избранія выборныхъ даже тогда, когда поступали къ нимъ жалобы на неправильность такого избранія. Результаты такихъ выборовъ съ подставными выборными были несогласны съ дѣйствительнымъ желаніемъ партійнаго большинства, что и подтвердилось вполнѣ, когда по жалобамъ двухъ волостей одного уѣзда пришлось назначить новые выборы, давшіе совершенно другихъ волостныхъ управителей, а не тѣхъ, которые были избраны на первыхъ выборахъ.

Такимъ образомъ, по введенію въ дѣйствіе новаго Степного положенія 1868 г. на первыхъ же порахъ возникли разногласія. Мы уже видѣли, что противъ мнѣнія Степной комиссіи о родовомъ началѣ, Степ. Ген.-Губ. Колпаковскимъ были сдѣланы довольно вѣскія возраженія. Точно такое же разногласіе оказалось и по другимъ важнымъ вопросамъ, относящимся до организаціи управленія киргизами, а именно по вопросу о киргизскомъ землевладѣніи въ связи съ колонизаціей степи. Хотя на этотъ вопросъ и было обращено вниманіе Степной комиссіа, но онъ не былъ разработанъ ею во всей подробности, какъ это было бы желательно.

По мнѣнію Степной комиссіи, колонизація внутри степи посредствомъ казачьихъ поселеній съ успѣхомъ исполнила свое первоначальное назначеніе. Между тѣмъ, замкнутость казачьяго сословія, предоставленныя ему привиллегіи и лежащая на казакахъ обязанность отбыванія военной службы, отрывающая ихъ отъ домашнихъ занятій, не могутъ не вредить правильному развитію хозяйства и земледѣлія и оказывало неблагопріятное вліяніе на экономическое развитіе страны. А потому въ настоящее время, когда эта колонизація отжила свой вѣкъ продолженіе ее не принесетъ ожидаемой пользы.

На этомъ основаніи, комиссія пришла къ убѣжденію, что для водворенія русскаго населенія въ краѣ остается только свободная колонизація. Но опредѣлить количество удобныхъ земель для русскихъ поселеній, не стѣсняя при этомъ киргизовъ, оказывается невозможнымъ безъ предварительнаго производства хозяйственной съемки, которую, повидимому, и слѣдовало бы произвести въ уѣздахъ Кокчетовскомъ и Семипалатинскомъ, представляющимъ выгодныя условія для земледѣлія. Остальная степь, по мнѣнію комиссіи, за рѣдкими исключеніями, удобна единственно для скотоводства.

Приведенными свѣдѣніями и исчерпывается вся сущность указаній комиссіи по колонизаціонному вопросу. Но этотъ вопросъ такъ тѣсно связанъ съ другимъ, не менѣе важнымъ вопросомъ о киргизскомъ землевладѣніи, что оба они, очевидно, требуютъ совокупнаго разсмотрѣнія. Степная комиссія, повидимому, сознавала это, но ограничилась лишь однимъ указаніемъ о необходимости произвести въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ киргизской степи хозяйственной съемки. Между тѣмъ, кромѣ съемки, въ дѣлѣ колонизаціи степей, какъ это выпукло обнаружилось впослѣдствіи, неминуемо возникали и другіе вопросы, относящіеся до киргизскаго землевладѣнія, неотступно требовавшіе разрѣшенія. По этимъ вопросамъ, какъ будетъ объяснено ниже, комиссіей не было дано никакихъ указаній для руководства мѣстнымъ властямъ. Такія указанія въ данномъ случаѣ были тѣмъ болѣе необходимы, что вопросъ о правильномъ распредѣленіи переселенцевъ въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи пріобрѣлъ вскорѣ значеніе первостепенной важности, въ особенности, когда съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги, переселенческое движеніе въ Сибирь изъ губерній европейской части Россіи приняло обширные размѣры. Мѣстныя же власти не были заблаговременно подготовлены къ безотлагательному принятію и распредѣленію переселенцевъ. Словомъ сказать, онѣ были застигнуты врасплохъ, не имѣя никакихъ руководящихъ началъ по отношенію къ русской колонизаціи края, и находились въ совершенной неизвѣстности, какіе именно земельные участки въ киргизской степи свободны, удобны и необходимы для колонизаціонныхъ цѣлей. Если бы все это было сдѣлано заблаговременно, то не произошелъ бы такой переполохъ и путаница, сопряженные съ полнѣйшимъ нарушеніемъ киргизскаго землевладѣнія. При такихъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствахъ приходилось составлять соображенія о приведеніи въ извѣстность свободныхъ земель въ киргизской степи и дѣлать отводы участковъ переселенцамъ наскоро, при полномъ недостаткѣ спеціальныхъ изслѣдованій и притомъ въ то время, когда переселенческая волна уже надвигалась въ киргизскія степи. Ненормально поставленное дѣло отвода участковъ въ степи для переселенцевъ, безъ всякаго знакомства администраціи съ формами землевладѣнія киргизъ и яснаго пониманія, что можетъ произойти при этомъ,—повлекло за собою немаловажныя затрудненія и неудобства на практикѣ. Такъ, по словамъ Соколова-Костромского: «когда приходилось нарѣзывать земельные участи переселенцамъ, то спохватились какъ ихъ рѣзать: включить-ли въ нихъ киргизскія зимовки или нѣтъ? Какія земли признать необходимыми для

киргизъ или вовсе не принимать во вниманіе ихъ интересы? По этому поводу не было никакихъ указаній» [1]). Но объ этихъ интересахъ, повидимому, мало заботились. Новые реформаторы по колонизаціи степи сразу приступили къ ломкѣ существовавшихъ формъ киргизскаго землевладѣнія, установленныхъ вѣками и требовавшихъ нѣкоторой осторожности и постепенности въ дѣйствіяхъ, а также по возможности безъ нарушенія современныхъ условій кочевого быта туземнаго населенія степей.

Вслѣдствіе сего, съ развитіемъ колонизаціи у многихъ киргизъ были отобраны администраціей земли, а другихъ земельныхъ участковъ имъ не давали, и киргизы стали переходить на лѣтнія стойбища и тамъ устраивать свои зимовки [2]). По словамъ Носилова: «киргизы были очень взволнованы тѣмъ, что къ нимъ хотятъ поселить крестьянъ. Это заселеніе ихъ земель чужимъ народомъ идетъ, а имъ не подается даже надежды на то, что и имъ дадутъ земли и они не останутся безъ клочка земли, забытые и заброшенные, какъ ненужные лѣнивые и чуждые намъ люди» [3]).

По свидѣтельству лицъ, вполнѣ знакомыхъ съ этимъ дѣломъ и изучившимъ его на мѣстѣ, колонизаціонное движеніе потрясло киргизское благосостояніе и хозяйство и привело киргизъ ко внутренней осѣдлости [4]).

Все это должно было неминуемо измѣнить прежнее положеніе киргизъ и ихъ хозяйственный бытъ въ неблагопріятную сторону и въ нарушеніе той общеизвѣстной истины, которую всегда энергично высказывалъ профессоръ В. В. Григорьевъ. По его мнѣнію: „если извѣстный народъ находится въ кочевомъ быту и самъ собою не мѣняетъ этого быта на земледѣльческій, значитъ переходъ этотъ или невозможенъ для него почему либо или несвоевременен. Дѣлать кочевниковъ осѣдлыми есть поэтому насиліе на которое, по нашему мнѣнію, никакая власть не имѣетъ права и притомъ, что еще хуже,—насиліе нерасчетливое, безполезное [5])".

Приведенныя выше свѣдѣнія ясно указываютъ, что предварительная подробная разработка колонизаціоннаго вопроса была крайне необходима еще и потому, что по этому вопросу въ средѣ мѣстной администраціи, какъ мы видѣли, существовали самые разнообразные взгляды о томъ: слѣдуетъ ли удерживать киргизъ

[1]) Соколовъ-Костромской. Записки колонизатора Сибири, стр. 58.
[2]) Носиловъ. Спб. Вѣдомости. 31-го октября 1896 г.
[3]) Остафьевъ. Колон. Степ. об. Зап. Зап. Сиб. От. Г. Общ., стр. 38.
[4]) Соколовъ-Костромской. Историч. Вѣстникъ 1904 г., № 2, стр. 766.
[5]) Веселовскій. В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ, стр. 212.

въ кочевомъ состояніи или есть возможность сдѣлать ихъ осѣдлыми. Точно также и по отношенію къ колонизаціи степи; одни находили неудобнымъ допускать въ киргизской степи свободную колонизацію, другіе же признавали заселеніе степей вполнѣ возможнымъ и желательнымъ. Степной комиссіи, повидимому, слѣдовало бы объединить эти разнообразные взгляды и вообще разобраться въ этомъ дѣлѣ и выработать правильную постановку колонизаціоннаго вопроса и тѣмъ дать правительству твердую точку опоры для дальнѣйшей организаціи переселенческаго дѣла въ киргизскихъ степяхъ, а главное—подготовить заблаговременно какъ мѣстныя власти, такъ и туземное населеніе степей къ принятію переселенцевъ и отводу имъ заранѣе намѣченныхъ переселенческихъ участковъ и вообще подготовить почву для образованія колонизаціоннаго фонда. Тогда нескончаемый спорный вопросъ о пригодности и возможности колонизировать степныя области былъ бы законченъ ими въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и не оставался бы открытымъ до 1889 года, когда онъ получилъ, наконецъ, обязательную силу закона. До этого же времени разнообразіе во взглядахъ на колонизацію степей даже въ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ были прямо порицательны.

Такъ напр. Генералъ-Губернаторъ Казнаковъ, признавая полезнымъ образовать крестьянскіе поселки на киргизскихъ земляхъ, полагалъ водворить ихъ въ Акмолинской обл., близъ почтовыхъ и торговыхъ трактовъ, что частью и было приведено въ исполненіе. Но впослѣдствіи Акмолинскій губернаторъ Ливенцовъ находилъ это неудобнымъ. По его мнѣнію мѣста, пригодныя для успѣховъ хлѣбопашества, находятся только внѣ степныхъ трактовъ въ сторонѣ, въ предгорьяхъ, лѣсахъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ. Но и тамъ онѣ будутъ тоже неудобны, по причинѣ множества затрудненій для наблюденія за ними администраціи, а также полной безполезности для страны, не говоря уже о вредѣ такой колонизаціи для кочевого населенія [1]).

Но и помимо упомянутыхъ выше мѣропріятій по пріему переселенцевъ необходимо было выработать и точно опредѣлить норму киргизскаго землевладѣнія для полнаго обезпеченія киргизскаго кочевого хозяйства. Словомъ сказать, прежде чѣмъ предпринять колонизацію степи, необходимо предварительно, какъ справедливо замѣтилъ Остафьевъ, изучить формы киргизскаго землевладѣнія, устройства киргизъ по отношенію къ этому землевладѣнію и затѣмъ, основываясь на малоземельи или малоземлевладѣніи, уже судить о колонизаціонной вмѣстимости степного края, т. е. о возможности колонизовать степь безъ стѣсненія киргизъ. Вотъ именно по этимъ вопросамъ, а главнымъ образомъ, по киргизскому землевладѣнію и землепользованію, оказывалась незаконченность и пробѣлы въ разработкѣ проекта степного положенія.

[1]) Остафьевъ. Колонизація Степныхъ областей. Зап. Зап. Спб. От. Г. О. Кн. XVIII вып. II, стр. 11.

Такъ, по словамъ Остафьева, хорошо изучившаго землевладѣльческій и колонизаціонный вопросъ. Степная комиссія совершенно упустила изъ виду, что землевладѣніе и киргизъ уже сложилось въ извѣстную форму и проектированныя правила, очень гладкіе на бумагѣ, не могли быть примѣнены къ жизни. Вся предписанная форма землевладѣнія осталась до сихъ поръ мертвой буквой [1]).

Точно также оказывается неправильнымъ и взглядъ комиссіи на земли, такъ называемой, десятиверстной полосы. Выше, при описаніи мѣръ, принятыхъ тогдашнимъ начальникомъ сибирскихъ линій генераломъ Ширингеромъ для охраны нашихъ границъ мною были объяснены обстоятельства, послужившія основаніемъ къ образованію означенной 10-ти верстной полосы на всемъ пространствѣ степи, прилегающемъ къ сибирскимъ линіямъ. Затѣмъ это пространство было предоставлено во временное пользованіе Сибирскаго казачьяго войска, которому въ его доходъ кочевавшіе на этомъ пространствѣ киргизы уплачивали, такъ называемую, ремонтную пошлину.

Разсматриваи вопросъ о десятиверстномъ пространствѣ, Степная комиссія пришла къ убѣжденію, что образованіе этого пространства первоначально имѣло цѣлью отдѣленіе киргизъ отъ русскихъ поселеній, что представляетъ собою отрицательное условіе для настоящаго времени, когда было бы желательно сближеніе киргизъ съ русскими. А потому и несправедливо лишить киргизовъ земель, которыми они пользовались въ прежнее время.

На этомъ основаніи Степная комиссія рѣшила: все 10-ти верстное пространство, за отводомъ изъ него въ надѣлъ казакамъ земельныхъ участковъ для будущихъ поселеній,—отдать въ безплатное пользованіе киргизовъ. Такой взглядъ на поземельныя права Сибирскихъ казаковъ въ киргизской степи нельзя признать правильнымъ. Прежде всего я долженъ сказать, что Степная комиссія, отдавая въ этомъ случаѣ преимущество киргизамъ, упу-

[1]) Остафьевъ. Колонизація Степныхъ областей. Зап. Зап. Спб. От. Г. О. 1895 г. Кн. XVIII вып. II, стр. 38.

стила изъ виду политическое значенie казаковъ, неоспоримо составляющихъ твердый и вполнѣ надежный оплотъ Россiи на ея далекихъ окраинахъ, прилегающихъ къ Китаю и Японiи. Такъ напр. въ настоящее время [1]), когда Сибирскiе казаки на поляхъ Манчжурiи переносятъ неимовѣрные труды и лишенiя и жертвуютъ жизнью въ борьбѣ съ наглымъ и коварнымъ врагомъ Россiи, киргизы, освобожденные отъ воинской повинности и неся необременительное для нихъ податное обложенie, въ сущности находятся какъ-бы въ привиллегированномъ положенiи, Послѣ этого мнѣ кажется нельзя задумываться: кому отдать предпочтенie въ пользованiи землями десяти-верстной полосы: казакамъ или киргизамъ—скотоводамъ и крестьянамъ—земледѣльцамъ, получившимъ безвозмездно при своемъ водворенiи значительные земельные надѣлы. Такъ и поступило главное мѣстное начальство, ставшее въ защиту казаковъ. Въ силу приведенныхъ начальствомъ Степного края доказательно неоспоримыхъ соображенiй, состоялось давно желанное постановленie Государственнаго Совѣта, удостоеннаго Высочайшаго утвержденiя, по которому всѣ земли, входящiя въ составъ площади десяти-верстной полосы, поступаютъ въ вѣчное и потомственное владѣнie Сибирскихъ казаковъ. Постановленie это представляетъ собою въ жизни Сибирскаго казачьяго войска событie огромной важности и служитъ показателемъ неправильнаго взгляда на это дѣло Степной комиссiи. Въ общемъ выводѣ и дѣйствiяхъ Степной комиссiи должно притти къ заключенiю, что нѣкоторые вопросы, относящiеся до внутренняго быта киргизскаго народа и степного землевладѣнiя, не были разработаны комиссiей систематически и выяснены въ полной мѣрѣ. Задавшись цѣлью произвести коренную реформу въ прежде существовавшей организацiи киргизами, комиссiя, повидимому, упустила изъ вида, что такой прiемъ въ данномъ случаѣ оказывается несоотвѣтственнымъ съ обстоятельствами дѣла. Лица, вполнѣ и основательно знакомые съ киргизскими степями во всѣхъ отношенiяхъ, а также и съ внутреннимъ бытомъ ихъ кочевыхъ обитателей и изучившiе все это въ теченie многихъ лѣтъ на практикѣ, по личному опыту, какъ напр. проф. Григорьевъ и Степной Генералъ-Губернаторъ Колпаковскiй всегда были противъ крутыхъ мѣръ и радикальныхъ передѣлокъ въ установившемся порядкѣ въ киргизскихъ степяхъ В. В. Григорьевъ признавалъ пользу только тѣхъ реформъ, которыя снимаютъ путы, мѣшающiя свободному развитiю народовъ. По его мнѣнiю, если вести киргизъ къ гражданственности, то путемъ не насильственнымъ, а мирнымъ и тихимъ [1]). Это мысль находитъ себѣ подтвержденie въ установившемся нынѣ взглядѣ, что развитie человѣческихъ обществъ не есть результатъ случайностей и единичной воли отдѣльныхъ лицъ; напротивъ, что это развитie совершается, какъ развитie организма, по строгимъ законамъ, ниспровергнуть которые не можетъ сила человѣка [2]). Отступленie Степной комиссiи отъ этого, сколько я понимаю, правильнаго взгляда на дѣло не только не сгладило сколько нибудь разнообразie и противорѣчiе во мнѣнiяхъ по самымъ кореннымъ основамъ киргизскаго быта, но, какъ мы видѣли, и не привело къ единомыслiю. Реформа по управленiю киргизами, составленная по проекту, выработанному Степной комиссiей, вскорѣ по введенiи ея въ дѣйствie, вызвала, какъ было сказано выше, вѣскiя возражинiя со стороны Генералъ-Губернатора Колпаковскаго и притомъ не по второстепеннымъ, но по основнымъ началамъ киргизской жизни.

¹) Писано въ 1904—1905 г.г.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что члены Степной комиссiи искренно желали принести посильную пользу дѣлу, которое на нихъ было возложено. Но осуществить на практикѣ все, что было предложено, оказалось весьма затруднительнымъ. Это происходило отъ невозможности въ предположенный срокъ изучить всестороннимъ образомъ такой обширный край, какъ киргизскiя степи Оренбургскаго и Сибирскаго вѣдомства, а также и всѣ бытовыя особенности кочевого населенiя степи. Все это, повидимому, сознавалъ и Гейнсъ, который въ одномъ изъ своихъ дневниковъ упоминаетъ, между прочимъ: «я недоволенъ нашимъ объѣздомъ по области Сибирскихъ киргизовъ, потому что прiобрѣлъ меньше свѣдѣнiй, чѣмъ слѣдовало ожидать. Въ Кокчетовскомъ округѣ Валихановъ далъ хорошiя свѣдѣнiя о внутренней промышленности и торговлѣ. Въ Атбасарскомъ свѣдѣнiй не получено никакихъ, въ Акмолинскомъ собрано также мало свѣдѣнiй. Въ Каркаралинскомъ свѣдѣнiй опять почти никакихъ. Въ Баянъ-Аульскомъ свѣдѣнiй собрано довольно». Но и собранныв свѣдѣнiя, очевидно, требовали повѣрки чрезъ сопоставленie ихъ съ тѣми же свѣдѣнiями, собранными другимъ путемъ. Но этого, повидимому, сдѣлано не было, какъ это должно заключить изъ противорѣчiя во мнѣнiяхъ, которыя были высказаны Гейнсомъ по совершенно однороднымъ вопросамъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ литературныхъ трудовъ Гейнсъ утверждаетъ, на основанiи собранныхъ имъ свѣдѣнiй, что мусуль-

¹) Веселовскiй В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ. Стр. 210.

²) Проф. Платоновъ. Лекцiи по Русской Исторiи. Стр. 361.

манство у киргизъ преимущественно утвердилось на берегахъ р. Сыръ-Дарьи, гдѣ сношенія съ сосѣдними Средне-Азіатскими ханствами чаще и удобнѣе. Поэтому тамошніе киргизы гораздо фанатичнѣе, строптивѣе и менѣе расположены къ русскимъ [1]).

Между тѣмъ, въ дѣйствительности оказывается совершенно противное, какъ это должно заключить изъ словъ знатока Средне-Азіатскаго востока проф. Григорьева. По его словамъ: «неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что мусульманская пропаганда въ томъ или другомъ видѣ шла въ киргизскія степи со стороны Россіи служитъ то обстоятельство, что омусульманились въ особенности киргизы, обитающіе по сосѣдству съ нашими линіями, тогда какъ древній исконный шаманизмъ сохраняется и до настоящаго времени [2]) преимущественно между тѣми изъ нихъ, которые кочуютъ поблизости къ Хивинскимъ, Бухарскимъ и Кокандскимъ предѣламъ, т. е. къ настоящимъ мусульманскимъ странамъ» [3]).

Изъ этого видно, что Гейнсъ совершенно расходится во взглядѣ на распространеніе мусульманства между киргизами съ мнѣніемъ по тому же вопросу проф. Григорьева. Оба эти мнѣнія діаметрально противоположны.

При этомъ мнѣніе Гейнса оказывается справедливымъ только въ теоріи. Въ дѣйствительности же оно не имѣетъ никакого практическаго значенія. По странному совпаденію, приведенное мнѣніе проф. Григорьева подтверждаетъ самъ Гейнсъ, говоря, что близъ Подпускной станицы, у самаго спуска съ праваго берега р. Иртыша, по распоряженію нашего правительства, была выстроена для брата Аблай-хана Мамай-Султана, богатая заимка (мыза) съ мечетью и при ней казарма для солдатъ, охранявшихъ мечеть отъ киргизовъ!?

«Вотъ, восклицаетъ Гейнсъ, какова тогда была ихъ преданность магометанству. Рѣшительно *мы самые энергичные пропагандисты* ученія Магомета» [4]).

Эти слова Гейнса служатъ яркимъ опроверженіемъ приведеннаго выше его же собственнаго мнѣнія, высказаннаго имъ ранѣе относительно распространенія магометанства между Сыръ-Дарьинскими киргизами.

Въ другомъ мѣстѣ своихъ литературныхъ трудовъ, Гейнсъ говоритъ о Валихановѣ, что онъ былъ отправленъ въ Кульджу

[1]) Гейнсъ. Собраніе литературныхъ трудовъ. Часть I, стр. 76—77.

[2]) Было писано въ 1874 г.

[3]) В. В. Григорьевъ. Русская политика въ отношеніи къ Средней Азіи. Сборникъ Государственныхъ знаній. Т. I, стр. 249.

[4]) Гейнсъ. Часть I, стр. 340.

съ караваномъ, снаряженнымъ ташкентцемъ Букашемъ. Караванъ-башъ Мусса-Бай разсказывалъ Гейнсу, что раньше еще, чѣмъ они прибыли въ Кульджу, Дикокаменные киргизы требовали у нихъ разные подарки на томъ основаніи, что караванъ перешелъ Тянь-Шань черезъ Заукинскій проходъ. Въ самой же Кульджѣ Валихановъ и Мусса-Бай отдѣлались только подарками отъ китайскихъ чиновниковъ, заподозрѣвшихъ нашихъ купцовъ. «Валихановъ вслѣдствіе этого путешествія составилъ геніальное,—какъ говорилъ Гейнсу Е. П. Ковалевскій,—донесеніе и былъ главною причиной Тарбагатайскаго договора и открытія консульства въ Кульджѣ и Чугучакѣ».

Въ этой выпискѣ изъ дневника Гейнса отъ 26-го сентября 1865 г. (Часть I, стр. 353) нѣтъ ни одного слова правды.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, что караванъ снаряженъ на иждивеніе ташкентца Букаша, при которомъ былъ Валихановъ въ качествѣ агента и слѣдовалъ черезъ кочевья Дикокаменныхъ киргизъ, требовавшихъ отъ каравана подарковъ. Между тѣмъ, всякому, хотя сколько-нибудь знакомому съ киргизскими степями Средне-Азіатской части Россіи, хорошо извѣстно, что Дикокаменные киргизы кочуютъ въ приисcыкульскомъ районѣ и, слѣдовательно, путь изъ Семипалатинска въ Кульджу не можетъ пролегать черезъ ихъ кочевья, но идетъ по мѣстностямъ, занимаемымъ сначала Среднею, а затѣмъ Большою ордою. Но главное дѣло въ томъ, что караванъ, при которомъ находился Валихановъ въ качествѣ нашего агента, былъ посланъ не въ Кульджу, гдѣ находилось наше Генеральное консульство подъ вѣдѣніемъ И. И. Захарова, но въ Кашгаръ, гдѣ нашего консульства въ то время, т. е. въ 1858 г., еще не было. Объ отправленіи Валиханова, агентомъ въ Кашгаръ мною было подробно описано въ I ч. этихъ воспоминаній.

Изъ этого описанія легко видѣть, что командированіе Валиханова состоялось въ 1858 г. Договоръ же съ китайцами объ открытіи русской торговли съ Западнымъ Китаемъ и устройствѣ нашихъ консульствъ въ г.г. Чугучакѣ и Кульджѣ былъ заключенъ Е. П. Ковалевскимъ еще въ 1851 г., когда Валихановъ былъ въ Омскомъ Кадетскомъ корпусѣ. Самый же договоръ, по мѣсту его заключенія, названъ Кульджинскимъ. А потому называть его Тарбагатайскимъ, а тѣмъ болѣе относить его къ 1858 г. и утверждать, что Валихановъ, находившійся въ этомъ году кадетомъ Омскаго корпуса, былъ главною причиною открытія консульствъ въ Кульджѣ и Чугучакѣ по Кульджинскому договору 1851 г.,—очевидно не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью и изобличаетъ пол-

нѣйшее незнакомство съ дѣломъ. Если такъ собирались и другія свѣдѣнія о киргизскихъ степяхъ во время объѣзда ихъ Степной комиссіей, и также не подвергались всесторонней обработкѣ, то все это естественнымъ образомъ должно было повести къ разногласію во взглядахъ комиссіи и мѣстной степной администраціи по наиболѣе существеннымъ вопросамъ общественной жизни киргизскаго народа.

Обстоятельство это было мною подробно разъяснено выше. При этомъ мною было указано, что по мнѣнію главнаго начальства Степного края новое административное устройство киргизскихъ степей, выработанное Степной комиссіей: 1) подорвало родовое начало, 2) ввело искусственное административное дѣленіе волостей, 3) внесло чуждое киргизамъ выборное начало и 4) разрушило великій факторъ народной жизни киргизъ—ихъ обычный судъ. Въ результатѣ оказалось, что киргизскій вопросъ, несмотря на труды Степной комиссіи и свою столѣтнюю давность, мало подвинулся впередъ.

Говоря о собраніи свѣдѣній членами Степной комиссіи, не могу обойти молчаніемъ, что нѣкоторые изъ этихъ членовъ, какъ напр. Гейнсъ, очень скептически и свысока относились ко всему, что было сдѣлано прежде по организаціи управленія степями и ихъ населеніемъ. Такъ Уставъ о Сибирскихъ киргизахъ, составленный по указаніямъ графа Сперанскаго, по мнѣнію Гейнса, ни больше, ни меньше, какъ чепуха. Гасфорда онъ называетъ сумашедшимъ за то, что онъ обратилъ Кокпектинскую и Аягузскую станицы въ города. О Дюгамелѣ далъ также неблаговидный отзывъ. Но больше всего досталось отъ Гейнса Сибирскимъ казакамъ. Они, по его мнѣнію, составляютъ вредное учрежденіе, а казачью молодежь онъ чуть не поголовно обвинялъ въ вольнодумствѣ и политической неблагонадежности, ссылаясь на извѣстную политическую пропаганду, въ которую были замѣшаны: Потанинъ, Усовъ, Ядринцевъ и друг. Выставляя Сибирскихъ казаковъ въ самомъ неблагопріятномъ видѣ, Гейнсъ ссылался при этомъ на Колпаковскаго, который говорилъ ему, что считаетъ казаковъ безполезными для правительства мошенниками и вредными для страны колонистами.

Разбирая Уставъ о Сибирскихъ киргизахъ, Гейнсъ отозвался о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Сперанскій, авторъ скелета положенія о степи (Устава о Сиб. кирг.), имѣлъ, конечно, въ виду благо киргизъ, но его намѣреніе такъ и осталось однимъ намѣреніемъ, потому что законы, имъ писанные, творились a priori и только слегка почерпались изъ народной жизни. Оттого

они носятъ на себѣ отпечатокъ честнѣйшихъ намѣреній и дурного исполненія этихъ намѣреній; къ довершенію этого винигрета—наивный идеализмъ и чиновное доктринерство проскакиваютъ на каждомъ шагу... и т. д.». Словомъ сказать, полнѣйшій разгромъ трудовъ графа Сперанскаго.

Полагаю, что едва-ли когда нибудь появлялся въ нашей или иностранной печати такой суровый, а главное несправедливый отзывъ о законодательной дѣятельности графа Сперанскаго въ Сибири. Обращаясь къ литературѣ этого предмета, а именно къ трудамъ Словцова, Тихменева, Б. А. Милютина, Бартенева (Русс. Архивъ), а въ особенности Вагина и графа М. А. Корфа, мы можемъ найти въ нихъ много важныхъ и полезныхъ указаній о трудахъ Сперанскаго въ Сибири. Повидимому, Гейнсъ не ознакомился въ полной мѣрѣ съ этими источниками, а главное упустилъ изъ вида, что въ практическомъ дѣлѣ, по весьма мѣткому и въ высшей степени основательному замѣчанію Ю. Ѳ. Самарина,—нѣтъ общепримѣнимыхъ формулъ. Задача законодательства заключается въ изысканіи лучшихъ мѣръ для *данной эпохи, для данной мѣстности, при данныхъ условіяхъ*.

Соотвѣтственно этому мною было подробно разсмотрѣно въ I главѣ этой части то значеніе, которое имѣлъ въ тогдашнее время и при тогдашнихъ обстоятельствахъ Уставъ о Сибирскихъ киргизахъ. При этомъ я упомянулъ, что правильная оцѣнка была сдѣлана нашимъ извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ графомъ М. А. Корфомъ, по словамъ котораго: «такое мирное завоеваніе степи посредствомъ одного письменнаго Устава недовольно, можетъ быть, оцѣненное въ свое время, исторія не можетъ не признать фактомъ огромной важности» [1]).

Со времени своего изданія въ 1822 г. Уставъ о Сибирскихъ киргизахъ, собственно по отношенію къ послѣднимъ оставался въ своей силѣ до 1868 г. Что этотъ Уставъ, дѣйствовавшій въ теченіе 40 лѣтъ, требовалъ нѣкоторыхъ измѣненій, соотвѣтственно указаніямъ опыта и возникшимъ въ теченіе этого времени новымъ условіямъ и современнымъ потребностямъ администраціи, — въ этомъ сомнѣваться нельзя. Всякій законъ не можетъ оставаться въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій неподвижнымъ: онъ неминуемо требуетъ измѣненій, соотвѣтственно новымъ нарождающимся потребностямъ современнаго прогресса. Но въ то же время нельзя отрицать, что Уставъ 1822 г., по справедливому заключенію Ва-

[1]) Корфъ. Гр. Сперанскій. II, стр. 232.

гина [1]), достаточно отслужилъ свою службу. Съ введеніемъ его русское владычество и вліяніе упрочилось на всемъ пространствѣ киргизскихъ степей. Съ водвореніемъ же степи вооруженнаго казачьяго населенія, прекратились въ ней безпорядки и волненія между киргизами. Кромѣ того военная колонизація степи обезпечила безопасное движеніе по ней купеческихъ каравановъ и занятіе нашими колоніями важныхъ торговыхъ перепутьевъ. Такимъ образомъ, постепенно были подготовлены средства и способы къ установленію правильныхъ торговыхъ сношеній съ городами Западнаго Китая: Чугучакомъ и Кульджой и учрежденію въ нихъ русскихъ консульствъ.

Важность достигнутыхъ результатовъ по благоустройству киргизскихъ степей, по предначертаніямъ Сперанскаго выступаетъ особенно ярко, если сопоставить Уставъ о Сибирскихъ киргизахъ съ современными ему установленіями по управленію Оренбургскими киргизами. Послѣ всего изложеннаго, остается притти къ заключенію, что приведенный выше отзывъ Гейнса о трудахъ графа Сперанскаго, повидимому представляетъ собою наборъ трескучихъ фразъ, высказанныхъ съ какимъ-то задорнымъ и совершенно неумѣстнымъ легкомысліемъ.

Кромѣ графа Сперанскаго, Гейнсъ отозвался также о Ген.-Губ. Дюгамелѣ въ крайне небрежномъ и пренебрежительномъ тонѣ. Я помню, что тогда эта петербургская галантерейность Гейнса, страдавшая отсутствіемъ всякаго приличія и такта, до крайности озадачила насъ сибирскихъ провинціаловъ и вовсе не соотвѣтствовала положенію Гейнса, какъ члена комиссіи, на которомъ лежала важная обязанность, требовавшая держать себя сдержано и съ надлежащемъ тактомъ.

Что Дюгамель былъ противникомъ земельныхъ пріобрѣтеній, то строго говоря, осуждать его въ этомъ нельзя. Каждый человѣкъ можетъ имѣть свои личныя убѣжденія и воззрѣнія на извѣстный вопросъ которыя можно оспаривать, но осуждать нѣтъ основаній. Притомъ на Дюгамелѣ подтвердился извѣстный афоризмъ, что сила событій превозмогаетъ силу людей. Несмотря на миролюбивую политику Дюгамеля, ни при одномъ Ген.-Губ Зап. Сибири не было сдѣлано столько земельныхъ пріобрѣтеній, сколько при немъ. По Чугучакскому договору 1864 г. мы пріобрѣли Зайсанскій и Курчумскій край съ озеромъ Зайсаномъ, а также страну верховьевъ рр. Кегена и Текеса, что было для Дюгамеля совершенною неожиданностью.

[1]) Дѣятельность гр. Сперанскаго въ Сибири. Часть II, стр. 269.

Онъ постоянно совѣтовалъ мнѣ, какъ уже было сказано при описаніи хода Чугучакскихъ переговоровъ, держаться statu quo и всячески избѣгать захватовъ китайскихъ земель. Точно также при Дюгамелѣ, подчиненныя ему Западно-Сибирскія войска, подъ начальствомъ Черняева, овладѣли сѣверною частью кокандскаго ханства, причемъ состоялось и давно ожидаемое соединеніе Сибирской и Оренбургской линій въ одну передовую кокандскую линію.

Что же касается до высказаннаго Гейнсомъ мнѣнія о противодѣйствіи, оказываемомъ будто-бы Дюгамелемъ Валиханову, то это я нахожу несправедливымъ. При Дюгамелѣ Валихановъ возвратился изъ Петербурга съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ и, пробывъ короткое время въ Омскѣ, отправился на родину. Если же Дюгамель не раздѣлялъ составленнаго въ Петербургѣ при вліяніи Е. П. Ковалевскаго, преувеличеннаго мнѣнія о способностяхъ и заслугахъ Валиханова, какъ ученаго путешественника въ Кашгаръ, то едва-ли въ этомъ можно упрекнуть Дюгамеля, какъ это видно изъ приведеннаго въ 1 части сихъ воспоминаній описанія Кашгарской экспедиціи Валиханова.

Сколько я помню въ Петербургѣ были недовольны нѣкоторыми распоряженіями Дюгамеля по военной части. Обвинять въ этомъ Дюгамеля, по моему искреннему убѣжденію, также нельзя. Управляя обширнымъ Западно-Сибирскимъ краемъ, состоящимъ изъ двухъ губерній: Тобольской и Томской и двухъ областей Киргизской степи Семипалатинской и Сибирскихъ киргизовъ, Дюгамель, естественнымъ образомъ, долженъ былъ положиться по военной части на своего ближайшаго сотрудника генерала Кроіеруса. Къ сожалѣнію, неспособность этого шведа вредила дѣлу и, конечно, неблагопріятно отразилась на Дюгамелѣ, который имѣлъ слабость соглашаться съ мнѣніями Кроіеруса о необходимости нѣкоторыхъ совершенно ненужныхъ или преждевременныхъ преобразованій по военной части въ Западной Сибири.

Послѣ своего безтактнаго отзыва о высшихъ Сибирскихъ властяхъ, Гейнсъ коснулся также политическаго и экономическаго значенія о Сибирскихъ казакахъ, которыхъ выставилъ въ совершенно ложномъ свѣтѣ и высказалъ противъ нихъ цѣлый рядъ самыхъ несправедливыхъ и тяжкихъ обвиненій. По словамъ Гейнса Дюгамель отзывался о казакахъ какъ о бремени для правительства, одинаково безполезномъ и въ политическомъ и въ военномъ отношеніяхъ. Пановъ же и Колпаковскій будто-бы обозвали казаковъ разбойниками и мошенниками. Съ своей стороны я долженъ сказать, что эти начальствующія лица, по со-

вмѣстной моей службѣ съ ними въ теченіе продолжительнаго времени мнѣ хорошо извѣстны. Всѣ они, а особенно Дюгамель и Пановъ обладали замѣчательною сдержанностью и большимъ тактомъ. Притомъ Дюгамель и Колпаковскій, облеченные въ почетное званіе войсковыхъ атамановъ, насколько мнѣ извѣстно, всегда относились къ Сибирскимъ казакамъ съ внимательнымъ участіемъ, постоянно выказывали имъ видимое расположеніе и полную готовность оказать всяческую поддержку. А потому едва ли можно предположить, чтобы кто-нибудь изъ нихъ могъ высказать такой грубый и рѣзкій отзывъ о Сибирскихъ казакахъ. Обстоятельство это является загадочнымъ и должно лежать на отвѣтственности Гейнса. Привиллегіи, дарованныя казакамъ правительствомъ, по мнѣнію Гейнса, послужили не къ возвышенію ихъ благосостоянія и дѣятельности, а, напротивъ, къ развитію полнѣйшей праздности и лѣности, къ разстройству ихъ хозяйства и къ систематически организованному обирательству киргизовъ. Въ политическомъ отношеніи казаки не приносятъ въ степи той пользы, которую можно ожидать à priori. Эти люди, нарядившіеся въ киргизскіе халаты, говорящіе со своими дѣтьми по-киргизски, называющіе пріѣзжихъ изъ-за Урала русскими, а себя казаками, едва ли могутъ служить орудіемъ обрусенія степи.

Приведенное мнѣніе Гейнса о томъ, что казаки не приносятъ въ степи пользы въ политическомъ отношеніи и не могутъ служить орудіемъ обрусенія степи, оказывается одностороннимъ и неправильнымъ даже съ теоретической точки зрѣнія. Водвореніе вооруженнаго населенія въ киргизской степи имѣло для насъ напротивъ того значеніе первостепенной важности и именно въ политическомъ отношеніи. По этому поводу я уже упоминалъ о мнѣніи Ген.-Губ. Дюгамеля, который говорилъ: «когда мы будемъ сильны, киргизы будутъ намъ покорны. Но при малѣйшемъ ослабленіи нашей власти въ степи, киргизы, по пріемамъ своей двуличной политики, обычной всѣмъ почти азіатамъ, станутъ противъ насъ». Лучшимъ подтвержденіемъ этого указанія А. О. Дюгамеля служатъ упомянутыя выше волненія въ киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства, гдѣ всегда чувствовалась слабость нашей власти именно по совершенному отсутствію въ ней казачьихъ поселеній. Въ Сибирской же степи подобныхъ безпокойствъ не возникало, благодаря водворенному внутри ея вооруженному населенію, давшему нашей основѣ въ степи надлежащую степень твердости, силы и безопасности. Важность достигнутыхъ въ этомъ отношеніи результатовъ находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что при введеніи въ дѣйствіе на практикѣ степ-

ного положенія въ Оренбургской степи, какъ мы видѣли, возникли безпокойства и волненія, для усмиренія которыхъ потребовалось двинуть во внутренній районъ степи нѣсколько сильныхъ отрядовъ. Въ Сибирской же степи введеніе того же Степного положенія не вызвало никакихъ безпорядковъ въ средѣ кочевого населенія, вполнѣ сознававшаго, что при наличіи казачьей вооруженной силы въ степи эти безпокойства будутъ немедленно прекращены. Несостоятельность приведеннаго выше мнѣнія Гейнса о политической несостоятельности Сибирскихъ казаковъ весьма рѣзко высказалась при сопоставленіи его съ заключеніемъ, сдѣланнымъ по этому вопросу Степною комиссіей, въ которой Гейнсъ состоялъ членомъ. Коммисія признала, что казачьи поселенія въ пограничной части Зайсанскаго края, разъединяя подвластныхъ намъ киргизъ отъ ихъ соплеменниковъ, находящихся въ иностранныхъ владѣніяхъ, важны въ политическомъ отношеніи. Мнѣніе Гейнса о захватѣ казаками киргизскихъ земель также оказывается неправильнымъ. Оно находится въ противорѣчіи съ другимъ же мнѣніемъ Гейнса, какъ члена Степной комиссіи, которая постановила: «земли, занимаемыя киргизскими кочевьями въ степи, признать составляющими государственную собственность. А потому земли для казачьихъ поселеній въ степи, необходимыя для охраны края, должны отводиться безвозмездно». Если же киргизы были при этомъ нѣсколько стѣснены въ своихъ пастбищахъ, то эти стѣсненія нельзя назвать захватомъ, подобнымъ тому, какъ это часто дѣлается вліятельными киргизами у своихъ же родовичей. Такъ, напр., султанъ Конуръ въ Акмолинскомъ округѣ захватилъ въ свою личную пользу крупный районъ земельныхъ угодій въ 400 кв. верстъ.

Обвиняя казаковъ въ захватѣ киргизскихъ земель, Гейнсъ находитъ также, что отношенія ихъ съ киргизами становятся годъ отъ году хуже и они едва ли могутъ служить орудіемъ обрусенія степи. Мнѣніе это нельзя признать правильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: если между киргизами и казаками не могло установиться болѣе тѣснаго сближенія, то это произошло отъ многихъ обстоятельствъ, имѣющихъ связь съ своеобразными условіями киргизской бытовой жизни. Прежде всего нельзя упустить изъ вида, что водвореніе въ степи вооруженнаго населенія и приливъ въ нее свободныхъ переселенцевъ, принявшій въ послѣднее время значительные размѣры, стѣснило киргизъ въ пользованіи пастбищными мѣстами. Это обстоятельство, затрагивая обоюдные интересы казаковъ и киргизъ, неминуемо должно было возбудить между ними враждебныя отношенія. Но и помимо этого были и дру-

гія обстоятельства, разъединявшія кочевое туземное населеніе степей отъ русскихъ. Въ этомъ отношеніи немаловажное значеніе имѣетъ различіе вѣроисповѣданій и скотоводческое хозяйство киргизъ, требующее частыхъ перекочевокъ изъ одной мѣстности въ другую. Первое обстоятельство составляетъ важную преграду къ сближенію киргизовъ съ казаками. Такъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, киргизы въ послѣднее время почти не принимаютъ православія; въ 1900 году было, напр., крещено только 58 чел. при расходѣ на миссіи въ 27.260 руб. [1]).

При такомъ положеніи дѣла и въ виду приведенныхъ выше неблагопріятно сложившихся условій и обстоятельствъ, казаки не могли быть проводниками русской культуры въ киргизскихъ степяхъ. Въ этомъ отношеніи наблюдается совершенно обратное явленіе: казаки сами усвоили себѣ киргизскій языкъ, на которомъ говорятъ совершенно свободно, и переняли нѣкоторые киргизскіе обычаи и привычки. Но Гейнсъ, упрекая казаковъ въ томъ, что они не содѣйствовали обрусенію степи, повидимому, не принялъ въ соображеніе всѣхъ означенныхъ выше обстоятельствъ и, сверхъ того, не разъяснилъ, что онъ разумѣетъ подъ словомъ «обрусеніе». Если вникнуть глубже въ это дѣло и обратиться къ лицамъ, занимавшимся изслѣдованіемъ инородческаго вопроса въ Россіи, то обрусеніе киргизъ въ его правильномъ раціональномъ значеніи представляется дѣломъ болѣе сложнымъ, нежели это можетъ показаться съ перваго взгляда. Нельзя понимать подъ словомъ «обрусеніе» одно только усвоеніе русскихъ обычаевъ, привычекъ и вообще внѣшней обстановки русской жизни. Дѣйствительное обрусеніе киргизъ можетъ произойти только путемъ нравственнаго и умственнаго развитія этого народа. А дла этого на первомъ планѣ должно стоять поднятіе уровня образованія въ странѣ и широкое развитіе школьнаго дѣла. Но если только этимъ путемъ и можетъ произойти дѣйствительное обрусеніе степи, то оно не можетъ лежать на обязанности казаковъ. Обрусеніе степного края въ смыслѣ умственнаго и нравственнаго развитія туземнаго населенія, должно лежать на мѣстномъ начальствѣ и центральномъ правительствѣ. Изъ записки Черманова мы уже видѣли, какъ мало было сдѣлано нами въ этомъ направленіи. Достаточно сказать, что напр. въ Семипалатинской области вопросъ объ учрежденіи аульныхъ школъ возникъ впервые только въ 1901 году. Въ 1904 г. число ихъ возросло до 24. Наконецъ, только въ томъ же 1904 г. въ г. Каркаралинскѣ состоялось открытіе давно ожидаемаго перваго русско-киргизскаго двухкласснаго училища вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія, цѣль учрежденія котораго—подготовленіе учителей для аульныхъ школъ [1]). Вотъ настоящій путь для сближенія русскаго населенія съ кочевыми обитателями степей. Если же это было сдѣлано спустя болѣе 100 лѣтъ послѣ принятія киргизъ въ русское подданство, то казаки тутъ не при чемъ, а потому обвинять ихъ, что они не содѣйствуютъ обрусенію степи, какъ это дѣлаетъ Гейнсъ, очевидно нѣтъ никакихъ логическихъ основаній.

[1]) Головачевъ. Сибирь, стр. 136.

Обвиняя казаковъ въ политической неблагонадежности, Гейнсъ также оказывается неправъ. Нельзя придавать значеніе одному или двумъ прискорбнымъ явленіямъ. Другими словами, объединяя единичные случаи, Гейнсъ дѣлаетъ по нимъ заключеніе о всемъ сословіи, что, по меньшей мѣрѣ, оказывается страннымъ и, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть признано строго справедливымъ.

Усвоивъ себѣ такой взглядъ на казаковъ, Гейнсъ пришелъ къ заключенію, что имъ довѣрять нельзя и что намъ слѣдуетъ всячески ограничивать казачій произволъ и корпоративный духъ казачества. Все это, по его мнѣнію, наводитъ на мысль, что Сибирскихъ казаковъ слѣдовало бы подчинить губернаторамъ степныхъ областей, предоставивъ послѣднимъ права атамановъ. Тогда войсковое правленіе, поддерживающее изъ своихъ видовъ корпоративную особенность казаковъ, станетъ ненужнымъ. При губернаторахъ же, какъ командующихъ войсками, расположенными въ областяхъ, могутъ быть начальники штабовъ, которымъ въ число прочихъ обязанностей можно поручить и вѣдѣніе казачьихъ дѣлъ. Послѣ того корпоративный духъ казаковъ, не всегда полезный для государства, пропадетъ самъ собою, между тѣмъ какъ войско, если бы это полагали нужнымъ, могло бы нести всѣ свои прежнія военныя обязанности. Въ дѣлахъ наряда казаковъ на службу, въ дѣлахъ по управленію и хозяйству станицъ, начальники областныхъ штабовъ, по мнѣнію Гейнса, были бы, конечно, справедливѣе и безпристрастнѣе войскового правленія. Это было бы и гораздо экономнѣе и облегчало въ то же время правительство въ его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ относительно казаковъ [2]). Словомъ сказать, по этому проекту Гейнса, устанавливалась какъ бы административная опека по строевой и хозяйственной части надъ Сибирскимъ казачьимъ войскомъ,—лицами не принадлежащими къ войсковому сословію. Это мѣропріятіе, по мнѣнію Гейнса, было необходимо

[1]) Семипалатинскій листокъ 1904 г. 26-го ноября № 261.
[2]) Записки Менькова. Часть 3, стр. 203.

для того, чтобы ослабить почему-то непонравившуюся ему корпоративную особенность Сибирскихъ казаковъ.

Такое воззрѣніе Гейнса на казачью администрацію, а въ особенности на войсковое хозяйство Сибирскихъ казаковъ оказывается одностороннимъ. Прежде всего поражаетъ своею странностью поголовное обвиненіе сибирскихъ казаковъ въ полнѣйшей неблагонадежности. Если допустить, что человѣкъ всюду заноситъ за собою зло, то зло это во всякомъ случаѣ не можетъ быть исключительною принадлежностью одного казачьяго управленія. Оно можетъ существовать во всякомъ другомъ управленіи, а, слѣдовательно, и въ областныхъ штабахъ. Но неудобство управленія казачьими дѣлами въ послѣднихъ усугубляется въ неблагопріятную сторону тѣмъ, что дѣло будетъ находиться въ рукахъ людей, совершенно незнакомыхъ съ особенностями казачьяго управленія и хозяйства. Наконецъ, раздѣленіе управленія хозяйствомъ въ одномъ и томъ же войскѣ на два отдѣльныхъ управленія представляетъ собою крупную аномалію. Войсковое хозяйство можетъ только тогда развиваться и крѣпнуть, когда оно находится въ однѣхъ рукахъ, т. е. когда существуетъ единство въ управленіи. Но если единеніе составляетъ силу, то разъединеніе произведетъ разладъ. Вслѣдствіе чего войсковое хозяйство, раздѣленное на два самостоятельныхъ отдѣла, утративъ единство въ управленіи, неминуемо придетъ въ упадокъ. Каждое изъ этихъ отдѣльныхъ учрежденій будетъ имѣть свои личные взгляды на одинъ и тотъ же хозяйственный вопросъ, что и повлечетъ за собою, за отсутствіемъ объединяющаго элемента, противорѣчіе въ распоряженіяхъ по однороднымъ вопросамъ экономическаго характера. При такомъ положеніи дѣла, едва ли можно ожидать правильнаго и систематическаго развитія войскового хозяйства. Но и помимо всего изложеннаго, при самомъ образованіи двухъ новыхъ хозяйственныхъ правленій, тотчасъ же неотступно стали возникать и другіе разнообразные вопросы, порождавшіе массу недоразумѣній и затрудненій разнаго рода, что и ставило иногда войсковую администрацію въ крайне затруднительное положеніе, по неподготовкѣ ея къ этой реформѣ.

Въ настоящее время можетъ показаться страннымъ, какъ могъ возникнуть подобный проектъ, а главное пріобрѣсти обязательную силу закона. Но въ тогдашнее либеральное время все было возможно. Извѣстіе объ упраздненіи Войскового Хозяйственнаго правленія и объ образованіи вмѣсто него двухъ хозяйственныхъ правленій въ степныхъ областяхъ Западной Сибири: Акмолинской и Семипалатинской произвело на казаковъ и вообще на

всѣхъ лицъ, понимавшихъ это дѣло и знакомыхъ съ мѣстными условіями края,—ошеломляющее впечатлѣніе. Но это продолжалось недолго. Проектъ Гейнса имѣлъ эфемерное существованіе: при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, онъ сразу потерялъ всякій raison d'etre и лопнулъ, какъ мыльный пузырь. Такимъ образомъ, войсковое хозяйство осталось по-прежнему въ вѣдѣніи одного войскового правленія. Обстоятельство это служитъ выпуклымъ показателемъ, что какъ часто у насъ кабинетныя соображенія, гладкія на бумагѣ, расходятся съ дѣйствительностью, не имѣя съ нею ничего общаго.

Приведенное же выше, почти поголовное порицаніе Гейнсомъ Сибирскихъ казаковъ, является въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что мы, русскіе, всячески стараемся унизить, часто безъ всякихъ твердыхъ и основательныхъ поводовъ,—своихъ собратьевъ въ общественномъ мнѣніи, въ то время, когда иностранцы о тѣхъ же людяхъ даютъ совершенно противоположное мнѣніе, отзываясь о нихъ съ большимъ сочувствіемъ и справедливостью, какъ напр. изв. пут. Свенъ-Techинъ.

Глава III.

Тревожное положеніе дѣлъ въ пригpаничномъ районѣ Семипалатинской области, вызванное возстаніемъ дунгановъ въ Западномъ Китаѣ. Прибытіе мое въ Семипалатинскъ и выѣздъ оттуда на китайскую границу. Производство на мѣстѣ разслѣдованія о разгромленіи подвластныхъ намъ киргизъ Зайсанскаго края китайскими калмыками подъ начальствомъ Чоганъ-Кегеня. Мѣры, принятыя мною для охраны границы.

Началомъ безпокойствъ, возникшихъ на западной китайской границѣ, вскорѣ послѣ подписанія Чугучакскаго договора, слѣдуетъ признать распространившееся въ это время въ сопредѣльныхъ съ Семипалатинской областью китайскихъ провинціяхъ Тарбагатай и Или возстанія китайскихъ магометанъ или дунгановъ. Это возстаніе, какъ и слѣдовало ожидать произвело замѣшательство среди пригpаничныхъ киргизъ и въ особенности рѣзко высказалось въ предѣлахъ сѣверо-восточнаго пограничнаго района степи. При такомъ тревожномъ положеніи дѣлъ, намъ было необходимо тогда же безотлагательно придвинуть наши войска къ границѣ. Если во время хода Чугучакскихъ переговоровъ занятіе границы нашими отрядами признавалось полезнымъ для поддержанія порядка и спокойствія между пограничными киргизами, то

теперь, когда возникшіе безпорядки въ средѣ кочевого населенія степи начали принимать тревожные размѣры и вскорѣ повлекли за собою кровопролитныя столкновенія между нашими и китайскими инородцами,—вооруженное занятіе границы дѣлалось уже повелительною необходимостью. Къ сожалѣнію, мѣстныя сибирскія власти, съ самаго начала дунганскаго возстанія не придавали ему должнаго значенія и не допускали, чтобы оно могло неблагопріятно отразиться на пограничномъ кочевомъ населеніи степи. Вслѣдствіе чего государственная граница въ первое время дунганской смуты, не будучи занята нашими войсками, оставалась совершенно открытою. Пользуясь этимъ, а также и повсемѣстнымъ безначаліемъ въ Западномъ Китаѣ, киргизы Байджигитовскаго, Кызаевскаго и другихъ приграничныхъ родовъ, не признавая надъ собой никакой власти и волнуемые обычными имъ наклонностями къ дикой свободѣ и страстными порывами къ хищничеству и наживѣ, предались необузданному своеволію. Манчжуры и китайцы, бѣжавшіе изъ Чугучака съ намѣреніемъ укрыться въ степи отъ ожесточеннаго злорадства дунгановъ, большею частью были ограблены или убиты киргизами, которые злодѣйствовали въ Чугучакѣ и его окрестностяхъ, по ходившимъ въ то время слухамъ, даже болѣе чѣмъ сами дунганы. Во всѣхъ этихъ грабежахъ принимали участіе и нѣкоторые изъ подданныхъ намъ киргизъ Муруновской, Тогосъ-Байджигитовской и др. волостей. Но главными участниками несомнѣнно были байджигиты и кызаевцы, кочующіе въ северо-восточной части киргизской степи, сопредѣльной съ Тарбагатайскимъ округомъ Западнаго Китая. Не ограничиваясь разбоями въ Чугучакѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, байджигиты и кызаевцы производили набѣги и на сосѣдніе калмыцкіе улусы. Съ свой стороны калмыки, ожесточенные этими грабежами, рѣшились при первомъ удобномъ случаѣ выместить всю накопившуюся у нихъ злобу. Въ октябрѣ 1865 г. многочисленныя скопища калмыковъ вторглись въ аулы байджигитовъ, расположенные въ мѣстности къ югу отъ Тарбагатайскаго хребта и совершенно разграбили ихъ. Такимъ же образомъ въ 1866 г. и кызаевцы, неоднократно грабившіе своихъ сосѣдей чахаровъ, живущихъ по долинѣ р. Боротала, подверглись ожесточенному мщенію послѣднихъ, причемъ спаслись только тѣ изъ кызаевцевъ, которые успѣли бѣжать, а остальные большею частью были убиты безъ различія пола и возраста. Независимо отъ этихъ столкновеній съ калмыками,—въ средѣ байджигитовъ, кызаевцевъ и другихъ приграничныхъ киргизъ, въ томъ числѣ и находившихся въ нашемъ подданствѣ, производились взаимные грабежи и угонъ скота. Словомъ сказать, въ теченіе 1865—66 г. на окраинахъ Кокпектинскаго и Сергіопольскаго округовъ Семипалатинской области, т. е. въ Зайсанскомъ краѣ и къ югу отъ Тарбагатайскаго хребта,—царствовало совершенное безначаліе, доходившее до того, что проѣздъ по степи изъ Усть-Каменогорска въ Кокпекты и изъ Сергіополя въ Урджаръ, былъ одно время не совсѣмъ безопасенъ отъ киргизскихъ хищниковъ, рыскавшихъ по всѣмъ направленіямъ. Но всѣ эти безпорядки и обоюдные грабежи между нашими и китайскими инородцами въ 1865 и 1866 г.г. оказались незначательными и отодвинулись на второй планъ сравнительно съ тѣмъ грандіознымъ погромомъ, который былъ произведенъ 8 тыс. скопищемъ калмыковъ, подъ начальствомъ Чоганъ-Кегеня, въ слѣдующемъ 1867 г. въ районѣ Зайсанскаго края. Вторженіе Чоганъ-Кегена въ наши предѣлы послужило новымъ подтвержденіемъ о необходимости принять безотлагательно рѣшительныя мѣры для умиротворенія вновь присоединеннаго къ нашимъ владѣніямъ Зайсанскаго края и введенія въ немъ надлежащаго устройства и управленія. Для осуществленія этой цѣли и принятіе на мѣстѣ соотвѣтствующихъ тогдашнимъ обстоятельствамъ мѣръ для охраны границы на сѣверо-востокѣ киргизской степи и вслѣдствіе возникающихъ въ ней безпорядковъ, Ген.-Губ. Западной Сибири Хрущовъ призналъ необходимымъ командировать меня на китайскую границу, возложивъ на меня же и обязанность Военнаго Губернатора и командующаго войсками въ Семипалатинской области. Предмѣстникъ же мой, генералъ Колпаковскій, по случаю состоявшагося въ это время образованія Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства, былъ назначенъ Степнымъ Губернаторомъ и находился, въ Семипалатинскѣ въ ожиданіи прибытія проѣздомъ въ Ташкентъ Туркестанскаго Ген.-Губ. К. П. Кауфмана.

Какъ ни казалась трудною возложенная на меня задача, но я, не колеблясь, принялъ это порученіе въ твердой увѣренности, что могу принести посильную пользу дѣлу водворенія въ Зайсанскомъ краѣ надлежащаго порядка и полнаго спокойствія. Край этотъ былъ мнѣ хорошо извѣстенъ и изученъ мною во всей подробности. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ веденія переговоровъ съ китайцами въ Чучучакѣ, занимая должность полномочнаго комиссара по разграниченію съ Китаемъ и завѣдуя топографическими работами, производившимися тогда на китайской границѣ, а также описанной выше Зайсанской экспедиціей, я имѣлъ полную возможность ознакомиться съ мѣстностью и ея населеніемъ, а равно и съ соображеніями политическаго характера, относящимся до пограничныхъ дѣлъ съ китайцами. 1-го октября я прибылъ въ

Семипалатинскъ, гдѣ и оставался въ ожиданіи пріѣзда Турк. Ген.-Губ. К. П. Кауфмана которому я былъ извѣстенъ со времени нашей совмѣстной службы на Кавказѣ, въ составѣ дѣйствующаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ, подъ начальствомъ князя В. О. Бебутова. Во время пребыванія въ Семипалатинскѣ К. П. Кауфманъ очень заинтересовался подробностями недавняго погрома, произведеннаго Чоганъ-Кегенемъ въ Зайсанскомъ краѣ. Объ этомъ печальномъ событии давали объясненія капитанъ Щетининъ, руководившій дѣйствіями нашихъ отрядовъ, выставленныхъ на границѣ, а также и генералъ Колпаковскій. Неудовлетворенный этими объясненіями, К. П. Кауфманъ потребовалъ къ себѣ китайскаго сановника Жунъ-Цзю-аня, находившагося въ Семипалатинскѣ. Такъ какъ дунганская смута въ Зап. Китаѣ въ то время еще не улеглась, сановникъ Жунъ являлся единственнымъ представителемъ китайской власти на западныхъ предѣлахъ имперіи. Обстоятельство это давало основаніе полагать, что вторженіе калмыцкихъ скопищъ въ Зайсанскій край для грабежа нашихъ киргизъ едва-ли не было сдѣлано по внушенію Жуна. Во время происходившихъ по этому поводу объясненій К. П. Кауфмана съ Жуномъ, послѣдній на всѣ сдѣланные ему вопросы относительно грабежа нашихъ киргизъ Чоганъ-Кегенемъ давалъ, по обычнымъ пріемамъ китайской политики, такіе уклончивые отвѣты, что отъ него невозможно было ничего добиться.

Вскорѣ послѣ того генералъ Кауфманъ уѣхалъ изъ Семипалатинска въ укр. Вѣрное и далѣе въ Ташкентъ. При прощаньи онъ сказалъ мнѣ, что въ письмѣ Военному министру онъ выразилъ увѣренность въ успѣшномъ и добросовѣстномъ исполненіи мною возложеннаго на меня порученія относительно умиротворенія Зайсанскаго края и по производству разслѣдованія по дѣлу разграбленія байджигитовскихъ ауловъ калмыцкими скопищами, подъ предводительствомъ Чоганъ-Кегеня.

По отъѣздѣ генерала Кауфмана и Колпаковскаго изъ Семипалатинска, я немедленно отправился на китайскую границу, вызвавъ предварительно въ г. Кокпекты всѣхъ султановъ, біевъ и почетныхъ людей отъ всего населенія Зайсанскаго края. Многіе изъ нихъ были мнѣ лично извѣстны съ 1863 г.—со времени Зайсанской экспедиціи. Отъ этихъ лицъ, выказавшихъ мнѣ на первыхъ порахъ полное довѣріе, и изъ разспросовъ плѣнныхъ, взятыхъ при преслѣдованіи нашими отрядами калмыцкихъ скопищъ Чоганъ-Кегеня, большая часть которыхъ оказалась китайцами, я пришелъ къ убѣжденію, что въ составѣ этихъ скопищъ находились не одни калмыки, но были также и китайцы, бѣжавшіе изъ городовъ Кульджи и Чугучака и успѣвшіе спастись отъ преслѣдованія дунгановъ и найти себѣ убѣжище въ калмыцкихъ улусахъ.

Нельзя было сомнѣваться, что вторженіе въ наши предѣлы сдѣлано было по приказанію Чоганъ-Кегеня съ цѣлью грабежа нашихъ киргизъ. Въ то же время мною было получено свѣдѣніе, что скопища Чоганъ-Кегеня отошли въ долину р. Кобокъ, гдѣ улусы торгоутовъ располагались обыкновенно на зимнія стойбища.

Это обстоятельство, а также наступленіе холоднаго времени, неимѣніе у нижнихъ чиновъ теплой одежды и совершенный недостатокъ въ подножномъ кормѣ и топливѣ, до крайности затрудняли дальнѣйшее пребываніе отрядовъ на границѣ, а потому, сдѣлавъ распоряженіе о снятіи отрядовъ съ занимаемыхъ ими позицій, а самъ тогда же выѣхалъ изъ Кокпектовъ на границу, съ цѣлью на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, а въ особенности съ направленіемъ умовъ въ средѣ туземнаго кочевого населенія и главнымъ образомъ въ классѣ людей, наиболѣе вліятельныхъ между киргизами Зайсанскаго края. Осмотрѣвъ отряды, возвращающіеся въ г. Кокпекты и объѣхавъ пограничный край, я имѣлъ полную возможность посредствомъ разспросовъ у войсковыхъ и мѣстныхъ пограничныхъ начальниковъ, а также и другимъ путемъ основательно ознакомиться на мѣстѣ со всѣми обстоятельствами, относящимися до вторженія Чоганъ-Кегеня въ наши предѣлы. Во время этого объѣзда я убѣдился, что вліяніе наше въ средѣ пограничныхъ киргизъ Зайсанскаго края, недавно перешедшихъ въ наше подданство по Пекинскому трактату, значительно поколебалась вслѣдствіе вторженія Чоганъ-Кегеня, которое сверхъ того породило недовѣріе къ намъ этихъ киргизъ и угрожало въ значительныхъ размѣрахъ киргизской эмиграціи изъ Зайсанскаго края въ китайскіе предѣлы. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ оказалось возможнымъ разъяснить это запутанное дѣло и представить Генералъ-Губернатору полное и подробное объясненіе всѣхъ обстоятельствъ, относящихся до вторженія Чоганъ-Кегеня въ наши предѣлы.

Окончивъ разслѣдованіе этого дѣла и сдѣлавъ необходимыя распоряженія, я вновь пригласилъ къ себѣ всѣхъ старшинъ пограничныхъ киргизовъ Зайсанскаго края. При этомъ я объявилъ имъ, что по ходатайству главнаго начальника края, тѣ изъ нихъ которые были разграблены калмыками, будутъ вознаграждены соотвѣтственно понесеннымъ убыткамъ заявленнымъ ими Кокпектинскому Военно-Окружному Начальству. Въ то же время, я рекомендовалъ киргизамъ не входить самопроизвольно въ сдѣлки съ калмыками для окончанія расчетовъ объ отбитомъ ими скотѣ, а также удерживать народъ отъ всякихъ сношеній съ дунганами, жить мирно и избѣгать ссоръ, а тѣмъ болѣе враждебныхъ столкновеній съ

сосѣдями, а въ особенности съ каракиреевцами, которымъ байджигиты уже готовились въ то время отомстить за участіе ихъ въ грабежѣ, произведенномъ скопищами Чоганъ-Кегеня. Затѣмъ я указалъ байджигитамъ на необходимость защищать свои аулы и стада, наблюдать границу своими разъѣздами и о всемъ замѣченномъ доносить начальнику передового казачьяго отряда. Байджигиты, выслушавъ меня съ полнымъ вниманіемъ, обѣщали въ точности слѣдовать этимъ указаніямъ. Послѣдствія показали, что несмотря на все свое легкомысліе, киргизы въ этомъ случаѣ дѣйствовали съ полнымъ довѣріемъ къ нашей власти. Распоряженія объ охранѣ границы на случай новаго вторженія Чоганъ-Кегеня заключались въ выставленіи особаго отряда изъ полусотни казаковъ на р, Джиты-аралѣ, откуда высылались разъѣзды по направленію къ границѣ, гдѣ они должны были входить въ связь съ киргизскими разъѣздами, о которыхъ было упомянуто выше. Для этого все пространство границы было раздѣлено мною на участки, подчиненные вѣдѣнію особаго киргизскаго старшины, имѣющаго свои зимнія стойбища вблизи охраняемаго имъ участка. Опредѣливъ въ особой инструкціи порядокъ дѣйствій передового отряда и резерва, т. е. всѣхъ войскъ Кокпектинскаго гарнизона для отраженія калмыцкихъ скопищъ на случай новаго съ ихъ стороны покушенія и расположивъ киргизскіе пикеты по тракту отъ р. Чорга до Кокпектовъ и оттуда прямымъ и кратчайшимъ путемъ по р. Чаръ-Гурбану до Семипалатинска для скорѣйшаго сообщенія свѣдѣній о всемъ происходящемъ на границѣ, я, въ концѣ Октября 1867 г., возвратился въ Семипалатинскъ.

Глава IV.

Возвращеніе въ Семипалатинскъ. Составленіе соображеній объ организаціи управленіи во вновь присоединенномъ къ русскимъ владѣніямъ Зайсанскомъ краѣ, а также объ охранѣ границы и водвореніи на ней вооруженнаго населенія. Мѣры, принятыя мною для задержки въ Семипалатинскѣ, по приказанію генерала Хрущова, китайскаго сановника Жунъ-Цзю-аня. Распоряженія мои по гражданской части во время управленія мною Семипалатинской областью. Генералъ Хрущовъ поручаетъ мнѣ выбрать въ приграничной части Зайсанскаго края къ югу отъ озера Зайсана мѣсто, долженствующее служить опорнымъ пунктомъ для войскъ, охраняющихъ границу. Подробный осмотръ мною пограничной мѣстности Зайсанскаго края и заложеніе Зайсанскаго поста, впослѣдствіи переименованнаго въ г. Зайсанъ. Отъѣздъ съ китайской границы въ г. Омскъ, по случаю полученія новаго назначенія.

По прибытіи въ Семипалатинскъ я поспѣшилъ прежде всего заняться составленіемъ подробныхъ соображеній о введеніи рус-

скаго управленія во вновь присоединенныхъ къ владѣніямъ Россіи по Пекинскому договору мѣстностяхъ, составляющихъ сѣверовосточную окраину киргизской степи и лежащихъ къ сѣверу отъ озера Зайсана до р. Нарыма и къ югу отъ этого озера до Тарбагатайскаго хребта. Край этотъ, извѣстный подъ именемъ Зайсанскаго и представляющій собою предѣльную полосу мусульманскаго востока, занятъ сплошнымъ киргизскимъ населеніемъ. Оно занимаетъ своими кочевьями всю долину р. Курчума и весь юговосточный бассейнъ озера Зайсана. Такимъ образомъ, предѣлъ крайняго восточнаго простиранія кочевьевъ киргизскаго народа составляетъ верховья р. Чернаго Иртыша. Отсюда черта, отдѣляющая эти кочевья отъ смежныхъ съ ними калмыцкихъ улусовъ, проходитъ приблизительно по снѣжному хребту Мусъ-тау, замыкающему Черно-Иртышскую долину съ юга и направляется по гребню горъ Сары-Тумсукъ и Кочжуръ. Изъ этого видно, что черта государственной границы, опредѣленной по Чугучакскому договору 1864 г., въ смыслѣ этнографическомъ не составляетъ рубежа, отдѣляющаго народъ киргизскій отъ пограничныхъ монгольскихъ племенъ, подвластныхъ Китаю. На этой окраинѣ киргизской степи, государственная граница пересѣкаетъ кочевья пограничныхъ киргизъ такъ, что нѣкоторые изъ нихъ по Чугучакскому договору отошли къ Россіи, а другіе остались по прежнему въ зависимости отъ Китая. Все пространство земель, присоединенныхъ къ Россіи, простирается приблизительно до 25.960 кв. верстъ, при 64 тыс. кочевого населенія.

Ознакомившихъ, насколько было возможно, съ расположеніемъ кочевьевъ приграничныхъ киргизъ, какъ въ районѣ Зайсанскаго края, такъ и въ сопредѣльныхъ съ ними мѣстностяхъ китайскихъ владѣній, я пришелъ къ убѣжденію, что нѣкоторые изъ киргизскихъ родовъ должны почти полностью отойти къ Китаю, у другой же незначительной части приграничныхъ киргизъ земельные районы нѣкоторыхъ родовъ были разрѣзаны границей. Отъ этого часть лѣтнихъ и зимнихъ стойбищъ одного и того же рода оказались въ нашихъ владѣніяхъ, а другая часть въ китайскихъ предѣлахъ. Избѣжать этой ненормальности въ разъединеніи границею племенъ, принадлежащихъ къ одной и той же народности, при установленіи вообще государственной границы даже между европейскими государствами, т. е. въ средѣ культурныхъ народовъ, оказывается не всегда возможнымъ, какъ это будетъ подробно объяснено ниже. Въ данномъ же случаѣ, т. е. при проведеніи западной китайской границы, это представлялось тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что приходилось вести границу въ средѣ

не осѣдлаго, а подвижного населенія, переходящаго съ мѣста на мѣсто, причемъ и самыя площади родовыхъ кочевыхъ районовъ въ свою очередь также не сохраняли опредѣленныхъ границъ, но очертанія ихъ часто мѣнялись, находясь въ зависимости отъ урожая травъ и соглашенія между сосѣдними родовичами. При ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ на мѣстѣ и всестороннемъ его разсмотрѣніи оказалось, что родовое землевладѣніе у пограничныхъ киргизъ Зайсанскаго края было уже нарушено еще въ предшествовавшие годы и въ данное время, можно сказать, вовсе не существовало. Киргизскіе эмигранты, бѣжавшіе, въ Китай отъ грабежа, о чемъ говорилось выше, покинули свои родовыя зимовки, которыя тогда же были заняты другими родами. То же самое повторилось и во время калмыцкихъ погромовъ, когда киргизы, бросивъ свои стойбища, искали спасенія въ бѣгствѣ. Словомъ сказать, всѣ приграничные роды и отдѣленія ихъ такъ перемѣшались и перепутались, что произошло полнѣйшее нарушеніе прежде существовавшаго родового землевладѣнія. Чтобы разобраться въ этомъ дѣлѣ, а въ особенности въ возникшихъ поземельныхъ спорахъ и неурядицахъ и затѣмъ организовать дѣло киргизскаго землевладѣнія на будущее время на прочныхъ началахъ, я находилъ необходимымъ прежде всего привести въ извѣстность земли, занятыя зимними стойбищами этихъ киргизъ въ предѣлахъ мѣстностей, отошедшихъ къ владѣніямъ Россіи. Возможное разъясненіе всѣхъ недоразумѣній, которыя неминуемо должны были возникнуть въ этомъ случаѣ, а также обсужденіе всѣхъ обстоятельствъ и мѣръ, относящихся до организаціи мѣстнаго управленія пограничными киргизами, по моему крайнему убѣжденію, могло быть достигнуто посредствомъ съѣзда султановъ, біевъ и почетныхъ людей отъ всѣхъ родовъ Зайсанскаго края, переходящихъ въ русское подданство. Съѣзды эти я полагалъ учредить въ двухъ мѣстахъ: 1) на р. Курчумѣ для Акъ-Наймановъ и др. родовъ, кочующихъ къ сѣверу отъ озера Зайсана до Верхней Бухтармы и Нарыма и 2) при укрѣпленномъ Зайсанскомъ посту, который было предположено возвести на границѣ. Въ этомъ мѣстѣ я предполагалъ собрать старшинъ отъ всѣхъ киргизъ, занимающихъ своими кочевьями восточный бассейнъ озера Зайсана, т. е. байджигитовъ, торгоутовъ и друг. родовъ на этихъ съѣздахъ, примѣняясь къ бывшимъ въ подобныхъ случаяхъ примѣрамъ, я находилъ необходимымъ объявить всенародно и торжественно, что всѣ киргизы, кочующіе по обѣимъ сторонамъ озера Зайсана, начиная отъ Иртыша и Тамырсыка до верховій Бухтармы, Курчума, Хамоту и отъ пикета Маниту-Гатулъ-

Ханъ до верховьевъ Кендерлика, на основаніи трактата, заключеннаго съ китайцами въ Пекинѣ и дополнительнаго къ сему трактату Чугучакскаго договора, окончательно пріемлются въ подданство Россійской державѣ, и затѣмъ объяснить имъ въ общихъ чертахъ проектированное Степною комиссіей новое положеніе объ управленіи киргизами въ степныхъ областяхъ Западно-Сибирскаго вѣдомства. По объявленіи всѣхъ означенныхъ узаконеній, полагалось всѣхъ присутствующихъ на съѣздѣ старшинъ привести къ присягѣ по народному обычаю и роздать наиболѣе вліятельнымъ людямъ почетныя награды и подарки.

Въ видахъ устраненія затрудненій, могущихъ возникнуть при исчисленіи въ малоизвѣстномъ намъ краѣ ауловъ и юртъ для установленія правильнаго сбора кибиточной подати, я призналъ болѣе соотвѣтственнымъ держаться въ этомъ осношеніи порядка, установленнаго въ сосѣдней Семирѣченской области Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства, о чемъ я имѣлъ случай вполнѣ ознакомиться во время пребыванія въ Семипалатинскѣ генерала Кауфмана и Гейнса, назначеннаго правителемъ его канцеляріи. На этомъ основаніи, мною было предположено учредить повѣрочныя комиссіи, кругъ дѣйствій и обязанности которыхъ полагалось опредѣлить особою, лично мною составленною инструкціей. При этомъ организація волостей и ауловъ на основаніяхъ, принятыхъ въ Семирѣченской области, т. е. составленіе ауловъ изъ заранѣе назначеннаго числа юртъ съ 100 до 200, а волостей отъ 1 тыс. до 2 тыс. кибитокъ было мною изъято изъ обязанностей повѣрочныхъ комиссій на томъ основаніи, что исполненіе всего этого потребуетъ много времени и отвлечетъ членовъ комиссіи отъ ихъ прямыхъ обязанностей. Сверхъ того, при первомъ сближеніи нашемъ съ туземцами необходимо было избѣгать всякой преждевременной ломки старыхъ порядковъ, чтобы не возбудить съ ихъ стороны недовѣріе къ намъ. Такихъ комиссій я полагалъ назначить четыре. Изъ нихъ двѣ должны собирать свѣдѣнія о киргизахъ Зайсанскаго края, т. е. байджигитахъ и торгоутахъ, а другія двѣ—для собранія свѣдѣній о киргизахъ Курчумскаго края, кочующихъ къ сѣверу отъ озера Зайсана до верховьевъ Бухтармы и Нарыма. Такова была сущность составленныхъ мною соображеній о введеніи во вновь присоединенномъ Зайсанскомъ краѣ надлежащаго устройства и управленія. Между тѣмъ, во время моихъ занятій по разработкѣ означенныхъ выше предположеній и вопросовъ по организаціи управленія киргизами Зайсанскаго края, совершенно неожиданно я получилъ предписаніе отъ Генералъ-Губерн. задержать, во что бы то ни стало, временно про-

живавшаго въ Семипалатинскѣ Илійскаго (Улясутайскаго) Цзянь-Цзюня Жунъ-цзю-аня, который уже собирался выѣхать въ г. Кобдо. Это распоряженіе поставило меня въ крайне затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что подобное задержаніе было равносильно аресту. Арестовать же важнаго китайскаго сановника безъ всякаго повода было не легко.

Причина, по которой генералъ Хрущовъ рѣшился на эту мѣру, заключалась въ томъ, что Жунъ не только отрицалъ свое участіе въ организаціи предпринятаго Чоганъ-Кегенемъ набѣга въ предѣлы Зайсанскаго края съ цѣлью грабежа байджигитовскихъ ауловъ, но даже старался доказать законность его дѣйствій. Въ данномъ мнѣ по этому дѣлу предписаніи упоминалось, между прочимъ, что въ виду предполагаемаго также секвестрованія китайскаго серебра, хранящагося въ г.г. Семипалатинскѣ и Копалѣ, на довольно значительную сумму,—дозволить китайцамъ дѣлать изъ этаго серебра только самые необходимые расходы, а сановнику Жуну воспретить выѣздъ изъ Семипалатинска, объявивъ ему о томъ только въ крайнемъ случаѣ.

Такая суровая мѣра по отношенію къ Жуну едва-ли могла быть чѣмъ-нибудь оправдана. Повидимому, Хрущовъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по военному—ex abrupto. Такой пріемъ въ дипломатическихъ дѣлахъ не всегда оказывается умѣстнымъ. Притомъ ему не было положительно извѣстно, дѣйствительно ли Жунъ принималъ участіе въ организаціи хищническаго набѣга Чоганъ-Кегеня. Обстоятельство это разъяснилось въ скоромъ времени, а именно въ 1868 г., когда извѣстный синологъ и знатокъ Китая Поповъ, бывшій въ то время драгоманомъ нашей Пекинской миссіи, доставилъ точныя свѣдѣніи объ этомъ дѣлѣ, извлеченныя имъ изъ оффиціальныхъ источниковъ. Оказалось, что, по паденіи Кульджи, одновременно съ своимъ Цзянь-Цзюнемъ, былъ назначенъ исправляющимъ должность Илійскаго Цзянь-Цзюня Ли-юнь-линь, родомъ пекинецъ. Послѣднее званіе онъ носилъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ Жунъ-цзю-анемъ. Дѣло въ томъ, что долгое время собираясь подать помощь Кульджѣ и получивъ вдругъ извѣстіе о потерѣ двухъ городовъ Зап. Китая разомъ, китайское правительство возъимѣло было мысль, по совѣту русскихъ, дѣйствовать наступательно. Ли-юнь-линь игралъ во всѣхъ этихъ приготовленіяхъ самую главную роль вмѣстѣ съ Чоганъ-Кегенемъ. Между тѣмъ, китайское правительство, въ видахъ водворенія своихъ эмигрантовъ, укрывшихся въ Россіи, а также и другихъ выходцевъ, перешедшихъ въ Кобдинскій и Улясутайскій округа, а, можетъ быть, и по другимъ особымъ соображеніямъ, вздумало

построить новый городъ и учредить новый округъ Булунь-Тохой. Устройство новаго города оно поручило Ли-юнь-линю и Чоганъ-Кегеню, сдѣлавъ перваго правителемъ новаго округа. Ли-юнь-линь, принимавшій, повидимому, не послѣднее участіе въ экспедиціи Чоганъ-Кегеня противъ подвластныхъ Россіи киргизъ байджигитовскаго рода въ 1867 г. и чувствовавшій вслѣдствіе этого неловкость своего положенія, сказался было больнымъ, но его заставили поѣхать къ мѣсту назначенія. Въ Іюлѣ 1868 г. неожиданно произошелъ бунтъ милиціонеровъ, набранныхъ раньше Ли-юнь-линемъ изъ Гучена. Соединившись съ выходцами, они напали на калмыковъ Чоганъ-Кегеня. Тогда Ли бѣжалъ въ Кобдо. Вслѣдствіи этого Ли былъ лишенъ чиновъ и вызванъ въ Пекинъ, а затѣмъ по суду сосланъ въ Цицикарскую провинцію. Отсюда видно, что дѣйствительное участіе въ экспедиціи Чоганъ-Кегеня принималъ не Жунъ, а Ли-юнь-линь и если допустить участіе Жуна, то оно было лишь косвенное.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, которому Хрущовъ сообщилъ о своемъ распоряженіи относильно Жуна, какъ и слѣдовяло ожидать признало возможнымъ допустить только временную его задержку. На открытое же задержаніе Жуна, по мнѣнію Министерства, можно было бы рѣшиться только въ такомъ случаѣ, если участіе его въ набѣгѣ Чоганъ-Кегеня подтвердилось-бы ясными и неопровержимыми доказательствами. Секвестрованіе же китайскаго серебра, какъ государственной собственности, добровольно и съ полнымъ довѣріемъ переданнаго намъ на храненіе китайцами, Государствен. Канц. князь Горчаковъ находилъ преждевременнымъ.

Хотя Министерство Иност. Дѣлъ и признало возможнымъ допустить открытое задержаніе Жуна въ Семипалатинскѣ, но при всемъ томъ вопросъ о его задержаніи, въ сущности, оставался въ прежнемъ положеніи. Полагалось во всякомъ случаѣ задержать Жуна, но въ то же время не только не объявлять ему объ этомъ, но даже и не показывать вида, что его задерживаютъ. Словомъ сказать, я находился между Сциллой и Харибдой. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, мнѣ было необходимо всячески продлить время пребыванія Жуна въ Семипалатинскѣ подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ и тѣмъ отдалить его выѣздъ въ г. Кобдо. Для этого прежде всего нужно было ознакомиться съ образомъ частной жизни и привычками, усвоенными себѣ Жуномъ, чтобы можно было заинтересовать его и сдѣлать пріятнымъ время пребыванія его въ Семипалатинскѣ. Для достиженія этой цѣли, нужно было прежде всего приставить къ нему

особое довѣренное лицо изъ русскихъ офицеровъ или чиновниковъ, хорошо знающихъ китайскій языкъ. Найти такое лицо, особенно въ тогдашнее время, было весьма затруднительно. Но на этотъ разъ меня выручили казаки. Я припомнилъ, что во время моихъ многочисленныхъ бесѣдъ съ И. И. Захаровымъ въ Чугучакѣ, во время переговоровъ съ китайцами, онъ рекомендовалъ мнѣ на случай надобности Сибирскаго каз. войска урядника Власова, какъ хорошо знающаго китайскій разговорный языкъ. Находясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Кульджѣ въ составѣ консульскаго конвоя, Власовъ, подъ руководствомъ самого Захарова и при постоянномъ пребываніи среди китайцевъ, успѣлъ хорошо ознакомиться съ ихъ разговорнымъ языкомъ и усвоилъ себѣ умѣніе обращаться съ китайцами. Власовъ, уже бывшій въ то время офицеромъ, тотчасъ-же былъ вызванъ мною въ Семипалитинскъ и назначенъ состоять при Жунѣ. Власову было мною приказано всячески стараться пріобрѣсти полное довѣріе Жуна, что, при знаніи Власовымъ китайскаго языка и пріобрѣтенной имъ опытности въ сношеніяхъ съ китайцами, было достигнуто имъ ловкимъ образомъ въ самое короткое время. Власовъ разъѣзжалъ съ Жуномъ по городу, дѣлалъ визиты и придумывалъ для него разныя развлеченія. Все это постепенно сблизило Власова съ Жуномъ, который сталъ относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Власовъ проводилъ у Жуна цѣлые дни и всячески старался задержать его въ Семипалатинскѣ, уговаривая, согласно даннымъ мною указаніямъ, отложить поѣздку въ Кобдо по крайней мѣрѣ до весны, ссылаясь при этомъ на трудность переѣзда въ суровое зимнее время, когда горные проходы завалены глубокимъ снѣгомъ, а слѣдованіе по степи сопряжено съ большими затрудненіями, вслѣдствіе постоянныхъ мятелей и булановъ, свирѣпствующихъ въ мѣстностяхъ по пути слѣдованія изъ Семипалатинска въ Кобдо. Къ тому же этотъ путь и небезопасенъ отъ дунганскихъ шаекъ, успѣвшихъ уже прорваться въ предѣлы Западной Монголіи. Въ числѣ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ мнѣ задержать Жуна въ Семипалатинскѣ, было, между прочимъ, такой случай. Въ Семипалатинскъ совершенно неожиданно прибылъ проѣздомъ въ Туркестанъ странствующій престидижитаторъ, обладавшій, какъ оказалось, замѣчательной ловкостью продѣлывать руками съ неимовѣрною быстротой разнаго рода фокусы. Пріѣздъ въ Семипалатинскъ этого фокусника былъ какъ нельзя болѣе кстати. Я рѣшился воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для задержки Жуна еще на нѣкоторое время въ Семипалатинскѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я писалъ Генералъ-Губернатору Хрущову, что дальнѣйшая задержка Жуна будетъ весьма затруднительна. Затѣмъ, пригласивъ къ себѣ на вечеръ Жуна, я приказалъ явиться также и фокуснику. Послѣдній съ такимъ искусствомъ продѣлывалъ передъ Жуномъ самые замысловатые фокусы, что китайскій сановникъ до крайности заинтересовался ими. Онъ неоднократно выражалъ свое одобреніе и при прощаньи очень благодарилъ меня за доставленное ему удовольствіе. Во все время пребыванія фокусника въ Семипалатинскѣ, которое затянулось, по моему приказанію, на болѣе продолжительное время, Жунъ, поощряемый Власовымъ, не пропускалъ ни одного представленія.

Во все время описаннаго выше пребыванія Жуна въ Семипалатинскѣ, въ теченіе зимы 1867—1868 г., я часто видѣлся съ Жуномъ, который охотно посѣщалъ меня запросто, безъ всякаго соблюденія китайскихъ обычаевъ и принятаго въ подобныхъ случаяхъ этикета. Все это незамѣтно содѣйствовало нашему обоюдному движенію и породило чувство взаимной симпатіи. Между тѣмъ близилась весна и долѣе удерживать Жуна въ Семипалатинскѣ, повидимому, уже не было никакой возможности. Тогда я рѣшился пустить въ ходъ оставшееся у меня въ запасѣ послѣднее средство: воздѣйствовать на китайскаго сановника китайскимъ же оружіемъ. Припоминая, что во время происходившихъ въ Чугучакѣ переговорахъ, китайскіе комиссары съ цѣлью затянуть эти переговоры ссылались часто на то, что они выбираютъ счастливые дни для свиданія съ нами, а потому я приказалъ Власову внушить Жуну, что его выѣздъ можетъ состояться лишь въ первый счастливый день по нашему календарю, и обѣщать, что объ этомъ днѣ я не замедлю его увѣдомить и тогда же будетъ ему выдано и все китайское серебро, хранящееся въ Семипалатинскѣ. Не получая отъ Хрущова отвѣта на упомянутое выше мое ходатайство о выѣздѣ Жуна, я былъ вынужденъ подъ этимъ предлогомъ всячески затягивать его выѣздъ изъ Семипалатинска. Между тѣмъ. Жунъ, уже совсѣмъ совсѣмъ собравшійся въ дорогу заявилъ мнѣ, что онъ окончательно рѣшилъ выѣхать въ Кобдо черезъ нѣсколько дней. Положеніе мое съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе. Къ счастью, я получилъ вскорѣ отвѣтную депешу отъ Хрущова, на основаніи которой выѣздъ Жуна изъ Семипалатинска предоставлялся моему усмотрѣнію.

При прощаньи моемъ съ Жуномъ, онъ, несмотря на всю сдержанность, столь обычную китайскимъ сановникамъ, былъ замѣтно взволнованъ и въ самыхъ искреннихъ, сердечныхъ выраженіяхъ благодарилъ меня за всѣ заботы о немъ во время пре-

быванія его въ Семипалатинскѣ. На этомъ прощальномъ свиданіи моемъ съ Жуномъ, когда зашелъ разговоръ о тревожномъ положеніи дѣлъ на границѣ, вслѣдствіе все еще продолжающейся дунганской смуты, я заявилъ Жуну, что безпокойства на границѣ нашей съ Западнымъ Китаемъ, возникшія съ самаго начала дунганскаго возстанія, могли-бы быть значительно ослаблены, если-бы была поставлена граница, установленная Чугучакскимъ протоколомъ: «Правильность этого взгляда—говорилъ я Жуну—подтверждается тѣмъ, что какъ наши, такъ и китайскіе инородцы, во время взаимныхъ набѣговъ и грабежей, самовольно переходя изъ нашихъ въ китайскіе предѣлы, постоянно ссылались на то, что имъ неизвѣстенъ рубежъ, отдѣляющій земли русскаго и китайскаго владѣнія». Жунъ, внимательно выслушавъ это мое заявленіе, отвѣчалъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ моимъ мнѣніемъ и обѣщалъ обстоятельство это довести до свѣдѣнія китайскаго правительства. Хотя я и не расчитывалъ тогда, что это заявленіе Жуна могло имѣть какое-либо значеніе въ Пекинѣ, но послѣдствія показали, что, сверхъ моего ожиданія, ходатайство Жуна, повидимому, было уважено. Это должно заключить изъ того, что въ томъ же году китайское правительство возбудило вопросъ о постановкѣ государственной границы, опредѣленной Чугучакскимъ договоромъ, если и не на всемъ ея протяженіи, то по крайней мѣрѣ отъ пограничнаго знака Шабина-Дабага до Тарбагатайскаго хребта, т. е. въ предѣлахъ Западно-Сибирскаго Генералъ-Губернаторства. На это заявленіе послѣдовало полное согласіе со стороны нашего правительства. Вслѣдствіе чего и рѣшено было въ слѣдующемъ 1869 г. приступить къ постановкѣ на самой мѣстности западной китайской границы на всемъ упомянутомъ выше ея протяженіи. Подробное описаніе постановки этой границы будетъ мною изложено въ слѣдующей главѣ.

Простившись съ Жуномъ, я долженъ былъ безотлагательно предпринять поѣздку на китайскую границу, въ виду тревожнаго положенія дѣлъ въ сопредѣльныхъ провинціяхъ Западнаго Китая, гдѣ волненія и безпокойства, вызванныя возстаніемъ дунгановъ, еще не улеглись. По слухамъ, дунганы въ то время вознамѣрились предпринять вторженіе въ предѣлы Западной Монголіи по направленію на Кобдо и Улясутай, что въ дѣйствительности и осуществилось впослѣдствіи. Все это заставило меня лично удостовѣриться въ неукоснительномъ соблюденіи данной мною еще осенью 1867 г. инструкціи объ охранѣ границы и въ особенности въ строгомъ исполненіи сторожевой службы на границѣ самими киргизами, что представляло тогда еще первый опытъ такого употребленія кочевниковъ совмѣстно съ казаками для подобнаго рода охранной службы.

По прибытіи моемъ на границу, я удостовѣрился, что киргизы въ полной мѣрѣ оправдали мое довѣріе. Этому неоспоримо весьма много способствовало усердіе и распорядительность начальника передового казачьяго отряда есаула Калачева и способность Сибирскихъ казаковъ при врожденной имъ смѣтливости и сообразительности скоро сходиться и уживаться съ туземнымъ населеніемъ. Находясь на границѣ, я къ величайшему моему удивленію узналъ, что киргизы, бѣжавшіе изъ нашихъ предѣловъ въ Китай въ самый разгаръ дунганской смуты, массами возвращаются къ намъ изъ Западнаго Китая. Этотъ неожиданный наплывъ кочевого населенія представлялъ въ то время немаловажное затрудненіе въ томъ отношеніи, что покинутыя ими лѣтнія пастбища, а въ особенности зимовки, во время бѣгства ихъ въ Китай уже были заняты другими киргизскими родами. Размѣстить этихъ эмигрантовъ на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства оказалось весьма затруднительно, потому что пришлось бы выселить оттуда тѣ киргизскіе роды, которые уже занимали эти мѣста въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, что не обошлось-бы, безъ споровъ и столкновеній между киргизами. Для разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ этихъ споровъ по поземельному пользованію и владѣнію землями, мною были учреждены съѣзды изъ старшинъ и біевъ обѣихъ сторонъ, пользующихся довѣріемъ народа. Черезъ недолгое время всѣ эти споры и недоразумѣнія были полюбовно улажены на съѣздахъ, и дальнѣйшихъ споровъ и столкновеній между кочевниками уже болѣе не возникало во все остальное время управленія мною Семипалатинской области.

Вообще рѣшеніе всякаго рода тяжбъ и взаимныхъ жалобъ между кочевниками, по народнымъ обычаямъ, біями и другими почетными и вліятельными людьми на съѣздахъ представляло собою, въ большинствѣ случаевъ, надежную гарантію для возможно-правильнаго и справедливаго рѣшенія дѣла. Но и помимо этого, оно значительно сокращало и упрощало процедуру судебнаго процесса. Во время кратковременнаго управленія мною Семипалатинской областью я, при всякомъ удобномъ случаѣ, прибѣгалъ къ этому средству для примиренія тяжущихся сторонъ, путемъ добровольныхъ соглашеній ихъ между собою. Понятно, что этимъ путемъ могли разсматриваться и рѣшаться лишь незначительные иски и тяжбы, при разсмотрѣніи которыхъ я не встрѣчалъ особыхъ затрудненій, главнымъ образомъ потому, что это дѣло касалось большею частью кочевого населенія, съ которымъ я, при

частныхъ разъѣздахъ по Киргизской степи во время 4-хъ лѣтняго веденія переговоровъ съ китайцами въ Чугучакѣ, имѣлъ полную возможность хорошо ознакомиться.

Наиболѣе затрудненій встрѣчалось при разсмотрѣніи и рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ уголовнаго характера, въ виду ихъ сложности и запутанности. Это происходило отъ того, что предварительныя слѣдствія, которыя должны были бы служить путеводною нитью для уясненія самой сущности преступленій, велись, въ то время, до крайности поверхностно, часто даже небрежно и въ большинствѣ случаевъ не однимъ, а нѣсколькими слѣдователями. Такимъ образомъ, правильное и закономѣрное направленіе дѣла всецѣло зависѣло отъ чиновниковъ, получающихъ крайне ограниченное содержаніе. Притомъ мотивы преступленій, приводимые однимъ слѣдователемъ, опровергались другими, которымъ поручали, вмѣсто устраненныхъ прежнихъ слѣдователей,—дальнѣйшее веденіе дѣла. Словомъ сказать, выходила такая путаница, такой лабиринтъ, изъ котораго казалось не было никакого выхода. Будь предварительное слѣдствіе произведено толково и безпристрастно, закономѣрное рѣшеніе дѣла вытекало-бы само собою, оставляя, такъ сказать, естественное, логическое слѣдствіе всесторонняго разсмотрѣнія судебнаго процесса. По совершенному недостатку въ то время опытныхъ и способныхъ дѣятелей по судебной части, слѣдствія тянулись годами, въ теченіе которыхъ подсудимые томились въ острогахъ. Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія мною подобныхъ дѣлъ, я пришелъ къ убѣжденію, что, въ виду разногласія во мнѣніяхъ слѣдователей, которымъ поручалось веденіе одного и того же дѣла, было бы болѣе соотвѣтственнымъ освобождать отъ отвѣтственности большую часть подсудимыхъ по недостатку точныхъ уликъ, тѣмъ болѣе, что продолжительность заключенія этихъ подсудимыхъ подъ стражею уже само по себѣ составляло—при тогдашней обстановкѣ сибирскихъ тюремъ—тяжкое наказаніе. Вслѣдствіе чего тогда же мною было сдѣлано распоряженіе объ освобожденіи подсудимыхъ. Областное правленіе было озадачено на первыхъ порахъ такимъ моимъ рѣшеніемъ и впослѣдствіи нѣкоторыя лица въ частномъ разговорѣ признались мнѣ, что они тогда удивлялись моей смѣлости и предсказывали сугубую отвѣтственность за неправильныя яко-бы рѣшенія мною нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ. Однако предсказанія ихъ не сбылись и я не подвергся за мои рѣшенія никакой отвѣтственности.

Тогдашніе дореформенные юристы, повидимому, не усвоили еще себѣ правильный взглядъ на сущность уголовнаго процесса, карательная энергія котораго, а также успѣшность уголовнаго пре-

слѣдованія, какъ видно изъ обнародованнаго въ болѣе позднѣйшее время циркуляра Министра Юстиціи Муравьева, характеризуется *не числомъ зарегистрованныхъ, а количествомъ раскрытыхъ* преступленій и изобличенныхъ преступниковъ. При этомъ личное задержаніе обвиняемыхъ при слѣдствіи должно быть не общимъ правиломъ, а скорѣе твердо обоснованнымъ исключеніемъ. По возвращеніи съ китайской границы, я поспѣшилъ закончить проектъ организаціи управленія киргизами вновь присоединеннаго къ владѣніямъ Россіи Зайсанскаго края. Прежде всего, было необходимо упрочить нашу власть во вновь присоединенномъ краѣ, распространить въ немъ русскую народность и развить матеріальное благосостояніе въ средѣ туземнаго кочевого населенія. Для осуществленія этой цѣли и исходя изъ того основанія, что русскій народъ долженъ находиться на окраинахъ государства и, наконецъ, въ виду тогдашняго тревожнаго положенія дѣлъ въ сопредѣльныхъ провинціяхъ Западнаго Китая, необходимо было также оградить пограничный край отъ враждебныхъ покушеній со стороны китайскихъ инородцевъ и для этого озаботиться выборомъ близъ границы такого опорнаго пункта, который могъ бы служить средоточіемъ всего управленія Зайсанскимъ краемъ и сборнымъ мѣстомъ для войскъ, охраняющихъ границу, а также и основаніемъ русскаго заселенія на этой окраинѣ имперіи. Для объясненія побудительныхъ причинъ и тѣхъ соображеній, которыя послужили мнѣ руководящими основаніями при выборѣ мѣста для передового укрѣпленнаго поста и казачьей при немъ станицы, необходимо предварительно сдѣлать краткій топографическій очеркъ приграничной мѣстности на сѣверо-восточной окраинѣ киргизской степи, сопредѣльной съ Западнымъ Китаемъ.

Сѣверо-восточная часть киргизской степи, ограниченная съ сѣвера р. Нарымомъ и верхнимъ теченіемъ р. Бухтармы, съ запада р. Иртышомъ и р. Чоргой, а съ юга хребтомъ Тарбагатайскимъ,—извѣстна подъ общимъ именемъ Зайсанскаго края. Озеро Зайсанъ и его восточный притокъ Черный или Верхній Иртышъ раздѣляютъ эту страну на двѣ части, изъ которыхъ сѣверная перерѣзываемая по срединѣ р. Курчумомъ, называется также Курчумскимъ краемъ. Рѣка Черный Иртышъ протекаетъ по широкой долинѣ, замыкаемой съ обѣихъ сторонъ высокими горными хребтами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Одинъ изъ этихъ хребтовъ—сѣверный, извѣстенъ подъ именемъ Большого Алтая и составляетъ естественный рубежъ между нашими и китайскими владѣніями. Отъ горной группы Денчекъ на западной оконечности Большого Алтая отдѣляются отъ него двѣ отрасли, изъ коихъ одна тянется

между р. Курчумомъ и Нарымомъ и извѣстна подъ именемъ Нарымскихъ горъ или бѣлковъ. Другая же отрасль, составляющая водораздѣлъ между р. Курчумомъ и альпійскимъ озеромъ Марка-куль, называется Курчумскими горами. Онѣ направляются къ юго-западу подъ мѣстными названіями: Сары-тау, Долонъ-кара и Аркаулъ, постепенно сливаясь съ Зайсанскою равниною. На югѣ, долина р. Чернаго Иртыша замыкается снѣжнымъ хребтомъ Мусъ-тау (ледяныя горы). Вступая въ наши предѣлы, хребетъ Мусъ-тау оканчивается на сѣверѣ крутымъ каменистымъ уступомъ, извѣстнымъ подъ именемъ горъ Сайканъ, а на западѣ лѣсистымъ хребтомъ Сауръ-тау. Хребетъ Сауръ-тау связывается съ близъ лежащими горами Манракъ посредствомъ небольшого волнистаго кряжа Кичкинъ-тау (Малыя горы). На юго-западѣ отъ Мусъ-тау находятся горы Сары-тумсукъ и Кочжуръ. Съ послѣднихъ берутъ начало рѣки: Чоганъ-Обо и Эмиль. Рѣка Канды-су имѣетъ начало въ огромномъ сазѣ (болото, образуемое подземными ключами) Кизыль-Чиликты, находящемся на возвышенной котловинѣ Чиликты, окруженной со всѣхъ сторонъ горами: съ сѣвера Манракомъ, съ востока Сауръ-тау, съ юга и запада Тарбагатаемъ и его отрогами. Эта котловина образуетъ собою закрытую площадь въ 75 верстъ въ длину и до 30 въ ширину. Канды-су (Кровяная вода) течетъ въ топкихъ берегахъ, до крайности затрудняющихъ переправу. По этимъ берегамъ тянется рѣдкая урема (полоса) тальника, который въ верхнихъ частяхъ рѣки совершенно исчезаетъ и оканчивается болотными кочками. По обѣимъ же сторонамъ саза Кизыль-Чиликты находятся солончаки, покрытые растеніями койджау, составляющими превосходный кормъ для овецъ и верблюдовъ. Но зато Чиликтинская котловина отличается суровымъ климатомъ, скудостью сѣнокосныхъ мѣстъ, недостаткомъ топлива и вообще отсутствіемъ угодій для осѣдлыхъ водвореній. Западная же часть этой котловины замѣчательна сухостію воздуха.

Сѣверные и западные скаты горъ Сауръ-тау покрыты густой щетиной хвойнаго лѣса, преимущественно лиственницею и сосною. Здѣсь беретъ начало р. Кендерликъ, Теректы, Темиръ-су, Джемини и Уйдене. Послѣднія двѣ, по выходѣ изъ горъ Кичкине-тау, развѣтвляясь на арыки, превосходно орошаютъ окрестную равнину, которая, по свойству грунта и обилію водъ, представляетъ всѣ удобства для хлѣбопашества.

Близость лѣса, рыбныхъ ловель и изобиліе луговъ, дѣлаютъ эту мѣстность вполнѣ удобною для заселенія. Вообще на всемъ пространствѣ Южно-Зайсанской равнины отъ г. Кокпектовъ до китайской границы, эта мѣстность составляетъ какъ-бы плодородный и богатый угодьями оазисъ и имѣетъ значительное преимущество передъ прибрежной долиной Чернаго Иртыша, образующей песчаную полосу, окаймленную уремой изъ сибирскаго тополя и по свойству грунта вовсе неудобной для хлѣбопашества. Притомъ въ прибрежной долинѣ Чернаго Иртыша мѣстами встрѣчаются болота и заливы со стоячей водой, распространяющія въ жаркое время вредныя испаренія и изобилующія громаднымъ количествомъ мошекъ и комаровъ, до крайности изнуряющихъ лошадей и рогатый скотъ. Отсюда видно, что берега оз. Зайсана и р. Чернаго Иртыша неудобны для земледѣльческой колонизаціи, что, впрочемъ, было замѣчено еще въ 1720 г. генералъ-майоромъ Лихаревымъ, который былъ командированъ въ Сибирь по повелѣнію Императора Петра Великаго и подымался на судахъ вверхъ по Черному Иртышу въ теченіе 12 дней.

Къ сѣверу отъ озера Зайсана наиболѣе удобныя мѣста для поселеній встрѣчаются въ долинѣ р. Курчума, которая по богатству своихъ угодій не уступаетъ даже извѣстной Каратальской долинѣ въ Семирѣченской области. Въ верховьяхъ Курчума, гдѣ эта рѣка течетъ въ ущельѣ, долина ея богата строевымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ тополя, березы, осины, ивы и черемухи. Лѣсъ встрѣчается также на многихъ островахъ рѣки Курчума, преимущественно въ средней части ея теченія. Въ нижней же части, близъ устья рѣки, оказывается недостатокъ въ строевомъ лѣсѣ, но зато долина низовьевъ Курчума болѣе обильна луговыми мѣстами и пашнями.

Таковы были природныя условія и топографическій характеръ мѣстности Зайсанскаго края, съ которымъ я имѣлъ полную возможность ознакомиться, такъ сказать, теоретически, по съемкамъ и описаніямъ, производившимся во время Чугучакскихъ переговоровъ съ китайцами, а затѣмъ и практически, во время описанной выше Зайсанской экспедиціи, когда я съ отрядомъ доходилъ до китайскаго пикета, Маниту-Гатулъ-Ханъ на Черномъ Иртышѣ. Но для того, чтобы сказать послѣднее слово о мѣстности пограничной части Зайсанскаго края, на которой было-бы всего удобнѣе заложить укрѣпленный постъ и будущую казачью станицу, необходимо было мнѣ самому подробно осмотрѣть эту мѣстность и сверхъ того собрать о ней всевозможныя свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ. Вникая глубже въ это дѣло, я припомнилъ одно обстоятельство, которое могло служить мнѣ въ данномъ случаѣ поучительнымъ примѣромъ. Въ 1856 году, когда я еще служилъ на Кавказѣ, мнѣ пришлось однажды проѣзжать изъ Ставрополя въ Тифлисъ по военно-грузинской дорогѣ. Пріѣ-

хавъ на станцію Коби, я тамъ встрѣтился съ однимъ инженеромъ, старымъ кавказцемъ. Подали самоваръ и мы разговорились. Предметомъ нашей бесѣды была тогдашняя злоба дня: проложеніе новой дороги въ горахъ Кавказа по направленію на Мисты и Гудуаръ въ обходъ сосѣдняго участка прежней дороги, которая, ежегодно подвергаясь снѣжнымъ заваламъ, прекращала сообщеніе часто на продолжительное время. По мнѣнію инженернаго офицера, лица, осматривавшія эту мѣстность съ цѣлью выбрать кратчайшее и удобнѣйшее направленіе дороги, сдѣлали промахъ, проектируя направленіе по такой трудной гористой мѣстности, по одному лишь бѣглому ея осмотру. На мой вопросъ: какъ же нужно было дѣйствовать по его мнѣнію, онъ отвѣчалъ, что въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ предварительно собрать свѣдѣнія о мѣстности у туземцевъ, у которыхъ, какъ у аборигеновъ страны, имѣются самыя точныя свѣдѣнія о всѣхъ даже незначительныхъ тропинкахъ въ горахъ, переходящія къ нимъ по преданію отъ дѣдовъ и отцовъ. Вскорѣ мы разстались. Послѣ того прошло 12 лѣтъ, я находился на службѣ въ Сибири и никакъ не могъ ожидать, чтобы описанное выше совершенно случайное обстоятельство послужило бы мнѣ полезнымъ указаніемъ при исполненіи возложеннаго на меня важнаго порученія выбрать мѣсто для укрѣпленнаго поста на китайской границѣ. Припоминая приведенную выше бесѣду мою съ инженернымъ офицеромъ, я пришелъ къ убѣжденію, что необходимо предварительно собрать отъ туземнаго населенія самыя подробныя свѣдѣнія о пограничныхъ мѣстностяхъ Зайсанской равнины, болѣе удобныхъ для заселенія. Дѣло это приходилось держать въ строжайшей тайнѣ, чтобы не встревожить преждевременными слухами пограничныхъ киргизъ, которые вообще недовѣрчиво относятся къ русской колонизаціи, вслѣдствіе которой имъ приходится уступать лучшія свои земли подъ наши поселенія. Это обстоятельство заставило меня обратиться за совѣтомъ къ ташкентцу Букашу, жившему въ то время вблизи Аркатскаго пикета на пути изъ Семипалатинска въ Сергіополь. Проѣзжая во время Чугучакскихъ переговоровъ ежегодно нѣсколько разъ по этому пути, я часто встрѣчался на Аркатѣ съ Букашемъ и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ. Букашъ превосходно зналъ мѣстность пограничнаго края на западныхъ предѣлахъ Китая, часто бывалъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ, а также и въ Кашгарѣ вмѣстѣ съ Валихановымъ. Это былъ человѣкъ вполнѣ надежный и преданный нашему правительству. Я вызвалъ Букаша въ Семипалатинскъ, гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ. Вскорѣ по его пріѣздѣ я имѣлъ

съ нимъ свиданіе, во время котораго, между прочимъ разговоромъ, я коснулся занимающаго меня вопроса о томъ: какая мѣстность Зайсанскаго края оказывается наиболѣе удобною для колонизаціи. Букашъ обѣщалъ рекомендовать мнѣ одного торгующаго татарина, пріѣзжавшаго ежегодно по своимъ торговымъ дѣламъ въ кочевья киргизъ этого края и превосходно знающаго пограничную мѣстность. Въ виду упомянутой выше необходимости держать это дѣло въ тайнѣ, я пріѣзжалъ къ Букашу инкогнито поздно ночью и успѣлъ добыть отъ ожидавшаго меня у Букаша татарина нужныя свѣдѣнія. Щедро вознаградивъ татарина, я въ то же время пригрозилъ ему ни подъ какимъ видомъ не разглашать о нашихъ свиданіяхъ и собесѣдованіяхъ въ домѣ Букаша, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности. Все это, какъ оказалось впослѣдствіи, было въ точности исполнено. По собраннымъ мною этимъ путемъ свѣдѣніямъ оказалось, что наиболѣе удобная мѣстность для нашихъ осѣдлыхъ водвореній находилась близъ р. Джемини. Мѣсто это отличалось здоровымъ климатомъ, сухостью почвы, имѣло хорошую воду въ р. Джемини, а вблизи находился превосходный строевой лѣсъ, вполнѣ годный для построекъ. Наконецъ, эта мѣстность обладала благопріятными условіями для развитія хлѣбопашества и разведенія огородныхъ овощей. Это объясняется тѣмъ, что, по отзыву киргизъ, имѣвшихъ свои пашни въ этой мѣстности, тамъ почти никогда не бываетъ неурожая. Понятно, что всѣ эти свѣдѣнія имѣли для меня огромную важность. Оставалось только самымъ тщательнымъ образомъ провѣрить ихъ на мѣстѣ. А потому я рѣшилъ раннею весной выступить на границу Зайсанскаго края и осмотрѣть всю восточную часть Зайсанской равнины, орошаемой рѣками: Темиръ-су, Джемини, Кендерликъ и Уйдене. Еще задолго до моего выступленія на границу, я представилъ Ген.-Губ. всѣ дальнѣйшія соображенія по устройству Зайсанскаго края. Наиболѣе затрудненій я встрѣтилъ при составленіи проектовъ и смѣтъ на предполагаемыя къ постройкѣ казенныя зданія въ Зайсанскомъ посту по совершенному неимѣнію рѣшительно никакихъ средствъ по инженерной части. При такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ я, при помощи найденнаго мною въ Семипалатинскѣ инженернаго писаря и работая безъ отдыха, едва успѣлъ къ назначенному сроку закончить всѣ требуемыя чертежи и смѣты на постройки въ Зайсанскомъ посту.

Отрядъ, съ которымъ я долженъ былъ выступить на границу, въ составѣ роты пѣхоты, сотни казаковъ и взвода конной казачьей артиллеріи, былъ сосредоточенъ мною въ концѣ апрѣля

въ г. Кокпектахъ, бывшемъ въ то время нашимъ крайнимъ опорнымъ пунктомъ на сѣверо-востокѣ киргизской степи. По прибытіи въ Кокпекты, я немедленно выступилъ съ отрядомъ на границу, слѣдуя по знакомому со времени Зайсанской экспедиціи пути, а именно: на Караутку льскій бродъ на р. Кокпектинкѣ, затѣмъ перешелъ за рѣки Бугасъ и Базарку и оттуда отрядъ свернулъ на юго-востокъ къ р. Чоргѣ и черезъ проходъ Иссыкъ прибылъ на ур. Чиликъ. Осмотрѣвъ мѣстность Чиликтинской котловины, отличающуюся суровостью климата, а также совершеннымъ недостаткомъ топлива и лѣса, необходимаго для постройки, я пришелъ къ убѣжденію, что эта мѣстность оказывается неудобною для осѣдлаго водворенія. Послѣ того, я перешелъ на р. Темиръ-су въ то мѣсто, гдѣ находился нашъ отрядъ въ 1867 г., во время вторженія въ Зайсанскій край калмыцкихъ скопищъ Чоганъ-Кегеня. Отсюда я выступилъ съ небольшимъ летучимъ казачьимъ отрядомъ для подробнаго осмотра пограничной мѣстности уже заранѣе намѣченнаго мною района, обнимающаго собою рѣчную область Темиръ-су, Джемини, Кендерлика и Уйдене. Подробная рекогносцировка Зайсанской равнины, орошаемой этими рѣками, доставила мнѣ полную возможность провѣрить на практикѣ тѣ свѣдѣнія, которыя были сообщены мнѣ, какъ упомянуто выше, при посредствѣ ташкентца Букаша о хозяйственныхъ выгодахъ, представляемыхъ этой мѣстностью для осѣдлыхъ водвореній. По произведенному мною изслѣдованію оказалось, что р. Темиръ-су имѣетъ слабое теченіе и временами даже пересыхаетъ. Къ тому же, протекая по глинистому грунту, она всегда имѣетъ мутную воду непріятнаго вкуса. Устройство поселенія на р. Кендерликѣ съ перваго взгляда хотя и представляло бы собою нѣкоторыя удобства, но разливъ Кендерлика въ весеннее время, въ особенности въ серединѣ и нижней части русла этой рѣки, представляло уже само по себѣ важныя невзгоды. То же самое должно сказать и о мѣстности на р. Уйдене, отъ которой къ тому же строевой лѣсъ былъ удаленъ на довольно значительное разстояніе. Осмотрѣвъ подробно мѣстность къ сѣверу отъ г. Манракъ, я удостовѣрился, что грунтъ на этой мѣстности сухой, твердый и покрытъ галькою, но, по мѣрѣ пониженія къ сѣверу, почва переходитъ въ рыхлую и черноземную, представляющую всѣ удобства для хлѣбопашества. Судя по замѣченной мною сѣти арыковъ, проведенныхъ по скату долины къ сѣверу, начиная отъ самыхъ горъ во всѣхъ направленіяхъ, должно было заключить, что на этой мѣстности могутъ быть устроены пашни въ большихъ размѣрахъ. Чистый и здоровый воздухъ, въ особенности на

возвышенной части этой мѣстности, а также и хорошая вода въ рѣкахъ, берущихъ свое начало на снѣговыхъ горахъ, представляло важное удобство и обѣщало болѣе прохладный и здоровый климатъ, нежели на равнинѣ, ближайшей къ верхнему Иртышу. Замѣченые мною въ этой мѣстности слѣды арыковъ или водопроводныхъ канавъ указывали на возможность орошенія огородовъ и садовъ будущей Зайсанской станицы. Вдали передъ нами высился горный хребетъ Сауръ тау, ближайшіе скаты котораго были покрыты густою щетиной превосходнаго строевого лѣса, преимущественно лиственицы, которая магла вывозиться изъ Тимирсуйскаго ущелья. По показаніямъ киргизъ, зима въ этой мѣстности устанавливается поздно, снѣгъ выподаетъ толщиною около одной четверти; весна бываетъ почти всегда ранняя и скотъ въ продолженіи почти всей зимы можетъ содержаться на подножномъ кормѣ. Въ виду привиденныхъ соображеній, подробно осмотрѣвъ всю долину р. Джемини, я окончательно избралъ мѣсто для укрѣпленія и будущей станицы на лѣвомъ берегу этой рѣки по выходѣ ея изъ горъ Кичкине-тау. Избранная мѣстность по своему возвышенному положенію обѣщала здоровый климатъ; луговыя мѣста находились отъ намѣченнаго пункта для возведенія укрѣпленнаго поста на разстояніи отъ 8—15 верстъ, превосходный строевой лѣсъ отъ 12—20 верстъ. Рѣка Черный Иртышъ, гдѣ можетъ быть устроена рыбалка, будетъ удалена отъ Джеминійскаго поста не болѣе 40 верстъ. Въ верховьяхъ рѣкъ Джемини, Темиръ-су, Терекпы и Кендерлика находилось весьма много превосходныхъ мѣстъ, для устройства заимокъ или хуторовъ, а изобиліе различныхъ породъ звѣрей въ лѣсахъ Сауръ-тау, какъ-то: медвѣдей, лисицъ, сурковъ, барсуковъ и кабановъ въ камышахъ по берегамъ Зайсана и Чернаго Иртыша можетъ также составить одну изъ отраслей промышленности мѣстныхъ жителей.

Въ военномъ отношеніи избранный Джеминійскій постъ, по своему положенію вблизи границы, имѣетъ всѣ условія, требуемыя для военно-административнаго центра. Значеніе же его въ стратегическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ обусловливается тѣмъ, что, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Китаемъ, онъ послужитъ надежнымъ опорнымъ пунктомъ и базисомъ для войскъ, которые будутъ сосредоточены на границѣ, отдѣляющей восточную окраину Зайсанскаго района отъ сопредѣльныхъ китайскихъ владѣній. Эта окраина на сѣверной и южной своихъ частяхъ образуетъ труднодоступную горную страну, за исключеніемъ небольшого юго-восточнаго участка, замыкающаго Чиликтинскую котловину и имѣющаго нѣсколько горныхъ проходовъ: Чоганъ-обо,

Кергенъ-тасъ, Баймурьи и Бургусутай. Занимая центральное положеніе въ отношеніи перечисленныхъ выше доступовъ, ведущихъ изъ Китая въ наши предѣлы, Зайсанскій (Джеминійскій) постъ доставляетъ возможность войскамъ, въ немъ сосредоточеннымъ, остановить китайцевъ въ случаѣ, если они, предпринявъ вторженіе въ наши предѣлы, перейдутъ границу черезъ одинъ изъ упомянутыхъ горныхъ проходовъ или другихъ доступовъ по сѣверную сторону Сауръ-тау. Средняя же часть восточной окраины Зайсанскаго района прилегаетъ къ полосѣ трудно-проходимыхъ песковъ, которые тянутся отъ государственной границы къ востоку, уходя вглубь китайской территоріи. Такимъ образомъ, доступы, ведущіе въ Зайсанское пространство изъ Китая, независимо упомянутыхъ выше горныхъ проходовъ, еще открыты только въ двухъ мѣстахъ, образуя собою какъ-бы двое воротъ, шириною не болѣе 15-ти верстъ: 1) по теченію р. Улкунъ-Уласты отъ выхода ея изъ горъ Сауръ-тау на равнину до полосы песковъ, которые тянутся по долинѣ лѣваго берега р. Чернаго Иртыша и 2) отъ устьевъ р. Алкабека къ сѣверу, до оконечности песчаной полосы, что между Алкабекомъ и Белезекомъ. Можно сказать, что на всемъ пространствѣ отъ горъ Большого Алтая до Тарбагатая, вновь избранный Зайсанскій постъ представляетъ собою какъ-бы единственный оплотъ границы противу прорыва китайцевъ съ востока въ предѣлы Зайсанскаго края, съ цѣлью, въ случаѣ успѣха, занять нашу комуннинаціальную линію съ г. Вѣрнымъ. На основаніи приведенныхъ выше соображеній, я окончательно рѣшилъ избрать мѣсто для укрѣпленнаго поста на р. Джемини, куда и былъ передвинутъ мною весь отрядъ, временно расположенный на р. Темиръ-су. Къ этому времени прибылъ въ отрядъ и назначенный въ мое распоряженіе инженерный офицеръ г. Войцеховичъ. Этотъ способный и достойный офицеръ, съ самаго заложенія Зайсанскаго поста и во все время пребыванія моего на границѣ, былъ моимъ дѣятельнымъ и полезнымъ сотрудникомъ. По осмотрѣ мѣстности, избранной для поста, тотчасъ-же было рѣшено приступить къ распланировкѣ улицъ, вдоль которыхъ я поставилъ непремѣннымъ условіемъ посадку деревьевъ въ одинъ или въ два ряда, а также къ выбору мѣстъ для будущей церкви, сада и станицы.

Вскорѣ по сосредоточеніи на избранномъ мѣстѣ всего отряда на р. Джемини, съ которымъ я выступилъ изъ г. Кокпектовъ, въ нашъ отрядъ прибыла партія калмыковъ веденія Чоганъ-Кегеня. Начальникъ этой партіи заявилъ, что они прибыли изъ ближайшаго къ нашей границѣ калмыцкаго селенія Кобокъ съ цѣлью

привѣтствовать русскаго начальника съ благополучнымъ прибытіемъ на границу. Не подлежало сомнѣнію, что настоящая цѣль пріѣзда въ нашъ отрядъ калмыковъ заключалась въ собраніи свѣдѣній о силѣ нашего отряда, а также и о томъ: не дѣлается-ли какихъ-либо приготовленій къ переходу границы съ цѣлью разгрома калмыцкихъ улусовъ, въ наказаніе за разграбленіе нашихъ Байджигитовскихъ киргизовъ въ 1867 году. Калмыки однако во все время пребыванія въ нашемъ отрядѣ, выказали замѣчательную сдержанность и выразили только недоумѣніе по поводу прибытія на границу такого большого отряда подъ начальствомъ большого русскаго сановника, о которомъ они уже слышали отъ киргизъ. По моему приказанію, калмыки были приглашены въ особую отведенную для нихъ юрту, гдѣ былъ сервированъ чай и приготовлено угощеніе, состоящее изъ разныхъ закусокъ, пилава съ бараниной, а также сластей туземнаго приготовленія. Чтобы выпроводить незванныхъ гостей я приказалъ отпустить имъ водки à discretion. При этомъ наши казаки такъ поусердствовали, что угостили калмыковъ вмѣсто водки спиртомъ. Послѣ такого усерднаго угощенія, калмыки, когда имъ приходилось уже подъ вечеръ возвращаться въ свое селеніе, едва могли держаться на своихъ коняхъ и, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, пришлось нарядить нѣсколько казаковъ для конвоированія калмыковъ до ближайшаго ихъ селенія Кобокъ. По возвращеніи оттуда, наши разсказывали, что все обошлось благополучно, благодаря выносливости и чуткости калмыцкихъ лошадей, повидимому, обладавшихъ умѣньемъ примѣняться къ своимъ всадникамъ. Хотя калмыки возвратились въ свое селеніе болѣе похожими на плѣнныхъ, конвоируемыхъ казаками, но они ловко вывернулись изъ этого двусмысленнаго положенія, объявивъ, что для ихъ сопровожденія до границы по распоряженію русскаго начальника былъ назначенъ почетный конвой изъ казаковъ.

По случаю обилія лѣса въ горахъ Сауръ-тау было предположено возводить казенныя зданія изъ дерева и только часть изъ фрахтверка, т. е. глинобитныя. Я поручилъ Войцеховичу обратить особенное вниманіе на то, чтобы въ первый годъ отнюдь не строились деревянныя зданія, а на первыхъ порахъ ограничиться только заготовленіемъ и подвозкой лѣса, чтобы дать время высохнуть сырому лѣсу, состоящему преимущественно изъ лиственницы, требовавшей продолжительной и равномѣрной просушки. Безъ соблюденія этого основного правила, лиственный лѣсъ скоро давалъ трещины и оказывался негоднымъ для построекъ. Гарнизонъ же, который полагалось оставить на зиму въ Зайсанскомъ посту, я

находилъ возможнымъ временно размѣстить въ юртахъ и землянкахъ. Въ этомъ случаѣ, я руководствовался примѣромъ возведенія укрѣпленія Вѣрнаго въ 1854 г., когда гарнизонъ этого укрѣпленія былъ также временно размѣщенъ въ землянкахъ.

По окончаніи распланировки Зайсанскаго поста, мною было приступлено къ рубкѣ лѣса и постепенному подвозу его на мѣсто постройки, а также и къ заготовкѣ другихъ матеріаловъ для построекъ, чтобы закончить все это по возможности до наступленія зимы. Въ самый разгаръ всѣхъ этихъ кипучихъ работъ и дѣятельныхъ распоряженій по возведенію на избранной мною мѣстности Зайсанскаго поста, я совершенно неожиданно получилъ предписаніе Хрущова сдать должность вновь назначенному на мое мѣсто Военному Губернатору Семипалатинской области, а мнѣ отправиться въ Омскъ, гдѣ и вступить въ должность начальника Штаба войскъ Западной Сибири, вмѣсто Кроіеруса, который по болѣзни долженъ былъ оставить эту должность.

Болѣе всего было прискорбно для меня то обстоятельство, что я, безъ всякаго съ моей стороны повода, былъ устраненъ Хрущовымъ отъ дѣла, которому я посвятилъ въ теченіе многихъ лѣтъ столько усиленныхъ трудовъ и усидчивыхъ занятій и успѣлъ съ нимъ вполнѣ ознакомиться и усвоиться. Начало этому дѣлу положено было еще въ 1861 г., во время открытія переговоровъ съ китайцами въ Чугучакѣ, въ которыхъ я принималъ участіе въ званіи полномочнаго комиссара. Въ 1864 г., когда состоялось подписаніе Чугучакскаго протокола, Зайсанскій край, отошедшій къ Россіи по Пекинскому трактату, былъ окончательно присоединенъ къ нашимъ владѣніямъ въ силу Чугучакскаго протокола. А потому, постановка опредѣленной означеннымъ протоколомъ границы и устройство вновь присоединеннаго края являются въ данномъ случаѣ логическимъ слѣдствіемъ или, такъ сказать, результатомъ переговоровъ, веденныхъ въ Чугучакѣ. Вслѣдствіе чего, я имѣлъ нѣкоторое основаніе полагать, что если пограничное дѣло съ самаго начала находилось въ моихъ рукахъ, то и окончательное довершеніе его будетъ также поручено мнѣ. Взглядъ этотъ, повидимому, раздѣлялъ и Хрущовъ, по приказанію котораго состоялось и командированіе меня на китайскую границу въ самое тревожное время дунганской смуты съ цѣлью водворенія въ краѣ надлежащаго порядка и спокойствія, нарушеннаго погромомъ, произведеннымъ Чоганъ-Кегенемъ, о чемъ было мною упомянуто. Сверхъ того, по порученію же Хрущова, было избрано мною мѣсто на р. Джемини, долженствующее служить опорнымъ пунктомъ на границѣ и средоточіемъ управленія войсками и краемъ.

Рубка лѣса и заготовка матеріаловъ для постройки казенныхъ зданій въ означенномъ посту были вскорѣ начаты и производились безпрепятственно. Благодаря принятымъ мѣрамъ сторожевого охраненія, никакихъ враждебныхъ покушеній на нашъ отрядъ со стороны китайскихъ инородцевъ не было. Описанное же выше прибытіе въ Зайсанскій отрядъ партіи калмыковъ удостовѣрило ихъ, что предпринять какой-либо хищническій набѣгъ въ наши предѣлы будетъ съ ихъ стороны весьма рискованнымъ. Кромѣ принятыхъ мѣръ сторожевого охраненія, я имѣлъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ, сопредѣльныхъ китайскихъ владѣній особыхъ агентовъ изъ торгующихъ татаръ, вполнѣ мнѣ преданныхъ и заинтересованныхъ въ этомъ по разнымъ дѣламъ, производившимся въ области, въ которой я былъ начальникомъ. Обстоятельство это доставляло мнѣ возможность имѣть удовлетворительныя свѣдѣнія о всемъ происходящемъ въ сѣверо-западной Монголіи и Чжунгаріи и своевременно принять соотвѣтствующія обстоятельствамъ мѣры. Какихъ-либо безпорядковъ и безпокойствъ на китайской границѣ, а также эмиграціонныхъ движеній нашихъ киргизъ въ Китай во все время управленія мною Семипалатинской области не было. Напротивъ того, наши киргизы, откочевавшіе въ прежнее время въ Китай, какъ мы видѣли, начали возвращаться на мѣсто своихъ прежнихъ кочевокъ въ нашихъ предѣлахъ. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, пользуясь также довѣріемъ ко мнѣ вліятельныхъ киргизъ и имѣя полное основаніе разсчитывать на содѣйствіе свѣдущихъ и должностныхъ лицъ и наконецъ, располагая солиднымъ запасомъ матеріаловъ и свѣдѣній о краѣ, я былъ твердо убѣжденъ, что дѣло киргизскаго землевладѣнія въ Зайсанскомъ краѣ можетъ быть организовано на прочныхъ началахъ. Къ сожалѣнію, всѣмъ этимъ предположеніямъ и надеждамъ не суждено было осуществиться по случаю назначенія на занимаемую мною должность другого лица, о чемъ уже было упомянуто выше. Должно сказать, что какъ разъ передъ этимъ состоялось утвержденіе проектированныхъ Степной комиссіей новыхъ штатовъ управленій въ степныхъ областяхъ, по которымъ губернаторамъ было назначено содержаніе болѣе вдвое противъ прежняго. Понятно, что въ средѣ петербургскихъ военныхъ бюрократовъ явилось много желающихъ занять эти мѣста. Начались, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, интриги, происки и заискиванія. Хрущовъ, по слабости своего характера, поддался на эти ловушки и, несмотря на то, что постоянно одобрялъ всѣ мои распоряженія по дѣламъ пограничнымъ въ области и, объявивъ мнѣ въ особомъ приказѣ благодарность за мою дѣя-

тельность по управленію Семипалатинской областью, рѣшился однакоже назначить на мое мѣсто Полторацкаго, которому предстояло тогда оставить занимаемую имъ въ Главномъ Штабѣ должность по неудовольствію на него Военнаго Министра Д. А. Милютина [1]). Такимъ образомъ, въ этомъ дѣлѣ оказывалась какая-то странная аномалія: я, служебною дѣятельностью котораго было довольно начальство, потерялъ мѣсто, а лицо, службою котораго, наоборотъ, было недовольно начальство, получило это мѣсто и вдобавокъ какъ разъ тогда, когда только что состоялась, какъ сказано выше, крупная прибавка къ содержанію. Несомнѣнно, что мой преемникъ ловко воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что я не имѣлъ въ Петербургѣ никакой поддержки и, разсчитывая только на самого себя, не позаботился заручиться протекціей. Хрущовъ же, управляя краемъ, котораго вовсе не зналъ, находилъ, что и правителями пограничныхъ областей могутъ быть назначаемы лица, совершенно незнакомыя на практикѣ съ мѣстностью пограничнаго края и своеобразными условіями быта его инородческаго кочевого населенія. Другими словами, приравнялъ управленіе пограничною азіатскою областью къ управленію губерніей во внутренней Россіи. Между тѣмъ, по справедливому и вполнѣ поучительному замѣчанію В. В. Григорьева [2]): „степью нельзя управлять только какъ губерніей, только по законамъ; безъ знанія мѣстныхъ обстоятельствъ можно надѣлать много промаховъ“, что впослѣдствіи и подтвердилось. Словомъ сказать, Хрущовъ въ данномъ случаѣ упустилъ изъ вида, что на нашихъ азіатскихъ окраинахъ, при выборѣ лицъ для занятія важныхъ и отвѣтственныхъ должностей, нужно руководствоваться другими соображеніями и прежде всего имѣть въ виду мѣстныя задачи политическаго характера, имѣющія государственное значеніе. Въ данномъ случаѣ, на первомъ планѣ долженъ стоять вопросъ объ охранѣ китайской границы и поддержаніи въ приграничномъ краѣ надлежащаго порядка и спокойствія, нарушенныхъ дунганскою смутою и калмыцкимъ опустошеніемъ Зайсанскаго края.

Послѣ устраненія меня Хрущовымъ отъ должности, мнѣ, повидимому, ничего не оставалось дѣлать, какъ сказать ему:—«благодарю, не ожидалъ», — и затѣмъ навсегда оставить службу въ Сибири. Но въ скоромъ времени я долженъ былъ если не вовсе отказаться отъ этого намѣренія, то по крайней мѣрѣ повременить моимъ уходомъ изъ Сибири, вслѣдствіе полученныхъ мною писемъ изъ Петербурга о предстоящей въ скоромъ времени постановкѣ западной китайской границы. Участвуя въ переговорахъ съ китайцами въ Чугучакѣ въ званіи полномочнаго комиссара, я, повидимому, имѣлъ привиллегію сохранить за собою эту должность и при предстоящей постановкѣ знаковъ на западной китайской границѣ. Но сила протекціи, происковъ и интригъ могла вырвать и на этотъ разъ изъ моихъ рукъ пограничное дѣло. Судя по послѣдующимъ дѣйствіямъ Хрущова по вопросу о постановкѣ границы, о чемъ будетъ подробно объяснено ниже, есть основаніе предполагать, что Хрущовъ, устранивъ меня отъ управленія Семипалатинской обл., въ случаѣ моего ухода изъ Сибири, могъ возбудить ходатайство о назначеніи моего замѣстителя и на должность комиссара, сославшись на бывшій примѣръ проведенія восточной границы, когда должность комиссара занималъ Военный Губернаторъ Приморской области контръ-адмиралъ Козакевичъ. Пришлось, скрѣпя сердце, остаться еще на нѣкоторое время на службѣ въ Сибири, чтобы отстоять, на сколько было возможно, за собою должность полномочнаго комиссара и тѣмъ завершить пограничное дѣло, начатое мною еще въ 1861 г. и требовавшее отъ всѣхъ принимавшихъ участіе въ переговорахъ съ китайцами не малыхъ трудовъ и усилій; а также терпѣнія и настойчивости. Съ своей стороны Хрущовъ, повидимому, сознавая, что онъ поступилъ со мной несправедливо, всячески старался dorer la pilule, которую онъ мнѣ прописалъ. Онъ представилъ меня къ наградѣ, внѣ правилъ, за временное управленіе Семипалатинской областью и вскорѣ послѣ того, какъ заболѣлъ Кроіерусъ, ходатайствовалъ о назначеніи меня на должность начальника Окружного Штаба, которая въ то время, когда только что была введена окружная система военнаго управленія по проекту Д. А. Милютина, считалась очень важною. При этомъ Хрушовъ сказалъ мнѣ, что перемѣщеніе меня на другую должность онъ сдѣлалъ потому, что, по его личному убѣжденію, я болѣе способенъ для должности начальника штаба, занимая которую могу быть и болѣе полезенъ для службы. Когда же было получено отъ нашего посланника въ Пекинѣ увѣдомленіе о согласіи китайцевъ немедленно приступить къ постановкѣ западной китайской границы, Хрущовъ представилъ меня на должность комиссара и разрѣшилъ мнѣ предпринять поѣздку въ Петербургъ для представленія, въ случаѣ надобности, въ Азіатскій департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ Генеральный Штабъ надлежащихъ объясненій по возложенному на меня порученію и полученія отъ нихъ руководящихъ указаній по дѣлу о постановкѣ государственной границы на западныхъ предѣлахъ Китая.

[1]) Залѣсовъ.

[2]) Веселовскій. В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ, стр. 208.

Между тѣмъ, во время моего отсутствія изъ Сибири, тамъ созрѣла противъ меня новая интрига и притомъ безъ всякаго повода съ моей стороны. Семипалатинскіе политики, въ виду невозможности устранить меня отъ должности комиссара, рѣшили обезплодить самое дѣло постановки западной китайской границы и даже окончательно упразднить или отложить его, ссылаясь на совершенную невозможность произвести эту постановку въ тогдашнее тревожное время дунганскаго возстанія и безпокойствъ, которыхъ всегда можно было ожидать на Китайской границѣ, въ случаѣ враждебныхъ покушеній со стороны китайскихъ инородцевъ, что впослѣдствіи, хотя и подтвердилось, но только тогда, когда граница была мною окончательно поставлена. Возбужденное по этому дѣлу ходатайство нашло себѣ сильную поддержку въ Окружномъ штабѣ въ лицѣ его начальника Кроіеруса, ненавидѣвшаго меня всѣми силами своей шведской души. Съ своей стороны Хрущовъ и на этотъ разъ также сталъ противъ меня и принялъ сторону Семипалатинскаго начальства, которому безусловно довѣрялъ. Дѣло начинало осложняться и, повидимому, готово было принять неблагопріятный для меня оборотъ. Но это легкомысленное заблужденіе Семипалатинскаго начальства, не смотря на поддержку самого Хрущова, было во-время остановлено и окончательно отклонено Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, о чемъ будетъ подробно изложено въ слѣдующей главѣ.

Глава V.

Кобдинскій губернаторъ возбуждаетъ вопросъ о постановкѣ западной китайской границы. Возникшія по сему случаю сношенія между нашимъ и Пекинскимъ правительствами. Назначеніе полномочныхъ комиссаровъ по постановкѣ границы съ нашей и китайской стороны. Отъѣздъ мой въ Петербургъ по дѣлу о проведеніи въ натурѣ государственной границы съ Западнымъ Китаемъ. Пребываніе въ Петербургѣ и выѣздъ въ Омскъ. Отъѣздъ на китайскую границу. Описаніе моего переѣзда отъ Омска до китайскаго пикета Укекъ. Пріѣздъ мой въ Укекъ и свиданіе съ китайскими комиссарами. Скорое и вполнѣ благопріятное окончаніе переговоровъ съ китайскими уполномоченными Жунъ-цзю-анемъ и Куйчана. Они соглашаются принять всѣ предложенныя мною условія по постановкѣ пограничныхъ знаковъ по чертѣ государственной границы, подробно опредѣленной Чугучакскимъ протоколомъ. Послѣднее свиданіе мое съ Жунъ-цзю-анемъ на Укекѣ. Описаніе постановки мною знаковъ на всемъ протяженіи китайской границы отъ Уланъ-Даба до прохода Хабаръ-асу въ Тарбагатайскихъ горахъ. Нападеніе Кызылъ-Аяковъ на Зайсанскій постъ.

По подписаніи Чугучакскаго договора 25 сентября 1864 г., первоначально было предположено для постановки пограничныхъ

знаковъ, на основаніи 6-й ст. договора, комиссарамъ обѣихъ сторонъ съѣхаться на заранѣе условленномъ мѣстѣ границы, въ маѣ 1865 г. Но въ виду безпокойствъ и волненій, возникшихъ въ Западномъ Китаѣ, вслѣдствіе дунганской смуты, произвести постановку границы въ краѣ, охваченномъ возстаніемъ, оказалось невозможнымъ. Такимъ образомъ, граница, опредѣленная точнымъ образомъ Чугучакскимъ договоромъ, осталась не обозначенною на самой мѣстности. Между тѣмъ, неопредѣленность границъ при тогдашнемъ тревожномъ положеніи дѣлъ въ сопредѣльныхъ съ нашими владѣніями китайскихъ провинціяхъ весьма неблагопріятно отразилась на пригpаничномъ кочевомъ населеніи обоихъ государствъ и вызвало столкновенія, сопровождавшіяся грабежами, убійствами и угономъ скота.

Во время пребыванія въ Семипалатинскѣ китайскаго сановника Жунъ-цзю-аня, при свиданіи его со мною, какъ было упомянуто въ предыдущей главѣ, я коснулся этого вопроса и высказалъ мнѣніе, что для устраненія упомянутыхъ столкновеній между нашими и китайскими инородцами, подающими поводъ къ неудовольствіямъ между мѣстными пограничными властями обоихъ государствъ и крайне неблагопріятно отразившимися на нашей торговлѣ, было бы необходимо безотлагательно приступить къ постановкѣ пограничныхъ знаковъ. Въ это же время, въ бытность мою Военнымъ Губернаторомъ Семипалатинской области, возникла переписка между мною и мѣстными китайскими властями Кобдинскаго округа по поводу занятія нашими войсками китайскихъ пикетовъ, расположенныхъ на земляхъ, отошедшихъ къ владѣніямъ Россіи по Пекинскому трактату. Въ одномъ изъ своихъ сообщеній по этому поводу, Кобдинскій Хэбэй-Амбань первый возбудилъ вопросъ о необходимости скорѣйшаго проведенія границы въ натурѣ и при этомъ выразилъ желаніе китайцевъ—тогда же приступить къ постановкѣ граничныхъ знаковъ. На это сообщеніе мною былъ посланъ Кобдинскому Хэбэй-Амбаню и его повѣренному слѣдующій отвѣтъ: «Отношеніемъ отъ VI Вашего года, XI луны, 5-го числа, Вы, Высокіе Амбани увѣдомили меня, что по полученному Вами отъ нашего посланника въ Пекинѣ сообщенію, что хотя раздѣлъ земли между двумя Великими государствами и былъ сдѣланъ, но граница знаками не обозначена. А потому Вы крайне удивились прибытію русскихъ на пикетъ Хой-Майлаху и, повидимому, считаете занятіе этого пикета за притѣсненіе съ нашей стороны. Такія Ваши слова заставили меня снова пересмотрѣть договоръ, заключенный мною съ полномочными комиссарами Высокаго государства: Улясутайскимъ Цзянь-Цзюнемъ Минъ-И

и Амбанемъ Болгосу въ Тарбагатаѣ 25-го сентября 1864 г., а по Вашему лѣтосчисленію III года, IX луны въ 7-й день. При этомъ оказалось, что не только пикетъ Хой-Майлаху, но Укекъ и другіе, расположенные отъ него въ нашу сторону, принадлежетъ нашему Великому государству. А къ какому государству по сему договору отошли мѣста кочевокъ народовъ, обитающихъ вдоль границы, къ тому государству вмѣстѣ съ землею отходятъ и самые люди и тѣмъ государствомъ управляютъ».

«Послѣ того, Высокіе Амбани, я нахожу, что слова Ваши поистинѣ несогласны съ справедливостью. Если всѣ земли со стороны округовъ: Или и Тарбагатая, отошедшіе къ намъ по Чугучакскому договору, вполнѣ одобренному Высокимъ правительствомъ, уже заняты нашими войсками, то отчего же должно быть сдѣлано исключеніе для земель, прилегающихъ къ округу Кобдо? Да и какая можетъ быть отъ этого польза Срединному государству? Не слѣдуетъ ли скорѣе всего считать отправленіе Вами людей за черту границы, указанную трактатомъ и на земли, составляющія достояніе Великой Россійской Державы за самопроизвольное распоряженіе, сдѣланное въ противность указаній Вашего Высокаго правительства, которое, слѣдуя стариннымъ добрымъ примѣрамъ, всегда старалось поддерживать дружественныя отношенія, искони существующія между двумя Великими государствами. Между тѣмъ, Ваши пограничные начальники, нарушивъ вѣрность и справедливость, посылали въ наши земли шайки хищниковъ, раззорявшихъ мирныхъ жителей. Послѣ такихъ возмутительныхъ и произвольныхъ дѣйствій, я, для охраненія порядка и поддержанія спокойствія въ пограничной части ввѣренной мнѣ области, считаю своею обязанностью не только посылать отряды въ пограничныя мѣста, но даже въ случаѣ надобности и оставлять ихъ тамъ на постоянное жительство. И до всего этого Вамъ нѣтъ никакого дѣла, лишь бы отряды эти не переходили границы, установленной Чугучакскимъ договоромъ. Я увѣренъ, что Вы, Высокіе Амбани, со свойственной Вамъ проницательностью, раздѣлите мое убѣжденіе въ этомъ отношеніи и согласитесь со мною въ необходимости для нашей обоюдной пользы поддерживать порядокъ и тишину на границѣ, обуздывая людей безпокойныхъ и легкомысленныхъ, и тѣмъ упрочить на будущее время нашу взаимную пріязнь и мирныя отношенія добраго сосѣдства».

«Относительно же выраженнаго Вами желанія командировать съ нашей стороны чиновника для постановки пограничныхъ знаковъ, я обстоятельство это представилъ на благоусмотрѣніе моего Высокаго начальника Генералъ-Губернатора Западной Сибири и нахожусь въ убѣжденіи, что дѣло это будетъ рѣшено къ обоюдной пользѣ двухъ Великихъ Имперій и послужитъ къ упроченію на границѣ мира и спокойствія на вѣчныя времена.

Для чего и посылаю сей отвѣтъ за моимъ подписомъ и приложеніемъ печати. 5-го февраля 1868 г. Г. Семипалатинскъ».

Приведенное выше заявленіе Кобдинскаго Хэбэй-Амбаня относительно постановки Западной Китайской границы, черезъ Ген.-Губ. Западной Сибири было доведено до свѣдѣнія нашего посланника въ Пекинѣ и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Вскорѣ послѣ того состоялось соглашеніе между нашимъ и китайскимъ правительствами о постановкѣ западной китайской границы въ слѣдующемъ 1869 г. При этомъ было постановлено: въ виду продолжающихся безпокойствъ въ Западномъ Китаѣ, опредѣлить границу и поставить знаки въ тѣхъ мѣстностяхъ, начиная съ сѣвера, которыя находились въ то время внѣ сферы дѣйствій китайскихъ инсургентовъ, т. е. отъ пограничнаго знака Шабина-Дабага, поставленнаго по Буринскому трактату въ 1728 г. до Хабаръ-асуйскаго горнаго прохода въ Тарбагатайскомъ хребтѣ. Кромѣ того, нашему посланнику въ Пекинѣ было поручено Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ при переговорахъ объ этомъ съ китайскими министрами заявить имъ, что ихъ комиссары вмѣстѣ съ нашими, во время работъ на границѣ, будутъ находиться подъ прикрытіемъ русскаго военнаго отряда, которому вмѣняется въ обязанность охраненіе личности повѣренныхъ обѣихъ сторонъ.

Такъ какъ съѣздъ комиссаровъ долженъ былъ состояться въ 1869 г. и самый выборъ времени и мѣста для этого съѣзда предоставлялся взаимному соглашенію уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ, то я рѣшился воспользоваться свободнымъ временемъ и предпринять поѣздку въ Петербургъ, что было для меня крайне необходимо по моимъ соображеніямъ. Понятно, что прежде всего я только тамъ могъ получить надлежащія указанія и разъясненія по всѣмъ важнымъ вопросамъ, относящимся до предстоящаго разграниченія съ Западнымъ Китаемъ и предполагаемому одновременно съ нимъ производству геодезическихъ работъ вдоль черты государственной границы. Но кромѣ того, при предстоявшихъ переговорахъ съ китайцами по дѣлу о постановкѣ государственной границы, могли быть возбуждены и другіе вопросы, требовавшіе подробнаго разъясненія. Надлежащее и заблагопременное ознакомленіе съ этимъ вопросомъ, а также и со взглядами на это дѣло высшихъ правительственныхъ учрежденій совершенно развязывало мнѣ руки, давая полную возможность при предстоявшемъ съѣздѣ съ китайскими комиссарами дѣйствовать самостоя-

тельно, не испрашивая указаній и разъясненій, что я при всѣхъ возложенныхъ на меня порученіяхъ всегда старался избѣгать.

Въ началѣ декабря 1868 г. я выѣхалъ изъ Омска. Путь мой пролегалъ по направленію на Тюмень, Екатеринбургъ, Казань, Нижній-Новгородъ, Владиміръ и Москву. На всемъ этомъ протяженіи въ то время существовалъ только единственный рельсовый путь отъ Нижняго до Петербурга, но санный путь по Сибири и Пермской губерніи былъ превосходенъ, и я, несмотря на лютые морозы, ѣхалъ очень быстро. Выѣхавъ изъ Омска 8 декабря, 14 я былъ въ Перми, 17—въ Казани, а 21—въ Москвѣ. Въ Казани я свидѣлся съ побѣдителемъ бухарцевъ при Ирджорѣ, моимъ старымъ товарищемъ Д. И. Романовскимъ, съ которымъ участвовалъ въ походѣ въ Азіатской Турціи въ 1854 г., въ составѣ дѣйствующаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ, подъ начальствомъ генерала князя Бебутова.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ утромъ 23 декабря. Тотчасъ по пріѣздѣ я отправился въ Главный Штабъ, чтобы представиться начальнику штаба графу Гейдену и его помощникамъ: генералу Мещеринову и Клугену. Л. Н. Клугенъ, съ которымъ я былъ уже давно знакомъ по совмѣстной службѣ на Кавказѣ во время Восточной войны, какъ сибирякъ, много разспрашивалъ меня о своей родинѣ и выразилъ полную готовность оказать мнѣ самое широкое содѣйствіе по всѣмъ дѣламъ, относящимся до военной части въ Западной Сибири. Затѣмъ я отправился къ Г. В. Мещеринову. Онъ принялъ меня чрезвычайно любезно и удивился, что я могъ такъ скоро пріѣхать, что даже опередилъ бумагу о разграниченіи съ Китаемъ, которая, будучи послана изъ Омска въ день моего выѣзда, все еще не была получена въ Петербургѣ. Мещериновъ разспрашивалъ меня о проектированныхъ въ то время направленіяхъ Уральской желѣзной дороги отъ Перми до Тюмени. Я доложилъ Г. В. Мещеринову, что, по мнѣнію горнаго инженера Рашета, намъ необходимо по многимъ важнымъ соображеніямъ безотлагательно соединить желѣзною дорогою Пермь и Тюмень, находящіяся на судоходныхъ рѣкахъ Камѣ и Турѣ. Черезъ это будетъ установлено непрерывное искусственное сообщеніе между громадными рѣчными областями Европейской и Азіатской Россіи. По проекту Рашета, составленному имъ въ 1861 г., эта желѣзная дорога, имѣя протяженіе 554 версты, будетъ проходить черезъ казенные Уральскіе горно-заводскіе округа: Пермскій и Гороблагодатскій и частные заводы графа Строгонова, Демидовыхъ и наслѣдниковъ Яковлева, а далѣе направится черезъ Ирбитъ на Тюмень. По этому проекту производились въ 1862 г. изысканія Кокоревымъ и К°.

Въ 1868 г. подобныя же изысканія производились полковникомъ Богдановичемъ и Михайловымъ отъ Николо-Березовской пристани на р. Камѣ, Сарапула и Осы, черезъ Екатеринбургъ до г. Тюмени и Любимовымъ отъ г. Перми черезъ Кунгуръ, Екатеринбургъ и Шадринска до Бѣлозерской слободы на р. Тоболѣ. Въ такомъ положеніи представлялся вопросъ о выборѣ направленія для предполагаемой Уральской желѣзной дороги, который тогда еще не былъ рѣшенъ окончательно. Послѣ этого моего доклада, который Г. В. Мещериновъ выслушалъ довольно внимательно, разговоръ нашъ перешелъ на служебныя дѣла и коснулся, главнымъ образомъ, китайской границы и предстоящихъ переговоровъ съ китайцами, о которыхъ Григорій Васильевичъ много меня разспрашивалъ. Отъ Мещеринова я отправился къ графу Гейдену, котораго встрѣтилъ выходящимъ изъ кабинета въ полной формѣ. Онъ торопился ѣхать во дворецъ, такъ что пріемъ былъ непродолжителенъ. Графъ Гейденъ сказалъ мнѣ только, чтобы по всѣмъ вопросамъ относящимся до разграниченія, я обращался бы въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и чтобы явился къ Военному Министру на его квартирѣ на второй день праздника, т. е. 26 Декабря. Изъ Главнаго Штаба я отправился въ Азіатскій департаментъ, гдѣ засталъ директора этого департамента П. Н. Стремоухова и начальника отдѣленія по китайскимъ дѣламъ барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться еще въ 1862 г., во время пребыванія въ Петербургѣ передъ командировкой въ Чугучакъ для веденія переговоровъ съ китайцами о границѣ. Со стороны этихъ лицъ я встрѣтилъ самый сочувственный пріемъ и полную готовность оказать мнѣ всякое содѣйствіе по дѣлу о предстоящей постановкѣ государственной границы съ Западнымъ Китаемъ. 26-го Декабря состоялось мое представленіе Военному Министру Д. А. Милютину. Отправляясь къ нему я взялъ съ собой на всякій случай карту Китайской границы, что оказалось какъ нельзя болѣе кстати. Д. А. Милютинъ подробно разспрашивалъ меня о направленіи черты государственной границы по Чугучакскому договору, а также и о мѣстѣ, избранномъ мною для Зайсанскаго пограничнаго поста и для казачьихъ поселеній на китайской границѣ, а равно и объ установленіи на новой границѣ торговыхъ сношеній съ китайцами. Объясненія по всѣмъ этимъ вопросамъ я давалъ по принесенной мною картѣ. Выслушавъ мои объясненія, Военный Министръ сказалъ мнѣ, чтобы по всѣмъ вопросамъ, относящимся до разграниченія съ Китаемъ, я обращался къ подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Военнаго; если встрѣтится какое-либо затруд-

неніе, то докладывать бы ему объ этомъ лично. Относительно же торговли съ Западной Монголіей, Д. А. Милютинъ приказалъ мнѣ явиться къ Министру Финансовъ С. С. Рейтерну для представле-нія подробнаго объясненія по этому дѣлу. Вообще, пріемъ былъ благосклонный и произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, пода-вая надежду на скорое и благопріятное разрѣшеніе всѣхъ вопро-совъ, относящихся до предстоящаго разграниченія съ Западнымъ Китаемъ. Послѣ того я имѣлъ свиданіе съ начальникомъ Военно-топографическаго отдѣла Главнаго Штаба, генераломъ Форшемъ. Я доложилъ ему мои предположенія о производствѣ топографи-ческихъ и геодезическихъ работъ вблизи черты государственной границы, на что съ его стороны послѣдовало полное согласіе, и онъ обѣщалъ командировать въ мое распоряженіе офицера-геоде-зиста для производства астрономическихъ опредѣленій наиболѣе важныхъ пунктовъ на границѣ.

5-го января состоялось мое представленіе Государю. Въ этотъ день число представлявшихся генераловъ было очень не-велико и всѣ мы были приглашены въ кабинетъ Государя, при-чемъ каждый изъ насъ былъ удостоенъ милостиваго разговора. Могъ-ли я думать тогда, что въ этотъ день мнѣ суждено было видѣть въ послѣдній разъ въ жизни нашего Царя-Освободителя и друга человѣчества!..

Во все время пребыванія моего въ Петербургѣ, когда мнѣ приходилось по возложеннымъ на меня разнообразнымъ поруче-ніямъ почти ежедневно вращаться въ департаментахъ и канце-ляріяхъ разныхъ Министерствъ, я убѣдился, насколько важенъ для успѣшнаго хода порученнаго мнѣ дѣла личный докладъ и ходатайство. Этимъ путемъ, несмотря на мое кратковременное пребываніе въ Петербургѣ, я успѣлъ привести къ благопріятному окончанію всѣ возникавшие вопросы какъ по постановкѣ государ-ственной границы, такъ и имѣющіе связь съ этимъ дѣломъ. Такъ какъ, по соглашенію Министерствъ Военнаго и Иностранныхъ Дѣлъ, мнѣ было предоставлено право самому снестись къ китай-скими комиссарами о времени и мѣстѣ съѣзда въ 1869 г. для переговоровъ по постановкѣ границы, то я ходатайствовалъ у Ген.-Губ. Хрущова, чтобы онъ съ своей стороны сообщилъ на-шему посланнику въ Пекинѣ, что, по моему мнѣнію, было-бы наиболѣе соотвѣтственнымъ съѣхаться комиссарамъ обѣихъ сто-ронъ къ 10 Мая на пикетѣ Укекъ. Руководящими основаніями къ выбору именно этого мѣста, служили мнѣ тѣже соображенія, ко-торыя я имѣлъ въ виду въ подобныхъ же случаяхъ и въ преж-нее время, слѣдуя примѣру, указанному еще нашимъ посломъ

Саввою Владиславовичемъ Рагузинскимъ въ 1728 г., когда онъ рас-положился лагеремъ на р. Бурѣ, о чемъ было подробно объяс-нено мною въ III части. Китайскій пикетъ Укекъ, отъ котораго должна была начаться постановка пограничныхъ знаковъ, нахо-дился на самой чертѣ государственной границы.

Обстоятельство это имѣло особенную важность въ томъ от-ношеніи, что доставляло возможность на первыхъ же порахъ точ-нымъ образомъ опредѣлить направленіе черты государственной границы и тѣмъ съ самаго начала переговоровъ избѣжать вся-кихъ недоразумѣній и пререканій, обычныхъ китайцамъ.

Помощникомъ себѣ я избралъ Генеральнаго Штаба подпол-ковника Муромцева, офицера способнаго и лично мнѣ извѣстнаго. Драгоманомъ комиссіи, по распоряженію Министерства Иностран-ныхъ Дѣлъ, былъ назначенъ Кульджинскій консулъ Павлиновъ, хорошо знавшій китайскій языкъ. Съ Павлиновыиъ я былъ также хорошо знакомъ по совмѣстной съ нимъ службѣ въ Сибири. Та-кой выборъ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ имѣлъ для меня большую важность потому, что, зная ихъ хорошо, я могъ отно-ситься къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и расчитывать на ихъ дѣя-тельное содѣйствіе и сотрудничество въ приведеніи порученнаго мнѣ дѣла къ успѣшному окончанію. Но кромѣ того, на благопріят-ный исходъ дѣла подавало надежду и то важное обстоятельство, что главнымъ китайскимъ комиссаромъ былъ назначенъ Илійскій Цзянь-Цзюнь Жунъ-цзю-ань, съ которымъ я успѣлъ сблизиться въ Семипалатинскѣ и находился съ нимъ въ самыхъ дружествен-ныхъ отношеніяхъ. Комиссарами по постановкѣ границы со сто-роны округовъ: Кобдо и Булунь-Тахой были назначены санов-ники: Куйчана и Вэнь-Шо. Съ ними я также надѣялся скоро сой-тись при любезномъ содѣйствіи Жуна.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ нашего посланника въ Пе-кинѣ, китайское правительство обязалось предписать Цзянь-Цзюню Жуну и другимъ сановникамъ, назначеннымъ для разграниченія, съѣхаться на пикетѣ Укекъ къ 10-му мая 1869 г. (по китайскому лѣточисленію: Тунъ-Чжи, VIII г. 4 луны, 11 числа). При этомъ китайскіе министры просили нашего посланника, чтобы всѣ при-готовленія къ съѣзду комиссаровъ обѣихъ сторонъ были сдѣланы заблаговременно, въ видахъ устраненія всякихъ препятствій къ своевременному съѣзду комиссаровъ на пикетѣ Укекъ. На этомъ основаніи, по ходатайству моему, было предложено выдвинуть къ пикету Укекъ особый отрядъ въ составѣ роты пѣхоты и сотни казаковъ. Условившись съ китайскими комиссарами о порядкѣ предстоявшихъ работъ, пограничная комиссія должна была раз-

дѣлиться на два отдѣла: одинъ долженъ былъ слѣдовать на сѣверъ, производя постановку пограничныхъ знаковъ по гребню Саянскаго и Сайлюгемскаго хребтовъ до пограничнаго знака Шабина-Дабага, а другой полагалось направить на юго-западъ, по гребню Большого Алтая къ озеру Зайсану и далѣе по хребту Сауръ-тау и по восточной части Тарбагатайскаго хребта до прохода Хабаръ-асу. Предположеніе это было вполнѣ одобрено Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Такимъ образомъ, всѣ вопросы, относящіеся собственно до дипломатической части, были скоро рѣшены и окончены, благодаря благосклонному содѣйствію, которое я встрѣтилъ въ Азіатскомъ департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ со стороны его директора П. Н. Стремоухова и глубокоуважаемаго барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена.

Такое же содѣйствіе по порученному мнѣ дѣлу я встрѣтилъ и со стороны нашего посланника въ Пекинѣ А. Е. Влангали, который былъ такъ предупредителенъ и любезенъ, что выслалъ крайне мнѣ необходимый на случай справокъ китайскій календарь, съ обозначеніемъ чиселъ каждой луны по китайскому счисленію на соотвѣтствующія числа каждаго мѣсяца по нашему лѣтосчисленію. Сверхъ того, я получилъ отъ него же изготовленныя въ Пекинѣ драгоманомъ нашей Пекинской миссіи Поповымъ на превосходной китайской бумагѣ краснаго цвѣта визитныя карточки, съ обозначеніемъ на нихъ моей фамиліи. Любезность и вниманіе Попова простирались до того, что онъ въ составленной имъ краткой запискѣ изложилъ какъ употреблять эти карточки, присовокупивъ еще и нѣкоторыя замѣчанія и указанія относительно существующихъ въ Китаѣ условій вѣжливости при именованіи какого-либо высокопоставленнаго лица.

Всѣ эти указанія имѣли для меня особенную важность въ томъ отношеніи, что наглядно знакомили меня съ нѣкоторыми утонченными пріемами и формами китайскаго этикета, соблюдаемаго при свиданіи высокопоставленныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ давали мнѣ возможность выказать передъ китайскими комиссарами уваженіе къ ихъ обычаямъ и тѣмъ передъ открытіемъ переговоровъ на первыхъ же порахъ расположить ихъ къ себѣ, что и подтвердилось впослѣдствіи.

Ассигнованіе суммъ, исчисленныхъ по смѣтѣ, на предстоящее разграниченіе съ Китаемъ вначалѣ встрѣтило нѣкоторое затрудненіе со стороны Министерства Финансовъ, но вскорѣ послѣдовало соглашеніе между нимъ и Военнымъ министерствомъ. По этому обстоятельству я объяснялся съ М. П. Кауфманомъ, съ которымъ былъ знакомъ по прежней моей службѣ на Кавказѣ. Личное мое объясненіе съ М. П. Кауфманомъ весьма много содѣйствовало благопріятному разрѣшенію этого вопроса. Но такъ какъ докладъ объ ассигнованіи долженъ былъ пройти черезъ канцелярію Военнаго Министерства, то я объяснялся по этому дѣлу съ директоромъ канцеляріи генералъ-адъютантомъ Мордвиновымъ и его помощникомъ генераломъ Якимовымъ, моимъ бывшимъ товарищемъ по совмѣстной службѣ въ Павловскомъ полку. Послѣдній выразилъ мнѣ полную готовность съ его стороны дать скорый ходъ этому дѣлу. Такимъ образомъ, благодаря моимъ личнымъ объясненіямъ, всѣ возникшія недоразумѣнія были улажены. Тогда же были мною покончены и всѣ возникшіе вопросы по дѣлу объ организаціи топографическихъ съемокъ и астрономическихъ опредѣленій на китайской границѣ и въ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства. Затѣмъ оставалось навести справки въ Министерствахъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ по нѣкоторымъ порученіямъ, возложеннымъ на меня генералъ-губернаторомъ. Должно сказать, что въ то время въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ уже былъ разработанъ вопросъ о замѣнѣ пѣшеэтапнаго препровожденія арестантовъ по главному ссыльному тракту сплавомъ ихъ по рѣкамъ Зап. Сибири отъ Тюмени до Томска на баржахъ, буксируемыхъ пароходами. Въ то же время былъ возбужденъ и другой вопросъ: о ссылкѣ каторжныхъ арестантовъ не въ Восточную Сибирь, а въ какую-либо другую пограничную мѣстность. Учрежденная по этому дѣлу комиссія рѣшила ссылать арестантовъ на островъ Сахалинъ. О такомъ рѣшеніи, имѣвшемъ важное значеніе для всей вообще Сибири, переполненной въ то время арестантами разныхъ категорій, я узналъ отъ директора департамента полиціи П. П. Коссаковскаго, моего однокашника по Павловскому кадетскому корпусу, и отъ моего бывшаго преподавателя минералогіи въ томъ же корпусѣ А. Д. Озерского, бывшаго впослѣдствіи Томскимъ губернаторомъ и начальникомъ Алтайскаго горнаго округа. Свѣдѣнія эти были мною тогда же сообщены начальнику штаба для доклада генералу Хрущову.

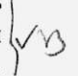

Въ ряду вопросовъ, возникшихъ при предстоящемъ проведеніи на самой мѣстности западной китайской границы имѣлъ важное значеніе и вопросъ объ устройствѣ болѣе правильныхъ торговыхъ сношеній съ Западной Монголіей. Должно сказать, что русская торговля съ Западнымъ Китаемъ на сѣверо-востокѣ западной китайской границы, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Кошъ-Агачъ и на сосѣднихъ съ нею китайскихъ пикетахъ: Суекъ, Таботъ и др., производилась съ давняго времени и, по

мнѣнію мѣстныхъ торговцевъ, съ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Извѣстный путешественникъ по Алтаю Чихачевъ, повидимому, былъ первый, сообщившій обстоятельныя свѣдѣнія объ этой торговлѣ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: «Voyage dans l'Altai». На основаніи этихъ свѣдѣній, а также оффиціальной переписки, имѣвшейся въ Штабѣ Омскаго Военнаго округа, относительно поѣздки Ген. Шт. капитана Принтца въ г. Кобдо, весьма основательныхъ и дѣльныхъ замѣчаній о нашихъ торговыхъ дѣлахъ въ Китаѣ бывшаго нашего консула въ Чугучакѣ К. А. Скачкова и, наконецъ, замѣчаній разныхъ лицъ о китайской торговлѣ, помѣщенныхъ въ Кяхтинскомъ листкѣ 1862 г. была составлена мною записка, представленная въ Министерства Военное и Иностранныхъ Дѣлъ. Въ этой запискѣ мною были изложены слѣдующія соображенія:

«Не подлежитъ сомнѣнію, что при настоящемъ положеніи нашихъ торговыхъ дѣлъ въ Китаѣ намъ необходимо всѣми мѣрами стремиться къ усиленію коммерческихъ сношеній съ этимъ обширнымъ государствомъ въ особенности на его западныхъ предѣлахъ и къ увеличенію новыхъ рынковъ для сбыта нашихъ произведеній преимущественно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ наши товары не могутъ встрѣтить подавляющаго вліянія иноземной конкуренціи. Прекращеніе торговли въ г. Чугучакѣ и Кульджѣ по случаю дунганской смуты образовало застой въ нашихъ коммерческихъ сношеніяхъ съ сопредѣльными съ Западной Сибирью владѣніями Китая: Западной Монголіей и Чжунгаріей. Этотъ застой неблагопріятно отразился и на ходѣ внутренней торговли въ Западной Сибири и киргизской степи. Отсюда понятна необходимость ослабить, насколько это возможно, неблагопріятныя для насъ послѣдствія этого затишья и дать нашей Сибирской торговлѣ естественный законный ходъ, вызываемый экономическими потребностями юго-восточной окраины Западной Сибири и сосѣдней съ нею Монголіи.

Но кромѣ того должно замѣтить, что торговля съ Западной Монголіей ведется нашими русскими и именно бійскими купцами. Уже одно это обстоятельство составляетъ крупный фактъ, требующій, чтобы на него было обращено вниманіе. Фактъ этотъ заслуживаетъ вниманія еще и потому, что составляетъ, хотя къ прискорбію, единственное, но всетаки отрадное явленіе на всей нашей границѣ съ Западнымъ Китаемъ и со Средней Азіей, гдѣ собственно русскіе торговцы суть рѣдкіе гости и вся торговля находится въ рукахъ ташкентцевъ и татаръ, наживающихъ значительные капиталы. Особенность нашей торговли съ Западной Монголіей, которую ведутъ, какъ упомянуто выше, бійскіе купцы, заключается въ томъ, что наши торговцы имѣютъ дѣло не съ китайскими купцами а съ манчжурами и монголами, отбывающими караульную службу на пограничныхъ пикетахъ. Монгольская стража не только сбываетъ нашимъ купцамъ получаемое ею содержаніе, заключающееся въ кирпичномъ чаѣ и ямбахъ (серебряные слитки вѣсомъ въ 50 золотниковъ. Есть ямбы и высокой цѣнности, доходящей до 145 р.), но и другіе товары, передаваемые имъ на комиссію китайскими купцами. Для этого ежегодно 25 числа 6 луны, т. е. въ концѣ Іюня, сотня монгольской конницы подъ начальствомъ манчжурскаго офицера переходитъ нашу границу около пикета Какъ-куль: часть ея отправляется осматривать границу, а остальные слѣдуютъ во внутрь Алтайскаго округа Томской губ. и въ 30 верстахъ отъ границы, у ключа Браты производятъ расторжку съ нашими купцами. Черезъ мѣсяцъ, т. е. въ концѣ іюля, когда производится смѣна карауловъ, выставленныхъ на границѣ, прибывшая новая смѣна караульныхъ монголовъ снова производитъ расторжку съ нашими купцами, но уже на пикетахъ. Изъ этого видно, что монополія нашей торговли съ Западной Монголіей со стороны Томской губерніи, въ сущности, находилась въ то время въ рукахъ китайскаго пограничнаго войска, которое, устранивъ своихъ купцовъ отъ прямого участія въ торговлѣ, эксплуатировало ихъ въ свою пользу, получая опредѣленный процентъ за комиссію. Должно полагать, что извѣстную долю участія въ этомъ дѣлѣ принимаютъ и Кобдинскія власти, чѣмъ и объясняется то упорство, съ которымъ онѣ отстаивали право содержать пикеты не только на юго-востокѣ Томской губерніи, но даже и въ долинѣ Верхней Бухтармы, какъ это видно изъ упомянутаго выше письма ко мнѣ Кобдинскаго Хэбэй-Амбаня. Нельзя не замѣтить также, что китайскіе солдаты, захвативъ въ свои руки всю эксплуатацію пограничной торговли, безнаказанно хозяйничали въ нашихъ предѣлахъ, устраняя нашихъ купцовъ отъ прямыхъ кондицій съ китайскими торговцами въ г. Кобдо. Отсюда понятна необходимость вывести торговлю изъ этого рутиннаго монгольскаго произвола и дать ей естественный ходъ, сообразный съ ея законными стремленіями. Что подобныя стремленія въ средѣ китайскихъ купцовъ дѣйствительно существуютъ, достаточно привести снова извѣстнаго путешественника по Алтаю Чихачева, который еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія писалъ:

„Жители Кобдо, Улясутая и другихъ пограничныхъ китайскихъ провинцій неоднократно увѣряли меня, что они пробовали было являться на границу, чтобы принять прямое участіе въ мѣ-

новой торговлѣ съ бійскими купцами, но были всякій разъ силою устраняемы солдатами, занимающими пограничные караулы, которые по весьма понятной причинѣ не очень заботились о конкуренціи, но находили для себя гораздо выгоднѣе получать отъ своихъ соотечественниковъ плату за комиссію». При такомъ порядкѣ пограничныхъ торговыхъ сношеній терпятъ убытки не одни китайскіе торговцы: ненормальность торговли неблагопріятно отражается на оборотахъ нашихъ купцовъ. За товары, отпускаемые китайцамъ въ кредитъ съ разсрочкою въ платежѣ, маньчжурскіе пограничные офицеры весьма медленно, а часто и вовсе не разсчитываются съ нашими купцами. Причина заключается въ крайне неисправной выдачѣ жалованья китайскимъ пограничнымъ войскамъ. Для примѣра достаточно указать, что гарнизонъ г. Калгана въ 1862 г. считалъ за правительствомъ долгу по жалованью и выдачѣ рису цѣлыхъ 33 мѣсяца, т. е. около трехъ лѣтъ и, если бы не было у этого гарнизона земель, то онъ умеръ бы съ голоду. Съ постановкой западной китайской границы, на основаніи IV ст. Чугучакскаго договора, китайцы должны снять всѣ свои пикеты, расположенные по сю сторону граничной черты. Этимъ будетъ отчасти устранено насильственное давленіе на торговлю со стороны монгольскаго пограничнаго войска. Торговля можетъ войти въ свои естественныя законныя права, только въ томъ случаѣ, когда китайцы вступятъ съ нами въ какія-либо обязательства по открытію торговли не только въ Кобдо, но и во всей Западной Монголіи. Начало этому уже положено искусными и энергичными дѣйствіями нашего посланника въ Пекинѣ генералъ-маіора Влангали, по настоянію котораго китайское правительство предписало начальнику области Кобдо не препятствовать торговлѣ нашихъ подданныхъ въ предѣлахъ правилъ о сухопутной торговлѣ съ Китаемъ 20 февраля 1862 г. Къ сожалѣнію, всѣ эти уступки, оказываемыя намъ китайскимъ правительствомъ, сопряженныя и дли насъ съ тяжкими усиліями, остаются для Западно-Сибирской границы только на бумагѣ. Въ то время, когда на восточной границѣ наши купцы для расширенія русской коммерческой дѣятельности не ограничиваются предѣлами одной Восточной Монголіи, куда ходятъ наши караваны съ 1861 г., но помышляютъ даже о возможности проникнуть въ Тибетъ и открыть эту неизвѣстную землю для русской торговли, наши бійскіе купцы до сихъ поръ еще затрудняются отправлять товары не только въ глубь Западной Монголіи, но и въ ближайшіе пограничные улусы. Излишняя регламентація въ дѣлѣ торговыхъ сношеній съ Китаемъ безъ сомнѣнія принесетъ болѣе вреда, нежели пользы, потому что от-

кроетъ широкій просторъ мелочной придирчивости, къ которой такъ склонны китайскіе чиновники. Но съ другой стороны, всякія международныя обязательства съ китайцами, облеченныя въ форму договора, которому можетъ быть дано широкое толкованіе, окажутъ благодѣтельное вліяніе на торговлю. Такимъ образомъ, въ 1851 г., при заключеніи Кульджинскаго трактата, провозъ байховыхъ чаевъ черезъ всѣ таможни Западной Сибири простирался на сумму 383.648 руб. А черезъ три года, въ 1854 г., достигъ громадной суммы въ полтора милліона. Черезъ одинъ Семипалатинскъ было провезено чаевъ на сумму 1.279.094 руб. Хотя нельзя предполагать, чтобы торговля наша съ Западной Монголіей возросла столь же прогрессивно, какъ съ Чугучакомъ и Кульджой, но должно замѣтить, что при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, торговля на границѣ Томской губерніи съ Кобдинскимъ округомъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1842 г. отпускная торговля наша на этой части границы, по свѣдѣніямъ Чихачева, доходила до 18½ тысячъ, а общій оборотъ всей торговли черезъ 20 лѣтъ въ 1864 г., по заявленію бывшаго Томскаго губернатора Лерхе, доходитъ до 400 тыс. руб. Въ 1868 г. эта торговля, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Яцевичемъ, доходила до милліона рублей.

Со временемъ эти торговые обороты еще болѣе увеличатся, въ особенности, если наши купцы ознакомятся съ характеромъ и потребностями нашихъ сосѣдей, присмотрятся къ быту и нуждамъ монголовъ. Заблаговременное распространеніе мѣстнымъ начальствомъ свѣдѣній о тѣхъ прочныхъ и дешевыхъ издѣліяхъ, въ которыхъ преимущественно нуждаются монголы и съ приложеніемъ краткаго географическаго описанія пограничныхъ странъ, могло бы служить полезнымъ пособіемъ для нашихъ купцовъ.

Сближая изложенные выше факты, должно придти къ заключенію, что наша торговля съ Западной Монголіей требуетъ самаго настоятельнаго содѣйствія со стороны правительства. При этомъ предлежитъ предварительно разъяснить слѣдующіе вопросы:

1) вполнѣ ли примѣнимы къ западной границѣ правила о сухопутной торговлѣ съ Китаемъ 20 февраля 1862 г., уже введенныя на нашей восточной границѣ, и не будетъ ли полезнымъ пояснить эти правила нѣкоторыми дополненіями;

2) признано ли будетъ своевременнымъ учредить, хотя на первое время, русское консульство въ Западной Монголіи.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, постоянно относившееся съ особенною заботливостію къ важному вопросу объ устройствѣ русской торговли съ Западнымъ Китаемъ, находило, что въ тог-

дашнее время для оживленія нашей западно-сибирской торговли нельзя не остановить вниманія на обширномъ полѣ для торговой предпріимчивости, которое представляетъ Западная Монголія. На ея границахъ со стороны Западной Сибири уже издавна существуютъ торговыя сношенія, въ которыхъ принимаютъ участіе наши купцы изъ г. Бійска. Въ тогдашнее время, т. е. въ 1869 г., по мнѣнію министерства, представляется самый благопріятный случай дать большее развитіе этой торговлѣ. Проведеніе въ этихъ мѣстностяхъ граничной черты не можетъ не имѣть вліянія и на тамошнія торговыя отнощенія, по слѣдующимъ причинамъ: согласно Чугучакскому договору, къ русскимъ владѣніямъ отошла нѣкоторая часть сѣверной пограничной полосы Улясутайскаго и Кобдинскаго округовъ, по ст. IV означеннаго договора, китайцы обязаны снять всѣ свои пикеты, расположенные по нашу сторону граничной черты. Между тѣмъ, именно на этихъ пикетахъ и производились до настоящаго времени главные обороты между нашими купцами и монголами, отбывавшими караульную службу на пограничныхъ пикетахъ. Въ этихъ видахъ, министерство признавало полезнымъ командировать въ томъ же 1869 г. въ Кобдо довѣренное лицо, поручивъ ему: 1) удостовѣриться въ томъ, что обѣщаніе, данное китайскими властями консулу Шишмареву относительно опубликованія трактатныхъ постановленій, исполнено въ точности по всей Западной Монголіи; 2) вступить въ переговоры съ мѣстными властями относительно притѣсненій, причиняемыхъ нашимъ бійскимъ торговцамъ на границѣ, въ случаѣ, если заявленія, поступившія по этому поводу къ начальству Западной Сибири, окажутся по изслѣдованіи на мѣстѣ заслуживающими вниманія. Войти вообще въ ближайшее изысканіе причинъ, которыя препятствуютъ надлежащему развитію русской торговли въ тѣхъ краяхъ.

Успѣхъ этихъ дѣйствій будетъ значительно облегченъ одновременными заявленіями китайскимъ сановникамъ и со стороны нашего уполномоченнаго по разграниченію съ Западнымъ Китаемъ.

Въ случаѣ осуществленія означенной командировки, было бы особенно желательно, чтобы купечество Томской губ. къ этому времени рѣшилось снарядить караванъ въ Западную Монголію, который поступилъ бы въ непосредственное вѣдѣніе или подъ покровительство нашего агента въ Кобдо. По убѣжденію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, всѣ означенныя мѣры имѣли бы самое благодѣтельное вліяніе на оживленіе нашей сибирской торговли, которая, какъ оказывается изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, неоднократно дѣлала попытки проникнуть въ Западную

Монголію, но постоянно встрѣчала большія затрудненія. Всѣ вышеизложенныя соображенія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ были сообщены въ февралѣ 1869 г. въ Министерство Финансовъ на заключеніе. Между тѣмъ, въ этомъ же министерствѣ въ то же время были получены довольно подробныя свѣдѣнія о торговлѣ съ Западной Монголіей отъ командированнаго въ Западную Сибирь чиновника Яцевича. Состоявшій при Министерствѣ Финансовъ коллежскій совѣтникъ Яцевичъ былъ командированъ въ Западную Сибирь для ревизіи казенныхъ палатъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ. Въ своемъ донесеніи Министру Финансовъ, Яцевичъ коснулся и торговли съ Западной Монголіей, производившейся въ мѣстности Кошъ-Агачъ на юго-восточной окраинѣ Бійскаго округа. При этомъ, онъ довольно подробно и обстоятельно описалъ тогдашнее состояніе этой торговли».

Въ виду представленной мною упомянутой выше записки о тогдашнемъ состояніи торговли съ Западной Монголіей, я, по приказанію Военнаго Министра, долженъ былъ явиться и къ Министру Финансовъ, для представленія, въ случаѣ надобности, надлежащихъ объясненій по этому дѣлу. Статсъ-Секретарь Рейтернъ, къ которому я явился въ назначенный пріемный день, принялъ меня весьма благосклонно и разспрашивалъ подробно о нашей торговлѣ съ Монголіей и о мнѣніи моемъ по поводу упомянутаго выше донесенія коллежскаго совѣтника Яцевича. Я отвѣчалъ Министру, что, по моему личному убѣжденію, донесеніе Яцевича составлено весьма основательно и заключаетъ въ себѣ весьма важныя свѣдѣнія, собранныя на мѣстѣ отъ бійскихъ купцовъ и мѣстнаго гражданскаго начальства Бійскаго округа. Указавъ на существовавшія тогда неудобства въ правильной организаціи торговыхъ сношеній съ Западной Монголіей, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ трудности сообщеній въ горахъ внутренняго Алтая, Яцевичъ предлагаетъ и мѣры, которыя слѣдовало бы предпринять для устраненія этихъ затрудненій. Единственно, что можно замѣтить въ запискѣ Яцевича, это то, что въ ней упущенъ изъ вида политическій элементъ, что, впрочемъ, нельзя поставить ему въ вину по случаю командировки его Министерствомъ Финансовъ со спеціальной цѣлью собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о производствѣ *торговыхъ* сношеній съ Западной Монголіей. Яцевичъ, въ своемъ донесеніи, между прочимъ, признаетъ необходимымъ, для удобства этихъ сношеній на западной китайской границѣ, перенести находящійся на границѣ китайскій пикетъ Суекъ на мѣстность Кошъ-Агачъ. Мѣра эта оказывается неудобною въ политическомъ отношеніи, потому что въ силу Пекинскаго трактата граница въ

этомъ мѣстѣ идетъ по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, къ которымъ принадлежитъ и Суекъ. Перенося же его во внутрь нашихъ земель къ Кошъ-Агачу, мы этимъ самымъ какъ бы нарушаемъ границу, отклоняя ее отъ линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, т. е. дѣйствуя въ противность тому, на чемъ постоянно настаивали наши комиссары при переговорахъ съ китайцами въ Чугучакѣ.

Послѣ того, я, по приказанію Министра Финансовъ, объяснялся по тому же дѣлу съ директоромъ департамента торговли и мануфактуръ д. с. с. Ермаковымъ. Съ его стороны я встрѣтилъ самое любезное содѣйствіе и полную готовность сообщить мнѣ нѣкоторыя необходимыя для меня свѣдѣнія о чайной торговлѣ съ Китаемъ и о таможенномъ полицейскомъ надзорѣ на восточной китайской границѣ. Свѣдѣнія эти имѣли для меня большую важность и доставили возможность основательно ознакомиться съ порядкомъ охраны нашей восточной границы казаками Забайкальскаго войска. Это обстоятельство подало мнѣ мысль примѣнить ту же систему охраны и таможеннаго надзора, какъ уже испытанную долголѣтней практикой, и на нашей западной границѣ со стороны Зайсанскаго края, сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя измѣненія, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ западной границы. Сущность составленныхъ мною соображеній по этому предмету заключалась въ томъ, чтобы возложить охрану границы со стороны Семипалатинской области на мѣстное вооруженное населеніе. Для осуществленія этой цѣли было необходимо озаботиться о скорѣйшемъ водвореніи казаковъ на р. Джемини, Кендерликѣ и Курчумѣ. Устройство станицъ въ первыхъ двухъ мѣстностяхъ, какъ расположенныхъ вблизи границы, давало возможность осуществить извѣстный принципъ о необходимости имѣть на границѣ русскую осѣдлость, и, насколько возможно, разъединить нашихъ пригraничныхъ киргизъ отъ ихъ соплеменниковъ, живущихъ въ сопредѣльныхъ китайскихъ владѣніяхъ.

Состоя съ 1860 г. дѣйствительнымъ членомъ Географическаго Общества, я считалъ обязанностью представиться также и вицепредсѣдателю общества графу Литке, жившему въ то время въ своемъ домѣ на Англійской набережной. Графъ Литке, какъ и слѣдовало ожидать, разспрашивалъ меня болѣе всего о Зайсанскомъ краѣ и при прощаньи выразилъ желаніе, чтобы я сдѣлалъ сообщеніе объ этомъ краѣ и о возведеніи Зайсанскаго поста на р. Джемини, на одномъ изъ засѣданій общества, которое должно было состояться въ непродолжительномъ времени. Онъ просилъ меня также во время пребыванія моего на китайской границѣ,

при предстоящемъ государственномъ разграниченіи съ Китаемъ, сообщить на имя секретаря барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена свѣдѣнія, имѣющія связь съ географіей пограничной части Западной Сибири и Киргизской степи, прилегающихъ къ китайскимъ владѣніямъ, сказавъ, что будетъ писать объ этомъ генералу Хрущову. По возвращеніи отъ графа Литке, мнѣ необходимо было тотчасъ же заняться составленіемъ реферата о Зайсанскомъ краѣ. Это потребовало немного времени, такъ какъ я былъ хорошо знакомъ съ мѣстностью Зайсанскаго края и имѣлъ подъ рукой всѣ необходимые матеріалы. По составленіи реферата, я, предварительно, прочтенія его въ Географическомъ обществѣ, по принятому правилу, представилъ его на разрѣшеніе начальника Главнаго Штаба, которое вскорѣ и послѣдовало. Прочитанная мною на засѣданіи Географическаго Общества статья была сочувственно принята собравшимися членами и посторонними посѣтителями. По окончаніи чтенія мнѣ были предложены вопросы относительно колонизаціи Киргизской степи, а въ особенности мѣстностей по сѣверную и южную сторону озера Зайсана, наиболѣе удобныхъ для нашихъ осѣдлыхъ водвореній. Затѣмъ прочитанный рефератъ былъ переданъ мною секретарю общества барону Ѳ. Р. Остенъ-Сакену, который тогда же заявилъ мнѣ, что моя статья о Зайсанскомъ краѣ въ непродолжительномъ времени будетъ напечатана въ изданіяхъ общества. Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, я посѣтилъ моего уважаемаго товарища по совмѣстому участію въ переговорахъ съ китайцами въ Чугучакѣ И. И. Захарова, занимавшаго въ то время должность профессора манчжурскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ. Затѣмъ и во время дальнѣйшаго моего пребыванія въ Петербургѣ я часто видѣлся съ И. И. Захаровымъ Возвращаясь домой съ лекцій изъ университета, онъ заходилъ иногда ко мнѣ въ гостинницу Волкова на Конюшенной, гдѣ я всегда останавливался во время моихъ пріѣздовъ въ Петербургъ изъ Сибири. На этихъ свиданіяхъ между нами велась оживленная бесѣда о китайскихъ дѣлахъ и о предстоящемъ государственномъ разграниченіи. Онъ совѣтовалъ мнѣ дѣйствовать осторожно, не полагаться на китайцевъ и не довѣрять имъ. Отъ И. И. Захарова я узналъ много интересныхъ для меня новостей, относящихся къ тогдашнему положенію нашихъ дѣлъ въ Китаѣ и Средней Азіи. Изъ нихъ болѣе всего поразило меня по своей неожиданности переданный мнѣ разговоръ Захарова о китайскихъ дѣлахъ съ однимъ изъ высокопоставленныхъ сенаторовъ. Захаровъ былъ крайне удивленъ, услышавъ отъ него, что намъ не было никакой надобности торопиться заключеніемъ Чугучакскаго договора и

что было бы гораздо лучше, если бы этого договора совсѣмъ не существовало и дѣло оставалось бы въ прежнемъ положеніи. Словомъ сказать, чтобы Пекинскій трактатъ не былъ приведенъ въ исполненіе на западныхъ предѣлахъ Китая, гдѣ для насъ, повидимому, было бы выгоднѣе оставить прежнюю неопредѣленность границы. Эта совершенно неожиданная новость до крайности меня поразила: я никакъ не могъ предполагать, что въ Петербургѣ когда-либо могла существовать закулисная интрига, хотя и направленная прямо на Чугучакскій протоколъ, но касавшаяся и Пекинскаго трактата. Въ этой интригѣ, быть можетъ и самъ того не сознавая, принялъ участіе Гейнсъ. Въ какой степени привились всѣ эти взгляды на проведеніе черты китайской границы, будетъ мною подробно изложено въ слѣдующей главѣ.

Время, проведенное мною въ Петербургѣ въ усиленной дѣятельности, посреди безпрерывныхъ хлопотъ и занятій по службѣ, представленій начальствующимъ лицамъ, посѣщеній разныхъ департаментовъ, ученыхъ обществъ и канцелярій, прошло необычайно быстро. Надвигалась весна, а съ нею и неизбѣжная распутица. Необходимо было торопиться, чтобы воспользоваться послѣднимъ саннымъ путемъ при предстоящемъ далекомъ переѣздѣ отъ Нижняго Новгорода до Омска. Откланявшись начальству и получивъ отъ него послѣднія наставленія и инструкціи по предстоящему разграниченію, я дружески простился съ моимъ уважаемымъ товарищемъ И. И. Захаровымъ. При прощаньи онъ сказалъ мнѣ, что при предстоящемъ разграниченіи одно только опасно: какъ китайскіе комиссары поведутъ дѣло и не послѣдуетъ-ли новыхъ затрудненій съ ихъ стороны.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Омскъ, куда я прибылъ въ половинѣ марта, я совершенно неожиданно узналъ, что во время моего отсутствія изъ Омска, тамъ уже успѣла созрѣть новая интрига противъ меня, какъ исполнителя Пекинскаго трактата, имѣвшая цѣлью во что бы то ни стало пріостановить государственное разграниченіе съ Западнымъ Китаемъ. Словомъ сказать, чтобы Пекинскій трактатъ и служащій ему дополненіемъ Чугучакскій протоколъ не были приведены въ исполненіе, оставаясь мертвой буквой. Для достиженія этой цѣли, Семипалатинское пограничное начальство въ особой запискѣ, представленной Хрущову, изложило свои соображенія и неудобства ставить въ 1869 г. государственную границу, опредѣленную Чугучакскимъ протоколомъ, въ виду тогдашняго тревожнаго положенія дѣлъ въ Западномъ Китаѣ, гдѣ господствовали неурядицы, а самый протоколъ не былъ еще ратификованъ. Въ минувшемъ же 1868 г. китайцы, не смотря на то, что сами возбудили вопросъ о постановкѣ границы, не выслали своихъ комиссаровъ. И такъ какъ китайцы оказываются безсильными возстановить свою власть въ ихъ западныхъ провинціяхъ и водворить тамъ порядокъ и спокойствіе, то намъ необходимо самимъ вмѣшаться въ это дѣло и принять мѣры къ прекращенію происходящихъ въ сосѣднихъ провинціяхъ неурядицъ. Для осуществленія этой цѣли, полагалось сосредоточить въ Зайсанскомъ посту отрядъ изъ 2-хъ ротъ пѣхоты, 2-хъ сотенъ казаковъ и 4-хъ орудій, который и двинуть на р. Кабу или Бурчумъ, гдѣ и возвести укрѣпленный постъ. Я ограничусь разсмотрѣніемъ слѣдующихъ, наиболѣе обращающихъ на себя вниманіе обстоятельствъ, приведенныхъ въ означенной выше запискѣ:

1) мнѣніе пограничнаго начальства, что намъ нѣтъ необходимости настаивать на исполненіи Чугучакскаго протокола, т. е. на постановкѣ границы, опредѣленной симъ протоколомъ на томъ основаніи, что онъ еще не ратификованъ, оказывается неосновательнымъ, Чугучакскій протоколъ въ силу его 10 ст. подлежитъ внесенію въ Пекинскій трактатъ, какъ дополненіе къ оному. Внесеніе же этого протокола въ Пекинскій трактатъ, какъ уже ратификованный правительствами обоихъ государствъ, очевидно слѣдуетъ считать равнымъ ратификаціи этого протокола;

2) разграниченіе въ 1868 г. не состоялось не потому, что китайскіе комиссары не прибыли на границу изъ опасенія подвергнуться нападенію дунганскихъ шаекъ, но вслѣдствіи поздняго ихъ прибытія на границу, когда, по случаю наступившихъ холодовъ, невозможно было приступить къ постановкѣ пограничныхъ знаковъ въ горахъ Большого Алтайскаго хребта, гдѣ горные проходы бываютъ въ это время завалены глубокимъ снѣгомъ;

3) настаивать на исполненіи Чугучакскаго протокола, по мнѣнію пограничнаго начальства, намъ нѣтъ необходимости также и потому, что въ сопредѣльныхъ мѣстностяхъ Западнаго Китая въ то время, т. е. въ 1869 г., господствовали неурядицы. Въ этомъ отношеніи, прежде всего долженъ замѣтить, что, заявляя о неурядицахъ въ западныхъ провинціяхъ Китая, Сибирское пограничное начальство очевидно имѣло въ виду тѣ безпокойства и волненія, которыя происходили тогда въ приграничной части китайскихъ владѣній, сопредѣльныхъ съ Зайсанскимъ краемъ и вообще въ сѣверо-восточной части киргизской степи Сибирскаго вѣдомства. Остальная же восточная окраина степи, лежащая къ югу отъ Тарбагатайскаго хребта, будучи непосредственно подчинена Туркестанскому начальству, находилась, какъ и прилегающая къ ней Кульджинская провинція, внѣ сферы вліянія сибирскаго на-

чальства. Категорически и настойчиво указывая въ запискѣ, представленной генералу Хрущову на неурядицы, происходившія въ Западномъ Китаѣ, пограничное начальство почему-то уклонилось отъ подробныхъ объясненій: въ какихъ именно мѣстностяхъ на западныхъ предѣлахъ Китая происходятъ эти неурядицы и въ чемъ именно онѣ заключаются. Вслѣдствіе чего и въ самой запискѣ, въ оправданіе изложенныхъ въ ней доводовъ, не приведено никакого фактическаго доказательства, а голословно выражены соображенія, имѣющія въ сущности характеръ однихъ предположеній. Словомъ сказать, записка состояла изъ громкихъ фразъ, не имѣющихъ никакого практическаго значенія. Между тѣмъ обстоятельное объясненіе всѣхъ этихъ доводовъ оказывалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что фактическое существованіе въ то время безпорядковъ и неурядицъ въ сѣверной части китайской Чжунгаріи, прилегающей къ нашимъ владѣніямъ на сѣверо-востокѣ киргизской степи, подлежало большому сомнѣнію. Вскорѣ послѣ того, какъ было сдѣлано это заявленіе, я находился по обязанностямъ службы именно въ этой части Чжунгаріи и во все время моей командировки по постановкѣ границы я не слыхалъ о безпорядкахъ въ сѣверо-западной пограничной части китайскихъ владѣній и *не встрѣтилъ тамъ ни одного инсургента*.

Но и помимо этого, Сибирское пограничное начальство, указывая въ своей запискѣ, поданной въ 1869 г., на безпорядки и неурядицы въ приграничной части китайскихъ владѣній, сопредѣльныхъ съ Зайсанскимъ краемъ, въ слѣдующемъ году совершенно измѣнило свой всглядъ, какъ это должно заключить изъ сдѣланнаго имъ заявленія извѣстному московскому купцу Т. С. Морозову о возможности отправить его караванъ съ товарами въ г. Кобдо черезъ Булунь-Тохой, т. е. долиною Чернаго Иртыша, подъ прикрытіемъ небольшого казачьяго конвоя. Этимъ заявленіемъ пограничное начальство высказало, такъ сказать, ручательство въ безопасности слѣдованія каравана въ приграничной части китайскихъ владѣній. Такое ручательсто очевидно нельзя не признать равносильнымъ удостовѣренію, что крупныхъ безпорядковъ въ приграничной мѣстности въ то время не было. Между тѣмъ раньше, а именно въ 1869 г., какъ мы видѣли, пограничное начальство ту же мѣстность, въ виду будто бы происходящихъ тамъ безпорядковъ и неурядицъ, находило необходимымъ занять войсками и даже возвести тамъ укрѣпленіе. Послѣ этого остается притти къ заключенію, что оба приведенныя выше заявленія: изложенное въ запискѣ и данное купцу Морозову находятся въ прямомъ противорѣчіи одно къ другому, что и служитъ лучшимъ

свидѣтельствомъ, что крупныхъ волненій въ сѣверной части Чжунгаріи, сопредѣльной съ нашими владѣніями на сѣверо-востокѣ киргизской степи, въ 1869 г. вовсе не было. Возстаніе дунгановъ, охватившее собою вначалѣ весь Западный Китай, въ то время, т. е. въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, начало постепенно ослабѣвать и вскорѣ утратило прежнюю свою силу и значеніе. Восточный Туркестанъ уже находился тогда подъ властью Якубъ-Бека, а въ Илійской провинціи господствовали таранчи, относившіеся враждебно къ дунганамъ. Во всякомъ случаѣ, если, въ З. Китаѣ и существовали неурядицы, какъ это утверждало Сибирское пограничное начальство, то онѣ скорѣе всего могли-бы неблагопріятно отразиться на Семирѣченской, но никакъ не на западно-сибирской границѣ. Обстоятельство это вполнѣ подтвердилось впослѣдствіи и повлекло за собою занятіе Туркестанскими войсками всего Кульджинскаго района, о чемъ будетъ подробно объяснено въ своемъ мѣстѣ. Если же подъ неурядицами разумѣть безпорядки, производимыя шайками китайскихъ выходцевъ, скитавшихся въ приграничныхъ мѣстностяхъ, то чтобы отогнать эти шайки отъ нашей западно-сибирской границы, занятой въ то время сильными отрядами, не могло представить особыхъ затрудненій. Внезапное же нападеніе одной изъ этихъ шаекъ, состоявшей изъ такъ называемыхъ Казылъ-Аяковъ на Зайсанскій постъ, о чемъ будетъ подробно изложено ниже, даетъ полное основаніе полагать, что пограничное начальство не было освѣдомлено о всемъ происходящемъ въ приграничной мѣстности. Неосвѣдомленность Сибирскаго пограничнаго начальства о положеніи дѣлъ въ сопредѣльныхъ китайскихъ владѣніяхъ и вообще шаткость понятій объ этихъ дѣлахъ доходила до того, что мнѣнія нашихъ начальниковъ пограничныхъ съ Китаемъ областей по одному и тому же вопросу, относящемуся до положенія дѣлъ въ Западномъ Китаѣ, иногда оказывались прямо противорѣчащими одно другому. Такъ, когда возникъ вопросъ: по какому пути направить въ Западный Китай упомянутый выше караванъ купца Морозова, который, снаряжая его, руководствовался не финансовыми соображеніями, но патріотическимъ чувствомъ открыть путь къ развитію и упроченію нашихъ торговыхъ сношеній съ Западнымъ Китаемъ [1]), областное Сибирское пограничное начальство не совѣтовало Морозову направить караванъ въ Кульджу, а затѣмъ въ Урумчи, находя этотъ путь небезопаснымъ, а начальникъ Семирѣченской области генералъ Колпаковскій въ то же самое время не находилъ опаснымъ

[1]) Предписаніе Турк. Ген.-Губ. Семирѣченскому Воен. Губ. отъ 12 дек. 1871 г. за № 5409.

итти съ караваномъ именно въ Кульджу [1]). Изъ этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній преимущество принадлежитъ Семирѣченскому начальству, т. е. генералу Колпаковскому, на томъ основаніи, что, отправляя караванъ въ Кульджу, можно было оставаться спокойнымъ за его участь, ибо Кульджинскій районъ, уже занятый въ то время нашими войсками, пользовался полнѣйшей безопасностью [2]). Заявленіе же Сибирскаго пограничнаго начальства подвержено большому сомнѣнію. Подтвержденіемъ этому можетъ служить состоявшееся въ ноябрѣ 1871 г. отправленіе изъ Вѣрнаго черезъ Кульджу въ Урумчи каравана съ товарами купца В. П. Кузнецова, отъ котораго всегда можно было получить заблаговременно свѣдѣнія о безопасности этого движенія.

Между тѣмъ купецъ Морозовъ, получивъ два противорѣчащія заявленія, былъ поставленъ въ затруднительное положеніе относительно выбора удобнаго пути для слѣдованія каравана въ районѣ китайскихъ владѣній. Къ счастью, его могъ выручить нашъ Кульджинскій консулъ Павлиновъ, къ которому и обратился Морозовъ. Препроводивъ Павлинову оба заявленія, Морозовъ просилъ его направить караванъ по тому пути, который онъ найдетъ болѣе удобнымъ. Этотъ прискорбный фактъ, который долженъ лежать полностью на отвѣтственности пограничнаго начальства, показываетъ, что купеческія фирмы имѣли полное основаніе относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ заявленіямъ мѣстныхъ пограничныхъ властей и нерѣдко уклоняться отъ торговыхъ предпріятій въ Западномъ Китаѣ, которыя и переходили въ руки туземныхъ купцовъ.

Не менѣе страннымъ оказывается и заявленіе пограничнаго начальства о необходимости построить укрѣпленіе на р. Кабѣ или Бурчумѣ, т. е. въ китайскихъ владѣніяхъ. Не нужно обладать большимъ знаніемъ киргизскихъ степей, чтобы понять, что возведеніе такого укрѣпленія нисколько не поможетъ дѣлу умиротворенія киргизской степи. Построивъ укрѣпленіе, мы будемъ владѣть только тѣмъ пунктомъ, который занимаемъ. Между тѣмъ, опытъ усмиренія киргизскихъ волненій въ степи, какъ напр. Кенисаринскаго бунта и другихъ, показалъ, что сущность дѣла заключается въ трудности, при громадныхъ разстояніяхъ въ степи, преслѣдовать киргизскихъ хищниковъ, которые, какъ птицы, разсыпаются въ разныя стороны и быстро переносятся на значительныя разстоянія. Притомъ пограничное начальство полагало возведенное укрѣпленіе на р. Кабѣ, по усмиреніи нами неурядицъ въ степи, передать китайцамъ. Это обстоятельство ясно показываетъ, что, пренебрежительно относясь къ урокамъ исторіи и содѣйствуя усиленію власти китайцевъ на западныхъ предѣлахъ ихъ имперіи мы и въ Азіи продолжаемъ, какъ говорится, travailler pour le roi Prusse. Подобное стремленіе выступить на защиту китайскихъ интересовъ, едва-ли могло быть въ нашихъ видахъ. Неужели Хрущову не было извѣстно, что наше постоянное вмѣшательство въ чужія дѣла очень чутко отражалось на нашихъ собственныхъ интересахъ, какъ это показываютъ историческіе факты. Въ настоящемъ случаѣ, яркимъ подтвержденіемъ можетъ служить поступокъ китайскаго главнокомандующаго Цзо-Цзунь-Тана, который за заключенную съ нашимъ агентомъ Сосновскимъ сдѣлку по доставкѣ китайскимъ войскамъ хлѣба, обѣщалъ ему золотыя горы, о чемъ будутъ подробно объяснено въ своемъ мѣстѣ. Когда же, благодаря этой помощи, китайцы окончательно водворили свою власть въ западныхъ предѣлахъ ихъ имперіи, т. е. во всемъ застѣнномъ Китаѣ и Восточномъ Туркестанѣ, Цзо-Цзунь-Танъ впослѣдствіи, а именно въ восьмидесятыхъ годахъ, когда у насъ возникли осложненія съ Китаемъ, оказался нашимъ злѣйшимъ врагомъ. Отсюда видно, что приведенное заявленіе пограничнаго начальства о безпорядкахъ въ сѣверной части китайской Чжунгаріи и о необходимости построить укрѣпленіе на р. Кабѣ было основано на однихъ только предположеніяхъ, которыя не только не подтвердились впослѣдствіи, но оказались фактически невѣрными. Вслѣдствіе чего и самое заявленіе оказывается голословнымъ. Но болѣе всего было прискорбно видѣть ту неблаговидную роль, которую игралъ въ этомъ дѣлѣ Хрущовъ. Уже при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ запиской, представленной ему пограничнымъ начальствомъ, не трудно было видѣть, что она представляетъ собою рядъ легкомысленныхъ увлеченій, неимѣющихъ никакого твердаго основанія. Словомъ сказать, что на китайской границѣ, со стороны собственно Западной Сибири, вовсе не было такихъ осложненій, которыя явно и непосредственно могли намъ угрожать. А потому, давая ходъ этой запискѣ и слѣдовательно выражая свою полную съ ней солидарность, и притомъ не разобравъ дѣла и не замѣтивъ, что температура этого вопроса искусственно повышена, Хрущовъ тѣмъ самымъ выказалъ полное отсутствіе государственнаго взгляда на дѣло. Между тѣмъ, если отнестись къ этому дѣлу болѣе вдумчиво и вникнуть въ него глубже, то прежде всего пришлось-бы остановиться на вопросѣ: какая можетъ быть польза для русскаго дѣла занятіе нами клочка китайской территоріи и

[1]) Письмо Т. С. Морозова Кульджинскому консулу Павлинову.

[2]) Письмо Г. А. Колпаковскаго Т. С. Морозову отъ 30 ноября 1871 г.

можетъ-ли быть оправданъ этотъ политическій шагъ какими-либо соображеніями особой важности. Наконецъ, было-ли своевременно и умѣстно возбуждать подобный вопросъ, въ виду уже состоявшагося миролюбиваго соглашенія съ китайскимъ правительствомъ о разграниченіи на западныхъ предѣлахъ Китая, для осуществленія котораго уже были сдѣланы всѣ предварительныя распоряженія, какъ нами, такъ и китайцами. При такомъ положеніи дѣла намъ не было никакихъ основаній принимать на границѣ такія военныя мѣры, которыя не согласовались ни съ нашими интересами, ни съ видами правительства. Притомъ Хрущову очень хорошо было извѣстно, что китайскіе министры убѣдительно просили передать ему черезъ нашего посланника въ Пекинѣ генерала Влангали ихъ покорнѣйшую просьбу относительно отправленія русскихъ комиссаровъ на избранное мѣсто къ положенному сроку. Будь на мѣстѣ Хрущова другой, болѣе самостоятельный начальникъ края, подобное фантастическое представленіе пограничнаго начальства не могло-бы пройти безнаказанно. Въ данномъ случаѣ Хрущову очевидно слѣдовало-бы возвратить означенную записку съ требованіемъ: или разработать возбужденный вопросъ доказательно и болѣе всестороннимъ образомъ, дополнивъ его фактическими данными, или совершенно отклонить возбужденное ходатайство. Такъ поступилъ въ совершенно однородномъ случаѣ Ген.-Губ. Восточной Сибири графъ Муравьевъ-Амурскій.

Дѣло было вотъ въ чемъ. Въ 1856 г. одинъ нашъ золотопромышленникъ, узнавъ о розсыпяхъ золота вблизи озера Косогола, старался убѣдить мѣстныя власти въ Иркутскѣ, что присоединеніе этого озера къ нашимъ владѣніямъ будетъ истиннымъ благомъ и притомъ очень возможнымъ, въ силу договора 1727 г. Въ 1857 г. подобное же мнѣніе высказалъ одинъ офицеръ, посланный для ближайшаго ознакомленія съ краемъ. Но отъ проницательнаго взгляда графа Муравьева-Амурскаго не укрылось все ничтожество этихъ проектовъ о занятіи клочка китайской территоріи и притомъ въ то время, когда уже были подготовлены мѣры къ окончательному занятію Амурской страны и проведенію границы по рѣкамъ Амуру и Уссури, и они были оставлены безъ послѣдствій. Отсюда видно, что графъ Муравьевъ-Амурскій, въ противоположность Хрущову, распорядился по совершенно однородному дѣлу иначе, и тѣмъ неоспоримо выказалъ свои блестящія способности талантливаго государственнаго человѣка. Но Хрущовъ, на обязанности котораго, какъ главнаго начальника края, лежало разобраться на мѣстѣ въ этомъ дѣлѣ, сдѣлать правильную его оцѣнку и уяснить себѣ дѣйствительное

положеніе дѣлъ, не нашелъ необходимымъ входить въ подробное разсмотрѣніе самой главной части вопроса, т. е. политической его стороны, и ограничившись лишь нѣкоторыми замѣчаніями, собственно по военной части, представилъ все дѣло на усмотрѣніе Военнаго Министра.

Такимъ образомъ, этотъ сложный вопросъ политическаго характера Хрущовъ, не задумываясь, рѣшилъ сплеча. Все это служитъ иллюстраціей той шаткости понятій и взглядовъ на государственные вопросы въ мѣстныхъ офиціальныхъ сферахъ, которыя господствовали у насъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. При такомъ совершенно неожиданномъ для меня оборотѣ пограничнаго дѣла, въ Омскѣ установилось общее убѣжденіе, что предполагаемая постановка границы въ 1869 г. состояться не можетъ. Тщетно я убѣждалъ начальника штаба Кроіеруса, что постановка границы уже утверждена по обоюдному соглашенію русскаго и китайскаго правительствъ, и просилъ его ходатайства о выдачѣ мнѣ заимообразно денежнаго аванса для выдачи его чинамъ ввѣренной мнѣ пограничной комиссіи, чтобы они могли заблаговременно приготовиться къ столь трудному и отдаленному путешествію,—ничто не помогало. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не была получена Хрущовымъ громовая телеграмма изъ Петербурга, въ которой отклонялось ходатайство пограничнаго начальства относительно возведенія укрѣпленія на китайской территоріи, признанное Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ несвоевременнымъ и неумѣстнымъ. Итакъ, предпринятый пограничнымъ начальствомъ шахматный ходъ оказался неудачнымъ. Хрущовъ, сконфуженный телеграммой изъ Петербурга, уже не дѣлалъ мнѣ никакихъ затрудненій и я могъ спокойно заняться всѣми распоряженіями по снаряженію ввѣренной мнѣ комиссіи къ предстоящему безотлагательному выѣзду ранней весной изъ Омска на китайскую границу къ мѣсту съѣзда комиссаровъ обоихъ государствъ на пикетѣ Укекъ.

На этотъ разъ, какъ и въ 1863 г., во время Зайсанской экспедиціи, я былъ однимъ распорядителемъ всего дѣла и могъ дѣйствовать самостоятельно, въ силу данныхъ мнѣ полномочій. Это важное обстоятельство, а также опытность въ сношеніи съ китайцами, пріобрѣтенная мною во время Чугучакскихъ переговоровъ, когда я имѣлъ возможность ознакомиться въ полной мѣрѣ съ характеромъ и пріемами обращенія съ ними, при участіи и любезномъ содѣйствіи мнѣ такихъ знатоковъ Китая, какими были въ то время наши консулы въ Чугучакѣ и Кульджѣ К. А. Скач-

ковъ и И. И. Захаровъ, подавало мнѣ надежду, что я приведу къ вполнѣ успѣшному окончанію порученное мнѣ пограничное дѣло, сопряженное съ громадною отвѣтственностью. Въ этомъ уповании и избавившись отъ всевозможныхъ мытарствъ, а главное напастей, такъ несправедливо и легкомысленно предпринятыхъ противъ меня, съ цѣлью отложить предположенную постановку границы, я, 1-го мая, по окончании всѣхъ приготовленій къ предстоящему путешествію на китайскую границу, выѣхалъ изъ Омска черезъ Барнаулъ въ Бухтарминскую долину къ Укеку. Въ Барнаулѣ я предполагалъ ознакомиться съ астрономическими и топографическими работами, предпринятыми въ Алтайскомъ горномъ округѣ по распоряженію Кабинета Его Императорскаго Величества, а также собрать и другія необходимыя для меня свѣдѣнія объ Алтаѣ. Въ этомъ отношеніи я встрѣтилъ самое сочувственное и радушное содѣйствіе со стороны главнаго начальника Алтайскихъ горныхъ заводовъ, генерала Фрезе, а также и со стороны другихъ высокообразованныхъ лицъ Барнаульскаго общества, выказавшихъ полную готовность сообщить мнѣ необходимыя свѣдѣнія и содѣйствовать своими полезными указаніями и совѣтами. По благосклонному разрѣшенію генерала Фрезе, завѣдующій съемками Алтайскаго округа Г. Мейенъ сообщилъ мнѣ списокъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ въ Алтайскомъ округѣ и показалъ превосходно исполненныя планшеты топогрофическихъ съемокъ Алтая. Предварительное составленіе астрономической сѣти, предшествовавшее этимъ съемкамъ, дало возможность вести ихъ строго научнымъ путемъ, на основаніи точныхъ математическихъ началъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ принятая система производства топографическихъ съемокъ значительно облегчала и составленіе карты Алтайскаго горнаго округа. Въ половинѣ мая я прибылъ на ур. Чингистай, близъ р. Бухтармы, откуда и слѣдовалъ вверхъ по этой рѣкѣ до верховьевъ р. Алахи, принадлежащей къ системѣ р. Аргута и берущей начало въ предгорьяхъ Большого или Южнаго Алтая близъ г. Куйтунъ. Путь мой пролегалъ по бывшей китайской пикетной линіи, которая была тогда уже оставлена китайцами, уступившими намъ по Пекинскому трактату всю долину Верхней Бухтармы.

Вблизи Чингистая, на правомъ берегу рѣки Бухтармы, въ 2½ верстахъ отъ устья р. Черновой, въ 1866 г. возникло русское поселеніе — деревня Черновая, состоявшая изъ переселенцевъ Пермской губ., въ числѣ 60 душъ обоего пола. Хотя новые переселенцы еще не успѣли тогда обстроиться и вся деревня состояла изъ 9 домовъ, но занятыя ими мѣста, по изобилію лѣса, луговъ

и пашенъ, а также при благопріятныхъ условіяхъ для развитія пчеловодства, обѣщали этой отдаленной пограничной колоніи блестящую будущность. Кромѣ Черновой, въ долинѣ лѣваго берега р. Бухтармы возникли еще два болѣе обширныхъ поселенія: деревня Медвѣдка, въ 50 верстахъ ниже Черновой, и въ 12 верст. отъ нея на р. Таловкѣ дер. Таловка или Солдатово. Верхне-Бухтарминская долина поражаетъ путешественника своими живописными видами. Лѣсистыя предгорья Большого или Южнаго Алтая покрыты роскошной растительностью Альпійской флоры и увѣнчанныя скалами самыхъ причудливыхъ формъ представляли повсюду привлекательные ландшафты. Сѣверные скаты Большого Алтайскаго хребта, которые отъ китайскаго пикета Урылъ уже превышаетъ снѣжную линію и, слѣдовательно, доходятъ до 9 тыс. футовъ надъ уровнемъ моря, поросли лиственницею, пихтою, а мѣстами сосною, осиною и березою. Въ этихъ лѣсахъ, спускающихся со склоновъ горъ до самой Бухтармы, водятся маралы (яманы), дикие козлы, сохатый, медвѣди, волки, лисицы, соболи, сурки, барсуки, россомахи и выдры. Куланы и сайги, которые встрѣчаются на южныхъ скатахъ Большого Алтая, ближе къ Черному Иртышу, не заходятъ сюда. Тогда уже не встрѣчались тамъ и куницы, которыхъ много водится въ прилегающихъ къ Большому Алтаю Нарымскихъ и Курчумскихъ горахъ. Кромѣ изобилія пушныхъ звѣрей, Бухтарминская долина до самаго Урала представляетъ много благопріятныхъ условій для земледѣльческой колонизации. По собраннымъ мною въ то время свѣдѣніямъ, мѣстами для основанія нашихъ осѣдлыхъ водвореній могли служить слѣдующія мѣстности: 1) на р. Сарымсакты и на ур. Котонъ-Карагай, въ половинѣ разстоянія между дер. Черновой и Медвѣдкой; 2) на правомъ берегу р. Бухтармы по р. Березовкѣ; 3) при сліяніи р. Язевки съ Берелью. Послѣднее мѣсто все еще слыветъ подъ названіемъ Колмакова поселка. По словамъ сопровождавшихъ меня ясашныхъ крестьянъ, лѣтъ сто тому назадъ, поселился на рѣкѣ Язевкѣ бѣглый драгунъ Колмаковъ, который вскорѣ умеръ и начатое имъ дѣло водворенія русскихъ переселенцевъ не состоялось, вслѣдствіе препятствій, встрѣченныхъ со стороны китайцевъ. Китайцы въ то время считали всѣ эти земли, до самой р. Катуни, своимъ владѣніемъ, и всѣми мѣрами препятствовали поступательному движенію русской колонизаціи въ Верне-Бухтарминской долинѣ.

Отъ Урыла до Чиндагатуя, и далѣе къ Укеку мѣстность постепенно возвышается и, вслѣдствіе своего возвышеннаго положенія, уже дѣлается неспособной для земледѣльческой культуры.

*

Хотя въ нѣкоторыхъ деревняхъ сѣвернаго или внутренняго Алтая, какъ напр. въ Верхне-Уйманской, хлѣбопашество производилось тогда на высотѣ 3.144 футовъ надъ уровнемъ моря, но тамъ посѣянный хлѣбъ часто вымерзаетъ. Долина же Верхней Бухтармы, въ окрестностяхъ ур. Тобаты и Чиндагатуя, превышающая долину р. Катуни, гдѣ расположены обѣ Уйманскія деревни, а также Усть-Коксы и Катанда, представляетъ еще большія препятствія для созрѣванія яровыхъ хлѣбовъ.

Отъ урочища Тобаты до Чиндагатуя въ то время вели двѣ дороги, по обоимъ берегамъ р. Бухтармы. Дорога по лѣвому берегу, по причинѣ крутыхъ, обрывистыхъ береговъ, менѣе удобна для движенія. Но зато, слѣдуя по этой дорогѣ, можно было избѣжать переправъ черезъ р. Бухтарму вбродъ. Такая переправа находилась тогда въ 2-хъ верстахъ выше уроч. Усунь-Тобаты. Вообще бродъ на р. Бухтармѣ бываетъ глубокъ не только въ періодъ разлива весеннихъ водъ, въ апрѣлѣ, но и во время прибыли воды отъ таянія снѣговъ на горахъ Большого или Южнаго Алтая, въ маѣ и іюнѣ. Съ первыхъ чиселъ іюля водополье прекращается и вода начинаетъ понемногу убывать. За шесть верстъ до Чиндагатуя, на протяженіи болѣе двухъ верстъ, болотистый берегъ р. Бухтармы, гдѣ пролегаетъ дорога, былъ сплошь усѣянъ большими камнями. Такія болотистыя пространства извѣстны на Алтаѣ подъ именемъ каменныхъ болотъ. Образованіе на нихъ камней должно отнести къ постепенному вывѣтриванію гранита, которое, при постоянномъ дѣйствіи атмосферной воды, разслаиваетъ гранитныя массы и отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга. Вслѣдствіе чего обломки скалъ, низвергаясь въ болотистую долину, заваливаютъ ее иногда на довольно большое пространство. Горы, замыкающія Бухтарминскую долину, состоятъ преимущественно изъ гранита и глинистаго сланца. Въ окрестностяхъ Чингистая встрѣчается кремнистый и тальковый сланцы, порфиръ и кварцъ, а въ 2-хъ верстахъ отъ него, какъ мнѣ передавали сопровождавшіе меня проводники, имѣется мѣсторожденіе каменнаго угля.

У Чиндагатуя мы вновь переправились на лѣвый берегъ р, Бухтармы, которая беретъ начало изъ Бухтарминскаго озера, находящагоея въ 4-хъ верстахъ отъ Чиндагатуя. Въ этомъ мѣстѣ р. Бухтарма принимаетъ съ лѣвой стороны р. Чиндагатуй и одинъ изъ значительныхъ своихъ притоковъ р. Бѣлую Бухтарму, берущую начало на сѣверномъ склонѣ бѣлковъ Большого или Южнаго Алтая, чѣмъ и объясняется ее названіе «Бѣлая Бухтарма». Истокъ р. Бѣлой Бухтармы находится въ 20 верстахъ отъ ур. Чиндагатуй: сначала она течетъ на сѣверъ, потомъ круто поворачиваетъ на сѣверо-западъ и, усиливаясь на пути цѣлою сѣтью ручьевъ, берущихъ начало изъ озеръ и болотъ Укекской плоской возвышенности, быстро несетъ свою снѣговую воду въ Бухтарму, образуя по пути водопады, изъ которыхъ болѣе замѣчательный находится вблизи Чиндагатуя. Разстояніе между устьями рѣкъ Бѣлой Бухтармы и Чиндагатуя не превышаетъ 200 саженъ. По нѣсколькимъ наблюденіямъ, произведеннымъ на Чиндагатуѣ, температура воды въ Бѣлой Бухтарѣ доходила до 2½° R., при температурѣ воздуха + 6° R, и поднималась до 5° при 9° температуры на воздухѣ. Почти во все время нашего пребыванія на Чиндагатуѣ, въ концѣ мая, шелъ снѣгъ и земля часто покрывалась инеемъ.

Дорога отъ Чиндагатуя къ Укеку идетъ по правому берегу Бѣлой Бухтармы. Горы, замыкающія собою узкую долину этой рѣки съ сѣвера почти совсѣмъ обнажены и при восхожденіи на одну изъ нихъ мною былъ найденъ ревень, нѣсколько экземпляровъ котораго были отправлены для испытанія въ Омскую и Барнаульскую аптеки. Пройдя 10 верстъ отъ Чиндагатуя вверхъ по р. Бѣлой Бухтармѣ, мы снова вступили въ полосу каменныхъ болотъ, до крайности затруднявшихъ нашъ путь и замедлявшихъ движеніе вьюковъ, подъ тяжестью которыхъ лошади совершенно изнемогали и выбивались изъ силъ. Пройдя еще пять верстъ, мы постепенно стали подыматься на Укексую плоскую возвышенность. Въ этомъ мѣстѣ лѣсъ, покрывавшій сѣверные скаты Южнаго Алтая, совершенно прекратился и уступилъ мѣсто растеніямъ альпійской зоны. Передъ нами разстилались обширные участки болотъ, перерѣзанныхъ ручьями и громадными глыбами обледенѣлаго снѣга, залегавшаго въ лощинахъ.

Горы Южнаго Алтая, примыкающія къ Укекскому плато, казались невысокими снѣжными холмами, что давало основаніе полагать, что это плато возвышается не менѣе 4 тыс. ф. надъ уровнемъ моря. Укекская плоская возвышенность образуетъ собою весьма явственный разломъ или водораздѣлъ, отдѣляющій верховья р. Бухтармы отъ истоковъ Аргута. Она служитъ какъ бы связью, посредствомъ которой бѣлки Южнаго или Большого Алтая соединяются съ Катунскими Альпами, принадлежащими къ системѣ горъ Сѣвернаго или Внутренняго Алтая [1]).

---

[1]) Описаніе моего переѣзда отъ Омска до китайскаго пикета Укекъ было сообщено мною въ письмѣ къ барону Ѳ. Р. Остенъ-Сакену въ 1869 г., и тогда же было напечатано въ «Извѣстіяхъ Географическаго общества», составляющихъ нынѣ библіографическую рѣдкость.

Въ виду описанныхъ выше затрудненій, встрѣченныхъ членами пограничной комиссіи при переѣздѣ по горной дорогѣ изъ Усть-Каменогорска въ Бухтарминскъ, мы прибыли на Укекъ только въ концѣ мая и застали уже тамъ китайскихъ уполномоченныхъ: Жунъ-цзю-аня и Кобдинскаго Хэбэй-Амбаня Куйчана, третій же уполномоченный Вэнь-Шо еще не прибылъ. Вскорѣ по пріѣздѣ, я имѣлъ свиданіе съ китайскими комиссарами и былъ принятъ ими, а въ особенноси Жуномъ со всѣми знаками самаго любезнаго вниманія и гостепріимства. Послѣ первыхъ привѣтствій, мой разговоръ съ Жуномъ оживился воспоминаніями о прошедшемъ. Онъ очень сочувственно отзывался о нашемъ совмѣстномъ пребываніи въ Семипалатинскѣ въ 1867 году. Видя такое дружелюбное ко мнѣ настроеніе китайскихъ сановниковъ, я рѣшился воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для того, чтобы дать предстоящему дѣлу постановки границы по возможности быстрый ходъ. А потому на другой день, когда китайскіе комиссары прибыли въ нашъ лагерь для свиданія со мною, я успѣлъ убѣдить ихъ въ необходимости безотлагательно приступить къ переговорамъ по постановкѣ пограничныхъ знаковъ. На этихъ переговорахъ я прежде всего находилъ необходимымъ внушить къ себѣ полное довѣріе китайцевъ, и въ этихъ видахъ всячески старался избѣгать мелочныхъ требованій, могущихъ осложнить ходъ порученнаго мнѣ дѣла и тѣмъ замедлить постановку границы, которую мною предполагалось окончить въ теченіе 1869 г. до наступленія зимняго времени, когда переходъ черезъ горы, вслѣдствіе снѣжныхъ залежей въ горахъ и горныхъ проходахъ, оказывается до крайности затруднительнымъ. Я нашелъ возможнымъ въ описаніи государственной границы не приводить буквально подлежащихъ статей Чугучакскаго договора, но ограничиться только указаніями на эти статьи, какъ о томъ настаивалъ Жунъ. Устраненіе этихъ мелкихъ затрудненій имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ немаловажное значеніе въ китайской дипломатіи.

Вообще на этотъ разъ мои переговоры съ китайцами, при дружелюбномъ отношеніи ко мнѣ Жуна и видимомъ его расположеніи и довѣріи ко мнѣ, а также дѣятельномъ и полезномъ участіи въ этихъ переговорахъ консула Павлинова, продолжались лишь нѣсколько дней и кончились вполнѣ удачно. Жунъ согласился на предложенный ему мною планъ постановки границы, состоящій въ томъ, чтобы по постановкѣ перваго пограничнаго знака раздѣлиться на два отдѣла: сѣверный и южный. При первомъ изъ этихъ отдѣловъ долженъ былъ слѣдовать мой помощникъ капитанъ Муромцевъ, вмѣстѣ съ китайскимъ комиссаромъ сановникомъ Куйчана, и производить совмѣстно съ нимъ постановку знаковъ со стороны Кобдинскаго округа, а затѣмъ продолжать дальнѣйшую постановку границы со стороны Улясутайскаго округа совмѣстно съ китайскими чиновниками, особо назначенными для сего Жуномъ, до знака Шабина-Дабага, гдѣ западная китайская граница должна сомкнуться съ восточной.

Съ своей стороны, по состоявшемуся соглашенію съ китайскими комиссарами, я долженъ былъ слѣдовать на юго-западъ въ долину р. Бухтармы, гдѣ и ожидать возвращенія съ сѣвернаго участка Кобдинскаго округа комиссара Куйчана, съ которымъ и продолжать постановку границы сначала въ горныхъ проходахъ Б. Алтайскаго хребта, а затѣмъ, спустившись съ горъ, ставить границу, согласно Пекинскому трактату, отъ Большого Алтая по направленію на юго-западъ, къ озеру Зайсану и отъ него на востокъ, вверхъ по Черному Иртышу, до южной оконечности Кобдинскаго округа у пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ (Акъ-Тюбе). Дальнѣйшую постановку границы отъ Акъ-Тюбе къ югу, по направленію къ Тарбагатайскимъ горамъ и вдоль этого хребта до прохода Хабаръ-асу, т. е. со стороны Булунь-Тохойскаго округа, я долженъ былъ производить совмѣстно съ китайскимъ комиссаромъ Вэнь-Шо, по прибытіи его на границу.

По окончаніи постановки границы, на каждомъ ея участкѣ, сопредѣльномъ съ округами: Улясутай, Кобдо и Булунь-Тохой полагалось составить ея описаніе съ поименованіемъ поставленныхъ знаковъ на русскомъ и манчжурскомъ языкахъ въ 4-хъ экземплярахъ и, по подписаніи этихъ документовъ съ приложеніемъ печатей комиссаровъ, размѣняться ими и затѣмъ представить ихъ установленнымъ порядкомъ по принадлежности въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

Довѣріе намъ китайцевъ въ особенности выказалось при постановкѣ перваго пограничнаго знака, когда Кобдинскій Хэбэй-Амбань Куйчана согласился исполнить всѣ мои требованія безъ малѣйшихъ возраженій. Все это значительно облегчило и мои дальнѣйшія распоряженія по постановкѣ государственной границы. Первый пограничный знакъ Уланъ-Даба былъ поставленъ мною 7-го іюня на водораздѣлѣ, отдѣляющемъ верховья р. Калгуты, принадлежащей къ системѣ р. Аргута, отъ лѣвыхъ притоковъ рѣчной области Кобдо.

По возведеніи на избранномъ мною мѣстѣ пограничнаго знака Уланъ-Даба, Кобдинскій Хэбэй-Амбань, на основаніи приведеннаго выше соглашенія моего съ китайскими комиссарами на

Укекѣ, направился къ сѣверо-востоку, вмѣстѣ съ моимъ помощникомъ капитаномъ Муромцевымъ. Съ этимъ же отдѣломъ комиссіи отправился и драгоманъ, консулъ Павлиновъ. Кромѣ исполненія своей прямой обязанности, Павлиновъ обязался собрать на мѣстѣ точныя свѣдѣнія о торговлѣ Кобдо и Улясутая съ нашимъ Бійскимъ округомъ Томской губ. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ отъ нашихъ мѣстныхъ властей Бійскаго округа, торговля эта въ послѣднее время нѣсколько упала. Это произошло оттого, что съ 1864 г., когда мы стали требовать отъ китайскихъ торговцевъ, пріѣзжавшихъ на ур. Кошъ-Агачъ на р. Чуѣ, предъявленія заграничныхъ паспортовъ, число сихъ торговцевъ значительно уменьшилось. Но кромѣ этого, на сокращеніе торговыхъ оборотовъ имѣлъ также вліяніе упадокъ на Ирбитской ярмаркѣ цѣнности сурковыхъ шкурокъ, составлявшихъ одну изъ важнѣйшихъ статей нашей привозной торговли на р. Чуѣ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда сѣвернаго отдѣла комиссіи, я, вмѣстѣ съ членами южнаго отдѣла, началъ готовиться къ выѣзду изъ Укека. Всѣ мы были очень рады оставить эту негостепріимную, дикую и суровую мѣстность Укекской равнины, гдѣ переносили всевозможныя лишенія. Почти во все время пребыванія моего на Укекѣ, стояли сильные холода, нерѣдко шелъ снѣгъ, и мы едва могли согрѣться въ шубахъ. Но еще болѣе непривычно было пребываніе на Укекѣ изнѣженныхъ китайскихъ сановниковъ, которые гораздо болѣе, чѣмъ мы, спѣшили выбраться съ Укека.

Первый сигналъ къ выступленію былъ поданъ Жуномъ. Онъ совершенно неожиданно пріѣхалъ проститься со мною раннимъ утромъ, почти на разсвѣтѣ. Я долженъ былъ принять его въ моей небольшой палаткѣ въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ спалъ, т. е. въ сибирской козлиной дахѣ, подбитой съ наружной стороны мѣхомъ, и въ которой я выглядѣлъ настоящимъ медвѣдемъ. Это было мое послѣднее свиданіе съ Жуномъ и продолжалось оно очень недолго. Я выразилъ Жуну мою сердечную благодарность за его любезное вниманіе и въ особенности за его довѣріе, которое онъ постоянно оказывалъ мнѣ во все время переговоровъ, происходившихъ на Укекѣ. Съ своей стороны Жунъ наговорилъ мнѣ много любезностей, и вообще наше прощаніе носило самый искренній дружескій характеръ. По выходѣ изъ моей палатки, я проводилъ Жуна до его носилокъ, окруженныхъ цѣлымъ сонмомъ китайскихъ чиновниковъ, слугъ и отрядомъ монгольской конницы, и выразилъ ему душевное пожеланіе благополучнаго путешествія.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Жуна, я выступилъ изъ Укека съ

южнымъ отдѣломъ экспедиціи въ долину р. Верхней Бухтармы, по прежней дорогѣ на Чиндагатуй и Чингистай, куда и прибылъ въ концѣ іюня. Отсюда я предполагалъ произвести изслѣдованіе горныхъ проходовъ въ южномъ или пограничномъ Алтаѣ. Мѣсто нашей стоянки на Чингистаѣ находилось вблизи бывшаго здѣсь китайскаго пикета въ довольно широкой долинѣ, замкнутой съ южной стороны горами пограничнаго Алтая, а съ сѣвера хребтомъ Листьяга, самая высщая точка котораго Щебенюха, по изслѣдованію Геблера, не превышала 7.500 футовъ надъ уровнемъ моря. Дно этой долины состоитъ изъ глинистыхъ и песчаныхъ наносовъ и перерѣзывается небольшой рѣчкой Чингистай, впадающей въ р. Бухтарму. Къ югу отъ Чингистая открывается восхитительный видъ на живописные, лѣсистые отроги горъ Южнаго Алтая, вершины которыхъ не переходятъ въ этомъ мѣстѣ за снѣжную линію, но достигаютъ однако же 8 тыс. футовъ надъ уровнемъ моря. По произведеннымъ барометрическимъ наблюденіямъ, ур. Чингистай находится на высотѣ 2.125 ф. надъ уровнемъ моря и на широтѣ 49° 10′ 44,5″, соотвѣтствующей приблизительно Полтавѣ и Кременчугу. Вслѣдствіе возвышеннаго положенія Бухтарминской долины, климатъ въ Чингистаѣ вообще умѣренный и сильныхъ жаровъ здѣсь не бываетъ. Съ раздѣленіемъ пограничной комиссіи на два отдѣла, на мнѣ лежала обязанность постановки границы на огромномъ пространствѣ отъ горъ Большого Алтая до Тарбагатайскаго хребта. На этомъ пространствѣ, начиная отъ знака Уланъ-Даба, черта государственной границы, на основаніи Пекинскаго трактата, должна была слѣдовать по гребню Большого Алтая, возвышающагося на 13 тыс. фут. надъ уровнемъ моря. Укекская же плоская возвышенность образовала собою какъ бы связь между горами Южнаго Алтая и Катунскими Альпами. Она пересѣкается въ меридіанальномъ направленіи р. Алаха, истоки которой, извѣстные подъ именемъ Канаса, находятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ высится гора Куйтунъ, одна изъ величайшихъ снѣговыхъ верщинъ Южнаго Алтая. Отъ горы Куйтунъ къ западу, до истоковъ р. Баканаса, противъ бывшаго китайскаго пикета Урылъ, Южный Алтай состоитъ изъ непрерывнаго ряда вершинъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. А потому на этомъ участкѣ границы, обозначенномъ рѣзкимъ рубежомъ естественнымъ, не предстояло надобности ставить пограничные знаки. Отъ истоковъ же Баканаса Южный Алтай постепенно понижается къ западу и примыкаетъ къ горной группѣ Сарымъ-Сакты, связывающей его съ Курчумскими и Нарымскими горами. Въ этой пониженной части хребта, имѣющей характеръ второстепенныхъ горъ, и сосредото-

чиваются, главнымъ образомъ, горные проходы изъ Бухтарминской долины въ верховья р. Курчума и къ Черному Иртышу. Самый высшій перевалъ называется Баканасъ. Отъ него послѣдовательно расположены къ западу: Сарнакой, Бурхатъ, Тарбагатай и Байберды, Всѣ они находятся вблизи ур. Чингистай, въ разстояніи около 8 верстъ одинъ отъ другого. Дорога черезъ перевалъ Тарбагатай отдѣляется отъ Бурхатскаго горнаго прохода. Она образуетъ мѣстами довольно труднодоступную тропу, которая лѣпится по скатамъ горъ надъ глубокими пропастями и круто спускается къ Чингистаю. Перевалъ Тарбагатай составляетъ кратчайшій путь отъ ур. Чингистай къ китайскому пикету Тарбагатай. Вообще этотъ перевалъ можно считать удобнымъ только для слѣдованія одиночныхъ всадниковъ. Движеніе же вьюковъ сопряжено съ большими затрудненіями, въ особенности въ ненастное время, когда каждый неосторожный шагъ лошади по скользкой дорогѣ угрожаетъ опасностью. Въ такой же степени оказывается труднодоступными перевалы: Сарнакой, находящійся въ 15 верстахъ къ востоку отъ Бурхата, а въ особенности Баканасъ. Послѣдній, по чрезвычайной крутизнѣ подъемовъ, вовсе неудобенъ для слѣдованія на вьюкахъ и доступенъ только для смѣлыхъ всаднковъ. Во время моего пребыванія на вершинахъ описанныхъ выше горныхъ переваловъ мы долго не могли оторвать глазъ отъ представившагося передъ нами восхитительнаго зрѣлища на долину р. Бухтармы, по дну которой тонкой лентой извивалась рѣка. Вдали красовались горы Сѣвернаго Алтая, между которыми высился Монъ-Бланъ Алтая—гора Бѣлуха, одѣтая бѣлой мантіей вѣчнаго снѣга. Во время моего пребыванія на вершинахъ горныхъ переваловъ я имѣлъ случай внимательно прослѣдить направленіе горнаго разлома или водораздѣла, отдѣляющаго лѣвые притоки р. Бухтармы отъ системы правыхъ притоковъ р. Чернаго Иртыша. Этотъ разломъ обозначался непрерывнымъ рядомъ болотъ и спорадическими участками обледенѣлыхъ снѣжныхъ глыбъ, расположенныхъ вблизи сѣвернаго ската хребта и на довольно значительномъ разстояніи отъ южныхъ предгорій, замыкающихъ долину праваго берега р. Чернаго Иртыща. Отъ этого положенія водораздѣльной черты, ближе къ р. Бухтармѣ, всѣ лѣвые притоки этой рѣки, спускаясь съ горъ прямо на дно долины, протекаютъ относительно небольшое пространство. Совершенно другимъ характеромъ отличается система правыхъ притоковъ Чернаго Иртыша, которые имѣютъ видъ настоящихъ горныхъ рѣкъ, быстро несущихъ свою снѣговую воду въ Черный Иртышъ, прорывая на своемъ пути рядъ параллельныхъ хребтовъ, образующихъ собою

горный массивъ Южнаго Алтая. Это свойство рѣзко обозначается на системѣ рѣкъ, составляющихъ бассейнъ р. Кабы, одного изъ могучихъ притоковъ Чернаго Иртыша. Рѣка Кара-Каба или Сорва, составляющая одно изъ верховьевъ р. Кабы, беретъ начало въ снѣговыхъ вершинахъ горнаго узла, связывающаго хребетъ Сары-Тарбагатай съ главнымъ кряжемъ Южнаго Алтая.

Спустившись съ горъ, р. Кара-Каба течетъ въ юго-западномъ направленіи у самаго подножія сѣвернаго свѣса хребта Сары-Тарбагатай въ довольно тѣсной долинѣ, огражденной съ противоположной стороны южными отрогами главнаго водораздѣльнаго хребта. Усиливаясь на своемъ пути сѣтью горныхъ ручьевъ и принявъ съ правой стороны рѣки: Тарбагатай и Тау-Текели, Кара-Каба, вблизи устья послѣдней, дѣлаетъ поворотъ на юго-востокъ и прорывается черезъ горы Сары-Тарбагатай въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ хребетъ примыкаетъ къ горамъ Тау-Текели. Здѣсь р. Каба-Каба течетъ въ крутыхъ берегахъ по дну ущелья, по выходѣ изъ котораго она снова принимаетъ въ себя съ правой стороны еще двѣ рѣки Кызилъ-Кезень и Джамана-Кабу.

Таковы были результаты произведенной мною рекогносцировки горныхъ проходовъ въ Южномъ Алтаѣ [1]). Вполнѣ ознакомившись съ этими горными проходами и путями, пролегающими черезъ нихъ изъ Бухтарминской долины къ озеру Зайсану и Черному Иртышу, я рѣшился воспользоваться свободнымъ временемъ и поставить въ этихъ горныхъ проходахъ пограничные знаки, безъ участія въ этой постановкѣ китайскихъ чиновниковъ Кобдинскаго вѣдомства, еще не прибывшихъ съ сановникомъ Куйчана съ сѣвернаго участка границы. Въ этомъ случаѣ я разсчитывалъ, что сановникъ Куйчана, выказавшій уже мнѣ при постановкѣ знака Уланъ-Дабы полное довѣріе, не будетъ возражать и на этотъ разъ противъ правильности заранѣе избранныхъ мною мѣстъ для пограничныхъ знаковъ въ горныхъ проходахъ Большого Алтая, что вполнѣ и подтвердилось впослѣдствіи. Съ постановкою знаковъ въ горныхъ проходахъ Большого Алтайскаго хребта окончательно должно упрочиться за Россіей обладаніе богатою и живописною долиною р. Бухтармы, которою такъ дорожили китайцы. Она въ особенности имѣла для нихъ важное значеніе, потому что въ тревожное время дунганской смуты, когда было прервано кратчайшее сообщеніе Западнаго Китая съ Пекиномъ черезъ Урумчи и Куръ-Карасу, эта дорога представляла собою

---

[1]) Болѣе подробное описаніе горныхъ проходовъ въ Южномъ Алтаѣ помѣщено въ «Извѣстіяхъ Географ. Общества» 1869 и 1870 г.

единственный удобный путь къ столицѣ Срединнаго государства черезъ Кобдо и Улясутай.

Съ занятіемъ Бухтарминской долины открывался широкій просторъ для русскаго заселенія въ этой привольной странѣ, столь богатой самыми разнообразными угодьями, для прочнаго развитія сельскаго хозяйства. Бухтарминская долина неоспоримо составляетъ одно изъ важныхъ пріобрѣтеній, сдѣланное Россіей на основаніи Пекинскаго трактата. Это обстоятельство въ связи съ устройствомъ правильныхъ торговыхъ сношеній съ областями Кобдо и Улясутай, на что, какъ упомянуто выше, было обращено тогда особенное вниманіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, обѣщало окончательно упрочить политическое и торговое вліяніе Россіи на этой окраинѣ Имперіи. Окончивъ рекогносцировку горныхъ проходовъ въ Южномъ Алтаѣ, я, вскорѣ послѣ этого, получилъ свѣдѣніе о возвращеніи Кобдинскаго Хэбэй-Амбаня съ сѣверной границы его округа на ур. Урылъ, въ 20 верстахъ отъ Чингистая. Вслѣдъ затѣмъ, 9 іюля утромъ, китайскіе чиновники прибыли въ нашъ лагерь на ур. Чингистай и просили меня отъ имени Амбаня Куйчана расположиться вблизи нашего лагеря на рѣчкѣ Чингистай, на что я охотно согласился.

Въ этотъ же день вечеромъ я имѣлъ свиданіе съ Кобдинскимъ Хэбэй-Амбанемъ, который тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ на ур. Чингистай сдѣлалъ мнѣ визитъ. На этомъ свиданіи мы условились о планѣ дальнѣйшихъ работъ по постановкѣ знаковъ въ горахъ Большого Алтая и далѣе, къ озеру Зайсану и Черному Иртышу. Я заявилъ китайскому комиссару, что, по осмотрѣ горныхъ проходовъ, мною уже поставлены въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пограничные знаки и просилъ его принять своихъ чиновниковъ для осмотра горныхъ проходовъ и постановкѣ знаковъ по чертѣ водораздѣла, на избранныхъ мною мѣстахъ. Китайскій сановникъ тотчасъ же согласился на это и на другой день, 6 іюля прибыли въ нашъ лагерь чиновники Кобдинскаго вѣдомства, съ которыми тогда же и было приступлено къ постановкѣ границы въ горныхъ проходахъ Байберды, Бурхатъ, Сарнакой и Баканасъ. 9 іюля постановка знаковъ во всѣхъ означенныхъ горныхъ проходахъ была окончена. На другой день я посѣтилъ Кобдинскаго Хэбэй-Амбаня въ его лагерѣ и былъ принятъ имъ со всѣми знаками самаго изысканнаго вниманія и гостепріимства. На происходившемъ въ этотъ день совѣщаніи о планѣ нашихъ дальнѣйшихъ занятій по постановкѣ границы, китайскій сановникъ заявилъ мнѣ, что по трудности предстоявшаго намъ пути въ горахъ Большого Алтая, онъ, при своихъ преклонныхъ лѣтахъ и разстроенномъ здоровьи, до крайности затрудняется слѣдовать съ нами черезъ горы на Черный Иртышъ. Куйчана просилъ меня взять съ собою чиновниковъ Кобдинскаго вѣдомства, которыхъ онъ съ полнымъ довѣріемъ назначалъ въ мое распоряженіе. Будучи убѣжденъ въ трудности перехода черезъ горы для престарѣлаго Хэбэй-Амбаня, только что возвратившагося изъ отдаленнаго путешествія къ озеру Какъ-норъ, на сѣверныхъ предѣлахъ Кобдинской провинціи, я отвѣчалъ, что, во вниманіе къ его преклоннымъ лѣтамъ и трудностямъ горнаго похода, я не только охотно соглашаюсь на его просьбу, но и принимаю ее за знакъ особаго довѣря ко мнѣ, какъ къ комиссару, принимавшему участіе въ заключеніи Чугучакскаго договора. Китайскій сановникъ былъ видимо обрадованъ моимъ согласіемъ. Драгоману комиссіи, консулу Павлинову, прибывшему вмѣстѣ съ комиссаромъ Куйчана, я разрѣшилъ также остаться въ Чингистаѣ, гдѣ онъ могъ заняться на свободѣ переводомъ на маньжурскій языкъ описанія Кобдинскаго участка границы, которое я обѣщалъ выслать ему по постановкѣ послѣдняго знака у горы Акъ-Тюбе, близъ китайскаго пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ.

Такимъ образомъ, оба китайскіе комиссара Жунъ-Цзю-ань и Куйчана съ полнымъ довѣріемъ отнеслись ко мнѣ и передали все пограничное дѣло въ мои руки, назначивъ въ тоже время и своихъ чиновниковъ въ мое распоряженіе. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, дальнѣйшая постановка границы была вполнѣ обезпечена.

Съ отъѣздомъ означенныхъ китайскихъ сановниковъ съ границы въ г. Кобдо, я, какъ было упомянуто выше, остался однимъ полновластнымъ распорядителемъ всего пограничнаго дѣла, и, имѣя въ своемъ вѣдѣніи какъ русскихъ такъ и китайскихъ чиновниковъ, былъ въ сущности не только русскимъ, но въ тоже время и исправляющимъ должность китайскаго комиссара. Все это подавало надежду, что китайскіе чиновники при постановкѣ пограничныхъ знаковъ будутъ въ точности слѣдовать моимъ указаніямъ безъ малѣйшихъ возраженій, что и подтвердилось впослѣдствіи.

При такомъ благопріятномъ оборотѣ дѣла, я рѣшился, послѣ упомянутаго послѣдняго свиданія моего съ Кобдинскимъ Хэбэй-Амбанемъ, не теряя времени, немедленно продолжать дальнѣйшую постановку государственной границы въ горахъ Южнаго Алтая, по направленію на юго-западъ, къ озеру Зайсану и р. Черному Иртышу.

Предпринимая движеніе въ горы Большого Алтая, я въ особенности старался пріобрѣсти опытныхъ проводниковъ изъ

крестьянъ-старожиловъ ближайшихъ къ границѣ русскихъ поселеній, а также и изъ туземцевъ вполнѣ знакомыхъ съ мѣстностью пограничнаго края. Въ этомъ случаѣ я опять припомнилъ совѣты и наставленія стараго кавказца, мѣстнаго инженера, съ которымъ я познакомился, какъ уже упоминалось выше, на военно-грузинской дорогѣ и указанія котораго мнѣ удалось такъ удачно и съ пользою для дѣла примѣнить на практикѣ при выборѣ мѣста на границѣ для возведенія Зайсанскаго поста. Помощью разнаго рода разспросовъ и развѣдокъ, мнѣ удалось, наконецъ, пріобрѣсти въ качествѣ развѣдчиковъ весьма добросовѣстныхъ и вполнѣ преданныхъ мнѣ туземцевъ, превосходно знавшихъ край, какъ изъ киргизъ, такъ и изъ русскихъ. Изъ числа послѣдиихъ особенно выдавались: крестьянинъ деревни Бѣлой Егоръ Барсуковъ и Ларіонъ Затѣевъ. Изъ киргизскихъ же проводниковъ оказались превосходно знающими мѣстность пограничнаго края. Тобакъ Байджабинъ, бій Бачура Маментековъ, Майментай Карамысовъ, Иса Саркандыкъ и калмыкъ Аталой Атмечоковъ. Послѣдній, находившійся при сѣверномъ отдѣлѣ экспедиціи, несмотря на то, что имѣлъ большое состояніе и торговыя дѣла, слѣдовалъ съ комиссіей отъ Укека до Шабинъ-Дабага, и своимъ знаніемъ туземныхъ нарѣчій и нравовъ всѣхъ племенъ, обитающихъ вдоль границы, а также и всей приграничной мѣстности, былъ весьма полезенъ для сѣвернаго отдѣла экспедиціи. Русскіе же крестьяне Барсуковъ и Затѣевъ, исходившіе почти весь Южный Алтай, и преимущественно страну верховьевъ р. Кабы во всѣхъ направленіяхъ, также обладали знаніемъ туземныхъ нарѣчій. При содѣйствіи этихъ проводниковъ, а въ особенности состоявшаго при мнѣ опытнаго съемщика подпоручика Матусовскаго, я могъ быстро схватывать всѣ особенности топографическаго характера приграничной мѣстности и правильно опредѣлять направленіе границы по чертѣ горнаго разлома или водораздѣла, что на первыхъ порахъ было для меня не легкой задачей. Означенные выше крестьяне Барсуковъ и Затѣевъ и нѣкоторые изъ киргизъ служили мнѣ также и развѣдчиками. Для этой цѣли они проникали въ районы мѣстностей, прилегающихъ къ чертѣ государственной границы, подъ предлогомъ охоты, и о всемъ видѣнномъ и слышанномъ отъ туземцевъ тотчасъ же доносили до моего свѣдѣнія. Это обстоятельство давало мнѣ полную возможность знать о всемъ происходящемъ въ двадцативерстномъ районѣ по обѣимъ сторонамъ граничной черты и, соотвѣтственно этому, принимать должныя мѣры.

По окончаніи всѣхъ приготовленій къ предстоявшей мнѣ горной экспедиціи, я двинулся уже по знакомому мнѣ пути изъ Бухтарминской долины черезъ сѣверный или водораздѣльный кряжъ Южнаго или пограничнаго Алтая къ китайскому пикету Тарбагатай. Этотъ пикетъ былъ расположенъ въ горной долинѣ на лѣвомъ берегу быстрой рѣки Тарбагатай, впадающей въ р. Кара-Кабу. Отсюда я перешелъ по Текелійскому горному проходу къ верховьямъ р. Курчума. Переправившись черезъ р. Курчумъ близъ устья р. Коломбай и перейдя Курчумскій хребетъ по горному проходу Коломбай-асу, я достигъ живописнаго озера Марка-куль.

Затѣмъ путь мой пролегалъ къ юго-западу по направленію рѣзко обозначеннаго на мѣстности горнаго размола, отдѣляющаго лѣвые притоки р. Курчума отъ рѣкъ, принадлежащихъ къ сѣверному и западному бассейну озера Марка-куль и р. Кальджиръ. 19 іюля я перешелъ самую возвышенную точку горъ Сары-тау на высотѣ 9 тыс. футовъ надъ уровнемъ моря.

Слѣдуя затѣмъ по хребту Джили-тау и обогнувъ гору Салкынъ-чеку, я черезъ ур. Май-терекъ достигъ Букомбайскихъ высотъ, составляющихъ послѣднюю террасу южныхъ отроговъ пограничнаго Алтая. Спустившись съ этихъ высотъ на Зайсанскую равнину, я слѣдовалъ къ р. Черному Иртышу, по которому при содѣйствіи мѣстныхъ рыбопромышленниковъ братьевъ Мендыбаевыхъ, поднимался на рыбачьей лодкѣ, начиная отъ ур. Манике, т. е. отъ того мѣста, гдѣ эта рѣка раздѣляется на рукава, образующіе ея дельту, до бывшаго китайскаго пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ.

На всемъ этомъ пространствѣ были поставлены мною слѣдующіе пограничные знаки: 16 іюля—Курчумскій и Теректинскій, 17—Коломбайскій, 18—Сары-тау, 19—Салкынъ-чеку, 20—Терсъ-Айрыкскій, 22—Ауліэ-булакскій, 23—Чакель-месь и, наконецъ, послѣдній пограничный знакъ со стороны области Кобдо былъ поставленъ мною 30 іюля на горѣ Акъ-Тюбе, на лѣвомъ берегу р. Чернаго Иртыша, противъ устья р. Кальджира.

По прибытіи моемъ на Черный Иртышъ, въ мѣстность, уже хорошо мнѣ знакомую по Зайсанской экспедиціи 1863 г., я приступилъ къ составленію описанія вновь установленной государственной границы съ Западнымъ Китаемъ со стороны области Кобдо. Это описаніе въ 4-хъ экземплярахъ было отправлено на Чингистай къ Кобдинскому Хэбэй-Амбаню Куйчана, отъ котораго я долженъ былъ получить такое же число экземпляровъ описанія той же границы на манчжурскомъ языкѣ. Переводъ русскаго текста описанія на манчжурскій языкъ былъ порученъ консулу

Павлинову, которому я писалъ, что, въ виду важнаго государственнаго значенія этого описанія, я самъ прибуду на Чингистай для личнаго разъясненія могущихъ встрѣтиться недоразумѣній.

Находясь на Черномъ Иртышѣ, я былъ весьма обрадованъ полученнымъ мною извѣстіемъ, что новые поселенцы, водворенные на избранной мною мѣстности для Зайсанскаго поста (нынѣ г. Зайсанъ), усердно принялись за хозяйство: распахали пашни и развели огороды. Послѣдніе дали въ этомъ году хорошій урожай превосходныхъ огурцовъ, арбузовъ и дынь. Климатъ, по всеобщимъ отзывамъ, оказался прекраснымъ, а избранное мѣсто самымъ лучшимъ во всей окрестности. Вслѣдъ затѣмъ я получилъ свѣдѣніе, что мой помощникъ, капитанъ Муромцевъ, окончилъ постановку границы со стороны Улясутайской области до знака Шабина-Дабага въ скоромъ времени долженъ прибыть въ Зайсанскій постъ. Такимъ образомъ, постановка границы съ Западнымъ Китаемъ на громадномъ протяженіи отъ Шабина-Дабага до Чернаго Иртыша была приведена къ вполнѣ успѣшному окончанію. Дальнѣйшая постановка границы отъ Чернаго Иртыша по направленію на югъ къ Тарбагатаю, и далѣе вдоль этого хребта до прохода Хабаръ-асу, по случаю неприбытія на границу третьяго комиссара Вэнь-Шо, не могла состояться.

Вслѣдствіе чего я, до разъясненія этого недоразумѣнія, рѣшился воспользоваться свободнымъ временемъ и вновь предпринять движеніе черезъ горы Большого Алтая изъ долины Чернаго Иртыша въ долину Верхней Бухтармы къ Чингистаю. На этотъ разъ путь мой пролегалъ на сѣверо-западъ, причемъ мнѣ предстояло перейти черезъ два горныхъ хребта: Курчумскій и Нарымскій. Первый изъ нихъ я пересѣкъ западнѣе горъ Сарытау, по довольно удобному перевалу, ведущему изъ ущелья р. Майкапчагай, принадлежащей къ верховьямъ р. Бала-Кальджира, въ долину р. Курчума, при устьѣ р. Кулай-су. Дальнѣйшее движеніе было совершено съ большими трудностями, по причинѣ постояннаго ненастья, не прекращавшагося во все время моего слѣдованія черезъ горы Джайдакъ, принадлежащія къ системѣ Нарымскихъ Альповъ. Такимъ образомъ, во время этого горнаго похода, я имѣлъ возможность подробно ознакомиться съ горами Южнаго Алтая и съ прилегающими къ нему горными хребтами: Курчумскимъ и Нарымскимъ.

Описанный выше двукратный переходъ черезъ горы Большого Алтая былъ сопряженъ для насъ съ большими затрудненіями. На вершинахъ горныхъ хребтовъ, въ лѣтніе мѣсяцы, мы нерѣдко дрогли отъ холода, переходя спорадическіе участки снѣжныхъ полей. При подъемахъ же и спускахъ, заваленныхъ глыбами обледенѣлаго снѣга или усѣянныхъ острыми камнями, наши лошади совершенно выбивались изъ силъ, и мы сами при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ лошади подвергались большой опасности. Въ особенности же былъ для насъ затруднителенъ обратный переходъ черезъ горы съ Чернаго Иртыша въ Бухтарминскую долину, когда намъ пришлось въ теченіе двухъ сутокъ находиться подъ дождемъ, градомъ и снѣгомъ. На одномъ переходѣ насъ застигла въ горахъ сильная гроза; нѣсколько часовъ мы находились въ полосѣ тучъ, которыя, подобно густому туману, окутывали насъ со всѣхъ сторонъ; молнія, пронизывая эти тучи, казалось, сверкала въ разныхъ направленіяхъ. Могучіе раскаты грома оглушали насъ, заставляя невольно вздрагивать, и, долго не смолкая, переливалась эхомъ по отдаленнымъ горнымъ вершинамъ и ущельямъ. Слѣдуя шагъ за шагомъ и часто останавливаясь, мы промокли до послѣдней нитки и въ такомъ состояніи достигли, наконецъ, до спуска съ горъ въ живописную Бухтарминскую долину. Спустившись къ Чингистаю, мы могли воспользоваться небольшимъ отдыхомъ, послѣ перенесенныхъ лишеній, во время описаннаго выше горнаго похода. Съ своей стороны я поспѣшилъ, при содѣйствіи К. И. Павлинова, закончить всѣ дѣла по составленію и размѣнѣ съ комиссаромъ Куйчана описанія государственной границы со стороны области Кобдо. Покончивъ эти дѣла, мнѣ было необходимо, по случаю наступившаго осенняго времени, немедленно отправиться въ г. Кокпекты, гдѣ я надѣялся получить отвѣтъ Ген.-Губ. Хрущова относительно постановки границы на послѣднемъ ея участкѣ со стороны Булунь-Тохойскаго округа, безъ участія въ этомъ дѣлѣ китайцевъ. Кромѣ того, въ г. Кокпектахъ я полагалъ привести въ порядокъ собранныя мною свѣдѣнія, во время пребыванія на границѣ, изготовить и отправить донесенія начальству въ Омскъ и Петербургъ, а также и нашему посланнику въ Пекинѣ. Наконецъ, необходимо было озаботиться снаряженіемъ новой экспедиціи на китайскую границу и запастись провизіей, которую можно было пріобрѣсти только въ Кокпектахъ, хотя и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Передъ отъѣздомъ въ Кокпекты, я простился съ моимъ уважаемымъ сотрудникомъ К. И. Павлиновымъ, которому я разрѣшилъ тогда же отправиться въ Омскъ, какъ по случаю его разстроеннаго здоровья, такъ и потому, что постановку послѣдняго участка границы полагалось произвести безъ участія китайцевъ. Прощаніе мое съ К. И. Павлиновымъ было самое дружеское: я выразилъ ему мою душевную признательность за дѣятельное со-

трудничество во время веденія переговоровъ съ китайцами на Укекѣ. Благодаря его знанію китайскаго языка и умѣнію обращаться съ китайцами, предварительныя соглашенія съ уполномоченными Срединнаго государства на Укекѣ о предложенномъ мною порядкѣ постановки границы не встрѣтили никакихъ препятствій и недоразумѣній со стороны китайцевъ. Переѣздъ мой въ Кокпекты былъ совершенъ по кратчайшему пути изъ Чингистая на Котонъ-Карагай, дер. Медвѣдку, Таловку, ст. Малонарымскую и татарское селеніе Мечеть. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Кокпекты, мнѣ было доставлено съ почты и ожидаемое разрѣшеніе о постановкѣ знаковъ со стороны Булунь-Тохойскаго округа, безъ участія со стороны китайцевъ. Въ то же время я получилъ свѣдѣніе черезъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Пекинѣ, что хотя Булунь-Тохойскій округъ отошелъ къ Кобдинской области, но кобдинскій Хэбэй-Амбань Куйчана уклонился отъ постановки знаковъ со стороны Булунь-Тохойскаго округа. Причина такого уклоненія, по всей вѣроятности, заключалась въ томъ, что власть китайскаго правительства въ Булунь-Тохоѣ еще не была въ то время возстановлена окончательно, а несчастное для насъ нападеніе на Зайсанскій постъ китайскихъ выходцевъ болѣе извѣстныхъ подъ именемъ Кызылъ-Аяковъ, повидимому, возбудило опасенія мѣстнаго китайскаго начальства въ томъ отношеніи, что чиновники ихъ при постановкѣ знаковъ могутъ подвергнуться какимъ-либо случайностямъ. Должно полагать, что это обстоятельство кобдинскій Хэбэй-Амбань довелъ до свѣдѣнія своего правительства и просилъ увольненія отъ должности Булунь-Тохойскаго комиссара, на что, вѣроятно, и получилъ разрѣшеніе изъ Пекина, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не рѣшился бы уклониться отъ постановки Булунь-Тохойской границы.

4-го сентября я выѣхалъ изъ Кокпектовъ на китайскую границу для постановки знаковъ на ея послѣднемъ участкѣ. Моему помощнику, капитану Муромцеву, я поручилъ постановку знаковъ на небольшомъ участкѣ границы къ югу отъ Чернаго Иртыша до Ледяныхъ горъ (Мусъ-тау), предоставляя себѣ произвести дальнѣйшую постановку границы отъ Ледяныхъ горъ до Хабаръ-асуйскаго прохода въ горахъ Тарбагатая. Эта часть государственной границы, начиная отъ хребта Сауръ-тау, составляющаго западную оконечность Ледяныхъ горъ, по направленію на югъ слѣдуетъ по горнымъ хребтамъ: Сары-Тумсукъ, Кочжуръ и Тарбагатай, образующихъ на юго-востокѣ Зайсанскаго края естественный рубежъ между нашими и китайскими владѣніями. А потому на всемъ этомъ пространствѣ пограничные знаки были мною поставлены

лишь въ главнѣйшихъ горныхъ проходахъ, ведущихъ съ Зайсанскаго плоскогорья и котловины Чиликты въ длину р. Эмиля и къ верховьямъ р. Кобокъ. Ближайшій къ хребту Сауръ-тау горный проходъ въ горахъ Сары-Тумсукъ идетъ по ущелью р. Чоганъ-обо. Пограничный знакъ въ горахъ Сары-Тумсукъ поставленъ мною на перевалѣ въ долинѣ р. Кобокъ и по чертѣ водораздѣла, отдѣляющаго восточный бассейнъ Кизылъ-Чиликты отъ системы правыхъ притоковъ р. Кобокъ. Съ высотъ Сары-Тумсукъ, ближайшихъ къ означенному перевалу, можно было ясно различить селеніе торгоутовъ, расположенное на р. Кобокъ и окаймленное полосой рѣдкаго лѣса. Слѣдующій пограничный знакъ былъ поставленъ въ горномъ проходѣ Керегенъ-тасъ, пролегающемъ черезъ горы Кочжуръ къ долинѣ р. Тайндарыка. Съ этихъ горъ виднѣлся вдали хребетъ Уркачаръ, котораго предгорья и боковые контрфорсы, сливаясь въ отдаленіи, придавали ему видъ зубчатой стѣны. Остальные пограничные знаки были поставлены мною на перевалахъ: Бай-мурза, Бургусутай, Бокай-асу и Хабаръ-асу. Изъ всѣхъ описанныхъ выше горныхъ проходовъ, наиболѣе важное значеніе имѣли проходы: Бургусутай и Хабаръ-асу. Изъ нихъ первый, при небольшой разработкѣ, могъ быть вполнѣ удобенъ для колесной ѣзды. Хабаръ-асу, доступный только для вьюковъ, находится на прямомъ пути изъ г. Кокпектовъ въ г. Чугучакъ. Этотъ горный проходъ замѣчателенъ тѣмъ, что еще въ самыя отдаленныя времена онъ служилъ главнымъ торговымъ перепутьемъ или, правильнѣе, черезъ него проходилъ торговый путь изъ Сибири въ Восточный Туркестанъ, а впослѣдствіи и въ города Западнаго Китая: Чугучакъ и Кульджу.

Съ постановкою знака въ проходѣ Хабаръ-асу была закончена мною вся предполагаемая въ этомъ году постановка государственной границы, начиная отъ бѣлковъ Алтая до Тарбагатайскаго хребта. Благодаря полному довѣрію, встрѣченному мною со стороны китайскихъ комиссаровъ, это дѣло было приведено въ возможно короткое время къ вполнѣ благопріятному окончанію и встрѣтило полное одобреніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При этомъ я долженъ упомянуть, что такому успѣшному исполненію возложеннаго на меня порученія, имѣвшаго неоспоримо важное значеніе для Западной Сибири, я былъ обязанъ усердію и знанію дѣла подвѣдомственныхъ мнѣ лицъ пограничной комиссіи, а въ особенности чиновъ корпуса топографовъ, которымъ приходилось работать при самой неблагопріятной обстановкѣ и переносить при этомъ всяческіе труды и лишенія.

Казаки состоявшей при южномъ отдѣлѣ пограничной комис-

сіи полусотни, въ теченіе этого похода, пройдя въ общей сложности не менѣе 2 тыс. верстъ и преимущественно въ горной странѣ, выказали всѣ свои блестящія качества, свойственныя сибирскимъ казакамъ. Несмотря на всѣ перенесенныя ими труды и лишенія, у казаковъ, во все время этого похода, вовсе не было больныхъ. Умѣнье же ихъ примѣняться къ мѣстности и обстановкѣ и скоро сходиться съ приграничными инородцами, а также знаніе ими въ совершенствѣ киргизскаго разговорнаго языка, служило мнѣ во все время постановки государственной границы громаднымъ подспорьемъ. Послѣ всего этого мнѣ оставалось только душевно благодарить казаковъ и ихъ достойнаго начальника есаула Жукова за ихъ добросовѣстную и усердную службу на границѣ.

Изложивъ послѣдовательный ходъ постановки государственной границы на западныхъ предѣлахъ Китая, остается для полноты очерка упомянуть о переговорахъ, веденныхъ мною съ китайцами относительно установленія правильныхъ торговыхъ сношеній съ Западной Монголіей, а также о произведенныхъ, во время постановки знаковъ, топографическихъ и астрономическихъ работахъ въ приграничной мѣстности, сопредѣльной съ Западнымъ Китаемъ.

Выше было упомянуто, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ находило полезнымъ, чтобы при переговорахъ съ китайцами о границѣ, съ моей стороны, какъ уполномоченнаго по разграниченію съ Западнымъ Китаемъ, было сдѣлано заявленіе китайскимъ сановникамъ относительно содѣйствія съ ихъ стороны къ возможно большему развитію торговли съ Западной Монголіей. Вслѣдствіе сего я, при моихъ свиданіяхъ съ китайскими комиссарами на границѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ старался коснуться и вопроса о расширеніи русской коммерческой дѣятельности въ Западной Монголіи. Въ виду этихъ заявленій съ моей стороны китайскіе сановники выразили полную готовность во всемъ содѣйствовать развитію этой торговли.

Такъ, при одномъ изъ свиданій моихъ съ Кобдинскимъ Хэбэй-Амбанемъ Куйчана, китайскій сановникъ обѣщалъ оказывать полное покровительство нашимъ торговцамъ въ городѣ Кобдо. Кромѣ того, онъ написалъ своему помощнику по управленію областью о безпрепятственномъ производствѣ торговыхъ дѣлъ нашими купцами въ г. Кобдо и изъявилъ желаніе, чтобы русскіе торговцы поѣхали съ нимъ въ Кобдо при возвращеніи его изъ нашихъ предѣловъ. Въ скоромъ времени послѣ того отправились въ г. Кобдо шесть нашихъ торговцевъ съ установленными свидѣтельствами отъ нашего пограничнаго начальства.

Изъ изложеннаго видно, что китайскіе сановники, съ которыми я велъ переговоры, убѣдились въ пользѣ обоюдныхъ торговыхъ сношеній между жителями сопредѣльныхъ мѣстностей и выразили полную готовность оказывать всякое законное покровительство въ этомъ отношеніи. По моему мнѣнію, намъ оставалось воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами и командировать въ Западную Монголію въ г. Улясутай довѣренное лицо для того, чтобы на мѣстѣ собрать болѣе точныя свѣдѣнія о торговлѣ и вполнѣ ознакомиться съ потребностями монголовъ, что въ особенности было необходимо въ случаѣ окончательнаго рѣшенія вопроса о водвореніи русскаго консула въ городахъ Западной Монголіи, Кобдо и Улясутаѣ. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, повидимому, раздѣлило этотъ взглядъ и, по сдѣланному имъ распоряженію, состоялось въ скоромъ времени командированіе въ Улясутай консула Павлинова. По прибытіи его въ Улясутай, онъ встрѣтился тамъ съ Жуномъ, съ которымъ успѣлъ познакомиться еще на Укекѣ, во время веденія мною тамъ переговоровъ съ китайскими комиссарами. Все это, повидимому, обѣщало, что порученіе, возложенное на Павлинова, будетъ имѣть благопріятный исходъ. Но къ сожалѣнію, командированіе Павлинова въ Улясутай по разнымъ обстоятельствамъ не могло состояться тотчасъ же послѣ постановки мною границы, т. е. въ 1869 г., а было отложено до слѣдующаго года, когда совершенно неожиданно произошло нападеніе дунгановъ на Улясутай, во время пребыванія тамъ Павлинова. Это прискорбное обстоятельство совершенно измѣнило такъ удачно начатое дѣло по организаціи нашихъ торговыхъ сношеній съ Западной Монголіей. При первомъ извѣстіи о приближеніи дунгановъ, китайскій гарнизонъ съ Жуномъ поспѣшилъ выбраться изъ Улясутая. Дунганы зажгли крѣпость, въ которой находился Павлиновъ вмѣстѣ съ русскими, бывшими въ Улясутаѣ. Наши подвергались большой опасности, но успѣли спастись, при чемъ самъ Павлиновъ былъ раненъ. Выбравшись, наконецъ, съ большими затрудненіями и опасностью для жизни изъ Улясутая, Павлиновъ оказался въ совершенно безпомощномъ положеніи. Всѣ жители окрестныхъ улусовъ бѣжали, спасаясь отъ насилія и грабежа дунгановъ, и Павлиновъ долженъ былъ скитаться нѣкоторое время въ совершенно дикой, пустынной мѣстности этой части монгольской степи. Здѣсь совершенно случайно онъ встрѣтилъ Семипалатинскаго торговца Мухамедъ-Гази-Фейзилмека, при содѣйствіи котораго успѣлъ благополучно добраться черезъ г. Кобдо и Кошъ-Агачъ до г. Бійска. Неблагопріятный исходъ экспедиціи Павлинова ясно указалъ, что вопросъ объ учрежденіи нашихъ

консульствъ въ г.г. Кобдо и Улясутаѣ по необходимости должно было отложить до окончательнаго усмиренія дунганскаго возстанія и водворенія въ Западномъ Китаѣ и сопредѣльныхъ съ нимъ мѣстностяхъ Западной Монголіи надлежащаго порядка и спокойствія. Кромѣ установленія упомянутыхъ выше правильныхъ торговыхъ сношеній съ Западной Монголіей и, главнымъ образомъ, съ г.г. Кобдо и Улясутаемъ, я находилъ возможнымъ ввести на нашей западной границѣ правила о сухопутной торговлѣ съ Китаемъ, заключенныя въ Пекинѣ 20-го февраля 1863 г. Сущность этихъ правилъ заключалась въ томъ, что на границѣ обоихъ государствъ, на разстояніи 100 китайскихъ ли (50 верстъ) въ ту и другую сторону, дозволяется производить торговлю безпошлинно, причемъ относительно правильнаго надзора предоставлялось каждой сторонѣ сообразоваться со своими пограничными постановленіями. Русскіе купцы, ведущіе торговлю съ мелкими капиталами, имѣли право торговать также безпошлинно во всей подчиненной Китаю Монголіи, гдѣ учреждено китайское управленіе. По моему мнѣнію, введеніе этихъ правилъ на нашей западной границѣ было, можно сказать, повелительною необходимостью и главнымъ образомъ потому, что въ дѣйствительности она уже существовала, какъ мною было упомянуто выше. На пикетахъ Суекъ, Какъ-Куль и друг., а потому имѣлось полное основаніе дать существующему факту закономѣрное значеніе и тѣмъ содѣйствовать возможно-большему развитію этой торговли. Наконецъ, во время моего пребыванія въ горахъ Большого Алтая, находясь на китайскомъ пикетѣ Тарбагатай, я имѣлъ возможность убѣдиться, что между киргизами киргизскаго рода, кочующими въ долинѣ р. Кара-Кабы, и нашими крестьянами Бухтарминскихъ деревень уже установилась обоюдная мѣновая торговля. Наши ясашные крестьяне ѣздили въ аулы заграничныхъ киргизъ и вымѣнивали тамъ на рогатый скотъ и барановъ свои сельскія и другія произведенія, потребныя въ домашнемъ быту горцевъ Южнаго Алтая. Но кромѣ выгодъ, представляемыхъ мѣновою торговлею, наши бухтарминскіе крестьяне проникали въ горы Южнаго Алтая для охоты за маралами (Cervus elaphus), а также и для рыбной ловли на озерѣ Марка-куль. До заключенія Пекинскаго трактата, когда вся Бухтарминская долина принадлежала китайцамъ, эти поиски нашихъ охотниковъ и рыболововъ встрѣчали не мало препятствій со стороны подвластныхъ Китаю киргизъ, а въ особенности урянхайцевъ, которые также занимались подобною охотою на мараловъ. За постановкою же границы, эти урянхайцы, т. е. калмыки, перешедшіе изъ Сѣвернаго Алтая въ долину Чернаго Иртыша, уже не появляются болѣе въ лѣсахъ по сѣверному склону Южнаго Алтайскаго хребта, который по трактату отошелъ къ владѣніямъ Россіи.

Возникшая въ то время мѣновая торговля между нашими крестьянами и китайскими инородцами могла-бы получить болѣе широкое развитіе съ устройствомъ въ этой приграничной мѣстности правильнаго торга. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ во время пребыванія на границѣ въ 1869 г., подобныя пограничныя торговыя сношенія могутъ быть съ пользою устроены въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: 1) на юго-восточномъ берегу озера Зайсана, 2) въ долинѣ Верхней Бухтармы; мѣсто для подобнаго мѣнового торга я полагалъ избрать близъ ур. Котонъ-Карагай. Находясь на главномъ трактѣ, пролегающемъ изъ г. Усть-Каменогорска черезъ Бухтарминскъ въ китайскій г. Кобдо, эта мѣстность, такъ же какъ и сосѣднее съ нею ур. Чингистай, составляетъ въ то же время какъ бы узелъ, въ которомъ сходятся дороги изъ Бухтарминскихъ деревень: Сѣнной, Таловки, Медвѣдки и другихъ, и затѣмъ направляется въ китайскіе предѣлы черезъ горы Южнаго Алтая описанными выше горными проходами: Байберды, Тарбагатай, Бурхатъ, Сарнакой и Баканасъ.

Столь благопріятныя топографическія условія этой пограничной мѣстности составляли причину, по которой и въ прежнее время она служила торговымъ перепутьемъ для нашихъ Бухтарминскихъ жителей, отправлявшихся по торговымъ дѣламъ въ киреевскіе аулы, стоявшіе въ горахъ Южнаго Алтая.

На остальномъ пространствѣ границы къ сѣверу до пограничнаго знака Шабина-Дабага, мѣстами для торговыхъ сношеній могли-бы служить бывшіе китайскіе пикеты: Суекъ и Юстыдъ, а также ур. Кошъ-Агачъ въ нашихъ предѣлахъ и, наконецъ, на р. Кемчикѣ, притокѣ р. Енисея, въ районѣ китайскихъ владѣній. Эта послѣдняя торговля существовала, начиная со второй половины пятидесятыхъ годовъ. Въ ней принимали участіе наши купцы, мѣщане, торгующіе крестьяне, казаки и приграничные инородцы. Съ Кемчика вывозились войлоки или кошмы, овечьи шубы, овчины, мерлушки, рогатый скотъ и рѣдко собольи шкурки. Весь этотъ товаръ продается въ нашихъ предѣлахъ съ большимъ барышомъ для торговцевъ. Устройство въ означенныхъ выше мѣстностяхъ торговыхъ сношеній между нашими и китайскими инородцами могло бы гораздо скорѣе, чѣмъ всякія административныя распоряженія, оживить и умиротворить край, прекратить вражду сосѣднихъ племенъ и распространить благосостояніе между кочевыми и осѣдлыми жителями. Можно было тогда надѣяться, что

этимъ путемъ современемъ будетъ положено начало къ водворенію гражданственности на этой далекой окраинѣ Имперіи. Къ сожалѣнію, всѣ приведенныя выше мои предположенія потонули въ канцелярскомъ морѣ и остались безъ всякихъ результатовъ.

Считаю необходимымъ замѣтить, что все сказанное мною выше, относительно пограничныхъ торговыхъ сношеній, относится къ 1869 г. Съ этихъ поръ, время и обстоятельства неминуемо измѣнили существовавшія тогда бытовыя условія и потребности приграничныхъ жителей, а потому все изложенное выше о пограничныхъ торговыхъ сношеніяхъ можетъ имѣть только историческое значеніе и сдѣлано для полноты описанія общаго положенія дѣлъ на границѣ, во время постановки пограничныхъ знаковъ, въ 1869 г. Остается еще упомянуть о геодезическихъ работахъ въ приграничной мѣстности, а также объ изслѣдованіяхъ по горной части, произведенныхъ въ 1869 г., одновременно съ постановкою границы.

Геодезическія работы, произведенныя на западной китайской границѣ въ теченіе лѣта 1869 г., заключались въ астрономическихъ и барометрическихъ опредѣленіяхъ, а также топографическихъ съемкахъ. Геодезистъ, поручикъ Мирошниченко, опредѣлилъ географическое положеніе 21 пункта въ Верхне-Бухтарминской долинѣ и далѣе къ сѣверу отъ нея, по направленію черты государственной границы, до пограничнаго знака Шабина-Дабага. При этомъ было сдѣлано нѣсколько опредѣленій въ китайскихъ предѣлахъ. Кромѣ двухъ координатъ (долготы и широты), Мирошниченко опредѣлилъ и третью координату, т. е. высоты надъ уровнемъ моря.

Топографическія съемки на китайской границѣ производились къ сѣверу и къ югу отъ ур. Укекъ. На сѣверномъ отдѣлѣ границы работы велись двумя партіями, изъ коихъ одна открыла съемку границы у истоковъ р. Бѣлой Алахи, по направленію на сѣверо-востокъ, озеру Джувлу-куль. При этомъ были сняты долины рѣкъ Ойгыра и Аккола, принадлежащихъ къ рѣчной системѣ Кобдо. Работы эти производились корпуса топографовъ поручикомъ Ѳедоровымъ. Другая партія открыла работы близъ озера Джувлу-куль. Вся эта страна образуетъ собою непрерывную цѣпь мелкихъ озеръ, изъ коихъ нѣкоторыя по временамъ перемѣняютъ цвѣтъ воды, вслѣдствіе быстрыхъ ключевыхъ теченій въ глинистой почвѣ. Далѣе съемка производилась въ китайскихъ предѣлахъ, въ бассейнѣ рѣкъ Кемчика и Алаша, и принадлежащихъ къ рѣчной области верховьевъ р. Енисея. Эта съемка, равно какъ и предыдущая, доставила обильный матеріалъ для полнаго ознакомленія съ верховьями двухъ величайшихъ рѣкъ Азіи: Оби и Енисея.

Работы третьей партіи были сосредоточены главнымъ образомъ въ Южномъ Алтаѣ. При этомъ была снята на планъ, малоизвѣстная до того времени, страна верховьевъ р. Кабы, одного изъ главныхъ и могучихъ притоковъ Чернаго Иртыша. Далѣе производилась съемка въ горной странѣ, пересѣкаемой хребтомъ Тау-Текели, и, черезъ горы Сары-тау и Джиль-тау. доведена до урочища Бишь-Терекъ. Отсюда съемочныя работы были перенесены въ долину лѣваго берега Чернаго Иртыша и продолжались отъ горы Акъ-Тюбе, по направленію вновь поставленной границы, до горъ Мусъ-тау. Сверхъ того производилась также съемка по южную сторону этого хребта, въ горныхъ проходахъ: Чоганъ-обо, Тайндарыкъ и Кергенъ-тасъ. При этомъ было опредѣлено на планѣ и малоизвѣстное дотодѣ селеніе торгоутовъ, находящееся въ 15 верстахъ въ востоку отъ прохода Чоганъ-обо.

Изслѣдованія по горной части производились командированнымъ на китайскую границу, по распоряженію главнаго начальника Алтайскаго горнаго округа, чиновникомъ горнаго вѣдомства Малевскимъ. Имъ было составлено прекрасное геогностическое описаніе мѣстности отъ пикета Укекъ до верховьевъ рѣкъ Чульчи и Чулышмана, обнимающее собою все приграничное пространство Алтайскаго округа отъ знака Уланъ-Даба до знака Суръ-Даба. Отчетъ о путешествіи Малевскаго и составленное имъ геогностическое описаніе осмотрѣнной мѣстности помѣщены въ Горномъ журналѣ 1870 г. № 10.

Таковы были результаты трудовъ ввѣренной мнѣ экспедиціи, какъ собственно по постановкѣ государственной границы, такъ и по производству топографическихъ и астрономическихъ работъ и изслѣдованій по горной части. Всѣ собранные нами на мѣстѣ матеріалы требовали подробной разработки. Къ этому и было нами приступлено тотчасъ же по возвращеніи въ Омскъ съ китайской границы, гдѣ мы пробыли втеченіи цѣлаго лѣта, котораго въ сущности и не видали, находясь все время въ горахъ Большого Алтая, гдѣ приходилось дѣлать переходы по обширнымъ снѣжнымъ полямъ и горнымъ котловинамъ, заваленнымъ массами обледенѣлаго снѣга.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Омскъ, я получилъ нѣсколько писемъ отъ барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена, а затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, и отъ графа Н. П. Игнатьева. Уважаемый Ѳеодоръ Романовичъ писалъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее:

«Съ особенно живымъ участіемъ слѣдилъ я по Вашимъ донесеніямъ за ходомъ разграничительной комиссіи. Нужно отдать Вамъ полную справедливость, Вы очень искусно повели дѣло, ко-

торое казалось нѣсколько было испорчено и затруднено через долгую проволочку въ исполненіи Чугучакскаго протокола. Петръ Николаевичъ [1]) очень доволенъ тѣмъ направленіемъ, которое Вы дали дѣлу: Вы доказали, говоритъ онъ, что безъ лишнихъ возгласовъ и шуму можно достигнуть до несравненно лучшихъ результатовъ. Вы успѣли остаться въ согласіи съ китайцами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ того требовали наши интересы, не упустили случая пріобрѣсти для насъ выгодныя урочища, какъ напр. ключъ хорошей воды къ сѣверу отъ Зайсана, и въ особенности мѣсто для пристани на Черномъ Иртышѣ. Послѣднее обстоятельство окончательно упрочиваетъ за нами торговое и промышленное владычество въ Зайсанскомъ бассейнѣ».

«Отъ всей души поздравляю Васъ съ успѣшнымъ окончаніемъ разграниченія. Дѣло это такъ затянулось, что дѣйствительно были причины опасаться за успѣшный исходъ. Наше министерство (Иностранныхъ Дѣлъ) самымъ сочувственнымъ образомъ отнеслось о Вашихъ дѣйствіяхъ и добытыхъ результатахъ въ Военное Министерство».

Письмо графа Н. П. Игнатьева было слѣдующаго содержанія:

«Съ величайшимъ интересомъ ознакомился я съ трудами Вашими по постановкѣ знаковъ на новой государственной границѣ съ Западнымъ Китаемъ и довершенію дѣла, основаніе которому положено было мною при заключеніи Пекинскаго трактата. Вамъ выпала на долю славная и трудная работа, но Вы выполнили ее отлично. Премного Вамъ признателенъ за добрую память, за письмо Ваше отъ 8-го іюля, за карту и любопытную записку о дунганахъ. Принимая живѣйшее участіе въ Вашей дѣятельности, я убѣжденъ, что ближайшее Ваше начальство, равно, какъ и министерство Иностранныхъ Дѣлъ, оцѣнятъ должнымъ образомъ Ваши заслуги. Прикованный въ настоящее время къ Босфору, я жалѣю, что лишенъ на основаніи служебнаго порядка,—удовольствія и возможности свидѣтельствовать о Вашихъ полезныхъ трудахъ и ходатайствовать за Васъ передъ правительствомъ, подобно тому, какъ довелось мнѣ это исполнить прежде относительно контръ-адмирала Козакевича, Татаринова и проч.».

Изъ приведенныхъ выше сочувственныхъ отзывовъ о постановкѣ мною Западной Китайской границы болѣе дорогою и лестною для меня была оцѣнка моей дѣятельности, сдѣланная первоклассным знатокомъ китайскихъ дѣлъ политическаго характера, тогдашняго нашего посла въ Константинополѣ графа Н. П. Игнатьева, ознаменовавшаго себя важными государственными заслугами на дипломатическомъ поприщѣ. Оба выше приведенныя письма чрезвычайно меня обрадовали и произвели на меня самое благотворное дѣйствіе. Я сразу почувствовалъ какое-то внутреннее удовлетвореніе, послѣ столькихъ трудовъ, треволненій, мытарствъ, вражды и козней, перенесенныхъ и пережитыхъ мною въ послѣднее время. Въ подобныхъ случаяхъ доброе слово начальника всегда ободряетъ и возбуждаетъ энергію, невольно чувствуешь какъ бы приливъ новыхъ силъ и особый подъемъ духа, располагающій къ дальнѣйшей трудовой дѣятельности.

[1]) Стремоуховъ, тогдашній директоръ Азіатскаго департамента.

Означенные выше отзывы высшихъ правительственныхъ учрежденій и лицъ могутъ служить нагляднымъ доказательствомъ, что успѣшное окончаніе постановки границы въ 1869 г. заслужило полное одобреніе правительства. Но, одновременно съ моими успѣхами по китайскимъ дѣламъ, возникли противъ меня зависть и интрига, выразившаяся въ распространеніи самыхъ нелѣпыхъ слуховъ, проникшихъ даже въ печать, что земли, присоединенныя къ нашимъ владѣніямъ по разграниченію 1869 г., совершенно для насъ безполезны и ненужны, ибо состоятъ изъ безплодныхъ пространствъ, какъ будто-бы лица, ставившія границу по Пекинскому трактату, могли, въ явное нарушеніе этого трактата, отмежевывать по своему усмотрѣнію пограничныя земли къ тому или другому государству. Всѣ эти замѣчанія, направленныя, главнымъ образомъ, противъ Чугучакскаго протокола, будутъ мною подробно разобраны въ слѣдующей главѣ и разъяснено, что все то, что писалось и говорилось тогда о разграниченіи 1869 г., была ложь, посредствомъ которой возражатели старались всячески обезплодить и уменьшить политическое и военное значеніе поставленной государственной границы. Здѣсь же я долженъ упомянуть, что успѣшное окончаніе разграниченія особенно не понравилось мѣстному пограничному начальству, потому что являлось передъ нимъ лучшимъ свидѣтельствомъ полной несостоятельности приведеннаго выше заявленія пограничнаго начальства о мятежахъ и волненіяхъ въ сопредѣльныхъ китайскихъ владѣніяхъ, могущихъ затруднить постановку государственной границы и приведеніе въ исполненіе 4 ст. Пекинскаго трактата. Несмотря на всѣ завѣренія о безпорядкахъ и неурядицахъ на западныхъ предѣлахъ Китая, я съ горстью казаковъ безпрепятственно прошелъ по всѣмъ этимъ приграничнымъ мѣстностямъ нашихъ и сопредѣльныхъ китайскихъ владѣній, не встрѣтивъ нигдѣ даже малѣйшей попытки или покушеній на нападеніе со стороны мятежныхъ скопищъ китайскихъ инородцевъ. Между тѣмъ, мятежные ино-

родцы; извѣстные подъ именемъ Кызылъ-Аяковъ, отважились напасть на Зайсанскій постъ, защищаемый сильнымъ отрядомъ и, къ великому прискорбію, разграбили на нашихъ глазахъ аулы подвластныхъ намъ киргизъ, причемъ передовые защитники поста, Сибирскіе казаки понесли значительный уронъ, который, по моему крайнему разумѣнію, ничѣмъ не можетъ быть оправданъ, какъ объ этомъ будетъ подробно объяснено ниже.

Первыя свѣдѣнія объ этомъ нападеніи получилъ я отъ своихъ развѣдчиковъ, еще въ то время, когка по постановкѣ пограничныхъ знаковъ въ горахъ Большого Алтая, я прибылъ въ концѣ августа на китайскій пикетъ Маниту-Гатулъ-Ханъ на Черномъ Иртышѣ. Свѣдѣнія эти были весьма поверхностны и разнорѣчивы. Но, по пріѣздѣ въ Кокпекты, я уже имѣлъ полную возможность ознакомиться съ этимъ дѣломъ до мельчайшихъ подробностей. Судя по разсказамъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, а какже и по газетнымъ корреспонденціямъ, а въ особенности одной изъ нихъ, составленой по ходившимъ тогда слухамъ, очевидцемъ событія, казачьимъ офицеромъ Нестеровымъ дѣло это представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Говоря о кызылъ-аякахъ, прежде всего должно сказать, что подъ этимъ именемъ должно подразумѣвать разноплеменный сбродъ, состоявшій преимущественно изъ сосланныхъ въ Западный Китай изъ внутреннохъ провинцій преступниковъ, занимавщихся грабежами и разбоями, чему немало способствовало и тогдашнее тревожное положеніе дѣлъ, возникшихъ на западныхъ предѣлахъ Китая, во время дунганскаго возстанія.

Нападеніе кызылъ-аяковъ на Зайсанскій постъ произошло 30-го мая 1869 года, въ 5 часовъ утра, и было совершено неожиданно. Первую вѣсть объ этомъ подали намъ киргизы, которые толпами бѣжали къ посту, спасаясь отъ грабежа кызылъ-аяковъ и взывая о помощи. Появленіе въ такой ранній часъ утра въ посту ограбленныхъ киргизъ, которыхъ по пятамъ преслѣдовали кызылъаяки, естественнымъ образомъ должно было произвести переполохъ. Войска, составлявшія гарнизонъ Зайсанскаго поста, находились большею частью въ отсутствіи: на рубкѣ лѣса въ 20 верстахъ отъ поста и на другихъ кордонныхъ работахъ. Вообще же въ посту, на случай враждебныхъ покушеній китайскихъ инсургентовъ, не было принято никакихъ предосторожностей. Отъ этого, когда кызылъ-аяки, преслѣдуя киргизъ, уже ворвались въ постъ, тамъ только тогда ударили тревогу, и то помимо Зайсанскаго пристава, не хотѣвшаго вѣрить нападенію заграничныхъ хищниковъ. Войска, сабравшіяся по тревогѣ, состояли изъ

20 казаковъ и двухъ неполныхъ ротъ пѣхоты. При этомъ казаки оказались безъ лошадей, находившихся на пастбищѣ, въ 12 верстахъ отъ поста. Но казаки не растерялись и всетаки успѣли быство вскочить на первыхъ попавшихся киргизскихъ лошадей и смѣло ударили на хищниковъ, грабившихъ и убивавшихъ нашихъ киргизъ вблизи Зайсанскаго поста. Несмотря на численное превосходство кызылъ-аяковъ, постиравшееся до 500 человѣкъ, они не выдержали стремительнаго и отважнаго удара нашихъ казаковъ и были отброшены ими отъ поста. Въ происшедшей рукопашной схваткѣ казаки потеряли на первыхъ порахъ 2-хъ убитыми, 7-ыхъ ранеными. Между тѣмъ подоспѣвшая пѣхота уже успѣла выстроиться и была готова открыть огонь противъ кызылъ-аяковъ, но была удержана отъ этого приставомъ, имѣвшимъ намѣреніе вступить съ кызылъ-аяками въ переговоры.

Со своей стороны и казаки, воспользовавшись своими лошадьми, пригнанными въ это время съ пастбища, принялись преслѣдовать кызылъ-аяковъ, но попали въ болотистую мѣстность, и въ происшедшей схваткѣ вновь потеряли 2-хъ убитыми и 4-хъ ранеными. Затѣмъ казаки, вмѣстѣ съ пѣхотою, въ числѣ двухъ неполныхъ ротъ, выступили, подъ начальствомъ пристава, для дальнѣйшаго преслѣдованія кызылъ-аяковъ, находившихся уже въ 8 верстахъ отъ поста. Но отряду, составленному главнымъ образомъ изъ пѣхоты, оказалось невозможнымъ настигнуть быстро удалявшихся кызылъ-аяковъ. А поэтому приставъ рѣшилъ возобновить преслѣдовеніе на слѣдующій день казаками и пѣхотою, посаженною на киргизскихъ лошадей. Но и это средство нисколько не помогло: кызылъ-аяки были уже далеко и настигнуть ихъ оказалось невозможнымъ. А поэтому отрядъ нашъ 2-го іюня возвратился въ Зайсанскій постъ. Во время преслѣдованія кызылъ-аяковъ, 1-го іюня, было захвачено у насъ нѣсколько ружей и отбито нѣсколько сотъ барановъ.

Внезапность и совершенная невозможность нападенія кызылъаяковъ на Зайсанскій постъ ясно показываетъ, что на случайй враждебныхъ покушеній китайскихъ инородцевъ для охраны поста не было сдѣлано Зайсанскимъ приставомъ никакихъ распоряженій. Словомъ сказать, этой охраны и вовсе не существовало. Обстоятельство это, а также и ложное убѣжденіе его, что въ степи ни можетъ быть никакого непріятеля, къ которому онъ относился пренебрежительно, упуская изъ виду, что въ Азіи никакими непріятелями пренебрегать нельзя, тѣмъ болѣе, что о готовящемся нападеніи кызылъ-аяковъ были сообщены приставу достовѣрныя свѣдѣнія за два дня ранѣе произведеннаго нападенія. Но къ этому

извѣстію онъ отнесся съ недовѣріемъ, вслѣдствіе чего и не было, вѣроятно, принято никакихъ предосторожностей; и начальство поста даже и не озабочивалось выставленіемъ передовыхъ охранительныхъ пикетовъ и карауловъ. Нельзя обойти молчаніемъ и того важнаго обстоятельства, что Ген.-Губ. Хрущовъ, посѣтившій Зайсанскій постъ за двѣ недѣли до нападенія на него кызылъ-аяковъ, обратился къ Зайсанскому приставу съ вопросомъ: какъ онъ предполагаетъ дѣйствовать, въ случаѣ нападенія на постъ китайскихъ инсургентовъ? На это приставъ отвѣтилъ, что онъ не допускаетъ и мысли о подобномъ нападеніи. Но если это и случится, то хищники будутъ несомнѣнно отбиты нашими войсками и что вообще онъ ручается за безопасность поста.

Таковы были обстоятельства, сопровождавшія нападеніе кызылъ-аяковъ на Зайсанскій постъ, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ казачьимъ офицеромъ Нестеровымъ. По многимъ отзывамъ, которые мнѣ приходилось слышать во время прибыванія на границѣ, всѣ приведенныя выше свѣдѣнія въ главныхъ чертахъ, были вѣрны. По возвращеніи же моемъ съ китайской границы въ Омскъ, я, къ величайшему моему удивленію, узналъ изъ газетъ, что военное начальство Зайсанскаго поста выставило цѣлый рядъ опроверженій нѣкоторыхъ фактовъ, которые были указаны Нестеровымъ. Въ этомъ опроверженіи, дѣлу нападенія кызылъ-аяковъ на Зайсанскій постъ придана нѣсколько иная окраска. Такъ, по словамъ возражателей, кызылъ-аяки совершенно неожиданно подошли къ Зайсанскому посту, потому что этому способствовали исключительныя мѣстныя условія и обстоятельства. Киргизскія волости Киреевскаго рода, занимавшія тогда своими кочевьями долину Чернаго Иртыша, только наканунѣ движенія кызылъ-аяковъ откочевали въ горы Большого Алтая. Съ уходомъ же киргизъ, самая долина сдѣлалась совершенно пустынною. По этой-то пустынной долинѣ кызылъ-аяки прошли ночью никѣмъ не замѣченные. Но и помимо ночного времени, скрытности движенія, по словамъ возражателей способствовала также и высокая трава, растущая въ этой мѣстности, скрывающая даже днемъ коннаго человѣка.

Въ день нападенія, войска, составлявшія Зайсанскій постъ, были разсчитаны по кордоннымъ работамъ, а нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, послѣ возвращенія съ караула, спали. На разсвѣтѣ 30-го мая, кызылъ-аяки появились, совершенно неожиданно, вблизи ауловъ нашихъ киргизъ, расположенныхъ вблизи Зайсанскаго поста, и начали отнимать скотъ. Когда же киргизы, спасаясь отъ этого погрома, прибѣжали въ Зайсанскій постъ и первые сообщили о появленіи кызылъ-аяковъ, приставъ приказалъ ударить тревогу. Къ сожалѣнію, ни приставъ, ни казаки не имѣли въ посту своихъ лошадей, которыя паслись въ табунѣ, вслѣдствіе чего и пришлось для пристава и казаковъ взять лошадей у киргизовъ. Казаки встрѣтили кызылъ-аяковъ въ полуверстѣ отъ поста и ударили на нихъ. Но при первомъ столкновеніи, по случаю осѣчекъ изъ казачьихъ ружей, были заколоты пиками два казака. При этомъ скакавшіе за ними повернули назадъ, причемъ поранено было 6 человѣкъ. Съ остальными казаками приставъ былъ опрокинутъ на подоспѣвшую пѣхотную цѣпь. Лошадь пристава была ранена и, когда онъ обратился къ бывшему тутъ казачьему офицеру и просилъ его дать коня, то получилъ отказъ, за что офицеръ былъ арестованъ. Между тѣмъ кызылъ-аяки, разстроенные огнемъ нашей пѣхоты, начали уходить. Тогда пѣхота была двинута впередъ, а приставъ отправился за лошадью. Казаки же, по заявленію пристава, со словъ сотеннаго командира, по плохому состоянію у нихъ оружія и слабости лошадей, не могли въ это время ударять на кызылъ-аяковъ, уже разстроенныхъ огнемъ пѣхоты. Вслѣдствіе этого казаки, разорвавъ цѣпь, ограничились стрѣльбою изъ своихъ кремневыхъ ружей. Во время бѣгства, кызылъ-аяки попали въ болото и были настигнуты пѣхотой, что повторялось три раза. Казаки же, по словамъ пристава, не могли пройти черезъ болотистую мѣстность и, несмотря на всѣ его усилія, не были въ состояніи довершить конечное пораженіе кызылъ-аяковъ. Весь захваченный скотъ у киргизовъ былъ отбитъ нашими войсками. Обстоятельство это объясняется, между прочимъ и тѣмъ, что кызылъ-аяки, для собственнаго спасенія, должны были бросать захваченный ими скотъ. Поступивъ иначе, они были бы истреблены въ конецъ.

Выше было сказано, что при непредвидѣнномъ нападеніи кызылъ-аяковъ на Зайсанскій постъ, казаки наши не могли тотчасъ же сѣсть на лошадей по случаю содержанія казачьихъ лошадей вдали отъ поста, въ табунѣ. Пастбищныхъ же мѣстъ вблизи поста не было. По словамъ возражателей, необходимость содержанія казачьихъ лошадей въ табунѣ обусловливалось неимѣніемъ у казаковъ къ началу лѣта въ наличности фуража и заблаговременно заготовленнаго и доставленнаго въ лагерь сѣна.

При первомъ, даже самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи приведенныхъ выше возраженій военнаго начальства Зайсанскаго поста, нельзя не придти къ заключенію, что они коснулись лишь нѣкоторыхъ частностей, которыми сопровождалось нападеніе кызылъ-аяковъ на Зайсанскій постъ, и нисколько не разъясняли сущности дѣла, указаннаго Нестеровымъ. Словомъ сказать, главное об-

стоятельство: непринятіе мѣръ для охраны поста и безнаказанности нападенія кызылъ-аяковъ — не было опровергнуто. А слѣдовательно, оно является безспорнымъ фактомъ. Вслѣдствіе нашей непредусмотрительности, войска Зайсанскаго поста оказались неподготовленными къ своевременному отраженію враждебныхъ покушеній китайскихъ инсургентовъ. Такое отсутствіе боевой готовности Зайсанскаго войска, въ данное время, т. е. съ 30-го мая возражатели объясняютъ тѣмъ, что кызылъ-аяки, пользуясь мѣстностью, успѣли скрытно подойти къ Зайсанскому посту. Отъ этого и самое появленіе ихъ тамъ оказалось совершенно неожиданнымъ. Но это объясненіе служитъ не оправданіемъ, но скорѣе обвиненіемъ начальства Зайсанскаго поста. Если особенности мѣстности Зайсанскаго края и ея природныя условія благопріятствовали кызыкъ-аякамъ, какъ мы видѣли, скрыть свое движеніе, то всѣ эти обстоятельства, въ свою очередь, ясно указывали, что при такой мѣстной обстановкѣ необходимо соблюдать на границѣ особенную осторожность и принять строгія мѣры, для бдительной охраны поста и тѣмъ обезпечить его безопасность отъ всякихъ неожиданностей, а тѣмъ болѣе отъ возможности быть захваченнымъ врасплохъ. А потому Зайсанскому приставу необходимо было, хотя сколько нибудь, подумать о томъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать, въ случаѣ вторженія въ наши предѣлы мятежныхъ китайскихъ повстанцевъ для грабежа нашихъ киргизъ и другихъ враждебныхъ покушеній. Отсюда неминуемо возникла настоятельная необходимость въ заблаговременномъ составленіи плана дѣйствій для подобныхъ случаевъ. Прежде всего слѣдовало принять особыя мѣры предосторожности для сторожевой охраны войскъ и жителей, находившихся въ посту, а также и окрестнаго кочевого населенія, на случай внезапныхъ покушеній летучихъ хищническихъ партій китайскихъ инородцевъ. Для этого надлежало распорядиться выставленіемъ къ ночи карауловъ по дорогамъ, ведущимъ къ посту, въ разстояніи примѣрно полъ-версты отъ него. Отъ карауловъ въ свою очередь должны были быть выставлены секреты и часовые на боковыхъ тропинкахъ по обѣимъ сторонамъ дороги для того, чтобы не дать возможности мелкимъ шайкамъ хищниковъ и барантачай неожиданно нагрянутъ и прорваться во внутрь поста. Охрана табуновъ, въ особенности ночью, должна быть усилена. Для провѣрки бдительности часовыхъ и секретовъ, слѣдовало наряжать патрули и, сверхъ того, для повѣрки общей охраны, посылать отъ времени до времени особыхъ офицеровъ.

Наконецъ, на случай тревоги, необходимо было заблаговременно назначить для пѣхоты и казаковъ особые сборные пункты

внутри поста и, сверхъ того, общій сборный пунктъ на его окраинахъ для всѣхъ вообще войскъ гарнизона. Если планъ составленъ заблаговременно, всѣ обстоятельства обдуманы и предусмотрѣны, то такая подготовка даетъ увѣренность въ своихъ силахъ, ободряетъ духъ, благопріятствуетъ стойко встрѣтить опасность и сохранить спокойствіе и храднокровіе въ трудную минуту. Словомъ сказать, тогда начальникъ имѣетъ полную возможность быстро оріентироваться при всевозможныхъ случайностяхъ. Понятно, что будь сдѣланы всѣ эти распоряженія, составляющія, въ сущности, самыя элементарныя правила военной предусмотрительности, — въ области сторожевого охраненія, начальствующія лица и войска были бы заблаговременно ознакомлены со своими обязанностями и внезапное нападеніе кызылъ-аяковъ не произвело бы такого переполоха и замѣшательства въ посту. Тогда не было бы никакой необходимости пускать казаковъ на первыхъ же порахъ для рѣшительнаго удара при самомъ вступленіи въ бой съ кызылъ-аяками. Кавалерія, а въ особенности казаки, какъ извѣстно, болѣе способны довершать ударъ, нанесенный непріятелю, нежели сами производить его. Въ настоящемъ же случаѣ тѣмъ болѣе не слѣдовало этого дѣлать еще и потому, что казаки были не на своихъ коняхъ, обученныхъ къ стройному движенію во фронтѣ, но на полудикихъ киргизскихъ, невыѣзжанныхъ и пугливыхъ лошадяхъ. Сибирскіе казаки, какъ я уже неоднократно упоминалъ, обладающіе особою способностью примѣняться къ мѣстности и обстоятельствамъ, на мой взглядъ, поступили основательно, разсыпавъ цѣпь, что давало имъ полную возможность наблюдать за непріятелемъ, прикрывая въ то же время свою пѣхоту. И если-бы, вмѣсто того, чтобы при самомъ вступленіи въ бой, на первыхъ-же порахъ броситься на кызылъ-аяковъ, приставъ приказалъ казакамъ построить лаву и затѣмъ отступать, отстрѣливаясь, то они могли-бы навести китайцевъ на нашу пѣхоту, которая въ то время уже выстраивалась въ боевой порядокъ. По приближеніи-же къ ней, казаки, быстро открывъ фронтъ пѣхоты, дали бы ей возможность произвести нѣсколько послѣдовательныхъ залповъ. Огонь нашей пѣхоты, открытый на близкомъ разстояніи, осадилъ-бы сразу воинственный пылъ кызылъ-аяковъ и неминуемо заставилъ бы ихъ отступить. Этимъ-то моментомъ и слѣдовало воспользоваться приставу, и только тогда пустить казаковъ довершить пораженіе, нанесенное кызылъ-аякамъ огнемъ нашей пѣхоты, и затѣмъ настойчиво ихъ преслѣдовать.

Такое распоряженіе, при извѣстной способности казаковъ къ подобнаго рода дѣйствіямъ, было-бы въ данномъ случаѣ болѣе

соотвѣтственнымъ и умѣстнымъ. Тогда и не произошло-бы такого прискорбнаго эпизода, когда приставъ, вмѣстѣ съ казаками, опрокинутый непріятелемъ на пѣхотную цѣпь, по словамъ Зайсанскаго начальства, остался безъ лошади и, получивъ отказъ отъ бывшаго тутъ-же казачьяго офицера дать ему свою лошадь, въ самую критическую минуту былъ вынужденъ отправиться самъ въ поиски за лошадью. Обстоятельство это служитъ нагляднымъ показателемъ той степени авторитета, который имѣетъ приставъ въ средѣ подчиненныхъ ему офицеровъ.

Но болѣе всего было прискорбно то обстоятельство, что киргизы Зайсанскаго края, перешедшіе вмѣстѣ съ занимаемыми ими землями изъ китайскаго въ русское подданство на основаніи Пекинскаго трактата, вскорѣ по принятіи нашего подданства, были два раза разграблены китайскими инородцами: въ 1867 г. калмыками веденія Чоганъ-Кегеня, а въ 1869 г. кызылъ-аяками. Понятно, что эти погромы должны были поколебать въ нашихъ новыхъ подданныхъ довѣріе къ русской власти. Другое прискорбное обстоятельство въ этомъ дѣлѣ было то, что кызылъ-аяки, ускользнувъ отъ нашего преслѣдованія, были все таки настигнуты въ долинѣ Чернаго Иртыша у Булунь-Тохоя калмыками Чоганъ-Кегеня и окончательно разбиты и разсѣяны. Такимъ образомъ, китайцы, не смотря на всю свою слабость и безсиліе на западныхъ предѣлахъ ихъ Имперіи во время дунганской смуты, когда тамъ почти не было никакихъ слѣдовъ ихъ власти, всетаки сумѣли расправиться съ кызылъ-аяками въ то время, когда мы, несмотря на относительно сильный отрядъ, занимавшій Зайсанскій постъ, не только не могли окончательно разгромить кызылъ-аяковъ, но при первомъ же вооруженномъ столкновеніи съ ними потеряли 4-хъ казаковъ убитыми и 11 ранеными. Это обстоятельство служитъ наглядным доказательствомъ, что казаки были въ этомъ дѣлѣ передовыми бойцами и, изъ всѣхъ войскъ Зайсанскаго гарнизона, только они одни понесли такой значительный уронъ. Между тѣмъ, Зайсанское начальство наибольшую долю вины въ безнаказанности набѣга кызылъ-аяковъ отнесло къ казакамъ, выставляя на видъ, что если кызылъ-аяки быстро отошли отъ Зайсанскаго поста и успѣли укрыться отъ нашего преслѣдованія, то это произошло отъ того, что казаки, имѣя плохое оружіе и слабосильныхъ лошадей, не могли ихъ настигнуть, несмотря на всѣ усилія пристава. Но если у казаковъ не было хорошаго оружія и крѣпкихъ выносливыхъ лошадей, способныхъ къ продолжительнымъ и быстрымъ движеніямъ, то этотъ недостатокъ слѣдуетъ скорѣе отнести къ винѣ начальства, но никакъ не самихъ казаковъ, которые съ своей стороны сдѣлали все, что было возможно. Нельзя забывать, что Сибирскіе казаки были и на этотъ разъ, какъ мы видѣли, нашими передовыми бойцами въ степяхъ Средней Азіи. И никто не сказалъ тогда добраго слова объ этихъ людяхъ, павшихъ въ неравномъ бою, грудью защищая Зайсанскій постъ. Уже одно чувство справедливости требуетъ не порицать, но скорѣе воздать хвалу нашимъ храбрымъ казакамъ, павшимъ въ этотъ злосчастный день по чужой винѣ и нераспорядительности.

Глава VI.

Подробный разборъ мнѣній разныхъ лицъ о значеніи Пекинскаго трактата и Чугучакскаго протокола.

Въ предыдущей главѣ я упомянулъ о существованіи въ Петербургѣ партіи, поставившей себѣ задачею противодѣйствовать, насколько окажется возможнымъ, исполненію Пекинскаго трактата. Существованіе этой партіи должно признать несомнѣннымъ, какъ передавалъ мнѣ И. И. Захаровъ, который по своей службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и по занимаемой имъ должности профессора Петербургскаго Университета былъ хорошо освѣдомленъ по дѣламъ Китая и Средней Азіи. Онъ писалъ мнѣ, что во время обѣда у одного сенатора, когда разговоръ коснулся послѣдняго разграниченія съ Западнымъ Китаемъ, ему напрямикъ говорили, что комиссарамъ слѣдовало не подписывать протокола, но затянуть дѣло не доводя его до рѣшенія.

Сторонниками упомянутой выше партіи были лица, занимавшія высшія должности въ гражданскомъ вѣдомствѣ и нѣкоторые изъ лицъ военнаго вѣдомства. Въ числѣ послѣднихъ находился и членъ Степной комиссіи Гейнсъ. Возвращаясь изъ своихъ поѣздокъ по киргизскимъ степямъ въ Петербургъ Гейнсъ усердно посѣщалъ сенатора К. и часто бесѣдовалъ съ нимъ обсуждая тогдашнее положеніе нашихъ дѣлъ на западныхъ предѣлахъ Китая и въ Средней Азіи. Во время этихъ свиданій разговоръ неминуемо долженъ былъ коснуться и недавно установленной Чугучакскимъ протоколомъ западной китайской границы. По всей вѣроятности, хотя не могу за это вполнѣ ручаться, только тогда Гейнсъ въ первый разъ узналъ о мнѣніи сенатора К. о Пекинскомъ трактатѣ и Чугучакскомъ протоколѣ. Хотя дѣло подробнаго опредѣленія зап.-кит. границы, установленной Пекинскимъ трактатомъ вовсе не от-

носилось до Гейнса, который въ качествѣ члена Степной комиссіи имѣлъ обязанностью заниматься обсужденіемъ и разработкою собственно киргизскаго вопроса, но Гейнсъ, повидимому, нисколько не стѣснялся этимъ. Онъ смѣло выступилъ не только въ роли возражателя, хотя впрочемъ болѣе и съ чужого голоса, противъ Пекинскаго трактата, но въ поданной имъ запискѣ, указавъ на неудобства границы, установленной Чугучакскимъ протоколомъ авторитетно проектировалъ свою собственную западно-китайскую границу взамѣнъ установленной Пекинскимъ трактатомъ. Гейнсъ увлекъ за собою и своего товарища по Степной комиссіи Гутковскаго. Вскорѣ къ нимъ присоединились и другія лица и пошла писать губернія. Въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ стали поступать записки о неудобствахъ западной китайской границы, составленныя весьма поверхностно и легкомысленно, какъ о томъ будетъ мною подробно объяснено ниже. Чтобы положить конецъ этому дѣлу князь Горчаковъ, несмотря на всю его сдержанность тонкаго дипломата, приказалъ заготовить въ твердой и категорической формѣ опроверженіе всѣхъ этихъ неправильныхъ и легкомысленныхъ взглядовъ на западную китайскую границу.

Въ настоящей и въ предшествовавшей III части, мною было упомянуто, что наше правительство постоянно одобряло дѣйствія нашихъ комиссаровъ въ Чугучакѣ. Такъ въ первый періодъ по открытіи этихъ переговоровъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ находило, что пограничный вопросъ былъ поставленъ нашими комиссарами надлежащимъ образомъ о чемъ было сообщено и нашему посланнику въ Пекинѣ. Затѣмъ дальнѣйшіе переговоры велись съ точнымъ соблюденіемъ во всемъ указаній министерствъ и, наконецъ, были приведены къ вполнѣ благопріятному окончанію. Но нѣкоторыя лица имѣли на дѣло разграниченія съ Китаемъ совершенно другой взглядъ, расходившійся съ приведеннымъ выше мнѣніемъ нашего правительства. Такъ они находили, что западная китайская граница, опредѣленная на основаніи Пекинскаго трактата и Чугучакскаго протокола, также какъ и восточная имѣетъ нѣкоторыя неудобства и ненормальности. Такое противорѣчіе во взглядахъ на дѣло разграниченія съ Китаемъ, повидимому, произошло отъ того, что возражатели не могли ознакомиться по оффиціальнымъ документамъ съ ходомъ переговоровъ съ китайцами въ Чугучакѣ, которые привели къ заключенію Чугучакскаго протокола. Дипломатическая переписка подобнаго рода не можетъ быть доступна для всѣхъ. Словомъ сказать политическая сторона этого вопроса во всей ея подробности была имъ совершенно неизвѣстна.

Отсюда дѣлается понятнымъ, что въ этой области дѣлъ политическаго характера всегда является широкій просторъ для разнаго рода мнѣній, предположеній и догадокъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Членъ Степной комиссіи Гейнсъ, о которомъ упоминалось выше, имѣвшій свои прямыя обязанности по участію въ этой комиссіи и совершенно незнакомый съ пограничнымъ дѣломъ, которое вовсе до него и не касалось, нашелъ необходимымъ войти въ подробное разсмотрѣніе положенія дѣлъ на китайской границѣ и высказать по поводу ея опредѣленія свои замѣчанія. Это обстоятельство, отвлекая Гейнса отъ его прямыхъ обязанностей, неблагопріятно отразилось и на разработкѣ степного положенія, которое, какъ мы видѣли, имѣло не мало пробѣловъ.

Гейнсу, повидимому, было неизвѣстно изреченіе древняго оракула: „старайся не гулять за предѣлами твоего дѣла“. Разсѣяніе въ разныя стороны по справедливому замѣчанію К. П. Побѣдоносцева, развлекаетъ мысль, разслабляетъ волю и мѣшаетъ сосредоточиться на дѣлѣ. А для того, чтобы умѣть дѣлать его, необходимо собраться въ себя, сосредоточиться [1]). Выступивъ со своими критическими замѣчаніями по вопросу объ установленіи границы на западныхъ предѣлахъ Китая по Чугучакскому протоколу и, находя ее неудобною, Гейнсъ проектировалъ свою собственную западную китайскую границу, взамѣнъ установленной Пекинскимъ трактатомъ. Вскорѣ къ нему присоединились Гутковскій, Полторацкій и Венюковъ. Должно сказать, что въ то время, т. е. въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, можно было говорить и писать о Сибири все, что угодно и возражатели широко пользовались этимъ правомъ. Въ разныхъ запискахъ оффиціальнаго характера, а также и въ статьяхъ, появившихся въ печати, они высказывали порицанія только что передъ тѣмъ установленной какъ западной, такъ и восточной китайской границѣ. Увлеченіе въ этомъ отношеніи доходило до того, что одинъ изъ возражателей въ поданой имъ докладной запискѣ поставилъ даже въ вину нашимъ комиссарамъ то обстоятельство, что они при заключеніи Чугучакскаго протокола неуклонно руководствовались указаніями Пекинскаго трактата. Другіе же утверждали, что комиссарамъ не слѣдовало доводить дѣло до окончательнаго рѣшенія, т. е. до подписанія Чугучакскаго протокола. Иначе говоря: чтобы мы дѣйствовали наперекоръ инструкціи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и нагло обманывали свое правительство. Я вполнѣ убѣжденъ, что всякій добросовѣстный критическій разборъ раз-

[1]) К. П. Побѣдоносцевъ. Московскій Сборникъ 1896 г. стр. 134—135.

сматриваемаго дѣла, несомнѣнно можетъ принести пользу, способствуя всестороннему его разъясненію. Но для этого необходимо соблюдать два условія: 1) основательно знать разбираемый вопросъ, 2) всегда имѣть въ виду, что чѣмъ важнѣе обвиненіе, тѣмъ сильнѣе и тверже должны быть приводимые доводы, оправдывающіе эти обвиненія. Къ сожалѣнію, у моихъ возражателей соблюденіе именно этихъ двухъ главныхъ руководящихъ условій часто отсутствовали, какъ объ этомъ будетъ подробно объяснено въ своемъ мѣстѣ при разсмотрѣніи всѣхъ вообще замѣчаній возражателей.

Выше было мною указано на несоотвѣтствіе замѣчаній, сдѣланныхъ возражателями на опредѣленіе китайской границы по Пекинскому трактату съ воззрѣніями на это дѣло нашего правительства. Въ виду этого и не слѣдовало бы возражать на всѣ эти критическія замѣчанія и суровое порицаніе дѣйствій нашихъ комиссаровъ, такъ какъ со времени появленія этихъ замѣчаній прошло уже много лѣтъ и все это, повидимому, отшумѣло и потеряло свой прежній острый характеръ. Но съ другой стороны критическія замѣчанія возражателей проникли въ официальныя сферы, а частью и появились въ печати. Между тѣмъ за незначительными частными исключеніями гласнаго цѣльнаго опроверженія, обнимающаго собою съ надлежащей подробностью всѣ вообще замѣчанія о Чугучакскомъ протоколѣ и ненормальностяхъ въ проведеніи китайской границы не было сдѣлано. Если же дѣло оставить безъ дальнѣйшихъ разъясненій, то такое замалчиваніе со временемъ неминуемо можетъ подать поводъ къ разнымъ предположеніямъ, могущимъ возбудить недоумѣніе въ общественномъ мнѣніи. А потому въ видахъ разъясненія дѣйствительнаго положенія этого вопроса, я, какъ близко стоящій къ китайскому пограничному дѣлу, считаю для себя нравственною обязанностью подробно разобрать это дѣло для того, чтобы выяснить по долгу чести и въ интересахъ безпристрастія и справедливости совершенно неправильный и ложный взглядъ на разграниченіе съ Китаемъ, который неминуемо можетъ возникнуть при чтеніи разныхъ статей и записокъ возражателей и критиковъ Пекинскаго трактата и Чугучакскаго протокола. Но и помимо этого, цѣня дорогую для меня память моихъ товарищей и сотрудниковъ по разграниченію И. И. Захарова и А. Θ. Голубева, я ставлю себѣ въ священную обязанность сказать нѣсколько словъ въ защиту нашего общаго и праваго дѣла. Наконецъ, если возражатели поставили себѣ задачею судить дѣйствія нашихъ комиссаровъ, то имъ, какъ подсудимымъ по всей справедливости, должно принадлежать послѣднее слово. Andiatur et altera pars.

Ввиду приведенныхъ обстоятельствъ я нахожусь въ полномъ убѣжденіи, что по этому дѣлу въ моемъ положеніи молчать невозможно. На этомъ основаніи я долженъ высказать свое личное мнѣніе, а о томъ кто правъ и кто виноватъ, пусть рѣшитъ общественное мнѣніе.

Переходя къ изложенію моего мнѣнія по всѣмъ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ на Пекинскій трактатъ и Чугучакскій протоколъ, считаю необходимымъ предварительно распредѣлить ихъ на слѣдующіе пять отдѣловъ, включивъ въ каждый изъ нихъ однородныя замѣчанія:

1) несовпаденіе границы, опредѣленной Чугучакскимъ протоколомъ съ этнографическимъ разграниченіемъ киргизскихъ племенъ и родовъ, связанныхъ родствомъ и общностью пользованія землею;

2) долины трехъ большихъ рѣкъ: Иртыша, Эмиля и Или, раздѣлены поперекъ границею и верховья ихъ находятся внѣ нашихъ предѣловъ;

3) равнина озера Зайсана открыта;

4) граница между горнымъ хребтомъ Тарбагатай и Алатау удобопроходима и не представляетъ естественнаго рубежа;

5) въ азіатскихъ странахъ необходимо принять за границу естественный рубежъ. Въ этихъ видахъ слѣдовало-бы отодвинуть западно-китайскую границу къ востоку отъ 300—500 верстъ, т. е. въ глубь китайской Чжунгаріи и вести ее по горамъ, замыкающимъ съ востока всю эту страну, т. е. китайскія провинціи: Или, Тарбагатай и Кобдо на пространствѣ отъ Тянь-Шаньскаго хребта къ сѣверу до горъ Большого Алтая.

1. Несовпаденіе границы, опредѣленной Чугучакскимъ протоколомъ съ этнографическимъ разграниченіемъ киргизскихъ племенъ и родовъ, связанныхъ родствомъ и общностью пользованія землею.

Выше при подробномъ разсмотрѣніи руководящихъ началъ, которымъ должны были слѣдовать наши комиссары, какъ при веденіи ими переговоровъ съ китайцами въ Чугучакѣ, такъ и при составленіи проекта граничной черты, было упомянуто, что они на основаніи данныхъ имъ инструкцій во всѣхъ этихъ случаяхъ обязаны были неукоснительно руководствоваться указаніями подлежащихъ статей Пекинскаго трактата. Такое соблюденіе нашими комиссарами этихъ указаній находило себѣ полное оправданіе въ томъ обстоятельствѣ, что Пекинскій трактатъ, предоставляя намъ весьма важныя преимущества въ политическомъ, торговомъ и дру-

гихъ отношеніяхъ, требовалъ соотвѣтственныхъ уступокъ и со стороны китайцевъ. Китайцы же очень хорошо понимали, что Пекинскій трактатъ заключенъ къ явной ихъ невыгодѣ, что и высказалъ конфиденціально одинъ изъ китайскихъ министровъ Вэнь-Сяо нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ, добавивъ при этомъ, что если бы китайское правительство могло бы заранѣе предвидѣть, какъ не выгоденъ для Срединнаго государства Пекинскій трактатъ, то оно никогда не заключило-бы его. Отсюда видно, что строгое и безусловное соблюденіе Пекинскаго трактата на происходившихъ въ Чугучакѣ переговорахъ и при разработкѣ проекта черты государственной границы съ Западнымъ Китаемъ было для нашихъ комиссаровъ — conditio sine qua non. Но и помимо этого, всякое даже малѣйшее отступленіе отъ Пекинскаго трактата было бы со стороны нашихъ комиссаровъ громадной политической ошибкой. Мы этимъ сразу дали-бы поводъ и китайскому правительству произвольно отступать отъ тѣхъ выгодныхъ для насъ, но тяжелыхъ для Китая условій, которыя налагалъ на Срединное государство Пекинскій трактатъ. Припомнимъ, что на основаніи этого трактата кромѣ пріобрѣтенія значительнаго пространства земель на западныхъ предѣлахъ Китая присоединены къ нашимъ владѣніямъ берега Японскаго моря до самой Кореи, разрѣшено допустить открытіе русской торговли въ Кашгарѣ и установлена прочная и вполнѣ раціональная система обоюдныхъ сношеній нашихъ съ китайскимъ правительствомъ. Отсюда видно что упомянутое выше замѣчаніе одного изъ возражателей (Полторацкаго), поставившаго въ вину нашимъ комиссарамъ, подписавшимъ Чугучакскій протоколъ, точное соблюденіе ими указаній Пекинскаго трактата, показываетъ полнѣйшее незнакомство съ дѣломъ. Если переговоры съ китайцами въ Чугучакѣ велись собственно для *исполненія* Пекинскаго трактата и самый Чугучакскій договоръ служилъ дополненіемъ къ этому трактату, то можно-ли было вести переговоры для исполненія трактата основываясь не на этомъ же трактатѣ? Спрашивается: что же должны были принять въ основаніе наши комиссары при веденіи ими переговоровъ? Если они должны были основываться не на трактатѣ, а на своихъ собственныхъ соображеніяхъ, то должно было допустить и китайскихъ комиссаровъ тоже руководствоваться въ дѣлѣ опредѣленія границы своими личными умозрѣніями. Мы уже видѣли изъ подробнаго описанія хода переговоровъ, происходившихъ въ Чугучакѣ, что китайскіе комиссары обязанные также слѣдовать точному смыслу Пекинскаго трактата, допускали на этихъ переговорахъ на каждомъ шагу произвольныя отступленія отъ него и предъявляли намъ самые фантастическіе проекты границы. Слѣдовательно, до чего бы дошли наглыя и высокомѣрныя требованія китайцевъ если-бы мы сами допустили какое-либо даже малѣйшее уклоненіе отъ трактата. Такой образомъ дѣйствій съ нашей стороны неминуемо повлекъ бы за собою нескончаемые споры и пререканія съ китайскими комиссарами. Словомъ сказать мы были бы вовлечены въ такой лабиринтъ изъ котораго не было-бы никакого выхода. Въ результатѣ вмѣсто рѣшенія пограничнаго вопроса мы только усложнили бы его.

Принявъ за главное основное руководство при проектированіи границы, Пекинскій трактатъ, наши комиссары естественнымъ образомъ должны были обозначить границу согласно 2 ст. этого трактата по направленію горъ, теченію большихъ рѣкъ и линіи китайскихъ пикетовъ. Другими словами при опредѣленіи границы они были обязаны неукоснительно руководствоваться топографическимъ характеромъ мѣстности и ея природными условіями показателями которыхъ въ данномъ случаѣ служила линія водораздѣла и русла большихъ рѣкъ. Въ случаѣ же если бы оказалось невозможнымъ вести границу по чертѣ водораздѣла или по теченію большихъ рѣкъ, то ее слѣдовало, согласно точному смыслу Пекинскаго трактата, направить по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ. Такъ и поступили наши комиссары. Но возражатели находятъ, что при такомъ опредѣленіи границы она оказывается не совпадающею съ этнографическимъ раздѣленіемъ киргизскихъ племенъ и родовъ. Изъ этого должно заключить, что по мнѣнію возражателей государственная граница должна быть проведена такимъ образомъ, чтобы она отдѣляла собою районы кочевьевъ однихъ пограничныхъ киргизскихъ родовъ отъ смежныхъ съ ними поземельныхъ районовъ другихъ родовъ. Словомъ сказать, чтобы она совпала съ этнографической чертою, отдѣляющей эти роды. Но вести государственную границу по этнографической чертѣ значило бы отодвинуть ее отъ линіи водораздѣла и линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, т. е. отъ того направленія, которое категорически указано въ Пекинскомъ трактатѣ, что очевидно было бы прямымъ нарушеніемъ этого трактата. Между тѣмъ отступить отъ Пекинскаго трактата даже въ самой незначительной части и вообще сойти съ почвы его договорныхъ постановленій во время переговоровъ, веденныхъ съ китайцами въ Чугучакѣ, было безусловно невозможно для нашихъ комиссаровъ, какъ въ силу данной имъ инструкціи, такъ и ввиду тѣхъ соображеній, которыя выше были мною изложены. А потому, какъ ни желательно было бы вести государственную границу по этнографиче-

ской чертѣ, осуществленіе этого предположенія въ прямое нарушеніе Пекинскаго трактата оказывается невозможнымъ.

Но и помимо всего сказаннаго выше, если вникнуть въ это дѣло глубже, то окажется, что проведеніе границы на этнографической чертѣ является невозможнымъ и по другимъ соображеніямъ. Прежде всего должно замѣтить, что районы кочевыхъ стойбищъ пограничныхъ киргизскихъ родовъ по особымъ условіямъ подвижной жизни пастушескихъ племенъ, неизбѣжной при ихъ скотоводческомъ хозяйствѣ, почти постоянно мѣняются, и окраины этихъ районовъ, образуя собою подвижныя линіи, подвергаются частымъ колебаніямъ и вслѣдствіе этого не имѣютъ никакой устойчивости. Но если районы киргизскихъ кочевьевъ образуютъ собою неправильныя площади, мѣняющія свои очертанія, а окраины этихъ площадей суть линіи подвижныя, то при проведеніи этнографической черты, отдѣляющей земельные районы смежно кочующихъ пограничныхъ родовъ, пришлось бы направить эту черту по окраинамъ кочевыхъ районовъ, т. е. въ сущности по подвижнымъ линіямъ. Слѣдовательно, чтобы государственная граница, какъ это требуютъ возражатели, не разрѣзывала родовыхъ районовъ, но отдѣляла ихъ полностью одинъ отъ другого,—нѣтъ другого средства, какъ направить ее такъ, чтобы она совпадала съ этнографическою чертою. Но если же эта черта, какъ мы видѣли, образуетъ собою подвижную линію, не имѣющую никакой устойчивости, то совмѣстить съ ней государственную границу значило бы отнять отъ послѣдней главное ея достоинство: прочность и твердость и, слѣдовательно, сдѣлать ее во всѣхъ отношеніяхъ неудобной и даже невозможной.

Таковымъ оказывается результатъ требованія возражателей не разрѣзывать границею родовыхъ киргизскихъ районовъ, но отдѣлять ихъ государственной границей одинъ отъ другого. Несостоятельность этого замѣчанія произошла оттого, что возражатели, предпринимая критическій разборъ чугучакскаго протокола, руководствовались кабинетными, теоретическими соображеніями, судя о мѣстности по картѣ и не обладая основательными свѣдѣніями о бытѣ пограничнаго инородческаго населенія и о своеобразныхъ исключительныхъ условіяхъ, неминуемо возникающихъ при проведеніи границы по землямъ, занимаемымъ подвижнымъ, кочевымъ и полудикимъ населеніемъ. Отъ этого все, что казалось въ теоріи правильнымъ, на практикѣ принимало другую окраску и теряло значеніе, которое давали ему возражатели. Я долженъ замѣтить при этомъ, что разъединеніе границею киргизскихъ родовъ оказалось только на нѣкоторыхъ незначительныхъ участкахъ

Зайсанской границы, которое при значительномъ протяженіи всей вообще западной китайской границы не можетъ имѣть важнаго значенія и, какъ явленіе случайное, должно было современемъ неминуемо прекратиться само собою. Возражатели же, выступая въ роли защитниковъ киргизскихъ интересовъ на Зайсанской границѣ старались выставить это обстоятельство, какъ grand cas. Но комиссары наши смотрѣли на это дѣло нѣсколько иначе. Они сознавали, что при проведеніи государственной границы на первомъ планѣ должны быть общерусскіе государственные интересы, а не киргизскіе, которые какъ имѣющіе частный характеръ должны въ данномъ случаѣ подчиняться государственнымъ соображеніямъ, тѣмъ болѣе, что и самыя земли, занимаемыя киргизами, по закону считаются государственными.

Наконецъ, нельзя смотрѣть на разъединеніе границею инородческихъ народностей, какъ на явленіе исключительно свойственное западной китайской границѣ. Оно существуетъ и притомъ еще въ болѣе обширномъ размѣрѣ и на нашей восточной китайской границѣ, которая раздѣляетъ собою не отдѣльные роды, но даже цѣлыя племена, принадлежащія къ одной и той же монгольской народности, а именно бурятъ отъ ихъ соплеменниковъ монголовъ. Слѣдовательно, здѣсь повторяется то же самое явленіе по отношенію къ монголамъ, которое происходитъ на западной китайской границѣ съ киргизами.

Подобныя нарушенія этнографическаго элемента можно встрѣтить почти на всѣхъ границахъ между государствами Западной Европы. Такъ до 1871 г. восточная граница Франціи представляла собою нарушеніе этнографическихъ условій черезъ присоединеніе къ французскимъ владѣніямъ Эльзаса и Лотарингіи, бывшихъ прежде нѣмецкимъ герцогствомъ и населенныхъ нѣмецкимъ племенемъ, разъединеннымъ границей отъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ въ сосѣднихъ германскихъ владѣніяхъ. Хотя по Версальскому и Франкфуртскому договорамъ Эльзасъ и Лотарингія отошли къ Германіи, но часть нѣмецкаго населенія около крѣпости Бельфора осталась по прежнему во французскомъ подданствѣ и, слѣдовательно, была тоже отрѣзана границею. На сѣверѣ Германіи по Пражскому миру 23 августа 1866 года были присоединены къ Пруссіи Шлезвигъ и Голштейнъ, причемъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ населеніемъ отошло къ Пруссіи болѣе 100 тыс. датчанъ, которые такимъ образомъ оказались отрѣзанными отъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ въ датскихъ владѣніяхъ. Граница между Россіей, Австріей и Пруссіей разрѣзываетъ въ трехъ мѣстахъ земли бывшаго Польскаго королевства, которыя находятся во владѣніи

трехъ государствъ. Отошедшая къ Австріи, послѣ перваго раздѣла Польши,—Галиція, восточная часть которой, составляя земли бывшей Червонной Руси, населена русскимъ племенемъ, которое оказалось отрѣзаннымъ отъ русскаго же населенія нашихъ сосѣднихъ губерній: Волынской и Подольской. Пограничная черта между Швеціей и Россіей на сѣверѣ Финляндіи, какъ извѣстно, обозначается рѣкою Торнео и ея притокомъ Муоніо. Несмотря на свое незначительное протяженіе, эта граница всетаки отрѣзала собою часть финновъ, жившихъ на западномъ берегу этихъ рѣкъ числомъ около 30 тыс., которыхъ мы и отдали Швеціи въ виду удобствъ естественной границы.

Точно также и при заключеніи Чугучакскаго протокола наши комиссары, будучи обязаны слѣдовать Пекинскому трактату и опредѣлить границу, соображаясь съ топографическимъ характеромъ мѣстности, не имѣли никакой возможности распредѣлить киргизскіе роды и племена такъ, чтобы одни изъ нихъ полностью отошли къ Россіи, а другіе къ Китаю. Наконецъ, если допустить возможность отдѣлить государственной границей одинъ родъ отъ другого, то это будетъ скорѣе палліативное или временное средство, которое нисколько не будетъ содѣйствовать къ устраненію тѣхъ неудобствъ, на которыя указываютъ возражатели. Можно ли поручиться, что между родами никогда не произойдетъ столкновеній, могущихъ нарушить порядокъ и спокойствіе на границѣ, а вслѣдствіе этого и установившееся въ пограничномъ краѣ киргизское землевладѣніе. Всякому, хотя сколько-нибудь знакомому съ киргизской степью, хорошо извѣстно, что въ степяхъ всегда существовала вражда между сосѣдними киргизскими родами изъ-за кочевокъ, что при грубости и дикости этого народа представляетъ собою обычное явленіе. Не только въ періодъ дунганскаго опустошенія, но и впослѣдствіи при болѣе спокойномъ положеніи дѣлъ на западной китайской границѣ, по словамъ А. Ѳ. Костенко, киргизы китайской Чжунгаріи враждовали съ калмыками и вели въ то же время нескончаемыя распри между собою. Вражда *между отдѣльными родами* въ Кульджинскомъ краѣ при безпечности китайскихъ властей возобновилась съ прежней энергіей и одинъ родъ или племя въ конецъ раззорялъ другой [1]). При этомъ не только было затруднительно опредѣлить количество всего населенія въ этой странѣ, но оказалось невозможнымъ даже уловить мѣста обитанія разнообразныхъ племенъ, населяющихъ пограничныя мѣстности.

[1]) Костенко. Чжунгарія, стр. 313.

Это обстоятельство служитъ яркимъ и фактическимъ опроверженіемъ мнѣнія возражателей о ненормальностяхъ западной китайской границы вслѣдствіе разъединенія его киргизскихъ родовъ. Оказывается, что и при отдѣленіи границею одного рода отъ другого враждебныя отношенія между родами всегда возможны, а слѣдовательно и отдѣленіе границею родовъ нисколько не поможетъ дѣлу водворенія порядка и спокойствія въ районѣ пограничныхъ киргизскихъ земель, сопредѣльныхъ съ Западнымъ Китаемъ.

Таковымъ представляется вопросъ о проложеніи государственной границы въ районѣ земель, занятыхъ кочевыми племенами. Изложенныя объясненія приводятъ къ заключенію, что проведеніе государственной границы по этимъ землямъ съ соблюденіемъ въ полной мѣрѣ этнографическихъ условій, т. е. не разъединенія отдѣльныхъ родовъ и племенъ приграничныхъ жителей, представляетъ собою довольно сложный вопросъ, не поддающійся рѣшенію его въ положительномъ смыслѣ, т. е. безъ нарушенія этнографическаго элемента и, слѣдовательно, сопряженный съ нѣкоторыми неудобствами для мѣстнаго кочевого населенія. Мы видѣли, какъ было трудно избѣжать этихъ неудобствъ даже на европейской границѣ среди народностей, культура которыхъ достигла высокой степени развитія и которыя по своей многовѣковой исторіи пріобрѣли право на національное объединеніе. А потому и не можетъ быть достаточныхъ основаній, чтобы требовать соблюденія этнографическихъ условій при проведеніи государственной границы на земляхъ, занятыхъ полудикимъ населеніемъ, ведущимъ кочевой образъ жизни и стоящимъ на первобытной стадіи человѣческаго развитія. Проведеніе на земляхъ, занятыхъ номадами, не только государственной, но даже и внутренней границы, не нарушивъ при этомъ родового землевладѣнія, представляетъ значительное затрудненіе. Опытъ показываетъ что самый вопросъ о проведеніи подобной границы, въ большинствѣ случаевъ, оставался открытымъ на многіе годы, пока время и обстоятельства не указывали на подходящее рѣшеніе, хотя и тогда оно не исчерпывало этого вопроса въ полной мѣрѣ.

Выше, въ главѣ IV, говоря о командированіи въ Сибирь степной коммисіи, я упомянулъ, между прочимъ, что съ введеніемъ въ 1868 году въ киргизскихъ степяхъ новаго административнаго устройства, волости были образованы не по родовому землевладѣнію, но на началахъ новой территоріальной системы, совершенно упразднявшей родовое начало. Вслѣдствіе этого общественно-родовыя отношенія, а въ особенности родовое землевладѣніе

значительно пошатнулись. Этому способствовало также и то обстоятельство, что въ силу новаго положенія киргизы должны были кочевать по возможности въ предѣлахъ своихъ уѣздовъ, не переходя въ сосѣднія области и, слѣдовательно, были разъединены со своими родовичами.

Такимъ образомъ, Степная коммисія, въ составѣ которой нѣкоторые изъ возражателей (Гейнсъ и Гутковскій), состоя ея членами, принимали дѣятельное участіе въ цѣломъ рядѣ статей, относящихся до административнаго устройства киргизскихъ степей, систематически стремилась къ упраздненію родового начала. Это подтверждается словами самого Гейнса, который въ одномъ изъ своихъ писемъ редактору Военнаго Сборника П. К. Менькову говоритъ: «было бы чрезвычайно полезно и послѣдовательно уничтожить у киргизовъ всякую сильную выборную власть, т. е. освободить ихъ отъ гнета аристократическаго и *родового* началъ» [1]).

Та же самая мысль проведена и въ объяснительной запискѣ къ степному положенію 1868 года, въ составленіи котораго принималъ участіе Гейнсъ. Въ этой запискѣ говорится, между прочимъ: «заселеніе казачьимъ сословіемъ границы нашей съ Западнымъ Китаемъ, *разъединяя* подвластныхъ намъ киргизовъ отъ ихъ соплеменниковъ, находящихся въ иностранныхъ владѣніяхъ, важно въ политическомъ отношеніи» [2]). Но если, по мнѣнію возражателей, западная китайская граница, установленная Пекинскимъ трактатомъ, разъединяетъ киргизскіе роды, то изъ этого слѣдуетъ, что она выполняетъ тѣ же самыя функціи политическаго характера, какъ и пригpаничныя казачьи поселенія, о которыхъ, какъ мы видѣли, говорится въ означенной объяснительной запискѣ. Послѣ этого оказывается непонятнымъ: какимъ образомъ Гейнсъ и Гутковскій, такъ настойчиво и упорно выставлявшіе, въ качествѣ членовъ Степной комиссіи, необходимость полнаго упраздненія у киргизъ родового начала, совершенно неожиданно перешли въ другой лагерь и стали въ оппозицію упраздненія родового начала, высказавъ въ представленной ими другой особой запискѣ о китайской границѣ сожалѣніе объ упраздненіи родового начала чрезъ разъединеніе западной китайской границы киргизскихъ родовъ. Словомъ сказать, выразили мнѣніе діаметрально противоположное тому, что говорилось ими раньше. Но и помимо этого, возражатели въ качествѣ членовъ Степной комиссіи, проектируя област-

[1]) Записки П. К. Менькова. Ч. III, стр. 198.

[2]) Объяснительная записка къ положенію объ управленіи въ степныхъ областяхъ. Стр. 41.

ныя границы, разрѣзали ими всѣ попутные киргизскіе роды. Другими словами, возражатели съ буквальною точностью сдѣлали то, что по ихъ же мнѣнію не слѣдовало дѣлать при проложеніи границы на земляхъ, занятыхъ кочевыми племенами киргизъ. Такое выдающееся противорѣчіе тѣмъ болѣе не можетъ быть оправдано, что проведеніе внутренней границы не представляетъ тѣхъ трудностей, которыя неминуемо возникаютъ при опредѣленіи государственной границы, гдѣ сталкиваются государственные интересы двухъ независимыхъ другъ отъ друга государствъ и, кромѣ того, нерѣдко возбуждаются при этомъ и другіе вопросы, имѣющіе тѣсную связь съ дѣломъ опредѣленія государственной границы.

Изъ всего изложеннаго выше можно сдѣлать слѣдующій выводъ. Если проложеніе внутреннихъ границъ безъ нарушенія родового землевладѣнія, какъ это мы видѣли при разграниченіи земель, занятыхъ Сибирскими и Оренбургскими киргизами и проектированіи областныхъ границъ въ киргизскихъ степяхъ, оказывается до крайности затруднительнымъ и, повидимому, даже невозможнымъ, то требовать соблюденія этого условія при опредѣленіи государственной границы, т. е. въ дѣлѣ болѣе трудномъ и сложномъ, нѣтъ никакихъ основаній.

Помимо всего вышеизложеннаго, если вникнуть въ дѣло и всесторонне разсмотрѣть его, то окажется, что въ данномъ случаѣ проведеніе западной китайской границы не имѣло въ дѣйствительности никакого вліянія на разъединеніе пограничныхъ киргизскихъ родовъ. Это разъединеніе произошло отъ другихъ совершенно постороннихъ обстоятельствъ, не имѣвшихъ никакого прямого отношенія къ разграниченію земель между двумя государствами на основаніи Пекинскаго трактата. Для объясненія этого соображенія припомнимъ, что вскорѣ по подписаніи Чугучакскаго протокола, когда была окончательно установлена западная китайская граница, возникли безпокойства въ сопредѣльныхъ китайскихъ владѣніяхъ по случаю вспыхнувшаго мятежа дунгановъ. При такомъ положеніи дѣлъ на западныхъ предѣлахъ Китая постановленія Чугучакскаго протокола не могли быть приведены въ исполненіе на практикѣ, а существовали лишь на бумагѣ, а потому и самая граница въ то время, т. е. въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ не была обозначена на мѣстности пограничными знаками и слѣдовательно не могла нарушить киргизскаго землевладѣнія. Если же въ дѣйствительности это нарушеніе и произошло, то приписывать его проведенію западной китайской границы и вообще придавать ей рѣшающее значеніе въ дѣлѣ разъединенія родовыхъ киргизскихъ земель, какъ это старались выставить возражатели, нѣтъ никакихъ

фактическихъ основаній. Главною причиною нарушеній киргизскаго землевладѣнія, которое произошло въ приграничной мѣстности на сѣверо-востокѣ киргизской степи вскорѣ по заключеніи Чугучакскаго протокола, слѣдуетъ признать не государственную границу, которая въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, и не была поставлена, но безпокойства и волненія, возникшія въ Западномъ Китаѣ вслѣдствіе дунганскаго возстанія. Въ это тревожное время наши приграничные киргизы, пользуясь тогдашнимъ безначаліемъ въ Западномъ Китаѣ, устремились въ этотъ край для грабежа мѣстнаго китайскаго населенія.

Такимъ образомъ, возникло эмиграціонное движеніе нашихъ киргизъ въ Китай, а впослѣдствіи и китайскихъ инородцевъ въ наши владѣнія. Такіе обоюдные переходы нашихъ и китайскихъ подданныхъ изъ предѣловъ одного государства въ другое, сопровождавшіеся грабежами, убійствами и даже полнымъ погромомъ приграничнаго кочевого населенія, неминуемо должны были нарушить киргизское землевладѣніе въ приграничной части степи, гдѣ по свидѣтельству лицъ, хорошо знакомыхъ съ тогдашнимъ положеніемъ пограничныхъ дѣлъ, всѣ киргизскія кочевья перемѣшались и перепутались между собою. Отсюда видно, что безпорядки и неустройства въ киргизскомъ землавладѣніи, возникшіе въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ своемъ источникѣ и по своимъ послѣдствіямъ не имѣли никакой связи и ничего общаго съ вопросомъ о проведеніи государственной границы. Ясно, что этимъ источникомъ была дунганская смута, которая разстроила и спутала киргизскія кочевья въ приграничныхъ мѣстностяхъ нашихъ владѣній, сопредѣльныхъ съ Западнымъ Китаемъ. Послѣ этого дѣлается понятнымъ, что если бы и самый вопросъ о разграниченіи съ Западнымъ Китаемъ не былъ бы вовсе возбужденъ въ то время, то во всякомъ случаѣ замѣшательства и споры о правѣ владѣнія и пользованія земельными угодьями и пастбищными мѣстами неминуемо бы возникли, какъ по случаю приведенныхъ выше эмиграціонныхъ движеній нашихъ киргизъ, такъ и вслѣдствіе погромовъ и раззореній, которымъ подвергалось кочевое населеніе степи, по причинѣ враждебныхъ столкновеній съ калмыками подъ вѣдѣніемъ Чоганъ-Кегеня, о чемъ въ первой главѣ этой части было мною подробно изложено.

Таковы были, въ сущности, главныя причины разстройства киргизскаго землевладѣнія на сѣверо-востокѣ киргизской степи, т. е. въ приграничной части Семипалатинской области. Своевременное устраненіе всѣхъ этихъ осложненій въ поземельномъ бытѣ приграничныхъ киргизъ безъ нарушенія по возможности этнографическихъ и экономическихъ условій имѣло особенную важность, въ виду состоявшагося только передъ тѣмъ подписанія Чугучакскаго протокола, по которому была установлена точная государственная граница наша съ Западнымъ Китаемъ на основаніи Пекинскаго трактата, а потому, когда всѣ эти волненія и безпокойства на границѣ улеглись, я полагалъ, что для приведенія въ порядокъ нарушеннаго киргизскаго землевладѣнія было-бы необходимо учредить, такъ называемыя, организаціонныя комиссіи.

Подобное мѣропріятіе было принято въ Туркестанскомъ Генералъ-Губернаторствѣ, при самомъ введеніи новаго положенія объ управленіи киргизами въ этомъ краѣ, гдѣ было учреждено нѣсколько организаціонныхъ комиссій. Труды этихъ комиссій принесли большую пользу, какъ въ административномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, ознакомивъ мѣстную власть съ нуждами и потребностями кочевого и осѣдлаго населенія и его поземельнымъ устройствомъ. Неоспоримо, что если-бы подобныя мѣры были приняты въ Западной Сибири при организаціи въ Зайсанскомъ и Усть-Каменогорскомъ уѣздахъ волостей, расположенныхъ вдоль границы съ Китаемъ, то при ближайшемъ ознакомленіи этихъ комиссій съ дѣломъ и собраніи точныхъ данныхъ о производительности степныхъ земель и количествѣ разнаго рода угодій, содѣйствующихъ развитію скотоводства, обиліи водъ, количествѣ скота и плотности населенія,—едва-ли могли возникнуть затрудненія въ надѣлѣ зимовыми стойбищами и лѣтними пастбищами всѣхъ кибитковладѣльцевъ, входившихъ въ составъ вновь образованныхъ территоріальныхъ волостей и уѣздовъ. При бывшихъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія привольѣ и широкомъ просторѣ киргизскихъ степей, обиліи угодій, которыми могли пользоваться киргизы во вновь пріобрѣтенныхъ по Пекинскому трактату мѣстностяхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ и при привлеченіи къ этому дѣлу людей, основательно знакомыхъ со степью и ея кочевымъ населеніемъ, дѣло киргизскаго землевладѣнія было-бы выведено изъ прежняго хаотическаго состоянія и организовано на прочныхъ началахъ. Если же и могли возникнуть мелочные споры между киргизами приграничныхъ волостей изъ-за зимовыхъ стойбищъ, то всѣ эти недоразумѣнія безъ всякихъ особыхъ осложненій могли быть всегда улажены миролюбивыми соглашеніями киргизъ со своими родовичами на учреждаемыхъ для сего съѣздахъ. Подобное мѣропріятіе было неоднократно примѣняемо мною во время управленія Семипалатинской областью, а также и моими предмѣстниками генералами Пановымъ и Колпаковскимъ и всегда при-

водили къ благопріятнымъ результатамъ. Самыя сложныя спорныя дѣла рѣшались скоро, миролюбиво, безъ особыхъ затрудненій и безъ участія администраціи. Польза и цѣлесообразность киргизскихъ съѣздовъ для миролюбиваго рѣшенія разнаго рода споровъ и недоразумѣній по киргизскому землевладѣнію подтверждается и заявленіемъ высказаннымъ извѣстнымъ знатокомъ киргизскаго быта и Средне-Азіатскаго востока проф. В. В. Григорьевымъ. По его мнѣнію, въ ряду мѣръ къ водворенію порядка и спокойствія въ киргизскихъ степяхъ и, главнымъ образомъ, прекращенію баранты, составляющей причину безпокойствъ въ степи и раззореній ея кочевыхъ обитателей, послужили учреждаемые имъ съѣзды султановъ правителей для разбора претендующихъ сторонъ и примиренія враждующихъ родовъ по народнымъ обычаямъ [1]).

Вообще по мнѣнію В. В. Григорьева, производство судебныхъ разбирательствъ у киргизъ по ихъ народнымъ обычаямъ выборными біями является во многихъ случаяхъ болѣе соотвѣтственнымъ сравнительно съ приложеніемъ къ нимъ формъ нашего слѣдственнаго и судебнаго дѣлопроизводства, которое всегда поселяло въ инородцахъ нерасположеніе къ нашему правительству [2]).

До заключенія Пекинскаго трактата, условною границей нашихъ владѣній съ Китаемъ, на пространствѣ отъ озера Зайсана до Тарбагатайскаго хребта, служила р. Тамырсыкъ. По западную сторону этой рѣки, т. е. въ районѣ нашихъ владѣній, издавна кочевали киргизы Муруновскихъ волостей. Но когда съ теченіемъ времени народонаселеніе у муруновцевъ увеличилось, а также умножилось и количество ихъ скота, то пастбищныхъ мѣстъ, которыми они прежде владѣли, оказалось недостаточно. Вслѣдствіе этого, муруновцы возбудили ходатайство объ удаленіи совмѣстно кочующихъ съ ними байджигитовскихъ киргизъ рода Тогасъ. Должно сказать, что около половины тогасовцевъ, а именно пять родовъ, имѣли свои лѣтнія, а частью и зимнія стойбища, также и въ китайскихъ владѣніяхъ, и платили подать китайцамъ. Между тѣмъ, Тогасовскій родъ, желая сохранить и часть искони принадлежащихъ ему зимовокъ между муруновцами; изъявилъ желаніе поступить въ подданство Россіи. Просьба тогасовцевъ не могла быть вполнѣ исполнена на томъ основаніи, что часть ихъ, платя подать китайцамъ, тѣмъ самымъ признавала себя китайскими подданными, и сверхъ того, перейдя въ русское подданство, они,

[1]) Веселовскій. В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ, стр. 207.
[2]) Тамъ же, стр. 209.

по всей вѣроятности, не оставили бы своихъ мѣстъ въ китайскихъ владѣніяхъ. А потому, во избѣжаніе столкновеній съ китайцами, генералъ Пановъ рѣшилъ ходатайствовать о принятіи въ наше подданство только тѣхъ тогасовцевъ, которые кочевали исключительно въ нашихъ владѣніяхъ, т. е. пяти родовъ. Остальные же тогасовцы, имѣвшіе свои зимовки между муруновцами, были удалены за условную границу, т. е. за р. Тамырсыкъ, особо посланнымъ отрядомъ. Въ числѣ удаленныхъ тогасовцевъ былъ и родъ байбараковцевъ. Изъ числа-же пяти родовъ тогасовцевъ, перешедшихъ въ наше поданство, одинъ родъ Джансыгулъ отказался отъ подданства. Тогда изъ остальныхъ четырехъ родовъ тогасовцевъ, по распоряженію генерала Панова, была образована Тогасовская волость, которой и были отведены зимовки отдѣльно отъ Муруновскихъ волостей въ Тарбагатайскихъ горахъ. Муруновцамъ-же, взамѣнъ уступленныхъ ими мѣстъ, были предоставлены всѣ мѣста, ранѣе занимаемыя совмѣстно съ ними, и въ томъ числѣ зимовки байбараковцевъ.

Байбараковцы, удаленные, какъ упомянуто выше, нашимъ отрядомъ въ китайскіе предѣлы за р. Тамырсыкъ, оставались тамъ до конца 1860 года, а потомъ вновь прикочевали въ наши владѣнія и заняли старыя свои зимовки между муруновцами, прежде нежели послѣдніе успѣли возвратиться съ лѣтней кочевки. Но опасаясь, что ихъ силою опять удалятъ за р. Тамырсыкъ и не имѣя за рѣкой удобныхъ стойбищъ, байбараковцы подали вновь прошеніе о принятіи ихъ въ поданство Россіи. Генералъ Пановъ, не считая съ своей стороны строго справедливымъ отнимать безвозмездно у байбараковцевъ искони принадлежащія имъ мѣста потому только, что онѣ понадобились для нашихъ киргизъ-муруновцевъ, и имѣя также въ виду, что принятіе ихъ въ подданство съ удержаніемъ за ними принадлежащихъ имъ зимовокъ будетъ слишкомъ стѣснительно для муруновцевъ, предложилъ киргизамъ черезъ ближайшее начальство, вновь образованной, какъ упомянуто выше, Тогасовской волости принять байбараковцевъ въ свою среду, предоставивъ имъ тѣ зимнія стойбища, которыя предназначались въ ихъ волости откочевавшему въ Китай Джансыгуловскому роду. Байбараковцамъ же объявить, что они могутъ принять предлагаемыя имъ мѣста въ районѣ Тогасовской волости, а занимаемыя ими зимовки въ районѣ муруновскихъ кочевьевъ уступить муруновцамъ, и притомъ строго обязать байбараковцевъ, *чтобы на лѣто они не уходили въ китайскіе предѣлы*, но кочевали въ мѣстностяхъ нашихъ владѣній вмѣстѣ съ тогасовцами.

Согласившись на это предложеніе, киргизы байбараковскаго

рода присоединили къ этому согласію и просьбу принять ихъ въ подданство Россіи, на что вскорѣ и послѣдовало разрѣшеніе.

Разсматривая приведенныя выше распоряженія генерала Панова, нельзя не признать ихъ основательными. Прежде всего, въ установленной по его указаніямъ организаціи киргизскаго землевладѣнія обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что Семипалатинское областное начальство, предварительно какихъ-либо окончательныхъ распоряженій, по заявленію муруновцевъ о недостаткѣ у нихъ пастбищныхъ мѣстъ, старалось вникнуть во всѣ подробности этого дѣла и уяснить себѣ этотъ вопросъ всестороннимъ образомъ. Этимъ только и можно объяснить, что какъ ни казался этотъ вопросъ съ перваго взгляда труднымъ и сложнымъ, онъ, при ближайшемъ ознакомленіи со всѣми обстоятельствами дѣла, былъ приведенъ къ вполнѣ благопріятному окончанію. Киргизы безпрекословно исполнили всѣ требованія и указанія областного начальства, путемъ миролюбивыхъ соглашеній между собою. Въ ряду мѣропріятій Панова по этому дѣлу обращаетъ на себя вниманіе также и то обстоятельство, что прежде чѣмъ дать ходъ ходатайству байбараковцевъ о принятіи ихъ въ наше подданство, Пановъ предварительно озаботился собраніемъ свѣдѣній о возможности размѣстить этихъ киргизъ въ средѣ своихъ родовичей и притомъ съ согласія послѣднихъ принять байбараковцевъ въ свою среду. При отводѣ же имъ достаточнаго количества пастбищныхъ мѣстъ въ приграничномъ районѣ Зайсанскаго края, на байбараковцевъ возложено было обязательство не переходить въ китайскіе предѣлы.

Изъ этого видно, что вопросъ о возможности воздержать киргизъ отъ перехода за границу былъ возбужденъ еще въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ и рѣшенъ при условіи предварительной разработки правильной организаціи киргизскаго землепользованія, соотвѣтственно нуждамъ и потребностямъ кочевого населенія. При этомъ была удовлетворена въ полной мѣрѣ и просьба муруновцевъ о расширеніи въ ихъ кочевомъ районѣ пастбищныхъ мѣстъ.

Изложенный выше подробный разборъ всѣхъ замѣчаній возражателей по вопросу о разъединеніи границею киргизскихъ родовъ приводитъ къ заключенію, что если это разъединеніе и существовало въ дѣйствительности, то оно возникло не по поводу проведенія западной китайской границы. Нарушеніе киргизскаго землевладѣнія на сѣверо-востокѣ киргизской степи было вызвано, какъ мы видѣли, возстаніемъ дунгановъ, грабежами калмыковъ, а въ особенности разгромомъ киргизъ Зайсанскаго края калмыцкими

скопищами подъ начальствомъ Чоганъ-Кегеня. Если-же это нарушеніе неблагопріятно отразилось на экономическомъ бытѣ приграничныхъ киргизъ, то всѣ эти неудобства могли быть заблаговременно предусмотрѣны и своевременно устранены принятіемъ соотвѣтственныхъ мѣръ. Къ числу ненормальностей западной китайской границы, опредѣленной Чугучакскимъ протоколомъ на основаніи Пекинскаго трактата, пограничное начальство западной Сибири относило также и перекочевки въ сопредѣльныя мѣстности Западнаго Китая нашихъ приграничныхъ киргизъ Зайсанскаго края. При всякомъ подобномъ эмиграціонномъ движеніи киргизъ, пограничное начальство постоянно выставляло, что эти движенія были вызваны неудобствами границы, опредѣленной Чугучакскимъ протоколомъ. Для подробнаго разсмотрѣнія вопроса, въ какой степени правильны и основательны эти новыя порицанія Чугучакскаго протокола, необходимо предварительно объяснить, какія побудительныя причины представляетъ собою существенный поводъ къ самовольному переходу нашихъ киргизъ за границу въ китайскіе предѣлы, и при этомъ указать и на средства къ устраненію этихъ эмиграціонныхъ движеній.

Кочевыя передвиженія киргизскихъ ауловъ и волостей представляютъ собою обычное явленіе въ степи. Только одна степь кормитъ скотъ, а потому и является необходимость содержать его круглый годъ на подножномъ кормѣ что, въ свою очередь, требуетъ перехода изъ одной мѣстности въ другую. Слѣдовательно, перекочевки, вызываемыя необходимостью, оказываются неизбѣжными при скотоводческомъ хозяйствѣ пастушескихъ племенъ. Но такія кочевыя передвиженія могутъ производиться безпрепятственно только до наступленія зимняго времени, когда киргизы по необходимости должны пріостановить свои перекочевки и расположиться на всю зиму на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, т. е. на зимнихъ стойбищахъ или зимовкахъ (кыстау). Отсюда видно, что мѣстность, избираемая для зимовокъ, должна представлять собою всѣ удобства для содержанія киргизскаго скота въ теченіе всей зимы на подножномъ кормѣ, добываемомъ изъ-подъ снѣга. Если почва на зимовкахъ оказывается производительною, т. е. на нихъ и въ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ имѣются хорошіе подножные корма, то киргизамъ въ лѣтнее время нѣтъ необходимости далѣе откочевывать отъ зимовокъ. Напротивъ того, если мѣстность на зимовкахъ пригодна для содержанія скота на подножномъ кормѣ въ зимнее время, то киргизамъ по необходимости приходится предпринимать дальніе переходы съ зимнихъ стойбищъ на лѣтнія пастбища. Такимъ обра-

зомъ, размахъ кочеваній находится въ полной зависимости отъ степени производительности почвы на зимовкахъ. Это обстоятельство находитъ себѣ наглядное подтвержденіе въ размахахъ кочевыхъ передвиженій киргизъ Тургайской и сосѣдней съ нею Акмолинской области. Такъ, по словамъ Гейнса, имѣвшаго полную возможность основательно ознакомиться съ этимъ дѣломъ въ бытность губернаторомъ Тургайской области: «киргизы Илецкаго и Николаевскаго уѣздовъ этой области, вслѣдствіе производительности страны, не откочевываютъ въ теченіе всего лѣта далѣе пятидесяти верстъ отъ своихъ зимовокъ. Киргизы же южныхъ уѣздовъ Тургайской области, мѣстность которыхъ въ знойное лѣто представляетъ собою безотрадную спаленную пустыню, ежегодно откочевываютъ за тысячу и болѣе верстъ и, чтобы пройти эту пустыню до наступленія жаровъ, начинаютъ трогаться съ зимнихъ стойбищъ въ февралѣ и мартѣ» [1]). Точно также и въ южной части сосѣдней Акмолинской области Степного Генералъ-Губернаторства, кочующіе тамъ киргизы ежегодно откочевываютъ за р. Чу въ предѣлы Сыръ-Дарьинской области Туркестанскаго края, гдѣ, за право пользованія пастбищами, уплачиваютъ Сыръ-Дарьинскимъ киргизамъ условленное число барановъ съ каждой сотни крупнаго скота, что при переводѣ на деньги составляетъ отъ 5 до 15 тыс. руб. [2]). Само правительство сознавало, что подобныя перекочевки въ своемъ источникѣ составляютъ неизбѣжное явленіе въ киргизской степи при тѣхъ формахъ хозяйства, которыя свойственны кочевому быту номадовъ и нарушеніе котораго даже опасно, потому что, оставляя скотъ безъ корма, мы неминуемо раззоримъ населеніе степей. А потому оно признало возможнымъ допустить перекочевки киргизъ изъ одной мѣстности въ другую, удаленную иногда на значительное разстояніе отъ мѣстъ, занятыхъ зимовками. Такъ, временнымъ положеніемъ объ управленіи въ областяхъ: Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской (примѣчаніе къ § 218) допущенъ переходъ Сыръ-Дарьинскихъ киргизъ во время лѣтняго кочеванія въ области Оренбургскаго вѣдомства. Во время этихъ перекочевокъ, Сыръ-Дарьинскіе киргизы подходили къ Троицку, т. е. удаляясь на 2 тыс. верстъ отъ своихъ постоянныхъ кочевокъ, т. е. зимовыхъ стойбищъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Описанныя выше дальнія перекочевки, происходящія собственно въ нашихъ предѣлахъ, принадлежатъ къ области внутреннихъ кочевыхъ передвиженій. Онѣ предпринимаются киргизами, какъ мы видѣли, въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстность, занимаемая кочевымъ населеніемъ степей на зимовыхъ стойбищахъ не отличается плодородіемъ. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, вынуждающихъ нашихъ киргизъ предпринимать переходы за границу для кочеванія въ китайскихъ владѣніяхъ.

[1]) Гейнсъ. Собраніе литературныхъ трудовъ. Часть II, стр. 569—571.

[2]) Шмидтъ. Очерки киргизской степи Акмолинской области Зап. Сиб. О. Г. О. кн. XVII, вып. 2-й, стр. 119.

Въ прежнее время, несмотря на тогдашнее приволье киргизскихъ степей, раскинувшихся на огромномъ пространствѣ отъ Урала до западныхъ предѣловъ Китая и занятыхъ исключительно однимъ кочевымъ населеніемъ, киргизы неудержимо стремились къ востоку, какъ бы увлекаемые какой-то стихійной силой. Изъ сдѣланнаго мною. выше подробнаго описанія этого движенія видно, что киргизы въ царствованіе Императора правленія Цзянь-Лунь (1736—1796) не затруднились перейти западную китайскую границу, обозначенную въ то время условно линіею постоянныхъ китайскихъ пикетовъ (Чанъ-чжу-карунь) и успѣли проникнуть во внутрь китайской Чжунгаріи, на многія сотни верстъ отъ своихъ постоянныхъ стойбищъ. Но подобныя массовыя движенія киргизъ за границу на значительныя разстоянія, происходившія въ XVIII и прошломъ столѣтіи, къ концу его уменьшились, и если встрѣчались, то какъ рѣдкое исключеніе, вызываемое, главнымъ образомъ, неурожаемъ травъ.

Эмиграція нашихъ приграничныхъ киргизъ въ китайскія владѣнія во время дунганской смуты, въ сущности была вызвана, какъ упомянуто выше, жаждою разгула и хищническими наклонностями, свойственными киргизамъ. Въ матеріальномъ отношеніи мы ничего не потеряли отъ этихъ откочевокъ. Большинство откочевавшихъ были приграничные киргизы, только что перешедшіе въ наше подданство по Пекинскому трактату, еще не принявшіе присяги и не обложенные податями. Всѣ эти киргизы почти полностью возвратились въ наши предѣлы.

Наравнѣ съ перекочевками киргизъ изъ нашихъ предѣловъ происходило эмиграціонное движеніе кочевыхъ инородцевъ въ наши владѣнія изъ сосѣднихъ провинцій Западнаго Китая и Средней Азіи. Такъ изъ отчета Туркестанскаго Генералъ-Губернатора за 1867—1881 г.г. видно, что въ періодъ съ 1867—1877 г.г. откочевало изъ края 3.894 кибитки, а переселилось въ край 6.638 кибитокъ.

По словамъ отчета, всѣ эти откочевки и прикочевки, имѣя характеръ случайный, не представляютъ собою особой важности. Такой взглядъ на эмиграціонное движеніе киргизъ за границу нельзя не признать вполнѣ правильнымъ.

Приведенныя выше фактическія свѣдѣнія о перекочевкахъ киргизъ за границу приводятъ къ заключенію, что эти перекочевки есть явленіе исключительное, вызываемое въ большинствѣ случаевъ безвыходнымъ положеніемъ, въ которое бываютъ поставлены киргизы, по причинѣ неблагопріятно сложившихся атмосферныхъ и метеорологическихъ крайностей, иногда совершенно измѣняющихъ нормальную климатизацію киргизскихъ степей. Бываютъ случаи, когда отъ сильныхъ жаровъ уничтожается вся травяная растительность. Такой случай былъ, по словамъ Носилова, лѣтомъ 1902 г., когда жары въ киргизской степи доходили до 40° и больше, степная земля накалялась, словно камень, а травяная растительность вяла, будто сжигаемая огнемъ; повсемѣстная засуха охватила собою громадное пространство по всему Иртышу, вплоть до предгорій Южнаго Алтая. Но и помимо неурожая травъ и засухи, вызывающихъ, какъ мы видѣли, перекочевки киргизъ за границу, они, повидимому, могутъ предпринимать подобныя эмиграціонныя движенія и при обыкновенныхъ нормальныхъ атмосферныхъ условіяхъ, свойственныхъ климату киргизскихъ степей, а именно: въ тѣхъ случаяхъ, когда почва кочевыхъ земельныхъ районовъ и, главнымъ образомъ, зимовокъ, оказывается непроизводительною. Тогда киргизы бываютъ вынуждены дѣлить данныя перекочевки по отношенію къ кочевому населенію южныхъ уѣздовъ Тургайской и Акмолинской областей. Но должно замѣтить, что это обстоятельство составляетъ отрицательное условіе для приграничной части Семипалатинской области, гдѣ не находится такихъ обширныхъ и притомъ сплошныхъ безлѣсныхъ и пустынныхъ пространствъ, какъ это наблюдается въ южныхъ частяхъ означенныхъ двухъ областей, гдѣ растительность, по словамъ Гейнса, повсемѣстно бѣдная и чахлая, произростаетъ преимущественно во впадинахъ и прогалинахъ. Среди знойнаго лѣта въ этой безотрадной и спаленной пустынѣ, не только невозможно жить человѣку со стадами, но даже и одиночному всаднику не всегда безопасно проѣхать ее въ нѣкоторыхъ направленіяхъ [1]).

Въ Семипалатинской области, если и встрѣчаются небольшие непроизводительные участки земель, то они расположены спорадически, и во всякомъ случаѣ не могутъ оказать никакого вліянія на производство дальнихъ перекочевокъ. А потому, помимо приведенныхъ выше чрезвычайныхъ обстоятельствъ, т. е. при нормальныхъ климатическихъ атмосферныхъ условіяхъ въ степяхъ, приграничнымъ Семипалатинскимъ киргизамъ нѣтъ никакого по-

[1]) Гейнсъ. Собраніе Литературныхъ Трудовъ, ч. II, стр. 569.

вода предпринимать подобныя дальнія перекочевки, а тѣмъ болѣе переходить за границу для кочеванія въ китайскихъ предѣлахъ. Но если эти перекочевки въ дѣйствительности все таки существуютъ, и при нормальныхъ атмосферныхъ условіяхъ степного климата, то причину ихъ должно искать въ какихъ-либо другихъ постороннихъ обстоятельствахъ, неотразимо вліяющихъ на эти перекочевки и неотступно вынуждающихъ нашихъ киргизъ къ подобнымъ эмиграціоннымъ движеніямъ за границу. Если вникнуть болѣе вдумчиво въ это дѣло, то нельзя не остановиться на связи его съ киргизскимъ землевладѣніемъ въ Зайсанскомъ краѣ. Выше мною было подробно объяснено, что въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ калмыцкаго погрома и дунганскаго возстанія, землевладѣніе въ Зайсанскомъ краѣ подверглось полнѣйшему разстройству. Когда же всѣ эти безпокойства улеглись, и самая граница съ Западнымъ Китаемъ была опредѣлена по Чугучакскому протоколу точнымъ образомъ, мы всегда имѣли полную возможность разобраться въ этомъ дѣлѣ при участіи самихъ же киргизъ изъ класса людей, наиболѣе вліятельныхъ въ народѣ и пользующихся его полнымъ довѣріемъ, и при содѣйствіи свѣдущихъ должностныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ со степью и ея населеніемъ. Такъ дѣйствовали управлявшие степной областью генералы Пановъ и Колпаковскій, и опытъ показалъ всю правильность и основательность ихъ распоряженій.

Наконецъ, и самое положеніе 1868 г. объ управленіи въ областяхъ киргизской степи, имѣвшее въ данномъ случаѣ обязательную силу закона, ясно указывало, какъ должно было дѣйствовать для водворенія въ Зайсанскомъ краѣ прочной организаціи киргизскаго землевладѣнія. Подробное же развитіе мѣръ, указанныхъ въ общихъ чертахъ въ означенномъ положеніи, могло быть опредѣлено особой инструкціей Зайсанскому приставу, подобной той, которая была дана въ совершенно однородномъ случаѣ Туркестанскимъ Генералъ-Губернаторомъ К. П. Кауфманомъ, а также и Гейнсомъ. Обѣ эти инструкціи могутъ служить поучительнымъ примѣромъ для руководства въ подробныхъ случаяхъ. Не менѣе поучительнымъ слѣдуетъ признать и приведенное выше распоряженіе генерала Панова объ отводѣ пастбищныхъ мѣстъ пограничнымъ киргизамъ Кокпектинскаго округа Байджигитовскаго рода— муруновцамъ и байбараковцамъ съ обязательствомъ не переходить для кочеванія въ китайскіе предѣлы, что и было ими добросовѣстно исполнено. Но какъ ни казались бы поучительными эти примѣры, на нихъ не было обращено должнаго вниманія, и киргизскія дѣла нерѣдко поручались лицамъ, совершенно незнакомымъ съ краемъ.

Такъ по принятіи киргизъ Зайсанскаго края въ русское подданство и введенія у нихъ нашего управленія, а также правильной организаціи во вновь присоединенномъ краѣ киргизскаго землевладѣнія, нарушаемаго, какъ мы видѣли, во время безпокойствъ и волненій, происходившихъ въ этомъ краѣ, дѣло государственной важности было передано Хрущовымъ лицамъ, только что передъ этимъ прибывшимъ въ край и не имѣвшимъ никакого понятія о киргизахъ и о киргизскихъ степяхъ. Между тѣмъ, въ подобныхъ случахъ свѣдущія должностныя лица могутъ принести огромную пользу. Гейнсъ приводитъ нѣсколько примѣровъ того важнаго авторитетнаго значенія, которое имѣютъ въ средѣ киргизъ лица, основательно знакомыя съ краемъ и изучавшія всестороннимъ образомъ киргизское землепользованіе и бытовыя условья этого народа. Такія лица пріобрѣтаютъ въ степи большое вліяніе. Они, въ качествѣ третейскихъ судей, мирятъ ссорящихся, останавливаютъ баранту и разбираютъ семейныя дѣла. Къ числу такихъ лицъ, пользовавшихся полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ народа въ степяхъ Оренбургскаго вѣдомства, по словамъ Гейнса, принадлежали: начальникъ Тургайскаго уѣзда полковникъ Яковлевъ и Перовскаго—Бонча-Осмоловскій, къ которому въ фортъ Перовскій, для разбора спорныхъ дѣлъ, пріѣзжали киргизы изъ Хивы и Бухары, причемъ рѣшенія и совѣты Осмоловскаго принимались киргизами безапелляціонно и окончательно [1]). Въ Западной Сибири, во времена князя Горчакова, подобной же репутаціей пользовался казачій офицеръ Нюхаловъ, который былъ въ то же время и грозою киргизскихъ хищниковъ. На возможность же разобраться при распредѣленіи киргизами лѣтнихъ и зимнихъ пастбищныхъ мѣстъ, т. е. въ дѣлѣ киргизскаго землепользованія, даже въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ указываетъ и Гейнсъ. Такъ, по его словамъ, киргизы южныхъ уѣздовъ Тургайской области, вынужденные откочевывать на лѣтнее время на сѣверъ, появлялись въ кочевомъ районѣ киргизъ Николаевскаго и Илецкаго уѣздовъ. Кочуя со своими стадами около зимовокъ Илецкихъ и Николаевскихъ киргизъ, пришельцы съ юга травили луга и пашни, истребляли накошенное сѣно и лѣсныя заросли. Для устраненія этихъ безпорядковъ безъ вреда для прикочевывающихъ киргизъ и для поддержанія у нихъ административнаго порядка, Гейнсъ находилъ полезнымъ, чтобы уѣздные начальники собрали объ этомъ вопросѣ самыя подробныя свѣдѣнія и тщательно разспросили-бы знающихъ киргизовъ о томъ, какими мѣрами можно охранить зимовки Илецкихъ и Николаевскихъ киргизъ отъ опустошеній, произведенныхъ прикочевывающими стадами, иногда намѣренно направляемыми на пашни, покосы и луга [1]). Такой взглядъ нельзя не признать правильнымъ и доставляющимъ полную возможность найти разумный modus vivendi, и тѣмъ устранить всѣ безпорядки въ киргизскомъ землевладѣніи. Отсюда видно, что и пограничное начальство Западной Сибири всегда имѣло возможность всѣ неурядицы, возникавшія на китайской границѣ, сопредѣльной съ Зайсанскимъ краемъ, вслѣдствіи ненормальностей киргизскаго землевладѣнія, заставить киргизъ Зайсанскаго края улаживать мирнымъ путемъ, руководствуясь тѣми соображеніями, которыя были подробно изложены выше.

[1]) Гейнсъ. Собраніе Литературныхъ трудовъ, ч. II, стр. 606.

Не подлежитъ сомнѣнію, что будь сдѣланы своевременно всѣ эти распоряженія относительно правильнаго распредѣленія зимовокъ между пограничными киргизами и рѣшенія всѣхъ ихъ поземельныхъ споровъ, не могло быть никакихъ столкновеній и неурядицъ въ средѣ этихъ киргизъ, а также и откочевокъ ихъ за границу. Но если заграничныя перекочевки въ дѣйствительности и происходили, и притомъ при нормальныхъ условіяхъ степного климата, то это должно отнести къ неумѣнію взяться за дѣло ближайшихъ пограничныхъ администраторовъ. Можно сказать, что пограничное начальство, вмѣсто того, чтобы всячески воздержать киргизъ отъ перехода за границу принятіемъ своевременныхъ и надлежащихъ мѣръ, само подготовило и вызвало подобныя перекочевки. Для разъясненія и подтвержденія этого обстоятельства, достаточно указать на принятіе въ наше подданство китайскихъ киргизъ въ періодъ съ 1868—1875 г. г. Въ 1870 г. Туркестанскій Ген.-Губ. ходатайствовалъ о принятіи 400 юртъ сайбулатовцевъ, прикочевавшихъ въ районъ Туркестанскаго края въ русское подданство. Заявивъ Туркестанскому начальству эту просьбу, сайбулатовцы вслѣдъ затѣмъ откочевали изъ Туркестанскаго края. Оказалось, что когда Ген.-Губ. К. П. Кауфманъ получилъ Высочайшее разрѣшеніе о принятіи ихъ въ русское подданство, сайбулатовцевъ уже не было въ Туркестанѣ, а они оказались въ Зайсанскомъ уѣздѣ. Но если перекочевка сайбулатовцевъ въ Сибирскую киргизскую степь произошла самовольно, безъ предварительнаго соглашенія между главными начальниками Туркестанскаго края и Западной Сибири, то оставлять ихъ на жительство въ районѣ Зайсанскаго уѣзда не было никакихъ основаній. Этихъ кочевниковъ слѣдовало-бы удалить обратно

[1]) Гейнсъ. Собраніе литературн. трудовъ. Ч. II. Стр. 582.

въ Туркестанскій край для поселенія въ средѣ тамошнихъ киргизъ, тѣмъ болѣе, что и самый вопросъ о принятіи ихъ въ русское подданство былъ возбужденъ Туркестанскимъ начальствомъ, но сайбулатовцы были оставлены въ Зайсанскомъ уѣздѣ. Во всякомъ случаѣ, предварительно поселенія сайбулатовцевъ въ этомъ уѣздѣ, мѣстному пограничному начальству слѣдовало-бы собрать свѣдѣнія: какіе эти киргизы, гдѣ они прежде кочевали, въ какихъ отношеніяхъ они находились къ нашему правительству, какія обстоятельства вынудили ихъ ходатайствовать о принятіи въ русское подданство, не послужитъ-ли это принятіе нарушеніемъ существующихъ трактатовъ съ Китаемъ, а въ особенности V ст. Чугучакскаго протокола, а главное—есть-ли для водворенія ихъ на лѣтнихъ, а въ особенности на зимнихъ стойбищахъ, свободныя мѣста въ районѣ кочевыхъ надѣловъ нашихъ киргизъ Зайсанскаго уѣзда, и согласны-ли послѣдніе принять сайбулатовцевъ въ свою среду. Повидимому, эти свѣдѣнія не были собраны, и 400 юртъ сайбулатовцевъ, по сдѣланному мѣстнымъ начальствомъ распоряженію, водворены между киргизами Зайсанскаго уѣзда. Вслѣдъ за этимъ водвореніемъ, мѣстное пограничное начальство разрѣшило принять въ русское подданство еще около 200 юртъ сайбулатовцевъ.

Такое поселеніе значительной части сайбулатовскихъ киргизъ въ районѣ Зайсанскаго уѣзда безъ всякаго соображенія въ закономѣрности принятія ихъ въ наше подданство, а главное, съ возможностью размѣстить этихъ новыхъ подданныхъ въ средѣ нашихъ приграничныхъ киргизъ, и безъ того уже стѣсненныхъ въ своемъ землевладѣніи водвореніемъ на границѣ казачьихъ поселеній, едва-ли можетъ быть оправдано съ экономической точки зрѣнія. Оно неминуемо послужило къ стѣсненію нашихъ киргизъ, которое еще болѣе усилилось съ воспрещеніемъ киргизамъ Усть-Каменогорскаго уѣзда кочевать въ Алтайскомъ горномъ округѣ. Стѣсненіе въ своихъ кочевьяхъ при неурожаѣ травъ и засухѣ, киргизы естественнымъ образомъ стремились искать большаго простора въ земляхъ и уходили за границу въ китайскіе предѣлы, гдѣ часть ихъ, ссылаясь на недостатокъ у насъ пастбищъ, распахивала пашни, а другая часть, спустившись съ Тарбагатайскихъ горъ въ долину р. Эмиля и постепенно подвигаясь къ востоку, въ районѣ китайской Чжунгаріи, остановилась на Джаарѣ, т. е. въ 100 верстахъ отъ нашей границы.

Описанное выше откочеваніе нашихъ приграничныхъ киргизъ въ китайскіе предѣлы, представляло собою двоякое неудобство. При всякомъ подобномъ откочеваніи ауловъ, мѣста ихъ тотчасъ-же самопроизвольно занимались киргизами, оставшимися въ нашихъ предѣлахъ, причемъ нерѣдко вліятельные ордынцы захватывали для своихъ двухъ или трехъ юртъ пространство, на которомъ могъ-бы помѣститься цѣлый аулъ. А это въ свою очередь подавало поводъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ и столкновеніямъ между киргизами. Во-вторыхъ, киргизы откочевавшіе въ Китай, какъ впослѣдствіи оказалось, были облагаемы китайскими властями стѣснительными повинностями. Внося намъ кибиточную подать, уплачивая китайцамъ за пастбищныя мѣста, и, наконецъ, неся, какъ сказано выше, еще и повинности, налагаемые на нихъ китайцами, наши киргизы находились въ то время, какъ-бы на положеніи двоеданцевъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда въ Зайсанскомъ краѣ существовала совершенная неопредѣленность границъ, значительно облегчавшая перекочевки нашихъ киргизъ въ китайскіе предѣлы за черту примѣрно намѣченной условной границы, эти перекочевки не производились въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это дѣлалось впослѣдствіи, въ семидесятыхъ годахъ. Такое усиленіе киргизской эмиграціи, повидимому, произошло отъ нашей собственной непредусмотрительности. Если бы при самомъ принятіи Зайсанскихъ киргизъ въ русское подданство было установлено въ этомъ краѣ правильно организованное кочевое землевладѣніе, то перекочевки киргизъ за границу, не вызываемыя крайностью, устранились бы сами собою. Наблюдать же, чтобы они не возобновлялись на будущее время, не могло быть затруднительно, потому что на границѣ ежегодно выставлялась въ тѣ времена цѣлая цѣпь сильныхъ отрядовъ. Постоянно и неуклонно преслѣдуя эту цѣль, т. е. не допуская приграничныхъ киргизъ перекочевывать въ Китай, можно было бы мало по малу пріучить ихъ къ мысли о возможности кочевать въ предѣлахъ районовъ внутри нашихъ владѣній. Пограничное же начальство семидесятыхъ годовъ имѣло другой взглядъ на это дѣло. Несмотря на переходъ въ наше подданство значительнаго числа киргизовъ по Пекинскому трактату, мы всѣми мѣрами продолжали увеличивать это число, не соображаясь съ тогдашними условіями и требованіями экономическаго быта Зайсанскихъ киргизовъ. Увеличеніе въ этомъ отношеніи доходило до того, что мѣстное областное начальство ходатайствовало въ 1871 г. о принятіи въ русское подданство 500 юртъ киреевскихъ киргизъ, постоянно кочующихъ въ китайскихъ предѣлахъ. Въ принятіи же въ наше подданство возможно большаго числа юртъ, для увеличенія аульнаго податного обложенія, повидимому, преслѣдовалась лишь цѣль

безъ всякаго соображенія съ возможностью водворить новыхъ подданныхъ въ такомъ значительномъ числѣ, не стѣснивъ нашихъ киргизъ въ пользованіи пастбищными мѣстами, соотвѣтственно размѣрамъ хозяйства и количеству скота, и вообще безъ нарушенія ихъ экономическаго быта. Цѣль эта, какъ показалъ опытъ, не только не была достигнута, но привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ: киргизы нисколько не были сосредоточены, но, наоборотъ, разогнаны изъ нашихъ предѣловъ. Отъ этого на западной китайской границѣ не могло образоваться такого тѣснаго сближенія инородцевъ съ русскими, подобно тому, какъ это издавна установилось на нашей восточной границѣ съ Китаемъ. Въ Восточной Сибири, по словамъ лицъ, вполнѣ знакомыхъ съ краемъ и основательно изучившихъ инородческій вопросъ, мѣстное начальство успѣло привязать къ себѣ инородцевъ. Эта мѣра имѣла хорошую сторону въ томъ отношеніи, что пограничные инородцы были всегда хорошими плательщиками ясака и занимались земледѣліемъ. Слѣдствіемъ этого было то, что инородцы Восточной Сибири обжились и сошлись съ нами, и изъ Монголіи переходили къ намъ цѣлые роды [1]).

Такъ въ 1730—1731 годахъ, перекочевало изъ Монголіи въ Россію 3.839 семействъ. Такая эмиграція монголовъ въ наши предѣлы приняла въ началѣ XVIII ст. самые обширные размѣры, что оказалось необходимымъ остановить дальнѣйшее ихъ переселеніе, въ виду затрудненій размѣстить ихъ въ районѣ нашихъ владѣній, а болѣе потому, что принятіе ихъ въ подданство Россіи составляло прямое нарушеніе заключенныхъ нашихъ трактатовъ съ китайцами. Вслѣдствіе чего, принятыми пограничнымъ начальствомъ Восточной Сибири мѣрами, монголы были обращаемы въ китайскіе предѣлы.

Въ то время, какъ въ Западной Сибири инородцевъ разогнали, и между ними образовалась разъединенность, въ Восточной Сибири часть русскаго населенія пополнялась пришельцами изъ инородцевъ, которые постепенно слились съ русскими. Разсматривая всѣ изложенныя выше соображенія, относительно перекочевокъ киргизъ за границу во всей ихъ совокупности, должно придти къ заключенію, что это движеніе было подготовлено самимъ пограничнымъ начальствомъ, которое не озаботилось ввести правильную организацію киргизскаго землевладѣнія и землепользованія въ Зайсанскомъ и Курчумскомъ краѣ. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ принятіи въ наше подданство разныхъ киргизскихъ родовъ извнѣ

[1]) Ровинскій. Очерки Восточной Сибири. Древняя и Новая Россія. Стр. 73.

и при водвореніи ихъ въ районѣ Зайсанскаго уѣзда, не были приняты во вниманіе мѣстныя обстоятельства края и условія экономическаго характера, допускающія возможность такого водворенія.

Таковы были главныя и существенныя причины, вызывавшія перекочевки Зайсанскихъ киргизъ за границу при нормальныхъ атмосферныхъ условіяхъ. Причины эти не имѣли никакой связи съ дѣломъ опредѣленія западной китайской границы, а потому и выставлять эту границу главнымъ поводомъ, вызвавшимъ заграничныя перекочевки киргизъ, какъ это дѣлали возражатели, не имѣетъ никакихъ основаній. Такое мнѣніе очень странно даже съ теоретической точки зрѣнія. Установленіе точныхъ границъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ пастушескими племенами, должно скорѣе, за исключеніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, воздерживать кочевыхъ обитателей степи отъ перехода за границу. Неопредѣленная же граница даетъ болѣе широкій просторъ и болѣе поводовъ къ произвольному и совершенно безнаказанному переходу изъ предѣловъ одного государства въ другое и весьма часто бываетъ причиною безпорядковъ, происходящихъ на границѣ.

Наконецъ, явная несостоятельность ссылки мѣстнаго пограничнаго начальства на неудобства пограничной черты, опредѣленной Пекинскимъ трактатомъ и Чугучакскимъ протоколомъ по отношенію къ перекочевкамъ киргизъ за границу, уже помимо всего подробно изложеннаго выше, подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что замѣчаній о какихъ-либо неудобствахъ западной китайской границы никогда не было сдѣлано со стороны бывшихъ военныхъ губернаторовъ Семипалатинской области: Панова и Колпаковскаго. Спрашивается: отчего же послѣ 1868 года, когда обстоятельства на западной китайской границѣ, повидимому, не измѣнились, начали поступать заявленія, что причина пограничныхъ осложненій происходитъ отъ неудобствъ границы, опредѣленной Пекинскимъ трактатомъ. Неосновательность этихъ заявленій, уже помимо ихъ голословности и бездоказательности, тѣмъ болѣе не можетъ быть оправдана, что въ то же время отъ Семирѣченскаго областного начальства не было сдѣлано никакихъ отзывовъ о неудобствахъ западной китайской границы, несмотря на то, что Семипалатинская граница находилась въ болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Зайсанская, потому что разъединяла собою не одну, а нѣсколько народностей. Такъ во время дунганскаго возстанія всѣ эти народности: дунганы, таранчи и киргизы были разъединены границею, причемъ одна часть каждой изъ этихъ народностей находилась въ китайскихъ, а другая въ русскихъ

владѣніяхъ, и особенно важныхъ неудобствъ отъ этого не наблюдалось. Напротивъ того, по справедливому замѣчанію А. Ѳ. Костенко, отъ переселенія въ наши владѣнія части китайскихъ дунганъ (8.809 душъ) мы пріобрѣли даже выгоды въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, какъ это было подробно разъяснено выше. Это обстоятельство служитъ нагляднымъ подтвержденіемъ, что Семирѣченское областное начальство всегда было вполнѣ основательно ознакомлено съ мѣстными условіями края на юго-востокѣ киргизской степи и въ совершенствѣ изучило бытъ и потребности кочевого населенія.

Изъ всего вышеизложеннаго относительно перекочевокъ киргизъ за границу, должно придти къ заключенію, что перекочевки представляютъ собою явленія временныя и случайныя. Онѣ оказываются неизбѣжными при кочевомъ хозяйствѣ киргизъ, а потому всякое стремленіе пріостановить или ограничить эти перекочевки не только за границу, но и изъ однихъ уѣздовъ въ другіе одной и той же области, можетъ потрясти экономическій бытъ киргизъ и привести ихъ къ совершенному раззоренію. По словамъ Гейнса, всякое запрещеніе киргизамъ южныхъ уѣздовъ Тургайской области переходить на лѣтнее время за уѣздную границу въ предѣлы сѣверныхъ уѣздовъ Илецкаго и Николаевскаго было бы равносильно смертному приговору, произнесенному надъ 50 тыс. кибитокъ и 200 тыс. душъ кочевого населенія, зимующихъ въ тѣхъ частяхъ степи, въ которыхъ лѣтомъ невозможно прокармливать стада. Все это сознавало и правительство, допустившее, какъ мы видѣли, подобныя перекочевки даже за границы генералъ-губернаторскихъ районовъ. Если допустить закономѣрнымъ путемъ въ нашихъ предѣлахъ отдаленныя перекочевки, то запрещать или препятствовать нашимъ киргизамъ откочевывать на меньшія разстоянія, хотя бы и за границу, нѣтъ никакихъ основаній, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда кочевое населеніе степей бываетъ поставлено въ безвыходное положеніе, вслѣдствіе безкормицы, происшедшей отъ неурожая травъ по случаю необычайной засухи. Притомъ всѣ наши киргизы, откочевывавшіе въ Китай, какъ показываетъ опытъ по мгновенной надобности въ пастбищныхъ мѣстахъ за границею всегда возвращались въ наши предѣлы. Въ данномъ случаѣ дѣло осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, судя по бывшимъ примѣрамъ, при переходѣ нашихъ киргизъ за границу, могутъ произойти столкновенія ихъ съ китайскими инородцами, а это повлечетъ за собою протесты со стороны мѣстныхъ китайскихъ властей. Для отвращенія этого казалось бы возможнымъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе неуро-

жая травъ и безкормицы въ приграничномъ районѣ нашей степи, киргизы бываютъ поставлены въ безвыходное положеніе, и имъ для спасенія стадъ необходимо, во что бы то ни стало, перейти въ китайскіе предѣлы съ цѣлью воспользоваться тамъ пастбищными мѣстами, то это дѣло можетъ быть организовано дипломатическимъ путемъ, посредствомъ предварительныхъ соглашеній съ мѣстнымъ китайскимъ начальствомъ, при обязательномъ посредствѣ нашего Чугучакскаго консула. По крайней мѣрѣ, въ восьмидесятыхъ годахъ, прошлаго столѣтія, когда консуломъ былъ Н. Н. Балкашинъ, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ и особымъ расположеніемъ Чугучакскаго Хэбэй-Амбаня Силуня, можно было дѣлать съ китайцами все, что угодно. А потому временный отводъ въ сопредѣльной части китайскихъ владѣній пастбищныхъ мѣстъ для нашихъ киргизъ за умѣренное вознагражденіе не могъ встрѣтить никакихъ затрудненій. Подобное пользованіе пастбищами за опредѣленную заранѣе плату нашими киргизами Акмолинской обл. у киргизъ Сыръ-Дарьинской области установилось, какъ мы видѣли, съ давняго времени и не вызывало особенныхъ неудобствъ по отношенію къ перекочевкамъ. Если же возражатели и мѣстное начальство придавало особенную важность этимъ перекочевкамъ, то это показываетъ малое знакомство съ внутреннимъ бытомъ киргизскаго народа. Нельзя упускать изъ вида, что киргизская жизнь сложилась подъ вліяніемъ совершенно другихъ природныхъ условій и особенностей, которыя рѣзко ее отличаютъ отъ жизни культурныхъ народовъ, а потому въ дѣлѣ управленія киргизами всякое сужденіе о нѣкоторыхъ проявленіяхъ киргизской жизни съ нашей точки зрѣнія будетъ ошибочнымъ. Такъ напримѣръ, разъединеніе границею нѣкоторыхъ киргизскихъ семействъ, на что всегда указывали возражатели, придавая ему важное значеніе, — съ перваго взгляда можетъ показаться ненормальнымъ, но это только въ теоріи, а въ дѣйствительности, у киргизъ подобное явленіе считается зауряднымъ, которымъ они нисколько не тяготятся.

Такъ, даже и въ настоящее время, послѣ окончательной постановки границы на основаніи Петербургскаго трактата 1881 г., у киргизъ Зайсанскаго края нерѣдко встрѣчается раздѣленіе семействъ. Напримѣръ: отецъ значится въ Россіи, сынъ въ Китаѣ; одинъ братъ въ Китаѣ, а другой обязательно въ Россіи; имѣющій двухъ женъ—одна изъ нихъ значится подданной Китая, гдѣ и проживаетъ [1]). Кромѣ того, здѣсь наблюдается также и другое

[1]) Семипалатинскій Листокъ. 1904 г. № 76. «Гор. Зайсанъ».

явленіе, имѣющее исключительный своеобразный характеръ, а именно, что пограничные киргизы обоихъ государствъ на лѣтовкахъ сходятся вмѣстѣ [1]). А потому разобраться въ переходахъ киргизами границы и другихъ пограничныхъ нарушеніяхъ, издавне установившимися у киргизъ, нѣтъ никакой возможности. Послѣ этого дѣлается понятнымъ, что описанныя выше ненормальности на китайской границѣ имѣютъ своимъ источникомъ своеобразныя и бытовыя особенности киргизской кочевой жизни, сложившейся вѣками, ненормальности составляютъ обычное явленіе, не представляющее для нихъ никакихъ затрудненій и стѣсненій, и приравнивать ихъ къ неудобствамъ, будто бы крайне обременительнымъ для тѣхъ же самыхъ киргизовъ,—нѣтъ никакихъ логическихъ основаній. Точно также нельзя придавать и заграничнымъ перекочевкамъ какого-либо значенія въ политическомъ отношеніи. Генералъ-Губернаторы Казнаковъ, Мещериновъ и Колпаковскій находили, что подобное эмиграціонное движеніе киргизъ имѣетъ исключительно мѣстное значеніе. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ всегда раздѣляло правильность этого взгляда, но при Хрущовѣ существовади другія воззрѣнія на этотъ вопросъ. Всѣ ненормальности, безпорядки и неурядицы объяснялись неудобствомъ границы, опредѣленной Чугучакскимъ протоколомъ. Однимъ словомъ, Чучугакскій протоколъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ игралъ роль какого-то козла отпущенія. Мы уже видѣли, что такое мнѣніе пограничнаго начальства было голословнымъ и не имѣло никакого твердаго критеріума. Подтвержденіемъ этому можетъ служить то обстоятельство, что при новомъ Генералъ-Губернаторѣ Н. Г. Казнаковѣ, имѣвшемъ правильный взглядъ на наши пограничныя дѣла съ Китаемъ и не допустившаго отъ подчиненныхъ ему губернаторовъ голословныхъ и необдуманныхъ представленій на неудобство границы, подобныя описаннымъ выше, сразу прекратились и болѣе не поступали, хотя положеніе дѣлъ на границѣ нисколько не измѣнилось противъ прежняго времени. Уже одно это обстоятельство можетъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ неправильныхъ и легкомысленныхъ взглядовъ пограничнаго начальства Зап. Сибири на Чугучакскій протоколъ, какъ на главную причину эмиграціоннаго движенія нашихъ киргизъ въ китайскія владѣнія. Разсматривая приведенныя выше соображенія относительно перехода нашихъ киргизъ за границу во всей ихъ совокупности, должно притти къ заключенію, что дѣло подобныхъ эмиграціонныхъ движеній нашихъ киргизовъ въ

[1]) Тамъ же.

китайскіе предѣлы есть вопросъ будущаго. Выпуклымъ фактомъ служащимъ нагляднымъ показателемъ въ начавшейся уже перемѣнѣ въ образѣ жизни кочевого населенія степей, служитъ, между прочимъ, образованіе земледѣльческихъ поселковъ изъ крещеныхъ киргизъ въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ Семипалатинской области.

При окончательномъ устройствѣ села „Починнаго" Семипалатинской обл. были переселены проживавшіе въ немъ 35 киргизскихъ семействъ на положеніе крестьянъ и съ надѣломъ ихъ землею [1]). Такимъ образомъ, на нашихъ глазахъ совершился переворотъ въ киргизскомъ землевладѣніи, и какъ ни кажется тяжелымъ для кочевыхъ обитателей степей переходъ отъ обычнаго имъ скотоводческаго хозяйства къ новымъ формамъ экономическаго быта, но рано или поздно онъ долженъ неминуемо совершиться подъ напоромъ могучихъ двигателей современнаго прогресса, постепенно измѣняющихъ современныя условія кочевой жизни. Таковыми являются въ настоящемъ случаѣ: переселенческое движеніе и проведеніе великаго Сибирскаго пути.

Къ числу неудобствъ китайской границы, установленной Пекинскимъ трактатомъ, пограничное начальство относило также и трудность переѣзда изъ г. Зайсана въ Курчумскій и Бухтарминскій край. Эта трудность заключалась въ разливѣ р. Кендерлика и необходимости переправляться черезъ Черный Иртышъ, а при дальнѣйшемъ слѣдованіи, на сѣверную сторону озера Зайсана, приходилось нарушать китайскую территорію и переваливать черезъ горы Большого Алтая. Чтобы избѣжать эти трудности, Зайсанскій приставъ долженъ былъ предпринимать круговой путь на западную строну озера Зайсана. Такая трогательная заботливость пограничнаго начальства о Зайсанскомъ приставѣ оказывается непонятною. Прежде всего должно сказать, что если правительство предоставляетъ всѣмъ служащимъ въ киргизской степи право пользоваться усиленнымъ содержаніемъ, а также и другими преимуществами по службѣ, то оно имѣетъ полное основаніе требовать отъ служащихъ исполненія ихъ обязанностей при неблагопріятныхъ климатическихъ и другихъ мѣстныхъ условіяхъ, которыя повсюду встрѣчаются въ отдаленныхъ и пустынныхъ мѣстностяхъ на нашихъ азіатскихъ окраинахъ. Но въ данномъ случаѣ, Зайсанскій приставъ могъ совершить переѣздъ въ Курчумскій край безъ всякаго затрудненія, а тѣмъ болѣе какихъ-либо лишеній. Для этого слѣдовало направиться изъ Зайсана прямою дорогой на Черный Иртышъ, гдѣ и переправиться на лодкѣ или на

[1]) Семипалатинскій Листокъ. 1904 г. № 78 стр. 3.

паромѣ на правый берегъ и затѣмъ слѣдовать далѣе прямымъ путемъ въ Курчумскій край. При этомъ приходилось переѣзжать небольшой участокъ китайской территоріи, шириною около тридцати верстъ, и упирающійся въ восточную оконечность озера Зайсана. Если этотъ тридцативерстный переѣздъ областное начальство считало нарушеніемъ китайской территоріи, то очевидно, что это относится ко времени до 1881 года. Въ 1881 г., какъ извѣстно, состоялась ратификація Петербургскаго трактата, по которому граница въ этой мѣстности была отодвинута къ востоку отъ озера Зайсана на рѣку Алкабекъ. А потому съ этого времени, т. е. съ 1881-го года, весь переѣздъ Зайсанскаго пристава изъ г. Зайсана въ Курчумскій и Бухтарминскій край проходилъ полностью въ районѣ нашихъ владѣній, и слѣдовательно, о какомъ-либо нарушеніи китайской территоріи не могло быть и рѣчи. Но если вникнуть въ это дѣло, то окажется, что и до 1881 г. въ сущности не могло быть нарушенія китайской территоріи. Пограничные рубежи на нашихъ азіатскихъ окраинахъ не имѣютъ ничего общаго съ границами между государствами Западной Европы. Азіатскую границу, строго говоря, нельзя приравнивать къ европейской и смотрѣть на нее такъ, какъ мы смотримъ на границу между Германіей и Франціей или между Франціей и Бельгіей. Нарушеніе азіатскихъ границъ постоянно происходитъ и составляетъ обыкновенное явленіе. При необъятныхъ Сибирскихъ пространствахъ, громадномъ протяженіи нашей границы съ Китаемъ, доходящей почти до 12 тыс. верстъ, незначительномъ числѣ войскъ расположенныхъ въ этихъ краяхъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, представляло громадныя затрудненія для охраны границы и наблюденія за ней. Вслѣдствіе чего пограничный надзоръ былъ такъ слабъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти не существовалъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ по отношенію къ охранѣ границы, пустынномъ и дикомъ характерѣ страны, грубомъ и полуварварскомъ состояніи приграничныхъ инородцевъ, переходы черезъ границу въ китайскіе предѣлы и обратно производились повсемѣстно и безпрепятственно. Пограничныя власти, какъ наши, такъ и китайскія, несмотря на всѣ принимаемыя ими мѣры, съ цѣлью воспрепятствовать этому, оказались безсильными на практикѣ. Дѣло доходило до того, что въ странѣ верховьевъ р. Енисея, которыя находятся въ китайскихъ владѣніяхъ, еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, явились русскіе золотопромышленники. По составленной оффиціальной справкѣ на пріискахъ, расположенныхъ по р. Сесда-Кемъ и находящихся въ китайскихъ

предѣлахъ, съ 1838 по 1881 г. добыто 464 п. 21 ф. шлиховаго золота на сумму 9½ милл. рублей.

Совершенно въ такихъ же условіяхъ по отношенію къ безпрепятственному переходу въ китайскіе предѣлы находилась въ семидесятыхъ годахъ и наша Зайсанская граница. Въ мѣстности, сопредѣльной съ озеромъ Зайсаномъ и въ долинѣ лѣваго берега Чернаго Иртыша, начиная съ весны, когда въ тѣхъ мѣстахъ появляется невообразимое количество мошекъ и оводовъ, окрестные киргизы со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ уходятъ въ горы Южнаго Алтая, гдѣ и остаются до глубокой осени. Туда же уходили въ прежнія времена и бывшіе въ этой же мѣстности китайскіе пикеты Кобдинскаго вѣдомства. Такимъ образомъ, въ степной части китайской границы, ни одна муха, по выраженію Недорѣзова, не нарушила спокойствія степи на этой далекой окраинѣ нашихъ и китайскихъ водвореній. Можно сказать, что тамъ не остается лѣтомъ ни одного человѣка, кромѣ немногихъ караульныхъ, охраняющихъ пашни отъ кабановъ и журавлей [1]).

Но и помимо этого, само китайское правительство, какъ было подробно изложено выше, всегда допускало для насъ полную свободу рыбопромышленности на озерѣ Зайсанѣ и Черномъ Иртышѣ, находившихся въ то время, т. е. до заключенія Пекинскаго трактата, безусловно въ районѣ земель китайскаго владѣнія. Но если мѣстное китайское начальство безпрекословно допускало въ свои предѣлы цѣлыя рыболовныя ватаги нашихъ казаковъ, которыя свободно разъѣжали и хозяйничали на этой рѣкѣ, поднимаясь не только до устьевъ р. Кабы и Бурчума, но и далѣе,—то нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобы мѣстныя китайскія власти воспретили нашимъ начальствующимъ лицамъ переѣздъ изъ г. Зайсана черезъ Черный Иртышъ въ Курчумскій край по клочку китайской территоріи въ нѣсколько десятковъ верстъ шириною. Но въ данномъ случаѣ и этого протеста не могло быть, потому что въ то время, т. е. до 1881 года, по случаю полнаго разгара дунганской смуты, не только въ мѣстностяхъ Западнаго Китая, сопредѣльныхъ съ Зайсанскимъ краемъ, но и на всемъ пространствѣ Западнаго Китая не было никакихъ слѣдовъ китайской власти. Спрашивается, какимъ же образомъ пограничное начальство Западной Сибири пугало публику и Хрущова возможностью протеста со стороны китайцевъ за нарушеніе ихъ территоріи, когда въ то время и протестовать было некому. Въ этомъ я лично удостовѣрился во время постановки границы въ 1869 г., когда мнѣ

[1]) Недорѣзовъ. Истор. описаніе рыбалки, принадлеж. Сибирскому казачьему войску. Рукопись.

приходилось дѣлать нѣсколько переѣздовъ и именно на этой самой мѣстности и неоднакратно переправляться черезъ Черный Иртышъ съ казачьимъ отрядомъ. Всѣ эти передвиженія по китайской территоріи были совершены безъ малѣйшихъ затрудненій. Вслѣдствіе сего, и вся эта мѣстность, по которой предстояли переѣзды Зайсанскому приставу, могла вполнѣ считаться какъ бы нейтральной. Отсутствіе въ этихъ мѣстностяхъ всякихъ слѣдовъ китайской власти не скрывали и сами китайцы. Это подтверждается заявленіемъ Пекинскаго правительства, сдѣланнаго нашему посланнику, что оно съ своей стороны не встрѣчаетъ препятствій къ переходу русскихъ отрядовъ за границу въ тѣхъ случаяхъ, когда окажется необходимо преслѣдовать хищническія партіи приграничныхъ инородцевъ.

Наконецъ, я долженъ упомянуть, что областное пограничное начальство, дѣлая приведенное выше замѣчаніе о нарушеніи китайской территоріи при переходѣ Зайсанскаго пристава, противорѣчило само себѣ. Въ одной запискѣ областное начальство выставляетъ тридцативерстный переѣздъ участка китайскихъ владѣній нарушеніемъ китайской территоріи, а въ другой, о которой было подробно упомянуто въ предыдущей главѣ, считаетъ возможнымъ двинуть отрядъ въ китайскія владѣнія и даже построить тамъ укрѣпленіе, послѣ этого спрашивается: отчего же въ одномъ случаѣ нельзя нарушать китайскую территорію, а въ другомъ случаѣ можно рѣшаться и на захватъ этой территоріи, и притомъ безъ всякаго основательнаго повода.

Все вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что приведенное заявленіе мѣстнаго областного начальства, какъ обоснованнаго на однѣхъ только предположеніяхъ теоретическаго характера, не имѣетъ никакого основанія.

2) Долины трехъ большихъ рѣкъ: Иртыша, Эмиля и Или, раздѣлены поперекъ границею, и верховья ихъ находятся внѣ нашихъ предѣловъ.

Изъ приведеннаго выше подробнаго обзора хода переговоровъ, производившихся какъ въ Чугучакѣ, такъ и въ Пекинѣ, видно, что наши комиссары, обязанные въ точности слѣдовать указаніямъ Пекинскаго трактата, т. е. вести границу по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, не имѣли никакого основанія въ нарушеніе этого трактата отодвинуть границу къ востоку отъ упомянутыхъ пикетовъ во внутрь китайской Чжунгаріи, съ цѣлью завладѣнія верховьями рѣкъ: Иртыша, Эмиля и Или, а также для того, чтобы имѣть естественную границу на пространствѣ между Тарбагатайскимъ хребтомъ и горами Алатау. Нельзя забывать, что

съ проведеніемъ границы по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, къ нашимъ владѣніямъ на востокѣ киргизской степи отходило значительное пространство земель, принадлежавшихъ Китаю. А потому Министерство Иностранныхъ Дѣлъ поручило особенному вниманію и настойчивости нашихъ комиссаровъ всемѣрно стараться убѣдить китайскихъ уполномоченныхъ принять въ основаніе при опредѣленіи ими границы линію постоянныхъ карауловъ (Чанъ-чжу-карунь), справедливо находя, что чрезъ это главное препятствіе къ благопріятному исходу всего пограничнаго вопроса будетъ, безъ сомнѣнія, устранено. Это указаніе министерства было въ точности исполнено нашими комиссарами, которые, послѣ цѣлаго ряда самыхъ продолжительныхъ и въ высшей степени утомительныхъ конференцій, успѣли добиться, наконецъ, отъ китайцевъ проведенія границы по линіи постоянныхъ карауловъ, и тѣмъ обезпечили дальнѣйшій благопріятный для насъ исходъ всего пограничнаго дѣла. Но такъ какъ линія китайскихъ пикетовъ тянется почти въ прямомъ направленіи отъ сѣвера на югъ и пересѣкаетъ рѣки Черный Иртышъ, Эмиль и Или, то государственная граница, совпадающая въ силу Пекинскаго трактата съ линіей постоянныхъ пикетовъ, естественнымъ образомъ неминуемо должна была также пересѣчь и эти рѣки. Отсюда видно, что если держаться мнѣнія Гейнса и Гутковскаго о необходимости вести границу такъ, чтобы она никогда не пересѣкала рѣкъ, находящихся въ районѣ приграничнаго пространства, но охватывала бы собою ихъ верховья, то пришлось бы передѣлать всѣ наши государственныя границы не только въ азіатской, но даже и въ европейской части Россіи. Возьмемъ, для примѣра, восточную китайскую границу, которая тянется на пространствѣ болѣе 5 тыс. верстъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она подходитъ къ западной границѣ, т. е. къ пограничному знаку Шабина-Дабага, восточная граница принимаетъ искусственный характеръ, пересѣкая р. Енисей. Должно сказать, что эта граница въ верховьяхъ Енисея была установлена Буринскимъ договоромъ 20 августа 1727 г. На основаніи этого договора, была произведена постановка границы комиссарами обоихъ государствъ и затѣмъ составлено ея описаніе, подписанное съ нашей стороны комиссаромъ, стольникомъ Степаномъ Андреевичемъ Колычевымъ.

Согласно этому описанію границы, основанномъ на Буринскомъ договорѣ, она пересѣкаетъ р. Енисей близъ ур. Кемъ-Кемчикъ-Бомъ. Вслѣдствіе чего и вся рѣчная область верховьевъ Енисея осталась безспорно въ районѣ китайскихъ владѣній. Чтобы придать этой границѣ естественный характеръ, нужно перенести

ее къ источникамъ р. Енисея, т. е. на гребень хребта Танну-Олла, и отмежевать къ владѣніямъ Россіи всю рѣчную область верховьевъ Енисея.

Въ другомъ мѣстѣ та же восточная китайская граница пересѣкаетъ рѣки Селенгу и Орхонъ, верховья которыхъ также находятся въ китайскихъ владѣніяхъ. Совершенно то же самое встрѣчается и на нашей западной европейской границѣ. Эта граница пересѣкаетъ р. Нѣманъ такъ, что нижняя его часть находится въ Пруссіи. Бываютъ даже случаи пересѣченія государственной границею одной и той же рѣки въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ, напримѣръ, р Висла въ верхней своей части пересѣкается нашей границей съ Австріей, а въ нижней части также нашей границей съ Пруссіей.

Приведенные факты служатъ нагляднымъ показателемъ, что пересѣченіе западной китайской границею упомянутыхъ трехъ рѣкъ не представляетъ собою какого-либо исключительнаго явленія, но встрѣчается, какъ мы видѣли на многихъ государственныхъ границахъ не только въ азіатской, но и въ европейской части Россіи. Въ данномъ же случаѣ, для округленія нашей западной китайской границы необходимо отодвинуть ее на сотни верстъ къ востоку. Другими словами, отмежевать къ нашимъ владѣніямъ всю китайскую Чжунгарію. На такой захватъ китайской территоріи наши комиссары не были уполномочены. Да и занимать китайскую Чжунгарію, повидимому, совсѣмъ не въ интересахъ и видахъ Россіи, какъ объ этомъ будетъ подробно изложено ниже.

3) *Равнина озера Зайсана открыта.*

4) *Граница между горами Тарбагатай и Алатау удобопроходима и не представляетъ естественнаго рубежа.*

Изъ приведенныхъ замѣчаній Гейнса и Гутковскаго должно заключить, что неудобство границъ, замыкающихъ собою Зайсанскую равнину, а также участокъ между горными хребтами Тарбагатаемъ и Алатау, состоитъ въ томъ, что онѣ открыты и удобопроходимы, и, слѣдовательно, въ случаѣ войны представляютъ болѣе удобные доступы въ наши предѣлы.

Если судить объ этихъ мѣстностяхъ по картамъ тогдашняго времени, то упомянутые два участка границы: Зайсанскій и между Тарбагатаемъ и Алатау представляются, повидимому, совершенно открытыми, а главное доступными, но только на картѣ... Въ дѣйствительности же, вся эта мѣстность китайскихъ владѣній къ востоку отъ Зайсанской границы по пути къ г. Гучену имѣетъ иной характеръ и оказывается не такъ доступною и удобопроходимою, какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда. По новѣйшимъ

изслѣдованіямъ нашихъ извѣстныхъ путешественниковъ по Средней Азіи и Китаю: Н. М. Пржевальскаго и М. В. Пѣвцова, вся эта мѣстность уже достаточно освѣщена по отношенію къ географіи страны. Изъ составленныхъ этими лицами описаній китайской Чжунгаріи видно, что отъ горъ Южнаго Алтая, по направленію къ югу, лежитъ обширная песчаная пустыня, извѣстная подъ названіемъ «Великой Гоби». На западѣ Великая Гоби раздѣляется какъ бы на два рукава, изъ коихъ сѣверный, протягиваясь между р. Урунгу и горами Сауръ-тау, вдается въ наши предѣлы, образуя въ долинѣ лѣваго берега Чернаго Иртыша противъ устья рѣкъ: Кабы, Белезека, Алкабека и Кальджира трудно-проходимую мѣстность, изобилующую сыпучими песками. Въ другомъ мѣстѣ, на которое указываетъ Гейнсъ и Гутковскій, а именно между хребтами Тарбагатаемъ и Алатау, этотъ рукавъ также вдается въ наши предѣлы посредствомъ узкаго, пустыннаго перешейка между горами Уркашары и Барлыкъ [1]). Затѣмъ, по свидѣтельству Н. М. Пржевальскаго, начиная отъ горъ Сауръ-тау, озера Улюнгура и р. Урунгу, по направленію на югъ до самаго Тянь-Шаньскаго хребта, разстилается обширная Чжунгарская пустыня. Почва пустыни почти вездѣ усыпана острымъ щебнемъ, и нерѣдко прорѣзана оврагами съ сухими въ нихъ руслами дождевыхъ потоковъ. Весеннія травы встрѣчаются лишь вразсыпную и нисколько не измѣняютъ однообразнаго грязно-сѣро-желтаго фона пустыни. Только крайности климата отмѣчаютъ собою времена года: сильные морозы замѣняются невыносимою лѣтнею жарой. *Непроходимость Чжунгарской пустыни* и ея дикій, непривѣтливый характеръ весьма ярко выказывается въ томъ обстоятельствѣ, что даже киргизы, бѣжавшіе лѣтомъ и осенью 1878 г. изъ Усть-Каменогорскаго уѣзда Семипалатинской области въ китайскіе предѣлы, хотя и вознамѣрились сначала двинуться изъ Булунь-Тохоя прямою дорогою къ Гучену, но пустыня оказалась *даже для нихъ* до такой степени непроходимою, что бѣглецы принуждены были возвратиться на р. Урунгу, гдѣ и провели зиму 1878—1879 г., испытавъ страшныя бѣдствія отъ безкормицы для скота.

Таковы топографическія и климатическія условія мѣстности, сопредѣльной съ нашими владѣніями на сѣверо-востокѣ киргизской степи. Эта мѣстность представляетъ собою обширную пустыню, дикая и унылая природа которой, по справедливому замѣчанію Н. М. Пржевальскаго, является враждебной для цивилизованной жизни.

---

[1]) Пѣвцовъ. Путешеств. по Монголіи. Стр. 103.

Отсюда видно, что обширная Чжунгарская пустыня, прилегая къ нашей Зайсанской границѣ, какъ бы замыкаетъ собою наши владѣнія на сѣверо-востокѣ киргизской степи и служитъ лучшей гарантіей для ихъ охраны и безопасности.

Вникая глубже въ дѣло объ установленіи прочныхъ и устойчивыхъ государственныхъ границъ въ азіатскихъ странахъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что открытыя песчаныя степи, лишенныя воды и растительности еще лучше, чѣмъ горные хребты защищаютъ границу, какъ на это весьма справедливо указываетъ профессоръ Флоринскій, о чемъ болѣе подробно будетъ говориться ниже. Замѣчательно, что таже самая мысль была высказана нѣкогда Императоромъ Наполеономъ I. Разсматривая стратегическое значеніе государственныхъ границъ, онъ говоритъ, что этими границами бываютъ: или горные хребты, или большія рѣки, или безплодныя и обширныя степи. Послѣднія составляютъ самое затруднительнѣйшее препятствіе; горы занимаютъ второе мѣсто, а широкія рѣки послѣднее [1]). Находя границу, установленную Пекинскимъ трактатомъ и Чугучакскимъ протоколомъ, какъ сказано выше, неудобной въ томъ отношеніи, что она не на всемъ своемъ протяженіи образуетъ естественный рубежъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. на сѣверо-востокѣ киргизской степи открыта и будто бы удобопроходима, Гейнсъ и Гутковскій предложили свой проектъ границы. По ихъ мнѣнію, эта граница должна идти отъ Тянь-Шаньскаго хребта на сѣверъ по горамъ, замыкающимъ Кульджинскій районъ съ восточной и южной стороны, гдѣ эти горы соединяются съ хребтомъ Алатау. Далѣе граница слѣдуетъ по горамъ Алатау, переходитъ на горы Барлыкъ, Орхочунь и Саурь-тау, и затѣмъ примыкаетъ къ озеру Улюнгуръ. Обогнувъ съ востока верховья р. Чернаго Иртыша, проектированная граница соединяется на сѣверѣ съ горами Южнаго Алтая.

Такимъ образомъ, направляя границу по упомянутымъ выше горнымъ хребтамъ, мы будемъ имѣть съ Китаемъ на его западныхъ предѣлахъ сплошную естественную границу.

Но для установленія такой естественной границы необходимо предварительно присоединить, къ нашимъ владѣніямъ и всю китайскую Чжунгарію, т. е. ея области Тарбагатай и Или. Это обстоятельство, повидимому, нисколько не затрудняло возражателей и они, не задумываясь надъ нимъ, рѣшили этотъ сложный международный вопросъ ex-abrupto. По мнѣнію составителей проекта новой границы, въ то время, т. е. въ 1866 г., въ самый разгаръ

[1]) Правила, мысли и мнѣнія Наполеона о военномъ искусствѣ, военной исторіи и военномъ дѣлѣ. Военная Библіотека, т. IV, стр. 229.

дунганскаго возстанія въ Западномъ Китаѣ, занять этотъ край въ предѣлахъ. обозначенныхъ упомянутою выше естественною границею, можно-бы было съ самыми ничтожными средствами, даже безъ выстрѣла. Все это прекрасно. Но вотъ вопросъ: какимъ образомъ можно было въ то время овладѣть всей китайской Чжунгаріей, не находившейся въ сферѣ нашего политическаго вліянія, когда впослѣдствіи мы не могли окончательно удержать за собою Кульджинскаго района, находившагося не только подъ нашимъ вліяніемъ, но даже въ нашей власти болѣе 10 лѣтъ и именно съ 1871 по 1883 г. и въ которомъ было введено даже русское управленіе. Возражатели, повидимому, упустили изъ виду одно важное обстоятельство; что отъ намѣренія до исполненія невсегда бываетъ только одинъ шагъ, а иногда ихъ раздѣляетъ — цѣлая пропасть и что занятіе непріятельской страны и удержаніе ее въ своей власти не одно и то же. Яркимъ подтвержденіемъ этому можетъ служить быстрое завладѣніе нами Кульджой въ 1871 г., а вслѣдъ затѣмъ и всѣмъ Кульджинскимъ райономъ. Владѣя имъ нѣсколько лѣтъ и имѣя, повидимому, полную возможность округлить въ этихъ мѣстахъ границу и придвинуть ее къ горамъ, замыкающимъ Кульджинскій край съ востока, мы не сдѣлали этого, и впослѣдствіи были вынуждены возратить китайцамъ этотъ перлъ Центральной Азіи, по выраженію Н. М. Прожевальскаго, имѣющій для того, кто имъ владѣетъ, важное значеніе въ политическомъ, военномъ, экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Мало того, возникшія по этому поводу осложненія и дерзкій отказъ правительства Богдыхана въ ратификаціи Ливидійскаго договора, едва не привели насъ къ войнѣ съ китайцами.

Расчитывая овладѣть всей китайской Чжунгаріей безъ выстрѣла, возражатели уповали, что, предпринимая такой мирный захватъ, мы будемъ имѣть дѣло съ одними китайцами, которыхъ Гейнсъ, повидимому, считалъ за quantité negligeable. Но при всей своей компетентности, Гейнсъ и Гутковскій упустили изъ виду и другое вижное обстоятельство, которое слѣдуетъ всегда помнить, а именно, что при всѣхъ нашихъ столкновеніяхъ съ Китаемъ, за спиной китайца непремѣнно будетъ стоять англичанинъ. Словомъ сказать, что отчужденіе, отъ Китая такой значительной части его территоріи, какъ вся Чжунгарія, едва-ли можетъ обойтись безъ вмѣшательства европейскихъ державъ. Притомъ, дѣлая подобные захваты, мы тѣмъ самымъ вызываемъ къ тому же и западныя европейскія государства, въ особенности Англію и Германію. Повидимому, такого взгляда держалось и наше правительство при обсужденіи совершенно однороднаго вопроса, возбужденнаго въ шести-

десятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Ген.-Губ. Восточной Сибири М. С. Корсаковымъ о принятіи подъ покровительство Россіи двухъ китайскихъ провинцій: Монголіи и Манчжуріи. Правительство находило, что всякое наше участіе въ этомъ дѣлѣ неминуемо вызоветъ противодѣйствіе европейскихъ державъ и можетъ принудить ихъ также къ занятію какой-либо части Китая или сосѣдней съ нимъ Кореи.

Дополняя эту мысль другими соображеніями, я долженъ упомянуть, что настаивая на занятіи нашими войсками китайской Чжунгаріи, Гейнсъ и Гутковскій проглядѣли также и еще одно важное обстоятельство, а именно, что войскъ, необходимыхъ для занятія такой обширной страны, какъ китайская Чжунгарія, у насъ въ то время въ Западной Сибири вовсе не было. Всѣ свободныя войска, которыя тогда находились въ районѣ Западной Сибири и киргизской степи сибирскаго вѣдомства, были направлены въ Туркестанскій край на усиленіе войскъ, дѣйствовавшихъ на передовой Кокандской линіи подъ начальствомъ генерала Черняева. Въ Западной же Сибири оставались лишь войска, которыхъ едва было достаточно для мѣстной службы и занятія опорныхъ пунктовъ въ киргизской степи, чтобы, вмѣстѣ съ вооруженнымъ казачьимъ населеніемъ, имѣть возможность воздержать пограничныхъ киргизъ отъ какихъ либо враждебныхъ покушеній и вобще попытокъ къ своеволію и нарушенію покорности русской власти. Подобныхъ безпокойствъ и волненій въ киргизской степи вседа можно было ожидать въ тогдашнее тревожное время, когда весь Западный Китай и даже Восточный Туркестанъ были охвачены мятежомъ мусульманскаго населенія подвластнаго Китаю.

При такомъ ничтожномъ числѣ войскъ, находившихся тогда въ Западной Сибири, мы не имѣли никакой возможности оказать помощь китайцамъ въ борьбѣ ихъ съ дунганами даже въ томъ случаѣ, если бы наше правительство находило эту мѣру полезною и необходимою для нашихъ дальнѣйшихъ видовъ по отношенію къ Западному Китаю. Передвинуть же войска на западную китайскую границу изъ европейской части Россіи при дальности разстоянія и совершенному отсутствію въ тогдашнее время въ Западной Сибири искуственныхъ сообщеній было сопряжено съ боляшими затрудненіями и потребовало бы много времени и значительныхъ издержекъ.

При такомъ тревожномъ положеніи дѣлъ въ Западномъ Китаѣ и Средней Азіи, гдѣ, послѣ цѣлаго ряда блестящихъ успѣховъ нашего оружія, мы были вынуждены окончательно утвердить и упрочить нашу власть въ Кокандскомъ ханствѣ и когда въ то же время на юго-востокѣ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній возникалъ, по словамъ самого же Гейнса, грозный призракъ дунгано-мусульманскаго государства едва-ли было своевременно и умѣстно возбуждать еще и Чжунгарскій вопросъ. Нельзя упускать изъ вида, что въ это же время наше правительство было озабочено усмиреніемъ польскаго возстанія и умиротвореніемъ Кавказа. При такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились въ тогдашнее время, настаивать на занятіи Чжунгаріи, какъ это предлагаетъ Гейнсъ, значило-бы требовать невозможнаго.

Во всякомъ случаѣ, если даже и допустить, что намъ будетъ необходимо рано или поздно овладѣть Чжунгаріей и Восточнымъ Трукестаномъ, чтобы округлить наши Средне-Азіатскія владѣнія на востокѣ, тѣмъ болѣе, что эти страны, по единогласному свидѣтельству всѣхъ нашихъ путешественниковъ, а въ особенности Н. М. Пржевальскаго, имѣютъ видимое тяготѣніе къ Россіи, то присоединеніе этихъ странъ къ нашимъ владѣніямъ, — есть вопросъ будущаго. А потому въ шестидесятыхъ годахъ при тогдашнемъ положеніи дѣлъ было-бы болѣе соотвѣтственнымъ это предпріятіе отложить до другого, болѣе благопріятнаго времени.

Въ то время, когда Гейнсъ поучаетъ насъ, что за лучшую естественную границу въ азіатскихъ странахъ слѣдуетъ признать горные хребты, профессоръ Флоринскій высказываетъ совершенно противоположное мнѣніе. Занимаясь изслѣдованіемъ вопроса о томъ: какая изъ естественныхъ границъ оказывается наиболѣе предпочтительнѣе и выгоднѣе въ топографическомъ отношеніи на нашихъ азіатскихъ окраинахъ, онъ пришелъ къ заключенію, что обширныя и пустынныя пространства, какъ напр. степь Гоби, оказываются болѣе удобною государственною границію въ азіатскихъ странахъ, чѣмъ даже первостепенные горные хребты. По его мнѣнію, при опредѣленіи границъ съ сосѣднимъ государствомъ, прежде всего принимаются въ соображеніе стратегическія условія, а затѣмъ условія международныхъ отношеній въ мирное время (пути сообщенія, торговля). Для удовлетворенія тѣмъ и другимъ условіямъ стараются провести границу по какимъ либо естественнымъ разграничительнымъ чертамъ, напр. по направленію большихъ рѣкъ или горныхъ хребтовъ. Эти условія вполнѣ соблюдены при назначеніи пограничной линіи съ Китаемъ (Алтайскій и Саянскій хребты, рѣки Аргунь, Амуръ и Уссури). Такая граница могла-бы считаться удовлетворительною въ Европѣ, но, по отношенію къ Китаю, могутъ быть другія требованія.

Здѣсь мы должны принять во вниманіе неизвѣстную въ Европѣ степную природу, которая въ стратегическомъ отношеніи должна быть постановлена на первый планъ. Какое значеніе имѣетъ степь, какъ стратегическая линія, въ этомъ мы убѣдились при нашихъ степныхъ походахъ въ Хиву и Текинскій оазисъ. Она болѣе защищаетъ отъ вторженія многочисленныхъ армій, нежели океанъ или горный хребетъ.

Настоящая китайская граница въ предѣлахъ Западной Сибири идетъ отъ Чернаго Иртыша по Алтайскому и далѣе по Саянскому хребту. За этой горной цѣпью къ югу тянутся еще горные хребты болѣе или менѣе параллельно большому Алтаю, между которыми существуютъ плодородныя и обильно снабженныя водою долины, могущія впослѣдствіи вмѣстить очень большое народонаселеніе, но пока занятые весьма незначительнымъ числомъ кочевыхъ инородцевъ (урянхи, дархаты и калмыки). За южными хребтами Алтайскихъ отроговъ начинается настоящая, почти недоступная степь Гоби, врѣзывающаяся на западѣ клиномъ между горными долинами Кульджи и Чугучака и идущая на востокъ мимо Улясутая къ Ургѣ, и далѣе до озера Далай-норъ. Такимъ образомъ, этотъ степной безводный океанъ *можетъ составлять самую естественную и прочную разграничительную полосу между густо населенными китайскими провинціями и Сибирью*.

Сопоставляя приведенное мнѣніе профессора Флоринскаго о наиболѣе удобныхъ границахъ на нашихъ азіатскихъ окраинахъ съ мнѣніемъ по тому же вопросу Гейнса и Гутковскаго, оказывается, что ни одни только горные хребты, но и пустынныя песчаныя пространства внутренней Азіи могутъ служить еще болѣе надежною охраною границы въ азіатскихъ странахъ. Съ этой точки зрѣнія приграничную мѣстность Зайсанской равнины и все пространство, лежащее къ югу отъ нея между Тарбагатаемъ и Алатау, строго говоря, нельзя назвать открытою въ смыслѣ ея доступности для непріятельскаго вторженія, какъ это полагаетъ Гейнсъ и Гутковскій. Отсюда видно, что наша граница на сѣверо-востокѣ киргизской степи по сѣверную и южную сторону Тарбагатайскихъ горъ, хотя и не замкнута горными хребтами, но по свойству мѣстности въ сопредѣльной части китайской Чжунгаріи, принадлежащей къ числу самыхъ дикихъ и непривѣтливыхъ во всей Центральной Азіи, оказывается трудно-доступною для вторженія непріятельскихъ войскъ въ предѣлы Зайсанскаго края.

Наконецъ, нельзя упустить изъ вида, что горные хребты, представляя собою естественныя и оборонительныя линіи, преграждающія непріятелю дальнѣйшее наступленіе и требующія съ его стороны значительныхъ усилій для овладѣнія ими, имѣютъ значеніе главнымъ образомъ въ войнѣ оборонительной. Но и въ этомъ случаѣ онѣ могутъ только задержать и затруднить на первое время непріятеля, но не остановить его. Черезъ горные хребты всегда найдутся проходы. Слѣдовательно, такая естественная граница не можетъ остановить наступленіе рѣшительнаго противника. Но и помимо этого, высокіе горные хребты въ смыслѣ обезпеченія непріятельскаго вторженія нашей открытой западно-китайской границы со стороны Зайсанской и Чугучакской равнинъ не могутъ имѣть особенно важнаго значенія. Едва ли можно предположить, чтобы китайскія войска въ значительныхъ силахъ рѣшились предпринять военныя дѣйствія на сѣверо-востокѣ киргизской степи въ районѣ Зайсанскаго края или въ долинѣ р. Эмиля. Чтобы добраться до этой окраины нашихъ владѣній во внутренней Азіи, китайскимъ войскамъ пришлось бы совершить болѣе чѣмъ тысячеверстный степной походъ по совершенно пустынной мѣстности, лишенной въ западной ея части травяной растительности, а мѣстами и хорошей воды. Притомъ китайцамъ, по соображеніямъ политическимъ и военнымъ, нѣтъ никакого расчета оперировать по этому направленію, въ районѣ котораго не встрѣчается какого-либо предмета дѣйствій, имѣющаго важное значеніе въ политическомъ, военномъ или торговомъ отношеніи. На этомъ основаніи, по всей вѣроятности, на сѣверо-востокѣ киргизской степи, т. е. на Зайсанской равнинѣ, или въ долинѣ р. Эмиля, мы будемъ имѣть дѣло лишь съ мѣстными китайскими войсками, расположенными въ провинціяхъ: Улясутай, Кобдо и Тарбагатай. Съ этими войсками китайцы едва ли отважутся предпринять наступленіе. Но если бы и случилось это, то имъ неминуемо будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ при первомъ столкновеніи съ нашими войсками въ открытомъ полѣ. Вѣроятность этого предположенія основана на томъ, что мѣстныя китайскія войска, по свѣдѣніямъ консула Павлинова, не отважились даже вступить въ бой съ ничтожными дунганскими партіями, скитавшимися по Монголіи и подступившими къ Улясутаю. Не выждавъ нападенія дунганъ, китайскія войска поспѣшили заранѣе выбраться изъ Улясутая и ушли въ Монгольскую степь, вмѣстѣ со своими начальниками. Вообще китайская армія, несмотря на обученіе ея европейскими инструкторами и снабженіе усовершенствованнымъ оружіемъ, не можетъ быть для насъ опаснымъ противникомъ по отсутствію въ ней, по справедливому замѣчанію Н. М. Пржевальскаго, нравственнаго элемента, составляющаго, какъ извѣстно, могучій стимулъ въ дѣлѣ боевой готовно-

сти войскъ. Но ожидать въ данномъ случаѣ наступленія китайцевъ было бы съ нашей стороны большою ошибкой: во-первыхъ, приближеніе китайскихъ войскъ къ нашимъ границамъ можетъ оказать вредное для насъ нравственное вліяніе на наше пограничное кочевое населеніе, и, во-вторыхъ, въ войнѣ съ азіатами, какъ показываетъ опытъ, всегда должно дѣйствовать наступательно. Не подлежитъ сомнѣнію, что такъ мы и будетъ дѣйствовать на западной китайской границѣ тѣмъ болѣе, что преимущества подобнаго рода дѣйствій вполнѣ подтверждаются и опытомъ послѣдней войны съ китайцами въ 1901 г.

Опытъ этой войны показываетъ, что главный ударъ долженъ быть направленъ на Пекинъ. Для этого необходимо произвести сильный дессантъ въ Печилійскомъ заливѣ и въ то же время занять всю Манчжурію. А потому военныя дѣйствія на западной китайской границѣ должны имѣть второстепенный характеръ. Но во всякомъ случаѣ намъ и на этомъ театрѣ слѣдуетъ предпринять наступательныя дѣйствія. На этомъ основаніи войска, сосредоточенныя на Семирѣченской границѣ, должны быть направлены противъ Кульджи, а собранныя въ г. Зайсанѣ—противъ Чугучака. Со взятіемъ Кульджи и Чугучака слѣдовало бы направить изъ г. Зайсана летучіе казачьи отряды для занятія г.г. Кобдо и Улясутая, чтобы наблюдать за дѣйствіями китайцевъ въ Западной Монголіи.

Этимъ на первый разъ и можно было бы ограничиться. Предпринимать дальнѣйшія дѣйствія къ востоку отъ городовъ Чугучака и Кульджи во внутрь китайской Чжунгаріи, едва ли можетъ быть для насъ особенно полезно, потому что въ этой отдаленной странѣ, отличающейся дикимъ и пустыннымъ характеромъ, нѣтъ никакого предмета дѣйствій, имѣющаго значеніе въ военно-политическомъ отношеніи, за исключеніемъ развѣ г. Хами, отстоящаго отъ Чугучака по дорогѣ на Шихо, Манасъ, Урумчи, Гученъ и Баркуль на 1.387 верстъ и отъ г. Кульджи на 1.606 верстъ. Съ занятіемъ нашими войсками г. Хами, единственный путь, ведущій изъ внутренняго Китая въ Восточный Туркестанъ и западныя провинціи Китая Тарбагатай и Или, будетъ отрѣзанъ. На вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли намъ на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій ограничиться взятіемъ Кульджи и Чугучака, не предпринимая дальнѣйшаго наступленія для овладѣнія г. Хами, можетъ быть рѣшенъ по соображенію съ ходомъ операцій на Печилійскомъ и Манчжурскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Предпринимать же дальнѣйшее наступленіе къ востоку отъ г. Хами, откуда начинается пустыня Гоби,—нѣтъ никакихъ основаній.

Изъ вышеизложеннаго бѣглаго обзора предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій на западныхъ предѣлахъ Китая, должно придти къ заключенію, что западную китайскую границу, отдѣленную отъ внутренняго Китая громадною пустынею въ нѣсколько тысячъ верстъ, слѣдуетъ признать вполнѣ обезпеченной отъ вторженія китайскихъ войскъ въ значительныхъ силахъ. А потому и замѣчанія возражателей о неудобствахъ этой границы въ томъ отношеніи, что она въ ея сѣверо-восточной части открыта въ двухъ мѣстахъ и, слѣдовательно, представляетъ удобные доступы для непріятельскаго вторженія, не имѣетъ никакого основанія. Подобное вторженіе могли бы предпринять только тѣ китайскія войска, которыя будутъ собраны въ Чугучакѣ и крѣпости Дурбулджинѣ. Но выше уже было разъяснено, что намъ самимъ необходимо предпринять на западной китайской границѣ наступательныя дѣйствія и на первыхъ же порахъ занять г. Чугучакъ,—то открытая часть границы въ упомянутыхъ двухъ участкахъ ея не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакого значенія. Напротивъ того, эта открытая пограничная мѣстность представляетъ для насъ весьма важныя выгоды, значительно облегчая переходъ границы для быстраго наступленія въ китайскіе предѣлы.

Точное опредѣленіе наиболѣе удобной государственной границы есть дѣло государственной важности. А потому каждое государство заботится объ обезпеченіи своихъ окраинъ, прилегающихъ къ иностраннымъ владѣніямъ такою границею, которая имѣла бы по возможности естественный характеръ, какъ представляющій болѣе прочности и устойчивости. Но какъ ни желательно было бы каждому государству имѣть естественную границу, въ особенности на своихъ азіатскихъ окраинахъ и притомъ на всемъ ея протяженіи, какъ это выставляетъ Гейнсъ и Гутковскій въ своей запискѣ, осуществить такое предположеніе на практикѣ, въ виду разнообразныхъ и сложныхъ условій политическаго характера, неминуемо возникающихъ при дипломатическихъ переговорахъ, оказывается затруднительнымъ. Притомъ въ азіатскихъ странахъ, помимо соображеній политическаго характера, имѣетъ на это вліяніе и другое важное обстоятельство, а именно—громадное протяженіе границъ. Такъ наша восточная граница съ Китаемъ тянется на протяженіи 5 тыс. верстъ, а длина западной китайской границы превышаетъ 7 тыс. верстъ. Такимъ образомъ, протяженіе всей нашей границы съ Китаемъ доходитъ до громадной цифры въ 12 тыс. верстъ [1]). Вся эта граница на большей части своего протя-

[1]) Золотаревъ. Военно-геогр. очеркъ окраинъ Россіи. Стр. 222.

женія обозначается рѣзкимъ естественнымъ рубежемъ. Такъ, западная китайская граница отъ Алтайскихъ горъ на сѣверѣ до Тянь-Шаньскаго или Небеснаго хребта на югѣ образуетъ собою почти сплошную естественную границу. Если же эта граница, какъ полагаютъ возражатели, и открыта на сѣверо-востокѣ киргизской степи у озера Зайсана и на участкѣ между Тарбагатаемъ и Алатау, то это открытое пространство, какъ мы уже видѣли, замыкается на востокѣ почти сплошною полосою трудно-проходимыхъ песковъ, преобладающихъ въ этой части китайской Чжунгаріи, носящей вообще дикій и пустынный характеръ. Можно сказать, что ни одна граница въ цѣломъ мірѣ не имѣетъ такого колоссальнаго протяженія, какъ наша граница съ Китаемъ, и настаивать, подобно Гейнсу, чтобы вся она обозначалась непрерывнымъ естественнымъ рубежемъ,—значитъ требовать невозможнаго.

По словамъ Гейнса, послѣднія событія въ Китаѣ, т. е. дунганское возстаніе, создали на нашей западной китайской границѣ сильное мусульманское правительство, воодушевленное не менѣе сильнымъ фанатизмомъ. Образовавъ сильное государство, дунганы едва ли откажутся отъ возможности парализировать власть русскихъ надъ правовѣрными киргизами, и, если будутъ вести среди нихъ тайную религіозную пропаганду, то наше положеніе въ степяхъ можетъ быть далеко не выгоднымъ.

Такое мнѣніе Гейнса, представляя собою одно только предположеніе, носящее исключительно теоретическій характеръ, не имѣетъ никакого фактическаго основанія и совершенно расходится съ дѣйствительностью. Такое заключеніе подтверждается какъ послѣдующими событіями, такъ и мнѣніями лицъ, основательно знакомыхъ съ дунганскимъ вопросомъ на практикѣ и изучившемъ его на мѣстѣ. Такъ, по мнѣнію Н. М. Пржевальскаго, несмотря на всю легкость борьбы съ Китаемъ, вслѣдствіе трусости и деморализаціи китайскихъ войскъ, громадной поддержки, которую дунганы могли встрѣтить со стороны мусульманскаго населенія внутреннихъ провинцій Китая, дунганское возстаніе не могло достигнуть прочныхъ политическихъ результатовъ. Причина этого заключается въ томъ, что дунганы дѣйствовали врозь небольшими партіями, для которыхъ добыча грабежа служила главною приманкою.

Другой важною ошибкой со стороны дунганъ было то, что они не поняли, какую громадную выгоду въ борьбѣ съ Китаемъ они могли бы извлечь, расположивъ въ свою пользу монголовъ, также ненавидящихъ китайцевъ. Между тѣмъ, дунганы съ начала возстанія такъ же истребляли монголовъ, какъ и китайцевъ.

Всѣ вышеизложенные шансы борьбы магометанскихъ инсургентовъ съ Китаемъ могли имѣть мѣсто только при условіи общаго руководителя возстанія. Но этого-то и не доставало дунганамъ. Приведенныя обстоятельства, взятыя въ совокупности, дали возможность Пекинскому правительству оправиться отъ первыхъ ударовъ и потомъ перейти въ наступательное положеніе [1]).

По мнѣнію Л. Ѳ. Костенко, дунганы, переселившіеся въ наши предѣлы, т. е. въ киргизскую степь, и, слѣдовательно, живущіе совмѣстно съ киргизами, составляютъ поистинѣ пріобрѣтеніе. Они усилили колонизаціонный элементъ нашихъ пограничныхъ областей и, кромѣ того, въ случаѣ войны съ китайцами, составятъ надежную милицію, которая окажетъ значительную помощь нашимъ войскамъ [2]). Отсюда видно, что Л. Ѳ. Костенко высказываетъ мнѣніе о дунганахъ, діаметрально противоположное приведенному выше заявленію Гейнса. Притомъ мнѣніе Л. Ѳ. Костенко является въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе основательнымъ, что имѣетъ практическое значеніе и вполнѣ подтверждается послѣдующими событіями. Опытъ этихъ событій показалъ, что образованіе въ мѣстностяхъ Западнаго Китая, сопредѣльныхъ съ нашими владѣніями на юго-востокѣ Киргизской степи, самостоятельныхъ мусульманскихъ владѣній съ эфемерными правителями, вродѣ Таранчинскаго правителя Адилъ-Оглы и даже Кашгарскаго правителя Якубъ-Бека, нельзя признать для насъ особенно опаснымъ. При разрозненномъ составѣ населенія и отсутствіи всякаго стремленія къ политической обособленности и слабости руководителей, подобныя владѣнія не могутъ долго существовать [3]), и столь же быстро разрушаются, какъ и возникаютъ, не оставляя послѣ себя никакого слѣда.

Сильное и многочисленное мусульманское государство можетъ образоваться въ Китаѣ только въ томъ случаѣ, если допустить возможность, какъ это полагаетъ проф. Васильевъ, что весь Китай современемъ сдѣлается мусульманскимъ государствомъ. Но при извѣстномъ индиферентизмѣ китайцевъ ко всякой религіозной пропагандѣ, это можетъ состояться лишь въ отдаленномъ будущемъ. По мнѣнію же Гейнса, мы находились въ шестидесятыхъ годахъ, такъ сказать, наканунѣ преобразованія западныхъ провинцій Китая въ мусульманское государство, откуда мусульманскій фанатизмъ можетъ проникнуть въ киргизскія степи и взволновать наше кочевое населеніе степей. Теоретически это вы-

[1]) Пржевальскій.
[2]) Костенко. Чжунгарія, стр. 99.
[3]) Тамъ же, стр. 318.

ходитъ и такъ. Между тѣмъ на практикѣ такое заключенie является весьма сомнительнымъ. Мы уже видѣли, что если и допустить возможность образованiя подобныхъ мусульманскихъ владѣнiй вблизи нашихъ границъ, то не имѣя никакихъ прочныхъ задатковъ для своего самобытнаго существованiя и развитiя своихъ производительныхъ силъ, они не могутъ быть для насъ особенно опасными.

Изъ приведеннаго подробнаго разсмотрѣнiя мнѣнiя Гейнса о неудобствахъ западной китайской границы, установленной Пекинскимъ трактатомъ, и о необходимости замѣнить ее проектированною имъ естественною границею, оказывается, что это мнѣнiе въ сущности представляетъ собою рядъ теоретическихъ умозрѣнiй, имѣющихъ характеръ какой-то бѣглой фантастической импровизацiи. Въ то время, т. е. въ шестидесятыхъ годахъ, какъ уже было мною заявлено выше, можно было говорить и писать о Сибири, что угодно. Но къ сожалѣнiю, наблюденiя о краѣ и въ особенности о китайской границѣ производились Гейнсомъ, какъ-бы въ качествѣ туриста весьма бѣгло, смотря на нее въ бинокль изъ тарантаса, въ которомъ онъ разъѣзжалъ по киргизскимъ степямъ. Отъ этого нѣкоторыя его замѣчанiя по пограничнымъ дѣламъ и вообще по вопросамъ политическаго характера оказываются даже фактически невѣрными. Такъ напр. Гейнсъ называетъ трактатъ, заключенный Е. П. Ковалевскимъ въ Кульджѣ,—Тарбагатайскимъ, т. е. Чугучакскимъ, и безъ всякаго основанiя приписываетъ заключенiе Чугучакскаго протокола одному консулу И. И. Захарову и притомъ въ Кульджѣ. Между тѣмъ, уже самое названiе означеннаго протокола ясно указываетъ, что онъ былъ заключенъ въ Чугучакѣ и не однимъ Захаровымъ. Комиссарами по проведенiю границы были назначены: А. Ѳ. Голубевъ и я. Только впослѣдствiи, по моему личному ходатайству у директора Азiатскаго департамента графа Н. П. Игнатьева, былъ назначенъ И. И. Захаровъ третьимъ комиссаромъ, которымъ, вмѣстѣ со мною, и былъ подписанъ Чугучакскiй протоколъ. Очевидно, что Гейнсъ смѣшалъ мѣста заключенiя этихъ двухъ договоровъ: Кульджинскаго о торговлѣ съ городами западнаго Китая,—названнаго Чугучакскимъ, и Чугучакскаго о разграниченiи,—названнаго Гейнсомъ Кульджинскимъ. Но кромѣ приведеннаго выше искаженiя фактовъ, Гейнсъ выказалъ неполное знакомство съ мѣстностью Западной Монголiи, сопредѣльной съ нашими владѣнiями, утверждая, что г. Кобдо находится на Черномъ Иртышѣ. Между тѣмъ онъ расположенъ среди широкой долины рѣчки Буянту въ верстѣ отъ ея праваго берега.

Въ заключенiе, я долженъ упомянуть также о замѣчанiяхъ относительно западной китайской границы, установленной Пекинскимъ трактатомъ, сдѣланныхъ Венюковымъ. По его мнѣнiю, при заключенiи трактата, нами были выговорены земли на правой сторонѣ р. Чарына и по лѣвой р. Чернаго Иртыша, вовсе для насъ ненужныя и никогда намъ не принадлежавшiя. Наши агенты по разграниченiю, конечно, полагали, что эти земли слѣдуютъ къ Россiи, потому что служатъ кочевками для ея подданныхъ. Но это есть не вполнѣ ясное пониманiе дѣла. Кочевья киргизовъ и калмыковъ на Текесѣ, Кегенѣ и Черномъ Иртышѣ никогда не были разграничены какими-либо условными или даже естественными рубежами; ихъ предѣлы суть подвижныя и весьма неправильныя кривыя линiи, которыхъ положенiе годъ отъ году измѣнялось смотря по состоянiю травъ, уговору между номадами и т. д. Слѣдовательно, они никакъ не могли быть выбраны за постоянные рубежи между двумя государствами. Да и никто и не спрашивалъ у кочевниковъ, гдѣ граница ихъ земель, оттого и вышло напр., что на Черномъ Иртышѣ государственная граница разрѣзала кочевья нѣкоторыхъ родовъ, къ большому неудобству для нихъ и для насъ.

«Очертанiе границы неблагопрiятно для ея охраненiя, ибо есть значительныя отступленiя отъ прямой, т. е. отъ кратчайшей линiи. Особенно неудобно въ этомъ смыслѣ прiобрѣтенная въ 1869 году часть территорiи на югѣ отъ озера Зайсана, потому что для охраны ея съ трехъ сторонъ необходимо держать значительные отряды въ этой мѣстности, а мѣстность ничего не производитъ, и слѣдовательно, никогда не будетъ вмѣщать въ себѣ большого осѣдлаго населенiя, которое само бы защищало край и содѣйствовало удешевленiю продовольствiя войскъ». Всѣ эти замѣчанiя, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго изложенiя, оказываются ноосновательными. Прежде всего обращаютъ на себя вниманiе такiя соображенiя, приписываемыя Венюковымъ нашимъ комиссарамъ, которыхъ они вовсе и не имѣли въ виду. Такъ онъ находитъ, что при проведенiи границы къ востоку отъ р. Чарына, наши комиссары будто-бы увлеклись желанiемъ охватить границей кочевья подвѣдомственныхъ намъ киргизъ, упустивъ изъ вида что предѣлы этихъ кочевьевъ суть линiи подвижныя.

Едва-ли можно полагать, что, при проведенiи границы, Голубевъ и Захаровъ, заявившiе себя солидными учеными трудами по географiи и картографiи Средней Азiи и Западнаго Китая, превосходно знавшiе мѣстность пограничнаго края, въ особенности а юго-востокѣ киргизской степи, которая была пройдена ими въ

разныхъ направленіяхъ,—не имѣли даже элементарныхъ познаній о киргизскомъ землевладѣніи и условіяхъ кочевого быта номадовъ, вслѣдствіе котораго предѣлы киргизскихъ кочевьевъ образуютъ собою подвижныя линіи. Такое сужденіе Венюкова явно показываетъ его неполное знакомство съ пограничнымъ дѣломъ. Высказывая эти замѣчанія, онъ упустилъ изъ вида, что при опредѣленіи западной китайской границы, наши комиссары, какъ уже неоднократно объяснялось выше, были обязаны руководствоваться Пекинскимъ трактатомъ и инструкціей Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. На основаніи же трактата, граница должна быть направлена по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ. Китайцы, какъ мы видѣли, на это не соглашались, потому что такое направленіе границы было для нихъ невыгодно. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ споровъ и препирательствъ, продолжавшихся цѣлые годы наши комиссары успѣли добиться у китайцевъ согласія вести границу по пикетамъ. Понятно, что если мы постоянно настаивали на этомъ обстоятельствѣ, т. е къ обозначенію граничной черты по пикетамъ, то при окончательномъ опредѣленіи направленія границы на юго-востокѣ Заилійскаго края, были обязаны неотступно держаться и въ этомъ мѣстѣ пикетной линіи. Такъ и сдѣлали комиссары, направивъ границу по пикетной линіи, проходящей къ востоку отъ р. Чарына на китайскій пикетъ Чунчжи. Отсюда граница была направлена прямо на югъ къ горамъ Темерликъ и далѣе, черезъ верховья р. Текеса, къ колоссальной горной группѣ Тянь-Шаньскаго хребта Ханъ-Тенгри.

Отсюда видно, что проведеніе границы въ этомъ направленіи, объединившее киргизскія кочевья Дикокаменной орды рода Богу, представляло собою логическое слѣдствіе указаній Пекинскаго трактата, въ силу котораго граница, какъ объяснено выше, должна быть направлена по пикетамъ. Такое направленіе границы, сравнительно съ обозначеніемъ ея по р. Чарыну, представляло намъ, какъ уже было подробно изложено въ III части, слѣдующія весьма важныя выгоды:

1) направляясь по горамъ, замыкающимъ собою съ востока верховьевъ рѣкъ: Каркары и Кегена, граница образовала собою естественный рубежъ между двумя государствами и, слѣдовательно, пріобрѣла болѣе прочности и устойчивости. При этомъ вся рѣчная обл. р. Чарына, а также и верховья р. Текеса, гдѣ находились превосходныя пастбищныя мѣста, отходили къ владѣніямъ Россіи;

2) въ предѣлахъ описаннаго выше района по свѣдѣніямъ, собранными нашими комиссарами, имѣются мѣсторожденія серебряныхъ, свинцовыхъ и желѣзныхъ рудъ. Для разработки послѣднихъ, въ самыхъ верховьяхъ р. Кегена, находился желѣзный заводъ и разработанные китайцами золотые пріиски. Въ этой же мѣстности въ горахъ Темерлика обнаружены мѣсторожденія мрамора, каменнаго угля и соли. Наконецъ, проведеніе границы къ востоку отъ р. Чарына было выгодно для насъ еще и потому, что граница, захватывая всю рѣчную область р. Чарына, доставляла возможность избѣжать неудобствъ проложенія границы по руслу рѣки. Понятно, что владѣніе всею рѣчной областью этой рѣки было для насъ гораздо выгоднѣе, нежели однимъ ея берегомъ. Правильность подобнаго взгляда на это дѣло вполнѣ подтвердилась впослѣдствіи. Въ настоящее время вопросъ о томъ, въ какой степени рѣка можетъ служить удобною государственною границею, неоднократно подвергался подробному обсужденію въ нашей печати. Онъ возникъ вскорѣ по окончаніи послѣдней войны съ китайцами, во время которой произошли осложненія экономическаго характера въ Амурской странѣ, обнаружившія нѣкоторыя неудобства проведенія границы по р. Амуру. Какъ, повидимому, ни казалось-бы, что эта рѣка составляетъ превосходную естественную границу между Россіей и Китаемъ на значительномъ протяженіи, но на практикѣ оказывается, что эта граница представляетъ и нѣкоторыя неудобства. Онѣ заключаются въ томъ, что правый берегъ р. Амура, хотя по трактату намъ и не принадлежитъ, но тяготѣетъ къ намъ экономически. Вообще правый и лѣвый берегъ всякой рѣки могутъ быть раздѣляемы политически, но экономически они всегда составляютъ только двѣ половины одного цѣлаго [1]).

Изъ вышеизложеннаго должно притти къ заключенію, что направленіе границы на юго-востокѣ Заилійскаго края на пикетъ Чунчжи сдѣлано нашими комиссарами, согласно указанію Пекинскаго трактата, но отнюдь не видахъ объединенія киргизскихъ кочевьевъ, какъ это полагаетъ Венюковъ. Притомъ такое начертаніе границы доставило намъ возможность владѣть и не однимъ лѣвымъ берегомъ р. Чарына, но и всею рѣчною областью этой рѣки, что неоспоримо доставило намъ важныя выгоды. Яркимъ подтвержденіемъ этому служитъ то обстоятельство, что въ этой мѣстности въ настоящее время уже возникли наши цвѣтущія поселенія: Чунчжи, выселки Подгорный, Охотничій и поселеніе на р. Каркарѣ. Между тѣмъ Венюковъ находилъ, что эти земли, никогда намъ не принадлежавшія, никогда не будутъ намъ нужны.

---

[1]) «Новое Время» № 9531, 1902 г.

Оказывается, что онъ былъ плохимъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ.

Точно также неосновательно и мнѣніе Венюкова о безполезности для насъ земель, отошедшихъ къ Россіи по Пекинскому трактату и находящихся къ югу отъ озера Зайсана и р. Чернаго Иртыша. Выше уже было упомянуто, что направленіе границы на сѣверо-восточный уголъ озера Зайсана было сдѣлано въ силу указаній Пекинскаго трактата, въ которомъ сказано, что граница должна проходить отъ знака Шабина-Дабага на юго-западъ до озера Зайсана. Затѣмъ естественнымъ образомъ слѣдовало вывести границу на линію постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, которыми, на основаніи того же трактата, и должна обозначиться граница въ этой мѣстности. По этому комиссары и направили границу, начиная отъ устья р. Чернаго Иртыша вверхъ по этой рѣкѣ до пикета Маниту-Гатулъ-Ханъ, гдѣ она и была выведена на линію постоянныхъ китайскихъ пикетовъ. Понятно, что такое направленіе границы представляетъ собою также логическое слѣдствіе указаній Пекинскаго трактата. Спрашивается, какимъ же образомъ комиссары, ставившіе границу въ 1869 г., могли отмежевать отъ Китая и присоединить къ нашимъ владѣніямъ всѣ земли, лежащія къ югу отъ озера Зайсана и р. Чернаго Иртыша и вдобавокъ еще, какъ выразился Венюковъ—никому ненужныя. Высказывая это мнѣніе, Венюковъ, повидимому, упустилъ изъ вида, что наши комиссары должны были вести границу на основаніи Чугучакскаго протокола, основаннаго на точномъ смыслѣ Пекинскаго трактата. Будучи же обязаны при постановкѣ границы руководствоваться трактатомъ, они не имѣли основанія входить въ разсмотрѣніе совершенно посторонняго вопроса: нужны или не нужны намъ эти земли, разъ, что принадлежность ихъ тому или другому государству точнымъ образомъ опредѣлена трактатомъ.

Отсюда видно, что комиссары при постановкѣ ими границы въ 1869 г. были лишь исполнителями договорныхъ постановленій и, главнымъ образомъ, изложенныхъ въ Пекинскомъ трактатѣ. Повидимому, Венюковъ, подобно прочимъ возражателямъ, полагалъ, что комиссары имѣли полномочіе измѣнять постановленія трактата по своему усмотрѣнію. Это обстоятельство указываетъ на полное незнакомство Венюкова съ дѣломъ. Всякое, даже малѣйшее отступленіе отъ трактата было-бы, какъ подробно говорилось выше, со стороны нашихъ комиссаровъ громадною политическою ошибкою. Но и помимо этого, по принятому порядку въ международныхъ сношеніяхъ по заключеніи трактата между двумя государствами о границахъ, производится постановка границы, т. е. обозначеніе ея на самой мѣстности пограничными знаками. Послѣ того составляется описаніе границы. Въ этомъ описаніи должны быть поименованы всѣ пограничные знаки съ обозначеніемъ, гдѣ именно они поставлены. Такъ по заключеніи Буринскаго трактата графомъ Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ въ 1727 г. была произведена постановка границы отъ Кяхты въ западную сторону до Шабина-Дабага комиссаромъ стольникомъ Степаномъ Андреевичемъ Колычевымъ, къ востоку до р. Аргуни комиссаромъ Иваномъ Глазуновымъ. Послѣ этого комиссарами обѣихъ сторонъ было составлено описаніе границы, называвшееся въ то время—*инструментомъ разграниченія земли.*

Точно также и по заключеніи Пекинскаго трактата, была произведена постановка границъ и составлено ихъ описаніе. Постановка восточной границы произведена комиссарами Будогоскимъ и Турбинымъ, а западной—мною и Муромцевымъ.

Отсюда дѣлается понятнымъ, что наши комиссары, неся лишь исполнительныя обязанности, т. е. въ данномъ случаѣ исполняли лишь то, что было уже заранѣе намѣчено и категорически указано въ трактатѣ. Отступать же отъ трактата, а тѣмъ болѣе въ нарушеніе его дѣлать самовольно какія-либо земельныя пріобрѣтенія и вдобавокъ совершенно намъ ненужныя, комиссары не имѣли полномочій. Обвинять въ этомъ случаѣ комиссаровъ было-бы равносильно тому, если-бы мы вздумали привлекать къ отвѣтственности исполнителей какого-либо закона или устава за то, что они въ точности исполнили этотъ законъ или уставъ. Если такъ смотрѣть на обязанности комиссаровъ, какъ это полагаетъ Венюковъ, то слѣдуетъ обвинить и нашего комиссара стольника Колычева, ставившаго китайскую границу въ 1727 г. за то, что онъ, слѣдуя въ точности указаніямъ Буринскаго трактата, пересѣкъ границею р. Енисей у Кемь-Кемчикъ-Бома, вмѣсто того, чтобы отодвинуть границу на югъ и вести ее по хребту Танну-Олла и отмежевать къ Россіи всю рѣчную область верховій р. Енисея. Однако никому никогда не приходило въ голову обвинять въ этомъ Колычева. Если верховья р. Енисея остались въ китайскомъ владѣніи, то въ этомъ скорѣе должно винить посла графа Рагузинскаго, заключившаго Буринскій трактатъ, въ которомъ буквально сказано, что граница пересѣкаетъ р. Енисей у Кемь-Кемчикъ-Бома. Приведенныя фактическія свѣдѣнія даютъ полное основаніе заключить, что комиссары наши при постановкѣ ими границы могли подлежать отвѣтственности только въ томъ: правильно-ли они примѣнили указанія трактата къ самой мѣстности. Министерство

Иностранныхъ Дѣлъ нашло, какъ мы уже видѣли, что примѣненіе Пекинскаго трактата при постановкѣ западной китайской границы сдѣлано нашими комиссарами правильно и исполнено съ полнымъ знаніемъ дѣла. Въ виду такого отзыва правительства о дѣйствіяхъ нашихъ комиссаровъ при разграниченіи 1869 г., всѣ возраженія Венюкова падаютъ сами собою и не могутъ имѣть никакого значенія.

Но, и помимо всего вышеизложеннаго, неправильность замѣчанія Венюкова, что вся мѣстность къ югу отъ озера Зайсана и Чернаго Иртыша никогда намъ не понадобится, опровергается еще и слѣдующими соображеніями. Удержаніе всей нижней части р. Чернаго Иртыша въ нашей власти имѣло важное значеніе, потому что этимъ представлялось возможнымъ обезпечить нашу рыбопромышленность на озерѣ Зайсанѣ и Черномъ Иртышѣ, составляющей, какъ извѣстно, доходную статью войсковыхъ капиталовъ, принадлежащихъ Сибирскому Казачьему войску. Въ низовьяхъ-же Чернаго Иртыша производился всегда самый обильный уловъ рыбы, которая, какъ извѣстно, старается укрыться въ колѣнахъ и изгибахъ рѣки.

Отсюда видно, что приведенное выше замѣчаніе Венюкова, что будто-бы эта мѣстность, т. е. долина лѣваго берега Чернаго Иртыша и прилегающая къ ней равнина, лежащая по южную сторону озера Зайсана, никогда намъ не принадлежавшая, никогда не будетъ намъ нужна, оказывается какимъ-то недоразумѣніемъ. Оно тѣмъ болѣе является неосновательнымъ, что въ настоящее время, когда повсюду слышатся жалобы на стѣсненіе киргизъ въ ихъ поземельномъ владѣніи, вслѣдствіе наплыва переселенцевъ въ киргизскія степи изъ внутреннихъ губерній европейской части Россіи, всякій избытокъ степныхъ земель ни въ какомъ случаѣ не можетъ казаться ненужнымъ, а напротивъ того былъ бы крайне желательнымъ. Нынѣ уже всѣмъ извѣстно, что приливъ переселенческой волны занялъ собою почти всѣ свободные участки въ киргизской степи. Такъ онъ коснулся, какъ оказывается, и приграничныхъ мѣстностей на сѣверо-востокѣ степи, сопредѣльныхъ съ Западнымъ Китаемъ, гдѣ по произведеннымъ весьма основательно и съ полнымъ знаніемъ дѣла изслѣдованіямъ Г. Шмурло, наблюдается ничѣмъ не удержимый притокъ русскаго элемента на р. Кабу. Такъ въ 1890 году, на живописныхъ приграничныхъ мѣстностяхъ р. Кабы, уже находились три нашихъ поселенія, извѣстныя подъ именемъ Кабинскихъ. Изъ нихъ наибольшее имѣло одноклассное училище вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія [1]). Съ рѣки Кабы переселенцы начали забираться уже совсѣмъ на югъ къ самой границѣ на р. Алкабекъ [2]). Вообще наблюдаемый въ настоящее время быстрый наплывъ переселенцевъ въ киргизскія степи, какъ показываетъ колонизаціонная практика, объясняется тѣмъ, что лѣсные участки въ Сибири заселяются менѣе охотно, нежели степные. Послѣдніе разбирались нарасхватъ, несмотря на отдаленность и недостатки водоснабженія. Наплывъ ходоковъ значительно превышаетъ запись участковъ. Такое предпочтеніе, оказываемое степнымъ землямъ передъ лѣсными, находится въ тѣсной зависимости съ распредѣленіемъ переселенцевъ по мѣстамъ выхода. Большинство переселенцевъ составляютъ выходцы изъ малороссійскихъ губерній, для которыхъ едва-ли подъ силу борьба съ тяжелыми условіями сибирской тайги [3]).

Выставляя неудобства присоединенія Зайсанскаго края къ Россіи по разграниченію 1869 г., Венюковъ говоритъ, что, занявъ Зайсанскій край, мы очевидно сдѣлали ошибку, такъ какъ удлинили оборонительную линію на цѣлыя 275 в., а между тѣмъ присоединенная страна неспособна окупить издержекъ по владѣнію ею, потому что, за единственнымъ небольшимъ исключеніемъ, состоитъ изъ песковъ, солонцовъ, голыхъ горъ и кочевыхъ болотъ.

Послѣ такой характеристики пограничнаго края, сдѣланнаго Венюковымъ, можно подумать, что этотъ край, присоединенный къ Россіи по Пекинскому трактату и обнимающій собою значительную площадь, ограниченную съ сѣвера р. Нарымомъ и верхними частями р. Бухтармы, съ юга—хребтомъ Тарбагатайскимъ, а съ запада р.р. Нижнимъ Иртышомъ, Чоргой и Тамырсыкомъ, состоитъ почти исключительно изъ песковъ, солонцовъ и кочевыхъ болотъ, словомъ сказать изъ однѣхъ только земель, ничего не производящихъ, представляющихъ собою монгольскую пустыню, недоступную для цивилизованной жизни и даже совершенно необитаемую. Между тѣмъ въ дѣйствительности эта страна вмѣщаетъ въ себѣ значительное кочевое населеніе, о которомъ Венюковъ, повидимому, умышленно умалчиваетъ, хотя въ хорошо ему извѣстномъ Чугучакскомъ протоколѣ въ 5 ст. сказано: «къ какому государству отходятъ мѣста кочевокъ оныхъ народовъ, къ тому государству вмѣстѣ съ землею отходятъ и самые люди и тѣмъ государствомъ

---

[1]) Семипалатин. Лист, 1905 г. № 28.

[2]) Записка З. С. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. Кн. XXV, стр. 47 и 62.

[3]) Русскій Инвалидъ. 1904 г. № 58. Сибирь.

управляютъ». Нельзя упускать также изъ вида, что вся означенная площадь Зайсанскаго края простирается приблизительно до 25.960 кв. верстъ съ 64 тыс. кочевого населенія. Податное обложеніе съ этого населенія составляетъ довольно солидную сумму, съ избыткомъ покрывающую расходы по управленію краемъ. Слѣдовательно, если эта земля даетъ возможность содержать и кормить многочисленныя стада кочевниковъ, то она едва-ли можетъ быть названа непроизводительною.

Напрасно Венюковъ старается напугать публику песками, солонцами и голыми горами Зайсанскаго края. Всякій, хотя сколько нибудь знакомый съ исключительными и своеобразными климатическими и почвенными условіями киргизской степи, знаетъ, что эти унылые и однообразные песчаные и солонцоватые участки степныхъ равнинъ, усѣянные: чіемъ, сѣрымъ боялычемъ, полынью, кокпекомъ и другими галофитами, т. е. растеніями солончаковъ, тѣмъ не менѣе играютъ немаловажную роль въ кочевомъ обиходѣ пастушескихъ племенъ, доставляя превосходный кормъ для овецъ и верблюдовъ. Весною, когда начинаетъ пригрѣвать солнце и показывается трава, изнуренный зимней безкормицей скотъ, благодаря массѣ соли, заключающейся въ кормахъ, т. е., главнымъ образомъ, въ солончаковыхъ растеніяхъ,—быстро поправляется. «Проѣзжая, говоритъ Гейнсъ, близъ подобныхъ мѣстъ лѣтомъ, когда кругомъ все выжжено и кажется лишено всякой органической жизни, едва можно вѣрить, что эта потрескавшаяся соляная глина, эти сыпучіе пески могутъ прокормить сотни тысячъ головъ скота» [1]). По словамъ Леваневскаго, встрѣчая на пути солонцы, удивляешься, что и на такой безотрадной мѣстности по временамъ кипитъ жизнь. Тамъ и сямъ на берегу соленаго озера торчитъ фигура одногорбаго верблюда вперемежку съ двугорбымъ [2]). По свидѣтельству киргизъ, на селонцахъ встрѣчаются иногда лекарственныя растенія, какъ напр. Таиръ (Ferula), выдѣляющая изъ себя смолу, излечивающую лошадей отъ сапа [3]).

Наконецъ призайсанскіе солончаки по составу растительности значительно богаче солончаковъ Голодной степи и, можетъ быть, даже богаче и оригинальнѣе прикаспійскихъ. Солончаки занимаютъ здѣсь больше всего устья рѣкъ по выходѣ ихъ изъ горъ на глинисто-песчаныя равнины; на нихъ господствуютъ разные

¹) Гейнсъ. Собраніе литературныхъ трудовъ. Часть II, стр. 577.

²) Леваневскій. Азіатская Россія. Иллюстрированный Географическій сборникъ. Въ Киргизскихъ степяхъ. Стр. 301.

³) Чермакъ. Замѣтки о пути черезъ Голодную степь. Записки Зап. Сиб. От. Геогр. об. т. 27, стр. 4.

виды солянокъ, частью мѣстныхъ, но большинство ихъ встрѣчается на всѣхъ южныхъ солончакахъ края; здѣсь можно встрѣтить тѣ же кустики бульдургуна, кокпека, джингиля, джусана и друг. Ближе къ Зайсану солончаки занимаютъ низины между береговыми песчаными барами; чаще всего они заросли чіемъ и камышомъ [1]).

Такимъ образомъ, пески и солонцы Зайсанскаго края въ дѣйствительности вовсе не такъ страшны и непроизводительны, какъ описываетъ ихъ Венюковъ.

Говоря о кочевыхъ болотахъ Зайсанскаго края, Венюковъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду огромный сазъ, т. е. болото, образуемое подземными ключами Кызыль-Чиликты, находящееся на возвышенной котловинѣ Чиликты, окруженной со всѣхъ сторонъ горами: Манракъ, Сауръ-тау и Тарбагатай съ его отрогами. Эта болотистая мѣстность Кызыль-Чиликты въ кочевой жизни киргизъ имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что въ немъ беретъ свое начало р. Канды-су, орошающая котловину Чиликты. Рѣчная вода и изобиліе кормовыхъ травъ, растущихъ на солончакахъ, находящихся по обѣимъ сторонамъ болота Кызыль-Чиликты, извѣстныхъ у киргизъ подъ именемъ Кой-джау и составляющихъ превосходный кормъ для овецъ и верблюдовъ,—всегда привлекали въ эту мѣстность многочисленные аулы байджигитовъ поколѣній: Сайбулатъ, Караша, Кожанъ и Саты. Отсюда видно, что эти болотистыя мѣстности или сазы въ киргизскихъ степяхъ оказываютъ скорѣе благодѣтельное дѣйствіе на кочевую жизнь номадовъ, образуя собою мѣста, откуда берутъ начало рѣки, орошающія собою кочевые районы степей, и, увлажняя почву, благопріятствуютъ росту кормовыхъ травъ, столь необходимыхъ для поддержанія киргизскаго скотоводства. Въ данномъ же случаѣ, соединеніе столь благопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, которыми обладаетъ высокая Чиликтинская котловина, составляетъ причину, по которой упомянутыя поколѣнія байджигитовъ проводили въ этой мѣстности, несмотря на обширное болото Кызыль-Чиликты, все лѣто, начиная съ мая и до половины августа.

Изъ приведенныхъ выше замѣчаній Венюкова о топографическомъ характерѣ Зайсанскаго края, состоящаго, по его мнѣнію, изъ песковъ, солонцовъ, кочевыхъ болотъ и *голыхъ* горъ, можно подумать, что въ немъ вовсе не встрѣчается горъ, скаты которыхъ были-бы покрыты лѣсомъ. Между тѣмъ, изъ описанія Зай-

¹) Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Томъ XVIII. Киргизскій край, стр. 112.

санскаго края, составленнаго мною на основаніи свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ при выборѣ опорнаго пункта въ пригpаничной части края, названаго Зайсанскимъ постомъ, о чемъ въ IV главѣ IV части было подробно изложено, видно, что сѣверные и западные скаты Сауръ-тау покрыты густою щетиною хвойнаго лѣса, преимущественно лиственницею, грунтъ удобенъ для хлѣбопашества, а рыбныя ловли и изобиліе луговъ дѣлаютъ эту мѣстность вполнѣ подходящей для заселенія.

Наконецъ, говоря о непроизводительности Зайсанскаго края и его безполезности для насъ, Венюковъ упустилъ изъ вида громадное значеніе такого воднаго пути, которое представляетъ собою р. Иртышъ и озеро Зайсанъ. Если водные пути имѣютъ значеніе удобныхъ и болѣе дешевыхъ сообщеній, то, при дальности разстоянія, такая водная артерія, какъ Верхній и Нижній Иртышъ съ оз. Зайсаномъ пріобрѣтаютъ значеніе первостепенной важности.

Устроенное нынѣ пароходное собщеніе по этимъ рѣкамъ и соединяющему ихъ водоему озеру Зайсану установило непрерывный водный путь отъ Чернаго Иртыша къ устью р. Алкабека по рѣкамъ Западной Сибири до Тюмени, а также и Нижняго Иртыша до Омска, гдѣ этотъ рѣчной путь вошелъ въ связь съ общей сѣтью нашихъ рельсовыхъ путей. Такимъ образомъ, эта далекая окраина нашихъ владѣній на сѣверо-востокѣ киргизской степи была окончательно соединена непрерывнымъ путемъ съ внутренними губерніями европейской части Россіи. По этому вопросу между мною и моимъ глубокоуважаемымъ сотрудникомъ по китайскимъ дѣламъ, К. А. Скачковымъ, происходилъ живой обмѣнъ мнѣній, во время продолжительныхъ бесѣдъ въ долгіе осенніе вечера, во время моего пребыванія въ Чугучакѣ въ 1860 г. Бесѣды эти были для меня въ высшей степени поучительны и впервые подали мнѣ мысль объ организаціи Зайсанской экспедиціи. Съ устройствомъ удобныхъ и дешевыхъ сообщеній въ районѣ Зайсанскаго края неминуемо должны были возникнуть болѣе дѣятельныя торговыя сношенія съ сопредѣльными провинціями Западной Монголіи и китайской Чжунгаріи. Въ дѣлѣ организаціи этихъ торговыхъ сношеній дѣятельное участіе принимало товарищество Верхне-Иртышскаго пароходства и торговли. Съ самаго начала товарищество энергично взялось за дѣло и въ самое короткое время построило нѣсколько пароходовъ. Первый пробный рейсъ былъ сдѣланъ въ концѣ апрѣля 1901 г., когда пароходъ Семипалатинскаго купца Плещеева съ баржей и товарами, главнымъ образомъ крупичатой пшеницы, прибылъ въ озеро Зайсанъ [1]). Вскорѣ послѣ того установилось періодическое пароходное сообщеніе по р. Черному Иртышу до устья Алкабека, т. е. до самой китайской границы.

Отъ конечнаго пункта пароходнаго сообщенія по Черному Иртышу, Алкабекской пристани въ г. Кобдо и обратно, могутъ быть открыты и караванные пути по мѣстности, изобилующей горными рѣками и прекрасными пастбищами.

Центральное положеніе г. Зайсана въ отношеніи путей придаетъ ему важное значеніе торговаго перепутья. Показателемъ быстраго хода возрастающей пограничной торговли можетъ служить то обстоятельство, что торговые обороты Зайсана и Чугучака, еще недавно не превышавшіе 500 тыс. рублей, въ 1901 г. возросли до 5 милл. [2]). Въ будущемъ должно ожидать еще большаго развитія этихъ оборотовъ, въ особенности съ устрйійствомъ правильныхъ торговыхъ сношеній, кромѣ г.г. Кобдо и Чугучака, еще и съ Урумчи. Уже теперь во всѣхъ этихъ городахъ означенное пароходное товарищество имѣетъ своихъ агентовъ. По проекту же управлящаго нашимъ Урумчійскимъ консульствомъ И. А. Бобровникова, караванное движеніе отъ г. Урумчи можетъ быть направлено по дорогѣ, ведущей черезъ золотые русско-китайскіе пріиски, по западной сторонѣ Эмильской долины, черезъ горный проходъ Бургусутай и далѣе въ нашихъ предѣлахъ къ Чиликтинской и Манракской долинѣ къ Топольскому мысу на озерѣ Зайсанѣ, гдѣ уже находится факторія Верхне-Иртышскаго пароходства и торговли. Такимъ образомъ, Зайсанскій край съ прилегающей къ нему Бухтарминской долиной, имѣя всѣ удобства для развитія въ нихъ хлѣбопашества, рыболовства, пчеловодства, добычи каменнаго угля, а также и русской колонизаціи, давшее на первыхъ порахъ самые блестящіе результаты, представляетъ собою какъ бы широкое перепутье, въ которомъ черезъ г. Зайсанъ и рѣчную область Чернаго Иртыша проникаетъ изъ Сибири и внутренней Россіи въ Западный Китай русская торговля. Въ этомъ отношеніи Зайсанскій край неоспоримо пріобрѣтаетъ важное значеніе, а потому мнѣніе Венюкова, что этотъ край, никогда намъ не принадлежавшій, никогда не будетъ намъ нуженъ и не окупитъ издержекъ на владѣніе имъ, совершенно расходится съ дѣйствительностью. Должно сказать, что Венюковъ никогда не былъ въ Зайсанскомъ краѣ, но это обстоятельство, повидимому, его нисколько не затрудняло: увлекаясь своимъ авторитетомъ, онъ бойко и катего-

[1]) Носиловъ. Съ озера Зайсана. Новое Вр. 1901 г. № 757.

[2]) Носиловъ. Тамъ же.

рически высказываетъ иногда свои взгляды на мѣстность, которую лично не видѣлъ. А потому и сужденіе его о мѣстности очевидно принадлежитъ къ области только однихъ предположеній и догадокъ.

Другое замѣчаніе Венюкова, что граница со стороны Зайсанскаго края, дѣлая изгибы у озера Зайсана и Чернаго Иртыша, удлинила оборонительную линію на 275 верстъ и неблагопріятна для ея охраны, вслѣдствіе отступленія отъ прямой, то въ настоящее время, когда граница по Петербургскому трактату передвинулась къ востоку отъ озера Зайсана на верховья р. Кабы и Алкабека уже не можетъ имѣть никакого значенія.

Граница въ этой мѣстности идетъ безъ всякихъ изгибовъ въ прямомъ направленіи отъ горъ Южнаго Алтая до Тарбагатайскаго хребта. При такомъ направленіи границы теряетъ свое значеніе и другое замѣчаніе Венюкова, что Зайсанскую границу приходится защищать съ трехъ сторонъ. Опасенія Венюкова о трудности охранять эту границу и о необходимости содержать на ней значительные отряды для ея охраны очевидно преувеличены и заявлены имъ по какому-то непонятному заблужденію. На этомъ участкѣ границы въ мирное время китайцы никогда не рѣшатся безъ всякаго повода съ нашей стороны предпринять какія-либо враждебныя противъ насъ дѣйствія, а чтобы отогнать отъ границы барантачей или другихъ киргизскихъ хищниковъ, нѣтъ надобности выставлять на границѣ никакихъ отрядовъ. Въ теченіе осени и зимы 1867—1868 г. г., т.-е. въ самое тревожное время дунганскаго возстанія, вся эта граница охранялась мною съ 50 казаками. Послѣдняя война ихъ съ нами и съ японцами выяснила, что такое китайскія войска, а потому особенно тревожиться о какомъ-либо нашествіи съ этой стороны китайцевъ, повидимому, нѣтъ никакихъ основаній. Что же касается до охраны Зайсанской границы мѣстнымъ вооруженнымъ населеніемъ, то должно замѣтить, что это населеніе, т.-е. казаки, живущіе въ станицахъ Зайсанскаго уѣзда, расположенныхъ въ пограничныхъ съ Китаемъ мѣстностяхъ киргизской степи, а именно: въ Зайсанской и Кокпектинской и принадлежащихъ къ нимъ поселкахъ: Кендерликскомъ и Буконьскомъ, простиралось еще въ 1878 г. до 1320 человѣкъ мужского пола. Въ настоящее же время это населеніе еще болѣе увеличилось, и безъ сомнѣнія можетъ безъ особыхъ затрудненій выставить отъ 3 до 5 сотенъ казаковъ. Это число казаковъ вполнѣ достаточно для охраны границы на первое время собственно мѣстнымъ вооруженнымъ населеніемъ въ томъ случаѣ, если бы въ этомъ встрѣтилась надобность.

Точно также оказывается напраснымъ и опасеніе Венюкова, что въ Зайсанскомъ краѣ продовольствіе войскъ можетъ обходиться очень дорого. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1881 г. о посѣвѣ и урожаѣ хлѣбовъ въ Зайсанскомъ уѣздѣ, тамъ было снято у осѣдлаго и кочевого населенія: ржи—171 чт., яровой пшеницы—17.451 чт., овса—8,484 чт., ячменя—356 чт. и остальныхъ яровыхъ хлѣбовъ (преимущественно проса) 5.501 чт. Сверхъ того, въ Зайсанскомъ уѣздѣ предположено произвести опытъ посѣва озимой пшеницы изъ сѣмянъ, добытыхъ въ Эмильской долинѣ у китайцевъ. Во всякомъ случаѣ, недостатокъ мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ, въ особенности въ военное время, можетъ быть пополненъ подвозами хлѣба, а также и другихъ воспособленій для войска паровымъ путемъ по озеру Зайсану, въ чемъ, повидимому, не можетъ встрѣтиться никакихъ затрудненій, судя по существующему нынѣ пароходному сообщенію по Зайсану и Черному Иртышу.

Отсюда видно, что приведенныя замѣчанія Венюкова о трудностяхъ, какъ охраны Зайсанской границы, такъ и продовольствія войскъ мѣстными средствами оказываются недоразумѣніемъ, несогласнымъ съ дѣйствительностью.

Обвиняя комиссаровъ, производившихъ постановку западной китайской границы въ разныхъ ненормальностяхъ, Венюковъ остался также недоволенъ проведеніемъ и восточной китайской границы. По его мнѣнію, эта граница въ Уссурійскомъ краѣ проведена и обозначена на мѣстахъ, къ сожалѣнію, не безъ нѣкоторыхъ ошибокъ въ стратегическомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, вслѣдствіе недовольно обстоятельнаго изслѣдованія страны за Хинганомъ въ 1859 г. и недостаточно зрѣломъ обсужденіи дѣла нашими пограничными комиссарами, какъ это позднѣе случилось и на границѣ съ Чжунгаріей.

Вскорѣ послѣ появленія въ печати приведенныхъ выше замѣчаній Венюкова о неудобствахъ Уссурійской границы, комиссаръ Будогоскій призналъ необходимымъ въ отвѣтъ на эти замѣчанія высказать и свое заключеніе по разсматриваемому вопросу.

По мнѣнію Будогоскаго, комиссары, производившіе въ этихъ мѣстахъ постановку границы, были обязаны, прежде всего, неукоснительно руководствоваться постановленіями Пекинскаго трактата. Венюковъ же желаетъ имѣть границами Уссурійскаго края такія естественныя преграды, чрезъ которыя сосѣди-китайцы не могли бы проникнуть безъ перелома ногъ. Такое мнѣніе Венюкова, по словамъ Будогоскаго, показываетъ или совершенное незнаніе края, или умышленное искаженіе фактовъ ради прежде задуманнаго

вывода. Мнѣніе это нельзя не признать тѣмъ болѣе правильнымъ, что вся восточная граница была опредѣлена въ Пекинскомъ трактатѣ самымъ точнымъ образомъ и даже показана буквами русскаго алфавита отъ А — У. Причемъ и самое направленіе ея обозначено на утвержденной картѣ красною чертою. Послѣ этого дѣлается понятнымъ, что комиссары не имѣли права дѣлать отступленія отъ трактата и утвержденной карты и обвинять ихъ въ стратегическихъ, экономическихъ и другихъ ошибкахъ, какъ это дѣлаетъ Венюковъ,—нѣтъ никакихъ основаній.

Сопоставляя приведенныя выше возраженія Будогоскаго съ замѣчаніями Венюкова, нельзя не обратить вниманія, что въ этой полемикѣ наблюдается какая-то странная аномалія: обѣ стороны упрекаютъ другъ друга въ незнакомствѣ съ дѣломъ. Но въ данномъ случаѣ, преимущество въ знаніи мѣстности и всѣхъ обстоятельствъ пограничнаго дѣла слѣдуетъ по всей справедливости отдать нашимъ комиссарамъ восточной китайской границы: Будогоскому и Турбину, которые принимали личное участіе въ постановкѣ границы, а, слѣдовательно, имѣли полную возможность ознакомиться до мельчайшихъ подробностей съ топографическимъ характеромъ приграничной мѣстности. Подъ руководствомъ Будогоскаго съ 1857 и при его личномъ участіи произведена съемка р. Амура еще въ то время, когда тамъ не было никакихъ поселеній. Онъ выбралъ и назначилъ мѣста для казачьихъ станицъ и деревень. Онъ составилъ и издалъ карту рѣкъ Шилки и Амура, которая въ свое время была единственной въ Россіи картой судоходной рѣки съ обозначеніемъ фарватера: по ней всѣ пароходы ходили тогда на 3 тыс. верстъ безъ лоцмана. Въ 1859 г. Будогоскій, по порученію Ген.-Губ. Восточной Сибири графа Муравьева-Амурскаго, подымался по р. р. Уссури и Сунгача до озера Ханка, гдѣ, не найдя китайскихъ комиссаровъ, долженъ былъ отправиться одинъ по неизвѣстнымъ никому мѣстамъ къ берегу моря, чтобы встрѣтить въ заливѣ Посьета въ назначенный день графа Муравьева-Амурскаго, отправлявшагося для переговоровъ въ Японію. Проходя по безплоднымъ мѣстамъ со всевозможными лишеніями, Будогоскій успѣлъ осмотрѣть эту страну, составить первую карту и по ней указать выгоднѣйшее направленіе границы отъ устья р. Мурени до Тумень-дзяна. Послѣ встрѣчи съ Ген.-Губ., Будогоскій былъ отправленъ въ Пекинъ для утвержденія и обмѣна картъ съ китайскимъ правительствомъ. Въ этомъ же году Будогоскій успѣлъ составить карту Уссурійскаго воднаго пути съ промѣромъ по фарватеру, а въ 1860 г. имъ же составлена и издана карта всей Амурской страны. Между тѣмъ Венюковъ, осмотрѣвшій

лишь только одну долину р. Уссури, не могъ ознакомиться въ полной мѣрѣ со всѣмъ Уссурійскимъ краемъ, подобно комиссарамъ восточной границы, производившимъ постановку ея на самой мѣстности, что требовало основательнаго знакомства со всѣмъ вообще этимъ краемъ.

Наши комиссары, производившіе постановку Уссурійской границы въ 1861 г., очевидно имѣли полную возможность ознакомиться съ этой мѣстностью во всей подробности. По ихъ свидѣтельству, отъ верховьевъ р. Усачи до пограничнаго знака лит. Н, со стороны городовъ Нингута и Сань-Сина, хребетъ покрытъ непроходимыми лѣсами. Постановка знаковъ въ этой мѣстности была сопряжена съ громадными трудностями и лишеніями. Помощнику комиссара Ген. Шт. капитану Турбину, съ топографами и рабочими людьми приходилось слѣдовать по безлюдной, дикой и суровой мѣстности. Въ дождливое время приграничная мѣстность представляла большія затрудненія для слѣдованія съемочной партіи.

Такой же мрачный, угрюмый и негостепріимный характеръ носитъ мѣстность Уссурійскаго края со стороны Нингута и Сань-Сина, лежащая къ сѣверо-востоку отъ Владивостока. Изъ описанія этой мѣстности, сдѣланнаго Шрейдеромъ, видно, что впечатлѣніе, производимое Уссурійской тайгой, особенно, когда видишь ее «у себя дома» впервые, трудно забыть. «Разнообразіе, роскошь и мощь ея первобытной растительности не имѣетъ ничего общаго съ тѣми чахлыми, худосочными лѣсами, которые приходится такъ часто видѣть въ Европейской Россіи. И что особенно поражаетъ зрителя, такъ это удивительное богатство, разнообразіе и смѣшеніе формъ растительности. Вѣковые дубы, огромные клены, исполинскіе кедры, стройныя сосны, развѣсистый грецкій орѣхъ, гигантскія пробковыя деревья, черешня и пихта толпятся вокругъ дороги, обступая ее со всѣхъ сторонъ. Намъ приходилось то и дѣло пробираться по безыменнымъ ручьямъ и рѣченкамъ, взбираться на поросшіе лѣсомъ склоны горъ и хребтовъ, спускаться на дно лощинъ, овраговъ и ущелій. То передъ нами вставалъ гигантскій хребетъ, то поднимался цѣлый хаосъ горъ, покрытыхъ глухимъ непроницаемымъ лѣсомъ» [1]).

Граница Южно-Уссурійскаго края, начиная отъ Хабаровска, идетъ, какъ извѣстно, сначала по рѣкамъ Уссури и Сунгача до озера Ханка. Затѣмъ граница, пересѣкая озеро Ханка, слѣдуетъ далѣе по отрогамъ Кентей-Алинскаго хребта на юго-востокъ по

[1]) Шрейдеръ. Въ Уссурійской тайгѣ. Азіатская Россія.

направленію къ Великому океану и оканчивается при устьѣ рѣки Тумень-Ула.

Такое начертаніе границы, по мнѣнію Венюкова, весьма для насъ невыгодно, потому что узкій перешеекъ нашихъ владѣній къ югу отъ озера Ханка, образуемый государственною границею и берегомъ Японскаго моря, въ случаѣ войны съ китайцами, подвергается большой опасности. Китайцы могутъ дѣйствовать въ тылъ всѣмъ нашимъ поселеніямъ, находящимся на этомъ перешейкѣ и даже угрожать самому Владивостоку.

Для того, чтобы разсмотрѣть, въ какой степени основательно приведенное выше мнѣніе Венюкова о неудобствахъ Южно-Уссурійской границы и опасности, которой, будто бы, подвержены расположенныя вблизи ея наши поселенія, — необходимо предварительно объяснить значеніе для насъ Южно-Уссурійскаго края въ политическомъ отношеніи, а также обстоятельства, сопровождавшія присоединеніе этого края къ владѣніямъ Россіи, и, наконецъ, сдѣлать стратегическій обзоръ его государственной границы.

Пріобрѣтеніе Южно-Уссурійскаго края по Пекинскому трактату неоспоримо имѣло важное значеніе для Россіи. Занявъ этотъ край, мы придвинулись къ Великому океану и овладѣли на побережьѣ Японскаго моря превосходными гаванями и бухтами, представляющими самыя благопріятныя условія для развитія нашихъ морскихъ военныхъ силъ. Между тѣмъ, до того времени, по всей Россіи не было ни одной береговой точки, которая бы прилегала къ океану. Наибольшая наша береговая линія лежитъ къ сѣверу, омываемая Бѣлымъ и Ледовитымъ морями, которыя не доступны для судоходства большую часть года. Входъ и выходъ изъ Чернаго и Балтійскаго морей находится во владѣніи чужихъ государствъ [1]).

Въ будущемъ, Южно-Уссурійскій край можетъ пріобрѣсти также важное для насъ значеніе въ экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ, представляя выгодныя условія для колонизаціи и обладая значительными естественными богатствами [2]). Такъ, по гидрографическимъ изслѣдованіямъ, которыя производились судами Сибирской флотиліи еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, оказалось, что морскія воды этого края, или такъ называемый заливъ Петра Великаго, состоитъ изъ шести отдѣльныхъ большихъ заливовъ: Америка, Востокъ, Стрѣлокъ, Уссурійскій, Амурскій и Посьетъ, и, кромѣ того, вмѣщаетъ въ себѣ, на протяженіи около 250 миль береговой линіи, до двадцати прекрасныхъ гаваней, способныхъ укрыть въ себѣ самыя большія военныя суда во всякую погоду и почти во всякое время года, потому что нѣкоторыя изъ этихъ гаваней, какъ, напримѣръ, бухта Америка, Патроклъ и другія, никогда не замерзаютъ [1]).

Впослѣдствіи китайцы убѣдились, что они сдѣлали большую ошибку, уступивъ намъ береговую полосу Маньчжуріи. Здѣсь повторилось то же самое явленіе, что и на западной китайской границѣ, гдѣ по случаю уступки намъ озера Зайсана и Бухтарминской долины, китайцы, какъ мы видѣли, откровенно сознались нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Пекинѣ въ своей ошибкѣ. Уступленное намъ китайцами по Пекинскому трактату побережье Японскаго моря, будучи отрѣзано отъ промышленныхъ и торговыхъ городовъ сѣверо-восточной Маньчжуріи: Хунь-Чуна, Нингута, Сань-Сина и Гирина, очевидно представляло для китайцевъ весьма важное неудобство. Этимъ и объясняется постоянное ихъ домогательство измѣнить направленіе этой части границы съ цѣлью захвата береговъ Японскаго моря у залива Посьета. Домогаясь же передачи мѣстности, занятой дер. Савеловкой, какъ находящейся на китайской территоріи, они высказались о необходимости пересмотра границы для возвращенія Китаю части залива Посьета, будто бы нами неправильно захваченнаго, и безъ котораго невозможно гражданское развитіе Маньчжуріи.

Затѣмъ изъ переговоровъ, по случаю водворенія на китайской территоріи нашего поселенія Савеловки, выяснилось, что китайцы офиціально высказали намъ свои притязанія не только на спорную Савеловку, но и на весь нашъ Посьетскій районъ, прямо заявляя, что для процвѣтанія Маньчжуріи имъ необходимо передвинуть свою границу до нашего Посьетскаго морского берега [2]). Такая упорная настойчивость китайцевъ измѣнить въ своихъ видахъ направленіе Южно-Уссурійской границы, т. е. придвинуть ее къ морю, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что означенная граница, выгодная для насъ, оказывается неудобной для китайцевъ.

Слѣдовательно, измѣнить выгодную для насъ границу, неоспоримо имѣющую важное для насъ значеніе во многихъ отношеніяхъ, какъ этого требуетъ Венюковъ, повидимому, нѣтъ основаній. Если бы мы вздумали, слѣдуя Венюкову, дать другое, еще болѣе выгодное для насъ направленіе границы, то очевидно для

---

[1]) Экономистъ. Томъ III, кн. 3, стр. 35 и 36.

[2]) Всеподданнѣйшій докладъ предсѣдателя совѣщанія по Амурскимъ дѣламъ Генералъ-Адъютанта Баранова отъ 5 іюля 1883 года.

[1]) Сборникъ главнѣйшихъ офиціальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью. Томъ I, в. I, стр. 278.

[2]) Сборникъ главнѣйшихъ офиціальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью. Томъ I, вып. II, стр. 323.

этого пришлось бы отодвинуть ее къ западу, въ глубь Маньчжуріи. Другими словами, потребовать отъ китайцевъ присоединенія къ нашимъ владѣніямъ большей части Сань-Синской и Гиринской областей, т. е. той территоріи, которая считается колыбелью царствующей нынѣ въ Китаѣ династіи. Достигнуть этой цѣли,—которая однако же никогда не была въ нашихъ видахъ,—дипломатическимъ путемъ, т. е. посредствомъ переговоровъ съ китайцами, оказывается прямо невозможнымъ. Вникая въ это дѣло глубже, нельзя не остановиться на томъ соображеніи, что если мы будемъ требовать переноса границы къ западу на южные отроги Хинганскаго хребта, съ цѣлью придать ей естественный характеръ, т. е. еще болѣе отдалить ее отъ моря, то китайцы неминуемо будутъ всячески противиться этому, въ виду неоднократно заявленныхъ ими притязаній придвинуть свою границу къ нашему Посьетскому морскому берегу. Словомъ, обѣ стороны, имѣя передъ собою одинъ и тотъ же объектъ дѣйствій, т. е. океанъ, неминуемо будутъ стремиться къ нему, оспаривая другъ у друга право на обладаніе морскими берегами. При такихъ условіяхъ установить подходящій modus vivendi и согласить интересы Россіи и Китая, діаметрально противоположные другъ другу, будетъ весьма затруднительно. Нельзя упустить изъ виду, что отрѣзанный нами отъ Японскаго моря узкою полосою Китай всегда будетъ стремиться найти для Маньчжуріи выходъ въ океанъ въ заливѣ Посьета. На этомъ основаніи, на пограничный споръ изъ-за Савеловки, правильнѣе смотрѣть лишь какъ на первую попытку, на предлогъ къ пересмотру и исправленію границы [1]).

Наконецъ, если даже допустить, что китайцы будутъ имѣть дипломатическій неуспѣхъ на переговорахъ о границѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ случаѣ, при такомъ положеніи дѣлъ, Китай будетъ ждать только удобнаго случая для достиженія намѣченной имъ цѣли другимъ путемъ. Напрасно Венюковъ думаетъ, что вести переговоры съ китайцами легко и добиться отъ нихъ уступокъ нетрудно, стоитъ только захотѣть. Въ дѣйствительности же это происходитъ далеко не такъ. Опытъ показываетъ, что переговоры съ китайцами всегда требуютъ тяжкихъ трудовъ и усилій, а также твердости, рѣшительности и опытности въ веденіи съ ними дѣлъ. Мы уже видѣли, сколько всевозможныхъ препятствій: умышленнаго затягиванія дѣла, завѣдомой лжи, высказываемой надменно и заносчиво, испытали наши комиссары при переговорахъ, происходившихъ въ Чугучакѣ. Но всѣ эти за-

[1]) Журналъ особаго совѣщанія по Амурскимъ дѣламъ. 18 іюня 1883 года. Мнѣніе Военнаго Министра.

трудненія и неудобства окажутся еще незначительными, если ихъ сравнить съ тѣми громадными затрудненіями и проволочками, которые были встрѣчены нашими уполномоченными при заключеніи ими Айгунскаго, Тянь-Цзинскаго и въ особенности Пекинскаго договоровъ. Такъ, напримѣръ, при переговорахъ, предшествовавшихъ заключенію Айгунскаго договора, китайцы выказали самое тупое упорство по всѣмъ возбужденнымъ нами вопросамъ, относящимся до пограничныхъ дѣлъ. Когда же имъ былъ представленъ нами проектъ договора о границѣ по р. Амуру и Уссури и по р. Тумень-Ула до моря, а также и по другимъ вопросамъ относительно свободнаго плаванія по рѣкамъ, свободнаго переселенія жителей по взаимной торговлѣ, пересмотрѣ трактатовъ, отправленія миссій, пословъ, курьеровъ и проч., китайцы всячески оспаривали проектированные нами постановленія договора, предъявляя свои доводы и опроверженія, иногда совершенно не относящіеся къ дѣлу. По вопросамъ же о пересмотрѣ прежнихъ трактатовъ относительно торговыхъ сношеній, сообщеній съ Пекиномъ и проч.,—рѣшительно отказались разсуждать, ссылаясь на неимѣніе на это полномочій. Затѣмъ китайцы просили исключить изъ проекта договора слово: «граница», выставляя на видъ то обстоятельство, что граница съ Китаемъ будто бы утверждена прежними трактатами. Кромѣ того, они требовали измѣнить выраженіе: «*ради большой славы и пользы обоихъ государствъ*», утверждая, что нѣтъ надобности упоминать о славѣ, когда Китай и безъ того такъ славенъ. Наконецъ, китайцы упорно настаивали на измѣненіи I ст. договора о земляхъ отъ р. Уссури до моря. Генералъ-Адъютантъ Н. Н. Муравьевъ, убѣдившись, что китайцы всячески стараются затянуть дѣло и, видимо, уклоняются дать окончательное согласіе на наши требованія, рѣшился измѣнить характеръ переговоровъ и дать имъ болѣе твердый и крутой оборотъ. Съ этою цѣлью, 14-го мая, прибывъ въ г. Айгунъ, онъ предъявилъ китайцамъ составленный имъ новый проектъ договора въ видѣ ультиматума. Но китайцы попрежнему начали оспаривать и этотъ проектъ, выставляя, главнымъ образомъ, на видъ то обстоятельство, что земли отъ р. Уссури до моря и вообще весь Уссурійскій бассейнъ составляютъ родину царствующей въ Китаѣ династіи, а потому уступить его Россіи было бы равносильно измѣнѣ. Но всѣ эти возраженія китайцевъ были опровергнуты Н. Н. Муравьевымъ, который, между прочимъ, указалъ имъ на тотъ фактъ, что послѣдняя блокада побережьевъ Уссурійскаго края англичанами и французами ясно доказываетъ, что эти морскія державы, бывшія тогда въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Китаемъ, а съ нами въ войнѣ, призна-

вали этотъ край не китайскимъ, а русскимъ. Родина же царствующей въ Китаѣ династіи находится не въ Уссурійскомъ бассейнѣ, а въ бассейнѣ р. Нингуты, мѣстности, которой мы далеко не касаемся. Китайскій уполномоченный князь И-Шань и его товарищъ Айгунскій Хэбэй-Амбань, хотя и ничего не могли возразить противъ этихъ фактически вѣрныхъ и справедливыхъ возраженій Генералъ-Губернатора Н. Н. Муревьева, но всетаки не унимались и видимо уклонялись отъ окончательнаго соглашенія съ нами, продолжая по прежнему упорно оспаривать проектированныя нами договорныя постановленія. Тогда Н. Н. Муравьевъ, видя, что всѣ его убѣжденія склонить китайскихъ уполномоченныхъ на согласіе оказываются тщетными, всталъ изъ-за стола и, взявъ за руки Цзянь-Цзюня князя И-Шаня и Амбаня и обращаясь съ сердитымъ видомъ къ Н. Н. Шишмареву, просилъ его передать имъ, что лично онъ съ ними остаются друзьями, но онъ убѣдился, что мирнымъ путемъ вести переговоры съ ними—нельзя; что онъ сказалъ все, отъ него зависящее, а теперь уже ихъ дѣло обсудить и согласиться на его рѣшительныя и неизмѣнныя предложенія, для чего и даетъ имъ срокъ только до завтра.

Такой рѣшительный образъ дѣйствій Н. Н. Муравьева произвелъ сильное впечатлѣніе на китайскихъ уполномоченныхъ, и они пришли къ убѣжденію, что высказанные имъ доводы на право обладанія нами Уссурійскимъ краемъ, вполнѣ справедливы, а главное, что мы всегда имѣемъ полную возможность подкрѣпить наши требованія силою оружія. А потому китайцы рѣшились, наконецъ, согласиться на ультиматумъ Н. Н. Муравьева. Такая рѣшимость китайскихъ уполномоченныхъ на уступку намъ Амурскаго края объясняется также и тѣмъ обстоятельствомъ, что не только они, но и само центральное Пекинское правительство сознавало, что, съ основаніемъ нашихъ постовъ въ низовьяхъ р. Амура и по прибрежью Амурскаго края, а также съ водвореніемъ нами вооруженнаго населенія на берегахъ Амура, мы принимали уже рѣшительныя мѣры къ прочному занятію этого края и не желаемъ дѣлать ни уступокъ, ни замедленій,—прислало сказать пограничному китайскому начальству, что изъ возникшихъ недоразумѣній не приходится ему разрывать съ нами двухсотлѣтнюю дружбу. Такой отвѣтъ представляетъ собою результатъ съ одной стороны въ высшей степени основательныхъ и дальновидныхъ распоряженій Н. Н. Муравьева, а съ другой—полученнаго китайцами свѣдѣнія объ ожидаемомъ прибытіи изъ Кронштадта въ китайскія воды семи нашихъ военныхъ судовъ. Приведенныя выше мѣры, заблаговременно, съ особымъ умѣньемъ и дальновидностью принятыя

Н. Н. Муравьевымъ къ фактическому занятію Амурскаго края, по справедливому замѣчанію адмирала Невельскаго, составляютъ главную и важнѣйшую заслугу Муравьева, весьма хорошо понимавшаго, что всякіе переговоры съ Китаемъ, т. е. сношенія съ нимъ дипломатическимъ путемъ, безъ подкрѣпленія ихъ вооруженною силою, останутся безплодными [1]).

Такой взглядъ на дѣло былъ примѣненъ Н. Н. Муравьевымъ, какъ мы видѣли, въ полной мѣрѣ и во время переговоровъ, веденныхъ ими въ г. Айгунѣ съ китайскимъ уполномоченнымъ княземъ И-Шанемъ 15 мая. Вслѣдствіе этого, на другой же день, послѣ предъявленія Н. Н. Муравьевымъ проекта договора въ видѣ ультиматума, прибыли къ нему китайскіе сановники для окончательнаго соглашенія. Они только убѣдительно просили отъ имени князя И-Шаня, чтобы взамѣнъ словъ: граница въ Уссурійскомъ краѣ, было изложено, что земли отъ верховьевъ р. Уссури до моря останутся не разграниченными до усмотрѣнія Россійскаго Императора и Китайскаго Богдыхана. Эта убѣдительная просьба, съ которою китайцы рѣшились обратиться къ Н. Н. Муравьеву, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что они, будучи незнакомы въ полной мѣрѣ съ Уссурійскимъ краемъ, повидимому, все еще опасались, чтобы въ районъ нашихъ владѣній не вошла мѣстность, откуда происходитъ ихъ царствующая династія. На это ходатайство И-Шаня, Н. Н. Муравьевъ призналъ возможнымъ дать свое согласіе. На слѣдующій день, 16 мая, состоялась церемонія по заключенію договора, послѣ подписи котораго Н. Н. Муравьевъ и князь И-Шань обмѣнялись подписанными экземплярами на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ и передали ихъ другъ другу съ взаимнымъ поздравленіемъ. Изъ приведеннаго выше описанія хода переговоровъ, веденныхъ Н. Н. Муравьевымъ въ Айгунѣ, видно, что переговоры эти не обошлись безъ взаимныхъ споровъ и пререканій, а также и всяческихъ затрудненій и проволочекъ, вслѣдствіе тупого упорства китайцевъ и ихъ мелочной и подозрительной придирчивости не только къ выраженіямъ, помѣщеннымъ въ проектѣ договора, но даже къ словамъ. Только благодаря несокрушимой энергіи графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, его твердости, предусмотрительности и умѣнію обращаться съ китайцами, состоялось заключеніе достопамятнаго Айгунскаго договора, по которому Амурскій край перешелъ во владѣніе Россіи. Но уступая намъ Амуръ и Уссури, китайцы, по

[1]) Посмертныя записки адмирала Г. И. Невельскаго, стр. 399. Отсюда же заимствованы и приведенныя свѣдѣнія о веденіи Н. Н. Муравьевымъ переговоровъ въ Айгунѣ.

справедливому замѣчанію А. Максимова, предполагали, что рѣшительныя дѣйствія графа Муравьева-Амурскаго опирались на грозную военную силу—и они уступили, но уступили въ намѣреніи и надеждѣ вернуть потерянное, уступили со злобой и ненавистью къ русскимъ пришельцамъ. Не менѣе затрудненій и столкновеній съ китайцами встрѣтилъ и адмиралъ графъ Путятинъ при заключеніи ими Тянь-Цзинскаго договора. Прежде всего китайцы вознамѣрились не допускать пріѣзда нашего посланника въ Пекинъ, ссылаясь на то, что у нихъ въ то время (1857 г.) не было никакихъ особо важныхъ дѣлъ съ Россіею, для которыхъ стоило бы такой важной особѣ, какъ посланникъ, предпринимать трудный и далекій путь въ Пекинъ. Таковъ былъ отвѣтъ китайскаго правительства на ноту графа Путятина о его пропускѣ въ Пекинъ. Китайцы долго медлили этимъ отвѣтомъ, котораго тщетно ожидалъ Путятинъ, находясь все время въ Кяхтѣ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго и напраснаго ожиданія, потерявъ всякое терпѣніе, онъ выѣхалъ оттуда и уже получилъ отвѣтъ въ Селенгинскѣ. Не смотря однако же на отрицательный характеръ этого отвѣта, Путятинъ все-таки рѣшился ѣхать въ Пекинъ, но только не черезъ Монголію, а моремъ. А потому, по возвращеніи изъ Кяхты, онъ отправился внизъ по р. Амуру и, достигнувъ г. Николаевска, отплылъ оттуда на пароходо-фрегатѣ «Америка» къ берегамъ Китая. Войдя въ Печилійскій заливъ, онъ, 24 іюля 1857 г., достигъ р. Пейхо, гдѣ и вошелъ въ сношеніе съ китайскими властями. Но китайцы объявили, что не могутъ принять отъ Путятина никакихъ бумагъ, ссылаясь на то, что Печили закрытъ для европейцевъ, а для переговоровъ съ Россіею есть Кяхта, о чемъ и само китайское правительство сообщило уже нашему Сенату, жалуясь при этомъ на Путятина за то, что онъ, въ противность трактатамъ, проникъ въ мѣстности, закрытыя для европейцевъ. Все время пребыванія Путятина на р. Пейхо, китайцы, послѣ долгихъ споровъ и пререканій, истощивъ всѣ усилія, чтобы уклониться отъ принятія отъ него бумагъ, наконецъ только 12 августа приняли ихъ. Отвѣтъ на эти бумаги послѣдовалъ 4-го сентября и оказался точно также неудовлетворительнымъ, какъ и прежде. Тогда нашъ посланникъ рѣшился отправиться въ Шанхай, гдѣ надѣялся добиться болѣе благопріятныхъ результатовъ, совокупно съ уполномоченными западно-европейскихъ морскихъ державъ и Америки, прибывшихъ въ Шанхай въ сопровожденіи сильной Англо-Французской эскадры. Съ своей стороны Пекинское правительство находило, что разсмотрѣніе вопроса объ Амурѣ въ Шанхаѣ, неудобно потому, что у нихъ есть для этого на Амурѣ особый уполномоченный Главноуправляющій въ Маньчжуріи, сановникъ И-Шань, къ которому и слѣдуетъ обращаться для этихъ переговоровъ. А потому правительство Богдыхана просило отозвать Путятина изъ Шанхая. Положеніе нашего посланника оказалось весьма затруднительнымъ, и только случайно сложившіяся благопріятныя обстоятельства помогли ему вытти изъ этого непріятнаго положенія. По прибытію въ Шанхай, Путятинъ нашелъ тамъ Англо-Французскій флотъ, готовящійся къ отплытію въ Печилійскій заливъ для открытія военныхъ дѣйствій противъ китайцевъ, въ случаѣ несогласія ихъ исполнить требованія морскихъ державъ Европы и Америки. При такомъ положеніи дѣлъ, Путятинъ призналъ возможнымъ и даже необходимымъ войти въ соглашеніе съ уполномоченнымъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ Англіи и Франціи для совокупныхъ дѣйствій противъ Китая. Вслѣдъ затѣмъ состоялось отплытіе Путятина на пароходо-фрегатѣ «Америка» въ Печилійскій заливъ вмѣстѣ съ Англо-Французской эскадрой. По взятіи союзниками фортовъ при устьѣ р. Пейхо и занятіи ими г. Тянь-Цзина, открытъ былъ путь къ Пекину. Тогда китайцы поняли угрожавшую имъ опасность и прислали своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ представителями иностранныхъ государствъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Путятинъ успѣлъ первый заключить съ ними 1-го іюня 1858 года трактатъ, извѣстный подъ именемъ Тянь-Цзинскаго. Но чтобы добиться этого, Путятинъ, какъ мы видѣли, долженъ былъ перенести цѣлый рядъ самыхъ тяжкихъ и оскорбительныхъ столкновеній съ китайцами и всевозможныхъ проволочекъ, сопряженныхъ съ значительной потерей времени. Но при всѣхъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ графами Муравьевымъ-Амурскимъ и Путятинымъ при переговорахъ съ китайцами, они не имѣли такого въ высшей степени напряженнаго характера, которымъ отличались переговоры, веденные въ Пекинѣ генераломъ Игнатьевымъ, когда положеніе нашего посланника казалось иногда до крайности рискованнымъ и даже до нѣкоторой степени опаснымъ и безвыходнымъ. Былъ напримѣръ такой случай: на одной изъ послѣднихъ конференцій съ китайскими уполномоченными, когда, во время происшедшихъ между ними и нашимъ посланникомъ весьма бурныхъ объясненій, надменный китайскій сановникъ Су-Шунь, державшій себя слишкомъ свободно, позволилъ себѣ швырнуть предъявленный ему текстъ Айгунскаго договора на столъ съ рѣзкимъ замѣчаніемъ, что эта бумага никакого значенія не имѣетъ. Тогда генералъ Игнатьевъ немедленно всталъ съ своего мѣста и громогласно объявилъ, что такъ какъ Су-Шунь не умѣетъ себя вести и до

того забывается, что позволяетъ себѣ обходиться непочтительно съ международными актами въ присутствіи русскаго уполномоченнаго, онъ прекращаетъ конференцію и тутъ же добавилъ, что онъ обратится въ Верховный Совѣтъ съ просьбой о назначеніи другихъ уполномоченныхъ, которые умѣли бы вести себя прилично. Послѣднее замѣчаніе было тяжкимъ ударомъ для Су-Шуня, потому что для китайскаго мандарина нѣтъ большаго оскорбленія, какъ обвиненія его въ незнаніи приличій [1]). Но и ранѣе этого, при самомъ открытіи переговоровъ, китайскіе уполномоченные Су-Шунь и Жуй-Чанъ безцеремонно сообщили нашему посланнику объ удивленіи, съ которымъ Богдыханъ принялъ извѣстіе о его прибытіи въ Пекинъ. Вѣроятно, заявили затѣмъ китайцы, нашъ посланникъ по недоразумѣнію не получилъ извѣстія о ратификаціи Тянь-Цзинскаго договора, состоявшагося черезъ три дня послѣ его подписанія. Послѣ этого въ Пекинѣ нѣтъ болѣе нерѣшенныхъ русскихъ дѣлъ и Богдыханъ полагаетъ, что пріѣхавшій посланникъ вернется вскорѣ обратно въ свое отечество. На это генералъ Игнатьевъ, сохраняя возможное спокойствіе, отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ для окончанія пограничныхъ дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію на основаніи Айгунскаго, Тянь-Цзинскаго и другихъ договоровъ. Но Су-Шунь на это замѣтилъ, что и по этимъ вопросамъ, напримѣръ, по опредѣленію восточной границы между Россіею и Китаемъ, имъ невозможно трактовать въ Пекинѣ по незнакомству съ мѣстными условіями края. Во всякомъ случаѣ, добавилъ онъ, китайское правительство никогда не допуститъ Россію до какихъ-либо территоріальныхъ захватовъ въ Маньчжуріи, хотя бы дѣло дошло до войны. Что же касается до Маньчжурскихъ портовъ на побережьѣ Японскаго моря, то, по его мнѣнію, Китай не видитъ причины, по которой онъ долженъ уступить ихъ Россіи, а не какой-либо другой державѣ, напримѣръ Англіи. На это нашъ посланникъ поставилъ на видъ китайцамъ, что въ тогдашнее время, самая наибольшая опасность грозитъ имъ именно отъ Англіи, потому что, снарядивши большую экспедицію въ Таку, англичане оттуда неминуемо двинутся къ Пекину. А для этого имъ необходимо занять Маньчжурскіе порты, чтобы заблаговременно сосредоточить въ нихъ войска. Эта опасность, неизбѣжно угрожающая Китаю со стороны англичанъ, можетъ быть отвращена только въ томъ случаѣ, если китайцы передадутъ эти порты русскимъ для ихъ укрѣпленія и защиты. Когда же китайцы объявили о своемъ полномъ отреченіи отъ Айгунскаго договора, признавая его недѣйствительнымъ, потому что князь И-Шань, подписавшій этотъ договоръ, не имѣлъ ни полномочія, ни печати,— нашъ посланникъ возразилъ, что если подпись И-Шаня Богдыханъ призналъ недѣйствительной, то онъ также долженъ признать неправильнымъ и собственный указъ, въ которомъ объявлено о благополучномъ окончаніи переговоровъ И-Шаня съ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ. Но какъ ни казались въ высшей степени доказательными и неопровержимыми приведенное доводы нашего посланника,—они однакоже не смутили китайцевъ, и они продолжали беззастѣнчиво по прежнему всячески и неотступно отвергать уступку намъ р. Уссури. Въ своемъ же письменномъ отвѣтѣ на предложенныя нашимъ посланникомъ 6-ть дополнительныхъ статей къ заключеннымъ договорамъ, китайцы заявили, что правительство Богдыхана отнюдь не имѣло и въ мысляхъ уступать Россіи р. Уссури и весь вообще Уссурійскій край на вѣчныя времена, но разрѣшило лишь временное пользованіе нѣкоторыми участками китайской земли. «А, между тѣмъ, писали далѣе китайцы нашему посланнику: едва былъ ратификованъ Тянь-Цзинскій трактатъ, какъ Вы уже хлопочете о прибавленіи къ нему новыхъ статей, совершенно не идущихъ къ дѣлу. Наконецъ, въ бумагѣ посланника, между прочимъ, сказано, что будто бы нельзя избѣжать безпорядковъ и захватовъ на границѣ. Пусть это случится, тогда наше правительство немедленно сообщитъ всѣмъ державамъ, что Россія, забывъ нашу дружбу, вдругъ пожелала захватить наши земли и не смотря на то, что мы только что сдѣлали ей большія уступки» [1]). Такимъ образомъ, возникшія затрудненія, съ которыми долженъ былъ бороться нашъ уполномоченный генералъ Игнатьевъ, значительно усложнялись возможностью вмѣшательства западно-европейскихъ державъ въ вопросъ о присоединеніи къ Россіи маньчжурскихъ портовъ. Затѣмъ и въ отвѣтѣ своемъ на жалобу нашего посланника, отправленную въ Верховный Совѣтъ о безполезности вести переговоры съ такими уполномоченными, какъ Су-Шунь и Жуй-Чанъ и о замѣнѣ ихъ другими сановниками,—Совѣтъ, горячо защищая обвиняемыхъ, выразилъ увѣренность въ правильности ихъ дѣйствій, вслѣдствіе чего, при открытіи дальнѣйшихъ переговоровъ, въ назначенное время явились тѣ же сановники Су-Шунь и Жуй-Чанъ. Оба они держали себя на этотъ разъ учтиво и сдержанно. Но дѣло все-таки не подвигалось впередъ, и генералъ Игнатьевъ былъ вынужденъ два раза обращаться съ жалобами на упорство китайцевъ. Послѣ того

[1]) Баронъ Буксгевденъ. Русскій Китай. Стр. 38 и 39.

[1]) Баронъ Буксгевденъ. Русскій Китай. Стр. 37.

послѣдовалъ трехъ-мѣсячный перерывъ въ переговорахъ. Дальнѣйшіе же переговоры, хотя по настоянію нашего посланника и состоялись, но при участіи тѣхъ же уполномоченныхъ: Су-Шуня и Жуй-Чана.

На этихъ переговорахъ Су-Шунь былъ изысканно привѣтливъ и вѣжливъ. Онъ торжественно передалъ бумагу Верховнаго Совѣта, которая представляла собою уклончивый отвѣтъ на упомянутыя выше неоднократныя представленія нашего уполномоченнаго, не заключавшій въ себѣ ничего положительнаго и сообщавшій только, что графъ Муравьевъ-Амурскій страхомъ принудилъ И-Шаня подписать Айгунскій договоръ, что послѣдній и исполнилъ, но сдѣлалъ это съ задней мыслью, что подпись его безъ приложенія печати не будетъ имѣть никакого значенія. Между тѣмъ, впослѣдствіи оказалось, что передъ этой конференціей, собрались китайскіе сановники и постановили слѣдующее рѣшеніе, одобренное Богдыханомъ: не доводя дѣло съ русскими до разрыва и не допуская Россію до соединенія съ западными державами, *отнюдь не соглашаться ни на одно изъ ея требованій*, если бы борьба съ Англіей и Франціей оказалась бы для Китая безуспѣшной,—рѣшено было уступить нѣкоторымъ требованіямъ Россіи, но за то просить ея содѣйствія противъ морскихъ державъ Европы. Въ противномъ же случаѣ, если въ Тянь-Цзинѣ состоится примиреніе съ Англіей и Франціей, пожаловаться этимъ державамъ на захваты и ненасытность Россіи. Отсюда видно, что положеніе нашего посланника было въ то время весьма тяжкимъ и можно сказать безвыходнымъ. Удаленный на 10 тыс. верстъ отъ Петербурга, сношеніе съ которымъ требовало не менѣе пяти мѣсяцевъ, потому что телеграфныхъ сообщеній на нашемъ крайнемъ востокѣ еще не существовало, не имѣя подъ рукою никакихъ матеріальныхъ средствъ и не видя ни откуда поддержки, оставаясь почти безъ помощниковъ, генералъ Игнатьевъ при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ еще бороться и съ тупымъ упорствомъ китайцевъ. Между тѣмъ, ожидаемый пріѣздъ иностранныхъ пословъ долженъ былъ состояться въ скоромъ времени и намъ необходимо было покончить дѣла съ китайцами до прибытія иностранцевъ, на содѣйствіе которыхъ противъ насъ всегда расчитывали и даже указывали намъ китайцы. Но нашъ посланникъ убѣдился, что въ тогдашнее время добиться отъ китайцевъ какихъ-либо положительныхъ результатовъ, т. е. согласія на наши требованія,—рѣшительно невозможно. А потому Н. П. Игнатьевъ рѣшился выѣхать изъ Пекина въ Шанхай, не смотря на то, что этому выѣзду всячески противились китайцы,

опасаясь, что нашъ уполномоченный, озлобившись на нихъ за неудачные переговоры, веденные въ Пекинѣ съ Су-Шунемъ, перейдетъ на сторону Англіи и Франціи, и, благодаря превосходному знанію Пекина, укажетъ имъ путь. Передъ отъѣздомъ своимъ Н. П. Игнатьевъ рѣшился послать китайцамъ ультиматутъ о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго договора и о рѣшеніи прочихъ пограничныхъ дѣлъ. На это заявленіе Верховный Совѣтъ отвѣчалъ, что Богдыханъ отвергнулъ требованія нашего посланника и по прежнему категорически запрещаетъ выѣзжать къ морю не только ему, но даже кому-либо изъ его чиновниковъ. Это странное запрещеніе не отклонило однако же Н. П. Игнатьева отъ его намѣренія оставить Пекинъ. Передъ отъѣздомъ, онъ написалъ рѣзкую ноту въ Верховный Совѣтъ, заявивъ китайцамъ, что какъ Русскій посланникъ, онъ исполняетъ исключительно повелѣніе и волю своего Государя. А потому онъ уѣдетъ изъ Пекина, несмотря ни на какія препятствія, и притомъ не въ Кяхту, а именно къ морю.— Отвѣтъ этотъ ошеломилъ китайскихъ сановниковъ, и они рѣшили, что въ этомъ случаѣ молчаніе будетъ самымъ лучшимъ исходомъ изъ ихъ затруднительнаго положенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ китайцы признавали однако же необходимымъ негласно слѣдить за выѣздомъ посланника. Съ этою цѣлью, стража у городскихъ была удвоена и пропускать черезъ нихъ наше посольство было запрещено. Несмотря на то, что посланнику было разрѣшено ѣхать черезъ Монголію на Кяхту, но отнюдь не къ морю, Н. Н. Игнатьевъ успѣлъ однако же благополучно выѣхать изъ Пекина, не узнанный китайской городской стражей, не смотря на всю ея бдительность. По прибытіи въ Шанхай, Н. П. Игнатьевъ поспѣшилъ познакомиться съ американскимъ посланникомъ Уардомъ, жившемъ въ домѣ американскаго и въ то же время исправляющаго должность русскаго консула Гарди, въ которомъ по приглашенію послѣдняго остановился и нашъ посланникъ. Общность интересовъ Россіи и Америки содѣйствовала сближенію нашего посланника съ американскимъ, что вполнѣ согласовалось и съ видами Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. По случаю же неприбытія еще въ Шанхай полномочныхъ пословъ Англіи и Франціи лорда Эльгина и барона Гро, Н. П. Игнатьевъ познакомился съ главнокомандующими соединенныхъ. армій Грантомъ и Монтобаномъ и посланниками—Брюсомъ и Бурбулономъ. Посланники Англіи и Франціи встрѣтили Н. П. Игнатьева весьма сдержанно и холодно. Это неблагопріятное положеніе усложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что китайское правительство прислало въ Шанхай своего уполномоченнаго Си-Ваня, сторонника англичанъ

и очень враждебно относившагося къ Россіи. Но нашъ посланникъ, со свойственною ему дипломатическою ловкостью, искусно обошелъ возникшія затрудненія и уладилъ всѣ недоразумѣнія съ иностранными послами. Прежде всего онъ сблизился съ французскимъ посломъ барономъ Гро и въ особенности съ главнокомандующимъ французскими войсками генераломъ Монтобаномъ и пріобрѣлъ ихъ полную довѣренность. Вслѣдъ за тѣмъ произошло сближеніе и съ англійскимъ посломъ лордомъ Эльгиномъ. Такимъ образомъ, до открытія военныхъ дѣйствій противъ китайцевъ, сношенія съ иностранцами установились на прочныхъ основаніяхъ. Повороту дѣлъ въ благопріятную для насъ сторону содѣйствовало также и полученіе депеши изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ которой одобрялись всѣ дѣйствія Н. П. Игнатьева, кромѣ того разрѣшалось принять званіе посланника и сообщалось о сдѣланномъ распоряженіи по сформированію спеціальной эскадры, посылаемой въ китайскія воды, и, въ заключеніе, рекомендовалось ему поднять свой флагъ на фрегатѣ «Свѣтлана». Дальнѣйшія дѣйствія генерала Игнатьева, по прибытіи его съ эскадрой въ Печилійскій заливъ, а затѣмъ и по въѣздѣ его въ Пекинъ, уже были мною подробно описаны въ II-ой части (глава I и II). А потому я здѣсь долженъ ограничиться изложеніемъ лишь главнѣйшихъ событій и обстоятельствъ, которыя привели къ заключенію Пекинскаго договора.

4-го октября 1860 года, на другой день послѣ свиданія съ послами барономъ Гро и лордомъ Эльгиномъ, генералъ Игнатьевъ выѣхалъ въ Пекинъ и остановился въ нашемъ подворьѣ. На слѣдующій день, 5-го октября, явились къ нему старшіе китайскіе чиновники и обратились за совѣтомъ: что имъ дѣлать въ настоящихъ крайнихъ обстоятельствахъ [1]).

Въ числѣ посѣтителей былъ и упомянутый выше уполномоченный Жуй-Чанъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Н. П. Игнатьевъ получилъ письмо младшаго брата Богдыхана Гунъ-Цинъ-Вана, оставшагося правителемъ государства, съ благодарностью за участіе въ дѣлѣ посредничества между китайскимъ правительствомъ и послами западно-европейскихъ державъ. Когда-же начались непосредственные переговоры между китайцами и представителями этихъ державъ, китайскіе чиновники не предпринимали ничего, не спросясь предварительно мнѣнія нашего посланника [2]). Наконецъ, уладивъ всѣ дѣла съ иностранцами, нашъ посланникъ потребовалъ отъ

[1]) *Д. И. Романовъ.* Послѣднія событія въ Китаѣ и значеніе ихъ для Россіи. Стр. 13.

[2]) Тамъ-же, стр. 15.

китайцевъ окончанія пограничныхъ дѣлъ Россіи съ Китаемъ. Но, во время начавшихся переговоровъ, дѣло не обошлось безъ споровъ и пререканій съ китайскими уполномоченными, которые въ особенности выказали упорное сопротивленіе при обсужденіи вопроса о проведеніи восточной границы и, главнымъ образомъ, ея Уссурійскаго участка,—несмотря на обѣщаніе Гунъ-Цинъ-Вана покончить пограничныя дѣла легко и скоро. Тѣмъ не менѣе всѣ возникшія недоразумѣнія вскорѣ были улажены, чему много содѣйствовало вліятельное положеніе, занятое нашимъ посланникомъ и его умѣнье найтись въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ.

9-го октября, обоюдные уполномоченные окончательно условились по всѣмъ пограничнымъ дѣламъ, и рѣшено было составленный проектъ договора представить Богдыхану и получить разрѣшеніе приложить печать. 31-го октября полученъ былъ наконецъ указъ Богдыхана, утверждающій проектъ договора, а 2-го ноября состоялось при торжественной обстановкѣ, подписаніе генераломъ Игнатьевымъ и княземъ Гунъ-Цинъ-Ваномъ достопамятнаго Пекинскаго договора, по которому окончательно было закрѣплено за Россіею обладаніе всѣмъ побережьемъ Японскаго моря до самой Кореи. Вышеизложенный краткій очеркъ хода переговоровъ, происходившихъ въ Айгунѣ, Тянь-Цзинѣ и Пекинѣ, служитъ наглядныиъ свидѣтельствомъ, что вести переговоры съ китайцами и добиться отъ нихъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ сопряжено съ большими трудностями и неотступно требуетъ терпѣнія, сдержанности, настойчивости и большого такта, а также и особаго умѣнья обращаться съ ними. Такъ было и во время описанныхъ выше переговоровъ, когда путемъ громадныхъ трудовъ и усилій и только благодаря уму, энергіи и блестящимъ дарованіямъ такихъ талантливыхъ государственныхъ людей, какъ графы Н. И. Муравьевъ-Амурскій и Н. П. Игнатьевъ, мы успѣли добиться отъ китайцевъ весьма важныхъ уступокъ намъ Амурскаго края и побережья Японскаго моря. Но если мы въ настоящее время, на основаніи заключеннаго съ китайцами договора, уже фактически владѣемъ тихо-океанскимъ побережьемъ; открывъ, наконецъ, себѣ свободный выходъ къ океану, и обладаемъ превосходными гаванями на побережьѣ Японскаго моря, то этимъ, повидимому. и слѣдовало-бы довольствоваться. Нельзя упустить изъ вида, что съ установленіемъ восточной границы со стороны Уссурійскаго края по Пекинскому договору, главная наша цѣль: добиться давно желаннаго, свободнаго выхода къ океану, получила конечное удовлетвореніе. Важность достигнутыхъ результатовъ, находитъ себѣ авторитетное подтвержденіе въ отзывѣ графа

Муравьева-Амурскаго, по словамъ котораго Пекинскій договоръ окончательно и законно упрочилъ за нами обладаніе прекраснымъ Уссурійскимъ краемъ, а удачное заключеніе этого договора составляетъ нашу политическую побѣду. Настаивать же на дальнѣйшихъ уступкахъ и съ этою цѣлью отодвигать границу къ западу на южные отроги Хинганскаго хребта, со включеніемъ въ наши владѣнія густого маньчжурскаго населенія, причемъ города: Сань-Синъ, Нингута, Хунь-Чунь и даже Гиринъ оказались-бы на нашей границѣ,—значило-бы требовать невозможнаго. Даже возбуждать самый вопросъ объ измѣненіи Уссурійской границы едва-ли было-бы въ нашихъ видахъ. Припомнимъ, что китайцы, при каждомъ удобномъ случаѣ, всячески настаивали на измѣненіи Уссурійской границы съ цѣлью захватить весь Посьетскій районъ. Если же и мы, съ своей стороны, будемъ также требовать измѣненія этой границы, въ нарушеніе Пекинскаго трактата въ противность приведеннаго мнѣнія графа Муравьева, то это значило-бы: travailler pour le roi de Prusse, т. е. работать для китайцевъ, въ ущербъ собственнымъ интересамъ. Настойчивость, съ которою всегда стремились китайцы измѣнить, въ своихъ видахъ, направленіе Уссурійской границы, весьма выпукло обнаружилась во время возникшихъ недоразумѣній съ ними изъ-за деревни Савеловки. Пограничный пунктъ, деревня Савеловка, находится между р. Тумень-Ула и цѣпью горъ въ западной части полуострова Посьета въ 4-хъ верстахъ отъ него. Въ прежнее время, она имѣла до 300 фанзъ (домовъ). Жители ея занимались хлѣбопашествомъ и служили въ тоже время посредниками въ торговлѣ русскихъ съ корейцами, которые привозили много рогатаго скота. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, всѣ эти жители были выселены въ китайскіе предѣлы въ долину р. Тагадени, гдѣ образовали два поселенія: Тагадени и Сангазаки на р. Тумень-Ула. Въ августѣ 1881 года, неожиданно прибылъ въ Савеловку китайскій отрядъ силою около 40 человѣкъ, подъ начальствомъ Лаузинъ-Юона, и объявилъ стоявшимъ тамъ нашимъ казакамъ, чтобы они уходили по прошествіи мѣсяца на восемь верстъ назадъ. 19 декабря сановникъ У-Чень-Цай потребовалъ немедленно передачи Савеловки китайцамъ, приказавъ приступить въ ней къ постройкѣ караульнаго дома. При этомъ китайцы обнаружили не только заносчивость и самоуправство, но и явную враждебность. Дерзость и нахальство китайцевъ дошли до того. что они не только поставили свой военный постъ въ той мѣстности, которою мы безспорно владѣли свыше семи лѣтъ; но китайскіе солдаты нанесли оскорбленіе нашему офицеру, а высшій китайскій сановникъ въ Маньчжуріи, одинъ изъ близкихъ лицъ къ Ли-Хунъ-Чангу, позволилъ себѣ собственноручную расправу. Не менѣе нахальства обнаружено со стороны китайцевъ во всѣхъ переговорахъ относительно пересмотра границы [1]). Китайцы, въ лицѣ сановника У-Ченъ-Цзы, офиціально высказали намъ свои притязанія какъ на спорную Савеловку, такъ и на безспорный нашъ Посьетскій районъ, прямо заявляя, что для процвѣтанія Маньчжуріи имъ необходимо придвинуть свою границу до нашего Посьетскаго морского берега [2]). Умѣренный образъ нашихъ дѣйствій съ посылкою 2-хъ ротъ пѣхоты, 2-хъ горныхъ орудій и сотни Забайкальскихъ казаковъ, понудили китайцевъ воздержать свои притязанія въ должныхъ предѣлахъ. Приведенные факты служатъ нагляднымъ показателемъ настойчиваго домогательства китайцевъ на пересмотръ и исправленіе Южно-Уссурійской границы, и именно потому, что эта граница, выгодная для насъ, оказывается неудобною для китайцевъ. Слѣдовательно, измѣнить выгодную для насъ границу, какъ это требуетъ Венюковъ, и ввязываться для того вновь въ переговоры съ китайцами, за исходъ которыхъ въ благопріятную для насъ сторону, какъ было подробно объяснено выше, нельзя поручиться заранѣе,—нѣтъ никакихъ основаній. Изъ приведенныхъ примѣровъ, Венюковъ могъ-бы, кажется, видѣть, что веденіе переговоровъ съ китайцами, въ большинствѣ случаевъ сопряжено съ громадными затрудненіями и проволочками, и если-бы ему самому пришлось вести эти переговоры, въ особенности съ такимъ милостивымъ государемъ, какимъ напримѣръ Су-Шунь, то онъ убѣдился бы на практикѣ въ справедливости извѣстнаго афоризма: la critique est aisée, mais l'art est difficile. Наконецъ, и самая опасность для этой границы отъ китайцевъ, на которую указываетъ Венюковъ, въ дѣйствительности оказывается фиктивною. Для объясненія этого обстоятельства, необходимо сдѣлать краткій стратегическій обзоръ Уссурійской границы и указать на доступы, ведущіе черезъ эту границу въ наши предѣлы изъ Маньчжуріи. Въ случаѣ войны съ ними, китайскія войска, сосредоточенныя въ Маньчжуріи, будутъ базироваться по направленію отъ Инкоу на Мукденъ и Гиринъ и главнымъ образомъ въ Гиринѣ, имѣющемъ 100 т. населенія, находящемся въ узлѣ дорогъ, и изобилующемъ мѣстными средствами и, слѣдовательно, представляющемъ всѣ

---

[1]) Журналъ особаго совѣщанія по Амурскимъ дѣламъ. Засѣданіе 18 іюня 1883 года. Мнѣніе генерала Лесовскаго.

[2]) Сборникъ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленіи Восточной Сибирью. Т. I, выпускъ II, стр. 323.

*

удобства для устройства въ немъ основной операціонной базы. Сосредоточенныя, такимъ образомъ, въ сѣверо-восточной Маньчжуріи китайскія войска могутъ предпринять вторженіе въ наши предѣлы со стороны Южно-Уссурійскаго края по тремъ направленіямъ: 1) отъ г. Гирина черезъ Омосо и отъ города Хунь-Чунь къ заливу Посьетъ; 2) отъ г. Нингута въ долину р. Суйфуна къ Полтавскому караулу и 4) отъ г. Сань-Сина по Нору на Турій-Рогъ по берегу оз. Ханка. Не подлежитъ сомнѣнію, что тысячеверстная граница Уссурійскаго края съ Маньчжуріей, по заявленію самого Восточно-Сибирскаго начальства, оказывается удободоступною на всемъ своемъ протяженіи. Въ виду этого обстоятельства, чтобы воспрепятствовать упомянутому выше вторженію китайцевъ въ наши предѣлы, войскамъ, собраннымъ для охраны Уссурійскаго края, очевидно нельзя оставаться въ выжидательномъ положеніи и ограничиваться пассивно-оборонительными дѣйствіями. На этомъ основаніи, когда въ 1880 году возникли осложненія съ Китаемъ по Кульджинскому вопросу, Восточно-Сибирское начальство находило необходимымъ: принявъ за базу для войскъ оперирующихъ въ этомъ краѣ—Владивостокъ, который, по своему морскому положенію, наиболѣе соотвѣтствуетъ такому назначенію, держаться активно-оборонительной системы дѣйствій. Къ такому заключенію пришла и комиссія, образованная въ 1880 году, подъ предсѣдательствомъ адмирала Лесовскаго, по случаю возникшихъ упомянутыхъ выше осложненій съ Китаемъ по вопросу о передачѣ Кульджи. Въ протоколѣ совѣщанія этой комиссіи говорится, что, въ случаѣ разрыва съ Китаемъ, сухопутныя военныя операціи должны быть энергично направлены противъ тѣхъ стратегическихъ пунктовъ Маньчжуріи, занятіемъ которыхъ достигается полная безопасность нашей комуникаціонной линіи по Амуру и Уссури. Въ этихъ видахъ главное начальство Восточной Сибири полагало тотчасъ по объявленіи войны, занять: Хунь-Чунь, лежащій отъ Новокіевскаго урочища въ одномъ переходѣ, г. Нингуту, находящійся въ 155 верстахъ отъ границы, и Сань-Синъ, отдаленный на 275 верстъ. Такой планъ дѣйствій доставлялъ возможность продовольствовать войска и снабжать ихъ перевозочными средствами на счетъ занятой непріятельской стороны, а главное—прикрыть и обезпечить отъ неизбѣжнаго раззоренія наши неокрѣпшія поселенія въ Южно-Уссурійскомъ краѣ [1]). Независимо однако же этой конечной цѣли, достигаемой дѣйствіемъ активной обороны, по

[1]) Сборникъ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью т. I, в. II, стр. 143.

заключенію комиссіи адмирала Лесовскаго, нельзя отказаться и отъ перехода къ наступательнымъ операціямъ въ глубину Маньчжуріи, по направленію къ Мукдену. Таковы были соображенія, послужившія основаніемъ для составленія плана дѣйствій противъ китайцевъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, по случаю возникшихъ тогда осложненій съ Китаемъ. Несмотря на то, что въ это время мы могли собрать въ Уссурійскомъ краѣ лишь самое незначительное число войскъ, а у китайцевъ въ Гиринѣ и по линіи Сань-Синъ-Нингута-Хунь-Чунь находилось не менѣе 45 регулярныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ отрядовъ, силою отъ 370—800 человѣкъ каждый и съ хорошею артиллеріей [1]), они однако же не отважились предпринять вторженіе въ сопредѣльныя съ Маньчжуріей мѣстности нашихъ владѣній. Затѣмъ, опытъ послѣдней нашей войны съ китайцами, когда наши военныя дѣйствія имѣли не только активно-оборонительный, но и наступательный характеръ въ полной мѣрѣ подтвердилъ всю основательность такого образа дѣйствій. Припомнимъ, что въ то время великій Сибирскій путь еще не былъ оконченъ на всемъ его протяженіи и быстрое сосредоточеніе войскъ на театрѣ войны оказывалось затруднительнымъ. Несмотря на это, мы въ самомъ началѣ кампаніи овладѣли Пекиномъ.

Во все время этой войны, какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій со стороны китайскихъ войскъ противъ нашихъ поселеній въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, а такъ же и противъ Владивостока не наблюдалось. Въ настояшее же время владѣя цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ въ Маньчжуріи, мы имѣемъ полную возможность въ любой моментъ сосредоточить на избранномъ пунктѣ потребное число войскъ. Но и помимо этого, будучи заняты сильной арміей Маньчжурія находится нынѣ въ сферѣ нашего политическаго и военнаго вліянія и, слѣдовательно, въ полномъ подчиненіи видамъ русской политики. Такимъ образомъ, китайская опасность, угрожаюшая нашимъ поселеніямъ въ Уссурійскомъ краѣ и самому Владивостоку, которою Венюковъ пугалъ публику, въ дѣйствительности не существуетъ и, какъ мы видѣли, не наблюдалась и прежде. А потому и приведенное выше замѣчаніе Венюкова объ этой опасности, какъ не имѣющее твердаго, фактическаго основанія, оказывается голословнымъ и теряетъ всякое значеніе.

Все сказанное выше относительно восточной китайской границы въ общемъ выводѣ приводитъ къ заключенію, что наши ко-

[1]) Записки о Маньчжуріи полковника Барабаша.

миссары по постановкѣ ея на мѣстности буквально исполняли указанія Пекинскаго трактата и, несмотря на неимовѣрныя затрудненія, встрѣченныя ими при постановкѣ пограничныхъ знаковъ въ дикой и пустынной мѣстности, посреди непроходимыхъ вѣковыхъ лѣсовъ и болотъ, дѣло проведенія границы въ натурѣ было исполнено съ замѣчательнымъ успѣхомъ и въ самое короткое время. Важность достигнутыхъ результатовъ по разграниченію съ Китаемъ на этой далекой окраинѣ Имперіи была оцѣнена по достоинству, какъ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ Восточной Сибири, такъ и высшимъ правительствомъ, признавшимъ дѣйствія нашихъ комиссаровъ правильными и согласными съ трактатомъ. Спрашивается, на какомъ же основаніи Венюковъ безъ всякаго повода вздумалъ привлекать къ отвѣтственности комиссаровъ восточной китайской границы, исполнявшихъ согласно указаній правительства съ буквальною точностью Пекинскій трактатъ? Въ такомъ дѣйствіи Венюкова явно проглядываетъ какое-то желаніе его обвинить нашихъ комиссаровъ. Всѣ его замѣчанія не есть выводъ изъ строгаго критическаго анализа фактовъ, но онѣ представляютъ собою рядъ предвзятыхъ и совершенно произвольныхъ заключеній о мѣстности ему мало извѣстной, а потому всѣ его замѣчанія, въ большинствѣ случаевъ, совершенно расходятся съ дѣйствительностью.

Все это приводитъ къ заключенію, что Венюковъ критиковалъ не дѣло, а личность и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ нехорошаго чувства личной злобы и антипатіи и крайне предвзятыхъ и предубѣжденныхъ взглядовъ. Вслѣдствіе чего и самый критическій разборъ Венюкова по постановкѣ западной и восточной границы, скорѣе имѣетъ форму доноса, которымъ онъ хотѣлъ всемѣрно и злонамѣренно обезплодить труды нашихъ комиссаровъ и подорвать довѣріе къ ихъ дѣятельности. Нравственное достоинство подобныхъ пріемовъ, повидимому, нисколько не стѣсняло Венюкова, какъ это онъ неоднократно выказалъ въ другихъ случаяхъ, о которыхъ не считаю нужнымъ распространяться здѣсь, скажу только, что такой образъ дѣйствій Венюкова, а также возраженія на Чугучакскій протоколъ другихъ лицъ не могли не остаться незамѣченными въ нашей литературѣ и вызвали справедливое возраженіе со стороны нашего консула въ Чугучакѣ Н. Н. Балкашина. По его мнѣнію: «опредѣленная Чугучакскимъ протоколомъ 1864 г. граница открыла возможность учредить военные посты въ Зайсанѣ и Бактахъ, доставившихъ значительныя удобства для торговли, и, если впослѣдствіи Г. Венюковъ и другія лица порицали ее, то едва-ли справедливо. Стоитъ вникнуть въ

затрудненія, возбуждавшіяся китайцами, пока она проводилась для того, чтобы самый фактъ ея установленія въ непродолжительный срокъ признать несомнѣнной заслугой» [1]).

Переходя къ разсмотрѣнію общаго значенія государственныхъ границъ, нельзя не остановиться на томъ соображеніи, что границы въ государственной жизни народовъ неоспоримо имѣютъ важное значеніе. Вслѣдствіе чего въ прежнее время правители государствъ всемѣрно старались оградить свои владѣнія трудно доступными горными хребтами и широкими рѣками, словомъ сказать, такими рѣзкими естественными рубежами, которые напоминали-бы собою китайскую стѣну. Но если и эта стѣна не могла оградить внутренній Китай отъ непріятельскаго вторженія, то въ настоящее время едва-ли можно ожидать, чтобы горные хребты могли остановить наступленіе непріятельскихъ армій.

Въ нашъ вѣкъ, при охватившемъ весь міръ прогрессивномъ стремленіи къ усовершенствованіямъ и открытіямъ въ области техническихъ производствъ, горы уже не представляютъ болѣе тѣхъ неодолимыхъ преградъ, какими они были прежде. Уже помимо горныхъ проходовъ, облегчающихъ доступы въ горныя страны, устраиваются нынѣ тоннели даже въ первостепенныхъ горахъ. Прорытіе перешейковъ, каковы Суэцъ и Панама, обратили цѣлыя части свѣта въ громадные острова. Эти міровые каналы, а также и грандіозныя желѣзныя дороги: Сибирская и Багдадская въ Азіи и Тихо-океанская въ Америкѣ, соединили сосѣднія моря и отдаленные океаны. Правители государствъ уже не заботятся, какъ это было прежде, объ огражденіи своихъ странъ недоступными естественными рубежами, но, напротивъ того, стараются облегчить и обезпечить всякую возможность безпрепятственныхъ международныхъ сношеній. При такихъ условіяхъ и требованіяхъ современнаго прогресса сношенія между народами значительно усилились: повсюду наблюдается стремленіе къ развитію и облегченію этихъ сношеній, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Организуются пароходные рейсы и желѣзнодорожные экспрессы для безостановочнаго передвиженія на громадныя разстоянія. Въ Англіи въ 1904 году приступлено къ постройкѣ новаго океанскаго парохода длиною около четверти версты; на немъ устанавливаются четыре машины въ 70 тыс. лошадиныхъ силъ и скорость хода этого гиганта будетъ доведена до 25 узловъ въ часъ, такъ что переѣздъ на немъ черезъ Атлантическій океанъ потребуетъ не болѣе 5 дней [2]). На су-

---

[1]) Н. Н. Балкашинъ. Торговое движеніе между Зап. Сибирью, Средней Азіей и Китайскими владѣніями. III томъ Записокъ Западно-Сибир. отдѣла Геогр. общества за 1881 г. стр. 11.

[2]) Новое Время. 1904. № 10047.

хопутныхъ переѣздахъ паръ повсюду начинаетъ вытѣсняться электричествомъ. Усовершенствованные пути сообщенія даютъ полную возможность быстро совершить путешествіе. Теперь можно объѣхать весь земной шаръ въ 33 дня; переѣздъ изъ Тобольска въ Пекинъ совершается въ двѣ недѣли, а въ 1656 г. нашему посольству Ѳеодора Байкова понадобилось для этого путешествія одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ [1]).

Такой быстрый ростъ мірового прогресса и громадные успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время въ дѣлѣ культурнаго развитія народовъ, не могли не отразиться и на государственныхъ границахъ, которыя постепенно начинаютъ терять свою прежнюю замкнутость. Вслѣдствіе чего и самый взглядъ на значеніе естественныхъ рубежей, какъ безусловно необходимыхъ для государственныхъ границъ, даже въ азіатскихъ странахъ значительно измѣнился. Современныя условія и потребности быстро развившейся культурной жизни народовъ выдвинули впередъ новыя воззрѣнія и взгляды въ дѣлѣ установленія государственныхъ рубежей.

Яркимъ показателемъ этому служитъ оживленный обмѣнъ мнѣній, появившійся въ нашей періодической печати по поводу обсужденія вопроса о значеніи р. Амура, какъ государственной границы, о чемъ мною было подробно объяснено выше. Оказывается, что рѣка можетъ быть удобною политическою границею, но не экономическою, какъ это выпукло обнаруживается на р. Амурѣ, правый берегъ котораго, хотя намъ и не принадлежитъ, но тяготѣетъ къ намъ экономически. Здѣсь понятіе о рѣчной границѣ какъ-бы раздваивается и она утрачиваетъ свою первобытную твердость.

Изъ приведенныхъ замѣчаній, высказанныхъ возражателями и порицателями Чугучакскаго протокола, легко видѣть, что по вопросу объ установленіи западной китайской границы, были высказаны самые разнообразные и притомъ противорѣчащіе одни другимъ взгляды и мнѣнія. Такъ Гейнсъ находилъ необходимымъ, какъ мы видѣли, отодвинуть границу, установленную Пекинскимъ трактатомъ, еще болѣе къ востоку за сотни верстъ отъ линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ и отмежевать къ владѣніямъ Россіи всю китайскую Чжунгарію. Венюковъ же, напротивъ, держится совершенно противоположнаго взгляда и находитъ, что западную китайскую границу, установленную Пекинскимъ трактатомъ, слѣдуетъ передвинуть не къ востоку отъ линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, какъ это требуетъ Гейнсъ, но къ западу отъ

[1]) Русскій Инвалидъ. 1904 г. Приложеніе № 3.

этой линіи и перенести ее на Нижній Иртышъ. Затѣмъ, обогнувъ озеро Зайсанъ съ запада, вывести границу на его притокъ р. Чоргу, а далѣе направить по прямой линіи на югъ къ Тарбагатайскимъ горамъ. Изъ этого видно, что Венюковъ находитъ, что самою удобною нашею границею слѣдуетъ признать ту, которая еще до заключенія Пекинскаго трактата считается нашею условною границею съ Китаемъ. Вслѣдствіе чего богатый Курчумскій край и не менѣе богатая Бухтарминская долина и мѣстность къ югу отъ озера Зайсана до Тарбагатая, Венюковъ оставляетъ полностью во власти китайцевъ.

Въ то время какъ Гейнсъ и Венюковъ ставятъ непремѣннымъ условіемъ нашихъ азіатскихъ границъ первостепенные горные хребты и широкія рѣки, профессоръ Флоринскій высказалъ какъ мы видѣли, совершенно противное мнѣніе. Онъ находитъ, что въ азіатскихъ странахъ лучшею границею во всѣхъ отношеніяхъ могутъ быть только песчаныя безводныя равнины.

Въ общемъ выводѣ оказывается, что порицатели Чугучакскаго протокола въ своихъ мнѣніяхъ о томъ, какъ слѣдуетъ вести границу высказали не единомысліе, но совершенную противоположность во взглядахъ. Начертаніе границы, проектированное возражателями, діаметрально расходится одно съ другимъ. Такъ, Гейнсъ относитъ границу къ востоку отъ линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, а Венюковъ къ западу. А потому направленіе границы по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ, установленное Пекинскимъ трактатомъ, представляя собою, въ сущности, промежуточное начертаніе между двумя обозначенными выше проектами Гейнса и Венюкова, занимаетъ какъ разъ середину между ними. Оно какъ-бы уравновѣшиваетъ собою неудобства обоихъ этихъ направленій, въ настоящей главѣ подробно изложенныхъ. Такое проведеніе границы по Чугучакскому протоколу, вполнѣ согласованному съ Пекинскимъ трактатомъ, заслужило одобреніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что она наиболѣе удовлетворяетъ политическимъ и торговымъ видамъ Россіи на этой окраинѣ Имперіи.

Глава VII.

Положеніе дѣлъ на западной китайской границѣ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Послѣдніе годы управленія Западной Сибирью генераломъ Хрущовымъ.

При подробномъ описаніи хода возстанія дунгановъ въ Западномъ Китаѣ, я упомянулъ, между прочимъ, что съ потерею

китайцами Восточнаго Туркестана тамъ установились на первое время три самостоятельныхъ владѣнія: Куча, Аксу и Яркендъ находились подъ властью дунганъ и управлялись Рашидъ-Эддиномъ; Хотанъ и его округъ также признали надъ собою власть дунганскаго вождя Хабибъ-Оглу и, наконецъ, западная часть Восточнаго Туркестана, т. е. весь собственно Кашгарскій районъ, находился во власти извѣстнаго Якубъ-Бека. Въ Илійской же провинціи Западнаго Китая еще съ 1867 г. господствовали таранчи, успѣвшіе одолѣть своихъ единовѣрцевъ дунганъ, и суприматію въ средѣ населенія этого края пріобрѣлъ таранчинскій султанъ Адиль-Оглы. Въ томъ же, 1867 г. пали и упомянутыя дунганскія владѣнія султана Рашидъ-Эддина и Адиль-Оглы, которыми овладѣлъ Якубъ-Бекъ, успѣвшій въ короткое время утвердить свою власть во всемъ Восточномъ Туркестанѣ.

Изъ этого видно, что дунганское возстаніе, казавшееся вначалѣ такой грозной силой и сопровождавшееся погромомъ цѣлыхъ провинцій застѣннаго Китая и разрушеніемъ многихъ цвѣтущихъ городовъ, не привело однакоже къ образованію на юго-западной окраинѣ Китая мусульманскаго государства. Характерная черта этого возстанія, какъ я упоминалъ выше, состояла въ совершенномъ отсутствіи у дунганскихъ вождей административно-созидательной силы, такъ что самая инсуррекція постоянно сопровождалась грабежами, безпорядками, взаимными несогласіями и полной неурядицей. Такимъ образомъ, въ Западномъ Китаѣ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, не существовало никакихъ самостоятельныхъ дунганскихъ владѣній. Дунганы были въ то время разсѣяны въ разныхъ мѣстностяхъ, но главнымъ образомъ группировались въ странѣ, лежащей къ сѣверу отъ Тянь-Шанскаго хребта, и въ г. Урумчи и его округѣ. Но Якубъ Бекъ, упоенный своими успѣхами, не оставался въ бездѣйствіи. Овладѣвъ всѣмъ Восточнымъ Туркестаномъ, онъ вознамѣрился распространить свою власть и на сѣверной Тянь-Шанской линіи, т. е. въ предѣлахъ китайской Чжунгаріи. Въ 1871 г. кашгарскія войска подъ его предводительствомъ двинулись къ Урумчи. Тогда урумчинскимъ дунганамъ, чтобы избавиться отъ предстоящаго имъ погрома со стороны Якубъ-Бека, не оставалось ничего болѣе какъ бѣжать въ Сѣверную Монголію. Отсюда дѣлается понятнымъ, что появленіе дунганскихъ скопищъ въ Монголіи въ 1871 г. представляетъ собою логическое слѣдствіе вторженія въ китайскую Чжунгарію кашгарскихъ войскъ. Появленіе дунганскихъ скопищъ въ Сѣверной Монголіи, по которой пролегали караванные пути изъ нашихъ предѣловъ въ Китай, могло угрожать правильному

ходу нашей торговли съ Китаемъ, а также и Ургинскому консульству. Необходимо было принять безотлагательно надлежащія мѣры для огражденія нашей торговли и консульства отъ враждебныхъ покушеній со стороны дунганъ. Переходя къ подробному разсмотрѣнію этихъ мѣръ, необходимо предварительно объяснить тѣ соображенія политическаго характера, которымъ мы слѣдовали въ дунганскомъ возстаніи, въ начальной стадіи его развитія.

Съ самаго начала дунганскаго возстанія правительство наше находило необходимымъ держаться системы невмѣшательства и не принимать активнаго участія въ подавленіи этого возстанія совмѣстно съ китайцами. Такой образъ дѣйствій съ нашей стороны былъ основанъ на томъ соображеніи, что принять вооруженное участіе во внутренней смутѣ, охватившей весь Западный Китай, признавалось опаснымъ и даже вреднымъ, въ виду быстраго развитія инсуррекціи въ застѣнныхъ провинціяхъ Китая и уничтоженія тамъ въ короткое время всякихъ слѣдовъ китайской власти. При такомъ положеніи дѣлъ можно было предполагать, что Китаю угрожаетъ распаденіе, и на его западныхъ предѣлахъ образуется самостоятельное дунгано-мусульманское владѣніе подъ сильною властью общаго руководителя возстанія. Допустивъ это предположеніе, намъ, очевидно, не слѣдовало враждовать съ дунганами, но въ нашихъ видахъ было скорѣе сохранить съ ними дружественныя отношенія. Такого плана дѣйствій мы держались въ теченіе шести лѣтъ, съ 1865—1871 г. Но съ другой стороны вполнѣ успѣшное окончаніе разграниченія съ Западнымъ Китаемъ въ 1869 г. на огромномъ пространствѣ отъ пограничнаго знака Шабина-Дабага до Хабаръ-асуйскаго горнаго прохода въ Тарбагатайскомъ хребтѣ давало нѣкоторое основаніе полагать, что манчжуры сохранили свою власть въ сѣверной части китайской Чжунгаріи. Это обстоятельство и побудило Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, всегда обращавшее особенное вниманіе на установленіе правильныхъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ, сдѣлать попытку къ организаціи этихъ сношеній съ главными торговыми центрами Западной Монголіи: Кобдо и Улясутаемъ и тѣмъ хотя нѣсколько вознаградить нашу торговлю и промышленность за потери, понесенныя ими во время дунганской смуты. Къ сожалѣнію, это предположеніе не могло осуществиться по случаю совершенно неожиданнаго появленія дунганскихъ скопищъ въ Сѣверной Монголіи и даже взятія ими Улясутая.

Такимъ образомъ, самый ходъ быстро смѣняющихся событій, составляющій обычное явленіе въ азіатскихъ странахъ, указалъ на необходимость измѣнить прежнюю систему дѣйствій, которой мы

слѣдовали въ первыя шесть лѣтъ (1865—1871 г.) дунганскаго возстанія, и выработать новый планъ, котораго слѣдовало-бы держаться въ дунганскомъ вопросѣ.

Туркестанскій Ген.-Губ. К. П. Кауфманъ полагалъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было-бы болѣе соотвѣтственно занять г. Кульджу нашими войсками, что должно было служить первымъ шагомъ къ возвращенію всей Чжунгаріи китайцамъ. Къ сожалѣнію, этотъ планъ, основательность котораго вполнѣ подтвердилась послѣдующими событіями, былъ отклоненъ. Причина этого заключалась въ томъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Западномъ Китаѣ не было никакихъ основаній полагать, чтобы китайцы могли воспользоваться нашей помощью и водвориться въ своихъ владѣніяхъ. Завладѣніе же г. Кульджой и всѣмъ окрестнымъ райономъ, въ смыслѣ прочнаго и постояннаго занятія этой страны, не могло быть въ то время въ нашихъ видахъ. Вслѣдствіе чего и рѣшено было обсудить наше тогдашнее положеніе и разработать новый планъ по дунганскому вопросу, имѣя прежде всего въ виду всячески поддержать китайцевъ. Соприкасаясь съ Срединнымъ государствомъ на громадномъ протяженіи, доходящемъ до 8 тыс. верстъ, намъ очевидно было выгоднѣе имѣть такого миролюбиваго сосѣда, какъ китайцы, съ которыми мы сохраняли дружественныя отношенія въ теченіе двухъ столѣтій. Сущность вновь составленнаго плана дѣйствій нашихъ въ дунганскомъ вопросѣ заключалось въ томъ, что для обезпеченія караванныхъ путей въ Монголіи, а также нашего Ургинскаго консульства отъ набѣговъ дунганскихъ шаекъ, полагалось выдвинуть въ Монголію со строны Кяхты самостоятельный отрядъ, не придавая дѣйствіямъ этого отряда характеръ прочнаго занятія страны, въ виду старинныхъ подозрѣній китайцевъ о нашихъ замыслахъ завладѣть сѣверной частью Монголіи.

Посланнику нашему въ Пекинѣ признавалось необходимымъ поручить войти въ сношеніе съ китайскими министрами и разъяснить китайскому правительству всю пользу принятія безотлагательно дѣйствительныхъ мѣръ для подавленія дунганскаго возстанія, обѣщавъ китайцамъ, кромѣ уже состоявшагося распоряженія по выставленію нашего отряда въ Сѣверной Монголіи со стороны Кяхты, также нѣкоторое содѣйствіе съ нашей стороны и на западныхъ предѣлахъ Срединнаго государства, если тамошнія китайскія власти изъявятъ на это готовность. Исполненіе на восточной границѣ всѣхъ означенныхъ выше указаній было предположено возложить на особаго комиссара.

Планъ этотъ пришлось измѣнить, въ виду полученныхъ

вслѣдъ затѣмъ новыхъ неуспокоительныхъ извѣстій о ходѣ инсуррекціи въ Монголіи. По вновь составленному плану было предположено: въ виду все еще продолжающихся безпокойствъ въ Западномъ Китаѣ, неблагопріятно отражающихся на нашихъ азіатскихъ окраинахъ и въ особенности по отношенію къ нашей торговлѣ, которая пришла въ совершенный упадокъ,—предпринять вооруженное движеніе въ центръ дунганскаго района. Но, предварительно приведенія въ исполненіе этого плана, постановлено было непремѣннымъ условіемъ разъяснить китайскому правительству чрезъ нашего посланника въ Пекинѣ, что это вмѣшательство наше въ дѣла Западнаго Китая имѣетъ цѣлью возстановить власть китайцевъ въ охваченныхъ мятежомъ дунгановъ застѣнныхъ провинціяхъ Срединнаго государства. Въ этихъ видахъ нашему посланнику въ Пекинѣ было поручено заявить министрамъ Богдыхана, что одновременно съ движеніемъ нашихъ войскъ за границу при нихъ были-бы назначены китайскіе сановники съ военными отрядами съ той цѣлью, чтобы, по занятіи какого либо пункта, они могли ввести тамъ свое управленіе. При этомъ условіи и по возстановленіи спокойствія въ Илійскомъ краѣ было заявлено съ нашей стороны китайскому правительству, что наши войска будутъ выведены обратно.

По вновь составленному плану, вооруженное движеніе въ Западный Китай должно заключаться въ военномъ занятіи на первое время двухъ главныхъ центровъ дунганскаго района: Кульджи и Урумчи. Для этой цѣли предполагалось двинуть за границу два отряда: одинъ со стороны Зайсанскаго приставства, а другой изъ Семирѣченской области. Но и этотъ планъ оказалось невозможнымъ привести въ исполненіе въ виду вновь возникшихъ событій въ мѣстностяхъ Западнаго Китая, сопредѣльныхъ съ нашими владѣніями на юго-востокѣ киргизской степи. Дѣло началось съ того, что таранчинскій султанъ явно выказалъ враждебное къ намъ настроеніе, отказавшись исполнить справедливыя требованія Семирѣченскаго областного начальства и, главнымъ образомъ, относительно возвращенія 2 тыс. юртъ нашихъ киргизъ Вѣрненскаго уѣзда, откочевавшихъ въ таранчинскія владѣнія. По этому случаю, Семирѣченскій губернаторъ Г. А. Колпаковскій обратился къ султану Адиль-Оглы съ письмомъ, въ которомъ требовалъ возвращенія нашихъ киргизъ, предупредивъ при этомъ, что если по истеченіи назначеннаго срока не получится удовлетворительнаго отвѣта, то для задержанія бѣжавшихъ киргизъ будетъ двинутъ нашъ отрядъ. На это письмо не только не послѣдовало отвѣта, но наши посланные казаки, по прибытіи на таранчинскій погра-

ничный пунктъ, подверглись всевозможнымъ оскорбленіямъ и насиліямъ. Наконецъ и помимо этого, Адиль-Оглы постоянно стѣснялъ нашу торговлю, не допуская нашихъ купцовъ въ Кульджу, укрывалъ въ своихъ владѣніяхъ нашихъ бѣглецовъ и преступниковъ и, въ довершеніе всего, заявилъ притязанія на р. Борохуцзиръ, составлявшую по Пекинскому трактату нашу границу съ Китаемъ.

Послѣ такого явно враждебнаго и заносчиваго образа дѣйствій со стороны таранчинскаго султана и въ виду произведеннаго нападенія таранчинскихъ скопищъ на наши отряды, выставленные на границѣ, намъ уже нельзя было сохранять прежнее строго-оборонительное положеніе, и признано было необходимымъ предпринять вооруженное движеніе въ предѣлы Западнаго Китая и занять г. Кульджу, т. е. выполнить планъ предложенный, какъ мы видѣли, еще въ 1870 г. главнымъ начальникомъ Туркестанскаго края К. П. Кауфманомъ. Отряды наши, расположенные весною 1871 г. на юго-востокѣ Семирѣченской области, получили приказаніе двинуться къ избранному сборному пункту—пик. Борохуцзиру на соединеніе съ главными силами, предназначенными для дѣйствій противъ Кульджи. Начальнику Чунчжинскаго отряда, полковнику Михаловскому, приказано было удалить съ Кетменя собравшихся тамъ таранчей и тѣмъ облегчить спускъ съ Кетменскихъ высотъ въ долину лѣваго берега р. Или нашему Тянь-Шаньскому отряду подъ начальствомъ подполковника Еленскаго, и затѣмъ слѣдовать къ Борохуцзиру. Но начальникъ Тянь-Шаньскаго отряда, получивъ свѣдѣніе о готовящемся нападеніи таранчей на нашихъ киргизъ, кочующихъ въ долинѣ р. Чалкодысу, призналъ необходимымъ, спустившись съ Кетменскихъ высотъ въ эту долину, заставить таранчей очистить ее, что и было исполнено. Разбивъ и разогнавъ таранчинскія скопища и перебросивъ ихъ за границу, Тянь-Шаньскій отрядъ двинулся на соединеніе съ отрядомъ полковника Михаловскаго. Между тѣмъ, Чунчжинскій отрядъ нашъ, при движеніи своемъ къ Кетменю, имѣлъ нѣсколько дѣлъ съ таранчами, изъ которыхъ наиболѣе упорнымъ было 31 мая у Кетменя, въ которомъ таранчи понесли большой уронъ, потерявъ убитыми 500 человѣкъ. По соединеніи въ Кетменѣ Чунчжинскаго и Тянь-Шаньскаго отрядовъ, послѣдній былъ оставленъ въ этомъ селеніи, а Чунчжинскій отрядъ направился на сѣверъ къ Борохуцзиру, куда и прибылъ 6 іюня, переправивъ благополучно артиллерію и тяжести на паромѣ черезъ р. Или. Тянь-Шаньскій же отрядъ былъ передвинутъ къ Дубуну въ долину лѣваго берега р. Или. Отсюда подполковникъ Еленскій получилъ приказаніе направить часть отряда на присоединеніе къ главнымъ силамъ, а съ остальною частью слѣдовать на усиленіе Музартскаго отряда, надъ которымъ и принять начальство.

Въ то время, когда наши отряды стягивались съ разныхъ сторонъ къ сборному пункту Борохуцзиру, расположенный тамъ отрядъ подъ начальствомъ майора Балицкаго былъ направленъ къ Акъ-Кенту. 4-го іюня таранчи бросились тремя толпами на позицію, занятую нашимъ отрядомъ при Акъ-Кенти, но, несмотря на всю свою стремительность и стойкость, не могли долго выдерживать нашего ружейнаго огня и, замѣтивъ приближеніе къ Акъ-Кенту Боротальскаго отряда, начали быстро отступать, бросивъ на мѣстѣ боя своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Къ 8-му іюня всѣ части экспедиціоннаго отряда были сосредоточены въ Борохуцзирѣ, куда и прибылъ самъ начальникъ Кульджинской экспедиціи генералъ Колпаковскій. 12-го іюня отрядъ выступилъ изъ Борохуцзира и, перейдя р. Хоргосъ, настигъ близъ Алимту 4-хъ тыс. скопище таранчей, которые были разбиты нашими войсками и бѣжали, бросивъ свой лагерь. При дальнѣйшемъ движеніи къ Кульджѣ, экспедиціонный отрядъ имѣлъ еще одно столкновеніе съ таранчами 18-го іюня у крѣп. Чанъ-ча-хоцзы. Наши войска сбили непріятеля съ позиціи и овладѣли крѣпостью, а городъ былъ взятъ штурмомъ. На другой день, 19-го іюня, таранчи понесли новое пораженіе подъ Суйдуномъ, который сдался намъ безъ выстрѣла. Съ занятіемъ Суйдуна открылся уже свободный путь къ Кульджѣ, тѣмъ болѣе, что таранчинскія скопища, послѣ трехъ понесенныхъ ими пораженій,—разбѣжались. 21-го іюня, по прибытіи нашего отряда въ Буянту, къ генералу Колпаковскому явился Кульджинскій султанъ Адиль-Оглы и объявилъ, что сдается безусловно военно-плѣннымъ, а находившееся при немъ 2 тыс. войско будетъ распущено. 22-го іюня Кульджа была занята нашими войсками. Въ городѣ былъ найденъ большой складъ провіанта и оружія, состоявшаго изъ мѣдныхъ и чугунныхъ орудій, фальконетовъ и крѣпостныхъ ружей. Занятіе Туркестанскими войсками Кульджи совершенно измѣнило положеніе дѣлъ на границѣ. Полученныя же вскорѣ депеши нашего посланника въ Пекинѣ о невозможности китайцамъ принять участіе въ экспедиціи въ Западный Китай потребовали и совершеннаго измѣненія предположеннаго плана наступательнаго движенія нашего въ центръ дунганскаго района. Вслѣдствіе чего движеніе за границу Западно-Сибирскаго экспедиціоннаго отряда было отмѣнено, и Семипалатинскому пограничному начальству было приказано генераломъ Хрущовымъ прекратить всѣ приготовленія къ

предполагаемой экспедиціи, тѣмъ болѣе, что Туркестанскій Ген.-Губ. не находилъ съ своей стороны никакой надобности въ содѣйствіи Западно-Сибирскому отряду.

Но Семипалатинское пограничное начальство признало невозможнымъ исполнить означенное приказаніе Хрущова и нашло необходимымъ выдвинуть Западно-Сибирскій экспедиціонный отрядъ за границу, въ долину р. Эмиля. Побудительною причиною этого вооруженнаго движенія въ китайскіе предѣлы пограничное начальство выставило необходимость охраненіе спокойствія въ приграничной части Семипалатинской области, въ виду распространившихся слуховъ о готовящемся откочеваніи въ китайскіе предѣлы нашихъ байджигитовскихъ киргизъ, вслѣдствіе перехваченнаго воззванія дунганскаго султана, приглашающаго ихъ къ возстанію, а также слуховъ, что дунганы выставили три отряда, каждый въ 15 тыс. съ пушками. Такъ какъ вблизи нашихъ границъ никакого непріятеля не было и самыя свѣдѣнія о немъ основывались только на однихъ лишь слухахъ, которые, какъ будетъ объяснено ниже, оказались совершенно ложными, то пограничное начальство было поставлено въ странное, если не сказать, смѣшное положеніе двигать отрядъ за границу противъ несуществующаго непріятеля. Но мѣстное начальство, повидимому, все еще не теряло надежды на открытіе сильныхъ дунганскихъ отрядовъ съ пушками, что и было возложено на войсковаго старшину Халдѣева. Отрядъ порученный Холдѣеву, состоялъ изъ роты стрѣлковъ, двухъ сотенъ казаковъ и двухъ орудій и долженъ былъ выступить въ долину р. Эмиля. Дойдя до пикета Ямату, отрядъ остановился, а для осмотра мѣстности была выслана полусотня казаковъ. Подойдя къ пикету Джаиръ, означенная полусотня подверглась нападенію значительной шайки киргизъ и была вынуждена отступить, отстрѣливаясь, и отойти къ отряду Халдѣева на Ямату. Хотя Халдѣевъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ довольно сильный отрядъ съ артиллеріей, но онъ однакоже не рѣшился двинуться для окончательнаго разгрома шайки киргизъ, передъ которыми казаки были вынуждены отступить, но самъ просилъ начальника экспедиціоннаго отряда прибыть на Ямату для предотвращенія всякихъ случайностей. Вслѣдствіе сего, весь экспедиціонный отрядъ перешелъ границу и двинулся въ долину р. Эмиля, несмотя на то, что въ это время было получено, какъ упомянуто выше, предписаніе Хрущова объ отмѣнѣ экспедиціи. Такъ какъ отрядъ при своемъ движеніи за границу, дойдя до р. Маралъ-су, нигдѣ не встрѣтилъ никакого непріятеля, какъ это и слѣдовало ожидать, а опасенія

объ откочеваніи нашихъ киргизъ оказались преждевременными, то мѣстное пограничное начальство, въ оправданіе предпринятаго имъ, въ сущности, совершенно безполезнаго движенія за границу, выставило слѣдующія обстоятельства: 1) отступленіе такого сильнаго отряда, какъ отрядъ Халдѣева, могло неблагопріятнымъ образомъ отразиться на нашихъ пограничныхъ киргизахъ; 2) движеніемъ на р. Эмиль только отсрочивался на нѣкоторое время предположенный роспускъ всего экспедиціоннаго отряда съ позиціи на р. Маралъ-су, по окончательномъ выясненіи обстоятельствъ и, наконецъ, 3) роспускъ собраннаго и совершенно готоваго къ выступленію отряда могъ произвести невыгодное нравственное впечатлѣніе, а, между тѣмъ, небольшой походъ втягиваетъ войска въ походную боевую жизнь.

Не нужно имѣть много любознательности и пониманія дѣла, чтобы видѣть въ приведенныхъ объясненіяхъ пограничнаго начальства пустую отговорку, которая, въ сущности, не можетъ быть ничѣмъ оправдана. Понятно, что если-бы на мѣстѣ Хрущова былъ Ген.-Губ., обладавшій болѣе стойкимъ характеромъ, какъ напр. Казнаковъ или Мещериновъ, подобное движеніе Западно-Сибирскаго отряда за границу никогда бы и не состоялось. Но Хрущовъ, относившійся съ полнымъ довѣріемъ къ пограничному начальству, считая его компетентнымъ въ азіатскихъ дѣлахъ, выказалъ въ этомъ случаѣ непонятную снисходительность. Хотя по полученіи приведенныхъ выше объясненій пограничнаго начальства, онъ и призналъ, что изложенные въ нихъ доводы не могутъ служить доказательными причинами, которыя могли вызвать вооруженное движеніе въ китайскіе предѣлы, вопреки Высочайшему повелѣнію и не бывъ уполномоченнымъ къ этому главнымъ начальникомъ края, но, несмотря на эти грозныя замѣчанія, дѣло кончилось ничѣмъ. Мало того, Хрущовъ ходатайствовалъ объ утвержденіи всѣхъ расходовъ на эту совершенно безплодную, можно сказать, анекдотическую экспедицію, заключавщуюся въ сущности въ томъ, что нашъ отрядъ отошелъ нѣсколько переходовъ отъ границы и, послѣ этой прогулки, возвратился обратно въ свои предѣлы. Между тѣмъ расходы на эту экспедицію обошлись казнѣ свыше 45 тыс. рублей.

Таково было положеніе дѣлъ на нашей западной китайской границѣ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ. Приведенныя выше фактическія свѣдѣнія о ходѣ дунганскаго возстанія въ Западномъ Китаѣ и о положеніи, принятомъ нами по этому случаю, приводятъ къ заключенію, что въ дунганскомъ вопросѣ мы дѣйствовали нерѣшительно, можно сказать, ощупью. Всѣ составленные

по этому вопросу планы представляютъ собою, въ сущности, рядъ полумѣръ, осуществленіе которыхъ на практикѣ оказалось невозможнымъ во всемъ ихъ объемѣ. Вслѣдствіе чего приходилось составленные въ Петербургѣ планы послѣдовательно измѣнять и вводить поправки, отчего они неминуемо теряли необходимую твердость и устойчивость. Повидимому, все это произошло оттого, что мы не имѣли въ районѣ дунганскаго востанія надежныхъ и испытанныхъ агентовъ, какъ на это указывалъ нашъ посланникъ въ Пекинѣ генералъ А. Г. Влангали. Вслѣдствіе чего, напр. Западно-Сибирское начальство по необходимости вѣрило азіатамъ, и принимало такое положеніе на границѣ, которое впослѣдствіи оказывалось неподходящимъ и несоотвѣтствующимъ тогдашнему положенію дѣлъ въ мѣстностяхъ Западнаго Китая, сопредѣльныхъ съ нашими владѣніями. По причинѣ малой освѣдомленности съ происходившими въ то время эволюціями въ ходѣ дунганской смуты, нѣкоторые проекты и предложенія Западно-Сибирскаго пограничнаго начальства по истинѣ поражаютъ своею странностью. Такъ одинъ изъ этихъ начальниковъ полагалъ, что для подавленія дунганскаго возстанія должно предпринять, между прочимъ, вооруженное движеніе изъ Западной Сибири на Урумчи, чтобы ударить дунганское возстаніе въ голову и отдѣлитъ отъ Якубъ-Бека лежащія къ востоку владѣнія: Комулъ и Пичанъ. Къ счастью этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе, и экспедиція со стороны Западной Сибири, какъ сказано выше, была отмѣнена. Между тѣмъ, осуществленіе этого проекта было-бы съ нашей стороны большой ошибкой. Мы уже видѣли, что движеніе Якубъ-Бека въ 1871 г. къ Урумчи заставило урумчинскихъ дунганъ бѣжать на сѣверъ въ Монголію. Подобное бѣгство дунганъ въ Монголію было предпринято ими и въ 1872 г., когда они были вытѣснены изъ провинціи Ганъ-су китайскими войсками, что и заставило ихъ броситься сначала къ Ургѣ, а затѣмъ въ Улясутай. При взятіи же китайцами Су-чжоу въ 1873 г., дунганы бѣжали въ г. Кобдо и Булунь-Тохой. Слѣдовательно, появленіе дунганскихъ скопищъ въ Монголіи представляетъ собою логическое слѣдствіе того положенія, въ которомъ онѣ оказались въ это время, будучи тѣснимы съ востока китайскими войсками, а съ юга Якубъ-Бекомъ.

Послѣ этого дѣлается понятнымъ, что если бы и мы въ это-же время вздумали двинуться на Урумчи, то, угрожая дунганамъ съ запада, мы замкнули бы съ третьей стороны кольцо, которымъ они уже были охвачены съ двухъ сторонъ. Понятно, что при такомъ критическомъ положеніи имъ оставался бы только одинъ

выходъ: броситься всей массою на сѣверъ. Отсюда видно, что движеніе наше на г. Урумчи, который почему-то считался цѣнтромъ дунганскаго района, было совершенно безполезно: оно не только не могло парализировать безпорядки въ Сѣверной и Западной Монголіи, но скорѣе бы ихъ усилило и, слѣдовательно, привело-бы къ совершенно противоположнымъ результатамъ, а не къ тѣмъ, на которые расчитывали.

Наконецъ, къ чему намъ понадобилось бить дунганъ въ голову, какъ на этомъ настаивало Западно-Сибирское пограничное начальство? Неужели для того, чтобы угодить китайцамъ? Такая добродѣтельная политика привела, однако же, къ тому, что китайцы неоспоримо обязаны одной Россіи въ подавленіи дунганскаго возстанія и возвращеніи имъ отторгнутыхъ провинцій въ застѣнномъ Китаѣ, отплатили намъ дерзостью, коварно отказавшись утвердить Ливадійскій договоръ, и нагло требовали обѣщаннаго имъ возвращенія Кульджинскаго края.

Словомъ сказать, подобно тому, какъ мы ничего не выиграли, но скорѣе проиграли, спасая чужіе троны въ Европѣ, повторилось на этотъ разъ почти то же самое и въ Азіи. Между тѣмъ дунганы не относились къ намъ враждебно. Напротивъ того, по словамъ такого авторитетнаго знатока китайскихъ инородцевъ, какъ Н. М. Пржевальскій, дунганы смотрятъ на Россію, какъ на возможную избавительницу или, по крайней мѣрѣ, союзницу въ борьбѣ противъ китайцевъ. Точно также нельзя признать правильнымъ и мнѣніе, установившееся въ то время въ Петербургскихъ оффиціальныхъ сферахъ, повидимому, вслѣдствіе заявленія Западнаго Сибирскаго пограничнаго начальства, что Кульджа и Урумчи составляютъ два главнѣйшихъ центра дунганскаго района. Кульджа, какъ объяснено выше, была тогда во власти не дунганъ, а таранчинскаго султана Адиль-Оглы, враждовавшаго съ дунганами, а г. Урумчи имѣлъ значеніе центральнаго пункта возстанія только въ начальной стадіи дунганской смуты. Въ это время въ Урумчинскомъ округѣ былъ расположенъ китайскій корпусъ зеленаго знамени, состоявшій, по свѣдѣніямъ И. И. Захарова, большею частью изъ дунгановъ. Большинство офицеровъ этого корпуса, а также и самъ помощникъ корпуснаго командира были дунганы. Подъ предводительствомъ послѣдняго урумчинскіе дунганы, вмѣстѣ съ солдатами корпуса зеленаго знамени въ концѣ 1864 г. возстали въ Урумчи и его окрестностяхъ противъ манчжурскихъ властей и, овладѣвъ этимъ городомъ, сожгли и разграбили его. Послѣ этого дунганскія скопища выступили изъ Урумчи въ Восточный Туркестанъ и въ предѣлы Западнаго Китая. Оставшіеся тамъ дунганы

также были готовы выбраться оттуда въ виду ожидаемаго нападенія Кашгарскихъ войскъ Якубъ-Бека. Все это приводитъ къ заключенію, что въ 1871 г., какъ Урумчи, такъ и Кульджа ни въ какомъ случаѣ не могли считаться центрами страны, занятой дунганами, какъ это утверждало пограничное начальство Западной Сибири. Владѣнія дунганъ въ это время не образовали собою сплошного района но были разбросаны по краю спорадически. Такъ притяньшаньскіе дунганы занимали: Шихо, Манасъ, Урумчи и друг.; принаньшанскіе: Су-чжоу, Гань-чжоу и друг. [1]). А потому, подобное мнѣніе пограничнаго начальства, облеченное въ форму простого заявленія, совершенно произвольнаго, не подтвержденнаго фактами, оказывалось бездоказательнымъ и неоспоримо ложнымъ въ своемъ основаніи. Однако же оно высказывалось совершенно открыто и съ апломбомъ. Никто тогда не обращалъ вниманія на источники, изъ которыхъ заимствовались эти свѣдѣнія. Дѣло доходило до того, что Западно-Сибирское пограничное начальство выставило, какъ сказано выше, главной причиной необходимости двинуть Западно-Сибирскій отрядъ за границу въ 1871 г.: полученныя имъ свѣдѣнія, что дунганы выдвинули три отряда каждый силою въ 15 тыс. и съ пушками. При этомъ было перехвачено и воззваніе дунганскаго султана, приглашающаго нашихъ байджигитовскихъ киргизъ къ возстанію. Между тѣмъ, по полученному вскорѣ разъясненію, сообщеннымъ тогдашнимъ Семирѣченскимъ губернаторомъ Г. А. Колпаковскимъ, всѣ приведенныя выше свѣдѣнія о трехъ дунганскихъ отрядахъ оказались совершенно ложными. Семирѣченское областное начальство, которое всегда было болѣе освѣдомлено о положеніи дѣлъ въ Западномъ Китаѣ и отличалось правильнымъ взглядомъ на азіатскія дѣла, разъяснило Западно-Сибирскому начальству, что означенное выше воззваніе дунганъ относилось вовсе не къ 1871 г., какъ это утверждаетъ Семипалатинское начальство, а къ 1867 г., *что и можно было усмотрѣть изъ даты, обозначенной на самомъ воззваніи.* Цифры же, указанныя въ перехваченномъ воззваніи о силѣ дунганскихъ отрядовъ, по мнѣнію генерала Колпаковскаго, обозначаютъ число воиновъ, которыхъ *можетъ выставить* городъ Манасъ и Урумчи, но не число *дѣйствительно выставленныхъ* войскъ, которое несомнѣнно ошибочно.

Неосвѣдомленность о положеніи дѣлъ въ дунганскомъ районѣ, столь неблагопріятно отразившаяся на планахъ по дунганскому возстанію, приводитъ къ заключенію, что подобные планы было

[1]) Пржевальскій. Четвертое путешествіе въ Центр. Азіи. Стр. 512.

бы болѣе соотвѣтственнымъ составлять на мѣстѣ, при ближайшемъ участіи и руководствѣ главныхъ начальниковъ Туркестанскаго и Степного края и по предварительномъ собраніи самыхъ точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ районѣ мѣстностей застѣннаго Китая, охваченныхъ дунганскимъ возстаніемъ. Это тѣмъ болѣе было необходимо, еще и потому, что событія въ азіатскихъ странахъ при всякихъ политическихъ переворотахъ смѣняются весьма быстро, и часто совершенно неожиданно возникаютъ новыя обстоятельства, представляющія собою рѣзкій контрастъ съ прежнимъ положеніемъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, у насъ въ то время преобладала чрезмѣрная централизація, въ силу которой въ Петербургѣ сосредоточивались всѣ малѣйшія пружины государственнаго механизма. Самые планы разрабатывались и составлялись не всегда на мѣстахъ, гдѣ приходилось приводить ихъ въ исполненіе, но въ Петербургскихъ канцеляріяхъ и спеціальныхъ комиссіяхъ. Тѣ же планы, которые составлялись на мѣстахъ, подвергались переработкѣ и нерѣдко существенно измѣнялись, такъ что по словамъ князя Дундукова-Корсакова, когда, во времена Ермолова и Розена, веденіе войны на Кавказѣ было предоставлено самостоятельности главныхъ начальствующихъ лицъ, дѣла тамъ шли хорошо. Впослѣдствіи же, когда явилась цѣлая система проектовъ военныхъ дѣйствій для завоеванія и покоренія Кавказа, которые разрабатывались въ канцеляріи Военнаго Министерства и сообщались тогдашнимъ корпуснымъ командирамъ: Головину и Нейдгарту, которые должны были спѣшно исполнять заданную программу,—дѣла наши на Кавказѣ значительно пошатнулись [1]).

Точно также планъ нашихъ дѣйствій по дунганскому вопросу, какъ мы уже видѣли, рѣшено было выработать въ Петербургѣ. Но обсуждать вопросъ, не имѣя о немъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, такъ какъ въ дунганскомъ районѣ у насъ вовсе не было агентовъ,—оказалось затруднительнымъ. Притомъ, приступая къ составленію плановъ, необходимо было предварительно выяснить нѣкоторыя обстоятельства, тѣсно связанныя съ дунганскимъ вопросомъ, для того, чтобы разработать планъ нашихъ дѣйствій по этому вопросу систематически. Но такъ какъ этого не было сдѣлано, то пришлось въ одинъ изъ проектированныхъ плановъ ввести оговорку: что нѣкоторыя изложенныя въ немъ указанія слѣдуетъ привести въ исполненіе на мѣстѣ лишь по полученіи затребованныхъ свѣдѣній отъ нашего послан-

[1] Старина и Новизна. т. VI, стр. 44-47.

ника въ Пекинѣ. Между тѣмъ, быстрый ходъ надвигавшихся событій въ мѣстностяхъ Западнаго Китая, сопредѣльныхъ съ нашими владѣніями на юго-востокѣ Киргизской степи, заставилъ, какъ мы видѣли, мѣстное начальство Туркестанскаго края дѣйствовать, не выждавъ полученія означенныхъ свѣдѣній изъ Пекина и безотлагательно занять Кульджу. Отъ этого составленный въ Петербургѣ третій планъ потребовалось радикально измѣнить по совершенной невозможности привести его въ исполненіе на практикѣ во всемъ его объемѣ. Въ результатѣ оказалось, что ходъ событій все-таки заставилъ насъ дѣйствовать по плану, выработанному мѣстнымъ Туркестанскимъ Начальствомъ, предлагавшимъ еще ранѣе 1871 г. овладѣть Кульджой.

Это обстоятельство служитъ нагляднымъ подтвержденіемъ уже высказанной мною ранѣе мысли о необходимости предоставить обсужденіе подобныхъ пограничныхъ дѣлъ политическаго характера и разработку по нимъ плановъ дѣйствій мѣстному начальству. Эти прерогативы находятъ себѣ полное оправданіе въ томъ обстоятельствѣ, что на нашихъ отдаленныхъ окраинахъ въ Туркестанскомъ краѣ и въ Восточной Сибири мѣстные Генералъ-Губернаторы были облечены и политическими функціями. Такъ Туркестанскому Ген.-Губ. представлено по закону право веденія дипломатическихъ сношеній съ сосѣдними владѣніями [1]). Точно также и Ген.-Губ. Восточной Сибири, въ силу ст. 9-й Пекинскаго трактата, предоставлено право въ случаѣ дѣлъ особой важности имѣть письменныя сношенія или съ Пекинскимъ Верховнымъ Совѣтомъ (Цзинъ-цзи-чу) или съ Палатою Внѣшнихъ сношеній (Ли-фань-юань).

Само собою разумѣется, что мѣстныя соображенія политическаго характера, предварительно приведенія ихъ въ исполненіе, должны быть представлены центральному правительству, на которомъ неоспоримо должна лежать обязанность главнаго политическаго руководительства для согласованія и объединенія этихъ соображеній съ общимъ направленіемъ государственной политики. Приведенныя выше соображенія находятъ себѣ подтвержденіе и въ Высочайшемъ манифестѣ 26-го февраля 1903 г., въ которомъ выражена мысль о необходимости поднять значеніе мѣстной власти, дать мѣстной самодѣятельности болѣе широкое развитіе и сдѣлать ее сильною и закономѣрною, передавъ дѣла на мѣста для дальнѣйшей разработки и согласованія ихъ съ мѣстными особенностями. Но разъ, что правительство признало необходимымъ

[1]) Объяснительная записка къ положенію и штатамъ военно-народнаго управленія въ Семирѣченск. и Сыръ-Дарьинск. областяхъ. Стр. 133.

установить сильную мѣстную власть въ особенности на окраинахъ государства, то очевидно, что и вопросы политическаго характера, непосредственно относящіеся до этихъ окраинъ, неизбѣжно должны быть передаваемы на обсужденіе этой мѣстной власти. Нельзя упускать изъ вида, что быстро смѣняющіяся событія политическаго характера въ азіатскихъ странахъ, въ особенности въ смутное время, требуютъ зоркой наблюдательности, чтобы постоянно ихъ имѣть въ виду и своевременно принимать соотвѣтствующія мѣры. Мѣстная администрація имѣетъ болѣе средствъ и способовъ слѣдить за ходомъ этихъ событій и дѣлать правильную ихъ оцѣнку. Центральныя же учрежденія, въ виду отдаленности нашихъ азіатскихъ окраинъ, не всегда могутъ дать правильныя указанія и притомъ сдѣлать это своевременно. По полученіи ихъ на мѣстѣ, когда событія уже измѣнились, данныя указанія, какъ мы видѣли, оказываются нерѣдко совершенно несоотвѣтственными со вновь возникшими случайными обстоятельствами, которыя пріобрѣтаютъ иногда важное значеніе и могутъ потребовать безотлагательнаго принятія совершенно другихъ мѣръ, что очевидно ближе извѣстно только мѣстной администраціи. Подобнаго взгляда держалась и комиссія, учрежденная въ 1883 г. по вопросу объ измѣненіи административнаго устройства Восточной Сибири. Комиссія находила, что по особымъ мѣстнымъ условіямъ администрація въ приамурскомъ краѣ требуетъ значительной самостоятельности. Между тѣмъ, военные губернаторы Амурской и Приморской областей, по самой сущности Сибирскаго учрежденія, лишены этой самостоятельности и являются лишь исполнителями приказаній Генералъ-Губернатора, который, имѣя свое пребываніе за нѣсколько тысячъ верстъ отъ административныхъ центровъ означенныхъ областей, при самомъ лучшемъ знакомствѣ съ мѣстными условіями, можетъ сплошь да рядомъ предписывать къ исполненію мѣры, вовсе не соображенныя съ тѣми случайными обстоятельствами, которыя пріобрѣтаютъ иной разъ особенно важное значеніе, и которыя могутъ быть извѣстны только мѣстной администраціи. Военные губернаторы упомянутыхъ областей поставлены въ такое положеніе, что имъ приходится или приводить въ исполненіе предписанія Генералъ-Губернатора, хотя быть можетъ при этомъ приносятся въ жертву другіе, болѣе важные интересы или же ограничиться лишь формальнымъ исполненіемъ. Съ другой стороны, если военные губернаторы этихъ областей считаютъ необходимымъ принять какую-либо полезную мѣру, они должны получить разрѣшеніе отъ главнаго начальства Восточной Сибири, а ждать такого разрѣшенія приходится по нѣскольку мѣсяцевъ, и, кромѣ того, оно

можетъ получиться тогда, когда обстоятельства уже измѣнились и требуются другія мѣры [1]).

Что же касается до дѣйствій на западной китайской границѣ Туркестанскаго и Западно-Сибирскаго экспедиціонныхъ отрядовъ, то, изъ приведеннаго выше описанія этихъ дѣйствій и изъ сопоставленія ихъ между собою, нельзя не отдать преимущества искусно соображеннымъ операціямъ Туркестанскаго отряда. Начальникъ экспедиціи, генералъ Колпаковскій, направивъ отряды, расположенные на границѣ, къ сборному пункту пикету Борохуцзиръ, призналъ однако же необходимымъ: прежде чѣмъ предпринять наступательное движеніе къ Кульджѣ, обезпечить это движеніе съ обоихъ фланговъ. Вслѣдствіе чего отряду, дѣйствовавшему на правомъ флангѣ подъ начальствомъ способнаго и опытнаго въ азіатской войнѣ полковника Михаловскаго, приказано было очистить отъ таранчей всю приграничную часть долины лѣваго берега р. Или, что, какъ мы видѣли, и было выполнено имъ съ замѣчательнымъ испѣхомъ. Но, чтобы обезпечить этотъ флангъ отъ всякихъ случайностей, помятуя, что въ азіатской войнѣ никакимъ непріятелемъ пренебрегать нельзя, Г. А. Колпаковскій озаботился усиленіемъ Музартскаго отряда и поручилъ его опытному штабъ-офицеру, подполковнику Еленскому. Со стороны лѣваго фланга главный отрядъ былъ обезпеченъ Боротальскимъ отрядомъ, который впослѣдствіи былъ присоединенъ къ главнымъ силамъ. Когда же вся мѣстность съ обоихъ фланговъ была очищена отъ таранчинскихъ скопищъ и имъ было нанесено нѣсколько послѣдовательныхъ пораженій: подъ Акъ-Кентомъ, Алимту, Чинъча-хо-цзи и Суйдунѣ, движеніе главнаго отряда къ Кульджѣ было совершенно обезпечено и увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ.

Разгромъ таранчинскихъ скопищъ туркестанскими войсками и занятіе нами Кульджи произвело, какъ и слѣдовало ожидать, сильное впечатлѣніе на туземное населеніе не только Кульджинскаго района, но и за его предѣлами, т. е. въ сѣверной части китайской Чжунгаріи, сопредѣльной съ киргизской степью Сибирскаго вѣдомства. При такомъ положеніи дѣлъ, предпринимать какую-либо военную экспедицію въ китайскіе предѣлы со стороны Западной Сибири не было никакихъ основаній. А потому эта экспедиція и была отмѣнена. Несмотря на это, Западно-Сибирскій экспедиціонный отрядъ всетаки, по распоряженію мѣстнаго пограничнаго начальства, какъ мы видѣли, былъ двинутъ заграницу. Предпринятая, такимъ образомъ, безъ всякаго основательнаго повода и вопреки Высочайшему повелѣнію заграничная экспедиція, представляетъ собою какое-то непонятное недомысліе. Разумной цѣли въ такомъ движеніи на нѣсколько десятковъ верстъ очевидно не было. Двинутые же противъ насъ дунганскіе отряды съ пушками оказались миѳомъ. Передовой же отрядъ, производившій рекогносцировку, не открылъ никакого непріятеля, кромѣ шайки киргизскихъ хищниковъ, передъ которыми вынуждены были отступить наши казаки, не будучи вовремя поддержаны отрядомъ Халдѣева. Всякому понятно, что этотъ отрядъ долженъ былъ, не ожидая никакихъ приказаній, немедленно двинуться къ Джаиру, чтобы разогнать и уничтожить собравшихся тамъ киргизскихъ хищниковъ. Но въ дѣйствительности этого не было сдѣлано. Въ результатѣ разыгралось далеко некрасивое дѣло: не мы прогнали киргизовъ, но они заставили нашихъ казаковъ отступить, и это дѣйствіе киргизскихъ хищниковъ осталась безнаказаннымъ и неоспоримо произвело неблагопріятное впечатлѣніе на нашихъ киргизъ. Другими словами: произошло то, чего болѣе всего опасалось пограничное начальство, выставлявшее, между прочимъ, необходимость двинуть отрядъ за границу для того, чтобы произвести этимъ движеніемъ благопріятное нравственное впечатлѣніе на нашихъ киргизъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности вышло наоборотъ: отъ нашихъ пограничныхъ киргизъ не могло укрыться и не произвести на нихъ дурного впечатлѣнія отступленіе нашихъ казаковъ, не поддержанныхъ отрядомъ Халдѣева.

[1]) Сборникъ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью. Томъ I, выпускъ I, стр. 265.

Пограничное начальство оправдываетъ движеніе Западно-Сибирскаго отряда за границу между прочимъ и тѣмъ, что подобное движеніе втягиваетъ солдатъ въ походную жизнь. Все это прекрасно, но оно только упустило изъ вида, что за такое кратковременное, можно сказать, мимолетное пріученіе солдатъ къ походной жизни казна заплатила очень дорого, а именно болѣе 45 тыс. руб.

Въ общемъ выводѣ, изъ сопоставленія описанныхъ выше дѣйствій на западной китайской границѣ Туркестанскаго и Западно-Сибирскаго экспедиціонныхъ отрядовъ, должно притти къ заключенію, что дѣйствія перваго изъ этихъ отрядовъ увѣнчались занятіемъ Кульджи и водвореніемъ полнаго порядка и спокойствія во всемъ Кульджинскомъ районѣ. Дѣйствія же Западно-Сибирскаго отряда не имѣли никакого сколько-нибудь важнаго практическаго результата въ политическомъ отношеніи.

Въ исходѣ первой половины 70-хъ годовъ стали носиться слухи объ оставленіи Хрущовымъ занимаемой имъ должности, но о томъ: кто будетъ назначенъ на его мѣсто положительно не

было извѣстно. Къ предстоящему отъѣзду Хрущова сибиряки отнеслись довольно равнодушно. Да и сокрушаться объ этомъ, повидимому, не было основаній. Уѣзжая навсегда изъ Сибири, Хрущовъ не оставлялъ послѣ себя какой-либо замѣтный выдающійся слѣдъ въ дѣлѣ гражданскаго управленія краемъ. Время, въ продолженіи котораго онъ занималъ важный и отвѣтственный постъ Генералъ-Губернатора Западной Сибири, не ознаменовалось какими либо особенно-выдающимися нововведеніями и улучшеніями, полезными для края, какъ въ области его экономическаго быта, такъ и въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія населенія. Все оставалось по прежнему и представляло собою одинъ общій административный застой. Лицу, поставленному во главѣ управленія такимъ обширнымъ краемъ, какъ Западная Сибирь и киргизская степь Сибирскаго вѣдомства, необходимо было обладать энергіею, твердымъ характеромъ и стойкостью. Къ сожалѣнію, этого-то и не доставало у Хрущова, который, не имѣя прирожденныхъ административныхъ способностей, не могъ считаться въ полной мѣрѣ государственнымъ человѣкомъ. Это былъ человѣкъ военный, преданный военному дѣлу, которое было его стихіей. На этомъ поприщѣ онъ ознаменовалъ себя выдающимися подвигами, какъ во время Турецкой кампаніи 1828 г. подъ Браиловымъ, такъ и при оборонѣ Севастополя, а именно 12-го февраля 1855 г. Въ ночь на это число отрядъ, порученный Хрущову, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ Волынскаго и 3-хъ Селегнинскаго полковъ, занявъ мѣстность между Киленъ и Троицкою балками для постройки тамъ редутовъ, былъ аттакованъ отборными французскими войсками. Послѣ часового упорнаго рукопашнаго боя, французы понесли полное пораженіе. Во время этого боя, одинъ изъ зуавскихъ офицеровъ бросился съ обнаженною саблею на генерала Хрущова, но полковой горнистъ Павловъ выбилъ эту саблю изъ рукъ офицера, а рядовой Бѣлоусовъ закололъ его.

Проведя всю свою службу съ малыхъ лѣтъ въ военномъ вѣдомствѣ и воспитанный въ традиціяхъ военной службы Николаевскихъ временъ и имѣя за собою боевой опытъ, Хрущовъ неоспоримо могъ быть прекраснымъ начальникомъ дивизіи, корпуснымъ командиромъ или командующимъ войсками военнаго округа въ европейской части Россіи. Но, какъ начальникъ отдаленнаго края, онъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Было просто безбожно отрывать человѣка отъ дѣла, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, отъ дѣла, которое онъ зналъ и любилъ и на которомъ могъ быть полезнымъ дѣятелемъ. Но, къ сожалѣнію, у насъ, по справедливому замѣчанію В. П. Яновскаго, при назначеніи на высшія должности

не думаютъ о предварительной къ нимъ подготовкѣ [1]). Такъ было и съ Хрущовымъ. Не имѣя этой подготовки и не обладая необходимыми свѣдѣніями о краѣ по отношенію къ его исторіи, этнографіи, его экономическому состоянію, а также его нуждамъ и потребностямъ, онъ не выказывалъ даже ни малѣйшаго желанія ознакомиться со всѣмъ этимъ путемъ разспросовъ и бесѣдъ со свѣдущими людьми. Неоспоримо, что, занимая вліятельное положеніе въ краѣ, Хрущовъ могъ оказать широкое содѣйствіе и поддержку въ собраніи матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ научнымъ изслѣдованіямъ края и тѣсно связанными съ его мѣстными вопросами и развитіемъ, но имъ ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи. Яркимъ подверждeніемъ этого служитъ общество изслѣдователей Западной Сибири. Это общество, по уставу своему, утвержденному управлявшимъ министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, товарищемъ министра статсъ-секретаремъ Деляновымъ 17-го сентября 1868 г., имѣло цѣлью: собирать, обрабатывать и распространять географическія, статистическія, этнографическія, историческія и естественно-историческія свѣдѣнія о Западной Сибири.

По уставу, общество состояло подъ ближайшимъ руководствомъ Ген.-Губ., который, по званію своему, былъ его почетнымъ предсѣдателемъ. Общество *во все время его существованія имѣло только одно засѣданіе.* На приглашеніе его никакихъ изслѣдованій не послѣдовало и даже самая память о его эфемерномъ существованіи исчезла [2]).

Спрашивается, какъ же могъ Хрущовъ изучить или, по крайней мѣрѣ, ознакомиться съ краемъ, не сознавая всѣмъ извѣстной, старой истины, что управлять народомъ, не зная его нуждъ и не изучая его, есть образъ дѣйствій, противный здравому смыслу.

Незнакомство свое съ Сибирью и киргизскими степями Хрущовъ надѣялся пополнить на первыхъ же порахъ объѣздомъ края. Но производимые имъ летучіе объѣзды громадныхъ сибирскихъ пространствъ нисколько не помогли дѣлу, тѣмъ болѣе, что при этомъ онъ посвящалъ большую часть времени осмотру войскъ, военныхъ управленій и заведеній. Но и здѣсь дѣятельность Хрущова, какъ человѣка военнаго, любящаго военное дѣло, къ сожалѣнію, не могла найти себѣ соотвѣтствующаго поприща, на которомъ онъ могъ-бы развернуть свои военныя познанія. Съ образованіемъ Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства въ Западно-

---

[1]) Русскій Вѣстникъ 1903 г. № 4 стр. 626.

[2]) Ядринцевъ. Сибирь, какъ колонія. Стр. 395.

Сибирскомъ военномъ округѣ осталось лишь незначительное число дѣйствующихъ войскъ, большая часть которыхъ была передвинута въ Туркестанъ. Въ губерніяхъ же Тобольской и Томской оставались лишь мѣстныя войска, имѣвшія своимъ назначеніемъ собственно мѣстную службу, т. е. занятіе карауловъ въ городахъ, конвоированіе арестантскихъ партій и вообще содѣйствіе мѣстному гражданскому начальству въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было употребить военную силу. Что же касается до ревизіи при такихъ объѣздахъ гражданской части, то она оставалась всегда на второмъ планѣ.

Для того, чтобы основательно ознакомиться съ этой частью, былъ необходимъ упорный и усидчивый трудъ на мѣстѣ, но не летучіе объѣзды. Доказательствомъ этого можетъ служить выдающаяся дѣятельность графа Михаила Николаевича Муравьева, который образцово управлялъ и превосходно зналъ Сѣверо-Западный край, не выѣзжая изъ Вильно. Но Хрущову такой усидчивый трудъ былъ не подъ силу. Онъ вступилъ въ управленіе краемъ, имѣя болѣе 60 лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, когда большинство не предпринимаетъ, но заканчиваетъ свою служебную дѣятельность.

«Нѣсть злака ему же не положенъ часъ и довлѣетъ овощу свое время».

Отъ этого Хрущовъ, по природѣ человѣкъ добрый, одушевленный самыми лучшими намѣреніями, желавшій принести пользу краю, не могъ этого выполнить въ полной мѣрѣ. На немъ повторился извѣстный афоризмъ Бокля, что самые лучшіе люди бываютъ иногда худшими правителями. Хотя на первыхъ порахъ вступленія Хрущовымъ въ управленіе войсками и краемъ можно было, повидимому, ожидать, что онъ энергично примется за дѣло, но послѣдствія не оправдали этихъ ожиданій. Такъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Омскъ, во время пріема начальствующихъ лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, Хрущовъ сказалъ грозную рѣчь, въ которой подчеркнулъ, что его рука не дрогнетъ подписать строгій приговоръ за лихоимство. Но эта грозная рѣчь только еще разъ подтвердила собою извѣстную итальянскую поговорку, что между словомъ и дѣломъ—цѣлое море: tra il dire il fare c'è il mare.

При Хрущовѣ лихоимство процвѣтало нисколько не менѣе и едва-ли даже не болѣе, чѣмъ при его предмѣстникахъ. Эта рѣчь Хрущова произвела на всѣхъ насъ тяжелое впечатлѣніе. Прежде всего намъ было непонятно, для кого была сказана эта рѣчь и на что именно расчитывалъ Хрущовъ, угрожая жестокой карой за хищенія. Если эта рѣчь была сказана по адресу нарушителей и

попустителей казеннаго интереса, то этимъ средствомъ едва-ли можно хотя сколько нибудь озадачить или смутить чиновниковъ буквоѣдовъ, закоренѣлыхъ въ своемъ рутинномъ закоснѣніи и искусившихся въ крючкотворствѣ канцелярской казуистики. Такихъ милостивыхъ государей сбить съ позиціи бываетъ иногда не подъ силу даже опытнымъ бюрократамъ. Точно также одной угрозой на словахъ невозможно не только искоренить, но даже и умалитъ злоупотребленія. Не подлежитъ сомнѣнію, что Сибирь страдала отъ злоупотребленій, чему способствовали отдаленность края и необъятность сибирскихъ пространствъ, отнимавшихъ всякую возможность услѣдить за всѣмъ, въ особенности въ глухихъ и далекихъ окраинахъ обширной страны, которая по своему пространству превышаетъ территорію Западной Европы. Въ борьбѣ съ подобными злоупотребленіями оказывались безсильными даже такіе энергичные и суровые Генералъ-Губернаторы, какъ князь П. Д. Горчаковъ, при которомъ нѣкоторые чиновники, занимавшіеся спекуляціями, составили себѣ милліонныя состоянія [1]). При Хрущовѣ же чтобы умалить злоупотребленія, можно сказать, ничего не было сдѣлано. Между тѣмъ его предмѣстникъ А. О. Дюгамель безъ всякихъ громкихъ фразъ и рѣчей, при самомъ вступленіи своемъ въ управленіе краемъ, удалилъ отъ должностей чиновниковъ, замѣченныхъ въ злоупотребленіяхъ по должности при предмѣстникѣ Гасфордѣ. Затѣмъ, благодаря благоразумнымъ и энергичнымъ распоряженіемъ Дюгамеля, въ первый же годъ его вступленія въ управленіе войсками и краемъ, была кореннымъ образомъ измѣнена установившаяся при его предмѣстникѣ операція по постановкѣ провіанта въ войска, расположенныя въ южныхъ округахъ Семирѣченской области: Копальскомъ и Алатавскомъ. По этой операціи, какъ я уже упоминалъ выше, извлекали для себя пользу всѣ, кромѣ казны, на счетъ которой она производилась. Мѣрами же, принятыми Дюгамелемъ, было сохранено болѣе 150 тыс. руб., по сравненію съ первоначальными смѣтами. Точно также по его иниціативѣ значительно умалились злоупотребленія въ Томской губерніи.

Выставляя въ своей рѣчи необходимость всемѣрно противодѣйствовать хищеніямъ, Хрущовъ, повидимому, упустилъ изъ вида, что подобныя злоупотребленія существуютъ не въ одной Сибири, и можно ли поручиться, что ихъ нѣтъ въ такихъ же, а можетъ быть и въ еще большихъ размѣрахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ европейской части Россіи. А потому эта вступительная рѣчь Хру-

---

[1]) Ядринцевъ. Сибирь, какъ колонія, Стр. 359.

щова была въ сущности ударомъ по воздуху. Хотя по содержанію ея можно было-бы заключить, что онъ пріѣхалъ въ край съ твердою рѣшительностью управлять имъ самому вполнѣ самостоятельно, но, къ сожалѣнію, ему пришлось на первыхъ же порахъ разубѣдиться въ этомъ. Не имѣя никакой подготовки къ гражданской части, Хрущовъ, получивъ новое назначеніе, становился во главѣ дѣла, совершенно ему незнакомаго. Ознакомиться же en plein съ этимъ дѣломъ и изучить всѣ детали гражданскаго управленія было ему уже не подъ силу, а потому при первыхъ же докладахъ онъ оказался въ положеніи человѣка, находящагося въ дремучемъ лѣсу, изъ котораго онъ не зналъ какъ выбраться, а, между тѣмъ, былъ обязанъ показывать всѣмъ дорогу. Словомъ сказать, онъ съ перваго же шага попалъ въ руки мѣстныхъ дѣльцовъ и былъ въ сущности не хозяиномъ края, но какъ бы его гостемъ. Пользуясь этимъ, сибирскіе чиновники скоро дали понять Хрущову, что, не обладая знакомствомъ съ мѣстными условіями гражданскаго управленія, онъ не можетъ обойтись безъ нихъ. Они являлись къ нему съ полновѣсными портфелями и цѣлою массою самыхъ разнообразныхъ, сложныхъ и запутанныхъ дѣлъ, неминуемо возникавшихъ при объединеніи въ лицѣ Ген.-Губ., также и обязанностей главнаго начальника Военнаго Округа и Войскового Наказнаго атамана Сибирскаго казачьяго войска. Исполнить всѣ эти функціи было для Хрущова трудною задачею, и онъ былъ поставленъ въ необходимость довѣрять своимъ подчиненнымъ. Къ сожалѣнію, это довѣріе невсегда падало на лицъ, стоящихъ на высотѣ своего положенія и добросовѣстно относящихся къ своимъ обязанностямъ. Въ результатѣ выходило, что край, въ сущности, управлялся лицами, пользовавшимися полнымъ довѣріемъ Хрущова, который, самъ того не замѣчая былъ какъ-бы устраненъ отъ главнаго дѣла и незамѣтно занялся мелочами. Не обладая памятью, Хрущовъ нерѣдко подписывалъ совершенно противорѣчащія представленія по одному и тому же дѣлу. Такъ, по случаю состоявшагося упраздненія Тобольскаго коннаго татарскаго полка и пѣшаго полубатальона, предположено было, по представленію Хрущова, офицеровъ упраздняемыхъ частей перевести въ мѣстныя войска, расположенныя въ Тобольской губ. Это представленіе было сдѣлано по Главному Управленію Западной Сибири и именно по его казачьему отдѣленію, которое, по странной аномаліи, завѣдывало казачьими войсками, принадлежащими главнымъ образомъ военному вѣдомству, но состояло при Главномъ Управленіи Западной Сибири. Когда же объ этомъ было сообщено начальнику Окружнаго Штаба, то онъ, какъ начальникъ мѣстныхъ войскъ Тобольской губ., очевидно, не желая имѣть подъ своимъ начальствомъ офицеровъ упраздняемаго коннаго татарскаго полка, большинство которыхъ не только не было знакомо со строевою пѣхотною службою, но даже и съ русскимъ языкомъ ходатайствовалъ у Хрущова: не переводя этихъ офицеровъ въ мѣстныя войска, оставить ихъ за штатомъ на общемъ основаніи. Хрущовъ согласился на это ходатайство, упустивъ изъ виду, что раньше онъ сдѣлалъ совершенно противоположное представленіе по Главному Управленію, т. е. по гражданскому вѣдомству. Такимъ образомъ, центральное управленіе въ Петербургѣ было поставлено въ затруднительное положеніе, получивъ два разнородныхъ представленія по одному и тому же дѣлу.

Въ сущности, Хрущовъ самъ подавалъ поводъ къ подобнымъ противорѣчіямъ, допуская дѣлать ему доклады по военной части командующими войсками въ областяхъ киргизской степи и начальникамъ мѣстныхъ военно-учебныхъ заведеній: директору Сибирскаго корпуса и начальнику военной прогимназіи. Допущеніе подобныхъ докладовъ составляло прямое нарушеніе закона, а именно введеннаго незадолго передъ тѣмъ положенія о Военно-Окружномъ Управленіи, на основаніи котораго доклады по военной части были предоставлены начальникамъ отдѣловъ Военно-Окружнаго Управленія и именно: Начальнику Штаба, начальникамъ артиллеріи и инженеровъ, интенданту и Военно-медицинскому инспектору. Начальникамъ же дивизій, которыми были въ Сибири—командующіе войсками въ областяхъ, а тѣмъ болѣе начальникамъ военно-учебныхъ заведеній это право личнаго доклада не было предоставлено. Но Хрущовъ, повидимому, принадлежалъ къ той партіи, которая отвергала или, по крайней мѣрѣ, съ недовѣріемъ относилась къ введенной по проекту Военнаго министра графа Милютина Военно-Окружной системѣ управленія и упраздненія должностей командировъ корпусовъ и вообще корпусного устройства войскъ. Въ настоящее время уже никто не будетъ отвергать, что эта реформа оказала самое благодѣтельное вліяніе на благоустройство войскъ и хозяйственной администраціи, учредивъ мѣстный дѣйствительный контроль надъ учрежденіями въ лицѣ командующаго войсками и состоящаго подъ его предсѣдательствомъ Окружнаго Совѣта. Введеніе же окружной системы на окраинахъ государства, какъ напр. въ Сибири, имѣло особенную важность еще и потому, что до этой реформы здѣсь существовала не централизація военнаго управленія, какъ это было въ европейской части Россіи, но скорѣе его разсредоточеніе и притомъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что само

Военное министерство не имѣло никакихъ точныхъ свѣдѣній о хозяйственныхъ операціяхъ, производившихся въ Сибири по провіантской части. Этой неизвѣстностью и объясняются до нѣкоторой степени тѣ злоупотребленія, которыя производились безнаказанно по поставкѣ провіанта въ войска, расположенныя въ южныхъ округахъ Семирѣченской области, о чемъ мною было подробно описано выше.

Хрущовъ, по непонятной слабости, снисходительно и уступчиво относился къ начальствующимъ лицамъ, являвшимся къ нему съ докладами, не имѣя на то, какъ сказано выше, законнаго права. Подобные летучіе доклады почти всегда утверждались Хрущовымъ, хотя на точномъ основаніи положенія о Военныхъ округахъ, эти доклады слѣдовало-бы передавать въ подлежащіе отдѣлы Военно-Окружнаго управленія, для соображенія ихъ съ законами и съ предыдущей перепиской по возбужденнымъ въ этихъ докладахъ вопросамъ. Случалось иногда, что разрѣшеніе, данное Хрущовымъ по летучимъ докладамъ упомянутыхъ выше начальствующихъ лицъ, оказывалось по справкѣ несогласнымъ съ законами и противорѣчащимъ прежнимъ его распоряженіямъ. Понятно, что все это производило путаницу, вело къ раздѣленію власти и нарушало единство въ управленіи округомъ. Но и помимо этого случалось, что бумаги, поступающія въ подлежащія министерства по важнымъ вопросамъ, въ особенности въ послѣднее время, излагались поверхностно, недоказательно и часто требовали дополнительныхъ объясненій. Вообще всякая канцелярская работа видимо утомляла и смущала Хрущова, и онъ всячески старался ее избѣгать. Принимать же на себя самую, даже незначительную долю работы, онъ считалъ несогласною съ его достоинствомъ. Былъ такой случай. При докладѣ мною одного сложнаго и запутаннаго дѣла, я высказалъ свое мнѣніе, что дѣло это можетъ быть скорѣе, проще и удобнѣе разобрано на мѣстѣ, а именно въ г. Зайсанѣ, гдѣ могутъ быть собраны всѣ необходимыя справки, не прибѣгая къ перепискѣ. На этомъ основаніи и ввиду предстоящей поѣздки Хрущова въ Зайсанъ, я просилъ разрѣшенія передать это дѣло въ его походную канцелярію, чтобы завѣдующій канцеляріей, по пріѣздѣ въ Зайсанъ, собралъ по этому дѣлу всѣ необходимыя справки на мѣстѣ для дальнѣйшаго направленія этого дѣла въ установленномъ порядкѣ. Но такая комбинація не понравилась Хрущову, и онъ съ видимымъ неудовольствіемъ возразилъ мнѣ: «Какъ? Вы хотите, чтобы я во время своихъ поѣздокъ производилъ еще и слѣдствія?!» Послѣ этого мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ пожимать плечами, находясь въ положе-

ніи человѣка, незнающаго à quel pied danser. Этимъ дѣйствіемъ Хрущова я былъ вынужденъ самое живое дѣло, подобно многимъ другимъ, утопить въ морѣ канцелярской переписки.

Однажды явился я къ Хрущову съ довольно объемистымъ портфелемъ, при видѣ котораго онъ пришелъ въ ужасъ и замѣтилъ мнѣ, что скоро два часа и долѣе двухъ онъ принимать доклады не можетъ. Я поспѣшилъ успокоить его, сказавъ, что у меня немного бумагъ для доклада и подписи. Въ принесенномъ же портфелѣ находятся дѣла прежнихъ лѣтъ, взятыя мною на случай, если-бы онъ пожелалъ имѣть документальныя справки по подлиннымъ бумагамъ.

Вечеромъ Хрущовъ вовсе не занимался дѣлами и говорилъ: «а вечеръ мой», упуская изъ вида, что онъ широко пользовался и утромъ. Неоднократно случалось при моихъ докладахъ, что, не имѣя ничего выразить по существу дѣла, Хрущовъ останавливался на мелочахъ, но и тогда его взгляды поражали своею нелогичностью. Такъ, докладывая о наградахъ по Округу, я ходатайствовалъ, между прочимъ, объ удостоеніи нѣкоторыхъ чиновъ Штаба денежными наградами, что въ то время, т. е. въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, допускалось закономъ. Тогда Хрущовъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ мнѣ, что большинство лицъ, о награжденіи которыхъ я ходатайствую, представлены мною къ денежнымъ наградамъ. «Помилуйте», сказалъ Хрущовъ, «это пренебреженіе къ орденамъ!» Я отвѣчалъ, что подобное представленіе закономѣрно и не составляетъ какого-либо нарушенія существующихъ постановленій, а главное то, что представленные мною къ денежнымъ наградамъ лица большею частью женатые и семейные, которыя, получая ограниченное содержаніе и не имѣя никакого состоянія, находятся въ очень стѣсненномъ положеніи. При такихъ условіяхъ всякій вычетъ изъ жалованія за пожалованный орденъ составляетъ для нихъ прямое лишеніе. О пренебреженіи же ихъ къ орденамъ не можетъ быть и рѣчи, въ чемъ я ручаюсь головою. Такой взглядъ Хрущова по отношенію къ орденамъ является тѣмъ болѣе страннымъ, что у насъ, какъ это видно изъ записокъ академика и профессора Никитенко, также въ то время столько выдавалось наградъ чинами и орденами, сколько ранѣе того не было ни въ одно царствованіе. Это былъ настоящій рогъ изобилія. Александру Васильевичу Никитенко говорилъ одинъ чиновникъ, знакомый со статистикой предмета, что обыкновенная пропорція наградъ въ Николаевское время составляла во всей Имперіи цифру отъ 4-хъ до 5 тыс. въ годъ. Въ тогдашнее же время (1868 г.) эта цифра доходила до десяти и одиннадцати ты-

сячъ въ годъ. Наконецъ, въ нашихъ газетахъ и журналахъ прежняго времени можно было встрѣтить не мало случаевъ, доказывающихъ не пренебреженіе, а скорѣе наше пристрастіе къ орденамъ. Такъ, въ одномъ изъ нашихъ повременныхъ изданій, былъ описанъ слѣдующій случай: при проѣздѣ Великаго князя Михаила Павловича по Каменноостровскому проспекту подвернулся подъ лошадей переходившій черезъ улицу чиновникъ. Великій князь приказалъ остановить лошадей и удостовѣрившись, что чиновникъ не получилъ никакого серьезнаго увѣчья, подозвалъ его къ себѣ. Узнавъ, что онъ служитъ въ Сенатѣ и получаетъ очень небольшое жалованіе, Великій князь приказалъ ему явиться къ себѣ во дворецъ, что въ свое время и было исполнено. Когда Великому князю доложили о прибытіи этого чиновника, то его Высочество вышелъ къ нему изъ кабинета съ пакетомъ, въ которомъ находилась солидная сумма денегъ, которыя Великій князь желалъ вручить чиновнику въ вознагражденіе за причиненное ему безпокойство. Но чиновникъ сталъ на колѣни и умоляющимъ голосомъ сказалъ: «позвольте Ваше Высочество получить лучше орденъ Святыя Анны 3-ей степени». Послѣ этого едва-ли можно согласиться съ Хрущовымъ, что у насъ существуетъ пренебреженіе къ орденамъ. Но не только у насъ, но и въ республиканскихъ государствахъ не существуетъ въ полной мѣрѣ пренебрежительнаго отношенія къ орденамъ. Извѣстно, что во время президентства Греви обнаружились даже злоупотребленія по поводу погони французовъ за орденами. Точно также и между гражданами Сѣверо-Американскихъ штатовъ, гдѣ вовсе не существуетъ орденовъ, но тѣмъ не менѣе и тамъ встрѣчались господа, желающіе украситься ими. Такъ на одномъ изъ Тюльерійскихъ баловъ, Наполеонъ III замѣтилъ на одномъ изъ приглашенныхъ орденъ, котораго никогда не видалъ. Приглашенный оказался американцемъ, который самъ выдумалъ надѣтый имъ красивый орденъ [1]).

Отношенія Хрущова къ нѣкоторымъ изъ своихъ подчиненныхъ, занимавшихъ высшія должности въ краѣ, и неумѣніе оцѣнить безпристрастно ихъ заслуги, поражали своей односторонностью. Дѣльные и достойные администраторы были вынуждены оставлять свои должности и иногда замѣнялись людьми, малоспособными къ дѣлу. Такъ, вслѣдствіе разногласія съ Хрущовымъ, долженъ былъ оставить должность Тобольскаго губернатора А. И. Деспотъ-Зеновичъ.

---

[1]) К. А. Скальковскій. По морю житейскому. «Новое Время», 1905 г. № 10448.

Питомицъ Московскаго Университета, Александръ Ивановичъ Зеновичъ готовился къ профессорской дѣятельности, но, по измѣнившимся обстоятельствамъ, онъ перешелъ на службу въ Восточную Сибирь, гдѣ своими выдающимися способностями и энергіею обратилъ на себя вниманіе графа Муравьева-Амурскаго. Занимая постъ Кяхтинскаго пограничнаго комиссара, а затѣмъ Кяхтинскаго градоначальника, онъ ознаменовалъ свою дѣятельность въ высшей степени основательными и энергичными распоряженіями. Такъ онъ открылъ злоупотребленія Кяхтинской таможни и тѣмъ увеличилъ доходъ казны на полтора милліона ежегодно. Назначенный въ 1863 г. на постъ Тобольскаго губернатора, онъ пользовался полнымъ довѣріемъ Генералъ-Губернатора Дюгамеля. Эту должность онъ занималъ до 1867 г. и оставилъ по себѣ память энергичнаго и способнаго администратора. За свою многополезную дѣятельность А. И. Зеновичъ, по ходатайству общества всѣхъ сословій г. Тобольска, былъ удостоенъ званія почетнаго гражданина г. Тобольска. Оставленіе Зеновичемъ занимаемой имъ должности произвело на всѣхъ, а въ особенности на обывателей Тобольска, тягостное впечатлѣніе. Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ были также озадачены этимъ, потому что Зеновичъ считался однимъ изъ способнѣйшихъ губернаторовъ. Замѣстителемъ Зеновичу по странному недоразумѣнію, которое можно принять за насмѣшку, былъ назначенъ совершенно неспособный для этой должности генералъ Чебыкинъ, который оставался губернаторомъ только нѣсколько мѣсяцевъ и былъ замѣщенъ по ходатайству Хрущова знакомымъ ему полковымъ командиромъ полковникомъ Сологубомъ. Но при этомъ Хрущовъ упустилъ изъ вида, что подготовку для административной дѣятельности по гражданской части нельзя получить, командуя полкомъ. Будучи совершенно незнакомъ съ гражданской частью, а также съ краемъ и особеностями мѣстнаго управленія Сибири, Сологубъ былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ. Онъ вскорѣ женился въ Тобольскѣ на богатой особѣ, поѣхалъ съ нею въ Петербургъ, гдѣ и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Такой неожиданный трагическій финалъ до крайности насъ озадачилъ, но почему и какъ это случилось—осталось загадкой. Вообще назначенія Хрущова на довольно важныя должности въ краѣ, въ большинствѣ случаевъ, были неудачны. Иногда, вслѣдствіе протекціи и стараго знакомства, получали мѣста лица, совершенно неспособныя къ дѣлу. Все это весьма выпукло обнаружилось при пріемникѣ Хрущова Н. Г. Казнаковѣ, когда всѣ эти лица были уволены отъ занимаемыхъ ими должностей.

*

Хрущовъ, повидимому, смотрѣлъ на свою должность, какъ на особое почетное назначеніе въ родѣ синекуры, полученной имъ въ воздаяніе за его боевыя заслуги. Но эти заслуги и прекрасное знаніе имъ строевой службы были въ свое время оцѣнены по достоинству. Такъ, подъ конецъ, службы, онъ имѣлъ, кромѣ Георгія 3 и 4 ст., всѣ остальные ордена до Александра Невскаго включительно, чинъ генерала-отъ-Инфантеріи, званіе генералъ-адъютанта и аренду въ Польшѣ съ годовымъ доходомъ до 3 тыс. р. Но спрашивается, что же сдѣлалъ Хрущовъ послѣ Севастополя, а также дальнѣйшей своей военной службы въ Варшавскомъ и Виленскомъ военныхъ округахъ? На должности Генералъ-Губернатора онъ не проявилъ своихъ административныхъ способностей и дѣла по гражданскому управленію краемъ нисколько не подвинулись впередъ, но, напротивъ того, въ этой области скорѣе наблюдалось обратное явленіе. Такъ напр. недоимки за его время, въ особенности по Тобольской и Томской губ., начали образовываться съ 1867 г. и, постепенно возрастая, дошли, наконецъ, до милліонныхъ цифръ. Накопленіе ихъ мѣстнная администрація объясняла: неурожаями, падежами скота, градобитіями и другими народными бѣдствіями. При преемникѣ же Хрущова, Казнаковѣ, который энергично принялся за это дѣло и ознакомился съ нимъ всесторониимъ образомъ, — оказалось, что накопленіе недоимокъ произошло совершенно отъ другихъ причинъ и именно отъ недостаточной распорядительности администрація, а частью и отъ злоупотребленій низшихъ чиновъ земской полиціи. Оказалось, что при взысканіи податей, полицейскія власти руководствовались единственно личными воззрѣніями на степень состоятельности неплательщиковъ, и по недосугу и нерадѣнію, а, можетъ быть, и изъ личныхъ корыстныхъ видовъ, самопроизвольно изъ года въ годъ давали отсрочки въ уплатѣ всякаго рода сборовъ. Черезъ это порядокъ, установленный закономъ, нарушился, финансовые счеты запутались до крайности, и дѣйствительныя недоимщики утратились изъ виду. При такомъ безпорядкѣ, сельское населеніе, видя возможность уклониться, хотя-бы временно, отъ повинностей начало безъ уважительныхъ причинъ оттягивать платежи. Новому начальнику края понадобилось разъяснить губернаторамъ ихъ обязанности по сбору податей и указать на установленный закономъ порядокъ взысканія и на образъ дѣйствій, въ случаѣ дѣйствительной несостоятельности отдѣльныхъ обществъ или лицъ къ уплатѣ повинностей [1]).

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ ген.-ад. Казнакова за 1874 г., стр. 7 и 8-ая.

Точно также и на китайской границѣ его управленіе, вслѣдствіе излишняго довѣрія мѣстному пограничному начальству, сопровождалось рядомъ неудачныхъ распоряженій, которыя или отклонялись высшимъ правительствомъ (постройка укрѣпленія въ китайскихъ владѣніяхъ на р. Кабѣ) или оставались безъ всякихъ результатовъ, сколько нибудь полезныхъ для края (движеніе экспедиціоннаго отряда за границу въ долину р. Эмиля). Всѣ эти военныя экспедиціи, предпринятыя на китайской границѣ во времена Хрущова, возникли на почвѣ скорѣе личныхъ интересовъ, нежели государственныхъ соображеній и даже, какъ мы видѣли, въ противность указаній правительства. Впослѣдствіи самъ Хрущовъ убѣдился въ этомъ, но, къ сожаленію, время было упущено и поправить сдѣланные промахи и описанные выше заграничные шалости областного начальства,—было уже трудно.

Боевыя заслуги Хрущова развили въ немъ мелкое самолюбіе, а до нѣкоторой степени и тщеславіе. Облеченіе же его властью Генералъ-Губернатора, столь заманчивою для самолюбія, еще болѣе усилили въ немъ эти наклонности. Такъ напр., онъ видимо обращалъ вниманіе, чтобы на всѣхъ частныхъ общественныхъ собраніяхъ, балахъ, концертахъ и проч., на которыхъ онъ присутствовалъ, находились и всѣ начальствующія лица, хотя оффиціально этого не требовалъ. Такой entourage и подобострастіе окружающихъ занимали Хрущова. Отъ приказалъ также, чтобы всѣ лица военнаго и гражданскаго вѣдомства, обязанные быть у Генералъ-Губернатора съ докладами и вообще по дѣламъ службы, являлись къ нему не иначе, какъ въ мундирахъ. Даже всѣ приглашенные имъ на карточные вечера обязаны были быть также въ мундирахъ. Все это было для всѣхъ насъ крайне сѣтснительно и, въ сущности, не имѣло никакого смысла, а потому при новомъ Ген.-Губ. было отмѣнено. Вечера у Хрущова состояли въ томъ, что всѣ приглашенные, едва успѣвъ выпить стаканъ чаю, какъ-бы по сигналу садились за заранѣе расставленные въ симметричномъ порядкѣ зеленые столики, и начиналась карточная игра. Въ 12 час. былъ сервированъ ужинъ, за которымъ слѣдовалъ разъѣздъ приглашенныхъ. Говоря объ этихъ вечерахъ у Хрущова, не могу не остановиться на пріемахъ, происходившихъ въ Иркутскѣ у Генералъ-Губернатора графа Муравьева-Амурскаго. На этихъ пріемахъ всѣмъ приглашеннымъ лицамъ представлялась полная свобода: играть въ карты или вести бесѣды. Послѣднее, впрочемъ, преобладало. Въ его одушевленныхъ гостинныхъ происходилъ живой обмѣнъ мнѣній, возникали дебаты, затрогивались и обсуждались самые жгучіе современные вопросы, относящіеся до овладѣнія

Амурской страной и побережьемъ Великаго океана; говорили о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Китаѣ, Кореѣ, Японіи и Америкѣ. Въ то время, какъ я уже упоминалъ, Дальній Востокъ сдѣлался ареной міровыхъ событій, въ которыхъ кромѣ Россіи и Американскихъ Штатовъ, принимали дѣятельное участіе и первостепенныя морскія державы Европы. Понятно, что тогдашнее образованное Иркутское общество, въ средѣ котораго были такіе люди, какъ Д. И. Романовъ, Б. А. Милютинъ, Будогоскій, Струве, Кукель, Сельскій и много другихъ, интересовалось положеніемъ, которое должна была занять Россія на окраинѣ азіатскаго востока. Самъ графъ Муравьевъ, обходя своихъ гостей, принималъ иногда участіе въ ихъ бесѣдахъ. По словамъ Б. А. Милютина, «графъ Муравьевъ обладалъ драгоцѣнныхъ даромъ оживлять всякое общество, въ которомъ онъ появлялся. Государственныя заботы, личныя думы,—откладывались въ сторону. Пріятнѣйшій собесѣдникъ, ровный со всѣми, онъ не стѣснялъ никого, не нагонялъ гробового молчанія, не принуждалъ сосредоточиваться около него и слушать только его».

По полученіи радостнаго извѣстія объ удачномъ заключеніи генераломъ Н. П. Игнатьевымъ Пекинскаго трактата, составляющаго самую блистательную страницу въ ходѣ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Китаемъ, графъ Муравьевъ, воздавая должное заслугамъ Н. П. Игнатьева устроилъ ему глубокосочувственный пріемъ въ Иркутскѣ. Встрѣтивъ его лично на перевозѣ, графъ Муравьевъ провелъ его въ залу своего дома, гдѣ городское общество поднесло гостю хлѣбъ-соль; затѣмъ, въ другой залѣ ожидало главное управленіе. т. е. Совѣтъ и чиновники особыхъ порученій. «Это, сказалъ графъ Муравьевъ, мои ближайшіе совѣтники и товарищи. Они, какъ и я, высоко цѣнятъ заслугу, которую вы оказали Россіи и въ частности Сибири». Затѣмъ послѣдовали обѣды, литературный вечеръ, любительскій спектакль сопровождавшійся ужиномъ, наконецъ проводы. Началось съ чиннаго обѣда и съ неменѣе чинныхъ спичей, но потомъ все перемѣшалось—пошли спичи другого рода, закончилось пѣніемъ..... Графъ Муравьевъ былъ неизмѣнно ровенъ, веселъ: Его присутствіе не стѣсняло никого [1]).

Въ Омскѣ же въ семидесятыхъ годахъ, по примѣру начальства, карточная игра царила въ громадныхъ размѣрахъ. Все свободное время проводилось въ клубахъ и частныхъ домахъ за зелеными столами, надъ которыми носились тучи мѣловой пыли.

[1]) Барсуковъ. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Кн. I, стр. 609—610.

Даже молодежь не гнушалась самоуслажденіемъ карточной игры, которая, казалось, была возведена въ какой-то культъ служенія отечеству. По мнѣнію нѣкоторыхъ, она имѣла и свою хорошую сторону, потому что отвлекала отъ недозволенныхъ и вредныхъ разсужденій и вообще увлеченія, такъ-называемыми, завиральными идеями. Но съ другой стороны повседневная, однообразная жизнь тогдашняго Омскаго общества, не имѣя передъ собою никакихъ нравственныхъ стремленій, погрузила всѣхъ въ непробудный сонъ и апатію. Самъ Хрущовъ въ послѣдніе годы своего управленія замѣтно постарѣлъ и, какъ говорится, подался. Дѣлами по гражданской части онъ занимался поверхностно.

Военная же часть занимала его по прежнему. Но эта часть, сравнительно съ гражданскимъ управленіемъ, обнимавшемъ собою самые жизненные интересы административнаго и экономическаго характера такого обширнаго края, какъ Западная Сибирь,—была въ сущности каплей въ морѣ. Все это не могло не отразиться на общественной жизни Омска, какъ главнаго административнаго центра по управленію краемъ, въ которомъ преобладалъ какой-то застой и апатія. Хотя toute vérité n'est pas bonne à dire, но люди умираютъ, а исторія должна оставаться, и я съ грустью долженъ сказать, что тогдашняя распущенность доходила до того, что Хрущовъ, гуляя утромъ въ своемъ саду, совершенно неожиданно наткнулся на гробъ, поставленный неизвѣстно кѣмъ у стѣны сада. По другой версіи, гробъ былъ поставленъ у самаго подъѣзда генералъ-губернаторскаго дома. Кѣмъ и для чего это было сдѣлано, такъ и осталось загадкою. Это прискорбное событіе произвело на всѣхъ насъ тяжелое впечатлѣніе. Хрущовъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, былъ въ сущности человѣкъ добрый и одушевленный самыми лучшими намѣреніями. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ взялся за дѣло, которое ему оказалось не подъ силу.

Много вредилъ Хрущову его антуражъ, т. е. любимчики, которымъ онъ безусловно довѣрялъ. Мнѣ самому приходилось иногда выслушивать замѣчанія Хрущова, которыя были такъ прозрачны, что не трудно было видѣть ихъ источникъ. Всѣ эти доводимые до свѣдѣнія Хрущова слухи, нерѣдко изображали дѣло въ совершенно ложномъ свѣтѣ или передавались въ превратномъ видѣ. Безтактность любимчиковъ возбуждала неудовольствіе въ обществѣ и, повидимому, была поводомъ съ появленію шуточныхъ стихотвореній, составленныхъ неизвѣстными авторами и распространявшимися по городу во множествѣ экземпляровъ. Обстоятельство это составляетъ знаменіе Хрущовскаго времени,

потому что ни ранѣе, ни послѣ него ничего подобнаго не было. . . . .
. . . .

На этомъ оканчиваются записки Ивана Θеодоровича Бабкова. Изъ замѣтокъ, найденныхъ въ рукописяхъ покойнаго, въ VII главѣ предполагалось описать отъѣздъ Хрущова изъ Омска и назначеніе новаго Генералъ-Губернатора, генералъ-адъютанта Н. Г. Казнакова, а также дать очеркъ его дѣятельности по военной и гражданской части и по управленію Сибирскимъ казачьимъ войскомъ въ теченіе шестилѣтняго періода съ 1875 — 1882 г. Въ VIII, послѣдней главѣ предполагалось описать время Мещеринова и послѣднюю поѣздку на китайскую границу, когда И. Θ. Бабковъ былъ назначенъ полномочнымъ комиссаромъ по дѣлу постановки китайской границы отъ Большого Алтайскаго хребта до горы Мусъ-тау въ хребтѣ Саурѣ въ исполненіе VIII и IX ст. Петербургскаго договора 1881 г., опредѣляющихъ измѣненіе границы, установленной Чугучакскимъ протоколомъ.

Кромѣ этого намѣченнаго плана, въ рукописяхъ И. Θ. Бабкова найдены замѣтки о Н. Г. Казнаковѣ и Г. В. Мещериновѣ. Полагая, что читателямъ будутъ небезъинтересны эти замѣтки, онѣ помѣщены цѣликомъ. Замѣтки о Н. Г. Казнаковѣ:

Свѣтлый умъ, большая начитанность, превосходная память, сдержанность и тактъ, пріобрѣтенныя постояннымъ вращеніемъ въ высшемъ обществѣ, изящныя манеры, постоянная привѣтливость и деликатность въ обращеніи были отличительными качествами Казнакова. Если же къ этому присоединить красивую и симпатичную наружность, то про него можно сказать, что Прометей вылѣпилъ его изъ самой лучшей глины. Обладая блестящими способностями и занимая важныя административныя должности, какъ по военной, такъ и по гражданской части, Казнаковъ вступилъ въ управленіе войсками и краемъ, будучи вполнѣ опредѣлившимся государственнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ за собою опытъ, знаніе дѣла и ясно опредѣленную систему дѣйствій.

Казнаковъ всегда строго слѣдовалъ правилу, которое въ сущности было его формулой дѣйствій. Это savoir pour prevoir et prevoir pour agir, а потому всякое дѣло, представляемое къ докладу на его разрѣшеніе, должно быть предварительно разработано во всей подробности, во всѣхъ его частяхъ, элементахъ и деталяхъ. Отсюда прямое слѣдствіе—необходимость статистическихъ данныхъ. Всѣ исправники были обязаны имѣть при себѣ сводъ статистическихъ данныхъ о ввѣренныхъ имъ округахъ, относящихся до состава населенія, его движенія, состоянія, образованія, народнаго продовольствія, промышленности, торговли, земледѣлія, скотоводства и т. д.

Вообще Казнаковъ всячески покровительствовалъ и содѣйствовалъ собранію тщательной разработки и изученію разнаго рода матеріаловъ, относящихся до административныхъ вопросовъ по управленію краемъ.

Къ числу важныхъ распоряженій Казнакова должно отнести также и то правильное и закономѣрное направленіе, которое было имъ дано всѣмъ дѣламъ на первыхъ же порахъ его вступленія въ управленіе краемъ, какъ по гражданской, такъ и по военной части. Подъ этимъ я разумѣю направленіе всѣхъ поступающихъ дѣлъ въ порядкѣ, установленномъ закономъ. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ, потому что другого направленія дѣлъ въ текущемъ ходѣ, какъ гражданскаго, такъ и военнаго дѣлопроизводства, повидимому, и не должно быть. Но въ дѣйствительности происходило иначе. Такъ, со временъ Гасфорда, установилась при главномъ начальникѣ края, такъ называемая, походная канцелярія. Во время его объѣздовъ края, въ походной канцеляріи производилось довольно широкое дѣлопроизводство не только по разнымъ представленіямъ и ходатайствамъ мѣстныхъ властей, но и изготовлялись обширныя сообщенія въ Петербургъ, въ подлежащія министерства. Понятно, что при объѣздахъ края его главнымъ начальникомъ обойтись безъ подобныхъ канцелярій въ большинствѣ случаевъ бываетъ невозможно. Во время этихъ объѣздовъ неминуемо могутъ возникать разнаго рода вопросы, неотступно требующіе внимательнаго разсмотрѣнія и соображенія, а также поступаетъ всегда масса прошеній, представленій и ходатайствъ. Если допустить, что всѣ эти дѣла должны разсматриваться, а нѣкоторые и рѣшаться на мѣстѣ въ походной канцеляріи, то это естественнымъ образомъ повлечетъ за собою цѣлое дѣлопроизводство. Подобный порядокъ производства дѣлъ, неустановленный закономъ и имѣвшій, въ сущности, частный, такъ сказать, домашній характеръ, понижая темпъ соотвѣтствующихъ правительственныхъ учрежденій, въ то же время неминуемо ослаблялъ собою и самый стимулъ энергіи служащихъ, на глазахъ которыхъ происходило разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ въ явное нарушеніе порядка, установленнаго закономъ. При этомъ и исполненныя въ частномъ учрежденіи дѣла передавались въ правительственныя учрежденія лишь впослѣдствіи для свѣдѣнія. Но, и помимо этого, всякое рѣшеніе дѣлъ по летучимъ докладамъ и ходатайствамъ начальствующихъ лицъ во время объѣзда края, безъ предварительнаго разсмотрѣнія этихъ ходатайствъ въ под-

лежащихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, и соображеніе ихъ съ законами и предыдущимъ дѣлопроизводствомъ неминуемо влекло къ противорѣчію въ распоряженіяхъ и разнаго рода неправильностямъ. Хрущовъ нисколько не стѣснялся этимъ и принималъ непосредственно дѣлаемые ему доклады начальствующихъ лицъ, не имѣющихъ на это права, и нерѣдко давалъ тогда же разрѣшеніе по этимъ ходатайствамъ на мѣстѣ. Новый начальникъ края нашелъ такіе доклады, какъ установленные обычаемъ, но не закономъ,—неправильными и отклонилъ ихъ. Несостоятельность и неправильность подобнаго рода докладовъ въ особенности ярко выказались по вопросу о возведеніи новыхъ и постепенномъ улучшеніи существовавшихъ построекъ въ Семипалатинской области. Областное начальство убѣдило Хрущова, что при возведеніи нѣкоторыхъ зданій въ пограничной части киргизской степи, а также при постройкѣ мостовъ было-бы скорѣе, проще, а главное, дешевле производить эту операцію на коммерческомъ правѣ самими войсками на отпускаемыя суммы изъ экстраординарнаго кредита ассигнуемаго ежегодно въ безотчетное распоряженіе главнаго начальника края по военной части. Словомъ сказать, Хрущовъ по частному докладу призналъ возможнымъ нѣкоторыя постройки въ киргизской степи производить помимо инженернаго вѣдомства, т. е. въ сущности безъ всякаго его участія. Несостоятельность такого взгляда на постройки въ степи не замедлила вскорѣ обнаружиться. Возведенныя на коммерческомъ правѣ зданія, спустя непродолжительное время, послѣ ихъ постройки, потребовали ремонта, который, какъ не включенный въ смѣту, не вошелъ и въ первоначально испрошенный кредитъ. А потому потребовалось новое ассигнованіе суммъ на постоянную поддержку возведенныхъ построекъ, дешевизна которыхъ оказалась миѳомъ.

Съ мостами произошли курьезы, которые, по ходившимъ тогда разсказамъ, заключались въ томъ, что строитель моста нашелъ возможнымъ устроить его устои или быки изъ ряда деревянныхъ срубовъ, наполненныхъ крупнымъ булыжникомъ. Но весною, при сильномъ напорѣ воды, всѣ эти устои были размыты и разрушены. При постройкѣ моста на другой горной рѣкѣ, доморощенный строитель, чтобы ослабить силу напора воды, рѣшилъ отвести воду въ каналъ, вырытый въ сторонѣ отъ главнаго русла, черезъ которое былъ построенъ мостъ. Весною рѣка почему то вздумала направиться всею массою воды не по главному руслу, а по вновь вырытому каналу. Вслѣдствіе чего главное русло постепенно обмелѣло и мостъ оказался выстроеннымъ не черезъ рѣку, а черезъ ея сухое русло.

Все это произошло отъ того, что какъ мѣстное пограничное начальство, такъ и Хрущовъ, видимо заблуждались, полагая возможнымъ обойтись при постройкѣ казенныхъ зданій и возведеніи другихъ сооруженій безъ техниковъ. Опытъ показалъ всю несообразность такого взгляда, тѣмъ болѣе, что всѣ подобныя постройки всетаки пришлось впослѣдствіи передать въ инженерное вѣдомство. Самая же дешевизна ихъ, какъ мы видѣли, подвержена большому сомнѣнію. Относительно же злоупотребленій при постройкахъ зданій техниками должно сказать, что начальство всегда имѣетъ средства и способы принять предварительныя мѣры противъ этихъ злоупотребленій и своевременно остановить ихъ. Нагляднымъ подтвержденіемъ этому можетъ служить приведенный В. А. Панаевымъ, въ его воспоминаніяхъ, примѣръ энергичныхъ распоряженій графа Клейнмихеля по устраненію злоупотребленій при постройкѣ Николаевской желѣзной дороги. По словамъ В. А. Панаева, вслѣдствіе безобразнаго контракта, заключеннаго департаментомъ желѣзныхъ дорогъ, шпалы въ отдаленныхъ мѣстахъ работъ по этой дорогѣ обходились отъ 4-хъ до 5-ти руб. за штуку, когда дѣйствительная стоимость ихъ не превышала въ то время 30 коп. Клейнмихель шутить не любилъ и сдѣлалъ подрядчикамъ энергичное внушеніе, послѣ котораго цѣна поперечинъ была установлена вмѣсто 5 въ 1 р.—50 коп., что конечно было громадной побѣдой [1]).

Наконецъ, если у насъ существуютъ особыя вѣдомства, прямая обязанность которыхъ заключается въ постройкѣ казенныхъ зданій, то обходить это вѣдомство и ограничивать сферу его дѣятельности было-бы неудобно по многимъ соображеніямъ и прежде всего потому, что это можетъ повлечь за собою нежелательныя послѣдствія и даже самый упадокъ хозяйственныхъ операцій. Подтвержденіемъ этому можетъ служить, приведенная въ тѣхъ же воспоминаніяхъ В. А. Панаева, передача при министрѣ Меньшиковѣ изъ Министерства Путей Сообщенія въ другія вѣдомства разныхъ отраслей вѣдѣнія сего Министерства, которыя по естественнымъ причинамъ и пришли впослѣдствіи въ полный упадокъ [2]).

Дѣйствовать же въ данномъ случаѣ, помимо спеціальнаго вѣдомства, является страннымъ. При Казнаковѣ всѣ постройки

[1]) Воспоминанія В. А. Панаева. Русская Старина. Кн. 7, стр. 56.

[2]) Тамъ-же, стр. 65.

въ краѣ производились при участіи инженернаго вѣдомства и гражданскихъ техниковъ, и никакихъ при этомъ особенныхъ неудобствъ и крупныхъ злоупотребленій не наблюдалось. Отъ зоркаго взгляда Казнакова на дѣло возведенія казенныхъ зданій въ киргизской степи не могло укрыться одно важное обстоятельство, на которое прежде при Хрущовѣ не было обращено никакого вниманія. Сущность этого дѣла заключалась въ томъ, что многія зданія для войскъ въ Семипалатинской области, въ томъ числѣ и построенныя безъ участія инженернаго вѣдомства, предназначались въ большинствѣ случаевъ лишь для временнаго квартированія войскъ и устройства хозяйственныхъ помѣщеній. Такъ, Семипалатинское начальство въ 1877 г. ходатайствовало о настоятельной потребности построить въ Котонъ-Карагаѣ новую казарму для сотни казаковъ со службами и продовольственный магазинъ на 1500 четвертей. Новое же областное начальство въ 1880 г. признало возведеніе всѣхъ этихъ построекъ совершенно излишнимъ. Подобный порядокъ возведенія новыхъ и улучшенія существующихъ уже зданій для войскъ, основанный не на постояной, а лишь кратковременной въ нихъ потребности, по миновании которой онѣ теряютъ, большею частью, свое значеніе, по мнѣнію Казнакова, кромѣ непроизводительныхъ затратъ, отражаются невыгоднымъ образомъ на матеріальномъ благоустройствѣ самихъ войскъ. Послѣднія, вслѣдствіе такого порядка, лишаются возможности пользоваться въ наиболѣе вѣроятныхъ пунктахъ постояннаго квартированія тѣми удобствами казарменнаго размѣщенія, которыя могли-бы быть имъ доставлены при раціональныхъ этому расходованію казенныхъ суммъ. Для этого и было указано мѣстному пограничному начальству на необходимость такого постояннаго размѣщенія войскъ, которое было-бы строго соображено съ потребностями мѣстной службы, а главное—охраны государственной границы и поддержанія порядка и спокойствія среди кочевого населенія степи.

Казнаковъ былъ человѣкъ большого ума и безусловно честныхъ стремленій. Это былъ человѣкъ, обладавшій возвышеннымъ образомъ мыслей, рѣдкимъ тактомъ и умѣніемъ окружать себя талантливыми сотрудниками. Замѣчательно ясный умъ, которымъ обладалъ Казнаковъ, его рѣдкія дарованія, пріятныя манеры, быстрота соображеній, находчивость, тактъ и знаніе свѣта давали ему возможность скоро оріентироваться въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности.

Доклады, которые мы имѣли у Казнакова, были для всѣхъ насъ въ высшей степени поучительны. Во время этихъ докладовъ, пріобрѣтался навыкъ и усваивался правильный и закономѣрный взглядъ на процедуру разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ. Этому много способствовало умѣніе Казнакова сосредоточиваться на извѣстномъ предметѣ, угадывать главный темпъ, центръ тяжести всего дѣла и способность дать такой оборотъ и рѣшеніе, которое, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало обстоятельствамъ дѣла. Наконецъ, умѣніе находить такія стороны и оттѣнки въ дѣлѣ, которыя освѣщаютъ его всестороннимъ образомъ и даютъ надлежащую окраску. Все это въ совокупности много содѣйствовало правильному и справедливому рѣшенію дѣлъ.

Работая безъ устали, Казнаковъ увлекалъ и другихъ своимъ примѣромъ.

Я помню, что одно время я былъ предсѣдателемъ пяти разныхъ комиссій, на обязанности которыхъ лежала разработка разныхъ вопросовъ по гражданской части, требовавшихъ спеціальныхъ познаній и опытности. Несмотря на всю трудность такой задачи, работалось легко. Мы всѣ знали, что встрѣтимъ сочувствіе, вниманіе и справедливую оцѣнку нашихъ трудовъ со стороны главнаго начальника края.....

Предпринимая улучшеніе разныхъ отраслей по управленію краемъ, Казнаковъ всегда предварительно старался всесторонним образомъ ознакомиться съ дѣломъ и тщательно изучить его. Углубляясь въ каждое дѣло, онъ находилъ въ немъ новые пути и горизонты. Все это заставляло и чиновничій міръ глубже вникать въ дѣло, а не скользить по его поверхности, какъ это дѣлалось прежде.....

Обязанностью мудраго правительства, говоритъ профессоръ Янсонъ, должно считать познаніе управляемыхъ. Истина эта была вполнѣ усвоена Казнаковымъ и Мещериновымъ. Первый требовалъ отъ исправниковъ составленія полныхъ статистическихъ свѣдѣній объ ихъ уѣздахъ по всѣмъ отдѣламъ администраціи и хозяйства. Сколько я помню, онъ неоднократно высказывалъ мысль о составленіи сборниковъ, въ которые вносились бы всѣ данныя о числѣ и движеніи народонаселенія въ уѣздахъ, ходѣ торговли и промышленности, урожаевъ хлѣба и травъ и проч. По почину Г. В. Мещеринова, были издаваемы ежегодно памятныя книжки Западной Сибири, въ которыя входили статистическія и этнографическія свѣдѣнія о Сибири. Онѣ служили полезными настольными книгами въ канцеляріяхъ для разнаго рода справокъ.

Изъ всѣхъ Ген.-Губ. Зап. Сибири Казнаковъ болѣе другихъ понималъ, что правительственное воздѣйствіе на эту страну только

тогда можетъ быть плодотворнымъ, когда она будетъ хорошо изслѣдована и изучена и когда представители правительственной власти будутъ имѣть подъ рукой всѣ необходимые матеріалы для полнаго ознакомленія съ Сибирью и ея обитателями.

Казнаковъ умѣлъ окружить себя способными и во всѣхъ отношеніяхъ порядочными людьми. Во главѣ Омской полиціи онъ поставилъ также людей способныхъ, хорошо знающихъ свое дѣло и вполнѣ добросовѣстныхъ.....

Г. В. Мещериновъ подъ покровомъ наружной суровости обладалъ душевной добротой, невольно привлекавшей къ нему всѣхъ людей, которые его хорошо понимали. Мещериновъ управлялъ краемъ короткое время, но и въ это короткое время онъ не мало потрудился для пользы края и энергично продолжалъ дѣло, начатое Казнаковымъ.

Приложенія къ воспоминаніямъ.

Письмо И. Ѳ. Бабкова къ А. А. Скалону.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь

Антонъ Антоновичъ!

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ С.-Петербурга въ Тобольскъ, Ваше Превосходительство изволили приказать мнѣ писать отъ времени до времени Вашему Превосходительству о ходѣ моихъ занятій по управленію Дивизіоннымъ Штабомъ. Находясь уже второй годъ на службѣ въ Сибири, я совершенно ознакомился какъ съ сущностью моихъ обязанностей, такъ и вообще съ порядкомъ внутренняго управленія дивизіей. Собственно же съ войсками и частными начальниками, кромѣ Линейнаго батальона, квартирующаго въ Тобольскѣ, я еще не могъ ознакомиться, потому что никуда отсюда не выѣзжалъ. Но теперь по представленію г. Начальника Дивизіи, г. Корпусный командиръ разрѣшилъ мнѣ повѣрить зимнія занятія войскъ, расположенныхъ въ Томской губ. и Семипалатинской области. Такимъ образомъ, въ теченіе предстоящей поѣздки, я буду имѣть возможность ознакомиться со всѣми войсками, расположенными на лѣвомъ флангѣ Сибирской линіи. Занятія въ Дивизіонномъ штабѣ довольно сложны. Это происходитъ отъ значительно растянутаго квартированія дивизіи, расположенной въ губерніяхъ: Тобольской, Томской, Киргизской степи и Семипалатинской области, при чемъ нѣкоторые батальонные штабы удалены отъ девизіоннаго отъ 1400—2293 верстъ (Копалъ и укр. Вѣрное). Во-вторыхъ потому, что Начальникъ Дивизіи есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Окружной генералъ Внутренней Стражи въ Западной Сибири. Положеніе Дивизіоннаго Штаба въ углу района, занимаемаго квартирнымъ расположеніемъ дивизіи, вредитъ удобству управленія войсками: всѣ срочныя депеши постоянно опаздываютъ въ Дивизіонный Штабъ, особенно въ распутицу. Черезъ

это періодическая отчетность представляется въ Корпусной Штабъ или департаменты также позже срока. Единственная выгода настоящаго расположенія Дивизіоннаго Штаба состоитъ въ томъ, что онъ находится ближе къ Петербургу; а потому всѣ распоряженія, получаемыя оттуда могутъ быть скорѣе сообщаемы войскамъ. Расположеніе Дивизіоннаго Штаба въ болѣе центральномъ пунктѣ напр., въ Омскѣ или Семипалатинскѣ было-бы болѣе удобно. Обязанность Внутренней Стражи лежитъ на баталіонахъ № 1 и 11, которымъ подчинены 15 инвалидныхъ и 39 этапныхъ командъ.

Такимъ образомъ, вся переписка по части Внутренней стражи, какъ-то: безсрочные отпуски, переосвидѣтельствованіе неспособныхъ и проч. сосредоточивается въ Дивизіонномъ Штабѣ. Но такъ какъ Начальникъ Дивизіи не подчиненъ Командиру Отдѣльнаго Корпуса [1]) Внутренней стражи, то отъ этого происходитъ отсутствіе единства въ распоряженіяхъ. Случается, что Инспекторскій Департаментъ, сообщая къ исполненію какое-либо распоряженіе по части Внутренней стражи Командиру Корпуса Внутренней стражи, не увѣдомляетъ объ этомъ и Начальника Дивизіи. Съ своей стороны командиръ означеннаго корпуса, по предварительному сношенію съ Г. Военнымъ Министромъ, также дѣлаетъ распоряженіе по своему корпусу, касающееся напр., безсрочныхъ отпусковъ, но такъ какъ объ этомъ распоряженіи ничего не знаетъ Г. Начальникъ Дивизіи, то отъ этого происходятъ частыя недоразумѣнія.

При приведеніи 24 Дивизіи въ подвижной составъ, предполагается сформировать гарнизонные батальоны въ Тобольскѣ и Томскѣ [2]). Если эти гарнизонные батальоны со всѣми инвалидными и этапными командами подчинить Командиру Отдѣльнаго Корпуса [3]) Внутренней стражи, какъ это сдѣлано недавно съ двумя Кронштадтскими Линейными батальонами, то это было бы полезно въ томъ отношеніи, что устранило бы недостатокъ единства въ распоряженіяхъ. Для этого необходимо основать мѣсто Начальника Внутренней стражи въ Западной Сибири.

Если черезъ приведеніе 24 Дивизіи въ подвижной составъ правительство желаетъ поставить ее въ такое положеніе, чтобы

---

[1]) Противъ сего на Запискѣ подполковника Бабкова положена Г. Военнымъ Министромъ слѣдующая резолюція: Прошу Дежурнаго Генерала совмѣстно съ Г. Л. Лауницемъ обдумать устраненіе сего неудобства, согласивъ сіе съ Ген. отъ Инфан. Гасфордомъ.

[2]) Противъ сего рукою Г. Военнаго Министра сдѣлана отмѣтка: «Отмѣнено».

[3]) Противъ сего Г. Военный Министръ изволилъ написать: «Сообразить».

она, въ случаѣ надобности, могла предпринять дальній походъ, то образованіе отдѣльнаго управленія Внутренней стражи въ Западной Сибири крайне необходимо.

Полковникъ Шульцъ, управляя штабомъ самое короткое время, не могъ сдѣлать въ немъ полезныхъ преобразованій. Между тѣмъ нѣкоторыя улучшенія оказались необходимыми. Такимъ образомъ производить огромную переписку при недостаточномъ числѣ писарей было весьма затруднительно. Чтобы устранить эту невыгоду, я рѣшилъ учредить или, лучше сказать, возобновить существовавшую прежде литографію. Съ этой цѣлью былъ выписанъ изъ Кыштымскаго завода, находящагося въ окрестностяхъ Екатеринбурга, литографическій станокъ, за который заплачено съ пересылкой 50 руб. сер. Полковника Руднева я просилъ исходатайствовать у Вашего Превосходительства разрѣшенія о высылкѣ ко мнѣ наставленія для литографированія, которое вскорѣ и было доставлено изъ Военно-топографическаго депо [1]). Такимъ образомъ, представилась возможность устроить литографію на прочныхъ основаніяхъ. Польза ея не замедлила обнаружиться: огромное количество циркуляровъ и предписаній, которые должно было разсылать не только въ Линейные батальоны, но даже въ инвалидныя и этапныя команды, по случаю прослѣдованія въ 1857 г. 1362 солдатъ въ Восточную Сибирь, нисколько не замедлило хода обычныхъ занятій въ Штабѣ. Теперь литографія находится, можно сказать, въ цвѣтущемъ состояніи. Рѣзьба на камнѣ производится однимъ изъ нижнихъ чиновъ, служившемъ прежде въ Корпусѣ топографовъ. Начальникъ Дивизіи былъ весьма доволенъ учрежденіемъ литографіи и дозволилъ въ свободное время исполнять также и частные заказы. Вслѣдствіе этого образовалась въ Дивизіонномъ Штабѣ въ одинъ годъ сумма до 300 руб. сер. Эта сумма доставитъ мнѣ возможность улучшить бытъ писарей. При томъ можно будетъ отъ времени до времени выдавать денежныя награды и тѣмъ заставить ихъ усерднѣе заниматься службою.

Въ устройствѣ архива Дивизіоннаго Штаба сдѣланы мною также необходимыя преобразованія. Поводомъ къ этому было то обстоятельство, что какъ я ни требовалъ какой-либо справки въ дѣлахъ за прежніе годы, почти никогда не могъ получить ее. Дѣла были вообще перемѣшаны и перепутаны до крайности; къ

---

[1]) При семъ Г. Военный Министръ изволилъ написать: «Хорошо и оказать ему полное содѣйствіе».

тому же оказалось, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были вырваны цѣлые листы. Съ разрѣшенія Г. Начальника Дивизіи, я поручилъ одному молодому офицеру, прикомандированному для занятій къ Штабу, привести въ порядокъ архивъ, что имъ уже исполнено. Дѣла здѣсь хранятся съ 1827 г. До тѣхъ же поръ они находились въ Омскѣ при Корпусномъ Штабѣ. Сводъ Военныхъ постановленій и Гражданскіе законы прежняго изданія содержатся въ Штабѣ въ порядкѣ. Приказы Высочайшіе и Г. Военнаго Министра за нѣкоторые прежніе годы затеряны, какъ это оказалось при разборкѣ архива. Съ недавняго времени начали присылать изъ Инспекторскаго Департамента приказы прямо Г. Начальнику Дивизіи. Это чрезвычайно полезно въ томъ отношеніи, что, зная заранѣе нѣкоторые приказы и распоряженія, можно предупредить о нихъ во время частныхъ начальниковъ и въ то же время самому избѣгнуть нѣкоторыхъ вопросовъ, которые разъяснены въ приказахъ.

Адъютанты Дивизіоннаго Штаба работаютъ весьма усердно. Но рутина и частью недостатокъ надлежащаго направленія нѣсколько вредятъ имъ. Высочайше утвержденное положеніе о начальникахъ Дивизіонныхъ Штабовъ положительно опредѣлило наши права и обязанности. Оно даетъ возможность въ случаѣ нужды дѣйствовать болѣе рѣшительно и самостоятельно и чрезъ то принести надлежащую пользу службѣ и вполнѣ отблагодарить правительство за то образованіе, которое дается каждому изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба.

Судная часть въ Дивизіи находится въ вѣдѣніи Дивизіоннаго Оберъ-Аудитора.

Мнѣ показалось весьма страннымъ, что бумаги по судной части скрѣплялись Аудиторомъ, а не мною; чрезъ что я былъ какъ бы устраненъ отъ наблюденія за ходомъ военно-судной части въ Дивизіи. По этому предмету я уже собирался сдѣлать представленіе Начальнику Корпуснаго Штаба, но полученное положеніе о Начальникѣ Дивизіоннаго Штаба разъяснило это дѣло. Сумма, отпускаемая на канцелярскіе припасы, вполнѣ достаточна. Изъ этой же суммы выписывается газета „Русскій Инвалидъ“ и журналы: „Военный Сборникъ“ и „Русскій Вѣстникъ“.

Переходя къ другимъ предметамъ, прежде всего считаю нужнымъ упомянуть о значительномъ числѣ бѣжавшихъ въ Дивизіи. Такимъ образомъ, по собраннымъ мною справкамъ оказалось, что въ теченіе 10 лѣтъ съ 1847—1857 г. всѣхъ бѣжавшихъ нижнихъ чиновъ въ 12 Сибирскихъ Линейныхъ батальонахъ было 1932, а именно:

Въ 1848	274
» 1849.	371
» 1850.	251
» 1851.	133
» 1852.	159
» 1853.	151
» 1854.	171
» 1855.	170
» 1856.	108
» 1857.	144
Итого . . .	1932

Такое значительное число бѣжавшихъ происходитъ отъ назначенія въ Сибирскіе Линейные батальоны порочныхъ людей со всей Россіи. Но кромѣ того дивизія была два раза укомплектована людьми изъ гарнизонныхъ батальоновъ и всякій разъ наиболѣе принималось штрафованныхъ. Въ послѣдній разъ изъ 1362 человѣкъ, поступившихъ изъ гарнизонныхъ батальоновъ на укомплектованіе дивизіи, оказалось болѣе 400 штрафованныхъ.

Дальнѣйшее назначеніе штрафованныхъ изъ гарнизонныхъ батальоновъ въ Сибирскіе Линейные [1]) батальоны по всей вѣроятности прекратится. Но если оно будетъ продолжаться, то отъ этого могутъ произойти самыя вредныя послѣдствія. Солдаты здѣсь, конвоируя арестантскія партіи и будучи наряжаемы въ конвой за арестантами, работающими въ городахъ, безпрестанно сталкиваются съ порочными людьми. Слѣдовательно, если они сами имѣютъ шаткую нравственность, то легко могутъ совратиться съ настоящаго пути. Пересыльные арестанты, содержащіяся въ тюремномъ замкѣ, распространяютъ между солдатами разные ложные слухи. Недавно мы узнали, что одинъ арестантъ, желая выманить у караульныхъ солдатъ деньги, написалъ на листѣ бумаги, что по случаю построенія Исаакіевскаго собора вышелъ манифестъ, по которому каждый солдатъ будетъ получать на табакъ деньги, на золоченіе медали и ремонтъ по 50 коп., срокъ службы будетъ продолжаться только 10 лѣтъ и проч. Какъ только мы съ Начальникомъ Дивизіи узнали про это, то тотчасъ же я приготовилъ бумагу къ губернатору для принятія дѣятельныхъ мѣръ противъ распространенія подобныхъ невѣжественныхъ демонстрацій.

[1]) Противъ сего Г. Военный Министръ изволилъ положить слѣдующую резолюцію: конечно, штрафованныхъ предпочтительно отправлять за Байкалъ на оконечность Имперіи, а не въ центръ ея азіатскихъ владѣній.

Для исправленія порочныхъ людей существуютъ Исправительное отдѣленіе при баталіонѣ № 1 и Исправительная рота при баталіонѣ № 4. Ознакомившись съ этими учрежденіями, я замѣтилъ, что онѣ не вполнѣ достигаютъ своей цѣли и имѣютъ большую разницу съ французскими штрафованными ротами. Малая польза ихъ [1]) происходитъ оттого, что порочные люди, соединяясь вмѣстѣ взаимными разсказами о своихъ прежнихъ подвигахъ, разжигаютъ другъ другу воображеніе, а наиболѣе порочные изъ нихъ даютъ другимъ наставленія для совершенія новыхъ преступленій и разсказываютъ также, какъ можно увертываться и изворачиваться при отвѣтахъ въ Военно-Судныхъ комиссіяхъ. По этому предмету я написалъ докладную записку, которую на дняхъ представлю Г. Начальнику Дивизіи.

Для поддержанія нравственности употребляются различныя мѣры и, между прочимъ, распространеніе грамотности, развивающей охоту ко всякому почтенному труду. Въ этомъ отношеніи въ Сибирскихъ линейныхъ батальонахъ издавна положены хорошія начала. Еще въ 1828 г. бывшій командиръ Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса Генералъ-отъ-Инфантеріи Вельяминовъ, убѣждаясь въ необходимости грамотныхъ унтеръ-офицеровъ, приказалъ учредить въ каждомъ батальонѣ ланкастерскія школы. Всякая школа раздѣлялась на нѣсколько классовъ, изъ коихъ въ каждомъ обучали чтенію и письму по методу Ланкастера. Но такъ какъ методъ Ланкастера имѣетъ важные недостатки, то введенъ методъ Зинитова.

Ознакомившись съ этимъ методомъ, совершенно случайно я выписалъ его изъ С.-Петербурга отъ книгопродавца Вольфа еще въ Декабрѣ 1857 г., затѣмъ былъ написанъ мною докладъ Г. Начальнику Дивизіи, въ которомъ я изложилъ сущность этого метода и всю пользу, могущую произойти отъ введенія его въ войскахъ. Но для этого необходимо было измѣнить и существующій порядокъ распредѣленія занятій въ школахъ.

Съ этой цѣлью было составлено положеніе о батальонныхъ школахъ, которое утверждено Начальникомъ Дивизіи 15 Апрѣля этого года. Впослѣдствіи мы узнали, что этотъ методъ вводится также и въ гвардіи. Такимъ образомъ, устройству школъ положено прочное основаніе [2]) и можно надѣяться, что онѣ будутъ полезными училищами не только для нѣкоторыхъ, но и для всей массы солдатъ. Переходя теперь къ другому важному предмету,

[1]) Противъ сего рукою Г. Военнаго Министра написано: «Сообразить все это»
[2]) Противъ сего рукою Г. Военнаго Министра написано: «Хорошо».

а именно къ образованію офицеровъ я долженъ сказать съ полною откровенностью Вашему Превосходительству, что мнѣ рѣдко случалось видѣть подобныхъ невѣжественныхъ офицеровъ, какіе служатъ здѣсь. Участь солдатъ, порученныхъ подобнымъ людямъ, можетъ сдѣлаться весьма плачевною. Большая часть изъ нихъ вовсе не понимаетъ своего положенія, а нѣкоторые даже входятъ въ интимныя сношенія съ нижними чинами.

Перечитывая военно-судныя дѣла, удивляешься наивному невѣжеству этихъ господъ, какъ бы желающихъ доказать ту истину, что сколько зла можетъ сдѣлать человѣкъ необразованный, въ рукахъ котораго находится власть. Произведенные въ офицеры изъ нижнихъ чиновъ, близко знакомые съ солдатскимъ бытомъ, легче могли-бы изыскать средства къ улучшенію его, но на дѣлѣ [1]) выходитъ противное: они оказываются первыми притѣснителями и солдатокрадами.

Въ послѣднее время приняты болѣе рѣшительныя мѣры противъ подобныхъ офицеровъ и большей части изъ нихъ приказано подать въ отставку. Такимъ образомъ въ текущемъ году уже уволено 10 офицеровъ. Въ отставку вышло 12. Но не одни офицеры, выпущенные изъ нижнихъ чиновъ, а также и молодые офицеры, выпущенные изъ Омскаго корпуса, скучая гарнизонной жизнью проводятъ время въ совершенной праздности. Отъ этого у нихъ ослабляется потребность къ умственной дѣятельности и свободное отъ службы время проходитъ въ самыхъ пустыхъ развлеченіяхъ. Такимъ образомъ, мало по малу и они дѣлаются равнодушными къ умственнымъ занятіямъ. Притомъ ни въ одномъ изъ батальоновъ не было офицерскихъ библіотекъ. А потому я представилъ Г. Начальнику Дивизіи докладъ о необходимости учрежденія библіотекъ. Докладъ этотъ былъ представленъ Г. Корпусному командиру, и Генералъ Гасфордъ разрѣшилъ учредить эти библіотеки первоначально въ 8-ми батальонахъ, расположенныхъ въ Тобольскѣ, Петропавловскѣ, Омскѣ, Томскѣ, Семипалатинскѣ и Копалѣ.

Затѣмъ былъ составленъ мною списокъ книгамъ, которыя должны быть выписаны: сюда вошли большая часть лучшихъ сочиненій преимущественно по части военныхъ наукъ, Исторіи, статистикѣ путешествія и лучшіе наши журналы. Пріобрѣтеніе романовъ строго воспрещено.

[1]) Противъ сего Г. Военный Министръ изволилъ написать: «Совершенно истинно».

При такой организаціи и при сознаніи Г.Г. Офицерами пользы знаній, библіотеки пріобрѣтутъ значеніе раціональныхъ средствъ въ дѣлѣ умственнаго развитія, доставляя возможность слѣдить за всѣми вопростми, вызванными духомъ времени, библіотеки послужатъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ распространенію свѣтлыхъ понятій въ военномъ дѣлѣ.

Доставивъ, такимъ образомъ, Г.Г. офицерамъ средства къ пріобрѣтенію военныхъ познаній, необходимо было также обратить вниманіе на образованіе юнкеровъ. Лучшимъ средствомъ для этого было бы учрежденіе для нихъ школы при Дивизіонномъ Штабѣ. Съ этой цѣлью была составлена мною по указаніямъ Г. Начальника Дивизіи подробная докладная записка, при которой было приложено и положеніе о Дивизіонной школѣ. Г. Корпусный командиръ, которому все это было представлено, не разрѣшилъ учредить Дивизіонную школу потому, что сборъ юнкеровъ въ Тобольскѣ, по причинѣ расположенія Дивизіи на огромномъ пространствѣ, сопряженъ съ большими затрудненіями. Притомъ средства для содержанія школы, указанныя въ докладной запискѣ, найдены недостаточными.

Такимъ образомъ, это предположеніе осталось только проектомъ.

Изложивъ Вашему Превосходительству краткій обзоръ моихъ занятій, имѣю честь доложить, что завтрашняго числа я выѣзжаю изъ Тобольска для повѣрки зимнихъ занятій войскъ, расположенныхъ въ Томской губерніи и Семипалатинской области и если Вашему Превосходительству угодно будетъ приказать, то по возвращеніи моемъ въ Тобольскъ, я представлю Вашему Превосходительству обзоръ предстоящаго путешествія и состоянія, въ которомъ найдены мною войска.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью, имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Иванъ Бабковъ.

13 Декабря 1858 года.
Г. Тобольскъ.

Записка Дѣйствительнаго члена Географическаго Общества П. П. Семенова.

Имѣвъ случай ознакомиться въ подробности съ мѣстными обстоятельствами лѣваго фланга Киргизской степи, я рѣшаюсь сообщить нѣсколько мыслей и замѣтокъ о нынѣшнихъ отношеніяхъ и положеніи этого края. Не приписывая этимъ замѣткамъ особенной важности, я полагаю, что для заботливаго высшаго начальства Западной Сибири онѣ не будутъ лишены интереса, потому что происходятъ отъ совершенно посторонняго и безпристрастнаго наблюдателя, руководимаго только желаніемъ добра и пользы и не могущаго лучше выразить свою признательность за покровительство и содѣйствіе, оказанное ему начальствомъ Западной Сибири, какъ не откровеннымъ изложеніемъ того, какимъ образомъ приводятся въ исполненіе идеи высшаго начальства развивается край и какія новыя рождаются въ немъ потребности. Г. Х. Гасфордъ, уже съ начала своего управленія Западной Сибирью, вполнѣ созналъ все значеніе лѣваго фланга степи. Онъ разгадалъ, что *путь нашего вліянія на внутреннюю Азію* можетъ именно лежать только здѣсь, гдѣ правильное наше движеніе впередъ не встрѣчаетъ труднопреодолимыхъ преградъ въ голодныхъ степяхъ или безплодныхъ пустыняхъ (какъ то случилось на правомъ флангѣ и въ Оренбургскомъ краѣ) и гдѣ вѣрное и осѣдлое движеніе наше впередъ можетъ итти безпрепятственно шагъ за шагомъ, опираясь на непрерывный рядъ цвѣтущихъ колоній вдоль горной окраины нагорной Азіи. Сознаніе это ясно выразилось въ двухъ важныхъ для исторіи развитія края дѣйствіяхъ, которыми Г. Х. Гасфордъ уже занялъ почетное мѣсто въ исторіи Сибири, именно: 1) въ смѣломъ и удачно выполненномъ занятіи Заилійскаго края и 2) въ связаніи всего лѣваго фланга непрерываемымъ рядомъ поселеній, какъ напр. Урджарскаго, Лепсинскаго, Коксуйскаго и другихъ предполагаемыхъ.

Прекрасная, свѣтлая идея Г. Х. Гасфорда навсегда послужитъ фундаментомъ развитія края и мнѣ остается только показать, какое она должна имѣть дальнѣйшее примѣненіе къ мѣстнымъ обстоятельствамъ края и какъ она примѣняется въ настоящее время.

Только *три* главныя заботы, какъ мнѣ кажется, должны постоянно лежать на администраторахъ или, лучше сказать, созидателяхъ лѣваго фланга степи; 1) *успѣхъ русской колонизаціи*, 2) *развитіе нашихъ торговыхъ пограничныхъ сношеній и* 3) *упро-*

ченіе возможно лучшихъ отношеній между русскими и туземцами, т. е. киргизами.

Постараюсь показать что было и что можетъ быть сдѣлано во всѣхъ трехъ отношеніяхъ.

Для развитія нашихъ торговыхъ сношеній было уже сдѣлано много: основаны факторіи въ Чугучакѣ и Кульджѣ, а начальство Западной Сибири постоянно содѣйствовало этой торговлѣ своимъ покровительствомъ и улучшеніемъ путей сообщенія. Случайныя обстоятельства на время прервали быстрое развитіе этой торговли, но, вѣроятно, дипломатическія сношенія съ Китаемъ, устранивъ встрѣтившіяся недоразумѣнія, возобновятъ наши факторіи и сношенія. Но современнымъ и важнымъ вопросомъ, достойнымъ особенной заботливости высшаго начальства Западной Сибири, было-бы *устройство прямыхъ сношеній съ Кашгаріей или Малой Бухаріей.* И торговыя и политическія соображенія вызываютъ насъ на это. Кашгарцы—лучшіе потребители нашихъ произведеній на Кульджинскомъ рынкѣ; Кашгарія имѣетъ и то преимущество передъ Илійскою провинціей, что торгъ ея можетъ быть не исключительно транзитный, а что она имѣетъ важныя собственныя произведенія (напр. хлопчатую бумагу, рисъ, шелкъ и красильныя вещества), и что производство этихъ произведеній можетъ быть еще поднято доставленіемъ имъ сбыта въ Россію. Да и политическое положеніе нынѣ смежной съ нами Кашгаріи не можетъ не заботить начальство Западной Сибири. Сегодня, завтра страна эта можетъ возстановить свою независимость и тогда легко подчинится вліянію могущественнаго сосѣда, и неужели этимъ сосѣдомъ будутъ англичане изъ Индіи? Первые шаги къ сближенію съ Кашгаріей сдѣланы: это подданство богинцевъ, съемка и посѣщеніе русскими отрядами Иссыкъ-Куля, изслѣдованіе горныхъ проходовъ въ Тянь-Шанѣ и Заилійскомъ Алатау. Остается только: 1) *развѣдать мѣстныя и торговыя отношенія самой Кашгаріи* и 2) *занять, хотя небольшимъ поселеніемъ, подходъ съ Иссыкъ-Куля къ Заукинскому проходу въ Малую Бухарію*, мѣра, которая вызывается еще и положеніемъ богинцевъ и къ которой я возвращусь далѣе.

Для успѣха нашей колонизаціи на лѣвомъ флангѣ степи, во время управленія Г. Х. Гасфорда, было сдѣлано очень много. Основано прекрасное Вѣрное, которое будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ его управленія Западной Сибирью; Урджарское, Верхъ-Лепсинское поселенія, основываются Коксуйское, Талгарское, Иссыкское и другія. Всѣ мѣста для поселеній выбраны необыкновенно удачно, обстройка и хозяйство ихъ идетъ очень удовлетворительно, большею частью, выше всякой критики, земли

отведены переселенцамъ превосходныя, урожаи необыкновенно хороши, земледѣліе, къ чести казаковъ и ихъ начальства, развилось удовлетворительно.

Но дальнѣйшее его развитіе и, слѣдовательно, вся будущность прекрасной осѣдлой и земледѣльческой колонизаціи на лѣвомъ флангѣ степи зависитъ единственно *отъ доставленія развивающемуся земледѣлію вѣрнаго сбыта его произведеній.* Безъ этого земледѣльчаская будущность этихъ колоній заглохнетъ въ самомъ началѣ. Излишне говорить, что единственнымъ сбытомъ производимаго поселенцами хлѣба въ настоящее время можетъ быть только *непосредственная поставка казеннаго провіанта.* Цифра требуемаго провіанта въ настоящее время еще значительно превосходитъ цифру производимаго поселеніями хлѣба, но, стоитъ только поощрить земледѣліе сбытомъ его произведеній, и обѣ цифры быстро сравняются. Извѣстно, что при всѣхъ возможныхъ способахъ заготовленій провіанта и во всѣхъ странахъ казна платитъ выше его стоимости. Неужели невыгоднѣе для правительства, чтобы этотъ излишекъ былъ-бы брошенъ на успѣхъ государственнаго дѣла, т. е. развивающейся колонизаціи, чѣмъ на обогащеніе частныхъ лицъ, т. е. поставщиковъ. Да и по правиламъ здравой экономіи, выгодно ли имѣть казнѣ между собою и производителями (вызванными *обязательно* на производство самимъ правительствомъ и, слѣдовательно, вполнѣ заслуживающими его покровительство) посредниковъ, которые покупаютъ произведенія у *тѣхъ же* производителей, доводя до нихъ только $^1/_8$ своей подрядной цѣны. И къ какому ропоту и жалобамъ подвергаетъ это переселенцевъ!

Другой вопросъ, находящійся въ тѣсной связи съ успѣхомъ русской колонизаціи: *не стѣсняютъ-ли русскія поселенія киргизовъ и нѣтъ-ли мѣръ къ отвращенію этого стѣсненія,*—заслуживаетъ особеннаго вниманія. Большая орда подчинилась Россіи, отыскивая ея защиту отъ нападеній своихъ сосѣдей. Въ глазахъ киргизовъ было довольно естественно, что русскіе поселились посреди ихъ для осуществленія этой защиты и заняли часть ихъ земель. Но страна ихъ далеко не безпредѣльна и при условіяхъ кочевого быта была уже достаточно наполнена населеніемъ. Поселеніемъ Копала и оттѣсненіемъ Джалаировъ за Караталъ, мы отняли у Джалаировъ едва-ли не всѣ ихъ лучшія земли и набросили ихъ на земли Атбаковъ. У дулатовъ мы заняли обширныя пространства поселеніями Алматинскимъ, Талгарскимъ и Иссыкскимъ, только отчасти очистившіеся уходомъ нѣсколькихъ возмутившихся родовъ за р. Чу. Киргизы Большой орды потеряли множество

пахотныхъ мѣстъ и часто и естественно спрашиваютъ: *куда имъ дѣваться?* Русскія поселенія, кромѣ того, заставляютъ киргизовъ терять еще болѣе земли, чѣмъ они занимаютъ, вслѣдствіе еще неустроившихся и безпорядочныхъ отношеній между киргизами и казаками, къ которымъ первые очень справедливо опасаются даже приблизиться. Чѣмъ могли бы вознаградить русскіе киргизовъ за потери ихъ? Только широкою полосою земель, оставшихся нейтральными между землями Большой и Дикокаменной орды, вслѣдствіе ихъ хищническихъ и враждебныхъ отношеній. И киргизы, промѣнявшіе свои земли на русскіе покровительство, не вправѣ-ли были ожидать взамѣнъ того дѣйствительной защиты ихъ границы. Но осуществилось-ли это? На западъ отъ Вѣрнаго, дулаты едва осмѣливаются кочевать до Кескелена, и прекрасныя земли отъ Кескелена до Кара-Кестека и долина Кебека совершенно пропадаютъ для нихъ, вслѣдствіе опасеній отъ баранты Дикокаменныхъ. На юго-востокъ отъ Вѣрнаго, Дикокаменные богинцы, принявшіе наше подданство въ единственной надеждѣ на огражденіе ихъ отъ истребленій сосѣдними Сарабаштами, въ прошломъ году потеряли всѣ свои земли средины Иссыкъ-куля до Санташа на 100 верстъ протяженія и, не находя себѣ мѣста, заняли часть земель, и безъ того уже стѣсненныхъ Атбаковъ. Нынѣшнею весною, цѣлый родъ ихъ Кыдыкъ былъ истребленъ Сарабаштами, и мы спокойно смотрѣли на уничтоженіе трехъ тысячъ русскихъ подданныхъ, на занятіе очень важныхъ для Россіи земель и подрывъ нашего кредита и сочувствія къ намъ въ недавно подчинившихся Россіи Дикокаменныхъ племенахъ, между тѣмъ какъ сотня казаковъ на р. Зауку была-бы вполнѣ достаточна для защиты богинцевъ и владычества надъ однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ горныхъ проходовъ Центральной Азіи. Основаніе новыхъ поселеній въ Заилійскомъ краѣ вынуждаетъ насъ вознаградить киргизовъ Большой орды чѣмъ-нибудь и дать имъ болѣе простора и, мнѣ кажется, что только слѣдующія мѣры приведутъ насъ къ этой цѣли: 1) основаніе постояннаго, хотя небольшого, поселенія на р. Зауку или гдѣ-нибудь близъ подошвы Заукинскаго прохода, которое упрочитъ за богинцами безопасное владѣніе ихъ собственными землями, дастъ имъ и Атбакамъ болѣе простора, кромѣ того упрочитъ за нами и владѣніе Заукинскимъ проходомъ и возможность открыть, когда угодно, сношенія съ Кашгаріею.

Временный пикетъ не достигнетъ своей цѣли, потому что, по снятіи его, положеніе богинцевъ будетъ еще хуже прежняго.

Заукинское поселеніе можно связать съ Вѣрнымъ еще небольшимъ промежуточнымъ въ верховьяхъ р. Тюба, 2) учрежденіемъ временныхъ пикетовъ на западѣ отъ Вѣрнаго при проходахъ Кескеленскомъ и Суокъ-Тюбинскомъ для охраненія отъ баранты передовыхъ кочевокъ дулатовъ или, еще лучше, уничтоженіемъ Пишпека и рѣшительнымъ принятіемъ въ подданство сарабаштовъ, 3) обезпеченіемъ киргизовъ отъ самоуправствъ поставляемыхъ для ихъ защиты постовъ и поселеній.

Третья и послѣдняя забота, которая должна лежать на администраціи лѣваго фланга степи есть *упроченіе возможно лучшихъ и справедливыхъ отношеній между казаками и киргизами.* Должно сознаться, что для этой цѣли до сихъ поръ было еще сдѣлано не много и это очень естественно, потому что трудно контролировать и направлять издалека подобныя отношенія, которыя болѣе всего находятся въ рукахъ самыхъ мелкихъ мѣстныхъ начальниковъ, начиная отъ мѣстныхъ урядниковъ и дистанціонныхъ офицеровъ. Истребить разомъ всѣ частныя и мелкія злоупотребленія въ этомъ родѣ, конечно, не можетъ никакое благонамѣренное высшее начальство, но оно можетъ легко рѣшить вопросъ, нѣтъ-ли корней зла болѣе общихъ и нѣтъ-ли средствъ къ ихъ устраненію.

Что неуваженіе казаковъ къ правамъ и собственности киргизовъ достигаетъ до высокой степени, что мелкое ихъ грабительство и насилія прикрываются мѣстными казачьими начальствами—это слишкомъ извѣстно. Пикетные казаки обыкновенно отправляются на охоту за киргизкимъ скотомъ; при этомъ иногда происходятъ стычки и случается, что безоружный киргизъ остается падшею жертвою обороны своихъ правъ, и, въ такомъ случаѣ, мѣстное казачье начальство покрываетъ преступленіе и не доводитъ его до свѣдѣнія Генералъ-Губернатора. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ событій, естественно, что можетъ случиться и наоборотъ, т. е. падетъ русскій жертвою и, вмѣсто тщательнаго розыска и примѣрнаго наказанія виновныхъ, не въ интересахъ-ли казачьяго начальства, какъ можно болѣе затемнить и запутать все происшествіе, такъ что виновные остаются безнаказанными, и вѣра въ русское правосудіе и страхъ преслѣдованія русскими законами подорвется между киргизами окончательно. Не распространяясь о послѣдствіяхъ, которыя подобныя событія имѣть могутъ, я постараюсь показать, гдѣ нужно искать корни зла. Что содержаніе казачьяго офицера вполнѣ недостаточно для поддержанія самой умѣренной жизни, во время пребыванія въ отря-

дахъ въ степи, и что земли, даваемыя имъ на линіи, обращаются въ миѳъ, потому что они не могутъ ими пользоваться, — это давно извѣстно. Стало быть, послѣ болѣе или менѣе долгой борьбы со своею совѣстью или нравственными началами, если онѣ внушены ему воспитаніемъ, офицеръ находится вынужденнымъ добывать себѣ то, что ему недоплачиваетъ правительство изъ постороннихъ источниковъ, т. е. у киргизовъ. Въ такомъ самоуправномъ способѣ снисканія себѣ необходимаго, конечно, очень мало здравой экономіи. При обращеніи киргизскихъ натуральныхъ предметовъ въ деньги, половина цѣнности остается въ рукахъ покупателей этихъ предметовъ, да и для подобныхъ стяжаній офицеръ долженъ смотрѣть сквозь пальцы на стяжанія исполнителей своей воли, т. е. казаковъ. Итакъ, каждый рубль цѣнности, пріобрѣтаемой офицеромъ, можетъ обойтись ордѣ въ десять. Поселенные казаки находятся съ киргизами несравненно въ лучшихъ отношеніяхъ, чѣмъ отрядные, потому что начальство ихъ обезпечено земледѣліемъ, и они сами нуждаются въ своихъ сосѣдяхъ киргизахъ и стараются сохранить съ ними дружественныя отношенія. Потому всѣ мѣры къ поощренію и распространенію земледѣлія въ русскихъ поселеніяхъ, къ увеличенію въ нихъ благосостоянія и народнаго богатства будетъ дѣйствовать выгодно и на улучшеніе отношеніи между казаками и киргизами. Улучшенія эти будутъ, конечно, происходитъ постепенно, а высшему начальству очень интересно было-бы слѣдить за ними, но, къ сожалѣнію, встрѣчающееся иногда совмѣщеніе власти надъ казаками и киргизами въ одномъ лицѣ лишаетъ киргизовъ своихъ естественныхъ трибуновъ, черезъ которыхъ народный ихъ голосъ могъ-бы доходить до Высшаго начальства и черезъ который начальство это могло бы постоянно слѣдить за нравственнымъ настроеніемъ цѣлаго народа.

Итакъ я полагалъ бы, что въ рукахъ высшаго начальства есть мѣры, которыми оно могло-бы улучшить отношенія между русскими и киргизами и препятствовать враждебному разъединенію двухъ элементовъ степного населенія, напр.: 1) увеличеніе содержанія казачьихъ офицеровъ, 2) доставленіе всѣхъ законныхъ выгодъ и сбыта произведеній переселеннымъ казакамъ и офицерамъ, 3) назначеніе на пикеты казаковъ изъ ближайшихъ поселеній, а не съ линіи, 4) строгое раздѣленіе власти начальниковъ округа и начальниковъ казачьихъ полковъ или отрядовъ, 5) приведеніе въ ясность натуральныхъ повинностей киргизовъ при постройкахъ экономическими средствами и т. д.

Высшее начальство Западной Сибири, конечно, лучше меня знаетъ, какіе улучшенія осуществимы и возможны въ настоящее время для края.

Мое дѣло было только высказать свое мнѣніе о нынѣшнемъ его положеніи и развивающихся его потребностяхъ. Я сочту себя счастливымъ, если Г. Х. Гасфордъ приметъ откровенное изложеніе этого мнѣнія за выраженіе глубокаго моего сочувствія къ прекраснымъ своимъ цѣлямъ и развитію всего созидаемаго имъ и осчастливитъ мои замѣтки вниманіемъ, которое онѣ заслуживаютъ только какъ матеріалъ для высшихъ его соображеній.